skij

aja

ja

Russ. 272 I (2

<36607657600016

<36607657600016

Bayer. Staatsbibliothek

А. Бурмистров
15/IV 905 г.

Н. Н.
Бековъ

12

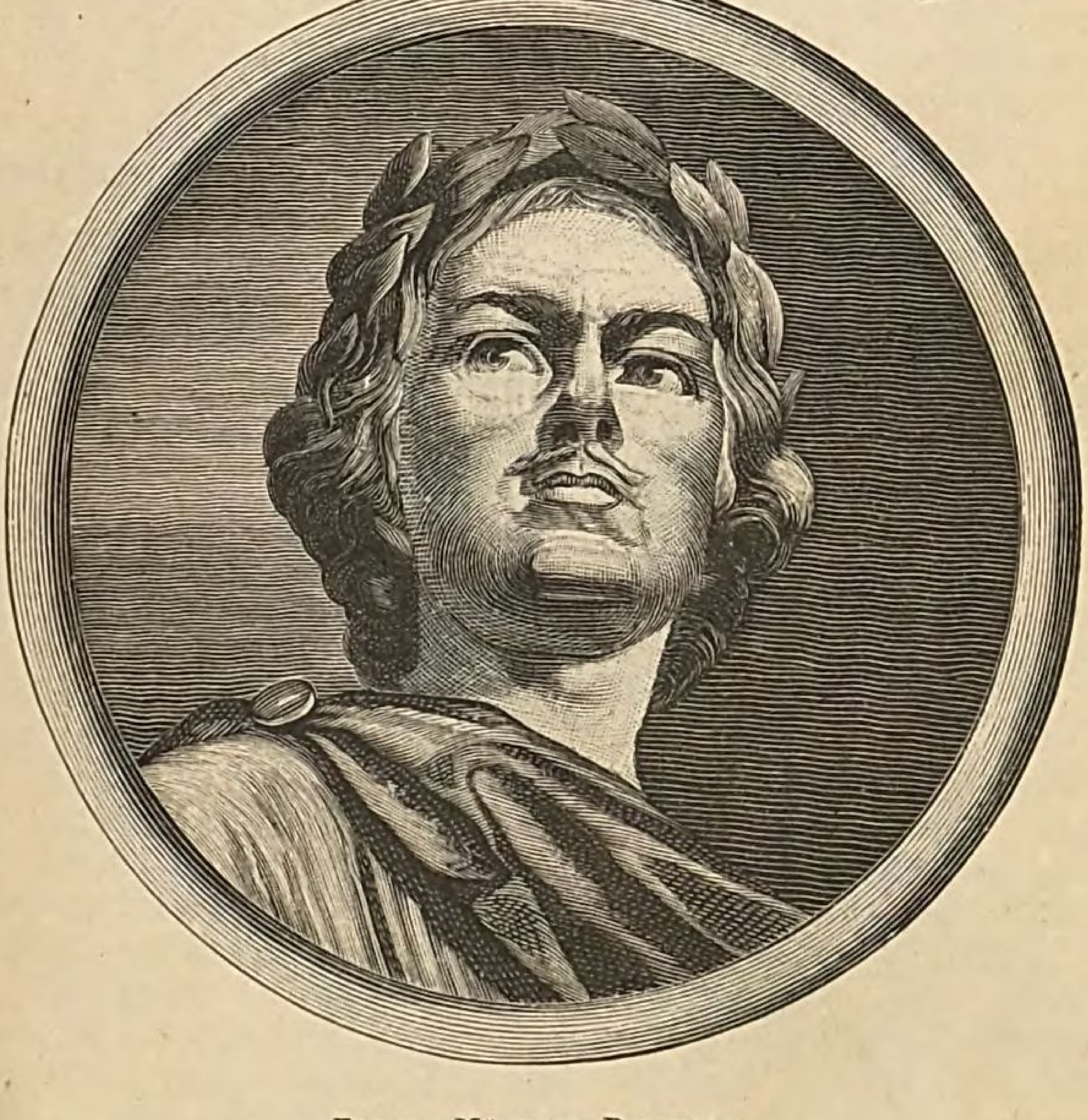
РУССКАЯ ИСТОРІЯ

Russ. 272 ᵛ/2

ПРОФЕССОРА

А. ТРАЧЕВСКАГО.

A[leksandr Semenovič] Tračevskij

Голова Мѣднаго Всадника.

2

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

СЪ УКАЗАТЕЛЯМИ ИМЕНЪ, ГОДОВЪ И ПРЕДМЕТОВЪ, СЪ 96 РИСУНКАМИ, 6 КАРТАМИ, 6 ПЛАНАМИ И 3 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій проспектъ, 14.
1895.

73 Gy A 1701/1074

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

2343

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Дозволено цензурою. Спб. 10 Августа 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-й ЧАСТИ.

Стран.

VI. Преобразованія и Западъ. Около 1650—1800. 1—419

§ 196. Романцы и германцы, 1.—§ 197. Южные и западные славяне, турки и румыны, 5.—§ 198. Царь *Алексѣй* и бояринъ Морозовъ, 8.—§ 199. Патріархъ Никонъ, 13.—§ 200. „Богомудрая двоица“ и „книжное новоправленіе“, 17—§ 201. „Дѣло“ Никона. Расколъ и Аввакумъ, 21.—§ 202. Бунты. Разинъ, 24.—§ 203. Присоединеніе Малороссіи, 30.—§ 204. Войны съ Польшей, Швеціей и Турціей, 35.—§ 205. Кавказъ, Сибирь и Западъ, 37.—§ 206 Кружокъ преобразователей. Кончина Алексѣя, 41.—§ 207. *Ѳедоръ III*. Милославскіе и Нарышкины, 47.—§ 208. *Софья* и стрѣльцы, 51.—§ 209. Правленіе Софьи, 58.—§ 210. Воспитаніе и воцареніе *Петра I*, 60.—§ 211. Нѣмецкая слобода. Потѣхи—„предвѣстники“, 66.—§ 212. Азовскіе походы. Замыселъ Петра и старина, 69.—§ 213. Заграничное путешествіе. Стрѣлецкій бунтъ, 73.—§ 214. Плоды путешествія, 77.—§ 215. Преобразованія. Новыя путешествія, 81.—§ 216. Возстаніе старины, 92.—§ 217. Царевичъ Алексѣй, 96.—§ 218. Войны и дипломатія, 102.—§ 219. Кончина Петра Его личность, 109.—§ 220. Птенцы Петра, 123.—§ 221. Значеніе Петра, 134.—§ 222. *Екатерина I*, 150.—§ 223. *Петръ II*, 155.—§ 224. Воцареніе *Анны Ивановны*, 159.—§ 225. Анна и Биронъ. Искорененіе родословныхъ, 166.—§ 226. Бироновщина и Волынскій, 169.—§ 227. Минихъ Польскій и восточный вопросы, 173.—§ 228. *Иванъ VI*. Регентъ и правительница, 176.—§ 229. *Елизавета* и ея сотрудники, 182.—§ 230. Внутреннія дѣла. Борьба съ Фридрихомъ II, 188.—§ 231. Молодой дворъ, 192.—§ 232. *Петръ III*, 196.—§ 233. Воцареніе Екатерины II. „Пособники“. 198.—§ 234. *Екатерина II* и ея сподвижники, 203.—§ 235. „Наказъ“ и Большая Коммиссія, 210.—§ 236. Центральное и областное управленіе. Внѣшній бытъ, 214.—§ 237. Нѣмецкій, польскій и восточный вопросы, 217.—§ 238. Внутреннія волненія. Пугачевщина, 222.—§ 239. Военные и дипломатическіе успѣхи. Паденіе Польши, 228.—§ 240. Конецъ царствованія. Фаворитство, 234.—§ 241. Реакція и дворянство, 238—§ 242. Молодой дворъ и кончина Екатерины II, 241.—§ 243. *Павелъ I*, 245.—§ 244. Земля и населеніе, 253.—§ 245 Государство, 257.—§ 246. Управленіе, 264.—§ 247. Финансы, 273.—§ 248. Войско, 279.—§ 249. Бояре и дворяне, 282.—§ 250. Крестьяне, 296.—§ 251. Горожане. Иностранцы, 302.—§ 252. Духовенство и церковь, 307.—§ 253. Нравы, 317.—§ 254. Женщина, 332.—§ 255. Понятія, 338.—§ 256. Просвѣщеніе, 351.—

Стран.

§ 257. Переходная письменность, 363. – § 258. Новая письменность, 367.—§ 259. Искусство, 376.—§ 260. Внѣшній бытъ, 387. – § 261. Города. Москва и Петербургъ, 394.—§ 262. Значеніе періода, 413.

VII. Девятнадцатый вѣкъ 420—541

§ 263. Романцы и германцы, 420.—§ 264. Славяне, турки и румыны, 422.—§ 265. *Александръ I.* Тріумвиратъ, 427.—§ 266. Первыя преобразованія и войны, 430.—§ 267. Всеобщая тягость. Сперанскій, 434.—§ 268. Отечественная война и низверженіе Наполеона, 440.—§ 269. Либерализмъ и послѣднія преобразованія, 445.—§ 270. Мистицизмъ и реакція, 448.—§ 271. Внѣшній бытъ. Государство. Сословія, 454.—§ 272. Просвѣщеніе и литература, 459.—§ 273. *Николай I.* Восточный вопросъ. Польское возстаніе. Борьба съ Англіей, 467.—§ 274. Венгерская кампанія. Крымская война, 473.—§ 275. Внутреннія дѣла. Реакція, 478.—§ 276. Внѣшній бытъ. Сословія, 481.—§ 277. Просвѣщеніе и литература, 483.—§ 278. *Александръ II.* Преобразованія, 489.—§ 279. Иностранныя дѣла. Восточный вопросъ, 496.—§ 280. Внутреннія безпокойства. Кончина Александра II, 499.—§ 281. Земля и населеніе. Внѣшній бытъ, 501.—§ 282. Государство, 507.—§ 283. Церковь и расколъ, 511.—§ 284. Сословія, 512.—§ 285. Нравы. Женщина. 518.—§ 286. Понятія. Просвѣщеніе, 524.—§ 287. Литература, 529.—§ 288. Искусство, 536.

Указатель годовъ 543—563

Указатель именъ и предметовъ 565—637

Рисунки и планы.

1. Алексѣй Михайловичъ 8
2. Патріархъ Никонъ 13
3. Стенька Разинъ 27
4. Богданъ Хмельницкій 30
5. Царица Наталья Кириловна 46
6. Θедоръ III Алексѣевичъ 48
7. Царевна Софья Алексѣевна 52
8. Стрѣльцы . 56
9. Иванъ V Алексѣевичъ 57
10. Мушкетеръ-иноземецъ 65
11. Гетманъ Мазепа 70
12. Царевичъ Алексѣй Петровичъ 97
13. Медаль въ честь Петра I. 1716 г. 108
14. Петръ Великій 111
15. Зимній дворецъ Петра Великаго 119
16. Меншиковъ 124
17. Θеофанъ Прокоповичъ 129
18. Мѣдный Всадникъ 147
19. Голова Мѣднаго Всадника 149
20. Екатерина I 152
21. Остерманъ . 156

№№ Стран.

22. Петръ II 157
23. Анна Ивановна 166
24. Биронъ 167
25. Минихъ 174
26. Иванъ VI Антоновичъ 177
27. Анна Леопольдовна 178
28. Елизавета Петровна 183
29. Алексѣй Бестужевъ 185
30. Иванъ Шуваловъ 187
31. Петръ III 193
32. Екатерина II 203
33. Никита Панинъ 209
34. Румянцовъ Задунайскій 221
35. Пугачевъ 226
36. Суворовъ 231
37. Потемкинъ 237
38. Памятникъ Екатерины II 245
39. Павелъ I 247
40. Марія Өедоровна —
41. Новиковъ 350
42. Ломоносовъ 371
43. Коломенскій дворецъ. 1667. Государевы хоромы 379
44. Коломенскій дворецъ. Хоромы царицы и царевича 381
45. Церковь Покрова на Филяхъ. 1694 385
46. Придворная дама конца XVIII-го в. 394
47. Московская улица въ концѣ XVIII-го в. 398
48. Планъ Петербурга въ 1705 г. 400
49. Петербургъ при Петрѣ I 403
50. Планъ Петербурга въ 1737 г. 407
51. Петербургъ при Екатеринѣ II 410
52. Александръ I 427
53. Сперанскій 437
54. Карамзинъ 463
55. Николай I 469
56. Пушкинъ 486
57. Гоголь 488
58. Александръ II 490
59. Даргомыжскій, Сѣровъ, Глинка, А. Рубинштейнъ, Чайковскій . . . 539

Bayerische
Staatsbibliothek
München

VI. ПРЕОБРАЗОВАНІЯ И ЗАПАДЪ.

Около 1650—1800 г.

§ 196. **Романцы и германцы.**—Въ исторіи Запада большую часть этого періода (ок. 1650—1750) называютъ порой *реакціи*. Но это вѣрно только по сравненію съ особенно блестящимъ временемъ реформаціи или преобразованій попреимуществу (§ 109). Тогда дѣйствительно словно боялись геніальности и сильныхъ характеровъ, будто хотѣли заковать жизнь, поэзію и природу въ узы деспотизма и условности. У такого революціонера въ теоріи, какъ Спиноза, метафизика съуживала мысль до такого же единаго, всепоглощающаго начала, какъ „государство" Ришелье въ политикѣ (*Н. И.* § 112). Педагогія возвращалась къ тискамъ схоластики. Лжеклассицизмъ, рококо, „колоссальный стиль" подавляли вдохновеніе, простоту и народность въ литературѣ, искусствѣ, даже въ бытовой обстановкѣ и модахъ (*Н. И.* §§ 108, 115, 120).

Въ особенности мраченъ былъ глухой *абсолютизмъ*, именемъ котораго даже называютъ весь періодъ. Руководимый нерѣдко проходимцами, онъ развращалъ международную среду беззастѣнчивымъ макіавелизмомъ. Во внутренней политикѣ онъ подавлялъ *бюрократизмомъ* (чиновничествомъ) всякую общественную и личную силу и, забывая создавшую его задачу (§ 72), угнеталъ массы своимъ династическимъ интересомъ, своимъ пристрастіемъ къ внѣшнему блеску и кровопролитію. Тѣмъ не менѣе абсолютизмъ господствовалъ всюду, отчасти даже въ Англіи, и не только въ жизни, но и въ теоріи: имъ увлекались такіе умы, какъ современникъ Петра I, Лейбницъ. Онъ ослѣплялъ своею роскошною внѣшностью: во главѣ его стояла изящная, представительная Франція, съ такимъ блестящимъ королемъ, какъ Людовикъ XIV (1661—1715). Абсолютизмъ не могъ утвердиться

только въ Германіи, гдѣ сохранялось множество курфюрстовъ и фюрстовъ, которые не признавали власти нѣмецкаго императора, избираемаго обыкновенно изъ австрійскихъ Габсбурговъ. Оттого французскіе Бурбоны вели успѣшныя войны съ Габсбургами, утвердили свои отрасли на престолахъ Испаніи и Неаполя и завладѣли многими землями Нѣмецкой имперіи; австрійскіе же Габсбурги получили въ вознагражденіе, по Утрехтскому миру (1714), Миланъ и Испанскіе Нидерланды (Бельгію). Успѣхи Бурбоновъ были остановлены сначала Англіей, поразившей Людовика XIV въ войнѣ за испанское наслѣдство, потомъ бранденбургскими курфюрстами, которые стали возвышаться, пользуясь ослабленіемъ Габсбурговъ и развивши у себя строгій абсолютизмъ. Около 1700 г. эти курфюрсты стали уже *прусскими королями*; а съ 1740 г. король Фридрихъ II началъ отнимать земли у Габсбурговъ и у поляковъ, причемъ, въ Семилѣтнюю войну (1756—1763), побѣдоносно боролся разомъ съ Австріей, Франціей и Россіей. Пруссія отняла также Померанію у *Швеціи*, гдѣ, благодаря реформѣ 1680, возобладалъ абсолютизмъ, болѣе сильный, чѣмъ даже во Франціи: Швеція, которая стала-было первою военною державой при Карлѣ XII (1700—1718), потомъ пала отъ раздоровъ могущественной феодальной аристократіи и отъ усиленія Россіи и Пруссіи (*Н. И.* § 97).

Но подъ покровомъ „реакціи“ таились родники *прогресса*, новой жизни. Вестфальскій миръ (1648), прекратившій Тридцатилѣтнюю войну (§ 109), означаетъ переворотъ въ цѣломъ міровоззрѣніи Европы. Съ тѣхъ поръ навѣки пали основы средневѣковья—церковность и феодализмъ. Религіозныя войны исчезли, и вопросомъ становились уже не исповѣданія, а самая вѣра, которую подрывали не только непрерывныя секты, но и разные „вольнодумцы“—деисты и даже атеисты (*Н. И.* § 102). Оттого такъ возвысился абсолютизмъ, этотъ безпощадный представитель *свѣтскости*. Онъ сталъ глубокою потребностью человѣчества, какъ тяжелая, но необходимая школа. Онъ истреблялъ пережитки папскаго всемогущества и феодализма, а это вело къ расширенію сношеній, къ быстротѣ жизни и къ единенію умовъ, породившему общественное мнѣніе. Онъ подготовлялъ и общественное равенство, обращая привилегированные чины (духовенство и дворянство) въ обыкновенныхъ подданныхъ и поднимая *третій чинъ* путемъ „меркантилизма“ или развитія денежнаго хозяйства (*Н. И.* §§ 59, 88). Онъ смягчалъ нравы, замѣняя церковность обрядностью неумолимаго этикета и окружая себя

изяществомъ искусствъ, вкусъ къ которымъ переходилъ отъ дворовъ къ массамъ, какъ всемогущая мода. Наконецъ, своими крайностями и пороками абсолютизмъ ронялъ обаяніе власти, возбуждалъ умы, породилъ политическія науки и вызвалъ двѣ революціи въ Англіи, которыя нанесли смертельный ударъ всей реакціи, въ пору ея высшаго процвѣтанія (около 1650 и въ 1688). Съ тѣхъ поръ и на материкѣ мечтой интеллигенціи стала „блаженная конституція" (happy constitution). Ее поддерживали жизненные примѣры. Ганноверская династія (съ 1714 г.) строго придерживалась конституціи; въ то же время Англія стала міровымъ средоточіемъ богатствъ, торговли, промышленности и той науки, которая дала ей машины, съ паровикомъ и ткацкимъ станкомъ во главѣ. Она стала и самымъ могучимъ государствомъ, пріобрѣла Гибралтаръ и множество колоній; а ея сыны, бѣжавшіе отъ абсолютизма Стюартовъ, основали въ Америкѣ цѣлое государство Соединенныхъ Штатовъ (1778), гдѣ проводилась опережавшая вѣкъ идея республиканства. Англичане совсѣмъ забили блестящихъ французовъ, постоянно нанося имъ пораженія, даже при Наполеонѣ I. А во Франціи абсолютизмъ, дойдя до крайностей „фискальства" или казенщины (латин. fiscus—казна) и „протекціонизма" или государственной опеки (*Н. И.* §§ 87, 88), истощилъ страну матеріально и духовно. И на всемъ материкѣ начало развиваться недовольство.

Новая жизнь пробивалась еще очевиднѣе въ быту. *Экономическій* интересъ становился „душой государствъ", а его теорія—„политическою" экономіей. Матеріальные успѣхи указывали на развитіе благосостоянія, „комфорта" или удобствъ внѣшней жизни, потребностей, сношеній и единенія между людьми. Принялъ небывалые размѣры колоніальный вопросъ, создавшій поистинѣ „новый" свѣтъ. Въ *литературѣ* самый лжеклассицизмъ принесъ пользу, выработавъ изящную форму и міровой французскій языкъ, что̀ было необходимо для единенія умовъ и распространенія новыхъ мыслей. Въ *искусствѣ* свѣтскость окончательно побѣдила церковность и служила подконецъ всеобщему стремленію къ простотѣ и естественности. Но вѣнцомъ развитія была *наука*: здѣсь схоластика была искоренена точнымъ методомъ и положительнымъ знаніемъ, математикой и естествовѣденіемъ. Около середины 18-го вѣка возникло уже, въ видѣ реальной философіи, новое міровоззрѣніе, которое было названо *Просвѣщеніемъ* попреимуществу (*Н. И.* § 106). Оно зародилось въ Англіи, но было распространено всюду фран-

цузами, сначала такими великими писателями, какъ Вольтеръ, Руссо, Монтескье, потомъ *энциклопедистами* или издателями „Энциклопедіи“—Дидро, д'Аламберомъ, Эльвесіусомъ и др. Оно вызвало подконецъ даже въ болѣе отсталой Германіи золотой вѣкъ въ литературѣ, съ такими именами, какъ Гёте и Шиллеръ. Все увлекалось критикой современности съ точки зрѣнія новой философіи. Между тѣмъ, какъ англичане почтили „царя науки“, Ньютона, больше чѣмъ королевскими похоронами (1727), а его гробницу надписью — „украшеніе человѣчества“, на материкѣ вѣнценосцы, съ Фридрихомъ II во главѣ, добивались дружбы и переписки съ Вольтеромъ и энциклопедистами и званія вождей „просвѣщеннаго абсолютизма“. Новое міровоззрѣніе разрушило много предразсудковъ, даже уничтожило орденъ іезуитовъ (1773); оно развило *филантропію* или человѣколюбіе, особенно благодаря масонамъ (*Н. И.* § 102). Наконецъ, весь старый строй жизни былъ потрясенъ „великою“ революціей 1789 г., съ ея „свободою, равенствомъ и братствомъ“: она искоренила послѣдніе слѣды феодальнаго крѣпостничества и дала господство третьему чину или буржуазіи, мѣщанству.

Историческая жизнь даже текла уже новымъ русломъ. Передовыя силы 16-го вѣка, Италія, Испанія и Германія, отступили на задній планъ, вмѣстѣ съ своими Габсбургами. Впередъ выдвинулась, въ 17-мъ вѣкѣ, Франція съ своими Бурбонами, а въ 18-мъ—Англія, во всѣхъ отношеніяхъ, и затѣмъ Россія и Пруссія — въ качествѣ великихъ державъ. Русскіе примкнули, въ бытовомъ отношеніи, къ болѣе близкому и понятному имъ, менѣе развитому Западу, - къ нѣмцамъ, которые и сами переживали тогда пору подражательности. И первая половина періода ознаменовалась у насъ коренными преобразованіями съ германскимъ оттѣнкомъ; потомъ, послѣ поколѣнія застоя, они возобновились, подъ вліяніемъ Просвѣщенія, чтобы снова застыть при французской революціи. Но въ политикѣ Россія, также какъ и Пруссія, сразу взялась за самобытную роль, особенно важную въ виду ихъ сосѣдства съ такими слабыми государствами, какъ Польша, Турція и Швеція. Съ начала 18-го вѣка весь міръ тревожно присматривался къ росту „сѣверныхъ“ державъ, закончившихъ періодъ такимъ міровымъ событіемъ, какъ раздѣлъ Польши. Такъ, единеніе распространялось уже не только на всѣ народы Запада, но и на востокъ Европы. Европейская гражданственность становилась широкимъ романо-германо-славянскимъ міромъ.

§ 197. **Южные и западные славяне. Турки и румыны.** — Несмотря на внутренній упадокъ Порты (§ 110), османліи сохраняли внѣшнее значеніе въ теченіе 17-го в., особенно благодаря поддержкѣ Бурбоновъ, которые поднимали ихъ противъ Габсбуровъ. Въ 1683 г. они даже осадили Вѣну, въ союзѣ съ венгерцами; но нѣмцы отразили ихъ, съ помощью поляковъ, предводимыхъ Яномъ Собѣскимъ. Туркамъ пришлось подписать первый невыгодный миръ, въ Карловцѣ (1699): они уступили Австріи Трансильванію и земли между Дунаемъ и Тиссой; тогда же Венгрія превратилась изъ избирательнаго государства въ наслѣдіе Габсбурговъ. Затѣмъ противъ османліевъ выступила Россія, которая постепенно уничтожила ихъ единодержавіе на Черномъ морѣ, покорила ихъ вассаловъ, крымцевъ (1783), и стала покровительствовать южнымъ славянамъ и румынамъ. Въ то же время Порта разлагалась внутренно. Янычары, въ союзѣ съ улемами, избивали султановъ и министровъ; а народъ бѣдствовалъ, какъ отъ ихъ буйства, такъ и отъ деспотизма султановъ.

Особенно тяжело было положеніе южныхъ славянъ. Ихъ попрежнему (§ 110) вѣшали и сажали на колъ; крестьянъ гоняли изъ Бѣлграда въ Константинополь косить сѣно на султанскихъ лугахъ. Турки особенно вымещали на славянахъ такія свои пораженія, какъ въ 1683 г.: тогда славяне тысячами бѣжали изъ Сербіи и Босніи въ Австрію. Но тамъ ихъ притѣсняли нѣмцы и мадьяры, и многіе изъ нихъ переселились въ южную Россію (колонія *Новая Сербія)*. Только черногорцы сохраняли независимость, отражая частыя нападенія турокъ. По прекращеніи старой династіи (§ 75), они выбрали господаремъ *Даніила Нѣгоша,* который осоюзился съ Петромъ I и сталъ дѣйствовать наступательно противъ Порты. Вліяніе Россіи становилось уже такъ сильно, что между черногорцами и герцеговинцами имѣлъ успѣхъ самозванецъ *Степанъ Малый,* выдававшій себя за императора Петра III. *Петръ I Св.*, издавшій черногорскій „Законникъ", постоянно билъ османліевъ, въ союзѣ съ Россіей.

Румыны находились въ прежнемъ печальномъ положеніи, пока была слаба Россія, съ которою они заключили первый союзъ при Сербанѣ II валашскомъ (§ 110). Неудачный прутскій походъ Петра I (1711) погубилъ нашихъ союзниковъ, Бранкована валашскаго и Кантемира молдавскаго. Съ тѣхъ поръ румыны утратили право избранія своихъ господарей:

Порта стала назначать послѣднихъ изъ фанаріотовъ за деньги, причемъ смѣняла ихъ почти ежегодно и умерщвляла. Это были алчные и жестокіе деспоты, которые совершали свои злодѣянія во тьмѣ, не допуская въ свою страну ни одного луча просвѣщенія изъ Европы: книгъ почти не было, особенно румынскихъ; дворъ, а за нимъ и бояре, говорили погречески до 1820-хъ гг. Россія начала серьезно вступаться за румынъ, какъ за своихъ единовѣрцевъ, уже съ 1737 г., когда она успѣшно воевала съ Портой. Побѣды Екатерины II привели къ кайнарджійскому миру (1774), по которому турки допустили ходатайство Россіи за румынъ и обязались уважать христіанство. Валашскимъ княземъ былъ назначенъ тогда другъ Россіи, образованный *Александръ Ипсиланти*, который устроилъ гимназію, много школъ и благотворительныхъ заведеній. Ясскій миръ (1791) еще болѣе помогъ румынамъ: вліяніе Россіи усилилось насчетъ фанаріотовъ, и началась болѣе тѣсная связь между Валахіей и Молдавіей.

Чеховъ тогда не существовало, въ смыслѣ національности. Они раздѣляли судьбу Австріи, войны которой съ Франціей и Пруссіей ложились на нихъ своею главною тяжестью. Впрочемъ сначала императоры льстили имъ за это: короновались, какъ чешскіе короли, возстановили чешскій сеймъ; и въ Богеміи чешскій языкъ былъ языкомъ школъ и правительства. Но съ воцаренія Маріи-Терезіи (1740) началось по всей Австріи утвержденіе однообразнаго абсолютизма на нѣмецкой основѣ: въ Богеміи, въ школахъ и правительствѣ, латынь и чешскій языкъ отступали передъ языкомъ нѣмецкимъ; Іосифъ II даже не короновался чешскою короной. Но зато Богемія развивалась умственно и матеріально, особенно при другѣ Просвѣщенія, Іосифѣ II. Были изгнаны іезуиты; возродились гуситскія и протестанскія секты; процвѣталъ пражскій университетъ; явился видный славянскій филологъ, *Добровскій*. Развивались также торговля и промышленность; крѣпостные получили личную свободу, и почти совсѣмъ была отмѣнена барщина. Но чешскіе паны роптали на отмѣну старины, а въ Венгріи магнаты начинали даже возставать при смерти Іосифа II.

Послѣ Владислава IV (§ 111), началось паденіе Польши. Ее истощили казацкія войны, окончившіяся присоединеніемъ южной Россіи къ Москвѣ. Пользуясь ими, шведы пріобрѣли отъ Польши Ливонію, москвичи—Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ. И Польша не возобновляла войнъ съ Москвой въ теченіе цѣ-

лаго столѣтія. Въ ней свирѣпствовала борьба партій шляхетской и королевской, изъ которыхъ первая опиралась на Австрію, вторая — на Францію. Перевѣсъ всегда оставался на сторонѣ шляхты, и потому напрасны были побѣды надъ турками доблестнаго *Яна Собѣскаго*: послѣ него поляки выбрали не его сына, а *Августа II саксонскаго* († 1733), притомъ съ помощью Россіи, вліяніе которой смѣнило тогда вліяніе Франціи въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ Польша стала приковывать къ себѣ вниманіе всего міра. Она падала внутренно и становилась поприщемъ соперничества „сѣверныхъ“ державъ, т.-е. русскихъ, шведовъ и пруссаковъ, изъ-за преобладанія на Балтикѣ. На Вислѣ не только отражалась борьба Петра I съ Карломъ XII, но и вѣковая тяжба Габсбурговъ съ Бурбонами; судьба нѣмцевъ прямо связывалась съ Польшей, когда саксонскій курфюрстъ сталъ ея королемъ. Августъ II подражалъ Людовику XIV, но отличался только физическою силой (его прозвали Сильнымъ) да веселою жизнью. Карлъ XII выгналъ его изъ Варшавы, Петръ I возвратилъ его, но предписалъ Польшѣ условія на „нѣмомъ“ сеймѣ. Въ то же время шляхта распоряжалась государствомъ съ помощью іезуитовъ, которые сожигали не ими писанныя книги и обратили свои коллегіи, съ виленскимъ университетомъ, въ гнѣзда невѣжества и фанатизма. Народъ истязалъ вѣдьмъ, топилъ колдуновъ; въ городахъ не дозволялось селиться иновѣрцамъ, полезнымъ мастерамъ. Паны Радзивилы, Потоцкіе, Браницкіе, Чарторижскіе утопали въ роскоши и, заодно съ шляхтой, угнетали крестьянъ и *диссидентовъ* или исповѣдниковъ греческой вѣры и протестантизма. По смерти Августа II, былъ избранъ, съ помощью Россіи и Чарторижскихъ, сынъ его, *Августъ III*, который жилъ въ Саксоніи, предаваясь забавамъ и меценатству (картинная галлерея въ Дрезденѣ), между тѣмъ какъ въ Польшѣ продолжалась борьба партій да хозяйничанье то русскихъ, то прусскихъ войскъ. По смерти Августа III (1763), Чарторижскіе, съ помощью русскихъ войскъ, поставили на престолъ своего родственника, *Станислава Понятовскаго*. Вскорѣ началось волненіе диссидентовъ, а на Украйнѣ жестокое возстаніе противъ поляковъ. Екатерина II заставила сеймъ дать права диссидентамъ, но поляки стали устраивать конфедераціи противъ Россіи, съ помощью французовъ. Въ 1772 г. произошелъ *первый раздѣлъ* Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей, а въ 1795—ея окончательная погибель, въ смыслѣ независимаго государства.

§ 198. **Царь Алексѣй и бояринъ Морозовъ.** — Первый Романовъ, досидѣвшій съ своею „кручиной“ (§ 148) до водянки, оставилъ престолъ (1645) сыну своему, 16-тилѣтнему *Алексѣю Михайловичу.* То былъ, напротивъ, образецъ русскаго добраго молодца [1]). Отъ его румянаго лица съ окладистой бородой и темнорусыми густыми волосами, отъ его дебелой и статной фигуры вѣяло здоровьемъ и крѣпостью: онъ рѣдко болѣлъ и былъ отцомъ 16-ти дѣтей отъ двухъ браковъ. И душа у него была уравновѣшенная. „Изумительно, говорили иностранцы, какъ при безграничной власти надъ совершенно раболѣпнымъ народомъ, онъ не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь“. Царь Алексѣй — воплощенный миръ и благоволеніе. Доброта, которая свѣтилась въ его ласковыхъ голубыхъ глазахъ и изливалась въ задушевныхъ письмахъ, снискала ему лучшій титулъ — „тишайшаго“, т.-е. кроткаго, милосердаго. Его

Алексѣй Михайловичъ.

[1]) Съ Алексѣя Михайловича не разъ писали „парсуну“, „съ живства“ (съ натуры), какъ иностранные, такъ и наши мастера. Удачнѣе всѣхъ былъ первый портретъ, который былъ сдѣланъ, карандашемъ, живописцемъ Мейерберга, вѣнскаго посла, въ 1661 г. Съ нимъ схожъ, хранящійся въ Зимнемъ Дворцѣ, портретъ неизвѣстнаго мастера, послужившій подлинникомъ для множества снимковъ во дворцахъ и Оружейной Палатѣ. Нашъ рисунокъ снятъ съ прекрасной гравюры Штенглина (1742), сдѣланной съ этого же портрета. Остальныя изображенія недостовѣрны: есть даже передѣланныя съ портретовъ царя Михаила и одного молдавскаго князя. На нашемъ рисункѣ Алексѣй представленъ въ полномъ царскомъ облаченіи. Верхняя часть подбородка выбрита, также какъ и въ другомъ, болѣе достовѣрномъ, портретѣ иностраннаго живописца того же времени. Внизу подпись: „Алексій Михайловичъ, царь и самодержецъ всероссійскій“.

правиломъ было: „разсуждать людей вправду, всѣмъ равно“ да „безпомощнымъ помогать“; онъ часто отмѣнялъ наказанія, разсылалъ „кормы несчастнымъ“. Привязчивый, трезвый, непорочный, какъ семьянинъ, Алексѣй всѣмъ желалъ благополучія и страшился малѣйшаго волненія. Его мягкость граничила съ безволіемъ, которое проявлялось и въ припадкахъ вспыльчивости. Правда, гнѣвъ вызывался честнымъ негодованіемъ: Алексѣй надавалъ пощечинъ, надралъ бороду своему тестю, Милославскому, и выгналъ его пинками изъ думы, когда тотъ похвасталъ привести польскаго короля плѣнникомъ. Но дурные люди нерѣдко пользовались добродушіемъ царя, который подчинялся имъ, чтобы только избѣгнуть непріятностей и не огорчить любимыхъ лицъ. Безъ уничиженія, какъ простой человѣкъ съ здравымъ смысломъ, Алексѣй считалъ себя „недостойнымъ и во псы, не только въ цари“, и говаривалъ: „желалъ бы я быть не солнцемъ великимъ, но хотя бы малою звѣздою *тамъ*, а не здѣсь“. Съ поэтическимъ восторгомъ уносился онъ мечтами въ чистый, безмятежный міръ лицезрѣнія Божія точно такъ же, какъ упивался жизнью мягкой природы, въ своемъ любимомъ Коломенскомъ, съ его бархатными лугами и тихимъ раздольемъ полей. Тамъ онъ всю свою жизнь строилъ дворецъ, передъ которымъ стоялъ столбъ для челобитій, и цѣлыми днями смотрѣлъ изъ косящатаго оконца на своихъ соколовъ-краснолетовъ. Тамъ же онъ велъ самъ отличное хозяйство; а по вечерамъ и въ непогодь развлекался спокойными разсказами бахарей про старину стародавнюю, да шахматами или пристальнымъ разглядываніемъ узорочья и дорогихъ вещицъ. Онъ такъ любилъ красивые сосуды, что простодушно признавался, какъ однажды, самъ переписывая келейную казну скончавшагося патріарха, „немного не покусился“ на иные изъ нихъ.

Поэтъ въ душѣ и поклонникъ тишины, Алексѣй дорожилъ устоями благочинія. „Хотя и мала вещь, а и ей честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ, говаривалъ онъ: безъ чина же всякая вещь не утвердится; безстройство теряетъ дѣло“. Патріархальностью сказаній вѣетъ отъ его словъ и писемъ также, какъ отъ его величавой поступи и невозмутимаго степенства въ лицѣ и жестахъ. До мелочей справлялъ онъ всѣ обряды церкви и царскаго чина: таково было, въ его глазахъ, государево дѣло. Каждодневно стоялъ онъ по 6 ч. въ храмѣ и клалъ до 1.500 земныхъ поклоновъ; въ собственной столовой

кормилъ нищихъ; а самъ, постами, питался ржанымъ хлѣбомъ, запивая его квaскомъ. На Верху водворилась красивая порядливость, съ роскошными торжествами и кудрявыми рѣчами, но также съ византійскимъ раболѣпіемъ, съ строжайшимъ исполненіемъ обихода „пресвѣтлаго величества“ (§ 152), съ толпой „стариковъ-богомольцевъ“ и юродивыхъ. Алексѣй говаривалъ, подобно Грозному: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править люди своя на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ“. И тишайшій царь „смирялъ“ своеручно ротозѣевъ, допускавшихъ „умаленіе чести государства“.

Но умъ, пытливость и впечатлительность придавали Алексѣю черты новаго человѣка: ктому же дядька обучалъ его по нѣмецкимъ картинкамъ, водилъ его въ нѣмецкомъ платьѣ и ходилъ съ нимъ въ Кукуй-городокъ (§ 168); а потомъ царь самъ участвовалъ въ походахъ въ Ливонію и Польшу, откуда возвращался болѣе развитымъ, по замѣчанію современниковъ. Душа Алексѣя была согрѣта терпимостью. „Нельзя, говорилъ онъ, заставлять силою въ Бога вѣровать“. Въ его глазахъ жизнь не была ни горемъ, ни соблазномъ: „да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія, внушалъ онъ близкимъ: забавляйтеся и утѣшайтеся; дѣлу время и потѣхѣ часъ“. Тишайшій самъ любилъ столько же позабавиться, даже пошутить незлобиво, сколько пофилософствовать. Его все занимало; и ни одно дѣло не обходилось безъ его личнаго участія. Одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей въ Россіи того времени, до тонкости владѣвшій книжною рѣчью, Алексѣй прочелъ все, что̀ могъ, на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, и прочелъ съ толкомъ; отъ него осталось много, хотя витіеватыхъ, но содержательныхъ, писемъ и даже стиховъ свѣтскаго характера, а также описаніе собственныхъ походовъ. Алексѣй тяготился людьми грубыми и односторонними: при всемъ своемъ подчиненіи Никону, онъ называлъ его „мужикомъ, глупымъ человѣкомъ“. Тишайшій выдвигалъ даровитыхъ людей съ западнымъ образованіемъ и довѣрялъ имъ больше всѣхъ. Когда сынъ одного изъ этихъ любимцевъ бѣжалъ за границу, онъ такъ утѣшалъ отца: „а тому мы не подивляемся; онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо“. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше царь прилѣплялся къ Западу, вмѣсто того, чтобы съ годами пятиться назадъ, къ Домостроевской Руси.

Смиреннику, который могъ бы служить украшеніемъ частной

жизни, суждено было 30 лѣтъ править обширнымъ и разстроеннымъ государствомъ, которое древняя Русь обременила великими задачами. И самодержецъ, вступившій на престолъ безъ всякихъ записей (§ 163), лишился воли, подобно своему отцу. Напуганный бунтами спозаранку, онъ отдалъ власть боярамъ, и именно правящимъ, чиновникамъ, и осыпалъ опасными милостями и льготами стрѣльцовъ, какъ своихъ тѣлохранителей. И началось замѣчательное по своей содержательности, но полное треволненій правленіе временщиковъ, вмѣстѣ съ развитіемъ приказнаго духа (§ 156).

Первымъ изъ временщиковъ былъ дядька царя, старый бояринъ Борисъ *Морозовъ*, который находился при немъ неотлучно 13 л.: ему-то Михаилъ, на смертномъ одрѣ, поручилъ своего сына. Алексѣй, лишившійся и матери тотчасъ послѣ родителя, предался ему всею своей довѣрчивою и кроткою душой. Морозовъ былъ человѣкъ умный, опытный въ дѣлахъ и съ сильною волей. Онъ сочувствовалъ западному просвѣщенію и отчасти принялъ нѣмецкіе обычаи: онъ привлекалъ мароссійскихъ ученыхъ въ Москву и совѣщался съ Виніусомъ (§ 183) о дѣлахъ правленія. Но это былъ алчный и властолюбивый царедворецъ. Морозовъ потворствовалъ своей роднѣ и лицамъ, доставлявшимъ ему доходы; а приближенные царя отправлялись въ ссылку,— за недостаткомъ вины, какъ чародѣи. Морозовъ закрѣпилъ свое вліяніе бракомъ царя съ красивой дочерью своего подчиненнаго, бѣднаго дворянина, *Милославскаго, Марьей Ильиничной*, такою же кроткою и добродушною женщиной, какъ Алексѣй. Въ то же время самъ онъ женился на ея молоденькой сестрѣ. Затѣмъ Морозовъ роздалъ прибыльныя мѣста тестю и его родственникамъ, которые спѣшили обогатиться. Начались жестокія притѣсненія народа, которыми заправлялъ приказный Плещеевъ. Помимо безбожныхъ взятокъ, просто бросали въ тюрьмы имущихъ, чтобы освобождать ихъ за выкупъ. Чтобы пополнить обокраденную казну, измыслили много монополій и налоговъ: сочинили даже новый казенный аршинъ съ орломъ, который дорого продавали купцамъ. Настала дороговизна голодныхъ годовъ. Она достигла крайней степени, когда вдругъ повысили пошлину на *соль*, такъ что бѣднотѣ не въ моготу стало покупать свою главную пищу — соленую рыбу.

Все это возмущало народъ, который не терпѣлъ Морозова еще за склонность къ иновѣрцамъ, въ особенности же къ „богомерзкому зелью“, хотя табакъ былъ разрѣшенъ только изъ раз-

счета, какъ монополія казны. Купцы опять (§ 183) кричали, что имъ не стянуть съ иностранными гостями, которые будто бы хвастались: „вотъ, мы заставимъ васъ торговать одними лаптями!" Голодъ, скотскій падежъ, пожаръ Москвы довершили бѣдствія народа — и толпа взбунтовалась въ столицѣ (1648), требуя казни „измѣнниковъ". Она буйствовала, пьянствовала въ разбитыхъ кабакахъ, грабила дома бояръ и богачей: жену Морозова пощадили только потому, что она „сестра царицы". Алексѣй выдалъ Плещеева и неважныхъ лицъ, которыя тутъ же были прибиты „ослопьемъ", палками. Морозова онъ отстоялъ только тѣмъ, что въ личной рѣчи къ толпѣ призналъ ея жалобы вѣрными, обѣщалъ исправить правленіе и отставить Морозова: царь со слезами просилъ пощадить жизнь „вскормившаго его дядьки". Въ то же время поили и кормили народъ, погорѣльцамъ дали на дворовое строеніе, а служилымъ удвоили жалованье. Съ тѣхъ поръ временщикъ потерялъ значеніе: его замѣнили новые, угодные народу правители. Купцовъ ублаготворили тѣмъ, что выгнали англичанъ изнутри Россіи, ссылаясь на то, что они своего „Карлуса короля убили до смерти". Вслѣдъ затѣмъ назначили дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова сидѣть съ боярами за составленіемъ *Уложенія* — такого свода законовъ, чтобы „всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна". Уложеніе 1648 г. было уже черезъ годъ утверждено на *земскомъ соборѣ*. Въ то же время принимались мѣры къ облегченію и упорядоченію пошлинъ и налоговъ, а также отмѣнялись откупа.

§ 199. **Патріархъ Никонъ.**—Московскій бунтъ былъ лишь началомъ волненій, которыми наполнено царствованіе Алексѣя. Самое важное изъ нихъ, слѣды котораго сохраняются до нашихъ дней, было не столько политическое, сколько бытовое. Это—расколъ, связанный съ именемъ патріарха *Никона*, который, по своему вліянію на царя, занималъ первое мѣсто послѣ Морозова и выступилъ впередъ, когда палъ временщикъ.

Въ началѣ „розрухи" (§ 135), въ крестьянской семьѣ, близъ Нижняго, родился мальчикъ Никита. Онъ много вытерпѣлъ отъ мачихи, которая однажды чуть не сожгла его въ печи. Но даровитый, упорный и честолюбивый мальчикъ какъ-то выучился грамотѣ и бѣжалъ въ монастырь, гдѣ скоро сталъ извѣстнымъ начетчикомъ. И монахи, и мордовскіе колдуны уже пророчили ему чуть не царство. Наѣзжавшіе на ярмарку мо-

сковскіе купцы устроили 20-лѣтняго юношу попомъ въ столицѣ. Но у Никиты все мерли дѣти. Онъ постригъ жену въ монахини, а самъ принялъ иноческій чинъ, подъ именемъ Никона. Онъ поселился въ самомъ строгомъ скиту, на Бѣломъ м., гдѣ всего 12 братьевъ жили въ избушкахъ, раскинутыхъ по островку, питались подаяніемъ рыбаковъ и проводили дни и ночи въ молитвенномъ бдѣніи. Слава подвижничества и начитанности Никона дошла до слуха царя: когда онъ прибылъ въ Москву по скитскимъ дѣламъ, его оставили тамъ въ званіи архимандрита, потомъ возвели въ санъ митрополита новгородскаго; а черезъ 6 лѣтъ онъ уже былъ выбранъ въ патріархи (1652), когда ему было всего 47 л. Юный царь тотчасъ сблизился съ блестящимъ іерархомъ, который былъ вдвое старше него. Онъ, какъ околдованный, рабски подчинился святителю. Иначе и быть не могло при нравахъ этихъ двухъ людей.

Патріархъ Никонъ.

Подлѣ своего „тишайшаго" поклонника, Никонъ оттѣнялся, какъ воплощеніе бурной страсти, несокрушимаго рвенія и сатанинскаго властолюбія, напоминая Грознаго: „я боюсь Никона", говаривалъ Алексѣй. Считая себя чуть не первою силой въ мірѣ, желая надъ всѣми начальствовать, Никонъ не могъ жить безъ борьбы: онъ хвастался тѣмъ, что „отъ всѣхъ возненавидѣнъ". Изъ рамокъ его портрета [1]) выступаетъ саженная,

[1]) Сохранилось нѣсколько современныхъ портретовъ Никона. Лучшіе изъ нихъ схожи съ изображеніемъ у Мейерберга. Къ ихъ числу относится типичный пор-

широкоплечая фигура, въ пышномъ облаченіи, съ окладистой бородой, съ благообразнымъ, но краснымъ лицомъ, съ надменнымъ взоромъ и нахмуренными бровями, съ презрительнымъ складомъ полныхъ губъ. Она возвышается надъ окружающимъ ее причтомъ, сжимая посохъ въ шуйцѣ, словно эта поленица въ рясѣ сейчасъ начнетъ расправляться со всѣми собственною „рукою помалу“, какъ онъ самъ признавался, а то и „вервицею“. Раздражительный, тщеславный и неугомонный іерархъ самъ вызывалъ бури и создавалъ себѣ работу, размѣниваясь на мелкую монету и даже подрывая свои замыслы заносчивостью и излишнею стремительностью. Онъ не взвѣшивалъ своихъ силъ, не разсчитывалъ ходовъ въ мелкой борьбѣ, не видѣлъ великихъ послѣдствій въ крупномъ дѣлѣ; и не чувствовалъ противорѣчій, въ которыя впадалъ, ослѣпляемый гнѣвливостью.

Вознесшись до степени главы восточнаго православія, Никонъ подалъ ему не тотъ примѣръ, котораго ожидали. Онъ оказался настолько же свѣтскимъ человѣкомъ, насколько Алексѣй походилъ на церковника, углубился въ распорядокъ властей и вступилъ на скользкій путь политическихъ козней. Онъ препирался съ боярами и съ самимъ кроткимъ царемъ, какъ соперникъ, и обострялъ борьбу личными дрязгами. Въ порывѣ увлеченія онъ рѣшился на жертву, которой не могла принести его надменность—и стало жалко положеніе человѣка, который подсмѣивался надъ всѣми. „Упорство сгубило его: смиреніе все бы побѣдило“, говорили его приближенные. Глава православія, Никонъ задумалъ поднять его духъ наказаніями порочныхъ церковниковъ да внѣшнею пышностью. Самъ онъ былъ щеголемъ и въ храмѣ, и дома: объ этомъ говорятъ и сохранившіяся его роскошныя облаченія, и его книги въ бархатныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ и красивыми заставицами, и замѣна русскаго монашескаго клобука греческимъ. Враги выводили отсюда даже доносы, невыгодные для его нравственности, какъ мужчины, когда онъ былъ въ заточеніи. Но вѣрно, что тамъ падшій святитель велъ себя, какъ Наполеонъ на св. Еленѣ: утаивъ панагію и печати, онъ величалъ себя патріар-

третъ масляными красками, написанный голландскимъ мастеромъ на хорахъ Воскресенскаго монастыря. На немъ патріархъ изображенъ въ сослуженіи своего причта. Всѣ лица писаны съ натуры. Никонъ, чуть не вдвое крупнѣе окружающихъ, положилъ правую руку на книгу, которую раскрылъ передъ нимъ одинъ изъ церковниковъ, а лѣвою держитъ посохъ.

хомъ, разсылалъ людей съ тайными порученіями, сталъ дѣлать „чудеса врачебная", отчитывая больныхъ и помазуя ихъ елеемъ. Онъ то гнѣвался, кляузничалъ, привередничалъ въ пищѣ, докучалъ царю унизительными просьбами о пустякахъ; то отвергалъ дары съ Верху. А когда умеръ Алексѣй, онъ воскликнулъ: „онъ будетъ судиться со мною въ страшное пришествіе Христово за то, что не освободилъ насъ". Никонъ все надѣялся, что ему опять поклонятся въ ноги и призовутъ властвовать. Столь же мало предвидѣлъ онъ всенародный соблазнъ отъ греческаго клобука и отъ исправленія книгъ: онъ готовъ былъ оставить раскольникамъ старые Служебники, лишь бы они покорились ему.

Страсть—сила. Она приковываетъ къ себѣ взоры, какимъ бы путемъ ни шла. Никонъ въ особенности привлекалъ къ себѣ вниманіе наблюдательныхъ иностранцевъ, какъ рѣзко очерченная личность. Англичане, въ виду его борьбы, считали его реформаторомъ и западнымъ политикомъ, чѣмъ-то вродѣ предтечи Петра I; католикамъ онъ представлялся чуть не папистомъ. Но Никонъ вовсе не такъ думалъ о папѣ, какъ воображали іезуиты, и не замышлялъ подрывать самодержавіе, котораго не сломили ни записи, ни „розруха": его реформы состояли въ развитіи обрядности, которая сокращалась тогда на Западѣ. Никонъ ближе къ Геронтію (§ 169), чѣмъ къ Петру: у преобразователя онъ былъ бы развѣ только хорошимъ исполнителемъ, если бы могъ понять его, какъ Ѳеофанъ. По своимъ стремленіямъ и воззрѣніямъ, Никонъ—противоположность Петра Великаго, на котораго больше походилъ другой святитель, Филаретъ (§ 148). Онъ не могъ быть даже Петромъ Могилой (§ 192), по скудости своего образованія. На западное просвѣщеніе онъ смотрѣлъ, какъ на полезныя для его цѣлей „хитрости": онъ не думалъ знакомиться съ европейскими языками, а построилъ себѣ роскошный дворецъ, съ помощью западныхъ мастеровъ, покоился въ „заморской каретѣ", выписывалъ заграничныя матеріи, повѣсилъ даже зеркала въ алтарѣ, пренебрегая соблазномъ. Въ то же время онъ язвилъ своего вѣнценоснаго друга названіемъ „латиномудренника", изгонялъ иностранныхъ купцовъ изъ Бѣлаго Города, кромсалъ нѣмецкое платье въ куски, разбивалъ польскіе органы, жегъ линейныя ноты; а иконы „франкскаго письма" не только истреблялъ, но всенародно выкалывалъ имъ глаза, выскабливалъ лики и насмѣхался надъ

ними, причемъ объявлялъ, у кого взялъ ихъ, чтобы разжечь ненависть черни противъ бояръ и западниковъ.

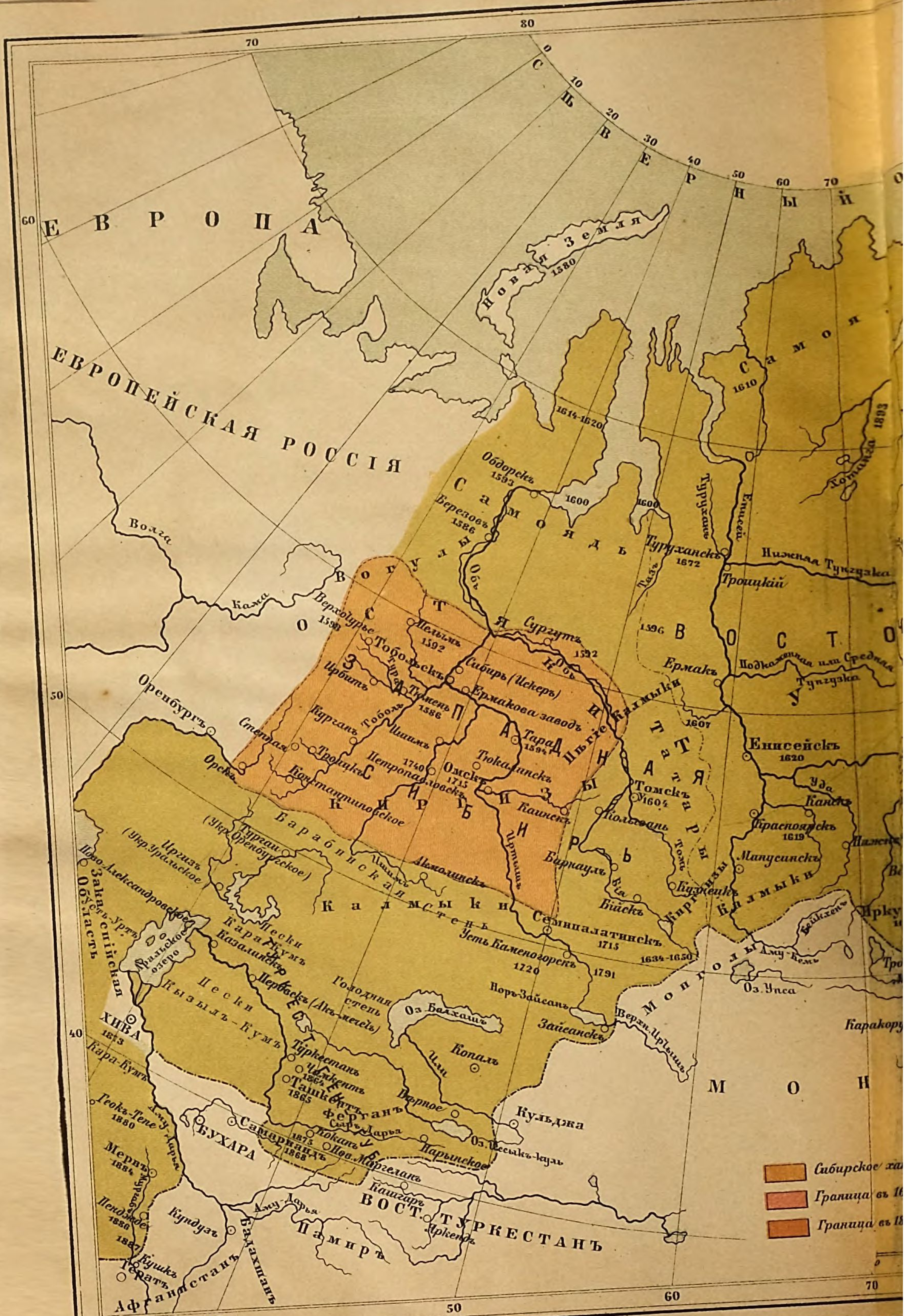
То былъ старовѣръ, византійскій церковникъ по духу. До своего патріаршества Никонъ принадлежалъ къ кружку „ревнителей о вѣрѣ“ изъ нижегородцевъ, которымъ заправлялъ протопопъ Аввакумъ. Тамъ онъ поносилъ грековъ и малороссовъ, какъ утратившихъ истинную вѣру, которая свѣтитъ только на святой Руси. Ставши патріархомъ, Никонъ бросилъ свою братью, ушелъ отъ нея на недосягаемую высоту и окружилъ себя чужаками, и именно малороссами, въ особенности же греками, которые переводили ему свои книги. Онъ самъ выучился немного погречески. Онъ совѣщался съ наѣзжавшими въ Москву греческими іерархами; строилъ монастыри и обряживалъ церкви по ихъ указаніямъ, съ помощью ихъ мастеровъ и иконописцевъ; переносилъ къ намъ ихъ амвоны, клобуки, мантіи, посохи и напѣвы; вводилъ ихъ обряды и чины до мелочей. Они называли его: „нашъ братъ“ и „филэллинъ“. Онъ самъ сказалъ на соборѣ: „хотя я русскій, но моя вѣра и убѣжденія греческія“. Никонъ поднялъ знамя возрожденія византійства. Онъ съ такою строгостью схватился за развитіе обрядности и за каждую букву въ исправленіи богослужебныхъ книгъ, будто въ этомъ заключалось все христіанство и спасеніе міра. Онъ исправлялъ нравы тѣлесными истязаніями да тѣмъ, что „силою заставлялъ говѣть и ежедневно быть у правила“.

Сила Никона заключалась въ неугомонномъ рвеніи, которое увлекало его всюду и наполняло его жизнь противорѣчіями. Этотъ византійствующій іерархъ былъ правитель, хозяинъ, учитель, обличитель, строитель. Онъ созидалъ монастыри, принималъ мѣры противъ чумы, завелъ въ Москвѣ, съ помощью малороссовъ, училище съ древними языками, а въ своихъ монастыряхъ — типографіи, переплетныя, библіотеки, рѣзное и изразцовое дѣло, иконописцевъ и зодчихъ. Онъ собралъ въ Москву изъ русскихъ монастырей множество древнихъ славянскихъ переводовъ и даже книгъ съ Востока, не жалѣлъ средствъ на собственную библіотеку, въ сокровищахъ которой много замѣтокъ его руки, и устроилъ два лѣтописныхъ сборника. Но если имя Никона врѣзалось въ нашей исторіи, то, главнымъ образомъ, благодаря замѣчательной эпохѣ, въ которой положеніе русскаго патріарха было высоко. Оно сплеталось неизбѣжно съ вопросами, отчасти волновавшими весь міръ. Неотложное исправленіе книгъ съ роковымъ расколомъ, пороки бояръ,

…ОССІЯ (XVI–XIX ВВ.)

VI.

ЕВРОПА
ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ
Новая Земля
1380
Обдорскъ
1593
Березовъ
1586
Самоядь
Вогулы
Туруханскъ
1672
Троицкій
Нижняя Тунгузка
Енисей
Сургутъ
1592
Пелымъ
1592
Тобольскъ
Сибирь (Искеръ)
Ермакова заводь
Тюмень
1586
Ирбитъ
Курганъ
Тобол
Ишимъ
Тара
1594
Тюкалинскъ
Омскъ
1715
Петропавловскъ
1740
Троицкъ
Степная
Константиновское
Каинскъ
Томскъ
1604
Колывань
Барнаулъ
Бійскъ
Кузнецкъ
Енисейскъ
1620
Красноярскъ
1619
Манускъ
Канскъ
Ермакъ
Подкаменная или Средняя Тунгузка
Орскъ
Оренбургъ
Волга
Кама
Верхотурье
1598
Барабинская степь
Акмолинскъ
Семипалатинскъ
1715
Усть Каменогорскъ
1720
1791
1634-1650
Калмыки
Киргизы
Пески Кара-Кумъ
Казалинскъ
Пески Кызылъ-Кумъ
Перовскъ (Акъ-мечеть)
Голодная степь
Оз. Балхашъ
Копалъ
Нор-Зайсанъ
Зайсанскъ
Верхн. Иртышъ
Монголы
Оз. Упса
Каракорумъ
Аральское озеро
Закаспійская Область
ХИВА
1873
Кара-Кумъ
Геокъ-Тепе
1880
Мервъ
1884
Пенджде
1886
Кушкъ
1887
Гератъ
Афганистанъ
Бадахшанъ
Памиръ
Кундузъ
Аму-Дарья
БУХАРА
Самаркандъ
1868
Кокандъ
1875
Нов. Маргеланъ
Фергана
Ташкентъ
1865
Чимкентъ
1864
Туркестанъ
Вѣрное
Кульджа
Оз. Иссыкъ-куль
Нарынское
Кашгаръ
Яркендъ
ВОСТ. ТУРКЕСТАНЪ
МОНГОЛІЯ
Сибирское ханство
Граница въ 16..
Граница въ 18..

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

Пріобрѣтенія:
Михаила Өеодоровича
Алексѣя Михайловича
Петра I
Анны Ивановны
Елизаветы Петровны
Екатерины II:
1). На югъ
2). По I раздѣлу Польши
3). - II —»— —»—
4). - III —»— —»—
Масштабъ
0 100 200 300 400 верстъ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Мраморное море
КИРГИЗЫ
Ногаи большіе
Яицкіе казаки
КАЛМЫКИ
НОГАИ МАЛЫЕ
Кубанскіе татары
Азовъ казаки
ЗАПОРОЖЬЕ
КРЫМСКАЯ
ОРДА
Слободская Украйна
Донскіе
Молдавія
Буджакъ
Малороссія
Кабарда
Терскіе казаки
Пятигорскіе черкасы
ЧЕЧНЯ
Дагестанъ
ГРУЗІЯ
ИМЕРЕТІЯ
ЛЕЗГИНЫ
Константинополь
Севастополь
Симферополь
Бухарестъ
Кіевъ
Житоміръ
Львовъ
Харьковъ
Астрахань
Царицынъ
Тифлисъ
Баку
Дербентъ
Владикавказъ
Кутаисъ
Батумъ
Варна
Одесса
Ростовъ
Таганрогъ
Черкаскъ
Херсонъ
Екатеринославъ
Терскій городокъ
Гурьевъ
Орская
Илецкая защита
Камышинъ
Сарепта
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ и ЗАПАДЪ (XVII–XVIII вв.)

приказныхъ и церковниковъ съ тяжкимъ положеніемъ народа и его волненіями, борьба съ Польшей, съ великимъ католическимъ вопросомъ, — все выдвигало московскаго святителя на первый планъ. Оттого-то всѣ борющіяся стороны привязывались, такъ или иначе, къ мятежной и нескладной личности Никона, запутывая ея черты передъ историкомъ. Іезуиты поддерживали несправедливое подозрѣніе въ его связяхъ съ Польшей и папствомъ. Бояре взводили на него клевету въ подрывѣ самодержавія и въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Малороссіей, тогда какъ враги абсолютизма прославляли въ немъ жертву вольнолюбія. Раскольники сплетали его имя съ именемъ Петра I въ смертельной ненависти, а ревнители просвѣщенія называли его, за страстную борьбу съ расколомъ, „свѣтоводителемъ“. Народъ, для котораго Никонъ ничего не сдѣлалъ, считалъ его своею охраной за вражду къ боярамъ; и на знаменахъ Разина его изображеніе красовалось рядомъ съ портретомъ царевича.

Никонъ не былъ въ силахъ воспользоваться своимъ историческимъ положеніемъ. Не могло быть прочнымъ вліяніе человѣка, который не понималъ своего времени, повертывалъ къ церковной Византіи, когда передовая Русь рвалась къ обмірщенію путемъ западной гражданственности, — человѣка, который мнилъ себя душой и господиномъ Россіи, бичемъ призрака Грознаго, а разыгрывалъ роль зазнавшагося временщика при „тишайшемъ“ царѣ.

§ 200. **„Богомудрая двоица“ и „книжное новоправленіе“.**— Для такой натуры, какъ Никонъ, все дѣло было въ обстоятельствахъ; а они сложились именно такъ, чтобы быстро увлечь его къ погибели. Передъ „всевластнымъ“ іерархомъ стоялъ „тишайшій“ царь, искавшій себѣ повелителя. Въ Алексѣ воплотилось сознаніе всей Руси, которая уже привыкла къ шествіямъ на осляти (§ 178), а послѣ Филарета считала патріарха „вторымъ государемъ, перваго государя бо̀льшимъ“. Онъ даже не допускалъ сравненія между „царемъ земнымъ и великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ“. Онъ кланялся въ землю заурядному патріарху Іосифу и однажды поцѣловалъ его въ ногу; а когда умеръ святитель, у него „ноги подломились отъ страха и ужаса“, и онъ хотѣлъ бѣжать отъ гроба, боясь, что старецъ „тотчасъ тебя вскоча ударитъ“. Никону Алексѣй сразу покорился лично, когда тотъ былъ еще архимандритомъ. Легко было понять эту простодушную натуру,—и вотъ, Никонъ, по смерти Іосифа, уподобляется Годунову при избраніи на цар-

ство (§ 132): онъ долго отказывался, пока царь, вмѣстѣ съ боярами и толпой народа, не повалились ему въ ноги, обливаясь слезами и клянясь „почитать его, какъ отца верховнѣйшаго". Новый святитель примѣромъ Византіи убѣдилъ царя перенести въ Успенскій соборъ мощи св. патріарховъ, а мученику Филиппу послать прошеніе въ Соловки, въ которомъ значилось: „преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего (§ 127), противъ тебя согрѣшившаго неразсудно". Алексѣй велѣлъ писать Никона въ грамотахъ „великимъ государемъ"; а самъ называлъ его „великимъ солнцемъ свѣтлосіяющимъ; пренепорочнымъ, особеннымъ нашимъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ; возлюбленнымъ моимъ любимцемъ и содружебникомъ". На торжествахъ всенародныхъ царь цѣловалъ патріарха въ руку, а тотъ его—въ голову. Алексѣй самъ подносилъ Никону тяжелые подарки до усталости, встрѣчалъ его за 20 верстъ отъ столицы. Онъ одарилъ его деревнями и пригородами, съ крестьянами и холопами, и разрѣшилъ ему покупать земли.

Во время походовъ Алексѣя, Никонъ сталъ полновластнымъ. Онъ писалъ воеводамъ „указы" съ титуломъ: „мы великій государь". Бояре являлись къ нему съ докладами и кланялись въ землю. Вельможи и царедворцы трепетали передъ нимъ, какъ передъ „страшнымъ тираномъ": говорили, что „государь ему волю далъ", въ видѣ „записи" слушаться его во всемъ. А церковники плакались: „лучше бы намъ на Новой Землѣ за Сибирью пропасть, нежели съ нимъ". Для нихъ у него было много тюремъ, гдѣ несчастныхъ морили голодомъ, сажали на желѣзныя цѣпи, заклепывали въ деревянныя колодки; а по всей Руси распоряжалась его собственная полиція изъ подъячихъ и стрѣльцовъ. Никонъ отлучалъ и низлагалъ владыкъ безъ собора, осебенно богатыхъ епархій, пользуясь ихъ доходами; даже иноземные православные митрополиты считались у него „сынами", а не „братьями". Три монастыря его „строенія", принадлежавшіе ему, какъ дворцовые удѣлы, вдругъ разбогатѣли. Особенно пышенъ былъ Воскресенскій, въ прелестной мѣстности близъ Москвы, соперничавшій съ царскимъ Коломенскимъ. Его именовали *Новымъ Іерусалимомъ*: онъ былъ сооруженъ по плану древней столицы евреевъ, за которымъ посылали въ Палестину нарочныхъ; его окрестности назывались Назаретомъ, Іорданью и т. д. Въ этомъ первопрестольномъ градѣ церкви совершалось истинное служеніе патріаршему величеству. Здѣсь пребывалъ Никонъ, съ пышностью царскаго чина, недоступный даже для

духовенства. На церковной службѣ, которая тянулась нерѣдко съ утра до ночи, съ нимъ служило до 75 человѣкъ, и митрополиты съ епископами становились не рядомъ съ нимъ, а вмѣстѣ съ попами; а на немъ сіяло усыпанное каменьями облаченіе до 3 пудовъ вѣсомъ и митра на подобіе короны. На иконахъ и крестахъ красовались его изображенія, рядомъ съ „парсунами“ царя и царицы.

Отсюда-то разнеслось по Руси новое ученіе, которое было установленіемъ смутныхъ, потаенныхъ грезъ іерархіи, мелькавшихъ даже у Максима Грека (§§ 162, 169, 174). Никонъ проповѣдывалъ, что Россія живетъ „богоизбранною и богомудрою двоицею—двумя великими государями“. Но „ничто не даетъ столько успѣха царству, какъ почтеніе къ святителямъ“. А новое Уложеніе стѣсняло права церкви. Никонъ попиралъ посохомъ эту „проклятую книгу“ и докучалъ Алексѣю требованіями уничтожить ее. Онъ чернилъ такихъ ревнителей ограниченія церкви государствомъ, какъ Іосифъ волоцкій (§ 115). Встрѣтивъ отпоръ, онъ даже на соборѣ кричалъ: „плюю на царскую помощь“. И, не отказываясь отъ мірскихъ благъ, онъ говорилъ: „мы за милостыню царскую не будемъ кланятися“. Никонъ сталъ жаловаться, что „государь расширился надъ церковью и весь судъ на себя взялъ“, тогда какъ „глава церкви— не царь, а Христосъ“, а потому „священство царства преболѣе есть“, и патріархъ—„князь людей“, несмѣняемый владыка, который все судитъ, а на него нѣтъ суда. Никонъ ставилъ въ своемъ синодикѣ патріарховъ прежде царей и выдвинулъ цѣлый запасъ риторики насчетъ „солнца и луны, неба и земли“ да „двухъ мечей—духовнаго и гражданскаго“. Это прямо напоминаетъ тѣ притязанія папства, которыя давно уже рухнули и на Западѣ. Никонъ даже ссылался на „Вѣно Константиново“— подложное основаніе папства, опровергнутое гуманистами и даже кіевскими пріятелями Никона (*С. И.* §§ 70, 170). Въ пылу гнѣва, онъ грозилъ судомъ римскаго первосвященника. Никону хотѣлось самому назваться „русскимъ папой“: за это-то онъ и былъ осужденъ на соборѣ своими же пріятелями, греками.

Никонъ правилъ всего 6 лѣтъ — и уже сталъ „отъ всѣхъ возненавидѣнъ“. Его не терпѣли, прежде всего, свои же церковники, затѣмъ — бояре. На него негодовали даже, изъ ревности къ царю, царица и Милославскіе. Стоило присоединиться къ нимъ народу, чтобы погибъ высокомѣрный святитель. Это и случилось, по поводу *книжнаго новоправленія*. Въ русской церкви

выработались мѣстныя особенности, нерѣдко отъ простого невѣжества. То было вскормленное древнею Русью буквоѣдство (§ 193), которое вовсе не касалось сущности православія; но толпа, закоснѣлая въ пережиткахъ старины, придавала ему божественное значеніе. Начетчики говорили: „Намъ всѣмъ, православнымъ христіанамъ, подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ символа тамъ, идѣже глаголется о Іисусѣ Христѣ: *рожденна*, а *не сотворенна*; велика зѣло сила въ семъ *азъ* сокровенна". Подобные вопросы пріобрѣли особенное значеніе съ введеніемъ книгопечатанія: ошибки и произвольныя особенности были внесены въ богослужебныя книги и получили освященіе печатнаго слова. Двуперстное сложеніе и сугубое аллилуя были утверждены даже Стоглавомъ (§ 173), и самъ Никонъ сначала крестился двумя перстами. Вскорѣ замѣтили ошибку и вздумали исправлять книги (§§ 174, 175); но до Никона это дѣло велось такъ плохо, что вышла новая бѣда. „Справщики", люди еле грамотные, собирали по городамъ и монастырямъ пергаменные списки переводовъ съ греческаго и, при противорѣчіяхъ, брали, что̀ имъ казалось болѣе правильнымъ. Отсюда проистекали новыя нелѣпости: писали, напр., „алекторъ" (пѣтухъ) вмѣсто „илектронъ" (янтарь), считали имена праздниковъ именами святыхъ („молитвами Богородицы и ея честного Успенія") и т. д. Не лучше шло дѣло при патріархѣ Іосифѣ, у котораго справщиками были русскіе начетчики.

Между тѣмъ, восточные іерархи указывали на отступленія русской церкви отъ древняго православія, а аѳонскіе монахи даже сожгли московскія богослужебныя книги. Призванные въ Москву малороссійскіе ученые твердили то же самое; и ихъ ревностно поддерживалъ приближенный царя, постельничій Ртищевъ. Тутъ Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ — и началось „книжное новоправленіе". Послали къ восточнымъ іерархамъ за справками, а константинопольскій патріархъ созвалъ соборъ, благословившій москвичей на доброе дѣло. Въ то же время снова собирали списки переводовъ и посылали къ аѳонскимъ монахамъ, которые дали до 500 древнѣйшихъ рукописей. Никонъ отставилъ прежнихъ справщиковъ и поручилъ дѣло Славинецкому и его ученымъ товарищамъ да грекамъ. Соборъ 1654 г. не только призналъ необходимымъ исправить церковныя книги, но и высказался противъ неправильныхъ старыхъ обычаевъ: онъ объявилъ проклятіе тѣмъ, кто

молится двумя перстами. Вслѣдъ затѣмъ, Никонъ издалъ новыя, исправленныя книги для богослуженія — тѣ самыя, которыя употребляются и теперь въ православныхъ церквахъ, не только нашихъ, но и внѣ Россіи.

§ 201. **„Дѣло“ Никона. Расколъ и Аввакумъ.** — Противъ Никона поднялась буря. Двуперстники кричали, что проклинать двуперстіе значило проклинать предковъ и многихъ святыхъ, которые такъ крестились. Монахи роптали: „Намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться по новымъ книгамъ, а не навыкнуть“. Напрасно Никонъ созывалъ новые соборы, подтверждавшіе рѣшеніе перваго: волненіе увеличивалось, тѣмъ болѣе, что на сторону народа стали многіе попы, даже одинъ епископъ и такая вліятельная обитель, какъ Соловецкій монастырь, гдѣ избили плетьми одного инока, рѣшившагося пѣть по новымъ книгамъ. Духовенство противодѣйствовало отчасти и изъ ненависти къ патріарху, этому „лютому звѣрю, къ жилищу котораго страшно приближаться“. Оно доказывало, что, по выкладкамъ Апокалипсиса, Никонъ — самъ Антихристъ; что онъ вводитъ „польскія, латинскія, еретическія *новшества* (новизны)“. Негодовали также старые справщики: они доказывали, что „новоправленіе“ сдѣлано хотя и по греческимъ книгамъ, но не по древнимъ, а изданнымъ въ Италіи и испорченнымъ латинствомъ. Воскресли и старые предразсудки: снова заговорили объ аллилуя, объ осмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ; кричали, что кто пишетъ Іисусъ вмѣсто *Исусъ*, тотъ еретикъ.

Тогда же царь сталъ охладѣвать къ патріарху. Онъ уже свыкся съ властью, процарствовавши 14 л., а походы укрѣпили его характеръ и отдаляли его отъ любимца. Враги Никона внушали царю, что патріархъ „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко“. Одинъ бояринъ выучилъ свою собаку благословлять и назвалъ ее „Никономъ“. А непреклонный патріархъ сталъ пуще прежняго порицать власть. Онъ доказывалъ, что царь затѣмъ судитъ духовенство по своему Уложенію, „чтобы никто не смѣлъ отъ страха проповѣдовать правду божію“. Онъ называлъ Алексѣя „Ровоамомъ“, а во введеніи царскихъ праздниковъ видѣлъ самовеличаніе власти, уподобляющей себя Богу. Считая себя обиженнымъ, Никонъ удалялся отъ царя, ждалъ, чтобы тотъ пришелъ къ нему съ повинною. А когда Алексѣй пересталъ даже ходить въ церковь, чтобы не встрѣчаться съ нимъ, патріархъ разоблачился всенародно, велѣлъ подать себѣ монашеское одѣя-

ніе и объявилъ, что онъ уже не патріархъ. Толпа зарыдала съ испугу и закричала, что не пуститъ святителя. Никонъ сѣлъ на послѣдней ступенькѣ амвона, въ ожиданіи царскаго слова. Онъ думалъ устрашить своимъ поступкомъ царя такъ же, какъ народъ; но, вмѣсто царя, пришли бояре, осыпая патріарха упреками. Тогда Никонъ уѣхалъ въ свой Іерусалимъ, гдѣ предался хозяйству, трудясь наравнѣ съ рабочими; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надоѣдалъ царю жалобами и дерзостями: онъ сравнивалъ себя съ Златоустомъ и Филиппомъ; а однажды написалъ Алексѣю посланіе, въ которомъ грозилъ ему и Москвѣ участью Навуходоносора и Содома, ссылаясь на бывшее ему видѣніе. Никонъ наѣзжалъ въ Москву, гдѣ кормилъ нищихъ и обмывалъ имъ ноги, причемъ внушалъ, что его хотятъ отравить, и причислялъ себя къ „собранному у Господа лику злопострадавшихъ обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ". Когда бояре приходили къ Никону, чтобы усовѣстить его, онъ стучалъ посохомъ, называлъ ихъ „ворами, нехристями и собаками" и молился: „приложи, Господи, зла славнымъ земли!" Однажды Никонъ явился даже внезапно въ Успенскій соборъ и сѣлъ на патріаршее мѣсто; но ему приказали удалиться. Онъ уѣхалъ, захвативши съ собой патріаршій посохъ, и, садясь въ телѣгу, отрясъ прахъ съ своихъ ногъ. Стоявшій подлѣ стрѣлецъ сказалъ: „Ничего, мы этотъ прахъ подметемъ!"

Такъ тянулось дѣло лѣтъ 8. Наконецъ, Алексѣй созвалъ соборъ (1666), съ участіемъ восточныхъ патріарховъ. На соборѣ Никонъ называлъ царя лжецомъ, патріарховъ „султанскими невольниками и бродягами, ходящими всюду за милостыней", а ихъ Номоканонъ „еретическою книгой". Соборъ лишилъ Никона патріаршества и заточилъ его въ монастырь, гдѣ онъ пробылъ 20 л. Заточеніе Никона было тяжкое, тѣмъ болѣе, что были доносы объ его переговорахъ съ донцами: ему не позволяли писать, плохо кормили, грубили ему. На 6-й годъ старикъ сталъ болѣть, томиться и попросилъ прощенія у царя. Его тотчасъ же облегчили, но не дали свободы. Когда, по смерти Алексѣя, сынъ его попросилъ у Никона письменнаго разрѣшенія грѣховъ отцу, тотъ отказалъ. Наконецъ, Никону позволили возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Онъ велѣлъ везти себя окольными путями, гдѣ его больше знали. Но онъ умеръ на дорогѣ, 77-ми л. Царь Ѳедоръ настоялъ, чтобы его отпѣвали патріархомъ, и цѣловалъ руки покойника.

Дѣло Никона, какъ представителя притязаній духовной

власти, было проиграно и прошло безплодно. Но связанное съ Никономъ исправленіе церковныхъ книгъ оставило слѣдъ, который еще не изгладился: оно произвело расколъ, именуемый *старообрядствомъ*. Русскіе по большей части и слышать не хотѣли объ измѣненіи „прародительскаго и св. чудотворцевъ преданія“. Трегубая аллилуя, „латинскій крыжъ“ (четвероконечный крестъ), троеперстное сложеніе, слово „Іисусъ“, служеніе литургіи на 7 просвирахъ, уничтоженіе нелѣпыхъ ошибокъ въ старыхъ книгахъ, а кстати бритье бороды и усовъ и т. п.,—все это казалось имъ „латинскимъ и антихристовымъ преданіемъ“. Находилось много фанатиковъ, которые всю жизнь боролись съ новшествами или „никоніанскою ересью“, какъ называли они православіе: они проливали кровь за старину, считая себя мучениками за правду. Вдругъ повсюду, отъ Бѣлаго м. до Дона и Сибири, словно пробѣжала искра: появлялись расколоучители, во главѣ которыхъ стояли іосифовскіе справщики, протопопы *Никита Пустосвятъ* и *Аввакумъ*.

Аввакумъ былъ извѣстный начетчикъ, который владѣлъ простою, живою рѣчью и вліялъ на всѣхъ своею твердостью и безкорыстіемъ. Сынъ попа-пьяницы близъ Нижняго, онъ смолоду испыталъ много горя, посвятивъ себя защитѣ правды и бѣдныхъ, въ качествѣ сельскаго священника. Начальники мучили его за это (одинъ даже отгрызъ ему пальцы) и выгнали. Съ сумой, женой и новорожденнымъ ребенкомъ пришелъ Аввакумъ въ Москву. Здѣсь его сдѣлали справщикомъ и протопопомъ. Но когда, при Никонѣ, пришлось исправлять дѣло этихъ первыхъ справщиковъ, они возстали, съ Аввакумомъ во главѣ, и положили начало расколу. Никонъ посадилъ Аввакума на цѣпь въ погребъ, полный мышей, и морилъ его голодомъ, затѣмъ сослалъ на Амуръ. Тамъ Аввакума били батогами и цѣпями и гнали, съ семьей, по голымъ утесамъ. „Протопопица (говоритъ онъ въ своемъ жизнеописаніи) бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится. На меня, бѣдная, пѣняетъ, говоря: „долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна! до самой смерти“. Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ“. Черезъ 10 л. вдругъ велѣли Аввакуму возвратиться въ Москву, гдѣ самъ царь и бояре ласкали его и давали ему денегъ, чтобы онъ молчалъ. Но Аввакумъ мучился, видя паденіе „старой вѣры“, и снова началъ „обличать ересь“, состязуясь даже съ патріархами на соборѣ (1666). Аввакума прокляли и

сослали въ Пустозерье, гдѣ онъ „держалъ до смерти святое и непорочное преданіе“.

Тогда же сослали другихъ расколоучителей, что̀ только распространяло старообрядчество по окраинамъ. Въ *Соловецкомъ монастырѣ*, гдѣ было до сотни пушекъ и много народа, въ томъ числѣ бѣглые донцы, вспыхнулъ цѣлый бунтъ: монахи перестали даже молиться за царя. Правительство сразу приняло крутыя мѣры противъ „церковныхъ мятежниковъ“. Соборъ 1666-го г. проклялъ раскольниковъ и издалъ противъ нихъ книгу Полоцкаго „Жезлъ Правленія“. Имъ рѣзали языки; ихъ ссылали вдаль. Въ Соловки послали войска, которыя взяли монастырь лишь послѣ 10-лѣтней осады, благодаря измѣнѣ. Но соловецкимъ бунтовщикамъ подражали во многихъ мѣстахъ: ихъ имена и граматки—до сихъ поръ святыня старообрядцевъ. Въ отвѣтъ, правительство возстановило древнее наказаніе—*сожженіе*: сожженъ былъ и Аввакумъ, который, по преданію, даже изъ огня показывалъ два пальца. Но фанатики вообразили, что сожженіе ведетъ въ царствіе небесное: они стали сами сожигать себя тысячами, вмѣстѣ съ младенцами, при приближеніи царскихъ войскъ.

§ 202. **Бунты. Разинъ.**—Царствованіе Алексѣя, по началу, походило на царствованіе Грознаго. Оба вступили на престолъ при бѣдствіяхъ и взялись за преобразованія: одинъ далъ Судебникъ, другой — Уложеніе. Оба обращались за поддержкой къ церкви: одинъ также повиновался попу Сильвестру, какъ другой — патріарху Никону. И оба стряхнули съ себя вліяніе церковниковъ: только одинъ расправился съ ними внезапно и посвойски, другой тянулъ дѣло десятокъ лѣтъ и самъ мучился. Затѣмъ оба царствованія представляютъ почти сплошное волненіе, но Грозный воплощалъ въ себѣ разбой и самъ посѣвалъ, среди мирнаго народа, смуту, которая привела къ „розрухѣ“; а Алексѣй страдалъ отъ печальнаго наслѣдія той поры. Его царствованіе было завершеніемъ періода смуты. Возстаніе невѣжества и косности, „церковный мятежъ“, былъ поддержанъ *бунтами* гражданскими. Но то не была борьба съ самодержавіемъ, которое оставалось, въ глазахъ народа, такою же святыней, какъ старое православіе, тѣмъ болѣе, что царь Алексѣй привлекалъ всѣхъ своими личными качествами: овладѣй бунтовщики властью — они сами тотчасъ же поставили бы царя. Народъ былъ увѣренъ, что именемъ Алексѣя управляютъ раз-

ные Морозовы да Милославскіе и что царя даже вовсе нѣтъ: онъ бѣжалъ въ Литву отъ тиранства собственныхъ бояръ.

Главною причиной бунтовъ было дурное управленіе страной, плохіе исполнители закона. Сверхъ того, упорныя войны съ Польшей заставляли правительство награждать бояръ, воеводъ и служилыхъ раздачей земель съ населеніемъ: тогда множество крестьянъ превращалось изъ свободныхъ въ крѣпостныхъ. Обнищалые крестьяне и холопы, а также бѣглые ратные, въ тяжелыя войны съ Польшей, эта *голытьба* (голь) или „голутвенные" люди, бѣжали массами и становились разбойниками. Разбойничество, которому было приволье среди безпредѣльныхъ пустырей и дремучихъ лѣсовъ, достигало небывалыхъ размѣровъ. Это былъ какъ бы политическій расколъ, разгорѣвшійся въ одно время съ религіознымъ и обыкновенно сливавшійся съ нимъ: голытьба была раскольница. Русь распалась на двѣ части— государственную и разбойничью. Послѣдняя выступала дружно и стройно, подъ начальствомъ своихъ атамановъ, противъ царскихъ ратей и нерѣдко побивала ихъ; если попадалась, она держала себя гордо, не просила помилованія; но и сама не давала пощады. Она не только истребляла кучами помѣщиковъ и властителей, но и грабила зажиточныхъ обывателей, особенно торгашей. Второю причиной бунтовъ были нравы грубаго общества, не хотѣвшаго знать никакихъ стѣсненій своимъ страстямъ. Народъ сочувствовалъ разбойничеству не только изъ потребности протестовать противъ дурного управленія, но и по пристрастію къ насилію: тогда еще высоко почитали богатырство, воспѣтое въ древности; смертельные кулачные бои были любимою забавой. Въ разбойничествѣ видѣли что-то почетное и привлекательное. Въ него поступали и тѣ, кому хорошо жилось: купцы, ѣздившіе торговать на Донъ, приставали къ нему изъ страсти испытать приключенія привольной жизни. Подавляемый Горемъ-Злосчастіемъ (§ 178), народъ-страдалецъ мечталъ о немъ, какъ о дивномъ тридевятомъ царствѣ. Это была его утопія — и онъ приголубливалъ ее въ своихъ пѣсняхъ, прославляя „атамановъ-разбойничковъ", „смирителей лиходѣевъ".

Гиль (мятежъ) подымалась по разнымъ мѣстамъ, сначала особенно на сѣверѣ. Вообще она была ничтожна: „гильщиковъ" и „кликуновъ" легко усмиряли жестокими казнями. Но волненія въ *Новгородѣ* и *Псковѣ* (1650) были уже серьезны. Здѣсь народъ придрался къ слуху, будто бояре продались нѣмцамъ и отправляютъ имъ русскія деньги и хлѣбъ. Онъ прежде всего

оскорбилъ проѣзжихъ пословъ Швеціи и Даніи, затѣмъ выбралъ собственное правленіе, избилъ Никона, который былъ тогда митрополитомъ въ Новгородѣ и вышелъ проклинать толпу, и сталъ драться съ царскою ратью. При этомъ крѣпостные частью избивали и грабили своихъ помѣщиковъ, частью разбѣгались. Алексѣй созвалъ земскій соборъ, который присудилъ простить мятежниковъ,—и гиль затихла. Но лѣтъ 10 спустя, положеніе стало еще хуже. Долгія войны съ Польшею и Швеціей потребовали много жертвъ; а правительство, не имѣя даже чѣмъ содержать войска, начало возстановлять откупа и, наконецъ, приняло неудачную мѣру. Вообразивъ, что цѣна монеты зависитъ отъ того, что̀ на ней написано, стали выпускать мѣдную монету, требуя, чтобы ее брали, какъ серебряную, и дѣлая свои уплаты по этому счету. Народъ сталъ прятать серебро, и оно все возвышалось въ цѣнѣ; а мѣдныя деньги все падали, тѣмъ болѣе, что явилось множество „воровскихъ" (поддѣльныхъ) денегъ (болѣе 20.000 человѣкъ было казнено за это). Все это привело къ страшной дороговизнѣ; но мѣдныя деньги отмѣнили только тогда, когда за 1 серебряный рубль стали давать 15 мѣдныхъ. Оттого снова начали возникать волненія. Тамъ и сямъ появились даже самозванцы; но эта старая затѣя уже потеряла силу.

Наконецъ, явились подметныя письма, и вспыхнулъ второй бунтъ въ *Москвѣ* (1662). Толпа попрежнему стала требовать выдачи людей, которые „воруютъ именемъ царя", въ особенности же царскаго тестя. Однажды она вторгнулась во дворъ въ Коломенскомъ, впрочемъ безъ оружія, и при объясненіяхъ хватала царя за пуговицы кафтана. Алексѣй обѣщалъ разслѣдовать дѣло; но бунтовщики угомонились только тогда, когда онъ протянулъ руку, и кто-то изъ толпы хлопнулъ по ней. Однако не произошло никакихъ облегченій — и вскорѣ толпа собралась снова и начала грабить бояръ; но стрѣльцы разсѣяли ее. Много народу было казнено, другихъ пытали, отсѣкали имъ руки и ноги, или же клеймили буквой *б* (бунтовщикъ) и ссылали частью въ Сибирь, частью на Терекъ. Царь сталъ недовѣрчивъ и окружилъ себя стрѣльцами. Возникло новое вѣдомство — *Приказъ Тайныхъ Дѣлъ*. То былъ родъ частной канцеляріи царя, изъ которой онъ разсылалъ свои письма и наказы невѣдомо даже для своихъ наперсниковъ. Здѣсь-то сосредоточивалось государево „слово и дѣло". Тайный приказъ состоялъ изъ довѣреннаго дьяка и нѣсколькихъ подья-

чихъ, которые посылались всюду, какъ царскія очи и уши (*Д. И.* § 71): они надзирали даже надъ послами и воеводами. Эти подъячіе подбирали по всей Руси, въ помощь себѣ, доносчиковъ, преимущественно изъ оголтѣлыхъ дворянъ. Но въ то же время вспыхнулъ самый грозный изъ мятежей той поры.

Этотъ великій бунтъ, длившійся 5 лѣтъ, возникъ на „тихомъ“ Дону, гдѣ пролегала свободная „сиротская“ дорога: тутъ не выдавали бѣглыхъ. Здѣсь издавна гнѣздилась казацкая вольница, которая признавала власть московскаго царя только по имени (§ 161). Городовые или „старые“ казаки успѣли разбогатѣть и жили смирно. Они даже презрительно называли *воровскими* казаками голытьбу, которая начала тогда прибывать къ нимъ небывалымъ множествомъ. Старые не могли прокормить голытьбу, которой царь присылалъ скудное жалованье — „по кусу на человѣка, а инымъ и двоимъ кусъ“. Ктому же, послѣ сдачи Азова (§ 146), „рѣку Донъ и Донецъ съ устья крымскій ханъ закрѣпилъ“, т. е. нельзя было грабить по Азовскому морю. На привольномъ Дону „сталъ голодъ большой“; и не знали, какъ достать себѣ „зипуна“. Тогда проживали на Дону три брата, казаки *Разины*. Одинъ изъ нихъ ходилъ, по царскому приказу, на поляковъ и былъ казненъ безвинно. Его братъ, *Степанъ*, рѣшился отомстить [1]). Это былъ красивый, но

Стенька Разинъ.

[1]) Есть нѣсколько типовъ портретовъ Разина. Наиболѣе схожій—прилагаемый здѣсь, современный событіямъ, сдѣланный нѣмецкимъ граверомъ. Подъ нимъ слѣдующая надпись понѣмецки: „*Подлинное изображеніе Стефана Разина*, главы мятежниковъ въ Московіи, который, въ отмщеніе за своего повѣшеннаго брата, собралъ нѣсколько шаекъ и первоначально разыгрывалъ разбойника; потомъ устроилъ армію, сдѣлался главнокомандующимъ и занялъ богатый городъ Астрахань и много другихъ мѣстъ. Нерѣдко онъ побивалъ войска великаго царя, перезывая къ себѣ многихъ недовольныхъ, и его самого ставилъ въ такое опасное положеніе, что его корона колебалась; такъ что этотъ властелинъ, который такъ кровожадно стремился захватить чужія короны, долженъ былъ дрожать за свою“.

суровый молодчина лѣтъ подъ 40, сильный, упорный, предпріимчивый и неутомимый. Онъ любилъ богатырскія пѣсни и очаровывалъ толпу безумною отвагой да горячимъ словомъ. Бѣшеный и своенравный, онъ сегодня терпѣливо переносилъ всякія лишенія, шелъ въ Соловки, пламенно молился и постился, какъ пустынникъ, завтра — роскошничалъ, бражничалъ, предавался языческимъ суевѣріямъ, насмѣхался надъ постами и браками. Смолоду привыкши къ крови и къ своеволію степняка, онъ не щадилъ ни чужой, ни своей жизни и не терпѣлъ никакихъ узъ гражданственности. „Стенька" особенно ненавидѣлъ гнетъ и вліяніе правящихъ и именитыхъ людей. Самъ испытавши много горя, онъ „сталъ думать крѣпкую думушку съ голытьбою", которая считала его колдуномъ за удачливость, называла своимъ „батюшкой", кланялась ему въ землю, сдѣлала его героемъ своихъ пѣсенъ.

Удалецъ собралъ голытьбу и засѣлъ съ нею у Камышина, на холмахъ, которые и теперь называются *Буграми Стеньки Разина*. Окопавшись землянымъ валомъ, онъ бросался отсюда на русскихъ купцовъ и воеводъ, отнимая у нихъ товары и пушки. А чернь и рядовые стрѣльцы видѣли отъ него одну ласку да щедрость и переходили на его сторону. Онъ говорилъ имъ: „я пришелъ бить бояръ да богатыхъ господъ, и хочу жить съ вами, какъ братъ". Усилившись, ватага Стеньки появилась на Волгѣ. Она грабила нашихъ и восточныхъ купцовъ, расправлялась съ воеводами, выпускала изъ тюремъ колодниковъ. Захвативъ Яицкій Городокъ, она стала громить оттуда кочевья татаръ и гулять по Каспійскому морю до самаго Решта. Однажды она разбила цѣлое войско персидскаго шаха и подѣлила огромную добычу, причемъ Стенька, вопреки обычаямъ казацкаго цѣломудрія, оставилъ себѣ красавицу-плѣнницу, персидскую княжну. Разинцы зажили господами въ Астрахани, гдѣ стало весело и шумно отъ новой голытьбы, прибывавшей съ Терека и Кубани, съ Волги и Днѣпра. Они ходили въ шелку, въ бархатѣ, обвѣшанные драгоцѣнностями, и бражничали напропалую. Среди одного пира на богато убранныхъ стругахъ, пьяный Стенька бросилъ въ даръ „Волгѣ-матушкѣ" свою княжну, сидѣвшую подлѣ него въ сказочномъ нарядѣ. Царь предложилъ прощеніе Разину, если онъ выдастъ пушки и распуститъ свою ватагу. Стенька согласился и возвратился домой. Тамъ, на одномъ островѣ, онъ завелъ свою Сѣчь (§ 190) — укрѣпленный горо-

докъ *Кагальникъ*, куда прибѣжала и жена его изъ Черкаска. Такъ окончилось 3-лѣтнее „воровство“ Стеньки.

Но голытьба снова стала стекаться къ нему отовсюду и разсказывать про горькую долю бѣдноты на Руси. Въ то же время „старые“ задумали отдѣлаться отъ нея и начали переговоры съ Москвой. Тутъ Разинъ вдругъ объявилъ, что „пора идти выводить воеводъ и бояръ“: такъ начался „бунтъ“ Стеньки. „Есауломъ“ Разина сталъ *Васька Усъ*, который давно былъ извѣстенъ истребленіемъ помѣщиковъ на Руси. Разинъ взялъ *Царицынъ* и *Астрахань*, гдѣ жители встрѣтили его, какъ избавителя отъ воеводъ; высланные противъ него отряды стрѣльцовъ также приставали къ нему. Разинъ пьянствовалъ, избивалъ безпощадно всѣхъ, кто не нравился ему, замучивалъ царскихъ слугъ и истреблялъ казенныя бумаги, приговаривая: „вотъ такъ сожгу всѣ дѣла на Верху!“. Изъ Астрахани Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ, на 200 стругахъ: у него было до 10.000 войска и много знаменъ — конскихъ хвостовъ на шестахъ. Онъ объявилъ, что уничтожитъ всякую власть, а также „царскихъ богомольцевъ“ (духовенство), и вездѣ введетъ „вольное казачество“: и народъ встрѣчалъ его любовно, какъ „смирителя нашихъ лиходѣевъ“; города по Волгѣ сдавались. Разинъ поддерживалъ старообрядцевъ, поднималъ инородцевъ, даже сносился съ крымскою Ордой и съ персидскимъ шахомъ. Въ то же время онъ увѣрялъ, что съ нимъ идутъ патріархъ Никонъ и царевичъ Алексѣй (тогда уже умершій), которые будто бы бѣжали отъ злобы бояръ и „имѣли жалость и любовь къ ближнимъ, се есть ко убогимъ и мірскимъ людемъ“. Бунтъ разлился до Оки, Камы и Урала; наперсники Разина появлялись всюду, до Бѣлаго моря и до самой Москвы. Но подъ *Симбирскомъ* Разинъ встрѣтился съ царскимъ войскомъ, обученнымъ по-европейски: онъ былъ весь израненъ, а его рать разсѣялась. Онъ бросился въ Кагальникъ, но „старые“ схватили его обманомъ, а Кагальникъ разрушили. Разина сначала подержали на цѣпи, на церковной паперти, чтобы выкурить его колдовство, потомъ отправили въ Москву. Ужасны были пытки и четвертованіе Разина (1671). Но онъ не издалъ стона, и еще подшучивалъ: „вовсе не больно, словно баба иглою уколола!“ Патріархъ предалъ его имя проклятію. Изъ приверженцевъ Разина погибло въ неимовѣрныхъ истязаніяхъ до 100.000. Бунтъ Разина указывалъ на необходимость преобразованій, которыя и начались при Алексѣѣ. Но

„казацкая вольность“ была несбыточною мечтой: именно тогда пало болѣе могущественное казачество—малороссійское.

§ 203. **Присоединеніе Малороссіи.**—Положеніе малороссійскихъ казаковъ стало невыносимо (§ 192), и у нихъ явился серьезный вождь. *Богданъ Хмельницкій*, сынъ богатаго сотника, получилъ образованіе у іезуитовъ въ Галиціи. Юношей онъ выказалъ храбрость въ битвѣ поляковъ съ турками, гдѣ палъ его отецъ, а онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ и два года прожилъ въ Константинополѣ. По возвращеніи домой, онъ былъ сдѣланъ сотникомъ и примѣрно служилъ своему королю: онъ получилъ золотую саблю въ походѣ противъ Москвы. Но вскорѣ Богданъ сталъ врагомъ поляковъ, жалуясь королю на ихъ угнетенія. Паны начали притѣснять его за это: одинъ изъ нихъ разграбилъ хуторъ Богдана, засѣкъ его маленькаго сына и взялъ въ плѣнъ его жену. Затѣмъ Хмельницкаго бросили въ тюрьму; но онъ бѣжалъ въ Сѣчь — и начались *казацкія войны* (1648—1653). Богдану было тогда уже подъ 60 л. Это былъ образецъ сизочупрыннаго дида (§ 190)—тучный, красивый запорожецъ, съ длинными опущенными усами и проницательными глазами [1]). Малороссы поднялись на призывъ этого опытнаго, всѣмъ извѣстнаго „батька“ и объявили его гетманомъ всего своего воинства. Хмельницкій съѣздилъ въ Крымъ и поднялъ ногаевъ противъ Польши; а съ сѣвера шведы напали на поляковъ. Но важнѣе всего то, что теперь у малороссовъ дѣло шло уже не объ огражденіи своихъ правъ, а о спасеніи русской народ-

Богданъ Хмельницкій.

[1]) Наше изображеніе снято съ лучшаго портрета Хмельницкаго, гравированнаго въ Данцигѣ, въ 1651 г. Здѣсь Богданъ представленъ въ гетманскомъ одѣяніи, съ булавой въ рукѣ; на головѣ шапка вродѣ турецкаго тюрбана, съ перьями и мѣховымъ околомъ.

ности и православія. Оттого на Украйнѣ „всѣ крестьяне пошли въ казаки“: они составляли отряды *гайдамаковъ*, которые грабили и мучили помѣщиковъ, ксендзовъ и евреевъ. Послѣднихъ погибло тогда отъ однихъ истязаній до 100.000. Но ихъ щадили, когда они крестились; а поляковъ избивали, когда они даже хотѣли принять православіе. Трупы бросали собакамъ, даже вырывая ихъ изъ могилъ. Многіе гайдамаки приставали къ казакамъ, которые поступали точно также: особенною лютостью отличался полковникъ Богдана, *Нечай*.

При такомъ одушевленіи народа, казацкія войны сначала шли счастливо для малороссовъ, про которыхъ надменные поляки говорили: „на этихъ подлыхъ хлоповъ не стоитъ тратить пуль; мы разгонимъ ихъ плетьми“. Хмельницкій нанесъ полякамъ рядъ жестокихъ пораженій, въ особенности при *Желтыхъ Водахъ* и подъ *Корсуномъ*, и взялъ дань съ Львова. На поляковъ уже нападалъ безотчетный страхъ при видѣ этихъ удалыхъ „лыцарей“. А украинцы рвались въ походъ на Варшаву. Они защеголяли отъ богатой добычи: серебряныя тарелки пановъ продавались у нихъ дешевле талера. Къ Хмельницкому являлись льстивыя посольства отъ царя, султана, хана, господарей румынскихъ и шведскаго короля. У него было нѣсколько бочекъ серебра, десятки сундуковъ съ дорогимъ платьемъ, больше сотни коней. У Богдана закружилась голова. Это былъ человѣкъ распорядительный, смышленый и дѣятельный, но зaурядный: подъ пьяную руку у него пропадала всякая осторожность и сдержанность; а на его мѣстѣ требовалась великая дипломатія и сила воли. Богданъ не былъ способенъ къ роли вождя, которому приходилось давать направленіе всей будущности своего народа: онъ выступилъ впередъ случайно, какъ исполнитель личной мести. Поверхностное іезуитское воспитаніе только забило въ немъ первобытную отвагу казака, не выработавъ изъ него глубокаго политика. Теперь Хмельницкій почувствовалъ всю отвѣтственность своего положенія—и страхъ закрался въ его изнѣженную и женолюбивую душу. Среди народа, пылавшаго жаждой послѣдняго разсчета съ смертельнымъ врагомъ, онъ то бражничалъ, то постился; сегодня шелъ къ ворожеямъ, завтра — въ церковь; былъ то ласковъ, то надмененъ. Несчастный „батька“ Украйны все пѣлъ свои собственныя казацкія думы (§ 193), то грустныя и кроткія, то буйныя и бранныя. Богданъ терзался нерѣшительностью: онъ боялся обѣихъ крупныхъ сосѣдокъ—и Польши, и Москвы, не постигая, которая

изъ нихъ сильнѣй; а мудреная мысль о самобытномъ государствѣ не овладѣвала его простою казацкой головою.

Сгоряча Богданъ послалъ царю грамоту съ предложеніемъ подданства Украйны, дабы исполнилось „изъ давнихъ лѣтъ глаголемое пророчество". Но потомъ его стало мучить свойственное тогда „хохлу" недовѣріе къ „москалямъ". А тутъ изъ Варшавы прислали ему осыпанную сапфирами гетманскую булаву и красное знамя съ бѣлымъ орломъ. Хмельницкій вступилъ въ переговоры съ поляками, но неисправимая спесь пановъ испортила дѣло. Они потребовали, чтобы онъ отказался отъ „черни", потому что имъ хочется „мстить своимъ холопамъ до самой смерти". А народъ кричалъ полякамъ: „Не словами, а саблями расправимся! Владѣйте себѣ своею Польшей, а Украйна пусть намъ, казакамъ, остается". Богданъ рвалъ на себѣ волосы, по цѣлымъ ночамъ заливалъ свое горе горилкой. Наконецъ, онъ сказалъ: „Переверну я васъ, ляховъ, вверхъ ногами, а потомъ отдамъ въ турецкую неволю! Выбью изъ ляцкой неволи весь русскій народъ! Буду воевать за православную вѣру. Весь черный народъ поможетъ мнѣ по Люблинъ и Краковъ; а я отъ него не отступлю".

Теперь за Богданомъ пошли всѣ украинцы: слово „казакъ" стало означать вообще „русскаго". Прискакало на помощь и много донцовъ; пристали и крымцы съ турками. Подъ *Зборовомъ* (1649) Хмельницкій уже взялъ-было въ плѣнъ короля, какъ вдругъ измѣнили татары, увлеченные польскими червонцами. Богданъ поспѣшилъ заключить выгодный миръ: на Украйнѣ отмѣнялась унія; изгонялись іезуиты, евреи и жолнеры. Но зато всѣ украинцы, за исключеніемъ 40.000 реестровыхъ казаковъ, возвращались въ положеніе черни, т.-е. хлоповъ, которыхъ Богданъ обязался усмирять, въ случаѣ новаго мятежа. Конечно никто не думалъ исполнять такія условія — и началась вторая война, неудачная для казаковъ, опять вслѣдствіе предательства крымцевъ. Хмельницкій принужденъ былъ заключить миръ подъ *Бѣлою Церковью*, отмѣнявшій даже то, что̀ было выгоднаго въ Зборовскомъ договорѣ. Украинцы называли Богдана измѣнникомъ и даже покушались на его жизнь; съ другой стороны, только опытность спасла его отъ польскаго яда. Тогда злополучный гетманъ обратился къ Москвѣ, съ которою уже лѣтъ шесть велъ переговоры, но получалъ уклончивые отвѣты, такъ какъ царь опасался войны съ поляками. Хмельницкій предложилъ Алексѣю „принять казаковъ подъ свою высокую руку",

грозя, въ противномъ случаѣ, поневолѣ идти на него, вмѣстѣ съ крымцами и поляками. Тогда же много малороссовъ перебралось въ наши владѣнія съ праваго берега Днѣпра, полагая основаніе Харькову, Сумамъ, Ахтыркѣ, Лебедину и др.; а въ Орлѣ, Могилевѣ, Смоленскѣ народъ собирался идти на поляковъ. Видя, что уже опасно отказывать казакамъ, Алексѣй созвалъ соборъ, который приговорилъ принять ихъ въ подданство и воевать съ Польшей. Въ *Переяславль* отправили посольство принять присягу отъ казаковъ (1654). Богданъ созвалъ казацкій кругъ и предложилъ выборъ между султаномъ, ханомъ, королемъ и царемъ. Казаки крикнули: „волимъ подъ царя восточнаго православнаго!“ Богданъ настаивалъ, чтобы царь присягнулъ „не нарушать вольностей казаковъ“. Но ему отвѣчали: „никогда этого не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ и говорить объ этомъ непристойно“. Казаки со слезами присягнули присоединиться къ Москвѣ, подъ именемъ *Малой Россіи* (нынѣшнія губерніи Полтавская, Кіевская, Черниговская, большая часть Волынской и Подольской). Они сохранили право имѣть собственное войско (60.000 реестровыхъ) и избирать себѣ гетмана, а также имѣть свой судъ и управленіе и принимать иностранныхъ пословъ. Изъ московскихъ властей допускались только приказные да воевода въ Кіевѣ для наблюденія за сборомъ дани.

Присоединеніе Малороссіи предрѣшило перевѣсъ Россіи надъ Польшей и побѣду христіанства надъ мусульманствомъ въ Европѣ; но вначалѣ оно доставило много бѣдствій Москвѣ, вовлекши ее въ борьбу съ Польшей и Турціей, которая не прекращалась до смерти Алексѣя. Сверхъ того, Украйна долго находилась въ броженіи. Какъ народъ еще не сложившійся, малороссы должны были переносить тяжелую внутреннюю смуту, еслибы даже они были предоставлены самимъ себѣ; а тутъ еще два враждебныхъ вліянія — московское и польское. При польскомъ игѣ ихъ соединяло всеобщее бѣдствіе. Теперь же тотчасъ обозначились общественныя различія. Народъ распался на казаковъ и поспольство, но не въ прежнемъ смыслѣ (§ 190). *Казаки*, въ составъ которыхъ вошли и запорожское товариство, и неистребленный остатокъ украинскаго шляхетства, образовали полноправный классъ, родъ московскихъ служилыхъ: они владѣли землею, которая вся считалась „войсковою“. Но они сами распадались на „значныхъ“ (знать, лучшіе) и „чернь“ или „гультяевъ“. Значные — люди съ достаткомъ и вліяніемъ: они не платили податей; изъ нихъ выбиралась старшина. Они опо-

лячивались и, вмѣстѣ съ привычками, усваивали идеалы панства, съ которымъ даже роднились. Чернь, гнѣздомъ которой была Сѣчь Запорожская, продолжала борьбу съ польщизной (§ 191), хотя страшилась и презирала москалей не меньше, чѣмъ поляковъ. *Поспольство*—московскіе тяглецы. Сюда относились „пашенные мужики" всею своею массой и тонкій слой „мѣщанства" или горожанъ, которые богатѣли, сохранивши за собой магдебургское право (§ 77), и тѣмъ возбуждали зависть значныхъ. Церковь также представляла смуту. Ополяченные воспитаніемъ, одаренные льготами владыки, въ особенности же кіевскій митрополитъ, котораго не давила власть далекаго и слабаго константинопольскаго патріарха, питали шляхетскія стремленія, сливаясь съ значными: они презирали и угнетали низшее духовенство, которое было связано съ поспольствомъ и блюло православіе съ русскою народностью. Такъ, Украйна распадалась какъ бы на два враждебныхъ лагеря. Знать старалась перенять источники обогащенія мѣщанъ, а главное—забрать себѣ всю землю и закрѣпостить мужиковъ, которые уже, тамъ и сямъ, то „панщину робили", то „на чиншѣ (оброкѣ) сидѣли". Она не меньше поляковъ ненавидѣла Москву: убѣжденная, что „жить подъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы", она склонялась къ польской „республикѣ". Поспольство же и чернь, скрѣпя сердце, тянулись, въ политикѣ, къ сѣверу, надѣясь на льготы со стороны самодержавія мужицкой и православной Москвы. Сословная рознь питала еще борьбу между честолюбцами изъ значныхъ. Возникало много соискателей гетманства, которые опирались, кто на верхъ, кто на низъ общества и поджигали народъ сегодня вырѣзывать москалей, завтра—поляковъ. Иногда разомъ числилось нѣсколько гетмановъ на Украйнѣ и въ Сѣчи.

Къ внутреннимъ причинамъ смуты присоединялись внѣшнія, которыя доканали несчастную Малороссію. Украйна не только была лишена независимости, безъ которой немыслимо правильное развитіе общества, но произошелъ гибельный раздѣлъ ея земель. Правобережная, западная Украйна, гдѣ господствовала знать, оставалась за Польшей, и въ ней была своя гетманская столица, *Чигиринъ*; въ лѣвобережной, восточной, заселенной чернью съ праваго берега Днѣпра, сидѣлъ въ *Батуринѣ* свой гетманъ, подчиненный Москвѣ. А митрополичья столица, Кіевъ, это прирожденное средоточіе южной Руси, остался въ сторонѣ отъ историческаго движенія: онъ потерялъ объеди-

нительное значеніе, такъ какъ политическій вопросъ выдвинулся насчетъ бытового. Положеніе было мучительное, неестественное. Обѣ половины Украйны, конечно, стремились слиться, а властвующія державы не понимали своихъ задачъ. Польша могла утвердить за собой Малороссію: стоило только не угнетать черни и православія, а знати дать шляхетскія льготы съ мѣстомъ на своихъ сеймахъ. Но она застыла на своихъ грѣхахъ: поляки мечтали попрежнему о своей уніи да о кровавомъ мщеніи казакамъ за „мятежъ"; они даже гнушались значными, какъ бывшими своими хлопами. Съ другой стороны, Москва могла сразу и спокойно укрѣпить за собой обѣ Украйны, и сбереглось бы много напрасно пролитой крови и слезъ: стоило только сдѣлать уступку самобытнымъ стремленіямъ малороссовъ. Но москвичи не признавали иныхъ идеаловъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и нигдѣ не допускали жизненныхъ различій. Они взглянули на Украйну, какъ на завоеванную страну и даже выказывали презрѣніе ко всѣмъ обычаямъ и особенностямъ ея населенія. Вопреки договору, казаки вдругъ изъ „вольныхъ" стали „вѣчными" подданными: и здѣсь явилось „слово и дѣло", повлекшее многихъ значныхъ въ Сибирь. Московскіе воеводы стали распоряжаться такъ, что быстро разочаровалась даже чернь, на которую вліяла также мѣстная церковь, замѣтившая, что хотятъ подчинить кіевскаго митрополита московскому патріарху. „Москаль" и „хохолъ" стали бранными словами. Но черни легче было сносить обиды отъ православныхъ, чѣмъ отъ поляковъ: она все-таки тянула къ Москвѣ, которая поэтому распространялась на югъ, несмотря на свою слабость. Въ умахъ же значныхъ возникъ идеалъ *независимой Украйны*, свободной какъ отъ польскихъ, такъ и отъ московскихъ вліяній. А для этого оставалось лишь печальное средство разлагающихся обществъ—путь дипломатіи, коварства, козней, подрывающихъ нравственное сознаніе народа. Вождямъ малороссовъ приходилось изворачиваться между Москвой, Польшей, Турціей и даже Швеціей, выдвигая новый міровой вопросъ — соперничество „сѣверныхъ державъ" (§ 196). Хмельницкій заключилъ со шведами, въ ихъ войну съ Москвой, договоръ о раздѣлѣ Польши. Но дипломатическая путаница только сгущала мракъ: смута до того терзала Украйну, что вторая половина 17-го в. названа въ казацкихъ думахъ „руиной", т.-е. розрухой.

§ 204. **Войны съ Польшей, Швеціей и Турціей.**—Украинская смута сливается съ польскими войнами Алексѣя, которыя на-

чались въ самый годъ присоединенія Малороссіи. Царь предвидѣлъ ихъ тягость: оттого онъ такъ долго уклонялся отъ подданства казаковъ. Теперь были сдѣланы огромныя приготовленія: потребовался даже приговоръ земскаго собора. Проводы войска были необычайно торжественны и умилительны: самъ царь пошелъ въ походъ, посѣтивши предварительно святыни и выславши впередъ Иверскую икону. Сначала былъ неожиданный успѣхъ, благодаря помощи Хмельницкаго и шведовъ: Алексѣй взялъ Смоленскъ и Вильну и уже назвалъ себя „великимъ княземъ литовскимъ"; а шведы захватили даже Варшаву и Краковъ. Польша погибала; но ее спасъ самъ врагъ: Алексѣй внезапно объявилъ войну своимъ доблестнымъ союзникамъ. Онъ испугался усиленія шведовъ, проявлявшихъ тогда замѣчательную предпріимчивость и упорство. А, главное, царь все думалъ о морскихъ пристанищахъ для русскихъ и, подобно Грозному (§ 128), увлекался мыслью о Балтикѣ и особенно о Ливоніи. Онъ шелъ даже дальше: требовалъ отъ своихъ дипломатовъ, чтобы они „промышляли всякими мѣрами корабельныя пристани въ Канцахъ (Ніеншанцъ) и въ городѣ Орѣшкѣ на Невѣ". Но мечты Алексѣя не сбылись. Шведы, у которыхъ была уже европейская армія школы знаменитаго Густава-Адольфа и такой предпріимчивый король, какъ Карлъ X (*Н. И.* §§ 62, 97), нанесли ему рядъ пораженій. Впрочемъ, русскіе выказали такое упорство, что былъ заключенъ миръ на условіяхъ, бывшихъ до войны. Вслѣдъ затѣмъ началась вторая польская война, совсѣмъ не похожая на первую. Блестящій польскій полководецъ, Янъ Собѣскій (§ 197), нѣсколько разъ разбилъ москвичей, которые, наконецъ, потеряли, на Украйнѣ, свое отборное войско; и ихъ лучшій воевода попалъ въ плѣнъ къ крымцамъ, которые помогали полякамъ. Царь выходилъ къ народу въ печальномъ одѣяніи и велѣлъ наскоро укрѣпить Москву, а самъ собирался въ Ярославль.

Главною причиной превратностей въ польскихъ войнахъ были смуты на Украйнѣ. По смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ выбранъ Выговскій, ловкій, владѣвшій словомъ и перомъ полякъ, давно взятый въ плѣнъ казаками. Онъ былъ войсковымъ писаремъ (главой казацкой дипломатіи) при Богданѣ и больше него получилъ земель и соболей отъ Алексѣя за присоединеніе Малороссіи; а теперь соединился съ значными и передался къ полякамъ, которые обязались, по *гадяцкому договору*, создать изъ обѣихъ Украйнъ независимое „великое

княжество русское украинское". Но гультяи выгнали Выговскаго въ Польшу, и „черная рада" поставила гетманомъ запорожца Брюховецкаго. Брюховецкій ѣздилъ въ Москву и получилъ чинъ боярина; а затѣмъ прибыли на Украйну московскіе воеводы. Москва оправилась и вынудила у Польши перемиріе въ *Андрусовѣ* (1667): поляки уступили русскимъ Смоленскъ и Сѣверскую землю, признали за ними восточную Украйну по Днѣпръ и даже уступили Кіевъ, хотя только на два года. Но это было ударомъ для малороссовъ: царь оставлялъ правобережную Украйну на произволъ поляковъ. Такъ какъ становились невыносимы и поступки воеводъ, которые вездѣ ставили своихъ людей и надѣляли ихъ землями, то хохлы совсѣмъ ожесточились противъ москалей. Они стали вырѣзывать ихъ, съ семьями, заставили Брюховецкаго измѣнить царю, призывали даже донцовъ, съ „господиномъ Стенькой", „выживать Москву, порадѣть о золотой вольности". Между восточной Украйной и Москвой возгорѣлась настоящая война. Разбитый въ нѣсколькихъ стычкахъ Брюховецкій поддался султану. То же сдѣлалъ тогда гетманъ западной Украйны и Сѣчи, *Дорошенко*, который 13 л. такъ твердо стоялъ за идеалъ независимой Малороссіи, что народъ прославилъ его въ своихъ пѣсняхъ. Онъ выступилъ противъ Польши и Москвы во главѣ турокъ и крымцевъ. Казаки убили Брюховецкаго и провозгласили своего любимца гетманомъ обѣихъ Украйнъ. Но одинъ царскій отрядъ разбилъ Дорошенка, другой, вмѣстѣ съ донцами, обложилъ турецкій Азовъ. Дорошенко сдался. Новый царь, Ѳедоръ, сдѣлалъ его воеводой далеко, на непривѣтливомъ сѣверѣ, гдѣ и умеръ послѣдній стойкій „батька" Украйны, въ глубокой старости. Зато въ турецкой войнѣ Москву постигла неудача: царь обязался платить дань крымскому хану и призналъ за нимъ право назначать гетмана западной Украйны (1680). Въ восточной же Украйнѣ гетманствовалъ тогда сподручникъ Москвы, *Самойловичъ*, который отличался необыкновеннымъ корыстолюбіемъ, деспотизмомъ, да еще чванствомъ: даже старшѝна не смѣла сидѣть передъ его особой.

§ 205. **Кавказъ, Сибирь и Западъ.**—При всѣхъ неудачахъ и смутахъ, Россія при Алексѣѣ расширила свои предѣлы не только на юго-западѣ, но и далеко на востокѣ и югѣ. Кавказъ, уже въ концѣ древней Руси вступавшій въ сношенія съ Москвой, окончательно втягивался въ ея дѣла. Въ горахъ прозябали многіе народцы, съ родовыми князьками, обломки арійскихъ и

туранскихъ племенъ, шедшихъ изъ-за Каспія въ Европу. Ихъ называли на Руси „горскими“ черкасами, т.-е. вольными казаками: отсюда *черкесъ* — слово, означавшее вообще горскую разбойничью вольницу. Близъ Дербента находилось болѣе сильное владѣніе *шевкала* (шамхала) *тарковскаго*. Съ сѣвера къ горцамъ примыкали отрасли монгольскаго племени, переходившія изъ-за Каспійскаго моря, — кочевые *калмыки* и разные татары, съ *кумыками* во главѣ. Къ югу отъ кавказскаго хребта были разсѣяны мелкія владѣнія арійцевъ—*грузинъ*: у Чернаго м. царства кахетинское и имеретинское, внутри—ханство тифлисское, у Каспія—сильное ханство шемахинское.

Всѣ народцы Кавказа враждовали между собой, и этимъ пользовались могущественные сосѣди—русскіе, турки и персіяне. Сѣверные кочевники, а иногда и черкесы, уже объявляли себя холопами „бѣлаго“ царя и служили ему по найму, что̀ не мѣшало имъ грабить его владѣнія до самой Казани и сноситься съ Крымомъ и Турціей. У хребта Москва уже имѣла „линіи“ *гребенскихъ казаковъ*; на Терекѣ сидѣли ея воеводы; даже въ трущобахъ Дагестана былъ русскій городокъ. За хребтомъ господствовало вліяніе ислама. Ханъ шемахинскій былъ вассаломъ персидскаго шаха, а ханъ тифлисскій принялъ даже магометанство и, съ помощью персіянъ, громилъ царей Кахетіи и Имеретіи. Эти цари, тѣснимые также турками, просили уже Михаила принять ихъ въ свое подданство. При Алексѣѣ они даже пріѣзжали въ Москву, но царь поступилъ съ ними такъ же, какъ сначала съ малороссами: назвалъ ихъ своими холопами, но велѣлъ имъ потерпѣть, пока онъ справится съ поляками. Въ то же время Москва помогала гребенскимъ казакамъ въ ихъ борьбѣ съ Шемахой и Тарками, опиравшимися на Персію.

Еще болѣе замѣчательны были успѣхи русскихъ за Камнемъ. Во время польскихъ войнъ, когда *западная Сибирь* была предоставлена „казакамъ“, т.-е. частнымъ искателямъ счастья, тамъ поднялись потомки Кучума (§ 128). Они вели за собой калмыковъ, прикочевавшихъ тогда въ Барабинскую степь (верховья Иртыша и Тобола), башкировъ, остяковъ, самоѣдовъ и другихъ инородцевъ, вооруженныхъ стрѣлами и копьями. Нашихъ было такъ мало, что, напримѣръ, вся Барабинская степь охранялась 60-ю казаками. Но у нихъ, кромѣ богатырской отваги, былъ „огненный бой“. Казаки побѣдили — и туземцы снова стали платить ясакъ въ царскую казну мѣхами. Но истиннымъ подвигомъ русскихъ было покореніе, вѣрнѣе —

открытіе *Восточной Сибири*. Охочіе „провѣдыватели новыхъ землицъ“, соболей да руды уже при Михаилѣ заложили „остроги“ Енисейскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и др., куда прибывали изъ Россіи „пашенные мужики“, а царь присылалъ немного ратныхъ людей и воеводу. Казаки шли все дальше, пугая туземцевъ деревянными пушками. Они „преклоняли подъ государеву руку“ всякаго, кто ни попадется, грабили и мучили народъ, брали ясакъ и заложниковъ съ бурятъ, тунгузовъ и якутовъ да мѣняли на мѣха металическія бездѣлушки, въ особенности же водку. Въ 1648 г. служилый *Дежневъ* съ 25 товарищами уже открыли *Беринговъ проливъ*, послѣ многихъ мученій: „носило меня, говоритъ онъ, по морю всюду неволею и выбросило на берегъ за Анадырь рѣку; и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы“. Въ то же время наши искатели стремились на юго-востокъ Сибири. Въ 1643—1646 гг. другой служилый Поярковъ съ 133 товарищами поплыли изъ Якутска по Ленѣ и Алдану, перетянулись въ притокъ *Амура*, прошли Амуромъ въ *Охотское* море, откуда переволоклись въ притокъ Алдана и по Ленѣ возвратились домой, въ числѣ 50 человѣкъ. Эти молодцы питались кореньями и трупами туземцевъ, которые прозвали ихъ „погаными людоѣдами“. Вслѣдъ затѣмъ другіе казаки пошли тою же ужасною дорогой и захватили *Албазинъ*, но тутъ ихъ остановили китайскіе панцырники, вооруженные винтовками и пушками, что̀ вызвало первое посольство изъ Москвы въ Пекинъ (1654). Покинутые правительствомъ, казаки должны были бросить Албазинъ, въ которомъ продержались 35 лѣтъ, несмотря на то, что совсѣмъ „оголодали и оскудали“.

При Алексѣѣ Россія вступила въ *дипломатическія сношенія со всѣмъ Западомъ*. По большей части это было наивное любопытство оживающаго народа — желаніе себя показать и людей посмотрѣть. Это было также открытіемъ Запада, которое сопровождалось такими же подвигами, какъ въ Сибири. Такъ, въ 1656 г. отправили *Чемоданова* въ Венецію, на голландскихъ судахъ, изъ Архангельска: въ Атлантическомъ океанѣ его едва не потопила буря; миновавъ Узкое Мѣсто (Гибралтаръ), онъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ турецкимъ корсарамъ. Другихъ отправляли изъ одной любознательности, для общихъ развѣдокъ, во Францію, Испанію, Флоренцію и Римъ. Но въ то же время русскіе старались научиться у Запада и извлечь торговыя выгоды: они возили свои товары на показъ, а въ богатой день-

гами Венеціи заговаривали уже о займѣ. Торговыя цѣли сосредоточивались въ Англіи и особенно въ Голландіи, гдѣ сидѣлъ нашъ постоянный „резидентъ“ или „коммиссаріусъ“. А политическая задача вела въ Вѣну, Венецію, Швецію и Данію. Это—*восточный вопросъ* или борьба съ турками и связь съ славянами. Онъ былъ прямо поставленъ тогда сербомъ, *Юріемъ Крижаничемъ*, который говорилъ Алексѣю: „Тебѣ выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ. Ты, отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь задунайцамъ, ляхамъ и чехамъ сбросить съ шеи нѣмецкое и турецкое иго“. Царь ограничился тѣмъ, что наивно просилъ папу соединить весь Западъ для изгнанія мусульманъ изъ Европы. Тѣмъ не менѣе у подвластныхъ Портѣ христіанъ уже укоренялась вѣра въ могущество Россіи, которая освободитъ ихъ. Греки говорили, будто сами турки знаютъ изъ своихъ оракуловъ, что „быть Цареграду за русскимъ государемъ“, и живутъ-де они „съ великимъ опасеніемъ, даже надолго ворота бываютъ засыпаны“. Даже великій герцогъ Флоренціи цѣловалъ грамоту Алексѣя и называлъ его „великимъ царемъ, преславнымъ отъ конецъ до конецъ вселенныя“. А какой-нибудь царь Теймуразъ кахетинскій уже считалъ себя „недостойнымъ цѣловать въ уста привѣтнаго государя“ и лишь по настоянію Алексѣя облобызалъ его „съ великимъ страхомъ“.

Такъ, посольства Алексѣя, не имѣвшія никакихъ прямыхъ послѣдствій, заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ. Они показали, что Западъ начинаетъ сильно интересоваться Россіей и отчасти нуждаться въ ней. Вызывая Испанію на знакомство, Алексѣй писалъ, что „великая Россія отъ года въ годъ во благихъ пріумножается, и многіе государи любительную ссылку съ нами имѣютъ“. А, главное, наши посольства означали, что Россія рѣшилась распахнуть двери въ сознаніи, что она вышла изъ поры уединеннаго дѣтства. Она стремилась показаться въ люди и у себя принимать гостей. Чувство силы проявлялось въ ея свѣжей предпріимчивости. Русскимъ вдругъ захотѣлось вездѣ найти свою выгоду и не зависѣть отъ другихъ. Они собирались даже „ходить кораблями для пряныхъ зелій и овощей“, т.-е. до Индіи: Алексѣй упорно, хотя и тщетно, просилъ герцога курляндскаго продать ему для этого свои корабли. Не задумались даже толкнуться къ папѣ и богдыхану; но первый потребовалъ цѣлованія своей туфли, а второй назвалъ царя сво-

имъ холопомъ. И москвичи оскорбились этими нелѣпостями, столь сродными древней Руси (§ 173).

§ 206. **Кружокъ преобразователей. Кончина Алексѣя.**—При такомъ сознаніи своихъ силъ и возраста, Россіи нечего было бояться отмѣны своей старины. Эта старина уже рухнула сама собой: она лишилась уваженія со стороны лучшихъ умовъ, вождей нарождающейся новой Россіи. То былъ цѣлый кружокъ вліятельныхъ *преобразователей*, питомцевъ Запада. Во главѣ ихъ стояли три крупныя и рѣзко очерченныя личности. Сынъ бѣднаго помѣщика, *Ордынъ-Нащокинъ*, выдвинулся наравнѣ съ европейскими дипломатами: шведы и поляки негодовали на него, оцѣнивъ его силу во время мирныхъ переговоровъ. Нащокинъ едва не добылъ Ливоніи, о которой мечталъ не меньше Алексѣя Михайловича. Царь цѣнилъ его за это столько же, сколько за преданность себѣ, за добродушіе и правдивость. Онъ довѣрялъ безгранично человѣку, который грудью стоялъ за „государственное дѣло", преслѣдовалъ приказныхъ за „воровство и нерадѣніе", смѣло противорѣчилъ самому царю, когда къ престолу подползали ложь и лесть. Алексѣй отсылалъ ему доносы на него, совѣщался съ нимъ обо всемъ и сдѣлалъ его начальникомъ Посольскаго приказа съ небывалымъ титуломъ „царственныя большія печати оберегателя", что̀ соотвѣтствовало на Западѣ званію канцлера. Враги называли его временщикомъ. Ихъ было много, особенно среди знати. Бояре ненавидѣли этого худороднаго новика. Они раздѣляли съ дьяками страхъ къ этому упорному, безпощадному и трудолюбивому дѣльцу, который ктому же былъ желченъ, несговорчивъ и высокомѣренъ. „Я не боюсь сильныхъ, писалъ Нащокинъ царю: но во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистями". Эти злыдни доканали-таки его: какъ ни защищалъ его царь, онъ былъ отстраненъ отъ Верха и ушелъ изъ презрѣннаго міра въ монастырь. Бородатая знать не могла терпѣть оберегателя печати и какъ представителя новой Россіи. По своимъ познаніямъ, стремленіямъ и даже образу жизни, Нащокинъ походилъ на западнаго человѣка. Онъ вѣчно брюзжалъ противъ московскихъ порядковъ и невѣжества и льнулъ къ полякамъ: даже совѣтовалъ отдать королю восточную Украйну. Онъ поручилъ польскимъ плѣнникамъ воспитаніе своего сына; и юношѣ такъ опротивѣла Домостроевская старина, что онъ бѣжалъ за границу. Но самъ Нащокинъ — такой же примѣръ прививки западной гражданственности къ древней Руси, какъ

Алексѣй Михайловичъ. Въ глубинѣ души, онъ оставался настоящимъ русакомъ. Преданный православію и самодержавію, онъ ненавидѣлъ республики и казацкую вольницу и высокомѣрно мечталъ о соединеніи „дѣтей одной матери, восточной церкви", подъ московскою державой. Нащокинъ успѣлъ положить основаніе новизнѣ во многомъ, несмотря на кратковременность своего вліянія. Онъ не жалѣлъ средствъ, чтобы поставить свой приказъ на европейскую ногу, завелъ *почты* для пересылокъ съ Западомъ и упрочилъ изданіе *курантовъ* (§ 177). Онъ старался поднять купечество и завелъ сношенія съ армянскими и персидскими купцами. Онъ же построилъ, на Окѣ, съ помощью иностранцевъ, первый *русскій корабль*, сожженный Разинымъ, и ботъ, сохранившійся у Милославскихъ. Онъ мечталъ даже создать цѣлую флотилію въ Курляндіи.

Злыя ненависти вытѣснили новика; но вліяніе, вмѣстѣ съ Посольскимъ Приказомъ, перешло не къ нимъ, а къ дьячему сыну, Артамону *Матвѣеву*, который больше Нащокина походилъ на западнаго человѣка. Этотъ способный, начитанный и добросовѣстный труженикъ началъ службу въ рейтарскомъ полку, гдѣ до того сблизился съ иностранцами, что сталъ своимъ человѣкомъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Тамъ онъ выбралъ себѣ и жену, шотландку—и его каменныя палаты стали на Руси образцомъ западнаго дворца: чистыя, свѣтлыя, уютныя, онѣ были убраны заграничною мебелью, картинами, часами; даже иконостасъ былъ расписанъ на итальянскій ладъ. Здѣсь гости собирались для бесѣдъ и изящныхъ развлеченій, а не для обжорства и попоекъ. Общество оживлялось присутствіемъ дамъ, душой которыхъ была родственница хозяйки, Нарышкина, изъ рода рязанскихъ дворянъ, крымскихъ выходцевъ. Эти же блестящія палаты часто посѣщалъ нѣмецъ Годфридъ, набравшій изъ крѣпостныхъ и подъячихъ хозяина труппу, которая тѣшила гостей „комидійными дѣйствами" и балетомъ. А въ Посольскомъ приказѣ занимались переводами иностранныхъ книгъ по исторіи да по семи свободнымъ наукамъ и искусствамъ. Матвѣевъ самъ писалъ историческія замѣтки и занимался естественными науками: какъ глава Аптекарскаго приказа, онъ сносился съ иностранными врачами и аптекарями. Все это не мѣшало Матвѣеву предаваться благочестію и благотворенію, по доброму обычаю предковъ. Его всѣ любили за скромный и ровный нравъ. а царь скучалъ безъ него и называлъ его своимъ другомъ, хотя лишь передъ смертью сдѣлалъ его боя-

риномъ: Матвѣевъ не клянчилъ о милостяхъ и не затрогивалъ вельможъ; онъ долго теръ лямку въ стрѣлецкихъ головахъ. Недолюбливалъ Артамона только теремъ на Верху, съ царицей во главѣ, женщиной стараго закала.

Третьимъ другомъ царя и западникомъ былъ постельничій *Ртищевъ*. Находясь всегда подлѣ источника милостей, онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, не выставлялся, не корыстовался, былъ обходителенъ со всѣми. Малороссы просили Алексѣя дать имъ въ „князья" этого „правдиваго и ласковаго" постельничаго. Разсудительный, спокойный Ртищевъ старался сдерживать такихъ спесивцевъ, какъ Никонъ и Морозовъ. Онъ былъ русскій душой. Но этого вдумчиваго человѣка не удовлетворяла внѣшность православія: закоснѣлые бояре подсмѣивались надъ своимъ товарищемъ-философомъ, который доискивался глубокаго смысла христіанства и хотѣлъ исправить ошибки въ нашихъ книгахъ. Соболѣзнуя о своемъ незнаніи языковъ, Ртищевъ старался привлечь чужихъ ученыхъ для исправленія богослужебныхъ книгъ. Какъ бы въ исполненіе желанія Могилы (§ 192), и при поддержкѣ царя, онъ устроилъ, на свой счетъ, Ученое Братство изъ 30 кіевскихъ монаховъ, съ Славинецкимъ во главѣ, а при немъ школу; малороссы занимались переводами твореній св. отецъ и обучали дѣтей греческому языку. Занятый днемъ во дворцѣ, Ртищевъ проводилъ ночи въ бесѣдахъ съ своими учеными друзьями. Но самымъ любимымъ дѣломъ было у него благотвореніе, за чтò зналъ его всякій русскій и преклонялись передъ нимъ иностранцы. Добрякъ-постельничій раздавалъ бѣднымъ деньги и землю, выкупалъ плѣнныхъ, строилъ богадѣльни и больницы, самъ ходилъ за немощными, а въ польскія войны завелъ своего рода Красный Крестъ для раненыхъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ. Онъ огорчался участью крѣпостныхъ: однажды, продавая село, онъ сдѣлалъ уступку, съ условіемъ, чтобы покупщикъ не притѣснялъ крестьянъ.

Ртищевъ былъ какъ бы звеномъ между свѣтскими и духовными преобразователями временъ царя Алексѣя. Первые понемногу передѣлывали древнюю Русь съ внѣшней стороны: они устраивали войско по западному образцу, мечтали о флотѣ и морѣ, налаживали правильную дипломатію, дѣлали финансовые опыты, искали серебро въ Сибири, нашли мѣдь у Олонца, обрабатывали желѣзо, наконецъ, заводили европейскіе обычаи и обстановку. Все это — съ помощью иностранцевъ. Духовные

преобразователи или учителя Руси были сами чужеземцы. Теперь-то хлынула волной въ Москву вся западная образованность, начиная съ самихъ ея представителей, кончая мелочами быта. Посредниками тутъ были малороссы (§ 193). Уже Могила внушалъ Михаилу Өедоровичу взять кіевскихъ монаховъ, чтобы они „учили дѣтей боярскихъ и простаго сана людей грамотѣ греческой и славянской“. Галятовскій жилъ одно время въ Москвѣ. Барановичъ находился въ сношеніяхъ съ царями, и Алексѣй распространялъ по русскимъ монастырямъ его „Трубы Словесъ“. Но истинными вождями научнаго переселенія были Славинецкій и Полоцкій.

Весьма ученый человѣкъ, получившій образованіе въ Кіевѣ и за границей, *Славинецкій* былъ скромный кабинетный труженикъ. Онъ побѣдилъ предубѣжденіе Никона противъ малороссовъ и былъ назначенъ, послѣ работъ у Ртищева, главнымъ справщикомъ: книжное новоправленіе — его дѣло. Славинецкій потрудился 26 л. въ Москвѣ и умеръ на родинѣ бѣднымъ іеромонахомъ. Кромѣ исправленія книгъ, онъ обучалъ молодежь, проповѣдовалъ и много переводилъ даже по части свѣтскихъ наукъ. Славинецкій не обладалъ талантомъ: его слогъ сухъ и педантиченъ. Но этотъ честный и искренній человѣкъ умѣлъ говорить просто и одушевленно, когда касался злобы дня. Для москвичей полезнѣе всего были его умныя обличенія невѣжества, ханжества и тунеядства, его горячая защита обдѣленныхъ на жизненномъ пиру. Славинецкій внушалъ іерею: „пекись и промышляй всѣмъ сердцемъ и душою, сколько твоей силы станетъ, увѣщевай царя и всѣхъ могучихъ людей вездѣ устраивать училища для малыхъ дѣтей“, чтобы „разрушить тьму, прогнать темный обманъ, просвѣщать природный человѣческій разумъ“, чтобы „скрылись ненавистники науки, ослѣпленные люди, которые, какъ совы, возлюбили мракъ невѣденія и завидуютъ тѣмъ, которые хотятъ озарять другихъ свѣтомъ ученія, вредятъ имъ клеветами, лицемѣріемъ, обманомъ“. А раскольники услышали такое правдивое слово: „Слѣпые невѣжды, едва привыкшіе читать по складамъ, даже не отвѣдавшіе ученія, дерзаютъ толковать божественное писаніе, или, лучше сказать, извращать его. Не видятъ невѣжды, что у насъ исправлялись не догматы вѣры, а только кое-какія выраженія, измѣненныя недомысліемъ и описками невѣжественныхъ писцовъ или невѣжествомъ типографскихъ справщиковъ“. Славинецкій возбуждалъ и самодѣятельность общества: не до-

вольствуясь совѣтами правительству и владыкамъ заводить богадѣльни, онъ совѣтовалъ частнымъ лицамъ устроить „всепріятелище“ или общество милосердія, на подобіе братства (§ 192), съ собственною казной для раздачи бѣднымъ денегъ взаймы.

Больше Славинецкаго имѣлъ вліяніе человѣкъ менѣе глубокій, — *Симеонъ*, прозванный, по мѣсту своего рожденія, *Полоцкимъ*, который позже прибылъ въ Москву, гдѣ и умеръ, 16 л. спустя. Полоцкій учился тамъ же, гдѣ и Славинецкій, но зналъ гораздо меньше: онъ пользовался свѣденіями и даже сочиненіями Славинецкаго, который не долюбливалъ его. Тщеславный, любившій пожить бѣлоруссъ обладалъ только способностью писать быстро и красно, хотя темновато и напыщенно, какъ настоящій риторъ. Лишенный самобытности, онъ отовсюду, безъ разбора, черпалъ свѣденія и издавалъ всякія книжки, отъ богословія и катехизиса до выспреннихъ одъ и драмъ, писанныхъ тяжелыми силлабическими виршами. Для Москвы именно и требовался такой всесторонній, развязный и умѣвшій безцеремонно браниться борзописецъ, родъ журналиста, создававшаго читателей. Полоцкій былъ какъ бы придворнымъ поэтомъ и проповѣдникомъ: онъ льстилъ вельможамъ и владыкамъ и умѣлъ такъ угодить Алексѣю, что былъ сдѣланъ наставникомъ царевичей и осыпанъ милостями, просьбами о которыхъ надоѣдалъ властямъ. Это дало ему возможность защищать, при двухъ царяхъ, юго-западныхъ ученыхъ противъ козней московскихъ невѣгласовъ. Полоцкій, подобно Славинецкому, громилъ невѣжество и особенно расколъ, который былъ изобличенъ имъ въ безпощадномъ „Жезлѣ Правленія“. Онъ неутомимо совѣтовалъ властямъ заводить училища, ласкать студентовъ, выискивать и „честьми поощрять“ учителей, причемъ особенно высоко ставилъ изученіе иностранныхъ языковъ. Но въ глубинѣ этой легкой души еще гнѣздились пережитки, сближавшіе ее съ москвичами. Ловкій царедворецъ проповѣдовалъ отшельничество и нетерпимость: въ его глазахъ „не было спасенія внѣ православной церкви“. У Полоцкаго Домостроевскій взглядъ на воспитаніе и на женщину. Но и это не спасло его памяти отъ нареканій. Когда послѣ его смерти пало значеніе кіевскихъ ученыхъ, онъ былъ объявленъ еретикомъ: въ его сочиненіяхъ не трудно было найти слѣды „латинства“.

Пріѣзжалъ въ Москву, при Алексѣѣ Михайловичѣ, и дальній славянинъ, сербъ *Крижаничъ*. Онъ походилъ на кіевскихъ ученыхъ, но былъ еще болѣе образованъ и развитъ. Впрочемъ

онъ имѣлъ мало вліянія, попавши въ Сибирь вскорѣ по пріѣздѣ. Прочнѣе утвердился въ Москвѣ очень образованный молдавскій бояринъ *Спафарій*, который зналъ много языковъ, бывалъ и на Западѣ, дружилъ и съ іезуитами, и съ голландскими учеными. Онъ мечталъ, съ Матвѣевымъ, о преобразованіяхъ и помогалъ ему, какъ опытный дипломатъ.

Царица Наталья Кириловна.

Кружокъ преобразователей, людей новыхъ, худородныхъ, составлялъ какъ бы избранную думу (§ 122) подлѣ царя, оттирая родовитыхъ представителей старины. Алексѣй поручилъ имъ даже воспитаніе своихъ дѣтей, которыя знали попольски. Подконецъ онъ совсѣмъ примкнулъ къ западникамъ, подчинился имъ даже въ своемъ домашнемъ быту. Тогда умерла Милославская, женщина стараго закала, и онъ женился на *Наталъѣ Кириловнѣ Нарышкиной* [1]). Иностранцы, видѣвшіе ее незадолго до свадьбы, въ 1670 г., когда ей было около 20 л., съ восторгомъ описываютъ ея цвѣтущую красоту, ея граціозность, высокій лобъ, большіе черные проницательные глаза, ровныя брови, очаровательную улыбку, звонкій, но пріятный голосъ. Важнѣе то, что царица Наталья была первая женщина новой Россіи. Она получила европейское образованіе въ домѣ Мат-

[1]) Наиболѣе схожій портретъ Натальи Кириловны, хорошо написанный неизвѣстнымъ мастеромъ, находится въ родѣ Нарышкиныхъ. Хорошіе снимки съ него есть въ Эрмитажѣ и въ Гатчинскомъ дворцѣ. Съ него сняты почти всѣ существующіе портреты, въ томъ числѣ и нашъ.

вѣева, наравнѣ съ его сыномъ. Умная, развязная, привѣтливая, развитая, она подсмѣивалась надъ московскими увальнями, любила общество и развлеченія. Она внесла струю свѣжаго иноземнаго воздуха на заматерѣлый Верхъ и своими выходками приводила въ ужасъ питомицъ терема и Домостроя — шестерыхъ дочерей Милославской, почти ровесницъ ей, прозябавшихъ подъ надзоромъ трехъ старыхъ дѣвъ, тетокъ царя. Новая царица впервые явилась на народѣ въ открытой колымагѣ. На Верху объявилась Комедійная Палата, съ маллороссійскою труппой Матвѣева, съ пляской, съ флейтами, скрипками и органами.

30-го мая 1672 г. Наталья подарила Россію ребенкомъ-богатыремъ и красавцомъ, Петромъ; и вліяніе новыхъ людей закрѣпилось. Ихъ кружокъ расширялся. Среди ближнихъ бояръ выдвигался Хитрово, особый пріятель иностранцевъ. Старый дядя царя, Никита Романовъ, обрядилъ своихъ холоповъ въ западныя ливреи и приберегъ ботикъ Нащокина. Бояре начинали обучать своихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ. Въ Москвѣ появились польскія книги и нѣмецкія гравюры. Даже русскій языкъ запестрѣлъ полонизмами. Но передъ взоромъ Алексѣя рано померкла заря новой Россіи. Онъ пересталъ ходить въ походы, все сидѣлъ, раздобрѣлъ и вдругъ началъ слабѣть, на 47-мъ г. отъ роду. „Тишайшій" умеръ, какъ жилъ (1676): освободилъ узниковъ и ссыльныхъ, простилъ долги казнѣ и заплатилъ за частныхъ должниковъ, пособоровался, причастился и спокойно дождался смерти.

§ 207. **Ѳедоръ III. Милославскіе и Нарышкины.** — Алексѣй завѣщалъ своему преемнику тяжелую задачу. Осталось огромное государство, разстроенное мучительными войнами на западѣ, а, главное, взволнованное глубокою смутой. Мятежи и измѣны на окраинахъ, на раздольяхъ Волги, Дона и Днѣпра, только притихли. Подъ ними сохранялось пламя смертельной вражды между древнею и новою Русью, которое уже пылало открыто въ видѣ непримиримаго раскола и тлѣло на самомъ Верху, въ осиротѣвшей семьѣ тишайшаго царя. Эта семья распадалась на два лагеря, сообразно съ двумя браками Алексѣя. Отъ Милославской осталось 6 дочерей, съ 19-лѣтнею Софьей во главѣ, и 2 сына — Ѳедоръ 14-ти л. и Иванъ 9-ти лѣтъ; отъ Нарышкиной — 2 дочери и 4-лѣтній Петръ.

Сначала возобладали Милославскіе, такъ какъ царемъ сталъ старшій сынъ Алексѣя. *Ѳедоръ III* былъ въ отца, по своей мяг-

кости, добротѣ и любви къ покою [1]). Ученикъ Полоцкаго, онъ зналъ попольски и немного полатыни; его любимымъ занятіемъ было сидѣть дома за книжкой или кропать вирши. Но Ѳедоръ былъ не такъ даровитъ, какъ отецъ, и совсѣмъ не имѣлъ своей воли: его ослабляла неизлечимая цынга. Видно было, что этотъ

Ѳедоръ III Алексѣевичъ.

„чахлый" царь долго не протянетъ и не оставитъ потомства. Но еще менѣе надежды подавалъ его единокровный братъ, *Иванъ*: никто не сомнѣвался, что этотъ подслѣповатый и „скорбный главою" мальчикъ, съ угловатымъ черепомъ и вытянутымъ

[1]) Единственный болѣе достовѣрный портретъ Ѳедора Алексѣевича находится въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Онъ воспроизведенъ, въ краскахъ, въ „Древностяхъ Россійскаго Государства" и послужилъ подлинникомъ для нашего рисунка. На этомъ портретѣ, писанномъ по смерти Ѳедора, царь изображенъ во весь ростъ, въ полномъ царскомъ облаченіи и въ вѣнцѣ святителя.

лицомъ, не будетъ способенъ къ правленію. Стало быть, современемъ престолъ долженъ былъ перейти къ Петру, который былъ тогда замѣчательно здоровымъ и бойкимъ ребенкомъ. Но это значило, что станутъ властвовать Нарышкины, и прежде всего вдовствующая царица, такъ ненавистная Милославскимъ, чувства которыхъ раздѣляли тетки Ѳедора и его единокровныя сестры. Отсюда обычныя въ такихъ случаяхъ козни на Верху. Но тутъ съ ними сливалась *борьба двухъ историческихъ направленій*. Мстиславскіе, это — древняя Русь, въ которой если и было какое-нибудь образованіе, то устарѣлое, лишь подготовительное, польское (южно-русское); Нарышкины — новая Россія, съ ея стремленіемъ къ кореннымъ преобразованіямъ, съ просвѣщеніемъ западнымъ, нѣмецкимъ. Первую сторону составляли родовитые бояре, во главѣ которыхъ стоялъ невѣгласъ и извѣстный взяточникъ, дядя царя, Иванъ Милославскій, да столь же необразованный и властолюбивый патріархъ Іоакимъ; они опирались на грубыхъ стрѣльцовъ. Душой второй стороны былъ Артамонъ Матвѣевъ; а за нимъ стояли новыя, европейски обученныя войска и Нѣмецкая Слобода.

Благодаря сестрамъ Ѳедора, въ особенности Софьѣ, Милославскіе овладѣли слабымъ царемъ — и у него начались „неукротимыя несогласія“ съ Нарышкиными. Матвѣева сослали въ Сибирь, со всѣмъ семействомъ, за то, что онъ не допивалъ остатки царскаго лекарства, а главное, имѣлъ „черную книгу“, по которой вызывалъ чертей. Сослали и двухъ братьевъ царицы Натальи, которая жила, съ своими дѣтьми, также въ почетной неволѣ, въ подмосковномъ селѣ *Преображенскомъ*, гдѣ ее дурно содержали. Тогда же Іоакимъ расправлялся, безъ всякаго суда, съ непріятными ему людьми среди церковниковъ: Никона стали „исправлять“ строгимъ заключеніемъ въ кельѣ.

Но уже прошли времена засилія старины. Господство Милославскихъ продолжалось не болѣе трехъ лѣтъ. Достигши 17-лѣтняго возраста, Ѳедоръ вдругъ выдвинулъ двухъ своихъ любимцевъ, *Языкова* и *Лихачева*. То были новики — люди свѣжіе, неродовитые, дѣльные и способные, а главное, бывшіе бѣльмомъ на глазу у бояръ, по своей честности и вѣжливости. Вслѣдъ затѣмъ царь самъ выбралъ себѣ невѣсту, которая приглянулась ему на крестномъ ходу. То была *Грушецкая*—полька, дѣвица незнатная, но образованная и обходительная. На Верху тотчасъ стали брить бороды, стричь волосы, одѣваться и даже говорить попольски: казалось, воскресли времена Марины (§ 136). Если молодая

царица вскорѣ умерла отъ родовъ, то ея преемница, *Апраксина*, оказалась родственицей Языкова и крестницей Матвѣева. Тотчасъ Матвѣевъ и даже Никонъ были возвращены изъ ссылки. Мало того. „Несогласія“ укротились: царь примирился съ своею мачихой.

И во все царствованіе Өедора продолжались преобразованія его отца. Даже было сдѣлано много, если взять въ разсчетъ всего 6-лѣтній срокъ, наполненный смутами на Украйнѣ и тяжкою войной съ Турціей (§ 204). Военныя неудачи Алексѣя особенно выдвинули вопросъ объ европейскомъ устройствѣ арміи. Былъ созванъ соборъ служилыхъ людей, приведшій къ замѣчательной и рѣшительной мѣрѣ, которая искоренила главную язву ратнаго дѣла въ древней Россіи. „Да погибнетъ въ огнѣ богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество!“ воскликнулъ соборъ—и послѣдовала *отмѣна мѣстничества* (1682). Дѣло было нетрудное: уже при Алексѣѣ мѣстничество не допускалось въ походахъ и въ Посольскомъ приказѣ; и въ Уложеніи честь каждаго была точно оцѣнена на деньги. Өедоръ просто велѣлъ принести къ себѣ въ сѣни разрядныя книги (§ 162) и сжегъ ихъ торжественно, при многихъ свидѣтеляхъ. Въ видѣ уступки боярской спеси, составили Родословную Книгу, на которую однако не дозволялось ссылаться по службѣ. Сверхъ того, однимъ боярамъ разрѣшалось ѣздить четверней и даже шестерней, другимъ—только на одной лошади или верхомъ; но и эти почести были росписаны уже не по роду, а по „разряду“ или чину, т.-е. по должности. Тогда же былъ составленъ уставъ о „степеняхъ“, въ силу котораго сановники получали бы разные чины, гражданскіе или военные, по своимъ должностямъ; но онъ не былъ введенъ за смертью царя.

Но успѣли провести еще рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію народа и къ упорядоченію управленія. Сократили число приказовъ и воеводъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено все мѣстное управленіе. Отмѣняли винные и таможенные откупа, уменьшали налоги, даже созывали выборныхъ отъ городовъ и селъ „для уравненія людей всякаго чина въ платежѣ податей“. Вводили порядокъ въ помѣстный и вотчинный строй путемъ размежеваній, причемъ ограждали имущественныя права женщинъ. Былъ изданъ рядъ просвѣщенныхъ указовъ для смягченія нравовъ: уничтожали четвертованіе, отчасти замѣнили кнутъ пеней, воспретили черни, при

встрѣчѣ съ боярами, вскакивать съ лошади и класть земные поклоны. Самъ Ѳедоръ увлекался просвѣщеніемъ и дѣлалъ благотворенія. Онъ устраивалъ богадѣльни, приводилъ въ порядокъ нищенство, содержалъ на свой счетъ больныхъ бѣдняковъ. Но особенное удовольствіе доставляло ему посѣщеніе типографіи и школы при ней. Передъ смертью онъ утвердилъ уставъ перваго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи — *славяно-греко-латинской академіи* (1682). Она была открыта для всѣхъ сословій, пользовалась самосудомъ и была обезпечена доходами съ нѣскольких богатыхъ областей. Учителямъ полагались разныя льготы и пенсіи; ученики получали, по окончаніи курса, важныя должности. Но московская академія, созданная по мысли Полоцкаго, была сколкомъ съ кіевской (§ 192). Это—средоточіе устарѣвшаго, южно-русскаго просвѣщенія, а также столпъ православія и нетерпимости.

§ 208. **Софья и стрѣльцы.**—По смерти Ѳедора (1682), дѣла запутались. Точнаго закона о престолонаслѣдіи не было, и оставались два брата покойнаго царя, оба неспособные къ правленію — одинъ по болѣзненности, другой по малолѣтству. Снова возникли „неукротимыя несогласія“ между Милославскими и Нарышкиными. Тотчасъ обнаружилось, что положеніе первыхъ стало затруднительнѣе, чѣмъ при смерти Алексѣя. У нихъ оказался одинъ только сильный человѣкъ, да и то—женщина. Третья изъ оставшихся въ живыхъ дочерей Алексѣя отъ Милославской, *Софья*, служитъ воплощеніемъ поры подготовки коренныхъ преобразованій [1]). Это—не старинная боярышня, но и не вполнѣ новая женщина. Теремъ, гдѣ она просидѣла заключенницей до 20-лѣтняго возраста, наложилъ на нее свой отпечатокъ: она читала больше божественное, особенно житія святыхъ, и свыклась съ старицами и юродивыми древней Руси; она была тучна, круглолица, съ хорошими волосами, какъ русская красавица того времени. Но душой Софья была создана для новой Россіи. Она походила на отца дарованіями и любознательностью, также какъ большими проницательными глазами. Даже враги находили, что это — „больше мужеска ума исполненная дѣва“. Петръ говорилъ про нее: „жаль, что при великомъ умѣ своемъ, имѣетъ она великую злость и коварство“. Софья была подстать ему, по своему крѣпкому здоровью, упор-

[1]) Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ съ единственнаго точнаго подлинника временъ Софьи, сдѣланнаго Тарасевичемъ, по заказу Шакловитаго. Оттиски

ному нраву, отвагѣ, предпріимчивости, а также по склонности къ просвѣщенію: ученица Полоцкаго, она много читала по-

Царевна Софья Алексѣевна.

польски и любила бесѣдовать съ образованными людьми; особенно почитала она главнаго ученика Полоцкаго, монаха Силь-

съ этой гравюры тогда же были напечатаны на бумагѣ, атласѣ, тафтѣ и объяри (плотная шелковая матерія) и раздавались приближеннымъ Шакловитаго, который, сверхъ того, послалъ одинъ изъ нихъ въ Амстердамъ черезъ Виніуса. Тамъ граверъ Блотелингъ сдѣлалъ сотню копій, которыя были доставлены въ Москву и розданы сторонникамъ Софьи. Въ 1699 г., при розыскѣ, Петръ I велѣлъ отбирать гравюры Тарасевича и Блотелинга, подъ страхомъ смертной казни. Оттого сохранилось только три экземпляра гравюры Блотелинга. Отъ работы же Тарасевича не осталось ничего: самый оригиналъ ея исчезъ при Екатеринѣ II. На нашемъ ри-

вестра Медвѣдева. Если она принимала видъ постничества, а подчасъ и старовѣрства, то это было лицемѣріе, вынужденное тѣмъ ложнымъ положеніемъ, которое вообще заставляло ее не разбирать средствъ, дѣлало безполезными ея дарованія и, наконецъ, сгубило ее самое. Софья была очень честолюбива: ея героиней была византійская царевна Пульхерія, долго правившая за своего брата. Полная страсти, горѣвшей въ ея зоркихъ глазахъ, она любила пожить: подобно своимъ сестрамъ, она наряжалась въ польскія платья, обвѣшивалась драгоцѣнностями и завела друга сердца.

Ея выборъ палъ на человѣка, который также былъ связанъ своимъ положеніемъ со стариной, а по существу былъ новымъ человѣкомъ. Членъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ, *Василій Голицынъ*, отличался умомъ, образованіемъ, утонченною вѣжливостью и такимъ пристрастіемъ къ западнымъ обычаямъ, что его домъ казался однимъ изъ лучшихъ уголковъ Европы въ Москвѣ, даже по своему наряду. Ему особенно нравились вѣжливые французы и вкрадчивые іезуиты, которые, благодаря ему, впервые появились въ Москвѣ. Иностранцы называли „великимъ человѣкомъ" этого русскаго сановника, который говорилъ съ ними полатыни и, подавая имъ, по обычаю, водку, совѣтовалъ не пить. У Голицына была библіотека съ иностранными книгами; и онъ защищалъ малороссійскихъ ученыхъ отъ нашихъ невѣгласовъ. Онъ нерѣдко гостилъ въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ, за пирушкой, восхвалялъ голландскую республику и горячо говорилъ о необходимости всестороннихъ перемѣнъ въ Россіи, о распространеніи просвѣщенія, даже объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Онъ присовѣтовалъ отмѣну мѣстничества. Изувѣры старины покушались на его жизнь.

сункѣ Софья изображена въ полномъ царскомъ облаченіи, съ длинными распущенными волосами. Кругомъ надпись: „Софіа Алексѣевна самодержица" и т. д., съ полнымъ царскимъ титуломъ. Внизу вирши, гдѣ Софья сравнивается съ Семирамидой, Елизаветой англійской и византійской царевной Пульхеріей, правившей за своего брата Ѳеодосія II (въ 5 в.). На голландской гравюрѣ вирши переведены на латинскій и нѣмецкій языки: Шакловитый хотѣлъ, чтобы „такая же была слава великой государынѣ за моремъ, въ иныхъ земляхъ, какъ и въ Московскомъ государствѣ". Вокругъ овала 7 медальоновъ съ аллегорическими изображеніями „седьми даровъ, сирѣчь добродѣтелей великой государыни". Подъ каждымъ надпись: Разумъ, Благочестіе, Щедрота, Великодушіе, Цѣломудріе, Правда, Надежда божественная. Въ Версали есть другого типа портретъ Софьи масляными красками, въ достовѣрномъ русскомъ нарядѣ; только, вопреки обычаю, волосы падаютъ изъ-подъ кокошника.

Словомъ, Голицынъ подходилъ къ кружку преобразователей (§ 206) и ихъ преемниковъ при Ѳедорѣ. Онъ былъ пріятелемъ Спафарія и работалъ вмѣстѣ съ Языковымъ и Лихачевымъ, выдвигаемый Софьей, которая и сама привыкла къ дѣламъ: она подконецъ не отходила отъ больного брата-вѣнценосца и пользовалась почетомъ правительницы.

Но Голицынъ, самъ еще не утвердившійся, да и человѣкъ мирный, нерѣшительный, велъ себя осторожно, особенно въ виду его личныхъ отношеній къ Софьѣ. Открыто и шумно стоялъ за нее только старый воевода *Хованскій*. Это — сущее олицетвореніе древней Руси. Невѣжественный, грязный кутила, жестокій съ подчиненными, бездарный Хованскій славился даже на Западѣ своими вѣчными пораженіями въ войнахъ. А дома всѣ презирали его за сварливость, заносчивость и вздорную болтовню. Народъ называлъ его Тараруемъ, а царь Алексѣй сказалъ ему однажды: „тебя всякъ называлъ дуракомъ". Чванясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина и родствомъ съ Патрикѣевыми (§ 119), онъ ненавидѣлъ новиковъ, людей худородныхъ, и мечталъ стать набольшимъ въ Москвѣ, съ помощью невѣжественной толпы раскольниковъ и стрѣльцовъ.

Вотъ и вся сила родственниковъ больного царевича Ивана, бояръ Милославскихъ, которые сами отличались бездарностью, грубостью, мздоимствомъ да еще высокомѣріемъ, выказаннымъ ими нагло уже при царѣ Ѳедорѣ. А на сторонѣ Нарышкиныхъ и Петра находились такіе способные правители и обходительные люди, какъ Языковъ, Лихачевъ, самъ Матвѣевъ. Изъ бояръ Апраксины были связаны съ ними личностью вдовствующей царицы; остальные склонились на ихъ сторону, замѣчая неспособность царевича Ивана и уже очевидную даровитость Петра, а также не желая подчиняться такимъ нахаламъ, какъ Милославскіе. Но чтобы лучше закрѣпить дѣло, велѣли патріарху спросить народъ съ Краснаго Крыльца: кому быть царемъ—Ивану или Петру? Толпа выкрикнула Петра. Настала пора Нарышкиныхъ. Царица Наталья сдѣлалась опекуншей царя и правительницей. Ея молодой братъ, Иванъ Кирилычъ, человѣкъ горячій и высокомѣрный, сталъ презрительно обращаться съ вельможами. Матвѣевъ получилъ прежнее значеніе. Милославскимъ угрожало гоненіе, а Софьѣ—монастырь.

Но Софья, которая сама привыкла къ власти при Ѳедорѣ и уже достигла 25-лѣтняго возраста, была не изъ такихъ, чтобы сдаться безъ боя. Готовая на все, она не вдавалась въ

тонкіе разсчеты. Уже при похоронахъ Θедора она обратилась къ суду толпы. Отважная царевва голосила такъ, что перекричала цѣлый хоръ наемныхъ черницъ-плакальщицъ, и приговаривала: „Братъ нашъ нечаянно отошелъ со свѣта отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами"! Затѣмъ Софья необдуманно связала свою судьбу съ предназначенною къ погибели старою Русью, въ особенности же съ ея главною опорой—московскими стрѣльцами. Когда-то новое войско (§ 160), стрѣльцы стали теперь врагами новизны, которая представлялась имъ въ видѣ ихъ соперниковъ, иностранныхъ полковъ; они наполовину ударились въ расколъ. Служа тѣлохранителями царей, этотъ гулливый и звѣрскій народъ сталъ своего рода казацкою вольницей. Хотя подконецъ ихъ обратили въ полицейскихъ и пожарныхъ, они пользовались старыми большими льготами: получали, сверхъ жалованья, подарки съ Верха, не платили податей, щеголяли въ дорогихъ нарядахъ [1]). Стрѣльцы жили своими домами въ Стрѣлецкой Слободѣ (§ 186), занимались промыслами и торговлей. Подобно казакамъ, они управлялись собственнымъ „кругомъ". Только „полковники" назначались имъ отъ правительства; и они грабили ихъ, истязали, обращали ихъ въ своихъ батраковъ. Оттого стрѣльцы волновались уже при Θедорѣ; но Языковъ билъ ихъ кнутомъ и ссылалъ. По смерти Θедора, они снова возмутились, избивали своихъ полковниковъ, толпились передъ дворцомъ.

Тутъ Софья съ Хованскимъ стали раздавать имъ деньги, жалуясь, что Нарышкины хотятъ истребить ихъ, а Москву отдать иностранцамъ. Вдругъ откуда-то раздался крикъ: „Иванъ Нарышкинъ задушилъ царевича Ивана"!—и вспыхнулъ *первый стрѣлецкій бунтъ* (1682). Три дня буйствовали по столицѣ пьяные стрѣльцы, въ однѣхъ рубахахъ, съ криками и сквернословіями, избивая не только „измѣнниковъ", списокъ которыхъ ходилъ между ними, но и ихъ дѣтей, и ругаясь надъ ихъ трупами. Къ нимъ присоединились боярскіе холопы: они разгромили Холопій приказъ и разорвали кабалы. Стрѣльцы вопили: „Пришло намъ время разобрать, кто намъ надобенъ! Выдайте Нарышкиныхъ: мы весь ихъ корень истребимъ"! Два раза они врывались на Верхъ, ища своихъ жертвъ, все переворачивая, тыкая копьями даже въ церковные престолы. Матвѣевъ ук-

[1]) *Стрѣльцы*, появившіеся около 1550 г. (§ 123), были уничтожены, въ 1698 г., только въ Москвѣ, сохраняясь по уѣздамъ: окончательно они отмѣнены въ 1710 г. Стрѣльцы составляли пѣхоту: лишь небольшой отрядъ ихъ, именно „стременные",

рылся-было подлѣ царицы Натальи и схватился за руку Петра. Стрѣльцы оттащили его и сбросили съ Краснаго Крыльца,

Стрѣльцы.

на копья товарищамъ. Наталья съ царемъ едва убѣжали въ Грановитую Палату. Но она должна была выдать брата Ивана:

были на коняхъ и дополняли свое вооруженіе саадакомъ. Изъ пѣхотинцевъ немногіе имѣли копья. Обычный же видъ рядовыхъ стрѣльцовъ былъ тотъ, который изображенъ на нашемъ рисункѣ. Они носили родъ ферязи съ козыремъ (§ 188) изъ сукна разныхъ цвѣтовъ, смотря по полку, съ венгерскими завязками и поясомъ, затѣмъ—сапоги и сначала желѣзныя шапки, потомъ колпаки съ мѣховымъ околомъ. Черезъ плечо висѣла бѣлая берендѣйка—ремень съ зарядами. Вооруженіе состояло изъ сабли, пищали или самопала и бердыша, который въ походѣ носили за спиной, дома—въ правой рукѣ, а въ строю втыкали передъ собой въ землю острымъ концомъ. Стрѣлецкіе начальники одѣвались подобнымъ же образомъ, только ихъ верхняя одежда, съ отложнымъ воротникомъ, болѣе походила на охабень и стягивалась нарядными кушакомъ съ кистями; а на колпакѣ красовалась кокарда. Руки у нихъ были въ „персчатыхъ рукавицахъ“. Признакомъ власти служилъ „посохъ“ (трость).

онъ былъ жестоко запытанъ, потомъ поднятъ на копья и изрубленъ въ мелкіе куски, которые затаптывались въ грязь. Были убиты еще нѣкоторые изъ Нарышкиныхъ, Языковъ, нѣсколько иностранцевъ.

Наконецъ собрали земскій соборъ изъ попавшихся подъ руку москвичей — и именемъ „всего всенароднаго множества

Иванъ V Алексѣевичъ.

людей всякихъ чиновъ московскаго государства" было объявлено, что на Руси стало два царя, *Иванъ V* [1]) и *Петръ I*, а правительницею за нихъ провозглашена Софья. Цари появлялись только, на двойномъ престолѣ, при пріемахъ иностран-

[1]) Нашъ рисунокъ есть снимокъ съ гравюры, поднесенной академіей наукъ дочери Ивана V, Аннѣ Ивановнѣ. Гравюра сдѣлана съ достовѣрнаго портрета масляными красками, хранящагося въ Царскомъ Селѣ. Иванъ V (II, какъ царь) изображенъ въ латахъ, сверхъ которыхъ накинутъ охабень (§ 188), съ мѣховымъ воротникомъ и дорогою запоной. Менѣе достовѣрны историческія картины, гдѣ Иванъ V изображенъ вмѣстѣ съ Петромъ I.

ныхъ пословъ: всѣмъ заправляла ихъ бойкая сестра. Софья тотчасъ же сослала указанныхъ мятежниками царедворцевъ и дьяковъ. Она поила и кормила стрѣльцовъ у себя на Верху, осыпала ихъ деньгами, надѣлила имуществомъ убитыхъ. Они получили названіе „надворной пѣхоты". Ихъ главнымъ начальникомъ былъ назначенъ Хованскій, котораго они величали своимъ „батюшкой"; а въ помощники ему данъ ревностный соучастникъ бунта, полковникъ Цыклеръ.

§ 209. **Правленіе Софьи.**—Софья добилась власти съ помощью пережитковъ грубой старины. Но они претили этой образованной женщинѣ, которая должна была идти, въ государственныхъ дѣлахъ, по пути новой Россіи. Старина же подняла голову, опьяненная случайнымъ успѣхомъ. Стрѣльцы вообразили, что пришло ихъ время, что имъ можно властвовать съ помощью толпы. Во время бунта они „пріобщили къ себѣ въ совѣтъ" холоповъ и слугъ: они объявили имъ „полную волю". Теперь стрѣльцы приманивали и торговыхъ людей, заставивши Софью посадить ихъ выборныхъ во всѣ мѣста, вѣдавшія казну. Но важнѣе были *раскольники*, которыми кишѣла Москва. Они стали открыто, на площадяхъ, проповѣдовать, что пора „подвигнуться, порадѣть за отеческія преданія", да отомстить никоніанцамъ за то, что они „жгли и пытали" ихъ „честныхъ отцовъ". Стрѣльцы сказали имъ: „мы за тлѣнное дѣло чуть головъ своихъ не положили; а какъ не умереть намъ за старую вѣру"? За расколъ объявился самъ Хованскій, который увидѣлъ тутъ и тлѣнную выгоду: пошелъ слухъ, что онъ задумалъ женить своего сына на одной изъ царевенъ и хочетъ самъ захватить ту власть, которую вчера схлопоталъ для Софьи. Онъ принялъ отъ раскольниковъ челобитную на 20-ти столбцахъ и, какъ ни уклонялись правительница съ патріархомъ, настоялъ на торжественномъ преніи о вѣрѣ, на которомъ самъ Никита Пустосвятъ (§ 201) брался „въ конецъ обличить всякія затѣйки и ереси въ новыхъ книгахъ".

При звонѣ колоколовъ, въ сопровожденіи несмѣтной толпы, явились старообрядцы въ Кремль. Впереди шли ихъ „отцы"—начетчики, въ древнихъ клобукахъ, со свѣчами и соловецкими тетрадками въ рукахъ, съ старыми книгами на головахъ и аналоями подмышкой, въ предненесеніи стараго креста и иконы Страшнаго Суда. Ихъ пустили въ Грановитую Палату, гдѣ, на царскихъ мѣстахъ, сидѣли Софья съ сестрами и царицей Натальей, а дальше помѣщались думцы съ боярами и патріархъ

съ освященнымъ соборомъ. Никита тотчасъ началъ грубить и даже замахнулся на одного владыку. Софья вскочила съ престола, закричала на него и прибавила: „мы пойдемъ прочь изъ царства"! Между раскольниками послышалось: „И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь. Полно царствомъ-то мутить. Безъ васъ пусто не будетъ". Затѣмъ, на доводы владыкъ, изъяснявшихъ ошибки старыхъ книгъ „по граматикѣ", раскольники только поднимали два пальца съ криками: „во какъ, во какъ"! То же дѣлали они передъ толпой, когда вышли изъ Грановитой Палаты, прибавляя: „Побѣдихомъ, побѣдихомъ"!

Между тѣмъ Софья призвала отборныхъ стрѣльцовъ, жаловалась имъ на обиды отъ горсти чернецовъ и выкатила имъ бочки меда и вина. Стрѣльцы схватили „отцовъ". Никитѣ была отрублена голова; его пятерыхъ товарищей сослали. Затѣмъ Софья принялась за самихъ стрѣльцовъ, которые уже до того хозяйничали въ Москвѣ, что дворъ, изъ страха, скитался по окрестнымъ селамъ и монастырямъ. Она обманомъ захватила Хованскаго съ сыномъ. Напрасно Тараруй требовалъ очной ставки съ правительницей, чтобы доказать, „кто былъ настоящій заводчикъ бунта стрѣльцовъ": ему и его сыну отрубили головы. Стрѣльцы заволновались и захватили Кремль. Но Софья укрѣпилась въ Троицкой Лаврѣ, снабженной пушками, и собрала тамъ много служилыхъ и бояръ. Въ то же время московская толпа стала подсмѣиваться надъ „мужиками, которые вздумали владѣть разумными людьми". Стрѣльцы повинились. Ихъ вожаковъ сослали на Украйну; а въ начальники имъ дали думнаго дьяка *Шакловитаго*, который былъ такъ же грубъ и невѣжественъ, какъ они сами, но способенъ былъ справляться съ ними, какъ человѣкъ рѣшительный и готовый на все. Прибывшіе изъ уѣздовъ служилые заняли караулы на Верху—и дворъ возвратился въ столицу.

Началось 7-лѣтнее правленіе Софьи, которое служило продолженіемъ царствованія Ѳеодора. Правительство попрежнему боролось съ грубостью и безпорядочностью старины. Смягчались казни, подавлялись разбои и насилія, производилась размежевка земель, ревностно преслѣдовались раскольники. Начала дѣйствовать московская академія, куда были призваны новые учителя, греки Лихуды, для свѣтскихъ наукъ. А когда греки стали поддерживать патріарха Іоакима въ его стремленіи искоренить просвѣщеніе въ лицѣ кіевскихъ ученыхъ, Софья съ Голицынымъ поднялись на его защиту. Тутъ ихъ правою рукой былъ

Медвѣдевъ (§ 208), человѣкъ рѣдкой учености: у него были сотни латинскихъ и польскихъ книгъ; онъ осуждалъ предразсудки нашихъ буквоѣдовъ-начетчиковъ. Медвѣдевъ былъ близокъ къ Нащокину и пользовался расположеніемъ царя Ѳедора. Теперь онъ сталъ придворнымъ поэтомъ и духовникомъ: его прочили въ патріархи. Голицынъ завѣдывалъ иностранными дѣлами, выказывая ловкость и сметливость. Когда стѣсненные турками поляки обратились къ Софьѣ за помощью, ему удалось привести ихъ къ „вѣчному“ миру (1686), который заставилъ Собѣскаго заплакать: Кіевъ сталъ уже вѣчнымъ владѣніемъ Москвы (§ 204). Вслѣдъ затѣмъ поляки съ австрійцами напали на турокъ, а Голицынъ два раза ходилъ на *Крымъ* съ небывалою на Руси арміей (болѣе 100.000 войска и 350 пушекъ). Русскіе впервые совершили наступательное движеніе противъ крымцевъ, которые не посмѣли дать имъ сраженіе, и дошли до Перекопа. Но въ сущности эти скороспѣлые крымскіе походы были пораженіемъ. Голицынъ внезапно отступилъ, со многими потерями: онъ испугался безводной и выжженной татарами степи. Русь была смущена, когда Софья, послѣ этого, осыпала наградами Голицына, котораго называла „своимъ сердцемъ, свѣтомъ батюшкою“. Но намъ много повредили тогда и смуты въ Малороссіи. Самойловичъ (§ 203) негодовалъ на „вѣчный“ миръ и испугался усиленія Москвы, которая подчинила тогда кіевскаго митрополита своему патріарху. Онъ тайно сносился съ крымскимъ ханомъ. Но сами украинцы не любили его за притѣсненія поспольства. Они донесли на него въ Москву—и онъ былъ сосланъ въ Сибирь. На его мѣсто былъ избранъ Мазепа.

§ 210. **Воспитаніе и воцареніе Петра I.**—Правленіе Софьи было прервано переворотомъ, связаннымъ съ именемъ ея брата Петра. Петръ недолго прозябалъ въ затхломъ теремѣ Кремлевскаго дворца: по смерти отца, когда ему было всего 4 года, Милославскіе сослали его съ матерью въ *Преображенское* (§ 207). Тамъ онъ прожилъ 13 лѣтъ. Но бойкій мальчикъ нерѣдко выпрашивался у матери въ другія „дворцовыя царскія села“ подъ Москвой,—въ Семеновское и особенно въ Измайлово. Родовая вотчина Романовыхъ, *Измайлово*, окруженное заповѣдными борами и неоглядными лугами, испещренное садами, огородами, 20-ю прудами, славилось какъ образцовый хуторъ, гдѣ уже дѣдъ Петра, любитель иноземщины, Никита Романовъ (§ 206) примѣнялъ новости сельскаго хозяйства. А при Алексѣѣ, который любилъ поохотиться въ Измайловѣ, гдѣ были даже бо-

бровые гоны, иностранцы соорудили тамъ великолѣпный дворецъ на островѣ, устроили звѣринецъ съ заморскими животными, разводили виноградъ и тутовникъ, даже наладили стеклянный заводъ. Петръ рыскалъ по Измайлову, осматривая безконечныя службы и заведенія хитрыхъ иноземцевъ. Необыкновенно живой, впечатлительный, воспріимчивый мальчикъ мучилъ всѣхъ неотвязными разспросами обо всемъ, что̀ ни попадалось ему на глаза. А по праздникамъ онъ смотрѣлъ хороводы крестьянъ и одѣлялъ мальчишекъ пряниками да серебряными копѣечками, нето присутствовалъ во дворцѣ на комедійныхъ дѣйствахъ. Здѣсь же царь привыкъ къ водѣ: онъ пускалъ въ пруды щукъ и стерлядей съ сережками, сзывалъ рыбу колокольчикомъ, катался на конькахъ. Немногіе изъ этихъ прудовъ сохранились, вмѣстѣ съ остатками дворца; но зато уцѣлѣли тѣ липовыя аллеи, по которымъ любилъ гулять царственный мальчикъ, съ своими наставниками.

Первымъ дядькой Петра былъ любимецъ Алексѣя Михайловича, расторопный, говорливый шотландецъ *Менезіусъ*, который навидался всего въ своихъ скитаніяхъ по Европѣ и зналъ ея языки. Онъ особенно занималъ его воинскими „потѣхами“, которыми больше всего увлекался непосѣдный мальчикъ, во главѣ „робятокъ“ — своихъ сверстниковъ изъ вельможныхъ дѣтей, приставленныхъ къ нему, по обычаю. По смерти отца, Петру дали другого дядьку, *Зотова*. То былъ дьякъ, грамотѣй древней Руси, всю премудрость котораго даровитый питомецъ быстро усвоилъ. Впрочемъ дьякъ сообщилъ ему, что̀ зналъ, по русской исторіи, а главное, не пренебрегалъ „кунштами“—заморскими картинками. Петръ жадно разспрашивалъ объ изображенной на нихъ жизни и заявлялъ желаніе видѣть все это лично и завести у себя. Онъ требовалъ также себѣ инструментовъ у встрѣченныхъ имъ мастеровыхъ: впослѣдствіи онъ считался знатокомъ 14-ти ремеслъ. Но не прерывались и военныя потѣхи: онѣ принимали болѣе строгій видъ. Когда мальчику исполнилось 10 лѣтъ, на его глазахъ совершились ужасы бунта (§ 208): изъ его рукъ вырывали близкихъ лицъ; онъ самъ съ матерью бѣжалъ передъ окровавленными стрѣльцами. А онъ развивался быстро. Среди бунта въ немъ обнаружились твердость и неустрашимость. Видѣвшіе его тогда иностранцы давали ему 16 л. и говорили, что его мужественная красота плѣняла всѣхъ, а живость смущала степенныхъ вельможъ. Софья, захвативъ власть, бросила брата на произволъ судьбы, какъ опаль-

наго. Онъ остался даже безъ Зотова: 15-ти лѣтъ онъ училъ четыре правила ариѳметики и писалъ, какъ ребенокъ. Петръ до смерти писалъ съ грубыми ошибками, и такъ, что его руку трудно разобрать; онъ завидовалъ своимъ дочерямъ, когда заходилъ къ нимъ на правильные уроки.

Но Петръ самъ устроился. Онъ выбралъ себѣ „близкимъ совѣтникомъ и другомъ" князя *Бориса Голицына*, двоюроднаго брата любимца Софьи. Борисъ мало уступалъ князю Василью въ образованіи: онъ владѣлъ языками, даже говорилъ полатыни. Его дѣтей обучали поляки, изъ которыхъ у него былъ составленъ и свой оркестръ. Его другомъ былъ блестяще образованный Андрей Матвѣевъ, сынъ Артамона (§ 206). Правда, князь Борисъ сохранялъ привычки старины. Говорили, что онъ „разорилъ всю Волгу", когда правилъ Казанскимъ приказомъ. Онъ былъ грубъ, дома даже жестокъ, а въ гостяхъ напихивалъ карманы конфетами для дѣтокъ. А главное, не даромъ его сдѣлали кравчимъ. Онъ славился своими попойками и иногда подписывался, въ письмахъ Петру: „Бориско хотя быть пьянъ". Близкіе люди называли его „забавнымъ и пренебрегавшимъ дѣлами": онъ часто отлучался въ свои деревни. Но Голицынъ былъ прямодушенъ, не любилъ „ласкать и манить" даже своего царя. Онъ отличался также смѣтливостью и распорядительностью. Важно, что князь Борисъ былъ своимъ человѣкомъ въ Нѣмецкой Слободѣ: у него была „душевная" дружба съ ея вождями, Гордономъ и особенно съ Лефортомъ. Всѣ они дружили также съ другимъ любимцемъ Петра, княземъ Ѳедоромъ *Ромодановскимъ*. Это былъ тучный, крѣпкій въ ѣдѣ и выпивкѣ, грубый и безсердечный исполнитель самыхъ тяжелыхъ дѣлъ: онъ не пощадилъ бы и отца роднаго при розыскахъ и пыткахъ. Ромодановскій, котораго самъ Петръ называлъ звѣремъ, держалъ на дому ручнаго медвѣдя, игравшаго злыя шутки съ гостями, и съ насмѣшкой изобрѣталъ утонченныя истязанія для преступниковъ: „мы всегда въ кровяхъ омываемся", хвастался онъ царю. Петръ назначалъ его „генералисимусомъ" въ своихъ военныхъ потѣхахъ, величалъ его „княземъ-кесаремъ, королемъ, своимъ государемъ".

Съ помощью этихъ людей, Петръ самъ устроилъ себѣ школу: они свели его съ свѣдущими иноземцами. Услыхавъ про астролябію, онъ добился того, что ему доставили ее изъ Франціи, а голландскій мастеръ *Тиммерманъ* сталъ объяснять ему, по этому поводу, геометрію и фортификацію.

Обшаривъ все Измайлово, онъ нашелъ ботикъ Нащокина (§ 206), который покоится теперь, подъ именемъ „дѣдушки русскаго флота" у Петропавловской крѣпости, въ галлереѣ Домика Петра Великаго. Петръ развѣдалъ, что живъ одинъ изъ строителей корабля, сожженнаго Разинымъ, голландецъ *Брантъ*, и съ его помощью началъ плавать по прудамъ, потомъ перетащился въ Переяславское озеро, гдѣ заложилъ верфь. А солдатскія потѣхи все продолжались, и уже не съ деревянными ружьями и пушками. Петръ набралъ цѣлую роту изъ придворнымъ конюховъ да изъ отборныхъ парней въ Преображенскомъ и Семеновскомъ — зерно первыхъ двухъ полковъ лейбъ-гвардіи. Обучивъ ее иностранному строю, онъ водилъ ее въ правильный походъ, въ Измайлово, гдѣ „ставилъ въ шатрахъ подъ рощею". У Преображенскаго онъ соорудилъ настоящую крѣпостцу „Пресбургъ", слѣды которой сохранились; при взятіи ея, въ его ротѣ были уже раненые и убитые. Враги Петра, въ особенности Софья, считали все это забавами и знаками пустоты юноши. Сама мать поспѣшила остепенить сына. Когда ему исполнилось 16 л., она женила его на *Евдокіи Лопухиной*, которая была старше его и представляла собой настоящую боярышню: не глупая, но бездарная, кроткая, но ревнивая, дородная и цвѣтущая, но не особенно красивая, она была скучна, невѣжественна и не терпѣла иностранцевъ. Эта питомица терема ничѣмъ не могла привязать къ дому своего „лапушку". Петръ скоро охладѣлъ къ ней, несмотря на рожденіе у нихъ сына, *Алексѣя*. Онъ все рѣшительнѣе увлекался солдатами и корабликами и все отписывался, на призывы жены и матери: „ей-ей, дѣло есть".

Такъ, Петръ дожилъ до 17-ти лѣтъ (1689). Софья видѣла, что этотъ братъ—не чета Ивану, который оставался болѣзненнымъ и послѣ женитьбы и рожденія двухъ дочерей, *Анны* и *Екатерины*. Страхъ распалялъ ея старую ненависть къ Нарышкинымъ. Преображенское стало, въ ея глазахъ, берлогой „медвѣдицы", а потѣшные сильнаго медвѣженка — „озорниками". Она начала появляться, на торжествахъ, рядомъ съ братьями и писаться въ указахъ „самодержицею": собиралась даже вѣнчаться на царство. И за границей изумлялись, какъ это русскіе „служатъ тремъ персонамъ". Встревожились въ Преображенскомъ, особенно царица Наталья, ея братъ, Левъ Кирилычъ, и Борисъ Голицынъ. Тамъ стали называть Софью „зазорнымъ лицомъ", Медвѣдева — „Лѣшимъ Медвѣдемъ", Шакловитаго —

разбойникомъ. Василія же Голицына корили крымскою неудачей, какъ купленнаго ханомъ; и Петръ не пускалъ его къ себѣ на глаза.

Но мѣръ никакихъ не принимали. А въ Москвѣ смѣло готовились къ рѣшительному удару. И Софья роковымъ образомъ снова попала въ ложное, неблагодарное положеніе. Она видѣла, что служилые пойдутъ за братомъ; да и въ толпу, считавшую вообще правленіе не женскимъ дѣломъ, проникла мысль о Петрѣ, какъ о царѣ-надежѣ. У Софьи опять оставалась одна опасная и отвратительная опора—стрѣльцы, одинъ ужасный путь—насиліе и мятежъ. Вдругъ начали жестоко казнить всякаго, кто открыто выражалъ сочувствіе Петру, и одарять и спаивать стрѣльцовъ. А Шакловитый распускалъ слухъ, будто Нарышкины хотятъ извести царя Ивана съ сестрами.

Но нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, тайкомъ, августовскою ночью, извѣстили Петра объ опасности. Обливаясь слезами, онъ вскочилъ на лошадь, въ одномъ бѣльѣ, и одѣвшись въ сосѣднемъ лѣсу, поскакалъ къ Троицѣ, куда, на другой день, прибыла его семья, охраняемая потѣшными солдатами, да Борисъ Голицынъ. Петръ тотчасъ же разослалъ грамоты, отъ которыхъ вѣяло твердою волей и рѣшимостью. Онъ призывалъ къ себѣ на защиту всѣхъ, отъ служилыхъ до тяглецовъ. Самихъ стрѣльцовъ онъ требовалъ къ Троицѣ, подъ страхомъ смертной казни. Съ мѣсяцъ длилось тягостное колебаніе: рѣшалась судьба древней и новой Россіи. Но въ Москвѣ обнаруживались признаки слабости. Василій Голицынъ просилъ князя Бориса о примиреніи. Посланцы Софьи въ Троицу не возвращались. Вокругъ Верха росло уныніе и нерѣшительность. Одна правительница сохраняла твердость, бодрость и неутомимость. Она краснорѣчиво убѣждала народъ, призывала всѣхъ къ себѣ на защиту, а стрѣльцамъ объявила: „кто посмѣетъ идти къ Троицѣ, тому велю отрубить голову; и помните, что здѣсь останутся ваши жены и дѣти".

Но стрѣльцы помнили, какъ сама Софья недавно расправлялась съ ними (§ 209): многіе изъ нихъ, съ Цыклеромъ (§ 208) во главѣ, ушли къ Троицѣ. Важнѣе всего было то, что солдатскіе полки иноземцевъ [1]), предводимые генераломъ

[1]) Иностранныя войска на нашей службѣ (§ 160) приняли правильный видъ уже въ концѣ древней Руси. При Михаилѣ, въ 1630-хъ гг., по поводу войны съ Польшей, были образованы „нѣмецкіе полки" изъ разныхъ иноземцевъ, именно 4

Гордономъ, двинулись туда же изъ Нѣмецкой Слободы. За ними потянулись служилые, бояре, наконецъ самъ патріархъ Іоакимъ, ненавидѣвшій своего соперника, Медвѣдева. Поѣхалъ съ повинною и Василій Голицынъ. Софья выдала Шакловитаго, который былъ казненъ, вмѣстѣ съ двумя своими наперсниками. Еще трехъ стрѣльцовъ сослали въ Сибирь, двухъ бояръ—въ ихъ вотчины, а Василія Голицына — на Бѣлое море. Медвѣдева пытали и заточили въ монастырь. О сестрѣ же Петръ написалъ брату: „срамно, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть“.

Мушкетеръ-иноземецъ.

Софья была заточена въ Новодѣвичій монастырь, подъ Москвой, послѣ упорнаго сопротивленія. Тамъ ее содержали въ довольствѣ и

пѣшихъ или „солдатскихъ“ и нѣсколько конныхъ, „драгунскихъ и рейтарскихъ“. Солдатскіе полки состояли изъ „мушкетеровъ“ и „копейщиковъ“. Послѣдніе носили желѣзныя латы и имѣли пики болѣе 2 саженей длины. Главная сила заключалась въ *мушкетерѣ*, который изображенъ на нашемъ рисункѣ. Онъ одѣтъ легко и удобно для походовъ—въ узкомъ, просто скроенномъ камзолѣ, съ подѣтски отложнымъ воротникомъ, въ пестрыхъ панталонцахъ до колѣнъ, въ длинныхъ чулкахъ и башмакахъ; на головѣ „шишакъ“ (желѣзная небольшая шапка) съ „наушниками“. Черезъ правое плечо идетъ перевязь для сабли, черезъ лѣвое — лосиный „банделиръ“ (берендѣйка стрѣльцовъ) съ „зарядцами“, съ „мѣшечкомъ“ для пуль и пыжей, съ „фляжечкой“ для деревяннаго масла. Надъ задними зарядцами прилаживался „фетиль“ для поджиганія мушкета. Такъ, у этого воина все приспособлено къ мушкету — длинному тяжелому ружью, котораго нельзя было удержать въ рукѣ при стрѣльбѣ. Это первобытное огнестрѣльное оружіе было немыслимо безъ „подсошка“—деревянной вилы, которая втыкалась въ землю острымъ концомъ. На подсошкѣ былъ „темлякъ“.

почетѣ. Она могла принимать своихъ сестеръ и царицъ. Ей не дозволялось только отлучаться: у воротъ монастыря стояли день и ночь преображенскіе солдаты.

§ 211. **Нѣмецкая Слобода. Потѣхи - „предвѣстники“.** — Петръ сталъ царемъ на дѣлѣ, а по смерти брата Ивана (1696)—и единодержавнымъ. Впрочемъ онъ еще лѣтъ пять занимался самовоспитаніемъ, а государствомъ управляли бояре, во главѣ которыхъ стояли Левъ Нарышкинъ и Борисъ Голицынъ. Это правленіе было послѣднею попыткой возстановленія старины, руководимой патріархомъ Іоакимомъ. Начались гоненія на кіевскихъ ученыхъ хуже, чѣмъ при Софьѣ (§ 209): беззащитныхъ обличали въ латинствѣ; Медвѣдевъ былъ казненъ послѣ жестокихъ пытокъ. Іезуиты были изгнаны. Иноземцы Нѣмецкой Слободы были подвергнуты стѣсненіямъ и обидамъ. А Петръ именно тогда вошелъ въ дружбу съ ними. Борисъ Голицынъ ввелъ его въ высшее общество Нѣмецкой Слободы.

Какъ бы новымъ дядькой Петра сдѣлался почтенный генералъ иноземныхъ полковъ, *Гордонъ*. Этотъ католикъ, отпрыскъ гордой шотландской знати, служилъ сначала въ Швеціи и Польшѣ и уже лѣтъ 30 заправлялъ военнымъ дѣломъ въ Россіи, высоко цѣнимый всѣми, начиная съ царей Алексѣя и Ѳедора. Человѣкъ нужный и зажиточный, Гордонъ и самъ зналъ себѣ цѣну, стоялъ за свои права, былъ упоренъ и правдивъ, но въ то же время простъ, обходителенъ и словоохотливъ. Суровый, даже немного педантичный труженикъ, онъ славился неутомимостью и добросовѣстностью, а еще больше своими познаніями. Онъ зналъ языки, много видѣлъ на своемъ вѣку и постоянно пополнялъ свои свѣденія обширною перепиской съ Англіей, откуда получалъ книги, инструменты, научныя новости. Петръ такъ почиталъ этого серьезнаго старика, что запретилъ принуждать его, на пирушкахъ, напиваться. Онъ чуть не каждый день видался съ этимъ ходячимъ университетомъ, пользуясь его книгами, выспрашивая его обо всемъ, въ особенности же объ артиллерійскомъ, крѣпостномъ и инженерномъ дѣлахъ.

Но еще болѣе привязался царь къ другому старожилу Нѣмецкой Слободы, но болѣе молодому Францу *Лефорту*, который былъ на 19 л. моложе Гордона и старше Петра. То былъ сынъ женевскаго купца, также много странствовавшій по Европѣ и набравшійся разныхъ свѣденій, въ особенности по военному дѣлу. Онъ явился въ Россіи передъ смертью Алексѣя Михайловича

и обжился въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ и женился. Лефортъ былъ далеко не такъ глубокъ, какъ Гордонъ, но онъ привлекалъ всѣхъ своими внѣшними талантами и дѣтскимъ нравомъ. Его называли „забавнымъ и роскошнымъ человѣкомъ", а враги—„французскимъ дебоширомъ". Начитанный во всемъ понемногу, краснорѣчивый балагуръ, ловкій и веселый красавецъ, Лефортъ отличался обходительностью, простотой, а также честностью и здравомысліемъ. Рожденный царедворецъ, онъ однако никого не затрогивалъ, не зазнавался, не вмѣшивался въ правленіе, хотя Петръ не могъ жить безъ него: никто не умѣлъ такъ укрощать гнѣвъ царя и веселить его, какъ этотъ разбитной французъ, великій мастеръ на разсказы о Западѣ, на устройство пировъ, танцевъ, потѣшныхъ огней и иллюминацій. Лефортъ одѣлъ своего царственнаго друга въ иноземное платье и настаивалъ на его поѣздкѣ за границу. Но онъ дружилъ сначала съ Василіемъ, потомъ съ Борисомъ Голицыными, и совѣтовалъ Петру вездѣ выдвигать русскихъ. Никто не любилъ Петра такъ беззавѣтно и безкорыстно, какъ Лефортъ. Царь сказалъ, узнавъ объ его смерти: „Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?"

Петръ видѣлся постоянно еще съ *Виніусомъ*, сыномъ того голландскаго купца, который первый завелъ горное дѣло въ Россіи (§ 183). Онъ многому научился у него. Виніусъ хорошо зналъ дѣло своего отца; сверхъ того, былъ очень образованъ и ѣздилъ по Европѣ съ дипломатическими порученіями. Онъ многое переводилъ порусски, издалъ географію, выписывалъ съ Запада для Петра книги, инструменты, мастеровъ, а впослѣдствіи устраивалъ оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ морскія училища, паладилъ почтовое дѣло на европейскій ладъ.

Были и еще подобные же обрусѣвшіе иностранцы, которые составляли тогда „компанію" Петра, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими, дружившими съ ними—Голицынымъ, Ромодановскимъ, Апраксинымъ, Шереметевымъ и др. Петръ нашелъ въ Нѣмецкой Слободѣ все, чего жаждалъ его живой умъ и горячее сердце. Со стороны казалось, особенно старовѣрамъ Москвы, что юный царь продолжаетъ потѣшаться. Въ Нѣмецкой Слободѣ кипѣла веселая, говорливая, непринужденная жизнь. То и дѣло совершались пиры, съ попойками и танцами, съ участіемъ разбитныхъ, нарядныхъ женщинъ, среди которыхъ Петру приглянулась привѣтливая и веселая мѣщанка, красавица Анна Монсъ. Часто шумъ, гамъ, трескотня раздавались по всему Кукую отъ

маскарадовъ, задорныхъ шутокъ, иллюминацій и фейерверковъ, отъ которыхъ однажды опалило Петру лицо порохомъ. Особенно увлекался самъ страстный, чувственный Петръ, которому всѣ подражали, вмѣсто того, чтобы удерживать его отъ разгула. Съ своею компаніей, доходившей до 200 человѣкъ, онъ являлся на свадьбы, крестины и всякіе пиры къ кукуйцамъ; или же устраивалъ, подобно Грозному, то свадьбу шута, то безобразные ходы ряженыхъ по слободѣ, на свиньяхъ и собакахъ; нето „Христа славилъ“ по Москвѣ отъ Рождества до Крещенія, причемъ самъ возилъ свою компанію, вываливая ее въ снѣгъ. Иногда Петръ дня четыре кряду колобродилъ у своихъ друзей, особенно у Лефорта, которому онъ выстроилъ великолѣпный дворецъ съ погребами, полными заморскихъ винъ. Тутъ происходили богатырскія попойки, съ обязательнымъ для каждаго положеніемъ ризъ и съ сквернословіемъ древней Руси. Это называлось службой у „Ивашки Хмѣльницкаго“. Ею заправлялъ „всепьянѣйшій и сумасброднѣйшій соборъ“, во главѣ котораго былъ поставленъ дьякъ Зотовъ, съ титуломъ „всешутѣйшаго патріарха или князь-папы“. Тутъ сказывались и другіе пережитки старины. Въ опьяненіи, Петромъ овладѣвали порывы бѣшенства. Онъ бранился площадно, билъ палкой любимцевъ, давалъ имъ пощечины, топталъ ихъ ногами, бросался на нихъ со шпагой: многіе не могли выносить безъ трепета его грознаго взгляда. Отсюда частыя болѣзни этого гиганта и внезапные припадки падучей, которые приписывались какому-то яду, поднесенному царю въ молодости.

Но близко знавшіе Петра, въ особенности иностранцы, видѣли въ этомъ разгулѣ только избытокъ силъ юнаго и невоспитаннаго богатыря. Они изумлялись, какъ могъ Петръ, въ одно и то же время, такъ гулять, играть въ кегли и шахматы, пѣть на клиросѣ и читать Апостола—и такъ неутомимо работать и учиться. Они понимали, что если Преображенское и Измайлово были низшею школой Петра, то Нѣмецкая Слобода служила ему университетомъ, связью съ міровымъ развитіемъ: кукуйцы находились въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ съ своими за-границей, благодаря перепискѣ и частымъ поѣздкамъ туда. Почти ежедневныя посѣщенія Нѣмецкой Слободы въ 1690 — 1694 гг. знакомили его съ бытомъ всѣхъ классовъ Европы, съ ея науками, съ ея міровоззрѣніемъ. Они доставляли ему разныя мастерства и всякія практическія свѣденія, прививали къ нему трудолюбіе и добросовѣстность, вселяли въ

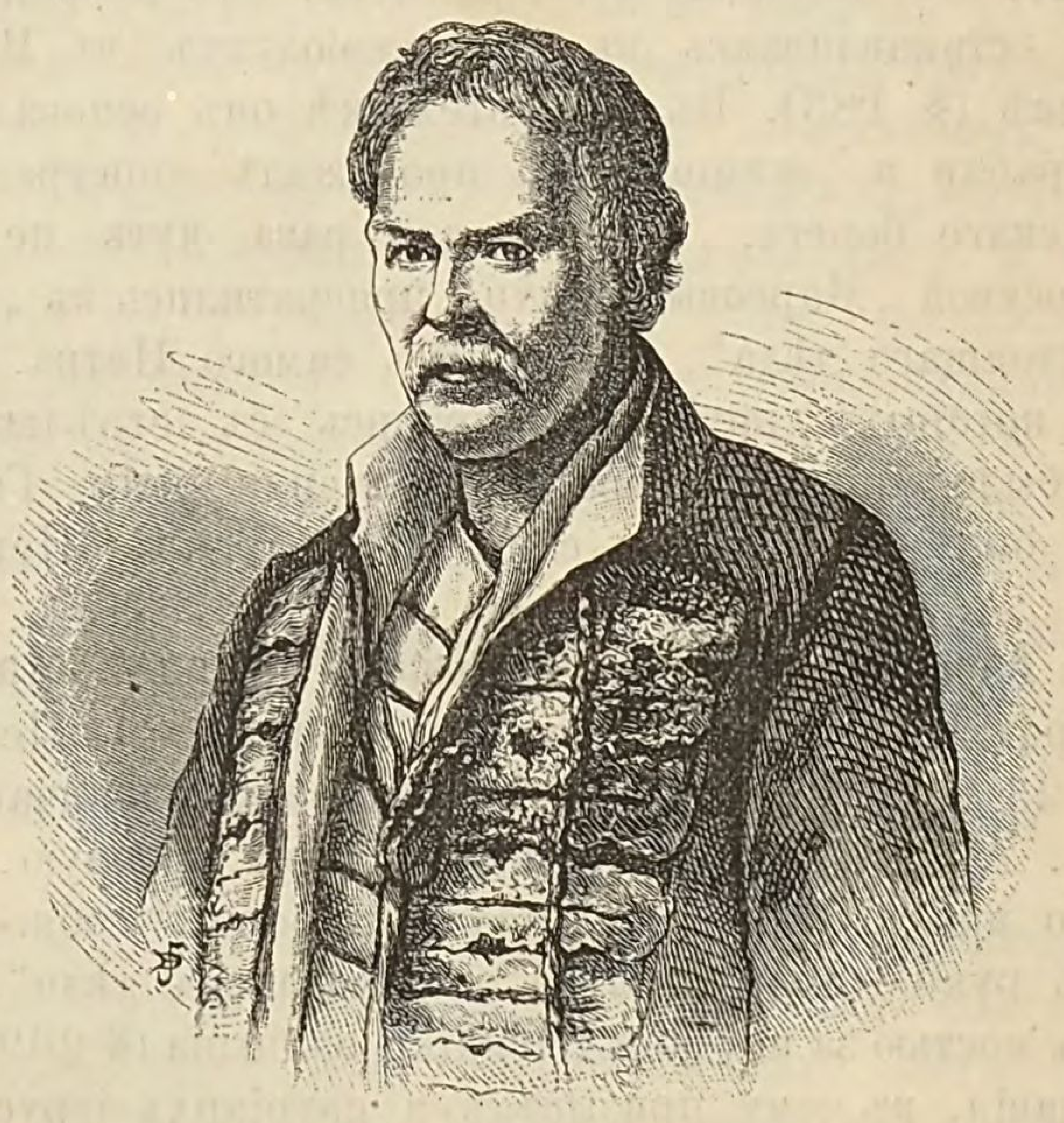
него духъ вѣротерпимости и мірового братства. Петръ ходилъ въ кирки, осмѣивалъ своимъ „соборомъ" нашу древнюю іерархію, пилъ за республики Голландіи и Женевы и за своего любимца, Вильгельма III, утвердившаго конституцію въ Англіи (*Н. И.* § 79).

Плоды этой школы уже сказывались. Петръ, среди потѣхъ, положилъ основаніе русской арміи и флоту, которые требовались тогда прежде всего. Онъ трудился образцово, иногда спозаранку хватаясь за топоръ, послѣ гулливой ночи: есть яхта, вся сдѣланная имъ самимъ. Петръ проходилъ службу съ нижнихъ чиновъ. Съ помощью иностранцевъ, онъ добрался до Бѣлаго моря, останавливаясь въ ихъ слободкахъ въ Вологдѣ и Архангельскѣ (§ 183). Въ Архангельскѣ онъ основалъ верфь, строилъ корабли и „шкиперомъ" провожалъ иностранныя суда до Мурманскаго берега, причемъ два раза чуть не утонулъ. А подъ Москвой „Марсовы потѣхи" превратились въ „предвѣстниковъ настоящаго дѣла", по словамъ самого Петра. Давались битвы, въ которыхъ потѣшные дрались съ стрѣльцами „съ яростью": было много погибшихъ, получили раны Гордонъ и Лефортъ и былъ контуженъ самъ „бомбардиръ Петръ Алексѣевъ".

§ 212. **Азовскіе походы. Замыселъ Петра и старина.** — Потѣхи-„предвѣстники" внушили самоувѣренность Петру. Ему было уже 23 года. Народъ ропталъ на его бездѣльничанье среди иноземцевъ. А тутъ умерла царица Наталья, которую онъ такъ любилъ, что иногда уступалъ ея мольбамъ беречь себя. У Петра развязались руки—и онъ взялся за „настоящее дѣло". Выгодно было начать местью за неудачи Василія Голицына (§ 209) и защитой православія, къ чему призывалъ и патріархъ іерусалимскій. Ктому же Австрія воевала тогда съ турками; а они сами вызывали на борьбу, вмѣшиваясь въ смуты на Украйнѣ при Мазепѣ. Смуглый, худой, съ язвительною улыбкой, съ гордымъ взоромъ огненныхъ глазокъ, *Мазепа* былъ красивъ, статенъ и ловокъ [1]). Онъ походилъ больше на пана, чѣмъ на казака. Онъ зналъ польскій, латинскій и нѣмецкій языки и провелъ юность при варшавскомъ дворѣ, гдѣ былъ сдѣланъ шляхтичемъ. Возвратившись домой, на Волынь, онъ сблизился съ молодой женой одного пожилаго пана, который привязалъ его за это, голаго,

[1]) Наиболѣе схожій, безъ прикрасъ, портретъ Мазепы находится въ академіи художествъ. Онъ принадлежитъ кисти нѣмецкаго мастера. Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ съ него.

къ лошади и пустилъ ее по кустарникамъ. Мазепа пошелъ въ казаки, къ Дорошенкѣ, гдѣ сталъ генеральнымъ писаремъ; но вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ москвичамъ. Онъ такъ очаровалъ Матвѣева, очернивши Дорошенка, что его приняли на царскую службу. Затѣмъ Мазепа очаровалъ Голицына, который поставилъ его гетманомъ на мѣсто Самойловича (§ 209). Теперь выказалась „искусная птица", какъ называлъ самъ себя Мазепа. То было воплощенное ехидство, подъ личиной веселаго простодушія и внѣшняго благочестія. Вкрадчивый, скрытный,

Гетманъ Мазепа.

проницательный Мазепа впадалъ въ напускную задумчивость, болѣлъ притворно, искусно ссорилъ всѣхъ, клевеща одному на другаго. Онъ сыпалъ деньгами, гдѣ нужно, несмотря на свою алчность, доставившую ему огромное богатство. Какъ у всѣхъ образованныхъ малороссовъ, и у него была мечта о независимой Украйнѣ, но для того, чтобы властвовать надъ нею въ свою пользу. А покуда Мазепа угождалъ Москвѣ, видя, что она сильнѣе всѣхъ сосѣдей. Съ ея помощью, онъ 20 л. держался на опасномъ посту гетмана, несмотря на всеобщую ненависть. Значные посылали на него доносы въ Москву изъ зависти; но

Петръ такъ полюбилъ его, что отдавалъ ему на казнь доносчиковъ, и даже такихъ, какъ старшины Искра и Кочубей, отецъ Матрены, бѣжавшей къ Мазепѣ, который былъ ея крестнымъ отцомъ и сватался за нее, но получилъ отказъ отъ родителей. Чернь ненавидѣла Мазепу за его барство: окруженный московскими стрѣльцами, онъ угнеталъ ее и даже ввелъ „панщину" (барщину). Народъ волновался, особенно въ Сѣчи: запорожцы призвали, наконецъ, татаръ, чтобы освободить Украйну и отъ Мазепы съ москалями, и отъ поляковъ и создать независимое „княжество малороссійское".

Мазепа убѣждалъ русскихъ немедленно двинуться на Крымъ. Но Петръ опасался степи, помня примѣръ Голицына; ктому же онъ искалъ моря и слыхалъ объ „азовскомъ сидѣньѣ" донцовъ (§ 146). Петръ двинулся на *Азовъ*, съ своимъ иностраннымъ штабомъ. Но первый азовскій походъ (1695) окончился очень печально: погибло даромъ больше народа, чѣмъ въ крымскихъ походахъ Голицына. Командовалъ еще не самъ Петръ, а Лефортъ съ Гордономъ, которые перекорялись между собой. Солдаты еще не умѣли строго повиноваться; а подрядчики морили ихъ голодомъ. Мины подводились такъ, что убивали своихъ, не вредя крѣпости.

Но самъ „бомбардиръ" работалъ на славу и подвергалъ себя опасностямъ. А главное, Петръ проявилъ величіе послѣ похода. Онъ не палъ духомъ отъ мысли, что старина теперь вправѣ проклинать его и его иноземцевъ. Неудача только разожгла его — и слѣдующею зимой онъ, наконецъ, показалъ себя, хотя былъ боленъ тогда. Понявши, что Азовъ можно взять только отрѣзавъ его съ моря, онъ, не щадя никого и ничего, построилъ въ Воронежѣ, окруженномъ дремучими лѣсами, цѣлую флотилію, самъ работая топоромъ въ сущей каторгѣ — среди вьюгъ, дождей и морозовъ, среди всеобщихъ раздоровъ и бѣгства рабочихъ. Весною Петръ, отличный лоцманъ, самъ провелъ всѣ свои корабли въ море, что̀ считалось невозможнымъ при мелководьѣ Дона. Турецкій флотъ былъ отогнанъ, и Азовъ палъ. Петръ оставилъ тамъ гарнизонъ и переселилъ туда много русскихъ. Въ Москвѣ пировали и плакали отъ радости. Въ Варшавѣ говорили заботливо: „Какой отважный человѣкъ! И что отъ него впредь будетъ, когда онъ выполируетъ москалей?"

Но Петръ, который, при торжествѣ въ Москвѣ, шелъ за колесницей Лефорта въ скромномъ платьѣ нѣмецкаго моряка, покуда думалъ только о довершеніи разъ начатаго дѣла.

Въ Константинополѣ явился, на удивленіе всему свѣту, первый русскій военный корабль (1699), хотя турки и заявляли, что они „берегутъ Черное м., какъ непорочную дѣвицу“. Въ то же время всѣ были поражены дьявольскимъ рвеніемъ, съ которымъ Петръ сталъ рыть каналъ между Волгой и Дономъ и устраивать гавань въ Таганрогѣ. А всѣмъ помѣщикамъ, церковникамъ и купцамъ онъ велѣлъ немедленно строить *флотъ у Воронежа*, составляя для этого „кумпанства“ (общества): у ослушниковъ отбирали имѣнія. Кумпанства выписывали мастеровъ изъ Европы; но та присылала, за дорогую плату и съ задержками, плохихъ людей. Петръ опредѣлилъ *уничтожить зависимость Россіи отъ иностранцевъ, передѣлавъ ее на европейскій ладъ*—вотъ его основной замыселъ, вотъ главный плодъ азовскихъ походовъ, этого перваго „настоящаго дѣла“ великаго преобразователя. Прежде всего онъ рѣшилъ обзавестись собственными кораблестроителями, „дабы искусство дѣла того вѣчно утвердилось въ Россіи“. Тотчасъ же былъ сдѣланъ нарядъ 50-ти придворныхъ стольниковъ и спальниковъ, которыхъ отправили учиться въ морскія страны—въ Голландію, Англію и Италію. А за ними царь и самъ собирался туда же.

Старая Русь почуяла, что готовится ея гибель. Бояре, ихъ посланные за-границу дѣти, среди которыхъ были и женатые, подъячіе, раскольники, даже такіе умные крестьяне, какъ Посошковъ, роптали: „Царь, оставя лучшее, началъ творить всѣмъ печальное и плачевное. Не изволитъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ, не соблюдаетъ царскаго чина и степенства, идетъ пѣшкомъ за Лефортомъ. Онъ каналъ роетъ: а развѣ можно обращать потоки въ одну сторону, когда уже Богъ обратилъ ихъ въ другую? И упрямъ онъ: не слушаетъ никого изъ лучшихъ людей, а окружилъ себя людьми нововзысканными и непородными. Царь безпрестанно бываетъ у еретиковъ въ Слободѣ и тѣмъ не честь дѣлаетъ, а безчестье себѣ. Живетъ онъ небреженіемъ, не христіански: тощитъ казну многую и проматываетъ съ бестыжими иноземцами и ихъ жонками; уклонился въ потѣхи да въ слова смѣхотворныя и шутки. А государство приказалъ править мздоимцамъ: и умножилось дьяковъ и подъячихъ“. Одинъ монахъ даже подалъ лично Петру обличеніе въ этомъ родѣ. Старина видѣла свой идеалъ въ братѣ Петра и въ царицѣ Евдокіи, которая жила, съ своимъ сыномъ Алексѣемъ, прежнимъ обычаемъ, заброшенная мужемъ. Она естественно припоминала и Софью. Измѣнившій ей *Цыклеръ*

(§ 210), человѣкъ честолюбивый и необузданный, обиженный пренебреженіемъ царя, началъ настраивать стрѣльцовъ истребить иноземцевъ, убить Петра и поставить на царство царевича Алексѣя, а правительницей сдѣлать Софью. Онъ надѣялся даже поднять донцовъ „на то же, что̀ дѣлалъ Разинъ". Но стрѣльцы донесли Петру. Онъ разсвирѣпѣлъ: впервые проявилась его жестокость. Цыклеръ съ нѣсколькими товарищами были четвертованы, послѣ ужасныхъ пытокъ; ихъ головы насадили на желѣзные рожны, на Красной площади. Кровь казненныхъ лилась на трупъ Ивана Милославскаго, который выкопали изъ могилы и приволокли на свиньяхъ. У самой Софьи были усилены караулы. На Верху стали дозоромъ солдаты съ иноземными офицерами. Стрѣльцы были высланы изъ столицы.

Какъ послѣ неудачи подъ Азовомъ, Петръ еще больше поразилъ всѣхъ своею отвагой и настойчивостью. Черезъ недѣлю послѣ казней, онъ выѣхалъ за границу.

§ 213. **Заграничное путешествіе. Стрѣлецкій бунтъ.**—Путешествіе Петра по Европѣ, которое длилось полтора года (1697—1698), имѣло историческое значеніе уже потому, что присутствіе перваго царя за границей означало уваженіе Россіи къ западной гражданственности. Но путешествіе такого геніальнаго и уже разорвавшаго со стариной государя, какъ Петръ, предвѣщало еще коренное преобразованіе страны, жившей до тѣхъ поръ подъ восточными вліяніями. Петръ ѣхалъ не для потѣхи и прохлады, а за дѣломъ. Онъ самъ говоритъ, что, пославъ людей учиться кораблестроенію, „монархъ аки бы устыдился остаться отъ подданныхъ своихъ". На своей печати онъ изобразилъ тогда молодого плотника, съ надписью: „азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую". Сверхъ того, Петру хотѣлось найти поддержку въ Европѣ „къ ослабленію враговъ креста Господня — султана, хана и всѣхъ бусурманскихъ ордъ". Мысль о путешествіи развивалась съ полгода, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Лефорта.

Петръ попрежнему оставилъ въ Москвѣ боярское правленіе, съ Борисомъ Голицынымъ и Ромодановскимъ во главѣ, а самъ покинулъ Россію, снарядивъ пышное посольство къ иностраннымъ дворамъ, съ Лефортомъ во главѣ. Тутъ, кромѣ свиты, было болѣе 200 „волонтеровъ"—молодыхъ людей всякихъ званій и племенъ, отъ иностранцевъ до грузинъ, калмыкъ и татаръ. Самъ царь затерялся въ этой массѣ, подъ именемъ „урядника Петра Михайлова", соблюдая строгое инкогнито, чтобы

не тратить времени на придворныя церемоніи. Онъ дорожилъ каждою минутой, словно не надѣясь побывать еще разъ въ этомъ мірѣ чудесъ для любознательнаго ученика. Онъ работалъ и по ночамъ, и въ дорогѣ; провожатые истомились, не успѣвая показывать и объяснять ему новинки. Все занимало его; но меньше всего заботился онъ о политикѣ. Первымъ дѣломъ у него было осматривать фабрики и мастерскія, арсеналы, монетные дворы и лабораторіи, музеи, аптеки, дороги, мосты, каналы и мельницы. Онъ увлекался математикой, химіей, физикой, астрономіей, зоологіей, въ особенности же механикой и медициной. Но его спеціальностью оказалась корабельная и военная техника, которою онъ овладѣлъ вполнѣ. Судостроеніе стало его страстью, такъ что иностранцы даже подсмѣивались надъ этимъ.

Петръ работалъ главнымъ образомъ на верфяхъ простымъ плотникомъ, съ ранняго утра до вечера, который онъ проводилъ въ болтовнѣ со шкиперами въ погребкахъ. Оттого больше всего прожилъ онъ въ Голландіи, которая была тогда первою страной по мореплаванію, торговлѣ, промышленности и наукамъ (*Н. И.* § 124), затѣмъ—въ Англіи, которая начинала соперничать съ нею на этихъ поприщахъ. Врагъ аристократизма, Петръ особенно хорошо чувствовалъ себя въ простой и дѣловой средѣ купцовъ и мастеровыхъ Амстердама и маленькаго, но полнаго верфей Саардама, гдѣ онъ жилъ въ домикѣ кузнеца, бывавшаго въ Москвѣ, иногда спалъ на полу, ходилъ, какъ мѣстный плотникъ, въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ парусинныхъ штанахъ и въ лакированной шляпѣ. „Мы—не знатные господа, а простые люди“, говорилъ царь. Здоровый, освѣжаемый трудомъ студентъ, онъ писалъ домой веселыя, шутливыя письма, въ которыхъ кручинился только тогда, когда въ наукѣ „желаемаго конца не достигалъ“. Его потянуло въ Англію, когда практики-голландцы не могли удовлетворить его теоретическихъ запросовъ. А въ Англіи онъ уже мечталъ о дополненіи своихъ спеціальныхъ свѣденій въ Италіи. Подконецъ онъ поѣхалъ туда, но не прямо, а черезъ Вѣну, куда привлекалъ его политическій интересъ—борьба съ турками.

Европа была озадачена и появленіемъ, и свойствами царя „варварской Московіи“. Сначала она смотрѣла на него, какъ на какое-то диво: онъ не зналъ, какъ спрятаться отъ толпы любопытныхъ. Но потомъ лучшіе умы вполнѣ оцѣнили то, что̀ скрывалось въ этомъ „странномъ, причудливомъ господинѣ“: его признали геніальнымъ дикаремъ. Наблюдательная, просвѣщенная собесѣд-

ница Лейбница, бранденбургская принцеса, Софья-Шарлота, сказала: „Это государь очень хорошій и очень дурной: по нраву, онъ — полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, изъ него вышло бы совершенство: у него много достоинствъ и необыкновенный умъ". Замѣтили, что это — „страстный, весьма горячій, крутой, свирѣпый" человѣкъ. Онъ то работалъ безъ отдыху, то гулялъ или танцовалъ безъ удержу, грубо расправлялся съ своими, чуть не билъ и непріятныхъ ему чужихъ царедворцевъ, черезчуръ махалъ руками и двигался, ѣлъ грязно, пилъ вино большими стаканами. Но всѣ удивлялись его дѣльности, простотѣ и трудолюбію: принцесы разглядывали его заскорузлыя отъ работъ руки. Онъ изумлялъ всѣхъ своею находчивостью, быстротой соображенія, мѣткостью сужденій и разнообразными дарованіями: это былъ превосходный корабельный мастеръ, плотникъ, шкиперъ и артиллеристъ, хорошій столяръ, инженеръ и граверъ, искусный трубачъ и барабанщикъ. Развитая Европа замѣтила и больше того. Отъ Лейбница до гимназистовъ, всѣ заговорили, въ письмахъ, брошюрахъ, на ученыхъ диспутахъ: „Царь хочетъ усовершенствовать своихъ подданныхъ, поднять ихъ на уровень гражданственности другихъ народовъ, вывести ихъ изъ тьмы невѣжества: и станетъ онъ знаменитымъ государемъ".

Для исполненія этого пророчества нужно было, чтобы Петръ тогда же возненавидѣлъ древнюю Русь со всею своею страстью. Объ этомъ позаботилась она сама. Жизнерадостное, просвѣтительное путешествіе царя было прервано мертвящею вѣстью о новомъ возстаніи ея мрачныхъ пережитковъ: въ Вѣнѣ, наканунѣ отъѣзда въ Венецію, Петръ узналъ о новомъ *стрѣлецкомъ бунтѣ* (1698). Стрѣльцы не пошли за Цыклеромъ только изъ страха передъ Петромъ и его солдатами. Они чувствовали, что „впредь имъ погибнуть же". Петръ также тяготился этимъ чудовищнымъ воплощеніемъ старины, этими „русскими янычарами и преторіанцами", какъ говорили иностранцы. Онъ унижалъ ихъ на своихъ потѣхахъ, вытѣснялъ изъ Москвы. Послѣ заговора Цыклера они были разсѣяны по окраинамъ, по самымъ опаснымъ мѣстамъ, на тяжкія службы, посажены на скудное содержаніе. А въ Москвѣ у нихъ остались семьи и выгодные промыслы. Ихъ ободрило долгое и почти всѣми осуждаемое отсутствіе вѣнценоснаго врага; да объ немъ и не было извѣстій уже давно, за распутицей. А тутъ опять разнеслись таинственные, заманчивые слухи, будто Софья зоветъ ихъ въ Москву.

задумавъ попрежнему принять правленіе, такъ какъ „про царя ничего не слышно".

Стрѣльцы двинулись съ криками: „Разоримъ Нѣмецкую Слободу, отъ которой закоснѣло православіе! Убьемъ еретика Францка (Лефорта), который уже подъ Азовомъ хотѣлъ до конца погубить всѣхъ насъ! Убьемъ и царя за то, что онъ сложился съ нѣмцами! Ужъ слышно, что нѣмцы идутъ на Москву: послѣдуя брадобритію и табаку, они всесовершенно испровергнутъ благочестіе". Стрѣльцовъ не было и 2.000. Но они надѣялись поднять донцовъ и всѣхъ раскольниковъ, тѣмъ болѣе, что народъ роопталъ на боярское правленіе, которое отличалось насиліемъ, особенно при сборѣ невыносимыхъ налоговъ: ходили еще слухи, что бояре хотятъ удушить царевича Алексѣя и уже „по щекамъ били" царицу Евдокію. Но когда стрѣльцы дошли до Воскресенскаго монастыря, изъ Москвы выступили 4.000 царскихъ солдатъ, со множествомъ пушекъ и съ самимъ Гордономъ во главѣ. Послѣ первыхъ залповъ артиллеріи, мятежники, у которыхъ даже не было предводителя, разбѣжались. Многіе изъ нихъ были казнены; остальныхъ разсажали по тюрьмамъ.

„Это ростетъ сѣмя Ивана Милославскаго! Будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете", написалъ Петръ изъ Вѣны Ромодановскому и нагрянулъ въ Преображенское. Въ немъ кипѣла ненависть къ старинѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ: тѣмъ съ большею яростью накинулся онъ на ея главный оплотъ. „Только крѣпостію можно угасить сей огонь", воскликнулъ онъ—и начались неслыханныя истязанія, которымъ подвергали даже стрѣльчихъ, добиваясь уликъ противъ Софьи. Ежедневно палачи работали въ 15 застѣнкахъ, и курилось до 30 костровъ, на которыхъ поджаривали стрѣльцовъ, подъ руководствомъ самого царя. Содрогнулась Москва. Патріархъ, который самъ проклиналъ брадобритіе, явился съ иконой печаловаться о несчастныхъ. Но Петръ закричалъ на него съ яростью: „Убирайся скорѣе! Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ". Затѣмъ 12 дней происходили казни: инымъ ломали руки и ноги и рубили головы, иныхъ колесовали, но больше вѣшали. Царь сидѣлъ на лошади и все смотрѣлъ на работу палачей. Онъ ничего не боялся, а самъ старался всѣмъ внушить страхъ. Казнили по всей Москвѣ. Тѣла болѣе тысячи жертвъ валялись всюду; головы же тор-

чали на зубцахъ кремлевскихъ стѣнъ, на отчасти уцѣлѣвшихъ желѣзныхъ крючьяхъ: „что зубецъ, то стрѣлецъ", говорили тогда. Когда, съ полгода спустя, убрали тѣла, ихъ побросали въ ямы на дорогахъ, подъ Москвой, а надъ ними поставили столбы съ надписями о винахъ мятежниковъ.

Но напрасно Петръ пыталъ стрѣльчихъ, чуть не ежедневно ходившихъ въ хоромы царевенъ; напрасно онъ мучилъ прислужницъ Софьи и допрашивалъ ее самое: настоящихъ уликъ противъ нея не оказалось. Тѣмъ не менѣе царь повѣсилъ передъ ея окнами многихъ стрѣльцовъ, съ челобитными въ рукахъ. Сама она была пострижена въ монахини и оставлена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она и умерла, 5 лѣтъ спустя. Тогда же Петръ постригъ одну изъ ея сестеръ, а также свою жену, и выслалъ Лопухиныхъ изъ Москвы. Онъ возненавидѣлъ царевича Алексѣя, котораго помѣстилъ у своей сестры-любимицы, Натальи; а Евдокію преслѣдовалъ даже въ монастырѣ, плохо содержалъ ее, казнилъ ея друзей. Такъ до конца поступалъ онъ съ послѣднею царицей изъ русской знати, которая пережила своего мучителя.

§ 214. **Плоды путешествія.** — Петръ освободился отъ путъ старины; окончилась его ученическая юность. Петръ сталъ независимымъ мужемъ—и для большого корабля открылось большое плаваніе. Теперь оказались плоды заграничнаго путешествія. Полтора года, проведенные въ Европѣ такимъ русскимъ царемъ, какъ Петръ, въ самую цвѣтущую пору его жизни, должны были отразиться на судьбѣ всей страны, а слѣдовательно и всего міра.

Путешествіе дало крупные плоды даже во *внѣшней политикѣ*, о которой Петръ мало думалъ. Онъ намѣревался только мимоходомъ договориться съ нѣмецкимъ императоромъ насчетъ борьбы съ турками, а вышла шведская война. Уже въ Ригѣ шведы оскорбили его подозрительностью такъ, что онъ назвалъ этотъ городъ „проклятымъ мѣстомъ". Напротивъ, ему понравились враги Швеціи—обласкавшій его курфюрстъ бранденбургскій и избранный подъ его вліяніемъ Августъ II (§ 197) польскій, съ которымъ онъ даже обмѣнялся оружіемъ. Для будущаго важнѣе было то, что Петръ сроднился съ Голландіей и Англіей и не взлюбилъ ихъ враговъ, французовъ, которые такъ тщеславились тогда своимъ Королемъ-Солнце (§ 196), что оскорбили „варвара", въ Амстердамѣ, своимъ презрѣніемъ. Тогда же онъ чуть не побилъ одного пышнаго прелата, который соблаз-

нялъ его бросить „ересь“ и обратиться въ паписта. Петръ возвратился съ соглашеніемъ съ Польшей насчетъ нападенія на шведовъ, съ торговыми договорами съ Бранденбургомъ и Англіей да съ враждебнымъ чувствомъ къ Франціи и Австріи, изъ которыхъ одна горой стояла за турокъ, другая тяготилась войной съ ними. А это означало, что Россія вступала въ кругъ германскихъ народовъ и протестантства, какъ недоброжелатель романцевъ и католичества. Въ Европѣ уже заговорили, будто царь хочетъ не только взять протестантовъ въ воспитатели своему народу, но и какъ-то слить православіе съ реформатствомъ.

Во всякомъ случаѣ, Россія вдругъ стала европейскою державой, безъ которой не могла идти политика Запада (§ 196). Но еще важнѣе внутреннія, глубокія связи, которыя навѣки завязались тогда между обѣими половинами Европы. Въ ту минуту онѣ выражались наглядно въ прямыхъ *личныхъ сношеніяхъ* между русскими и европейцами. Царь былъ не одинъ за границей. Повсюду, даже въ Испаніи, Даніи и Франціи, завелись русскіе. Тамъ проживали, какъ раньше посланные придворные, такъ и „волонтеры“ (§ 213), число которыхъ все росло. Ежедневно отправлялись изъ Россіи на Западъ люди, или приневоленные, или желавшіе угодить царю. Тутъ была не только молодежь, но и такіе честолюбцы, какъ Петръ Толстой, который вызвался самъ, имѣя семью и болѣе 50 л. отъ роду. И потомъ, до самой смерти Петра, не останавливался притокъ русскихъ въ Европу, иногда цѣлыми партіями: въ 1716 г. было послано въ Бранденбургъ до 40 молодыхъ подъячихъ для усвоенія коллегіальныхъ порядковъ, а въ 1719-мъ—до 30 юношей для изученія медицины. Даже почтенныя, обсидѣвшіяся лица стали проситься за границу—полечиться или просто провѣтриться. Но главнымъ магнитомъ для русскихъ была *наука*, и именно житейская, прикладная. Подобно самому Петру, ѣхали, прежде всего, для изученія корабельнаго и военнаго дѣла, затѣмъ для усвоенія ремеслъ и языковъ. Подконецъ посылались даже для обученія зодчеству и живописи. Всего при Петрѣ за-границей побывало нѣсколько тысячъ русскихъ. Конечно въ такой массѣ встрѣчалось много неудачныхъ выборовъ: иностранцы часто жаловались на дурное поведеніе, лѣность, неподготовленность волонтеровъ просвѣщенія. Но они изумлялись даровитости „варваровъ“, именно ихъ переимчивости, въ особенности же легкости усвоенія ими языковъ.

Среди этой учащейся Россіи оказалось не мало лицъ, которыя потомъ помогли Петру вынести его великое дѣло на всѣхъ

поприщахъ. Европейская жизнь охватывала ее со всѣхъ сторонъ, подымала общій уровень ея развитія. Многіе ѣхали, какъ практики, узкіе спеціалисты, а возвращались многосторонними государственными людьми. Здѣсь, среди молодыхъ отпрысковъ московской знати—Нарышкиныхъ, Голицыныхъ, Долгорукихъ, Шереметевыхъ, Черкасскихъ, Урусовыхъ, Салтыковыхъ, Имеретинскихъ—выработались такіе видные дѣятели, какъ Татищевъ, Курбатовъ, Борисъ Куракинъ, Головинъ, Андрей Матвѣевъ (сынъ Артамона, § 206), Алексѣй Бестужевъ. Здѣсь же Петръ пригядѣлся къ самымъ даровитымъ изъ своихъ сподвижниковъ, къ Меншикову и Толстому. Когда царь возвратился домой, непрерывный рядъ волонтеровъ служилъ живою связью между Россіей и Западомъ. Петръ постоянно дѣлалъ имъ запросы, требовалъ справокъ: словно самъ не переставалъ жить въ Европѣ. Съ другой стороны, онъ до самой смерти заботился объ ея переселеніи къ намъ. Во время его пребыванія за границей, Лефорта измучила возня съ высматриваніемъ и наймомъ свѣдущихъ иностранцевъ всякихъ націй, религій, званій и занятій, отъ шкиперовъ, офицеровъ, ремесленниковъ до садовниковъ, берейторовъ, музыкантовъ и „коковъ“ (поваровъ). Впослѣдствіи каждый волонтеръ, каждый заѣзжій русскій долженъ былъ усердно заниматься тѣмъ же: ничѣмъ больше нельзя было угодить царю. Всего при Петрѣ въ Россію переселилось много тысячъ иностранцевъ, изъ которыхъ не мало осталось у насъ и обрусѣло на службѣ новому отечеству.

Но главнымъ плодомъ путешествія царя были неистребимыя *связи бытовыя*, душевныя, которыя сливали обѣ половины Европы въ цѣльный типъ новой гражданственности, на благо имъ обѣимъ. Съ тѣхъ поръ Петръ сроднился съ Западомъ, который также сталъ считать русскаго уже не азіатомъ, а своимъ человѣкомъ. Онъ не только интересовался всѣми его заботами, но и его мнѣніемъ о Россіи. Его задѣвали за живое дурные отзывы европейцевъ, которые, въ свою очередь, начали много писать о насъ. До наивности усердно хлопоталъ онъ объ оправданіи, о благосклонности западныхъ газетъ, о посвященіи ему книгъ и брошюръ: тогда зародилась наша оффиціозная печать за границей, наряду съ обличительною литературой недовольныхъ.

Всѣ русскіе волонтеры питали въ себѣ эти новыя чувства: всѣ перерождались, охваченные невиданною жизнью высшей гражданственности. Уже тогда иностранцы писали изъ Москвы, что бояре начинаютъ устраивать свой внѣшній бытъ совсѣмъ по-

ихнему. Но нужно читать письма и путевыя записки волонтеровъ, въ особенности Толстого и Шереметева, чтобы понять, какой переворотъ происходилъ въ ихъ душѣ. Наши путешественники разборчиво сравниваютъ уже не только свое отечество съ чужими краями, но и разныя страны Европы. Ихъ поражаетъ не одна внѣшность Запада: вездѣ опрятность, изящество и зажиточность; нѣтъ пьяныхъ; въ играхъ не плутуютъ; женщины ходятъ открыто и свободно, „и въ зазоръ себѣ того не ставятъ". Они восхищаются ученостью, дѣльностью, умѣлостью и чувствомъ собственнаго достоинства въ среднихъ классахъ, а также благовоспитанностью знати, тою утонченною вѣжливостью, которая господствуетъ въ ея рѣчи, въ ея „ассамблеяхъ" и визитахъ, въ ея маскарадахъ и домашнихъ представленіяхъ. Волонтеры просвѣщенія дивились, какъ это тамъ королей и владыкъ „не водятъ подъ руки"; на судѣ не кричатъ, а обходятся тихо, учтиво даже съ обвиненными; всѣ веселятся „безъ страху", живутъ „въ вольности, безъ обиды, безъ тягостныхъ податей"; не говоря уже про республиканскую Голландію и конституціонную Англію, даже въ самодержавной Франціи строго запрещено лихоимство; принцы и вельможи не смѣютъ дѣлать „тѣсноты" народу, самъ король не учиняетъ никому „насилованія" и не отбираетъ произвольно имуществъ въ казну.

Но сильнѣе всѣхъ волонтеровъ былъ потрясенъ самъ впечатлительный, страстный Петръ Михайловъ. Онъ былъ болѣе подготовленъ: если Преображенское, Измайлово, Нѣмецкая Слобода были для него низшею школой и университетомъ, то путешествіе стало тѣмъ завершеніемъ образованія, которое до сихъ поръ служитъ воспитательнымъ преданіемъ въ Россіи. За границей Петръ одѣлся поевропейски, отлично заговорилъ поголландски. Подконецъ его находили уже „болѣе учтивымъ, приличнымъ и осторожнымъ", и онъ отправлялъ цѣлые тюки домой даже „про свой обиходъ". Недаромъ на Западѣ замѣтили, что изъ русскихъ „только самъ царь умѣетъ учиться, какъ слѣдуетъ". Углубляясь въ частности техники, онъ не забывалъ идеи, теоріи: „еслибъ я не научился у англичанъ, то навсегда остался бы лишь плохимъ рабочимъ", говорилъ онъ потомъ. Столь же глубокомысленны его письма и указы, которые служили лучшею школой для тогдашней Россіи. Здѣсь ясны многія изъ высшихъ началъ гражданственности, усвоенныя Петромъ въ Европѣ. Здѣсь постоянно говорится: „какъ въ иныхъ государствахъ". Здѣсь указывается на предпріимчивость, изобрѣтательность и науку Запада, на

его прилежаніе, постоянство и трудолюбіе, на его порядливость, добросовѣстность и терпимость. Указъ 1702 г. вскрываетъ всю силу плодовъ путешествія. Имъ отмѣнялся „древній обычай, посредствомъ котораго совершенно воспрещался иностранцамъ свободный въѣздъ въ Россію“,—отмѣнялся съ тѣмъ „дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ“. Съ этою же цѣлью вводилось „свободное отправленіе богослуженія всѣхъ христіанскихъ сектъ: мы совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“. И Петръ уже замышлялъ выдать своихъ племянницъ замужъ за иностранныхъ принцевъ.

Европейцы тогда же поняли, что̀ значило такое перерожденіе у такой силы, какъ русскій царь. Многіе говорили: „онъ хочетъ усовершенствовать своихъ подданныхъ“. Самые проницательные политики, венеціанцы и англичане, писали: „Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы государь надолго покинулъ свою страну изъ любознательности, изъ жажды образованія, изъ желанія развить свой народъ, пошатнуть самые старые и важные обычаи, тогда какъ его предшественники считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своего самодержавія. Самые дальновидные люди ожидаютъ отъ этого путешествія важныхъ послѣдствій“. Да и не трудно было пророчествовать. Будучи въ Англіи, Петръ уже поручилъ ученому Ли составить цѣлый планъ коренныхъ преобразованій. Въ трудѣ Ли упоминаются 7 „коллегій“, въ томъ числѣ коллегіи „для развитія обученія, для поощренія искусствъ, для исправленія нравовъ“: онѣ должны были заводить практическія школы и университеты, распространять знаніе восточныхъ языковъ, помогать изобрѣтеніямъ и открытіямъ, посылать „цензоровъ“ по странѣ для каранія пороковъ и награжденія добродѣтелей. Тутъ говорилось также о каналахъ и дорогахъ, о финансахъ, ревизіяхъ и переписяхъ, о торговлѣ и промыслахъ, по образцу англійскихъ и голландскихъ компаній, и т. под.

§ 215. **Преобразованія. Новыя путешествія.**—Какъ только Петръ возвратился домой, тотчасъ начались коренныя и всестороннія преобразованія. Иностранные дипломаты въ каждой депешѣ доносили о новыхъ мѣрахъ и замыслахъ молодого царя, едва успѣвая слѣдить за ними. Европа была тѣмъ болѣе поражена, что тогда же Петръ началъ нескончаемую войну съ

шведами, а по всей Россіи пылалъ мятежъ старины. Но, отчасти въ силу этихъ же бѣдствій, преобразованія перваго десятилѣтія, до полтавской побѣды, были лишь смѣлыми опытами. Они были поверхностны, отрывочны, поспѣшны и иногда отличались почти дѣтскимъ подражаніемъ Западу. Они выражались въ сжатыхъ указахъ, которые только намекали на недозрѣвшую мысль, обличали малое знакомство съ положеніемъ дѣлъ. То были словно случайные набѣги богатыря на новое „идолище поганое“ (§ 19), или бѣшеные порывы геніальнаго деспота. Но и здѣсь уже затрогивались всѣ стороны жизни: то былъ бѣглый набросокъ огромной исторической картины.

На другой день по возвращеніи въ Преображенское, еще не добравшись до стрѣльцовъ, Петръ схватился за признаки старины во внѣшнемъ быту. Онъ своеручно рѣзалъ *бороды* представлявшимся ему боярамъ; потомъ эту операцію производилъ его шутъ, на пирушкахъ знати. Борода была воспрещена всѣмъ на Руси, кромѣ духовенства. Тогда же самъ царь обрѣзывалъ, на обѣдахъ, рукава у нашихъ халатниковъ, а его слуги кромсали полы у бояръ на улицѣ. И вышелъ указъ для служилыхъ носить короткополую *одежду*, какъ въ Европѣ. Повелѣвалось и жить по западному — открыто, сообщительно: служилые должны были, по примѣру царя, ходить другъ къ другу для бесѣдъ и увеселеній и брать съ собой своихъ женъ и дочерей, одѣтыхъ также поевропейски. Здѣсь, по примѣру самого Петра, усердно предавались куренію: *табакъ* былъ не только разрѣшенъ, но заботами царя сталъ разводиться дома. Внѣшній бытъ приводился въ порядокъ устройствомъ болѣе правильной полиціи. Принимались мѣры противъ нищенства и разбоевъ, противъ пожаровъ и заразъ: тогда возникли рабочіе дома для праздношатающихся; а попрошаекъ наказывали и подающихъ милостыню штрафовали. Заводились гошпитали, аптеки и такія богадѣльни, что туда можно было класть младенцевъ тайно. Запрещалось хоронить раньше трехъ дней, убивать дѣтей-уродцевъ, носить острые ножи. Проводились дороги; строились каменныя мостовыя, мосты, мельницы и дома, по западному образцу.

Рядомъ мелькали зарницами просвѣтительныя мѣры, въ широкомъ смыслѣ новыхъ, человѣчныхъ началъ въ жизни Россіи, основанныхъ на общественномъ духѣ и на свѣтской наукѣ. Было запрещено подписываться *уничижительными именами* въ бумагахъ царю, падать передъ нимъ на колѣна, снимать шапки

передъ дворцомъ. Явилась новая, сохранившаяся до сихъ поръ, *присяга*, гдѣ говорится объ отечествѣ, государствѣ и гражданинѣ. Были введены выборные *бурмистры*, чтобы средній классъ освобождался отъ произвола воеводъ путемъ объединія и чтобы пріучались сами заправлять своими дѣлами. Купцамъ внушалось „торговать компаніями", а ремесленникамъ—составлять „свои цунфты (цехи) или собранія и надъ оными алдермановъ (старшинъ)". *Женщина* освобождалась изъ теремной неволи выходомъ въ люди; а духовенству воспрещалось вѣнчать безъ взаимнаго согласія брачущихся. Участіе женщины въ обществѣ было косвеннымъ воспитательнымъ средствомъ. Но начиналось и прямое обученіе. Въ Москвѣ появились двѣ *школы*—„математическая и навигацкая". Тамъ же, въ гошпиталѣ, обучали медицинѣ; а плѣнный ливонецъ, Глюкъ, открылъ гимназію, отчасти съ университетскими курсами, за что получалъ хорошее жалованье. Въ Амстердамѣ возникла русская *типографія*, которая изобрѣла нашу *гражданскую азбуку* (1708) и стала печатать учебники и переводы по реальнымъ наукамъ. Куранты (§ 177) были замѣнены *Русскими Вѣдомостями* (1703)—первою всенародною газетой. И нѣмецкая труппа начала давать представленія также во всенародномъ *театрѣ* (1702) на Красной Площади и обучать подъячихъ комедійному дѣлу.

Новыя начала особенно ярко обнаружились въ отношеніяхъ Петра къ церкви, на которыя намекалъ уже всепьянѣйшій соборъ (§ 211). „Ой, бородачи!—воскликнулъ царь.—Многому злу корень старцы и попы. Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ (Никономъ), а я—съ тысячами". И началось обмірщеніе Россіи. Петръ сталъ выказывать презрѣніе къ церковникамъ, которымъ оставилъ бороду и широкополье. Онъ сокращалъ число „тунеядцевъ", монаховъ, и подрывалъ независимость духовенства. Воспользовавшись смертью Адріана, онъ *отмѣнилъ патріаршество* (1700), назначивъ лишь „блюстителя патріаршаго престола". Для управленія церковными имуществами былъ учрежденъ *Монастырскій Приказъ*, ввѣренный просвѣщенному человѣку, латинисту и философу, Мусину-Пушкину. Тогда же возникло свѣтское *лѣтосчисленіе* (1700). „Чтобы сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальною Европой", было объявлено, что отнынѣ Новый Годъ будетъ 1-го января, и годы будутъ считаться съ Р. X. (§ 177). Петръ лично объяснялъ основанія этой мѣры и въ подробномъ указѣ училъ, какъ поздравлять „съ Новымъ Годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ". Цѣлую недѣлю

стрѣляли, жгли огни, убирали зеленью дома. Съ этихъ поръ русскій царь стоялъ, на церемоніяхъ, не среди духовенства, въ облаченіи, а офицеромъ при своемъ полку, въ *военномъ мундирѣ* и съ *орденомъ* (Андрея Первозваннаго), которые были учреждены тогда по западному образцу. Тогда же царь и его приближенные проходили службу по новымъ чинамъ съ иноземными названіями.

Подготовлялся переворотъ и въ высшемъ управленіи. Съ 1700 г. работала коммиссія для новаго Уложенія—для сводки законовъ Франціи, Англіи и Шотландіи. Съ того же года ничего не слышно про боярскую думу, а появляется *Ближняя Канцелярія*, куда съѣзжаются „министры“ для „консиліи“. Но царь носится по странѣ; и вездѣ подлѣ него *Кабинетъ*, гдѣ заправляетъ его наперсникъ, „кабинетъ-секретарь“, Макаровъ. А когда Петръ дома, онъ собираетъ къ себѣ „министерскую канцелярію“ или „тайные совѣты“ изъ „первыхъ министровъ“ или „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ“, которые назывались потомъ еще „первыми сенаторами“ и „верховными господами“: они вѣдали армію, флотъ, дипломатію и финансы. Возникъ и первый опытъ надзора за всѣмъ управленіемъ: *прибыльщики*, съ Курбатовымъ во главѣ, попадавшіе изъ крѣпостныхъ въ вице-губернаторы, изобличали плутни самыхъ сильныхъ людей, а также старались о „приборѣ“ или о прибыляхъ казны. Они отыскивали руду, чеканили легковѣсную монету, ввели „орленую“ или *гербовую бумагу* (1699). Было затронуто и областное управленіе: Россія была раздѣлена на 12 *губерній* (1708), которыя подраздѣлялись на провинціи. Воеводы превратились въ правителей провинцій, подчиненныхъ губернаторамъ, а въ пограничныхъ мѣстахъ — генералъ-губернаторомъ. Наконецъ явился *Петербургъ* (1703), этотъ истинно „Петровъ Градъ“, символъ и сердце новой Россіи.

Послѣ Полтавы Петръ снова бросился на Западъ, гдѣ ему не удавалось путешествовать уже лѣтъ 12. Онъ ѣздилъ туда, въ 1709—1717 гг., почти ежегодно, и въ послѣдній разъ пробылъ тамъ болѣе 20 мѣсяцевъ, посѣтивъ Германію, Голландію, Австрію и даже Парижъ. Врачи посылали его лечиться и отдохнуть; но онъ занимался дипломатіей, для успѣшнаго окончанія шведской войны, и попрежнему учился. Онъ увлекался новинками, изучалъ флотъ и торговлю, лично сносился съ учеными и художниками, пріобрѣталъ собранія рѣдкостей. Онъ не разъ бесѣдовалъ съ Лейбницомъ (§ 196), который забросалъ его пла-

нами преобразованій, преимущественно насчетъ просвѣщенія Россіи. Онъ былъ пораженъ блестящею внѣшностью французовъ.

Тотчасъ по возвращеніи домой, Петръ рѣшительнѣе прежняго взялся за воспитаніе своего народа и облагороженіе его быта. О глубокой сознательности новыхъ преобразованій свидѣтельствуетъ рѣчь царя, въ 1714 г., передъ своими сотрудниками. Указавъ на распространеніе „всѣхъ знаній“ изъ ихъ „колыбели“, Греціи, царь замѣтилъ: „Невѣжествомъ нашихъ предковъ они были остановлены и не проникли далѣе Польши. Поляки, равно какъ и нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ. Но непомѣрными трудами правителей своихъ они открыли глаза и усвоили прежнія греческія *искусства*, *науки и образъ жизни*. Теперь дошла очередь до насъ“.

Петръ спѣшилъ наверстать упущенное, хватаясь за все, не пренебрегая и мелочами. По указу объ *ассамблеяхъ* (1717) или общественныхъ собраніяхъ, служилые должны были вывозить въ гости даже дочерей съ 14-лѣтняго возраста. Петръ дорожилъ ассамблеями, гдѣ бывало много иностранцевъ, какъ воспитательнымъ средствомъ: онъ назначалъ ихъ и у себя, и у именитыхъ людей, и руководилъ ими лично. Тогда же, по его повелѣнію, былъ изданъ переводный сборникъ „Юности честное Зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію“. Въ тоже время Петръ заботился о кіевской коллегіи (§ 192), переименованной въ „академію“, и привлекалъ въ Москву малороссійскихъ ученыхъ. А московская академія завѣдывала, вмѣстѣ съ синодомъ, всѣмъ обученіемъ и переводами. Она стала, по образцу кіевской академіи, „латинскою“ школой: въ ней воспитывались уже и свѣтскіе люди. Но особенно развивалась, по западному образцу, система новыхъ, вполнѣ свѣтскихъ, *школъ*, откуда „люди происходили бы во всякія потребы“. Въ столицахъ, гдѣ ихъ устраивали и частныя лица изъ иностранцевъ, онѣ предназначались преимущественно для дворянъ и назывались, по предметамъ, математическими, латинскими, нѣмецкими. Появились и спеціальныя училища — артиллерійское, инженерное, художественное, морская академія, школа для приготовленія подъячихъ. Изъ математическихъ школъ уже выходили собственные учителя, которыхъ разсылали по губерніямъ: имъ давали жалованье и помѣщеніе въ церковныхъ домахъ, а они должны были обучать даромъ дѣтей всякаго чина грамотѣ, цифири и геометріи. Даже въ Тобольскѣ возникла школа, благо-

даря шведскимъ плѣнникамъ. А въ каждой епархіи заводились духовныя училища, гдѣ два года занимались богословіемъ, а шесть лѣтъ — свѣтскими науками, отчасти греческимъ и даже еврейскимъ языками; при училищахъ устраивались библіотеки. Положивъ основаніе школамъ, Петръ строго требовалъ обученія юношества: иначе дѣтей церковниковъ бралъ въ солдаты, а дворянскихъ недорослей насильно отдавалъ въ школы, даже не позволялъ имъ жениться, пока не выучатся грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Для крестьянъ велѣно было объяснять буквари въ церквахъ: крестьянинъ Посошковъ совѣтовалъ даже ввести между ними грамотность насильственно.

Развивалось *книгопечатаніе*. Вмѣсто одной церковной типографіи, явилось 9, не считая заграничной, и часть ихъ въ провинціи. Онѣ печатали полезные переводы учебниковъ по всѣмъ отраслялъ реальныхъ знаній. Петръ хорошо платилъ сочинителямъ — и у насъ завелся книжный рынокъ; мы даже стали посылать къ турецкимъ славянамъ свои книги, равно какъ и собственныхъ учителей. А къ намъ привозили изъ Европы безпошлинно книги, картины, учебныя пособія, цѣлыя библіотеки и ученыя собранія. Отсюда наши первые музеи, естественный и археологическій, а также „кунсткамера", въ которую Петръ завлекалъ общество всякими ухищреніями. Онъ основалъ также медицинскую контору, которая вѣдала врачей, аптеки и медицинскую школу. Открылись и первыя минеральныя воды (олонецкія). А по Россіи разъѣзжали собственные геодезисты, которые измѣряли ее и составляли ея научную карту; самъ же царь намѣчалъ ученыя эспедиціи, которыя были совершены послѣ него. Подконецъ Петръ подошелъ къ своей завѣтной мечтѣ, которую поддерживали и такіе иностранцы, какъ Лейбницъ, Вольфъ (*Н. И.* § 107), Ли, Фикъ, и нашъ крестьянинъ Посошковъ. Онъ вѣнчалъ свое просвѣтительное зданіе планомъ *академіи наукъ* (1724). Она предназначалась „къ распложенію художествъ и наукъ"; но ученымъ предстояло, какъ двигать науку, такъ и „молодыхъ людей публично обучать": академія должна была замѣнять и университетъ, и гимназію. Недостатка въ профессорахъ изъ Европы нельзя было опасаться: самъ Лейбницъ брался руководить русскою академіей. Передъ смертью, Петръ мечталъ также выписать цѣлый запасъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ, чтобы основать университетъ въ Москвѣ и развить искусства, особенно театръ.

Послѣ Полтавы произошли и самыя важныя государственныя преобразованія, цѣлью которыхъ было привести въ порядокъ высшее управленіе. Такъ какъ и боярская дума, и приказы уже замерли, то возникъ *сенатъ* (1711), образцомъ которому послужили учрежденія Швеціи и Польши. Это—высшее мѣсто для всѣхъ дѣлъ, съ небывалою властью. Петръ назвалъ его „управительнымъ" и велѣлъ повиноваться ему, „какъ намъ самому", ибо у него „все въ рукахъ". „Господа-сенатъ", все „тайные совѣтники", посылали указы всѣмъ учрежденіямъ съ своими собственными комисарами, по особой почтѣ, и даже раздавали чины. Они надзирали за всѣми властями, съ цѣлью искорененія всякой „неправды": въ ихъ распоряженіи находились *фискалы* или радѣтели о казнѣ (§ 196), доносившіе о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ. Но сенаторы не могли замѣнить всего стараго управленія: ихъ было всего 9—20 человѣкъ, и рѣшенія ихъ затягивались отъ требованія единогласія. Подъ ихъ надзоромъ должна была дѣйствовать цѣлая правительственная машина, съ раздѣленіемъ труда, которая могла бы замѣнить приказы. Стали набирать изъ плѣнныхъ шведовъ и созывать отовсюду „шрейберовъ" (писцовъ) и знатоковъ „правостей" (законовъ); послали свою молодежь въ Бранденбургъ, а нѣмца Фика—въ Стокгольмъ для изученія канцелярскаго порядка. Подъ вліяніемъ плановъ Фика и другихъ иностранцевъ, а также многихъ русскихъ людей, появились 9 *коллегій* (1718). Онѣ состояли изъ ассессоровъ и президентовъ (изъ сенаторовъ), рѣшавшихъ дѣла большинствомъ голосовъ. Но коллегіи еще не устраняли безурядицы: хотя онѣ подчинялись сенату, президентами главныхъ изъ нихъ оставались „верховные господа", засѣдавшіе въ сенатѣ; на дѣлѣ, эти коллегіи были даже выше сената, такъ какъ ихъ президенты сносились съ царемъ непосредственно.

Коллегіи должны были, между прочимъ, воспитать порядливыхъ и честныхъ дѣльцовъ: кормленіе отъ дѣлъ замѣнялось жалованьемъ. Съ этою же цѣлью была издана *табель о рангахъ* (1722), которая придавала бывшимъ приказнымъ ремесленную замкнутость съ своимъ особымъ духомъ, но внушала уваженіе къ государственной службѣ, какъ къ лучшему средству пріобрѣсти значеніе. По табели, отчасти сохранившейся до нашихъ дней, всѣ служилые и бояре получали общее имя *дворянства* или „шляхетства" и раздѣлялись на 14 „ранговъ" или классовъ, каждый съ своимъ названіемъ. Каждому рангу соотвѣтствовалъ „чинъ" или должность, военная или „статская".

Такъ образовалось *чиновничество*, которое было лишено политическихъ правъ и совершенно отдѣлялось отъ народа; но зато каждый подданный (кромѣ крѣпостныхъ), получившій за службу первый офицерскій чинъ или VIII классъ по гражданскому вѣдомству, становился дворяниномъ. Родовая знать окончательно превратилась въ служебную. Дворянинъ былъ обязанъ всю жизнь состоять на службѣ, подъ страхомъ лишенія имущества: военный даже въ мирное время могъ попасть домой только по отпуску отъ начальства. За это Петръ сдѣлалъ дворянство правящимъ сословіемъ, освободилъ его отъ податей, заводилъ для него училища и учредилъ, по примѣру Запада, ордена, не исключая женскаго (Екатерины). Онъ хотѣлъ даже предохранить его отъ обѣднѣнія введеніемъ *майората* или единонаслѣдія.

Чтобы направить и новыя учрежденія на должный путь, усиливался надзоръ надъ всѣмъ управленіемъ. Явился *генералъ-прокуроръ* сената (1722), котораго Петръ назвалъ—„око наше“: самъ не подлежа ничьему суду, онъ надзиралъ и за сенатомъ, и за фискалами.

Въ томъ же духѣ было преобразовано высшее церковное управленіе. Патріаршество отмѣнялось уже по закону учрежденіемъ *синода* (1721), который состоялъ изъ 10 членовъ, по назначенію царя. Тутъ преслѣдовалась таже цѣль, что и при основаніи коллегій. Сверхъ того, въ Духовномъ Регламентѣ объ обязанностяхъ духовенства, составленномъ при участіи самого Петра, сказано: „отъ соборнаго (коллегіальнаго) правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе могутъ произойти, когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ“. Оттого хозяйство церкви и свѣтскій надзоръ надъ нею остались за Монастырскимъ приказомъ, который былъ только передѣланъ въ экономическую „коллегію“ синода. Синодъ долженъ былъ заниматься уже не однимъ искорененіемъ ересей, но также изданіемъ церковныхъ книгъ и устройствомъ школъ для приготовленія священства. При этомъ принимались мѣры для исправленія пороковъ духовенства и для ограниченія внѣшней стороны религіи. Петръ наказывалъ за лжечудотворство и сокращалъ число церквей. Онъ не довѣрялъ „попамъ, которые ничего не знаютъ, не понимаютъ и даже нерѣдко болѣе невѣжественны, чѣмъ мужики“, и отличалъ ученыхъ малороссовъ. Особенно вооружался онъ противъ монастырей, этой „гангрены“, этого убѣжища „тунеядцевъ и плутовъ“. Однажды онъ отнялъ у строптивыхъ иноковъ

даже чернила, перья и бумагу. Отобравъ доходы съ монастырскихъ вотчинъ въ новый приказъ, Петръ велѣлъ выдавать чернецамъ хлѣбъ и деньги на содержаніе, но съ тѣмъ, чтобы они занимались обученіемъ народа и добрыми дѣлами, въ особенности же заботились бы о раненыхъ и нищихъ. Вновь поступать въ монашество было запрещено безъ царскаго указа.

Въ то же время развивались областныя преобразованія. Подлѣ губернскаго строя, который теперь только входилъ въ жизнь, были поставлены избираемые дворянами *ландраты* (1714), родъ мѣстныхъ коллегій при губернаторахъ, а для суда—*ландрихтеры* или земскіе судьи, независимые отъ губернаторовъ, подсудные только сенату. Въ городахъ были введены особые *надворные* и *нижніе суды*.

Всѣ эти преобразованія въ управленіи, по словамъ самого Петра, клонились прежде всего къ улучшенію войска и финансовъ. При немъ установилось въ Россіи правильное войско, какъ сколокъ съ европейскихъ армій, и завелся флотъ. Петръ придалъ имъ новый видъ *воинскимъ уставомъ* (1716), который обязателенъ и теперь. Передъ его смертью, „регулярныхъ" войскъ было уже болѣе 200.000 да „иррегулярныхъ" (казаковъ и инородцевъ) болѣе 100.000; а флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ, съ 30.000 экипажа и 2.000 орудій. Войска были постоянныя и на жалованьѣ. Брали въ солдаты людей всѣхъ состояній; неспособные къ службѣ давали деньги или лошадей. Служба была равная для всѣхъ: и дворяне начинали съ рядоваго, по примѣру самого царя. Но войско требовало хорошихъ финансовъ. „Артеріей и жизнью войны" служатъ деньги, которыхъ требовали и преобразованія; а старая система ихъ сбора была неудовлетворительна (§§ 158, 159). Петръ ввелъ крупную *подушную подать* (1719) съ крестьянъ, сбору которой способствовали *метрическія книги* при церквахъ, куда заносились всѣ случаи рожденія и смерти прихожанъ: за утайку „душъ" тяглецамъ грозила смортная казнь, а дворянамъ—отобраніе помѣстій. Тогда же начались *ревизіи* или правильная народная перепись, а также возникли „проѣзжія и прохожія письма" или *паспорты*, которые окончательно установлены „плакатомъ" 1724 г.

Но рядомъ съ прямою податью оставалось множество косвенныхъ налоговъ. Прибыльщики работали неутомимо. Брали со всего: крестьянинъ платилъ даже 2 коп. съ бороды при въѣздѣ въ городъ. Иногда вычитали 1/10 изъ жалованья у

чиновниковъ или платили имъ казенными товарами. Дѣлали займы безъ отдачи у зажиточныхъ людей. Снимали колокола съ церквей. Множество сборовъ было на откупѣ, да еще казна пользовалась монополіями: она продавала даже соль и гробы, вдвое и вчетверо дороже, чѣмъ слѣдовало. Доходы быстро возрастали: подконецъ они въ 15 л. поднялись съ $3^{1}/_{2}$ до 10 милліоновъ рублей. А денегъ все не хватало. Артиллерія „умирала съ голоду“; полки кормились разбоями; эскадрамъ нечѣмъ было подняться во-время; дипломатамъ не доставало секретныхъ суммъ; чиновники мѣстами вовсе не получали жалованья. Оттого вѣдомства перехватывали деньги другъ у друга; отовсюду забирались „свободныя“, т. е. плохо лежавшія суммы. Губернаторамъ отправляли указы за указами насчетъ сбора налоговъ; ихъ самихъ штрафовали за нерадѣніе, а подчиненныхъ арестовывали и держали на правежѣ. Затѣмъ разсылали по губерніямъ офицеровъ, которые выколачивали подати и закидывали мѣстныя власти предписаніями.

Печальное положеніе финансовъ, лежавшее тяжелымъ бременемъ на всей Россіи, больше всего отражалось на *крестьянахъ*. Ихъ жалкая участь напоминала главную болѣзнь древней Руси (§§ 165, 166). Петръ видѣлъ въ нихъ необходимыхъ рабовъ для быстраго разведенія великой плантаціи новой Россіи. Подушное платили за каждаго мужчину, хотя бы то былъ ребенокъ, калѣка или мертвецъ, еще не исключенный изъ списковъ до новой ревизіи. Рекрутчина производилась иногда по нѣскольку разъ въ годъ. Крестьяне отдавали казнѣ не только послѣднюю копѣйку, но и всю свою молодежь, которую пріемщики клеймили по рукамъ, заковывали въ кандалы и держали по острогамъ, пока не доведутъ до лагеря, гдѣ ее встрѣчали всякія лишенія, даже голодъ, да жестокая дисциплина съ нѣмецкими „шпицрутенами“. Уцѣлѣвшіе отъ набора сотнями тысячъ работали, по наряду, при постройкѣ городовъ, крѣпостей, каналовъ, кораблей, мостовыхъ, гдѣ мерли кучами. Крѣпостничество развивалось и становилось суровѣе: паспорты окончательно прикрѣпляли мужика къ дому и тяглу; ревизіи зачисляли помѣщичьихъ крестьянъ въ списки наравнѣ съ холопами. На мужика обрушивалась главнымъ образомъ и тяжесть мѣръ, предпринятыхъ для развитія *торговли и промышленности*. Желая, чтобы у насъ процвѣтали эти отрасли народнаго хозяйства, Петръ всячески поощрялъ устройство фабрикъ и заводовъ. Онъ приписывалъ къ нимъ окружное населеніе: возникла но-

вая каторга, подъ видомъ „заводскихъ“ крестьянъ. Въ то же время все дорожало, такъ какъ на иностранные товары были наложены высокія пошлины, чтобы они не мѣшали умноженію собственныхъ фабрикъ и обогащенію горсти нашихъ промышленниковъ.

Видя богатство народа въ богатствѣ купца и заводчика, Петръ съ особеннымъ рвеніемъ помогалъ послѣднимъ. Онъ привлекалъ и иностранныхъ купцовъ всякими льготами. Но больше всего старался поднять собственную хозяйственную дѣятельность Россіи. Онъ печаталъ „прейсъ-куранты“, чтобы побудить нашихъ купцовъ ѣздить на Западъ, гдѣ наши дипломаты выхлопатывали льготы и заключали торговые договоры: Петръ завелъ консульства даже въ Испаніи и Португаліи, куда онъ пробовалъ отправлять русскіе товары. Всюду заводились почты и улучшались дороги. Явились первые каналы, которые поражали Западъ, гдѣ только начиналось это трудное дѣло: первымъ былъ Вышневолоцкій (1711), вторымъ — Ладожскій, надъ которымъ Петръ трудился лично до самой своей смерти. Была приведена въ порядокъ и денежная система: она приняла почти нынѣшній видъ. Въ то же время по Россіи разъѣзжали знатоки дѣла, чтобы отыскивать собственные промыслы. Такимъ способомъ Петръ устроилъ до 250 фабрикъ и заводовъ: подконецъ солдаты его были одѣты во все русское, и ружья у нихъ были отчасти тульскія; а наши холсты и юфть уже пошли за границу. Петръ особенно увлекался горнымъ дѣломъ, для котораго учредилъ особую бергъ-коллегію: и были найдены серебро, мѣдь, желѣзо, селитра; возникло нѣсколько заводовъ на Уралѣ и въ Олонецкой губерніи, гдѣ отливалось много пушекъ. Не меньше увлекаясь судостроеніемъ, Петръ сталъ „первымъ лѣсоводомъ“ въ Россіи: подъ страхомъ смерти запрещалъ онъ рубить заповѣдные, строевые лѣса и завелъ „вальдмейстеровъ“, лѣсничихъ. Онъ самъ садилъ и огораживалъ дубки: ихъ много сохранилось въ разныхъ углахъ Россіи. Когда казенные заводы упрочивались, Петръ передавалъ ихъ частнымъ лицамъ; нето приказывалъ послѣднимъ строить такіе же заводы, снабжая ихъ льготами, деньгами, машинами, даже землями съ крестьянами. Но зато если фабриканты дѣлали товары хуже „пробы“ (казенные образчики), ихъ ссылали въ каторгу. Въ то же время появились указы, чтобы ливреи шить только изъ русскаго сукна, шелковыя матеріи покупать только на русскихъ фабрикахъ и т. под.

Наконецъ, чтобы „собрать разсыпанную храмину купечества", Петръ развивалъ выборное начало въ городахъ, подражая магдебургскому праву (§ 100). Возникла цѣлая цѣпь *магистратовъ* и *ратушъ* (1722), которые вѣдали судебныя и хозяйственныя дѣла городовъ черезъ своихъ бургомистровъ и ратмановъ: они даже постановляли смертные приговоры и наказывали воеводъ за вмѣшательство въ жизнь посадскихъ. Городовые магистраты подчинялись „главному" въ Петербургѣ, а тотъ—сенату. Главный магистратъ и комерцъ-коллегія производили городскія переписи, устраивали ярмарки, биржи, цухтгаузы (смирительные дома), гошпитали, школы и т. под. Горожане были раздѣлены на двѣ *гильдіи*; каждое ремесло составило особый *цехъ*. Низшій разрядъ горожанъ, чернорабочіе и поденщики, также избирали своихъ десятскихъ.

Дѣло Петра не ограничилось этими крупными перемѣнами въ государственномъ и общественномъ строѣ страны. Преобразованія коснулись русскаго человѣка съ ногъ до голобы. Не остался нетронутымъ ни одинъ мелкій или потаенный уголокъ жизни. И вездѣ присутствуетъ личность самого преобразователя. Трудно перечислить указы, выходившіе каждый день изъ-подъ его пера или подъ его диктовку; а многое совершалось его краткими записочками, словами, примѣромъ, нерѣдко однимъ его взглядомъ или жестомъ. Петръ указывалъ самъ, лично или письменно, какъ сохранять лѣса, разводить шленскихъ овецъ, косить хлѣбъ, пилить дрова, приготовлять льняное и конопляное масло или напитки, разводить табакъ или холмогорскій скотъ, строить крыши, мельницы и дороги, дѣлать „широкія полотна, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ". Онъ самъ отмѣчалъ, что̀ переводить для „Вѣдомостей", и держалъ ихъ корректуру; училъ даже, *какъ* переводить. Въ то же время онъ сносился съ западными учеными: посылалъ во французскую академію археологическія находки и неизвѣстныя рукописи для разбора; самъ заказывалъ за границей брошюры для разъясненія русскихъ дѣлъ, набрасывая ихъ содержаніе и исправляя ихъ.

§ 216. **Возстаніе старины**.—Коренныя, всестороннія, быстрыя преобразованія должны были вызвать всеобщее смятеніе. Стрѣлецкій бунтъ (§ 213) былъ лишь предвѣстникомъ повсемѣстнаго сопротивленія старины, которое преслѣдовало преобразователя до самой его кончины, несмотря на всю его славу. Всѣ слои народа были возстановлены уже въ силу своей кос-

ности и непониманія стремленій Петра; сверхъ того, его дѣло было невыносимо тяжело для бѣдной страны, и проводилось оно съ безпощадностью. Общій ропотъ касался, прежде всего, нарушенія внѣшнихъ символовъ старины. Борода играла главную роль. Многіе носили обрѣзанное сокровище за пазухой и просили положить его съ ними въ гробъ. Явились листки о брадобритіи, какъ о „развратномъ, скаредномъ дѣлѣ": они даже расклеивались по городамъ. Затѣмъ оплакивались внѣшніе признаки православія, подрываемые особенно „зазорною" нѣмецкою одеждой и „проклятою табакой". Роптали: „Онъ уже и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ, въ великій постъ яйца и мясо кушаетъ. Въ 1-й день генваря 1700 г. поставилъ онъ храмъ идолу ветхо-римскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи: всѣ господніи лѣта истреблены, а сатанины извѣщены; слышно, что и великаго поста недѣля убавлена. Вѣра у кутилки стала нѣмецкая: обусурманился онъ, ожидовѣлъ. Не по монастырямъ ѣздитъ, а только на Кокуй; и взялъ тамъ себѣ нѣмку Монсову. Онъ Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти". Благодаря доносчикамъ, за такія слова нещадно истязали, жгли огнемъ, ссылали на каторгу. Но это только ожесточало народъ. Всюду слышалось: „Міроѣдъ! Весь міръ переѣлъ. Безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить. А на него переводу нѣтъ". Носили при себѣ бумажки съ надписями: „царь Петръ буди проклятъ трижды".

У каждаго сословія были еще особыя причины недовольства. Знать была обижена возвышеніемъ иностранцевъ и худородныхъ новиковъ да тяжелою службой и ученьемъ: „Нашу братью, роптала она, всѣхъ выволокъ въ службу; а людей нашихъ побралъ въ даточные; и самъ ходитъ на службу. Нигдѣ отъ него не уйдешь". Церковники уже по своему духу были главными оплотами старины: патріархъ Адріанъ руководился Стоглавомъ, который былъ отвергнутъ при Алексѣѣ (§ 201)! Сверхъ того, духовенство негодовало на отобраніе доходовъ въ приказъ, на требованіе трудиться и учиться, на своего рода новиковъ: Петръ назначалъ владыками болѣе образованныхъ малороссовъ. Одинъ попъ поминалъ въ церкви „императоря", ибо „людей перетеръ". Купцовъ допекали небывалые поборы на „затѣи" царя, а также неслыханныя „кумпанства" и соперничество иностранныхъ гостей. Особенно роп-

тали мужики, которымъ было хуже всѣхъ и которые меньше всѣхъ могли понимать преобразователя. „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали: тягота на міръ; отдыху нѣтъ", стоналъ народъ—и, какъ встарь, разбредался разно. Массы бѣглыхъ, особенно дезертировъ, копошились по лѣсамъ или на Дону, до 200.000 пріютились въ Литвѣ. Оставшіеся почти всѣ уходили въ расколъ, явно или тайно.

Раскольники шумѣли больше всѣхъ, тѣмъ болѣе, что съ нихъ брали особые налоги, а подконецъ усиливались гоненія со стороны синода. Ихъ особенно задѣла ревизія: „мы, кричали они, въ законопреступныя книги этого лжехриста писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у Царя Небеснаго". Раскольники были страшны: помимо ихъ упорства и объединенія отъ страданій, они были связаны кровавыми воспоминаніями съ стрѣльцами и роднею Софьи. „Стрѣльцы прямые христіане были, а солдаты—всѣ бусурманы", говорилось въ народѣ. Уцѣлѣвшіе стрѣльцы отвѣчали безумнымъ крикомъ отчаянія: „На Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти: нигдѣ житья нѣтъ. Но и въ Москвѣ у насъ зубы есть: она у насъ безъ государя не будетъ. Будетъ въ нашихъ рукахъ и тотъ, кто насъ пласталъ и вѣшалъ: самому ему торчать на колѣ". Раскольничій начетчикъ и „книгописецъ", *Талицкій*, выступилъ открыто съ обличеніями царя (1700): и у него объявилось много послѣдователей, въ томъ числѣ одинъ архіерей. Его замучили изысканными истязаніями, а въ глазахъ народа онъ сталъ „мученикъ святъ". Подлѣ Талицкаго, съ его хулительными „листами и тетрадями", другіе раскольники работали надъ „досками"—лубочными картинками съ грязными подписями, которыя ловко распространялись въ народѣ. Здѣсь нѣмцы и нѣмки выступаютъ въ смѣшномъ видѣ; цирюльникъ брѣетъ раскольника; Баба-Яга (Екатерина) ѣдетъ въ ступѣ, а Антихристъ (Петръ) терзаетъ стрѣльцовъ, и на его работу смотритъ Грозный, въ видѣ тигра.

Помутился умъ народа, какъ въ розруху (§ 137). Появились чудовищныя сказки, которымъ вѣрила толпа, подвергаясь за это истязаніямъ и казнямъ. Возникали даже самозванцы, въ видѣ „прямого государя христіанскаго, Іоанна Алексѣевича, который чернь полюбилъ и для того живетъ въ Іерусалимѣ". Въ то же время вѣрили и тому, что Ивана „извелъ льстецъ", младшій братъ. Да онъ и не братъ: святая Русь не могла ро-

дить такого „сумасброда". Сначала толковали, что Петръ — не Петръ, а „нѣмецъ, латышъ": когда нашъ царь былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), тамъ, „въ нѣмцахъ, онъ въ бочку закованъ да въ море пущенъ". Потомъ додумались, что это— „обмѣнный" царь: царица Наталья родила дѣвочку, а ей подсунули нѣмчуру, и именно „сына Францова" (Лефорта). Наконецъ, нашли настоящее объясненіе всему. Народъ задумывался объ Антихристѣ уже по поводу Никона и даже Алексѣя Михайловича. Нечего и говорить про Петра: всевѣдущій Талицкій нашелъ „въ книгахъ" апокалипсическое „звѣриное" число, которое подошло къ нему. Всюду послышалось: „Это не царь, а Антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы, и превращаетъ воду въ кровь. А что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ. И мать его была еретица: все дѣвокъ рожала. Пишутъ въ гербѣ орла двоеглаваго, а о двухъ головахъ орла не бываетъ: то двоеглавый змѣй, сирѣчь Антихристъ". Рекрутскія клейма стали называть „печатью Антихриста". Поддерживаемое даже попами, это мнѣніе до того укоренилось въ народѣ, что велѣно было Яворскому опровергнуть его въ ученомъ сочиненіи „Знаменія пришествія Антихриста", надъ которымъ подсмѣивались иностранцы.

Сначала старина на каждомъ шагу оказывала сопротивленіе Петру страдательно: носился по странѣ глухой ропотъ, ходили подметные листки; народъ разбѣгался; иногда толпа запиралась въ хоромахъ и поджигала подъ собой порохъ. Затѣмъ росло разбойничество, и тамъ и сямъ избивали сборщиковъ податей. За границей ждали бунта — и онъ вспыхнулъ на степныхъ окраинахъ юго-востока, гдѣ была жива память о Разинѣ (§ 202), гдѣ масса раскольниковъ, бѣглецовъ и инородцевъ всегда готова была подняться, чтобы „заколыхать всѣмъ государствомъ". Въ 1705 г. стрѣлецъ Москвитинъ поднялъ *астраханцевъ*—сбродъ изъ всякаго рода выходцевъ. Онъ совѣтовалъ „старую вѣру утвердить", пока царь далеко бьется со шведомъ: иначе этотъ отступникъ повыдастъ всѣхъ русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ. Астраханцы въ одно воскресенье сыграли до сотни свадебъ, убили воеводу съ его помощниками, за „многія обиды и налоги", и разослали грамоты о томъ, что они „стали за вѣру, противъ брадобритія, нѣмецкаго платья, табаку и болвановъ, кумирскихъ боговъ" (болвановъ, на которыхъ расправлялись парики). Астраханцы уже собирались идти на столицу,

„чтобы корень весь вывести". Но ихъ грамоты взбунтовали только терскихъ казаковъ: донцы не тронулись — и астраханскій бунтъ былъ легко усмиренъ съ помощью солдатъ. Но вслѣдъ затѣмъ началось движеніе среди мусульманъ, измученныхъ произволомъ воеводъ: какой-то башкирецъ, „святой султанъ", ѣздилъ въ Крымъ, на Кавказъ, въ Константинополь. Поднялись всѣ *инородцы*, отъ Перми до Терека, а за ними — яицкіе и гребенскіе казаки. Но у нихъ не было вождя и вспыхнули несогласія: калмыки стали за царя — и ничтожные отряды солдатъ подавили „башкирское воровство".

Не успѣли покончить здѣсь, какъ запылалъ мятежъ *на Дону* (1708). Тамъ все усиливалась голытьба (§ 202) отъ притока „сходцевъ" изнутри Россіи, и выросло много „верховыхъ казачьихъ городковъ" въ глуши, по вольнымъ притокамъ рѣки. Петръ наложилъ на нихъ тяжкія работы. Голытьбѣ „тѣсно стало отъ государя" — и она частью разбѣжалась, доходя до Крыма и Кабарды, частью возстала, подъ начальствомъ атамана *Булавина*. Эти „гультяи" призывали „черныхъ людей и заключенныхъ по тюрьмамъ, вольныхъ всякихъ чиновъ людей, воровъ и разбойниковъ", чтобы „стоять за домъ Богородицы, за истинную вѣру", да „не спущать неправеднымъ судьямъ, княземъ и боярамъ, прибыльщикамъ и нѣмцамъ". Въ случаѣ неудачи, они замышляли передаться турецкому султану, ибо царь „нашу вѣру перевелъ, и у насъ отнимаетъ бороды и усы". Когда у Булавина набралось до 15.000 охотниковъ и онъ разбилъ царскій отрядъ, за него поднялись Донецъ и Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица; шли на помощь и запорожцы. Атаманъ взялъ Черкаскъ. Его помощникъ, Некрасовъ, прошелъ до Саратова; а Драный и Голый продвигались къ Запорожью. Все это въ то время, когда Карлъ XII приближался къ Полтавѣ. Но и Булавинъ былъ побитъ, наконецъ, царскими солдатами, которымъ помогли старые казаки, какъ при Разинѣ. Онъ застрѣлился, а Некрасовъ, съ 2.000 раскольниковъ, бѣжалъ на Кубань, откуда *некрасовцы* перешли потомъ въ Турцію. Расправа съ голытьбой напомнила ужасы стрѣлецкаго бунта (§ 213).

§ 217. **Царевичъ Алексѣй.**—Борьба со стариной продолжалась, послѣ Софьи, въ самой семьѣ преобразователя. Недаромъ Петръ такъ злобствовалъ противъ своихъ тетокъ и сестеръ, отыскивалъ корней „сѣмени Милославскаго". Недаромъ возненавидѣлъ онъ и Лопухиныхъ. Тутъ дѣло было не въ одной дѣвицѣ Монсъ (§ 211), хотя царицу Евдокію оскорбляли все-

народныя почести соперницѣ и великія милости ея роднѣ. Лопухины, наряду съ Милославскими, считались въ народѣ оплотами старины на Верху; они называли Петра „сыномъ еретическимъ, исчадіемъ Антихриста", а Талицкаго почитали за человѣка высокаго ума. Имя сына Евдокіи, *Алексѣя*, упоминалось во всѣхъ мятежахъ, начиная съ стрѣлецкаго бунта (§ 213). Повсюду говорили: „Плачутъ и царскія сѣмена. Жалуются царевны, что ихъ голодомъ морятъ. Плачетъ и тоскуетъ царевичъ. Но онъ говоритъ имъ: дай срокъ, я ихъ подберу! Разъ онъ сжегъ платье на нѣмчинѣ и его опалилъ. Онъ на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками. И какъ увидитъ котораго боярина, и мигнетъ казакамъ,— и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ". Петръ уже передъ поѣздкой за границу запыталъ одного Лопухина, дядю Евдокіи, а ея отца и другихъ дядей разослалъ на далекія воеводства. По возвращеніи изъ Европы, какъ ни „упрямилась" Евдокія, онъ постригъ ее въ монахини (1699), а 9-лѣтняго Алексѣя отдалъ своей единоутробной сестрѣ, Натальѣ, поселивъ ихъ въ Преображенскомъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Впрочемъ жизнь царевича мало измѣнилась. Онъ, наравнѣ съ своей матерью, былъ забытъ отцомъ, увлеченнымъ дѣлами и Нѣмецкою Слободой. Это было тѣмъ печальнѣе, что онъ походилъ лицомъ на мать и отчасти напоминалъ дѣда [1]). Умный, любознательный, но не блестящій мальчикъ, Алексѣй Петровичъ отличался вялостью и хилостью. Подобно Алексѣю Михайловичу, онъ любилъ сидѣть дома спокойно, углубляться въ чтеніе божественнаго, философствовать съ пріятелями да хозяйничать. Живя „съ мамой и съ дѣвками", онъ возненави-

[1]) Нашъ рисунокъ — снимокъ съ самаго схожаго портрета, сдѣланнаго иностраннымъ мастеромъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

дѣлъ неугомонную дѣятельность отца. Мечтая о смерти его, онъ говорилъ: „Кораблей держать не буду, а войско только для обороны: войны ни съ кѣмъ не хочу. Зиму буду жить въ Москвѣ, лѣто въ Ярославлѣ; а Петербургъ оставлю простымъ городомъ". Къ такому нраву подходила московская „компанія" царевича. Мать съ своимъ пріятелемъ, Глѣбовымъ, тетки, мамка съ мужемъ, дядька, „попы да чернцы", въ особенности же духовникъ, протопопъ Яковъ — вотъ съ кѣмъ любилъ онъ „конверсацію имѣть". Все это были люди стараго закала и отчасти личные враги преобразователя. Съ отцомъ царевичъ видѣлся рѣдко, мимоходомъ. А иностранца, котораго Петръ приставилъ-было къ нему для языковъ, онъ самъ вскорѣ отправилъ посломъ въ Берлинъ. Въ этой средѣ изъ царевича выработался представитель старой Руси, — нелюдимый и грубый ханжа. Онъ „лучше желалъ имѣть въ рукахъ четки, чѣмъ пистолеты". Онъ перечиталъ много божественнаго, какъ доморощеннаго, такъ и католическаго, и любилъ бесѣдовать о чудесахъ да о нечистой силѣ. Онъ собственноручно расправлялся съ своими наставниками и пріятелями и втягивался въ пьянство, которое, говорятъ, поощрялъ Меншиковъ, изрѣдка надзиравшій за воспитаніемъ царевича. Сынъ, знавшій отца по наслышкѣ, какъ лютаго звѣря, жалѣлъ страдалицу мать: онъ посылалъ ей подарки и деньги. Но это бѣсило отца—и въ царевичѣ развилась хитрость. Въ сношенія между нимъ и компаніей вкралась скрытность: у всѣхъ оказались выдуманныя имена и цифирное письмо. Впрочемъ, никакихъ заговоровъ не сочинялось. Только подъ пьяную руку Алексѣй изливалъ предъ своимъ Яковомъ ненависть къ „вышнимъ" да обнадеживалъ его, что „когда станетъ царемъ, близкіе къ отцу люди будутъ сидѣть на кольяхъ". А Яковъ нашептывалъ ему: „Мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много; а въ народѣ пьютъ за твое здоровье, называютъ тебя надеждою россійскою".

Когда царевичу было уже 13 л., Петръ вдругъ вспомнилъ про сына и вздумалъ сразу затянуть его въ свою безпощадную службу. „Если не послѣдуешь моему примѣру, не признаю тебя сыномъ своимъ, буду молить Бога, чтобы Онъ наказалъ тебя и въ сей, и въ будущей жизни", сказалъ онъ и началъ таскать мальчика по походамъ, въ солдатской шинелишкѣ, заставлялъ его строить корабли, управлять Москвой, а въ то же время учиться. Сынъ повиновался безропотно. Но онъ принималъ лекарства, чтобы заболѣть; однажды прострѣлилъ

себѣ правую руку, опасаясь, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ. „Труда никакого понести не могу“, жаловался несчастный друзьямъ. А отецъ бранилъ, билъ его за „бездѣлье“ и почти не говорилъ съ нимъ. „Не только дѣла его, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла“, признавался Алексѣй своимъ. А Петръ, чтобы сломить „злой и упрямый нравъ“ сына, женилъ его на Шарлотѣ (§ 215). Нѣмка не терпѣла царевича за грубость, а онъ называлъ ее „чертовкой“ и привязался къ дворовой дѣвкѣ, Афросиньѣ. Роковая драма разгоралась, тѣмъ болѣе, что Петръ все болѣлъ, и даже его наперсники начинали поворачиваться къ наслѣднику престола. Она была такъ страшна, что даже Петръ поколебался. Онъ приготовилъ письмо сыну, родъ завѣщанія, и 16 дней не отдавалъ его. Дѣло подвинули двѣ женщины, безъ ихъ воли: и жена, и невѣстка царя собирались родить въ одно время. Вскорѣ Шарлота умерла отъ родовъ, оставивъ сына, Петра (1715). Въ день ея погребенія царь вручилъ царевичу роковое письмо. Здѣсь, говоря о своей смерти и заботясь о своемъ „насажденіи“, онъ требовалъ, чтобы сынъ измѣнился: иначе будетъ лишенъ наслѣдства, какъ „удъ гангренный“. Въ заключеніе сказано: „Я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный“. На другой день у Петра родился сынъ, также Петръ, и Алексѣю стали говорить, что теперь „мачиха не будетъ добра“ къ нему. Въ душѣ царевича заговорило чутье жизни—и онъ поступилъ рѣшительнѣе отца. Уже черезъ три дня онъ отвѣчалъ царю кратко, но ясно и весьма почтительно. Онъ вполнѣ соглашался на „лишеніе наслѣдія короны“ и самъ желалъ этого: „вручая дѣтей въ волю“ отца, себѣ онъ просилъ только „пропитанія до смерти“. Алексѣй пояснялъ, что теперь у него есть братъ для „толикаго народа правленія“; а самъ онъ, „такой гнилой, ослабѣвшій всѣми силами умными и тѣлесными“, видитъ себя „къ сему дѣлу неудобна и непотребна“.

Съ Петромъ сдѣлался припадокъ, едва не стоившій ему жизни. Онъ не зналъ, какъ выйти изъ ложнаго положенія, въ которое самъ поставилъ себя. Но въ немъ сохранялось ложное убѣжденіе, будто сынъ, „достигши такого совершеннаго возраста“, лишь по „вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу“ уклоняется отъ помощи отцу „въ несносныхъ печаляхъ и трудахъ“. Отвѣтъ показался ему „ложью и жестокосердіемъ“. „Не

могъ быть спокоенъ духъ“ преобразователя, который „нынѣ мало здоровъ сталъ“: передъ нимъ носился призракъ побѣдоносной старины, въ лицѣ сына. Все это объяснилъ самъ Петръ Алексѣю, 80 дней спустя, въ своемъ „послѣднемъ напоминаніи“. Онъ прибавилъ: „Хотябъ и истинно хотѣлъ хранить по мнѣ завѣтъ (отреченіе отъ престола), то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Ты паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю“. На другой же день отвѣтъ въ двухъ словахъ: „желаю и прошу монашескаго чина“.

Обѣ стороны стали втупикъ. „Злодѣемъ“ можетъ быть и царевичъ-монахъ. Наперсники внушали ему: „вѣдь, клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ“. И Алексѣй далъ тайную запись своему Якову, что идетъ въ монастырь „по принужденію“. Съ другой стороны, клобукъ не защититъ противъ страшнаго слова „злодѣй“, уже сорвавшагося съ языка такого царя, какъ Петръ. Открывалась роковая борьба между слабостью и силой, между коварствомъ и ослѣпленной жестокостью. Приходилось выжидать. Сынъ надѣялся на болѣзнь отца, отецъ—на исправленіе сына. Отправляясь за границу, Петръ зашелъ къ Алексѣю проститься и сказалъ: „Одумайся, не спѣши. Подожду еще полгода“. Прошло семь мѣсяцевъ—и Петръ напомнилъ сыну условіе: сейчасъ же или въ монастырь, или за дѣло, пріѣзжай къ отцу. Алексѣй обрадовался случаю покинуть Россію: онъ уже задумывался о спасеніи бѣгствомъ. Взявъ съ собой Афросинью, переодѣтую пажемъ, онъ явился въ Вѣну, отдаваясь подъ покровительство свояка, императора. Онъ объяснилъ ему, что Меншиковъ испортилъ его пьянствомъ и, вмѣстѣ съ царицей Екатериной, хотѣлъ даже отравить его; а отецъ „очень жестокъ, гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, не цѣнитъ человѣческой крови“. Императоръ спряталъ Алексѣя въ замкѣ, близъ Неаполя. Петръ разсвирѣпѣлъ. Черезъ ловкаго Толстого, котораго прозвали тогда „Іудой“, онъ открылъ убѣжище сына и потребовалъ выдачи, грозя „мщеніемъ за неслыханную и несносную обиду“. Императоръ допустилъ въ замокъ Толстого, который передалъ царе-

вичу такое письмо отца: „Обѣщаюсь Богомъ, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ: иначе же не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить". Алексѣй попросилъ только одного — позволить ему жениться на Афросиньѣ и жить съ нею въ деревнѣ, чтобы имъ „ни до чего дѣла не было". Петръ тотчасъ согласился; потребовалъ только, чтобъ Алексѣй отрекся отъ наслѣдства въ пользу своего брата. Царевича привезли въ Москву, и вышелъ манифестъ объ его прощеніи и отреченіи.

Но на другой день Петръ потребовалъ отъ сына подробныхъ доносовъ ѳ сообщникахъ: „а если что утаено будетъ, то лишенъ будешь живота", возвѣстилъ царь, увѣренный въ большомъ заговорѣ. Начался ужасный розыскъ, напомнившій 1698 годъ. Царь самъ допрашивалъ; жестокія пытки повторялись надъ одними и тѣми же лицами, въ томъ числѣ надъ однимъ епископомъ и надъ протопопомъ Яковомъ. Страдали пріятели и слуги царевича, друзья царицы Евдокіи и совсѣмъ случайные люди. Никакого заговора, никакой политической партіи не оказалось: подтвердилось только всеобщее недовольство, неосторожныя слова, да преступныя мечты. Евдокію заключили въ отдаленный монастырь, а одну изъ сестеръ царя — въ крѣпость; Глѣбова посадили на колъ; изъ остальныхъ кого колесовали, кого сослали. Изъ допросовъ самого царевича выходило только, что онъ желалъ смерти отца, да, вмѣстѣ съ своею компаніей, „старину хваливали". Его два раза били кнутомъ.

Петръ цѣлую недѣлю каждый день молился на колѣняхъ, обливаясь слезами: онъ просилъ Бога внушить ему рѣшеніе, „согласное съ его честью и съ благомъ народа". Наконецъ, онъ отдалъ дѣло на судъ свѣтскихъ чиновъ, который вынесъ смертный приговоръ. Черезъ день Алексѣй умеръ въ крѣпости (1718). Его тѣнь долго тревожила умы: въ теченіе 20 л. явилось 5 самозванцевъ съ его именемъ. Черезъ годъ послѣ погибели одного царевича умеръ и другой, Петръ. Царь издалъ законъ о *престолонаслѣдіи* (1722): государь „кому хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ".

Дѣло царевича Алексѣя — одна изъ самыхъ горькихъ, но не рѣдкихъ историческихъ драмъ. Она только обставлена необычайно. Тутъ совпаденіе роковыхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ виноватыми всѣхъ и никого или, вѣрнѣе, все: даже замѣшались такія случайности, какъ рожденіе двухъ мальчи-

ковъ, двухъ Петровъ, у отца и сына, и смерть жены сына—все это въ теченіе 16 дней. Кроваваго пятна на памяти отца, погубившаго своего сына, не смоютъ никакія заслуги генія. Если нельзя требовать, чтобы общественный дѣятель, да еще такой величины, какъ Петръ, самъ воспитывалъ своихъ дѣтей, то нельзя также оправдать никакими высшими заботами его пренебреженія къ средствамъ, бывшимъ подъ руками: Петръ самъ отнялъ у Алексѣя дядьку-иностранца и не обратилъ вниманія на предложенія нѣмецкаго императора и французскаго короля прислать къ нимъ царевича для обученія. А затѣмъ онъ самъ выбралъ ему нелюбимую жену, хотя запрещалъ вѣнчать своихъ подданныхъ безъ согласія брачущихся. Но вина сыноубійства пускаетъ здѣсь далекіе корни. Они достигаютъ до бабки жертвы, которая изъ ложнаго чадолюбія женила сына почти мальчикомъ на нелюбимой женщинѣ. Безъ роковаго вмѣшательства желавшей добра Натальи Кириловны, подлѣ Петра сразу стала бы какая-нибудь Екатерина изъ Кукуя. И его сынъ не сталъ бы средоточіемъ надеждъ старины, жаждавшей сгубить отца: онъ не былъ бы невольнымъ орудіемъ той зловѣщей среды, которая отравляла дыханіе преобразователя въ тѣ дни, когда онъ просилъ у Бога внушить ему рѣшеніе въ борьбѣ между чувствомъ и долгомъ. Именно тогда иностранные посланники посылали домой ужасныя вѣсти: „Царевичъ хотѣлъ извести отца и иностранцевъ, чтобы снова привести Россію въ прежній хаосъ и безобразіе. Не вымани Петръ царевича изъ-за границы, ему предстояла бы большая опасность: отсутствіе наслѣдника изъ Россіи возбуждало надежды недовольныхъ и дало имъ смѣлость составить заговоръ противъ своего монарха. Въ случаѣ преждевременной кончины царя, все, созданное имъ съ такимъ трудомъ, рушилось бы непремѣнно: нравъ царевича совершенно противоположенъ нраву отца“.

§ 218. **Войны и дипломатія.** — Среди ужасовъ мятежей, среди сутолоки коренныхъ преобразованій и путешествій, Петръ всю свою жизнь велъ войны и направлялъ мудреные ходы дипломатіи. Его царствованіе началось опасною борьбой съ Турціей (§ 212), или „восточнымъ“ вопросомъ, завѣщаннымъ древнею Россіей. Онъ думалъ посвятить ему свои силы, когда ѣхалъ за границу (§ 213); но тамъ его внѣшніе планы сами собой измѣнились. На очереди стало другое наслѣдіе древней Россіи— „сѣверный“ (§ 196) или балтійскій вопросъ. Историческія причины измѣнили только подробности задачи. Прежде Русь боро-

лась съ Польшей изъ-за Балтики; теперь имъ обѣимъ угрожала внезапно поднявшаяся сосѣдка, Швеція. Выборъ Петромъ Августа II въ главные союзники былъ правильнымъ развитіемъ старой политики. Вѣчный врагъ русскихъ, Польша становилась ихъ пособникомъ, вслѣдствіе своей слабости. Этотъ союзъ означалъ то прямое вмѣшательство ихъ въ домашнія дѣла падающей сосѣдки, которое привело, черезъ сто лѣтъ, къ ея погибели. Кромѣ Польши, естественными помощниками Петра становились датчане, у которыхъ Швеція захватила берега, и Бранденбургъ, превратившійся тогда въ королевство Пруссію. Но пруссаки хитро изворачивались между соперниками, соблюдая дружественный нейтралитетъ. А между Даніей, Польшей и Россіей былъ заключенъ союзъ, при помощи ливонскаго дворянина, Паткуля, обиженнаго шведами,—и началась мучительная *Сѣверная война* (1700—1721).

Союзники внезапно, безъ объявленія войны, бросились на владѣнія шведовъ на материкѣ. Они разсчитывали на ничтожество 18-лѣтняго шведскаго короля, *Карла XII*, который только чудилъ, какъ сумасбродный мальчишка (*Н. И.* § 97). Но юноша вдругъ оказался достойнымъ преемникомъ Густава-Адольфа (*Н. И.* § 62): онъ съумѣлъ внушить своему отборному войску благоговѣніе къ себѣ своею высокою нравственностью, отвагой и страстною стремительностью. Карлъ воспользовался наслѣдіемъ своего дѣльнаго отца—отличною арміей и казной, а также самодержавіемъ. Онъ вдругъ перенесся въ Данію и принудилъ ее къ постыдному миру, затѣмъ столь же быстро явился въ Эстляндіи, куда направлялись русскіе. Петръ обнаружилъ самыя блестящія свои качества, которыя поражали всѣхъ уже во время азовскихъ походовъ. Въ противоположность своему противнику, онъ оказался воплощеннымъ хладнокровіемъ, разсчетливостью и скромностью. Сознавая превосходство шведовъ, которые почти постоянно побивали москвичей и даже побѣдоносно боролись съ половиной Европы, онъ смотрѣлъ на начало войны, какъ на школу своего жалкаго войска, которое состояло отчасти изъ инородцевъ и, полунагое, голодное, съ негодными пушками и такимъ же порохомъ, дралось еще „казацкимъ, а не солдатскимъ боемъ". Оттого пораженія не смущали его, а только возбуждали его рвеніе, закаляли его твердость. Отсюда же его вѣрный планъ—избѣгать рѣшительныхъ битвъ и пользоваться ошибками врага, лишая его средствъ опустошеніемъ страны и утомляя ловкими отступленіями. Во главѣ

арміи онъ поставилъ наемныхъ иностранцевъ, а подлѣ нихъ, какъ учениковъ, — Меншикова и Шереметева. Впрочемъ иностранцы, которые не умѣли даже командовать по-русски, вскорѣ были устранены, какъ высокомѣрныя бездарности, которыхъ солдаты еще подозрѣвали въ измѣнѣ. Самъ царь держался назади, въ качествѣ „капитана"; но, какъ душа дѣла, онъ носился по всей Россіи, собирая новые отряды и всѣ средства войны, выростая, какъ изъ земли, тамъ, гдѣ была главная опасность или самая мудреная задача.

Карлъ нагрянулъ, когда Петръ спокойно велъ осаду *Нарвы* (1700). Всѣ смутились; самъ царь покинулъ свою армію. Съ войскомъ впятеро слабѣйшимъ, Карлъ разбилъ въ прахъ русскихъ, которые были „овцами безъ пастуховъ", и отнялъ всю ихъ новорожденную артиллерію. На Западѣ осмѣивали и царя, и всѣ его затѣи: нашимъ посланникамъ стало „очень трудно жить"; ихъ презирали въ глаза. Но Петръ не палъ духомъ. Онъ назвалъ нарвскую битву „младенческимъ играніемъ", а свою „конфузію" — „великимъ счастьемъ и милостью Божіей", которая „принудила насъ къ трудолюбію и искусству". Петръ тотчасъ укрѣпилъ пограничные съ Швеціей города, сгоняя на работы даже церковниковъ и женщинъ и переливая колокола въ пушки. У Ладожскаго озера появились новыя верфи и строились большіе корабли. Отовсюду собирались новобранцы и деньги, съ неимовѣрнымъ насиліемъ. И уже въ 1701 г. русскіе, съ русскимъ же начальникомъ, одержали первую побѣду надъ шведами, въ Лифляндіи, хотя благодаря лишь своему численному превосходству. Затѣмъ Шереметевъ опустошилъ „безъ остатка" всю Лифляндію, отчасти Эстляндію и даже Курляндію; а Меншиковъ разбилъ шведовъ въ Польшѣ. Самъ Петръ взялъ сильныя крѣпости, Нарву и Дерптъ. Но его больше всего занимала Нева. Овладѣвъ ключами къ ней, крѣпостями Нотебургомъ (новгородскій Орѣшекъ) и Ніеншанцомъ, (новгородскій Новый Острогъ), онъ тотчасъ переименовалъ ихъ въ *Шлиссельбургъ* и *Петербургъ* и началъ строить новую столицу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ св. Александръ заслужилъ имя Невскаго (§ 86). Тогда же, у устьевъ Невы, на долю русскихъ выпалъ первый „небываемый" подвигъ на морѣ: наши лодки одолѣли военные корабли шведовъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ, на о. Котлинѣ была за-

[1]) Въ честь этого событія была выбита медаль. На одной сторонѣ изображенъ юный „бомбардиръ" Петръ. На другой — сцена взятія 30-ю ботиками двухъ большихъ шведскихъ кораблей и надпись: „Небываемое бываетъ".

ложена крѣпость, наименованная *Кронштадтомъ*. Петръ отвѣчалъ на замѣчанія испуганной Европы, что все это — дѣдовское наслѣдство, неправедно похищенное у русскихъ шведами, и что безъ этихъ пристаней нельзя жить Россіи.

Петру помогла война за испанское наслѣдство (§ 196), отвлекшая вниманіе Европы, но больше всего самъ Карлъ XII. Шведскій герой битвъ обнаружилъ недостатокъ глубокомыслія. Вмѣсто того, чтобы покончить съ Петромъ послѣ нарвской побѣды, онъ „увязъ въ Польшѣ“. Увлекаясь личною ненавистью къ Августу II, онъ гонялся за нимъ до глубины Саксоніи, пока не поставилъ на его мѣсто Лещинскаго и не казнилъ выданнаго Паткуля, уже состоявшаго тогда на русской службѣ. Но затѣмъ наступила самая тяжелая для Россіи пора, когда вполнѣ проявилось величіе ея царя. Петръ остался безъ союзниковъ противъ всѣхъ силъ Карла, а внутри страны разразились бунты (§ 216). Онъ волновался, болѣлъ, искалъ вездѣ посредничества, готовый возвратить шведамъ все, кромѣ Невы. Но въ то же время укрѣплялись города, не исключая Москвы, принимались мѣры для сбереженія арміи, набирались новыя войска и всякіе запасы. Выручилъ опять Карлъ. Онъ съ такой самонадѣянностью думалъ о быстромъ мирѣ въ самой Москвѣ, что двинулся къ ней изъ Саксоніи, не дождавшись запасовъ и всѣхъ войскъ, притомъ жестокою зимой. Русскіе искусно отступали и били шведовъ по частямъ; а у деревни *Лѣсной* (1708) сдѣлали „первую солдатскую пробу“—разбили наголову болѣе многочисленнаго непріятеля. Армія Карла таяла—и онъ повернулъ отъ Могилева въ Украйну, надѣясь на измѣну Мазепы и на помощь крымцевъ.

Мазепа не переставалъ угождать Петру (§ 212), понимая, что „чернь“ стоитъ за Москву, тѣмъ болѣе, что тяжелыя преобразованія не касались Украйны. Онъ помогалъ ему въ войнѣ своими казаками, выдавалъ враговъ Москвы на Украйнѣ, чернилъ запорожцевъ и совѣтовалъ истребить Сѣчь. Онъ даже передалъ царю о подсылахъ къ нему Карла, выставляя себя „адамантомъ вѣрности“. Петръ одарялъ его деньгами, землями, соболями, почестями. „Значные“ все сильнѣе негодовали на Мазепу. Они требовали, чтобы онъ освободилъ „матку отчизну“ отъ „московской неволи“, какъ Хмѣльницкій избавилъ ее отъ „ляцкаго ига“, и указывали на стремленіе Меншикова сдѣлаться самому гетманомъ. Успѣхи и соблазны Карла смущали Мазепу. Но движеніе короля на Украйну покончило его коле-

банія. „Дьяволъ его сюда несетъ!“ воскликнулъ онъ и передался къ нему, возвѣстивъ народу, что его цѣль—„возвратить ему права вольности“. Но Карлъ не довѣрялъ измѣннику, держалъ его въ почетномъ плѣну. За Мазепой послѣдовали лишь нѣкоторые старшины, да и тѣ тотчасъ бѣжали. Пришелъ еще отрядъ запорожцевъ, которые только пьянствовали да воровали, между тѣмъ какъ русскіе разрушили ихъ Сѣчь. Народъ не измѣнилъ Петру, который далъ ему льготы и объявилъ, что Мазепа хочетъ „поработить Украйну Польшѣ и уніи“. Духовенство проклинало „измѣнника“ по всѣмъ церквамъ. Новый гетманъ, *Скоропадскій*, помогалъ Петру изнурять Карла искуснымъ отступленіемъ къ югу. Чернь стала истреблять и своихъ значныхъ, и отдѣльные отряды шведовъ. Между тѣмъ Петръ все готовился къ рѣшительному бою, о которомъ онъ давно думалъ, но уклонялся. Подъ *Полтавой* (27 іюня 1709) онъ легко разбилъ истомленныхъ шведовъ, хорошо укрѣпивъ свой лагерь. Раненаго Карла таскали въ бою на носилкахъ. Петръ носился въ огнѣ: у него были прострѣлены шляпа и сѣдло. Вся знаменитая армія частью была истреблена, частью плѣнена. Самъ Карлъ съ трудомъ спасся въ Турцію, почти потерявъ разсудокъ. Съ нимъ бѣжалъ и Мазепа, захвативъ свои сокровища; но онъ вскорѣ умеръ въ Турціи отъ дряхлости. Малороссія превратилась въ *Кіевскую губернію*, подчиненную Малороссійскому приказу, а малороссійскіе полковники были замѣнены московскими.

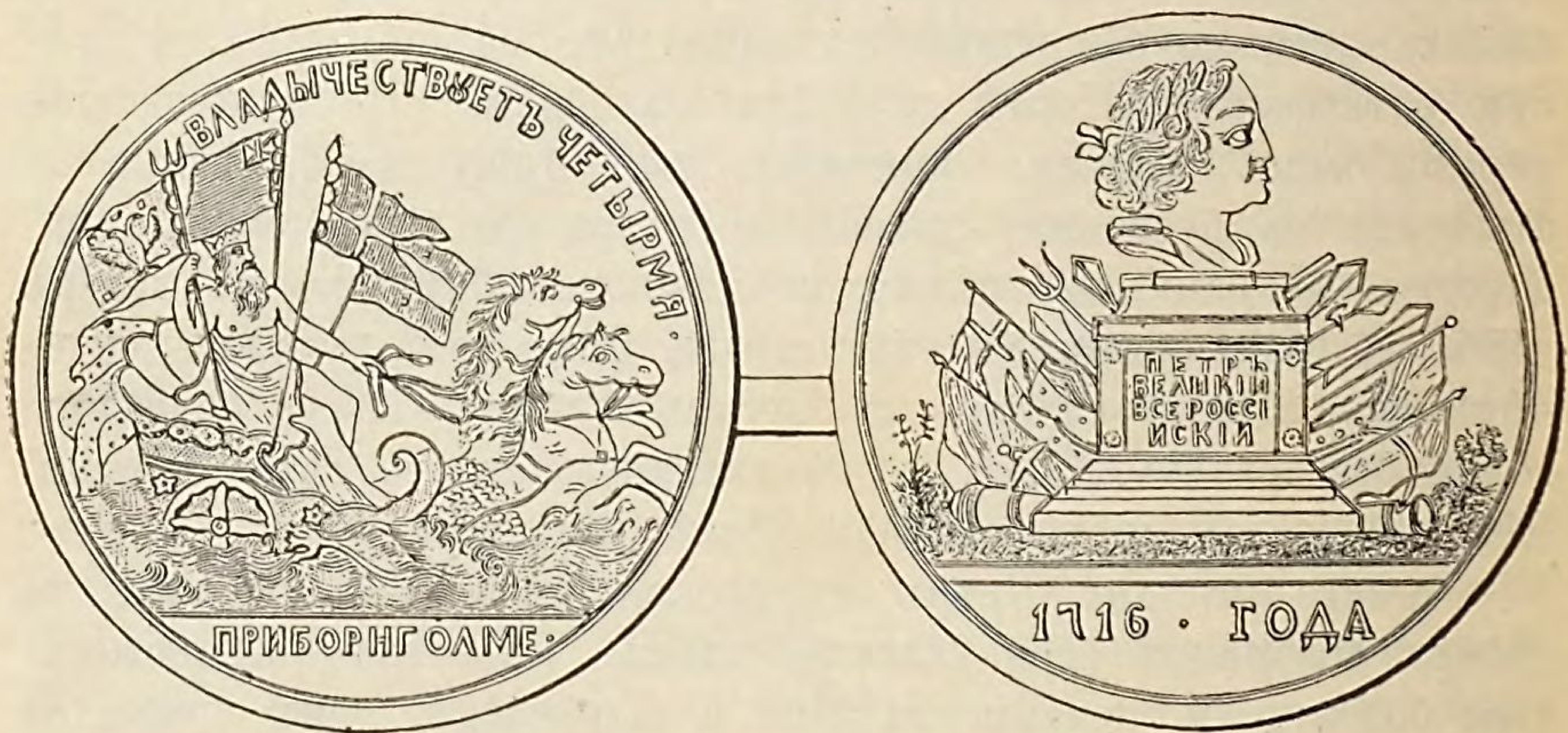
Значеніе Полтавскаго боя было оцѣнено тотчасъ же. Петръ, ставшій генераломъ, по требованію войска, пилъ за здоровье „нашихъ учителей“, шведовъ, и назвалъ побѣду „днемъ русскаго воскресенія, началомъ нашего спасенія“. Въ Европѣ мыслители видѣли въ ней залогъ прогресса въ Россіи, а правители ласкали русскихъ, льстили имъ, прославляли Петра и заискивали у него, предлагая дружбу и союзъ. Нашимъ посламъ хорошо стало жить за границей. Они вели себя уже смѣло и упорно; а царя стали называть въ Европѣ гордецомъ. Петръ больше всего утѣшался надеждой на скорый миръ. Оставалось только закрѣпить завоеванія на сѣверѣ.

Но тяжелыя испытанія еще не кончились. Напротивъ, внезапно случилось то, чего Петръ уже давно опасался больше всего. Послѣ Полтавы, Порта рѣшилась остановить ýспѣхи царя, который уже находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ея христіанами, какъ славянами, такъ и греками и армянами. Под-

стрекаемая Франціей и Карломъ XII, выдачи котораго требовалъ Петръ, она объявила войну Россіи. Въ 1711 г. царь, вопреки своему обычаю, предпринялъ слишкомъ поспѣшно *Прутскій походъ*: онъ черезчуръ понадѣялся на турецкихъ христіанъ, такъ какъ господари Молдавіи и Валахіи предлагали ему даже свое подданство. Петръ поѣхалъ больной, говорилъ, что онъ „въ отчаяніи“, даже сдѣлалъ распоряженіе на случай, если ему не придется возвратиться. Едва онъ переступилъ черезъ Прутъ, какъ его окружило впятеро сильнѣйшее войско турокъ и татаръ. Армія погибала: солдаты лишали себя жизни отъ голода и жажды. Петръ былъ готовъ на все для спасенія людей. Онъ обращался къ „великодушію“ врага, посылалъ „своихъ офицеровъ въ закладъ“, обѣщаясь „дать всякую сатисфакцію Портѣ во всѣхъ жалобахъ“. Но и положеніе турокъ было незавидно: янычары, уже много потерпѣвшіе въ стычкахъ съ русскими, отказывались драться. Съ помощью подарковъ, собранныхъ всѣми, не исключая бывшихъ въ лагерѣ дамъ, во главѣ которыхъ дѣйствовала Екатерина, удалось склонить трусливаго визиря къ легкому миру. Петръ обязался только возвратить Азовъ и не вмѣшиваться въ дѣла Польши. Его войско вышло изъ западни безъ униженія.

Вмѣсто отдыха, Петръ съ новымъ рвеніемъ бросился на сѣверъ довершить свой главный планъ, несмотря на постоянныя болѣзни и леченія въ Спа и Карлсбадѣ. Онъ сражался лично на сушѣ и на морѣ, отъ Невы до Голштиніи, и появлялся въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Амстердамѣ, Парижѣ; а его дипломаты хлопотали даже въ Испаніи и Италіи, чтобы добиться лучшаго мира. Всюду царь поправлялъ ошибки своихъ союзниковъ, которыхъ били почти вездѣ, гдѣ его не было. Онъ усмирялъ ихъ вѣчные раздоры, боролся съ ихъ „лукавствомъ и многобожіемъ“. Петръ по праву сталъ первымъ человѣкомъ въ Европѣ. Союзники отдали свои войска въ его распоряженіе: онъ сталъ главнокомандующимъ сѣвера материка на сушѣ и на морѣ. Его уже называли „диктаторомъ“. Въ виду подвиговъ казаковъ и калмыковъ, начали страшиться „варварскаго нашествія московитовъ“; а англичане даже опасались за свое морское первенство. Явилось много злостныхъ сочиненій противъ Россіи, гдѣ успѣхи изображались, какъ предвѣстники свѣтопреставленія. Дипломаты совѣщались о томъ, какъ бы „удерживать царя внѣ Европы“. Но тогда на Западѣ шла своя нескончаемая война за испанское наслѣдство; и его державы-со-

перницы должны были заискивать у Россіи же. Оттого Петръ захватилъ всю юго-западную Финляндію и съ о. Аланда опустошалъ берега Швеціи и даже окрестности Стокгольма. Тамъ же онъ одержалъ первую морскую побѣду у мыса *Гангеуда* (1714), который сталъ Полтавой нашего флота и „обѣтованною землей“ Петра. Послѣ этого сама Англія, которая возстановляла всѣхъ противъ Россіи, преклонилась передъ Петромъ: она, наравнѣ съ Даніей и Голландіей, отдала свой флотъ въ распоряженіе царя для высадки въ Швецію, — „честь, которой ни одинъ монархъ отъ начала свѣта не имѣлъ“ и которая была увѣковѣчена особою медалью [1]).

Медаль въ честь Петра I. 1716 г.

Но это же событіе окончательно раскрыло глаза Петру. Коварство союзниковъ обратило подвигъ русскаго „Нептуна“ въ прогулку у береговъ Швеціи. Петръ дошелъ до о. Борнгольма и возвратился ни съ чѣмъ. Онъ увѣрился тогда даже въ желаніи англичанъ истребить его флотъ. Отсюда его рѣшимость заключить отдѣльный миръ съ Швеціей, которая схватилась за предложеніе тѣмъ болѣе, что Карла XII уже не было на свѣтѣ. По *Ништадтскому миру* (1721), Россія получила Ингрію (Ингерманландію) съ Петербургомъ, часть Кареліи съ Выборгомъ,

[1]) Прилагаемъ снимокъ съ этой медали. Здѣсь Петръ изображенъ въ видѣ Нептуна, въ развѣвающейся порфирѣ. У него въ правой рукѣ, на трезубцѣ, русскій флагъ. Его колесница-раковина, влекомая морскими конями, украшена флагами Англіи, Даніи и Голландіи. Вокругъ надпись: „Владычествуетъ четырмя. При Борнголме“. На другой сторонѣ бюстъ Петра, съ подписью: „1716 . года“. Подлинникъ медали хранится въ Эрмитажѣ.

Эстляндію и Лифляндію. Въ Петербургѣ ликовали до слезъ. Цѣлую недѣлю продолжался маскарадъ. Петръ пѣлъ пѣсни и веселился, какъ дитя; но тогда же онъ простилъ преступниковъ и государственныхъ должниковъ и сложилъ недоимки за время войны. Сенатъ поднесъ ему чинъ адмирала и титулы Великаго, Отца Отечества и *Императора Всероссійскаго*. Канцлеръ сказалъ при этомъ: „мы произведены изъ небытія въ бытіе". Петръ отвѣчалъ: „не должно ослабѣвать; подлежитъ стараться о пользѣ общей".

И, вмѣсто отдыха, открылась новая громадная задача, завѣщанная преобразователемъ потомству. Петръ постоянно лелѣялъ мечту—сдѣлать Россію посредницей въ торговлѣ между Европой и Азіей. Онъ уже давно собирался соединить каналомъ Балтійское море съ Каспійскимъ, отправлялъ молодежь въ Персію для изученія восточныхъ языковъ, посылалъ дипломатовъ въ Китай, снаряжалъ отряды, чтобы строить крѣпости у устья Аму-Дарьи и близъ Хивы и налаживать торговый путь въ Индію. Съ другой стороны, онъ подымалъ Кабарду противъ турецкихъ подручниковъ, кубанцевъ, а лезгинъ и грузинъ—противъ Персіи, переговариваясь съ армянами, которые просились въ наше подданство; даже развѣдывалъ, какъ бы подорвать торговлю Смирны и Алеппа. Наконецъ, вниманіе царя остановилось на *Персіи*, которую хотѣли захватить турки, пользуясь ея усобицами. Въ разгаръ празднествъ въ честь Ништадтскаго мира, Петръ изготовился и самъ повелъ 100-тысячную армію въ Азію, все развѣдывая по дорогѣ. Онъ возвратился изъ Дербента, а шахъ уступилъ намъ, безъ битвъ, Дербентъ, Баку, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ (1723), куда тотчасъ стали переселяться армяне и грузины.

§ 219. **Кончина Петра. Его личность.** — Пріобрѣтеніе береговъ Каспійскаго моря было послѣднимъ подвигомъ Петра. Несмотря на у́спѣхи и всеобщее затишье, кругомъ становилось мрачно и тревожно. Народъ былъ измученъ страшнымъ напряженіемъ силъ и голодалъ отъ неурожаевъ: въ Европѣ поджидали поголовнаго бунта. Казна была пуста: ея остатки расхищались наперсниками царя. Подлѣ самого Петра открывались плутни и измѣны, которыя растравляли его болѣзни, дѣлали его раздражительнымъ и подозрительнымъ. Еще раньше Петръ случайно узналъ объ измѣнѣ Анны Монсъ, что̀ впрочемъ доставило ему болѣе прочное счастье съ лифляндской плѣнницей, *Екатериной*. Затѣмъ провинился и былъ казненъ ближайшій

камердинеръ царя, братъ Анны Монсъ, причемъ едва не пострадала Екатерина. Та же участь постигла главу фискаловъ, Нестерова, и сибирскаго губернатора, Гагарина; едва избѣжали ея Шафировъ, Виніусъ, Курбатовъ, Макаровъ и самъ Меншиковъ. Любимецъ царя, шутъ Балакиревъ, былъ битъ батогами и сосланъ. Петра мучила мысль о престолонаслѣдіи. Онъ самъ возложилъ на себя тяжесть выбора преемника. Всего естественнѣе было назначить внука, *Петра Алексѣевича* (§ 217). Но это значило выдвинуть старину, которая овладѣла бы 10-тилѣтнимъ мальчикомъ, съ помощью еще живой его бабки, Евдокіи Лопухиной. Потомство старшаго брата царя состояло изъ женщинъ (§ 210) и было пристроено за границей: *Анна Ивановна* была выдана за герцога курляндскаго, отъ котораго не имѣла дѣтей. *Екатерина Ивановна* — за герцога мекленбургскаго. У послѣдней была дочь, *Анна Леопольдовна*, вышедшая потомъ за герцога Антона брауншвейгскаго, отъ котораго у нея былъ сынъ *Иванъ*. У самого Петра изъ 13 дѣтей (2 отъ Евдокіи, 11 — отъ Екатерины) оставались только двѣ дочери-любимицы: изъ нихъ *Анну Петровну* онъ успѣлъ выдать за герцога голштинскаго, а *Елизавету Петровну* надѣялся повѣнчать съ Людовикомъ XV.

Петръ откладывалъ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи. Между тѣмъ его болѣзни становились непрерывными и нестерпимыми: богатырь кричалъ отъ страданій; лицо его безсмѣнно сохраняло грозный отпечатокъ; взоръ дѣлался невыносимъ. Онъ называлъ себя старикомъ, становился мраченъ, задумчивъ; призывалъ къ себѣ то врача, то священника. Но чуть оправится — опять за работу сверхъ силъ. Царь ѣздилъ то на Ладожскій каналъ, то на олонецкіе заводы, то на саловарни въ Старой Русѣ. Однажды, въ ноябрѣ, замѣтилъ онъ, подъ Петербургомъ, тонувшій ботъ съ солдатами и цѣлую ночь самъ спасалъ людей, стоя по поясъ въ водѣ. Вскорѣ Петръ слегъ въ постель. Отъ жестокихъ припадковъ болѣзни великанъ кричалъ такъ, что слышно было на улицѣ, гдѣ ему отвѣчали рыданія толпы. Недѣли черезъ двѣ, 28 января 1725 года, онъ потребовалъ бумаги. Но перо выпало изъ его рукъ на словахъ: „отдайте все“... Начались 18-ти-часовыя предсмертныя муки, когда преобразователь взглядывалъ только на икону молчаливо и жалобно.

Гробъ Петра былъ оставленъ въ недостроенномъ Петропавловскомъ соборѣ. Онъ опущенъ въ землю лишь въ 1731 г., вмѣстѣ съ гробомъ Екатерины.

Величава была 14-ти-вершковая фигура преобразователя, который отличался рѣдкою силой мускуловъ. Но она не подавляла своими размѣрами. Безукоризненно сложенный, съ изящными руками, съ звучнымъ и чистымъ голосомъ, великанъ самъ по себѣ былъ историческою картиной. Его портретами [1]) обзаводились для украшенія стѣнъ. На львиной шеѣ красавца выдѣлялось полное, смуглое, съ свѣжей краснотой, лицо пріятной округлости, обрамленное почти черною, кудрявою гривой, немного подстриженною и небрежно зачесанною назадъ надъ небольшими ушами. Гладко выбритое, окаймленное бѣлоснѣжнымъ дѣтскимъ воротникомъ или свободно повязаннымъ платкомъ, оно казалось изваяніемъ, съ высокимъ лбомъ, прямымъ большимъ носомъ, щеголевато подстриженными усами,

Петръ Великій.

[1]) Существуетъ множество изображеній Петра, особенно въ гравюрахъ, полное собраніе которыхъ находится въ Публичной Библіотекѣ Петербурга; много и крупныхъ историческихъ картинъ изъ его жизни, а также анекдотическихъ и сатирическихъ картинокъ, даже лубочныхъ. Обширно число медалей на разные случаи, съ его изображеніемъ. Много было сдѣлано бюстовъ, при его жизни и потомъ, и даже восковыхъ масокъ съ натуры. Сохранился въ академіи художествъ и снимокъ съ посмертной бронзовой маски. Было писано и много портретовъ съ натуры, которые извѣстны теперь почти всѣ, благодаря тщательнымъ розысканіямъ. До десятка ихъ принадлежатъ кисти лучшихъ художниковъ и хранятся какъ за границей, такъ и у насъ — въ дворцахъ Царскаго Села и Петергофа, въ Эрмитажѣ и Лѣтнемъ Саду, въ академіи наукъ. Самый замѣчательный по мастерству писанъ голландцемъ Мооромъ, въ Гагѣ, въ 1717 г.: самъ Петръ требовалъ дѣлать съ него свои гобелены и эмальные портретики. Не такъ художественъ, но наиболѣе схожъ и съ восковыми бюстами, и съ посмертною гипсовою маской, хранящійся въ Морскомъ музеѣ подлинникъ знаменитаго *Каравака*, который былъ приглашенъ за эту работу на русскую службу. Онъ имѣетъ основное значеніе въ исторіи портретовъ Петра: съ него воспроизведено множество гравюръ; съ него Ломоносовъ сдѣлалъ свою мозаику. Снимокъ съ него представляетъ и нашъ рисунокъ. Каравакъ писалъ съ 44-лѣтняго Петра, въ Пруссіи, зимой 1716 года. Преобразователь изображенъ въ гвардейскомъ мундирѣ. На головѣ у него длинный завитой парикъ, на шеѣ широкій бѣлый платокъ; сверхъ жилета лента, а на [груди звѣзда Чернаго Орла. На одно плечо накинутъ плащъ съ мѣховою оторочкой.

глубоко очерченными губами, мягко выдающимся подбородкомъ. На немъ лежалъ неизобразимый отпечатокъ мягкости, даже страдальчества, съ непоколебимою строгостью. Изъ-подъ красивыхъ дугъ густыхъ бровей смотрѣли большіе, черные, полные жизни и проницательности глаза. То величаво привѣтливые или задумчивые, то огненные, даже свирѣпые, они всегда выражали умъ, твердость и рѣшимость, какъ замѣчали всѣ наблюдатели, отъ Лейбница до Диккенса.

Эта красота нерѣдко искажалась отъ прилива гнѣва или кручины. Петръ былъ болѣзненъ смолоду и умеръ рано для такого запаса силъ, что онъ сегодня умиралъ отъ лихорадокъ, мигрени или каменной болѣзни, а завтра вскакивалъ молодцомъ. И падучая (§ 211) мучила его лишь по нѣскольку секундъ. Но ужасны были онѣ у великана тѣломъ, духомъ и властью. Имъ предшествовалъ дикій, растерянный взглядъ, разгонявшій всѣхъ. На Прутѣ (§ 218) Петръ, какъ бѣшеный, молча бѣгалъ по лагерю и билъ себя въ грудь, потомъ спрятался въ палатку, куда проникла, съ трепетомъ, одна Екатерина. Очевидецъ описываетъ такую сцену, при торжествѣ въ честь Полтавы: „Вдругъ мимо насъ проскакалъ царь во весь опоръ. Лицо его было необычайно блѣдно, искажено до уродливости. Онъ вертѣлъ головой, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами, дрыгалъ ногами. И давай безжалостно рубить мечемъ какого-то солдата“.

Болѣзненны были также порывы дикой страсти и грубой чувственности у Петра. Отъ нихъ вѣетъ сказочнымъ духомъ временъ Краснаго Солнышка и его богатырей (§ 29). Петръ былъ самою природой, въ своей непосредственности у себя дома: тутъ онъ не зналъ даже стыдливости. Его брань была такъ же непристойна, какъ обряды всепьянѣйшаго собора (§ 211), основанные на сказкѣ о паписсѣ Іоаннѣ (*С. И.* § 62), или маскарады „компаніи“ и выходки шутовъ, особенно на ихъ пышныхъ свадьбахъ. Въ часы досуга царя окружали шумъ и гамъ. Шуты орали, свистѣли, дудѣли. Компанія всячески дурачилась, пока дѣло не доходило до потасовокъ. При каждой здравицѣ трещали выстрѣлы, а по ночамъ—фейерверки. На торжествахъ, среди размалеванныхъ аллегорій и арокъ, били барабаны, палили изъ пушекъ, звонили въ колокола, играли духовые оркестры, пѣли пѣвчіе и пѣсенники; а всѣ тріумфаторы, начиная съ самого царя, пошатывались, такъ какъ народъ подносилъ имъ вино, отъ котораго нельзя было отказываться. Петръ любилъ

короткія своеручныя расправы. Сохранились „дубинки“, которыми онъ „училъ“ даже такихъ наперсниковъ, какъ Меншиковъ, а иногда и прохожихъ на улицѣ. Въ Саардамѣ онъ далъ пощечину одному изъ ротозѣевъ, мѣшавшихъ ему ходить на работу; а въ Берлинѣ вытолкалъ одного царедворца за усмѣшку во время привѣтствованія. А когда Петромъ овладѣвалъ гнѣвъ, ближайшіе люди бѣжали отъ „нашего звѣря“, куда глаза глядятъ. Трепетала сама Екатерина, которая одна только могла укрощать даже болѣзненные припадки мужа. „Вотъ лучшее украшеніе моего дворца: хочу — и уничтожу его!“ загремѣлъ царь, разбивъ передъ нею дорогое зеркало, когда заподозрѣлъ ее въ исторіи съ Монсомъ. Лютъ былъ Петръ въ государственныхъ расправахъ. Онъ вносилъ въ нихъ личный оттѣнокъ, самъ участвовалъ въ пыткахъ и казняхъ, не щадилъ ни старцевъ, ни женщинъ: въ 1698 г. (§ 213) онъ былъ не столько судьей, сколько палачемъ и мстителемъ; своего предтечу, Василія Голицына (§ 208), онъ продержалъ 24 г. въ ссылкѣ. Грозный царь любилъ искать корней крамолы, видѣлъ заговоры за спиной сестеръ, жены и сына, выманеннаго обѣщаніемъ, котораго онъ не могъ сдержать. И чѣмъ безплоднѣе были розыски, тѣмъ пристрастнѣе и свирѣпѣе становились пытки. Два поколѣнія спустя, когда проповѣдникъ воскликнулъ: „возстани, Петръ“, Кирилъ Разумовскій сказалъ: „Чего онъ его кличетъ? Если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется“.

Черты первобытности поддерживались въ Петрѣ недостаткомъ воспитанія. Древняя Русь не дала ему даже грамотности: онъ писалъ — „Анъдурскія (гамбургскіе) корабли“. Зато она завѣщала ему чутье безграничной властности. Петръ говорилъ: „Нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ. Не все-ль неволею сдѣлано, отъ чего уже плодъ произошелъ?“ Онъ не вынесъ никакого впечатлѣнія, посѣтивъ англійскій парламентъ. Онъ презиралъ поляковъ за ихъ вольность, сочувствовалъ протестантству съ его превознесеніемъ верховной власти, благоговѣлъ передъ Швеціей за ея монархическую реформу и самъ составлялъ табель о рангахъ по примѣру „самодержавныхъ“ королевствъ. Онъ радовался, когда управленіе стало принимать видъ „часовъ“: сынъ не меньше отца любилъ строгій порядокъ (§ 198). Петръ указывалъ своимъ на успѣхи за границей, созданные „только трудами правителей“, прибавляя: „будетъ то же и у насъ, если вы поддер-

жите меня, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ". Онъ съ трудомъ переносилъ противорѣчія и не терпѣлъ охулки своихъ дѣлъ. Когда въ Англіи замѣтили Петру насчетъ ненависти русскихъ къ табаку, онъ воскликнулъ: „я ихъ передѣлаю на свой ладъ, когда вернусь домой!" Въ другой разъ онъ сказалъ: „Съ другими европейскими народами можно поступать человѣчно, но не съ русскими. Я имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей". О сопротивленіи старины онъ выражался такъ: „сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть".

Но въ этой богатой натурѣ сохранились и слѣды патріархальности „тишайшаго" отца, вмѣстѣ съ его склонностью къ смягчающей душу красотѣ. Петръ былъ хорошо знакомъ съ св. Писаніемъ и любилъ простое богослуженіе: самъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостола. Онъ приписывалъ удачи, прежде всего, Богу, горячо молился и постился передъ битвами. Петръ самъ сдѣлалъ крестъ въ память своего спасенія у Соловковъ. Отыскавъ урочище, гдѣ Невскій побѣдилъ шведовъ (§ 86), онъ своеручно водрузилъ тамъ крестъ, а потомъ построилъ Александро-Невскую лавру, куда перевезъ мощи героя изъ Владиміра. При всемъ желаніи возвысить своего любимца, Прокоповича, Петръ не тронулъ главы церкви, Яворскаго, хотя тотъ позорилъ его съ высоты соборной каѳедры. Вообще онъ почиталъ старцевъ, цѣловалъ имъ руки, а также исполнялъ древніе обычаи: соблюдалъ праздники, справлялъ свадьбы, крестины, именины. Въ частномъ быту Петръ былъ чувствителенъ и простодушенъ до дѣтскости. Онъ стоялъ на запяткахъ у своего дядьки, Зотова, и громко рыдалъ надъ трупомъ Лефорта. Онъ былъ привязанъ къ Екатеринѣ: всюду возилъ ее съ собой, писалъ ей нѣжныя письма, былъ самъ не свой при ея родахъ. Онъ ласкалъ своихъ дочерей и „сестрицу" Наталью, старшаго брата называлъ „батькой, государемъ превозлюбленнымъ", а мать — „дражайшею моей радостью, паче живота тѣлеснаго возлюбленною"; и въ письмахъ къ ней подписывался: „недостойный сынишка твой, въ работѣ пребывающій". За границей Петръ стыдился своей неотесанности: онъ боялся говорить съ принцессами, закрывалъ лицо руками въ ихъ присутствіи и, какъ ученикъ, собиралъ аттестаты о своихъ успѣхахъ. А дома онъ, какъ ребенокъ, предавался забавамъ послѣ тяжкихъ трудовъ: ловко танцовалъ до упаду, соперничая съ женой и дочерьми; самъ сочинялъ всѣ подробности увеселеній. На пирахъ разста-

витъ часовыхъ у дверей и никого не выпускаетъ, пока не нагрузитъ, причемъ умоляетъ выпить, цѣлуетъ, падаетъ на колѣни какъ передъ дамами, такъ и передъ мужчинами. Такъ же наивно радовался онъ малѣйшему успѣху: „тутъ, по словамъ иностранцевъ, въ Москвѣ такъ шумѣли, словно перевернули весь міръ". Искреннимъ весельемъ сопровождалось и примиреніе съ врагомъ или прощеніе раскаяннаго: великанъ былъ „памятью незлобенъ". Постепенно, подъ вліяніемъ Запада, развилась въ Петрѣ страсть къ искусствамъ, особенно къ зодчеству: онъ собиралъ картины и красивыя вещи, призывалъ художниковъ, самъ набрасывалъ планы церквей и зданій; подъ его личнымъ руководствомъ выросли прекрасные сады и парки въ Петербургѣ, Петергофѣ и т. д. Только музыка оставалась недоступной его пониманію.

Но не эти черты, коренящіяся въ древней Руси, составляютъ Петра. Преобразователь былъ ходячимъ отрицаніемъ старины, какъ *личность* до того рѣзко очерченная и могучая, что всѣ иностранцы, отъ восторженной Софьи-Шарлоты (§ 213) до насмѣшника Сен-Симона (*Н. И.* § 92), называли его „совершенствомъ" или геніемъ за его „громадный умъ, многосторонность, необычайныя дарованія". Петръ даже на Западѣ казался „страннымъ господиномъ" и отчасти помѣшаннымъ. Столь же своеобразнымъ выходитъ онъ теперь изъ своихъ бумагъ и писемъ, полныхъ силы языка, смѣлости сравненій, обширныхъ познаній и здоровой шутливости. По заявленію иностранцевъ, геніальность Петра была связана съ изумительною любознательностью и переимчивостью, этими плодами впечатлительной натуры: его страстью было все самому видѣть и испробовать. Въ его глазахъ вся жизнь, не исключая войны, была школой; и она дала ему здравыя основы воспитанія — наглядное обученіе, положительную науку и ремесленное умѣнье. Подобно Ломоносову, Петръ любилъ все пригодное въ жизни, всякое точное знаніе, руководимое математикой, а также новые языки, какъ ключъ къ сношеніямъ съ образованнымъ міромъ. Онъ не терпѣлъ ханжества и фанатизма, удивляясь, что нѣтъ заповѣди о лицемѣріи (§ 215). Въ русской типографіи, въ Амстердамѣ, которая издавала свѣтскіе учебники, запрещалось печатать церковныя книги; а было разрѣшено иностранцамъ жениться на православныхъ. Узнавъ, что по р. Выгу поселились раскольники, Петръ сказалъ: „Пусть живутъ! По мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ. И когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни

огонь, ни мечъ. А мучениками за глупость быть—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ".

Развитая личность еще болѣе проявлялась у Петра въ томъ великодушіи, безъ котораго нѣтъ истиннаго генія, при всей громадности дарованій, и котораго особенно недоставало древней Руси (§ 170). Отъ „тишайшаго" царя произошелъ герой бурной дѣятельности. Воля Петра граничила съ опасною самоувѣренностью. Задавшись цѣлью, онъ не справлялся со средствами, а людей мѣрилъ на свой аршинъ. Петръ отъ природы не терпѣлъ воды и боялся ея, но до того переломилъ себя, что она стала его стихіей. Такъ же хотѣлъ онъ передѣлать свой народъ: жертвой этого заблужденія силы палъ его собственный сынъ. Но зато не было границъ и отвагѣ Петра. Ненавидя „трусость, страхъ бабій, съ которымъ николи нечего ожидать", онъ не разъ погибалъ, спасая людей то на водахъ, то въ огнѣ: на пожарахъ онъ всегда былъ на крышѣ. Онъ понималъ, что значитъ настоящее дѣло: „приложеніе основъ всегда трудно; но съ теченіемъ времени все сгладится", говорилъ онъ иностранцу, покачивавшему головой. Петръ выросталъ вмѣстѣ съ препятствіями, которыя считалъ спасительною школой, „понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу". Неугомонность, безустанный трудъ были лекарствомъ великана: углубится онъ весь въ дѣло — и здоровъ, веселъ; присядетъ вздохнуть — и погружается въ задумчивость, грозный признакъ припадка. „Чтò вы дома дѣлаете? Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть", говаривалъ онъ сотрудникамъ. Больше всего ненавидя „тунеядство" и русское „сейчасъ", Петръ заставлялъ трудиться всѣхъ, отъ вельможи до нищенки, колодника и монахини. При немъ дѣло кипѣло во всѣхъ углахъ, и стонъ стоялъ какъ отъ работы, такъ и отъ расправъ съ нерадивыми. „Мы въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой:" вся жизнь преобразователя въ этомъ отголоскѣ съ воронежской каторги (§ 212). Это *мы* имѣло небывалый нигдѣ смыслъ. *Онъ* былъ самъ вездѣ, въ великомъ и маломъ, служа и зодчимъ, и рабочимъ, побѣждая собственныя болѣзни и препятствія. Имъ были замышлены и вынесены всѣ преобразованія и войны; имъ были писаны, диктованы или внушены всѣ указы и распоряженія, которые трудно перечислить. Онъ стоялъ хозяиномъ всюду — въ сенатѣ, застѣнкѣ или на ассамблеѣ, съ перомъ или кубкомъ, съ дубинкой, топоромъ или циркулемъ и аршиномъ въ рукахъ. Онъ носился, на одноколкѣ или въ саняхъ, отъ Дербента до Архангельска, отъ Воронежа до Лон-

дона и Парижа: иностранцы замѣтили, что Петръ путешествовалъ въ 20 разъ больше всякаго другого властителя, и все за дѣломъ. Эти учителя были поражены такимъ „страннымъ“ явленіемъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ. *(Пушкинъ).*

Они говорили: „Нужно удивляться уму этого человѣка, правящаго всѣмъ самолично, и природнымъ его силамъ, при которыхъ онъ безъ устали выноситъ всѣ заботы и труды. Онъ одинъ отлично знакомъ со всякимъ дѣломъ и имѣетъ вѣрный взглядъ на все. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ его приказаній все было бы сдѣлано навыворотъ“. Уѣдетъ Петръ, задавъ уроки и оставивъ планы: возвратится—и „въ нѣкоторыхъ дѣлахъ немного, а въ иныхъ и ничего“; а зданія поставятъ задомъ напередъ.

Петръ былъ живымъ отрицаніемъ и „нестерпимо глупаго высокомѣрія“ древней Руси. Геній, красавецъ, самодержецъ, онъ сохранялъ скромность и самозабвеніе даже тогда, когда собственныя заслуги вознесли его на степень перваго человѣка въ Европѣ. Одержитъ ли великанъ тяжелую побѣду, самъ руководя битвой и носясь впереди всѣхъ въ огнѣ, изобрѣтетъ ли онъ важную машину для спуска судовъ, и поднесутъ ему на просмотръ его „Юрналъ“ съ правдивымъ описаніемъ этихъ подвиговъ,—онъ улыбнется и вычеркнетъ вездѣ свое имя. Петръ бродилъ по Россіи безъ свиты и охраны, заходя и въ палаты вельможъ, и въ избы мужиковъ. Отмѣняя уничиженіе (§ 215), онъ писалъ: „менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія то почесть свойственна царю“. Петръ сознавалъ свои ошибки, стараясь объяснить ихъ себѣ, чтобы онѣ не повторялись. Онъ самъ все разсказалъ посланникамъ объ ужасахъ прутскаго похода. Послѣ попоекъ онъ просилъ прощенія у обиженныхъ. Петръ не терпѣлъ самонадѣянности и суетливости. Онъ восхвалялъ „здоровое отступленіе“, гдѣ нужно, и бранилъ союзниковъ за „ревность не по разуму“: „наудачу, безъ плана, я никакъ дѣлать не буду, писалъ онъ имъ: ибо лучше рядомъ футъ за футъ добрымъ порядкомъ непріятеля, съ помощію Божіей, тѣснить, нежели на удачу отваживаться безъ основанія“. Петръ долго сносилъ преспокойно названіе труса, работая на войнѣ позади, а не впереди войскъ. Ему хотѣлось даже освободить Полтаву, обложенную шведами, „безъ генеральной баталіи, яко зѣло опаснаго дѣла“. Послѣ Полтавы иностранцы ди-

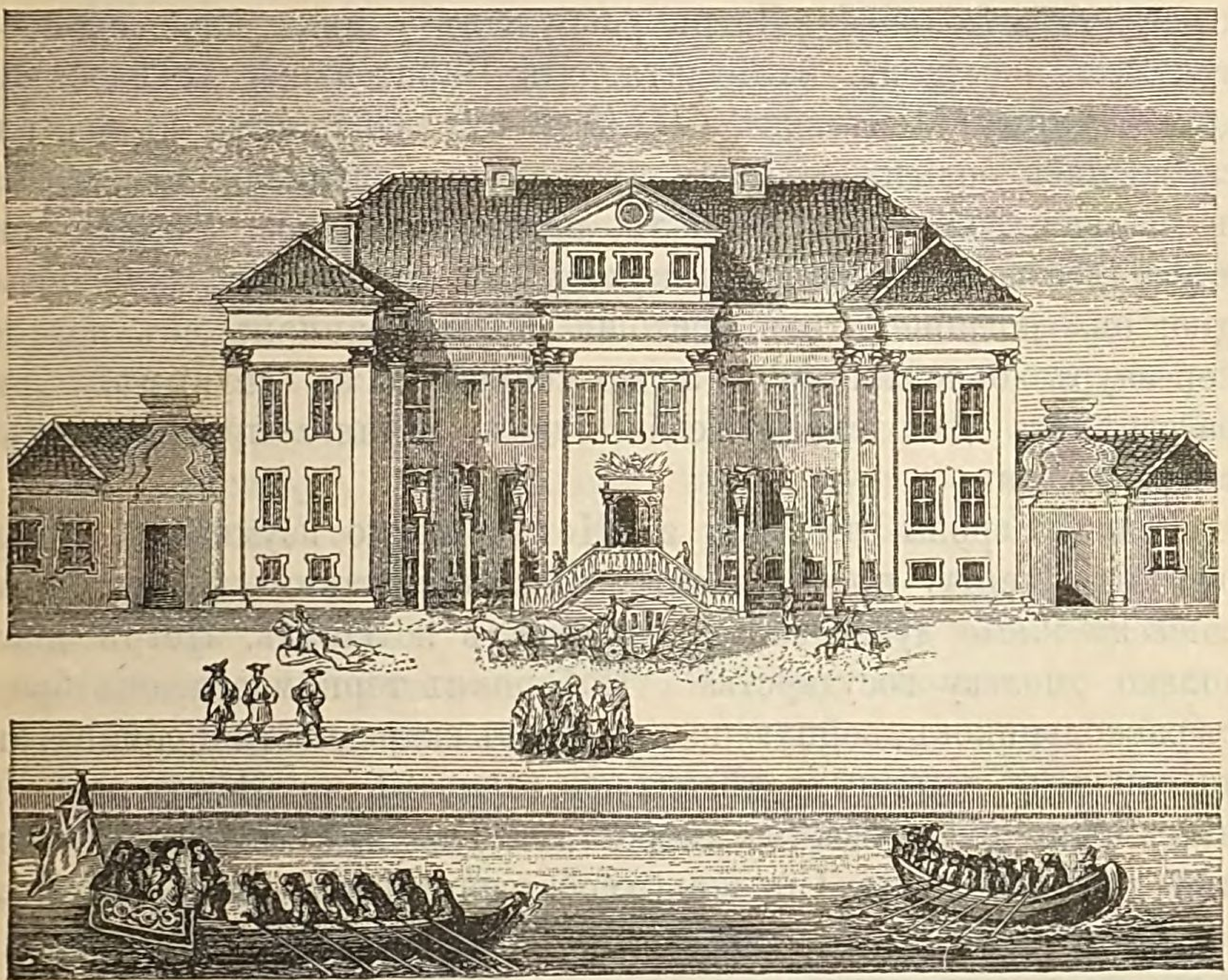
вились „необычайной скромности“ царя. Нѣкоторыя державы тотчасъ назвали его „императоромъ“; но онъ совѣтовалъ своимъ дипломатамъ избѣгать этого титула. А по окончаніи сѣверной войны самъ принялъ его торжественно, не предвидя возраженій.

Простота Петра была въ уровень съ его величіемъ и служила лучшимъ его украшеніемъ. Онъ ни въ чемъ не терпѣлъ искусственности Онъ запретилъ своимъ проповѣдникамъ ломаться, какъ на Западѣ. Негодуя на нѣмцевъ за то, что они „обыкли наполнять свои книги негодными разсказами“, онъ внушалъ своимъ переводчикамъ: „токмо храните то, чтобъ дѣла не проронить, а за штилемъ ихъ не гнаться“; да должно передавать „не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ“. Самъ Петръ писалъ точнымъ и выразительнымъ разговорнымъ языкомъ. Жилъ онъ всегда Петромъ Михайловымъ (§ 213). Его одежда, въ людяхъ, состояла изъ простого коричневаго кафтана иностраннаго сукна, подпоясаннаго поголландски шарфомъ, изъ камзола, короткихъ штановъ, чулокъ и полусапожекъ, которые замѣнялись на войнѣ ботфортами; на шеѣ небрежно повязанный платокъ; на головѣ круглая, съ перьями, шляпа, которая часто не надѣвалась даже на воздухѣ; въ холода шапка изъ мерлушки, кафтанъ на бѣличьемъ мѣху, обувь изъ оленя шерстью вверхъ. Петръ не признавалъ ни перчатокъ, ни манжетъ, ни париковъ: если въ церкви холодно, онъ схватитъ паричекъ съ ближайшаго слуги и надѣнетъ. За исключеніемъ парадовъ, когда надѣвался шитый золотомъ мундиръ и Андреевскій орденъ, отличіемъ царя были только золотыя пуговицы на кафтанѣ, лента подъ нимъ и звѣзда сверху. Но зато кафтанъ часто былъ разстегнутъ, а дома онъ былъ изъ толстаго русскаго сукна. Камзолъ царю шила царица, а чулки онъ штопалъ себѣ самъ; сапоги у него часто бывали старенькіе, съ подметками. Великанъ обиталъ въ низенькихъ комнаткахъ: и ничего, кромѣ самаго необходимаго, не видно въ сохранившихся его „домикахъ“ въ Саардамѣ, на Петербургской сторонѣ, въ Лѣтнемъ Саду, или въ Петергофскомъ Монплезирѣ и даже въ Зимнемъ дворцѣ [1]). Парадные

[1]) Нашъ рисунокъ взятъ съ нѣмецкой гравюры 1716 г. На немъ изображенъ Зимній дворецъ, какъ онъ планировался знаменитымъ архитекторомъ Леблономъ. Зданіе было окончено въ 1718 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Эрмитажъ. Его лицевая сторона была украшена разноцвѣтными и золочеными деревянными выступами надъ столбами, которые поддерживали карнизъ. Комнаты Зимняго дворца были небольшія. Самъ Петръ жилъ въ каморкѣ наверху: тѣло его пришлось спустить оттуда по лѣстницѣ, приставленной снаружи.

пріемы и торжества происходили въ роскошномъ дворцѣ Меншикова, которому отпускались на это нужныя суммы. Между тѣмъ какъ царицу окружали камергеры и пажи, у царя была только дюжина „денщиковъ“, изъ которыхъ выходили Меншиковы и Ягужинскіе, да столько же гренадеровъ для посылокъ.

Петръ подымался въ 4 ч.,— и тотчасъ доклады въ кабинетѣ или въ токарной. Тутъ работала и та дубинка, что̀ стоитъ теперь въ Оружейной Палатѣ: битымъ приказывалось выходить весело и быть у государева стола. Въ 6 ч. завт-

Зимній дворецъ Петра Великаго.

ракъ — и на работы, въ непогодь верхомъ или въ одноколкѣ, обыкновенно же пѣшкомъ. Оттуда въ сенатъ или адмиралтейство. Въ 10 ч. чарка водки и крендель на закуску, а затѣмъ чтеніе голландскихъ газетъ съ выметками изъ нихъ. Въ 1 ч. обѣдъ и сонъ часа на 2. Въ 4 ч. опять на заводы и въ мастерскія. Вечеръ и часть ночи проходили на пирушкахъ и ассамблеяхъ, гдѣ царь много говорилъ, еще больше слушалъ и танцовалъ въ парахъ со всѣми: кто называлъ его тутъ „величествомъ“, тотъ долженъ былъ „пить штрафъ“ или

Великаго Орла — кубокъ вина, сшибавшій съ ногъ и пьяницу. Спалъ Петръ на простенькой кровати, а случится—и на полу. Ѣлъ все, кромѣ рыбы; но предпочиталъ щи, кашу, студень, ветчину и жареное; однажды цѣлый мѣсяцъ выдержалъ себя на солдатскомъ пайкѣ, чтобы испробовать его. Петръ довольствовался однимъ камердинеромъ, ходилъ въ гости къ плотникамъ и матросамъ. Иностранцы, привыкшіе къ китайскимъ церемоніямъ Людовика XIV *(Н. И.* § 86), удивлялись, какъ это царь „со всѣми обходится, какъ съ товарищами", и принимаетъ ихъ пословъ иногда ночью, единственною своею особой, въ бѣльѣ и колпакѣ. Петръ разрушалъ у нихъ щепетильность вѣковыхъ обычаевъ, какъ дитя. Въ Парижѣ ему хотѣлось видѣть госпожу Ментенонъ *(Н. И.* § 92). Она легла въ постель, сказавшись больною. Петръ прошелъ въ спальню, посмотрѣлъ на падшее величіе—и вышелъ, не поклонившись. Уѣзжая, онъ изумлялся великолѣпію французовъ, но замѣтилъ: „жаль Францію; она погибнетъ отъ роскоши". Иностранцамъ онъ казался черезчуръ бережливымъ, а подконецъ даже скупымъ: „онъ разсчетливъ для самого себя, какъ бѣдняга-простолюдинъ", замѣчали они.

Такъ Европа отмѣтила въ Петрѣ самую изумительную для русскихъ черту: преобразователь оказался такимъ воплощеніемъ *общественнаго* духа, какого не видалъ и Западъ. Петръ зналъ только „пользу государства". Поборникъ терпимости, онъ бралъ съ раскольниковъ двойную подать. Врагъ скаредности и обмана, онъ доходилъ, въ казенныхъ дѣлахъ, до скупости, прибѣгалъ къ военнымъ и дипломатическимъ хитростямъ. Получая свое жалованье по чину, онъ говорилъ: „Сіи деньги собственныя мои: я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу. Но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: въ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу". И въ то время, когда доходы Россіи возросли до 10 милліоновъ, на его дворъ шло только 50,000 р. Петръ радовался, какъ дитя, когда выпадалъ случай зашибить копѣйку для казны, причемъ ловко все сваливалъ на Меншикова. Онъ торговался съ иностранцами, приглашая ихъ на службу въ Россію, и заставлялъ своихъ купцовъ строить корабли на свой счетъ. Его волонтеры (§ 213) получали за границей гроши, а то и ничего, „дабы кормились своею работою, чтобы заводились и учениковъ учили, а на жалованье бы впредь не надѣялись". Иностранные дипломаты часто становились втупикъ въ Россіи: она перещеголяла ихъ въ макіавелизмѣ. Петръ увѣрялъ, что

не начнетъ „несправедливой войны“ съ Швеціей, и велъ переговоры съ Стокгольмомъ о подтвержденіи мира въ то время, когда у него уже былъ заключенъ договоръ съ Августомъ II (§ 218). Онъ спаивалъ посланниковъ и своихъ вельможъ, чтобъ они пробалтывались; а самъ рѣдко пилъ черезъ мѣру, да и тогда не говорилъ лишняго. Его шуты старались раздразнить „большія бороды“ и поднимали такой шумъ, что не слышно было переговоровъ, которые царь нерѣдко велъ съ дипломатами на пирушкахъ. „Онъ нашихъ нуждъ не знаетъ“, ворчали наперсники, не подозрѣвая, что это высшая похвала ему. Петръ не зналъ даже всемогущаго тогда на Западѣ династическаго интереса (*Н. И.* § 103). Таковъ смыслъ закона о престолонаслѣдіи (§ 217): Петръ заявилъ въ манифестѣ, что „по совѣсти, для пользы государственной“, не можетъ оставить престолъ сыну, „хотя бъ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось“. Онъ всю жизнь воспитывалъ преемниковъ себѣ, умѣя выбирать людей и не завидовать талантамъ: „я и царь, говорилъ онъ имъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того — показать вамъ примѣръ и видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Его больше всего мучило сознаніе, что „нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и есть, что зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“. Преслѣдованіе „неправды“ развивалось у него съ каждымъ годомъ: послѣ путешествія 1717 г., оно доходило до страшныхъ вспышекъ гнѣва.

Петръ, конечно, во всякой странѣ отдалъ бы всего себя на служеніе правдѣ и обществу. Но онъ былъ образцомъ сознательнаго патріотизма. Связанный съ родиной не только завѣщанными ею задачами, но отчасти и своимъ нравомъ, онъ жилъ ею и для нея. Скромный работникъ на тронѣ считалъ свое дѣло лишь „собираніемъ разсыпанной храмины“ предковъ. Онъ принималъ мѣры для сохраненія ея древностей: синодальная библіотека, для которой составлялся катологъ, стала складомъ старыхъ рукописей и книгъ, которыя отыскивались всюду, между прочимъ, съ цѣлью создать отечественную исторію. Петръ не удостоилъ отвѣтомъ попытокъ папы и англиканскихъ владыкъ къ сближенію съ православіемъ. А когда, за границей, польскій прелатъ назвалъ нашу вѣру „схизмой“, онъ чуть не побилъ его, воскликнувъ: „въ Москвѣ я непремѣнно казнилъ бы его!“ Петръ нанималъ иностранцевъ лишь по нуждѣ и временно; а права тѣхъ изъ нихъ, которые поселялись въ Россіи, были

ограничены. Онъ старался, чтобы ученики поскорѣе отдѣлались отъ учителей: первымъ долгомъ иноземныхъ мастеровъ было все показать нашимъ въ извѣстный срокъ. Вездѣ начальниками стояли русскіе, хотя бы неспособные; а подлѣ нихъ орудовали иностранцы. Петръ черезчуръ горячо схватился за покровительство туземнымъ промысламъ (§ 215) и радовался, какъ ребенокъ, когда впервые сшилъ себѣ „къ празднику" кафтанъ изъ русскаго сукна (1705). Чѣмъ позже, тѣмъ ярче выступало національное сознаніе въ Петрѣ. Самый его языкъ становился чище и простонароднѣе. На Западѣ стали замѣчать въ царѣ чувство собственнаго достоинства, а въ его сподвижникахъ—даже чванство. И все росла въ преобразователѣ глубокая, какъ прирожденное чутье, вѣра въ свою Россію. За мракомъ неудачъ предъ его вдохновеннымъ взоромъ горѣло лучезарное будущее отечества. Принужденный, послѣ Прута, разорить Таганрогъ, онъ велѣлъ „не портить фундамента, ибо, можетъ, Богъ по времени инаково учинитъ". Въ томъ Петербургѣ, который всѣ проклинали, онъ сказалъ сомнѣвавшимся: „Помните латинскую поговорку: молись да трудись. И твердо надѣйтесь, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую ступень славу русскаго имени". Въ его мечтахъ эта, достойная просвѣщенія, страна утопала въ богатствѣ, благодаря флоту, который онъ называлъ „дитею своего сердца" и вывозилъ, въ моделяхъ, даже на потѣхахъ и торжествахъ: онъ уже плылъ свободно изъ Архангельска въ囯Рештъ; а русскіе корабли, нагруженные русскими товарами, неслись къ русскимъ колоніямъ на Мадагаскарѣ и въ Персидскомъ заливѣ. Для этой-то новой Россіи Петръ превратился изъ неподвижнаго и надменнаго царя Руси въ мученика „жестокой школы", какъ называлъ онъ свою жизнь и въ особенности войны, которыя онъ велъ безпрерывно, не любя и опасаясь ихъ. Для нея онъ сгубилъ собственнаго сына. Предъ полтавскимъ боемъ онъ говорилъ войскамъ: „сегодня не думайте о царѣ, а думайте о Россіи". Онъ имѣлъ право сказать: „я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ" (§ 217). Въ этихъ словахъ слышится сердечное обращеніе къ матери-Россіи: „недостойный сынишка твой, въ работѣ пребывающій".

Но личность Петра имѣетъ и общечеловѣческое значеніе. Это—совмѣщеніе всѣхъ чертъ генія и полноты жизни, съ ея кровавою драмой и удалою потѣхой. Различныя поколѣнія могутъ разно смотрѣть на дѣла преобразователя, какъ на злобу

давно прожитаго дня, какъ на плодъ неповторяющихся обстоятельствъ. Но самъ Петръ, съ его стремленіями, съ его взглядомъ на призваніе вождя народа, навсегда останется поучительнымъ примѣромъ. Это—образецъ твердости духа и скромнаго, но безконечнаго самосовершенствованія путемъ ученія до гробовой доски и неусыпныхъ трудовъ на общую пользу.

§ 220. **Птенцы Петра.**—Величіе Петра тѣмъ поучительнѣе, что онъ работалъ почти одинъ: „нашъ монархъ тянетъ на гору самъ-десять, да подъ гору тянетъ милліонъ", сказалъ Посошковъ. Петръ самъ создавалъ этотъ десятокъ своихъ „птенцовъ". И онъ испыталъ новое горе: здѣсь-то ему пришлось непосредственно сталкиваться съ косностью и невѣжествомъ древней Руси. Приказывая боярамъ Ближней Канцеляріи вести опись своимъ занятіямъ, чтобы наблюдать за ними при своихъ отлучкахъ, онъ замѣтилъ: „симъ всякаго дурость явлена будетъ". Онъ писалъ Екатеринѣ: „лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь". Посланникамъ онъ жаловался, что завидуетъ ихъ государямъ, имѣщимъ совѣтниковъ. И они удостовѣряли, что царь „съ самаго вступленія своего на престолъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ почти-что не имѣетъ помощниковъ, и оттого поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ".

Наскоро создавая собственную школу, Петръ принужденъ былъ, особенно сначала, прибѣгать даже къ родовитымъ столпамъ древней Руси или къ „староруссамъ", какъ называли ихъ иностранцы. Но его главными исполнителями были новики (§ 163), найденные имъ на днѣ общества. Они были несостоятельны во многомъ. По низкому уровню нравственности, они не заслуживали названія государственныхъ людей: Петра особенно возмущали ихъ плутовство, взяточничество и казнокрадство, которыхъ онъ не могъ истребить ни дубинкой, ни кнутомъ, ни топоромъ. Менѣе важно было ихъ невѣжество: люди даровитые, они быстро нахватывались знаній, благодаря школѣ Запада и самого царя. И работали они на славу, не щадя живота своего: отъ грознаго хозяина имъ „никуда нельзя было уйти".

Лучшимъ образчикомъ птенцовъ и главою новой партіи былъ Александръ Данилычъ *Меншиковъ*, сначала продавецъ пирожковъ для „потѣшныхъ", потомъ слуга Лефорта и камердинеръ царя, наконецъ—свѣтлѣйшій князь Римской имперіи и русскій фельдмаршалъ. Петръ долго не разставался съ „Алексашкой",

который былъ ровесникомъ ему: онъ почивалъ спокойно, только когда тотъ спалъ на полу у его ногъ. Меншиковъ былъ геніальный исполнитель замысловъ геніальнаго преобразователя: онъ понималъ его съ одного слова и предупреждалъ его желанія. Смѣтливый, расторопный, переимчивый малый, притомъ здоровый, всегда веселый и твердый духомъ, онъ былъ мастеръ на всѣ руки: безропотно и съ увлеченіемъ онъ строгалъ и точилъ, строилъ корабли, рылъ каналы, хозяйничалъ, одерживалъ побѣды на сушѣ и на морѣ, велъ переговоры и открывалъ заговоры, создавалъ Петербургъ, правилъ сенатомъ, военною коллегіей и многими губерніями. И вездѣ онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы не отстать отъ своего властелина ни въ любознательности и трудолюбіи, ни въ жестокости и потѣхахъ. Никто не умѣлъ такъ развлекать царя пирами и такъ пышно принимать пословъ. Свѣтлѣйшій самъ напоминалъ иностранца, даже усвоилъ придворныя манеры и выучился по-голландски и по-нѣмецки, хотя никогда не умѣлъ хорошо читать и писать ни по-каковски. У него были пріятныя черты, освѣщенныя очень живыми глазами [1]). Онъ былъ высокъ, худощавъ и строенъ, щеголеватъ и развязенъ; его дворцы и дача въ Ораніенбаумѣ блистали роскошью и вкусомъ; у него былъ даже собственный оркестръ. По смерти Лефорта, Меншикову поручались самыя важныя

Меншиковъ.

[1]) Портретъ Меншикова, копію котораго представляетъ нашъ рисунокъ, писанъ съ натуры, въ Лондонѣ, когда былъ тамъ свѣтлѣйшій, въ 1697. Тамъ же была сдѣлана гравюра съ него, хранящаяся въ Эрмитажѣ. Здѣсь Меншиковъ изображенъ въ латахъ. Внизу латинская надпись: „Александръ Меншиковъ, князь Римской и Россійской имперіи, глава Ингріи, а также фельдмаршалъ войскъ его царскаго величества и проч."

дѣла: онъ сталъ у царя „Данилычемъ, дитею сердца, дорогимъ товарищемъ, сердечнымъ братомъ"; на торжествахъ онъ шелъ рядомъ съ нимъ, по правую руку. Но подконецъ Петръ бѣсился отъ его алчности и честолюбія. Меншиковъ немилосердно грабилъ въ Польшѣ и Малороссіи и содержалъ на счетъ казны даже своихъ безчисленныхъ лошадей и слугъ: когда онъ палъ, у него было отобрано 90.000 крестьянъ, 6 городовъ, 13 милліоновъ деньгами и на милліонъ всякой движимости. Осыпанный почестями и должностями, Меншиковъ добивался еще то черниговскаго княжества или малороссійскаго гетманства, то курляндскаго герцогства и даже польской короны. „Если онъ не исправится, быть ему безъ головы" говорилъ царь, но ограничивался штрафами и своею дубинкой. Меншикова защищала Екатерина, которая была прежде служанкой у его жены. Но главная его сила состояла въ томъ, что онъ былъ правою рукой преобразователя, устоемъ новой Россіи, которую онъ болѣе двухъ лѣтъ сохранялъ по смерти Петра. Царю говорили, что безъ него дѣла запутаются: такъ и случилось при Екатеринѣ I, когда свѣтлѣйшій отъѣхалъ въ Курляндію. Въ преданіяхъ народа Данилычъ связанъ съ Петромъ такъ же, какъ Екатерина; и на немъ сосредоточивалась, послѣ царя, ненависть старины. Кружокъ Алексѣя Петровича справедливо считалъ своимъ первымъ врагомъ Меншикова, который своеручно рубилъ головы стрѣльцамъ и, какъ дядька, бивалъ царевича, а также, говорятъ, возстановлялъ отца противъ него.

Послѣ Меншикова, главными птенцами были Толстой и Ягужинскій. Изобрѣтательный, быстрый, на все годный Петръ *Толстой* былъ страшенъ своимъ крайнимъ самолюбіемъ и нравственною беззастѣнчивостью: онъ былъ не прочь даже отъ яда и ножа, и хотя бы для отца роднаго. Онъ былъ близокъ къ Софьѣ и вовремя перекинулся къ Петру. Царь зорко слѣдилъ за нимъ и сказалъ однажды, взявши его за голову; „не быть бы тебѣ на плечахъ, если бъ не была такъ умна". Иностранцы также хвалили эту голову; но Петръ употреблялъ ее больше на такія дѣла, какъ подкупы въ Портѣ да поимка Алексѣя (§ 217). Послѣдній подвигъ порвалъ послѣднія связи Толстого со стариной: онъ сталъ, по смерти Петра, правою рукой Екатерины, наравнѣ съ Меншиковымъ. Бойкій, находчивый красавецъ, ревностный и веселый исполнитель, *Ягужинскій* заслужилъ отъ Петра названіе его „праваго глаза", хотя отличался алчностью и особенно честолюбіемъ. Онъ былъ такъ ловокъ и

вкрадчивъ, что, начавъ съ должности денщика у Петра, достигъ высшихъ почестей и удержался при четырехъ разнохарактерныхъ царствованіяхъ. Но ему вредили горячность и суетливость: въ запальчивости, онъ доходилъ до бѣшенства и пробалтывался такъ, что иностранцы прославляли „прямодушіе и откровенность“ этого перваго генералъ-прокурора сената. Тяжка была жизнь Ягужинскаго еще потому, что онъ, какъ выскочка, и вдобавокъ чужакъ, былъ предметомъ ненависти староруссовъ, которые называли его „худороднымъ полякомъ“; а между тѣмъ ему приходилось бороться съ Меншиковымъ и Остерманомъ, какъ съ своими соперниками: иногда онъ даже приставалъ къ Голицынымъ и Долгорукимъ; но тѣ не могли терпѣть его долго.

Изъ свѣтскихъ лицъ къ приверженцамъ преобразователя принадлежалъ еще короткій рядъ дѣльцовъ, или менѣе выдающихся по своимъ силамъ, или менѣе важныхъ по своему положенію. Помимо Бориса Голицына и Ромодановскаго (§ 210), тутъ особенно отличались дипломаты, во главѣ которыхъ стоялъ родственникъ Голицыныхъ, канцлеръ и первый президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, *Головкинъ*. Дѣловитый и образованный, долго жившій за границей, Головкинъ напоминалъ иностранца: тщательно одѣтый, всегда въ модномъ парикѣ, съ тонкими чертами, которыя оживлялись проницательнымъ взглядомъ и лукавою улыбкой, онъ отличался вѣжливостью и обходительностью. Осторожный, изворотливый дипломатъ, ученикъ Шафирова и Остермана, онъ говорилъ уклончиво, преклонялся передъ всякою силой, дружилъ съ главарями всѣхъ лагерей, искусно носилъ личину набожности. Сынъ бѣднаго провинціальнаго дворянина, онъ имѣлъ болѣе 30.000 крестьянъ и большія деньги. Головкинъ былъ издавна близокъ къ Петру: до введенія коллегій, онъ принадлежалъ къ „тайнымъ“ совѣтникамъ царя, наряду съ Апраксинымъ, Шафировымъ, Шереметевымъ и Зотовымъ. Онъ-то сказалъ, что Петръ „произвелъ насъ изъ небытія въ бытіе“. Изъ его подчиненныхъ выдавались Андрей *Матвѣевъ* (§ 210), *Куракинъ* и соперникъ Меншикова, *Шафировъ*, поражавшій иностранцевъ своею дипломатическою изворотливостью и осторожностью. Важенъ еще *Макаровъ*, судьба котораго особенно любопытна. Простой подъячій, онъ кинулся въ глаза Петру своимъ умомъ и расторопностью. Сдѣлавшись кабинетъ-секретаремъ царя, который никогда не разставался съ нимъ, онъ сталъ всемогущъ: у него заискивалъ самъ Меншиковъ. Макаровъ много помогъ воцаренію Екатерины I и устоялъ до воцаренія Анны

Ивановны, подлаживаясь то къ старорусcамъ, то къ ихъ врагамъ. Едва-ли не благороднѣе и симпатичнѣе всѣхъ былъ *Неплюевъ*, который заболѣлъ, узнавъ о смерти царя: онъ говорилъ, что Петръ „научилъ узнавать, что и мы люди; и на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". Съ дипломатіи началъ и *Татищевъ*, напоминавшій Петра разнообразіемъ знаній, близкимъ знакомствомъ съ Европой и рабочею силой. Онъ оказался потомъ и администраторомъ, и воиномъ, и ученымъ: то былъ первый русскій историкъ и географъ.

Хуже дипломатіи были представлены, при Петрѣ, армія и флотъ; но зато тутъ орудовалъ онъ самъ и Меншиковъ. Фельдмаршалъ Борисъ *Шереметевъ* напрасно пользовался у преобразователя названіемъ Баярда и Тюрена: онъ былъ тяжелъ на подъемъ, мало зналъ свое дѣло, часто терпѣлъ пораженія; но онъ до конца былъ преданнымъ полководцемъ Петра, начавъ свою службу еще при Софьѣ. Онъ былъ такъ приверженъ къ Европѣ, что бояре приписывали ему мысль о путешествіи царя. Самъ онъ поѣхалъ за границу по охотѣ, когда ему было уже 45 л. Шереметевъ многому научился въ своихъ странствіяхъ и оставилъ ихъ описаніе. Тамъ онъ сталъ совсѣмъ иностранцемъ: говорили даже, будто въ Вѣнѣ онъ принялъ католичество. Онъ изъ первыхъ облекся въ нѣмецкое платье и потомъ всегда носилъ огромный парикъ, который такъ шелъ къ крупнымъ, спокойнымъ чертамъ его лица. Шереметевъ былъ постоянно окруженъ обществомъ самыхъ образованныхъ иностранцевъ. На роскошные пиры и пріемы уходило его громадное состояніе: онъ славно похозяйничалъ въ Лифляндіи, по словамъ самого Петра.

Наконецъ, Петру помогали понимавшіе его простые люди. *Строгановы*, *Демидовы* были трудолюбивыми исполнителями его замысловъ на хозяйственномъ поприщѣ, *Курбатовъ* и *Нестеровъ* (§ 215) — въ финансовыхъ дѣлахъ; крестьянинъ *Посошковъ* оказался дѣльнымъ, просвѣщеннымъ публицистомъ и горячимъ защитникомъ преобразованій.

Изъ иностранцевъ, помимо раннихъ друзей Петра (§ 211), только трое занимали высшіе посты, люди весьма даровитые и преданные Россіи, какъ своему новому отечеству. Изъ нихъ дипломатъ *Остерманъ* и полководецъ *Минихъ*, въ теченіе 15 л. послѣ Петра, поддерживали его дѣло, играя руководящія роли. Рожденный въ Россіи шотландецъ *Брюсъ* былъ полезный, самый ученый и безукоризненно честный человѣкъ, какъ видно и по

его умному, сосредоточенному лицу. Онъ отлично устроилъ артиллерію и участвовалъ въ войнахъ и въ дипломатіи. Такъ какъ онъ особенно занимался физикой, астрономіей и географіей, то народъ считалъ его чернокнижникомъ: „Брюсовъ календарь" и теперь служитъ оракуломъ; Сухарева Башня въ Москвѣ, гдѣ была школа и обсерваторія ученаго, слыла сборищемъ людей, продавшихъ себя чорту, т.-е. Петра и его птенцовъ.

Встрѣчались новые люди и среди духовенства, только не московскаго. То были, попрежнему, ученые и даровитые малороссы. Во главѣ ихъ стоялъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—явленіе рѣдкое вообще въ исторіи, какъ іерархъ-политикъ, проводникъ свѣтскихъ и такихъ смѣлыхъ мыслей, что онѣ отчасти опережали свой вѣкъ. Ѳеофанъ былъ лѣтъ на десять моложе Петра. Бѣдный кіевскій сирота, онъ сначала учился въ могилянской коллегіи, потомъ у іезуитовъ, которые обратили его въ уніата и отправили въ Римъ. Тамъ онъ изучилъ не одну схоластику: даровитый юноша пристрастился къ искусству, къ классикамъ, къ философіи Бекона и Декарта, къ вождямъ протестантизма. Онъ сталъ свѣтскимъ ученымъ, раціоналистомъ: онъ возненавидѣлъ папство, съ его обрядностью и нетерпимостью. Возвратившись въ Кіевъ, Ѳеофанъ возвратился и въ православіе и былъ сдѣланъ профессоромъ. Уже здѣсь онъ блеснулъ „новымъ ученіемъ" въ своихъ учебникахъ, проповѣдяхъ и даже свѣтскихъ драмахъ, во всемъ высказывая краснорѣчіе, живость, простоту и свободомысліе. За проповѣди, особенно по поводу Полтавы, его вызвали въ Петербургъ (1716), съ титуломъ епископа псковскаго. Здѣсь онъ занялъ положеніе Полоцкаго (§ 206), только попрочнѣе, тѣмъ болѣе, что каждая его проповѣдь была проникнута лестью царю, Екатеринѣ и Меншикову. Петръ привязался къ нему, отстаивалъ его отъ доносовъ, оказывалъ ему почести и дарилъ дома. Если Меншиковъ былъ его правою рукой, то Ѳеофанъ сталъ его перомъ и словомъ.

Ѳеофанъ — самъ Петръ въ рясѣ, даже по своей внѣшности. Могучая, пышная фигура красавца, съ вдохновенными глазами, съ свободнымъ, гнѣвнымъ движеніемъ, словно хочетъ выскочить изъ рамокъ портрета [1]), чтобы учить невѣгласовъ посохомъ. Всегда здоровый, жизнерадостный, говорливый владыка больше всего ненавидѣлъ ханжество и лицемѣ-

[1]) Существуетъ только два портрета Ѳеофана. Нашъ представляетъ снимокъ съ наиболѣе удачнаго, на которомъ владыка изображенъ, въ полномъ облаченіи, въ увлеченіи проповѣдника.

ріе „большихъ бородъ“. Вѣжливый, изящный даже въ своемъ почеркѣ, другъ и покровитель иностранцевъ, онъ устроилъ Кукуй (§ 168) или Платоновскую академію (*С. И.* § 154) изъ своего архіерейскаго дома на Аптекарскомъ острову. Здѣсь все было красиво, роскошно, но уютно: главнымъ украшеніемъ служила библіотека въ 30,000 томовъ, дорогія картины, глобусы, инструменты и разныя новинки Европы. Здѣсь совершались веселые ужины, съ участіемъ самого Петра, Татищева, Кантеміра, иностранцевъ. Хозяинъ больше всѣхъ отличался находчивостью въ ученыхъ спорахъ, увлеченіемъ въ умныхъ бесѣдахъ, веселымъ остроуміемъ въ своихъ русскихъ и латинскихъ эпиграммахъ. Нето компанія займетъ флотилію владыки и плыветъ на одну изъ его загородныхъ дачъ. Θеофанъ говорилъ: „Есть люди, которымъ кажется все грѣховнымъ и сквернымъ, что только чудно, весело, велико и славно: они самаго счастья не любятъ. Хотѣли бы они, чтобы всѣ люди были злообразны, горбаты, темны, неблагополучны“. Но симпосіоны (*Д. И.* § 116) были у Θеофана, какъ и у Петра, только отдыхомъ сильной натуры послѣ богатырскаго труда. Владыка-весельчакъ былъ неутомимая рабочая сила. Онъ никогда не покидалъ науки. Знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ, свободно говорившій на четырехъ изъ нихъ, онъ вѣчно читалъ, писалъ, сносился съ западными учеными, которые считали его однимъ изъ первыхъ богослововъ Европы: отъ него осталась масса писемъ, духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій; онъ руководилъ многими переводами. Θеофанъ помогалъ бѣднымъ, въ особенности студентамъ, художникамъ и дѣтямъ собственной школы, которымъ онъ завѣщалъ свое имущество, прося „дать имъ способы продолжать образованіе“.

Θеофанъ Прокоповичъ.

Подъ именемъ вице-президента синода, Θеофанъ заправлялъ русскою церковью: всѣ духовные уставы и указы набросаны его рукой, которая писала также увѣщанія расколь-

никамъ, исторію Петра, отчасти морской уставъ и „Правду воли монаршей“, въ оправданіе закона о престолонаслѣдіи (§ 217). Но главною задачей Ѳеофана было разъясненіе и защита преобразованій, для чего онъ пользовался больше всего проповѣдью. Врядъ ли кто-либо глубже него понималъ и любилъ дѣло Петра: „ты являеши намъ — сказалъ онъ ему въ проповѣди — въ царѣ и простого воина, и многодѣльнаго мастера, и многоименитаго дѣлателя; ты повелѣніе твое собственными труды своими предваряешь“. Ѳеофанъ — первый нашъ *свѣтскій* писатель въ эпоху преобразованій: его „Слова и рѣчи“, изданныя лишь при Екатеринѣ II, — смѣлая, пылкая, талантливая публицистика. Здѣсь доказывалось, прежде всего, что царь выше церкви, и онъ только изъ приличія не совершаетъ богослуженія: „священство есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое государство въ государствѣ“, какъ думаютъ написты. Затѣмъ вырывается „зміиное жало“, какъ называлъ Ѳеофанъ всѣ пережитки, отъ бороды до фарисейства и косности древней Руси. Правиломъ Прокоповича была глубокая терпимость латинской поговорки: „не спрашивай о винѣ, откуда оно; не спрашивай о добромъ человѣкѣ, какой онъ вѣры и откуда онъ родомъ“. И онъ сталъ вводить протестантскую науку въ наше богословіе, оправдывая не только браки съ иновѣрцами, но и разводъ съ правомъ жениться для обѣихъ сторонъ. По его мнѣнію, даже „поливательное“ крещеніе равносильно погружательному: и синодъ сталъ тогда отмѣнять многое во внѣшности православія. Конечно Ѳеофану пришлось всю жизнь бороться, и не съ однимъ московскимъ духовенствомъ, но и съ малороссійскимъ, которое склонялось къ католичеству, съ его обрядностью и независимостью церкви отъ свѣтской власти. Полетѣли доносы на „лютеранина, кальвиниста, ересіарха“ и развратника, который не признаетъ ни иконъ, ни млека Богородицы, ни крови и волосъ Христа. Петръ ограждалъ и сберегъ своего проповѣдника. Ѳеофанъ могъ, надъ его гробомъ, заставить всѣхъ цѣлый часъ плакать словами: „До чего мы дожили? Что̀ видимъ, что̀ дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ. Но онъ духъ свой оставилъ намъ“.

Ѳеофану тѣмъ труднѣе было бороться со стариной, что противъ него былъ его вѣчный соперникъ, глава русской церкви по титулу, президентъ синода, *Стефанъ Яворскій*. Стефанъ — также питомецъ Кіева. И онъ смолоду пріобрѣлъ имя своею ученостью и даромъ говорить умныя, простыя

проповѣди. Но онъ былъ больше чѣмъ на 20 л. старше Θеофана и составлялъ противоположность ему по нраву. То былъ кроткій, работящій, но грубоватый и знакомый съ однимъ богословіемъ инокъ: онъ чувствовалъ себя хорошо только въ своей скромной кельѣ, къ которой подходило и его иконописное обличіе. Онъ до того былъ преданъ церкви, что доходилъ до жестокой нетерпимости въ борьбѣ съ раскольниками и сочувствовалъ католикамъ за могущество іерархіи у нихъ; а Лютеръ былъ въ его глазахъ „червь, ядомъ адскимъ наполненный, треокаянный еретикъ“ и т. п. Не безъ хитрости малоросса, Стефанъ даже тонко льстилъ Петру, надѣясь на патріаршество. Но Никонъ по воззрѣніямъ (§ 201), онъ такъ же мало походилъ на него по силѣ воли, какъ Петръ на Алексѣя Михайловича. Преобразователь, у котораго сначала вовсе не было людей, взялъ въ Москву этого способнаго и чистаго нравами труженика и цѣлыхъ 16 л. работалъ съ нимъ, пока не узналъ Θеофана. Но онъ сдѣлалъ его только „блюстителемъ патріаршаго престола“, а потомъ уважилъ старика званіемъ президента синода. Стефанъ усердно помогалъ царю; впрочемъ, больше всего занимался борьбою съ расколомъ. Но чѣмъ шире развивалась дѣятельность преобразователя, тѣмъ сильнѣе сознавалъ іерархъ ложность своего положенія. Онъ все скучалъ по своему „схимническому житію“ на родинѣ; а когда царь сталъ посвойски расправляться съ „большими бородами“, онъ увидѣлъ „разореніе Закона Божія“. Ему уже бросались въ глаза одни недостатки Петра;—и въ немъ заговорила совѣсть святителя древней Руси. Онъ сталъ открыто проповѣдовать противъ войнъ и жестокостей, противъ фискаловъ и брадобритія; началъ печаловаться о тяготѣ народной, даже обличать царя за разводъ съ Евдокіей, за бражничество, за непощеніе и нехожденіе въ церковь. А тутъ появился молодой всесильный соперникъ, который совсѣмъ затмевалъ старика своимъ блескомъ и образованіемъ и призналъ правду воли монаршей въ дѣлѣ несчастнаго царевича. Стефанъ всенародно молился за Алексѣя Петровича и уличалъ Θеофана въ протестантствѣ. Соперникъ, въ отвѣтъ, загремѣлъ съ каѳедры о „тернѣ, жалѣ змѣиномъ, духѣ папскомъ“. Царь охладѣлъ къ Стефану, дѣлалъ все ему наперекоръ; но не трогалъ старика, который скончался главой церкви незадолго до его смерти.

Старше Стефана былъ его вѣрный другъ и третій помощникъ Петра изъ малороссійскихъ владыкъ, *Димитрій Ростов-*

скій. Кроткая, самозабвенная натура, покровитель обиженныхъ и несчастныхъ, великій постникъ, Димитрій стоялъ выше всѣхъ по нравственному закалу и вліянію: церковь причислила его къ лику святыхъ. Но таково было время, что этотъ рожденный инокъ былъ полезнѣйшимъ членомъ общества, какъ рѣдкій образецъ просвѣщеннаго благочинія. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и ученыхъ питомцевъ могилянской коллегіи, этотъ казацкій сынъ съ 17-ти л. „возложилъ на себя послушаніе"—указывать народу путь живымъ словомъ, искреннимъ перомъ и распространеніемъ образованія. Его проповѣди отличались задушевностью и поэтичностью. Узнавъ о нихъ, Петръ вызвалъ его, въ одно время съ Стефаномъ, и назначилъ митрополитомъ въ Ростовѣ, гдѣ святитель и умеръ черезъ 7 л. (1709), колѣнопреклоненный на молитвѣ. Димитрій успѣлъ поддержать стремленія преобразователя многими сочиненіями и проповѣдями, изобличая невѣжество, особенно въ лицѣ духовенства и раскольниковъ, защищая даже брадобритіе, уже давно принятое на его родинѣ. Сверхъ того, онъ 20 л. трудился надъ составленіемъ „Житій Святыхъ", по примѣру Макарія (§ 179), и началъ правдивую лѣтопись, въ которой усомнился въ годѣ Р. Х. Димитрій основалъ въ Ростовѣ первую въ сѣверной Руси семинарію, которую содержалъ на собственный счетъ. Умирая, онъ просилъ положить съ нимъ въ гробъ, подъ все тѣло, его черновыя бумаги. Послѣ него ничего не осталось, кромѣ богатаго собранія книгъ, перешедшаго въ московскую синодальную библіотеку.

Недаромъ малороссы громили великорусское духовенство: оно, вмѣсто помощи Петру, оказывало ему упорное сопротивленіе, становясь во главѣ старины. Тутъ весьма рѣдки были такія свѣтлыя исключенія, какъ епископъ воронежскій, *Митрофанъ*, также причисленный къ лику святыхъ, но лишь при Николаѣ I. Человѣкъ не ученый, но одаренный большимъ здравымъ смысломъ и добрымъ сердцемъ, онъ посвятилъ себя благотворенію да поученіямъ въ духѣ преобразованій, изъ которыхъ ему особенно полюбился флотъ, выросшій на его глазахъ (§ 212). Онъ понималъ также значеніе войнъ Петра: всѣ доходы нестяжательнаго владыки шли „на ратныхъ". Петръ сердечно оплакивалъ смерть умнаго, безкорыстнаго святителя-патріота и самъ несъ его гробъ.

За недостаткомъ новыхъ людей, Петру приходилось обращаться и къ „староруссамъ", выбирая изъ нихъ болѣе расто-

ропныхъ или менѣе способныхъ на измѣну. Эти лѣнивые домосѣды тоже служили вѣрно и усердно, но лишь изъ-подъ палки: они ворчали подъ рукой на преобразователя и на худородныхъ выскочекъ, въ особенности на пирожника Меншикова. Сами они составляли родовитую знать, съ Рюриковичами Долгорукими и Гедеминовичами Голицыными во главѣ. Способный и умный *Яковъ Долгорукій* заслужилъ всеобщее уваженіе своею неподкупностью, твердостью, въ особенности же своимъ безстрашнымъ прямодушіемъ, которое вошло въ пословицу. Онъ одинъ осмѣливался противорѣчить Петру въ сенатѣ, указывать ему ошибки, даже не исполнять его приказовъ, данныхъ сгоряча. Онъ былъ на своемъ мѣстѣ въ званіи президента ревизіонъ-коллегіи. Долгорукій 11 л. былъ въ шведскомъ плѣну, откуда наконецъ бѣжалъ; потомъ служилъ Петру вѣрой и правдой до самой своей смерти. Онъ умеръ въ глубокой старости, незадолго до кончины своего царственнаго друга.

Изъ Голицыныхъ на виду были двое братьевъ. Надутый, властительный, не терпѣвшій противорѣчій, *Димитрій Голицынъ* не занималъ руководящихъ мѣстъ: способности его были не блестящи, а взгляды устарѣлы. Онъ любилъ чернецовъ, явно выказывалъ вражду къ иностранцамъ, негодовалъ на Екатерину и Меншикова. „Кчему намъ нововведенія? Развѣ мы не можемъ жить, какъ живали наши отцы?“ говаривалъ онъ. Младшіе братья не смѣли садиться при немъ; дочери и невѣстки цѣловали у него руку. Но это былъ уже человѣкъ переходнаго времени, подобно его двоюродному брату (§ 208). Этотъ „родословный, бояринъ, мужъ ума и совѣта“ (думецъ) нанималъ кіевскихъ студентовъ переводить ему съ латинскаго и польскаго. 34-хъ л., семейный, онъ поѣхалъ поневолѣ въ Италію, обучился новымъ языкамъ, призналъ необходимость ненавистныхъ нѣмцевъ и завелъ большую библіотеку, гдѣ вожди западной науки красовались наряду съ русскими сборниками и лѣтописями. Сверхъ того, это былъ вождь староруссовъ,—и Петръ почиталъ его: онъ приходилъ къ нему запросто, рано утромъ, и если старикъ молился, ждалъ. Онъ сдѣлалъ князя Димитрія первымъ президентомъ камеръ-коллегіи.

Младшій братъ, *Михаилъ Голицынъ*, выдѣлялся среди птенцовъ рыцарскимъ великодушіемъ: онъ не подписалъ смертнаго приговора царевичу Алексѣю и, въ награду за одинъ подвигъ, попросилъ у Петра прощенія своему врагу, Репнину. Доб-

рый, скромный, воздержный, князь Михаилъ снискалъ всеобщее уваженіе: о немъ съ восторгомъ отзывались даже иностранцы, хотя онъ не жаловалъ ихъ; а своекорыстные вельможи побаивались его. Онъ тратилъ много собственныхъ денегъ на солдатъ; когда, при Екатеринѣ I, его сослали въ Малороссію, въ качествѣ военачальника, онъ далъ цѣлое село хохламъ на устройство коллегіума въ Харьковѣ. Петръ никого не уважалъ такъ, какъ этого отважнаго и сообразительнаго человѣка, который былъ у него первымъ генераломъ послѣ Меншикова: онъ даже не принуждалъ его пить.

По годамъ, *Апраксинъ* былъ Несторомъ среди свѣтскихъ сотрудниковъ Петра; но по уму и дарованіямъ, онъ стоялъ назади всѣхъ. Этотъ другъ, родственникъ и ровесникъ преобразователя прямо и зло порицалъ преобразованія. Царь, знавшій личную преданность ворчливаго старорусса, наказалъ его только тѣмъ, что сдѣлалъ адмираломъ, т.-е. главой самаго ненавистнаго старинѣ дѣла. Ровно ничего не понимавшій тутъ столпъ московской знати злился, кряхтѣлъ, но тянулъ свою лямку честно, какъ могъ.

§ 221. **Значеніе Петра.**—Величіе Петра доказывается уже трудностью его оцѣнки. Его дѣло такъ глубоко вошло въ жизнь Россіи, что до сихъ поръ у насъ слышатся страстныя и противорѣчивыя сужденія о немъ.

Противники преобразованій относятся къ Петру, какъ къ еще живой личности, оскорбляясь темными пятнами на его памяти и приписывая все деспотическому своенравію „революціонера на тронѣ“. Ихъ увлекаютъ его увлеченія. Двигателемъ Петра была страсть, сокрушительная въ такомъ великанѣ. Рѣдкій практикъ въ исполненіи, Петръ, словно мечтатель, сразу создавалъ широкіе планы, не справляясь о средствахъ. Работая въ вихрѣ необычайныхъ событій, онъ, безъ мелкаго разбора, схватывалъ явленія цѣликомъ, какъ живыя силы. Въ каждомъ препятствіи онъ видѣлъ личнаго врага своему самоотверженному служенію дѣлу. Съ самаго начала видно было, что „нашъ звѣрь“ не владѣетъ собой. Оторванный отъ своего сердечнаго труда, ученичества, онъ весь дрожалъ, по ночамъ, отъ ярости, совершая, въ кровяхъ, свое „богоугодное дѣло“ (§ 213). Подобно Грозному, онъ сталъ преувеличивать опасность, ломиться въ открытую дверь, счелъ себя нѣмцемъ (§ 165): вмѣстѣ съ своимъ Кукуемъ и съ горстью птенцовъ, онъ явился новою опричниной. Тотчасъ возникъ *Преображен-*

скій Приказъ (1702) въ Москвѣ, а за нимъ *Тайная Канцелярія* (1718) въ Петербургѣ — сыскныя учрежденія, которыя народъ назвалъ „бѣдностью", пугая дѣтей именами ихъ заправилъ, Ромодановскаго и того невѣжественнаго *Ушакова*, который умѣлъ, при шести государяхъ, соединять роль тонкаго царедворца съ ролью сыщика и палача. Россія покрылась сѣтью фискальства: тогда сложилась поговорка — „Богъ любитъ праведника, царь — ябедника". Пошло искорененіе „сѣмени Милославскихъ". Но Петръ не пощадилъ и собственнаго сѣмени. Царевичъ Алексѣй палъ жертвой страстнаго мечтателя, который видѣлъ вездѣ одно „тунеядство" и вообразилъ, что можно сразу весь народъ „передѣлать на свой ладъ". Тяжкія страданія вынесла и Россія, которую Петръ „поднялъ на дыбы". Передъ лихорадочнымъ взоромъ преобразователя малое и великое, терпимое и неотложное сливались въ картинѣ безпощадной борьбы новой Россіи съ древнею. Ему недоступенъ былъ смыслъ словъ донцовъ: „Мы носимъ платье, какъ кому изъ насъ которое понравится. Иные любятъ платье по-черкески и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ стародревняго обычая платьяхъ; и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ. А къ нѣмецкому платью у нихъ охоты нѣтъ, кромѣ изволенія государскаго". Древніе халаты должны были исчезнуть тотчасъ, вмѣстѣ съ бородами и теремами; и русскому мужику приказано было, подъ страхомъ каторги, плести лапти по-чухонски, а юфть выдѣлывать по-голландски. Должна была сгинуть сама Москва, хоть какъ столица: и у устьевъ Невы открылась такая же каторга, какъ у Воронежа (§ 212), для массы рабочихъ, сгоняемыхъ отовсюду, между тѣмъ какъ каменныя постройки были остановлены указомъ по всей Россіи. Передъ смертью Петръ мечталъ даже о переселеніи русскихъ съ окраинъ во внутреннія губерніи. Отъ широкихъ размаховъ богатыря стонъ стоялъ надъ страною, и содрогались Екатерина Великая и Фридрихъ Великій, сказавшій, что Петръ дѣйствовалъ на Россію, какъ крѣпкая водка на желѣзо.

Увлекающіеся этимъ личнымъ оттѣнкомъ въ преобразованіяхъ не должны бы забывать изумительной картины „звѣря", поражавшаго всѣхъ великодушіемъ генія (§ 219). Но важнѣе всего то, что именно Петръ—лучшее доказательство зависимости личности отъ среды: его можно понять только историко-сравнительнымъ путемъ. „Странный господинъ" былъ „полнымъ представителемъ своей страны по нраву", какъ замѣтили иностранцы

(§ 213). Темныя пятна на немъ были наслѣдіемъ древней Руси (§ 170), которое ничѣмъ не сглаживалось: Петръ ребенкомъ сталъ царемъ, и дѣтство его напоминало дѣтство Грознаго, только было еще ужаснѣе (§§ 121, 210). Петръ сразу ступилъ на путь крови, чуя, что иначе быть ему самому на плахѣ, приготовленной для стрѣльцовъ. Но жестокость развивалась въ немъ постепенно, подъ вліяніемъ мятежей: въ 1689 г. дѣло обошлось почти безъ крови (§ 210); юный царь даже сдерживалъ ярость бояръ и не хотѣлъ казнить Шакловитаго. И потомъ Петръ ничего не прибавилъ къ прежней уголовщинѣ: въ его расправахъ было не больше свирѣпства, чѣмъ у толпы въ 168? г. (§ 208); а въ 1698 г. казнено меньше, чѣмъ въ маловажномъ бунтѣ 1662 г. (§ 202). Коренныя побужденія въ дѣлѣ сыноубійства лучше всего оттѣняютъ разницу между Петромъ и Грознымъ (§§ 127, 217). „Страдаю — говорилъ преобразователь—а все за отечество, желая ему полезное: враги пакости мнѣ дѣлаютъ демонскія. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо, Богъ зритъ правду“. По своей древней грубости, „компанія“ Петра походила на „табачную коллегію“ прусскаго короля (*Н. И.* § 67); удивительно только, что царь стыдился ея передъ нѣмецкими принцессами (§ 219). Властность Петра была кореннымъ достояніемъ древней Руси. И она болѣе оправдывалась тамъ, гдѣ господствовала „дурость дѣтей да животныхъ“, чѣмъ на Западѣ, гдѣ однако указывалось, по чинамъ и сословіямъ, какой длины носить парики, какой цѣны шить платья, какого цвѣта дѣлать ливреи лакеямъ и на сколькихъ лошадяхъ ѣздить. Если Петръ налагалъ новое иго на народъ своими промышленными мѣрами, то онъ лишь раздѣлялъ заблужденіе царившаго всюду меркантилизма, воображавшаго, что нищій народъ вдругъ сдѣлается богачемъ, если у него появятся фабрики и заводы (*Н. И.* § 88).

Всѣми своими чертами Петръ былъ кровнымъ сыномъ своего народа, тѣмъ самымъ явленіемъ, которое ожидалось въ концѣ древней Руси (§ 195). И его дѣло было лишь исполненіемъ задачъ, завѣщанныхъ этою Русью: онъ ничего не выдумывалъ и не производилъ революцій; онъ даже не питалъ никакого небывалаго желанія. Прежде только собирали землю и власть: Петръ „собиралъ разрушенную храмину“ благосостоянія страны, приводилъ въ порядокъ развалины, потрясая косность древней Руси и тѣмъ довершая дѣло ея лучшихъ людей. Преобразователь даже не ставилъ вопросовъ: онъ одва успѣвалъ отвѣчать на за-

просы жизни. Окружающая среда подсказывала новыя мѣры: онъ только направлялъ ее, предоставляя выработку этихъ мѣръ птенцамъ, въ соединеніи съ сочинителями плановъ; его главною работой было разбираться въ кучѣ „доношеній, предложеній, прожектовъ, меморіаловъ" объ улучшеніи управленія, которыми заваливали его, особенно послѣ Полтавы. Эти голоса жизни нерѣдко прямо слышатся намъ изъ указовъ Петра, гдѣ добросовѣстно, и иногда наивно, какъ дѣтямъ, поясняются побужденія къ реформѣ и ея выработка.

Петръ не сдѣлалъ ни одного произвольнаго шага: „мощный властелинъ судьбы" всегда былъ рабомъ прошлаго Россіи. Во внѣшней политикѣ на его долю выпала только самая трудная часть старой задачи. Москва задолго до Петра стала военнымъ лагеремъ и даже перешла въ наступленіе (§ 195). Азовское сидѣніе требовало флота, о которомъ уже задумывался Алексѣй Михайловичъ (§§ 146, 206). Крымскіе походы и борьба съ Швеціей (§ 146, 209) требовали войска, а „по распущенію стрѣльцовъ, никакой пѣхоты сіе государство не имѣло". Во всей Европѣ господствовалъ духъ военныхъ хищеній: Людовикъ XIV дѣлилъ Германію и Испанію, шведы и поляки собирались дѣлить Московію (*Н. И.* §§ 89 — 91). Швеція становилась особенно опасною сосѣдкой: реформа Карла XI (*Н. И.* § 97), столь важная и для Россіи, доставила ей сильное самодержавіе, готовую казну и отборное войско. „Чѣмъ служилыхъ людей жаловати и противъ пограничныхъ государей стояти?" спрашивалъ первый Романовъ, уклоняясь отъ престола. „Легкое ли дѣло—превратить животныхъ въ хорошихъ солдатъ", прибавлялъ Петръ. Но онъ не могъ уклониться отъ завѣщаннаго долга. Онъ внесъ только въ дѣло свою геніальную стремительность. Вскорѣ иностранцы, осмѣивавшіе московское воинство (§ 160), признали, что „во всемъ свѣтѣ нельзя найти лучшихъ солдатъ", чѣмъ русскіе. И вездѣ стали опасаться „безпокойнаго нрава" царя, который почти ни съ чѣмъ самъ бросился на всѣхъ враговъ. Всякій воспользовался бы минутой, когда турки и шведы дѣйствовали врозь, поляки сами искали помощи у Россіи, а Западъ былъ занятъ войной за испанское наслѣдство (*Н. И.* § 91); но одинъ Петръ могъ вести борьбу такъ блистательно.

Сѣверная война и связанная съ нею дипломатія выдвинули его передъ міромъ во весь ростъ (§ 218). Онѣ произвели міровой переворотъ, тѣмъ болѣе, что совпали съ пораженіемъ Франціи. Начался раздѣлъ Польши и Швеціи, поднявшій Пруссію: между-

народный центръ тяжести переходилъ съ романскаго, католическаго юго-запада на германо-славянскій, протестанто-православный сѣверо-востокъ. Вступленіе Россіи въ кругъ европейскихъ державъ остановило распространеніе нѣмцевъ и турокъ насчетъ славянъ. Петръ распоряжался въ Польшѣ и уже продвигался къ Дунаю. Онъ принялъ роль покровителя балканскихъ христіанъ: онъ посылалъ имъ не одни рубли, но и церковныя принадлежности, книги и учителей. У черногорцевъ сложились пѣсни про него, а ихъ владыка самъ пріѣзжалъ въ Россію за деньгами. Петръ расширилъ восточный вопросъ. Если вѣрить Миниху, онъ „съ осады Азова до самой своей смерти не упускалъ изъ виду своего любимаго намѣренія — завоевать Константинополь". Во всякомъ случаѣ, онъ вступилъ, въ Азіи, „на стези Александра Великаго", какъ выразился сенатъ. И Англія, опасаясь за свою Индію, уже высылала свой флотъ къ Петербургу. Но когда Петръ говорилъ, что „воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли", онъ разумѣлъ завѣтные берега Балтійскаго м., къ которымъ страстно тянулся уже Грозный. Онъ такъ вѣрилъ въ ихъ необходимость для Россіи, что тотчасъ сталъ сооружать „дорогу къ морю" или *Петербургъ*. Но и это его созданіе не выдумано имъ: его отецъ мечталъ о Петербургѣ (§§ 204, 206); а поляки наказывали еще Лжедимитрію I перенести столицу изъ Москвы, чтобы придвинуться къ Еропѣ и ея просвѣщенію. Петръ только твердо созналъ эту мысль. Онъ готовъ былъ отдать за Петербургъ не только Азовъ, но и Псковъ. Онъ писалъ послѣ Полтавы: „теперь положенъ камень въ основаніе Петербурга"; теперь за нами торговыя „артеріи (гавани Финскаго залива), черезъ которыя можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть". Оттого, въ глазахъ самого Запада, Полтава затмевала свою знаменитую сверстницу, битву у Мальпляке (*Н. И.* § 91). Лейбницъ, который передъ тѣмъ боялся Петра, какъ „сѣвернаго турка", радовался, что Россія двинется по пути прогресса, который былъ бы прерванъ бунтомъ старины, при неудачѣ преообразователя подъ Полтавой. Вольтеръ называлъ эту битву единственнымъ сраженіемъ, плодомъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества. Въ крови сѣверной войны выросла новая Россія: война была рѣшена въ Москвѣ, ея окончаніе праздновалось въ Петербургѣ; а посрединѣ ея Петръ велѣлъ называть свою страну уже не Московскимъ царствомъ, но *Россійскимъ государствомъ*. А міръ призналъ ее имперіей и *великою европейскою державой*.

Во внутренней политикѣ дѣйствія Петра казались болѣе произвольными. Но теперь, при ея ближайшемъ изученіи, ясно, что и здѣсь онъ былъ лишь ревностнымъ исполнителемъ завѣтовъ исторіи. Нѣтъ ни одного крупнаго государственнаго преобразованія, которое не было бы подготовлено непосредственно или косвенно, и иногда задолго до преобразователя: даже ранги, это пресловутое „ребяческое“ заимствованіе съ Запада, оказываются прямымъ развитіемъ „степеней“ Ѳедора (§ 207). Нѣтъ даже ни одной бытовой перемѣны, которая не была бы указана или затронута раньше, не исключая положенія женщины (§ 207). Сама борода и одежда имѣли у насъ свою исторію, согласно съ общими законами человѣческаго развитія (§ 188). И передъ самымъ Петромъ онѣ становились уже злобою дня. Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ наказывать за стрижку волосъ; а послѣдніе патріархи отлучали отъ церкви брадобрійцевъ и ихъ пріятелей, ибо они „губятъ образъ, дарованный мужу отъ Бога“. Несмотря на то, что массы смотрѣли на короткополье, какъ на скоморошество и грѣхъ, Ѳедоръ повелѣлъ царедворцамъ и приказнымъ носить иноземные кафтаны, безъ которыхъ даже не пускали въ Кремль. Для потомства, съ его мундирами, съ его „стриженными и кудластыми“, должно быть важнѣе всего то, что Петръ со страстью началъ именно съ этого конца: онъ сожигалъ корабли за собой.

Съ этой минуты преобразователь пошелъ прямою дорогой, безъ оглядки. И вся его жизнь стала цѣльнымъ дѣломъ, связаннымъ ясною мыслью, исполненнымъ искренно и добросовѣстно. Теперь можно слѣдить за этимъ великимъ дѣломъ безъ труда. Ясно, какъ постепенно, невольно зрѣла реформа, словно дитя подъ сердцемъ матери. Изъ сѣмянъ начала четвертаго періода уже при Лжедимитріѣ I явился намекъ на цѣлый плодъ (§ 136). При Михаилѣ видимъ и потребность въ обученіи, и заводы, и аптеки, и часы, а въ лицѣ Филарета — общественный духъ и сочувствіе къ массамъ (§§ 147, 148). При Алексѣѣ, и особенно при Ѳедорѣ и Софьѣ, уже чувствуется водоворотъ петровскихъ преобразованій (§§ 206, 207, 209). Замѣчательнѣе всего, что самая работа Петра представляетъ правильное, постепенное развитіе, согласно съ требованіями жизни. Сначала преобразователь, съ его немногими птенцами, наиболѣе напоминаетъ опричнину. Горячій, неопытный, юный великанъ дѣлаетъ свое особое дѣло, руководясь только „наивнымъ инстинктомъ“ да совѣтами иноземцевъ-теоретиковъ, не

знавшихъ чужой страны. Онъ ходитъ ощупью въ хаосѣ древней Руси, ищетъ почву среди развалинъ, жадно прислушивается къ голосамъ, наиболѣе доносящимся съ Запада, отъ высоко чтимыхъ учителей. Его новизны еще носятъ временный, смутный, иногда ребяческій характеръ: въ нихъ много промаховъ и противорѣчій. „Онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно", замѣтила благоговѣвшая передъ Петромъ Екатерина II. Даже во время потѣхъ-предвѣстниковъ (§ 211) преобразователь еще не зналъ, гдѣ начнется дѣло: онъ мечталъ только, какъ явится вызолоченный корабль „Слонъ", и на немъ адмираломъ будетъ Лефортъ, а самъ онъ—капитаномъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ Азовъ—и капитанъ пишетъ въ Москву: „ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла".

Но Петра еще лѣтъ десять нѣтъ дома. Онъ все готовится къ настоящему дѣлу, то учась за границей, то трудясь надъ созданіемъ полтавской побѣды. А въ Москвѣ уже идутъ преобразованія: сами „бородачи", бояре, поневолѣ закладываютъ зданіе новой Россіи. Имъ нечѣмъ взяться. Они ставятъ новое на томъ мѣстѣ, гдѣ была старина, но гдѣ оставались отъ нея однѣ развалины: они только заполняютъ пробѣлы. Въ 1695—1701 гг. робкіе побѣги новизны еще борятся съ мусоромъ и сорными травами старины: ратуша и ближняя канцелярія поѣдаютъ часть приказовъ. Въ 1701—1709 гг. совсѣмъ валится приказный строй, а о боярской думѣ нѣтъ и помину. Самъ преобразователь хватался тогда съ конца, увлекаясь частью излишними мѣрами по внѣшнему быту, частью самыми мудреными, просвѣтительными задачами. Одна только коренная реформа поглощала тогда его вниманіе: и то было самое печальное, первобытное наслѣдіе старины. Это — мѣры фискальныя, для сбора казны. Онѣ составляютъ самую прискорбную сторону царствованія Петра (§ 215). Подати утроились, при паденіи цифры населенія на 20%. Уже передъ Полтавой иностранцы покидали Москву, опасаясь мятежа отъ чрезмѣрныхъ налоговъ; а тотчасъ послѣ нея фискалы доносили, что нельзя больше облагать народъ, нето „остаться землѣ безъ людей". Но эти печальныя мѣры были не хуже западныхъ порядковъ, приведшихъ къ ужасной революціи (*Н. И.* §§ 99, 122). А главное, не Петръ изобрѣлъ ихъ: тутъ онъ даже возстановлялъ иногда старину поневолѣ, осуждая ее. Даже вызвавшая столько нареканій на Петра постройка Петербурга земскимъ нарядомъ—ста-

рый обычай, который вскорѣ былъ отмѣненъ преобразователемъ: всѣ московскіе цари собирали, притомъ для работъ въ своихъ дворцахъ, „людей годныхъ со всего государства на сроки“, съ ихъ собственнымъ кормомъ. Даже позднѣйшая подушная подать была вызвана самою жизнью, какъ прямое развитіе московскихъ порядковъ (§ 159). И не вина Петра въ томъ, что политическое развитіе Россіи опережало ея внутренній ростъ, налагая на нее непосильную задачу (§ 195). Его финансы— старая циклопическая постройка, но въ его рукахъ она защищала страну отъ звѣрей и привела къ новому, блестящему концу: она доставила намъ Полтаву.

Послѣ Полтавы, Россіи полегчало, а ея преобразователь вступаетъ въ пору полной зрѣлости. Взглядъ его расширяется; его шаги становятся тверже и послѣдовательнѣе, пріемы практичнѣе. Петръ осторожнѣе, послѣ разныхъ пробъ, рѣшается на перемѣны: замѣтивъ ошибку, поправляется, иногда даже берется съ другого конца. Лишь послѣ долгихъ обсужденій и собиранія свѣденій, опредѣляетъ онъ „зачать по новому“. Мѣсто идеализаціи учителей заступаетъ строгій разборъ ихъ качествъ и порядковъ Запада, между тѣмъ какъ созданное Петромъ же общественное мнѣніе страны бойко выступало на помощь ему въ видѣ цѣлаго ряда „доносителей“, съ крестьяниномъ Посошковымъ во главѣ. Если толчокъ давался еще порой иностранцами, то разработка дѣла совершалась самостоятельно, иногда даже тайкомъ отъ нихъ и съ измѣненіями ихъ мысли до неузнаваемости, согласно съ мѣстными условіями: такова подушная подать. Самыя важныя, послѣднія преобразованія, замѣнившія приказный строй сначала губернскимъ (1710—1718), потомъ коллегіальнымъ, доказываютъ, что подражаніе Европѣ было уже болѣе внѣшнее, чѣмъ по существу. Названія „губернатора“ и „коллегіи“ возникли гораздо раньше, по требованію жизни, и были лишь переводомъ словъ „воевода“, „приказъ“, отчасти „ближняя канцелярія“. Подготовляя губернскую реформу, Петръ требовалъ разсмотрѣть, „шведское съ русскимъ сложа и на мѣрѣ свои мнѣнія поставя“, а также все „спускать съ русскими обычаями, что̀ можетъ быть по старому и что̀ перемѣнить“. Въ указѣ о коллегіяхъ сказано: „сочинить по пунктамъ на основаніи шведскаго устава; а которые пункты неудобны или съ ситуаціею сего государства несходны, и оные ставить по своему разсужденію“. А чтобы знать эту ситуацію, отъ всѣхъ учрежденій затребовали „вѣдомостей“ и, долго

не получая ихъ, послали гвардейскихъ офицеровъ „непрестанно докучать“ губернаторамъ, а ихъ чиновниковъ „ковать за ноги и на шеи имъ положить цѣпи“; затѣмъ шли понудительные приказы самимъ офицерамъ. А покуда Петръ велѣлъ коллегіямъ „дѣло управлять старымъ манеромъ, а 1720 года зачать по новому манеру“.

Чѣмъ позже, тѣмъ больше „наивный инстинктъ“, связывавшій преобразователя съ исторіей своего народа, переходитъ въ сознаніе, тѣмъ ярче на его работѣ выступаетъ національный оттѣнокъ. Петръ сохраняетъ изъ старины все, въ чемъ только тлѣли искры жизни: таковы управленія дворцовое и отчасти городское. На верху правленія исчезаютъ иностранцы; а въ коллегіяхъ составъ ихъ таетъ, и дѣлопроизводство сбивается на старый, приказный манеръ. Развивается меркантилизмъ. Царь, погубившій собственнаго сына, ибо „лучше чужой добрый, чѣмъ свой непотребный“ (§ 217), заставлялъ русскихъ покупать лучше свое негодное дорого, чѣмъ чужое доброе дешево. Царь, который прежде подрывалъ московскую типографію, какъ орудіе бородачей, мечталъ подконецъ объ университетѣ въ Москвѣ и о превращеніи Кремля въ Версаль. И театръ, бывшій въ Москвѣ иностраннымъ, сталъ въ Петербургѣ съ русскою насмѣшкой потѣшаться надъ русскою стариной. Такъ, съ годами выяснялся высокій идеалъ преобразователя Россіи: то было благодатное сліяніе національнаго съ общечеловѣческимъ.

При такихъ условіяхъ, вопросъ о подражательности Петра сводится къ степени соотвѣтствія между основами западной государственности и потребностями Россіи того времени. Самая подражательность, которою живетъ человѣчество, начиная съ Ликурга и Солона, ѣздившихъ за своими реформами на болѣе образованный Востокъ (*Д. И.* §§ 87, 94), до того царствовала тогда всюду, что то время названо „вѣкомъ Людовика XIV“ (*Н. И.* § 86). И нѣмцы, у которыхъ заимствовалъ Петръ, больше всѣхъ были сколкомъ съ французовъ, отъ парика и камзола до мыслей и языка (*Н. И.* §§ 110, 120): ихъ Фридрихъ Великій гораздо позже не только перенесъ въ Пруссію фискальную систему Версаля, но и призвалъ цѣлое полчище французскихъ чиновниковъ для ея водворенія. Еслибы Петръ „обезьянничалъ“, этимъ онъ только подтвердилъ бы законъ исторіи, такъ же какъ и тѣмъ, что онъ раздѣлялъ съ Западомъ вѣру въ справедливость пытки и въ благодѣтельность меркантилизма. Но онъ сознавалъ, что основы западной государственности подходили къ

Россіи едва ли не болѣе, чѣмъ къ самой Европѣ, гдѣ уже подымался противъ нихъ протестъ созрѣвшаго общества. *Абсолютизмъ, бюрократія, централизація и регламентація* (§ 196), т.-е. крайнее развитіе высшей власти насчетъ мѣстныхъ особенностей и направленіе жизни посредствомъ чиновничества и указовъ,— это было лишь упорядоченіе задачъ, завѣщанныхъ древнею Русью (§ 195). Петръ и здѣсь только довершалъ историческое дѣло своего народа. Поразительны только его колебанія и тѣ измѣненія, которыя онъ внесъ въ эти начала.

Петръ долго отстаивалъ мѣстную самостоятельность, которая еще не была поглощена въ древней Руси. Если уставъ о губерніяхъ — отчасти буквальный переводъ съ шведскаго, то онъ сливался съ введенными Алексѣемъ и Ѳедоромъ военно-финансовыми округами. Но мѣстныя кассы на содержаніе арміи, вѣчно мѣнявшей мѣста, вслѣдствіе войнъ, только усиливали старую сумятицу, — и русскіе же люди, съ Курбатовымъ во главѣ, настаивали на удобствахъ „единообразнаго правленія". Отсюда необходимость сената; но и онъ былъ далекъ отъ идеала централизаціи. Петръ поставилъ его чрезвычайно высоко, какъ собственную власть (§ 215). Но царь, уничтожившій патріаршество, не могъ поставить во главѣ его „бородача" въ мундирѣ: отсюда коллегіальность „господъ сената". Но многоглавіе подрывало значеніе сената, какъ исполнительной власти: высшее управленіе объединялось въ немъ лишь внѣшнимъ образомъ. Опять всѣ окружающіе докучали Петру насчетъ „единособраннаго правленія" —и возникли коллегіи. Онѣ помогли дѣлу: по словамъ Толстого, цѣлью малороссійской коллегіи было „малую Россію къ рукамъ прибрать". Но у нихъ былъ тотъ же недостатокъ— многоглавіе; ихъ власть перепутывалась съ властью сената (§ 215); да еще цѣлыя отрасли правленія (дворцовое и городское хозяйства) сохраняли самостоятельность. Подконецъ свои требовали „главнѣйшаго правленія"; а иностранцы уже окрестили эту „высшую инстанцію" именемъ „высокаго тайнаго совѣта". И уже образовывалось зерно новаго учрежденія: между тѣмъ какъ сенатъ лишался права издавать законы безъ утвержденія императора, изъ него выдѣлялись самыя высокопоставленныя лица, путаясь еще подъ разными именами (§ 215).

Самое опредѣленіе абсолютизма явилось въ нашихъ законахъ лишь въ 1716 г. „Его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но и силу, и власть имѣетъ свои госу-

дарства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять",—это переводъ съ шведскаго, поясняемый восклицаніемъ Людовика XIV: „государство, это — я!" (*Н. И.* § 87). Но онъ передавалъ сущность русской жизни. На дѣлѣ Петръ съ 10-лѣтняго возраста могъ пользоваться этимъ правиломъ. Но онъ дополнилъ его замѣчательнымъ сознаніемъ, котораго не было тогда и на Западѣ. Въ его бумагахъ часто говорится о „пользѣ государства"; но онъ понималъ это ходячее тогда выраженіе не какъ современники на престолахъ (*Н. И.* § 81), а какъ тотъ *просвѣщенный абсолютизмъ* (§ 196), который, полвѣка спустя, сказалъ словами Фридриха Великаго: „я—первый слуга государства". Въ этомъ смыслѣ, Петръ — единственный въ исторіи патріотъ. У него, можно сказать, не было ни личныхъ заботъ, ни личныхъ враговъ: онъ былъ грозенъ только для себялюбцевъ (§ 219). Этотъ самодержецъ всячески старался воспитать у своихъ подданныхъ *общественный духъ*. Отсюда у него такая же ненависть къ внѣшнимъ символамъ древняго эгоизма, къ монашеству и нищенству, какъ и къ казнокрадамъ. Петръ

> Не презиралъ давать отчета
> Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ (*Державинъ*).

Онъ обращался къ надзору самого народа, не думая, какъ опасенъ для незрѣлаго общества такой указъ: „кто увѣдаетъ про неправедные поступки самого сената, да возвѣститъ намъ". А сенаторамъ онъ твердилъ, чтобы они были посамостоятельнѣе. Въ послѣднемъ мужикѣ хотѣлось ему поднять гражданскій духъ отмѣной унизительныхъ обычаевъ царскаго величанія и новымъ смысломъ присяги. Петръ старался привить къ своему народу выборное начало не съ одною фискальною цѣлью, какъ въ старину (§ 157): давая огромную власть магистратамъ (§ 215), онъ имѣлъ въ виду возвысить горожанъ и освободить ихъ отъ „обидъ и взятковъ" воеводъ. Онъ дорожилъ и коллегіальностью, между прочимъ, какъ средствомъ воспитанія духа сотоварищества.

Если, при всемъ томъ, Петръ произвелъ мало глубокихъ общественныхъ преобразованій, которыя и на Западѣ явились гораздо позже, облитыя потоками крови, то ясно направленіе, въ какомъ онъ думалъ о нихъ. Самъ рабочій съ мозолями на рукахъ, хваставшійся тѣмъ, что „мы не знатные господа, а простые люди", предвидѣвшій гибель Франціи отъ роскоши

вельможныхъ тунеядцевъ, онъ не могъ видѣть справедливости въ сословныхъ привилегіяхъ, также какъ не видѣлъ ея въ монополіяхъ казны. Петръ подходилъ къ типу такихъ „мужицкихъ“ правителей, какъ Казиміръ Великій (§ 77) и Карлъ XI (*Н. И.* § 97). Онъ не понималъ ни перчатокъ, ни такой „благородной страсти“ (*Н. И.* § 104), какъ охота, ни приверженности европейской знати къ военному мундиру. Онъ зазывалъ „кадетовъ“ (младшихъ сыновей) дворянъ въ торговлю и промыслы и, осмѣивая іерархію въ своемъ „соборѣ“, заставлялъ бояръ и князей играть у себя роль шутовъ. Если крѣпостничество было еще нужно, по печальному требованію войны, то преобразователь прикрѣплялъ самихъ дворянъ къ вѣчной службѣ государству, которую они, наравнѣ съ нимъ самимъ и съ мужикомъ, начинали съ рядового. Въ то же время онъ старался собрать „разсыпанную храмину купечества“, т.-е. поднять среднее сословіе: подконецъ онъ, въ этихъ видахъ, черезчуръ увлекался меркантилизмомъ, но зато и вводилъ выгодный для массъ „вольный торгъ“, отмѣнялъ монополіи, „милосердуя купечеству“. Петръ былъ близокъ своею простою душой къ крестьянину. Его возмущала продажа крѣпостныхъ „врознь, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“. Въ своихъ указахъ онъ часто является „защитителемъ безгласныхъ, бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ, взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ отъ насильствующихъ“. И чѣмъ позже, тѣмъ громче звучитъ этотъ голосъ печалованія надъ такимъ же мученикомъ-народомъ, какимъ былъ его великодушный царь. Подконецъ, какъ только прекратилась сѣверная война, Петръ собирался облегчить бремя тяглецовъ, задумываясь о болѣе льготномъ для массъ содержаніи войскъ и о болѣе справедливой подати. Царь, у котораго правою рукой былъ пирожникъ Меншиковъ, а надзиравшими за вельможами прибыльщиками—крѣпостные, былъ вправѣ ожидать многаго отъ своего мужика. Онъ не лишалъ его образованія: въ школахъ, по областямъ, учились дѣти всѣхъ сословій; и крестьянинъ Посошковъ уже ставилъ вопросъ о даровомъ и обязательномъ обученіи всѣхъ.

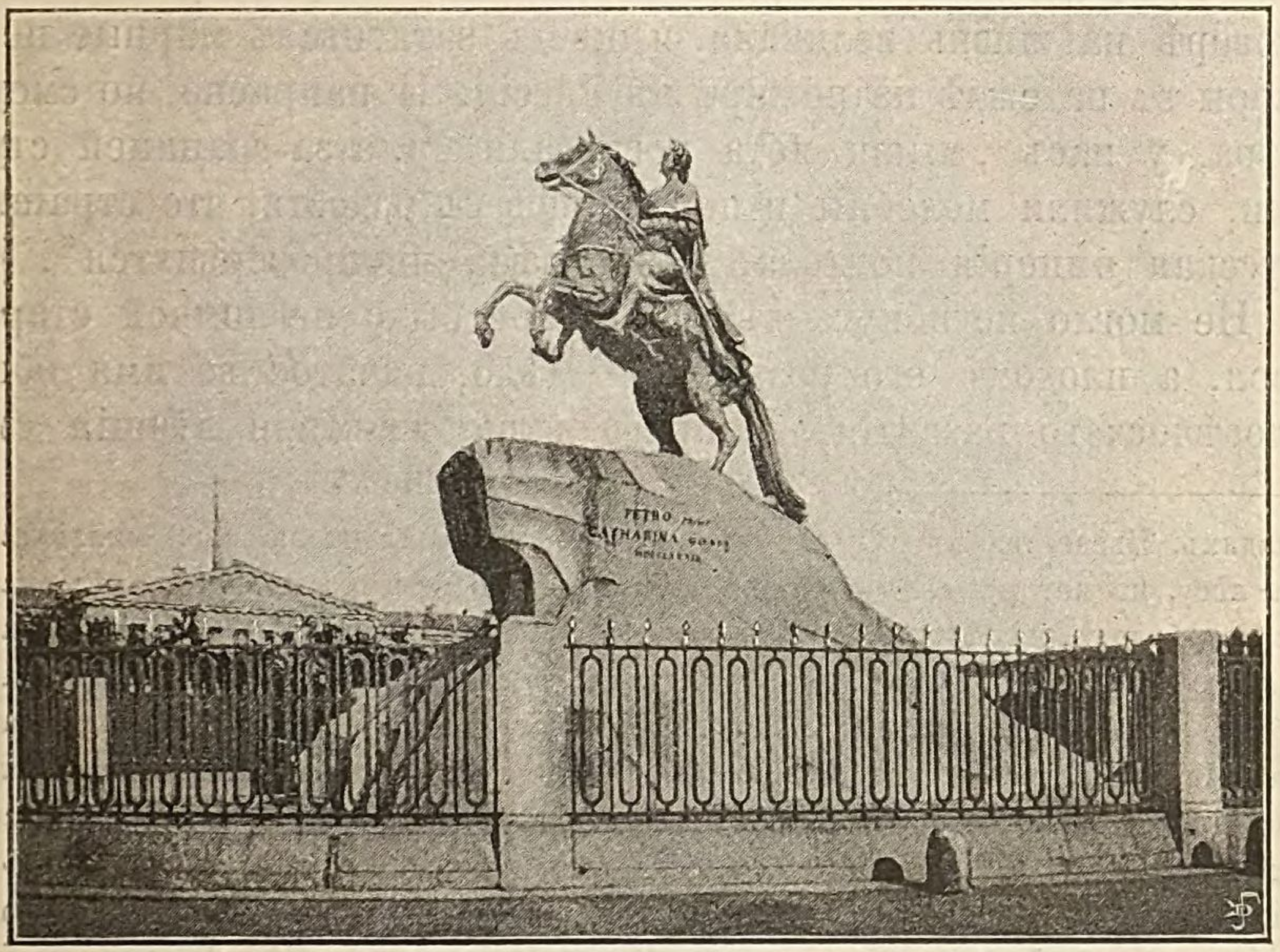
Просвѣтительная страсть — новая поправка, которую внесъ Петръ въ основы западной государственности. Вмѣсто того, чтобы „считать невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ самодержавія“ (§ 214), какъ дѣлалось тогда въ Европѣ, онъ самъ до гроба находился „въ чину учимыхъ“ (§ 213). Нашъ вѣнчанный ученикъ весь — геніальный порывъ къ свѣту: вся

его фигура, съ „думой на челѣ“, — величавый памятникъ не только воли и патріотизма, но также науки и школы. Самъ взявши съ боя образованіе, Петръ всегда руководился убѣжденіемъ, что одно спасеніе отъ варварства, нищеты и безпорядковъ — „усовершенствовать“ свой народъ путемъ обученія у болѣе свѣдущихъ націй. Этимъ убѣжденіемъ озарены его рѣчи и указы, почти каждый шагъ въ его дѣятельности: просвѣтительныя мѣры начались вмѣстѣ съ брадобритіемъ и переходили къ преемникамъ (§ 215). Тутъ-то Петръ спѣшилъ умышленно: когда Татищевъ указалъ ему на невозможность академіи безъ школъ, онъ возразилъ, что строитъ мельницу безъ воды „для того, что долгота жизни нашея ненадежна“, но онъ велѣлъ и „каналъ зачать“ (школы), который докончатъ „наслѣдники“. „Путешествіе открыло мнѣ глаза“, говорилъ преобразователь, и все посылалъ своихъ людей „за море, въ науку“. Онъ безъ колебаній, съ увлеченіемъ заимствовалъ реальныя знанія, которыя составляли тогда гордость и надежду Запада (*Н. И.* § 111). Онъ сознательно довершалъ, слѣдуя историческому закону, неясныя стремленія лучшихъ людей древней Руси къ освобожденію отъ византійской церковности (§ 195). У него все вело къ обмірщенію нашего народа, начиная съ брадобритія, ассамблей и Монастырскаго приказа, кончая вѣротерпимостью, гражданскою азбукой, новымъ лѣтосчисленіемъ и предпочтеніемъ русскаго языка передъ церковно-славянскимъ. Время Петра было русскимъ Возрожденіемъ: овладѣвшая тогда „волонтерами“ горячка свѣтскаго просвѣщенія напоминаетъ идеалистическій восторгъ героевъ гуманизма (*С. И.* § 168). Этотъ духъ примирялъ Европу съ „варварскою Московіей“: устами Лейбница Западъ назвалъ русскаго генія „благодѣтелемъ человѣчества, орудіемъ Провидѣнія для насажденія цивилизаціи среди скиѳовъ“. Этотъ духъороднилъ послѣдующія поколѣнія съ суровымъ преобразователемъ ихъ отечества. Они съ восторгомъ говорили устами своихъ поэтовъ:

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ (Державинъ)...
Но правдой *онъ* привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой (Пушкинъ)...

Во всемъ остальномъ сынъ своего времени и рабъ отечественной исторіи, Петръ опередилъ вѣкъ въ просвѣщенномъ патріотизмѣ и въ отвращеніи къ порокамъ западной цивилизаціи. И онъ сознавалъ значеніе своего дѣла. Подконецъ онъ

утѣшался такою мыслью: „Которыхъ не зналъ свѣтъ, нынѣ почитаютъ. По совѣсти, нашими неусыпными трудами мы обучили народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ". Когда умеръ Петръ, Неплюевъ выразилъ всеобщую мысль словами: „на что̀ въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ; и что̀ бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". Поколѣніе спустя, Минихъ говорилъ о дѣлахъ Петра: „Кто этого не видалъ, тотъ понять не можетъ. Что есть въ Россіи великаго, все то имъ

Мѣдный Всадникъ.

зачато; и еще болѣе есть такого, что̀ осталось недоконченнымъ". Имя Петра дало престолъ Елизаветѣ, 16 л. послѣ его смерти. Екатерина II спрашивала себя, при затрудненіяхъ, какъ поступилъ бы онъ? Въ Россіи и за ея предѣлами, друзья и враги назвали его Великимъ и почтили памятниками. Великою стала и „вздернутая на дыбы" Россія, которая вынесла Мѣднаго Всадника, попирающаго змія косности древней Руси, какъ изобразили Петра родной поэтъ и чужой ваятель [1]).

[1]) *Мѣдный Всадникъ* — работа знаменитаго директора парижской академіи художествъ, Фальконета, который трудился надъ нею 12 л., причемъ моделью для коня служилъ искусный берейторъ, въѣзжавшій вскачь на возвышеніе на лучшихъ

Напрасно змій усиливался извести преобразователя. Напрасно измученный народъ впервые все сваливалъ на самого царя и выставлялъ самозванцевъ, какъ въ розруху. Напрасно иностранцы писали изъ Россіи, особенно подконецъ: „Москвитяне все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука! Въ этомъ государствѣ когда-нибудь все кончится ужаснымъ крушеніемъ. Вызванные царемъ стоны многихъ милліоновъ душъ подымаются къ небесамъ. Тлѣющая искра повсемѣстнаго озлобленія нуждается только въ вѣтрѣ, который раздулъ бы ее, да въ предводителѣ". Напрасно на Западѣ говорили уже о 29-мъ заговорѣ на жизнь великана, и шведъ затягивалъ мирные переговоры въ надеждѣ на пожаръ въ Россіи. И напрасно, по смерти Петра, у насъ „мыши кота погребали" [1], а за границей стрѣляли, служили молебны и перепились съ радости, что страшная „русская имперія погибла, и всѣ дѣла ниспровергнутся".

Не могло погибнуть дѣло, которое было не ломкой стараго строя, а плодомъ его розрухи, — дѣло, начатое во имя общечеловѣческаго развитія, котораго давно жаждали лучшія силы

лошадяхъ. Пьедесталомъ ему служитъ цѣлая гранитная скала, въ 3 милліона пудовъ вѣсу, на которую Петръ часто взбирался для осмотра окрестностей: она лежала въ болотѣ, на Лахтѣ, въ 20 верстахъ отъ Петербурга, и была доставлена съ помощью особаго механизма. На памятникъ, высота котораго $2^1/_2$ сажени, пошло 1.350 п. мѣди. Стоилъ онъ 425.000 р. Фальконету много мѣшалъ Бецкій, желавшій одѣть Петра греческимъ героемъ, пока сама царица не остановила его „глупостей". Художникъ доказывалъ, что „древній костюмъ былъ бы неестественъ, а русское платье царь самъ желалъ уничтожить; медвѣжья же шкура служитъ эмблемой народа, который онъ преобразовалъ". Врагъ восхваленій, онъ присовѣтовалъ краснорѣчивую, по своей простотѣ, надпись: „Петру I Екатерина II". „Гигантъ на бронзовомъ конѣ" или Мѣдный Всадникъ, какъ назвалъ Пушкинъ работу Фальконета, былъ открытъ на Сенатской площади, въ 1782 г. Онъ и теперь тамъ, съ распростертою рукой,

Летитъ, отважный, въ новый вѣкъ
И змѣя древнихъ козней давитъ (Подолинскій).

Онъ обращенъ лицомъ къ Невѣ, задомъ—къ Исаакіевскому собору, отъ котораго его отдѣляетъ садикъ; слѣва сенатъ, справа „адмиралтейская игла". На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ въ нынѣшнемъ видѣ. Такъ какъ прекрасная голова Петра очень мала на немъ, то прилагаемъ снимокъ съ нея отдѣльно, въ болѣе крупномъ видѣ; онъ снятъ съ отличной нѣмецкой гравюры 1772 г.

[1]) Такъ называется лубочная картинка, выпущенная раскольниками тотчасъ по смерти Петра. Здѣсь воспроизведены похороны царя: можно узнать и нѣкоторыхъ птенцовъ, и „котову вдову, чухонку-адмиральшу", которая „ходитъ по-нѣмецки, говоритъ по-шведски" (первый мужъ Екатерины былъ шведскій капралъ). Здѣсь же и пьяный соборъ, и богопротивная одноколка, и мышка съ табачишкомъ, и чухонскіе лапти, и „котскіе усы" Петра.

народа. Оно въ четверть вѣка перевернуло всю громадину сѣверо-востока Европы и затронуло весь міръ. Россія уже не могла снова стать Московіей, снова повернуться лицомъ къ Азіи. Подконецъ видимо сокращалось личное вліяніе Петра въ дѣлахъ. Послѣ его смерти они переходили въ руки его „дѣтей сердца", Екатерины и Меншикова. Уцѣлѣла не только коренная мысль пробразованій, но и многія мелочи, начиная съ короткополья образованныхъ людей. „Неколебимо, какъ Россія", стоитъ и вдругъ выросшій, на глазахъ старины, блѣднымъ при-

Голова Мѣднаго Всадника.

зракомъ городъ, „основанный подъ моремъ волей роковой чудотворнаго строителя". Напрасно стонавшій надъ его созданіемъ народъ ненавидѣлъ это „чухонское болото". Разбитый болѣзнью или кручиной, преобразователь спѣшилъ въ эту „святую землю": его „прежестокія горести видѣніемъ парадиза (рая) въ сладость претворялись". И онъ не ошибся. Новая столица пріютилась въ такомъ укромномъ уголку, что даже другой „великанъ, изъ далекихъ чуждыхъ странъ", не посмѣлъ тронуть ее. Она быстро росла, какъ символъ новой Россіи. Древняя Русь, съ ея двумя направленіями, имѣла столицы въ областяхъ Днѣпра и Волги (§ 194); новая Россія требовала приморской столицы, которая служила бы

„окномъ въ Европу“. Въ Петербургъ уже при Петрѣ приходило до 250 торговыхъ судовъ съ Запада. Онъ сталъ стражемъ новизны и общечеловѣческаго прогресса, Москва—охранительницей преданій и русской народности. По смерти Екатерины I, старина взяла верхъ—и дворъ переселился въ Москву; при Аннѣ одолѣло иностранное вліяніе—и онъ возвратился въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ всегда, не исключая временъ патріотки Елизаветы, столица древней Руси оставалась „порфироносною вдовой“. Общество еще долго противоставляло Москву и Петербургъ другъ другу. Въ наши дни обѣ столицы сливаются, благодаря чугунному пути, телеграфу и человѣчному развитію: теперь въ Москвѣ много иностраннаго, а въ Петербургѣ — русскаго.

Но прежде, чѣмъ дѣло Петра вошло въ плоть и кровь русскихъ, оно должно было выдержать тяжелую борьбу съ пережитками древней Руси, неизбѣжную при всякомъ историческомъ переломѣ. Не страшны были эти пережитки: не на ихъ сторонѣ была душа жизни, просвѣтительная мысль. Но они были еще сильны количественно. Преобразователь, съ его птенцами, былъ опричниной въ томъ смыслѣ, что онъ только „самъ-десять“ вытягивалъ народъ изъ омута, тогда какъ подъ гору стаскивали „милліоны“, и во главѣ ихъ его собственный сынъ, обманутая надежда юнаго поколѣнія. Оттого-то „горделивый гигантъ на бронзовомъ конѣ“ такъ нетерпѣливо поднималъ Россію „желѣзною уздой“. Передъ смертью онъ лихорадочно схватился за переработку устава коллегій, мечтая вѣнчать дѣло высшаго управленія устройствомъ особой коллегіи, которая создавала бы планы упорядоченія государства для облегченія народа.

Главная вина Петра въ томъ, что онъ умеръ рано. Его подвигъ оборвался, какъ вдохновенная рѣчь на полусловѣ. Отсюда нестройность и шаткость частей великаго зданія. Этимъ и воспользовались заматерѣлая косность и „тунеядство“: эти пороки были лишь затронуты тѣмъ „державцемъ полуміра“ со „всеобъемлющей душой“, который „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“.

§ 222. **Екатерина** .—Когда закрылъ глаза „самодержавный великанъ“, Россія представляла печальное зрѣлище. Въ указахъ и совѣщаніяхъ правителей говорилось о „крайнемъ и всеконечномъ разореніи“, о близости „конечной гибели и бѣдства“. Петръ самъ, подконецъ, съ одной стороны, начиналъ передѣлку

своихъ преобразованій, съ другой—сознавалъ, что вездѣ снова подымается старая „неправда". Наставалъ „ужасный вѣкъ, ужасныя сердца". Болѣе поколѣнія (1725—1762) длилась пора шатаній, связанная съ гвардіей, съ внутренними кознями и даже иностранными деньгами, съ быстрымъ возвышеніемъ правителей до подножія трона и съ ихъ внезапнымъ паденіемъ до ступеней эшафота...

Здѣсь выражалась многообразная борьба—національная, политическая, бытовая и общественная. Два лагеря старались „искоренить" другъ друга: съ одной стороны, староруссы (§ 220), люди „родословные" или „фамильные", съ другой—иноземцы и защитники преобразованій, съ „птенцами" во главѣ, люди „подлородные", выскочки снизу.

Одно только общее было у соперниковъ—древняя неправда. Каждый сильный человѣкъ составлялъ свою партію, и направленіе дѣлъ мѣнялось чуть не каждый мѣсяцъ отъ колебаній въ борьбѣ этихъ лицъ. Зародыши общественнаго духа замерли со смертью Петра. Сами птенцы падали нравственно.

Выступили наружу наиболѣе гнусныя черты Меншикова. Өеофанъ бросился въ водоворотъ политики, сталъ мстительнымъ интриганомъ и доносчикомъ, любителемъ истязаній по малѣйшему подозрѣнію: онъ сослалъ и лишилъ сана многихъ владыкъ и архимандритовъ, не щадилъ даже ихъ друзей и родныхъ. Птенцы шли на сдѣлки съ врагами преобразованій, которыя теперь открыто порицались или перетолковывались.

Если все-таки побѣдилъ „чудотворецъ-исполинъ", и Россія вліяла даже на судьбу Европы, то это служило лучшимъ доказательствомъ жизненности, неизбѣжности его дѣла.

Чтобы избавить Россію отъ „ужаснаго вѣка", требовался второй Петръ....

Виной тому былъ самъ преобразователь; онъ узаконилъ давнюю отмѣну обычая наслѣдственности (§114), но не успѣлъ назначить себѣ преемника. Борьба вспыхнула у его гроба. Старорусы, Голицыны и Долгорукіе, желали возвести на престолъ 9-лѣтняго Петра Алексѣевича, заточивъ въ монастырь Екатерину и ея двухъ дочерей (§§ 217, 219). Птенцы—Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій и Өоофанъ (220), а также иноземцы, Остерманъ и герцогъ голштинскій (§ 219)—стояли за Екатерину. Подлородные были даровитѣе и живѣе родословныхъ, и на ихъ сто-

ронѣ стояло созданіе Петра, войско. Меншиковъ немедленно овладѣлъ казной, окружилъ дворецъ гвардейцами — и *Екатерина I* оказалась „самодержицею". Манифестъ объ этомъ былъ изданъ отъ имени „синода, сената и генералитета", хотя синодъ былъ устраненъ Петромъ отъ гражданскихъ дѣлъ, а „генералитетъ" означалъ при немъ только совокупность генераловъ или высшихъ чиновъ военной и гражданской службы.

Екатерина I была дочь бѣднаго литовца, переселившагося въ Лифляндію, Марта Скавронская. Осиротѣвъ, она вышла замужъ за шведскаго капрала Рабе, потомъ была служанкой у пастора Глюка въ Маріенбургѣ. Когда Маріенбургъ достался русскимъ, Марта, какъ расторопная плѣнница, была взята Меншиковымъ въ прислуги къ женѣ. Здѣсь узналъ ее Петръ (1703): онъ разошелся тогда съ Анной Монсъ (§ 211), который не покидалъ болѣе 10 л., несмотря на то, что она была почти безграмотна, алчна и отличалась легкостью нрава. Марта перешла въ православіе, подъ именемъ Екатерины Алексѣевны, и быстро овладѣла русскимъ языкомъ. Петръ объявилъ ее своею супругой въ 1712 г., когда у нихъ уже было двѣ дочери, Анна и Елизавета.

Екатерина I.

Екатерина — противоположность Евдокіи Ѳедоровнѣ. Это была полная, здоровая, веселая женщина, небольшого роста, съ простымъ умомъ и грубоватымъ лицомъ [1])....

Она отличалась развязностью, даже болтливостью, привѣтливостью и готовностью помогать всѣмъ: такою она осталась и на тронѣ. Полная жизни, она никогда не падала духомъ, слѣдовала за своимъ

[1]) Наше изображеніе представляетъ снимокъ съ наиболѣе схожаго портрета Екатерины, писаннаго въ 1714 г., въ одно время съ портретами Петра I и Анны Петровны.

великаномъ въ отдаленные походы, умѣла развеселять его, смирять въ немъ порывы бѣшенства и припадки болѣзни, не показывая вида, что замѣчаетъ его погрѣшности. Она умѣла даже выказывать такое сочувствіе его замысламъ, что онъ изливалъ ей свою душу, думая, что она все понимаетъ. Петръ искренно привязался къ ней и любилъ дочерей, напоминавшихъ ее живостью и сметливостью. Въ манифестѣ объ ея коронаціи онъ сказалъ, намекая на Прутъ (§ 218): „она даже въ воинскихъ дѣйствіяхъ великою помощницею намъ была“. И самъ царь возложилъ на нее корону при торжественномъ обрядѣ, который впервые совершался (1724) всенародно надъ русскою царицей, если не считать коронованія Марины (§ 136).

Теперь Екатеринѣ было 42 г. Она сохраняла благоговѣйную память къ Петру: тотчасъ было объявлено, что она будетъ продолжать его дѣло; и можно было понять, что послѣ нея должна царствовать ея дочь, Анна, а за нею, въ случаѣ ея бездѣтности, Елизавета. Управленіе перешло въ руки Меншикова: этотъ „прегордый Голіаѳъ“ или „Левіафанъ“ докладывалъ императрицѣ, что̀ хотѣлъ. Онъ сначала добивался курляндской короны, потомъ уговорилъ Екатерину одобрить бракъ его дочери, Маріи, съ Петромъ Алексѣевичемъ, котораго онъ надѣялся современемъ возвести на престолъ. Чтобы распоряжаться свободнѣе, Меншиковъ рѣшился подорвать силу сената, гдѣ господствовалъ его соперникъ, Ягужинскій (§ 220): онъ устроилъ *Верховный тайный Совѣтъ* (1726) для „важныхъ государственныхъ дѣлъ“, подъ предсѣдательствомъ самой императрицы. Здѣсь обжаловались рѣшенія синода и сената; а эти учрежденія лишились титула „правительствующаго“, какъ „непристойнаго“ имъ, и, вмѣстѣ съ коллегіями, обращались въ канцеляріи Совѣта.

Совѣтъ былъ правильнымъ завершеніемъ преобразованій. Его зерно замѣтно при Петрѣ, въ видѣ совѣщаній „верховныхъ господъ“ (§ 221). Это былъ объединитель путаннаго высшаго управленія, посредникъ между престоломъ и сенатомъ: оттого „царское око“ (§ 215) исчезло, и Ягужинскій получилъ должность далеко, на Украйнѣ. Совѣтъ и старался продолжать дѣло Петра. Въ свое 6-лѣтнее существованіе онъ заботился о „поправленіи внутреннихъ дѣлъ“, въ смыслѣ облегченія „бѣднаго крестьянства“: онъ сокращалъ число „командировъ“ въ губерніяхъ, которые походили не на „пастырей, а на волковъ“; онъ уменьшалъ расходы, отмѣнялъ монополіи и привилегіи, поддер-

живалъ просвѣщеніе, подготовлялъ новое Уложеніе. Иностранцы видѣли даже въ Совѣтѣ зародышъ формы правленія, подобной англійской, а Фикъ (§ 215) радовался, что Россія „стала сестрица Швеціи и Польшѣ": указы исходили за подписью Совѣта; чиновники присягали его „регламентамъ и инструкціямъ"; при несовершеннолѣтіи царя, ему вручалась „полная власть, равная государской". Одно время, послѣ Меншикова, Совѣтъ чувствовалъ въ своихъ рукахъ такую власть.

Но историческое значеніе Совѣта подрывалось игрой личныхъ страстей. Фикъ изъ первыхъ попалъ въ Сибирь за свое ликованіе. „Англійская форма правленія" была мечтой хранившихъ боярскія преданія (§ 163) столповъ старины, вождемъ которыхъ числился пріятель Фика, 63-лѣтній Димитрій Голицынъ (§ 220). Новики стояли за самодержавіе, безъ котораго они не надѣялись упрочить дѣло Петра. Совѣтъ сталъ орудіемъ борьбы партій: сначала въ немъ господствовали подлородные, потомъ родословные. Уже Меншиковъ изъ личныхъ видовъ поставилъ здѣсь, рядомъ съ Остерманомъ, Толстымъ, Головкинымъ, Апраксинымъ, самого Голицына, который презиралъ и Екатерину, и ея дочерей. Между ними пошли взаимныя козни. Апраксинъ говорилъ со слезами на придворномъ праздникѣ: „Петра Великаго нѣтъ болѣе! Дѣла идутъ такъ плохо, что надо плакать, а не радоваться". Толстой устроилъ даже заговоръ противъ *временщика*, какъ стали называть тогда царскихъ любимцевъ. Меншикову удалось сослать его и истязать его соумышленниковъ.

Но положеніе самого Голіаѳа становилось шаткимъ. Старорусссы приходили въ негодованіе, видя засиліе иноземцевъ низшаго разбора, которые хлынули послѣ Петра въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Анной Петровной и герцогомъ голштинскимъ. Они настраивали сенатъ и производили ропотъ повсюду. Они надѣялись на массу войска. Народъ гнушался женскимъ правленіемъ, презиралъ Екатерину, какъ нѣмку-плѣнницу, ненавидѣлъ ея *верховниковъ* (членовъ Совѣта); армія, въ особенности украинская, негодовала на гвардію и благоговѣла предъ Михаиломъ Голицынымъ. Соперники Меншикова изъ птенцовъ могли примкнуть къ родословнымъ: Остерманъ уже намекалъ, что послѣ Екатерины нельзя обойти Петра Алексѣевича. Ктому же при Аннѣ Петровнѣ Меньшикова отстранилъ бы герцогъ голштинскій, который уже начиналъ распоряжаться. Меншиковъ рѣшился соединиться съ староруссами. Онъ устроилъ такъ, что по

смерти Екатерины I (1727) оказался такой „тестаментъ“, безъ подписи: Петръ Алексѣевичъ наслѣдуетъ престолъ и женится на дочери Меншикова, который становится генералиссимусомъ, т.-е. начальникомъ всѣхъ войскъ; въ его малолѣтство управляетъ Верховный тайный Совѣтъ, т.-е. Меншиковъ; при бездѣтности Петра, ему наслѣдуютъ Анна и Елизавета Петровны.

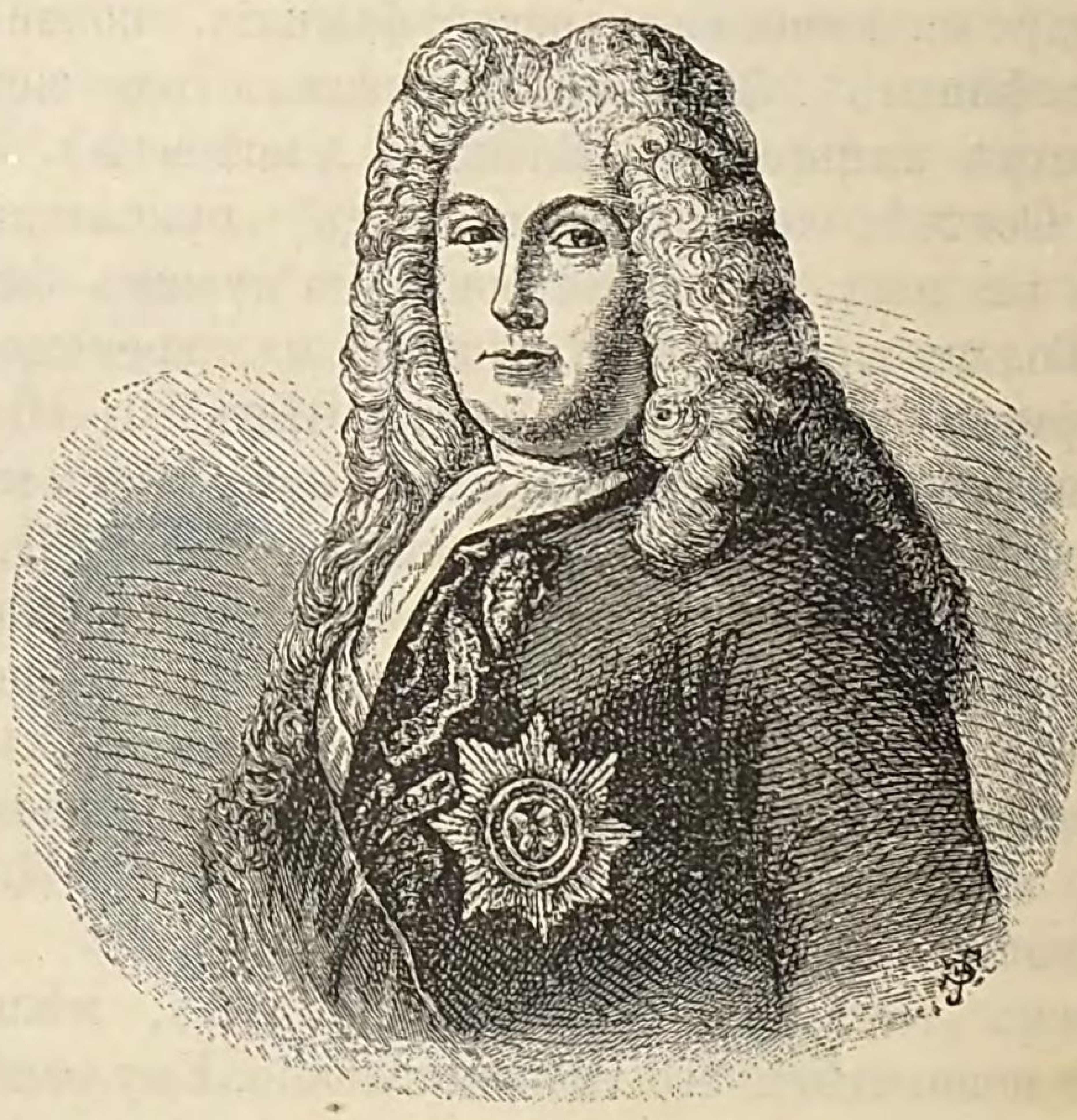
§ 223. **Петръ II.** — Съ воцареніемъ Петра II настало господство Меншикова. Онъ перевезъ императора въ свой домъ и обручилъ его съ своею Маріей, хотя 12-лѣтнему жениху не нравилась некрасивая, скучная 16-лѣтняя невѣста. Въ календарѣ, наряду съ именами царской фамиліи, появились имена семьи „свѣтлѣйшаго“. Меншиковъ затѣвалъ еще женить своего сына на сестрѣ императора, Натальѣ Алексѣевнѣ. Онъ рѣдко бывалъ въ Совѣтѣ: только отдавалъ ему приказанія, а дѣла носили ему на домъ. Анна Петровна съ мужемъ были отправлены въ Голштинію. Самый близкій къ временщику человѣкъ, Остерманъ, сталъ воспитателемъ Петра II. Чтобы укрѣпиться, Меншиковъ началъ угождать всѣмъ. Врагъ малороссовъ, онъ возстановилъ „пункты Хмельницкаго“ (§ 203), хотя гетманомъ назначилъ своего пріятеля, Апостола, и поставилъ подлѣ него сенатора, отъ котораго все зависѣло. Приверженецъ самодержавія, онъ возстановилъ дворянскіе сеймы въ Лифляндіи. Чтобы привлечь староруссовъ, онъ облегчилъ заточеніе Евдокіи Ѳедоровны, поставилъ подлѣ Петра бездарныхъ Долгорукихъ, ласкалъ Голицыныхъ, придирался къ Ѳеофану.

При всемъ томъ, Голіаѳъ внезапно палъ, мѣсяца четыре спустя. Всѣ ненавидѣли его за властолюбіе. Ему измѣнилъ самъ графъ Остерманъ.

Сынъ бѣднаго вестфальскаго пастора, самый дѣльный и образованный изъ иноземцевъ Петра I, вице-канцлеръ *Остерманъ* [1]) былъ основателемъ новой русской дипломатіи. Чистый на руку, благообразный, съ открытымъ взоромъ и привѣтливымъ обращеніемъ, отличный семьянинъ, онъ, въ государственной жизни, былъ образцомъ того макіавелизма, безъ котораго тогда нельзя было даже спасти собственной шкуры. Остерманъ удержался при всѣхъ правителяхъ, начиная съ Ивана V, къ которому онъ былъ близокъ черезъ своего брата, воспитателя Анны Ивановны. Притворный, вкрадчивый графъ Андрей Ива-

[1]) Нашъ снимокъ сдѣланъ съ единственнаго законченнаго портрета Остермана, хранящагося въ Эрмитажѣ.

новичъ говорилъ „закрытыми и темными терминами“, въ опасныя минуты лежалъ въ постели, обложенный подушками и натертый мазями, ссорилъ пріятелей и низвергалъ собственныхъ друзей, сохраняя тайныя связи съ павшими. Особенно пользовался онъ ненавистными ему староруссами: онъ истреблялъ ихъ одного черезъ другого, самъ всегда оставаясь въ сторонѣ. Самые проницательные люди, если избѣгали его козней, то не могли обойтись безъ его совѣтовъ и ловкости въ дѣлахъ: онъ

Остерманъ.

былъ всѣмъ необходимъ по своему тонкому уму, глубокой опытности, упорному трудолюбію и неподражаемой кропотливости въ работѣ. При дворѣ его называли „оракуломъ“; и нерѣдко онъ одинъ втихомолку заправлялъ всѣмъ. Твердо держа Петровское знамя просвѣщенія и прогресса, этотъ „честный нѣмецъ“ сдѣлалъ много добра Россіи, которую считалъ своимъ вторымъ отечествомъ. Теперь Андрей Ивановичъ находился въ цвѣтѣ лѣтъ: ему пошелъ 42-й г.

Остерманъ хотѣлъ дать основательное воспитаніе императору, который обнаруживалъ хорошіе задатки. *Петръ II* отличался дарованіями и добротой, которая была написана на его

пріятномъ, веселомъ лицѣ [1]): суровый дѣдъ задумывался надъ вопросомъ о передачѣ ему престола. Мальчикъ подчинялся вліянію своей сестры. *Наталья Алексѣевна* была всего на годъ старше брата; но она была воспитана иностранными учеными, наравнѣ съ дочерьми Петра I, и отличалась развитіемъ не по лѣтамъ. Она отлично говорила по-французски и по-нѣмецки, читала серьезныя книги, жадно училась геометріи и географіи, покровительствовала иноземцамъ, которые считали ее „самою совершенною принцессой, идеаломъ честныхъ людей". Некрасивая, но кроткая, задумчивая и великодушная, она лучше всего выходила на портретахъ въ образѣ Діаны. 14-лѣтняя царевна проявляла твердую волю и проницательность, разоблачала козни Меншикова и пустоту Долгорукихъ. Наталью Алексѣевну называли „Минервой царя", котораго она „увѣщевала" учиться, усердно помогая дѣльному плану Остермана. Она отбывала за него пріемы, заступалась за несчастныхъ, стояла за пребываніе двора въ Петербургѣ.

Петръ II.

Но „тріумвиратъ" Петра, Натальи и Остермана вскорѣ распался. Волей мальчика овладѣли *Долгорукіе*, бездарность которыхъ не спасла Меншикова отъ ихъ властолюбія. Во главѣ ихъ стояли князь Алексѣй, племянникъ Якова (§ 220), и сынъ его, Иванъ. Князь *Алексѣй* представлялъ худшія черты старо-руссовъ: ограниченный, грубый ненавистникъ иноземцевъ, онъ отличался ненасытною жадностью и думалъ только о возвеличеніи своей семьи превыше облака ходячаго, хотя первый

[1]) Наше изображеніе есть снимокъ съ портрета опытной кисти, писаннаго въ 1729 г.

завидовалъ собственному сыну, когда тотъ слишкомъ поднялся. Князь *Иванъ*, статный красавецъ, былъ уменъ, впечатлителенъ и отличался добродушіемъ: онъ внушалъ Петру II милосердіе и совѣтовалъ учиться. Но лишенный воли, окруженный соблазнами съ ранней юности, которая протекла при суетномъ дворѣ Августа II (§ 197), у дѣда, посланника въ Варшавѣ, Иванъ сталъ образцомъ жалкой участи царедворца тѣхъ временъ. Ему было теперь всего 20 л., а онъ уже извѣдалъ всѣ забавы до пресыщенія; затѣмъ былъ 3 г. временщикомъ, 9 л. обрѣтался въ ссылкѣ и тюрьмѣ, а на 32-мъ году своей жизни казненъ. Мягкій царственный мальчикъ привязался къ привлекательному родовитому юношѣ такъ, что „не могъ быть безъ него ни минуты". Онъ даже спалъ съ нимъ на одной кровати. Кутила Иванъ невольно вовлекалъ его въ свой разгулъ; а его родичи составили планъ овладѣть царемъ, потворствуя его самоволію, лѣни и наклонности къ забавамъ. Имъ помогали двѣ женщины, окруженныя толпой молодыхъ фрейлинъ,—юная, разбитная, но грубая дочь князя Алексѣя, кокетка Екатерина, не терпѣвшая своего брата, да тетка царя, веселая 17-лѣтняя красавица, Елизавета Петровна. Петра стали возить на прогулки, особенно на охоту, устраивали ему пирушки и всякія развлеченія.

Вся эта компанія староруссовъ не терпѣла Меншикова, который стоялъ ей поперекъ дороги, съ своимъ столь же непомѣрнымъ честолюбіемъ. Въ этомъ сходился съ нею и Остерманъ, который также началъ потакать царю и искусно возстановлять его противъ Голіаѳа. Воспользовавшись болѣзнью Меншикова, Долгорукіе увезли императора въ Петергофъ. Онъ сталъ грубить своей невѣстѣ, бить ея молодого брата и покрикивать: „Я покажу, кто императоръ—я или онъ! Я его образумлю!" Когда выздоровѣвшій Меншиковъ пріѣзжалъ ко двору, Петръ уѣзжалъ, а Наталья выпрыгивала въ окно. Наконецъ, былъ призванъ Ягужинскій, а Меншиковъ съ своею семьей очутился въ Березовѣ. Изнѣженная жена Голіаѳа умерла въ дорогѣ. Самъ онъ сталъ чернорабочимъ и терпѣливо переносилъ горе. Дочери его превратились въ прачку и кухарку: Марія вскорѣ умерла отъ оспы. По смерти Меншикова (1729), остальныя его дѣти были возвращены и стали дворянами при Аннѣ Ивановнѣ. Но имъ уже не видать было богатствъ Голіаѳа, у котораго было отобрано въ казну 90.000 душъ крестьянъ, 6 городовъ, 13 милліоновъ деньгами и на милліонъ движимости.

Настали времена *фаворитства*: „быть въ фаворѣ" значило

играть роль временщика. На первыхъ порахъ то было фаворитство туземцевъ, въ лицѣ родословныхъ Долгорукихъ. Запахло стариной. Подъ предлогомъ коронаціи, дворъ переселился въ Москву. Установленный въ 1728 г. порядокъ оттѣняется словами указовъ: „какъ прежде бывало; по прежнимъ обычаямъ; какъ было при предкахъ государевыхъ". Иностранцы опасались, что „великіе замыслы Петра I вскорѣ будутъ приведены къ нулю". Они „съ опасеніемъ бывали при дворѣ", гдѣ царствовала такая „конфузія", что „всякой всякаго боялся". Посланники собирались уѣзжать, считая свое присутствіе въ Москвѣ „несогласнымъ съ достоинствомъ своихъ государей": имъ приходилось по цѣлымъ часамъ ждать въ передней, пока Долгорукіе откушаютъ свой кофе. Императоръ окончательно погрузился въ забавы и бросилъ ученье. Князь Алексѣй, который сталъ таскать даже сокровища изъ дворца, совсѣмъ завладѣлъ имъ: онъ увезъ его въ свою подмосковную. Здѣсь княжна Екатерина была объявлена царскою невѣстой, чему радовались, хотя и завидовали, староруссы. Князь Иванъ, скакавшій по Москвѣ, съ драгунами, врываясь, по ночамъ, въ дома, гдѣ были красотки, тоже задумалъ жениться на Елизаветѣ Петровнѣ, а получивши отказъ, обручился съ богатой красавицей, съ дочерью Бориса Шереметева (§ 220). Цесаревна Наталья закручинилась и умерла въ чахоткѣ, „оплаканная одинаково иноземцами и русскими, какъ знатными, такъ и бѣдняками". Не прошло двухъ лѣтъ, какъ за нею послѣдовалъ императоръ (1730), который отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть. Умирая, онъ вспомнилъ только серьезную сестру, Наталью, да суроваго воспитателя, Остермана.

§ 224. **Воцареніе Анны Ивановны**. — Еще не остылъ трупъ Петра II, какъ Долгорукіе составили, отъ имени покойника, подложное завѣщаніе, которое подписалъ, не читавши, князь Иванъ, знавшій руку императора. Оно было конечно въ пользу княжны Екатерины. Но заговорщики не успѣли воспользоваться имъ; и князь Алексѣй сжегъ его.

Наступили замѣчательные 38 дней, отъ смерти Петра II (18 января) до воцаренія его преемницы (25 февраля). Теперь-то была въ разгарѣ борьба, начавшаяся тотчасъ по смерти преобразователя. Соблазнъ захватить брошенную власть одолѣлъ, прежде всего, верховниками или старороссами: въ Совѣтѣ было только два птенца, Головкинъ (§ 220) и Остерманъ, противъ четырехъ Долгорукихъ и двухъ Голицыныхъ. Родословные

надѣялись теперь легко довершить, въ свою пользу, дѣло ограниченія самодержавія (§ 222). Руководимые Димитріемъ Голицынымъ, они собирались тайкомъ въ комнатѣ подлѣ присутствія Совѣта. Они выбрали Анну Ивановну (§ 210): она менѣе всѣхъ имѣла право на престолъ и славилась набожностью да покорливостью. Сверхъ того, Голицынъ замѣтилъ: „Россія много претерпѣла отъ самодержавія и отъ иностранцевъ; надобно намъ себѣ полегчить, воли себѣ прибавить". И въ Митаву были посланы „депутаты", съ Михаиломъ Голицынымъ во главѣ. Они повезли такія „кондиціи" или „пункты": безъ согласія Совѣта въ бракъ не вступать; наслѣдника не назначать; не воевать и не мириться; новыхъ податей не налагать; государственныхъ расходовъ не производить; высшихъ чиновъ и должностей не раздавать; у дворянъ живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать, а также вотчинъ и деревень не жаловать; наконецъ, войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Совѣта. „А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской".

Верховники утаили кондиціи, полезныя только для нихъ. Но о нихъ узнали — и поднялось волненіе. Всѣ вознегодовали на „осмиричныхъ затѣйщиковъ", какъ выразился Ѳеофанъ. Юркій Ягужинскій успѣлъ даже, несмотря на заставы верховниковъ вокругъ Москвы, тайкомъ предупредить Анну, что кондиціи — вовсе не воля народа. Димитрій Голицынъ арестовалъ его и его сообщниковъ. Но ту же попытку повторилъ Ѳеофанъ. Началось необычайное движеніе въ Москвѣ, куда понаѣхало много дворянъ изъ губерній. „Такой хаосъ, что трудно разобраться, писали иностранные послы: сколько головъ, столько плановъ. Не имѣя понятія о свободѣ, смѣшиваютъ ее съ своеволіемъ". Кто желалъ Елизавету Петровну или герцога голштинскаго, кто — Екатерину Ивановну или Евдокію Ѳедоровну. Иные, особенно иностранцы, защищали дѣло преобразователя; большинство русскихъ проклинало его и даже считало всѣ послѣднія царствованія похищеніемъ престола, такъ какъ Петръ I правилъ помимо своего старшаго брата, Ивана V. Кто отстаивалъ самодержавіе, кто желалъ его ограниченія, и либо на подобіе Англіи, либо какъ въ Швеціи или Польшѣ.

Больше всѣхъ выдвигалось *шляхетство*, какъ стало называть себя дворянство средней руки, въ отличіе отъ родословныхъ. И оно было не прочь себѣ полегчить; но здѣсь прежде всего господствовалъ страхъ передъ верховниками, такъ какъ Голицынъ уже хваталъ непокорныхъ. Шляхетство собиралось

„компаніями“, которыя читали и подписывали проекты „согласниковъ“ или главарей. Трусливые ходили переодѣвшись и ночевали по разнымъ домамъ. Среди шляхетства были такія крупныя, по дарованіямъ, личности, какъ Татищевъ и Волынскій (§ 220); но его внѣшнимъ представителемъ былъ 50-лѣтній князь *Черкасскій* — человѣкъ ограниченный, малообразованный, застѣнчивый, „таскающій, а не носящій свое имя“: „Остерманъ — душа, а Черкасскій — тѣло“, говорили тогда. Но Черкасскій былъ обходителенъ даже съ иностранцами, хотя, по лѣни, недолюбливалъ новшествъ; онъ отличался также честностью, за что уважалъ его Петръ I. А главное, это былъ родственникъ Нарышкиныхъ и владѣлецъ 70.000 крестьянъ.

Анна, сверхъ ожиданія, повела дѣло искусно: ею руководилъ графъ Андрей Ивановичъ, который самъ набросалъ вчернѣ кондиціи, но не подписалъ ихъ — за болѣзнью. Она охотно и любезно подписала пункты и медленно подвигалась къ Москвѣ, остановившись во Всесвятскомъ. Такимъ временемъ верховники собрали высшіе чины, все русскихъ, и предъявили имъ кондиціи. „Но какое же будетъ правленіе?“ спросилъ Черкасскій. Голицынъ сказалъ, чтобы подавали проекты. Двери залы были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ, не ниже полковника и архимандрита. Синодъ высказался раньше всѣхъ: въ церквахъ стали поминать „самодержицу“. Въ Совѣтъ посыпались сборныя заявленія: 12 проектовъ шляхетства были покрыты болѣе чѣмъ тысячью именъ, все русскихъ. Анна Ивановна, между тѣмъ, клялась верховникамъ „хранить кондиціи до конца жизни“; но въ то же время объявила себя полковникомъ гвардіи, которая затрепетала отъ восторга. Устроивъ благочестивый въѣздъ въ Москву, она тотчасъ приняла глухую присягу, безъ кондицій. Несмотря на то, что одинъ изъ Долгорукихъ находился неотлучно при ней, она сносилась съ друзьями самодержавія черезъ своихъ родственницъ и разными хитрыми путями. Остерманъ ссорилъ Голицыныхъ съ Долгорукими и распускалъ ужасные слухи про верховниковъ, а Ѳеофанъ распространялся о „драконѣ“, стерегущемъ и изводящемъ императрицу. Гвардейцы рвались въ дѣло, распаляемые 20-лѣтнимъ поэтомъ *Кантемиромъ*, который дружилъ съ Ѳеофаномъ, ненавидѣлъ староруссовъ Совѣта, какъ горячій поклонникъ Петра I и личный врагъ Голицына, и былъ влюбленъ въ дочь Черкаскаго. Кантемиръ изготовилъ и челобитную о самодержавіи, которая тотчасъ покрылась подписями высшихъ чиновъ, въ особенности же гвардейцевъ.

25-го февраля гвардейцы окружили дворецъ, а высшіе чины потребовали у верховниковъ „возвратить императрицѣ похищенное у нея“. „Да здравствуетъ наша *самодержавная* государыня!“ крикнулъ Черкасскій. „Да будетъ такъ“, промолвили Голицыны и Долгорукіе. Затѣмъ шляхетство прибыло къ Аннѣ. Въ аудіенцъ-залѣ Черкасскій подалъ ей челобитную о дозволеніи собраться „генералитету, офицерамъ и шляхетству по 1 или по 2 отъ фамилій, и форму правленія государственаго сочинить“, ибо „въ пунктахъ Верховнаго Совѣта находятся сумнительства“. Императрица, ожидавшая простой просьбы о самодержавіи, растерялась. Кругомъ поднялось смятеніе: одни, и громче всѣхъ офицеры, кричали, что всѣ требуютъ самодержавія, другіе возражали на это. Долгорукіе совѣтовали Аннѣ удалиться въ кабинетъ для обсужденія дѣла. „Подписывай скорѣй!“ сказала ей сестра, Екатерина Ивановна, поднося перо. Анна изобразила на челобитной: „учинить по сему“; а шляхетству сказала, чтобы оно въ тотъ же день подало ей свое рѣшеніе. Шляхетство было приглашено въ одну изъ залъ дворца для совѣщанія, а верховники—въ другую на высочайшій обѣдъ.

Когда шляхетство удалилось, офицеры грянули; „государыня должна быть такою же самодержицею, какъ ея предки!“ Анна Ивановна велѣла имъ замолчать. „Мы — вѣрные рабы ваши. Не потерпимъ вашихъ злодѣевъ: повелите—и мы сложимъ къ ногамъ вашимъ ихъ головы“, закричали они въ отвѣтъ. Объ этой сценѣ тотчасъ шепнули шляхетству: оно подписало (166 человѣкъ) челобитную Кантемира и возвратилось въ аудіенцъ-залу, куда вышла и Анна, кончившая обѣдъ съ верховниками. Самъ Кантемиръ прочелъ: „въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ *самодержавство*, а пункты Совѣта уничтожить“. „Согласенъ ли Совѣтъ, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ?“ спросила императрица. Верховники наклонили головы. Тутъ принесли кондиціи, и Анна надорвала ихъ [1]) „при всемъ народѣ“, какъ значится въ журналѣ Совѣта. Всѣ присутствующіе были допущены къ цѣлованію руки новой самодержицы. Среди нихъ оказался и Ягужинскій, прискакавшій прямо изъ тюрьмы. Вечеромъ Голицынъ сказалъ въ кругу друзей: „Пиръ былъ готовъ; но гости были недостойны его. Знаю, что я буду его

[1]) Въ такомъ видѣ этотъ документъ хранится и сейчасъ въ государственномъ архивѣ.

жертвой. Но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня". Иностранные дипломаты извѣщали Европу, что рухнули планы людей, одушевленныхъ государственною пользой.

Но не былъ правъ и хозяинъ пира. Голицынъ слишкомъ занесся. Онъ презиралъ и оскорблялъ даже верховниковъ, а съ противниками расправлялся посредствомъ арестовъ и шпіонства, забывая, что численно его согласники — капля въ морѣ. Онъ велъ старую игру дворцовыхъ переворотовъ, не сообразивъ, что не въ его рукахъ козырный тузъ, войско. Голицынъ не годился въ политическіе вожди: у него не было даже готовой программы. Да не было и партіи: верховники — горсть зазнавшихся себялюбцевъ, которые пытались воскресить общественный строй Московіи. Это — то же боярство, съ его властительными идеалами (§§ 162, 163), только облекшееся въ новую форму, благодаря сближенію съ Западомъ: бояре слыхали только про польское панство; верховники, и въ особенности пріятель Фика, знали шведскую олигархію. Въ Швеціи самодержавная реформа Карла XI (§ 196) была мимолетнымъ явленіемъ. Послѣ Карла XII сеймъ избралъ его сестру, Ульрику-Элеонору, обойдя наслѣдника, и ограничилъ ее „кондиціями" 1720 года. Приэтомъ олигархи требовали того же самаго, что̀ и наши верховники. Но въ Швеціи въ сеймѣ издревле участвовали всѣ сословія, не исключая крестьянъ; а Голицынъ внесъ поправку, присваивая верховную власть одному Совѣту, самое устройство котораго было первымъ шагомъ къ событіямъ начала 1730 года. Передъ шляхетствомъ возставалъ призракъ господства Долгорукихъ: Волынскій сказалъ, что „на главныхъ всегда будутъ недоимки, а мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ". Средніе предпочли, наконецъ, самодержавіе такой новомодной олигархіи. И какъ замыслы боярства привели къ опричнинѣ, такъ „затѣйки" верховниковъ кончились бироновщиной.

Шляхетство еще менѣе походило на политическую партію, уже по своей многочисленности и разнородности: здѣсь-то царствовалъ „хаосъ", и не было вождя. Шла очевидная борьба между этимъ служилымъ классомъ, сплоченнымъ табелью о рангахъ, съ пережитками родословнаго боярства. А между тѣмъ въ немъ кипѣли раздоры, и опять изъ-за корысти. Всякій, достигшій высшаго чина, входившій въ „генералитетъ", норовилъ пробраться въ ряды родословныхъ, презирая и попирая остальную свою

братью. Низшій слой подлородныхъ, поднятый преобразователемъ изъ праха, могъ держаться только при развитіи его дѣла: врагъ верховниковъ, какъ главарей старины, онъ стоялъ за полноправіе его династіи и желалъ исполненія „тестамента“ его жены (§ 222) относительно его дочерей. Ядро шляхетства, „средніе“, также хотѣли подавить олигархію родословныхъ и мечтали о передачѣ верховной власти „общенародію“. Но, по существу, это былъ тотъ же идеалъ верховниковъ, перемѣщенный въ болѣе обширную среду. „Общенародіе“ означало своекорыстныя выгоды шляхетства. Средніе требовали льготъ только себѣ: ихъ идеаломъ была польская шляхта; ихъ кондиціи были сколкомъ съ того, чего требовало себѣ враждебное олигархамъ дворянство Швеціи въ 1720 г. А главное, здѣсь проявлялась такая же косность старины, какъ у верховниковъ: средніе требовали опредѣленія срока своей службы, быстраго производства въ чины, уничтоженія единонаслѣдія; упоминали даже о возвращеніи столицы въ Москву.

Такъ, и гости, и хозяинъ оказались недостойными пира. Всѣ походили на застигнутыхъ врасплохъ дѣтей. Вездѣ неумѣлость и растерянность, неясность мыслей и даже желаній, случайность рѣшеній и „согласій“, противорѣчіе между словомъ и дѣломъ. Мѣсто вождя занималъ страхъ отъ сознанія, что играютъ съ огнемъ, не приготовивъ средствъ для борьбы съ пожаромъ. А главное — у всѣхъ старое отсутствіе общественнаго духа, котораго не могъ вдругъ создать даже „чудотворецъ-исполинъ“. Всѣ играли въ свою пользу наверху, забывая о низахъ — о народѣ, который выносилъ все бремя. И всѣ подкапывались другъ подъ друга, просто по своей неразвитости, даже безъ участія слѣпаго духа племенной вражды: дѣло горѣло, и не выгорѣло, среди самихъ православныхъ. Тогда пошло въ ходъ выраженіе юродиваго, Тихона Архипыча: „намъ, русскимъ, ненадобенъ хлѣбъ; мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“. Дѣти въ политикѣ были русскими не только по крови, но и по своимъ идеаламъ. Для нихъ русское значило „старорусское“: они мечтали о возвратѣ въ Москву; они льнули къ дочери Ивана V, зная ее лишь по наслышкѣ, и отвращались отъ дочерей Петра I. Ихъ неудача была такъ же неизбѣжна, какъ крушеніе боярства, и по тѣмъ же причинамъ (§ 163). Самодержавіе, озаренное геніемъ работника на тронѣ, было болѣе жизненнымъ началомъ, болѣе глубокою потребностью страны. Анна Ивановна чуяла это, ссылаясь на „мой

народъ": еслибы спросили мужика и купца, они сказали бы то же, что близкіе къ нимъ церковники и гвардейцы. Оттого сильнѣе всѣхъ оказались защитники самодержавія, числомъ самые незначительные. Правда, здѣсь была вся гвардія преобразованій, лучшіе изъ уцѣлѣвшихъ птенцовъ — Ѳеофанъ, Ягужинскій, Кантемиръ. Здѣсь работали и такіе обрусѣвшіе чужаки, какъ Остерманъ. Иностранцы, которые оплакивали гибель „великихъ замысловъ Петра I" при Долгорукихъ (§ 223), точно также были смущены „затѣями" верховниковъ: „русскіе, писали они, много говорятъ о свободѣ, но не понимаютъ ея и не съумѣютъ воспользоваться ею".

Но иностранцы же были учителями русскихъ и здѣсь. Дѣло верховниковъ и шляхетства не выгорѣло оттого, что то было новое вино, влитое въ старые мѣха. Само по себѣ, оно было прямымъ развитіемъ преобразованій Петра I. При „самодержавномъ великанѣ", который работалъ за всѣхъ и велъ свой народъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ, никто и не думалъ о вмѣшательствѣ въ заботы верховной власти. Но недаромъ онъ воспитывалъ въ подданныхъ общественное сознаніе, прививалъ къ нимъ начала выборовъ и сотоварищества, посылалъ „волонтеровъ" вдыхать свѣжій воздухъ на Западѣ, водилъ свои войска до Даніи, размѣщалъ плѣнныхъ европейцевъ внутри Россіи, между тѣмъ какъ его птенцы десятками лѣтъ проживали въ шведскомъ плѣну. И Голицыны, и Долгорукіе присмотрѣлись къ политическимъ порядкамъ Европы. Дома они читали изданные повелѣніемъ Петра переводы политическихъ книгъ, мысли которыхъ блещутъ въ указахъ и регламентахъ преобразователя и въ проповѣдяхъ Ѳеофана. Сверхъ того, ходили по рукамъ рукописи сочиненій, гдѣ превозносились Рѣчи Посполитыя (республики), гдѣ „московскій царь" объявляетъ Аполлону свою ненависть къ просвѣщенію, и всѣ принцы обрадовались, а „сердца ученыхъ были весьма воспалены гнѣвомъ и ожесточены досадою". Немудрено, что когда мѣсто Петра I заняла 5-лѣтняя „недостойная конфузія" (§ 223), поднялся голосъ: „чтобъ самодержавію не быть". Это выраженіе слышалось всюду: пылкій Ягужинскій прямо употреблялъ его; осторожный Остерманъ писалъ „кондиціи". Эта мысль лежитъ въ основаніи Верховнаго Совѣта. Она ясна во всѣхъ планахъ начала 1730 г., цѣлью которыхъ было „установленіе законовъ" или правоваго государственнаго строя. Только верховники хотѣли одного Совѣта, для котораго сенатъ и шляхетская и городская палаты лишь

подготовляли бы дѣла; а шляхетство предлагало „вышнее правительство“ (сенатъ изъ 21 члена) и „нижнее“ (изъ 100 шляхтичей), которыя избирали бы баллотировкой сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій. Въ нѣкоторыхъ проектахъ упоминалось даже объ улучшеніи участи духовенства и купечества, а изрѣдка и о крестьянахъ и солдатахъ.

Такъ, внѣшнее развитіе преобразованій Петра попало въ руки его „супротивниковъ“ по духу,—и его птенцы оказались на сторонѣ демократическаго начала въ формѣ самодержавія. При такихъ странныхъ условіяхъ, замѣчательные 38 дней оказались лишь „затѣйками“; а самодержавіе, вынесенное, по строю Россіи, на плечахъ гвардейцевъ, воскресло не въ дѣтяхъ Петра Великаго, а въ образѣ курляндской принцессы. Нѣмцы явились случайными орудіями „искорененія“ родословныхъ, такъ такъ оправдалась поговорка Тихона Архипыча.

Анна Ивановна.

§ 225. Анна и Биронъ. Искорененіе родословныхъ.— Императрица *Анна* [1]) провела дѣвичество затворницей въ селѣ Измайловѣ, подъ началомъ своей матери, царицы Прасковьи, которая сохраняла грубость и суевѣріе старины, даже одѣвалась въ русское платье. Ея обученіе ограничивалось танцами да нѣмецкимъ языкомъ: она писала безграмотно по-русски. 17-ти лѣтъ она вышла замужъ, по волѣ Петра I, за герцога курляндскаго. Но онъ вскорѣ умеръ; и для нея настало 20-лѣтнее вдовство въ Митавѣ, скучное и крайне скромное. Нуждаясь въ деньгахъ, она заѣзжала въ наши столицы съ просьбами, заискивала у всѣхъ, даже писала поздравленія 3-лѣтнему ребенку Петра I. Русскіе признали ее доброю и ласковой. Особенно

[1]) Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ съ лучшаго портрета Анны Ивановны, писаннаго Каравакомъ. Императрица изображена въ порфирѣ, съ Андреевскою цѣпью; на головѣ малая корона.

нравилась она Москвѣ, какъ родствомъ съ ея старою знатью, такъ и привычками, усвоенными ею отъ матери. Анна жила помѣщицей: любила богомолья, носила яркіе широкіе балахоны, голову повязывала краснымъ платкомъ по-деревенски, собирала откровенныя мужицкія пѣсни, занималась сплетнями съ московскими старухами, святошами и юродивыми, хозяйничала и жестоко торговалась... (фрейлинъ), которыя охраняли ея послѣобѣденный отдыхъ и забавляли ее, по вечерамъ, пѣснями, сказками и разными „потѣхами". Она окружена была также шутами, во главѣ которыхъ возникъ Балакиревъ (§ 219), шутихами, скоморохами, учеными скворцами и мартышками. Два раза въ недѣлю при дворѣ были „куртаги" для танцевъ, картъ и сальныхъ „машкерадовъ". Но болѣе всего любила мужественная императрица смотръ войскъ, волчью и медвѣжью травлю, верховую ѣзду и охоту: она стрѣляла и дома изъ окна, и за городомъ; на 100 верстъ отъ столицы никто не смѣлъ затравить зайца. Подконецъ Анна болѣла, хандрила, становилась неряшливѣе, чванливѣе, суровѣе и подозрительнѣе. Очень высокая, полная, смуглая, она возбуждала страхъ однимъ своимъ видомъ: ее называли Строгой.

Биронъ.

Незадолго до воцаренія, Анна сдѣлала фаворитомъ своего придворнаго, человѣка женатаго. *Биронъ* былъ веселый и красивый сынъ ея конюха, не лишенный воспитанія [1]). Онъ былъ, хотя недолго, въ нѣмецкомъ университетѣ, имѣлъ свою библіотеку, почиталъ ученыхъ, понаторѣлъ въ канцелярскихъ бумагахъ. Неглупый, насмѣшливый, но привѣтливый Биронъ въ

[1]) Наше изображеніе есть снимокъ съ очень схожаго портрета Каравака, писаннаго въ 1740 г. Здѣсь Биронъ во всемъ своемъ величіи—въ латахъ и Андреевской лентѣ, съ жезломъ въ рукѣ, съ курляндскою короной на столѣ. Но середина портрета осталась недописанной „за ссылкою оригинала".

особенности отличался хорошими манерами, а въ Митавѣ даже былъ скроменъ. Но это былъ безсердечный карьеристъ. „Нужно выдвигаться“, говорилъ онъ и не разбиралъ средствъ: онъ нагло сочинилъ себѣ родство съ знатными французскими Биронами (*Н. И.* § 38). Его презирало курляндское рыцарство и оттолкнула русская знать: онъ ожесточился противъ вельможъ вообще, а нашихъ въ особенности.

Съ воцареніемъ Анны Биронъ сталъ первымъ человѣкомъ въ Россіи, графомъ, затѣмъ курляндскимъ герцогомъ; получилъ полмилліона р. за одинъ бѣлградскій миръ, въ которомъ вовсе не участвовалъ. Онъ занимался только развеселеніемъ Анны да лошадьми; каждое утро проводилъ въ манежѣ или въ конюшнѣ: тогда возникли дорогіе казенные конскіе заводы. Но Биронъ возмечталъ о себѣ, какъ о великомъ человѣкѣ, сталъ жаденъ и мстителенъ, едва говорилъ, погружался въ разсѣянность. Въ особенности стало проявляться его презрѣніе къ русскимъ вельможамъ. Однажды его карета сломалась отъ дурной дороги, и онъ крикнулъ на сенаторовъ: „вотъ, велю всѣхъ васъ положить, вмѣсто бревенъ, для исправленія мостовъ!“

Такъ какъ и Анна возненавидѣла родословныхъ за ихъ затѣйки, то началось „искорененіе“ знати. Дворъ переселился въ Петербургъ—и, по словамъ иностранцевъ, „не было и помину о староруссахъ“. Ихъ оставили только въ сенатѣ, который лишился значенія съ учрежденіемъ *Кабинета*. Кабинетъ состоялъ изъ „кабинетъ-министровъ“—Остермана и Миниха, съ придачей двухъ русскихъ ничтожествъ—Черкасскаго и одряхлѣвшаго Головкина. При дворѣ оставили только бездарнаго, всѣмъ угождавшаго родственника Анны, Семена *Салтыкова*, и воспитаннаго въ Парижѣ Александра *Куракина*, который славился отмѣнными манерами, балагурствомъ, пустотой и знаніемъ кухни, винъ, лошадей, да умѣлъ увеселять и угощать трехъ правительницъ подрядъ. Еще родовитые допускались въ качествѣ придворныхъ шутовъ: одинъ изъ Голицыныхъ, Волконскій, Апраксинъ играли въ чехарду въ опочивальнѣ больной императрицы, кудахтали на лукошкахъ съ яйцами и пеклись о здоровьѣ царской собачки. Димитрій Голицынъ вскорѣ умеръ въ крѣпости, куда попалъ и князь Михаилъ, который, впрочемъ, уцѣлѣлъ и умеръ, при Екатеринѣ II, въ глубокой старости. Ихъ родичей разослали; ихъ людей били плетьми и отдавали въ солдаты. Долгорукихъ сослали въ Березовъ, гдѣ князь Алексѣй вскорѣ умеръ; остальныхъ возвратили, черезъ 9 л., для пытокъ за ду-

ховную Петра II (§ 224), за „вредительныя и злыя слова“ объ императорской фамиліи, за „злое умышленіе въ 1730 г., чтобы въ Россіи самодержавію не быть, а быть бы республикѣ“. Князю Ивану отсѣкли сначала руки и ноги, потомъ голову; изъ остальныхъ Долгорукихъ кому отрубили голову, кого били кнутомъ съ урѣзываніемъ языка; сѣкли и отправляли въ Сибирь даже людей, водившихъ знакомство съ ними въ ссылкѣ. Былъ удаленъ и Ягужинскій, хотя съ званіемъ посла въ Берлинѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Такіе столпы средняго шляхетства, какъ Татищевъ, получили назначенія въ отдаленныхъ провинціяхъ.

§ 226. **Бироновщина и Волынскій.**—Опять настало царство временщика. Правда, Биронъ былъ не хуже любого изъ русскихъ фаворитовъ низшаго разбора. Ктому же онъ занимался преимущественно конюшнями да придворными увеселеніями. Дѣла сосредоточивались въ рукахъ лучшихъ изъ нѣмцевъ Петра I—Остермана и Миниха. И они сначала поддерживали замыслы преобразователя: улучшали войска, помогали народному хозяйству, подавляли ханжество и суевѣріе. Шляхетство ублаготворяли возстановленіемъ сената и баллотировки офицеровъ, учрежденіемъ кадетскаго корпуса, отмѣной единонаслѣдія. Но вскорѣ воскресло „опасное и суетное время“, какъ говорилъ Волынскій. Оно тѣмъ болѣе врѣзалось въ памяти народа, подъ презрѣннымъ именемъ *бироновщины*, что всѣ видѣли во главѣ Россіи трехъ нѣмцевъ, которые хотя и ссорились между собой, но сходились въ презрѣніи къ туземцамъ.

И хорошо стало только балтійскимъ провинціямъ, которымъ были подтверждены льготы, между тѣмъ какъ малороссамъ, по смерти Апостола (§ 223), не дали гетмана. Шляхетство унижалось тѣмъ, что въ него попало много гвардейскихъ солдатъ за ревность при воцареніи Анны, причемъ гвардія была умножена двумя полками. А у затѣйщиковъ отбирали имѣнія въ казну. Остальные разорялись при дворѣ, гдѣ каждый разъ гости являлись въ новомъ яркомъ платьѣ, такъ что тратившій на свой туалетъ не болѣе 3.000 р. въ годъ былъ почти незамѣтенъ. Изъ духовенства хорошо жилось только Ѳеофану, который теперь еще яснѣе высказывалъ склонность къ протестантству въ угоду Бирону: онъ вскорѣ умеръ въ почетѣ. А на остальныхъ было воздвигнуто гоненіе: многіе владыки были казнены. Средній классъ разорялся отъ застоя въ торговлѣ и промыслахъ, отъ заброшенности флота, отъ паденія рубля больше, чѣмъ наполовину. Крестьянинъ несъ непосильныя тяжести даже въ мир-

ное время, когда его мучили войска, разставленныя „на вѣчныхъ квартирахъ“. А правители, вообразивъ, что онъ не хочетъ платить, устроили *Доимочный Приказъ* для сбора недоимокъ за многіе годы. Онъ разсылалъ команды, которыя держали губернаторовъ въ цѣпяхъ, между тѣмъ какъ солдаты со сборщиками накидывались на села и все забирали у мужика. Народъ разбѣгался, а его преслѣдовали и избивали. Затѣмъ начались войны — и крестьянъ отягощали невозможными наборами. При всемъ томъ, казна была пуста, такъ какъ расходы всегда превышали доходъ: чиновникамъ иногда платили половину, иногда выдавали жалованье товарами. Всюду, даже подъ столицами, расплодились разбои, нищенство, пожары. Башкиры бунтовали отъ притѣсненій, особенно при постройкѣ Оренбурга и Орска; ихъ поддерживали киргизы, только-что вступившіе въ наше подданство. Волновалась и Сибирь, которую раздѣлили на Восточную и Западную: тамъ совершались такія вопіющія насилія, что пришлось обезглавить перваго иркутскаго губернатора.

Чѣмъ больше развивалось волненіе и ропотъ, тѣмъ обширнѣе раскидывалась по странѣ сѣть шпіонства. На ревнителей „слова и дѣла“ находились деньги: одна женщина получила 100 душъ за доносъ на своего мужа. Губернаторамъ внушалось вымучивать пыткой признаніе въ небывалыхъ заговорахъ. Были возстановлены правежъ и Преображенскій Приказъ (§ 216), подъ именемъ *Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи.* Это учрежденіе поручили Ушакову (§ 221), который, какъ рожденный палачъ, съ охотой пыталъ народъ при всѣхъ правительствахъ, отъ Петра I до Елизаветы: здѣсь было пролито много крови, между прочимъ, даже за имѣніе списковъ съ „кондицій“. Конецъ царствованія ознаменовался сказочною потѣхой: въ Ледяномъ Домѣ, стоившемъ огромной суммы, праздновалась свадьба шута Голицына съ калмычкой. А другимъ родословнымъ, Долгорукимъ, тогда рубили головы. Въ войскахъ заводилась курляндская казарма. Наслѣдникомъ престола былъ объявленъ только-что родившійся нѣмецъ Иванъ, сынъ герцога брауншвейгскаго, Антона, и племянницы императрицы, Анны Леопольдовны, которая сама была нѣмкой, дочерью герцога мекленбургскаго. А за доброе слово о дочеряхъ Петра I попадали въ застѣнокъ къ Ушакову и въ ссылку. Елизавета Петровна, проявлявшая сочувствіе къ русскимъ, жила въ загонѣ, далеко отъ Зимняго дворца, въ плохомъ помѣщеніи у Лѣтняго сада. Ея племянникъ, внукъ Петра I, назывался при дворѣ „чертушкой, что̀ въ Голштиніи живетъ“.

Пошли слухи, будто староруссы готовы возвести на престолъ Елизавету, обвѣнчавъ ее съ однимъ изъ Нарышкиныхъ. Иностранные послы боялись, не было бы съ нѣмцами того же, что̀ съ поляками при Лжедимитріи. Появились самозванцы: за одного, принявшаго имя Алексѣя Петровича, стали даже солдаты. И наверху, подлѣ самого фаворита, послышались опасные русскіе голоса. Ѳеофанъ восклицалъ на смертномъ одрѣ: „Голова моя, головушка! Разума упившись, куда приклонишься?" Кантемиръ отказался отъ большихъ выгодъ и покинулъ Россію, чтобы клеймить ее своею желчною сатирой. Княжна Юсупова открыто бранила Бирона; и ее били кошками и сослали въ Сибирь. Наконецъ, вскрылось дѣло Волынскаго.

Впечатлительный и трудолюбивый *Волынскій* жадно читалъ серьезныя книги, умѣлъ тонко разсуждать, „писать былъ гораздъ", бойко исполнялъ порученія. Иногда онъ даже предугадывалъ замыслы Петра I, который дозволилъ ему жениться на своей двоюродной сестрѣ, Нарышкиной, и сдѣлалъ его губернаторомъ въ Астрахани; а Екатерина I перевела его въ Казань. Участникъ затѣекъ 1730 года, Волынскій, однако, такъ съумѣлъ поддѣлаться къ Бирону и конелюбіемъ, и кознями противъ Ягужинскаго и Голицыныхъ, что сталъ не только кабинетъ-министромъ, но даже оберъ-егермейстеромъ и главой конскихъ заводовъ, т.-е. ближайшею къ Аннѣ особой. Онъ захватилъ въ свои руки Кабинетъ, затмевая самого Остермана. Теперь-то, когда ему было уже подъ пятьдесятъ, оказалось, что это—тоже „птенецъ": такой же способный и такой же порочный. Онъ попробовалъ дубинки Петра I за взятки и казнокрадство, а въ Казани попалъ даже подъ судъ за необычайныя насилія надъ инородцами. Сынъ зауряднаго воеводы, одинъ изъ массы „среднихъ" въ шляхетствѣ (§ 224), онъ чванился своею знатностью и сочинилъ „картину своего рода", доходящую до Димитрія Донского. Признавая себя созданнымъ для „величія" и „управленія государствомъ", онъ не гнушался ни доносами и клеветами, ни сплетнями и подкупами: поступалъ согласно съ словами Тихона Архипыча, которыя самъ же любилъ повторять. Обидчивый со всѣми, мстительный къ врагамъ, высокомѣрный съ равными, недоступный и жестокій для низшихъ, онъ низкопоклонничалъ передъ высшими, которыхъ отталкивалъ съ презрѣніемъ и даже губилъ, достигнувъ цѣли. Крайне нервный, съ пылкимъ воображеніемъ, онъ зазнавался при успѣхѣ и падалъ духомъ при неудачѣ. Заносчивость его стала нестерпима, когда онъ попалъ

въ Кабинетъ: однажды онъ избилъ придворнаго поэта, Тредьяковскаго, и такъ интриговалъ, что его назвали „смутникомъ". Волынскій „не зналъ никакихъ школьныхъ регулъ" и „забиралъ паче мѣры ума" въ своихъ широкихъ планахъ.

Не владѣя языками, благодаря однимъ переводамъ и бесѣдамъ съ болѣе образованными людьми, Волынскій сталъ главой *новой русской партіи*, къ которой принадлежали и архіереи, чиновники, гвардейцы, врачи, и такіе писатели, какъ Татищевъ съ Кантемиромъ, и такіе родословные, какъ Нарышкины, Урусовы и др. Все это были „птенцы" да „волонтеры" Петра I: они живали за границей, имѣли свои библіотеки съ политическими сочиненіями Запада, участвовали въ „компаніяхъ" шляхетства 1730 года. Словомъ, Волынскій и его „конфиденты" (до 30 лицъ)—новая русская интеллигенція, созданная преобразователемъ. Ея душей была коренная мысль Петра I— сліяніе общечеловѣческаго просвѣщенія съ преданіями передовыхъ людей Московіи (§ 174). Конфиденты собирались, по ночамъ, у Волынскаго. Тутъ читались запрещенныя книги и смѣлыя рукописи, въ томъ числѣ „Исторія Россійская" Татищева, доставившая автору имя „аѳеиста". Тутъ называли Анну Іоанною II (*С. И.* § 138), а Бирона—Годуновымъ. Тутъ же обсуждались записки, которыя подавалъ Волынскій въ Кабинетъ и императрицѣ. Сущность замысловъ конфидентовъ выразилась въ его „Генеральномъ проектѣ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ". Здѣсь самодержавіе ограничивается двумя палатами, какъ въ проектахъ 1730 года. Шляхетство занимаетъ всѣ должности, даже „вводится въ духовный чинъ". Этотъ чинъ исправляется по мысли Петра I и обучаетъ крестьянъ грамотѣ. Образованіе распространяется на всѣ сословія: заводятся низшія, ремесленныя, училища, духовныя академіи и университетъ. Въ чиновники назначаются ученые люди: съ этою цѣлью дворянская молодежь отправляется за границу. Среднему классу оказывается помощь мѣрами меркантилизма, а крестьянамъ—исправленіемъ податной системы и охраненіемъ общиннаго самоправленія.

„Ой, система, система!" тужилъ Волынскій среди конфидентовъ. А такъ какъ она олицетворялась тогда нѣмцами, то въ его проектѣ сказано: „отъ иноземцевъ государство всегда находится въ худомъ состояніи; управлять должны свои природные министры". Порядливость, послѣдовательность, простота нѣмцевъ также претили этому безпорядочному и спесивому

потомку Донского. А главное—они стояли у него на дорогѣ къ всевластію: Волынскій больше всего чернилъ Остермана въ „донесеніяхъ" Аннѣ. Остерманъ выдвинулъ противъ соперника русскихъ, съ Куракинымъ во главѣ. Пріятель Куракина, Тредьяковскій, сталъ писать на Волынскаго „смѣхотворныя басенки и пѣсенки"; а въ народъ были пущены слухи, будто сей злодѣй хочетъ даже сдѣлаться царемъ. Когда Волынскій сталъ разоблачать, въ Кабинетѣ, самого Бирона, фаворитъ сказалъ Аннѣ: „либо ему быть, либо мнѣ!" Императрица уступила со слезами. Судъ изъ русскихъ, близкихъ къ Волынскому, лицъ навелъ страхъ даже на посланниковъ кучей схваченныхъ и лютостью пытокъ: онъ доискивался не злоупотребленій по службѣ, а „злодѣйскихъ замысловъ". Избитый кнутомъ въ застѣнкѣ, съ вывихнутой рукой, съ вырѣзаннымъ языкомъ, Волынскій былъ четвертованъ (1740). Его дѣтей сослали въ Сибирь—сына солдатомъ, дочерей монахинями. Изъ близкихъ къ нему людей однихъ обезглавили, другихъ били батогами и отправили въ каторгу. Волынскій вошелъ въ преданіе и поэзію народа, какъ жертва бироновщины и какъ первый мученикъ за замыслы новой русской партіи. Екатерина II назвала его, въ своемъ завѣщаніи потомкамъ, „добрымъ и усерднымъ патріотомъ", который потерпѣлъ казнь „невинно".

§ 227. **Минихъ. Польскій и восточный вопросы.**—Конецъ царствованія Анны былъ омраченъ еще страданіями народа отъ войнъ, которыя приносили мало пользы, хотя наше войско и дипломатія представляли приличный видъ, благодаря Миниху и Остерману.

Минихъ родился въ Ольденбургѣ, воспитывался въ Парижѣ, сталъ отличнымъ инженеромъ, воевалъ подъ начальствомъ Мальборо и Евгенія Савойскаго (*Н. И.* §§ 67, 91), прекрасно устроилъ войско Августа II (§ 197). 38-ми лѣтъ онъ явился въ Россіи, незадолго до смерти Петра I, который восхищался его постройкой Ладожскаго канала, гаваней, дорогъ, мостовъ, и говаривалъ: „труды моего Миниха дѣлаютъ меня здоровымъ". Онъ былъ такъ незамѣнимъ, что работалъ при семи царствованіяхъ, хотя жестоко страдалъ отъ завистниковъ и при Елизаветѣ прожилъ 22 г. въ Пелымѣ. „Сибирскія стужи не погасили въ моемъ сердцѣ жара къ пользѣ Россіи, сказалъ этотъ нѣмецъ, превосходно владѣвшій русскимъ языкомъ. Неисчислимы его заслуги передъ русскими, въ которыхъ онъ умѣлъ находить и развивать лучшія стороны. Ему мѣшали сами же

русскіе наверху; но массы любили его, гордились имъ, называли его „столпомъ имперіи“; а для нашихъ солдатъ, которыхъ онъ считалъ лучшими въ мірѣ, это былъ „ясный соколъ“. Минихъ—отецъ нашего инженернаго дѣла; онъ поддерживалъ флотъ и особенно войско на европейской высотѣ; устроилъ артиллерію и саперное дѣло; завелъ при полкахъ гарнизонныя школы для кантонистовъ, а для офицеровъ—инженерный и кадетскій корпуса, гдѣ обращалось вниманіе на общее образованіе. Одинъ изъ первыхъ полководцевъ своего времени, онъ поднялъ замѣчательными походами значеніе Россіи, павшее послѣ Петра I. Важенъ и личный примѣръ этого честнаго труженика. Онъ до смерти работалъ „въ память Петра Великаго“: его сухая спеціальность всегда оживлялась просвѣтительною мыслью. Война имѣла цѣну въ его глазахъ, только какъ полезная школа и какъ средство посѣять сѣмена цивилизаціи на развалинахъ Турціи: отсюда его ненависть къ Австріи, которая мѣшала намъ взять Константинополь.

Минихъ.

Минихъ напоминалъ Петра I и своею личностью [1]). Крѣпкій, рослый, статный, съ открытыми, пронизывающими глазами, съ повелительнымъ голосомъ и гордою осанкой, онъ до смерти сохранялъ огненную живость и неутомимость. Такимъ же молодцомъ всходилъ онъ на эшафотъ, какимъ бросался на приступъ крѣпостей. „Не было дня, чтобы я не находился въ свѣтломъ расположеніи духа“, говорилъ Минихъ о своей ссылкѣ, гдѣ 60-лѣтній изгнанникъ выучился по-латыни, усердно огородничалъ и столько посылалъ въ Петербургъ дѣльныхъ записокъ о довершеніи плановъ Петра, что у него отняли, на-

[1]) Миниха нерѣдко изображали на историческихъ картинахъ. Есть и нѣсколько портретовъ. Болѣе достовѣрный былъ снятъ нѣмецкимъ живописцемъ незадолго до смерти Миниха. Онъ хранится въ лютеранской церкви, въ Петербургѣ. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, немного отличной отъ этого подлинника.

конецъ, перо и чернила. Этотъ непосѣда могъ вынести все, кромѣ „духа недѣятельности". Онъ надоѣдалъ властямъ требованіемъ средствъ, которыя такъ и горѣли у него въ исполинскихъ работахъ. Онъ просился хоть „въ дворники" къ Елизаветѣ. Когда Петръ III возстановилъ его, 80-лѣтній фельдмаршалъ, сопровождаемый слезами поселенцевъ и почетомъ москвичей, духомъ прискакалъ въ столицу, на простыхъ саняхъ, въ плохомъ тулупчикѣ, и—тотчасъ за работу. Онъ одинъ чуть не спасъ своего благодѣтеля; но когда тотъ отказался отъ сопротивленія, явился къ Екатеринѣ II. Еще 5 л. работалъ Минихъ, какъ при Петрѣ I, надъ Ладожскимъ каналомъ и балтійскими портами, не спалъ ночей, несмотря на болѣзни, диктовалъ такъ, что секретари уставали записывать. Онъ сохранилъ и благочестіе, и память о своей родинѣ, гдѣ ему хотѣлось умереть. Въ Петербургѣ памятникомъ ему осталась лютеранская церковь и при ней „Петровская" школа, да добрая слава: у него было правило не оставлять дня безъ благодѣяній, съ которыми „проживешь сто лѣтъ". Минихъ умеръ 85-ти л., окруженный внуками. Но и на этомъ человѣкѣ отразился „ужасный вѣкъ". Онъ былъ честолюбивъ и высокомѣренъ: на каждомъ шагу хвастался своими заслугами, бранилъ всѣхъ, какъ ничтожества, добивался титула украинскаго герцога или молдавскаго господаря. Рыцарски вѣжливый въ обращеніи, особенно съ дамами, онъ не пренебрегалъ самыми грубыми средствами для своего возвышенія. Тихій, порядливый дома, онъ былъ бѣшенымъ звѣремъ и палачомъ на войнѣ.

При воцареніи Анны Ивановны, Минихъ не принималъ участія въ политикѣ, какъ иностранецъ, притомъ понимавшій „хаосъ" у русскихъ. Затѣмъ онъ сблизился съ Остерманомъ и Бирономъ, которые взяли его въ Кабинетъ и сдѣлали президентомъ военной коллегіи. Такой человѣкъ, и въ расцвѣтѣ силъ (ему было 47 л.), сдѣлался необходимымъ не въ однихъ военныхъ дѣлахъ. Анна стала вообще подчиняться его совѣтамъ: онъ жилъ во дворцѣ, рядомъ съ ея покоями, и имѣлъ бланки съ ея подписью. Биронъ и Остерманъ испугались и возненавидѣли его. Они приставили къ нему соглядатаевъ и обрадовались случаю спровадить его на войну.

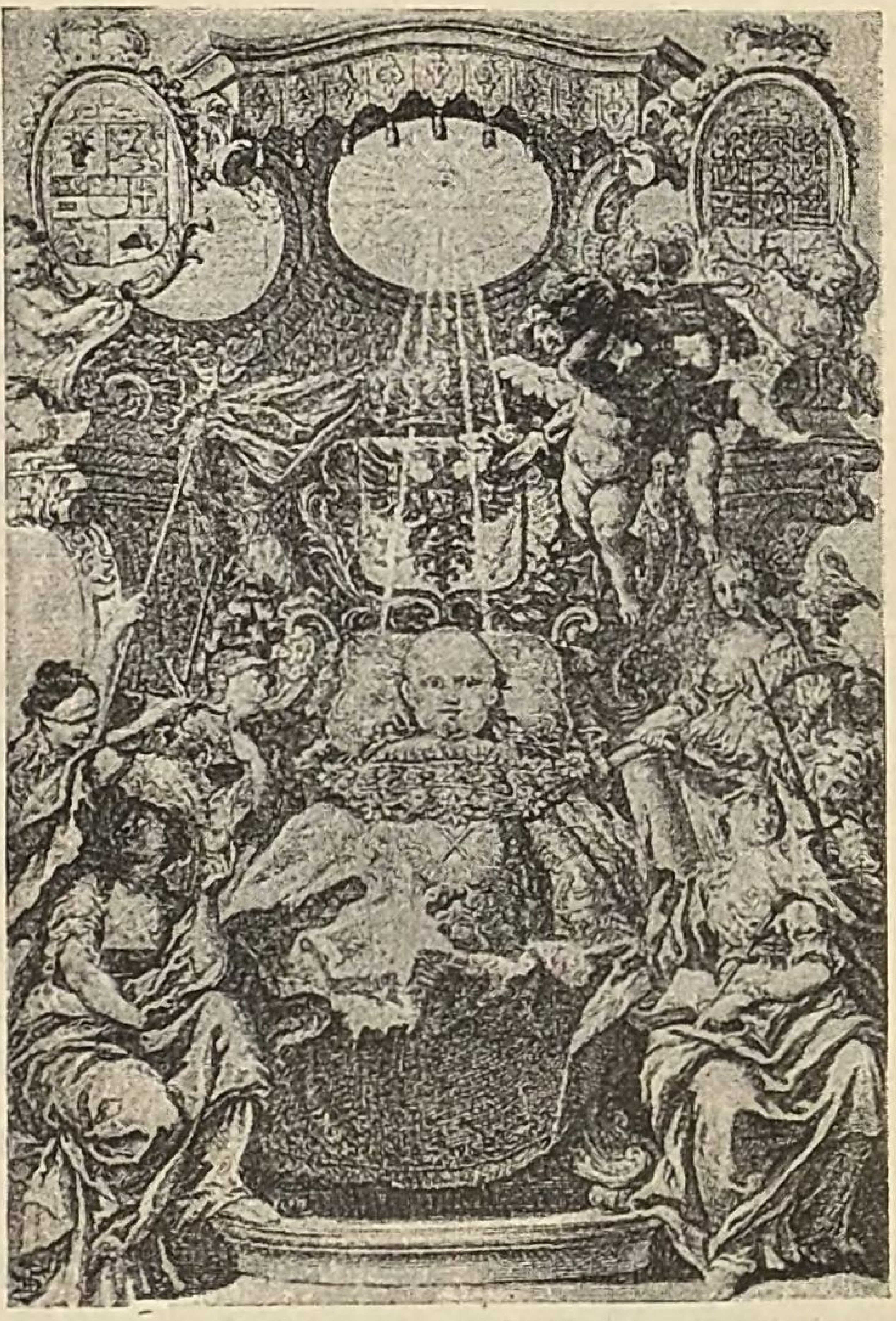
Тогда въ нашей внѣшней политикѣ выдвинулись, связанные между собой, вопросы *польскій* и *восточный*. Чтобы сосредоточиться на нихъ, при Петрѣ II заключили выгодный договоръ съ Китаемъ, давшій намъ кяхтинскую границу, а при Аннѣ

уступили Персіи завоеванія Петра I (§ 218), бывшія кладбищемъ нашего войска. Вслѣдъ затѣмъ Анна, въ союзѣ съ Австріей, вмѣшалась въ дѣла Польши, пользуясь борьбою за престолъ по смерти Августа II. Поляки выбрали Лещинскаго, тестя короля Франціи, которая возстановляла противъ насъ Турцію и Швецію. Но подъ Варшавой явились наши войска — и меньшинство выбрало *Августа III*, который обѣщалъ уступить намъ Курляндію. Лещинскій бѣжалъ въ Данцигъ; но Минихъ вытѣснилъ его оттуда послѣ блестящей, хотя и тяжелой, осады. Когда потомъ умеръ послѣдній Кетлеръ (§ 111), Польша уже не мѣшала русскимъ войскамъ принудить курляндскій сеймъ къ выбору *Бирона въ герцоги*. Но мы должны были еще помогать австрійцамъ, которымъ Франція объявила войну изъ-за Польши: и Европа съ изумленіемъ увидѣла наши войска у Рейна. Впрочемъ враги примирились безъ битвъ, и русскіе поспѣшили домой: уже начиналась турецкая война (1736—1739). Россіи хотѣлось смыть позоръ прутскаго похода (§ 218), и Минихъ доставилъ бы ей эту славу: несмотря на испытанную тяжесть крымскихъ походовъ (§ 209), онъ взялъ столицу татаръ, Бахчисарай, да еще Очаковъ, Хотинъ, Азовъ, и при *Ставучанахъ* жестоко разбилъ турокъ, въ первомъ открытомъ бою русскихъ съ ними. Минихъ уже мечталъ о своей завѣтной цѣли — побывать въ Константинополѣ, несмотря на то, что Австрія, побитая турками и ревнивая къ успѣхамъ Россіи, внезапно заключила съ Портой *бѣлградскій миръ* (*Н. И.* § 98). Но Анна велѣла ему присоединиться къ миру: Россія возвратила туркамъ все, кромѣ Азова. Она со славой, но даромъ потеряла сотню тысячъ людей и много денегъ.

§ 228. **Иванъ VI. Регентъ и правительница.** — Успѣхи Миниха внушали страхъ Бирону, который опасался также коварнаго Остермана; а Анна все чаще подвергалась припадкамъ болѣзни. Фаворитъ старался то выдать свою дочь за герцога Антона, то женить сына на Аннѣ Леопольдовнѣ. Но императрица устроила бракъ Анны съ Антономъ и назначила наслѣдникомъ только-что родившагося у нихъ сына, Ивана. Тогда у Бирона явился новый клевретъ, въ лицѣ дипломата Бестужева-Рюмина, которому онъ далъ мѣсто Волынскаго въ Кабинетѣ. Онъ-то выручилъ благодѣтеля. Когда Анна Ивановна умирала (октябрь 1740), Остерманъ отвѣчалъ на ясные намеки фаворита уклончиво, ссылаясь на свое иноземство. Бестужевъ первый заявилъ прямо, что, кромѣ Бирона, „некому быть регентомъ“. Онъ сочинилъ даже челобитную,

яко бы „вся нація герцога регентомъ желаетъ", — и императрица успѣла подписать бумагу о „полной власти" *регента* Бирона до совершеннолѣтія императора *Ивана VI*[1]). Тогда къ Бестужеву пристали Минихъ, Черкасскій и горячѣе всѣхъ Остерманъ. Биронъ долго отнѣкивался, наконецъ воскликнулъ: „вы поступили, какъ древніе римляне!"

Родители Ивана не могли сопротивляться.

Иванъ VI Антоновичъ.

Антонъ былъ бездаренъ и труслив столько же, сколько своенравенъ и избалованъ, и у него не было связей въ чужой сторонѣ.

Миловидная, кроткая, довѣрчивая *Анна Леопольдовна* [2]), которой было всего 22 г., обладала смысломъ и добрымъ сердцемъ, но была сонлива, необразована и забита тираномъ отцомъ да грубою матерью, которая напоминала свою сестру, Анну Ивановну. Ни во что не вмѣшиваясь, сидѣла она дома неубранная, подвязавши голову платкомъ, съ одною фрейлиной, въ скукѣ смертной. Она не терпѣла мужа, котораго навязали ей „проклятые" министры, и жаловалась на свою судьбу ловкому красавцу, саксонскому посланнику Линару...

[1]) На прилагаемой картинѣ Иванъ VI изображенъ младенцемъ въ колыбели. Вокругъ головки разложена цѣпь ордена Андрея Первозваннаго; кругомъ 6 женскихъ аллегорическихъ фигуръ. Это—снимокъ съ очень рѣдкой гравюры: по приказанію Елизаветы, истреблялось все, касавшееся царствованія Ивана VI. Но сохранился еще рублевикъ съ изображеніемъ младенца и съ надписью *Іоаннъ III* (какъ царь).

[2]) Всѣ портреты Анны Леопольдовны представляютъ снимки съ подлинника Каравака, писаннаго въ 1739 г., когда она выходила замужъ. Онъ находится въ

Регентъ не замедлилъ утвердить Анну Леопольдовну въ ея опасеніяхъ. Онъ остался въ Лѣтнемъ дворцѣ. Ему, обладателю 4 милліоновъ дохода, назначили 500.000 пенсіи, а родителямъ императора—только 200.000. Герцогъ Антонъ, попытавшійся показать свое значеніе, былъ подвергнутъ домашнему аресту, съ угрозой испробовать рукъ Ушакова. Пошли доносы и пытки за малѣйшее слово, непріятное регенту, спесь и наглость котораго достигли чудовищныхъ размѣровъ. Биронъ обращался по-человѣчески только съ Елизаветой Петровной: у него зарождалась мысль женить на ней своего сына, и онъ уже открыто поговаривалъ о высылкѣ „браунъшвейгской фамиліи" изъ Россіи.

Анна Леопольдовна.

Наглость зазнавшагося проходимца стала нестерпима. Несмотря на ужасы застѣнковъ Тайной канцеляріи, даже на улицахъ собирались мрачныя толпы; по казармамъ слышался ропотъ. И вездѣ перелетало имя Елизаветы, какъ вѣяніе духа Петра Великаго. Идеалъ солдатъ, оттертый фаворитомъ отъ заслуженнаго перваго мѣста, отважный Минихъ, который ожидалъ себѣ ссылки отъ властительнаго соперника, предложилъ Аннѣ Леопольдовнѣ освобожденіе и, получивъ согласіе, въ тотъ же вечеръ (8 ноября 1740) весело поужиналъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, а ночью арестовалъ его хозяина, назвавъ его своимъ гренадерамъ „воромъ, измѣнникомъ, похитителемъ верховной власти": Бирона вытащили, въ ночномъ бѣльѣ, изъ-подъ кровати. Другой отрядъ гренадеръ арестовалъ Бестужева. Затѣмъ были схвачены два брата регента и его зять, генералъ Бисмаркъ. Остерманъ, котораго всѣ считали тайною пружиной низверженія регента, лежалъ

Гатчинскомъ дворцѣ. Но извѣстный граверъ Вортманъ нѣсколько передѣлалъ его, какъ видно изъ нашего рисунка.

совсѣмъ больной. Но когда его позвали, онъ первый явился въ Зимній дворецъ и сердечнѣе всѣхъ поздравилъ Миниха съ новымъ подвигомъ. Оторопѣлые вельможи признали Анну Леопольдовну *правительницей*, а Антона — генералиссимусомъ, т. е. высшимъ чиномъ въ государствѣ. Бестужевъ былъ сосланъ въ свою деревню. Биронъ, послѣ 3-недѣльнаго регентства, попалъ, съ родней, въ Пелымъ, гдѣ онъ поселился, съ женой, сыновьями, дочерью, пасторомъ и врачемъ, въ домикѣ, планъ котораго былъ начертанъ самимъ Минихомъ. Годъ спустя, Елизавета перевела его въ Ярославль, гдѣ онъ проживалъ болѣе 20 л., пока Екатерина II не возвратила ему курляндской короны. Избранникъ судьбы процарствовалъ въ Митавѣ лѣтъ 10 и умеръ счастливо, 82-хъ лѣтъ, оставивъ престолъ своему сыну.

Временщикомъ сталъ новый нѣмецъ; но то былъ Минихъ. Онъ мечталъ объ исправленіи внутреннихъ дѣлъ въ духѣ Петра I, въ особенности же объ отмщеніи Австріи за бѣлградскій миръ (§ 227) и о взятіи Константинополя. Старый герой надѣялся достигнуть завѣтной цѣли съ помощью юнаго товарища, Фридриха II прусскаго, который началъ тогда войну за австрійское наслѣдство, чтобы уничтожить свою соперницу, императрицу Марію-Терезію (*Н. И.* § 67). Но не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ Россія очутилась въ рукахъ новаго временщика. На этотъ разъ пришла очередь графа Андрея Ивановича (§ 223). Онъ привлекъ на свою сторону Антона, котораго оскорбляло первенство по одному имени, и Линара, который не довольствовался вліяніемъ въ покояхъ правительницы. Въ пользу ему послужило личное отвращеніе Анны Леопольдовны къ первому министру, который надоѣдалъ ей скучными дѣлами и угнеталъ ее своимъ могуществомъ. Однажды Минихъ занемогъ. Остерману нетрудно было убѣдить правительницу, что онъ лучше понимаетъ дипломатію, чѣмъ фельдмаршалъ; между тѣмъ какъ Антонъ нашептывалъ ей въ другое ухо, что ея спаситель хочетъ стать „верховнымъ визиремъ“. Анна Леопольдовна подписала союзный договоръ съ Австріей. Выздоровѣвшій Минихъ немедленно погрозилъ отставкой; но она была принята (мартъ 1741). Грозный полководецъ мирно удалился въ свое имѣніе и собирался отъѣхать на службу къ Фридриху II. Но его такъ боялись, что Анна и Антонъ долго перемѣняли спальни каждую ночь, а Миниха озолотили добромъ, отобраннымъ у Бирона: его годовой доходъ возросъ до 70.000 р.

„Настоящимъ царемъ россійскимъ“, по словамъ посланни-

ковъ, сталъ Остерманъ, но всего на 8 мѣсяцевъ. У него не оказалось помощниковъ: никто ничего не дѣлалъ, всякій заботился только объ огражденіи собственной особы. Правительница попрежнему скучала и трепетала за судьбу своего ребенка. Антонъ мучилъ ее, одолѣваемый жаждою власти, которая опять прошла мимо него; а на смѣну временному „царю“ возвышался Линаръ. Покуда мужъ и фаворитъ раздѣляли ненависть къ хитрому дипломату, который, наконецъ, запутался въ собственныхъ сѣтяхъ. Его союзъ съ Австріей вызвалъ вражду Франціи, которая помогала Фридриху II. Она побудила Швецію объявить намъ войну. А въ Петербургѣ орудовалъ ея посланникъ, маркизъ *Шетарди*,—ловкій, напудренный щеголь, любезный острякъ и гостепріимный весельчакъ. Онъ сорилъ деньгами, чтобы низвергнуть брауншвейгскую фамилію.

Шетарди могъ совершить переворотъ только во имя Елизаветы Петровны, къ которой былъ близокъ его другъ, веселый, пріятный и всевѣдущій хирургъ, *Лестокъ*, вызванный въ Россію еще Петромъ I. Дочь преобразователя силою вещей выдвигалась на первый планъ, въ разгаръ національнаго чувства, которое овладѣвало русскими, видѣвшими, что наверху при паденіи одного нѣмца возникалъ другой, а дѣла все ухудшались. Про верховныхъ иностранцевъ распускали самыя чудовищныя сплетни. Народъ говорилъ, указывая на окна цесаревны: „Петръ Великій въ Россійской имперіи заслужилъ; орелъ леталъ да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а его дочь оставлена“. Всѣмъ нравилось, что Елизавета избѣгла браковъ съ иностранцами и постоянно жила въ Россіи. Ходили слухи, что иноземные временщики преслѣдовали ее: дѣйствительно, ей давали мало средствъ; при ней состоялъ урядникъ, который слѣдовалъ за ней даже по городу. Ея дворъ былъ скроменъ и состоялъ изъ русскихъ — изъ Алексѣя Разумовскаго, братьевъ Шуваловыхъ и Михаила Воронцова. Сама цесаревна превратилась изъ шаловливой красавицы въ грустную, но ласковую женщину величественнаго вида. Она жила съ чарующею простотой и доступностью, каталась по городу то верхомъ, то въ открытыхъ саняхъ и посѣщала святыни. Все въ ней возбуждало умиленіе народа: даже гостиннодворцы не брали съ нея денегъ за товары. Но чаще всего видѣли ее въ домикѣ у казармъ, гдѣ она крестила дѣтей у рядовыхъ и ублажала родителей крестниковъ, входя даже въ долги: гвардейцы называли ее „матушкой“.

Между тѣмъ шведы, по требованію Шетарди, объявили, что

воюютъ „для освобожденія русскаго народа отъ несноснаго ига иностранцевъ". Испуганная Анна Леопольдовна собиралась провозгласить себя императрицей.

Лестокъ набросалъ для цесаревны два рисунка: на одномъ она была изображена съ короной на головѣ, на другомъ — монахиней, съ орудіями пытки у ногъ. „Если такъ, то я покажу всѣмъ, что я — дочь Петра Великаго!" воскликнула Елизавета.

Правительницу со всѣхъ сторонъ предупреждали объ опасности; но она называла все это „пустыми сплетнями" и осыпала цесаревну ласками да подарками. Она даже показала ей послѣдній доносъ.

Елизавета клялась ей въ вѣрности, обливаясь слезами. На другой день, ночью на 25 ноября 1741 г., она помолилась, клянясь никогда не подписывать смертныхъ приговоровъ, и поѣхала, съ своими царедворцами, въ казармы преображенцевъ.

„Знаете, чья дочь я? Освободимся отъ нашихъ мучителей-нѣмцевъ", сказала она имъ.

„Всѣхъ ихъ перебьемъ, матушка", крикнули усачи.

Но цесаревна взяла съ нихъ слово не проливать крови. Гренадеры принесли ее на рукахъ въ Зимній Дворецъ, погруженный въ глубокій сонъ.

Елизавета сама увезла къ себѣ Ивана VI и все жалѣла и ласкала малютку. Остальная брауншвейгская фамилія была отправлена въ Петропавловскую крѣпость, куда доставили также Остермана, Головкина, даже опальнаго Миниха и другихъ — всего до 20 особъ.

Утромъ народъ ликовалъ по улицамъ, грѣясь у костровъ.

Особенно радовалась рота преображенцевъ. Она была названа „лейбъ-компаніей", что напоминало „надворную пѣхоту" Софьи (§ 208). Каждый рядовой сталъ дворяниномъ и получилъ деревню съ крестьянами. И въ манифестѣ было сказано, что цесаревна „воспріяла отеческій престолъ, по просьбѣ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, особливо лейбъ-гвардіи полковъ".

Люди, страдавшіе при двухъ Аннахъ, были осыпаны милостями: во главѣ ихъ были уцѣлѣвшіе изъ Долгорукихъ и

Биронъ. А князь Трубецкой, обворовавшій армію въ турецкую войну, производилъ судъ надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ и др. Остерманъ ссылался на долгъ и присягу. Минихъ крикнулъ Трубецкому: „я въ одномъ виноватъ — зачѣмъ не повѣсилъ тебя тогда“ (на войнѣ). Тутъ Елизавета, слушавшая за ширмами, велѣла прекратить судъ. Опредѣлили: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, остальныхъ — въ Сибирь. На эшафотѣ Остерманъ уже положилъ голову на плаху, когда вышло помилованіе: его сослали въ Березовъ, Миниха — въ Пелымъ. На пути въ Сибирь, Минихъ встрѣтился съ возвращавшимся Бирономъ: соперники-временщики молча раскланялись.

Анну Леопольдовну, съ мужемъ, отправили въ Холмогоры, гдѣ она умерла черезъ 5 л. Иванъ VI былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ, бывшій 13 мѣсяцевъ имератором въ колыбели, просидѣлъ 23 г....

Изъ него вышелъ статный, но хрупкій, матово-блѣдный юноша, почти съ бѣлыми волосами, косноязычный и полупомѣшанный...

§ 229. **Елизавета и ея сотрудники.** — Елизавета Петровна, такъ же какъ и ея сестра, Анна, представляла собой новый типъ воспитанія въ Россіи, въ противоположность своимъ двоюроднымъ сестрамъ, Екатеринѣ и Аннѣ Ивановнамъ.

Въ одномъ и томъ же селѣ Измайловѣ (§ 210), рядомъ стояли какъ бы двѣ Россіи. Между тѣмъ какъ семья Ивана V была пережиткомъ Домостроя (§ 177), охраняемымъ суровою, набожною царицей Прасковьей (§ 225), семья Петра I была оживлена свободнымъ, свѣтскимъ духомъ новизны. Здѣсь нѣмцы и француженка обучали дѣвицъ, чему такъ завидовалъ ихъ отецъ (§ 210). Правда, не глубока была эта наука: преобразователь былъ далекъ отъ домашнихъ дѣлъ и, самъ отдавая всего себя служенію отечеству, видѣлъ въ дочеряхъ лишь орудіе русской политики. Цесаревны ознакомились только съ языками: Анна говорила на четырехъ языкахъ; Елизавета отлично знала французскій языкъ, слабѣе — нѣмецкій и итальянскій.

Елизавета училась хуже сестры...

Походя лицомъ больше на отца, душой она была ближе къ матери.

Она... не любила читать; а писать было для нея такою же пыткой, какъ слушать ученыхъ людей...

Ей по душѣ было приволье въ Измайловѣ да въ Александровской Слободѣ (§ 126): для него она отказала, по смерти матери, коронованнымъ женихамъ. Здѣсь она водила хороводы съ дѣвками, крестила мужицкихъ дѣтей, привыкла къ богомольямъ и къ разсказамъ святошъ, странниковъ и торговокъ. Здѣсь же, въ кругу юныхъ офицеровъ, сержантовъ, стременныхъ, она до самозабвенія предавалась верховой ѣздѣ, катанью на конькахъ и салазкахъ да охотѣ на волковъ, лосей и оленей...

Елизавета Петровна.

И чопорные родословные любили ссылаться на „поведеніе“ этой „незаконной“ дочери преобразователя и нѣмки.

Елизавета была очаровательна, какъ ея мать [1]), съ прибавкой французской утонченности: въ мысляхъ отца, она всегда считалась невѣстой Людовика XV. Высокая, полная, но граціозная, съ свѣжимъ лицомъ, съ большими голубыми глазами, съ отцовскимъ носомъ, въ пышныхъ каштановыхъ локонахъ, не испорченныхъ пудрой и перевитыхъ цвѣтами, съ бѣлыми зубами, съ изящною ножкой и ручкой, съ обольстительной улыбкой и крайне свободнымъ обращеніемъ, страстная танцорка, неподражаемая въ мужскомъ платьѣ и

[1]) Лучшіе портреты Елизаветы принадлежатъ кисти знаменитаго придворнаго живописца временъ ея и Анны Ивановны, Каравака, который писалъ ее еще ребенкомъ, по заказу Петра I. Наше изображеніе есть снимокъ съ его работы, одобренной самою Елизаветой и сдѣланной въ 1746 г., когда ей было 37 л. Здѣсь на головѣ императрицы малая корона и булавка съ подвѣсками. Внизу двуглавый орелъ съ московскимъ гербомъ и подпись: „Елисѳетъ I императрица и самодержица всероссійская“.

въ русской пляскѣ, она считалась всѣми, при Петрѣ II, Венерой подлѣ Діаны-Минервы, Натальи Алексѣевны (§ 223)...

Елизавета отличалась добротою своей матери, отвращеніемъ къ крови, здравымъ смысломъ и умѣніемъ выбирать людей. Она сохраняла на престолѣ тотъ патріотизмъ, ту простоту Петра I, которые снискали ей имя „матушки" у массъ. Въ лицѣ этой императрицы, 20-лѣтнее правленіе которой оставило глубокій слѣдъ, проходила въ жизнь основная мысль преобразователя о сліяніи общечеловѣческаго съ туземнымъ. Ея дворъ былъ отрицаніемъ Домостроя. Онъ подчинялся овладѣвшему тогда Европой *вліянію Франціи*. Пышность, блескъ, увеселенія, маскарады, оперы, водевили, возникшіе при Аннѣ Ивановнѣ въ грубомъ видѣ, достигли крайнихъ предѣловъ и облеклись въ версальское изящество: тогда изобрѣли у насъ и диковинную роговую музыку. Императрица сама переодѣвалась нѣсколько разъ въ день: въ ея гардеробѣ было 15.000 шелковыхъ платьевъ. Она любила сидѣть передъ зеркаломъ, болтая вздоръ, слушая сплетни дипломатовъ: проходили мѣсяцы, пока министръ удостоивался доклада.

Но въ глубинѣ души это была русская помѣщица. По вечерамъ, Елизавета была окружена бабами и истопникомъ, которые тѣшили ее сказками и народными прибаутками. Отъ баловъ она переходила къ томительному богослуженію, отъ охоты—къ „богомольнымъ походамъ": она благоговѣла передъ духовенствомъ и часто жила въ Москвѣ. Когда даже на второстепенное мѣсто представляли иностранца, она спрашивала: „развѣ нѣтъ русскаго?"

При Елизаветѣ возникли новая русская литература, наука и высшее обученіе, а внѣшняя политика отличалась національнымъ направленіемъ; ея войны подготовляли успѣхи Екатерины II, ослабляя Пруссію и воспитывая полководцевъ. Русскіе чувствовали, что кончалась 15-лѣтняя пора „бѣдства" (§ 222). Въ проповѣдяхъ, академическихъ рѣчахъ, рукописныхъ листкахъ заговорили: „Промыслъ спалъ, государственное управленіе дремало; уничтожались дѣла Петра I; коронами играли, какъ мячами. Теперь же возстаньте сыны отечества, вѣрные россы!" А когда умерла Елизавета, народъ со слезами поминалъ долгое правленіе дочери своего геніальнаго великана.

Елизавета начала съ объявленія, что она останется дѣви-

цей, а наслѣдникомъ назначаетъ своего племянника, сына Анны Петровны, который тотчасъ же былъ выписанъ изъ Голштиніи и обращенъ въ православіе, подъ именемъ *Петра Ѳедоровича*. Черезъ два года онъ былъ обвѣнчанъ съ принцессою цербстской, принявшею православіе, подъ именемъ *Екатерины Алексѣевны*. Затѣмъ былъ уничтоженъ Кабинетъ (§ 225); а во дворцѣ возникли Конференціи — родъ чрезвычайнаго совѣта, на которомъ императрица сначала присутствовала лично. Но вскорѣ она предалась мирной, набожно-веселой жизни, вручивъ правленіе своимъ сотрудникамъ.

Сначала первую роль игралъ бойкій пособникъ переворота, Лестокъ. Но онъ на голову себѣ вытащилъ изъ тюрьмы и приблизилъ къ Елизаветѣ такого опытнаго дѣльца, какъ *Алексѣй Бестужевъ* (§ 228). Одинъ изъ самыхъ усердныхъ и даровитыхъ волонтеровъ Петра I, Бестужевъ [1]) провелъ юность въ Германіи, гдѣ ничего не упускалъ изъ виду и набрался разныхъ свѣдѣній: онъ изобрѣлъ даже одно извѣстное лекарство. Но больше всего постигъ онъ извороты тогдашней дипломатіи: преобразователь восхищался его ловкою исполнительностью и держалъ его резидентомъ въ такихъ важныхъ для него мѣстахъ, какъ Голштинія и Данія. Изъ Бестужева выработался русскій Остерманъ: державамъ, особенно его заклятому врагу Фридриху II, приходилось вести нелегкую борьбу съ этимъ коварнымъ честолюбцемъ, который причислялъ себя къ „большимъ господамъ“ Россіи. Неутомимый въ трудѣ, проницательный Бестужевъ вмѣшивался во все

Алексѣй Бестуживъ.

[1]) Есть нѣсколько портретовъ Бестужева и профилей на медаляхъ, которыя онъ любилъ выбивать въ свою честь. Лучшій портретъ писанъ иностранцемъ, когда Бестужеву было 63 г. Съ него сдѣланъ нашъ снимокъ.

и не пренебрегалъ ничѣмъ для своихъ цѣлей: по словамъ Фридриха, онъ продалъ бы самую императрицу, еслибы кто могъ ее купить. Онъ поддѣлался къ Бирону доносами на его враговъ, а теперь поспѣшилъ погубить своего благодѣтеля, Лестока, чтобы властвовать одному. Елизавета не любила этого 50-лѣтняго упрямаго дипломата, съ сухимъ и надменнымъ выраженіемъ во взорѣ, съ тонкими, сжатыми губами и большимъ лбомъ: вѣчно заваленный бумагами, онъ докучалъ ей дѣлами. Но она радовалась, что могла свалить все бремя правленія на этого незамѣнимаго труженика: она сдѣлала его графомъ и канцлеромъ, назначивъ вице-канцлеромъ скромнаго *Михаила Воронцова*, женатаго на ея родственницѣ.

Бестужеву удалось убѣдить императрицу въ необходимости союза съ Австріей, что̀ подорвало вліяніе Лестока, подкупленнаго Версалемъ и Фридрихомъ. Затѣмъ онъ перехватилъ депеши пріятеля Лестока, маркиза Шетарди, полныя дурныхъ отзывовъ объ Елизаветѣ. Шетарди былъ выпровожденъ изъ Россіи; Лестока пытали и сослали; былъ удаленъ даже Воронцовъ, обнаружившій сочувствіе къ Франціи. Новая опасность для канцлера возставала въ лицѣ наслѣдницы престола: изъ депешъ Шетарди оказывалось даже, будто Екатерина дала слово Фридриху II низвергнуть его. Но молоденькая принцесса успѣла такъ обойти стараго дипломата, что между ними постепенно установилась пріязнь.

Хитрый дѣлецъ заправлялъ Россіей цѣлыхъ 17 л., хотя были люди, лично стоявшіе гораздо ближе въ императрицѣ.... Красивый, статный Алексѣй Разумовскій былъ невѣжественъ, бездаренъ и лѣнивъ; но онъ сознавалъ, что всему обязанъ „случаю“, какъ выражались тогда. Добрый и прямодушный человѣкъ, онъ не зазнавался, не вмѣшивался въ дѣла и тѣмъ снискалъ себѣ всеобщую любовь. Онъ даже жилъ въ дружбѣ съ своимъ соперникомъ, Иваномъ Шуваловымъ.

Двоюродные братья Шуваловы принадлежали къ старому, но захудалому роду: отецъ ихъ былъ бѣдный капитанъ, сослуживецъ Петра I. Старшій изъ нихъ, *Петръ Шуваловъ*, внезапно поднялъ свою фамилію, женившись на одной изъ домашнихъ любимицъ Елизаветы. Онъ былъ уменъ, распорядителенъ и обладалъ большими свѣдѣніями, особенно по математикѣ: онъ много работалъ по устройству войскъ, ставши президентомъ военной

коллегіи, даже изобрѣлъ скорострѣльную пушку; на смертномъ одрѣ, при Петрѣ III, онъ удостоился званія фельдмаршала. Но это былъ образецъ взяточничества, двуличности и грубости: онъ не зѣвалъ, заправляя преимущественно хозяйствомъ страны и казной; даже занимался откупами. Для своихъ цѣлей онъ пользовался добродушіемъ и вялостью своего брата. Напротивъ, *Иванъ Шуваловъ* [1]), ставши фаворитомъ уже по воцареніи Елизаветы, когда ему было всего 20 л.,—типъ русскаго человѣка, возросшало подъ французскимъ вліяніемъ. Сначала его воспитала наша деревня, съ ея крѣпостничествомъ и Часословомъ дьячка: отсюда его барство, лѣнь и безволіе. Но онъ былъ даровитъ и любознателенъ. Попавъ въ Москву, потомъ долго проживши въ Италіи, онъ изучилъ языки, перечиталъ много книгъ, составилъ хорошую библіотеку и собраніе картинъ и скульптуръ, которыми обогатилъ потомъ академію художествъ. Гуманность, изящная мягкость, извѣстное прямодушіе, написанныя на его миловидномъ лицѣ, не только сопутствовали ему въ людяхъ, но и проявлялись въ семьѣ. Онъ вездѣ оказывался примирителемъ; даже соперники отдавали дань его „благородному учтивству“. Онъ посвятилъ себя меценатству. То былъ настоящій министръ народнаго просвѣщенія, по призванію. Это дѣло было близко его сердцу: онъ служилъ ему и при Екатеринѣ II, вскорѣ послѣ кончины которой умеръ, 70-ти л. отъ роду.

Иванъ Шуваловъ.

Истиннымъ царскимъ окомъ былъ неподкупный и ревностный Яковъ *Шаховской*: онъ всю жизнь боролся съ лѣнью и своекорыстіемъ чиновничества, сначала какъ оберъ-прокуроръ синода, потомъ какъ генералъ-прокуроръ сената.

[1]) Наша гравюра представляетъ снимокъ съ наиболѣе схожаго портрета, писаннаго масляными красками, когда Ивану Шувалову было 33 г. Портретъ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

§ 230. **Внутреннія дѣла. Борьба съ Фридрихомъ II.**—Елизавета съ самаго начала вступила на путь своего отца, возстановивъ значеніе *сената*, который былъ пополненъ русскими членами. Сенатъ зорко слѣдилъ за коллегіями, штрафовалъ ихъ за нерадѣніе, отмѣнялъ несправедливые изъ ихъ приговоровъ. Вмѣстѣ съ ними, онъ усиленно работалъ, стараясь ввести порядокъ въ управленіе и ограничить злоупотребленіе областныхъ властей; но больше всего онъ занимался исполненіемъ проектовъ Петра Шувалова.

Задачей Шувалова было увеличеніе доходовъ истощенной казны, не столько обременяя народъ новыми тягостями, сколько развивая производительныя силы страны. Доимочный приказъ (§ 226) былъ уничтоженъ. Если подати были возвышены до 1 р., вслѣдствіе войнъ и малочисленности населенія, зато онѣ взимались правильнѣе, такъ какъ былъ возстановленъ планъ Петра I относительно *ревизій*. Облегченіемъ для народа была новая система *воинской повинности*. Россію раздѣлили на 5 полосъ, по которымъ производился наборъ, т.-е. брали солдатъ лишь съ $^1/_5$ населенія, притомъ по 1 человѣку со 100. Дорожа рабочими руками, не казнили народа и постепенно устраняли пытки; бѣглыхъ оставляли работать на новыхъ мѣстахъ. Милостиво относились даже къ частнымъ бунтамъ крестьянъ, особенно монастырскихъ, и приготовляли отобраніе церковныхъ имуществъ въ казну. Оттого быстро заселялись юговосточныя окраины: была открыта *Оренбургская губернія*. А на юго-западъ привлекали иностранцевъ, особенно поляковъ и австрійскихъ сербовъ: возникла цѣлая *Новая Сербія* (§ 197), и былъ заложенъ *Елисаветградъ*. Промыслы развивались, благодаря льготамъ. Народъ уже не страдалъ отъ недостатка *соли*, съ открытіемъ эльтонскаго производства. На востокѣ началась сильная разработка рудъ; торговля съ среднею Азіей доходила до Ташкента. Этому помогали казенные *банки*, которые выдавали, всего за 6%, деньги купцамъ и дворянамъ, часто даже безъ залоговъ. *Коммиссія о коммерціи* помогала среднему классу: она возстановила главный магистратъ, охраняла купцовъ отъ воеводъ, покровительствовала частной промышленности. Къ тому же служили попытки размежеванія земель, устранявшаго споры между замлевладѣльцами. Еще важнѣе была *отмѣна внутреннихъ таможенъ* и съ ними 17-ти мелочныхъ сборовъ, которымъ подвергались товары при перевозѣ изъ одного мѣста въ другое. Былъ изданъ и таможенный уставъ, ставив-

шій торговлю на новыя, болѣе льготныя основанія. Получила облегченія и Малороссія: были сложены недоимки; великороссіянамъ запретили имѣть крѣпостныхъ изъ малороссовъ. Было возстановлено *гетманство*, въ лицѣ Кирила Разумовскаго, и Малороссія снова перешла отъ сената въ вѣденіе иностранной коллегіи.

Съ сознаніемъ было двинуто заброшенное основное дѣло преобразователя—просвѣщеніе страны: „Петръ Великій погруженную въ глубину невѣжества Россію къ познанію истиннаго благополучія приводилъ, и по тому же пути желаетъ слѣдовать дщерь его", гласитъ указъ. Иванъ Шуваловъ вводилъ цѣлый строй народнаго образованія. Онъ основалъ первый русскій *университетъ въ Москвѣ* (1755) и *академію художествъ* въ Петербургѣ (1757). Двери университета раскрывались для всѣхъ, кромѣ крѣпостныхъ; и даже трактирщики обязывались жертвовать на него. Шуваловъ выработалъ также планъ средняго и низшаго обученія: по провинціямъ должны были заводиться народныя школы, гдѣ преподавались бы основанія разныхъ наукъ, а въ „знатныхъ" городахъ — гимназіи, куда поступала бы молодежь изъ школъ и выходила въ университетъ, въ академію наукъ, въ морскую академію или кадетскій корпусъ. Успѣли открыть двѣ *гимназіи* при университетѣ; а народныя школы появились даже въ Оренбургѣ и на украинской линіи. Стараясь замѣнить иностранныхъ учителей, помогали даже купеческой молодежи учиться за границей; для купцовъ переводили особыя книги по ихъ дѣлу. Улучшая бытъ церковниковъ, заставляли ихъ поучать народъ и разсылали имъ Катехизисъ и вновь исправленное изданіе Библіи. Наконецъ, помогли купцу Волкову завести русскій *театръ* въ Петербургѣ (1756). При академіи появился первый русскій журналъ, *Ежемѣсячныя Сочиненія*, а при университетѣ —полная газета, *Московскія Вѣдомости*, существующія и теперь. И возникла отечественная *словесность*, съ достойнымъ роднымъ языкомъ. Въ ней сразу обозначилась такая сознательность, что сатира Сумарокова бичевала даже пороки образованнаго круга, а Ломоносовъ оказался европейскимъ двигателемъ науки; и явился отецъ русской исторіи, Татищевъ.

Выступало *человѣколюбіе*, смягченіе нравовъ, и прежде всего наверху. Недаромъ Елизавета сблизилась съ такимъ мягкимъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, какъ Иванъ Шуваловъ. Оба они были живымъ свидѣтельствомъ того, что проходитъ пора „ужасныхъ сердецъ". Императрица сдержала свою клятву Всевышнему (§ 228): въ

Россіи была *отмѣнена смертная казнь*, въ 1754 г., когда на Западѣ правительства и не думали объ этомъ. Правда, она сохранилась для политическихъ дѣлъ, и работа третьяго брата Шувалова въ застѣнкахъ Тайной Канцеляріи напоминала преданія Ушакова и Ромодановскаго; но тутъ соблюдалась такая тайна, что сама Елизавета мало знала объ усердіи этого вѣдомства. А рядомъ было воспрещено употреблять пытки при крестьянскихъ бунтахъ, которыхъ тогда было множество; и женщины были освобождены отъ рванія ноздрей и наложенія клеймъ. Прекращались многія дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ; запрещалось недворянамъ владѣть крѣпостными; облегчалась участь солдатъ на ученьѣ и на вѣчныхъ квартирахъ. Въ то же время заводили богадѣльни, устроили инвалидный домъ, запрещали кулачные бои, пьянство, распутство, даже сквернословіе на улицахъ и по трактирамъ, а азартныя игры—даже въ частныхъ домахъ. Принимались мѣры противъ роскоши, быстрой ѣзды, пожаровъ и заразъ: во время мора запрещалось даже носить дѣтей въ церковь для причащенія.

Одно только противорѣчіе, вытекавшее изъ воспитанія Елизаветы, придавало иной оттѣнокъ ея царствованію. Всячески заботясь о развитіи человѣчности „путемъ Петра Великаго", т.-е. помощью свѣтскаго просвѣщенія, правительство старалось помогать ей благочестіемъ, понимая его посвоему. Духъ древней Руси сквозитъ въ мѣрахъ по распространенію православія. Тутъ не жалѣли ни денегъ, ни власти. Увеличивая число церквей и монастырей, снова разрѣшая постриженіе въ иночество, стѣсняли иновѣрцевъ: совсѣмъ были запрещены армянскія церкви; заграничныя книги подвергались цензурѣ синода. Евреямъ было воспрещено даже за особый налогъ торговать на ярмаркахъ, такъ какъ императрица „не желала выгодъ отъ враговъ Христовыхъ". Судьба инородцевъ и „новокрещеновъ" напоминала старыя времена (§ 169); а раскольникамъ не было хуже во весь 18-й вѣкъ: воинскія команды такъ усердствовали въ ихъ скитахъ, что однажды на сѣверѣ 6.000 несчастныхъ сразу подвергли себя самосожженію.

Елизавета и во внѣшнихъ дѣлахъ шла по пути отца. Возмущенная объявленіемъ шведовъ, что они поднялись для доставленія ей престола (§ 228), она ревностно продолжала войну съ ними. Вскорѣ шведская армія сдалась, и, по миру въ *Або* (1743), къ завоеваніямъ Петра I присоединилась еще часть Финляндіи, до р. Кюменя. Затѣмъ возникъ сложный *германскій*

вопросъ (§ 196). Война за австрійское наслѣдство перевернула европейскую политику. До тѣхъ поръ всѣ боялись могущества маститыхъ австрійскихъ Габсбурговъ и сочувствовали французскимъ Бурбонамъ, боровшимся съ ними. Теперь Фридрихъ II унизилъ Австрію, отхватилъ у нея лучшую провинцію (Силезію) и застращалъ всѣхъ своимъ „конкерантнымъ нравомъ“ и геніальностью. Бестужеву не трудно было поддержать мысль Остермана о союзѣ съ Австріей. Онъ доказалъ даже, что самъ Петръ, стоявшій за „равновѣсіе въ Германіи“, остановилъ бы успѣхи Пруссіи, какъ нашего главнаго врага „по близости сосѣдства и по ея великой умножаемой силѣ“. То же твердили даже его соперники при дворѣ. Фридрихъ II лично былъ противенъ Елизаветѣ: онъ называлъ ее ханжей и даже сносился съ раскольниками, чтобы возстановить Ивана VI на престолѣ. „Онъ въ Бога не вѣритъ, кощунствуетъ надъ святыми, въ церковь не ходитъ и съ женою по закону не живетъ“, говорила императрица.

Русскія войска явились въ Германіи уже во время войны за австрійское наслѣдство; но испуганный Фридрихъ поспѣшилъ замириться съ Маріей-Терезіей до столкновенія съ ними.

Когда, лѣтъ 8 спустя, Фридрихъ началъ новую, *Семилѣтнюю*, войну съ Австріей, и противъ него вооружилась почти вся Европа, за исключеніемъ Англіи, Елизавета стала во главѣ союзниковъ: она говорила, что „продастъ половину своего платья и брилліанты“ для уничтоженія своего заклятаго врага.

Русскіе двинулись, подъ начальствомъ пріятеля Бестужева, тучнаго, спесиваго барича, щеголя и кутилы Апраксина. Казаки и калмыки опустошали Бранденбургъ, „какъ сущіе варвары“. Въ большомъ сраженіи у Гросъ-Эгерсдорфа, гдѣ пруссаковъ было вдвое меньше, русскіе одержали побѣду, хотя и очень тяжелую. Вслѣдъ затѣмъ Апраксинъ отступилъ въ наши предѣлы, что̀ связывали тогда съ темною „бестужевскою исторіей“: онъ умеръ скоропостижно, не успѣвши разъяснить своихъ плановъ на допросѣ.

Русскіе снова выступили въ походъ, опять съ малоспособнымъ генераломъ, противъ котораго явился самъ Фридрихъ II, который побѣдилъ у Цорндорфа, но воскликнулъ: „ихъ мало убить, нужно еще свалить“.

Тогда назначили добраго, простого, неученаго, но умнаго старичка, Салтыкова, котораго любили солдаты и называли „курочкой". Въ соединеніи съ австрійцами, онъ нанесъ пруссакамъ такое пораженіе, при *Кунерсдорфѣ* (1759), что Фридрихъ писалъ съ поля битвы — „все потеряно" и собирался лишить себя жизни. Затѣмъ русскіе явились въ Берлинѣ и взяли хорошую контрибуцію; а молодой Петръ Румянцовъ овладѣлъ сильною крѣпостью, Кольбергомъ, послѣ мучительной осады.

Но Россія ничего не вынесла изъ Семилѣтней войны, кромѣ боевой славы солдатъ да крайняго истощенія своихъ силъ: Фридриха спасла смерть Елизаветы (25 дек. 1761).

Послѣдніе годы императрицы были тяжелы. Она сама болѣла, даже не подписывала бумагъ; болѣли и просились въ отставку ея сотрудники; а главный изъ нихъ, Бестужевъ, сидѣлъ въ деревнѣ, въ опалѣ. Казна до того оскудѣла отъ войны, что ввели лотерею, которою гнушались прежде, и не могли достроить Зимній дворецъ: Елизавета умерла въ Царскомъ Селѣ. Незадолго до смерти она освободила много ссыльныхъ и подсудимыхъ и издала грустный указъ, въ которомъ сознавалась, что внутреннее управленіе разстроено.

§ 231. **Молодой дворъ**. — Въ послѣдніе четыре года, по мѣрѣ усиленія болѣзни Елизаветы, выдвигался „молодой дворъ". Онъ сильно занималъ вниманіе политиковъ: всѣ замѣчали, что здѣсь готовится крупная драма. „Внукъ Петра Перваго", какъ сказано въ манифестѣ Елизаветы, но таинственный незнакомецъ для русскихъ, сынъ Анны Петровны, *Петръ Ѳедоровичъ* издали страшилъ нашихъ вѣнценосцевъ, какъ призракъ.

Анна Ивановна и Анна Леопольдовна ненавидѣли голштинскаго „чертушку" (§ 226). Елизавета рѣшилась заклясть призракъ тѣмъ, что вызвала его изъ далекой тьмы на русскій свѣтъ. Но она сдѣлала это такъ потаенно, что не знали ни сенатъ, ни самъ Бестужевъ...

Петръ Ѳедоровичъ [1]) рано осиротѣлъ и получилъ жалкое воспитаніе: дядька, „способный лишь обучать лошадей", умѣлъ

[1]) Самый схожій портретъ Петра III (подлинникъ въ Гатчинскомъ дворцѣ), съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, писанъ съ натуры незадолго до смерти императора. Скопцы почитаютъ другой, профильный портретъ Петра III, который снятъ съ его монетъ и помѣщенъ въ „Пантеонѣ россійскихъ государей" Филипповскаго: они ставятъ его къ образамъ.

только сѣчь его и внушилъ ему отвращеніе къ наукѣ: ставши императоромъ, питомецъ выбросилъ латинскія книги изъ своей библіотеки. Даже Елизавета была поражена невѣжествомъ племянника и приставила къ нему академика, который, впрочемъ, могъ обучать его только по картинкамъ.

Въ 1745 г, когда Петру было 17 л., его женили—и онъ проявилъ свой нравъ, какъ человѣкъ уже самостоятельный. Болѣзненный, безчувственный тѣломъ и бѣшеный нравомъ, съ грубыми чертами вытянутаго лица, съ неопредѣленною улыбкой, съ недоумѣвающими глазами подъ приподнятыми бровями, „ужасно дурной" послѣ оспы, по словамъ его жены, Петръ...

Петръ III.

не скрывалъ радости при побѣдахъ пруссаковъ надъ русскими. Петръ любилъ только свою Голштинію: онъ завелъ родную обстановку, окружилъ себя голштинскими офицерами, собирался отдать шведамъ завоеванія своего дѣда, чтобы они помогли ему отнять Шлезвигъ у Даніи. Еще была у него страсть къ Фридриху II: онъ благоговѣлъ передъ этимъ „величайшимъ героемъ міра" и готовъ былъ продать ему всю Россію; ему были извѣстны имена всѣхъ прусскихъ полковниковъ за цѣлое столѣтіе. Фридрихъ основывалъ свои разсчеты

на этомъ своемъ слѣпомъ орудіи въ Петербургѣ. Онъ надѣялся также на жену Петра, отецъ которой состоялъ у него на службѣ: говорили даже, что когда онъ пристраивалъ ее къ русскому престолу, она дала ему слово помочь Пруссіи. Но въ этой женщинѣ ошиблись всѣ, кто думалъ сдѣлать ее своимъ орудіемъ.

Екатерина Алексѣевна, которая была только годомъ моложе Петра, родилась (1729) въ Штетинѣ, гдѣ ея отецъ былъ губернаторомъ.

До 15 л. она прожила тамъ, въ скромныхъ комнаткахъ, наверху, подлѣ колокольни. Мать вела черезчуръ веселую жизнь, отецъ былъ углубленъ въ занятія: поглощенные своими мелкими дѣлами, они сдали дѣвочку на попеченіе француженки, знавшей только своего Мольера, да нѣмца-педанта. Но въ ней обнаруживалось стремленіе къ знанію, философствованію и независимости: она готова была обманывать другихъ, считая „самымъ унизительнымъ быть самой обманутой“.

Когда ей было 15 л., мать, снабженная наставленіями Фридриха II, привезла ее въ Петербургъ. Черезъ годъ она была обвѣнчана, вопреки предостереженіямъ врачей насчетъ болѣзненности жениха, вопреки ропоту духовенства: Петръ доводился ей двоюроднымъ братомъ по матери. Почти дѣвочка „крошечнаго“ нѣмецкаго двора сразу попала въ глубокій омутъ козней: ее окружили распри царедворцевъ, осложненныя борьбой съ Фридрихомъ, подозрительность императрицы, разжигаемая фаворитами, и раздоры съ мужемъ.

Въ теченіе 18-ти л. Екатерина одна выдержала борьбу со всѣми, начиная съ Бестужева, который сначала негодовалъ на нее и тотчасъ выпроводилъ ея мать домой. Уже тогда она говорила: „какъ скоро я давала себѣ въ чемъ-нибудь обѣтъ, то не помню, чтобы когда-либо не исполнила его“. Тогда же она сказала себѣ: „умру или буду царствовать здѣсь!“ „Одно честолюбіе поддерживало меня“, признается Екатерина: и оно „все преодолѣвало“, подтверждаютъ посланники державъ.

Въ своемъ уединеніи, царевна много училась и наблюдала. Ей скоро надоѣли романы: она взялась за исторію и географію. Ее увлекали Платонъ, Цицеронъ, Плутархъ и Монтескье, въ особенности же энциклопедисты, и именно Вольтеръ, котораго она называла своимъ „учителемъ“ (§ 196). У

нея была книжка въ карманѣ, даже когда она каталась верхомъ — ея любимое развлеченіе. Сильно подѣйствовалъ на нее Тацитъ: она стала полагаться на себя, не довѣрять людямъ; она доискивалась причинъ, такъ что посланники назвали ее „философомъ“. Цесаревна научилась притворяться: то лежала больная при смерти, то танцовала до упаду, болтала, наряжалась; разыгрывала смиренницу, угождала императрицѣ и ея фаворитамъ, подавляя отвращеніе къ мужу. Она выказывала любовь ко всему русскому, даже соблюдала посты; скоро много узнала о странѣ, научилась говорить порусски въ совершенствѣ, вскакивая даже по ночамъ, чтобы долбить свои русскія тетрадки.

Къ концу царствованія Елизаветы уже выяснялось ближайшее будущее. Петръ терялъ уваженіе окружающихъ и возбуждалъ къ себѣ недовѣріе русскихъ: даже враги Екатерины не знали, какъ отдѣлаться отъ него...

Екатерина была лишена даже материнскаго утѣшенія: когда родился у нея сынъ Павелъ (1754), Елизавета тотчасъ унесла ребенка въ свои покои и рѣдко показывала его ей. Это увеличивало всеобщее сочувствіе, которое наслѣдница пріобрѣтала съ каждымъ днемъ.

Ее уже уважали и противники. Подлѣ нея образовался кружокъ приверженцевъ изъ русскихъ. Ей тайкомъ предлагали свои услуги даже Шуваловы и Разумовскіе. Къ ней повернулся лицомъ самъ Бестужевъ, ненавидѣвшій Фридрихова друга, Петра: въ виду болѣзни Елизаветы, онъ составилъ планъ возведенія на престолъ 3-лѣтняго Павла съ регентствомъ Екатерины. Сношенія съ царевной привели къ „бестужевской исторіи“ (1758). Канцлера обвинили въ томъ, что онъ „въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался“. Такъ какъ Бестужевъ, а равно и Екатерина находились въ перепискѣ съ Апраксинымъ, то говорили, будто онъ, при опасномъ припадкѣ императрицы, велѣлъ фельдмаршалу отступить (§ 230), чтобы имѣть войско подъ руками для исполненія своего плана. Бестужева лишили чиновъ и сослали въ деревню, гдѣ онъ все стоналъ да читалъ Библію, продолжая, однако, тайныя сношенія съ великою княгиней.

Тогда же арестовали нѣкоторыхъ приближенныхъ Екатерины. Елизавета допрашивала ее и сказала: „вы считаете

себя умнѣе всѣхъ и вмѣшиваетесь въ дѣла". А друзья Петра шептали: „надобно раздавить змѣю".

Но Екатеринѣ удалось растрогать императрицу ловкими отвѣтами, слезами и просьбой отпустить ее къ родителямъ. Елизавета сказала своему духовнику, что великій князь не уменъ, а жена его очень умна.

Съ тѣхъ поръ имя Екатерины опять исчезаетъ изъ политической лѣтописи. И по смерти Елизаветы, на престолъ Россіи вступилъ ея врагъ, болѣзненный Петръ III.

§ 232. **Петръ III.**—Воцареніе Петра огорчило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ появились Минихъ, Биронъ, Лестокъ—все иностранцы: императоръ даже хотѣлъ помирить, за попойкой, Бирона съ Минихомъ; но они раскланялись и повернулись другъ къ другу спиной. Въ то же время Бестужевъ и Алексѣй Разумовскій вышли въ отставку, а Петръ Шуваловъ умеръ.

Власть перешла отчасти къ Миниху, но больше всего къ голштинскимъ родственникамъ царя, особенно къ его дядѣ, принцу Георгу. Впрочемъ сначала работали прежніе дѣльцы, съ Иваномъ Шуваловымъ и Воронцовымъ во главѣ, — и продолжалось дѣло Петра Великаго, какъ и было заявлено въ манифестѣ.

Особенно замѣчалось человѣколюбіе. Противъ бунтовъ крестьянъ принимали такія мѣры, какъ запрещеніе фабрикантамъ покупать деревни да подчиненіе церковныхъ имуществъ сенату и *коллегіи экономіи*. Раскольникамъ объявили свободу вѣроисповѣданія, потому что „въ Россіи терпимы даже язычники", а это — „христіане:" скопцы и теперь считаютъ Петра III своимъ святымъ. Дозволили вывозъ за границу хлѣба и скота съ половинной пошлиной. *Уничтожили Тайную Канцелярію*, а дѣла ея положили „за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ"; кто скажетъ „слово и дѣло", того велѣно наказывать, „какъ озорника и безчинника". Отмѣнялась пытка. Слѣдствія по оскорбленію величества Петръ взялся производить самъ, „дабы показать примѣръ, какъ надлежитъ кротостью, а не кровопролитіемъ узнавать истину". Явился манифестъ о *вольности дворянства*: дворяне освобождались отъ обязательной службы и могли свободно ѣздить за границу, даже поступать въ иностранную службу.

Но вскорѣ пошли мелкіе указы иного рода, притомъ часто отмѣнявшіе другъ друга.

Для наполненія казны портили монету и завели *банкъ*, бумагами котораго платили расходы, „какъ наличными деньгами", что смутило народъ по новизнѣ дѣла. Деньги же требовались особенно на внѣшнюю политику, противную интересамъ Россіи. Фридрихъ II уже собирался уступить намъ Восточную Пруссію, о которой мечтала Елизавета; а Петръ даромъ не только примирился съ нимъ, но присоединилъ русскій отрядъ къ его арміи. Кто изъ русскихъ осмѣливался сказать слово противъ Пруссіи, тотъ попадалъ въ „дураки и злонамѣренные". Все это за то, что Фридрихъ обѣщалъ помочь Петру сдѣлать принца Георга герцогомъ курляндскимъ и пріобрѣсти Шлезвигъ для Голштиніи, — цѣль для которой русская армія двинулась *противъ Даніи*. Это возмущало всѣхъ русскихъ. Особенно негодовали войска и духовенство. Петръ называлъ гвардейцевъ янычарами, а самъ завелъ *голштинскую гвардію*; русскихъ же солдатъ мучилъ экзерциціями по прусскому образцу и одѣлъ ихъ въ прусскіе мундиры, а самъ хвастался прусскими орденами. Черное духовенство негодовало на коллегію экономіи, а бѣлое — на наборъ его сыновей въ военную службу. Церковники пользовались, для возстановленія толпы, такими лютеранскими приказами Петра: въ церквахъ оставить только иконы Спасителя и Богородицы; домовыя церкви запечатать; попамъ обрить бороды. Негодовали и придворные, сгорая отъ стыда отъ образа жизни царя. Петръ попрежнему кричалъ, гримасничалъ, передразнивалъ, особенно дамъ, не умѣвшихъ перемѣнить русскій поклонъ на нѣмецкій „книксъ". Съ утра онъ былъ навеселѣ и „говорилъ вздоръ и нескладицы" передъ посланниками. Послѣ обѣда всѣ сановники, въ орденахъ, бѣгали на одной ножкѣ и валяли другъ друга на землю. По вечерамъ царь отправлялся, съ корзиной трубокъ и табаку, къ голштинцамъ, гдѣ немилосердно курили и пили пиво, въ сообществѣ съ актерами и актрисами.

Такъ, „первымъ врагомъ Петра былъ онъ самъ", по мѣткому выраженію Екатерины. Онъ окончательно губилъ себя своими отношеніями къ женѣ. Ставши императоромъ, онъ тотчасъ помѣстилъ ее, съ 7-лѣтнимъ Павломъ, на отдаленный конецъ Зимняго дворца, въ полномъ пренебреженіи: ей даже не давали

любимыхъ фруктовъ. Подлѣ него появилась Воронцова, въ блескѣ придворнаго почета; и ея высокомѣріе стало „нестерпимо“ даже для посланниковъ. Императоръ не скрывалъ своего желанія возложить на нее Екатерининскую ленту, грозя женѣ монастыремъ.

Быстро росло всеобщее сочувствіе къ императрицѣ, какъ къ главной жертвѣ и олицетворенію горя всей страны. Екатерина умѣла поддержать его. Она заперлась у себя, сказываясь больною, какъ бы находя утѣшеніе только въ материнскихъ заботахъ да въ научныхъ занятіяхъ. Никто не молился публично и не служилъ панихидъ по Елизаветѣ такъ ревностно, какъ молодая императрица; никто такъ строго не соблюдалъ постовъ, не исполнялъ всѣхъ русскихъ обрядовъ. Никто такъ искусно не заискивалъ у всѣхъ — „у большихъ и малыхъ“, поставивъ себѣ правиломъ „думать, что я нуждаюсь во всѣхъ“...

Посланники извѣщали свои дворы: „На всѣ оскорбленія императрица отвѣчаетъ только смиреніемъ и слезами. Народъ раздѣляетъ ея горе; а императора всѣ ненавидятъ“.

§ 233. **Воцареніе Екатерины II. „Пособники“.** — Между тѣмъ Екатерина, въ своемъ уединеніи, дѣятельно готовилась къ перевороту, сказавъ себѣ про мужа: „я должна либо погибнуть съ нимъ или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и, можетъ быть, все государство“.

Величавый образъ Петра I носился въ ея воображеніи. Она съ особеннымъ усердіемъ читала и думала о всякихъ предметахъ правленія, отъ разведенія устрицъ до финансовъ и свода законовъ. Въ ея замѣткахъ того времени есть золотыя слова: „Желаю только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Желаю подданнымъ богатства и особенно свободы, этой души всего на свѣтѣ: не хочу рабовъ. Истина и разумъ все побѣдятъ. Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ“.

Тогда же Екатерина работала надъ своимъ „Наказомъ“, гдѣ прямо поставлена ея основная мысль о самодержавіи: „всякое другое правленіе не только было бы для Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно: лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ“. Прочитавши проекты „затѣйщиковъ“ 1730 года (§ 224), она запе-

чатала ихъ въ особый пакетъ и надписала: „безъ особаго указа никому не выдавать".

Искусно подготовляла Екатерина и неизбѣжную драму борьбы. По ея собственному признанію, она „извлекала пользу и изъ людей, наклонныхъ къ плутовству". Сохранились ея росписки британскому послу, который давалъ ей деньги для подбора „пособниковъ": она обѣщала ему „направить Россію на выгодное для нея сближеніе съ Англіей". Видя насквозь окружающихъ, она поддѣлывалась подъ людей самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и стремленій, надѣясь потомъ забрать всѣхъ въ руки. Этихъ господъ соединяла ненависть къ Петру III. Тутъ были и „фамильные", и разночинцы: родственники Долгорукихъ и Голицыныхъ, фавориты Елизаветы и гетманъ Разумовскій, дряхлый фельдмаршалъ Трубецкой и гвардейская молодежь, новгородскій владыка, Димитрій Сѣченовъ, и купецъ Волковъ (§ 230). А Несторомъ „пособниковъ" былъ 70-лѣтній Бестужевъ, подававшій совѣты изъ подмосковной: Екатерина называла его „батюшкой".

Въ этой компаніи встрѣчаются также родственники „конфидентовъ" Волынскаго и участниковъ шляхетскихъ проектовъ (§§ 224, 226). У нихъ хранились преданія 1730 года, озаренныя мученическимъ вѣнцомъ жертвъ бироновщины. Многіе мечтали о воскрешеніи „кондицій", объ участіи въ „вышнемъ правительствѣ". Какъ поколѣніе тому назадъ, они раздѣлялись на группы и собирались на тайныя совѣщанія. У нихъ сохранялось преданіе, будто Екатерина дала Панину запись быть только правительницей при сынѣ; но когда гвардія провозгласила ее самодержицей, она взяла ее назадъ.

Самымъ виднымъ лицомъ среди людей этого направленія былъ 44-лѣтній Никита *Панинъ*, воспитатель Павла, другъ и ученикъ Бестужева. При Елизаветѣ онъ долго прожилъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, куда сослалъ его Иванъ Шуваловъ, опасаясь благосклонности къ нему императрицы. Тамъ онъ пристрастился къ конституціи; но, какъ человѣкъ неродословный, не сочувствовалъ олигархіи. Въ своемъ проектѣ онъ бичуетъ „пороки правленія", подобнаго „варварскимъ временамъ, лишеннымъ письменныхъ законовъ", разумѣя тутъ „куртизановъ, случайныхъ и припадочныхъ людей". Онъ требовалъ правленія, „подверженнаго суду и отвѣту передъ публикой", подъ видомъ „императорскаго совѣта" изъ

четырехъ „министровъ“, на подобіе государственнаго совѣта Швеціи. Екатерина спросила мнѣнія другихъ лицъ. Тѣ отвѣтили: „разумъ и духъ императрицы не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, который слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“. Проектъ Панина остался на бумагѣ.

Въ изготовленіи этого проекта участвовала племянница составителя, княгиня Екатерина *Дашкова*, которая лишь при Александрѣ I написала свои „Записки“, изданныя въ Лондонѣ при Николаѣ I. Сирота смолоду, она воспитывалась у другого своего дяди, Михаила Воронцова, зачитываясь литературой Просвѣщенія (§ 196). Екатерина пожелала узнать такую рѣдкую женщину, и онѣ подружились.

Дашкова напоминала ее даровитостью, смѣлостью, умною и оживленною бесѣдой и готова была пожертвовать собой для нея. Но 18-лѣтняя княгиня годилась въ дочери императрицѣ и была слишкомъ горяча, суетлива, тщеславна. Она придавала себѣ слишкомъ много значенія въ переворотѣ: Екатерина помимо нея сносилась съ главарями дѣла. Дашкова была наиболѣе полезна тѣмъ, что знала все происходившее у Петра III черезъ свою сестру, Елизавету Воронцову; да мужъ ея былъ гвардеецъ, у котораго собиралось много товарищей, офицеровъ.

Во главѣ партіи самодержавія находился третій изъ главныхъ „пособниковъ“, 27-лѣтній *Григорій Орловъ*...

Онъ ничего не дѣлалъ въ кадетскомъ корпусѣ, откуда попалъ въ Семилѣтнюю войну, гдѣ также ничѣмъ не прославился; а позже онъ брался даже за дипломатію, но вездѣ выказалъ неспособность. Сама Екатерина говорила, что онъ „ничѣмъ прилежно заняться не могъ“...

Щеголеватый, благовоспитанный молодецъ, съ открытымъ лбомъ и пріятною улыбкой, безстрашный поединщикъ, весельчакъ и душа офицерства по кутнѣ, Орловъ отличался добротой, скромностью и чувствительностью, за которую не долюбливалъ его такой сухарь, какъ Панинъ. „Онъ былъ силенъ, храбръ, рѣшителенъ, но кротокъ, какъ овечка; у него было куриное сердце“, говоритъ Екатерина, которая особенно цѣнила въ немъ недоступное ей чувство...

Даже суровый Щербатовъ, который бичуетъ его за „рас-

путіе", восхваляетъ его добродушіе. Орловъ избѣгалъ роскоши, былъ простъ со всѣми, выбиралъ достойныхъ людей, никого не трогалъ, даже защищалъ своихъ недруговъ, Паниныхъ. Одинъ изъ первыхъ заговорилъ онъ объ освобожденіи крестьянъ съ землей и о вызволеніи грековъ изъ-подъ ига турокъ. Его имя связано съ лучшими дѣлами либеральной поры царствованія Екатерины: онъ учредилъ Вольное Экономическое Общество, участвовалъ въ Большой Комиссіи, усмирялъ бунтъ во время чумы въ Москвѣ. Орловъ... женился на красавицѣ, скорая смерть которой свела его въ могилу помѣшаннымъ...

Передъ Орловымъ-то тогда, тайкомъ отъ Панина и Дашковой, развивала императрица свою самодержавную мысль. Григорій Орловъ, которому помогалъ въ переворотѣ братъ, *Алексѣй*, грубый, порочный, но столь же сильный и отважный офицеръ, былъ важенъ по своимъ связямъ въ гвардіи. Онъ набралъ здѣсь въ пособники до 10.000 солдатъ и съ полсотни офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился 17-лѣтній унтеръ-офицеръ, Потемкинъ.

Многіе предлагали Екатеринѣ дѣйствовать тотчасъ по смерти Елизаветы. Но она не рѣшалась...

Наконецъ, Петръ поселился въ Ораніенбаумѣ, а Екатеринѣ велѣлъ переѣхать въ Петергофъ, который окружилъ пикетами. Говорили, что на *28-е іюня 1762* было назначено отправленіе императрицы въ Шлиссельбургъ.

Наканунѣ, ночью, Екатерина была разбужена словами Алексѣя Орлова: „Одинъ изъ нашихъ арестованъ. Пора! Все готово".

Она тотчасъ же поѣхала въ Петербургъ. На разсвѣтѣ здѣсь встрѣтилъ ее Григорій Орловъ съ гвардейцами, которые цѣловали у нея руки и платье.

Екатерина отправилась въ Казанскій соборъ, гдѣ принялъ ее Сѣченовъ, во главѣ духовенства, а оттуда — во дворецъ, гдѣ Панинъ собралъ синодъ и сенатъ. Всѣ присягнули „самодержавной императрицѣ и наслѣднику".

Такъ, безкровно, произошелъ великій переворотъ: только разгулявшіеся гвардейцы побили своего начальника, принца Георга, и разграбили его домъ.

День спустя, Екатерина двинулась на Петергофъ, во главѣ ликующаго войска. Въ поэтическомъ свѣтѣ прекрасной петер-

бургской ночи, красовалась на конѣ, верхомъ по-мужски, искусная и изящная наѣздница: на ней былъ гвардейскій мундиръ временъ Петра I; черезъ плечо русская голубая лента; на головѣ шляпа въ вѣтвяхъ, изъ-подъ которой выбивались красивые локоны. Подлѣ ѣхала молоденькая Дашкова, въ такомъ же нарядѣ.

Петръ III совсѣмъ растерялся. Напрасно отважный Минихъ ободрялъ его, совѣтуя сначала укрѣпиться, съ своими голштинцами, въ Кронштадтѣ, потомъ броситься къ нашей арміи, которая стояла въ Помераніи, на пути въ Данію: императоръ вступилъ въ переговоры съ женой, обливался слезами, ловилъ руку Панина, чтобы поцѣловать ее, умолялъ оставить ему только его Воронцову. Наконецъ, онъ подписалъ безусловное отреченіе отъ престола, поручая себя великодушію жены...

Но здѣсь же низложенный императоръ названъ „необузданнымъ властителемъ, который повиновался своимъ страстямъ, хотѣлъ искоренить православіе и отдать отечество въ чужія руки, возненавидѣлъ гвардію и повелѣніе давалъ дѣйствительно насъ убить".

Петръ III пострадалъ одинъ за то, что самъ былъ первымъ своимъ врагомъ: у него не было партіи, потому что не имѣлось никакой идеи, программы, знамени...

Но на первыхъ порахъ Екатерина могла безопасно оказать снисхожденіе горсти личныхъ приверженцевъ погибшаго мужа.

Лишь нѣкоторые изъ нихъ подверглись краткому аресту и временному удаленію въ провинцію.

Принцъ Георгъ былъ снабженъ деньгами и отправился править Голштиніей, взявъ съ собой семью и своихъ голштинцевъ.

Воронцовой было внушено только, „чтобъ она во дворецъ не размахнулась, къ общему соблазну": она спокойно проживала въ Москвѣ до замужества, а потомъ поселилась въ Петербургѣ

Минихъ получилъ должность, которой тщетно добивался у Петра III (§ 227).

Иванъ Шуваловъ, который открыто присоединился къ Екатеринѣ лишь 28 іюня, добровольно заболѣлъ и надолго уѣхалъ за границу.

Михаилъ Воронцовъ, не желавшій присягать ей до смерти

Петра, остался канцлеромъ и уже добровольно вскорѣ выбылъ въ Европу.

„Пособники петербургскихъ дѣйствъ“ были награждены чинами, деревнями (до 800 душъ въ однѣ руки), пенсіями и деньгами, которыхъ вышло сразу до милліона. Былъ призванъ ко двору Бестужевъ, которому возвратили почести и дали 20.000 пенсіи...; у него только спрашивали совѣтовъ. Канцлеромъ сталъ не онъ, а этотъ самый Панинъ.

§ 234. **Екатерина II и ея сподвижники.** — Въ 33-лѣтней императрицѣ расцвѣли всѣ свойства богатой природы, которыя

Екатерина II.

подавлялись тяжелымъ положеніемъ наслѣдницы. Правда, это уже не была великая княгиня, полная граціозной наивности и избытка силъ, который проявлялся въ рѣзвости, когда она носилась на конѣ, въ мужскомъ нарядѣ, или по ночамъ стрѣляла утокъ на взморьѣ. Зато явилась обольстительная, очень подвижная и здоровая женщина, съ свѣтлымъ, круглымъ лицомъ, съ задорною улыбкой, съ ласковымъ, но проницательнымъ взоромъ большихъ глазъ, съ прекрасными зубами и густыми волосами, кокетливо откинутыми назадъ [1]. Несмотря на малый ростъ, она

[1]) Сохранилось много портретовъ, по которымъ можно прослѣдить Екатерину отъ 10-лѣтней дѣвочки до 60-лѣтней старухи. Самымъ удачнымъ считается портретъ

казалась самодержицей, когда плавно выступала, при длинномъ шлейфѣ, съ роскошною грудью впередъ, съ красиво сложенными ручками, съ самоувѣреннымъ, но привѣтливымъ видомъ. Она умѣла одѣваться къ лицу и любила щегольнуть по модѣ, хотя ея туалетъ продолжался не больше 10 минутъ. Она была неподражаема въ забавахъ и шуткахъ, въ bons mots и jeux d'esprit. Нигдѣ не было такой непринужденности, какъ въ Маломъ Эрмитажѣ, гдѣ даже не вставали передъ императрицей, особенно на его маскарадахъ, гдѣ она болтала съ незнакомцами, переодѣтая помужски.

Но не забавы были цѣлью этой веселой женщины, которая болѣе всѣхъ современныхъ правителей походила на мужчину. Ея призваніемъ былъ престолъ, къ которому она стремилась смолоду. Величаво, смѣло провела она „петербургскія дѣйства". Затѣмъ эта питомица „крошечнаго" нѣмецкаго двора и жертва козней Зимняго дворца, притомъ чувственная женщина поражала дипломатовъ, какъ правительница огромнаго государства, своимъ „безстрашіемъ", независимостью, проницательностью и рабочею силой.

Екатерина умѣла владѣть собой и людьми. Послѣ 28-го іюня она бросила мелкія козни и стала сдержанна. При вспышкѣ гнѣва, она бѣгала по комнатѣ, засучивъ рукава, и пила воду, потомъ подходила къ зеркалу и возвращалась съ своею очаровательною улыбкой. Она не рѣшала дѣла, пока не успокоится; и ей помогали частыя слезы. Она добивалась, чтобы „не боялись" ея и даже не тяготились ею: „люблю хвалить громко, а порицать тихо", говаривала она. Ее боготворила даже прислуга: она никогда не кричала на нее; рано вставши, тихонько сама одѣнется, затопитъ каминъ — и за дѣло.

Окруживъ себя хорошими исполнителями, зная дѣла до мелочей, благодаря счастливой памяти и внимательности, чувствуя свое превосходство по уму и образованію, Екатерина ничего не боялась. „По примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ", сказала она—и ободряла всѣхъ, когда терялись даже храбрецы. Сама она никогда не падала духомъ; она работала, какъ всегда...

1768 года, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ. На немъ Екатерина изображена во весь ростъ, передъ зеркаломъ, съ коронкой на головѣ; на грудь падаетъ локонъ, обвитый жемчужною нитью.

Она сама шла навстрѣчу опасности, измѣривъ ее заранѣе: она признавала только дѣятельную политику и считала наступательную войну половиной побѣды. Трудно было запугать или прельстить женщину, которая не переваривала мысли, чтобы „кто-либо, кромѣ нея самой, могъ сдѣлать ее несчастною". Екатерина была сама себѣ господинъ. Фавориты были ея орудіями и учениками. Ей всегда принадлежали замыселъ и направленіе дѣла, а нерѣдко и его мелочи. Эта ея сила особенно проявлялась въ дипломатіи: она понимала нравы того времени и привыкла смолоду къ коварству. Смущенные посланники сразу заговорили о „диктаторскомъ тонѣ" Зимняго дворца послѣ 28-го іюня и не знали, какъ ступить: самъ Фридрихъ II былъ спутанъ. „Я хочу сама управлять, и пусть знаетъ это Европа!" сказала императрица. И она ставила втупикъ собственныхъ министровъ внезапнымъ передвиженіемъ войскъ или крутымъ поворотомъ въ политикѣ: она за спиной Панина назначала таинственныя свиданія посланникамъ или обдѣлывала дѣла за танцами. „Со всѣми государями веду себя, какъ кокетка", признавалась она сама, подобно Елизаветѣ англійской (*Н. И.* § 32). Но этотъ дипломатъ-кокетка былъ способенъ выжидать цѣлые годы и переносить даже личныя обиды, лишь бы достигнуть цѣли...

Екатерина самолично принимала просителей, ѣздила по Россіи, собственноручно писала распоряженія, уставы, указы, манифесты, инструкціи дипломатамъ и даже полководцамъ. Отъ нея сохранилось еще множество замѣтокъ, выписокъ, набросковъ и цѣлыхъ сочиненій по политикѣ и педагогіи, не говоря уже про рядъ литературныхъ произведеній. Она работала по 15 ч. въ день: подымалась съ 5 ч. утра, ложилась рано; соблюдала умѣренность въ ѣдѣ и питьѣ; при легкомъ чтеніи шила, точила, гравировала, рисовала. Ей не хватало 4-хъ секретарей; почта и курьеры иногда сразу заваливали у нея 9 столовъ. Она часто засѣдала въ сенатѣ и въ государственномъ совѣтѣ, внимательно занималась докладами министровъ и губернаторовъ: съ Сиверсомъ у нея было 20 аудіенцій, по нѣскольку часовъ каждая. Въ то же время она вела, иногда по 7 ч. кряду, живыя остроумныя бесѣды, выказывая массу знаній и схватывая налету чужія мысли.

Сверхъ того, ея высшимъ наслажденіемъ было чтеніе: она поглощала книги, собирая отовсюду добро, какъ „пчела", по словамъ Вольтера. Чтеніе было попреимуществу серьезное —

исторія, право, естествознаніе, подконецъ филологія. Ея библіотека была цѣлою энциклопедіей: „разныя познанія, это—императорское дѣло; я—начинательница по ремеслу“, говорила она, какъ ученица французовъ, и подсмѣивалась надъ систематикой нѣмцевъ, которая ведетъ къ доктринерству, упрямству и нетерпимости.

Не меньше чтенія увлекалась Екатерина перепиской съ своими „учителями“, какъ называла она ученыхъ, въ особенности же „философовъ“ (§ 196). Это—тѣ же бесѣды и цѣлыя сочиненія, которыя доказываютъ литературный талантъ императрицы и вводятъ въ ея душевный міръ. Особенно важны письма къ энциклопедисту и ея литературному агенту въ Европѣ, *Гримму*, болѣе чѣмъ за 20 л. Вмѣстѣ съ дневникомъ *Храповицкаго*, который болѣе 10 л. работалъ съ нею ежедневно и все записывалъ, какъ фонографъ, они рисуютъ всю внутреннюю жизнь замѣчательной женщины.

Отъ каждой строчки и бесѣды Екатерины вѣетъ вдохновеніемъ симпатичной идеалистки. Она начала съ такого внушенія своимъ сотрудникамъ: „Не требую ласкательства. Говорите мнѣ правду, не боясь ничего. Покажу, что у двора честные люди могутъ жить благополучно“. И она дорожила полезными людьми, даже непріятными ей лично, допускала возраженія, даже горячіе споры. Въ ея первомъ манифестѣ сказано: „Желаю быть достойной любви народа. Принадлежа сама государству, считаю все, мнѣ принадлежащее, собственностью государства“. И въ ея мечтахъ, какъ и на ея устахъ, всегда мелькало „благо народа“. Этотъ идеалъ былъ ясенъ и возвышенъ: самоучка Екатерина—одинъ изъ вѣнценосныхъ вождей Просвѣщенія (§ 196). Это — главная меценатка энциклопедистовъ. Она давала имъ пособія и пенсіи, купила библіотеки у Вольтера, Дидро и д'Аламбера, оставивъ ихъ у владѣльцевъ по смерть; выписывала къ себѣ ученыхъ и художниковъ. Она привлекала въ Петербургъ даже извѣстныхъ маэстро, хотя, подобно Петру (§ 219), любила только зодчество и живопись, а музыку считала однимъ „шумомъ“. Екатерина помогала распространенію работъ своихъ учителей: сама переводила или передѣлывала творенія „философовъ“. И такъ вѣрила она въ ихъ ученіе, что до конца удержала *Лагарпа* при своемъ любимомъ внукѣ, хотя называла его „якобинцемъ“. Образованіе было въ ея глазахъ спасеніемъ отъ всѣхъ золъ. Оттого она много сдѣлала для возбужденія мысли въ націи, служа примѣромъ для потомства. Она сама училась

до гроба и все думала о воспитаніи темнаго человѣчества: даже фавориты составляли высочайшую школу; она радовалась, когда они учились и умнѣли подъ ея вліяніемъ. Полная мыслей и знаній, она писала изъ приволжской глуши: „а идей здѣсь не оберешься!“

Вѣра въ Просвѣщеніе примиряла Екатерину со всѣми бѣдствіями, поддерживала въ ней жизнерадостное настроеніе и самонадѣянность. Она же воспитала въ ней человѣколюбіе. „Вся моя наука именно въ томъ, что всѣ люди — братья“, писала Екатерина Фридриху II; и милосердіе да терпимость вездѣ выставлялись ею, какъ свое знамя. Она заботилась о благотворительности, возставала противъ крѣпостничества, пытокъ и смертной казни, смягчала наказанія, даже прощала мелкимъ заговорщикамъ. Въ этомъ-то смыслѣ понимала она задачу свѣтскости. Обращаясь съ ханжествомъ „по примѣру дѣдушкину“, она говорила: „Богъ терпитъ на землѣ всѣ вѣры и языки“. „Насилія ненадобно, довольно школъ“, твердила она по поводу раскола. Когда возникло скопчество, она велѣла „трактовать его, какъ обыкновенное гражданское дѣло“, хотя скопцы молились на портреты Петра III.

Общечеловѣческая струя Просвѣщенія сливалась въ Екатеринѣ съ національными требованіями. Эта нѣмка отлично владѣла русскимъ языкомъ и считала его лучшимъ въ свѣтѣ. Она мѣтко передавала имъ даже укоренившіеся иностранные термины: губернаторовъ называла не иначе, какъ „правителями намѣстничествъ“. Она ставила на высокія мѣста только русскихъ.

Видя „невѣжество и варварство“ въ феодальныхъ „замашкахъ“ остзейскихъ нѣмцевъ, она восклицала: „я — не лифляндская, а всероссійская императрица!“

Екатерина гордо и искусно отстранила наивныя попытки папы и іезуитовъ обратить Россію въ католичество. Часто разъѣзжая по своей странѣ, она ни разу не заглянула въ Европу, которую старалась приводить къ себѣ домой.

Высоко ставя выгоды и честь Россіи, она вліяла на весь Западъ, въ особенности же на свою Германію, и стремилась къ преобладанію въ Средиземномъ м., въ Константинополѣ и Китаѣ.

Екатерина часто поминала, какъ своего учителя, Петра Великаго, который сквозь „всѣхъ трудностей продрался со сла-

вою". Подобно ему, она все твердила о преобразованіяхъ, поучала въ своихъ указахъ и говорила: „я одна шью, а всѣ порютъ".

Первымъ дѣломъ она отдала въ казну свои комнатныя деньги и напомнила сенаторамъ дѣдушкину дубинку: замѣтивъ, что они назначаютъ воеводъ, не зная даже числа городовъ, она послала въ академію, черезъ Неву, 5 р. и подарила имъ карту имперіи.

Но все это — одно благородное подражаніе. Екатеринѣ не хватало генія и величія души преобразователя: передъ нимъ это — натура весьма даровитая, но поверхностная и суетная. Ей гораздо легче, чѣмъ Петру, давалось готовое и высокое просвѣщеніе; а она не создала новой мысли...

... дипломатъ временъ процвѣтанія макіавелизма. Вся ея политика состояла въ поддержаніи „счастливой анархіи" у сосѣдей и въ возбужденіи національнаго фанатизма: „когда пирогъ будетъ испеченъ, у всякаго явится аппетитъ", говорила она, готовясь къ раздѣлу Польши.

Изящная энциклопедистка соблюдала посты и обряды, ходила пѣшкомъ къ Троицѣ, употребляла грубыя поговорки простонародья...

Но особенно поражали міръ чрезвычайныя торжества, которыя сама царица любила описывать длинно и пикантно, чтобы тотчасъ печатать эти описанія. Несмѣтныхъ суммъ стоило празднество въ Таврическомъ дворцѣ 1791 г., въ особенности же путешествіе сѣверной Семирамиды по югу въ 1787 г., — этотъ чудовищный пикникъ и аудіенція всему свѣту, съ министрами, дипломатами и самимъ Іосифомъ, со всѣми забавами Эрмитажа въ каретѣ-салонѣ, на станціяхъ въ степи.

Безпредѣльны были самомнѣніе и то жеманная, то грубая хвастливость скромной „ученицы" просвѣтителей. Передъ свиданіемъ съ Іосифомъ, который казался ей глупенькимъ, она извѣщала Европу, что ужасно боится своей „неуклюжести и застѣнчивости". Свою имперію она называла „маленькимъ домкомъ" (petit ménage), но такимъ богатымъ, что въ немъ легко производить всякія реформы. Она говорила о своихъ работахъ: „я сдѣлала это лучше всѣхъ; все написанное мною разумно и полезно". Пробѣжавъ одну книжку о правѣ, она знала больше академіи и самого Блекстона. Больше всего

нравилось ей, когда ее называли Минервой. Все это сближало Екатерину скорѣе съ Людовикомъ XIV, чѣмъ съ Петромъ I. И внимательнымъ иностранцамъ казалось, что дѣла сѣверной Семирамиды „нерѣдко имѣли болѣе блеску, чѣмъ цѣнности, какъ поддѣльный жемчугъ".

Екатерина щеголяла своею независимостью и дѣловитостью: она считала всѣхъ евангельскими „наемниками", которые только порятъ ея шитье. Но ее окружали хорошіе портные, не ею созданные. То были преемники птенцовъ Петра Великаго, плоды его духа, подновленнаго живительнымъ Просвѣщеніемъ.

Никита Панинъ.

Во главѣ статскихъ сподвижниковъ Екатерины II стоялъ сначала Никита Ивановичъ *Панинъ*. Онъ до самой смерти, въ теченіе 20-ти л., завѣдовалъ иностранною политикой, хотя царица и не долюбливала лично этого сочинителя „Проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта" (§ 233). Впрочемъ теперь графъ бросилъ всякія „затѣйки". Изъ него выработался вельможа того времени [1]). Онъ отличался столько же отмѣнными манерами, безукоризненнымъ костюмомъ и парикомъ, сколько образованіемъ, мягкостью нрава и гостепріимствомъ; его рѣчь была проста, и онъ не зналъ слова „нѣтъ". Болѣзненный, блѣдный, съ кислою улыбкой, Панинъ былъ нѣженка и лѣнтяй: дѣла ворохами лежали у него въ кабинетѣ, особенно когда, на старости лѣтъ, онъ влюбился, какъ пылкій юноша. Военная служба до того страшила его, что онъ чуть не бѣжалъ изъ отечества, когда Петръ III пожаловалъ его въ генералы. Никита Ивановичъ искалъ комфорта и развлеченій, и жизнь при дворѣ была его сферой, тѣмъ болѣе, что онъ отличался крайнимъ благоразуміемъ и осторожностью: его лицо всегда было

[1]) Почти всѣ гравюры портрета Панина, въ томъ числѣ и наша, сняты съ одного и того же подлинника, писаннаго хорошимъ французскимъ художникомъ.

спокойно, неподвижно. Онъ понималъ людей и умѣлъ подлаживаться къ обстоятельствамъ, выработавъ ловкость и настойчивость въ интригахъ. Его уважали иностранные агенты, какъ личность благородную, гордую и неподкупную, неподходившую къ типу русскаго государственнаго дѣятеля, какъ министра представительнаго, европейской школы. Но это былъ дипломатъ старой школы, умѣвшій искусно вести дѣло лишь по обычной колеѣ. Екатерина за это-то и дорожила имъ такъ долго. Знаменитый проектъ вооруженнаго нейтралитета вытекъ у Панина не изъ широкаго міровоззрѣнія, а изъ желанія подставить ногу англійскимъ министрамъ. Панинъ руководился больше личными вліяніями да упрямствомъ и привычкой, чѣмъ убѣжденіями. Онъ не понималъ интересовъ Россіи во всей ихъ широтѣ и, разъ напавъ на идею „сѣвернаго концерта или аккорда" противъ Австріи и Франціи, считалъ ее вѣчно пригодною. Онъ никогда не могъ отстать отъ своего пристрастія къ Фридриху и до того сносился съ его агентами, что говорили будто онъ „иногда сообщаетъ перехваченное прусскому королю". Вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, Павломъ Петровичемъ, Панинъ представлялъ прусскую партію.

Впослѣдствіи значеніе Панина перешло къ Потемкину. Этимъ главарямъ гражданскихъ дѣлъ помогалъ рядъ менѣе вліятельныхъ, но полезныхъ дѣятелей—Минихъ (§ 227), Орловы, Остерманъ, Безбородко, Николай Румянцовъ, Зубовъ, Сиверсъ, Дашкова и др. Въ церковной области роль Ѳеофана игралъ образованный московскій митрополитъ Платонъ, помогавшій императрицѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ. На военномъ поприщѣ прославились Петръ Румянцовъ и геній побѣдъ, Суворовъ. А за этими видными дѣятелями копошился цѣлый муравейникъ болѣе или менѣе усердныхъ и просвѣщенныхъ дѣльцовъ.

§ 235. «**Наказъ**» **и Большая Коммиссія.**—Положеніе Екатерины было непрочно, вслѣдствіе ея иноземства и „петербургскихъ дѣйствъ". Поэтому на первыхъ порахъ она больше всего старалась привлечь всѣхъ безъ различія кротостью, миролюбіемъ и благими преобразованіями. Помиловавъ „супротивниковъ" и осыпавъ милостями „пособниковъ", императрица не забыла даже жертвъ своихъ предшественниковъ: кого возвратили изъ ссылки, кого наградили; Лестоку было отдано его имущество, Биронъ и Разумовскій получили деньги. Были уничтожены банковые билеты, а также нѣкоторые откупа и мо-

нополіи. Уменьшили налоги, отмѣнили голштинскія новшества въ войскахъ. Для привлеченія духовенства была закрыта коллегія экономіи и распечатаны домашнія церкви; были даже запрещены въ театрѣ миѳологическія пьесы, а синоду предоставили цензуру.

Затѣмъ Екатерина объявила, что пойдетъ по стопамъ Петра Великаго, — и началось громкое царствованіе „безстрашной" самодержицы.

Россія стала вмѣшиваться во всѣ дѣла Запада; а внутри нея предпринимались мѣры, которыя были частью возстановленіемъ, частью развитіемъ мысли исполина о преобразованіи Россіи въ духѣ европейскаго просвѣщенія.

Особенно любопытна первая половина царствованія, полная кипучей дѣятельности и тревогъ во всѣхъ частяхъ государства, при личномъ участіи императрицы. При этомъ обнаружилось главное отличіе въ правительственныхъ пріемахъ учителя и ученицы. Петръ I, жившій въ то время, когда и на Западѣ не было теорій, орудовалъ, какъ практикъ; Екатерина руководилась основами философіи Просвѣщенія. Первый дѣйствовалъ прямо, рѣзко, поспѣшно, вторая осторожно, вкрадчиво, примѣняясь къ средѣ: ея любимымъ дѣломъ были комиссіи, какъ для изученія страны, такъ и для подготовки ея къ принятію новизны.

Первымъ изъ самыхъ громкихъ опытовъ Екатерины въ этомъ направленіи была *Большая Комиссія* для составленія новаго Уложенія (1767).

Съ Петра I не переставали думать о сводѣ законовъ, не разъ даже призывали для этого выборныхъ отъ дворянъ; но все безуспѣшно. Екатерина рѣшила, чтобы весь народъ начерталъ себѣ законы, и составила Комиссію изъ „депутатовъ" какъ отъ сената, синода и коллегій, такъ и отъ дворянъ, купцовъ, даже свободныхъ крестьянъ, казаковъ, солдатъ и инородцевъ. Чтобы помочь имъ, она сама сочинила *Наказъ,* который служилъ ея исповѣдью правителя. Она два года готовила его, „не говоря о томъ ни слова". Лишь подконецъ показала свою работу Орлову и Панину, которые нѣсколько ослабили ее, ужаснувшись ея смѣлости: Панинъ сказалъ, что „эдакими истинами разнесешь стѣны". Вельможные совѣтчики вымарали болѣе половины. Но и въ напечатанномъ видѣ Наказъ представляетъ идеалистическую проповѣдь началъ Просвѣщенія...

Здѣсь блещутъ общія мысли о „вольности, равенствѣ и человѣколюбіи“, которыя, надѣялся авторъ, „не будутъ отвергнуты тѣми, кто любитъ человѣчество“. Наказъ проникнутъ негодованіемъ къ жестокостямъ, къ пыткѣ и смертной казни, а также терпимостью, особенно къ раскольникамъ, да состраданіемъ къ бѣднымъ и подневольнымъ. Онъ гласитъ: „Мы сотворены для нашего народа“, а не наоборотъ, какъ внушаютъ „ласкатели земнымъ обладателямъ“. Но рѣшивъ, что „пространное государство предполагаетъ самодержавную власть“, онъ туманно опредѣляетъ „вольность“ и сохраняетъ смертную казнь для политическихъ преступниковъ. Признавая вредъ и гнусность крѣпостничества, онъ сохраняетъ права дворянства и говоритъ: „надлежитъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются“. Впрочемъ, изъ черновыхъ Наказа видно, что сочинительница мечтала не только объ облегченіи крѣпостничества, но и объ освобожденіи крестьянъ. Она, еще будучи великою княгиней, писала: „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей, которые всѣ рождаются свободными“. Она предвидѣла только противодѣйствіе со стороны „землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ“. Такъ и случилось: въ этомъ дѣлѣ противъ нея возстали ея совѣтники, и во главѣ ихъ такіе вожди интеллигенціи, какъ Дашкова, Державинъ и Сумароковъ, а также митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.

На Западѣ восторгались самодержицей, которая „предпочла титулъ законодателя славѣ побѣдъ и заботу о благоденствіи человѣчества его истребленію“. У насъ по городамъ собирались ставить памятники императрицѣ; и явилась картина Славы, съ Наказомъ и съ подписью: „блаженство каждаго и всѣхъ“. Депутаты, по словамъ иностранцевъ, ходили, поднявъ голову, какъ самая „мудрая, счастливая и могущественная нація въ мірѣ“. И Екатерина не сомнѣвалась въ успѣхѣ своего „фундамента законодательнаго зданія имперіи“. Но Большая Коммиссія не исполнила своей задачи.

Съ виду, то было самое величавое явленіе въ Россіи послѣ собора для Уложенія 1649 г. (§ 198). Сначала въ Москвѣ, въ Грановитой Палатѣ, потомъ въ Петербургѣ, полтора года засѣдали 564 депутата со всей страны и отъ всѣхъ частей общества, хотя большинство состояло изъ дворянъ и купцовъ, а изъ духовенства былъ только одинъ членъ синода. Они привезли съ собой, отъ избирателей, до полуторы тысячи наказовъ,

гласившихъ о нуждахъ всей страны. Они имѣли болѣе сотни засѣданій и работали въ 16-ти частныхъ комиссіяхъ, подъ руководствомъ своего „маршала", Бибикова. Получивъ правила, какъ вести дѣло, даже какъ говорить и сидѣть для избѣжанія „конфузіи", они трудились сначала усердно и дѣльно, безъ гвалта и исторій. Оказались ораторы, даже среди крестьянъ; малороссы блистали риторствомъ, остзейцы сноровкой въ рѣчахъ; а князь Щербатовъ походилъ на парламентскаго вожака. Впрочемъ не столько говорили, сколько писали: болѣе трети депутатовъ подавали множество мнѣній и замѣчаній. Тутъ были работы и академиковъ, и свѣдущихъ нѣмцевъ, и дѣльцовъ коллегій; даже инородцы подавали дѣльныя представленія; а мужики, которымъ принадлежатъ $^2/_3$ бумагъ, отлично поняли Наказъ, какъ видно изъ ихъ ссылокъ на него. Всѣ депутаты требовали основанія школъ, введенія мировыхъ судей и вообще улучшенія суда и расправы — дѣло, которому они посвятили 70 засѣданій и 200 записокъ. Они указали на тяжесть налоговъ, на злоупотребленія властей и ясно обнаружили стремленіе къ мѣстному самоправленію, къ выборному началу. За исключеніемъ церковныхъ вопросовъ, они коснулись всего, даже народной медицины и улучшенія внѣшняго быта.

Тѣмъ не менѣе, Большая Комиссія не могла достигнуть цѣли. Она была проникнута инымъ духомъ, чѣмъ Наказъ. Большинство требовало сохраненія нетерпимости, особенно относительно раскольниковъ, и жестокости, особенно къ крѣпостнымъ, которыхъ тщетно отстаивалъ маршалъ собранія, даже противъ купцовъ и казаковъ. Большинство выступало съ мелочами неприглядной мѣстной жизни противъ широкихъ общечеловѣческихъ началъ Просвѣщенія. Въ Комиссіи вспыхнула борьба узкихъ сословныхъ интересовъ, особенно между дворяниномъ и купцомъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ захватить себѣ побольше привилегій насчетъ массы народа. Выступила и рознь между ядромъ государства и окраинами: малороссы, остзейцы, финляндцы, смольняне (поляки) боялись лишиться своихъ старыхъ льготъ. Рвеніе депутатовъ охладѣвало: засѣданія происходили все рѣже и были все малолюднѣе. Екатерина не только не дала Комиссіи готоваго проекта свода законовъ, требующаго многолѣтняго труда, но даже не снабдила ея подробною программой занятій: пренія прерывались, безпорядочно цѣпляясь то за одинъ, то за другой вопросъ. Нерѣдко депутаты были подавляемы страхомъ: они знали, что самодержица зорко слѣдитъ за каждымъ

ихъ словомъ и косвенно принимаетъ участіе въ преніяхъ. Въ первомъ же засѣданіи они выбрали маршаломъ ея наперсника и поднесли ей титулъ „Великой и Премудрой Матери Отечества", отъ котораго она отказалась. Когда всѣ приговаривали нѣчто противное Наказу, маршалъ указывалъ на §—и тотчасъ всѣ же перемѣняли свое мнѣніе. А когда, подконецъ, начали разгораться страсти крѣпостниковъ и привилегированныхъ окраинъ, когда, по словамъ Сиверса, сановники испугались, что депутаты окажутся сильнѣе ихъ, когда Бибикову почудилось, что депутаты, „увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти", — Комиссія была закрыта по случаю турецкой войны. Обѣщаніе „вновь созвать" ее не было исполнено; только ея частныя комиссіи (до 100 человѣкъ) работали еще лѣтъ шесть.

Но Большая Комиссія не лишена косвеннаго значенія. Императрица, по ея собственному признанію, поняла „умоначертаніе сего вѣка" и „лучше сознала каждой округи состояніе": депутаты „подали ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи" да и сами „стали знать волю законодавца и по оной поступать". Она окончательно убѣдилась въ необходимости преобразованій и получила богатый запасъ свѣденій о нуждахъ страны, который долженъ былъ лечь въ ихъ основаніе: въ своихъ преобразованіяхъ она пользовалась работами Комиссіи. Депутаты доказали „всему свѣту и будущимъ родамъ" старую истину, что русскіе одарены политическими способностями, но мало развиты, по недостаточности просвѣщенія. Наиболѣе обученный, наиболѣе отвѣтственный передъ будущимъ слой общества, дворяне, оказались мало состоятельными. Они попрежнему, среди раболѣпія, выдвигали свои корыстныя „затѣйки". Прозорливый законодавецъ понялъ, „съ кѣмъ дѣло имѣетъ", и смѣло пошелъ одинъ по своей дорогѣ, не опасаясь призраковъ 28-го іюня.

§ 236. **Центральное и областное управленіе. Внѣшній бытъ.** Тотчасъ же во всемъ управленіи обнаружился рьяный просвѣщенный абсолютизмъ (§ 196), стремленіе сосредоточить жизнь государства въ одномъ лицѣ и въ одномъ мѣстѣ. Напрасно Панинъ мечталъ о своемъ Императорскомъ Совѣтѣ (§ 233) и Минихъ выступилъ съ подобнымъ же проектомъ. Вмѣсто этихъ „соправителей", Екатерина учредила при своей особѣ *Государственный Совѣтъ* (1768) изъ немногихъ наперсниковъ, въ помощь себѣ. Она стала предсѣдательствовать въ немъ и уже рѣдко наѣзжала въ сенатъ, который, вопреки мысли Петра I

(§ 215), лишился значенія, совсѣмъ подчинившись генералъ-прокурору Вяземскому. И вездѣ коллегіальность уступала мѣсто вліянію наперсниковъ царицы, во главѣ которыхъ стояли *Вяземскій* и *Тепловъ*—заурядныя личности, но неукоснительные и безпощадные исполнители воли самодержицы. Такими же приказчиками высшей власти стали областные правители: въ „Наставленіи губернаторамъ" они названы „хозяинами своихъ губерній", которые „во всемъ предъ нами отче́тъ и отвѣтъ дать долженствуютъ".

Тогда же началось прикрѣпленіе окраинъ къ ядру Россіи. Въ наказѣ Вяземскому Екатерина выразилась такъ: „Было бы достовѣрною глупостью называть чужестранными Малую Россію, Лифляндію, Финляндію и Смоленскую провинцію: нужно привести ихъ къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу". Она желала, чтобы въ остзейскихъ и финляндскихъ канцеляріяхъ знали русскій языкъ. Воспользовавшись толками на Украйнѣ о наслѣдственномъ гетманствѣ съ династіей Разумовскихъ, она вызвала графа Кирила (§ 230) въ Петербургъ—и онъ подалъ въ отставку. *Гетманство было отмѣнено* (1764): Малороссія образовала двѣ губерніи (кіевскую и малорусскую), подчиненныя генералъ-губернатору Петру Румянцову и Малороссійской коллегіи. А такъ какъ запорожцы составляли разбойничьи шайки гайдамаковъ, то *Сѣчь была разорена* (1775). Многіе изъ запорожцевъ стали заклятыми врагами москалей, даже бѣжали къ туркамъ; остальныхъ переселили въ Тамань, гдѣ изъ нихъ образовалось войско черноморскихъ казаковъ. Екатеринѣ не нравилось также особное положеніе Прибалтійскаго края, хотя она признавала высокое бытовое развитіе тамошнихъ нѣмцевъ. Она только „пока, для сохраненія спокойствія", соблюдала его привилегіи, которыя впрочемъ стѣснялись сначала дѣятельностью ея генералъ-губернатора, потомъ новымъ положеніемъ о намѣстничествѣ (1783).

Вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ власти наверху, было преобразовано областное управленіе, съ тою же цѣлью. Чтобы устранить въ немъ путаницу и поточнѣе узнать страну, сдѣлали болѣе правильное разграниченіе губерній посредствомъ *всеобщаго межеванія* земель (1765), о которомъ тщетно мечтали Петръ I и Елизавета. Затѣмъ явилось Учрежденіе для управленія губерній (1775), которымъ вводился новый областной порядокъ: Россія была раздѣлена на *50 губерній*, распадавшихся на „уѣзды". Екатерина старалась выдвинуть и новыхъ

людей для новаго дѣла. Явился образецъ губернатора, въ Новгородѣ. То былъ очень образованный, честный и работящій *Сиверсъ*, съ которымъ императрица обсуждала всѣ мелочи губернской реформы и постоянно находилась въ личныхъ сношеніяхъ или въ перепискѣ. Онъ участвовалъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ Екатерины, гдѣ прямо, гдѣ совѣтомъ; особенно много сдѣлалъ онъ для развитія путей сообщенія и каналовъ. Прямой, основательный Сиверсъ былъ далекъ отъ лести и самонадѣянности. Онъ совѣтовалъ ничего не скрывать передъ обществомъ въ дѣлѣ Пугачева. Онъ часто бесѣдовалъ съ Екатериной о крестьянскомъ вопросѣ, настаивая на неотложности освобожденія крѣпостныхъ. Посланный въ Польшу при раздѣлахъ, онъ жаловался: „тяжелая сердцу задача—держать сеймъ подъ арестомъ". Отъ портретовъ идеальнаго губернатора, съ ихъ умнымъ взглядомъ и съ ласковою улыбкой, вѣетъ благородствомъ истинно просвѣщеннаго человѣка.

Успокоившись насчетъ твердости власти и распорядительности по всей странѣ, Екатерина сосредоточила свое вниманіе на казнѣ и народномъ хозяйствѣ. Она застала ихъ въ отчаянномъ положеніи, а „кредита или довѣрія къ Россіи не существовало". Между тѣмъ „петербургскія дѣйства", пышность двора, преобразованія, скоро начавшіяся войны и волненія — все требовало много денегъ: государственные расходы возросли въ царствованіе Екатерины съ 17 до 80 милліоновъ р. Начали прибѣгать къ займамъ у иностранныхъ капиталистовъ, а вскорѣ начались и внутренніе займы, подъ видомъ *ассигнацій* (ассигновокъ на полученіе денегъ) или бумажекъ, для вымѣна которыхъ на „ходячую монету" былъ устроенъ ассигнаціонный банкъ (1769). Эта мѣра сразу доставила много денегъ; но сама дворцовая канцелярія боялась принимать ассигнаціи, а Сиверсъ сѣтовалъ, что царица не понимаетъ всей опасности этого финансоваго изворота. Подобною же крупною, но злополучною мѣрой было широкое развитіе *виннаго откупа*. Съ фискальною цѣлью была осуществлена мысль Петра III объ *отобраніи въ казну церковныхъ имуществъ* (1764): около милліона монастырскихъ крестьянъ поступили въ вѣденіе коллегіи Экономіи (§ 232), которая стала взимать съ нихъ по $1^1/_2$ р. съ души въ годъ. „Экономическіе" крестьяне вскорѣ оправились; духовенству же было положено жалованье отъ казны.

Подобно Петру I, Екатерина II прибѣгала ко многимъ мѣрамъ для улучшенія сельскаго хозяйства, торговли, промышленности.

Возникло Вольное Экономическое Общество; призывались съ Запада колонисты, которымъ давали льготы и даже деньги; началось разведеніе картофеля; строились каналы и развивались пути сообщенія; посылалась купеческая молодежь за границу для обученія, а оттуда выписывались рудокопы и солевары, наряду съ учеными офицерами. Принимались мѣры и къ довершенію „собиранія храмины купечества" (§ 215), которыя потомъ увѣнчались *Городовымъ Положеніемъ*, давшимъ новое устройство купцамъ и мѣщанамъ. Заботились и о народномъ здравіи: учредили *Медицинскую Коллегію* (1763), которая составляетъ эпоху въ этомъ дѣлѣ у насъ. Она создала много врачей, завела больницы, гошпитали, аптеки по губерніямъ. Когда войска занесли изъ Турціи чуму, она помогла принять небывалый рядъ карантинныхъ и гигіеническихъ мѣръ. Екатерина ввела даже *оспопрививаніе*, начавъ съ себя и съ своего сына (1768). Въ Москвѣ (1763), а потомъ и въ Петербургѣ, были устроены *воспитательные дома*, чтобы не погибали заброшенные младенцы, хотя они мерли тамъ массами.

§ 237. **Нѣмецкій, польскій и восточный вопросы.**—Внѣшняя политика Екатерины II была болѣе удачна и цѣльна, чѣмъ внутренняя. Правда, и здѣсь императрица не была геніемъ, не внесла творчества. Она, какъ и всѣ правители того времени, руководилась національнымъ себялюбіемъ, дѣйствовала обычными кознями дипломатіи и краснорѣчіемъ штыковъ. Какъ дитя Просвѣщенія, она отличалась механическимъ взглядомъ на народности и матеріалистическою оцѣнкой государствъ. „Я прибыла въ Россію безприданницей, но пріобрѣла себѣ приданое въ Тавридѣ и Польшѣ", хвасталась она передъ Западомъ. Наконецъ, ея преобладаніе въ Европѣ куплено цѣной, превосходившей силы Россіи. Но ея внѣшнія дѣла безспорно блестящи: на нихъ-то основывалась ея міровая слава. Екатерина считалась первымъ дипломатомъ своего времени, такъ какъ дряхлому Фридриху II уже не хватало отважности и рьяности. Здѣсь, какъ и на войнѣ, она любила брать на себя починъ, дѣйствовать наступательно. Здѣсь особенно она была сама своимъ министромъ и всегда оставалась вѣрна себѣ, своей основной мысли. Здѣсь были умѣстны ея внѣшнія достоинства—женское очарованіе, салонная говорливость, блестящій литературный талантъ. Она лично вела переговоры съ дипломатами, устраивала свиданія съ Іосифомъ II, Густавомъ III, Понятовскимъ, братомъ

Фридриха II. Она переписывалась и съ ними, и съ писателями, направляя общественное мнѣніе Запада о Россіи.

Основаніемъ политики Екатерины было участіе во всѣхъ дѣлахъ, въ пользу Россіи, которая должна стать „рѣшительницей судебъ Европы“.

Средствомъ для этого служила ей „осторожность въ аліанцахъ“: „нужно сохранять себѣ свободныя руки“ и „ни за кѣмъ хвостомъ не тащиться“, говорила она.

До нея дѣлалось наоборотъ, особенно въ *нѣмецкомъ* вопросѣ, который былъ завѣщанъ ей нерѣшеннымъ. При Елизаветѣ Россія была заклятымъ врагомъ Фридриха II, при Петрѣ III — слѣпымъ другомъ его. Екатерина припоминала стремленіе Петра Великаго поддерживать равновѣсіе въ Германіи. Тогда Пруссія была истощена войнами, и старый Фридрихъ заискивалъ у нея, намекая на раздѣлъ Польши; Австрія же, съ юнымъ, предпріимчивымъ Іосифомъ II, становилась опасною и не думала помогать намъ въ Турціи. Екатерина заключила *союзъ съ Пруссіей*, котораго держалась около 20 л. Фридрихъ вообразилъ, что Россія опять становится орудіемъ возвеличенія Пруссіи; но вышло наоборотъ. Онъ былъ принужденъ помогать ей въ сохраненіи „счастливой анархіи“, съ помощью которой „мы распоряжаемся Польшей по своей волѣ“, говорила Екатерина.

И тотчасъ же выдвинулся *польскій* вопросъ, этотъ рычагъ Екатерининской политики.

Этотъ вопросъ былъ также первымъ и главнымъ оселкомъ нравственности Екатерины. Она писала передъ восшествіемъ на престолъ: „миръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ“...

Польша уже до того ослабѣла отъ внутренней неурядицы, что служила приманкой для сильныхъ сосѣдей, особенно для Пруссіи и Россіи, у которыхъ просили помощи *диссиденты* (§ 197). Россія втягивалась въ дѣла Рѣчи Посполитой еще по двумъ причинамъ. Она нуждалась въ *Курляндіи* для довершенія мысли Петра I о Балтійскомъ морѣ. Когда Биронъ попалъ въ Сибирь, Августъ III отдалъ эту страну своему сыну. Екатерина возстановила Бирона, съ помощью штыковъ (1762). *Западная Украйна* точно также стремилась къ сліянію съ Россіей, какъ восточная при царѣ Алексѣѣ (§ 203): по-

ляки и евреи по старому угнетали казаковъ, а іезуиты старались обратить ихъ въ унію. Тамъ вспыхнуло жестокое возстаніе гайдамаковъ, съ Желѣзнякомъ и Гонтой во главѣ, которые до того истязали поляковъ, что Россія же должна была унимать ихъ. При такихъ условіяхъ, польскій вопросъ разгорѣлся, тѣмъ болѣе, что умеръ Августъ III. Екатерина дѣйствовала такъ же горячо и безцеремонно, какъ въ Курляндіи. Ея войска и деньги наводнили Польшу. Она грозила: „населю Сибирь моими врагами и спущу запорожцевъ". Помогъ и Фридрихъ II, которому намекнули на планъ раздѣла Рѣчи Посполитой, уже обсуждавшійся тайно въ Петербургѣ. При содѣйствіи Чарторижскихъ, королемъ былъ избранъ, подъ именемъ *Августа IV* (1763), ихъ родственникъ и бывшій фаворитъ Екатерины, Станиславъ Понятовскій (§ 231).

Съ тѣхъ поръ Рѣчь Посполитая стала вассаломъ Россіи. Нашъ посланникъ, Репнинъ, распоряжался ею, опираясь на русскія войска. Сославъ главныхъ враговъ въ Россію, онъ заставилъ сеймъ уравнять диссидентовъ въ правахъ съ католиками. Поляки сдѣлали отчаянное усиліе: они составили большую національную „конфедерацію" въ Барѣ, которой тайкомъ помогала даже Австрія, а Франція доставляла средства, прислала своего генерала, Дюмурье, и подняла турокъ противъ Россіи. Но конфедераты сдались Суворову, а турки несли такія пораженія, что Іосифъ II и даже Фридрихъ II стали совѣщаться объ „обузданіи" Екатерины. Побѣдительница не испугалась ихъ угрозъ: „держитесь крѣпко, и ни шага назадъ", внушала она Панину. Австрія собиралась объявить намъ войну. Но Фридрихъ, который тогда боялся, какъ огня, всякихъ столкновеній, тяготился субсидіями, выдаваемыми Россіи, какъ союзницѣ, и не желалъ ея усиленія въ Турціи, не приносившаго выгодъ Пруссіи, примирилъ соперниковъ. Благодаря его усердію, совершился *первый раздѣлъ Польши* (1772) между тремя сосѣдями: Россія получила Бѣлоруссію (витебская и могилевская губерніи), почти съ 2 милліонами жителей.

Раздѣлы были въ духѣ времени: тогда вѐрхомъ „политической мудрости" считались мечты о раздробленіи Испаніи, Германіи, Австріи, Швеціи (§ 221); гуманнѣйшій Іосифъ II собирался „положить себѣ въ карманъ" Сербію съ Босніей. Мысль о раздѣлѣ Рѣчи Посполитой мелькала съ 14-го в., когда начались въ ней внутреннія неурядицы (§ 111). Три сосѣдки за 10 л. до удара касались ея въ салонныхъ шуткахъ и бѣглыхъ намекахъ дип-

ломатовъ. Но Марія-Терезія задерживала дѣло: она считала захваты чужого добра утратой „добраго имени, чести и славы". Фридрихъ II мѣтко опредѣлилъ роли, написавъ Екатеринѣ передъ раздѣломъ: „Опера, сочиненная вашимъ величествомъ, будетъ выполнена безъ малѣйшей остановки". Такъ какъ Рѣчь Посполитая, съ ея угнетеніемъ крестьянъ и диссидентовъ, была пережиткомъ средневѣковья, то друзьямъ Екатерины на Западѣ, съ Вольтеромъ во главѣ, не трудно было прославлять ее и за этотъ подвигъ. Но рядомъ появилось много сатиръ и каррикатуръ на „пирогъ королей", особенно въ Англіи и у французовъ, которыхъ Екатерина, ихъ ученица въ теоріи, называла за это „собаками, угорѣлыми кошками, мерзкими злодѣями, проклятыми нечестивцами".

Необычайный успѣхъ Екатерины въ Польшѣ тѣмъ болѣе поразилъ міръ, что она тогда же вела, въ теченіе 6 л., тяжкую *первую войну съ Турціей.* У насъ флотъ почти совсѣмъ отсутствовалъ, пушекъ было такъ же мало, какъ и денегъ, а казнокрадство насчетъ солдата процвѣтало необычайно. Къ счастью, нашей полуголодной и полунагой арміи, у которой были превосходныя груди солдатъ и отважные полководцы, пришлось бороться съ непріятелемъ, который стоялъ еще ниже по развитію. Замкнутая отъ европейской гражданственности, Порта представляла тогда образецъ такого азіятскаго запустѣнія, что уже во время бѣлградскаго міра (§ 227) поговаривали объ ея раздѣлѣ. Ею правили недалекіе, трусливые султаны и подкупные визири, тогда какъ Екатерина превосходила себя въ безстрашіи и рвеніи. Она сразу рѣшила, что „какъ кошка бросится на мышей и задастъ такого звону, какого отъ насъ не ожидали". Она, на подобіе Петра, вдругъ создала блестящій флотъ, появленіе котораго въ Архипелагѣ поразило міръ и поднимало духъ турецкихъ христіанъ; а плачъ этихъ новыхъ диссидентовъ вызывалъ новыя похвалы Вольтеровъ грядущей изгнанницѣ злыхъ азіятовъ изъ Европы. Морскія державы не посмѣли остановить новаго отважнаго товарища на водахъ. Англія даже заискивала у насъ и одобряла все, кромѣ прохода нашихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное. Эскадра, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, но руководимая даровитыми и отважными адмиралами, Спиридовымъ и Грейгомъ, уничтожила, въ *Чесменской* бухтѣ (у о. Хіоса), весь турецкій флотъ. Но этотъ подвигъ истощилъ ее: она замерла, не достигнувъ Константинополя, о которомъ мечтала Екатерина.

Болѣе прочный успѣхъ доставили подвиги арміи, предводимой Петромъ *Румянцовымъ*, которому помогали Суворовъ и Долгорукій, прозванный Крымскимъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ началъ прославляться еще въ Семилѣтнюю войну (§ 230), какъ вождь хладнокровный, разсчетливый, но, когда нужно, не менѣе Суворова рѣшительный и храбрый. Сверхъ того, этотъ честный служака былъ отличнымъ военнымъ хозяиномъ, пріучившись къ управленію во время своего генералъ-губернаторства (§ 236). Онъ дорожилъ каждымъ рядовымъ и зналъ по имени каждаго

Румянцовъ Задунайскій.

ветерана. Солдаты благоговѣли передъ этимъ высокимъ, тучнымъ, осанистымъ, но простымъ, привѣтливымъ богатыремъ съ ласковою улыбкой...

Румянцовъ заслужилъ и имя *Задунайскаго*, и множество наградъ, и памятникъ въ скверѣ его имени [1]). Онъ покрылъ нашу армію лаврами у р. *Ларги* и особенно на р. *Кагулѣ*, гдѣ

[1]) Самый схожій портретъ Румянцова принадлежитъ кисти Левицкаго. Съ него сдѣланъ нашъ снимокъ. Изображеніе Задунайскаго находится на многихъ историческихъ картинахъ и медаляхъ. Но его нѣтъ на гранитно-мраморномъ обелискѣ „побѣдамъ Румянцова", поставленномъ въ Румянцовскомъ скверѣ, въ Петербургѣ, при Павлѣ.

у него не было и 20.000, а противъ насъ стояли 150.000 турокъ да назади 80.000 татаръ.

Только Румянцовъ поддерживалъ замѣчательную бодрость и самоувѣренность Екатерины въ концѣ войны: тогда всѣ пали духомъ, замѣчая истощеніе казны и арміи, благодаря частью чумѣ, частью пугачевщинѣ; а она, изъ прекрасной дали, стремилась къ самому Константинополю.

И Россія получила, по миру въ *Кучукъ-Кайнарджи* (1774), земли между Азовомъ, Керчью и Кубанью, между Днѣпромъ и Бугомъ, а также право ходатайствовать предъ Портой за румынъ и балканскихъ славянъ. Сверхъ того, султанъ дозволилъ нашимъ купеческимъ судамъ свободное плаваніе по Черному морю и призналъ независимость крымскихъ татаръ: одно означало близкое превращеніе Чернаго моря въ русское озеро, другое — подчиненіе Крыма Россіи.

Екатерина была въ правѣ гордиться особенно тѣмъ, что такой блестящій миръ, повергшій всѣхъ дипломатовъ Запада въ смущеніе, совершился безъ участія ошеломленныхъ державъ.

§ 238. **Внутреннія волненія. Пугачевщина.** — Несмотря на громъ побѣдъ и блескъ двора, несмотря на крупныя преобразованія и всеобщее славословіе, тревожно было царствованіе „сѣверной Семирамиды“, въ особенности его первая половина.

Массѣ народа было тяжко отъ войнъ, отъ расточительности наверху, отъ самыхъ преобразованій, которыя стоили дорого и доставляли выгоду только горсти помѣщиковъ и богачей.

Отсюда самозванство, эта обычная въ необразованномъ обществѣ форма протеста, которая мучила Россію около двухъ вѣковъ.

Оно развивалось, какъ историческая необходимость, несмотря на постоянныя неудачи и жестокія наказанія: часто сами самозванцы и ихъ пособники не вѣрили въ себя и выступали противъ воли, какъ жертвы, намѣченныя народомъ въ его мечтахъ о замѣнѣ тяжкаго строя жизни болѣе сноснымъ. Иногда даже подымались волненія во имя самозванца, который существовалъ только въ воображеніи, въ слухахъ мятежныхъ массъ. Эта мірская ложь развилась особенно послѣ Петра I...

Именно въ кругу гвардейцевъ и камергеровъ особенно негодовали на Орловыхъ, „между которыми императрица хочетъ

раздѣлить Россію", и сожалѣли о заброшенномъ въ Царскомъ Селѣ Павлѣ. Толковали, что Екатерина нарушила свое обѣщаніе Панину быть только правительницей; ждали расправы, такъ какъ „цесаревичъ въ лѣта приходитъ".

Даже ссыльные въ Камчаткѣ, съ полякомъ *Беневскимъ* во главѣ, составили „компанію для Павла", перебили стражу и овладѣли казеннымъ судномъ. Потомъ они ратоборствовали на островахъ Тихаго океана. Беневскій былъ убитъ на Мадагаскарѣ: его товарищи испросили прощеніе и кончили жизнь въ Сибири свободными поселенцами.

Подобнымъ же отчаяннымъ предпріятіемъ было дѣло Мировича (§ 228), даромъ сгубившее несчастнаго Ивана VI, братья и сестры котораго были потомъ отправлены Екатериной въ Данію.

Еще нелѣпѣе была исторія княжны *Таракановой*, какой-то искательницы приключеній на Западѣ, которая выдавала себя за дочь Елизаветы и Разумовскаго. Эта молодая, знавшая четыре языка красавица, проживавшая въ кругу проходимцевъ европейскихъ столицъ, стала орудіемъ поляковъ, французовъ и іезуитовъ: она называла себя сестрой Пугачева и собиралась къ султану, чтобы съ его помощью добыть русскую корону. Но Алексѣй Орловъ заманилъ ее къ себѣ на корабль самыми гнусными уловками и доставилъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она вскорѣ умерла отъ чахотки (1775), за два года до наводненія каземата.

Столь же безумны, но болѣе опасны были самозванства во имя Петра III. Въ 15 л. было 15 самозванцевъ изъ бѣглыхъ солдатъ, казаковъ, армянъ и т. п.; да еще не всѣ извѣстны. Были они и во время Пугачева, и послѣ него, подъ именемъ самого Пугачева.

Было даже два въ Черногоріи (§ 197) и одинъ въ Албаніи.

Важнѣе было недовольство въ цѣлыхъ сословіяхъ.

Екатерина хвасталась предъ иностранцами, извѣщая ихъ изъ Москвы: „невозможно описать радость, какую здѣсь народъ оказываетъ при видѣ моемъ". А Москва всегда была гнѣздомъ стараго дворянства, которое роптало на предпочтеніе ему новыхъ любимцевъ и на преобразованія. Тамъ же купцы, хранители Домостроя, иногда явно изобличали поведеніе импера-

трицы и негодовали, какъ при Петрѣ I, на ея „плясанія“, на вѣротерпимость и свѣтскія школы.

Они примыкали къ духовенству, которое тѣмъ сильнѣе возмущалось противъ Екатерины, что она начала съ благочестія, а потомъ пошла по Духовному Регламенту (§ 215).

Вождемъ церковниковъ выступилъ архіепископъ ростовскій, *Арсеній Мацѣевичъ*, второй Никонъ по нраву и по роли (§ 199). Человѣкъ очень ученый, умный и краснорѣчивый, онъ отличался крайнею раздражительностью, высокомѣріемъ и прямотой до дерзости; огонь фанатика свѣтился въ его глазахъ. Это былъ крупный, неукротимый боецъ; но онъ сталъ за отпѣтый пережитокъ — за властительство церкви, и въ особенности за ея тлѣнное богатство, вопреки преданіямъ такихъ идеалистовъ, какъ Нилъ Сорскій (§§ 115, 235). У него не оказалось партіи: только одинъ масонъ Лопухинъ поставилъ ему памятникъ въ своемъ имѣніи. Арсеній торжественно проклялъ „хищниковъ“ церковныхъ имуществъ и въ донесеніяхъ синоду изобличалъ коварство императрицы (1763). Онъ указывалъ на права и Павла, и Ивана VI и поносилъ такихъ угодниковъ власти, какъ Сѣченовъ...

Всѣ эти мелкія проявленія недовольства въ высшихъ слояхъ общества не представляли опасности Екатеринѣ. Тутъ не было политическихъ партій: то была нерѣдко просто нелѣпая игра личныхъ честолюбій. Все кончалось болтовней ничтожныхъ безумцевъ, которыхъ выдавали собственные же товарищи. Опасность таилась въ тяжкомъ положеніи массы народа. На эту массу обрушивались всѣ причины истощенія страны, въ особенности же крѣпостничество и злоупотребленія чиновниковъ; а она не могла понимать ни благихъ намѣреній представительницы Просвѣщенія, ни отдаленной пользы ея преобразованій. Сначала тамъ и сямъ гулялъ красный пѣтухъ по барскимъ усадьбамъ, изрѣдка даже лилась кровь такихъ кровопійцъ - помѣщиковъ, какъ наказанная Екатериной *Салтычиха*, которая обливала своихъ дворовыхъ кипяткомъ, припекала имъ уши раскаленными щипцами и въ 6 л. засѣкла до 100 душъ. То были обычные крестьянскіе „бунты“, подожженные процвѣтаніемъ „экономическихъ“ (§ 236) и надеждой, что человѣколюбивая императрица дастъ „волю“ всѣмъ...

Дѣло шло не о политикѣ: самозванство именемъ Петра III было случайнымъ предлогомъ, внѣшнимъ средствомъ объединенія массъ,

объявлявшихъ войну привилегированному слою, всякой власти и богатству, а также зачаткамъ европейскаго просвѣщенія и гражданственности. Отчаянный порывъ крестьянства, уже лишеннаго простора, чтобы разбрестись розно (§ 150), нашелъ откликъ въ массѣ раскольничества, которое также процвѣтало при Петрѣ III и теперь также считало себя обманутымъ. Вѣротерпимая императрица дала ему мелкія льготы, но церковь и чиновники дѣйствовали постарому: и раскольники все-таки казались какими-то не русскими; съ нихъ продолжали брать двойное подушное. А ихъ было много среди казачьей вольницы юго-востока, приволье которой стѣснялось требованіями государства. Тамъ же кипѣли негодованіе и месть инородцевъ, особенно калмыкъ и башкиръ, которыхъ приманивали изъ вольныхъ степей обѣщаніями, а потомъ доводили до отчаянія изувѣрствомъ и алчностью мѣстныхъ властей и рвеніемъ обратителей въ православіе. Развитію варварскаго духа безначалія полудикой черни содѣйствовали физическія бѣдствія—голодъ, пожары, въ особенности же ужасная чума (§ 236): она привела москвичей къ жестокому бунту, который былъ усмиренъ пушечными выстрѣлами, послѣ того какъ толпа замучила архіепископа Амвросія.

Самымъ грознымъ завершеніемъ общественной неурядицы, разъѣдавшей Россію со временъ Ивана IV, была *пугачевщина*. Она возникла тамъ же, гдѣ буйствовалъ Разинъ (§ 202). На низовьяхъ Дона, Волги и Урала возродилась сбродная, казацкая Русь, и съ тѣмъ же разбойничьимъ оттѣнкомъ, который показывалъ, что нравы не смягчились, и былъ какъ бы местью государству за пренебреженіе просвѣщеніемъ народа. Самъ Емельянъ *Пугачевъ* принадлежалъ къ донской голытьбѣ. Онъ участвовалъ въ Семилѣтней и турецкой войнахъ, гдѣ былъ битъ „нещадно“ плетью за пустяки; потомъ сидѣлъ, за дерзкія рѣчи, въ острогѣ, откуда бѣжалъ въ Малороссію. Здѣсь, въ одномъ раскольничьемъ скиту, ему дали денегъ и внушили мысль назваться Петромъ III, будто бы томившимся въ Сибири.

Въ Емелькѣ находили сходство съ погибшимъ императоромъ; но совершенно напрасно. Пугачевъ [1]) былъ настоящій ка-

[1]) Нашъ рисунокъ есть снимокъ съ самаго схожаго портрета Пугачева, писаннаго въ Пугачевской Башнѣ, какъ и теперь называется это отдѣленіе московскаго острога. Подъ нимъ надпись: „Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева“. Ниже правоученіе въ нѣмецкихъ стихахъ. Рядомъ у насъ помѣщено то же лицо въ желѣзной клѣткѣ и въ кандалахъ, которыя хранятся въ московскомъ музеѣ. Подъ нимъ нѣмецкая подпись: „Емеля Пугачевъ, русскій бун-

закъ, худощавый, широкоплечій, невысокій, съ благообразнымъ, но рябымъ и смуглымъ лицомъ, съ небольшою бородкой, въ которой уже просвѣчивала сѣдина, хотя ему было тогда (1773) только 33 г. Безграмотный, распутный и жестокій пьяница, любившій смотрѣть на казни и истязанія, Пугачевъ не задавался далекими цѣлями: „день мой — вѣкъ мой", говорилъ онъ. Но онъ былъ сметливъ, способенъ къ военному дѣлу, умѣлъ держать себя съ важностью, иногда подчинялся припадкамъ великодушія. Захвативъ власть, онъ женился на молодой казачкѣ, подлѣ которой завелъ 5 наложницъ, подъ име-

Пугачевъ.

немъ „фрейлинъ". На аудіенціяхъ онъ сидѣлъ въ креслѣ одного убитаго губернатора, а по бокамъ стояли казаки—одинъ съ булавой, другой съ сѣкирой. Тутъ ему всѣ кланялись въ землю, цѣловали руку, называли „вашимъ величествомъ, батюшкой, надежей-государемъ"! Но наединѣ наперсники распоряжались имъ, какъ своимъ братомъ. Обыкновенно онъ ходилъ въ казачьемъ платьѣ; а на торжествахъ облекался въ бѣлую рубаху и штофный голубой бешметъ, въ бархатные малиновые шаровары, въ черную мерлушковую шапку съ щегольскимъ верхомъ. При шествіяхъ, его поддерживали подъ руки двѣ татарки, а писарь рыпѣлъ на скрипчонкѣ; казаки же пѣли сложенную въ честь его пѣсню.

товщикъ, принявшій имя царя Петра III; началъ, въ Оренбургской губерніи, въ концѣ 1773 г., схваченъ въ концѣ 1774 г. и доставленъ, въ клѣткѣ, въ Москву".

Пугачевъ началъ съ Иргиза и Яика, гдѣ къ нему пристали яицкіе казаки, инородцы, а также масса разбойниковъ, раскольниковъ, бѣглыхъ солдатъ и арестантовъ, съ которыми конвойные обращались хуже, чѣмъ съ собаками.

Онъ устроилъ свой дворъ: наперсники были названы генералами и графами, Орловымъ, Панинымъ, Чернышевымъ.

Два укрѣпленьица были наименованы Москвой и Петербургомъ. Здѣсь производились смотры и ученья войскамъ. Здѣсь же писались безграмотные манифесты и указы. Но въ нихъ былъ завѣтный для народа смыслъ: самозванецъ обѣщалъ освободить крестьянъ, истребить дворянъ всѣхъ до послѣдняго, дать права раскольникамъ, заточить Екатерину въ монастырь, а престолъ отдать Павлу, который и состоялъ при немъ въ видѣ какого-то мальчика.

Въ три мѣсяца у Пугачева, къ которому пристали еще донскіе и бѣглые малороссійскіе казаки, образовалось цѣлое войско, и онъ сорилъ награбленными богатствами.

А у Екатерины, занятой турецкою войной, была недостача и въ войскахъ, и въ деньгахъ; солдаты, сами крѣпостные, нерѣдко сочувствовали самозванцу; офицеры отличались сварливостью и „глупостью“, а чиновники — трусостью и продажностью. Такъ признавался самъ, облеченный диктаторскою властью, Бибиковъ (§ 235), который началъ-было поправлять дѣла, но внезапно умеръ, на дорогѣ въ Оренбургъ.

Пугачевъ взялъ Саратовъ, Казань, Пензу.

Когда мятежъ перекинулся на правый берегъ Волги, онъ превратился изъ казацкаго бунта въ крестьянскую войну. Адъ кипѣлъ отъ Казани до Москвы, гдѣ крѣпостные прославляли самозванца, а бары бѣжали. Народъ расправлялся съ помѣщиками, чиновниками и духовенствомъ; шайки разбойниковъ грабили кого ни попало; разные „Петры III“ дрались между собой.

Наконецъ, правительство выслало большой отрядъ: Пугачевъ потерпѣлъ много пораженій и былъ выданъ сообщниками. Цѣлую недѣлю возили это страшилище по Москвѣ, въ желѣз-

ной клѣткѣ; и онъ пугалъ народъ, бросаясь изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь.

Затѣмъ Пугачевъ былъ приговоренъ къ четвертованію (1775); но для уменьшенія страданій палачу велѣно было, „по промаху", начать съ головы.

Въ Европѣ радовались, думая, что пугачевщина остановитъ внѣшніе успѣхи Екатерины: тогда даже приписывали смуту участію разныхъ державъ.

И то, и другое оказалось невѣрнымъ.

Пугачевщина имѣетъ внутреннее значеніе въ исторіи Россіи. Пожаръ былъ погашенъ въ потокахъ крови такъ же быстро, какъ быстро онъ запылалъ въ нихъ. То была борьба Европы съ Азіей, западной гражданственности съ воззрѣніями и пороками Домостроевской Руси и туранскихъ инородцевъ: ученица Вольтера стояла противъ безграмотнаго казака-разбойника, какъ Петръ — противъ Булавина со стрѣльцами и царь Алексѣй противъ Разина.

Но побѣда досталась дорого. Долго огромная часть имперіи лежала въ развалинахъ. Одинъ годъ успѣховъ пугачевщины чуть не погубилъ всѣхъ широкихъ замысловъ и настойчивыхъ усилій блестящей самодержицы...

Государственная и интеллигентная Россія, побѣдивши пережитокъ казацко-разбойничьей Руси, должна была запомнить, что пугачевщина была невольнымъ призывомъ къ самоисправленію, къ воскрешенію серьезнаго духа „вѣчнаго работника на тронѣ". Она должна была сознаться, что идеалистка Просвѣщенія, сочинительница „Наказа" вѣрнѣе смотрѣла на язву крѣпостничества, чѣмъ ея практическіе совѣтчики (§ 235). „Казнь Пугачева была истиннымъ торжествомъ дворянъ", говоритъ очевидецъ...

§ 239. **Военные и дипломатическіе успѣхи. Паденіе Польши.** — Послѣ пугачевщины, внутри государства настало затишье: „Мои распоряженія исполняются точно и буквально", сказала довольная Екатерина. Началась вторая половина царствованія, больше

первой ознаменованная внѣшнимъ блескомъ. Громъ побѣдъ и слава дипломатическихъ успѣховъ почти не прерывались. Европа была поражена и обезоружена безстрашіемъ и изворотливостью сѣверной Семирамиды, которая орудовала теперь уже вполнѣ самостоятельно. Панинъ умеръ. Начальникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сталъ Иванъ *Остерманъ*, ничтожный сынъ знаменитаго отца, мѣтко прозванный на Западѣ „чучелой". Его именемъ дѣйствовала канцелярія, съ *Безбородкомъ* во главѣ, человѣкомъ даровитымъ, любившимъ просвѣщеніе: по его настояніямъ, его братъ устроилъ Нѣжинскій лицей. Хитрый, изворотливый малороссъ, превосходившій Панина трудолюбіемъ и знаніемъ канцелярщины, Безбородко самъ проложилъ себѣ дорогу, скопилъ большое состояніе и сдѣлался правою рукой Екатерины, въ качествѣ ея секретаря. Но онъ былъ не больше, какъ искусный исполнитель.

Екатерина самолично привела теперь три основные вопроса русской политики къ лучшему, неожиданному исходу и даже вышла за ихъ предѣлы: стала дѣйствительно рѣшителемъ судебъ Европы (§ 237). Она воспользовалась тѣмъ, что сухопутныя великія державы были поглощены своимъ германскимъ междоусобіемъ, а морскія державы—американскою войной (§ 196). *Тешенскій миръ* (1779), прекратившій борьбу между Пруссіей и Австріей, доставилъ ей право такого же вмѣшательства въ дѣла Германіи, какое она недавно получила въ Портѣ: она стала порукой за имперскую конституцію, которая также была „счастливою анархіей". Съ тѣхъ поръ загремѣла слава „русской инфлюенціи" среди нѣмцевъ; а наши дипломаты впервые явились всюду, отъ Гамбурга до Мальты. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина отважно выступила съ *вооруженнымъ нейтралитетомъ* (1780), который унизилъ Англію въ ея собственной стихіи и снискалъ славу друзей Просвѣщенія, какъ застрахованіе мира и справедливости на моряхъ противъ кулачнаго права. Тогда Англія захватывала всякія купеческія суда, подъ предлогомъ, что они провозятъ военную контрабанду къ ея мятежнымъ колонистамъ въ Америкѣ. Екатерина объявила, что никто и нигдѣ не долженъ трогать судовъ нейтральныхъ державъ, не занимающихся военною контрабандой. Нарушитель этого правила подвергался нападенію русской эскадры, къ которой вскорѣ присоединились флоты другихъ государствъ. Императрица такъ гордилась этою идеей, заимствованною ею изъ проекта датскаго министра и разработанною Панинымъ (§ 234), что восклицала:

„вооруженный нейтралитетъ родился въ головѣ Екатерины II, и ни въ чьей другой!“

Тогда же весь міръ, не исключая русскихъ министровъ, былъ пораженъ загадочною смѣной прусскаго союза австрійскимъ, причемъ надменный Габсбургъ впервые самъ пріѣхалъ въ Россію для свиданія съ Екатериной. И тотчасъ же всѣ были еще болѣе озадачены *греческимъ проектомъ* (1782), который опять прославляли вожди Просвѣщенія, какъ очищеніе Европы отъ азіатчины. Но то былъ раздѣлъ Турціи между Россіей, Австріей и Франціей, причемъ возстановлялась Византійская имперія для внука императрицы, Константина Павловича. Къ ребенку приставили мамку-гречанку (потомъ онъ выучился по-гречески) и выбили медаль съ видомъ рухнувшаго Константинополя, на развалины котораго царица звала Вольтера на свиданіе. Русскимъ не удалось появиться въ Константинополѣ только потому, что морскія державы замирились. Но Екатерина успѣла преспокойно присоединить *Крымъ* (1783), а мимоходомъ поставила свои войска въ Грузіи, чтобы охранить царя Ираклія отъ посягательствъ Порты. Тотчасъ же наши моряки устроились въ Севастополѣ и Херсонѣ и положили основаніе *черноморскому флоту*.

Такъ, Екатерина отважно воспользовалась союзомъ съ Іосифомъ II, ничего не давъ ему взамѣнъ. Но она принуждена была перенести вредный для Россіи *союзъ князей* (1785), это начало прусскаго объединенія Германіи, подстроенное подъ шумокъ умирающимъ Фридрихомъ II. Затѣмъ Екатеринѣ пришлось выдержать *вторую войну съ Турціей* (1787—1791), на которую она смотрѣла такъ легко, что сама вызвала ее. Но недаромъ она заплакала при подписаніи манифеста. У насъ войска оказались больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и имъ не хватало припасовъ и снарядовъ; артиллерія была плоха; крѣпости и флотъ были построены наскоро изъ негоднаго матеріала. Общаго плана дѣйствій не имѣлось; военачальники перекорялись между собой изъ соперничества. Румянцовъ, покинутый въ Бессарабіи съ плохою арміей, вскорѣ подалъ въ отставку отъ ссоръ съ Потемкинымъ. О томъ же думалъ Суворовъ, весь израненый подъ Кинбурномъ и Очаковомъ, гдѣ гибла масса солдатъ. Онъ негодовалъ на странныя распоряженія Потемкина, который палъ духомъ и хотѣлъ все бросить. Іосифъ II неохотно и неудачно воевалъ съ турками. А за Порту собирались вступиться поляки и Пруссія. Англія

не пускала въ Средиземное море нашей эскадры, которая мечтала напомнить Чесму. Франціи удалось, наконецъ, поднять *Швецію*. Тогда въ Стокгольмѣ снова произошелъ переворотъ въ пользу королевской власти, несмотря на всѣ подкупы вельможъ Екатериной; и Густавъ III ревностно схватился за мысль о возвращеніи утратъ въ Финляндіи, предписавъ Россіи миръ въ Петербургѣ. Екатерина плакала, такъ какъ у насъ почти не было войскъ на сѣверѣ. Она надѣялась только на „чудеса Божіи“ и не спала по ночамъ: въ Петербургѣ слышались залпы шведскаго флота.

Суворовъ.

Екатерина была спасена обстоятельствами, вялостью враговъ, доблестью русскихъ солдатъ, у которыхъ появились настоящіе полководцы, да отчизнолюбіемъ народа, который жертвовалъ деньгами и составлялъ ополченія. Во Франціи разразилась революція. Англія и Пруссія не могли сговориться. „Счастливая анархія“ и русское золото подрывали силы шведовъ и поляковъ. Густавъ чуть не погибъ жертвой заговора вельможъ и офицеровъ-дворянъ, въ то время какъ его флотъ терпѣлъ пораженія отъ ничтожной русской эскадры, предводимой отважными, даровитыми и честными адмиралами, Грейгомъ и Чичаговымъ. Мы сохранили свои границы по миру въ *Верелѣ* (1790).

А на югѣ настала пора *Суворова*, хотя это былъ уже 60-лѣтній старикъ [1]). Суворовъ началъ прославляться въ Семилѣтней войнѣ; затѣмъ ни одна кампанія не обходилась безъ

[1]) Есть много портретовъ Суворова, но несхожихъ между собой, писанныхъ не съ натуры; да и лицо его было черезчуръ подвижно, перемѣнчиво. Всѣ они изображаютъ Суворова не моложе 60 л. Наиболѣе вѣренъ портретъ Шмидта, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ. Онъ писанъ въ 1800 г., когда Суворову былъ 71 г. Князь изображенъ здѣсь въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала. Есть каррикатуры, гдѣ Суворовъ то топчетъ французовъ и суетъ ихъ себѣ въ ротъ вилками, то изрыгаетъ ихъ, вмѣстѣ съ орденами и медалями, подъ ударами Массены.

него. Истинный геній битвъ, онъ внушалъ непреодолимую отвагу солдатамъ, какъ самый „отчаянный“ изъ нихъ: онъ былъ весь израненъ и ни разу не контуженъ; его платье и шляпа походили на рѣшето. Какъ мать, заботясь о людяхъ въ походахъ и раздѣляя съ ними всѣ лишенія, онъ не щадилъ ихъ въ бою такъ же, какъ и себя: массами клалъ онъ ихъ на безумныхъ приступахъ, полагаясь не столько на технику, тогда не важную, сколько на личныя силы: „пуля дура, штыкъ молодецъ“, говаривалъ онъ. Но приэтомъ Суворовъ, человѣкъ развитой и образованный, хорошо понималъ людей, заранѣе изучалъ слабости врага и не шелъ впередъ безъ геніально обдуманнаго плана, скрытаго подъ видомъ безпечности. Оттого побѣда, говорили, была прикована къ его шпагѣ, начиная съ мелкихъ стычекъ въ юности, кончая великимъ итальянскимъ походомъ 70-лѣтняго старца. Такъ же неизмѣнно слѣдовала слава за героемъ. Дамы въ Англіи доставали его сѣдины для своихъ медальоновъ; сардинскій король навѣсилъ двѣ медали его Прошкѣ „за сохраненіе здоровья Суворова“. Екатерина называла его „цѣлою арміей“; Павелъ велѣлъ воздавать ему императорскія почести даже въ своемъ присутствіи; и похороненъ онъ въ Невской лаврѣ. А военный дѣлецъ не терпѣлъ двора, съ его кознями: „у меня 7 ранъ, говорилъ онъ: 2 получены на войнѣ, 5, самыхъ мучительныхъ, — при дворѣ“. Отсюда чудачества, которыя, по его собственному признанію, „проложили ему путь къ славѣ“. Это былъ „Гаррикъ (знаменитый актеръ) политической сцены“, говорили англичане. Презирая Потемкина, Суворовъ говорилъ свѣтлѣйшему фавориту, что кусочекъ его ленты дороже ему всѣхъ орденовъ, и падалъ въ ноги Екатеринѣ. Онъ выходилъ къ гостямъ голый, кричалъ пѣтухомъ передъ австрійскими фельдмаршалами, совершалъ всякія отправленія на парадахъ; нето раздушится и танцуетъ на балахъ. На его уморительныя ухватки нельзя было смотрѣть безъ смѣха; на его визитныхъ карточкахъ видимъ свинью, кусаемую собаками. Но съ глазу на глазъ съ серьезнымъ человѣкомъ онъ былъ вполнѣ серьезенъ. Суворовъ всѣмъ былъ обязанъ себѣ. Хилый мальчикъ, онъ закалилъ себя такъ, что не зналъ ни шубы, ни фуфаекъ, а въ бою носился всюду въ одной рубашкѣ съ орденами. Сравнивая себя съ Цезаремъ, онъ говорилъ: „Скромность не входила въ число моихъ добродѣтелей. Я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ“. Этотъ солдатикъ, съ виду сухощавый, сутуловатый, съ рѣденькими волосиками,

съ бѣгающими дальнозоркими голубыми глазками, съ необычайнымъ оживленіемъ въ движеніяхъ и словахъ, былъ не только идоломъ солдатъ, но привлекалъ всѣхъ своей добротой и простотой. Святая правда звучитъ въ его словахъ: „Я проливалъ кровь потоками, и прихожу въ ужасъ отъ этого. Но я никого не сдѣлалъ несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки. Я былъ малъ и (вскочивъ на стулъ) великъ. Въ счастьѣ и несчастьѣ уповалъ на Бога и оставался непоколебимъ“.

Во вторую турецкую войну геній героя получилъ просторъ: Потемкинъ сначала отдыхалъ въ Петербургѣ, потомъ умеръ отъ лихорадки, подъ Яссами. Суворовъ взялъ „неприступный“ Измаилъ и одержалъ блистательныя побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ, за что былъ всѣми признанъ первымъ полководцемъ своего времени и названъ *Рымникскимъ*. Это доставило Россіи миръ въ *Яссахъ* (1791): Порта признала за нами Крымъ и уступила Очаковъ съ землями между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ тотчасъ возникла *Одесса* (1794). Такъ Екатерина была вознаграждена за свое мужество. Несмотря на припадки отчаянія, она ободряла всѣхъ и сказала, въ самую опасную минуту: „покажу, что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и покорнаго народа, женщина съ сильнымъ характеромъ, даже стоя на развалинахъ великаго государства“. Она до конца не покидала греческаго проекта. Когда Ушаковъ разбилъ турецкій флотъ и появился у Босфора, она досадовала, отчего онъ не ворвался въ Константинополь. Передъ смертью она думала добиться своего третьей войной и подходила къ Портѣ съ другой стороны: она захватила *Дербентъ* и *Баку*, защищая Грузію отъ притязаній Турціи и Персіи.

Едва Екатерина вышла изъ опасностей восточнаго вопроса, какъ схватилась за довершеніе вопроса польскаго: Потемкинъ уже составилъ планъ окончательнаго раздѣла Рѣчи Посполитой. „Екатерина часто приводила въ трепетъ своихъ враговъ“, сказала она и повела дѣло съ поразительной ловкостью и безцеремонностью. Предлогомъ послужило ей недовольство патріотовъ, которые не могли видѣть равнодушно, какъ ихъ Варшава превращалась въ русскій губернскій городъ. Они поговаривали о „сицилійской вечернѣ“ для русскихъ. Наиболѣе серьезное меньшинство, съ Игнатіемъ Потоцкимъ и Малаховскимъ во главѣ, поняло необходимость совершить переворотъ, который удался Густаву III, для уничтоженія „счастливой анархіи“. Оно убѣ-

дило сеймъ принять *майскую конституцію 1791 года*, которая ограничивала шляхту отмѣной veto и конфедерацій (§ 111) и усиливала королевскую власть, объявляя ее наслѣдственною. Конституція не нравилась всѣмъ тремъ сосѣдямъ. Но Пруссія и Австрія были заняты тогда борьбой съ французскою революціей, въ которую втравляла ихъ Екатерина: Россіи пришлось одной рѣшать дѣло. Екатерина, „любя Польшу", старалась избавить ее отъ „якобинцевъ", къ которымъ она причисляла и Августа IV. Она начала настраивать огромную шляхетскую партію, которая ненавидѣла майскую конституцію. Эта партія, съ Феликсомъ Потоцкимъ и Браницкимъ во главѣ, составила конфедерацію въ Тарговицахъ противъ короля и патріотовъ и призвала Екатерину на помощь. Въ Польшѣ тотчасъ же появилась цѣлая русская армія, съ которою не могло бороться ничтожное войско патріотовъ, подъ начальствомъ *Косцюшка*, прославившагося въ Америкѣ. Ктому же Пруссія присоединилась къ Россіи. Эти державы произвели *второй раздѣлъ* Польши (1793): Россія получила Западную Украйну (Волынь и Подолію) и часть Литвы, съ 3 милліонами жителей.

Въ слѣдующемъ же году патріоты составили общество для возстановленія Рѣчи Посполитой; во главѣ его стояли Игнатій Потоцкій и Косцюшко, котораго провозгласили диктаторомъ. Въ Варшавѣ и Вильнѣ внезапно было перерѣзано много русскихъ солдатъ, и началась война Россіи и Пруссіи съ умирающею Польшей. Пруссаки трусили и вскорѣ отстали; русскіе же, съ Суворовымъ во главѣ, уничтожили послѣднія силы поляковъ при Мацѣевицахъ. Косцюшко попалъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Петербургъ. Затѣмъ Суворовъ взялъ приступомъ Прагу и вступилъ въ Варшаву. Августъ IV былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ при Павлѣ; Биронъ сложилъ съ себя герцогское званіе (§ 237). Литва и Курляндія были присоединены къ Россіи; остальное отошло къ Пруссіи и Австріи. Такъ совершился *третій раздѣлъ* (1795) или погибель Польши, но не поляковъ, которые стараются съ тѣхъ поръ, напротивъ, развивать свои особенныя бытовыя черты.

§ 240. **Конецъ царствованія. Фаворитство.**—За внѣшнимъ блескомъ второй половины царствованія скрывалась иная внутренняя картина, которая омрачалась все сильнѣе съ приближеніемъ къ концу. Сама Екатерина уже менѣе походила на чарующую Семирамиду сѣвера. Она напоминала скорѣе „стараго Фрица" (Фридриха II), съ тою разницей, что сохранила

не одинъ холодный умъ, направленный къ макіавелизму, но и свое безстрашіе, хотя на нее находили минуты отчаянія, когда она хворала отъ пустыхъ неудачъ...

Старый дворъ утрачивалъ прежній отпечатокъ величія и достоинства.

На первый планъ выступало стремленіе пускать пыль въ глаза, но восточная пышность плохо скрывала внутренній хаосъ: „жизнь двора представляетъ зрѣлище распущенности и непостижимаго безпорядка", писалъ англійскій посолъ.

Отъ прелестницы остались только прекрасныя ручки и такіе же зубы. Она читала въ очкахъ; съ 40-лѣтняго возраста, для сокрытія полноты, носила просторный „молдаванъ", который смѣнился потомъ капотомъ. Изъ рамокъ ея портретовъ на насъ смотритъ уже усталая одутловатая старушка въ мѣховой шапкѣ съ шлыкомъ, съ добродушнымъ лицомъ, но съ недовѣрчивымъ взоромъ и съ хитрою улыбкой опытной кокетки на сжатыхъ губахъ.

Она уже изрѣдка прогуливалась въ паркѣ Царскаго Села, опираясь на палку: больше сидѣла дома и избѣгала просителей. У нея усиливались обычныя мигрени и колики, а подконецъ стали пухнуть ноги и открылись раны...

Вѣрными слугами своей государыни были Орловъ, Потемкинъ и самъ Зубовъ... идеальной красоты и серьезной души, который былъ сдѣланъ имперскимъ княземъ съ титуломъ „высочества".

Екатерина поднимала ихъ образованіе, „воспитывала" ихъ, „приготовляла людей" изъ нихъ...

Царемъ фаворитовъ былъ Григорій *Потемкинъ,* который попалъ „въ случай" въ 1774 г., когда ему было 38, а ей—45 л., и, вышедши изъ него, остался до смерти первымъ другомъ и наперсникомъ царицы: она совѣщалась съ нимъ насчетъ своихъ новыхъ привязанностей съ полною откровенностью.

Екатерина величала своего Потемкина „геніемъ, какихъ не было тогда, великимъ человѣкомъ, который не сдѣлалъ и половины того, что̀ могъ", „головой", которая иногда была даже „умнѣе меня", своимъ „идоломъ", незамѣнимымъ другомъ и совѣтчикомъ, который „не продавалъ меня".

Самъ Потемкинъ считалъ себя, какъ человѣка и политика, выше всѣхъ на свѣтѣ. Его умъ и способности признавали и иностранцы, которые удивлялись также его разнообразнымъ свѣдѣніямъ, при его жалкомъ воспитаніи зауряднаго дворянчика. Но то былъ не государственный мужъ, а ловкій царедворецъ и чиновникъ, быстро схватывавшій ходячія поверхностныя познанія, фразы, манеры и распорядительную технику: Екатерина называла его своимъ „фактотумомъ".

Потемкинъ.

У него не было даже послѣдовательности и выдержки. Оттого роль мужчины принадлежала Екатеринѣ, которая справедливо говорила: „онъ мой ученикъ; мнѣ онъ обязанъ всѣмъ своимъ пониманіемъ дѣлъ". Потемкинъ побаивался своей повелительницы, старался угодить ей исполнительностью.

Его сила заключалась въ томъ, что онъ подходилъ къ Екатеринѣ основными свойствами: „мы всегда понимали другъ друга", говорила она. Съ нимъ-то она раскрывала свою славолюбивую душу: она даже сдерживала его отвагу въ мечтахъ о Константинополѣ, Крымѣ, Кавказѣ.

Она не замѣчала, что это — трусливый сибаритъ, который вносилъ безпорядокъ на войнѣ своими переходами отъ безум-

ныхъ нлановъ къ малодушію при малѣйшемъ препятствіи и бросилъ дипломатію послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ. Она не видѣла, какъ ея баловень хватался нынче за одно, завтра — совсѣмъ за другое, увлекаемый своею необузданною фантазіей, льстецами и даже іезуитами.

Ослѣпленная мужественною, хотя грубоватою, красотой этого криваго великана, съ пріятною улыбкой на одутловатомъ лицѣ и съ большими масляными глазами [1]), Екатерина восхищалась даже чудачествами „забавнѣйшаго оригинала этого желѣзнаго вѣка", который былъ „мастеръ острить, сказать словцо кстати".

Отуманенный счастьемъ сатрапъ южной Россіи, въ рукахъ котораго находились безграничныя суммы, войско и флотъ, не зналъ, что̀ дѣлать съ собой. Сегодня онъ поражалъ міръ своимъ благодушіемъ, довѣрчивостью, щедротами, расточительностью и веселостью, завтра — мелочнымъ самолюбіемъ, деспотизмомъ, коварствомъ, скрытностью, равнодушіемъ, скаредностью и такой хандрой, что у него являлась мысль о монастырѣ. То онъ былъ работящъ, европейски вѣжливъ, даже застѣнчивъ и изященъ, и окружалъ себя художниками, при непониманіи искусствъ; то невыносимо высокомѣренъ, даже дерзокъ съ знатью и азіатски саленъ. То онъ задавалъ версальскіе пиры; то лежалъ по недѣлямъ въ халатѣ, босикомъ, молча играя въ карты или шахматы.

Неизмѣнными качествами Потемкина были — ненасытное честолюбіе и алчность, тароватость на обѣщанія, которыя не исполнялись, и прожорливость: онъ поглощалъ и французскую кухню двора, и солдатскіе пайки, да еще лакомился пирожками и бисквитами, которые всегда лежали даже у его постели; его курьеры скакали по Россіи кто за икрой, кто за свѣжими огурцами.

[1]) Есть нѣсколько портретовъ Потемкина.

Самый схожій, писанный, когда ему было 53 г., хранится въ московскомъ музеѣ.

Съ него сдѣланъ нашъ снимокъ.

Есть лубочная картинка „*Славный объѣдало и веселый подпивало*", гдѣ изображенъ Потемкинъ. Она заимствована изъ французской гравюры о Гаргантюа (*Н. И.* § 50), которую примѣняли къ Людовику XVI.

А главный его талантъ проявился при знаменитомъ созданіи южной Россіи, за что онъ получилъ имя свѣтлѣйшаго князя *Таврическаго* и медаль съ своимъ изображеніемъ и съ надписью: „степи населилъ, устроилъ".

Великій „администраторъ" въ 4 г. создалъ изъ татарской пустыни новую Европу и грозу міра. Эту Шехерезаду онъ показалъ во время самаго знаменитаго путешествія сѣверной Семирамиды (1787). Представленіе стоило болѣе 10 милліоновъ. Очарованную императрицу всюду встрѣчали веселыя, нарядныя толпы, „съ дѣвками въ вѣнкахъ", красивые дома, выбѣленные заборы, богатые рынки, цѣлыя деревни и города.

Особеннымъ чудомъ казался *Екатеринославъ*. Потемкинъ уже назначалъ здѣсь мѣста для университета, консерваторіи, базилики, пропилеевъ, храма на подобіе св. Петра въ Римѣ, но „на аршинчикъ длиннѣе". Но весь городъ славы ограничивался домомъ Потемкина съ оранжереями, построенными кирпичниками изъ Петербурга.

И вовсе не оказалось Григоріополя, заложеннаго въ честь Потемкина, а „Колоссъ", какъ назвала Екатерина *Херсонъ*, оставался призракомъ военнаго порта.

Въ подобномъ же видѣ были *Севастополь* и *Евпаторія*—громкія имена на мѣстахъ греческихъ колоній, какъ указала, запрошенная по этому случаю, академія наукъ. Шехерезада, по словамъ иностранныхъ свидѣтелей и академика Палласа, была ничто иное, какъ „города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ, развалившіеся заводы, негодныя разсады тутовника"...

§ 241. **Реакція и дворянство.** — Потемкинымъ характеризуется вторая половина царствованія.

Самодовольная императрица оповѣщала Европу, что въ 19 л. она учредила 29 новыхъ губерній, построила 144 города, заключила 30 договоровъ, одержала 78 побѣдъ, издала 211 указовъ и т. д...

Екатерина даже прямо заявляла себя сторонницей феодальнаго „стараго порядка", разрушеннаго революціей 1789 года: „Я уже по своему ремеслу остаюсь вѣрною аристократизму; я—самая аристократическая императрица въ Европѣ", говорила она передъ французскими эмигрантами.

Она почитала Потемкина за то, что это—„настоящій дворянинъ". Даже о чиновникахъ она восклицала: „пока я жива, въ Россіи адвокаты и прокуроры не будутъ разыгрывать роль законодавцевъ!"

Отмѣна дворянства въ Парижѣ привела ее въ негодованіе: это „сумасбродство погубило славу Франціи навсегда!" воскликнула она.

У себя она закрѣпила аристократизмъ *Жалованною Грамотой* (1785): дворяне стали сами управлять своими дѣлами, составляя „дворянскія собранія", на которыхъ они избирали собственныхъ судей и „предводителей", губернскихъ и уѣздныхъ. Просвѣщеніе ограничивалось почти исключительно дворянами: къ старымъ кадетскимъ корпусамъ присоединился, для дворянскихъ дочерей, *Смольный монастырь* „по Сен-Сиру" г-жи Ментенонъ (*Н. И.* § 106); за границу посылалась также почти все дворянская молодежь.

Вообще Екатерина часто говорила о просвѣщеніи со всѣми: при свиданіи съ Іосифомъ первое слово было объ „образцовыхъ училищахъ".

Бецкій, посвятившій себя дѣлу воспитанія, соперничалъ съ Потемкинымъ въ широкихъ планахъ. Онъ составилъ *Учрежденія, касающіяся до воспитанія*: здѣсь предполагалось устроить для всѣхъ, безъ различія сословій, „малыя" училища въ уѣздныхъ городахъ и „главныя" (гимназіи)—въ губерніяхъ.

Мечтали даже о четырехъ университетахъ разомъ; но только въ Екатеринославлѣ завелась канцелярія университета, получавшая жалованье также, какъ и „директоръ консерваторіи", итальянская знаменитость.

Легче было, уподобляясь Петру I, приглашать немногихъ ученыхъ съ Запада и учредить, подражая Парижу, *Россійскую академію* (1783) для развитія русскаго языка, съ Дашковой во главѣ (§ 233).

Такъ, ничего не было сдѣлано для народнаго просвѣщенія. А Екатерина отлично понимала его значеніе: „въ 60 л. всѣ расколы исчезнутъ: коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою", говорила она.

Но до *французской революціи* Екатерина сохраняла уваженіе къ вождямъ Просвѣщенія и попрежнему высказывалась за прогрессъ и терпимость. Послѣднія же 6 л. представляютъ полную, сознательную реакцію.

Съ ненавистью отступницы, Екатерина возстала противъ всякаго движенія впередъ, противъ собственнаго „Наказа", и ошибалась въ оцѣнкѣ событій. Эта „республиканская душа", какъ назвала себя прежде императрица въ своей эпитафіи, прямо объявила себя за „старый порядокъ", за „благоговѣніе къ вѣковымъ обычаямъ", и говорила, увлекаясь древними лѣтописями: „изъ новѣйшихъ книгъ ничему нельзя научиться".

Она сожалѣла, что исчезъ величественный дворъ Людовика XIV и признала „правое дѣло" (такъ называли эмигранты интересы Бурбоновъ) „дѣломъ всѣхъ государей".

Она считала даже отвѣтственность министровъ государственнымъ преступленіемъ, ибо „всѣ министры очутились бы въ каторгѣ". Въ ея глазахъ Мирабо былъ висѣльникомъ, депутаты конституанты, напоминавшей ея Большую Коммиссію,—„извергами и канальями, въ родѣ Пугачева", Вашингтонъ и Франклинъ—„мятежниками".

Она видѣла въ парижскихъ событіяхъ „нелѣпость", которую 20.000 казаковъ могли легко унять, и сердилась на Людовика XVI, отчего онъ не потушилъ пожара тотчасъ, „взявши къ себѣ честолюбцевъ, какъ дѣлала я", и затѣявъ какую-нибудь войну, „дабы избѣгнуть обѣщанія собрать государственные чины". Узнавъ о казни короля, она слегла въ постель, восклицая: „нужно искоренить всѣхъ французовъ до того, чтобы и имя этого народа исчезло!"

Екатерина одна признала королемъ Людовика XVIII, а также не признала отмѣны ордена іезуитовъ (§ 196), которые теперь хвастались, что она относится къ нимъ „съ материнскою нѣжностью".

Ея дворъ наполнился эмигрантами, для которыхъ она, по ея собственнымъ словамъ, была „Мадамъ-Средство" (Madame la Ressource): они заправляли *С.-Петербургскими Вѣдомостями.* Съ жившихъ въ Россіи французовъ стали брать присягу въ томъ, что они признаютъ республику „неистовымъ правленіемъ". Было запрещено привозить всякія вещи изъ Франціи, а русскимъ—путешествовать тамъ.

Императрица, которая хвасталась прежде передъ философами, что „никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія", ввела строгую цензуру, руководимую синодомъ и митрополитомъ Платономъ. Она особенно преслѣдовала своего стараго друга, Вольтера, и изъяла изъ употребленія драму Княжнина „Вадимъ" за нѣсколько темныхъ фразъ

Начальникъ петербургской таможни, воспитанный Екатериной за границей, скромный *Радищевъ* сталъ въ ея глазахъ „хуже Пугачева": онъ былъ сосланъ въ Сибирь за свое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", гдѣ говорилось, то же, что̀ въ „Наказѣ", въ сочиненіяхъ императрицы, въ сатирическихъ журналахъ.

Далекій отъ политики издатель и продавецъ книгъ, *Новиковъ*, безъ суда былъ заточенъ въ Шлиссельбургъ. Слѣдователь Шешковскій пріобрѣлъ мрачную славу Ушакова и Ромодановскаго (§§ 210, 226): онъ до того всюду изыскивалъ политическія преступленія, что сама императрица принуждена была охлаждать его рвеніе.

Только искусный дипломатъ сказывался долго въ Екатеринѣ. Она втравляла Австрію и Пруссію въ злополучную для нихъ войну съ революціей, а сама не трогалась: она оправдывалась необходимостью „быть въ полномъ ополченіи, дабы воздерживать на сѣверѣ и востокѣ распространеніе заразы неистовствъ и развратовъ французскихъ".

Но передъ смертью Екатерина уже выступила для „обузданія революціи": ея эскадра отправилась на соединеніе съ англійскимъ флотомъ, а Суворову было приказано готовиться въ походъ, чтобы стать диктаторомъ Франціи.

§ 242. **Молодой дворъ и кончина Екатерины.** — Конецъ царствованія былъ омраченъ еще печальными отношеніями между старымъ и молодымъ дворомъ, между Петербургомъ и Гатчиной.

То было зловѣщее заключеніе глухой борьбы между невиннымъ ребенкомъ и безсердечною матерью, которая вымещала на немъ ненависть къ его отцу. Темная драма тянулась черезъ все блестящее царствованіе, около 40 л.

Она исковеркала ребенка съ задатками дарованій и даже красоты: въ Павлѣ было пылкое сердце и воображеніе, память,

находчивость и наблюдательность. Онъ былъ только очень нервенъ, нетерпѣливъ, рѣзокъ и хилъ. Елизавета кутала его въ хлопки, держала въ жаркой комнатѣ, среди нянекъ да мамокъ, и не допускала къ нему сверстниковъ: мальчикъ разслабъ и сталъ скрытенъ отъ одиночества. Панинъ (§ 234) могъ только засушить ребенка и пріучить къ лѣни. Непріятный матери воспитатель еще больше отдалялъ ее отъ сына, когда она удержала его изъ политики: „всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ", говорила она.

Екатерина пренебрегла воспитаніемъ Павла. Его обучали русскому языку и исторіи дешевые нѣмцы, а не Мюллеръ съ Шлецеромъ и не Ломоносовъ, котораго называли въ Гатчинѣ „дуракомъ", хотя онъ посвятилъ цесаревичу свою грамматику. Его не посвящали въ политику и военное дѣло: онъ остался при отцовскомъ пристрастіи къ парадамъ и экзерциціямъ. Екатерина развивала въ мальчикѣ только властолюбіе, тщеславіе да чувственность, окружая его почетомъ, какъ наслѣдника, таская его по увеселеніямъ, не стѣсняясь передъ нимъ въ разговорахъ. Въ Павлѣ укоренялись капризы, непостоянство, бѣшенство; и дипломаты уже съ сомнѣніемъ говорили объ его дарованіяхъ.

Цесаревичу не было 20 л., когда мать женила его на своевольной нѣмецкой принцессѣ, а когда та умерла вскорѣ — на *Маріи Өедоровнѣ* вюртембергской.

То была родственница Фридриха II—и Павелъ пошелъ даже въ политикѣ по стопамъ отца: онъ сталъ пруссакомъ, когда его мать устраивала австрійскій союзъ.

Въ Петербургѣ настала самая блестящая пора, а цесаревичъ уединился: онъ зажилъ „гатчинскимъ помѣщикомъ", скромнымъ семьяниномъ, среди кружка приближенныхъ.

Тогда же его стали называть „русскимъ Гамлетомъ"; и онъ сталъ „изнемогать отъ досады въ ожиданіи престола", по словамъ дипломатовъ. Наслѣдникъ осуждалъ планы императрицы, особенно греческій проектъ, и грозилъ современемъ „высѣчь" фаворитовъ...

Императрица называла его неспособнымъ „къ возвышеннымъ мыслямъ“ и довела молодой дворъ до того, что онъ сталъ нуждаться въ средствахъ. Она взялась за воспитаніе своихъ внуковъ: родители были въ тѣни даже при бракахъ Александра и Константина Павловичей.

Екатерина, наконецъ, стала выказывать немилость къ тѣмъ, кто бывалъ въ Гатчинѣ. Связь имени Павла съ заговорами распаляла вражду: въ дѣлѣ Новикова Екатерина доискивалась сношеній его друзей, масоновъ, съ цесаревичемъ. А Панинъ внушалъ своему питомцу, когда тотъ поѣхалъ въ Европу, по требованію матери, что ему, пожалуй, не вернуться (1782)...

Екатерина II не стояла выше своего вѣка.

Она понимала свое „ремесло“, какъ принято было тогда, но принято вождями эпохи: въ этомъ ея величіе. Неизмѣрима высота, на которой стояла она сравнительно съ Людовиками XV и XVI: она—членъ тріумвирата вѣнценосныхъ вождей Просвѣщенія, и членъ, болѣе походившій на мужчину, чѣмъ Іосифъ II и даже Фридрихъ II, который былъ старше ея на 17 л. и уже пересталъ быть полководцемъ. Она была смѣлѣе, энергичнѣе стараго Фрица, даже одурачивала его въ дипломатіи; она была даровитѣе и развитѣе Іосифа.

На счетъ Просвѣщенія нужно поставить поверхностный взглядъ Екатерины на задачи своего ремесла: тогда взглядъ на народы, какъ на шашки, не казался несправедливостью; расширеніе границъ представлялось благодатью государствъ, а козни дипломатіи—верхомъ мудрости. Тогда для Вольтера и Мирабо ихъ лакеи все-таки оставались прирожденными „канальями“. На тотъ же счетъ, послѣ природы и наслѣдственности, должно записать и легкомысліе Екатерины, какъ женщины: поклонница Вольтера, какъ „божества веселости“, стояла въ трясинѣ сравнительно съ заоблачной непорочностью женщины стараго закала, Маріи-Терезіи.

Но она озарена очарованіемъ и славой воспріятія безсмертныхъ началъ Просвѣщенія, — науки, человѣколюбія и терпимости. Отъ нея вѣетъ тою здоровою веселостью, тою жизнера-

достною вѣрой въ прогрессъ, которыя порождаютъ неутомимое рвеніе и непоколебимое мужество въ несчастіяхъ.

Подобно остальнымъ членамъ тріумвирата, Екатерина руководилась лучшимъ плодомъ этихъ началъ — сознаніемъ долга властителя передъ своимъ народомъ и міромъ.

Если противорѣчія унижали безстрашную идеалистку въ теоріи, если они были тѣмъ даромъ злой феи, который уничтожалъ благодѣянія ея сестрицъ, если въ этомъ она—слабѣйшій членъ тріумвирата и карлица въ сравненіи съ русскимъ исполиномъ правительственнаго долга, то пусть исторія припомнитъ, что Екатерина II благоговѣла предъ памятью Петра I и едва ли не болѣе всѣхъ вѣнценосныхъ грѣшницъ взываетъ къ евангельскимъ словамъ милосердія, наполнявшаго ея душу.

Русскіе такъ и отнеслись къ этой чужестранкѣ.

Между тѣмъ какъ породившій ее Западъ, который портилъ ее безмѣрною лестью при жизни, забрасывалъ ее грязью по смерти, ближайшее потомство въ Россіи, постигнутое тяжкою порой Павла I и борьбы съ Наполеономъ, вспоминало съ гордостью о той, которая называла себя внучкой и преемницей Петра Великаго.

Эта иностранка стала даже для него „матушкой", существомъ болѣе близкимъ къ сердцу, чѣмъ Петръ. Какъ онъ, доставляла она странѣ славу и прививала къ ней европейскую гражданственность; но исполинъ жилъ въ глухое время, когда немногіе могли понять идею, ставшую потребностью націи при его внукахъ.

За благами этой идеи не сразу можно было различить существенные недочеты царствованія, сильно связанные съ косностью, неразвитостью среды. И въ глазахъ поздняго потомства Екатерина—слабая дочь земли, когда присматриваются къ подробностямъ ея жизни; но она—крупная идеалистка, когда на отдаленіи любуются выпуклыми чертами ея дѣятельности. Это потомство воздвигло ей прекрасный памятникъ, въ лучезарную пору своей жизни [1]).

[1]) На нашемъ рисункѣ памятникъ изображенъ въ томъ видѣ, какъ стоитъ онъ теперь въ „Екатерининскомъ скверѣ".

Онъ обращенъ лицомъ къ Невскому проспекту. Позади Александрійскій театръ, видимый на рисункѣ, слѣва Аничкинъ дворецъ, справа Публичная Библіотека.

§ 243. **Павелъ I.** — При вступленіи на престолъ Павлу I пошелъ 43-й годъ.

Подъ вліяніемъ печальныхъ обстоятельствъ (§ 242), лучшія врожденныя качества уже рѣдко проявлялись въ немъ, въ видѣ

Памятникъ Екатеринѣ II.

проблесковъ доброты и рыцарственности. Болѣзненностью и чѣмъ-то недобрымъ вѣяло отъ этой неуклюжей фигуры, съ

На подножіи, съ 4 ступеньками, сдѣланномъ изъ краснаго, чернаго и сѣраго гранита, вѣсомъ въ 20.000 пудовъ, покоится куполъ. На немъ, внизу, надпись: „Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ царствованіе императора Александра II. 1875".

Верхъ купола уставленъ фигурами сподвижниковъ Екатерины, съ именемъ подъ каждой. Тутъ, съ лицевой стороны, помѣщаются Румянцовъ и Потемкинъ, одна нога котораго небрежно покоится на подушечкѣ; затѣмъ идутъ кругомъ Суворовъ, Безбородко, Бецкій, Чичаговъ, Орловъ чесменскій, Державинъ и Дашкова. Надъ Румянцовымъ и Потемкинымъ изящный вензель императрицы съ короной.

Надъ сподвижниками возвышается статуя самой Екатерины, съ коронкой на головѣ, при Андреевской лентѣ черезъ плечо, въ пышной порфирѣ, шлейфъ которой падаетъ на плечи Чичагова и Орлова. Императрица изображена въ цвѣтѣ лѣтъ, съ лукавой, но доброй улыбкой, съ умными глазами, въ распущенныхъ локонахъ: она и величава, и женственна. Въ правой рукѣ у нея скипетръ, въ лѣвой— лавровый вѣнокъ.

странными манерами, отъ этого блѣднаго лица, съ впалымъ носомъ и оловянымъ взглядомъ [1]).

Иностранные дипломаты съ первыхъ его шаговъ писали объ „изумительной и противорѣчивой дѣятельности при дворѣ“ и о „характерныхъ странностяхъ преисполненнаго гордости и мстительнаго азіатскаго деспота въ совсѣмъ необычайномъ состояніи ума“. Главными чертами Павла стали привередливость отъ крайней раздражительности да подозрительность. Онъ жилъ мимолетными впечатлѣніями: сегодня отмѣнялъ тȍ, чтȏ приказывалъ вчера...

Испортились и отношенія Павла къ супругѣ, которую онъ прежде глубоко уважалъ.

До тѣхъ поръ *Марія Ѳедоровна*, которая была на 5 лѣтъ моложе мужа, умѣла сдерживать его порывы своимъ достоинствомъ и добротой. Это была красавица, съ полными нѣги и огня глазами, съ роскошными волосами, съ чарующею улыбкой [2]). Ею любовалась сама Екатерина II; когда ей было 65 л., очевидцы восторгались ея стройностью, величественнымъ ростомъ, царскою

Памятникъ сочиненъ Микѣшинымъ, который и исполнилъ его, въ 11 лѣтъ, вмѣстѣ съ Чижовымъ и Опекушинымъ, притомъ такъ, что всѣ части его соединяются сами собой, безъ винтовъ и желѣзныхъ полосъ.

Въ немъ болѣе 7 саженей вышины: въ статуѣ 2 саж., въ фигурахъ—болѣе 1 саж. Бронзы пошло болѣе 3.000 пудовъ.

Все сооруженіе стоило около полумилліона рублей. Оно окружено массивными бронзовыми цѣпями на гранитныхъ тумбахъ, а дальше — четырьмя огромными фонарями изъ мѣди на гранитныхъ же подставкахъ.

[1]) Есть много портретовъ Павла I. Наиболѣе схожи и распространены снимки съ подлинника французскаго мастера, писаннаго, когда ему было 35 л. Наше изображеніе взято съ хранящейся въ Эрмитажѣ гравюры съ этого подлинника, посвященной Маріи Ѳедоровнѣ. Было много сатирическихъ гравюръ, особенно по поводу коалиціи. На одной изъ нихъ, изданной въ Парижѣ, подъ именемъ *Bizarrerie* изображенъ Павелъ, дающій Суворову приказы, на которыхъ начертано: „Ordre—Contre ordre—Désordre“. Внизу подпись: „Fait par Cathérine“.

[2]) Портретовъ Маріи Ѳедоровны также много. Къ самымъ схожимъ принадлежитъ работа нѣмецкаго живописца, сдѣланная на кости вскорѣ послѣ смерти Павла I. Императрица, которой было тогда 42 г., изображена въ траурѣ. Она раздавала копіи этого портрета своимъ приверженцамъ. Наше изображеніе снято съ одной изъ нихъ.

осанкой, привѣтливымъ взглядомъ и любезностью въ обращеніи. Она не была лишена честолюбія: всюду, даже на прогулкахъ, любила вызывать знаки народнаго сочувствія; по смерти мужа, не сразу примирилась съ своимъ положеніемъ. Но ей не пришлось играть политическую роль. Она посвятила себя благотворенію, а досуги употребляла на бесѣды въ своемъ избранномъ кружкѣ, который состоялъ изъ образованныхъ людей, писателей и художниковъ: она сама хорошо рисовала и рѣзала камеи. Въ свою долгую жизнь († 1828) она устроила множество воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній, жертвовала на нихъ

Павелъ I.

Марія Өедоровна.

массу денегъ и завѣщала имъ почти все свое громадное состояніе. Ея симпатичное имя сплетено съ цѣлою сѣтью добра, существующею и теперь подъ именемъ „Вѣдомства учрежденій императрицы Маріи“.

При дворѣ закипѣла суетливая дѣятельность. Павелъ назначалъ пріемы съ 5 ч. утра. Онъ писалъ и отмѣнялъ указы, распекалъ и ревизовалъ, ѣздилъ по городу, но больше всего занимался экзерциціями и плац-парадами по-прусски, причемъ вездѣ первенствовали „гатчинцы“, какъ называла Екатерина II отрядъ войскъ, данный ему для потѣхи, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Впрочемъ, сначала нѣкоторые поступки Павла не были лишены достоинства, и въ его мѣрахъ было извѣстное единство: онѣ

исходили изъ желанія „не слѣдовать правиламъ родительницы своей". Осуждая мать за „виды пріобрѣтенія", желая дать подданнымъ „пренужное отдохновеніе послѣ столь долгихъ изнуреній", Павелъ прекратилъ войну съ Персіей и вступилъ въ переговоры съ Парижемъ, такъ что французы поспѣшили перевести для него „Права человѣка". Онъ сожалѣлъ объ участи Польши, возвратилъ 11.000 поляковъ изъ Сибири, призвалъ Понятовскаго изъ Гродна въ Петербургъ, осыпалъ милостями Косцюшко и отпустилъ его въ Америку. Въ то же время были освобождены Новиковъ и Радищевъ, а приверженцы Екатерины подверглись только удаленію отъ двора: Суворовъ сидѣлъ въ своей деревнѣ; Алексѣй Орловъ и братья Зубовы проживали за границей; послѣдніе даже возвратились потомъ ко двору. Помня свою судьбу при матери, Павелъ упрочилъ престолонаслѣдіе по прямой линіи *Учрежденіемъ объ императорской фамиліи* (1797), которое опредѣлило также права остальныхъ членовъ династіи. Онъ отмѣнилъ Жалованную Грамоту дворянству (§ 241) и запретилъ помѣщикамъ записывать сыновей на службу съ дѣтскаго возраста; а барщина была ограничена тремя днями въ недѣлю. Раскольникамъ даже разрѣшилъ имѣть собственныя церкви, если они принимали нашихъ священниковъ. Объ этомъ хлопоталъ человѣколюбивый митрополитъ Платонъ, который добился также основанія *духовныхъ академій* въ Петербургѣ и Казани. Духовенство было поднято въ глазахъ народа освобожденіемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и награжденіемъ орденами. Папскій нунцій былъ изгнанъ изъ Россіи, а глава іезуитовъ заключенъ въ деревню. Остзейскому краю были возвращены привилегіи, и *въ Дерптѣ* былъ основанъ *университетъ*. Были возстановлены права донскихъ и малороссійскихъ казаковъ, не исключая гетманства, которое было дано, впрочемъ, члену царской фамиліи.

Но всѣ эти мѣры были плодомъ случайныхъ впечатлѣній или внушеній людей дѣловитыхъ. Тогда подлѣ Павла стояли: *Безбородко*, получившій 9,000 крестьянъ, 30,000 десятинъ и титулъ „свѣтлѣйшаго"; молодой, работящій, хотя сухой и педантичный Никита Петровичъ *Панинъ* (племянникъ Никиты Ивановича, § 234), и товарищъ дѣтства императора, Александръ *Куракинъ*. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣла запутывались, и выступалъ мрачный оттѣнокъ царствованія. Павелъ съ безумной расточительностью построилъ себѣ, у Лѣтняго Сада, особый

дворецъ, опоясанный глубокими рвами съ водой, и замыкался въ немъ, окруженный наперсниками.

Ближе всѣхъ стоялъ его камердинеръ и брадобрей изъ плѣнныхъ турченковъ, *Кутайсовъ*, который сдѣлался теперь графомъ; впрочемъ этотъ преданный своему господину и поощрявшій его странности слуга никого не трогалъ и не вмѣшивался въ политику. Вершителемъ дѣлъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика, солдата гвардіи, *Аракчеевъ*. Онъ плохо учился въ корпусѣ, но быстро повышался за исполнительность, низкопоклонство да за усердіе, съ которымъ сѣкъ своихъ товарищей. Попавъ въ учителя „гатчинцевъ“, онъ еще ревностнѣе проявлялъ эти качества, обнаруживъ еще коварство, завистливость и мстительность. Онъ сталъ примѣрнымъ службистомъ по неутомимости, мелочности формализма и беспримѣрной жестокости. Трусливый и честолюбивый, онъ „въ сраженіи никогда не бывалъ“, какъ значится въ его формулярѣ, а все держался подлѣ двора. Павелъ сдѣлалъ 27-лѣтняго Аракчеева петербургскимъ комендантомъ и довѣрилъ ему еще много другихъ должностей, такъ что военныя дѣла въ сущности были въ его рукахъ.

Это довѣріе раздѣлялъ съ Аракчеевымъ молодой (30—35 л.) отпрыскъ стараго богатаго рода изъ татаръ, графъ *Ростопчинъ*. Онъ участвовалъ въ турецкихъ походахъ съ Суворовымъ, но больше занимался устройствомъ своей карьеры. Скрытный, вкрадчивый, крайне честолюбивый царедворецъ, онъ умѣлъ угодить всѣмъ. Екатеринѣ онъ понравился тѣмъ, что женился на племянницѣ ея пріятельницы, Протасовой, и подсмѣивался надъ „гатчинцами“, а Павла очаровалъ службой въ гатчинцахъ, на которой соперничалъ съ Аракчеевымъ въ усердіи, исполнительности и строгости. Человѣкъ блестящаго лоска снаружи, онъ отличался грубостью нравовъ, напыщеннымъ высокомѣріемъ и ненавистью къ иностранной гражданственности. Его взглядъ на совѣсть выразился въ планѣ раздѣла Порты, гдѣ сказано: „всегда политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей, была та, чтобы увеличивать силы свои насчетъ сосѣдей“. Передъ смертью Екатерины, Ростопчинъ становился главой „староруссовъ“, ворчавшихъ и даже составлявшихъ заговоры въ Москвѣ. Павелъ осыпалъ его милостями, даже назначилъ президентомъ военной коллегіи; но Ростопчинъ самъ увидѣлъ, что неспособенъ къ такому отвѣтственному посту, и перешелъ въ иностранную коллегію, гдѣ всякій считался годнымъ.

Подконецъ оба эти временщика начинали стушевываться передъ *Паленомъ*, которому было уже за 50. Этотъ изворотливый, холодный, рѣшительный и вѣроломный лифляндецъ (Pahlen), сначала счастливый курьеръ, потомъ храбрый офицеръ, отчаянный игрокъ и кутила, былъ сдѣланъ теперь графомъ и одаренъ имѣніями. Онъ занималъ много должностей, подконецъ даже захватилъ иностранныя дѣла. Важнѣе всего было то, что въ его рукахъ была полиція и вскрытіе писемъ: онъ былъ петербургскимъ губернаторомъ и главой почтамта.

Начались изумительныя дѣла. Въ иностранной политикѣ происходили крутые повороты, причемъ 4 раза мѣнялись министры иностранныхъ дѣлъ. Павелъ вдругъ объявилъ, что „не менѣе, какъ покойная родительница", желаетъ противостоять „возмутительнымъ началамъ неистовой французской республики". Его обуялъ страхъ „пагубной болѣзни мнимой вольности", хотя во Франціи ýже господствовала директорія, подавлявшая якобинство, и ея министръ, Талейранъ, говорилъ, что „въ пустыняхъ Россіи понадобилась бы цѣлая армія пропагандистовъ, чтобы взбунтовать одну только деревню". Запретили выѣздъ за границу, особенно для молодежи, и привозъ иностранныхъ книгъ, даже нотъ, а также моды временъ революціи и кстати нѣмецкій вальсъ; ввели строжайшую цензуру; закрыли частныя типографіи. Къ престолу приблизились паписты и особенно іезуиты, какъ лучшій оплотъ старины противъ „заразы развратныхъ правилъ". Патеръ *Груберъ* получилъ неограниченный доступъ къ особѣ императора и императрицы. Рыцари-монахи, іоанниты (*С. И.* § 94), у которыхъ Бонапартъ отнялъ о. Мальту, не только получили покровительство Россіи, но Павелъ самъ сталъ „гросмейстеромъ" *мальтійскаго ордена*, внесъ его знаки въ нашъ государственный гербъ и облекъ въ нихъ всю царскую фамилію, гвардейцевъ, даже нашихъ владыкъ и протестантскихъ пасторовъ. Онъ жаловалъ рыцарямъ большія суммы, деньги и высокія мѣста, возилъ ихъ въ золотыхъ каретахъ, думалъ даже соединить въ ихъ орденѣ всю знать, всѣхъ монархистовъ въ Европѣ и двинуть ее не противъ турокъ, а противъ „необузданнаго своеволія мыслей, дѣтей же ихъ воспитывать въ огромномъ заведеніи, въ Петербургѣ, подъ руководствомъ ихъ и іезуитовъ.

Россія превращалась въ гнѣздо эмигрантовъ, изгнанныхъ французскою республикой, которые составили цѣлый корпусъ на Украйнѣ. Глава Бурбоновъ, „Людовикъ XVIII", котораго

никто не признавалъ, пріютился въ Митавѣ, получая 200.000 въ годъ на одну свою особу. Имя Бонапарта, вскорѣ ставшаго консуломъ, было запрещено по всей имперіи. Наконецъ, Павелъ заключилъ союзъ съ Англіей, Австріей и даже Турціей противъ французовъ и выслалъ въ Италію войско, подъ начальствомъ снова возвышеннаго *Суворова* (1799). Такъ какъ австрійцы только мѣшали намъ нелѣпыми распоряженіями своего завистливаго военнаго совѣта, то этотъ блестящій походъ былъ славою именно русскихъ, и Суворовъ вполнѣ заслужилъ прозвище *Италійскаго*. Онъ разбилъ французовъ при Аддѣ, Требіи и *Нови* и въ нѣсколько недѣль освободилъ отъ нихъ всю сѣверную Италію. Въ это самое время австрійцы бѣжали передъ Массеной изъ Швейцаріи, покидая небольшой корпусъ Корсакова, присланный имъ на помощь. Чтобы спасти Корсакова, Суворовъ совершилъ знаменитый *переходъ черезъ Альпы* (С. Готардъ) и разбилъ Массену въ Муттенской долинѣ. Но, вслѣдствіе вѣроломства австрійцевъ, герой долженъ былъ возвратиться въ Россію, гдѣ вскорѣ умеръ (1800). Павелъ негодовалъ на австрійцевъ, а также на англичанъ, которые оскорбляли нашъ корпусъ, данный имъ для изгнанія французовъ изъ Голландіи, и вредили изъ зависти нашей эскадрѣ, побѣдоносно дѣйствовавшей въ Архипелагѣ и на Средиземномъ морѣ. Онъ внезапно разорвалъ съ союзниками и возобновилъ *вооруженный нейтралитетъ* (§ 239), съ участіемъ Пруссіи, желавшей погубить Австрію.

Мало того. Павелъ заключилъ *союзъ съ Бонапартомъ*, который, ставши тогда первымъ консуломъ, льстилъ ему и даже возвратилъ ордену Мальту, которую не могъ защищать отъ англичанъ. Врагъ Франціи, Панинъ, былъ устраненъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, даже высланъ изъ Петербурга; а на его счетъ усилился пріятель Бонапарта, Ростопчинъ. Впрочемъ, поразившій міръ союзъ произошелъ лишь благодаря сдержанности Бонапарта: Павелъ, все-таки смотрѣвшій на французовъ, какъ на „каналій“, велъ переговоры черезъ ихъ враговъ, спесивыхъ старорусcовъ; онъ рѣзко настаивалъ на воз-

становленіи королей Сардиніи и Неаполя: онъ старался помимо Бонапарта распоряжаться Германіей, карту которой „выкраивалъ и разрисовалъ даже публично, за обѣдомъ", въ пользу своихъ нѣмецкихъ родственниковъ. Сверхъ того, императоръ надѣялся, съ помощью французовъ, распространить свое вліяніе въ Азіи. Донцы получили приказаніе двинуться въ англійскую Индію; новый корпусъ былъ посланъ въ Грузію, по просьбѣ населенія, страдавшаго и отъ турокъ, и отъ персіянъ, и отъ горцевъ. Лазаревъ присоединилъ *Грузію* къ Россіи (1801). Но это грозило борьбой съ Портой и Персіей. Истощенная Россія приходила въ ужасъ отъ призрака новыхъ войнъ...

Отъ Павла I осталось 4 сына и 6 дочерей. Первенецъ, Александръ Павловичъ, тихо вступилъ на престолъ и тотчасъ переселился въ Зимній дворецъ.

§ 244. **Земля и населеніе.** — Въ періодъ преобразованій (1650—1800) *границы* Россіи расширились до того, что старая Московія представлялась лишь зародышемъ величайшей въ Европѣ имперіи: одинъ первый раздѣлъ Польши доставилъ намъ около 2,000 кв. м.

Но эти границы были ясно очерчены только съ трехъ сторонъ — на западѣ договорами съ сосѣдними государствами, на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, на востокѣ Охотскимъ моремъ, Амуромъ и Алеутскими островами [1]).

На югѣ же Россіи еще не исчезли первобытныя условія.

На Украйнѣ, въ началѣ періода, еще отдавались въ помѣстья „дикія поля, гдѣ кто пріищетъ". Послѣ присоединенія Малороссіи еще устраивались между Днѣпромъ и Дономъ *линіи* — укрѣпленія съ казацкими станицами. Подконецъ на низовьяхъ этихъ рѣкъ бродила масса бѣглыхъ, недоступныхъ переписи.

[1]) Годы на нашей картѣ Сибири указываютъ время появленія русскихъ за Камнемъ.

Эти же бѣглые да запорожцы заселяли, при Екатеринѣ II, земли по Кубани, пріобрѣтенныя по миру въ Кучукъ-Кайнарджи (§ 237).

Здѣсь и по Тереку также строили линіи; но онѣ не сходились. Между тѣмъ какъ за нами считалось почти все Закавказье, черкесы, лезгины и ногаи грабили наши владѣнія: терская линія доходила отъ Каспійскаго м. только до Моздока, а оттуда почти до устьевъ Кубани не было защиты.

Межи были шатки даже внутри имперіи: всякій „заѣзжалъ“ въ чужія владѣнія. Когда Петръ I взялся за межеваніе, между помѣщиками возникли цѣлыя битвы. Затѣмъ границы постоянно путались и мѣнялись, пока не было произведено „генеральное межеваніе“ (§ 236).

Но чѣмъ необъятнѣе становилась Россія, тѣмъ больше чувствовался недостатокъ *населенія*.

Благодаря переписямъ, которыя велись съ начала періода уже одновременно и почти повсемѣстно, а съ Петра стали системой (§ 215), лучше прежняго можно слѣдить за его медленнымъ ростомъ.

При Алексѣѣ было всего 3 милліона податныхъ: иностранцы, ѣздившіе внутри страны, изумлялись, что на пространствѣ 500 в. едва встрѣтишь 10 женщинъ и 1 мужчину.

При смерти Петра I насчитывалось $5^1/_2$ милл., подлежавшихъ подушному обложенію; перепись 1741 г. дала $6^1/_2$ милл. душъ, подлежавшихъ рекрутчинѣ.

Россія до конца періода страдала отъ недостатка рабочихъ рукъ: все еще гонялись за пашеннымъ мужикомъ; казна и частные промышленники перебивали рабочихъ другъ у друга.

Оттого крѣпостничество не ослабѣвало, а усиливалось, особенно подконецъ.

Правительство поневолѣ не трогало „сходцевъ“, селившихся на пустыряхъ, миловало и даже одаряло льготами бѣглыхъ и

раскольниковъ, укрывавшихся не только на Кубани, на южномъ Поволжьѣ и Приднѣпровьѣ, но и въ Польшѣ и Молдавіи.

Оно приманивало всякихъ иностранцевъ (кромѣ евреевъ), которые шли сначала изъ Германіи, потомъ и изъ славянскихъ земель, подчиненныхъ Турціи. Екатерина II устроила для завѣдыванія ими *Канцелярію опекунства иностранныхъ*, освобождала ихъ отъ налоговъ и рекрутчины, даже отдавала имъ въ крѣпостничество магометанъ, которыхъ они обращали въ христіанство.

Тогда прибыло однихъ нѣмцевъ (изъ Пфальца) болѣе 25,000: они поселились преимущественно въ *Сарептѣ* (Саратовской губ.).

Благодаря такимъ мѣрамъ да завоеваніемъ, населеніе Россіи возросло подконецъ до 40 милл.

Рѣдкость населенія зависѣла отъ старыхъ бѣдствій (§ 149).

Постоянныя *войны* истребляли его цвѣтъ. Вначалѣ онѣ были безуспѣшны: наши плохія войска разбѣгались, и ихъ били сзади, „какъ мертвыхъ", или забирали въ плѣнъ толпами. Въ Турціи русскими были переполнены города и села; изъ нихъ состояли почти всѣ гребцы. Съ Петра пошли побѣды; зато войны стали обширнѣе и тяжелѣе, захватывая и моря: одна вторая турецкая, при Екатеринѣ II, поглотила около полмилліона солдатъ.

Эти войны требовали содержанія арміи и въ мирное время, что̀ было однимъ изъ самымъ тяжкихъ налоговъ на бѣдную страну. Отсюда неотвязная забота правительства то о „вѣчныхъ квартирахъ", то объ особыхъ казармахъ, какъ предлагалъ Сиверсъ Екатеринѣ II.

Возникла и мысль о военныхъ поселеніяхъ, по римскому и австрійскому образцу; но она прилагалась только къ окраинамъ—въ Сибири, по Камѣ, Уралу и Кубани...

Немудрено, что иностранцы изумлялись *нищетѣ* громадной

имперіи. Въ началѣ періода Крижаничъ писалъ, что на Западѣ „есть города, изъ которыхъ каждый гораздо богаче всей Россіи, за исключеніемъ царской казны". Путешествовавшіе съ Екатериной II дипломаты были поражены бѣдностью страны, рядомъ со сказочной роскошью двора (§ 240).

§ 245. **Государство.** — Основою государства сохранялось *самодержавіе*, которое такъ прочно сложилось къ концу древней Руси (§ 151), что могло только измѣнять свой внѣшній видъ. Въ началѣ періода оно получило освященіе закона въ статьѣ Уложенія (§ 198) „о государской чести и о государевомъ дворѣ". Здѣсь установлено „слово и дѣло" — смертная казнь даже женѣ и дѣтямъ злоумышленника за недонесеніе о государственномъ преступленіи. Здѣсь же узаконяется бывшее на дѣлѣ съ 15 в. (§ 150) отобраніе имуществъ въ казну, и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: „взять за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно слободы всякихъ чиновъ людей, со всѣми ихъ людьми", гдѣ „государевыхъ податей не платятъ и служебъ не служатъ". Недоставало только закона о престолонаслѣдіи: напрасно Крижаничъ доказывалъ Ѳедору III его необходимость, опасаясь, иначе, превращенія стрѣльцовъ въ янычаръ или преторіанцевъ. Послѣ того, какъ самъ Разинъ свалился при первой встрѣчѣ съ царскимъ войскомъ, никто не обращалъ вниманія на такихъ самозванцевъ, какъ Тимошка Анкудиновъ (подъячій, подъ видомъ небывалаго сына Василія Шуйскаго), одинъ малороссійскій казакъ, выдававшій себя за умершаго сына царя Алексѣя, да жившій въ Польшѣ „сынъ Марины", Луба. Ихъ выдали свои же: первыхъ двухъ казнили, а Лубу даже отправили обратно невредимо.

Переставши быть вопросомъ, самодержавіе уже отличалось бо́льшимъ спокойствіемъ и величавостью. Олицетвореніемъ новаго типа былъ Алексѣй. „Тишайшій", какъ человѣкъ (§ 198), онъ строго соблюдалъ свой царскій чинъ и бытъ (§§ 152, 153): онъ былъ гораздо болѣе самодержавенъ, чѣмъ его отецъ. Англійскій посолъ говоритъ о немъ: „Все сосредоточивается вокругъ двора. Ослѣпленные его блескомъ подданные привыкаютъ благоговѣть передъ царемъ; они почитаютъ его почти наравнѣ съ Богомъ". Алексѣй возсѣдалъ на престолѣ, окруженномъ символами власти—рыкающими львами. Онъ смирялъ царедворцевъ посохомъ и своеручнымъ тасканьемъ за бороду. Онъ развилъ централизацію и чиновничество: онъ никому не довѣрялъ; все дѣлалось по докладу ему лично и по его указу. Соборъ про-

стилъ новгородскихъ гильщиковъ (§ 202), выбиравшихъ себѣ власти изъ посадскихъ, но царь сказалъ имъ: „при нашихъ предкахъ никогда не бывало, чтобы мужики сидѣли у расправныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ боярами и воеводами; и впередъ этого не будетъ“. Самъ Алексѣй мухи не обидѣлъ, а Крижанича (§ 206) сослали въ Сибирь за разоблаченіе недостатковъ Россіи и за отказъ перекреститься. Какъ человѣкъ, онъ умно и милосердо утѣшалъ Нащокина по поводу бѣгства сына (§ 198), а какъ царь, тогда же наказалъ сыщику-подъячему „промышлять всячески“ объ юношѣ, не жалѣя денегъ, „чтобъ его, поймавъ, привести“, а если нельзя, то „извести“.

Алексѣй не хуже Грознаго расправился съ церковью: только дѣло Никона (§ 201) тянулось 10 л., а Иванъ IV сразу покончилъ съ Филиппомъ (§ 127). И онъ считался даже главой церкви: духовенство утверждало, что только приличіе возбраняетъ ему совершать богослуженіе. При „тишайшемъ“ дьяка Котошихина били батогами за то, что однажды онъ написалъ, въ титулѣ, „великій“, а „государь“ пропустилъ. Никонъ сталъ поминать царя, вмѣсто „благородіе твое“, „благочестивѣйшій, тишайшій (clementissimus), самодержавнѣйшій“, что̀ соблазняло раскольниковъ; а вскорѣ „тишайшій“ было отмѣнено. Въ 1650 г., когда такъ опасались тяжкой войны съ Польшей, наши послы въ Варшавѣ готовы были вызвать ее, требуя казнить авторовъ польскихъ книгъ, наполненныхъ „безчестьемъ и укоризной“ царю, отецъ котораго названъ „мучителемъ“, а Филаретъ — „трубачомъ“ и т. под. Паны отвѣчали: „Мы книгъ печатать не заставляемъ и не запрещаемъ: если книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать будетъ непочему. Пусть вашъ государь велитъ у себя печатать о Польшѣ что угодно“. Съ трудомъ согласились послы не казнить писателей, надѣясь, что „великій государь проститъ этихъ людей“; но они требовали сожженія книгъ. Король соглашался только на тайное сожженіе, во избѣжаніе „позора отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ“. Послы настаивали. Сошлись на явномъ сожженіи только обидныхъ для Москвы листовъ. При сожженіи, варшавская толпа роптала: „лучше бы король миръ разорвалъ съ Москвой или города уступилъ, чѣмъ такое великое безчестіе положено на насъ“. Алексѣй требовалъ также, въ минуту бѣдствій, чтобы шведскій король наказалъ авторовъ брошюръ въ пользу Никона, и затягивалъ переговоры съ нимъ, настаивая, чтобы его послы были на Верху безъ шапокъ. Какъ наши послы покинули Пекинъ, не желая подчиниться унизи-

тельному церемоніалу богдыхана, такъ англичане уѣхали изъ Москвы, по той же причинѣ. За казнь Карла I (*Н. И.* § 73) Алексѣй отнялъ льготы у англійскихъ купцовъ, а Карлу II помогалъ деньгами. Самъ царь забавлялся музыкой и театромъ, а подданнымъ воспрещались всякія развлеченія по праздникамъ. Кремль сталъ недоступною крѣпостью, наполненною стрѣльцами. Царь выѣзжалъ въ закрытомъ возкѣ, и народъ разбѣгался передъ нимъ или падалъ ницъ; а когда одинъ проситель продрался къ возку черезъ стражу, Алексѣй самъ убилъ его со страху.

Жизнь на Верху стала очень пышна и затѣйлива, особенно съ прибытія вселенскихъ патріарховъ изъ Азіи (1668). Цѣлый рядъ приказовъ завѣдовалъ дворцовымъ хозяйствомъ—*Тайныхъ Дѣлъ* (больше сотни тысячъ гнѣздъ голубей, которыми кормили царскихъ соколовъ), *Казенный* (сотни портныхъ и скорняковъ), *Кормовой* (3,000 блюдъ ежедневно, рыбы больше чѣмъ на 100,000 р. въ годъ, 300 житницъ, 200 коровъ, 50 садовъ), *Конюшенный* (болѣе 40,000 лошадей), *Панафидный* (поминовеніе царскихъ душъ). На содержаніе этихъ приказовъ было отписано 40 городовъ и 8 слободъ да разныя пошлины. На Верху разныхъ стряпчихъ (§ 152) было уже до 800, стольниковъ—до 500. И въ стольникахъ числились родовитые люди, которые частью вступали въ разрядъ ближнихъ или комнатныхъ, частью разсылались въ службу при воеводахъ и въ приказахъ или на разныя порученія. Число стрѣлецкихъ дѣтей, разстилавшихъ сукна передъ ослятью (§ 178), доходило до 1,000. Царская тѣшь (§ 153) вѣдалась двумя приказами: охотниковъ было болѣе 300; они владѣли вотчинами съ крестьянами. Страстный соколиный охотникъ, Алексѣй Михайловичъ содержалъ болѣе 3,000 потѣшныхъ птицъ, каждая со своимъ именемъ. Онъ записывалъ ихъ побѣды на „ставкахъ“ (борьба съ коршунами), ихъ знатные полеты, и собственноручно начерталъ „Урядникъ“ или охотничье уложеніе. Сокольники стояли у него, по чину, выше стольниковъ. А бояре значили не больше холоповъ. Вмѣсто думы царь работалъ часто въ *Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ* (§ 202). Высшіе чины на Верху окончательно превратились въ служню, которая являлась „на смотръ“ каждое утро и каждый вечеръ; опоздавшаго Алексѣй купалъ въ прудѣ. Вздумалъ царь однажды пустить себѣ кровь—и всѣ царедворцы должны были сдѣлать то же. Одинъ только его родственникъ, старикъ, заупрямился. „Развѣ твоя кровь дороже моей?“—закричалъ Алексѣй

и своеручно избилъ ослушника. Считая всю Россію своею вотчиной, царь запрещалъ продажу винограда и золотыхъ вещей, чтобы самому покупать дешевле.

Но народъ уже изумлялся нѣкоторымъ новшествамъ на Верху. Царь самолично участвовалъ въ походахъ. Онъ ѣздилъ далеко на охоту. Его сопровождала царица, которая являлась также въ открытомъ экипажѣ и, вмѣстѣ съ царевнами, присутствовала въ театрѣ. Царь завелъ кучу иноземныхъ вещей, начиная съ нѣмецкихъ каретъ; его дѣти обучались по-польски и по-латыни. Свадьбы на Верху игрались проще, иногда даже совсѣмъ безъ свадебнаго „чина": во избѣжаніе придворныхъ козней, Алексѣй почти тайкомъ обвѣнчался съ Натальей Кириловной, которая дѣвицей ходила въ лаптяхъ. Ѳедоръ III дважды женился безъ торжествъ, причемъ Кремль былъ даже заапертъ на нѣсколько дней. Съ иностранными послами обращались уже вѣжливо: давали имъ свободу, отпускали имъ харчи деньгами, а не припасами. И въ Москвѣ уже появились постоянные *резиденты*.

Петръ получилъ отъ московской Руси выработанное самодержавіе съ строго-подчиненнымъ ему народомъ. Его провозглашеніе царемъ (§ 208) было послѣднимъ отголоскомъ народнаго избранія; и съ нимъ исчезли послѣдніе слѣды княжеской и царской поры. Главнымъ доказательствомъ тому служили три событія... Вопросъ о *престолонаслѣдіи* при Петрѣ I (§ 217), который также совсѣмъ устранялъ пережитки родоваго быта. Затѣмъ явился новый, *императорскій титулъ*, который былъ признанъ при Петрѣ только Пруссіей и Швеціей, а потомъ—и остальными государствами, Польшей послѣ всѣхъ (1764).

Наконецъ, Петръ совершенно разорвалъ съ церковностью: онъ перемѣнилъ „облаченіе" (§ 153) на *военный мундиръ*; а въ русскомъ гербѣ святые уступили мѣсто *двуглавому орлу*.

Такъ, Петръ непосредственно продолжалъ политику предковъ въ ея основѣ. Онъ далъ самодержавію ясное, законное опредѣленіе, заимствовавъ его у абсолютизма Запада (§ 221): онъ не замѣтилъ республики въ Голландіи и не понялъ парламента въ Англіи.

Самодержавіе сознало себя: оно стало величаво и сильно. Петръ, какъ азіятскій деспотъ, расправлялся съ своимъ народомъ, исчерпывая всѣ его соки и касаясь всѣхъ святынь его души. Онъ и запрягалъ въ тягло одинаково всѣхъ, отъ му-

жика до министра, и загонялъ народъ въ церковь по праздникамъ, чтобы тамъ „стоять съ безмолвіемъ“, и запрещалъ боярамъ позументы, „ибо англичане богатѣе насъ, а не носятъ ихъ“. Подымая отчаянную борьбу противъ всѣхъ привычекъ народа, преобразователь свободно носился по странѣ, безъ стражи. Онъ не боялся даже награждать за службу титулами, взятыми съ Запада, тогда какъ прежде старались искоренить единственное породное имя—княжья. Петръ смотрѣлъ на государство, какъ на достояніе власти: онъ дѣлалъ наборы во всякое дѣло всѣмъ — людьми и ихъ добромъ. Посланники изумлялись, когда, за неимѣніемъ гостинницъ въ Россіи, солдаты занимали для нихъ дома въ дорогѣ, выгоняя хозяевъ и завладѣвая всѣмъ ихъ скарбомъ.

Но Петръ уцѣлѣлъ, несмотря на всю свою „жесточь“ и на возстаніе почти всей страны (§ 216), не потому только, что при немъ самодержавіе достигло своей полноты: онъ возвысилъ, облагородилъ его геніальнымъ взглядомъ на призваніе царя. Алексѣй Михайловичъ—еще отецъ-опекунъ Россіи, ея вотчинникъ и командиръ; его сынъ — уже первый слуга своего народа. Не холопомъ или вьючнымъ скотомъ былъ для него русскій, а несчастнымъ, слѣпымъ ребенкомъ (§ 219). Петръ впервые отдѣлилъ свою личность отъ выгодъ страны, свой кошелекъ отъ казны и клалъ въ него только заслуженный примѣрнымъ трудомъ грошъ. Онъ бралъ безпощадно силы народа, но не для себя лично и не для скареднаго накопленія казны, какъ основы власти: все добро народа онъ употреблялъ на его же пользу и воздавалъ сторицей, прибавляя такіе алмазы, какъ его геній, его несравненная рабочая сила, его собственная жизнь. Этотъ грозный великанъ, палачъ и воитель, съ утонченнымъ чувствомъ женщины оплакивалъ честныхъ и полезныхъ людей и освободилъ своихъ полудикарей отъ внѣшности уничиженія (§ 215). „Какое же различіе между Богомъ и царемъ—восклицалъ онъ—когда обоимъ воздавать будутъ равное почтеніе? Менѣе униженія, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почесть свойственна царю“.

И власть, сбросившая даже такіе признаки стѣсненій, какъ дума и земскій соборъ, сама никѣмъ не просимая, льнула къ сердцу народа, сама взывала къ его помощи въ общемъ дѣлѣ. „Самодержавный исполинъ“, по нраву, по воспитанію и обстоятельствамъ, не говорилъ своему рабу, что еще не пришла пора принять ему образъ гражданина новой присяги: напротивъ, онъ негодовалъ на его уклончивость, когда при-

неволивалъ его къ самоправленію. Петръ дорожилъ коллегіальностью, ибо „въ одной персонѣ не безъ страсти бываетъ", и только „кумпанства" даютъ силу обществу. Онъ высоко цѣнилъ выборное начало, которое играло видную роль и въ древней Руси, даже при Грозномъ (§ 123). Онъ старался привить его всюду, и не въ однѣхъ выгодахъ казны. Имъ хотѣлъ онъ скрѣпить разсыпанную храмину купечества и очистить служеніе государству отъ „непотребныхъ". У него сами сослуживцы ставили на мѣста достойныхъ: баллотировкой избирались какъ сенаторы, президенты коллегіи, губернаторы, такъ и низшіе чиновники, офицеры, даже сержанты. Не признавая привилегій даже за царскимъ чиномъ, правдолюбецъ жестокою волей закрѣпостилъ дворянина наравнѣ съ мужикомъ для общей службы; но онъ же создалъ „правительствующіе" сенатъ и синодъ, равные его особѣ въ своихъ дѣлахъ; а передъ смертью „державецъ полуміра" мечталъ объ еще болѣе могучемъ Верховномъ совѣтѣ. Отъ нашего геніальнаго богатыря идутъ двѣ нити политическаго преданія въ Россіи — установленіе византійской формы правленія, для устраненія хаоса древней Руси (§ 195), и обновленіе ея духомъ западной гражданственности.

Эти нити ясны до конца періода, какъ на высотѣ престола, такъ и въ глубинѣ общества. Поддерживаемое массами, церковью и войскомъ самодержавіе достигало, въ своемъ развитіи, до началъ, указанныхъ Людовикомъ XIV (*Н. И.* § 87). До конца періода государь признавался собственникомъ земли: подданные обладали только правомъ пользованія ею. Именемъ государя нерѣдко государствомъ вертѣли временщики и фавориты, всякій по своему. Въ ихъ рукахъ становился игрушкой даже вопросъ о престолонаслѣдіи. Анна заставила подданныхъ присягать будущему сыну своей племянницы,—дѣвочки 13-ти л. Екатерина II набрасывала, въ 1767 г., завѣщаніе о наслѣдованіи въ мужской линіи и при ея вымираніи—въ женской; а передъ смертью собиралась, подобно „дѣдушкѣ", устранить собственнаго сына отъ престола. Вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ закономъ лишь въ самомъ концѣ періода (§ 243). Нерѣдко издавались то изумительные, то невозможные указы, которые пріучали всякаго обходить законъ; а затѣмъ они внезапно отмѣнялись, или возмѣщались совсѣмъ иными распоряженіями. Однажды, 1-го апрѣля, Екатерина I, ради шутки, произвела переполохъ въ Петербургѣ страшнымъ набатомъ. 11-лѣтній Петръ II распоряжался страной по дѣтскому капризу. Елизавета издавала

особенно много неисполнимыхъ указовъ или такихъ распоряженій: никому при дворѣ не употреблять розоваго цвѣта. Петръ III и Павелъ I славились противорѣчивыми указами.

Даже дворянство, на которое опиралось самодержавіе, сегодня получало неожиданныя права, завтра теряло и прежнее, даже съ нарушеніемъ коренныхъ законовъ: такъ, Елизавета, вопреки правамъ давности, вдругъ повелѣла личнымъ дворянамъ продать, въ полгода, свои земли и крестьянъ, впрочемъ, пощадивъ одно придворное вѣдомство.

Соотвѣтственно измѣнился и бытъ двора. При Петрѣ I онъ сталъ совсѣмъ новымъ, но отличался отъ старины болѣе всего простотой и скромностью. Съ Екатерины I онъ сталъ сколкомъ съ западныхъ дворовъ, а при Елизаветѣ, въ особенности же при Екатеринѣ II, затмилъ пышностью и роскошью Версаль и Римъ цезарей.

Рядомъ непрерывно жило новое преданіе.

Послѣ Петра, съ его Полтавой, уже не требовалось такого крайняго политическаго сплоченія, какъ въ древней Руси: Россійской „имперіи" нечего было опасаться за свою независимость отъ сосѣдей. Съ другой стороны, усложненіе дѣлъ, вмѣстѣ съ возроставшею обширностью государства, взывало къ помощи общества въ управленіи. Отсюда безсмертіе мысли Петра о могучемъ высшемъ учрежденіи и о выборномъ началѣ.

Она особенно проявилась при Екатеринѣ II, несмотря на ея сознательное самодержавіе съ самаго начала. Тогда даже судьи отъ дворянъ и купечества стали выборными; а Наказъ и Большая Коммиссія были какъ бы невольнымъ привлеченіемъ всего народа къ законодательству. По поводу ихъ, англійскій министръ, которому всюду мерещилась его „блаженная конституція" (*Н. И.* § 124), прославлялъ „великодушіе" царицы, ибо онъ не зналъ примѣра, чтобы „самодержецъ добровольно отказался отъ власти въ пользу своего народа". А Павелъ ограничилъ произволъ въ престолонаслѣдіи закономъ (§ 243), подкосившимъ печальныя „конъюнктуры", которыми наполненъ 18-й в.

Правительство, конечно, всегда было противъ переворотовъ: Екатерина II, Павелъ, Александръ I одинаково враждебно относились къ Франціи 1790-хъ гг. Но оно всегда же, въ особенности при Екатеринѣ II и ея питомцѣ, помнило мысль „дѣ-

душки“ о необходимости помощи общества въ столь обширномъ государствѣ, какъ Россія. Оно сознавало даже, что такая потребность взываетъ къ просвѣщенію народа.

Но, при скудости казны, при войнахъ и дороговизнѣ чиновничества, правительство не могло тутъ сдѣлать многаго и впадало въ роковое противорѣчіе съ самимъ собой. Оно принуждено было ограничиться тонкимъ высшимъ слоемъ: по западному образцу и по примѣру остзейскихъ бароновъ, сохранившихъ свои „привилегіи“ по „аккорднымъ пунктамъ“ 1710 года, оно образовывало и надѣляло правами дворянство, которое было и болѣе важно, по своей близости къ престолу.

Таково было начало политическаго раскрѣпощенія русскаго народа.

Правительство ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ.

Дворянство оказалось настолько коснымъ, что думало только объ избываніи государственнаго тягла да о расширеніи крѣпостничества. Горсть его вождей отличалась узкостью взглядовъ, сварливостью, вообще *недостаткомъ* того *общественнаго духа*, о которомъ хлопоталъ великій преобразователь.

По своимъ стремленіямъ, какъ верховники, такъ и шляхетство (§ 224), представлялись пережитками боярства: „затѣйки“ при воцареніи Анны напоминаютъ запись Шуйскаго и договоръ съ Владиславомъ (§ 162), хотя, по внѣшности, это—сколки съ аристократическаго строя Швеціи и Польши.

Тѣмъ не менѣе, подобныя попытки доказываютъ живучесть въ обществѣ новаго политическаго преданія. Оно возрождалось при всякомъ удобномъ случаѣ. Высшее дворянство питало при „петербургскихъ дѣйствахъ“ (§ 233) такія же мечты, какъ при воцареніи Анны...

Только у Панина младшаго сохранялось преданіе верховниковъ, усвоенное имъ отъ своего дяди: говорятъ, онъ хотѣлъ предложить Александру шведское правленіе, но Талызинъ посовѣтовалъ великому князю лучше положиться на гвардію.

§ 246. **Управленіе.**—Въ началѣ періода, передъ Петромъ, управленіе только-что слагалось: оно представляло еще древнюю смуту (§ 195). Высшія учрежденія печально доживали свой вѣкъ. *Законодательство* попрежнему состояло почти изъ однихъ указовъ да грамотъ, въ особенности же изъ словесныхъ распоряженій (§ 154). При небываломъ случаѣ приказы докладывали

думѣ, приговоры которой, по выборкѣ, вносились въ статейные списки, причемъ, въ болѣе важныхъ рѣшеніяхъ, прибавлялось: „да и впредь бояре приговаривали". Намеки на сводъ законовъ обогатились Уложеніемъ Алексѣя Михайловича (§ 198), которое напоминало старые Судебники, хотя и было шагомъ впередъ, такъ какъ въ немъ отразились прямыя требованія жизни. Уложеніе, въ сущности,—сводъ статейныхъ списковъ. Но такъ какъ оно было далеко не полно, то и послѣ него дьяки „выписывали на примѣръ" „образцовые" приговоры думы.

Уложеніе стремилось превратить боярскую *думу* въ правильную, высшую судебную инстанцію: въ нее шли на докладъ дѣла, „которыхъ въ приказѣхъ вершить не мощно". Законодательное же значеніе думы было попрежнему (§ 154) ничтожно. Царь созывалъ ее, когда хотѣлъ, и объявлялъ ей свою волю. А бояре, по словамъ Котошихина, молчали, „брады своя уставя", ибо „царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ не учены". Ничтожество думы лучше всего доказывается учрежденіемъ приказа Тайныхъ дѣлъ (§ 202) и значеніемъ безродныхъ любимцевъ Алексѣя и Ѳедора, которые обдѣлывали всѣ дѣла наединѣ съ царемъ. Къ 1700-му г. дума умерла собственною смертью, безъ всякаго указа. Просто именные указы и высочайшія резолюціи замѣняютъ старое правило — „государь указалъ и бояре приговорили".

Земскіе *соборы* утратили свое послѣднее значеніе. Въ самомъ началѣ періода ихъ исторія была еще отголоскомъ процвѣтанія временъ перваго Романова (§ 155). Алексѣй созывалъ ихъ 4 раза въ первыя 8 лѣтъ, и даже дѣлались попытки раздѣлить ихъ на двѣ палаты. Хотя это не были совѣщанія всей земли (на нихъ не оказывалось крестьянъ), они не лишены значенія. Они представили важныя челобитныя, которыя отчасти вошли въ Уложеніе, и почти дословно. Соборъ 1645 г. освятилъ новое царствованіе; соборъ 1649 г. участвовалъ въ созданіи Уложенія, самая мысль о которомъ—едва ли не дѣло выборныхъ. Въ 1653 г. были созваны „добрые и разумичные люди изо всякаго города"; и съ этого собора поѣхало посольство къ малороссійскимъ казакамъ съ объявленіемъ, что царь принимаетъ ихъ въ свое подданство (§ 203). Но и эти соборы были лишь случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ крайнимъ напряженіемъ силъ народа, вслѣдствіе бунтовъ и войнъ. Затѣмъ государство окрѣпло; иноплеменники уже не вступали въ его предѣлы; возникли правильные доходы казны и постоянное вой-

ско; а бояре и церковники внушали царю недовѣріе къ непрошенымъ „совѣтнымъ людямъ“, которые разоблачали ихъ злоупотребленія. И соборы замираютъ. Ихъ не было въ теченіе 23 л., до самой смерти Алексѣя. Послѣ него насчитываютъ ихъ до 8. Но это уже не былъ голосъ всей земли: созывались отдѣльныя сословія по особымъ вопросамъ. Такъ, собраніе однихъ служилыхъ составило челобитную объ отмѣнѣ мѣстничества (§ 207). А въ 1682 г. одни москвичи выкрикнули Петра, а другіе, мѣсяцъ спустя—Ивана V: то были дѣла двухъ партій (§ 208), напоминавшія выборъ Годунова и низверженіе Шуйскаго (§§ 132, 139). Послѣдній соборъ (1698), для суда надъ Софьей, можно назвать мнимымъ: неизвѣстно даже его рѣшеніе.

Приказы, въ которыхъ, по Уложенію, сосредоточивалась не только расправа, но и судъ, больше прежняго (§ 156) были образцами безпорядочности и злоупотребленій. Число ихъ возросло до 40, благодаря новымъ потребностямъ. Къ прежнимъ прибавились: Рейтарскій, Пушкарскій, Иноземный (для солдатъ), Аптекарскій, Малороссійскій (слитый потомъ съ Посольскимъ), Тайныхъ дѣлъ, Кормовой, Панафидный и др. Оттого мало было бояръ „не у дѣлъ“, т.-е. не въ приказахъ, а на воеводствахъ: иному даже поручалось разомъ до 5 приказовъ. Впрочемъ бояре больше прежняго правили только по имени: дьяки вошли въ полное засиліе. Въ началѣ періода ихъ было уже болѣе 120. Они одни сидѣли даже въ такихъ важныхъ приказахъ, какъ Посольскій и Тайныхъ дѣлъ, гдѣ надзирали за высшими чинами въ государствѣ. Дьяки завладѣли всѣми дѣлами и самимъ царемъ: они говорили за него рѣчи и писали указы, обо всемъ докладывали ему, сопровождали его въ поѣздкахъ. Они получали большое жалованье (до 300 р. въ годъ); имъ давались болѣе обширныя помѣстья, чѣмъ окольничимъ. Впрочемъ сами дьяки, народъ вообще косный и бездарный, занимались только лихоимствомъ да приказными кознями. Дѣла же вершились подъячими, которыхъ уже при Алексѣѣ было до 1.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 3 степени — „старые, средней статьи и молодые“. Подъячій корпѣлъ въ приказѣ дни, иногда и ночи; получалъ же онъ 1—40 р. въ годъ. Этого едва хватало ему на обязательное цвѣтное платье для торжествъ. А не „верстанные“ (сверхштатные) довольствовались приношеніями или „писчею деньгой“. Понятно, что всѣ, до послѣдняго плательщика податей, должны были задаривать весь сонмъ московскихъ крюч-

котворцевъ, начиная со сторожей. Напрасно указы требовали, чтобы приказные „отнюдь ничего не имали и не крали и изъ приказовъ взаймы никому не давали". Тогда-то „московская волокита" вошла въ пословицу. Льстивый Полоцкій (§ 206) зло отзывался о „мздѣ начальниковъ", которые были „обыкновенно хищниками и народными кровопійцами". Посошковъ писалъ: „Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, но и бусурмане судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая, на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная. Россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды и отъ нездраваго и неправаго разсужденія". Оттого-то стрѣлецкій бунтъ, въ отсутствіе Петра, былъ не только возстаніемъ старины, но и жалобой на боярское правленіе: тогда низшіе классы хотѣли истребить высшій; стрѣльцы надѣялись на донцовъ, а Цыклеръ поминалъ Стеньку (§§ 212, 213).

Неурядицы высшаго правительства больше прежняго (§ 157) отражались на *областномъ управленіи*. Оно окончательно попало въ руки приказныхъ. Выборное начало постепенно исчезало: при Ѳедорѣ III были вездѣ сломаны губныя избы (§ 157), и уголовщина поступила въ вѣдѣніе воеводъ. Сельская община (§ 157) вымирала: мужики „отбивались отъ выборовъ, отъ очередныхъ службъ", хотя ихъ жестоко наказывали за это. Если мѣстами избирались земскіе старосты съ окладчиками и „совѣтными" людьми, то лишь для сбора податей да для содержанія воеводъ, которымъ они ежедневно носили кормъ, записывая расходы въ книжку для отчета въ земской избѣ. Обыкновенно старосты такъ усердствовали воеводѣ, норовя и сами нажиться, что посадскіе просили царя „вывести" ихъ изъ города. Воевода могъ засѣчь этихъ выборныхъ, а если они „лаялись", онъ доносилъ, что народъ „забунтовался": тогда приходили стрѣльцы— и онъ могъ казнить, кого хотѣлъ. Иногда алчность воеводъ дѣйствительно доводила народъ до мятежей, по „всполошному колоколу". Это были царьки: они дѣлали, что̀ хотѣли, ссылаясь на свой долгъ—не допускать „круговъ и заводовъ" (бунтовъ). Если воеводъ назначали только на 3 г., а иной и „годовалъ" постарому, зато они умѣли заставить народъ просить царя, чтобы ихъ оставили еще, какъ примѣрныхъ начальниковъ.

Наверху уже передъ Петромъ I видѣли недостатки управленія. Алексѣй думалъ объединить, упорядочить его. При немъ являются даже намеки на коллегіальность: уже не одинъ, а многіе завѣдуютъ приказами, областями и уѣздами. Ѳедоръ со-

кращалъ число приказовъ (§ 207). Оба они старались ограничить судебную власть воеводъ и ихъ поборы. Было запрещено назначать дворянъ воеводами въ тѣ уѣзды, гдѣ у нихъ были помѣстья. Воеводамъ указывалось не опредѣлять на должности по родству и кумовству, не брать кабалъ, не давать денегъ въ ростъ. Населенію посылались списки съ наказовъ воеводамъ и давалось право не повиноваться ихъ незаконнымъ требованіямъ. Въ особыхъ случаяхъ все чаще посылались „сыщики" или думскіе ревизоры для разбора дѣяній воеводъ: и кормленщиковъ били кнутомъ за злоупотребленія. Но все это были ничтожныя попытки, которыя обыкновенно оставались на бумагѣ. Онѣ страдали отсутствіемъ сознательности, плана преобразованій. Имъ мѣшали косность и недобросовѣстность приказныхъ. Отчасти онѣ разбивались о равнодушіе общества, которое боялось пущихъ злоупотребленій, новой путаницы. Требовалось коренное преобразованіе, которое и было совершено Петромъ.

Петръ понялъ, что прежде всего нужно уничтожить безурядицу въ управленіи, затѣмъ оградить народъ отъ произвола правителей. Для этого требовалось строгое сосредоточеніе власти, которое и выступило тогда на первый планъ (§ 221). Но Петръ видѣлъ, что Россія, съ ея новыми, широкими потребностями, уже не могла управляться патріархально царемъ-вотчинникомъ; ктому же самъ онъ постоянно отсутствовалъ. Стали необходимостью прочныя и самостоятельныя учрежденія или „правительственныя, присутственныя *мѣста*", которыя олицетворяли бы собой верховную власть: былъ изданъ даже указъ—помимо нихъ не подавать просьбъ царю. Но давая такую власть мѣсту, опасно было подчинять ее одному лицу, чтобы не вышелъ новый Никонъ; да одинъ и не могъ справиться со множествомъ дѣлъ. Отсюда пристрастіе Петра къ *коллегіальности* или сотовариществу. Товарищи, сверхъ того, слѣдили другъ за другомъ, помогая центральному надзору прибыльщиковъ, фискаловъ и сенатскаго генералъ-прокурора. Для ограниченія произвола и взятокъ, Петръ замѣнялъ еще всюду кормленье жалованьемъ и развивалъ выборное начало древней Руси (§§ 215, 221).

Петръ проводилъ новыя начала постепенно (§ 221). Сначала онъ надѣялся поправить прежнюю машину: то соединяли или переименовывали старые приказы, то учреждали новые (Адмиралтейскій, Военный, Артиллерійскій); тамъ строже опредѣляли предметъ вѣдомства (Оружейная палата стала заниматься дѣйствительно оружіемъ), здѣсь передавали часть дѣлъ канце-

ляріямъ (мундирная, банная и др.). Но полумѣры только усиливали путаницу—и къ 1709 году приказный строй развалился самъ собою (§ 215). На его развалинахъ сталъ подыматься новый правительственный укладъ, но опять не сразу.

Петръ началъ даже не съ центральнаго, а съ областного управленія, тѣмъ болѣе, что тогда и центра-то не было: Москва перестала быть столицей, а Петербургъ еще не сдѣлался ею. Воеводы же забирали такую силу, что въ 1680 г. патріархъ опасался, „не разорили бы они самодержавства, учиненные вѣчными намѣстниками“. Вводя *губернскую* реформу (§ 215), Петръ отнялъ судъ у губернаторовъ и воеводъ и ограничилъ ихъ, какъ было у шведовъ въ Остзейскомъ краѣ, выборными ландратами или „земскою канцеляріей“, гдѣ они были „не яко властителями, а яко президентами“ Позже ландраты даже не столько „сидѣли съ губернаторами“, сколько сами управляли „долями“ губерній, отчасти возстановлявшими древніе уѣзды.

Когда губернскій строй оказался недостаточнымъ, Петръ взялся за преобразованіе высшаго управленія. И опять осторожно. Прежде всего на мѣстѣ боярской думы показалась *Ближняя канцелярія* (1701). Но и она сначала походила на новый приказъ или родъ канцеляріи думы: здѣсь сидѣли подъячіе, подъ началомъ дьяка Зотова. Лѣтъ 6 спустя, Ближняя канцелярія стала называться „министерскою консиліей“: сюда съѣзжались, три раза въ недѣлю, главные птенцы преобразователя. Они разрабатывали порученія Петра, которыя онъ сообщалъ имъ или указомъ, или письмами. Затѣмъ является *сенатъ*, переведенный въ Петербургъ лишь 3 г. спустя. Сенатъ, созданный во время прутскаго похода, „для отлучекъ нашихъ“, какъ выразился Петръ, подражая Карлу XII, поглотилъ министерскую консилію. То было властное учрежденіе: сенатъ завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ, кромѣ войскъ и дипломатіи. Въ немъ засѣдали не одни бояре, но и дѣловитые птенцы; онъ былъ связанъ съ губерніями коммиссарами. Но по своему политическому значенію, сенатъ — нѣчто вродѣ старой думы или министерской консиліи: то былъ не государственный совѣтъ при царѣ, а исполнительное учрежденіе въ его отсутствіе, какъ бы приказчикъ „на отчетѣ“ у хозяина. Если ему должны были повиноваться „такъ какъ Намъ самому“, зато онъ подвергался строгой отвѣтственности: за неисправность сенаторовъ наказывали, „какъ ворамъ достоитъ“.

Однако губернскій строй хромалъ и при сенатѣ. Петръ

то расширялъ власть сенатскихъ коммиссаровъ, то отмѣнялъ ландратовъ, то устраивалъ съѣзды губернаторовъ въ Петербургѣ. Наконецъ, онъ завелъ *коллегіи*, что̀ было окончательнымъ и самымъ сознательнымъ ударомъ старинѣ: онѣ вытекли не столько изъ русскихъ, сколько изъ иностранныхъ проектовъ. Наши коллегіи отличались отъ шведскихъ только тѣмъ, что были менѣе самостоятельны: въ Швеціи корона видѣла въ нихъ противовѣсъ вельможному сенату. Наши коллегіи стали исполнительными органами сената: только въ трехъ правили вельможи (канцлеръ, фельдмаршалъ и адмиралъ)—и онѣ соперничали съ сенатомъ.

Но Петръ не добился полнаго сосредоточенія и упорядоченія управленія. Магистраты и помѣщенная въ Глуховѣ малороссійкая коллегія были почти самостоятельны. Дворцовое хозяйство представляло собой совсѣмъ независимое вѣдомство, хотя само оно подконецъ сосредоточилось въ дворцовой канцеляріи: прежде управленіе дворцовыми волостями дробилось по уѣздамъ и губерніямъ. А главное, шла великая путаница и борьба между коллегіями, сенатомъ, кабинетомъ, верховными господами и губернаторами. Тутъ не помогалъ цѣлый рядъ „царскихъ очей“, которыя также перекорялись между собой, — этихъ прибыльщиковъ, фискаловъ, „ревизоровъ“, генералъ-прокуроровъ сената или „стряпчихъ отъ государя и государства“, „надзирателей указовъ“, рекетмейстеровъ и герольдмейстеровъ или выслушивателей жалобъ. И законовъ все не было, несмотря на старанія Петра. Онъ уже въ 1700 г. приказалъ боярамъ „сидѣть у уложенія“, дополняя Уложеніе Алексѣя новыми статьями. Позже явился указъ юстицъ-коллегіи — „учинить сводъ россійскихъ законовъ съ шведскими, а для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія“. Но изъ этого ничего не вышло.

Правда, основы новаго строя оказались настолько пригодными, что уцѣлѣли. Но недаромъ самъ великій преобразователь спѣшилъ: онъ видѣлъ, что ему вездѣ приходилось только „зачинать“ и что древнее „тунеядство“ готово заглушить молодые ростки жизни (§ 221). Петръ старался искоренить приказный духъ; но это зло возродилось въ новомъ чиновничествѣ, которое оказалось дьячествомъ въ мундирѣ, въ заморскихъ орденахъ и чинахъ. А послѣ него оно расплодилось неимовѣрно. Уже Екатерина I заявила, что чиновники такіе же „волки“, какъ приказные (§ 222), но ихъ больше; и „каждый бѣдный народъ

волочить, и всѣ жить и пропитанія своего хотятъ". Только работать не хотѣли, да и не умѣли, по своему невѣжеству. Даже при Екатеринѣ II сенату не было извѣстно число городовъ въ Россіи (§ 234); и никто не зналъ, сколько у насъ однихъ дворянъ: потребовались указы, чтобы доставляли изъ губерній ихъ списки въ герольдію. Немудрено, что всюду, до конца періода, еще царствовали смута и неурядицы. Почти всѣ правители сознавали, особенно передъ своею смертью, неудовлетворительность государственнаго наряда: наиболѣе сильной критикѣ подвергся онъ со стороны Елизаветы и Екатерины II. И изъ общества многіе видѣли необходимость новой реформы: отсюда развитіе проектовъ, которые начались еще при Петрѣ I (§ 221) и завершились „затѣйками" верховниковъ, шляхетства, кружковъ Волынскаго, Панина, Миниха.

Попытки реформъ особенно замѣтны въ высшемъ управленіи. Здѣсь во весь 18-й в. шла даже словно игра въ учрежденія, которыя смѣнялись одно другимъ въ короткое время. Виною этихъ колебаній были частью ссоры, партійность и неопытность среди государственныхъ дѣятелей, частью недовѣріе верховной власти къ своимъ сотрудникамъ, а частью и сама реформа Петра Великаго. Эта реформа осталась недодѣланною: въ ней были положены сѣмена борьбы между началами коллегіальнымъ и единоличнымъ. Исполнительная власть естественно взывала къ полному сосредоточенію: уже при Петрѣ I отовсюду слышалось требованіе учредить „главнѣйшее правленіе, высшую инстанцію" (§ 221). Послѣ него думали поправить дѣло тѣмъ, что или ставили, подлѣ „коллежскаго" правленія, „министровъ", когда не было министерствъ, или соединяли этихъ министровъ въ случайные неопредѣленные „совѣты". Но эти новые органы верховной власти были такъ личны, произвольны и своекорыстны, что только способствовали неурядицѣ. Они исчезали, какъ мыльные пузыри, въ борьбѣ съ величавымъ сенатомъ, который до Екатерины II оставался корнемъ дѣлъ великаго преобразователя.

Уже при Петрѣ I кабинетъ (§ 215) подрывалъ силу сената. При Екатеринѣ I его роль перешла къ *верховному тайному совѣту* (§ 222). Когда совѣтъ задумалъ ограничить самодержавіе, Анна уничтожила его и возстановила значеніе сената; но въ 1731 г. былъ учрежденъ новый *кабинетъ* для противодѣйствія опасному сенату (§ 225). Елизавета возвратилась къ мысли отца: отмѣнивши кабинетъ, она дала большія права сенату, который сталъ строго надзирать за коммиссіями, за гу-

бернаторами и воеводами (§ 230). Правда, во дворцѣ, при самой высочайшей особѣ, были заведены *конференціи* (§ 229); тѣмъ не менѣе сенатъ никогда не имѣлъ такой обширной власти, такъ какъ сама императрица мало занималась дѣлами. Сенатъ снова принималъ царственное значеніе; а Панинъ служилъ отголоскомъ умовъ, задумывавшихся даже о постоянномъ императорскомъ совѣтѣ. Но Екатерина II подорвала силу сената: она разбила его на 6 департаментовъ, что̀, правда, требовалось и обиліемъ дѣлъ; два изъ нихъ были переведены въ Москву. Подлѣ сената она поставила кабинетъ для своихъ личныхъ дѣлъ, къ которымъ были причислены пріемъ прошеній и сборъ доходовъ съ сибирскихъ пріисковъ и мѣховъ. Сверхъ того, Екатерина созывала *государственный совѣтъ* (§ 236) изъ немногихъ надежныхъ лицъ, гдѣ и рѣшала важнѣйшія дѣла, посылая сенату лишь указы для исполненія. Въ сущности, сенатъ обратился въ высшую судебную инстанцію—и сосредоточеніе высшаго управленія закрѣпилось.

Областное управленіе не измѣнялось до Екатерины II, въ своей сущности. Принимались только мелкія мѣры противъ крайнихъ злоупотребленій мѣстныхъ властей, особенно воеводъ, которые были возстановлены почти въ прежнемъ видѣ наказомъ 1728 г., даннымъ въ Москвѣ. Старались сокращать число „командировъ“ по провинціямъ, хотя и въ ущербъ земской канцеляріи Петра I (§ 222). При Аннѣ стали назначать воеводъ только на 2 года, въ видѣ опыта, а при Елизаветѣ—на 5 л. Сенату постоянно предписывалось искоренять взятки и такую волокиту, что тяжбы длились иногда по 15 л. Но толку не было: губернаторы просто не могли справиться съ дѣлами, по обширности губерній, такъ что къ нимъ уже прибавляли „товарищей“. Екатерина II внесла болѣе глубокія преобразованія въ областное управленіе (§ 236). Она удвоила число мѣстныхъ властей и поставила подлѣ нихъ цѣлую систему учрежденій. Во главѣ столицъ были поставлены „генералъ-губернаторы“, а губерній — „гражданскіе“ губернаторы. Имъ были подчинены губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Къ первымъ относились: губернское правленіе (полиція), казенная палата (финансы) и два судебныхъ учрежденія—уголовная и гражданская палаты. Въ уѣздѣ этимъ мѣстамъ соотвѣтствовали: нижній земскій судъ, уѣздное казначейство и уѣздный судъ. Эта реформа тѣмъ важнѣе, что она основана отчасти на выборномъ началѣ, а также на отдѣленіи военной власти отъ гражданской, при-

чемъ послѣдняя была нѣсколько повышена: статскіе чины получили права на пенсію по выслугѣ 35 л. Наконецъ, благодаря всеобщему *размежеванію*, вмѣстѣ съ ревизіей, получилось хоть приблизительное понятіе о размѣрахъ Россіи и ея населенія. Только при такой правительственной реформѣ, внесшей нѣкоторый порядокъ и быстроту въ наши внутреннія дѣла, Екатерина могла совершить столько крупныхъ внѣшнихъ дѣлъ.

Но уже къ концу царствованія Екатерины оказалось, что и новая реформа управленія не удовлетворяетъ потребностямъ народа (§ 241). Россія переходила въ нашъ вѣкъ страной, гдѣ судьба высшихъ учрежденій представлялась не упроченнымъ правомъ, а случайностью, гдѣ органы управленія не были упорядочены и гдѣ все еще не было законовъ. Коммиссіи для Уложенія, почти не прерывавшіяся въ теченіе всего 18-го в., ничего не сдѣлали. Даже Большая коммиссія Екатерины II, наиболѣе напоминавшая своею внѣшностью соборъ 1649 г., не привела къ цѣли (§ 235).

§ 247. **Финансы**. — Въ періодъ преобразованій финансы представляли самое больное мѣсто Россіи. Деньги — „артерія и жизнь войны", по словамъ Петра; а войны велись почти безпрерывно; да и сами преобразованія стоили дорого. А послѣ Петра господство временщиковъ поглощало огромныя суммы.

Въ началѣ періода наши финансы отличались прежнею обременительностью для народа и путаницей (§§ 158, 159). Произволъ усилился съ паденіемъ земскихъ соборовъ, къ которымъ обращались за „приговоромъ" хотя при чрезвычайныхъ налогахъ. Обыкновенный, утверждаемый думой, бюджетъ царь измѣнялъ, какъ хотѣлъ. Власти старались всячески не допускать избыванія тягла. При взиманіи податей господствовалъ правежъ; а если тяглецъ „отстаивался" на немъ, то приказывали „отписывать на великаго государя его дворы, лавки и имѣнія". Сборщики иногда доносили: „все бредетъ розно; всѣ деревни пусты; и править доходовъ отнюдь не на комъ". Нето, случалось, тяглецы убивали доимщиковъ. При Алексѣѣ тягости народа даже возростали отъ мучительныхъ войнъ и господства любимцевъ. Изобрѣтались новые налоги и монополіи, возстановлялись откупа (§§ 198, 202). Гдѣ правительство само торговало виномъ, оно смѣшивало хорошее съ плохимъ и заботилось, чтобы къ концу года былъ выпитъ весь запасъ. Это привело къ такому волненію народа, что пришлось возстановить питейный откупъ и поблажать богачамъ, которые могли доставить

деньги въ казну. Низшимъ классамъ запрещали покупать золото. А казна всячески собирала серебро; и взявъ пошлину съ иностранцевъ ефимками, которые принимала за полтину, пускала ихъ по рублю, приложивъ только свой штемпель. Наконецъ выпустили мѣдную монету (§ 202) и платили ею жалованье, а сами собирали съ народа серебромъ десятую и даже пятую деньгу съ рубля. При этомъ внушали, что нужно „радоваться, еслибы даже государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ, а на нихъ его великое имя“.

Правда, дѣлались попытки улучшеній. Съ конца царствованія Алексѣя совершался окончательный переходъ отъ естественнаго хозяйства къ денежному: города уже облагались *оброкомъ*. Мелкія пошлины замѣнялись общею „рублевою“ (10 денегъ съ рубля при торгахъ). И всѣ косвенные налоги падали передъ *прямою* податью, которая уже почти сравнялась съ ними. Притомъ стремленіе къ всеобщности и равномѣрности, которыхъ не было въ „сошномъ письмѣ“, выразилось въ окончательномъ введеніи (ок. 1680) „двороваго числа“ или *подворной* подати (§ 159), для которой приступили къ дворовой переписи (1646). Подконецъ замѣтили даже, что семьи становились многочисленнѣе и не дѣлились; а при переписи переводили людей въ немногіе дворы или разгораживались, образуя 1 дворъ изъ 3-4-хъ. И правительство мѣстами стало брать „по дворамъ и душамъ“. Обращалось вниманіе даже на различіе въ имущественной силѣ сословій: города были раздѣлены на разряды, по своей налогоспособности, на основаніи писцовыхъ книгъ. При Ѳедорѣ III задумывались и объ уравненіи всѣхъ относительно податей (§ 207). Тогда же пытались совсѣмъ отмѣнить откупа, какъ „злодѣйство“. Дѣлались попытки и упорядочить финансовое управленіе. Здѣсь усиливалась централизація: ок. 1680 г. областные сборы начали поступать въ общія учрежденія, во главѣ которыхъ стала *Большая Казна*, между тѣмъ какъ разрушались Чети или старые финансовые приказы. Возникъ Счетный приказъ, это начало контроля на Руси. Но онъ прожилъ недолго. И вообще попытки улучшеній были неудачны: финансы перешли къ Петру въ безпорядочной формѣ, подъ которой скрывались старыя начала—вотчинное и земельно-сословное.

Значеніе Петра въ финансахъ опредѣляется уже тѣмъ, что, по его собственному признанію, всѣ преобразованія клонились, главнымъ образомъ, къ ихъ исправленію, такъ какъ они — „жизнь войны“. Въ особенности первая половина царствованія, пока

Полтава не рѣшила основного вопроса нашей исторіи, отличается фискальнымъ характеромъ, который затѣмъ нѣсколько уступалъ мѣсто административному. Продолжая дѣло отца, брата и сестры, Петръ стремился упорядочить финансовое управленіе. Съ этою цѣлью, уже въ 1699 г., въ Москвѣ, возникла *ратуша* или бурмистерская палата, служившая вѣнцомъ фискальной реформы 1680 г.: это—прежняя земская изба (§ 157), но проникнутая государственнымъ духомъ и облеченная въ иностранную форму. Оттого, хотя она и была подчинена старой Большой Казнѣ, ратуша подорвала какъ ее самое, такъ и весь приказный и воеводскій строй. Но денегъ не хватало — и частью измѣнялись старые приказы, частью заводились новыя учрежденія, все съ тою же, военно-фискальною, цѣлью. Ратуша сама пошатнулась, едва успѣвши поглотить областные приказы: явилась *ближняя канцелярія* (1701), куда „взносили мѣсячныя и годовыя вѣдомости всякимъ приходамъ и расходамъ“. Финансы начали поправляться: къ 1700 г. доходы увеличились вдвое и превышали расходъ.

Но разразилась Сѣверная война — и въ бюджетѣ (1710) впервые показался недочетъ, а иностранцы не давали денегъ взаймы. Отсюда коренная *губернская* реформа. Это — чисто военно-фискальная мѣра, причемъ шведскій образецъ былъ измѣненъ въ своей сущности, согласно съ мѣстными требованіями и историческими преданіями. Губерніи образовались постепенно, по мѣрѣ нужды, отдѣльными указами; и переходомъ къ нимъ служили 8 областныхъ военныхъ кассъ въ рукахъ главныхъ птенцовъ, которыя замѣнили собой Чети или финансовые округа, сливавшіе въ себѣ по нѣскольку дробныхъ уѣздовъ. Первыя 8 губерній соотвѣтствовали старымъ военнымъ округамъ или воеводствамъ: это—то самое распредѣленіе полковъ по областямъ, которое было уже въ крымскихъ походахъ (§ 209) и особенно развилось съ 1680 г. Самый *сенатъ* былъ вызванъ преимущественно военно-фискальными потребностями: отсюда значеніе его коммиссаровъ (§ 215), которые были и раньше для сношеній губерній съ полками. Но война затягивалась и даже перешла за границу, откуда полкамъ неудобно было сноситься съ своими губерніями; сенатъ ссорился съ губернаторами изъ-за своего контроля; правильной отчетности не было. Словомъ, и губернскій строй оказался финансовою неурядицей; а денегъ Петру опять не хватало. Отсюда разныя новыя попытки: то вводили ландратовъ (§ 215), то расширяли

власть сенатскихъ коммиссаровъ, то устраивали съѣзды губернаторовъ въ Петербургѣ. Наконецъ, явилась новая коренная реформа финансовъ, связанная съ *коллегіями*.

Но и коллегіальный строй не могъ вполнѣ удовлетворять такимъ нуждамъ, какія переживала Россія при своемъ богатырѣ. Финансы составляютъ больное мѣсто въ работѣ Петра (§ 221). Его силы шли, главнымъ образомъ, на изысканіе новыхъ средствъ. Фискалы и прибыльщики не щадили ничего, чтобы возвысить казенный „приборъ“ (§ 215): такіе молодцы, какъ слуга Шереметева, Курбатовъ, ѣздили даже за границу изучать процвѣтавшее тамъ фискальство. Всѣ власти повиновались имъ безпрекословно. Имъ помогали коммиссары и тому подобныя царскія очи. Подконецъ Петръ предписалъ еще, чтобы одинъ изъ сенаторовъ „объѣзжій былъ въ государствѣ во всѣхъ провинціяхъ, дабы учинить воровству пресѣченіе“. Общество, съ своей стороны, измышляло проекты для увеличенія доходовъ, руководствуясь, главнымъ образомъ, примѣромъ Запада. Кто предлагалъ подоходный налогъ съ имущихъ, кто—„талію персональную (поголовщину) съ подлаго народа“. Фикъ привезъ изъ Швеціи „нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей“, съ меркантильною цѣлью, которою подконецъ увлекался преобразователь.

И пошелъ безконечный рядъ указовъ, которые частью возстановляли старые налоги, частью вводили всевозможные новые (§ 215). Развились откупа, монополіи, всякіе косвенные сборы: оброчныя статьи стали приносить, къ 1710 г., прибыли въ $2^1/_2$ раза больше прежняго. Сверхъ „табельныхъ“ (окладныхъ), ввели „запросные“ (чрезвычайные) сборы, чуть не при образованіи каждаго новаго полка, чуть не при каждомъ конскомъ наборѣ. Брали деньги даже за выборное начало: горожане платили двойной окладъ съ введеніемъ бурмистровъ. Наконецъ, продолжали портить монету, до того, что курсъ ея палъ на половину. Но всѣ мелкіе доходы продолжали стремиться къ сліянію въ одну крупную подать. Для этого стали дѣлать переписи. Когда въ 1709 г. оказалось, что населеніе уменьшилось, за 30 л., на $^1/_5$, а въ 1717-мъ увидѣли, что убыль продолжается, особенно отъ бѣгства на юговостокъ, и народъ все скучивается по дворамъ, явилось множество прожектовъ, своихъ и чужеземныхъ, чтобъ помочь бѣдѣ. Всѣ они также осуждали подворную подать, какъ прежде осуждалось сошное письмо. Отсюда вытекла *подушная* подать (§ 215), причемъ кстати свели въ нее всѣ прежнія, возвысивъ взносъ

до 80 к. съ души. Всѣ прежнія подати вмѣстѣ давали менѣе 2 милл. рублей, поголовщина же дала болѣе 4 милліоновъ.

Благодаря всѣмъ указаннымъ мѣрамъ, доходы росли быстро: въ 1680 г. было $1^1/_2$ милл., въ 1710—3 милл., въ 1725—до 10 милліоновъ. Чего стоили они народу, видно уже изъ того, что иностранцы часто предвѣщали бунты отъ одной жестокости прибыльщиковъ и губернаторовъ, которые доводили народъ до бѣгства, куда глаза глядятъ. То же говорилъ самъ Курбатовъ. Онъ писалъ Петру въ 1709 г.: „отъ правежей превеликой обходится всенародный вопль, а паче въ поселянахъ, яко не точію послѣдняго скота, но иніи, бѣднѣйшіе, и домишковъ своихъ лишаются“. При всемъ томъ, казна была пуста. Основная подушная подать началась лишь незадолго до смерти Петра и далеко не обнимала всей страны: въ Малороссіи дворовое число сохранялось до 1783 г. Она касалась только того, кто пахалъ землю или занимался промыслами; а помѣщики сразу стали уклоняться отъ взноса ея за своихъ крѣпостныхъ. Адмиралъ Апраксинъ говорилъ въ 1716 г.: „денегъ ни откуда не возятъ; дѣла, почитай, всѣ становятся“. И у него съ верфей разбѣгались рабочіе, не получая жалованья. Финансовое управленіе еще не освободилось отъ неурядицы. Посошковъ свидѣтельствуетъ: „въ поборѣхъ, за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть; а гдѣ многія тысячи погибаютъ, того ни мало не смотрятъ.“ Хотя коллегіи возстановили, въ 1720 г., бюджетъ, прекратившійся съ 1711 г. вмѣстѣ съ ближнею канцеляріей, онъ составлялся плохо. Еще хуже былъ контроль: тотчасъ по смерти Петра, верховный тайный совѣтъ призналъ, что ревизіи существовали „только именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало; и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и расходѣ и объ остаткахъ; а многія коммиссіи жалованье напрасно получаютъ“.

Послѣ Петра правительство не разъ само осуждало его финансовую дѣятельность, особенно раскрывало несовершенства поголовщины и монополій; и многіе говорили о сокращеніи расходовъ. Но на дѣлѣ такъ поступалъ только верховный совѣтъ, который прожилъ всего 6 л. А за нимъ послѣдовала бироновщина, когда цѣна рубля пала болѣе, чѣмъ наполовину, недоимки же возросли до 5 милл. (ихъ взысканіе тянулось до 1861 г.). Заботы о сокращеніи расходовъ сводились къ угнетенію мелкаго приказнаго люда, которое развивало лихоимство: то уменьшали число чиновниковъ, то дѣлали вычеты изъ ихъ окладовъ;

при Аннѣ и Елизаветѣ платили жалованье сибирскими товарами и казенными полотнами да приказывали „довольствоваться, постарому, отъ дѣлъ“. Подушная подать дошла до 1 р. при Елизаветѣ. Соляная и табачная монополіи казны, отмѣненныя Екатериной I, были тотчасъ возстановлены при Аннѣ. Порча монеты не прекращалась. Не помогли и болѣе разумныя мѣры Петра Шувалова, въ особенности такія, какъ отмѣна внутреннихъ таможенъ и 17-ти мелкихъ пошлинъ, переведенныхъ на одну общую (§ 230). Тогда оставалось еще 28 пограничныхъ таможенъ и множество откуповъ. Въ Семилѣтнюю войну сильно повысили цѣну на вино и особенно на соль, которую вдругъ стали продавать, вмѣсто $3^1/_4$ коп., по 35 коп. за пудъ. Тогда же старались развивать употребленіе водки и даже ввели *лотерею*. При всемъ томъ, Елизавета уже собиралась продавать свой гардеробъ.

Послѣ Елизаветы было не лучше. Такъ какъ подушная подать доставляла мало (въ 1741 г. всего $5^1/_2$ милл. р.), и ея нельзя было возвышать безопасно, то при Петрѣ III создали государственный *банкъ*, выпустившій билетовъ на 5 милл. (§ 232). Но при воцареніи Екатерины II не было денегъ даже на уплату жалованья по нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Оттого новая императрица могла допустить мелкія льготы лишь въ самомъ началѣ (§ 235). Вслѣдъ затѣмъ, это пышное царствованіе привело къ возвышенію подушной подати, къ небывалому развитію виннаго откупа, къ отобранію церковныхъ имуществъ и къ займамъ (§ 236). При введеніи *ассигнацій* было объявлено, что цѣль ихъ—лишь облегчить денежныя сношенія и что ихъ будетъ „не болѣе, чѣмъ сколько капитала наличнаго въ банкѣ“. Но число ассигнацій все росло, пока не дошло до 150 милл., тогда какъ весь годовой доходъ казны равнялся 25 милл., при 80 милл. расхода. Отсюда сильное паденіе бумажнаго рубля,—зло, которое вполнѣ созрѣло при Александрѣ I. Въ то же время Екатерина дѣлала *займы* за границей за большіе проценты; а пьянство развилось такъ, что *откупъ* доставлялъ треть государственныхъ доходовъ. Павелъ избѣжалъ банкротства только потому, что царствовалъ недолго. При немъ иностранный долгъ дошелъ до 46 милл., а ассигнацій ходило на 213 милл.; и 1 рубль ассигнаціями равнялся уже 65 к. сер. При всемъ томъ доходы, достигавшіе 77 милл. р. асс. (55 милл. сер.), не покрывали расходовъ даже въ мирное время.

§ 248. **Войско**. — Финансы, главнымъ образомъ, поглощались войскомъ. Оно болѣе всего подверглось преобразованіямъ, такъ какъ важнѣйшія войны велись съ западными народами. Уже съ начала періода подлѣ старыхъ, временныхъ и въ большинствѣ конныхъ, ратей (§ 160), стали выдвигаться „непремѣнныя" и попреимуществу пѣшія войска. При Алексѣѣ пѣхоты было больше конницы, и первая превосходила вторую: ее пускали впередъ; иностранцы похваливали ее за порядокъ и стойкость. Сюда относились прежде всего *стрѣльцы*. Они составляли болѣе 20 приказовъ, въ каждомъ до тысячи человѣкъ. Кромѣ разныхъ льготъ и жалованья, они получали еще стрѣлецкій хлѣбъ", соль и сукно. Но стрѣльцы быстро устарѣли, служа лишь переходомъ къ настоящей, европейской арміи: оттого они и исчезли въ концѣ 17-го в. (§ 208).

Новая армія выдвинулась, подлѣ нихъ, уже при Алексѣѣ. Ея пѣхота называлась *солдатами* или, попольски, желдаками, а конница — *рейтарами* и *драгунами*. Всѣ они набирались изъ непристроенныхъ охочихъ людей: сюда шли безпомѣстныя дѣти дворянскія, еще не служившіе молодые бояре, бѣдные посадскіе, захребетники, бобыли, холопы, родственники стрѣльцовъ и казаковъ, татары, нѣмцы. Ихъ привлекало царское жалованье и кормъ. Начальниками у нихъ были иностранные офицеры, которые получали большое жалованье (5 — 40 р. въ мѣсяцъ): эти полковники, маіоры и ротмистры обучали ихъ иноземному строю. Новая армія раздѣлялась на полки и роты. Солдаты были вооружены отъ казны мушкетами (§ 210) и саблями, рейтары — карабинами и пистолями; но лошади у нихъ были свои. У шведской границы солдаты жили военными поселеніями: имъ давалась пахотная земля, а они должны были выходить въ поле по тревогѣ. Драгуны были такимъ же коннымъ поселеніемъ на южной границѣ: они помогали московскимъ *казакамъ*. Тогда же размножались казаки уральскіе, подчиненные Казанскому приказу, и донцы, у которыхъ росла власть атамана, подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ.

Новая армія уже искусно дѣйствовала нарядомъ (§ 160): умѣли и сами лить хорошія пушки, хотя подъ руководствомъ иностранцевъ. Передъ Петромъ у насъ насчитывалось до 20 каменныхъ крѣпостей. Правительство старалось перенять на Западѣ военныя улучшенія: соборъ служилыхъ, отмѣнившій мѣстничество, долженъ былъ разсмотрѣть также „нововымышленныя непріятельскія хитрости". При всемъ томъ, наша армія далеко

еще не могла равняться съ европейскою. Ея не хватало на нужды страны: правительство долго не могло справиться съ монахами въ Соловкахъ (§ 201), потому что войска были высланы противъ Разина. Не знали, сколько соберется ратниковъ при войнѣ: многіе разбѣгались во время сбора. Да и самые списки были плохи тутъ числились мертвые, упоминалось по три раза одно и то же имя. А въ конницѣ случалось, что людей пришлютъ, да безъ лошадей. Посошковъ безпощадно коритъ это воинство, которое снабжено тупымъ орудіемъ, не умѣетъ даже заряжать пищали и кладетъ по 4 своихъ головы за одну непріятельскую. „У нихъ одна забота, говоритъ онъ: какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ государя получить за нее пожалованіе. Во время бою того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ. Многіе говорили: дай Богъ государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать". Несмотря на жестокія наказанія по Уложенію, воеводы постоянно жаловались на побѣги служилыхъ.

Петръ назвалъ это воинство „всебезпорядочнымъ и варварскимъ, смѣху достойнымъ". Оно и при немъ вначалѣ дралось „казацкимъ боемъ" и, лишенное хорошихъ полководцевъ, походило на „овецъ безъ пастуховъ". Но уже въ 1708 г. была „первая солдатская проба" (§ 218), а вслѣдъ за нею явилась Полтава. Петръ развилъ изъ доставшихся ему зародышей настоящую армію. Она стала вполнѣ постоянною и тѣсно связанною со страной. Въ ея основаніе была положена всеобщая воинская повинность, а также выборное начало при производствахъ въ чины. Полки были переименованы, при введеніи губернской реформы: прежде они назывались по именамъ начальниковъ, теперь—по именамъ городовъ. Они вполнѣ вымуштровались по иноземному строю, завершеніемъ котораго былъ прочный Воинскій Уставъ, гдѣ изложены до мелочей правила, обязательныя для всякаго военнаго человѣка. Армія приняла тотъ обще-европейскій видъ, который сохранился, въ главномъ, до нашихъ дней. Здѣсь были уже всѣ роды оружія и почти всѣ части, а также всѣ нынѣшніе чины, съ раздѣленіемъ на штабъ- и оберъ-офицеровъ. Получило болѣе правильное устройство и иррегулярное войско, которое равнялось почти половинѣ регулярнаго: то были инородцы, въ особенности же казаки — московскіе, малороссійскіе, донскіе, яицкіе, терскіе и гребенскіе. Былъ созданъ изъ ничего (§ 206) *флотъ*, тотчасъ совершившій

„небываемое“ (§ 215). При появленіи первыхъ кораблей, въ Архангельскѣ, Петръ придумалъ и уцѣлѣвшій до сихъ поръ русскій морской *флагъ*—красно-сине-бѣлый. Вскорѣ выработались и собственные полководцы, устранившіе дорогихъ иноземныхъ учителей.

Петръ не жалѣлъ средствъ на оборону Россіи: подконецъ изъ 10 милл. государственнаго сбора 3/4 шли на армію и флотъ. Всѣ войска получали жалованье; чтобы не отягощать народа ихъ постоемъ въ мирное время, старались заводить для нихъ особыя слободы. Служба была одинакая для всѣхъ: дворяне начинали съ рядового, какъ и самъ царь, а тяглецъ получалъ за заслуги офицерскіе чины и становился потомственнымъ дворяниномъ. Школою для сухопутныхъ офицеровъ служила гвардія, куда отбирали лучшихъ изъ рекрутъ; матросы обучались сдѣтства въ особыхъ школахъ. Тѣ и другіе служили также за границей, у хорошихъ полководцевъ. Отставные, за старостью или ранами, употреблялись въ гарнизонахъ и служили въ ландратахъ; слабые получали пенсію или кормились при госпиталяхъ и монастыряхъ. Но служба уподоблялась каторгѣ, тѣмъ болѣе, что бѣдная казна давала плохой кормъ, а „провіантская“ часть доставляла преобразователю одно огорченіе. Солдаты разбѣгались постарому, увеличивая собой „воровскія вооруженныя компаніи“, тѣмъ болѣе, что населеніе старалось сплавить въ рекруты всякій сбродъ—дѣтей нищаго причта, ямщиковъ, кабальныхъ, дворовыхъ, лишнихъ приказныхъ, даже бродягъ, воровъ, подсудимыхъ. Особенно бѣгали рекруты, которыхъ обыкновенно велъ, въ распутицу, голодныхъ и полунагихъ, какой-нибудь забулдыга-дворянинъ. Для ихъ изловленія были разставлены заставы отъ Москвы до Смоленска. Попавшихся не казнили, а только сажали навремя въ тюрьму и наказывали: пушечное мясо было очень нужно.

Послѣ Петра, когда настала „конфузія“ (§ 223), войско пришло еще въ худшее состояніе. Сначала оно было такъ запущено, что въ мирное время его почти и не существовало. Солдаты до самой Екатерины II представляли жалкій видъ. Они служили безсрочно, были голодны и полунаги, подвергались истязаніямъ за ничтожные проступки; а при Биронѣ, Петрѣ III и Павлѣ ихъ мучили еще курляндскіе, голштинскіе и гатчинскіе порядки. Во время войны, народъ едва выносилъ самые тяжелые наборы, а солдатъ было мало. Ихъ грабило интендантство; они гибли массами отъ нелѣпыхъ распоряженій, бездарныхъ ко-

мандировъ, отъ болѣзней и безкормицы: даже при Екатеринѣ II, первая турецкая война поглотила $^1/_{10}$ рабочаго населенія Великороссіи, не считая казаковъ и инородцевъ. Солдаты все убѣгали десятками тысячъ; а при Екатеринѣ II подымался опасный ропотъ на рекрутчину. Но, начиная съ Анны, начали хоть улучшать положеніе офицеровъ. Минихъ много сдѣлалъ для нихъ, а отчасти и вообще для поднятія войска по завѣту Петра Великаго (§ 227). Семилѣтняя война послужила для насъ такою же полезною школой, какъ Сѣверная: она обнаружила всю нашу отсталость на этомъ поприщѣ и указала намъ примѣръ Фридриха II. Съ тѣхъ поръ начали опять задумываться надъ преобразованіемъ военнаго дѣла. При Елизаветѣ, новая воинская повинность облегчила народъ (§ 230). При Екатеринѣ II наша армія уже равнялась европейскимъ, по количеству и по своему строю. Даже донскіе и уральскіе казаки представляли видъ правильныхъ военныхъ поселеній, къ которымъ присоединились казаки екатеринославскіе, составленные изъ перешедшихъ къ намъ „бугскихъ казаковъ", какъ называлось прежде турецкое военное поселеніе изъ христіанъ у устьевъ Буга. Всѣ эти казаки управлялись уже не выборными (§ 161), а назначенными отъ правительства атаманами: они были подчинены военной коллегіи; войсковая канцелярія замѣнила казацкій кругъ.

Въ концѣ періода, наша армія, хотя все еще жалкая съ виду, полуголодная и полунагая, уже прославилась не только образцовымъ солдатомъ, но и крупными полководцами: Румянцовъ, образованный даже теоретически, выдвинулся въ рядъ лучшихъ военачальниковъ своего времени, а Суворовъ сталъ славою всей Европы, наравнѣ съ Бонапартомъ. Въ то же время нашъ флотъ снова началъ совершать „небываемые" подвиги, и не только на сѣверѣ, но и на югѣ. Своевременно было явиться тогда и особому знаку военной доблести, *ордену св. Георгія* (1769 г.), который приличенъ войску, гордому своими заслугами передъ страной.

§ 249. **Бояре и дворяне.**—Высшее сословіе перешло въ періодъ преобразованій въ обновленномъ видѣ. Дворяне или служилые (§ 164) уже при Алексѣѣ Михайловичѣ представляли собой пестрый классъ: тутъ, наряду съ потомками княжья и древнихъ бояръ, были и дворня царя съ ея помѣстьями, и иноземцы съ „отсыпнымъ кормомъ" изъ государевыхъ запасовъ. Ихъ внѣшнимъ отличіемъ служили только „дворянскіе списки" по городамъ (сѣрый людъ зачислялся въ писцовыя и другія

тяглыя книги); но и сюда стали попадать крестьяне, а подчасъ и холопы. Ихъ дѣйствительнымъ преимуществомъ былъ только огромный земельный капиталъ и такія, связанныя съ нимъ права, какъ крѣпостничество, что̀ отдавало имъ въ руки почти весь сельскій трудъ. Даже развивалось стремленіе поддержать это „господское" сословіе, которое несло воинскую службу и не представляло никакой опасности (§ 164). По Уложенію, въ рѣдкихъ случаяхъ гости еще владѣли вотчинами, а вслѣдъ затѣмъ этимъ правомъ могли пользоваться уже одни только служилые. При Ѳедорѣ помѣстья почти превратились въ вотчины, такъ какъ, по смерти помѣщика, Помѣстный приказъ, ссылаясь на Уложеніе, „справлялъ" помѣстье за его родственниками. Зато низшій слой служилыхъ, однодворцы (§ 164), стали тянуть тягло: они богатѣли отъ землепашества и промысловъ, а не несли сторожевой службы, такъ какъ граница ушла дальше отъ нихъ, къ югу.

Въ то же время высшій слой служилыхъ, *боярство* окончательно утратило политическое значеніе (§§ 162, 163). Оно только разъ припомнило свои удѣльныя грезы, подъ вліяніемъ шведской и польской олигархіи: думцы внушали Ѳедору III мысль назначить „вѣчныхъ" (безсмѣнныхъ) намѣстниковъ „изъ великородныхъ", съ „титлами тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ" (князь царства Казанскаго и т. под.). Далѣе послѣдовало согласіе „чахлаго" царя. Но возсталъ патріархъ, увидѣвшій тутъ посягательство на единовластіе на Руси,—и затѣя знати была разрушена въ зародышѣ. Боярство стало лишь привилегированною служнею царя, которая являлась передъ его свѣтлыя очи, утромъ и вечеромъ, за приказами и подачками. И оно несло, какъ всѣ дворяне, почти одну ратную службу: оттого всѣ придворные чины считались военными. На гражданскія должности смотрѣли, какъ на случайный придатокъ къ „службѣ". Бояринъ оставался почти всегда полковымъ воеводой: „кормленщики" были исключеніемъ, хотя должности воеводъ еще назывались „корыстовыми". Только въ особыхъ случаяхъ, за услуги царскому семейству, счастливцамъ давались укромные уголки, чтобы они „тѣми воеводствами побогатѣли" или „сыты были". Бояръ уже почти не видно на верху гражданскаго управленія: въ приказахъ орудуютъ дьяки; и въ думѣ, гдѣ прежде ихъ было 3—4, теперь ихъ до 15. „Тишайшій" царь расправляется съ думцами, словно Василій III. Онъ же запрещаетъ знатнымъ родамъ присоединять къ своимъ фамиліямъ прозванія древнихъ удѣловъ:

Ромодановскіе уже не смѣли писаться Стародубскими (§ 162). Алексѣй бралъ также молодежь изъ дворянъ въ спальники на Верхъ раздѣвать и разувать его царскую особу и прямо возводилъ ее въ бояре, въ свои „ближніе, комнатные“ люди. Но послѣ него падаетъ и значеніе ближняго боярина: для наперсника Софьи, Голицына (§ 208), выдумали новый титулъ—„боярина и оберегателя“.

Боярство и само вырождалось. Уже Алексѣй говорилъ, что у него лишь остатки „стародавныхъ честныхъ родовъ“; а Шакловитый (§ 209) называлъ ихъ „упадшимъ, зяблымъ деревомъ“. При Ѳедорѣ былъ только 31 знатный родъ, въ томъ числѣ 20 княжескихъ фамилій (Долгорукіе, Ромодановскіе, Борятинскіе, Куракины, Милославскіе, Стрѣшневы, Хитрово, Морозовы и др.). Въ 1705 г. среди 52 думцевъ видимъ только 17 старыхъ родовъ. Эти обломки былого величія представляли жалкій видъ. Между тѣмъ какъ даже недумные дьяки получали помѣстные оклады въ 1.000 четей (1.500 десятинъ) и пріобрѣтали тысячи крестьянъ, Одоевскихъ, Долгорукихъ, Прозоровскихъ трудно было отличить отъ мужика, по жизни, и ихъ не на что было хоронить. Время требовало ума и образованія, а, по словамъ Котошихина, высокороднаго „всякъ дуракомъ називалъ“, всякъ насмѣхался, что онъ „грамотѣ не ученый и не студерованный“, въ думѣ „ничего не отвѣщаетъ“. Немудрено, что „столповыя“ фамиліи (отсюда—„столбовое дворянство, столпы престола“), какъ стали называть ихъ въ отличіе отъ „новыхъ“, начали стремиться въ деревню, „ухорониваться“ отъ службы. Ихъ забивали вездѣ новики (§ 157), которыхъ стали называть „промышленниками“, т.-е. людьми изобрѣтательными и свѣдущими. Эти Нащокины, Матвѣевы, Ртищевы, Лихачевы, Языковы, Лопухины, Аничковы и прочіе были попреимуществу финансистами, дипломатами да законниками. А тѣ столпы, что̀ продолжали бороться въ водоворотѣ Верха, увлекались пуще прежняго мѣстничествомъ (§ 163), которое становилось сущимъ донкихотствомъ. Тогда уже больше по привычкѣ справлялись, при высшихъ назначеніяхъ, съ разрядными книгами, чтобы всякій былъ „въ версту“ сосѣду, сверстникомъ его по родословному древу. Самые мѣстническіе счеты спутывались до того, что нерѣдко младшія вѣтви ставились выше старшихъ. А столповые ссорились, не слушаясь царя, даже когда у соперниковъ было очевидное первенство. Спорили не только родъ съ родомъ, но и члены одного и того же рода между собой. Мѣстничались

даже дьяки по своей службѣ въ приказахъ, которые считались одинъ выше другого. При Алексѣѣ было подано 127 челобитныхъ, по которымъ 12 мѣстниковъ были выданы головой соперникамъ, 46 заточены въ тюрьму, 14 биты батогами и кнутомъ, 3 подверглись денежной пенѣ. Въ концѣ 17-го в. было подано въ Разрядъ много „составныхъ" или „воровскихъ" (поддѣльныхъ) родословныхъ росписей и грамотъ. Отмѣна мѣстничества (§ 207) означала окончательное крушеніе боярства и родового быта. Правда, до Петра еще встрѣчаются назначенія въ бояре и окольничіе по породѣ, но какъ бы по привычкѣ: вообще же „жалованы бываютъ въ чести (чины) не по родамъ". Чинъ, должность совсѣмъ отрываются отъ „отечества" (§ 163); а въ „степеняхъ" Θедора (§ 207) обозначились, задолго до табели о рангахъ, и гражданскіе чины (предстатель надъ всѣми судіями града Москвы, намѣстники владимірскій, новгородскій и др.). Даже внѣшнія преимущества, оставленныя ради боярской спеси, были расписаны по „разрядамъ" или чинамъ. Пустымъ пережиткомъ древняго боярства осталась, „на память будущимъ родамъ", Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ,—тотъ же Государевъ Родословецъ (§ 162), съ небольшими измѣненіями: она разбита на 44 главы; фамиліи расписаны въ ней по 5 степенямъ.

Исторія поставила ясную задачу преобразователю: требовалось довершить крушеніе боярства и образовать правильную службу, какъ военную, такъ и гражданскую. Петръ достигъ этого своею *табелью о рангахъ* (§ 215), которую набросалъ онъ самъ, по иностраннымъ росписямъ, хотя мысль о ней принадлежала Лейбницу. Здѣсь удержало одно только старое начало, необходимое для самодержавія, — полное безправіе знати. Во всемъ остальномъ табель — новое явленіе, коренная реформа. Это—народное начало, свойственное всему духу царя-демократа (§ 221). Замѣняя породу заслугой, табель сравнивала всѣхъ и облагораживала „подлыхъ". Она окончательно превращала родовую знать въ служебную, раскрывая ея ряды для всего народа, за исключеніемъ однихъ крѣпостныхъ. Она создавала новый верхъ общества, въ видѣ *чиновничества*, обязаннаго правильною службою, на казенномъ жалованьѣ, которое прежде было лишь придаткомъ къ помѣстью. Здѣсь, какъ говоритъ Щербатовъ, „стали не роды почтены, а чины и выслуги": каждый получалъ значеніе и честь не по породѣ, а по высотѣ на лѣстницѣ 14-ти ранговъ. А рангъ означалъ дѣло, работу: онъ оп-

редѣлялся мѣстомъ, должностью, безъ которой не имѣлъ смысла. Здѣсь была почтена всякая служба государству: „статская“ выдвинулась наравнѣ съ военною. Петръ велѣлъ „не ставить въ укоризну“ службу въ канцеляріяхъ и коллегіяхъ; а въ табели военному „генералу“ соотвѣтствовалъ „дѣйствительный тайный совѣтникъ“ и т. д., причемъ, какъ, напр., генералъ „отъ кавалеріи“ былъ дѣйствительно кавалеристъ, такъ „тайный“ совѣтникъ дѣйствительно служилъ въ тайномъ совѣтѣ. Чинъ расторгалъ кастичность древней знати. На вопросъ сената, которое дворянство за знатное считать, Петръ отвѣчалъ: „по годности“. Мѣстничество замѣнилось чинопоклонствомъ: былъ положенъ штрафъ тому, кто, на церемоніяхъ, займетъ мѣсто выше рангомъ или уступитъ низшему чину.

Ненависть преобразователя къ „бородачамъ“ знати выразилась и во внѣшности. Новый служилый классъ получилъ общее названіе *шляхетства* или *дворянства*, хотя безъ всякаго указа: послѣ своей первой поѣздки за границу, Петръ просто сталъ попольски называть высшее общество „шляхетствомъ“, а вотчины и помѣстья — „маетностями“. Онъ совсѣмъ устранилъ изъ табели старые чины, хотя въ бумагахъ еще съ полвѣка мелькали названія „бояринъ, окольничій, стольникъ“ и др., такъ какъ столповые обижались кличкой „дворянинъ“: боярство вымерло окончательно ок. 1750 г., съ кончиной князя Ивана Трубецкого, оставивъ слѣдъ лишь въ словѣ „баринъ“. Самъ Петръ и его птенцы проходили службу по новымъ чинамъ, начиная съ сержанта и бомбардира. Сенатъ „сказывалъ“ всѣмъ новые чины, и исчезъ самый Разрядъ. Шляхетство было новымъ классомъ и по обличію: оно брило бороды, облеклось въ нѣмецкій кафтанъ и мундиръ. И господство въ немъ принадлежало самымъ зазорнымъ для бородачей новикамъ: правой рукой Петра былъ пирожникъ, надзирателями за вельможами — крѣпостные (прибыльщики и фискалы), птенцами—холопъ изъ евреевъ (Шафировъ), сынъ лютеранскаго кистера (Ягужинскій), португальскій матросъ (Девіеръ, первый генералъ-полицціймейстеръ) и т. под.

Петръ закрѣпостилъ дворянство на вѣчную службу государству въ полкахъ и канцеляріяхъ. Каждый недоросль, достигшій 15-лѣтняго возраста, начиналъ съ рядового и низшаго канцеляриста. Сверхъ того, дворянство наряжалось въ разныя коммиссіи (старыя „посылки“)—для ревизіи, для борьбы съ заразой и бунтами и т. под. Оно переселялось, по требованію

правительства: напримѣръ, для заселенія Петербурга. Не легка была и такая служба для дворянъ, какъ обязательное обученіе или принужденіе „кадетовъ“ заниматься торгомъ и промыслами (§§ 215, 221). А если они отлынивали, то князей и бояръ сѣкли, какъ мужиковъ, „снемъ рубашку“: одного воеводу били батогами нещадно за то, что у него усы и борода оказались невыбритыми. Но за это крѣпостничество слѣдовало вознаградить сословіе, которое помогало преобразователю управлять страной. Петръ даровалъ ему разныя преимущества. Рангъ давалъ даже женамъ и дочерямъ чиновниковъ отличный почетъ, который распространялся на нарядъ, экипажъ, число и ливреи слугъ. Оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ и VIII классъ (коллежскій ассесоръ)—по статской давали *потомственное* дворянство новикамъ. Уступка породѣ состояла только въ томъ, что тотъ, предки котораго за 100 л. были служилыми, считался потомственнымъ, хотя бы самъ онъ былъ рядовымъ: только онъ долженъ былъ отдавать честь и мѣсто оберъ-офицеру. А потомственные назывались, въ общежитіи, „столбовыми“; и они съ презрѣніемъ взирали на „личныхъ“ дворянъ. Петру пришлось сдѣлать и другія уступки боярской спеси: онъ учредилъ ордена Андрея Первозваннаго (1698), Екатерины (1714) и Александра Невскаго (1725), установилъ гербы и титулы, „дабы шляхетскія фамиліи не упадали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы“. „Для отправленія геральдическаго искусства“ была учреждена контора *герольдмейстера*, замѣнившая Разрядъ. Титулы, за особыя заслуги, были европейскіе. Прежде всего Петръ дозволилъ называться „графами“ нѣмецкой имперіи, по пожалованію изъ Вѣны. Затѣмъ явились свои „бояре-графы“ (Голицыны, Шереметевъ, Апраксинъ, Зотовъ и др.), бароны (Шафировъ, Строгановъ) и князья (Меншиковъ). Нѣкоторыя фамиліи сохранили свои породные титулы (§ 162); но онѣ могли величаться только „сіятельствомъ“, тогда какъ пожалованные князья пользовались „свѣтлостью“,— различія, взятыя также изъ Германіи (*Н. И.* § 104).

Наряду съ этою внѣшностью, появились и существенныя преимущества. Дворянство освобождалось отъ ревизій и подушной подати, даже получало особыя права на охоту въ своихъ владѣніяхъ. Земля сосредоточивалась въ его рукахъ: за особыя заслуги раздавались „населенныя имѣнія“ или „дворы“, потомъ „души“, особенно на Украйнѣ и въ завоеванныхъ краяхъ; у Меншикова въ одной Малороссіи было до 100.000 душъ. Но

Петръ ограничилъ право собственности у дворянъ введеніемъ майората (1714): онъ думалъ охранить свое шляхетство отъ обнищанія, сокративъ число вотчинниковъ, причемъ „кадеты" должны были выходить въ посадскіе и даже въ бѣлое духовенство. Наконецъ, Петръ замышлялъ связать дворянство съ провинціей, чтобы оно и тамъ помогало дѣлу управленія. Упраздняя губныхъ старостъ, онъ передавалъ ихъ дѣла помѣщикамъ: отсюда ландраты и коммиссары для сбора подушной подати.

Петръ создавалъ высшій классъ на новыхъ началахъ. Но дворянство, совсѣмъ отдѣлившись отъ народа, пошло по стопамъ древней знати. Въ немъ развивалось стремленіе къ кастичности, не безъ вліянія остзейскихъ бароновъ и польской шляхты. Мѣсто породной щекотливости заступила „честь"—сначала чиновничья, мундирная, потомъ сословная, дворянская. Возродилось и стремленіе къ верховной власти. Но, при попыткахъ ея ограниченія, въ дворянствѣ обнаружился такой же разладъ, какъ между боярами и служилыми (§ 163). Загорѣлась борьба между „родословными" и „подлородными", или между „верховниками" и собственно „шляхетствомъ". Послѣднее стало, наконецъ, за самодержавіе, чтобы „совсѣмъ не пропасть" отъ „десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій", какъ говорилъ Волынскій. Оттого „затѣйки" знати окончились бироновщиной, которая „искореняла" родословныхъ (§ 225) такъ же, какъ опричнина истребляла бояръ. Эта рознь продолжалась до конца періода. Знать гнушалась шляхетствомъ и замыкалась, усвоивъ даже чужой, французскій, языкъ. Сама стремясь въ гвардію, она предоставляла подлороднымъ гражданскую службу: она презирала „штафирокъ", какъ бояре презирали дьяковъ. Знать даже требовала, въ Большой коммиссіи (§ 235), „возвести ее на прежнюю степень могущества", ссылаясь на римлянъ и египтянъ, въ своей страсти къ прославленію предковъ. Это значило, что табель о рангахъ должна быть отмѣнена. Но ее отстояли подлородные, въ союзѣ съ военными. Они ненавидѣли родословныхъ, какъ своихъ соперниковъ. Они сталкивались съ ними, потому что не сливались съ народомъ, по деревнямъ, какъ джентльмены, а стремились въ города да ко двору, проживая достояніе предковъ, бѣднѣя и отъ раздѣловъ, такъ какъ майоратъ былъ отмѣненъ (1730), по ихъ же просьбѣ. Къ подлороднымъ примыкали совсѣмъ нищіе, но столь же спесивые личные дворяне, которые предпочитали раболѣпіе передъ потомственными столпами и передъ властью труду сельскаго хозяина и промышленника. Рознь

росла тѣмъ сильнѣе, что размножалось пожалованіе „подлыхъ“ дворянствомъ, а иные изъ шляхетства бѣднѣли до того, что сами пахали землю.

Въ одномъ только всѣ слои дворянства сливались, какъ цѣльное сословіе. Они унаслѣдовали отъ древняго боярства худшія черты—спесь и своекорыстіе, основою которымъ служило крѣпостничество. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше дворянинъ считалъ себя бариномъ, „бѣлою костью“, въ сравненіи съ „черные“. Онъ сталъ называть себя, даже въ бумагахъ, по западному образцу, „благородіемъ и высокоблагородіемъ“ (Wohlgeboren, Hochwohlgeboren), а народъ—„подлымъ“ или „канальей“ (*Н. И.* § 100). Государямъ, которые титуловались прежде „благородными“, пришлось переименоваться въ „благовѣрные“ (1721). Въ Большой Коммиссіи дворяне называли себя уже „главнымъ чиномъ имперіи, чѣмъ-то священнымъ“. Они шумѣли пуще всего объ „общихъ нуждахъ корпуса дворянства“, о „дворянскомъ видѣ въ житіи и поведеніи“, о мѣрахъ, чтобы дворянство „не уподлялось, не затмевалось“. Они доказывали устами Щербатова, что безъ нихъ и безъ крѣпостничества въ Россіи не можетъ быть „ни земледѣлія, ни мануфактуры, ни наукъ и художествъ“.

А между тѣмъ, дворянство, подобно боярамъ начала періода, отлынивало отъ службы, за которую Петръ I даровалъ ему права. Тотчасъ послѣ преобразователя, пользуясь „конфузіей“ наверху, „его благородіе“ превратился изъ служаки въ помѣщика. Онъ сталъ „прохлаждаться лежебокомъ“ въ своей деревнѣ; а въ Петербургѣ его домишки стояли недостроенные и обвалившіеся. При воцареніи Анны, онъ и официіально потребовалъ сокращенія срока службы. У себя дома онъ такъ злоупотреблялъ крѣпостнымъ правомъ, что отовсюду поступали жалобы: уже Петръ Великій отдавалъ тирановъ „подъ началъ“ для исправленія; отсюда вытекла опека, при Екатеринѣ II.

Но правительству трудно было бороться съ дурными помѣщиками. Ихъ защищали мѣстныя власти изъ помѣщиковъ же. Да и не легко было проникнуть въ дворянскія гнѣзда въ глуши: губернаторы „боялись знатныхъ людей“, которые подчасъ осаждали города, съ своими вооруженными шайками; при Екатеринѣ II одинъ изъ этихъ господъ перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь наѣхавшій къ нему земскій судъ. А на службѣ его

благородіе славился взятками и волокитой не хуже старыхъ приказныхъ.

Этому содѣйствовало отчасти само правительство: вслѣдствіе скудости казны, послѣ Петра I чиновникамъ дозволили, какъ въ Лифляндіи, пользоваться „акциденціями" или доходами отъ дѣлъ, отмѣненными лишь при Екатеринѣ II. Эта государыня говорила, возмущенная лихоимствомъ и казнокрадствомъ: „весьма наше дворянство пренебрегаетъ Божій законъ и государственныя правы: или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть?".

Дворянство не развивалось и умственно: оно отлынивало даже отъ скуднаго обученія. Его заявленія въ 1767 г. ниже и ýже, чѣмъ въ 1730-мъ. Въ Большой Коммисіи благородные только и знали, что боролись съ другими сословіями изъ-за привилегій всюду, отъ особыхъ училищъ для себя до особыхъ правъ въ торговлѣ и промышленности, попирая идеи Петра Великаго. Особенно стояли они за развитіе крѣпостничества, причемъ горячо требовали пытки для мужика, а для себя — освобожденія отъ нея.

Самодержавіе пользовалось недостатками дворянства. Оно извлекало изъ него свои выгоды, не давая ему политическаго значенія и постоянно показывая ему свою силу. При Аннѣ родословные не только искоренялись, но и были унижаемы: ея дворъ украшали шуты-князья и болтушки-княжны. Тогда же временщикомъ состоялъ нѣмецъ, конюхъ-герцогъ Биронъ...

А ряды дворянства пополнялись худородными, по „пожалованію" свыше. При этомъ поощрялась „дворянская спесь", такъ осмѣянная сатирическими журналами: она же доставляла и доходъ, такъ какъ начали брать пошлины за гербы, дипломы и ордена. Въ удовлетвореніе благородій изъ Большой Коммисіи, а также „вслѣдствіе всеобщаго стремленія въ дворянство и плутней", Екатерина II напечатала Родословецъ, подъ именемъ *Бархатной Книги*, гдѣ дворянство было разверстано по шести разрядамъ. Тогда же были опредѣлены 15 „неопровержимыхъ доказательствъ дворянства"; и самимъ дворянскимъ собраніямъ по губерніямъ предоставлено вести родословныя книги.

Павелъ издалъ *Гербовникъ* дворянскихъ родовъ, гдѣ они приравнены къ западнымъ феодаламъ и отчасти даже выводятся отъ нихъ. Здѣсь изображены всѣ наши гербы, причемъ инымъ изъ древняго княжья дано право рисовать корону и мантію.

Размножалось титулованное дворянство. Подлѣ породныхъ

князей изъ кабардинцевъ (Черкасскіе), ногайцевъ (Урусовы, Юсуповы), калмыковъ (Дондуковы), грузинъ (Орбеліяни, Эристовы), явились иностранные князья (больше фавориты Екатерины II), графы римской имперіи, графы саксонскіе и сардинскіе, маркизы французскіе, бароны австрійскіе, шведскіе, остзейскіе и др. Возникло не мало и собственныхъ графовъ, притомъ не только не изъ знати, но и не изъ дворянъ (Безбородко, Сиверсъ). При Павлѣ, въ 5 л. создано 17 графовъ и даже 1 графиня (Ливенъ).

Рядомъ распространялось „пожалованное“ дворянство, начиная съ Екатерины I (крестьяне Демидовы). Особенно много явилось такихъ дворянъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ II: лейбъ-компанцы (§ 228), кучеръ Возжинскій, 1 придворный пѣвчій, 1 бандуристъ, мальчикъ Оспенный, съ котораго брали оспу для Екатерины, и др.

Пожалованіе дворянствомъ стали соединять и съ орденами, которые также прибывали: Анны (1742), въ память Анны Петровны, Владиміра (1782), въ честь 20-лѣтняго коронованія Екатерины, Іоанна Іерусалимскаго, который былъ введенъ Павломъ, но отмѣненъ Александромъ I.

Наконецъ, ряды дворянства густѣли и „уподлялись“ со стороны инородцевъ и казачества. Екатерина II признала дворянами разныхъ татарскихъ князей и мурзъ, которые прежде платили подати. Она же превратила въ благородныхъ военные чины донцовъ, а также чиновниковъ, замѣнившихъ у нихъ выборныя власти. То же случилось съ уральцами и черноморцами при Павлѣ.

Но хуже всего было въ Малороссіи. Тамъ уцѣлѣла масса магнатовъ, и особенно шляхты. Правда, наше правительство не считало шляхты дворянами, хотя Петръ I и возстановилъ ея опору, литовскій статутъ, павшій во время казацкихъ войнъ (§ 203). Но она добивалась сліянія съ „малороссійскимъ дворянствомъ“, которое образовалось изъ украинской старши́ны, съ примѣсью дворянъ изъ Великой Россіи и пришельцевъ (Милорадовичи, Капнисты и др.). При образованіи малороссійской губерніи, Екатерина II сравняла шляхту съ дворянствомъ. Тутъ-то началось твореніе благородныхъ на Украйнѣ посредствомъ евреевъ: евреи кучами привозили изъ Польши дворянскія грамоты съ пробѣлами, куда депутаты дворянскихъ собраній вносили, за мзду, имена даже крестьянъ. Къ концу періода въ Малороссіи оказалась сотня тысячъ благородій.

Но рядомъ съ „уподленіемъ“ и размноженіемъ дворянства шло, съ Петра I, его облагороженіе посредствомъ правъ. Правительство постепенно втягивалось въ интересы ближайшаго къ нему сословія, ктому же служившаго ему не опасностью, а опорой... (§ 222).

Ихъ связывала и борьба съ народомъ, которая вызывалась крѣпостничествомъ: временщики и законодатели сами были главными помѣщиками; а при вотчинномъ взглядѣ на государство, правители чувствовали себя первыми дворянами. Обогащеніе дворянъ, а также освобожденіе ихъ отъ тяжкой лямки Петра I и отъ всеобщаго гнета чиновничества, особенно замѣчаются съ той самой Анны, при которой происходило искорененіе родословныхъ. При ея воцареніи произошло щедрое пожалованіе „населенныхъ имѣній“ за особыя заслуги, что̀ повторилось при воцареніяхъ Елизаветы и Екатерины II (§§ 228, 233).

Жаловались цѣлые города (Батуринъ, Венденъ). У Кирила Разумовскаго набралось 100.000 душъ, у Потемкина—76.000...

Васильчиковъ получилъ 7.000 душъ въ 22 мѣс., Панинъ—$8^1/_2$ тысячъ за воспитаніе Павла. Пресыщенные вельможи раздавали часть этихъ душъ своимъ подчиненнымъ. Не менѣе щедръ былъ Павелъ, котораго успѣли убѣдить, что крестьянамъ лучше у помѣщиковъ, чѣмъ на свободѣ. Души дарились даже женщинамъ: статсъ-дама Ливенъ получила 1.500. Екатерина II и Павелъ иногда предоставляли счастливцамъ самимъ выбирать себѣ имѣнія, гдѣ угодно. Если, при опалѣ, безъ разговоровъ отбирались пожалованныя деревни, зато ихъ отдавали другимъ избранникамъ.

Въ то же время, при Аннѣ, помѣстья окончательно превратились въ вотчины: исчезли такіе приказы, какъ Помѣстный. Землевладѣніе, подъ именемъ „недвижимаго имущества“, стало исключительнымъ правомъ благородныхъ; и они особенно дорожили этимъ „изящнѣйшимъ благодѣяніемъ“. А такъ какъ дворяне проматывали это благодѣяніе, то правительство старалось унять ихъ, какъ дѣтей, для ихъ же пользы: съ Екатерины II имѣнія расточителей стали брать „въ опеку“. Такіе случаи все учащались (Салтыковы, Шуваловы, Куракины, Разумовскіе, Нарышкины и др.). А при Елизаветѣ возникъ заемный банкъ съ малымъ процентомъ (§ 230), съ цѣлью помочь дворянству, „стенающему подъ бременемъ долговъ“.

Правительство старалось также поднять умственный уровень благородныхъ, выдѣляя ихъ и внутренно отъ народа, отъ котораго оно отличало ихъ внѣшними знаками. Опять при Аннѣ было много сдѣлано для привилегированнаго обученія дворянъ (§ 227). При Елизаветѣ высшее образованіе прямо связали съ чиномъ: стали отпускать недорослей изъ полковъ въ московскій университетъ, не прекращая ихъ служебнаго производства. Екатерина II не только развивала учебную привилегію дворянъ, но распространила ее и на ихъ дочерей (§ 241). Правительство покровительствовало и общественнымъ учрежденіямъ, выдѣлявшимъ бѣлую кость отъ черной. Съ Елизаветы начинаются „благородныя дворянскія собранія“ и англійскіе клубы, тогда какъ въ ассамблеяхъ Петра I, наряду съ шляхетствомъ, участвовали приказные, купцы, мастеровые. Появлялись даже монастыри для „благородныхъ“ монахинь.

Важнѣе всего было узаконеніе отлыниванія дворянъ отъ службы, при увеличеніи ихъ правъ. Здѣсь образцовая строгость Петра Великаго постепенно слабѣла. При Аннѣ уже явился, хотя временно, срокъ службы—25 л.; а при Елизаветѣ стали записывать въ полки двухлѣтокъ, съ производствомъ ихъ въ чины. Съ Петра III начинается совсѣмъ дворянская эпоха въ Россіи. Благородные чуть не молились, подобно скопцамъ, на творца „вольности дворянства“, при которомъ они стали по закону „россійскимъ благороднымъ дворянствомъ, яко главный въ государствѣ чинъ“. По словамъ Болотова, они „всѣ вспрыгались почти отъ радости“, когда появился (1762) манифестъ, освобождавшій ихъ отъ государственнаго закрѣпощенія (§ 232). Такъ какъ тогда уже образовался цѣлый классъ чиновничества, а въ военную службу шли охотно, благодаря корпусамъ, дававшимъ офицерскій чинъ, то благородные получили полную свободу: хочешь—вовсе не служи, хочешь—живи за границей, воспитывай тамъ дѣтей и добывай дипломы, которые наша герольдія признавала, какъ русскіе. Снимая всѣ обязанности передъ народомъ, благодѣтельный манифестъ оставлялъ за дворянами всѣ ихъ привилегіи, съ крѣпостничествомъ во главѣ.

Екатерина II, во всемъ истреблявшая ненавистную память мужа (§ 235), только въ дворянскомъ вопросѣ пошла по его стопамъ. Благородные поставлены высоко, по западному образцу, уже въ Наказѣ, гдѣ статьи о дворянствѣ почти цѣликомъ выписаны изъ Монтескье. Немудрено, что въ Большой коммиссіи они выступили съ чрезмѣрными требованіями, хотя крайне

своекорыстными и лишенными политическаго значенія. Законодательницѣ пришлось даже унимать спесь родословныхъ: она отстояла созданный Петромъ I перевѣсъ чина надъ породой. Фамильные были выдѣлены въ Бархатной Книгѣ, но поставлены въ VI-й разрядъ; а остзейскихъ бароновъ, которые хлопотали о сохраненіи своихъ „привилегій", Екатерина старалась подвести подъ русское дворянство. Но въ общемъ, дворянство одолѣло въ Коммиссіи, обладая болѣе чѣмъ третью голосовъ. Его главныя требованія запали въ душу женщины, которая подконецъ хвасталась тѣмъ, что она—„самая аристократическая императрица въ Европѣ". Они легли въ основаніе *Жалованной грамоты* (§ 241), причемъ дѣйствовали и совѣты Сиверса, указывавшаго на остзейскіе порядки. Эта грамота довершила дѣло Петра III. Она подтвердила освобожденіе благородныхъ отъ службы и даже отъ обученія, тѣмъ болѣе, что уже было достаточно служакъ: даже начиналось увеличеніе должностей; при Елизаветѣ появились при дворѣ „камергеръ" и „камеръ-юнкеръ, дававшіе IV и V классъ. А кто желалъ служить, тотъ пользовался привилегіями. Сокращались сроки для чиновъ, что̀ имѣло тѣмъ болѣе значенія, что, вопреки замыслу Петра I, чины стали доставлять не однѣ почести, но и право на должности. Поступая на службу, дворянинъ сразу получалъ офицерскій чинъ. А если недоросль попадалъ въ рекруты, онъ лишался своей фамиліи, чтобы не уподлялась бѣлая кость: Семенъ Петровичъ Боборыкинъ превращался въ Семена Петрова. Отсюда такая куча Петровыхъ, Ивановыхъ и т. д., что въ военной коллегіи произошли серьезныя затрудненія.

Жалованная грамота пошла дальше. Она превращала высшее сословіе изъ государской службы въ цѣльное сословіе, и съ „личными правами и преимуществами". Благородные стали дѣйствительно „корпусомъ дворянства" или „дворянскимъ обществомъ". „Его благородіе" сдѣлался неприкосновенною особой, которой низшіе классы должны были оказывать почтеніе. Его нельзя было наказывать тѣлесно, если даже онъ служилъ рядовымъ; у него нельзя было отнимать имущества по произволу; лишить дворянства можно было уже только „по суду своими равными" (только „равными" осталось мертвою буквой, также какъ другая западная затѣя—майоратъ). Грамота упрочила за нимъ „изящнѣйшее благодѣяніе" и усилила его помѣщичью власть, какъ царька въ своемъ углу. Наконецъ, она пошла даже дальше требованій дворянъ въ Большой коммиссіи. Они

имѣли въ виду только собственныя дѣла: Екатерина вручила имъ государственные интересы въ провинціи, куда устремились они „лежебочничать“, пользуясь манифестомъ 1762 г. Дворяне обязывались „наряжать“ или „ставить“ чиновниковъ въ новыя присутственныя мѣста (§ 246), что̀ направляло ихъ въ гражданскую службу: они были даже подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ; и ихъ военная роль вспоминалась только при земскихъ ополченіяхъ.

Такъ, благородные стали чиновниками: имъ даже присвоили особые мундиры, разные по губерніямъ, отчасти въ видахъ противодѣйствія роскоши. Но заправленіе судомъ и полиціей въ губерніяхъ могло создать изъ дворянъ политическую силу, если бы они съумѣли слиться съ мѣстными интересами: внося сюда выборное начало, правительство словно само старалось создать русскую джентри (*С. И.* § 161). Но благородные попрежнему занимались прожиганіемъ жизни и сварами, а отъ новой службы старались отлынивать, какъ нѣтчики древней Руси (§ 160). Знать предпочитала должности губернаторовъ и дивизіонныхъ генераловъ обязанностямъ предводителей дворянства. Гнушаясь подлородными и деревенскою глушью, она потянулась за границу да въ Москву, гдѣ, подобно своимъ предкамъ, боярамъ, ворчала на Екатерину за демократизмъ Жалованной Грамоты. А губерніи предоставлялись рядовому дворянству, которое мельчало еще болѣе и изъ лѣни уклонялось отъ управленія. Дворянскіе выборы очутились въ рукахъ несвязанныхъ съ мѣстностью пришельцевъ — отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ, которые переженились на помѣщичьихъ дочкахъ и взяли въ приданое цензъ или же купили за грошъ деревни у прокутившихся лежебоковъ. Послѣднимъ не помогали никакія попеченія правительства: банкъ Елизаветы только расплодилъ неисправныхъ должниковъ; то же произошло съ вспомогательнымъ банкомъ для дворянства, устроеннымъ Екатериною II, всѣ приказы которой или благотворительныя учрежденія превращались въ кредитныя заведенія для благородныхъ, наравнѣ съ опекунскимъ совѣтомъ Воспитательнаго дома. А губернаторы и прокуроры тѣснили дворянскія собранія, пользуясь такимъ равнодушіемъ высшаго сословія къ собственнымъ правамъ и выгодамъ. И легко было любому распоряженію сверху низвергнуть возвышенное „его благородіе“ въ прежнее ничтожество. Такъ, уже Павелъ началъ опаляться на него. Даруя ему одною рукой право на рыцарскіе гербы, другою онъ снова подвергъ его

тѣлесному наказанію и установилъ налогъ съ него, котораго онъ не платилъ съ введенія подворной подати (§ 158). А главное, онъ возстановилъ обязательную службу для „тунеядцевъ". И такъ какъ военщина была при немъ крайне строга, то явился наплывъ дворянъ въ гражданскую службу, а съ нимъ и новый видъ отлыниванія—разныя синекуры, одно численіе по службѣ. Хорошо было только остзейскимъ баронамъ, привилегіи которыхъ были возстановлены Павломъ.

§ 250. **Крестьяне.**—Значеніе дворянъ, какъ и служилыхъ древней Руси, основывалось на крѣпостничествѣ. Поэтому положеніе крестьянъ все ухудшалось, тѣмъ болѣе, что на нихъ лежала главная тяжесть войнъ и финансовой неурядицы. Уже въ началѣ періода переводились вольные половники, уцѣлѣвшіе на окраинахъ (§ 166): они встрѣчаются въ поморской глуши и при Петрѣ I, но ихъ уже притянули къ суровому тяглу. Росло число затяглыхъ. Особенно развивалось закладничество, которое хотя и было однимъ изъ видовъ холопства, но избавляло мужика отъ непосильныхъ даней: даже при Петрѣ I жить за кѣмъ-нибудь за долги значило быть „въ защитѣ". Но Уложеніе закрыло крестьянину и этотъ выходъ изъ бѣды, чтобы не лишиться послѣднихъ тяглецовъ. Въ черныхъ селахъ попрежнему расправлялись воеводы не лучше помѣщиковъ,—и имъ помогали подъячіе да земскіе старосты: всѣ эти власти сильно увеличивали бремя всякихъ налоговъ и солдатскихъ наборовъ. Мужику не было житья и отъ своего брата, разбогатѣвшаго тяглеца. Уѣздные крестьяне, тянувшіе вмѣстѣ съ городами, жаловались: „мы во всемъ порабощены у посадскихъ, которые тѣснятъ насъ, вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ своихъ, подати съ себя сметаютъ на насъ, только насъ берутъ въ солдаты; и мы отъ нихъ оскудѣли и обнищали, послѣднія деревнишки имъ иззакладовали". Еще жаловались, что „много кружечныхъ дворовъ, гдѣ многіе крестьяне пропиваются" и становятся разбойниками. А пришлютъ стрѣльцовъ для охраны—и они сами дерутъ съ мужика, что̀ твои разбойники. По захолустьямъ было еще хуже. Въ Сибири правительство даже принуждало крестьянъ выдавать своихъ дочерей за ссыльныхъ. Тамъ всякій проходимецъ угнеталъ мужика, показавши клочекъ бумаги подъ видомъ указа. Въ то же время всюду продолжалось паденіе сельской общины (§ 165): тутъ къ прежнимъ причинамъ присоединились передѣлы, которые все усиливались съ размноженіемъ людей и съ сокращеніемъ свѣжинъ. Даже въ Сибири

возникло душевое землевладѣніе съ передѣлами, нарушавшее первобытныя основы общины.

Крѣпостничество уже въ началѣ періода приняло установленный видъ: прежде оно шло изъ жизни, отъ помѣщиковъ (§ 166), теперь развивалось законодательнымъ путемъ. Правительство возложило на служилыхъ не только военную повинность, но и отвѣтственность за казенные сборы: Уложеніе требовало „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ". Оттого власть должна была закрѣпить подчиненіе массы привилегированному классу. Уже въ 1646 г., по челобитью служилыхъ, крестьяне объявлялись „крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ", и не только домохозяева, но „и ихъ дѣти, и братья, и племянники". Такъ была отмѣнена давность для сыска бѣглыхъ и вводилась *потомственность* крѣпостничества. Въ Уложеніи видимъ всѣ условія самаго строгаго крѣпостничества. Помѣщикъ могъ продавать крестьянъ семьями и въ розницу или переводить ихъ въ дворовые холопы. А крестьянинъ лишался даже права собственности: долги помѣщика уплачивались мужиками, а имъ было запрещено дѣлать долги (давать кабалу на себя) или имѣть дворы и лавки въ городѣ. Крестьянинъ устранялся изъ суда. Ему воспрещались всякія жалобы на господъ, кромѣ доносовъ по „слову и дѣлу".

Послѣ Уложенія, рядъ царскихъ указовъ и думскихъ приговоровъ пополнялъ и разъяснялъ его статьи о крѣпости; а съ 1670 г. начинаютъ смѣшивать крѣпостныхъ съ холопами. Немудрено, что уже при Алексѣѣ каждый крѣпостной доставлялъ господину до 4 р. годоваго дохода: онъ работалъ на него 5 дней въ недѣлю; лишь въ концѣ 17-го в. начались указы о запрещеніи работать по праздникамъ, да и тѣ не исполнялись. У бояръ и даже служилыхъ размножилась дворня, которую уже стали одѣвать въ ливреи: ѣдетъ господинъ, говоритъ Котошихинъ, а передъ нимъ бѣгутъ 50 слугъ. Съ Ѳедора узаконяется и продажа крестьянъ безъ земли, какъ холоповъ. Такъ, крѣпостной превращался въ холопа (§ 166), когда холопъ лишался своихъ послѣднихъ выгодъ. Если Уложеніе все еще различало ихъ, и холопы вѣдались Холопскимъ, а крѣпостные—Помѣстнымъ приказомъ, то только для того, чтобы правительство не теряло тяглецовъ, такъ какъ крестьяне переходили въ холопство, чтобы не платить податей: оно запрещало помѣщикамъ брать кабалы на своихъ крѣпостныхъ. Но съ конца 17-го в. у холоповъ отни-

маютъ даже имущественныя права, дѣлаютъ ихъ наслѣдственными и берутъ съ нихъ тягло.

Положеніе закрѣпощеннаго народа становилось невыносимо передъ Петромъ. Помѣщики почувствовали себя царьками въ своихъ деревняхъ. Они подражали московскимъ порядкамъ въ расправѣ съ мужикомъ: употребляли батоги, кнутъ, кандалы; прибѣгали къ тюрьмамъ и ссылкѣ. Они говорили, какъ въ указахъ: „бить нещадно, чтобы другимъ было неповадно“. А гдѣ не было самого помѣщика, тамъ еще хуже тиранствовалъ его управляющій, спѣшившій нажиться; а зарвется онъ, его только переводятъ въ другую деревню. По словамъ Посошкова, „крестьянское житіе скудостно отъ помѣщичьяго насилія“. У такихъ лучшихъ людей, какъ Ртищевъ, уже замѣчались первые проблески мысли о необходимости отмѣнить крѣпостничество (§ 206); и въ Уложеніи было положено наказаніе помѣщикамъ за убійство и увѣчье крѣпостныхъ. Несчастные уже закидывали правительство челобитными „о свободѣ“ и убивали своихъ тирановъ, жгли ихъ добро. Тамъ и сямъ вспыхивали бунты, по поводу такихъ слуховъ: „нынѣ на Москвѣ время—отъ крестьянства васъ отставятъ“. А дѣло Разина было первымъ на Руси движеніемъ, похожимъ на общественный переворотъ (§ 202). Но главнымъ проявленіемъ жалобъ народа оставалось старое средство — бѣжать вонъ изъ Руси, разбрестись розно. Попрежнему съ сѣверо-востока бѣжали за Камень, а на югѣ—въ казаки. Оттого въ Уложеніи бѣгство стало государственнымъ преступленіемъ: здѣсь цѣлая глава, съ 34 статьями, перечисляющая жестокія наказанія за него и за его укрывательство. Воеводы выставляли крѣпкія заставы, чтобы не пускать народъ за Камень. Особые сыщики ѣздили по городамъ съ отрядами: они вѣшали и пытали убійцъ своихъ помѣщиковъ, остальныхъ бѣглецовъ били кнутомъ и батогами, даже метали въ тюрьму ихъ семьи. Сами помѣщики часто занимались погоней за пашеннымъ мужикомъ: воеводамъ даже дозволялось отпускать служилыхъ во время войны, въ случаѣ „людскаго побѣга“.

То же продолжалось при Петрѣ. Дворянинъ не могъ жить безъ крестьянъ: ему давали ничтожное жалованье, да и то иногда несполна. У него возникло правило: „не давай мужику обрости, но стриги его, какъ овцу, до гола“. Петръ I, самъ простой работникъ, жалѣлъ мужика. Онъ велѣлъ „пресѣчь продажу крестьянъ врозь, какъ скотовъ, а ежели невозможно, то хоть продавать цѣлыми семьями“. Онъ не лишалъ мужика обученія

(§ 221) и защищалъ его отъ тирановъ: отнималъ помѣстья у „безпутныхъ разорителей, которые налагаютъ на крестьянъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучатъ“. Онъ наказывалъ помѣщикъ за „неистовства“: одного сослалъ въ Сибирь за засѣченіе крестьянина. Онъ даже запрещалъ торговать скобами и гвоздями, нужными для мужицкихъ сапогъ. Но Петръ, наравнѣ съ крестьяниномъ Посошковымъ, видѣлъ, что безъ крѣпостничества еще нельзя было обойтись. И оно развивалось при немъ. Число крѣпостныхъ дошло, передъ его смертью, до 5 милліоновъ, т.-е. обнимало почти всѣхъ крестьянъ (§ 244). Возникли новые и такіе тяжкіе виды рабства, какъ заводскіе крестьяне. Крѣпостными владѣли даже однодворцы,—классъ, въ который вошли многія дѣти боярскія, но который, съ введеніемъ подушной подати, самъ вошелъ въ составъ государственныхъ крестьянъ и пахалъ землю, подобно польской шляхтѣ. Власть помѣщика усилилась уже тѣмъ, что онъ отвѣчалъ за сборъ подушной подати. Господа стали сдавать негодныхъ крестьянъ въ солдаты и получать рекрутскія квитанціи, которыя предъявлялись при наборѣ. Крестьянство лишалось послѣднихъ правъ, а также земли. Оно сливалось съ холопствомъ при ревизіяхъ, а также въ силу смѣшенія помѣстій съ вотчинами; и все чаще крѣпостные продавались безъ земли. Усиливались жестокія мѣры противъ бѣгства, такъ какъ крестьяне массами разбѣгались и отъ господъ, и изъ арміи, съ верфей, съ построекъ: даже въ Литвѣ жили сотнями тысячъ. Ставили войска по границамъ, чтобы сдерживать напоръ бѣглецовъ; казнили даже укрывателей. Но ничто не помогало — и Петръ сдѣлалъ побѣгъ невыгоднымъ: отдѣливъ тягло отъ земли, онъ бралъ его съ души всюду, и на новыхъ мѣстахъ.

Послѣ преобразователя положеніе крестьянъ ухудшалось, потому что ихъ трудъ все еще былъ почти единственнымъ капиталомъ въ странѣ, не развитой экономически: „крестьяне питаютъ всѣ сословія; сіе есть ихъ жребій“, говорила Екатерина II. Такъ какъ они одни содержали все правительство и весь высшій слой общества, то за ними числились огромныя недоимки, безпощадное взысканіе которыхъ иногда доводило ихъ до разоренія и отчаянія (§ 226). Наиболѣе горька была участь крѣпостныхъ, въ особенности фабричныхъ, среди которыхъ возникали даже стачки. Только разъ законодательство какъ будто хотѣло остановить развитіе этого зла: въ межевой инструкціи Елизаветы была заявлена мысль, чтобы только по-

томственные дворяне владѣли крестьянами и даже землями. Но она осталась на бумагѣ: до конца періода всѣ имѣли крѣпостныхъ, на имя дворянъ, даже иностранцы, купцы, мастеровые и рядовые солдаты. Въ 1762 г. можно было ожидать чего-нибудь новаго, такъ какъ съ отмѣной обязательной службы дворянъ крѣпостничество теряло смыслъ. Но оно уцѣлѣло, ставши частнымъ учрежденіемъ, наградой за праздность.

Манифестъ Петра III вызвалъ только, въ силу естественной справедливости, освободительную мысль, но и то у весьма немногихъ: крѣпостниками были Державинъ, Дашкова, Сумароковъ, говорившій, что „крестьянская свобода — пагуба, а почему—того толковать не надлежитъ“. На престолѣ слѣды новой мысли встрѣчаются только у Екатерины II, въ ея молодости (§§ 233—235). Эта государыня, которая всегда жалѣла крѣпостныхъ и наказывала такихъ кровопійцъ, какъ Салтычиха (§ 238), сначала даже думала о постепенномъ освобожденіи рабовъ. Ее возмущало признаніе человѣка „скотомъ“. Она говорила, что нужно ослабить „человѣколюбивыми учрежденіями несносное и жестокое иго: иначе и противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно“. Она желала, чтобы „и другіе оглянулися въ своихъ предубѣжденіяхъ“. Когда Сумароковъ сказалъ, въ замѣчаніяхъ на Наказъ, что нельзя отмѣнить крѣпостничество „безъ отъятія помѣщичьяго покоя“, ибо „нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ“, Екатерина написала: „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“. Передъ открытіемъ Большой коммиссіи, она, съ меньшинствомъ, отстаивала печатаніе награжденнаго Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ сочиненія объ отмѣнѣ крѣпостничества. И въ Наказѣ уцѣлѣли такія строки: „Не приводить людей въ неволю безъ крайней необходимости, для государственной пользы. Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“. Но рядомъ: „Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. Въ самой коммиссіи, по желанію императрицы, молодой офицеръ Коробьинъ краснорѣчиво защищалъ „земледѣльцевъ“, какъ „душу общества“.

Но дворяне ополчились, какъ одинъ человѣкъ, за „узаконенную издревле власть надъ крестьянами“. Они видѣли „разрушеніе основъ отечества“ въ одномъ „уменьшеніи“ этой власти, понося при этомъ нравы крестьянъ и восхваляя свои добродѣтели. Въ коммиссіи даже купцы и заводчики, казаки и

церковники требовали себѣ крѣпостныхъ. И тотчасъ послѣ нея, когда крѣпостные закидали Екатерину прошеніями на Волгѣ, она запретила подобныя заявленія. Даже въ лучшую пору ея царствованія ничего не было сдѣлано для крѣпостныхъ, а затѣмъ ихъ положеніе все ухудшалось (§ 241). Пошло небывалое „дареніе" крестьянъ (§ 249): большая часть нашихъ помѣщиковъ была создана тогда, словно „вольность дворянства" въ этомъ и состояла...

Въ Малороссіи и на Дону возникло крѣпостничество, что тотчасъ повело къ паденію сельской общины и здѣсь: есаулы-дворяне стали превращать войсковыя земли въ свои вотчины, дѣлясь ими съ наѣзжими чиновниками.

Вездѣ господа пріобрѣли, относительно крестьянъ, полныя государственныя права: не было только висѣлицъ, какъ въ Польшѣ.

Помѣщикъ могъ ссылать на каторгу. При этомъ прежде имѣлось въ виду заселеніе Сибири: господа получали денежное вознагражденіе или рекрутскія квитанціи. Екатерина же разрѣшила ссылать въ наказаніе, и на какое угодно время. Помѣщикъ могъ также посадить мужика въ тюрьму, отдать его въ смирительный или рабочій домъ, въ арестантскія роты. Нечего и говорить о рекрутчинѣ: баринъ отдавалъ теперь уже любого мужика въ солдаты и торговалъ рекрутскими квитанціями. При этомъ онъ бралъ хорошій откупъ съ зажиточныхъ крестьянъ. Помѣщику дозволялась даже пытка; а драть своего „человѣка" онъ могъ сколько угодно арапникомъ, ботогами, палками, кошками, не говоря про господскій кулакъ и „успядки". За убійство крестьянина сначала вовсе не наказывали господина: только съ Елизаветы начали взыскивать слегка; но часто судъ „предавалъ дѣло волѣ Божіей". Помѣщикъ могъ всякаго своего мужика сдѣлать дворовымъ —и бывало до 500 человѣкъ дворни: при Екатеринѣ II явились даже вооруженные „гусары" и „казачки", схожіе, по ливреямъ, съ войскомъ. Пашеннымъ мужикамъ баринъ давалъ какую ему угодно землю и мѣнялъ ее по произволу; нето ссылалъ ихъ самихъ въ другія свои деревни или даже отдавалъ ихъ внаймы. Поборы не были опредѣлены: Панинъ тщетно совѣтовалъ Екатеринѣ издать „секретное" предписаніе для обозначенія оброка и барщины. Даже послѣ указа Павла (§ 243) работали всѣ дни, нерѣдко и ночи, не исключая праздниковъ; а оброки брали по 5—10 р. съ души, когда заработная плата равнялась 2—6 коп. въ день. Поборы возрастали съ развитіемъ роскоши. Русскіе и иностранные наблю-

датели замѣчали, при Екатеринѣ II, что „не найти болѣе бѣдныхъ людей, чѣмъ мужики; въ нихъ отъ бѣдности едва виденъ образъ человѣческій". И этихъ-то нищихъ моты постоянно перепродавали. Торговля „душами", особенно бойкая передъ наборами, процвѣтала при Екатеринѣ II. Тогда газеты были испещрены объявленіями о продажѣ „по нуждѣ", на выборъ, „семьями и порознь", а чаще всего—„молодыхъ дѣвокъ, собою видныхъ", иногда—„по сходной цѣнѣ". Крестьянъ выгоняли на ярмарки, вмѣстѣ со скотомъ; нето продавали на свозъ цѣлое населеніе деревни. Помѣщики играли въ азартныя игры „на людей", платили ими врачамъ; даже взятки давались „душками" на свозъ. Болѣе изобрѣтательные обучали своихъ крестьянъ музыкѣ, иногда въ вѣнской консерваторіи, и хорошо торговали ими, или же составляли изъ нихъ цѣлые хоры, оркестры и труппы, которые отдавались внаймы.

Крестьяне прибѣгали къ старымъ средствамъ самозащиты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II объявила всякую жалобу на помѣщиковъ противозаконіемъ, заслуживающимъ кнута. Встрѣчались самоубійцы—официально „скоропостижно умершіе". Но больше бѣгали и бунтовали. Въ газетахъ часто попадались объявленія о „вознагражденіи" за поимку бѣглыхъ. Но ихъ не легко было сыскать: ихъ главнымъ притономъ стали далекія окраины—Новороссія да Бессарабія. Бунтовъ было множество, особенно при воцареніяхъ Петра III и Екатерины II, когда пошли слухи о волѣ. Они сосредоточивались въ средѣ заводскихъ и монастырскихъ крестьянъ: у Демидовыхъ возставали цѣлыя волости. Нерѣдко крѣпостные приставали къ разбойникамъ и истязали и избивали своихъ господъ, ихъ прикащиковъ и управителей, что̀ способствовало стремленію помѣщиковъ въ города. Наконецъ, возродился Стенька въ болѣе страшномъ видѣ Емельки. Державинъ назвалъ пугачевщину „прекровожаждущимъ на благородныхъ рыскомъ", другіе современники—„истребленіемъ дворянства", превращеніемъ Россіи „въ мужицкое царство". Затѣмъ крестьяне притихли до смерти Екатерины. Но съ воцареніемъ Павла усилились слухи о томъ, что не будетъ больше „крѣпости", а будетъ все „государщина", да только помѣщики-де противятся волѣ царя. И бунты вспыхнули разомъ въ 15 губерніяхъ, причемъ сельское духовенство шло заодно съ крестьнами.

§ 251. **Горожане. Иностранцы.**—Не легко жилось и горожанамъ, особенно въ началѣ періода. Тогда ихъ положеніе даже

ухудшилось противъ прежняго (§ 167). Торговля и промыслы все еще были въ застоѣ, частью по бѣдности посадскихъ, частью по ихъ невѣжеству: напримѣръ, все искали руду, но ничего не выходило, пока не взялись за дѣло иностранцы. А иностранцы (§ 168), наплывъ которыхъ быстро увеличивался, отбивали лучшія предпріятія, пользуясь покровительствомъ правительства, въ особенности же безпошлинною торговлей: наши, съ своими „промыслишками", все еще не могли стянуть съ ними. Они подали на соборѣ 1648 г. „сказку" о продерзостяхъ иностранныхъ гостей и требовали не пускать ихъ дальше Архангельска; и англичанамъ запретили торгъ внутри государства.

Понятно, что посадскіе не покидали земледѣлія. А обременявшее ихъ тягло все росло отъ увеличенія государственныхъ нуждъ. Не говоря уже о прямыхъ податяхъ и косвенныхъ сборахъ при множествѣ внутреннихъ таможенъ, мучителенъ былъ чрезвычайный, но почти постоянный налогъ на жалованье ратнымъ, помимо снабженія ихъ мукой, крупой, сухарями, лошадьми, подводами: нерѣдко взимали даже пятую деньгу. Зажиточныхъ изъ посадскихъ разоряла служба въ „вѣрныхъ" или присяжныхъ по всякимъ казеннымъ сборамъ—судебнымъ, таможеннымъ, мостовымъ, баннымъ и др., а также при полицейскихъ сыскахъ. Особенно тяжело было головамъ и цѣловальникамъ на кружечныхъ дворахъ: не взнесутъ они окладной суммы—съ нихъ „доправляютъ" правежомъ. „Вѣрнымъ" приходилось задабривать воеводъ на мѣстѣ и приказныхъ пріемщиковъ—въ Москвѣ. Посадскіе служили и земскими старостами, т.-е. завѣдовали кормленіемъ воеводъ и приказныхъ, со всею ихъ родней и служней. Вѣрные старались возмѣстить на низшихъ убытки и побои, получаемые свыше, и, за взятки, потакали толстосумамъ, „мужикамъ-горланамъ". Въ Москвѣ часто получались жалобы на старостъ и „луччихъ" людей со стороны „бѣдныхъ людишекъ, загнетенныхъ посадскихъ среднихъ и молодчихъ". Но еще хуже стало, когда совсѣмъ пало и это жалкое выборное самоправленіе, когда, по Уложенію, судъ вполнѣ перешелъ къ воеводамъ (§ 246). Сверхъ того, посадскихъ угнеталъ, кто хотѣлъ: они много терпѣли и отъ разбойниковъ, и отъ буйства пьяныхъ солдатъ.

Немудрено, что въ богатѣйшихъ городахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, расходы превышали доходъ. Посадскіе, подобно крестьянамъ, избывали непосильнаго тягла бѣгствомъ и закладничествомъ. А въ главныхъ городахъ съ самаго начала вспыхнули бунты (§ 202). Но они привели только къ худшему, такъ какъ

были одиночными, безпорядочными явленіями, причемъ „лучшіе“ стали за власть. Уложеніе наложило на посадскихъ настоящую крѣпость. Всѣ, даже „гости“ (§ 167) потянули государственное тягло: всѣ были прикрѣплены къ мѣстамъ, гдѣ были записаны въ него. Вольный, женившійся на посадской вдовѣ или дѣвицѣ, становился крѣпкимъ тяглу, если переходилъ въ домъ жены. Посадскому закрыли выходъ изъ тягла: его не брали даже ни въ ратники, ни въ подъячіе. Онъ могъ только „кормиться площаднымъ письмомъ“, въ писчей избушкѣ на площади; и были цѣлыя артели „площадныхъ подъячихъ“, съ своими старостами. Но этотъ частный промыселъ не избавлялъ отъ тягла. Тогда же было запрещено закладничество, подъ страхомъ кнута и ссылки на Лену, причемъ земли, гдѣ жили эти избывавшіе тягла люди отбирались въ казну; и закладники чуть не подняли бунта изъ-за этого освобожденія ихъ отъ частной зависимости. Закрѣпляя посадскихъ, Уложеніе впервые давало имъ правильный строй. Они одни должны были заниматься торговлей и промыслами; только изъ ихъ дворовъ должны были состоять посады. Называя посадскихъ „людьми торговыми, а не пашенными“, Уложеніе провело ясную грань между городомъ и уѣздомъ, что̀ было сдѣлано на Западѣ уже въ 11—13 вв. (§§ 33, 72). Здѣсь было положено начало сословіямъ мѣщанъ и крестьянъ, а также—борьбѣ между ними.

Оставалось возвышать новое, среднее сословіе дарованіемъ правъ, которое одно только могло улучшить и ихъ благосостояніе. Эта реформа возникла тогда же, въ лицѣ Нащокина (§ 206). Будучи воеводой въ Псковѣ, этотъ наперсникъ Алексѣя положилъ основы муниципальнаго строя на Руси (1666): онъ передалъ гражданскія дѣла *выборнымъ* изъ посадскихъ. Замѣтивъ, что „во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлинъ учинены“, онъ разрѣшилъ псковичамъ торговать съ иностранцами безпошлинно, въ извѣстные дни, а богачей заставилъ давать ссуды бѣднымъ посадскимъ. Богачи и служилые возстали—и дѣло Нащокина исчезло съ его отъѣздомъ въ Москву. Но бояринъ-преобразователь преслѣдовалъ свою мысль и тамъ. Онъ издалъ *торговый уставъ*, который замѣнялъ стѣснительные мелкіе сборы (мыты, подужное, свальное, повороты, складки и др.) рублевою пошлиной, а также облегчалъ бѣдняковъ. Наконецъ, онъ устроилъ *приказъ купецкихъ дѣлъ*, который долженъ былъ служить „обороною купцамъ въ пору-

бежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ и ихъ защитою и управою, во всѣхъ городахъ, отъ воеводскихъ налогъ".

Петръ развилъ мысль Нащокина. Онъ все мечталъ „собрать разсыпанную храмину купечества, привести его въ лучшее состояніе, исправить торговое дѣло". Цѣлымъ рядомъ постепенныхъ мѣръ преобразователь проводилъ въ эту среду выборное начало, на подобіе магдебурскаго права (§§ 215, 221). Уже въ 1699 г. была учреждена въ Москвѣ *Бурмистерская палата* (§ 247) изъ выбираемыхъ на годъ бурмистровъ, которые завѣдывали всѣми дѣлами посадскихъ. Въ другихъ городахъ появились выборные „земскіе бурмистры", въ дѣла которыхъ не дозволялось вмѣшиваться даже ландратамъ, а воеводъ палата судила за это. Въ 1721 г. возникла цѣлая сѣть городовыхъ *магистратовъ* или *ратушъ*, состоявшихъ изъ выборныхъ бургомистровъ и ратмановъ. Эти учрежденія, обладавшія почти царскою властью, подчинялись главному магистрату въ Петербургѣ, а тотъ—прямо сенату. Главный магистратъ, состоявшій наполовину изъ иностранцевъ, вмѣстѣ съ *коммерцъ-коллегіей*, заботились о „приведеніи ратушъ въ такую знатность и почтеніе, какъ въ иныхъ государствахъ". Города были раздѣлены, по числу дворовъ, на 5 разрядовъ, а горожане — на 2 гильдіи и на цехи, хотя цехи, такъ же какъ и торговыя компаніи, не прививались при Петрѣ.

Преобразователь не щадилъ купечества, для общей пользы, такъ же, какъ и дворянъ. Онъ заставлялъ его нести тяжкую службу: купцы строили у него корабли, вооружали войска, переселялись, какъ встарь, насильно въ столицу. Но зато Петръ изобрѣталъ всевозможныя мѣры для поднятія благосостоянія средняго класса. Такъ какъ онъ больше всего заботился о развитіи промышленности, то ему особенно требовалась помощь свѣдущихъ *иностранцевъ*. Ихъ наплывъ все усиливался. Въ 1650—1700 гг. они составили 10 новыхъ важныхъ „сказаній" (§ 168) о Россіи, въ томъ числѣ 4 нѣмецкихъ, 3 французскихъ, 2 польскихъ, 1 англійское (Коллинсъ, Мейербергъ и др.). Иностранцевъ уже было такъ много въ началѣ періода, что самъ Нащокинъ долженъ былъ защищать отъ нихъ нашихъ купцовъ: по его уставу, они могли торговать лишь въ немногихъ порубежныхъ городахъ, и только оптомъ и съ значительною пошлиной. При Алексѣѣ Нѣмецкая Слобода (§ 168) процвѣтала. Она уже распадалась на Старую и Новую. Прирѣзанные къ ней пустыри покрылись красивыми домиками, кирками, огородами и садами.

Иноземцы всякихъ націй, вѣръ, „художествъ и ремеслъ“ жили здѣсь богато, трудолюбиво и весело. Этотъ уголокъ, хотя и совсѣмъ отгороженный москвичами за рѣкой, былъ такъ заманчивъ, что онъ увлекъ и воспиталъ самого Петра (§ 211). Но богатырю уже мало было кукуйцевъ. Въ 1702 г. онъ объявилъ по всей Европѣ, чтобы пріѣзжали къ нему „полезные художники“; потомъ также призывались западные купцы, ибо „ихъ торги безпрекословно несравненно лучше нашихъ“. Иностранцамъ была дарована свобода торговать, промышлять, служить, причемъ имъ давалось больше жалованья, чѣмъ русскимъ. Ихъ вѣдала особая коллегія, которая „судила ихъ и наказывала не по обычаю русскому, а милостиво, по законамъ божескимъ, по римскому праву и по другимъ народнымъ обычаямъ“. Но Петръ велѣлъ испытывать пришлецовъ и вѣжливо выпроваживать негодныхъ. Онъ старался, чтобы русскіе поскорѣе стали обходиться безъ этихъ дорогихъ учителей, которыхъ онъ не пускалъ на высшія мѣста. Оттого, при каждомъ нововведеніи, посылались даровитые изъ русскихъ учиться за границей.

Послѣ Петра правительство не переставало заботиться о развитіи средняго сословія. Екатерина I образовала коммиссію о комерціи, которая и послѣ нея не мало помогала купечеству. Казна постепенно отказывалась отъ монополій и хотя временно сокращала откупа. Особенно старались размножать фабрики и заводы, помня завѣтъ преобразователя. Въ Сибири дозволялось строить ихъ даже безъ разрѣшенія. Заводы одарялись крѣпостнымъ правомъ и другими преимуществами. При Аннѣ даже казенные заводы передавались въ частныя руки. Тогда же былъ воспрещенъ вывозъ сырья, и армія была одѣта въ русское сукно. Особенно много было сдѣлано съ половины 18-го в. При Елизаветѣ стали давать чины фабрикантамъ. Для нихъ и для купцовъ былъ устроенъ банкъ на льготныхъ условіяхъ. Тогда же были отмѣнены внутреннія таможни (§ 230), и принимались мѣры для поднятія падавшихъ цеховъ и магистратовъ. Екатерина II развивала мысль Петра о торговыхъ компаніяхъ и, съ своей стороны, всячески ободряла промышленность. Важнѣе всего, что она довершила устройство средняго класса, какъ крупнаго сословія, причемъ старалась возвысить его въ глазахъ народа. По *Городовому положенію* (§ 236), онъ былъ раздѣленъ на купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ или ремесленниковъ. Купцы и мѣщане получили право собственнаго суда и управленія: для этого они выбирали свою думу, руководимую „го-

родскимъ головой“; тяжбы рѣшались губернскими магистратами, которымъ подчинялись магистраты уѣздные или городовые. Купцы стали платить по достатку: они были раздѣлены на три гильдіи, сообразно съ капиталомъ. Немудрено, что купечество уже поднимало голову. Въ Большой коммиссіи оно горячо боролось съ дворянами, отстаивая законы Петра Великаго. Къ сожалѣнію, дворяне справедливо указывали на его косность и корыстолюбіе. Купечество оказалось не лучше ихъ: оно требовало только себѣ новыхъ привилегій, съ крѣпостничествомъ во главѣ. А мелкіе мѣщане, и въ особенности цеховые, молча переносили свою тяжелую участь: они были бѣдны, отягощены работами и поборами.

§ 252. **Духовенство и церковь.**—Изъ всѣхъ сословій духовенство подверглось наиболѣе крупнымъ перемѣнамъ: въ устройствѣ церкви произошелъ цѣлый переворотъ. Передъ Петромъ положеніе духовенства понизилось. Оно лишилось руководящаго значенія, которое принадлежало ему въ прошломъ періодѣ (§ 169). Оно не соотвѣтствовало потребностямъ Россіи, не по нимало нуждъ страны. Между тѣмъ какъ все стремилось къ преобразованіямъ, къ европейскому просвѣщенію, оно коснѣло въ древнихъ преданіяхъ, въ нетерпимости къ чужому, въ невѣжествѣ и своекорыстіи. Патріархъ возставалъ противъ малѣйшей новизны, даже противъ табаку и брадобритія, какъ противъ грѣха. По смерти Ѳедора III, онъ не разъ говорилъ въ думѣ противъ наплыва иностранцевъ, требовалъ уволить всѣхъ иноземныхъ офицеровъ, какъ еретиковъ: даже бояре только улыбались на эти яростныя слова христіанскаго архипастыря. А сами церковники не учили народа: проповѣди почти прекратились; письменность ускользала изъ рукъ иноковъ. Духовенство не хотѣло помогать выбивавшемуся изъ силъ государству: оно все жаловалось на разореніе и старалось избывать тягла путемъ тархановъ и другихъ привилегій. А всѣмъ были извѣстны его богатства: за монастырями числилось, при Петрѣ I, 130.000 крестьянскихъ дворовъ; у одной Троицкой Лавры было до 60.000 крѣпостныхъ.

Эти сокровища шли на удовлетвореніе мірскихъ страстей. По монастырямъ уже не встрѣчались подвижники, а кишѣли пороки, противъ которыхъ, при Ѳедорѣ, пришлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ Владыки становились воеводами и по нраву, и по своимъ порядкамъ. Они истязали нищее полуграмотное бѣлое духовенство и развивали кормленье, которое уже исче-

20*

зало въ гражданскомъ быту; ихъ дьяки завели въ церкви приказный строй, со всѣми его бѣдствіями. Іерархія заботилась только о приращеніи земель, презирая соборное постановленіе временъ Грознаго объ остановкѣ роста монастырской собственности. Никто не могъ стоять за сословіе, которое окончательно превращалось во вредную касту. Лучшіе люди видѣли въ немъ главную препону новому развитію Россіи. Бояре и посадскіе соперничали съ корыстолюбивыми владыками, а служилый считалъ попа „послѣднѣйшимъ рабомъ“ и таскалъ его за бороду. Мужикъ презиралъ церковниковъ за невѣжество и пьянство и ненавидѣлъ монастыри, которые нещадно стригли своихъ крѣпостныхъ овецъ, а сами избывали тягла. Когда раскольники шли препираться въ Кремль (§ 209), толпа, увлеченная ихъ постническимъ видомъ, восклицала: „не толсты брюха-то у нихъ: не какъ у нынѣшнихъ учителей новаго завѣта“!

Такое-то духовенство, столь далекое отъ чистоты и нравственной независимости Нила Сорскаго (§ 115), вздумало выставить притязаніе, напоминавшее затѣи боярства въ смутное время. Вообразивъ себя силой съ появленіемъ патріаршества, а самодержавіе расшатаннымъ смутой, оно, въ лицѣ Никона (§§ 199—201), совсѣмъ забыло свое душеспасительное назначеніе и снизошло до мірского честолюбія: оно посягнуло на ту власть, которою только и жило передъ тѣмъ (§ 169). И это въ ту минуту, когда народъ особенно нуждался въ самодержавіи, а самодержавіе росло отъ роста самого государства и отъ стремленія удовлетворять потребности въ преобразованіяхъ. *Дѣло Никона* было послѣднею борьбой старины съ новымъ порядкомъ, необходимою послѣ крушенія боярства. Оно нанесло новый и сильный ударъ іерархіи. Оно напомнило жалкую исторію Геронтія (§ 169), только при худшихъ для церкви условіяхъ: за строптиваго патріарха не стало даже духовенство; а противъ него были всѣ, и особенно бояре, которые, какъ сила уже покоренная властью, ненавидѣли его не меньше, чѣмъ Разина.

Дѣло Никона было тѣмъ болѣе тяжелымъ ударомъ іерархіи, что оно какъ бы оправдывало *расколъ*. Главари послѣдняго говорили православнымъ: „вы сами прогнали вашего учителя; почто же его пестрые законы держете?“ Расколъ означалъ, что массы отшатнулись отъ духовенства, и не по одной приверженности къ буквѣ старины: его „отцы“ были начетчиками и носителями мысли, за которую жертвовали своею жизнью; а церковники жили пороками временъ Стоглава. Расколъ былъ

вначалѣ только „церковнымъ мятежемъ“: масса считала свѣтскія притязанія патріарха соблазномъ. Раскольники ненавидѣли только „предтечу Антихриста“, Никона, какъ „друга нашего, отступника и еретика“, который перекинулся къ грекамъ, этимъ „плутамъ, олатыненнымъ“. Они вѣрили въ чудеса у гроба Никона и избѣгали селиться вблизи Воскресенскаго монастыря. Царя Алексѣя они считали только „прельщеннымъ отъ Никона“ и грековъ и покаявшимся при смерти. Аввакумъ говорилъ ему: „ты, вѣдь, Михайлычъ, русакъ, а не грекъ; говори своимъ природнымъ языкомъ“.

Правительство само превратило расколъ въ государственное дѣло. Оно справедливо стало за исправленныя книги; но оно поспѣшило насильственно исправлять самыя понятія косной массы, ухватившейся за внѣшніе признаки старины. При Алексѣѣ еще положеніе раскольниковъ было сносно: онъ относился къ нимъ гораздо мягче, чѣмъ Никонъ. Но подконецъ они стали называть его „мучителемъ“, сожигались съ младенцами, молились тайно по овинамъ, разбѣгались по окраинамъ: ихъ можно было встрѣтить уже отъ Дона до Соловковъ, отъ Нижняго до Сибири. При Ѳедорѣ увеличили число епархій, въ виду усиленія „церковныхъ противниковъ“, и принимали много насильственныхъ мѣръ: запрещали даже продавать старопечатныя книги, писанныя тетрадки и листочки съ выметками изъ Св. Писанія. При Софьѣ послѣдовала жестокая расправа съ „отцами“ (§ 209), прахъ которыхъ было приказано „разметать и растоптать“. Затѣмъ было повелѣно пытать всякаго, кто не ходитъ въ церковь, не исповѣдуется; полагался кнутъ даже за недонесеніе о раскольникахъ. Гонимые уже тысячами подвергали себя „крещенію огнемъ“ и разсыпались по лѣснымъ трущобамъ.

Окончательно потрясенная расколомъ церковь принуждена была больше прежняго (§ 169) подчиниться самодержавію. Уже Уложеніе подкашивало въ корнѣ ея независимость, что̀ и вызвало притязанія страстнаго Никона. Послѣ Никона напрасно его ученикъ, Полоцкій, предлагалъ завести русскаго папу съ 4 патріархами, для внѣшняго возвеличенія церкви: Ѳедоръ отвергъ эту мысль, какъ вредную для власти. А патріархъ Іоакимъ отстоялъ „самодержавство и единовластіе“ противъ затѣи комнатныхъ бояръ устроить намѣстничества (§ 249). Уже при Алексѣѣ церковники исчезали изъ думы и судовъ: даже ихъ тяжбы съ мірянами рѣшались приказами. Уничтожались тарханы и жалованныя грамоты владыкамъ и монастырямъ на

безпошлинные промыслы. Бѣлое духовенство стало тянуть тягло и иногда выставлять ратниковъ. Монастыри должны были содержать раненыхъ. „Тишайшій“ сталъ насылать имъ такіе указы: „вѣдомо намъ учинилось, что у насъ есть деньги многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ“. Онъ же отмѣнилъ внѣ Москвы шествіе на осляти (§ 178); да и въ столицѣ этотъ обрядъ исполнялся иногда знатнымъ бояриномъ вмѣсто царя.

Петръ довершилъ подчиненіе церкви государству. Онъ придерживался словъ Грознаго: „нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ; священство не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ—молчаніе; иное правленіе царей и иное святителей“ (§ 213). Онъ подробно зналъ дѣло Никона и не разрѣшилъ построить церковь на мѣстѣ его кончины. Онъ понималъ, что іерархи изъ невѣжественнаго московскаго духовенства всегда будутъ тянуть за старину. Оттого онъ назначалъ владыками просвѣщенныхъ малороссовъ; но опасно было поставить патріарха изъ нихъ, такъ какъ народъ считалъ ихъ латынянами. Отсюда, на дѣлѣ, *отмѣна патріаршества* (§ 215) уже въ 1700 г., которая повела за собой и уничтоженіе шествія на осляти даже въ Москвѣ. Но по закону, она послѣдовала лишь въ Духовномъ Регламентѣ, который прямо мѣтилъ въ Никона такими словами, какъ „бывшіе у насъ замахи“. Монастырскій приказъ, на который обратили особое вниманіе и на Западѣ, былъ переходною мѣрой къ отобранію церковныхъ имуществъ въ казну, т.-е. осуществленіемъ идеала Нила Сорскаго. То было обыкновенное свѣтское учрежденіе; а самое имя его указываетъ на то, что Петръ особенно интересовался чернымъ духовенствомъ, какъ самымъ богатымъ и празднымъ сословіемъ.

Уже въ 1701 г. объявлено въ указѣ, что нынѣшніе монахи, вопреки древнимъ, „не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ“. А въ 1723 г. указъ объяснялъ, какъ погибла Византія, когда ея императоры, „покинувъ свое званіе, ханжить начали, и паче ихъ жены“, чѣмъ воспользовались „плуты“, размножившіе монастыри: „сія гангрена и у насъ зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ“. Духовенство превратилось въ государственное учрежденіе, служащее фискальнымъ цѣлямъ, благотворенію да обученію церковниковъ. Это ясно выразилось въ учрежденіи *синода,* вза-

мѣнъ патріаршества. Ему было вмѣнено дѣйствовать въ свѣтскомъ, преобразовательномъ духѣ, а также смотрѣть, чтобы владыки „не высоко мыслили о своей чести“, чтобы не водили ихъ подъ руки и не кланялись имъ въ землю. Синодъ долженъ былъ искоренять пороки духовенства и обучать его: подконецъ Петръ думалъ даже о большой духовной семинаріи. Синодъ началъ издавать такія постановленія, что браки съ иновѣрцами похвальны, если они ведутъ къ пользѣ государства.

Но къ синоду же перешла и главная обязанность древняго освященнаго собора, который уже называли до Петра этимъ именемъ: это—„истребленіе ересей“. И онъ, съ ревностью патріарховъ, запытывалъ отступниковъ, огнемъ, мечемъ и деньгами обращалъ въ православіе инородцевъ, преслѣдовалъ раскольниковъ. Самъ преобразователь былъ сначала терпимъ, согласно своему свѣтскому взгляду на религію (§ 214). Онъ говорилъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ. Съ противниками церкви должно поступать съ кротостью и разумомъ, по апостолу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“. Узнавъ, что раскольники „честны и прилежны“, онъ указалъ имъ „обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательствъ отнюдь не чинить“, и велѣлъ отпускать тѣхъ, которыхъ хватали попы. Даже въ 1722 г. онъ приглашалъ ихъ идти „безо всякаго подозрѣнія и опасенія“ въ синодъ „для разглагольствія“, для разъясненія ихъ „сомнительства“, а кто не разубѣдится, „тѣмъ дана будетъ неудержанная свобода“.

Петру нужно было только, чтобы раскольники помогали ему тянуть въ гору. А они приносили пользу уже тѣмъ, что, въ силу гоненій, приняли на себя *колонизаторское* призваніе древнихъ монастырей. Одѣтые въ рясы и клобуки, эти молитвенные постники, называвшіе себя „братьями и сестрами“, уходили на пустынныя окраины и воздѣлывали новь, сначала даже безъ скота, желѣзными крючьями. Затѣмъ они укрѣпляли свои поселки, словно лагерь, и просвѣщали инородцевъ. Въ 1690-хъ годахъ, въ олонецкихъ лѣсахъ, свилось главное гнѣздо старовѣрства, *Выговскій монастырь*, благодаря рѣдкому рвенію дьячка Никулина и обученнаго въ школѣ потомка князей Мышецкихъ, Денисова. Келійки были разбросаны, иногда на версту другъ отъ дружки; на рѣкѣ стояла общая мельница; въ запасѣ лежало много оружія, и были налажены три мѣдныхъ пушки. Мѣсто было проходимо только зимой, когда тянулись сюда вереницы „ушед-

шихъ въ расколъ", которые пробирались на лыжахъ по Онежскому озеру да по тропочкамъ въ лѣсахъ; монахи изъ Соловковъ приносили съ собой церковный чинъ. Выговцы занимались даже тюленьимъ промысломъ на Ледовитомъ океанѣ. Въ 1702 г. Петръ вздумалъ проѣхать изъ Архангельска въ Петербургъ напрямки и попалъ на р. Выгъ. Раскольники стали собирать смолу и солому для крещенія огнемъ. „Пусть живутъ!" сказалъ онъ—и грозная туча пронеслась тихо. Зато, построивъ по близости повѣнецкіе желѣзные заводы, Петръ велѣлъ выговцамъ работать тамъ и даже защищалъ ихъ отъ нетерпимаго митрополита новгородскаго.

Но этотъ митрополитъ, съ остальнымъ духовенствомъ, все внушали Петру, что расколъ вреденъ и быстро ростетъ. Пошли преобразованія, за которыя старовѣры стали называть царя Антихристомъ. Много уходило въ расколъ, избывая тягла. Петръ рѣшилъ возвратить народъ въ православіе, но увѣщаніями, и поручилъ это дѣло бывшему раскольнику, нижегородскому епископу Питириму. Питиримъ требовалъ „жесточи": въ его епархіи, въ лѣсахъ по луговой сторонѣ Волги, въ особенности по р. *Керженцу*, утвердилось другое гнѣздо старовѣрства. Возобновились гоненія: раскольниковъ переписывали и брали съ нихъ двойную подать, имъ рвали ноздри, ихъ били кнутами и ссылали на каторгу въ Петербургъ. Питиримъ же напечаталъ свои пренія съ ними или „Пращицу", а возраженія керженскихъ старцевъ ходили только въ рукописи по всей Руси, но какъ святыня. Съ учрежденіемъ синода нетерпимость приняла правильный старый видъ. Было строго запрещено распространять западныя вѣры, а іезуиты были изгнаны изъ Россіи. Синодъ особенно занялся расколомъ. Всѣ власти должны были „оказывать безпрепятственное послушаніе" его поимщикамъ; а старовѣрамъ повелѣно носить красные козырки „для признаку". Синодъ потребовалъ, чтобы всѣ исповѣдывались. Онъ отбиралъ старопечатныя книги и воспрещалъ писать иконы „по раскольническому мудрованію". Многихъ ссылали въ Сибирь.

Но расколъ расширялся: подконецъ онъ охватилъ въ самой Москвѣ цѣлые приходы. Уже тогда онъ развѣтвился на много „толковъ" или „согласій". Изъ дѣльнаго „Розыска" Димитрія Ростовскаго, изучившаго расколъ въ „брынскихъ" (брянскихъ) лѣсахъ, видно, что было 22 толка, во главѣ ихъ *поповщина* и позднѣе процвѣтшая *безпоповщина*. Первая, къ которой принадлежали послѣдователи Аввакума (§ 201), принимала священниковъ,

которые или были посвящены до Никона, или отвергались православія; вторая отвергала священство и бракъ, чтобы совсѣмъ разорвать связи съ православіемъ. Безпоповщина распадалась на много подтолковъ, по именамъ ихъ основателей—андреевщина, иларіоновщина, волосатовщина и др. Здѣсь-то люди доходили до изступленія и сожигались съ дѣтьми. Среди безпоповцевъ были „морильщики", замаривавшіе себя голодомъ, „рогожники или рубищники", почти нагіе, выдававшіе себя за святыхъ, „субботники", постившіеся по субботамъ, и др. Возникала еще „христовщина", которая поклонялась Христу и Христородицѣ, въ видѣ мужика и бабы, приходившихъ въ изступленіе; ее называли еще „хлыстовщиной", такъ какъ тутъ бичевали себя „святыми кнутиками". Уже тогда раскольники отвергали иконы и мощи и даже толковали иносказательно всю евангельскую исторію.

Послѣ преобразователя и въ церкви настала „конфузія". Взгляды правительства на религіозный вопросъ мѣнялись: шла борьба между европейскою свѣтскостью Петра и пережитками московскаго византійства. Послѣдніе особенно усилились при дочери преобразователя, когда возгорѣлись нетерпимость ко всякому иновѣрію и ревность къ обращенію въ православіе (§ 230). А при Аннѣ и Петрѣ III не только господствовалъ западный духъ, но издавались почти лютеранскіе указы. Екатерина II сознательнѣе всѣхъ дѣйствовала „по примѣру дѣдушкину": она шла противъ всякаго ханжества, по Духовному Регламенту. Но, при всѣхъ колебаніяхъ во взглядахъ, развивалось основное положеніе, бывшее при Петрѣ Великомъ. Церковь оставалась *государственнымъ учрежденіемъ*. Она управлялась по Регламенту. Даже въ синодѣ засѣдали попрежнему малороссы до самой Екатерины II, когда стали выдвигаться просвѣщенные владыки изъ великорусовъ. Духъ преобразователя виталъ въ немъ долго въ лицѣ Ѳеофана (§ 222). Защитники „соборнаго правленія" всегда были сильнѣе друзей патріаршей старины. Среди нихъ была и интеллигенція, и сами церковники, съ такими преемниками Прокоповича во главѣ, какъ Сѣченовъ (§ 233). Лишь изрѣдка, какъ, напримѣръ, при набожной Елизаветѣ, духовенство дѣлало робкія попытки выставлять старыя притязанія. А такія явленія, какъ рѣзкое, напоминавшее Никона, сопротивленіе Арсенія Мацѣевича (§ 238), только поддерживали всеобщую вражду къ патріаршеству, хотя судьба этого іерарха возбуждала сожалѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ велъ себя въ заточеніи до-

стойнѣе Никона. Вообще же духовенство попрежнему стояло за самодержавіе: оно первое вызволило его въ дни „затѣекъ" верховниковъ (§ 224). Но это не потому, чтобы оно дорожило преобразованіями, какъ птенцы Петра: у него теперь, какъ и въ древней Руси (§ 169), не было иной опоры.

Духовенство попрежнему было въ презрѣніи не только у высшихъ, но и у низшихъ классовъ. Оно все еще представляло старое начало. Вопреки многимъ указамъ, оно предавалось пьянству и не посылало дѣтей въ школы; а духовныя академіи только-что учреждались въ концѣ періода (§ 243). Черное духовенство утопало въ богатствахъ и уклонялось отъ повинностей, а бѣлое нищенствовало: въ концѣ періода встрѣчались попы и дьяконы изъ пашенныхъ и то были „тѣ же мужики, только грамотные". Арсеній пострадалъ не за высокіе идеалы, а за тлѣнное богатство: онъ проклиналъ „хищниковъ" церковныхъ имуществъ. Оттого никто не всталъ за него, также какъ никто не печаловался за духовенство, когда оно подвергалось недостойнымъ гоненіямъ при Биронѣ и Петрѣ III (§§ 226, 232); а пугачевщина расправлялась съ церковниками такъ же жестоко, какъ съ помѣщиками и чиновниками. Немудрено, что уже при Петрѣ III бѣлое духовенство подверглось рекрутскимъ наборамъ, а черное потеряло право распоряжаться своимъ добромъ (§ 232). Вслѣдъ затѣмъ были *отобраны церковныя имущества* въ казну, и духовенство стало получать лишь $^{1}/_{3}$ прежнихъ доходовъ, да и то какъ жалованье, размѣръ котораго зависѣлъ отъ правительства; власть опредѣлила даже, сколько попамъ взимать за требы (§ 236). Такъ, церковники лишились и тѣни политическаго значенія: ихъ даже не было въ Большой коммиссіи.

При всѣхъ колебаніяхъ во взглядахъ, сохранялась и древняя *нетерпимость*. Она попрежнему проявлялась рѣзче всего въ отношеніяхъ къ инородцамъ и раскольникамъ. Невѣжественное духовенство, не будучи въ силахъ вліять нравственно, постарому прибѣгало къ насиліямъ, которыя всегда поддерживала свѣтская власть. И „новокрещены" все еще обращались только изъ страха и выгодъ, и нерѣдко вновь отпадали отъ православія, вслѣдствіе притѣсненій. Это яснѣе всего обнаружилось среди калмыковъ, которыхъ особенно ревностно обращали при Елизаветѣ: тогда приняла православіе и ихъ ханша Дундукъ. При этой императрицѣ и положеніе раскольниковъ стало хуже, чѣмъ когда-либо. Ихъ мучили не только чиновники, но и духовныя власти, приставленныя для ихъ обращенія. Несчастные стали

возлагать надежды на наслѣдника престола—и при этомъ святомъ скопцовъ для нихъ насталъ золотой вѣкъ (§ 232), но лишь на минуту. При Екатеринѣ II раскольники очутились въ такомъ же положеніи, какъ при „дѣдушкѣ". Сама императрица всегда стояла за вѣротерпимость и выражалась почти словами Петра Великаго (§ 234). Но синодъ объявилъ, что самодержавіе требуетъ одновѣрія всѣхъ подданныхъ съ государемъ. Его поддерживалъ высшій слой общества. Большая коммиссія также горячо взывала къ нетерпимости, какъ и къ крѣпостничеству (§ 235). Екатерина ограничилась мелкими льготами относительно старовѣровъ, а власти продолжали всѣ прежнія гоненія, начиная съ двойной подушной подати. Раскольники оставались опальными, и священникамъ поручалось изыскивать „потаенныхъ" среди нихъ. Они не переставали частью сожигаться, частью бить и грабить притѣснителей. Многіе бѣжали на окраины, къ гребенскимъ, донскимъ, яицкимъ казакамъ, нето въ Сибирь, даже въ Польшу и Турцію. Наконецъ, расколъ бросился къ Пугачеву, который обѣщалъ даровать ему права (§ 238). Раскольники снова вздохнули свободно на минуту въ самомъ концѣ періода, когда во главѣ церкви стала такая человѣчная, просвѣщенная личность, какъ Платонъ, а на престолѣ воцарился поклонникъ Петра III (§ 243).

Чѣмъ сильнѣе преслѣдовали раскольниковъ, тѣмъ больше расширялся расколъ, и не однимъ внѣшнимъ образомъ. Росло число его толковъ и возникали новыя секты. У безпоповцевъ появились согласія поморское, спасово, бѣгунское и др. При Елизаветѣ развилась хлыстовщина: бичуя себя и вертясь, хлысты доходили до такого изступленія, что бились обухами и рѣзались ножами. Они называли свои общины „кораблями"; въ каждомъ кораблѣ былъ свой „пророкъ", которому повиновались, не щадя жизни. Хлысты признавали только „откровеніе" и ненавидѣли книги. Они то впадали въ развратъ, то предавались аскетизму. Отсюда произошло *скопчество* (1772), основанное хлыстомъ, прапорщикомъ Селивановымъ, котораго сослали за это въ Сибирь. Хлысты и скопцы особенно чтутъ память Петра III. При Екатеринѣ же образовалась раціоналистическая секта *духоборцевъ*, которая признаетъ только собственныя изреченія, въ особенности же слова своего главнаго учителя, Побирохина. Духоборцы отвергаютъ будущую жизнь, священство, обряды и иконы; церковь для нихъ — собраніе добрыхъ людей, хотя бы то были турки или евреи; у нихъ не существуетъ ни сослов-

наго, ни половаго первенства. Духоборцы не признаютъ властей, не присягаютъ, не идутъ на войну; они нерѣдко возставали и были ссылаемы. Въ 1780-хъ годахъ изъ духоборцевъ выдѣлились *молокане*, благодаря зятю Побирохина, Уклеину. Они признаютъ Евангеліе и начальное христіанство, которое, по ихъ мнѣнію, испорчено соборами и отцами церкви; у нихъ есть пресвитеры и даже епископъ. Въ остальномъ молокане — тѣ же духоборцы. У тѣхъ и другихъ постепенно образовались разные толки.

Такъ, вслѣдствіе древней нетерпимости, христіанство мало распространялось даже среди инородцевъ, а свои уходили въ расколъ. Подконецъ явилась опасность православію и со стороны другихъ христіанскихъ исповѣданій. Съ присоединеніемъ польскихъ земель возникъ *католическій* вопросъ. Тамъ было до 200 іезуитовъ, съ 6 коллегіями, со многими „миссіями и резиденціями" (*Н. И.* §§ 27, 28). Они опутали лестью Потемкина и добились признанія ихъ ордена въ Россіи. Но Екатерина II преслѣдовала тутъ свою цѣль. Она не терпѣла папы, и какъ вольтерьянка, и какъ властительница. Она подсмѣивалась надъ его отлученіемъ, при которомъ „чувствовала себя довольно хорошо", дозволяла буллы въ польскихъ провинціяхъ лишь съ собственнаго разрѣшенія и все внушала Риму вѣротерпимость. Такъ какъ папа тогда уничтожилъ орденъ іезуитовъ, то Екатерина схватилась за патеровъ, какъ за свое орудіе. Также смотрѣла она на унію, рѣшившись перевернуть это средство привлеченія православныхъ въ католичество въ обратную сторону: уніаты образовали особую церковь, съ своимъ архіепископомъ въ Полоцкѣ, какъ „совращенные православные". Признавъ іезуитовъ, Екатерина назначила ихъ врага, *Сестренцевича*, архіепископомъ новой митрополіи въ Могилевѣ, которую она учредила для русскихъ католиковъ, подчинивъ ее сенату и воспретивъ ей сноситься съ Римомъ; католическіе епископы въ нашей Польшѣ были подчинены Сестренцевичу, какъ „суффраганы" или помощники. Папа возсталъ-было, но императрица велѣла сказать этому „регенту", чтобы онъ отвѣчалъ „разумно". Пій VI смирился, но выговорилъ себѣ небывалое право—прислать своего нунція въ Петербургъ. Этимъ путемъ папство опять вознамѣрилось обратить русскихъ въ католичество, тѣмъ болѣе, что оно уже снова сошлось съ іезуитами, которые потянулись въ Петербургъ въ качествѣ ученыхъ, для

представленія своихъ трудовъ академіи. Екатерина поняла эти козни и начала стѣснять патеровъ.

Но при Павлѣ у папства явился новый помощникъ—мальтійскій орденъ (§ 243). У русскаго престола выросли двое тщеславныхъ, шумливыхъ интригановъ, два брата *Литты*: одинъ былъ кардиналомъ и нунціемъ, другой, бывшій морякъ Екатерины и мужъ богатой родственницы Потемкина, числился мальтійскимъ рыцаремъ. Они низвергли Сестренцевича и стали самовольно распоряжаться русскими католиками. Ихъ погубила собственная наглость и столкновеніе съ такими старорусcами, какъ Ростопчинъ. Кардиналъ былъ высланъ изъ Россіи въ 24 ч., а рыцарь заточенъ въ имѣніи жены; Сестренцевича же объявили главой католической церкви въ Россіи, какъ бы патріархомъ. Вдругъ у престола возникъ новый іезуитъ, австріецъ *Груберъ*, осторожный, молчаливый, терпѣливый. Онъ привезъ новый ткацкій станокъ въ академію, потомъ лечилъ зубы императрицѣ и готовилъ лучшій шеколадъ императору. Патеръ искусно заводилъ связи между знатью и убѣдилъ Павла, что іезуиты—лучшее средство для искорененія революціонныхъ идей. Такъ какъ тогда же Ростопчинъ подвергся опалѣ, то „опасный" Сестренцевичъ былъ заточенъ въ деревню. Іезуиты стали править католическою церковью въ Россіи, захватили ея богатыя имущества, даже получили земли для устройства воспитательныхъ заведеній. У нихъ появились миссіи и резиденціи по губерніямъ, а въ Петербургѣ—свой учебный комитетъ и главная, роскошная коллегія, которая старалась привлекать къ себѣ дѣтей не только польской, но и русской знати.

§ 253. **Нравы.**—При такомъ состояніи общества и политики не могло произойти особыхъ перемѣнъ въ столь устойчивой средѣ, какъ нравы. Но и здѣсь замѣчается развитіе новыхъ чертъ (§ 171), именно благодаря просвѣтительнымъ преобразованіямъ.

До Петра въ нравахъ доживала древняя Русь (§ 170).

„Жесточь" доходила до виртуозности въ пыткахъ: „оттягивали" ноги бревномъ, на которое вскакивалъ палачъ; рвали тѣло раскаленными щипцами; водили ими по рубцамъ, оставленнымъ кнутомъ; капали холодной водой на выбритое темя. Ужасно читать истязанія, какимъ былъ подвергнутъ Разинъ, не пикнув-

шій подъ ними. Грубость господствовала на самомъ верху, и у лучшихъ людей...

Самъ „тишайшій“ своеручно „училъ“ приближенныхъ и родственниковъ даже въ думѣ (§§ 198, 245). И онъ говорилъ, что „многіе нарокомъ не поспѣваютъ“ на смотръ придворныхъ, чтобы удостоиться искупанія въ Коломенскомъ прудѣ, за которымъ слѣдовало приглашеніе на высочайшій обѣдъ. Всепрощающій царь усердно отыскивалъ бѣглаго Нащокина (§ 245), и, отыскавши, заточилъ его въ монастырь; а Крижаничъ томился въ Сибири до самой его смерти.

А въ уѣздахъ происходили такія сцены: въ одномъ посадѣ сбѣжался народъ по набату, чтобъ помочь своему воеводѣ, который валялся, пьяный, съ бородой, выщипанной пріятелемъ...

А иностранные послы въ Москвѣ испытывали прежнія непріятности (§ 153).

Скаредность казны доходила до того, что не исполняли даже договора съ Полоцкимъ, котораго сами призвали: онъ все жаловался, что даютъ ему мало дровъ и корма лошадямъ.

Служилые такъ очерчены въ письмѣ Алексѣя съ похода: „Съ нами ѣдутъ не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ: всѣ врознь. Сами знаете обычаи наши“. Нащокинъ писалъ: „у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ“.

Купцы ярко обрисованы у Полоцкаго, какъ естественные плуты. Онъ же изобразилъ такое повальное пьянство, что уже никто не считалъ пьянымъ того, кто шатается, но еще помнитъ себя.

Особенно много сохранилось жалобъ на пороки духовенства, которые подверглись, наконецъ, въ Регламентѣ, такому же безпощадному разоблаченію, какъ въ Стоглавѣ. Больше всего говорилось о владыкахъ, которые часто „прохладны“ бывали (навеселѣ) и истязали поповъ — били ихъ нагихъ шелепами и плетьми, сажали на цѣпь, знобили, за заутреней, холодною водой, клали снѣгъ за пазуху. Примѣръ кровавыхъ расправъ подавалъ Никонъ (§ 200). А попы вызывали постоянныя нареканія народа, который жаловался, что они „живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ“. Иноковъ же уличали въ укрывательствѣ разбойниковъ.

Но чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ болѣе вѣетъ духомъ преобразованій, готовившимъ людей для работы вѣнчаннаго богатыря. Нравы правительства замѣтно смягчились при Θедорѣ III (§ 207). Софья ограничила смертную казнь и отмѣнила такія варварства, какъ окапываніе въ землю мужеубійцъ. Личность разбивала оковы родоваго быта и стадности. Густѣлъ рядъ сильныхъ или яркихъ характеровъ: выдвигались Никоны, Разины, Аввакумы, Хмельницкіе, Дежневы, Поярковы (§ 205). Расширялся кругъ „лучшихъ" людей въ новомъ смыслѣ — этихъ Нащокиныхъ, Ртищевыхъ, Матвѣевыхъ, Полоцкихъ, Голицыныхъ. То было словно общество человѣколюбцевъ; а проповѣдь Славинецкаго (§ 206) служила какъ бы программой благотворительности, которая исполнялась послѣ него. Иностранцы уже при Алексѣѣ тепло отзывались и о многихъ другихъ вельможахъ, какъ о людяхъ мягкихъ, скромныхъ (Шереметевъ, Одоевскій, Салтыковъ), безкорыстныхъ (Хилковъ). Все это были „русаки", но обвѣянные европейскимъ образованіемъ: они взяли лучшее изъ старины — христіанскую любовь и милосердіе. Украшеніемъ и лучшимъ завѣщаніемъ древней Руси былъ бояринъ *Ртищевъ* (§ 206). Онъ первый шелъ къ обидчику съ словомъ примиренія, дѣлалъ благодѣянія на свои послѣдніе доходы, иногда продавалъ платье и утварь ради голодныхъ, подарилъ одному бѣдному городу землю, за которую много давали ему. Во время войны, онъ, больной ногами, уступилъ свой возокъ раненымъ, а самъ, кряхтя, плелся за нимъ на конѣ. Особенно чутка была въ Ртищевѣ совѣсть помѣщика. Онъ дѣлалъ ссуды своимъ крѣпостнымъ, клалъ малыя барщины и хмурился, когда рьяный управитель хвастался возвышеніемъ барскаго дохода. Умирая, онъ отпустилъ дворовыхъ на волю и слезно просилъ дочь и зятя не утѣснять остальныхъ, „ибо они — наша братья". Затѣмъ этотъ евангельскій человѣкъ призвалъ въ спальню нищихъ для послѣдняго одаренія — и умеръ съ тихою улыбкой. Его люди видѣли, какъ ангелъ взлетѣлъ на небо съ душой добраго барина. Примѣръ Ртищева не пропалъ даромъ: при Θедорѣ III въ Москвѣ содержали хилыхъ, на казенный счетъ, въ особомъ пріютѣ, а здоровымъ нищимъ давали работу; церковь бралась сдѣлать тоже по уѣздамъ. Такъ, передъ Петромъ все явственнѣе выдвигались тѣ новыя черты нравовъ, которыя еще раньше вызывали у гордыхъ иностранцевъ дань уваженія къ дарованіямъ варваровъ-московитовъ (§ 171).

Преобразованія Петра затронули не одну внѣшность жизни.

Но они медленнѣе всего дѣйствовали на нравственность. Тутъ самъ учитель былъ сыномъ своего времени по грубости. Его „жесточь" была образцовая (§ 212). Въ Преображенскомъ приказѣ старыя пытки повторялись до трехъ разъ. По мѣсяцамъ не снимали висѣльниковъ съ глаголей и воротъ домовъ; головы и руки казненныхъ торчали на столбахъ, пока не сгніютъ. Въ остальномъ исправленіе нравовъ замѣчалось только тамъ, гдѣ богатырь вліялъ лично. Онъ понималъ, что новыя „мѣста" не создаютъ сразу новыхъ „людей". Отсюда его геніальныя заботы создать „птенцовъ"; а рядомъ — вопль этихъ птенцовъ, когда отлучится орелъ: „дѣла всѣ становятся, какъ слѣпые бродимъ". При Петрѣ Россія была бѣдна просто людьми: не хватало ни солдатъ, ни рабочихъ. Тѣмъ болѣе чувствовался недостатокъ въ истинныхъ гражданахъ. При всѣхъ усиліяхъ преобразователя, вмѣсто человѣка явился *чиновникъ*, т.-е. никто иной, какъ старый приказный, только выбритый и затянутый въ иноземный мундиръ. Чиновникъ былъ представителемъ нравовъ древней Руси: Меншиковы вышли изъ глубины народа. Петръ постоянно жаловался на „безсоюзство, разности и свары" у своихъ помощниковъ, т.-е. на *отсутствіе общественнаго духа*. Самые близкіе къ нему люди (Меншиковъ, Курбатовъ, Ягужинскій, Шафировъ, Ромодановскій, Долгорукій) ѣли другъ друга поѣдомъ. Синодъ ссорился съ сенатомъ и монастырскимъ приказомъ, коллегіи — съ синодомъ, сенатомъ и губернаторами, а больше всего другъ съ другомъ, губернаторы—съ бурмистрами и ландратами, русскіе—вездѣ съ иностранцами и т. д.

Главная надежда Петра, его лучшая опора, сенатъ работалъ только при его строгихъ понуканіяхъ. Въ своей оживленной перепискѣ съ „господами сенаты", преобразователь все бранилъ ихъ за „личности" со всѣми другими властями, при которыхъ вороха дѣлъ валялись не подписанными. Онъ внушалъ: „въ сенатѣ не позволяется заниматься бездѣльными разговорами или шутками; ничего съ собой въ сенатъ не брать; дѣла до завтра не откладывать". Онъ завелъ даже „надзирателя указовъ", „понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ не разнится съ измѣною". Но господа сенаты только отписывались. Петръ отвѣчалъ имъ: „зѣло дивлюсь, что пишете—послано. а то позабыли, что дошло ли? Вы дѣлаете на смѣхъ или, взявши взятки, по старымъ глупостямъ". Онъ такъ же заботливо училъ свои коллегіи: самъ приходилъ работать въ нихъ, устраивалъ разный надзоръ надъ ними. Вдали, по губерніямъ, дѣло шло еще хуже: тамъ даже

не велось протоколовъ, не доставлялось годовыхъ вѣдомостей въ сенатъ. Петръ говорилъ про губернаторовъ, что они „зѣло раку послѣдуютъ".

Но истинною язвою чиновничества была безчестность. Въ сенатѣ составляли подложные акты, подписывали бумаги заднимъ числомъ и т. под. На взятку смотрѣли попрежнему, какъ на кормленіе; да она и была добавленіемъ къ ничтожному жалованью, при скудости казны. Петръ самъ отвѣчалъ на просьбу сенатскихъ канцеляристовъ о прибавкѣ: „вмѣсто жалованья, вѣдать въ ихъ столѣ иноземческія и Строгановы дѣла". Но онъ не имѣлъ въ виду неправыхъ рѣшеній: за нихъ строго наказывали; но тщетно. Посошковъ писалъ: „древняя неправда одолѣваетъ; въ нѣмецкихъ земляхъ очень людей берегутъ, а наши судьи ни мало людей не берегутъ". У „сильниковъ" рекрутъ не брали или отпускали ихъ, какъ „негодныхъ", и воинская повинность ложилась двойнымъ бременемъ на „безотвѣтныхъ". За взятку даже отпускали въ походѣ подрядныя подводы, т.-е. лишали солдатъ провіанта. По словамъ самого Петра, служаки были въ угнетеніи, а богатые тунеядцы, и въ походахъ не бывавшіе, были „взысканы чинами и довольнымъ жалованьемъ, по прихотямъ губернаторскимъ", Не лучше были выборные: бурмистры скупали товары, чтобы спускать ихъ купцамъ подороже, а кто не бралъ ихъ, того „отягощали безочереднымъ постоемъ, службами и другими нападками". Попы за мзду утаивали ревизскія души. Начальники казеннаго тульскаго завода обсчитывали рабочихъ и заставляли ихъ работать на себя. Школы разваливались, не получая назначенныхъ на нихъ суммъ. Всякій, не исключая прямодушнаго Долгорукаго (§ 220), смотрѣлъ на казну, какъ на собственный сундукъ. Самъ голова прибыльщиковъ, Курбатовъ, угодилъ подъ судъ по крупнымъ начетамъ. Оберъ-фискалъ Нестеровъ былъ колесованъ, сибирскій губернаторъ Гагаринъ повѣшенъ, Шафировъ приговоренъ къ смерти; Виніусъ былъ уличенъ въ плутняхъ, а самъ Меньшиковъ чуть не попалъ подъ судъ. Петръ слѣдилъ за тѣмъ, какъ „деньги идутъ по зарукавьямъ". Однажды онъ велѣлъ Ягужинскому написать такой указъ, что „если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ". Но Ягужинскій возразилъ: „Развѣ хочешь остаться одинъ, безъ подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другого". Царь усмѣхнулся и замолчалъ.

Петръ изобрѣталъ всякія мѣры для *исправленія чиновничества*. Онъ издавалъ много указовъ, въ которыхъ училъ даже, какъ вести себя въ присутственныхъ мѣстахъ, вѣшалъ и билъ кнутомъ коммиссаровъ и губернаторовъ, жегъ языки сенаторамъ и бралъ съ нихъ по 50 р. за каждый пропущенный день; однажды синоду перестали платить жалованье, пока онъ не очистилъ завалявшихся дѣлъ. Честный труженикъ гремѣлъ съ высоты трона: „Лихоимцы и плуты, которые тщатся только мины дѣлать подъ всякое добро и несытость свою исполнять, будутъ весьма жестоко на тѣлѣ наказаны, всего имѣнія лишены, шельмованы и изъ числа добрыхъ людей извержены, или смертью казнены. То же слѣдовать будетъ и тѣмъ, кто вѣдали, а не извѣстили". Затѣмъ объявленіе: „кто грабителей народа и повредителей интересовъ государственныхъ вѣдаетъ, тотъ безо всякаго опасенія пріѣзжалъ бы и объявлялъ о томъ самому его царскому величеству; и тому отдано будетъ богатство того преступника, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до земледѣльцевъ". О замыслахъ противъ самого царя всякій обязанъ былъ извѣщать неуклонно: „недонестіе же примутъ равную казнь или наказаніе съ нарушителями царской чести и возмутителями". Но изъ этого вышла только масса вздорныхъ подметныхъ писемъ — и Петръ уничтожилъ „слово и дѣло", велѣлъ жечь доносы, не читая, а доносчиковъ — вѣшать и колесовать.

Затѣмъ были заведены казенныя доносчики и надсмотрщики, *фискалы*. Это чиновничество надъ чиновничествомъ возникло вмѣстѣ съ сенатомъ (§ 215): во главѣ его стоялъ сенатскій генералъ-прокуроръ, безъ согласія котораго рѣшенія сената не имѣли силы. Ему были подчинены: оберъ-фискалъ съ 4 товарищами, провинціалъ-фискалы (при каждомъ тоже по 4 товарища) въ каждой губерніи и городскіе фискалы. Фискалы должны были „тайно надсматривать надъ всѣми дѣлами, сыскивать всякую неправду, смотрѣть дабы никто отъ службы не ухоронивался и прочаго худа не чинилъ". Выслѣдивъ плута, „какой бы высокой степени онъ ни былъ", фискалъ звалъ его въ сенатъ, и если уличалъ, то получалъ половину штрафа; если же онъ ошибался, то строго запрещалось „досадовать" на него. Но вскорѣ пришлось издать указъ объ ограниченіи этой страшной власти. Кромѣ развитія духа шпіонства въ обществѣ, фискалы брали взятки и „жили, какъ сущіе тунеядцы, въ своихъ деревняхъ".

Вскорѣ гнусна стала эта должность: по словамъ самого Петра, „чинъ фискала былъ тяжелъ и ненавидимъ". Сенаторы гнали этихъ господъ, какъ „антихристовъ и плутовъ": „туда намъ и входить опасно", жаловались фискалы. Яворскій сказалъ въ проповѣди: „какой то законъ—поставити надзирателя и дати ему волю кого хочетъ обличити и обезчестити, а хотя на ближняго своего клевещетъ, то ему въ вину не ставить"! Были и другія подобныя должности—при сенатѣ „генеральный ревизоръ или надзиратель указовъ", при синодѣ оберъ-прокуроръ и „инквизиторы", слѣдившіе за духовенствомъ; генералъ-рекетмейстеръ принималъ жалобы на рѣшенія коллегій, герольдмейстеръ смотрѣлъ, чтобы дворянскіе недоросли не отлынивали отъ службы.

Если мѣры преобразователя не могли прямо воздѣйствовать на нравы, то всѣ видѣли, что онѣ внушены лучшими стремленіями. Ихъ поддерживалъ примѣръ самого обновителя Россіи. Петръ боролся съ собственною грубостью и задумывался надъ смягченіемъ нравовъ правительства. Часто онъ замѣнялъ кнутъ штрафомъ, смерть—каторгой или службой. Онъ ограничилъ пытку важнѣйшими дѣлами, а, главное, *уничтожилъ правежъ*. Той же цѣли служила новая присяга, а также отмѣна унизительныхъ обычаевъ (§ 215): Петръ велѣлъ писать въ прошеніяхъ „рабъ" вмѣсто „холопъ". Тогда начались и *воспитательные дома*, при церквахъ, куда подавали тайно, въ окно, „зазорныхъ" дѣтей.

Нравы правительства были отраженіемъ нравовъ общества, которое „тянуло подъ гору". Здѣсь также господствовало *отсутствіе общественнаго духа.* Посошковъ писалъ: „что это у нашихъ за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только протатъ имѣніе себѣ, и то на часъ". Всякій сбрасывалъ общую тяготу на сосѣда: сильный „жилъ въ льготѣ"; даже „лучшій" мужикъ сваливалъ налоги на „средняго и молодшаго". Но и своихъ выгодъ не понимали: какъ чиновники „ждали третьяго указа по старому Уложенію", такъ и частныя лица затягивали дѣла и нерѣдко предпочитали нищенство работѣ. Помѣщики, не желая покидать халата, посылали въ городъ на выборы своихъ приказчиковъ и заставляли поповъ разомъ пѣть и читать, чтобы поскорѣе „отхватать обѣдню". Школы у нихъ были пусты за бѣгствомъ учениковъ, хотя за это ихъ штрафовали, а недорослей драли, какъ дезертировъ, силой доставая ихъ изъ монастырей, гдѣ они укрывались, чтобы не попасть въ науку за море.

Общество все еще было малолѣткомъ, нуждавшимся въ родовой опекѣ (§ 173). Передъ старшимъ братомъ не смѣла сидѣть семья. Всюду, даже въ гостяхъ, за обѣдомъ, клали земные поклоны или доставали рукой землю, какъ на молитвѣ. Иностранцы говорили: „москвитяне все дѣлаютъ въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука!“ Безъ Петра даже на пожарахъ никто не тушилъ и за деньги, а только норовили стянуть что-нибудь. Съ другой стороны, бояре быстро привыкли къ табели о рангахъ: Апраксинъ уже просилъ царя о „наданіи“ ему графства и чина тайнаго совѣтника. Пользуясь услугами и уроками иностранцевъ, русскій попрежнему былъ преисполненъ „нестерпимаго глупаго высокомѣрія“ передъ ними, особенно послѣ побѣдъ надъ „свейскимъ львомъ“. Раболѣпствуя передъ высшимъ, онъ ломался съ равнымъ и тиранствовалъ надъ низшимъ. Особенно развивалась дворянская спесь: даже въ „Юности Зерцалѣ“ (§ 215), сказано о черни, что „нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой слуга“. А самъ баринъ такъ обрисованъ правдивымъ датскимъ посланникомъ: „хотя русскіе стараются подражать, какъ обезьяны, другимъ націямъ, хотя съ виду они немного отесаны, тѣмъ не менѣе внутри ихъ попрежнему сидитъ мужикъ“. Самъ Петръ показался грубымъ варваромъ за границей. Онъ держалъ при себѣ шутовъ и карлицъ, а въ гвардіи — великановъ. Шуты были вездѣ у знати. У Меншикова на пирахъ то совершались свадьбы карликовъ, которыхъ собирали до сотни, то карлица выскакивала изъ пирога. Вельможи „лаялись“ между собой непристойно и лѣзли въ драку передъ лицомъ царя. Сквернословіе раздавалось даже во дворцѣ.

Больше всего попрежнему процвѣтало пьянство, которое иностранцы называли „общимъ порокомъ въ Московіи, чего не было ни въ одной странѣ“. Оно доходило до того, что на забавахъ у Петра „пили штрафъ“ или Великаго Орла—кубокъ вина, сшибавшій съ ногъ и пьяницу. И дамы царя отпускали гостей только тогда, когда убѣждались, что они совсѣмъ „готовы“; вообще особенно скоро хмѣлѣли въ обществѣ женщинъ отъ ихъ гостепріимныхъ приставаній. Иностранцы даже новыхъ людей называли объѣдалами, такъ какъ они дома, у себя, хвастались кучей блюдъ, хотя плохо приготовленныхъ и безпорядочно подаваемыхъ; а обѣдая въ гостяхъ, отсылали лакомые куски женамъ и уходили съ карманами, набитыми сластями. На пирушкѣ у Ромодановскаго одинъ сенаторъ поссорился съ

хозяиномъ; старики вцѣпились другъ другу въ волосы и съ полчаса дрались кулаками, а гости любовались зрѣлищемъ. По монастырямъ иноки бражничали съ мірянами, которые жили тамъ цѣлыми семьями. Школьниковъ отдавали въ солдаты за буйство въ пьяномъ видѣ; за границей они бражничали еще больше и дѣлали долги, зная, что тамъ „наказываютъ только по суду". „Волонтеры" дивились, что тамъ пьютъ шеколадъ и лимонадъ вмѣсто водки и что въ судахъ стороны говорятъ вѣжливо и спокойно. Кто изъ нихъ усваивалъ приличную внѣшность, тотъ сбрасывалъ ее, возвратившись домой, и бездѣльничалъ. Въ провинціи иной одичалый помѣщикъ становился страшенъ сосѣдямъ, „яко левъ", и никто взять его не могъ, „а на службѣ былъ хуже козла". Мужики такъ привыкали къ истязаніямъ, что жалобщикъ требовалъ пытки и для себя, и для отвѣтчика— „слался на кожу свою и его". Солдаты дрались между собой оружіемъ и тиранили крестьянъ. Съ непріятелемъ обращались варварски. Не только офицеры, но и каждый солдатъ бралъ плѣнныхъ для себя и отправлялъ въ Россію или продавалъ по дешевой цѣнѣ. Шереметевъ доносилъ изъ Ливоніи: „больше того чинить разоренія нельзя, и всего описать невозможно". При взятіи Нарвы, Петръ закололъ собственнаго солдата, чтобы остановить грабежъ, и крикнулъ побѣжденнымъ, указывая на свою шпагу: „Не бойтесь! Это не шведская, а русская кровь".

Но все-таки не оставались безплодными усилія преобразователя. Птенцы втягивались въ службу народу. Среди нихъ мелькали примѣры трудолюбія и умѣлости (Меншиковъ), просвѣщенный мягкости (Ѳеофанъ), правдивости и чувства собственнаго достоинства (Ягужинскій, Яковъ Долгорукій). Лучшіе изъ волонтеровъ старались исправиться отъ грѣховъ древней Руси, производя на Западѣ такое же выгодное впечатлѣніе, какъ самъ Петръ. Уже посольство Лефорта (§ 213) не уподоблялось московскому. Оно ходило въ иностранномъ платьѣ (только на аудіенціяхъ—въ парчѣ), не торговало товарами и выказывало скорѣе богатство, чѣмъ скаредность. Новые нравы отразились явственнѣе всего въ перенесеніи съ Запада внѣшнихъ средствъ общественности. Во главѣ ихъ стояли *ассамблеи* или „вольныя собранія" (§ 215). Въ указѣ читаемъ: „ассамблея составляется не для одной забывы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и обо всемъ переговорить, также слышать, что́ гдѣ дѣлается; хозяинъ можетъ и не быть дома; вставанья, провожанья и другія церемоніи запрещаются". О времени открытія

ассамблей объявлялось, съ барабаннымъ боемъ, на улицахъ. Царь самъ назначалъ, у кого изъ чиновниковъ быть имъ. Входъ, даже у него самого, былъ свободный для всякаго прилично одѣтаго: онъ зазывалъ даже духовенство. Каждый гость приводилъ свою семью. Тутъ играли въ шашки и шахматы, а главное—танцовали. Царь иногда самъ управлялъ танцами, въ первой парѣ. Вскорѣ ассамблеи завелись и въ Москвѣ. Сначала онѣ были грубы и неуклюжи. Тутъ много пили, курили, въ особенности смущались: „всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга“, замѣчаютъ иностранцы. Тогда приходилось и въ „Юности Зерцалѣ“ учить, какъ держать ногти и ротъ въ чистотѣ, не чихать и не сморкаться громко, не плевать и т. д. Петръ велѣлъ еще перевести съ нѣмецкаго „Пріклады, какъ пишутся комплименты разные“, гдѣ рекомендуется „вы“, и приказалъ людямъ всякаго званія „писаться полными именами съ прозваніями“ (не Ивашка, а Иванъ Волковъ). Наконецъ, онъ завелъ публичный театръ, куда загонялъ народъ насильно, и устраивалъ маскарады, концерты, гулянья, фейерверки. По флагу, петербуржцы являлись, на своихъ или казенныхъ лодкахъ, и принимали участіе въ прогулкѣ двора по Невѣ.

При „конфузіяхъ“ наверху, при развитіи крѣпостничества, при тяжелыхъ войнахъ, послѣ Петра нравы не могли улучшаться быстро. До конца періода иностранцы держались правила: поскреби самаго изящнаго русскаго – и выступитъ варваръ. Наверху сохранялась крайняя грубость. При Аннѣ, которая своеручно била фрейлинъ и дала оплеуху Тредьяковскому, возстановили правежъ и Преображенскій приказъ, подъ видомъ канцеляріи сыскныхъ дѣлъ; нещадно били кошками лакеевъ за быструю ѣзду господъ, а кадетовъ—за мелкіе проступки. Былъ четвертованъ Волынскій. Въ 1743 г. совершена страшная казнь надъ штатсъ-дамой *Лопухиной* за болтовню при дворѣ и за то, что она приколола розу, тогда какъ Елизавета дозволяла только себѣ носить розовый цвѣтъ. Несчастную били кнутомъ и, по вырѣзаніи языка, сослали въ Сибирь. То же испыталъ ея мужъ, адмиралъ, ея сынъ, камеръ-юнкеръ, и графиня Бестужева, невѣстка канцлера, урожденная Головкина. Народъ сгоняли къ Биржѣ смотрѣть на эти казни; и онъ подпускалъ шуточки насчетъ высокопоставленныхъ дамъ. При дворѣ уже съ Екатерины I завелись роскошь и страсть къ наслажденіямъ. При Петрѣ II прибавились „сластолюбіе, пьянство и насиліе“,

по словамъ князя Щербатова, казнившаго высшій кругъ въ цѣломъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ". Обручальное кольцо Ивана Долгорукаго стоило 12.000 р., его невѣсты—6.000 р. При Аннѣ роскошь утвердилась: явились новыя вина, красная мебель, штофные обои, золотыя кареты, вызолоченныя шоры и т. д. Между тѣмъ какъ при Петрѣ тратилось 100.000 р. на дворъ, при Екатеринѣ I — уже 700.000 р.; а при Аннѣ одно конюшенное вѣдомство стоило 300.000 р. Тогда же при дворѣ сохранялось много шутовъ и устраивались унизительныя потѣхи. Съ тѣхъ поръ тамъ развивались еще легкомысліе и фаворитство, а при Елизаветѣ стала быстро распространяться карточная игра.

Все это тотчасъ проникало въ высшее общество. Здѣсь парчи и галуны украшали мужчинъ не меньше женщинъ, прислуга носила разноцвѣтныя ливреи; кареты и цуги блистали золотомъ и серебромъ; не проходило дня безъ богатыхъ баловъ и „открытыхъ" для всякаго обѣдовъ, гдѣ венгерское лилось рѣкой. Одинъ князь промоталъ большое имѣніе и жилъ оркестромъ изъ своей дворни; фельдмаршалъ Шереметевъ бралъ жалованье впередъ и умеръ въ долгахъ. Мотовство вело къ алчности, казнокрадству, исканію теплыхъ мѣстечекъ, а больше всего къ угнетенію крестьянъ, губившему деревни, между тѣмъ какъ господа проживались въ столицахъ. Крѣпостничество особенно портило дворянъ въ провинціи, пріучая ихъ къ праздности и тиранству. Здѣсь большой баринъ корчилъ изъ себя царька: въ его дворнѣ толпилась куча „казаковъ и гусаръ"; у него были свои чины, выходы, форейторы, повара,—словомъ, весь придворный церемоніалъ. Онъ любилъ показывать свое право на „чернь", про которую Сумароковъ и Фонвизинъ говорили: „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ; у него холопская совѣсть; лакеи — скоты". Баринъ называлъ своихъ дворовыхъ даже не Ваньками и Машками, а Рыжая, Косой и т. под. Дажѣ послѣ Салтычихъ (§ 238) встрѣчались господа, которые драли мужиковъ кнутьями въ двѣ руки, при гостяхъ, пока не выкуривали по двѣ трубки. Сами крестьяне говорили про себя: „тѣло государево, душа Божья, спина барская". Нравы господъ рисуются и продажами душъ (§ 250).

Барская спесь достигла высшей степени. Дворяне усваивали иностранные языки, чтобы „слуги ихъ не понимали". Для этого уже съ Петра I размножались гувернеры и гувернантки, часто такіе, какъ говорила Елизавета, „которые лакеями, па-

рикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали". Не мало встрѣчалось такихъ знатныхъ особъ, какъ Дашкова (§ 233), которая знала въ совершенствѣ четыре чужихъ языка и плохо владѣла роднымъ. Московскій университетъ не понравился барамъ, такъ какъ онъ предназначался и для разночинцевъ, „по примѣру европейскихъ университетовъ". Дворяне старались даже въ спасеніи души выдѣлиться отъ остальныхъ смертныхъ, которыхъ Фонвизинъ называлъ „служебными тварями" (§ 249). Они презирали гражданскую службу, гдѣ было много разночинцевъ, а съ инженерной примирились только тогда, когда тамъ стали давать военные чины и мундиры. VI разрядъ дворянства считалъ только себя „столпами" отечества и едва терпѣлъ IV—V разряды (наши титулованные и иностранные дворяне), а на первые разряды (пожалованные и чиновные) смотрѣлъ, какъ на выскочекъ черной кости. Это вело къ аристократическимъ учебнымъ заведеніямъ для дѣтей дворянъ IV—V разрядовъ да для высшихъ чиновъ. А однодворцы возьмутъ, бывало, справочку въ архивѣ герольдіи и по ней „волгутся" или „подберутся подъ имя" дворянскаго однофамильца.

У господъ явилась и чиновничья, мундирная честь. Уже при Петрѣ I жаловались такъ: „я о моей персонѣ не говорю, но учиненъ афронтъ характеру тайнаго совѣтника". Петръ принужденъ былъ приказывать, чтобы на ассамблеяхъ вовсе не чинились и даже не встрѣчали царя, а въ обществѣ размѣщались и кушанья разносили по чинамъ. Въ указѣ Елизаветы дозволялись платья для первыхъ 5 чиновъ не дороже 4 р. арш., для остальныхъ—по 3 и 2 р., а кружева могли носить только первыя 5 классовъ, и то не шире 4 пальцевъ. Екатерина II разрѣшила экипажи для первыхъ двухъ классовъ въ 6 лошадей съ 2 вершниками, для остальныхъ, по порядку,—то же безъ вершниковъ, четверня, пара и одна лошадь. И этотъ же спесивецъ раболѣпствовалъ передъ высшимъ чиномъ, хотя бы то былъ выслужившійся лакей. Волынскій говорилъ: „Народъ нашъ наполненъ трусостью и похлѣбствомъ. Это—бездѣльные ласкатели, которые, оставя общую пользу, трусятъ и манятъ главнымъ особамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради". Въ Большой коммиссіи дворяне кричали противъ чиновнаго дворянства, но стояли за „пожалованіе отъ монарха", которое иногда вводило лакеевъ въ ихъ среду. При указаніи Бибикова на Наказъ, самые строптивые смирялись (§ 235). И они до того восхваляли Екатерину, что она сказала: „я велѣла

имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“. Никто не хотѣлъ и слышать объ оспопрививаніи; а когда императрица показала примѣръ, всѣ бросились на перебой угождать ей. Павелъ называлъ помѣщиковъ своими „полиціймейстерами“.

То была жалкая интеллигенція, которая не подвигала правительства по пути прогресса, а задерживала развитіе страны. Она еще не освободилась отъ пережитковъ родоваго быта: дворяне считались свойствомъ; младшіе родственники слушались старшихъ; въ семьяхъ хранились преданія, записи, родословныя. Европеецъ съ виду и въ блестящихъ пріемныхъ комнатахъ, баринъ былъ азіятъ у себя дома, въ обращеніи съ семьей; его спальни, дѣтскія и бѣлье были грязны и безпорядочны. Европейскій дипломатъ по манерамъ, Волынскій, избилъ писателя Тредьяковскаго. Ломоносовъ жилъ мужикомъ, часто бывалъ пьянъ, расправлялся кулаками съ низшими и въ семьѣ, площадно бранилъ академиковъ. Тотъ же Волынскій, Долгорукіе, Димитрій Голицынъ, даже столь близкій къ Петру, по уму и трудолюбію, Татищевъ, отличались своекорыстіемъ; отецъ любимца Петра II былъ отчаянный казнокрадъ, хотя соблюдалъ честность въ частныхъ дѣлахъ. При Екатеринѣ II и Павлѣ царедворцы не гнушались и болѣе крупными грѣхами, руководясь злобой, дикой пылкостью, а больше всего корыстолюбіемъ. Въ Большой коммиссіи дворяне, впрочемъ заодно со всѣми сословіями, горячо стояли за пытки и жестокія наказанія, даже требовали смертной казни за мелкія преступленія и строгихъ мѣръ противъ раскольниковъ.

Эта интеллигенція грубо спорила съ Екатериной изъ-за крѣпостничества и заставила ее измѣнить Наказъ въ этомъ смыслѣ. И. все-таки Панинъ видѣлъ въ Наказѣ „разрушеніе стѣнъ“, а сенатъ рѣшилъ, чтобы онъ былъ разосланъ только въ высшія учрежденія и лежалъ бы тамъ, какъ зерцало, которое могутъ читать только вельможи. Немудрено, что недоросли даже при Екатеринѣ II не хотѣли учиться: они бились на кулачки, ходили на медвѣдя, пьянствовали; а въ школѣ ихъ драли батогами и кошками. Тогда же стали развиваться поединки, которые уже пришлось запрещать. Немудрено, что въ провинціи господствовало кулачное право: тамъ власть принадлежала дворянству. Тамъ не только чиновный обходился съ нечиновнымъ, какъ съ своимъ слугой, но старшій чинъ билъ младшаго, а военные угнетали статскихъ, такъ что послѣдніе,

для самозащиты, старались называться соотвѣтственными, по табели, военными чинами. При Петрѣ III и Павлѣ одинъ генералъ-прокуроръ захватилъ массу башкирскихъ земель, другой, получивъ землю на выборъ, отобралъ огороды и дорого продалъ ихъ владѣльцамъ же. Такъ какъ все богатство состояло въ крѣпостныхъ, то мелкопомѣстные нищенствовали, иногда не имѣли платья; оттого они нерѣдко, даже при Екатеринѣ II, составляли изъ своихъ крестьянъ разбойничьи шайки, а также продавали и укрывали краденое и бѣглыхъ. Послѣ „вольности" Петра III дворянство совсѣмъ опустилось—и Екатерина постановила, что не дослужившіеся до первыхъ чиновъ лишаются выборныхъ правъ, а семья, не служившая въ теченіе трехъ поколѣній, совсѣмъ теряетъ дворянство.

Духовенство сохраняло прежніе нравы, связанные съ глухимъ невѣжествомъ. При Елизаветѣ мордва возстала отъ жестокости архіерея, назначеннаго для усиленнаго распространенія христіанства. При Екатеринѣ II синодъ требовалъ пытки для Мировича и преслѣдованія раскольниковъ. Въ Сибири миссіонеры крестили пьяныхъ, потомъ подкидывали имъ „болвановъ" (идоловъ) или привозили въ постъ посуду, намазанную масломъ, и истязали туземцевъ, уличая ихъ въ отступленіи отъ православія. Въ Москвѣ, у церквей, какъ встарь (§ 186), толпились праздные попы навеселѣ, для найма къ служенію, и бранились и дрались между собой, хотя ихъ били плетьми за это. Купцы обдирали и обманывали народъ. Когда, при Екатеринѣ I, была отмѣнена соляная монополія, они стали продавать соль еще дороже: черезъ 3 г. пришлось возстановить казенную продажу. Купечество само подрывало обманами свою торговлю съ азіятами; при Екатеринѣ II одинъ президентъ магистрата оказался атаманомъ разбойниковъ. Особенно тиранствовали заводчики: они нещадно били, за опозданіе, крестьянъ, жившихъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ завода, и заставляли ихъ покупать у себя все необходимое. За такія-то заслуги передъ страной купечество добивалось дворянства, бросая свое дѣло: многіе откупщики (армянинъ Лазаревъ) произведены въ господа. О грубости низшаго класса можно судить по ужасамъ пугачевщины (§ 238).

Но несомнѣнны и признаки улучшенія, которые усиливаются къ концу періода. Дѣло начиналось сверху и выражалось, прежде всего, въ развитіи „людскости" и во „внѣшнихъ вещахъ", какъ говорилъ Щербатовъ. Екатерина I ограничила кулачные

бои. Петръ II запретилъ вывѣшивать тѣла казненныхъ на столбахъ и *уничтожилъ Преображенскій приказъ.* Послѣ реакціи при Аннѣ, особенно сказалась человѣчность, благодаря французскому вліянію. Если въ застѣнкахъ еще господствовали старые ужасы, то государи не вѣдали о нихъ или содрогались, узнавши случайно. Елизавета *отмѣнила* (хотя не закономъ) *смертную казнь и пытку*, устранила шутовъ, запретила наказывать малолѣтнихъ, преслѣдовать раскольниковъ, насильно крестить инородцевъ, бить кнутомъ за описки въ императорскомъ титулѣ и за ложное сказываніе „слова и дѣла"; было запрещено даже держать медвѣдей въ столицахъ. Екатерина II отличалась уже сознательнымъ человѣколюбіемъ. Она мечтала объ отмѣнѣ крѣпостничества, негодовала на Салтычихъ и смягчила казнь Пугачева. Она замѣнила въ прошеніяхъ „раба"—„подданнымъ" и „бить челомъ"—словомъ „просить"; въ ея граматахъ явился „вичъ" хотя для высшихъ чиновъ (до коллежскаго совѣтника; ниже — „овъ сынъ", нето и вовсе безъ отчества). Екатерина говорила, что лучше отпустить 10 виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго, и что слова и даже письма не могутъ составлять оскорбленія величества. Она твердила о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Даже у Павла, въ свѣтлыя минуты, проявлялось человѣколюбіе, а Петръ III снискалъ благодарную память сектантовъ точно также, какъ Марія Ѳедоровна осталась образцомъ монаршей благотворительности, которая не прерывалась съ Петра I.

Смягченныя черты встрѣчаемъ при дворѣ и въ близкомъ къ нему высшемъ обществѣ. Если при Петрѣ I дворъ походилъ на табачную коллегію Потсдама, то уже при Екатеринѣ I, которая завела оркестръ и театръ, иностранцы находили въ немъ сходство съ Версалемъ, по приличію, прелести и веселости. При Елизаветѣ, вмѣстѣ съ французскою рѣчью, явилась парижская благовоспитанность въ обращеніи, уже изгонявшая родовое „ты". Она поддерживалась постоянными сношеніями между людьми: посѣщеніе придворнаго театра было обязательно. При Екатеринѣ II Версаль былъ затмѣваемъ учтивостью, роскошью и очарованіемъ двора, гдѣ изящныя забавы смѣнялись умственными наслажденіями и грубаго Балакирева замѣнялъ веселый острословъ Левъ Нарышкинъ. Съ Елизаветы укореняется типъ европейскаго вельможи, по внѣшности, образцомъ котораго служилъ Иванъ Шуваловъ (§ 229). Въ то же время растетъ число такихъ представителей личности, какъ Ломоносовъ, Татищевъ,

Тредьяковскій, которые идутъ на всякія лишенія и все преодолѣваютъ для достиженія своихъ высокихъ цѣлей. А чувство собственнаго достоинства возросло до того, что Ломоносовъ обидѣлся на того же Шувалова, при малѣйшемъ признакѣ барства, и написалъ ему: „у самого Господа Бога дуракомъ не буду“.

Тогда дворяне говорили: „многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ или плети“. И Шуваловъ требовалъ освобожденія ихъ отъ кнута и плетей. Еще сильнѣе заговорили господа о своей чести въ Большой коммиссіи. Тогда Орловы уже выдѣлялись своею грубостью, а Панину сдѣлалось дурно при чтеніи разсказа о казни Волынскаго. А одинъ старый генералъ сказалъ при дворѣ: „Какія недотыки нынѣ люди стали! Нельзя выбранить; а, бывало, палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь“. Впослѣдствіи про гордыхъ сослуживцевъ сѣверной Семирамиды говорили, что они „екатеринствуютъ“. Жалованная грамата (§ 249) важна тѣмъ, что она освободила хоть верхній слой общества, превратила его изъ холопа въ самостоятельную личность: она создала первое правовое сословіе среди русскаго народа. Смягченіе нравовъ внизу, гдѣ еще не было никакихъ правъ, кромѣ крѣпостного, шло медленнѣе. Но есть указаніе на измѣненіе даже толпы. Она такъ досадовала, что голова Остермана только полежала на плахѣ, но не была отрублена, что ее пришлось усмирять войсками; а когда она, стоя на мосту, увидала голову Мировича въ рукахъ палача, то такъ содрогнулась, что мостъ поколебался и перила обвалились.

§ 254. **Женщина.**—Улучшеніе нравовъ обнаружилось больше всего въ женскомъ вопросѣ. Здѣсь Россія уже тогда отчасти опережала Западъ. Передъ Петромъ на женщину смотрѣли еще постарому (§ 172). Въ „Книгѣ о злонравныхъ женахъ“ есть такія выраженія: „прокудливая, льстивая, лукавая, колдунья, львица, змія, ехидна, аспидъ; какъ прелестница Иродіада, безъ мужа сидитъ возлѣ оконца, смотритъ туда-сюда, скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ и руками плещетъ“. Жена или портитъ мужа чарами и отравляетъ, или корчитъ изъ себя скромницу, жеманную кокетку. Нето это та героиня „Великаго Зерцала“, которая кричитъ, что поле стрижено, а не кошено, и, сброшенная въ омутъ мужемъ, показываетъ оттуда два пальца, какъ ножницы. Даже Полоцкій писалъ: „Жена съ тонкимъ голосомъ, скороглаголива, коснодвижима, скорогнѣвлива, завистлива, нелюботрудна, малонадежна:

такова и грѣшная душа. Полъ женскъ — тля: одно зрѣніе на женщину заражаетъ человѣка ядомъ аспида". Другіе утверждали, что у нея „умъ не твердъ, какъ храмъ не покровенъ", и что „много бѣсу помощи въ женахъ". Оттого совѣтовали держать женщину, какъ раба или звѣря. Старый Морозовъ билъ свою молодуху плетью въ палецъ толщиной. Нерѣдко мужья „избывали женъ" — отравляли ихъ или постригали въ монахини; по Уложенію, ихъ не наказывали за это. Бракъ былъ прежнею неволей и безобразіемъ: по словамъ Посошкова, все еще процвѣталъ такой „обманъ на дѣвицъ, какого не было во всемъ мірѣ". Выдавали почти дѣвочекъ: жена Ѳеодора III овдовѣла на 15-мъ году. Боярышни и царевны, по словамъ Котошихина, жили еще въ теремахъ, „яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху". Когда къ царицѣ вводили врача, то плотно завѣшивали окна; а пульсъ онъ щупалъ черезъ тонкій покровъ. Петръ называлъ домъ царицы Прасковьи „госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ". Въ такой средѣ вырабатывались прежнія дикарки и куклы. Хозяйка еще стояла истуканомъ, при обрядѣ подношенія чарки гостямъ, хотя иногда и въ иноземномъ платьѣ. Одна дѣвица дала пощечину иностранцу, который хотѣлъ поцѣловать у нея ручку. Воеводша поразила жену англійскаго посла безвкусіемъ своего наряда, кучей жемчуга и золота да грошовыми притираніями, которыя лежали слоями на ея заплывшемъ лицѣ. А наши на Западѣ, даже волонтеры Петра, дивились, какъ это тамъ женщины ходятъ открыто, иногда даже играютъ на частныхъ сценахъ, и это „не считается стыдомъ".

Но чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ болѣе духъ преобразованій касается русской женщины. Жизнь выдвинула раскольницу — женщину свободную, равноправную съ мужчиной, которая не менѣе принимала участія въ общемъ дѣлѣ, чѣмъ западная женщина во время реформаціи (*Н. И.* §§ 4, 60). Она нерѣдко сама основывала толки и, какъ пророчица или Богородица, руководила толпами. Она жила, съ кѣмъ хотѣла, даже безъ брака: „кто не имѣетъ іереевъ, пусть живетъ просто" (безъ вѣнчанія), сказалъ Аввакумъ. Съ другой стороны, росло вліяніе Нѣмецкой Слободы, гдѣ процвѣтала женская культура. Русскія освѣдомлялись у иностранцевъ, въ церкви: въ такомъ ли же гнетѣ и униженіи женщины въ Европѣ? И крестьянинъ Посошковъ уже такъ наставлялъ сына: „Дѣвица такой же чело-

вѣкъ, какъ и ты, а не лошадь: выбравъ, спроси, нравишься ли ты ей? Ничего не дѣлай безъ совѣта жены, ибо она дана тебѣ не для порабощенія или услуги, а для помощи". Новый духъ сталъ проникать даже въ заскорузлую область обряда: хотя женихъ принималъ еще плеть изъ рукъ тестя, однако ударъ ею невѣсты женихомъ замѣнился поцѣлуемъ. Женоубійцъ стали бить кнутомъ или лишали ихъ рукъ и ногъ. Алексѣй запретилъ даже мужьямъ продавать помѣстья и вотчины женъ безъ ихъ согласія. Патріархъ уже воспрещалъ вѣнчать безъ согласія невѣсты. Женщина получила доступъ въ мужскіе покои, выходившіе на улицу, и смотрѣла въ стекла оконъ. Мужья позволяли женамъ, въ свое отсутствіе, принимать пріятельницъ и иногда выводили дочерей къ гостямъ.

Переворотъ совершался особенно ясно на Верху. Алексѣй въ первыя 20 л. жилъ еще по Домострою; и подлѣ него была женщина стараго закала, хотя добрая (§ 198), тайно помогавшая Ртищеву въ заботахъ о раненыхъ. „Тишайшій", который запрещалъ качели и пѣсни и сожигалъ музыкальныя инструменты, поддерживалъ теремъ: не показывалъ царицы даже посламъ. Затѣмъ его бытъ измѣнился, подъ вліяніемъ первой женщины новой Россіи, матери Петра (§ 206). Иностранцы говорили про Наталью Кириловну: „женщина сильнаго ума и возвышеннаго характера, она не стѣсняетъ себя мелочами и ведетъ жизнь посвободнѣе и веселѣе". Она заставила царя раскрыть „запаны и завѣсы", скрывавшія женщину на Верху. Сначала она открываетъ окно въ каретѣ. Всеобщій скандалъ— и ей запретили эту вольность. Глядь, а она уже разъѣзжаетъ въ „открытомъ" экипажѣ, то одна, то рядушкомъ съ мужемъ. Затѣмъ она принимаетъ бояръ въ свои именины, раздаетъ имъ пироги изъ собственныхъ рукъ, является на торжественныхъ выходахъ. Наконецъ, заводитъ при дворѣ театръ съ французскими танцами. И этимъ театромъ орудуетъ ея дочь, Наталья, любимая сестра Петра, которая потомъ поддерживала его преобразовательныя планы. Царевна, которая училась у малороссійскихъ ученыхъ, сама пишетъ комедіи, въ которыхъ выводитъ, напримѣръ, заговоръ Шакловитаго.

При Ѳедорѣ теремъ совсѣмъ мѣняетъ свой видъ и даже забираетъ власть, какъ въ Византіи. Пять сестеръ „чахлаго" царя устроили собственную обстановку — каменныя палаты, гдѣ красовались ихъ портреты съ царскими отличіями. Сюда были вхожи мужчины, среди которыхъ царевны

свободно избирали свои привязанности, а также представители новой науки, Полоцкій и Медвѣдевъ. Сестры жили открыто и весело, любили наряжаться, впервые сбросивъ дѣвичью фату. Онѣ стали участвовать во всѣхъ церемоніяхъ. Иностранецъ Корбъ записалъ въ 1698 г.: „совершилось смягченіе нравовъ: сегодня женщины не только были на обѣдѣ (во дворцѣ), но и присутствовали при танцахъ". Это Наталья Алексѣевна съ дамами смотрѣли изъ сосѣдней комнаты. Сестры появились на церковномъ соборѣ, въ двоецарствіе (§ 209). Средняя изъ нихъ, третья Софья въ исторіи Россіи, заняла мѣсто у престола: ее называли Пульхеріей византійской, Елизаветой англійской, Семирамидой. Софья Алексѣевна становилась въ церкви на царскомъ мѣстѣ; ее поминали вмѣстѣ съ царями. Она не посрамила высокаго мнѣнія иностранцевъ о дарованіяхъ русской женщины; но въ ней еще просвѣчиваютъ старыя черты (§ 208). И положеніе ея было переходное. Въ народѣ вспоминали такія поговорки, какъ „у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ". Самъ Петръ, на царскомъ выходѣ, когда сестра явилась простоволосою, возсталъ противъ такого „неприличія" и „необычности". Правленіе Софьи считалось „срамнымъ, зазорнымъ" дѣломъ. А рядомъ съ этою переходною женщиной стоялъ идеалъ Домостроя, боярыня Морозова. Эта ученица Аввакума и понынѣ святая мученица у раскольниковъ, добровольно и „съ мужескою мудростью" претерпѣла жестокія пытки „за старое преданіе отеческое". Очевидно еще требовалась могучая рука, чтобы окончательно двинуть нашу женщину на новый путь. Корбъ говорилъ: „женщины освободились бы изъ крайне унизительной покорности, еслибы только нашелся преобразователь столь жестокихъ для нихъ обычаевъ".

Чтò сдѣлалъ преобразователь для женщины, видно изъ ходившей на Западѣ сказки, будто, когда Наталья Кириловна смотрѣла въ щелку на пріемъ посла, 3-лѣтній богатырь распахнулъ дверь — и русская султанша открылась міру. Петръ выпустилъ нашу женщину даже въ Европу: его сестра лечилась въ Германіи, затѣмъ туда же ѣздила Екатерина. Онъ думалъ отправить къ нѣмцамъ боярышенъ, чтобы онѣ обучились нравамъ, языку и домашнимъ работамъ; да родители воспротивились. Въ то же время Россія раскрылась для иностранокъ. Царь женилъ своего сына на германской принцессѣ, и не коснулся ея религіи. Въ Петербургѣ завелись французскія гувернантки; и ихъ питомицы уже превосходили нѣмокъ въ свѣт-

скости, по сознанію самихъ иностранцевъ: Екатерина I была безграмотна; за нее подписывалась Елизавета Петровна; ея дѣтей воспитывала Наталья Алексѣевна. Петръ сравнялъ женщину съ мужчиной на самомъ верху государства: онъ впервые всенародно короновалъ царицу (§ 222). При немъ жена получила право *судиться съ мужемъ*, чего достигли англичанки лишь въ 1882 г. Было запрещено вѣнчать безъ согласія жениха и невѣсты. Обрученіе велѣно совершать за 6 недѣль до свадьбы, чтобы молодые люди успѣли ознакомиться: и исчезъ обманъ на дѣвицъ. Было запрещено также писать договоры о приданомъ, чтобы отнять у брака видъ продажи.

Петръ разрѣшилъ браки съ иновѣрцами, облегчилъ усыновленіе и дозволилъ разводъ. Самъ онъ развелся съ Лопухиной еще по-старому, заточивъ ее въ монастырь; но когда онъ преобразовалъ монастыри, попы стали выдавать разводныя свидѣтельства. Тогда же развились „морганатическіе“ (тайные) браки: онъ самъ и его дочери были привѣнчаны впослѣдствіи. Петръ всячески старался уничтожить теремное домосѣдство, столь же ненавистное ему, какъ борода и русскіе халаты. Съ 1700 г. повелѣно было женщинамъ всѣхъ сословій, не исключая духовенства, носить нѣмецкое платье. Въ этомъ платьѣ, открыто, безъ фаты, жены и дочери дворянъ и купцовъ должны были выѣзжать въ общество. Эти *дамы* были обязаны присутствовать на всѣхъ общественныхъ забавахъ, въ особенности на ассамблеяхъ, игравшихъ большую роль въ женскомъ вопросѣ (§ 253). Однажды онѣ не явились на спускъ новаго корабля: на другой день Петръ собралъ ихъ и всѣхъ перепоилъ за ослушаніе. Русская женщина поддерживала преобразователя, какъ выносила она, угнетенная раба, освободительную мысль Христа. Она рвалась къ достойной жизни. Она радовалась и новому платью, и человѣчнымъ указамъ Петра. Здѣсь не было протеста старины: только московскія старухи носили старинныя шубки подъ новымъ платьемъ; да и то недолго.

Послѣ Петра въ низшихъ слояхъ общества, особенно у духовенства и замоскворѣцкаго купечества, сохранялись взгляды и обычаи Домостроя; а въ высшихъ кругахъ на женщинѣ отражалась всеобщая грубость. По словамъ Щербатова, при Петрѣ II женская честь была „не болѣе безопасна въ Россіи, чѣмъ въ городѣ, взятомъ турками“. Бракъ служилъ разсчетомъ родителей: при Аннѣ зачастую женили мальчиковъ 11-ти л.; а разводныя свидѣтельства запрещались. Дама становилась куклой

новаго вида – изящною, развязною говоруньей, но пустою искательницей наслажденій и приключеній. Подъ дорогими нарядами скрывалось грязное бѣлье, какъ подъ французскими фразами — легкомысліе, спесь да кулачная расправа съ Машками. Такъ какъ признакомъ красавицы стала блѣдность, то дамочки пили уксусъ, ѣли мѣлъ и бумагу. Такъ какъ особенное вниманіе обращалось на головной уборъ, а въ Москвѣ была одна только мастерица по этой части, то иныя щеголихи убирали волосы за трое сутокъ и спали сидя, чтобы не испортить прически.

Но положеніе женщины уже не могло находиться въ застоѣ, послѣ такихъ преобразованій, какъ Петровскія, тѣмъ болѣе, что на помощь освобожденной даровитой рабѣ шло образованіе. Западное просвѣщеніе дѣлало свое дѣло, какъ ни поверхностно воспринималось оно. При дворѣ развивались преданія Петра. Въ лицѣ его внучки, почти ребенка, *Натальи Алексѣевны*, русская женщина уже возвысилась до „идеала честныхъ людей" (§ 223). Тогда же знать выставила соперницу ей, по нравственной красотѣ, героиню невинныхъ страданій изъ-за чувства долга. *Наталья Шереметева* (§ 223), по смерти отца, обучалась у матери, въ Москвѣ, всѣмъ наукамъ того времени. Веселая жизнерадостная дѣвочка уединилась, какъ старуха, по смерти своей матери, углубившись въ чтеніе и домашнія работы. Ей не было 16-ти л., когда она обручилась съ Иваномъ Долгорукимъ, хотя „довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ". Когда палъ князь Иванъ, напрасно всѣ отговаривали Наталью Борисовну отказаться отъ своего слова. Она говорила: „Честная ли это совѣсть—бросить любимаго человѣка въ несчастьѣ? Я не могла любить разныхъ, хотя въ нынѣшній вѣкъ такая мода". Уже при въѣздѣ Анны Ивановны въ Москву, толпа кричала ей: „прошло ваше время!" Всѣ, даже родные, отступились отъ нея. Но она пошла за мужемъ въ Березовъ. Тамъ она испытала всевозможныя лишенія и непріятности отъ дурной семьи Долгорукихъ, работая, какъ крестьянка: „разрушенная" невѣста царская, Екатерина Долгорукая, преслѣдовала брата ненавистью. Послѣ казни князя Ивана, Наталью пустили въ Москву, гдѣ она предалась воспитанію своихъ дѣтей, скитаясь по чужимъ домамъ. Умерла она 57-ми л., въ Кіевскомъ монастырѣ, бросивъ въ Днѣпръ обручальное кольцо. Шереметева оставила симпатичныя записки. Рылѣевъ посвятилъ ей одну изъ своихъ думъ, Козловъ—особую поэму.

Съ Елизаветы особенно замѣчается улучшеніе въ положеніи женщины. Она сама смолоду вела свободную, можно сказать, мужскую жизнь. При ней дворъ и высшій кругъ были охвачены французскою вѣжливостью, съ ея поклоненіемъ дамѣ, съ ея свободнымъ взглядомъ на житейскія отношенія. Тогда особенно усилились разводы, а также двоеженство и браки между близкими родственниками. Это направленіе, впадавшее въ противоположную Домострою крайность, развивалось при Екатеринѣ II, которая подавала примѣръ женщины, не знающей границъ ни въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ, ни въ своихъ слабостяхъ. Тогда разводы считались сотнями въ однѣхъ столицахъ. Женщина стремилась сравняться съ мужчиной во всѣхъ правахъ: она участвовала въ выборахъ въ Большую коммиссію. Екатерина и законами, и собственнымъ примѣромъ выдвигала ее на всѣхъ поприщахъ, не исключая высшей культуры. Она уважала пѣвицъ, выписывала даровитыхъ художницъ изъ Франціи. Она поддерживала княгиню Дашкову, которая лѣтъ 10 обучалась за границей, сама писала въ ея журналѣ, назначила ее президентомъ Россійской академіи; и Дашкова удостоилась занять мѣсто на ея памятникѣ (§ 242). Немудрено, что въ Германіи свѣтила педагогіи собирались открыть, въ честь Екатерины, новую школу, откуда выходили бы женщины, стоящія на высотѣ цивилизаціи. Періодъ завершился появленіемъ у престола такого образца просвѣщенности и человѣколюбія, какъ Марія Ѳедоровна (§ 243). Съ именемъ этой императрицы связанъ длинный рядъ памятниковъ добра.

§ 255. **Понятія**. — Медленность въ улучшеніи нравовъ зависѣла, прежде всего, отъ умственной спячки. Въ началѣ періода, Крижаничъ (§ 200) замѣтилъ: „Русскіе *коснаго* разума и неудобно сами что выдумываютъ. Наше людство лѣно и непромысльно, и сами себѣ не хотятъ добра учинити, аще не будутъ нѣкако силою принужены“. Даже учителя московитовъ, малороссы, смотрѣли на жизнь по Домострою. Полоцкій — настоящій попъ Сильвестръ во взглядахъ не только на женъ, но и на дѣтей. Воспитаніе сводится у него къ простому правилу: „не щадите, родители, жезловъ вашихъ; налагайте язвы на дѣтей; угощайте ихъ не душевреднымъ лобзаніемъ, а нравоисправительнымъ біеніемъ“. Передъ Петромъ въ умахъ сохранялись пережитки родоваго быта, вмѣстѣ съ суевѣріями и смутностью понятій (§ 173). На первомъ планѣ все еще стадность, не допускающая „мнѣній“, личности, даже собственной фамиліи.

„Пошлина“ попрежнему сковывала мысль. *Нетерпимость* или „нестерпимо глупое высокомѣріе“ оставалось религіей массъ. Она выступала тѣмъ яростнѣе, чѣмъ больше надвигалась волна западнаго просвѣщенія. Котошихинъ бросаетъ такое обвиненіе царю Алексѣю: „для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ“. Малѣйшая новизна казалась разрушеніемъ Руси, ересью и преступленіемъ. Даже малороссійскіе и греческіе грамотѣи, которые считали западныхъ ученыхъ еретиками, были въ глазахъ москвича зловредными „обливанниками и ляшенками“ (полячишками). Имъ говорили: „знаютъ на Москвѣ древнее преданіе и безъ четырехъ патріарховъ; могутъ на Москвѣ и четырехъ патріарховъ отринуть, какъ папу, если неправославны будутъ“. Такъ смотрѣлъ на нихъ самъ Никонъ, противный раскольникамъ больше всего за то, что онъ дружилъ съ греками. Вѣрные же православію ненавидѣли расколъ, какъ проявленіе особаго, самостоятельнаго „мнѣнія“: просвѣщенный Полоцкій называлъ расколо-учителей „смрадными козлищами, псами лающими, которымъ, вмѣсто отвѣта, нужно заградить уста жезломъ и оплевать ихъ обличеніе“.

Тѣмъ болѣе ненавистно было москвичу все западное. Препираясь съ поляками изъ-за государева титула, наши послы говорили имъ: „перенимать у васъ никакого ученія не хотимъ; вы не можете научиться, какъ именовать и описывать великихъ государей нашихъ; и вы, ученые, стали глупѣе насъ, ненавычныхъ“. Московская академія (§ 207) свирѣпствовала преимущественно противъ западныхъ вліяній, особенно если тутъ замѣшивалась „естественная магія“. Она недозволяла москвичамъ держать иноземныхъ учителей и ихъ книги. Она изыскивала „неправомудрствующихъ“ и, не слушая никакихъ „словесъ и разсужденій“, сожигала ихъ книги и ихъ самихъ, а также всякаго, кто покидалъ православіе или ронялъ словечко противъ иконъ и мощей. Академія добивалась, чтобы только ея питомцы занимали высшія должности, дѣлясь ими развѣ только съ „благородными дѣтьми“. Она проводила малороссовъ, намѣсто иностранцевъ, въ придворные актеры и домашніе учителя. По ея настояніямъ, Алексѣй выгналъ иноземцевъ изъ Москвы и уніатовъ изъ Вильны, а въ Могилевѣ отставилъ всѣхъ служащихъ не только изъ евревъ, но и изъ католиковъ. Противъ иностранцевъ вооружались даже Нащокинъ, Посошковъ,

Наталья Кириловна и Яворскій, признававшіе нужду въ нихъ, какъ въ учителяхъ. Крижаничъ осуждалъ какъ „скитаніе по чужимъ краямъ", такъ и „ксейноманію" (гостепріимство), восхваляя замкнутость Китая. За это же пристрастіе къ иноземцамъ москвичи называли Ртищева и Морозова „совращенными съ праваго пути". Нѣмецкая Слобода была отведена иностранцамъ, какъ заразный уголъ, какъ еврейскій кварталъ гетто въ Неаполѣ. При мятежѣ 1682 г. больше всего пострадали врачи и друзья иноземцевъ, и бунтъ 1698 г. ярко окрашенъ національнымъ высокомѣріемъ (§§ 208, 213). Въ началѣ царствованія Петра, при боярскомъ правленіи (§ 211), настала даже послѣдняя попытка возрожденія старины. Москвичи подымались противъ ученыхъ малороссовъ и поляковъ. Патріархъ Іоакимъ сжегъ, какъ еретика, мистика Кульмана, который придерживался нѣмецкаго философа Бема (*Н. И.* § 55), погубилъ Медвѣдева (§ 209), изгналъ іезуитовъ, затруднялъ пріѣздъ людей съ Запада и переписку съ ними, собирался уничтожить кирки въ Нѣмецкой Слободѣ; тогда Гордонъ не смѣлъ всенародно обѣдать съ Петромъ. Іоакимъ оставилъ такое завѣщаніе: „Заповѣдую отставить проклятыхъ еретиковъ-иновѣрцевъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно; не имѣть общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары; соблюдать нравы, обычаи, одежды, которые въ каждомъ государствѣ свои". Того же требовалъ послѣдній патріархъ Адріанъ.

Иностранцы страдали въ Москвѣ еще отъ суевѣрій: народъ считалъ науку чертовщиной. Особенно доставалось „естесловцамъ". Даже Полоцкій, признававшій только „свободныя художества" (грамматику, риторику, философію), ибо они „споспѣшествуютъ духовной премудрости", называлъ объясненіе природы „естественными причинами" „премудростью людскою", т.-е „буйствомъ предъ Богомъ". Самъ онъ считалъ землю средоточіемъ міра, внутри котораго адъ, гдѣ содроганіе грѣшниковъ производитъ землетрясенія. Артамона Матвѣева обвиняли въ чтеніи Черной Книги за то, что онъ занимался медициной съ иностранными врачами. Стрѣльцы кричали про медика: „Это чернокнижникъ! Мы нашли въ его домѣ сушеныхъ змѣй. И за это надо казнить его смертью". Вѣра въ чорта держалась во всей своей силѣ, причемъ главнымъ вмѣстилищемъ нечистой силы все еще считалась женщина, которая и сама вѣрила этому. Передъ Петромъ нерѣдко сожигали кол-

дуній и вѣдьмъ. Въ одномъ городѣ владыка собиралъ народъ набатомъ, чтобы узнать, „не видѣлъ ли кто, какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ"? Царь Алексѣй, пришедши ночью къ гробу патріарха, трепеталъ при мысли, что мертвецъ „тотчасъ, вскоча, тебя ударитъ". Полоцкій написалъ цѣлую книгу „Поученій противъ суевѣрій", гдѣ говорится: „случится человѣку, обуваяся, кашлянуть или, выходя изъ дому, споткнуться, онъ возвращается и не дѣлаетъ своего дѣла; съѣдятъ мыши платье—быть бѣдѣ; встрѣтится камень, песъ, ребенокъ — тотчасъ камень топчатъ, колотятъ пса, даютъ оплеухи ребенку". Еще вѣрили снамъ, нашептывали, гадали, носили наузы, скакали черезъ огонь. Полоцкій и Славинецкій считаютъ суевѣрія „тысячами".

Попрежнему господствовалъ и внѣшній взглядъ на христіанство. Полоцкій гремѣлъ противъ хороводовъ и рѣлей, а по праздникамъ запрещалъ бесѣды и всякій трудъ, даже собираніе ягодъ и орѣховъ, торговлю же допускалъ только въ крайности, и то лишь на 3 часа. Въ богословіи Полоцкаго, названномъ „Вѣнецъ вѣры каѳолическія", утверждаются такія истины: Адамъ и Ева пробыли въ раю только 3 ч.; у Христа было 5.000 язвъ на тѣлѣ; передъ концомъ міра Энохъ и Илія будутъ проповѣдывать 1.260 дней, потомъ ихъ убьетъ Антихристъ, который будетъ царствовать $3^1/_2$ г., но они опять воскреснутъ, и даже съ „кишками, которыя будутъ наполнены не смраднымъ каломъ, а преизрядными влагами". Православные не менѣе упорно, чѣмъ раскольники, стояли за всякую внѣшность, отъ трехперстнаго сложенія до бороды. Самъ Полоцкій вооружался противъ множества ложныхъ чудесъ и мощей, противъ почитанія иконъ богами и т. под. Въ этомъ смыслѣ важна *хлѣбопоклонная ересь*. Однажды, при Софьѣ, Полоцкій поспорилъ съ Славинецкимъ о томъ, когда совершается пресуществленіе? Онъ утверждалъ, какъ католики, что при словахъ „пріидите, ядите"; Славинецкій же доказывалъ, что позже, при молитвѣ іерейской. Если принять толкованіе Славинецкаго, то Полоцкій „поклонялся хлѣбу", а не тѣлу Христову. Патріархъ сталъ за Славинецкаго, какъ за эллиниста. Но по смерти Полоцкаго, дѣло разгорѣлось, благодаря упорству его ученика, Медвѣдева, который насмѣхался надъ невѣжествомъ патріарха Іоакима (§ 209). Медвѣдевъ защищалъ Полоцкаго въ цѣлой книгѣ—„Маннѣ". Споръ становился народнымъ событіемъ: въ немъ принимали участіе купцы, ремесленники, рыночныя тор-

говки. За Медвѣдева стала сама Софья съ своими приверженцами. Патріархъ нашелъ опору въ Лихудахъ, которые составили опроверженіе „Манны", и въ восточныхъ патріархахъ. Іоакиму помогло паденіе Софьи и гибель Медвѣдева. Церковный соборъ призналъ ученіе Полоцкаго ересью. Въ то же время онъ оказался протестомъ старины противъ просвѣщенія: на немъ были осуждены сочиненія юго-западныхъ ученыхъ, какъ „новотворенныя и заключающія въ себѣ душетлительную отраву латинскаго зломудрія и новшества".

Лучшимъ проявленіемъ стараго умоначертанія былъ *расколъ*. Здѣсь самое наглядное и крѣпкое совмѣщеніе нетерпимости и обрядности древней Руси: оттого тотчасъ возникли названія — „старовѣрство, старообрядчество". Расколъ—наша доморощенная ересь: и въ немъ-то отразилась вся умственная косность старины. Наша масса не пикнула, когда Іоакимъ боролся за дѣло старое, отжившее свой вѣкъ въ Европѣ со временъ реформаціи (§ 200); но она возстала противъ своего патріарха, когда тотъ взялся за дѣло новое, вызванное успѣхами просвѣщенія, за исправленіе вопіющихъ ошибокъ въ церковныхъ книгахъ. Главною цѣлью ожесточенныхъ нападокъ Аввакума была „никоніанская ересь". Древній русакъ благоговѣлъ предъ каждымъ листкомъ, запечатлѣннымъ „преданіемъ" далекой старины. Онъ зналъ только слова и считалъ погибелью всякое „мнѣніе" или сомнѣніе въ нихъ; его дѣло было только говорить „отъ книгъ, отъ писаній", а не разсуждать о прочитанномъ. Лишенный школъ, онъ ходилъ только въ церковь; а она была буквой и обрядомъ. Въ прошломъ періодѣ прибавка одной буквы или одного пальца въ молитвѣ составляла событіе, которое волновало царей и умниковъ и заносилось въ лѣтописи. Такимъ старовѣромъ былъ Іосифъ Санинъ (§ 115): его преемникомъ былъ протопопъ Аввакумъ. Нелѣпости этого духа косности въ расколѣ ясно и кратко опредѣлены уже Славинецкимъ (§ 206). Пустосвятъ (§ 201) видѣлъ призываніе дьявола въ молитвѣ при крещеніи только потому, что не могъ отличить звательнаго падежа отъ именительнаго („да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ Господи, духъ лукавый"). Раскольники усмотрѣли раздвоеніе лица Христова въ возгласѣ „единъ Господь Іисусъ Христосъ" только потому, что прочли „Господь и Исусъ". Они видятъ гибель вселенной въ замѣнѣ ихъ грубаго „смертію на смерть наступи" болѣе изящнымъ „смертію смерть поправъ", и т. под. Столь же странны озлоб-

ленные крики раскольниковъ противъ формы разныхъ обрядовъ (§ 201), причемъ выступаетъ другая черта древней Руси — нетерпимость. Они негодовали на Никона за дружбу съ греками, которые взяли-де отъ римлянъ разнополыя рясы, рогатые клобуки, нарукавники, золоченые посохи, благословеніе обѣими руками, сидѣнье за исповѣдью и т. под. Аввакумъ всюду видѣлъ „фряжскую и нѣмецкую ереси"; свѣтская наука Запада казалась ему наслѣдіемъ язычества свободный разумъ — исчадіемъ ада.

Но уже ничто не могло уберечь древняго умоначертанія. Его неистовства при послѣднихъ патріархахъ—предсмертныя судороги. Рядомъ крѣпли свѣжія новыя понятія, подъ напоромъ новыхъ потребностей. Самый расколъ служилъ умственнымъ бродиломъ. Онъ заставлялъ читать и разсуждать. Его начетчики были выше православныхъ. Здѣсь, по словамъ Полоцкаго, даже „буія женища (глупое бабье) словопреніе дѣютъ безумное". Расколъ разоблачалъ недостатки своихъ враговъ. Въ его крайнихъ толкахъ возрождались старыя ереси, съ признаками „жидовства" и лютеранства. Но важнѣе всего было непреодолимое вліяніе западнаго просвѣщенія. Поворотъ нашей мысли въ эту сторону (§ 165) совершился въ началѣ періода, подъ вліяніемъ южной Россіи. Въ то же время начался наплывъ иностранцевъ изъ Европы, котораго не могла сдержать никакая національная нетерпимость. Царь Алексѣй, возбранявшій музыку народу, держалъ ее на Верху, да еще иноземную. Онъ призывалъ къ себѣ съ Запада разныхъ „хитрецовъ", свѣдущихъ людей: у него былъ даже врачъ еврей, а прежде отлучали отъ церкви всякаго, кто лечился у еврея. Вмѣсто того, чтобы умывать руки послѣ пріема посла, Алексѣй обижался тѣмъ, что папа требовалъ отъ нашихъ цѣлованія туфли. Новые люди при немъ представляли собой не только сильные характеры, но и крупные умы съ широкими понятіями: то былъ кружокъ преобразователей, воспитанный Западомъ (§ 206). Сынъ одного изъ нихъ, Нащокина, напомнилъ Хворостинина по жгучей жаждѣ просвѣщенія.

И тогда не одинъ юноша бѣжалъ за границу для обученія, или временно принималъ католичество, чтобы попасть въ польскую школу. Наши послы называли китайцевъ „варварами" и хвастались полякамъ, что ихъ царь „навыченъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ". При Алексѣѣ народъ жаловался, что новые люди „всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ". Полоцкій и Славинецкій проповѣдывали противъ хан-

жества и ложнаго пониманія иконъ и постовъ. Они изумлялись дерзости людей, которые, подобно раскольникамъ, брались поучать другихъ, сами еле читая по складамъ. Самъ Алексѣй уже не считалъ голубей св. Духомъ, кормилъ ими кречетовъ. При немъ церковный соборъ (1666) подписалъ приговоръ умоначертанію всей древней Руси, разгромивъ стоглавый соборъ за то, что онъ „мудрствовалъ невѣжествомъ своимъ безразсудно и неправедно“. А при Софьѣ передовые люди уже дорожили „славой за моремъ, въ иныхъ земляхъ“; и сама правительница, опора просвѣщенія, посылала, съ этою цѣлью, свой портретъ въ Голландію (§§ 208, 209). Это умственное движеніе наверху находило отголосокъ въ обществѣ. Здѣсь пріобрѣтали успѣхъ поляки и іезуиты, которые появились въ Москвѣ съ помощью Василія Голицына: они стали за хлѣбопоклонную ересь, которая жила нѣсколько времени и послѣ соборнаго осужденія. Въ Москвѣ же дьяконъ Артемьевъ, побывавшій въ Венеціи, служилъ покатолически, порицалъ гоненія раскольниковъ и называлъ патріарховъ „потеряхами“, ибо они потеряли истинную вѣру; у него образовался значительный кружокъ. Замѣчалось также вліяніе лютеранъ и кальвинистовъ, отвергавшихъ внѣшнюю сторону религіи.

Петръ былъ богатыремъ дѣйствія, потому что онъ былъ богатыремъ мысли. Въ немъ воплотилось новое умоначертаніе Россіи. Сознательный другъ свѣтскости, западнаго просвѣщенія, онъ своимъ примѣромъ сдѣлалъ больше всего для подавленія косности русскихъ Ему особенно ненавистна была основа Московіи—„лицемѣріе и квасъ фарисейскій“, духъ монаховъ, этихъ „тунеядцевъ и плутовъ“. Онъ издавалъ откровенные указы противъ увлеченія обрядностью, сокращалъ число церквей, акаѳистовъ, чудотворныхъ иконъ и крестовыхъ ходовъ, снималъ привѣски у образовъ, забиралъ въ полицію кликушъ и бѣсноватыхъ. У него избраніе князь-папы было осмѣяніемъ не одного папства, но и архіерейства. Онъ отмѣнилъ перекрещиваніе католиковъ и лютеранъ, разрѣшилъ браки съ иновѣрцами, ставилъ иностранцевъ въ примѣръ своимъ невѣгласамъ и уже въ 1694 г. своеручно заложилъ лютеранскую кирку въ столицѣ древней Руси. Петръ внесъ къ намъ много свѣжихъ понятій черезъ переводы такихъ книгъ, какъ Пуффендорфъ и „Ѳеатронъ“, гдѣ говорилось о вѣротерпимости и свободѣ, о „человѣкѣ и гражданинѣ“. Онъ самъ отмѣчалъ, въ газетахъ и брошюрахъ, для перевода мѣста, гдѣ авторы глумились надъ пороками прави-

телей. Насколько глубоко было умственное потрясеніе, произведенное преобразователемъ, видно изъ толковъ старины про этого „міроѣда“ и антихриста (§§ 212, 216). Его мало понималъ даже высшій слой общества. Отправка „волонтеровъ“ вызвала боярскій заговоръ противъ его жизни; и нѣкоторые изъ нихъ бѣжали на Аѳонъ. Въ первоначальныхъ проектахъ частныхъ лицъ говорилось, по словамъ Салтыкова, только то, что̀ „приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ какъ республикамъ или парламенту“. Здѣсь, какъ у Крижанича, совѣтовалось, для поднятія торговли, „загородить накрѣпко диру“, которую иностранцы прорубили изъ нашей земли, т.-е. почту, да прогнать нѣмецкихъ гостей. А наши купцы не хотѣли возить своихъ товаровъ за границу. Они не желали даже мѣнять Архангельскъ на Петербургъ: за перенесеніе торга съ Бѣлаго м. въ Балтійское, насильно совершенное Петромъ, стоялъ одинъ только Меншиковъ.

Но воля генія, поддержанная потребностью страны, взяла свое. Послѣ Полтавы, „доносители“ говорятъ уже о свободѣ торговли, о пониженіи пошлинъ на иностранные товары, о торговыхъ договорахъ, о расширеніи сношеній съ Европой; является и много плановъ развитія просвѣщенія въ Россіи. А среди птенцовъ подготовляются сочинители будущихъ политическихъ „затѣекъ“: они ознакомились съ западными мыслями на мѣстѣ. „Отеческое поученіе“ крестьянина Посошкова проникнуто взглядомъ, противнымъ Домострою. Оно наставляетъ сына любить просвѣщеніе да помогать бѣднымъ, „не взирая, какова той породы вѣра“. Авторъ боялся „сильныхъ лицъ“, ибо старался „истребить неправду“: послѣ Петра, онъ умеръ въ Петропавловской крѣпости. Но при преобразователѣ то же самое говорили, и съ церковныхъ каѳедръ, и въ своихъ писаніяхъ, такіе владыки, какъ Ѳеофанъ и св. Димитрій (§ 220). Здѣсь продолжалась и борьба латинства съ протестантствомъ въ лицѣ Яворскаго и Прокоповича. Протестантскій духъ проникалъ и глубже. Лекарь Тверитиновъ основалъ цѣлую секту, отрицавшую обрядности, къ которой принадлежали купцы, чиновники и простыя женщины, помогавшіе другъ другу побратски; ихъ отдали въ слуги владыкамъ. Въ Москвѣ образовался кружокъ иконоборцевъ, во главѣ котораго стояла начетчица, жена приказнаго, Настасья Зима.

Послѣ Петра новыя понятія постепенно развиваются: они засѣли прочно въ интеллигентномъ кругу, который все расширялся. Но до половины 18-го в. имъ приходилось еще выдер-

живать упорную борьбу съ пережитками древняго умоначертанія. Съ Петра II даже обнаружился легкій поворотъ назадъ (§ 223). Сами верховники принадлежали къ „староруссамъ", въ глубинѣ своихъ стремленій. Ѳеофанъ подвергся нападкамъ. Синодъ издалъ „Камень Вѣры" столпа старины, Яворскаго (§ 220),—книгу, которая была направлена противъ протестантства Прокоповича и стала орудіемъ борьбы реакціи противъ преобразованій. Принимались крайнія мѣры противъ перехода смоленской шляхты въ католицизмъ. При Аннѣ Ѳеофанъ одержалъ верхъ надъ стариной, но лишь особымъ стараніемъ выказаться вполнѣ православнымъ. Тогда же стали преслѣдовать разводъ; одинъ чиновникъ избилъ плетьми нѣмца за Лютера; флотскій капитанъ былъ сожженъ за переходъ въ еврейство, вмѣстѣ съ совратившимъ его евреемъ.

При Елизаветѣ особенно развилась религіозная исключительность. Духовенство проповѣдывало, что нужно охранять древнее благочестіе отъ иновѣрцевъ—и солдаты били иностранцевъ. Архіереи преслѣдовали школы, тѣмъ болѣе, что въ нихъ все еще учили „черкасишки". Тогда ломали мечети у татаръ и даже упразднили армянскія церкви въ столицахъ; насильно крестили инородцевъ; всячески распространяли „Камень Вѣры"; горячо вступались за диссидентовъ въ Польшѣ изъ однихъ религіозныхъ видовъ и чуть не поссорились съ Австріей изъ-за „трансильванскихъ жителей греческой вѣры". Елизавета штрафовала родителей, не учившихъ своихъ дѣтей катехизису; она всегда оправдывала синодъ и возвратила ему доходы съ церковныхъ имуществъ, уничтоживъ коллегію экономіи. Тогда же установилась цензура: сенатъ сталъ просматривать академическія изданія, а синодъ—запрещать переводы не только богословскихъ, но и свѣтскихъ книгъ; однажды онъ арестовалъ въ таможнѣ фарфоровыя писанки съ изображеніемъ святыхъ. Миллеру запретили продолжать „Опытъ новой исторіи о Россіи". Не дозволялось изданіе лѣтописей, которое стѣсняли даже при Екатеринѣ II. Наконецъ, Елизавета велѣла всѣмъ евреямъ выѣзжать изъ Россіи и, на замѣчаніе сената, что это погубитъ торговлю, отвѣчала: „отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли".

Съ Петра III правительство становится вѣротерпимо; но даже Екатерина II поддерживала такую основу старины, какъ безграничная родительская власть: она завела тюрьмы, куда родители имѣли право сажать строптивыхъ дѣтей. Суевѣрія же и ненависть къ наукѣ сохранялись въ народѣ въ теченіе всего періода, отчасти даже

въ высшемъ обществѣ. Чудеса у гроба Никона переходятъ въ 19-й в. При Аннѣ, пятнистый тифъ въ Москвѣ объясняли тѣмъ, что ночью привели на спящихъ людей слона изъ Персіи; Татищева считали еретикомъ за его познанія; военныя власти обращали лекарей въ своихъ камердинеровъ и парикмахеровъ. При Елизаветѣ генералы вѣрили въ колдуновъ, и архіереи запечатывали медикаменты; а народъ, при переписи, даже въ Москвѣ прятался, разбѣгался, или избивалъ ревизоровъ. Во время чумы 1770 г. москвичи бунтовали противъ разумныхъ мѣръ врачей, полиціи и митрополита Амвросія, который стоялъ за регламентъ, воспрещавшій чудеса; они избѣгали карантиновъ и осмотровъ, тайно хоронили чумныхъ на дворахъ, чтобы скрыть ихъ платье, требовали распечатать бани. Книги издавались только правительствомъ и не покупались; ихъ частью дарили служащимъ, частью отдавали въ счетъ жалованья или приказывали покупать купцамъ.

Но рядомъ укрѣплялись новыя понятія, которыя вторгнулись въ нашу жизнь при Петрѣ I и вызывали умственное движеніе, даже борьбу разныхъ взглядовъ. Если сначала возобладали „старорусcы“, захватившіе въ свои руки Верховный тайный совѣтъ, то при Аннѣ новое направленіе ужс доказало свою силу. Оно сосредоточивалось въ „ученой дружинѣ“, главою которой былъ Ѳеофанъ, а первыми бойцами Кантемиръ и Татищевъ; его поддерживали протестанты (нѣмцы). Во главѣ старины стояли друзья Яворскаго, съ его „Камнемъ Вѣры“; ее поддерживали католики. Новизна одолѣла: защитники „Камня Вѣры“ попали въ казематы и въ Сибирь; правительство стало исполнять мѣры Петра противъ духовенства; Кантемиръ, во имя науки и Петра, казнилъ въ сатирахъ священство и старую знать. Онъ писалъ: „та же и въ свободныхъ, и въ холопахъ течетъ кровь, тѣ же кости; Адамъ дворянъ не родилъ“. Такими же взглядами отличался Татищевъ. Выставляя идеаломъ Петра, онъ горячо изобличалъ роскошь, бездѣльничанье и лицемѣріе придворныхъ, зловредность монаховъ, облыжность купцовъ; онъ требовалъ учить крестьянъ грамотѣ, щадить ихъ силы, имѣть въ деревнѣ лекаря и аптеку; женщину онъ считалъ „не рабой, а товарищемъ и помощницей“, и указывалъ примѣръ молодой жены, которая долго, но тщетно заботилась обучить своего мужа. Въ то же время развивалась новизна въ политикѣ, какъ у верховниковъ, такъ и въ шляхетствѣ (§ 245). При Аннѣ видимъ уже крупнаго ея представителя—Волынскаго, на

могилу котораго многіе приходили при Екатеринѣ (§ 226). Елизавета, несмотря на свою набожность, насаждала европейскую образованность: она сама писала стихи, также какъ и Иванъ Шуваловъ, который учился риторикѣ у Ломоносова и не разставался съ книгой. Эта образованность—французское *Просвѣщеніе,* полное понятій новыхъ даже для Запада. Съ тѣхъ поръ умственное сближеніе съ Европой переходитъ отъ правительства къ обществу. Русскіе, которые при Петрѣ I съ трудомъ превращались въ нѣмцевъ и голландцевъ, плотниковъ и мастеровыхъ, теперь легко становились французами и философами да публицистами. Тогда же воспитывалась Екатерина II на энциклопедистахъ (§ 231).

Съ воцареніемъ Екатерины II началось небывалое умственное движеніе. Сама императрица хотѣла быть не только „философомъ на тронѣ", но и вождемъ всего Просвѣщенія. Она старалась перещеголять всѣхъ государей въ меценатствѣ (§ 234). Она призывала къ себѣ д'Аламбера „со всѣми его друзьями" и предлагала издавать „Энциклопедію", которая только въ ея Эрмитажѣ находилась въ цѣльномъ видѣ, не искаженномъ парижскою цензурой. Ея педагогическая исповѣдь—„инструкція" Салтыкову для обученія внуковъ, начертанная по Локку и Руссо. Ея политическое знамя—запрещенный въ Парижѣ „Наказъ", который вооружается даже противъ крупнаго землевладѣнія и внушаетъ: „равенство требуетъ хорошаго постановленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ".

Такъ, на самомъ верху опредѣлялось *вольтерьянство.* Оно проникло во всю печать и во всѣ мыслящіе слои общества. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", рядомъ съ главными извѣстіями, сообщались распоряженія Вольтера насчетъ своей племянницы; его сдѣлали членомъ академіи наукъ; ему дали матеріалы для исторіи Петра и послали за нее шубы. Въ провинціи обширныя библіотеки большихъ баръ были наполнены энциклопедистами. Даже мелкіе помѣщики и чиновники почитывали „господина Вольтера", сидѣли въ „вольтеровскихъ креслахъ". Въ медвѣжьихъ углахъ встрѣчались чудаки-„вольтерьянцы". Подконецъ мелкое дворянство проникалось даже якобинствомъ, а семинаристы становились деистами (*Н. И.* § 102). Невѣріе распространялось отъ унтеръ-офицеровъ гвардіи до оберъ-прокуроровъ синода. Каждый „образованный" лѣзъ въ „философы" (§ 196), т.-е. поднималъ вопросы о правахъ личности и народа,

объ обязанностяхъ власти, объ исправленіи помѣщиковъ, чиновниковъ и царедворцевъ, о свободѣ печати и гласности суда, о водвореніи милости и человѣколюбія, о поднятіи мужика; а Екатерина съ Фонвизинымъ требовали „третьяго чина". Всякому хотѣлось передѣлать міръ суевѣрій и предразсудковъ путемъ новаго „воспитанія", которое выставляли противъ схоластическаго „ученія": оно должно было создать „людей", а не спеціалистовъ, „санъ человѣка", а не вышколенное розгой холопство. Сюда были направлены усилія и оживившейся литературы, и частныхъ школъ, и журналистики. Здѣсь выступила женщина: жена Хераскова, дочь Сумарокова участвовали въ журналахъ, наравнѣ съ Екатериной; Дашкова сама издавала журналъ. Появились напоминавшіе Ѳеофана просвѣщенностью іерархи — Платонъ, Сѣченовъ, Амвросій. И если новыя понятія не могли проникать въ массу, за ея безграмотностью, то тамъ шло свое умственное движеніе путемъ сектъ: изъ нихъ важны, въ этомъ смыслѣ, духоборцы.

Рядомъ съ раціоналистическимъ вольтерьянствомъ проникали къ намъ съ Запада крайнія направленія. Изъ посланной заграницу сотни молодежи образовался матеріалистическій кружокъ поклонниковъ Эльвесіуса (§ 196). Средоточіемъ его былъ Лейпцигъ, главой — Радищевъ. Хорошо знакомый съ вождями просвѣщенія на Западѣ, Радищевъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ съ землей, о свободѣ совѣсти и печати, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, объ отмѣнѣ подушной подати и т. под. Онъ даже въ Илимскѣ слѣдилъ за европейскою образованностью и возвратился съ прежнею жаждой преобразованій: онъ умеръ, готовясь ѣхать въ Англію для изученія суда присяжныхъ. Съ другой стороны, выдвигалось враждебное вольтерьянству *масонство*, которое основало у насъ свою первую Великую Ложу въ 1772 г. Душой его сталъ *Новиковъ* [1]), который не зналъ языковъ и не кончилъ университетскаго курса, но отличался необыкновеннымъ человѣколюбіемъ, рвеніемъ и просвѣтительною страстью. Масоны стремились къ нравственному возрожденію путемъ религіознаго чувства: они были деисты съ оттѣнкомъ мистицизма. Впрочемъ сначала масоны, въ свою очередь, развивали основы Просвѣщенія: Новиковъ, въ своихъ журналахъ, безпощадно обличалъ Недоумовъ и Безразсудовъ за ихъ бар-

[1]) Нашъ рисунокъ снятъ съ прекраснаго портрета, писаннаго Боровиковскимъ. На немъ Новиковъ изображенъ въ молодости.

скую спесь и невѣжество и увлекался филантропіей и педагогіей, а не мистицизмомъ. То былъ чисто русскій человѣкъ, врагъ пристрастія къ иноземщинѣ. Этотъ, болѣе сознательный и просвѣщенный, *націонализмъ* подымался замѣтно. Вездѣ негодовали на наше обезьянство, особенно на французоманію. Въ литературѣ и при дворѣ выставляли народность, отличительныя черты русской массы: Екатерина обрабатывала русскія пословицы; Чулковъ собиралъ пѣсни и сказки. Въ наукѣ заговорили объ особенностяхъ русской исторіи, хотя на основаніи западныхъ же ученыхъ.

Новиковъ.

Но, лишенные серьезной школы, русскіе больше очаровывались новыми идеями, чѣмъ воспринимали ихъ глубоко, и отличались шаткостью убѣжденій. Уже въ концѣ царствованія Екатерины реакція (§ 241) была лишь отраженіемъ поворота общества къ старинѣ. Не было удивительно, что духовенство, съ Платономъ во главѣ, громило философовъ въ своихъ проповѣдяхъ. Но сами вожди русской мысли отрекались отъ идеаловъ Просвѣщенія и осмѣивали ихъ друзей: Фонвизинъ въ университетской церкви указывалъ студентамъ на свой параличъ, какъ на кару Божію. Отъ разумной сатиры на обезьянство перешли къ отрицанію науки въ лицѣ Запада. Познанія стали развратомъ, свобода мысли — „вольнодумствомъ", космополитизмъ — бездѣльемъ: кличка „вольтерьянецъ" сдѣлалась бранною и небезопасною. На мѣсто разсудка водворились чувство и фантазія. „Воспитаніе" превратилось въ „благонравіе" и „поведеніе", что̀ повело къ предпочтенію „закрытыхъ" заведеній, въ отпоръ „тлетворному" вліянію семьи и общества. А въ этихъ заведеніяхъ знати развивался духъ французскихъ эмигрантовъ, которые овладѣвали и журналистикой (§ 241). Стремленіе къ народности вырождалось въ старое „глупое высокомѣріе": какъ въ древней Руси все иноземное считалось ересью, такъ теперь—раз-

вратомъ и ложью. Стали поговаривать (даже Дашкова), что до Петра наши предки отличались-де степенностью и благонравіемъ, а нѣмцы и особенно безпутные французы растлили насъ. Масоны вдавались въ крайній мистицизмъ съ нелѣпыми обрядами. Ихъ „душеспасительныя“ книжки и сатирическіе журналы начали громить „вольномысленныхъ мудрецовъ“ и иноземщину. Наконецъ, масоны стали сливаться съ каббалистами, астрологами и алхимиками: тогда въ Россіи развелись спиритизмъ и мистицизмъ; и шарлатанъ Каліостро пріобрѣлъ много поклонниковъ въ Петербургѣ. Даже Новиковъ съ Лопухинымъ возставали противъ богопротивной астрономіи и химіи и искали философскаго камня. Мистицизмъ доходилъ у нихъ до того, что появились сатиры на масонство со стороны раціоналистовъ и самой Екатерины; нѣкоторые даже покидали эту „секту“, уважая лично ея лучшихъ представителей.

Такъ глохли новѣйшіе ростки западной цивилизаціи. Но они не умерли. До конца періода во всякой книжной лавкѣ можно было добыть Вольтера. Кружокъ Радищева существовалъ, хотя разсѣянно. Молодежь кое-гдѣ, особенно на юго-востокѣ, переводила вождей Просвѣщенія. Мѣстами она даже считала отсталыми не только Новикова, но и самого Радищева. И юный Карамзинъ мечталъ о швейцарской свободѣ.

§ 256. **Просвѣщеніе.**—Тяжесть борьбы новыхъ понятій съ старыми, медленность умственнаго развитія зависѣли отъ *невѣжества* народа. Въ этомъ отношеніи масса еще напоминала прошлый періодъ (§ 170). Какъ тогда, не шли дальше умѣнья читать и писать, учась у полуграмотнаго пьяницы-дьяка или попа, да и то лишь въ томъ случаѣ, когда думали кормиться въ качествѣ площаднаго писца или приказнаго. Высокою школой считалась та, въ которой, кромѣ Часослова и Псалтыря, читали статьи изъ азбуковниковъ (§ 177). Главнымъ воспитателемъ была розга. Школа называлась „храмомъ учителевымъ“: питомцы работали на наставника, доставляли ему „отъ снѣдныхъ брашенъ и питія“, а въ праздники приходили къ нему на поклонъ. Помѣщичьи сынки уразумѣвали грамоту на 25-мъ году и позже, лишь по требованію службы: люди считались „недорослями“ даже послѣ женитьбы, если были живы старшіе родственники. Даже многіе птенцы Петра писали съ трудомъ, а иные постарому „прикладывали руку“, т.-е. изображеніе своихъ перстовъ, обмокнутыхъ въ чернила. Духовенство даже

послѣ Петра было зачастую безграмотно. По словамъ Посошкова, владыки ставили въ попы людей, которыхъ ихъ служки заставляли затверживать 2—3 псалма, и они читали ихъ наизусть по книгѣ. До конца періода лучшіе ставленники ограничивались зубреніемъ букваря и особо изданной тетрадки. Духовенство даже въ Москвѣ не умѣло прилично совершать богослуженіе: Ртищевъ выписалъ изъ Малороссіи пѣвчихъ и поповъ, которые возстановили тамъ давно забытый обычай произносить проповѣди...

Но такое невѣжество вызывало негодованіе въ лучшихъ людяхъ.

Полоцкій и Славинецкій объясняли слова ап. Павла о вредѣ „премудрости людской" въ пользу просвѣщенія и умоляли „царя и могучихъ людей" заводить школы.

Морозовъ уже училъ Алексѣя по „фряжскимъ" или „нѣмецкимъ" листамъ.

Для Никона переводили „дохтурскія книги" и „Космографію", гдѣ Коперникъ названъ геніемъ, „которому подражаютъ изящнѣйшіе всѣ математики", хотя система его была принята только при Петрѣ, а потомъ его называли богохульникомъ до конца періода.

Тогда же прибылъ въ Москву *Крижаничъ*, на помощь кружку преобразователей (§ 206). Это—второй Курбскій, и по своей судьбѣ, и по своимъ стремленіямъ, по любви къ Россіи и презрѣнію къ ея недостаткамъ. Но онъ былъ образованнѣе его: этотъ хорватъ учился въ Вѣнѣ и Италіи свѣтскимъ наукамъ, зналъ древніе и новые языки. Крижаничъ—типъ славянина переходнаго времени. Онъ вѣрилъ въ волшебства, но презиралъ астрологію. Первый въ исторіи панславистъ, онъ считалъ Русь „главою славянъ" и предостерегалъ ее отъ „чужебѣсія", въ особенности отъ лютеранъ; но, какъ католикъ, не терпѣлъ ни православія, ни византійства. Онъ разоблачалъ недостатки славянъ, порицалъ даже ихъ „убогій, непріятный, необработанный" языкъ и восхвалялъ блага западной культуры. Выше всего Крижаничъ ставилъ просвѣщеніе. Онъ совѣтовалъ заводить и высшія, и среднія школы, учить даже дѣвочекъ, запретить торговлю тѣмъ, кто не знаетъ грамоты и ариѳметики.

Крижаничъ самъ написалъ нѣсколько сочиненій на имъ изобрѣтенномъ всеславянскомъ нарѣчіи. Главное изъ нихъ—„Разговоры о владѣтельствѣ" или думы объ идеалѣ государства. Здѣсь

мѣткая критика пороковъ Россіи, сравнительно съ Западомъ, даже совѣтъ поучиться у турокъ. Передъ нами всяческое убожество страны, начиная съ негоднаго войска, кончая мѣшковатымъ халатомъ, грязною бородищей, нечесаными волосами. Расколъ названъ „фарисейскою святостью и нечестьемъ", но прибавлено, что глупо было настаивать на исправленіи книгъ, „разорить духовную любовь изъ-за грамматическихъ ошибокъ". Особенно достается „тиранству или крутому владѣнію", которое началось съ „людодерца, безбожнаго мясника и кровопійцы", Грознаго. Описавъ „алчное обдирательство народа продажными приказными и проклятыми кабаками царскими", авторъ восклицаетъ: „удивительно, какъ могутъ честные люди въ Москвѣ жить!" Корень злу — то, что „русскіе дѣлаютъ все не изъ чести, а изъ страха казни; но этому причиною—жестокое правленіе". Для исправленія зла Крижаничъ предлагалъ коренныя преобразованія, начиная съ ограниченія власти. Царь долженъ „пересмотрѣть и разсудить" законы Европы и лучшее въ нихъ „щедро подаровати" своему народу, ибо жить нельзя „безъ свободинъ", въ сохраненіи которыхъ слѣдуетъ присягать каждому новому государю. Подлѣ престола нужно поставить „сеймъ", съ городскими послами, который полагаетъ оцѣнку прошлому царствованію, по смерти каждаго правителя. Государь обязывается не дѣлать поборовъ безъ нужды. Отмѣняются кабаки, монополіи и пошлины. Но Крижаничъ аристократъ по духу: ему претитъ невѣжественный мужикъ, а высшее образованіе онъ допускаетъ только для бояръ. За новыя мысли да за отказъ перекреститься Крижаничъ, черезъ 2 г., попалъ въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ 16 лѣтъ. По смерти Алексѣя, его возвратили въ Москву; но здѣсь теряется его слѣдъ. Но не безслѣдны были взгляды Крижанича: иные старики слушали его со слезами, и его сочиненія хранились въ дворцовой библіотекѣ; одна его рукопись была у Василія Голицына.

Подобныя же мысли высказывалъ дьякъ посольскаго приказа, *Котошихинъ*, хотя и ему пришлось бѣжать въ Швецію отъ московскаго невѣжества. Въ своемъ сочиненіи: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя" онъ рисуетъ бытъ всѣхъ сословій мрачными красками, особенно указывая на невѣжество даже при дворѣ. Русскими овладѣвало умственное оживленіе, духъ любопытства. Иноземнные послы уже изумлялись, что народъ не скрывался на ихъ пути, а воеводы задавали имъ пиры и даже показывали своихъ женъ. Царь Алексѣй разъ спрятался, съ семьей,

у стѣны, чтобы видѣть ихъ при въѣздѣ въ Москву. А его подданные, съ опасностью жизни, лѣзли всюду изъ любознательности, отъ Берингова пролива до крайняго запада (§ 205).

Правительство, а отчасти и частныя лица отвѣчали на призывъ къ просвѣщенію. При Алексѣѣ уже идетъ борьба между двумя иноземными вліяніями. Самъ царь привлекалъ въ Россію множество свѣдущихъ *иностранцевъ*. Только за невозможностью добыть актеровъ изъ Германіи, онъ завелъ на Верху театръ изъ московскихъ нѣмцевъ, переплеталъ для себя ихъ пьесы и велѣлъ перевести „Великое Зерцало". Все это онъ дѣлалъ съ восторгомъ ребенка и художника, чтобы позабавиться. Но все это было новое, свѣтское міровоззрѣніе, съ воспѣваніемъ земныхъ радостей, съ бойкимъ, хотя иногда и грязноватымъ, смѣхомъ площади. Если толпа и духовенство выгнали иностранцевъ изъ Москвы и разрушили ихъ церкви, зато при Софьѣ имъ опять дозволили строить свои каменныя кирки, и даже были приняты гугеноты (*Н. И.* § 17). Передъ Петромъ западные люди составляли цвѣтущія общины не только въ Нѣмецкой Слободѣ, но и въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Серпуховѣ, Воронежѣ, Шуѣ: ихъ было болѣе 20.000.

Словомъ, уже при Алексѣѣ Москва стала неузнаваема. По улицамъ встрѣчались выбритые короткополые щеголи; на Верху слышался мольеровскій смѣхъ съ иноземною музыкой; у каждаго члена царской семьи завелась своя „книгохранильница". У бояръ, которые часто посѣщали Нѣмецкую Слободу, также появлялись библіотеки съ иностранными книгами; и они приглашали въ учителя своимъ дѣтямъ иноземцевъ. У нѣкоторыхъ говорили на новыхъ языкахъ. Съ другой стороны, при Алексѣѣ же начали приглашать въ Москву *малороссійскихъ* ученыхъ и *грековъ*, во главѣ которыхъ стояли Полоцкій и Славинецкій. Прежде всего они появились въ училищѣ Ртищева, потомъ у Никона справщиками и въ московской академіи Ѳедора (§ 207), которая называлась также Заиконоспаскою школой по монастырю въ Китаѣ-Городѣ, гдѣ она помѣщалась. Въ академіи первыми учителями были греки, братья Лихуды, учившіеся въ Европѣ; и она называлась „еллино-греческою". Если она оказалась духовною школой старой Руси, зато и вліяніе ея было кратковременно, тѣмъ болѣе что греки и малороссы сами подрывали свою силу междоусобіемъ. Старина, въ лицѣ грековъ и патріарха, прокляла южно-русскихъ ученыхъ

и погубила Медвѣдева (§ 210). Но вскорѣ и Лихуды были сосланы въ отдаленный монастырь, а іезуиты завели-было, при Софьѣ, школу въ Москвѣ.

Петръ, съ юности томимый жаждой просвѣщенія, сначала схватился за то, что̀ оставила ему старина. Онъ сталъ выдвигать московскую академію, хотя придалъ ей свѣтскій характеръ (§ 215). По совѣту Яворскаго, были возвращены сюда малороссы, которымъ раздавали также главныя церковныя мѣста. Въ то же время вновь возникли Лихуды: они опять занялись просвѣщеніемъ Москвы и Новгорода, гдѣ устроили рядъ низшихъ и среднихъ школъ. Но вскорѣ оказалось, что и здѣсь требовалось коренное преобразованіе. Греки и малороссы—это нетерпимая богословская схоластика, изветшавшія преданія, частью византійскія, частью польско-католическія, іезуитско-романскія. Въ Петрѣ олицетворился духъ новаго времени, германская реформація, свѣтскій реализмъ, жизненная *практичность*. Этимъ характеромъ, который впервые доставилъ тогда почетъ точной наукѣ въ Россіи, отмѣчены всѣ мѣры преобразователя къ развитію просвѣщенія въ Россіи. Его мало занимали богословіе, риторика и философія: онъ дорожилъ такими школами, изъ которыхъ „люди происходили бы во всякія потребы", были бы годны для службы, промысловъ и торговли, могли бы приносить непосредственную, очевидную пользу. Такова цѣлая система *школъ и специальныхъ училищъ*, впервые заведенная тогда въ Россіи, причемъ имѣлись въ виду образованіе всѣхъ сословій (§ 215). Особенно процвѣтала московская математическая школа, куда приходили „охотники всякихъ чиновъ", даже взрослые изъ зажиточныхъ и приказныхъ: въ ней было до 700 учащихся; здѣсь вырабатывались первые свои учителя для школъ по губерніямъ. Рядомъ протягивалась по странѣ сѣть духовныхъ школъ: Петръ заставлялъ церковниковъ возвратиться къ своему учительному призванію. Передъ смертью онъ спѣшилъ завершить свое просвѣтительное дѣло созданіемъ академіи наукъ (§ 221) и устройствомъ научныхъ экспедицій, изъ которыхъ одна (Беринга) открыла, при Петрѣ II, что Азія не соединена съ Америкой.

Помимо школъ, къ просвѣтительнымъ мѣрамъ Петра нужно отнести всю его жизнь. Этотъ вѣнчанный ученикъ считалъ себя всегда „въ чину учимыхъ". Самъ онъ непрерывно черпалъ европейское образованіе прямо изъ источника. А за нимъ, по словамъ пословъ, „ежедневно выѣзжали изъ Москвы молодые

люди" за границу: стать *волонтеромъ* значило найти прямой доступъ къ сердцу царя. И до самой его смерти посылалась молодежь въ Европу кучами, при всякой новой реформѣ: смѣлый богатырь хотѣлъ отправлять „за море, въ науку" даже русскихъ женщинъ. Петръ возвращался домой каждый разъ новымъ человѣкомъ — сначала голландцемъ и нѣмцемъ, потомъ французомъ: прибывъ изъ Парижа, онъ завелъ ассамблеи (jours fixes) и построилъ загородные дворцы на подобіе Марли и Тріанона (*Н. И.* § 115), украсивъ ихъ гобеленами, парками, оранжереями, какъ тамъ. Его дамы (дочери, сестры, племянницы) говорили пофранцузски, понѣмецки и поитальянски. Его приближенные женились на иностранкахъ. Знаніе новыхъ языковъ цѣнилось дороже всего: возвратившихся волонтеровъ нарасхватъ брали въ домашніе учителя. Всюду заводились иностранныя книги и собранія западныхъ рѣдкостей, наряду съ научно-художественными музеями. Петръ усердно подвигалъ *переводное* дѣло, жадно черпая отовсюду: у него издавались рядомъ Лейбницъ, Эразмъ и Овидій, научные словари и средневѣковыя сказанія, біографіи Цезаря и Кромвеля. Онъ создалъ нашу *журналистику*, т.-е. гласность: былъ планъ даже издавать русскую газету за границей. Петръ ежедневно поучалъ народъ свѣтлыми указами, гдѣ вводилъ даже новый слогъ „внятнѣе", позападному. Его письма уже свободны отъ риторики: они кратки, живы; это — разговорная рѣчь. Тотъ же просвѣтительный смыслъ въ стремленіяхъ Петра замѣнить церковно-славянскій языкъ русскимъ, а церковную азбуку — гражданскою и ввести новое лѣтосчисленіе. Отсюда развитіе *типографскаго* дѣла на новыхъ началахъ: съ Петра синодальная типографія въ Москвѣ издаетъ только богослужебныя книги, отчасти соблюдая преданія первыхъ печатниковъ (§ 164); новыя же типографіи служатъ свѣтскому образованію. И уже при Петрѣ недоставало иностранной бумаги: развилось собственное бумажное издѣліе, начатое при Алексѣѣ.

Умственная Россія стала неузнаваема. Наступило настоящее русское Возрожденіе (§ 174). „Вся Россія яко отъ сна пробудилась", замѣтилъ Посошковъ. И этотъ подмосковный крестьянинъ, бывшій передъ тѣмъ раскольникомъ-буквоѣдомъ, потребовалъ обязательнаго обученія, „чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка". Онъ завѣщалъ сыну учиться иностраннымъ языкамъ, а самъ хотѣлъ знать все, даже риторику и философію, ибо „аще сія вся въ насъ будутъ, то на

весь свѣтъ будемъ мы славны". Зная, что Петръ заказывалъ Ѳеофану сатиру на лицемѣровъ, требовалъ правдивой исторіи и сказалъ, что „въ совѣсти воленъ Богъ", бросились свободно разсуждать обо всемъ. Тверитиновъ (§ 255), восклицалъ: „нынѣ у насъ, на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ". Лучшіе люди учились до старости. Ѳеофанъ, такъ много сдѣлавшій для образованія русскихъ, говорилъ: „прямо просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, хотя бы Маѳусаиловъ вѣкъ прожилъ". Москвичи потянулись въ чужіе края не по однимъ „дѣламъ", а кто полечиться, кто „понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ", кто даже „ради обновленія жизненныхъ духовъ". Люди за 50 л. ѣздили на Западъ „по собственному желанію, чтобы видѣть тамошнія земли и государства", какъ сказано въ заграничномъ паспортѣ первому изъ русскихъ, Борису Шереметеву (1697). Этотъ бояринъ истратилъ тамъ до 200.000 р. на наши деньги и возвратился такимъ европейцемъ съ ногъ до головы, что его сочли католикомъ. Иные тамъ и застревали. Герой народной повѣсти того времени, Василій Коріотскій, матросъ, путешествуетъ на Западѣ и тамъ остается.

Значеніе Петра для нашей образованности признано было, въ концѣ періода, даже староруссомъ Щербатовымъ, который сознался, что безъ преобразователя „Россія, въ разсужденіи просвѣщенія и славы, дошла бы до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть", лишь въ 1890-хъ гг. Послѣ Петра просвѣщеніе уже не могло исчезнуть. Оно развивалось въ его духѣ. Вліяніе Запада росло. Сначала наступило такое господство нѣмцевъ, что оно вызвало, при Елизаветѣ, реакцію, во главѣ которой стояли духовенство и солдаты, бунтовавшіе противъ иностранныхъ офицеровъ. Но сама дочь Петра воцарилась съ помощью иностранцевъ; только тогда стали выдвигаться *французы*, которые достигли, при Екатеринѣ II, такого господства, что русскій языкъ сталъ кишѣть галлицизмами, какъ прежде онъ пестрѣлъ полонизмами (§ 180). Къ концу періода въ нашей литературѣ замѣчается еще вліяніе англійское. Тогда иностранцы мелькали у насъ уже на всѣхъ поприщахъ—отъ ученаго и военнаго до ремесленнаго. Браки съ ними стали явленіемъ обычнымъ, особенно въ высшемъ кругу. Возникали даже обрусѣлыя иностранныя фамиліи: Шафировы (Schapiro), Левшины (Lôwenstein), Чичерины (Ciceri), Каченовскіе (Caccioni), Хомутовы (Hamilton),

Фаминцынъ (сынъ Ѳомы), Непокойчицкіе (переводъ Unruh), Паганковы (Pagenkampf) и др.

Вмѣстѣ съ развитіемъ разныхъ вліяній, расширялся взглядъ на просвѣщеніе. Завѣщаніе Татищева сыну (1739) — не только противоположность Домострою, но развитіе мысли Петра. Здѣсь воспитаніе строится не на одной практичности, но на наукѣ вооообще и на полной человѣчности: отецъ, знавшій Гоббса и Бэля (*Н. И.* §§ 106, 113), совѣтовалъ сыну учиться и новымъ языкамъ, и исторіи, и законамъ, и метафизикѣ. А воззрѣнія Екатерины II на образованіе стояли на высотѣ Просвѣщенія: главнымъ учителемъ Павла былъ математикъ Порошинъ, оставившій свои записки. Онъ былъ даровитъ, зналъ языки, старался увлечь своего питомца сочиненіями энциклопедистовъ. Если Порошинъ былъ внезапно и безпричинно удаленъ, черезъ 4 г., зато Лагарпъ оставался при Александрѣ Павловичѣ даже въ разгаръ реакціи. Къ концу періода въ высшемъ обществѣ необыкновенно развилось *гувернерство*. Знать отправляла дѣтей и за границу, особенно когда послѣдовалъ манифестъ о вольности дворянства (§ 249), предоставившій ей досугъ. Тогда же развилась *печать*, особенно подъ вліяніемъ журналистики. У образованныхъ людей размножались библіотеки; замѣчательны были собранія книгъ у Димитрія Голицына, Волынскаго, Татищева, не говоря уже про Эрмитажъ Екатерины II.

Подвигалось и школьное дѣло, но сначала медленно, отчасти вслѣдствіе скудости средствъ: такъ, для сокращенія расходовъ, соединяли свѣтскія школы съ церковными; и академія наукъ дѣлилась своею типографіей съ синодомъ. Екатерина I открыла, по плану Петра, *академію наукъ* (1725) съ гимназіей при ней: ученые были приглашены изъ Европы, а учениковъ въ гимназію брали изъ московской академіи. При Петрѣ II были устроены школы только при монастыряхъ въ Смоленскѣ, чтобы шляхта не учила своихъ дѣтей у католиковъ. Но собственные сенаторы, даже въ концѣ царствованія Анны, „не обучались другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи". Впрочемъ эта императрица не только основала *кадетскій корпусъ* для шляхетства, но и учредила при немъ гимназическое отдѣленіе, чтобы готовить дворянъ къ гражданской службѣ. Но преподаваніе вообще было жалкое. Въ московской академіи, гдѣ обучали монахи, царствовала схоластика, и не было библіотеки. Свѣтскія школы представляли видъ запустѣнія: гдѣ ро-

дители не отдавали дѣтей, гдѣ ученики разбѣгались отъ тиранства и бездарности педагоговъ, нерѣдко пьяницъ и даже убійцъ. Дѣвочекъ же совсѣмъ негдѣ было учить: домашнее воспитаніе ограничивалось сельскимъ пономаремъ да розгами или же иностранцемъ-лакеемъ, парикмахеромъ, комедіантомъ, ссыльнымъ. Печально было и положеніе академіи наукъ. Ею заправляла канцелярія, съ Шумахеромъ во главѣ, невѣжей и плутомъ, который втерся ко двору угодливостью и угнеталъ ученыхъ, представляя ихъ людьми „безпокойными". Такъ какъ, сверхъ того, между академиками господствовали раздоры, доходившіе до дракъ, то многіе изъ нихъ возвратились за границу. Академія вовсе не занималась обученіемъ дѣтей: ея гимназія бездѣйствовала. Она больше помогала европейской наукѣ, чѣмъ Россіи: издавала латинскія „Комментаріи", а для народа — только календарь да нѣкоторые переводы.

Елизавета сознательно шла по пути отца въ дѣлѣ просвѣщенія (§ 230), которое при ней замѣтно двинулось впередъ. Въ академіи наукъ появились такіе члены, какъ Вольтеръ, которому поручили написать исторію Петра Великаго. Еще важнѣе, что въ ней заводились русскіе ученые, съ такою европейскою знаменитостью во главѣ, какъ Ломоносовъ, хотя имъ все еще приходилось бороться съ Шумахеромъ: опять многіе академики уѣхали за границу, а Ломоносовъ сидѣлъ „колодникомъ" подъ арестомъ. Вообще академики горячо отстаивали свою независимость, держали себя гордо передъ канцеляріями и требовали самоправленія. Но академія попрежнему забывала свою учебную задачу; а кадетскій корпусъ заботился больше о военномъ дѣлѣ, чѣмъ о гражданскихъ наукахъ. Отсюда потребность въ высшихъ и среднихъ школахъ. Почти въ одно время возникли *московскій университетъ* и петербургская *академія художествъ* (§ 230)—созданія Ломоносова и Ивана Шувалова. Университетъ назначался для всѣхъ свободныхъ сословій Россіи. Профессора были одарены льготами и подчинялись только сенату да университетскому суду. Они составляли 3 факультета (философскій, юридическій и медицинскій) и должны были читать лекціи только на русскомъ языкѣ или же полатыни. Студентамъ давали чины, льготы и другія поощренія. При университетѣ устроили библіотеку, типографію и книжную лавку: до тѣхъ поръ такая лавка была только при академіи наукъ. Тотчасъ же начались частныя пожертвованія на университетъ. Профессорами на первыхъ порахъ были иностранцы. Но даро-

витыхъ студентовъ отправляли за границу, и они занимали потомъ каѳедры. Вскорѣ университетъ сталъ чисто русскимъ учрежденіемъ и средоточіемъ умственнаго оживленія страны: къ нему примкнули зародыши отечественной журналистики, словесности и театра.

Такъ, высшее образованіе подымалось; но низшее скорѣе падало, чѣмъ развивалось, по косности самого общества. Математическія школы Петра I закрывались за недостаткомъ учениковъ. Во всѣхъ школахъ было только 700 учениковъ. Много домашнихъ учителей осталось безъ дѣла. Если появились частные пансіоны иностранцевъ, то такихъ невѣждъ, что вскорѣ вышелъ законъ объ экзаменѣ для полученія диплома на званіе домашняго учителя. Немудрено, что даже при Екатеринѣ II встрѣчались предсѣдатели судовъ, плохо разумѣвшіе грамоту. Оттого Иванъ Шуваловъ выработалъ цѣлый *планъ средняго и низшаго образованія*; но онъ могъ исполнить его лишь въ незначительной степени (§ 230). Были открыты только 3 гимназіи—одна въ Казани и двѣ при университетѣ, изъ которыхъ одна предназначалась для дворянъ, а другая — для разночинцевъ. Учителями въ нихъ были невѣжи, пьяницы и буяны. Мало было и спеціальныхъ школъ (морская, артиллерійская, инженерная и медицинская), да и тѣ едва существовали за недостаткомъ учителей и учениковъ. Но скудость отечественнаго образованія нѣсколько возмѣщалась усиленнымъ стремленіемъ русскихъ учиться за границей и покупать тамъ книги, а также наплывомъ иностранцевъ. Наши бросились именно въ Парижъ, а французамъ такъ хорошо жилось въ Петербургѣ, что Шетарди (§ 228) писалъ домой: „Франція здѣсь благословенна“. Отставные даже совсѣмъ оставались въ чужихъ краяхъ (нѣкоторые изъ Воронцовыхъ, Разумовскихъ и др.). Изрѣдка ѣздили за границу даже купцы. Правительство отправляло въ Англію семинаристовъ обучаться богословію.

При Екатеринѣ II развивался планъ просвѣщенія, начертанный Петромъ Великимъ и его дочерью. Ея собственный примѣръ обаятельно дѣйствовалъ на высшее общество, особенно въ первую половину царствованія. Императрица посылала молодыхъ моряковъ, юристовъ, купцовъ, въ особенности же медиковъ, учиться за границу, привлекала въ Россію западныя свѣтила науки (математикъ Эйлеръ), называла Монтескье „святымъ“, а его книгу—„своимъ молитвенникомъ“. Она разоблачала наше невѣжество въ журналахъ и даже своихъ указахъ.

Ея Наказъ, снискавшій ей званіе члена академіи наукъ въ Берлинѣ, проникнутъ духомъ Просвѣщенія. Въ немъ читаемъ: „хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ, кои законодательство содержатъ“. Очагомъ просвѣщенія становился и *Эрмитажъ* Зимняго дворца, гдѣ толпились европейскія знаменитости, гдѣ оперы, драмы, водевили и концерты чередовались съ остроумными бесѣдами и учеными спорами. И оживились сношенія съ чужими краями, какъ личныя, такъ и черезъ письма. Расцвѣла сатирическая журналистика и серьезная переводная литература. Развилось книжное дѣло. Въ Эрмитажѣ появилось единственное въ мірѣ книгохранилище, въ основу котораго положены библіотеки Вольтера, Дидро и д'Аламбера: тутъ на сочиненіяхъ Руссо видимъ злыя собственноручныя замѣтки Вольтера. Рядомъ скопился богатый запасъ лексиконовъ, которыми пользовалась Екатерина для своего Словаря. Тогда же строилась оконченная Павломъ *Публичная библіотека* для помѣщенія Краковской библіотеки Залускихъ, попорченной при перевозкѣ. Вельможи заказывали себѣ цѣлыя библіотеки, „какъ у императрицы: большія книги внизу, маленькія—наверху“. Даже Большая коммиссія требовала училищъ и публичныхъ библіотекъ по городамъ, впрочемъ на счетъ казны.

А въ концѣ царствованія, когда Екатерина искореняла ею же посѣянное просвѣщеніе (§ 241), общество выступало на смѣну правительству. Оно переходило отъ отрицанія къ положительному дѣлу, отъ обличенія пороковъ отечества къ насажденію въ немъ образованія. Оно много сдѣлало въ столь короткій срокъ. Благодаря указу 1783 г., дозволявшему частныя типографіи повсюду, онѣ были заведены даже по селамъ помѣщиками-писателями. Появились просвѣтители изъ общества. Херасковъ, этотъ бездарный лжеклассикъ нашего эпоса, издавалъ полезные журналы, устроилъ при московскомъ университетѣ „благородный пансіонъ“ и учительскую семинарію, помогалъ даровитымъ студентамъ (Новикову) и считался „старостой литературы“, которому многіе писатели отдавали на судъ свои рукописи. Европейски образованный Львовъ сталъ средоточіемъ русскаго искусства: онъ руководилъ художниками и даже лучшими писателями. *Масоны* пріобрѣли большое значеніе: къ нимъ принадлежало много богачей и вельможъ, въ томъ числѣ Ку-

тузовъ, Репнинъ и самъ цесаревичъ Павелъ. Они заводили типографіи, иногда тайныя, даже по большимъ селамъ, откуда выходили переводы вождей Просвѣщенія. Они устраивали книжныя лавки, библіотеки и училища, часто даромъ разсылали свои книги, издавали журналы, въ томъ числѣ первый педагогическій (Дѣтское Чтеніе). Они кормили народъ въ голодъ, лечили его, заступались за сектантовъ. Ихъ Шварцъ оживлялъ молодежь въ университетѣ, знакомя ее съ Кантомъ; а Гамалея жилъ евангельски, среди народа.

Узломъ всей этой благотворной дѣятельности было основанное Новиковымъ *Дружеское Ученое Общество* (1781). Тогда же возникло другое ученое общество — „Вольное Экономическое". Завелся-было и ученый клубъ (1781), впрочемъ скоро погибшій отъ безвременья. Академія стала издавать полезный научный сборникъ, „Собесѣдникъ", при участіи Екатерины и Дашковой. Она снарядила *4 ученыхъ экспедиціи* (Палласа, Гмелина, Лепехина, Рычкова), „Записки" которыхъ представляютъ богатый запасъ свѣденій по географіи, статистикѣ, этнографіи и естествознанію нашего сѣвера, востока и юга. Въ московскомъ университетѣ и при академіи открылись *публичные курсы*, съ легкой руки Крафта, читавшаго лекціи по физикѣ и механикѣ, на которыя стекалось даже много дамъ. Екатерина думала и объ учрежденіи новыхъ университетовъ, но успѣла расширить высшее образованіе только основаніемъ *Россійской Академіи*. Она больше всего обращала вниманіе на среднее и низшее образованіе. Императрица хотѣла положить въ его основаніе идеи Просвѣщенія. Игравшій при ней роль Ивана Шувалова, другъ философовъ, долго жившій въ Парижѣ, Бецкій говорилъ: „Петръ I создалъ людей въ Россіи, Екатерина влагаетъ въ нихъ души", т.-е. прибавляетъ общее образованіе къ прикладному. Въ гимназіяхъ предполагалось преподавать математику, естествознаніе, словесность и искусства. Но эти благія пожеланія остались на бумагѣ, за недостаткомъ средствъ и отъ наставшей реакціи. При Екатеринѣ успѣли открыть лишь нѣсколько „главныхъ" училищъ (§ 241) да горное училище и учительскую семинарію въ Петербургѣ; еще учили немного въ воспитательныхъ домахъ.

Такъ, періодъ кончался безъ основательной школы. Московскій университетъ былъ наполненъ малосвѣдущими педантами на каѳедрахъ, за немногими исключеніями; въ нѣсколькихъ гимназіяхъ царствовала допотопная педагогія; домашнее образова-

ніе находилось въ рукахъ французскихъ брадобреевъ. Оттого новыя начала не могли быть прочными въ умахъ (§ 255). И не успѣли еще разразиться ужасы революціи 1789 г., какъ у насъ началась задержка скуднаго просвѣщенія. Дидро уѣхалъ ни съ чѣмъ, когда вздумалъ давать политическіе совѣты „ученицѣ" энциклопедистовъ; удалился и талантливый Фальконетъ, лавры котораго пожиналъ резонеръ „Правдинъ", Бецкій, котораго сама Екатерина называла бездарностью. Затѣмъ пошли изъятія „наполненныхъ развращеніемъ" сочиненій Вольтера и гоненія на вождей русскаго просвѣщенія (§ 241). Въ 1785 г. Екатерина велѣла митрополиту Платону „испытать" Новикова. Тотъ нашелъ въ изданіяхъ нашего просвѣтителя „нарочную темноту для разгоряченія энтузіазма" и вообще много „колоброднаго". Ктому же оказалось, что Новиковъ—масонъ. Онъ пострадалъ; его друзей сослали по деревнямъ; ихъ книги сожгли. Въ 1790 г. вышло „Путешествіе" Радищева, гдѣ восхвалялся Франклинъ и порицались недостатки Россіи — крѣпостничество, жалкій судъ, плохое воспитаніе дворянъ и т. п. Екатерина сказала: „здѣсь зараза французская, отвращеніе отъ начальства"; а Дашкова назвала книгу „набатомъ революціи". Судьи приговорили-было Радищева къ смерти. При Павлѣ просвѣщеніе не только остановилось, но было воздвигнуто новое гоненіе на него, послѣ первыхъ дней царствованія, когда удалось завести *духовныя академіи* и основать *дерптскій университетъ* (§ 243).

§ 257. **Переходная письменность.** — Согласно съ новымъ направленіемъ умовъ, письменность быстро принимала совсѣмъ иной характеръ. Въ ней сначала развивались новыя черты, показавшіяся въ концѣ древней Руси (§ 176); затѣмъ она начинаетъ сливаться съ европейскою литературой. Прежде всего церковное начало явственно уступало мѣсто свѣтскому. Оно лишь передъ Петромъ оживилось ненадолго, подъ вліяніемъ раскола и малороссійскихъ ученыхъ, да и то уже служило свѣтскимъ цѣлямъ. Даровитый Славинецкій совершилъ *исправленіе церковныхъ книгъ* (1655), такъ что его тексты до сихъ поръ употребляются и у насъ, и у православныхъ славянъ. Впервые издали *Библію* на славянскомъ языкѣ (1663), хотя по ошибочному острожскому подлиннику, и перевели Псалтырь на „нашъ простой, обыклый языкъ", граматика котораго явилась тогда же, хотя и въ Англіи. Также исправляли и переводили *отеческія* писанія. Димитрій Ростовскій напечаталъ *Малыя Четіи Минеи* — сокращеніе Макарьевскихъ (§ 179). Этотъ трудъ, проникнутый

искреннимъ благочестіемъ, и теперь составляетъ любимое чтеніе народа. Онъ представляетъ также лучшій обращикъ новаго церковно-славянскаго языка (§ 180). Во всемъ этомъ, также какъ въ проповѣдяхъ и драмахъ Димитрія, полныхъ чувства и образовъ, уже столько свѣтскаго, что для окончательнаго разрыва съ древнею Русью оставалось только бросить кирилицу, которая и была побѣждена, при Петрѣ I, латинскимъ письмомъ, подъ видомъ *гражданской азбуки*.

Свѣтскость проглядываетъ и въ оживленной богословской полемикѣ, направленной противъ раскола и западныхъ ученій. „Вѣнецъ вѣры" Полоцкаго, это первое московское богословіе, наполнено свѣдѣніями изъ географіи и астрономіи. То же видимъ въ проповѣдяхъ Славинецкаго, Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго, которые пользовались и апокрифами, и классиками, и западными писателями: они развивали свѣтскія мысли. А Ѳеофанъ — уже типъ просвѣщеннаго проповѣдника новаго времени: его слова — статьи умной газеты и нерѣдко злая сатира на невѣждъ и ханжей. Онъ вѣчно боролся съ стариной, которая уличала его въ еретичествѣ. Эта борьба двухъ началъ только и придавала интересъ церковной письменности на нѣкоторое время послѣ Петра. „Камень Вѣры" (§ 255) былъ изданъ, по смерти автора и Петра, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ: тогда поднялась старина, которая чуть не возстановила патріаршества и кричала объ „освобожденіи" книги Яворскаго. Но при Аннѣ настало господство протестантовъ — и Ѳеофилакта и его друзей разстригали и заточали. Оттого русскіе восторженно отнеслись къ Елизаветѣ, которая освободила и Ѳеофилакта, и „Камень Вѣры": проповѣдники, съ Сѣченовымъ во главѣ, открыто громили политику Анны и называли по именамъ „Сатану и всѣхъ его ангеловъ". Тутъ церковная письменность замираетъ: она становится лишь официальнымъ органомъ власти.

А свѣтская письменность расцвѣтала уже съ начала періода. Жажда ученія проявлялась въ *переводахъ* и составленіи *учебниковъ*, словарей, сборниковъ по разнымъ наукамъ, причемъ книги „строились" въ двухъ экземплярахъ—одинъ для дворца, другой для Посольскаго приказа. И здѣсь сначала главными тружениками были кіевскіе ученые, съ Славинецкимъ во главѣ. Они перевели, въ отрывкахъ, Ѳукидида, Плинія Младшаго, анатомію, географію и большой сборникъ „О градѣ царскомъ" изъ статей 120 философовъ, богослововъ, историковъ, естествен-

никовъ и поэтовъ. Это учебное направленіе развилось при Петрѣ, благодаря знакомству съ новыми языками. Тогда было издано множество руководствъ по разнымъ отраслямъ знанія, а также переводныхъ отрывковъ изъ главныхъ писателей новаго времени. Англійскіе учителя навигацкой школы издали и Эвклида; но основнымъ учебникомъ по математикѣ была „Ариѳметика“ Магницкаго, а граматикѣ учились по Смотрицкому (§ 180). При Петрѣ же развились *путешествія*, въ видѣ дневниковъ волонтеровъ (Шереметевъ, Толстой), которые мѣтко оттѣняли все лучшее, чѣмъ отличалась европейская жизнь отъ нашей. Но больше всего посчастливилось *исторіи*, какъ въ концѣ древней Руси (§ 177). Никонъ составилъ важный сборникъ лѣтописей, съ помощью рукописей, припасенныхъ для исправленія книгъ. Но этимъ закончилось лѣтописное дѣло; и Степенная Книга замерла съ прибавкой новой степени (до смерти Алексѣя). Выступили записки современниковъ и историческія сочиненія. Выдаются записки о стрѣлецкомъ бунтѣ Медвѣдева и сына Матвѣева, съ противоположныхъ началъ зрѣнія. Первою попыткой автобіографіи было „Житіе“ Аввакума (§ 201). Петръ понялъ, что правдивая исторія немыслима безъ матеріаловъ: онъ приказалъ списывать всѣ лѣтописи, хронографы, документы и поручилъ составленіе русской исторіи Прокоповичу. Но покуда приходилось довольствоваться „Государственною Большою Книгой“, съ портретами царей и патріарховъ, которая была составлена въ Посольскомъ приказѣ при Матвѣевѣ. Двинулась впередъ и *публицистика*, которою уже щеголяла древняя Русь (§ 177). Ея образцами служатъ сочиненія Крижанича, Котошихина и особенно Посошкова. Сочиненіе послѣдняго „О скудости и богатствѣ“ написано поистинѣ изъ „преданной любви къ отечеству“ автора „простеца“: это—всестороннее указаніе недостатковъ Россіи и мѣръ къ ихъ исправленію, въ просвѣщенномъ духѣ Петра.

Увлеченная наукой мысль русскаго, въ первой половинѣ періода, не могла работать надъ *поэзіей*, которая проявлялась больше въ самой жизни—въ этой трагической сутолокѣ преобразованій, съ величавымъ образомъ богатыря на престолѣ, въ этихъ напыщенныхъ, витіеватыхъ формахъ, которымъ подчинялись не только Алексѣй, но и самъ Петръ, любитель тріумфальныхъ аллегорій. Слабѣвшая уже въ концѣ древней Руси народная поэзія едва прозябала, а новая, литературная, еще не народилась. Въ массахъ сохранялось пристрастіе къ апо-

крифамъ и къ агіографіи (§§ 178, 179). Духовные стихи нашли себѣ поддержку въ расколѣ, который передѣлалъ многіе изъ старыхъ и присочинилъ новые. „Глухая нѣтовщина" ссылается на жену Аллилуеву въ оправданіе самосожженія, влагая въ уста Іисуса заповѣдь спасаться огнемъ отъ прелести Антихристовой и отъ брадобритія. Новые стихи раскольниковъ — все лирика: то жалобный вопль, то обличеніе враговъ, то торжество восторга. Здѣсь мрачный символизмъ: часто мелькаютъ чудовищные образы изъ Апокалипсиса и Страшнаго Суда. Сохранялись и старыя историческія пѣсни; но новыхъ появилось мало. Отъ временъ Алексѣя дошли пѣсни о польскихъ войнахъ и о Разинѣ: передъ войнами изображается соборъ, но кто возговоритъ на немъ неугодное царю, того казнятъ смертью; а Стенька оказывается такимъ богатыремъ, что самъ матерой казакъ, Илья Муромецъ, служитъ у него есауломъ. Тогда же раскольники воспѣли осаду Соловковъ. Есть пѣсни и о Петрѣ съ его птенцами, частью также раскольничьи, а частью хвалебныя. *Повѣсть* или рыцарскій романъ, павшій тогда на Западѣ, крѣпко держался у насъ, подъ польскимъ вліяніемъ. Онъ сталъ любимымъ чтеніемъ всюду, отъ села до дворца, гдѣ его называли „потѣшною книгой". Одною изъ первыхъ печатныхъ книгъ при Петрѣ были „Троянскія Сказанія". Затѣмъ явилась масса новыхъ переводныхъ повѣстей и романовъ. Впрочемъ все это были рукописи, которыя служили переходомъ отъ письменности древней Руси къ той новой, печатной литературѣ, которая выступила только въ первомъ поколѣніи послѣ Петра. Въ массѣ переводовъ тонутъ немногія попытки поддержать собственную повѣсть (§ 178). И онѣ опять отличаются сатирическимъ духомъ. Такъ, въ „Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ и дочери Нащокина" выведенъ сутяга и ловкій проходимецъ. А больше изображается пьянство: „Повѣсть о высокоумномъ Хмѣлѣ", „О бражникѣ" и т. под.

Еще появились *вирши*, занесенныя малороссами (§ 193): ими написана отчасти даже ариѳметика Магницкаго. Главнымъ стихоплетомъ былъ Полоцкій, который издалъ даже Псалтырь и календарь виршами. Вирши служили орудіемъ народнаго просвѣщенія, а также панегириками, „плачами" и одами по поводу разныхъ „тріумфовъ", съ помощью которыхъ при Петрѣ прославлялись преобразованія въ глазахъ толпы. Изъ Малороссіи же былъ занесенъ въ Москву *театръ*. Онъ появился въ годъ рожденія Петра I. Царь Алексѣй соорудилъ „комедійную

хоромину“ во дворцѣ, гдѣ играла труппа Готфрида (§ 206); вслѣдъ затѣмъ образовали театральную школу въ Нѣмецкой Слободѣ изъ дѣтей мѣщанъ и подъячихъ. Сначала давали духовныя драмы, особенно Полоцкаго и Димитрія; онѣ были даже обязательны въ московской академіи и въ семинаріяхъ. Потомъ явились свѣтскія представленія изъ классической миѳологіи и даже балетъ. Театръ былъ упраздненъ при Ѳедорѣ. Петръ снова выписалъ труппу изъ Германіи и отдавалъ подъячихъ ей въ обученіе. Онъ сдѣлалъ театръ изъ придворной забавы орудіемъ общественнаго образованія: „комедійный домъ“ былъ построенъ на площади, для всякихъ „охотныхъ смотрѣльщиковъ“; и въ немъ давались свѣтскія драмы, причемъ сестра Петра, Наталья Алексѣевна, переводила Мольера. Въ московской академіи играли драмы-панегирики: здѣсь разъяснялись преобразованія и обличались русскіе пороки, особенно невѣжество и косность, а также дѣлались политическіе намеки, и иногда проводились смѣлыя новыя мысли. Въ антрактахъ давались интермедіи — короткія народныя сцены, живыя, правдивыя и ѣдкія: здѣсь осмѣивались друзья старины, попы, подъячіе и раскольники.

§ 258. **Новая письменность.**—Послѣ Петра духъ его продолжалъ жить и въ письменности. Здѣсь безпрерывно совершалось *сліяніе европейской образованности съ національными потребностями*. Оно особенно усилилось, когда прошли „конфузія“ и бироновщина, когда всюду стали вспоминать Петра, какъ „воскресеніе, пробужденіе, паки-бытіе“ Россіи, всюду прославляли его „дщерь“, отъ академическихъ рѣчей до надписей на иллюминаціяхъ. До конца періода развивались основы умственнаго движенія временъ Петра—вліяніе Запада, борьба со стариной и жажда реальнаго знанія. Европейская образованность, конечно, нѣсколько запаздывала у насъ; и мы долго относились къ ней еще подѣтски, схватывали на лету, что̀ попадалось, безъ критики. Но зато намъ легче было мѣнять направленія, которыя вызывали на Западѣ томительную борьбу; а это ускоряло дѣло сліянія русской гражданственности съ иностранной. „Просвѣщеніе“ уже быстро и сильно овладѣло нами, вмѣстѣ съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II. Оно и составляетъ грань, которая дѣлитъ пополамъ 75 л., протекшія со смерти преобразователя до конца періода.

До Екатерины II, и именно при Елизаветѣ, только создавалась *новая русская литература*, но съ богатыми задатками дарованій, во всѣхъ ея главныхъ отрасляхъ. То былъ прямой

плодъ западнаго вліянія. Оно отражалось, прежде всего, во множествѣ переводовъ—Цицерона и Марка Аврелія, Вобана и Гуго Гроція, Роллена и Лесажа, Пòпа и Локка, Боссюэ и Буало. При Елизаветѣ уже не одна академія да университетъ издавали переводы: правительство вызывало переводчиковъ черезъ газеты; книжныя лавки дѣлали имъ заказы, платя книгами. Особенно распространялись переводные романы—зло, противъ котораго уже возставалъ чуткій Сумароковъ. Но Западъ дѣйствовалъ и непосредственно на отцовъ нашей новой письменности. Кантемиръ, при которомъ наука у насъ еще „ходила ободрана, въ лоскутахъ зашита", ожилъ только въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ онъ знался съ Вольтеромъ, Монтескье и др. Тредьяковскій чуть не пѣшкомъ пробрался въ Парижъ, гдѣ постигъ задачу писателя. Сумароковъ воспитался на Вольтерѣ. Купецъ Волковъ понялъ театръ, благодаря нѣмецкому актеру петербургской труппы. Ломоносовъ лишь въ Германіи угадалъ свое призваніе. Татищевъ сознается, что былъ бы ничто, еслибы Петръ не отправилъ его за границу и потомъ не „употреблялъ къ дѣламъ". Оттого у этихъ отцовъ нашей новой письменности широкій взглядъ и свѣжая вѣра въ прогрессъ. Они мечтали скоро догнать Европу, вѣруя,

> Что можетъ собственныхъ Платоновъ
> И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
> Россійская земля рождать. *(Ломоносовъ)*.

Они обличали пережитки старины, требовали человѣчныхъ реформъ, съ образованіемъ во главѣ, отстаивали достоинство личности. Нужды нѣтъ, что первый русскій стихотворецъ и академикъ, *Тредьяковскій*, былъ жалкій „піита", который „много пролилъ пота" надъ своими одами, и смѣшной человѣкъ, котораго всѣ обижали. Это — одинъ изъ почтенныхъ птенцовъ Петра, который бѣжалъ изъ дома, изъ Астрахани, чтобы учиться и просвѣщать Россію, и для этого овладѣлъ языками и многостороннею ученостью. Онъ много претерпѣлъ изъ жажды знанія: иногда нищенствовалъ, истративъ все свое жалованье на изданіе книгъ. Его переводы добросовѣстны и полезны; его ученые труды отличаются здравымъ смысломъ и мѣткими взглядами. Нужды нѣтъ, что *Ломоносовъ* былъ лжеклассикъ, осмѣянный Сумароковымъ за риторство. Онъ ввелъ въ нашу письменность родную рѣчь и стихъ и далъ первую граматику, риторику и словарь русскаго языка. На этомъ же языкѣ онъ впервые ора-

торствовалъ съ академической каѳедры. А въ его одахъ благородная и мужественная мысль: здѣсь обличеніе невѣжества, особенно у духовенства, и упорная защита русской науки. Это—смѣлая публицистика, какъ можно назвать и письма Ломоносова къ Шувалову, гдѣ вѣрно указаны причины бѣдствій крестьянъ и раскольниковъ. Нужды нѣтъ, что и *Сумароковъ*, наравнѣ съ московскими профессорами, проводилъ въ своихъ драмахъ нѣмецкій лжеклассицизмъ, уже павшій въ Германіи. По содержанію, это—умный и искренній сатирикъ и публицистъ, нашъ Вольтеръ; оттого его стихи заучивались наизусть, его пѣсенки распѣвались дамами, а драмы привлекали массу зрителей.

Отцы нашей письменности создали ея основы—русскій языкъ, сатиру, журналистику и театръ. *Русскій языкъ* становился книжнымъ лишь съ Петра I: на немъ уже писались тогда дѣловыя бумаги, и его называли „языкомъ Посольскаго приказа". Если при Петрѣ малороссійскіе ученые гнушались этимъ „подлымъ" (простонароднымъ) языкомъ да еще искажали его полонизмами и латинизмами, зато для друзей преобразованій славянскій языкъ становился непонятенъ и „жестокъ ихъ ушамъ". Первый изъ русскихъ профессоровъ въ московскомъ университетѣ возсталъ даже противъ латыни, ибо „нѣтъ мысли, которой нельзя бы было передать порусски". При Аннѣ, при академіи уже появилось „россійское" отдѣленіе для обработки родного языка. Но творцомъ его въ теоріи былъ Тредьяковскій: онъ потребовалъ писать свѣтскія книги разговорною рѣчью и замѣнить силлабическое стихосложеніе тоническимъ (§ 180). Эта мысль была впервые примѣнена на дѣлѣ Ломоносовымъ въ его одахъ.

Еще раньше, до Елизаветы, выступила душа русской письменности, *сатира*, этотъ лучшій залогъ самосовершенствованія. Слѣды ея обозначились, какъ только пошатнулась древняя Русь (§ 178); но она опредѣлилась съ Петра. Это возбужденный имъ русскій умъ становился на стражѣ просвѣщеннаго патріотизма въ борьбѣ съ доморощеннымъ невѣжествомъ и съ эгоизмомъ иноземцевъ. Отецъ нашей сатиры, Кантемиръ († 1744), человѣкъ европейски образованный, живой, но болѣзненный, всей душой стоялъ за идею Петра и сдѣлался отцомъ „ученой дружины", которая была загнана стариной по смерти преобразователя. Для него ни откуда „не было свѣта: все ненастье", и онъ „не могъ ни хвалить, ни молчать". Кантемиръ безпощадно клеймилъ косность церковниковъ, съ его „Камнемъ Вѣры", „нахаловъ съ мѣднымъ лицомъ, воспитанныхъ съ псарями"

(Иванъ Долгорукій) да „квасной“ патріотизмъ. Его сатиры ходили по рукамъ безъ имени сочинителя, въ рукописяхъ. Если, по формѣ, это былъ тяжеловѣсный, силлабическій лжеклассицизмъ, то у преемника Кантемира, Сумарокова, сатира облеклась уже въ чисто-русскую, легкую и живую форму. Она громила, кромѣ невѣждъ и ханжей, педантовъ, „напудренныхъ скотинъ-петиметровъ (свѣтскіе франты и французоманы до обезьянства), крапивное сѣмя, хамово отродье“ (подъячіе).

Это направленіе проходитъ по всей нашей письменности 18-гов., сосредоточиваясь въ *журналистикѣ*, которая обращала большое вниманіе на публицистическіе вопросы. Журналистика началась также при Елизаветѣ. Первымъ „толстымъ“, учено-литературнымъ, журналомъ были „Ежемѣсячныя Сочиненія“ Миллера (1754), на подобіе англійскихъ журналовъ. Вслѣдъ затѣмъ появилось нѣсколько подобныхъ изданій, во главѣ которыхъ стояла бойкая „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова, вскорѣ погибшая отъ цензуры академиковъ, которыхъ она называла „блохами“. Съ именемъ Сумарокова связано также основаніе *русскаго театра*. При Аннѣ были только итальянская комическая опера (оперетка), съ аллегорическимъ балетомъ изъ кадетовъ и придворной прислуги, да нѣмецкая труппа, которая смѣнилась, при Елизаветѣ, французскою. Но въ Ярославлѣ Волковъ завелъ домашній театръ. Его труппу привезли въ Петербургъ, научили въ корпусѣ—и возникъ русскій императорскій театръ (1756), подъ дирекціей Сумарокова, котораго назвали „установителемъ“ этого дѣла. При Елизаветѣ уже появились „комедійные дома“ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Благодаря Петру, сразу привилась и *научная* проза. Уже при Елизаветѣ выдвинулся русскій ученый, который затмилъ иностранцевъ въ Россіи и снискалъ почетное имя въ Европѣ. То былъ *Ломоносовъ* († 1765), великій и какъ личность [1]. Этотъ рыбакъ бѣжалъ изъ Холмогоръ ради ученья и уже взрослымъ („большимъ болваномъ“, по кличкѣ товарищей) опередилъ всѣхъ въ московской академіи, питаясь хлѣбомъ съ квасомъ. Затѣмъ онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, чтобы попасть въ Германію, гдѣ вскорѣ сравнялся съ первыми учеными. „Нынѣ такіе умы весьма рѣдки“, сказалъ про него Эйлеръ; а Пушкинъ назвалъ его „первымъ нашимъ университетомъ“. Ломоносовъ имѣлъ

[1]) Нашъ рисунокъ, какъ и почти всѣ портреты Ломоносова, представляетъ снимокъ съ того подлинника, который хранится въ академіи наукъ.

право сказать, что скорѣе академію отставятъ отъ него, чѣмъ его отъ академіи. То былъ похожій на Петра богатырь знанія и мастеръ на всѣ руки: тогда людей было мало, и раздѣленія труда не существовало. Видный поэтъ и ораторъ, филологъ, историкъ и педагогъ (онъ руководилъ академическою гимназіей), Ломоносовъ былъ знаменитымъ естественникомъ. Между тѣмъ какъ Крижаничъ считалъ естествознаніе „дьявольскою ересью", онъ все отстаивалъ „естественныхъ вещей познаніе, ибо въ пространной Россіи хранятся неоцѣненныя сокровища". Онъ считалъ необходимымъ быть и теоретикомъ, и практикомъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Наряду съ важными изслѣдованіями, онъ приготовлялъ простые матеріалы (краски, водки, соли), завелъ фабрики цвѣтныхъ стеколъ и мозаики, училъ пробирному искусству, составлялъ планы географическихъ экспедицій, а также географическій и статистическій атласъ Россіи. Ему же принадлежитъ мысль о проходѣ въ Америку по Сѣверному океану; а его ученики измѣряли наши земли.

Ломоносовъ.

Зарождались и собственныя нравственныя науки, хотя не такъ блистательно. Тогда занимались почти одною *русскою исторіей*; но зато и здѣсь сразу явился одинъ изъ русскихъ ученыхъ, который служитъ также достойнымъ представителемъ нашей *публицистики*, начавшейся еще при Грозномъ (§ 176). То былъ птенецъ Петра, ученикъ Брюса, Татищевъ († 1750). Онъ долго жилъ за границей, дрался рядовымъ въ Сѣверной войнѣ, при Екатеринѣ I основалъ Екатеринбургъ, при Аннѣ заправлялъ всѣмъ Пріуральемъ и Поволжьемъ, гдѣ оказалъ много услугъ горному дѣлу и инородцамъ, а послѣднія 5 л. провелъ подъ арестомъ, въ подмосковной, за казнокрадство. По

здравому смыслу, умѣлости, находчивости, трудолюбію и патріотизму, это — второй Петръ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. И Татищевъ былъ мастеръ на всѣ руки — неутомимый исполнитель, историкъ, публицистъ, географъ, математикъ, инженеръ, естественникъ. Онъ, наряду съ Петромъ и Ломоносовымъ, былъ отцомъ нашей науки: онъ ставилъ „надъ всѣмъ разумъ". Его публицистическія статьи („Экономическія записки" и др.) блещутъ ясностью и широтой мысли вождей западнаго просвѣщенія. Татищевъ былъ терпимъ ко всѣмъ (кромѣ евреевъ), ненавидѣлъ ханжество и суевѣріе, требовалъ подчиненія церкви государству. Подобно Волынскому, (§ 224), онъ желалъ двухъ палатъ, которыя замѣщали бы важныя должности по своему выбору, а также коллегіальнаго правленія. Дворянство онъ считалъ высшимъ „станомъ или чиномъ"; но олигархія возмущала его. Онъ всячески старался помогать крестьянамъ; но отмѣна крѣпостничества казалась ему „небезопасною при нашей формѣ правленія монархической". Основою проповѣди публициста было просвѣщеніе. „Наученіе отъ младенчества разуму есть главная государству польза"; и въ Европѣ „великихъ на то иждивеній полагать не жалѣютъ". Учить нужно всѣхъ, и непремѣнно крестьянъ: необходимо по всѣмъ городамъ и провинціямъ учредить школы, по плану Петра, на счетъ церкви. Тѣми же мыслями проникнута „Исторія Россійская" Татищева, которая представляетъ также дѣльный сводъ отчасти погибшихъ матеріаловъ, съ остроумными примѣчаніями. Но здѣсь не было патріотическаго „сладкорѣчія", какъ въ русской исторіи Ломоносова, а были выходки противъ невѣжества, особенно среди церковниковъ: и трудъ Татищева увидѣлъ свѣтъ лишь 18 л. спустя по смерти автора. Но его дѣло продолжали достойные ученые изъ нѣмцевъ. Любившій Россію, гордый и способный Миллеръ, также полезный публицистъ, которому много мѣшала цензура, далъ первый опытъ прагматической русской исторіи. Онъ поддерживалъ норманскую теорію происхожденія варяговъ, противъ которой вооружались Ломоносовъ и Тредьяковскій, выставившіе патріотическое ученіе о славянскомъ началѣ. Руси. Ему помогалъ даровитый Шлецеръ, который окончательно поставилъ нашу исторію на научную почву и далъ первые учебники русской географіи и статистики. *Записокъ* осталось мало отъ того времени. При Петрѣ были составлены симпатичныя записки Натальи Долгорукой и поклонника преобразователя, Неплюева. При Елизаветѣ майоръ Даниловъ ин-

тересно обрисовалъ воспитаніе помѣщика временъ Анны: здѣсь типы Митрофанушки и Простаковой.

Съ начала царствованія Екатерины II наша письменность сливается съ европейскою. *Западное вліяніе* достигаетъ крайнихъ предѣловъ, отражаясь даже въ мелочахъ печати. Всякій новый плодъ Просвѣщенія немедленно переходитъ къ намъ. Переводы наводнили книжный рынокъ, и со всѣхъ языковъ, нерѣдко даже по частному почину: явилось до 140 переводовъ изъ одного Вольтера, и даже въ провинціи. А при академіи наукъ завелся цѣлый „переводный департаментъ". Вообще тогда было переведено большинство древнихъ и новыхъ писателей, въ особенности же французскихъ и англійскихъ 17-го и 18-го вв. Непосредственное вліяніе Запада отражалось уже на всѣхъ рѣшительно писателяхъ. Екатерина II, поручавшая Дидро даже составить планъ народнаго образованія въ Россіи, была „вороной въ павлиньихъ перьяхъ" (§ 235). Фонвизинъ заимствовалъ даже у словарей и ничтожныхъ писателей Европы, а его „Бригадиръ" взятъ изъ Гольберга (*Н. И* § 110). Капнистъ и Княжнинъ занимались переложеніемъ Мольера; Хемницеръ, Дмитріевъ и Богдановичъ то же дѣлали съ Лафонтеномъ и нѣмецкими баснописцами. Державинъ подражалъ нѣмецкимъ лирикамъ да Оссіану. Для Радищева образцомъ служило „Путешествіе" Стерна. Юный Карамзинъ уподоблялся Екатеринѣ, боготворилъ Руссо и Лессинга. Русскій душой Новиковъ и масоны прямо подражали Западу въ своей дѣятельности. Тоже было съ патріотами: Озеровъ бралъ у Расина, Ростопчинъ былъ французскимъ стилистомъ; Болтинъ переводилъ „Энциклопедію", отстаивалъ отмѣну крѣпостничества и народное образованіе. Всѣ журналы походили на „Всякую Всячину"; а она была сколкомъ съ англійскаго „Зрителя" (*Н. И.* § 109). Усиленное западное вліяніе, поддержанное уже систематическою школой, возбуждало и самостоятельность, создавало крупные таланты во всѣхъ родахъ письменности. Оно рѣшило вопросъ о современной русской поэзіи или о личномъ творчествѣ образованныхъ людей, запечатлѣнномъ въ книгахъ. Направленіе сначала было почти одинакое у всѣхъ этихъ людей. Это—реализмъ или раціонализмъ энциклопедистовъ. Если начиналось и англійское вліяніе, то въ лицѣ Локка, Пòпа, Адиссона, державшихся того же направленія: во главѣ его стоялъ Муравьевъ—благородный Меценатъ, какъ попечитель московскаго университета, учитель Александра I и товарищъ министра при немъ. Оттого лже-

классицизмъ вдругъ палъ: сатира Дмитріева „Чужой толкъ“ разбила „одохватовъ“, всего 20 л. спустя по смерти Ломоносова; а московскій театръ покинулъ Сумарокова для Бомарше.

Вообще письменность совсѣмъ превращалась въ *сатиру* и *публицистику*, подъ разными художественными формами. Онѣ возставали противъ ходульности лжеклассицизма, осмѣивая ее въ „ироикомической поэмѣ“ или въ пародіи, съ героями-ямщиками. Онѣ казнили общественные и даже политическіе пороки Россіи, въ особенности невѣжество, лжеобразованіе и недобросовѣстность. Журналы были попреимуществу сатирическіе и процвѣтали въ 1769—1774 гг. Они напоминали прежнія изданія даже по названіямъ (Трудолюбивый Муравей и др.), но сатира въ нихъ злѣе и трезвѣе, безъ идеализаціи. Они стояли за русскую самобытность и за низшіе классы: ихъ читали даже мѣщане. Ихъ издателями были такія силы, какъ Новиковъ, Радищевъ, Крыловъ. Сатирой проникнуты сочиненія Екатерины, этого до того чуткаго публициста на престолѣ, что наблюдательность иногда возмѣщала у нея недостатокъ художественнаго таланта. Ея „Были и Небылицы“, ея комедіи — мѣткая и веселая сатира на высшее общество, и именно на близкія ко двору лица. Сатира вызвала и такой крупный талантъ, какъ Фонвизинъ. Его публицистическія статьи стоятъ на высотѣ западной литературы. Его „Недоросль“ и „Бригадиръ“ были лучшимъ отраженіемъ пороковъ, какъ домашняго, такъ и лжеевропейскаго воспитанія русскихъ: имена ихъ героевъ стали нарицательными, многія выраженія—ходячими. Подобное же значеніе имѣла „Ябеда“ Капниста, чисто русское твореніе по типамъ и языку: это—могила всего тогдашняго чиновничества. Если менѣе таланта, то не менѣе умной сатиры въ комедіяхъ Княжнина и у отца нашей басни, Хемницера, который скрылъ свое имя, такъ какъ онъ казнилъ „большихъ воровъ“ и злодѣевъ „высшихъ степеней“.

То же трезвое направленіе проникло въ *драму*. Тогда на Западѣ появилась „мѣщанская трагедія“ или собственно „драма“, въ отпоръ лжеклассицизму: она руководилась Шекспиромъ, искала простоты и будничной прозы, описывала бытъ низшихъ классовъ, доходя до слезливости. И у насъ, въ эпоху господства сатирическихъ журналовъ, Шекспиръ вдругъ сталъ изъ автора „рынковъ и кабаковъ“ великимъ „натуры другомъ“. Всѣ заговорили о простонародьѣ, стали переводить Шекспира, Шиллера и Гете, подражать имъ, передѣлывать ихъ на рус-

скіе нравы: таковы историческія драмы самой Екатерины, въ которыхъ встрѣчается даже политическая полемика. Даже въ опереткѣ и балетѣ, гдѣ выступили русскіе исполнители, появились „Мельники", „Сбитеньщики" и „Гостиный Дворъ", написанный однимъ крѣпостнымъ. Эти пьесы сопровождались народными пѣснями и плясками; актерами были подъячіе да фабричные. Публика ломилась на представленія; многіе куплеты (въ томъ числѣ изъ оперетокъ Екатерины) переходили на улицу. Реализмъ и сатира охватили и книжныя *повѣсти съ романомъ*, только-что возникшія тогда. Переводныя „Приключенія маркиза Г. (Глаголя)" читались даже низшими классами. А затѣмъ явились и самобытныя произведенія, которыя напоминали Фонвизина и Капниста и имѣли огромный успѣхъ. Новое направленіе отразилось даже въ старомъ литературномъ родѣ— въ торжественной *лирикѣ*. „Пѣвецъ Екатерины", Державинъ († 1816), сталъ „установителемъ новаго вкуса" въ стихахъ. Онъ началъ воспѣвать не такъ „пышно", часто даже „забавнымъ русскимъ слогомъ", а порой рѣшался и „истину царямъ съ улыбкой говорить". У Державина вездѣ, рядомъ съ идеаломъ, та же просвѣщенная сатира, что̀ и у другихъ писателей. Ему вредили только пережитки лжеклассицизма, которые подъ старость выступали ярче.

Увлеченная литературнымъ движеніемъ русская мысль не дала тогда ничего крупнаго въ *наукѣ*. Но уже образовались ученые кружки, которые переносили къ намъ французскую, нѣмецкую и даже шотландскую науку, а также подготовляли самостоятельныя изслѣдованія. Троицкій семинаристъ, Десницкій, слушавшій Адама Смита, былъ первымъ русскимъ профессоромъ права; онъ горячо проповѣдывалъ англійскую конституцію, гласный судъ и равноправность женщины. Но больше всего собирались матеріалы для всесторонняго изученія Россіи. Этимъ занималась попреимуществу академія. Она снаряжала ученыя экспедиціи и напечатала много томовъ „Россійскаго Ѳеатра" и русскаго словаря. Екатерина II собирала матеріалы для русской исторіи и открыла архивы ученымъ. Голиковъ составилъ „Дѣянія Петра Великаго", а Новиковъ — „Древнюю россійскую Вивліоѳику" и первую исторію нашей литературы, подъ именемъ „Опыта Словаря о россійскихъ писателяхъ".

Къ концу періода, подъ вліяніемъ реакціи, Просвѣщеніе ослабѣвало и вырождалось въ литературѣ такъ же, какъ и въ обществѣ (§ 256). Сама Екатерина стала полемизировать съ За-

падомъ и съ самимъ Вольтеромъ; впрочемъ она главнымъ образомъ защищала Россію отъ клеветъ иностранцевъ. Но уже въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина проскользнула мысль, что на Западѣ нѣтъ ничего путнаго, и что Россіи слѣдовало бы пробавляться собственными силами: „мы начинаемъ, а они кончаютъ". Затѣмъ начали громить самого Петра. Щербатовъ („О поврежденіи нравовъ въ Россіи") и Болтинъ („Примѣчанія" на „Русскую исторію" Леклерка) уже договорились до того, что Карамзинъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, долженъ былъ выступить съ горячею защитой преобразованій. При Павлѣ реакція развивалась. Державинъ началъ воспѣвать Эрота, потомъ осуждалъ либерализмъ Александра I и, вмѣстѣ съ Шишковымъ, отстаивалъ крѣпостничество да допетровскую Русь. Херасковъ громилъ своеволіе французовъ и изображалъ Павла спасителемъ Европы отъ этой язвы. Появились такія книжки, какъ „Вольтеръ изобличенный", „Вольтеръ обнаженный", „Заблужденія Вольтеровы" и проч.

§ 259. **Искусство.** — Въ художественномъ быту Россіи совершалось то же самое, что въ умственномъ. Здѣсь свѣтское вліяніе Запада развивалось даже быстрѣе и очевиднѣе. Наше искусство уже съ Петра I начинаетъ совсѣмъ сливаться съ европейскимъ. До него, въ самомъ началѣ періода, оно еще сохраняло нѣкоторыя древнія черты, да и тѣ блѣднѣли въ рукахъ иностранныхъ мастеровъ, которые появились во множествѣ. Онѣ держались почти только въ *зодчествѣ*, и именно въ такихъ достопамятныхъ сооруженіяхъ, какъ храмы и дворцы. Русскій пошибъ (§ 181) замѣтенъ въ церквахъ повсюду до самаго 18-го в. Но уже не созидалось такихъ крупныхъ его образцовъ, какъ московскіе соборы. А, главное, онъ терялъ свою строгость и путалъ особенности разныхъ временъ. Шатровая форма распространялась всюду, до Перми и Чернигова, и даже въ частныхъ домахъ бояръ и богачей, представляя иногда то величавые, то игривые образцы: это особенно замѣтно тамъ, гдѣ итальянскія украшенія затѣйливо передѣлывались на русскій ладъ. Здѣсь наиболѣе щеголялъ Ярославль, гдѣ употреблялись сдѣланные на мѣстѣ кирпичи и изразцы съ хорошими рисунками, но работы голландскихъ мастеровъ. Но въ шатровой же формѣ ярко выразилось паденіе стараго пошиба. Доходило до того, что почти квадратный планъ служилъ лишь основою для главной массы, состоящей изъ безобразно развитыхъ шатровъ, луковицъ и кокошниковъ. Попадается по нѣскольку главо-

носныхъ шатровъ вмѣстѣ (обыкновенно 5), нагроможденныхъ безъ соразмѣрности, въ разныя времена. При Петрѣ эта форма совсѣмъ изнашивается. Она безобразно сливается съ западными стилями: подлѣ шатра становятся тощія колонки съ головками, на подобіе коринѳскихъ; кругомъ лѣпятся разорванные кокошники, „пѣтушьи гребешки“ и т. под.

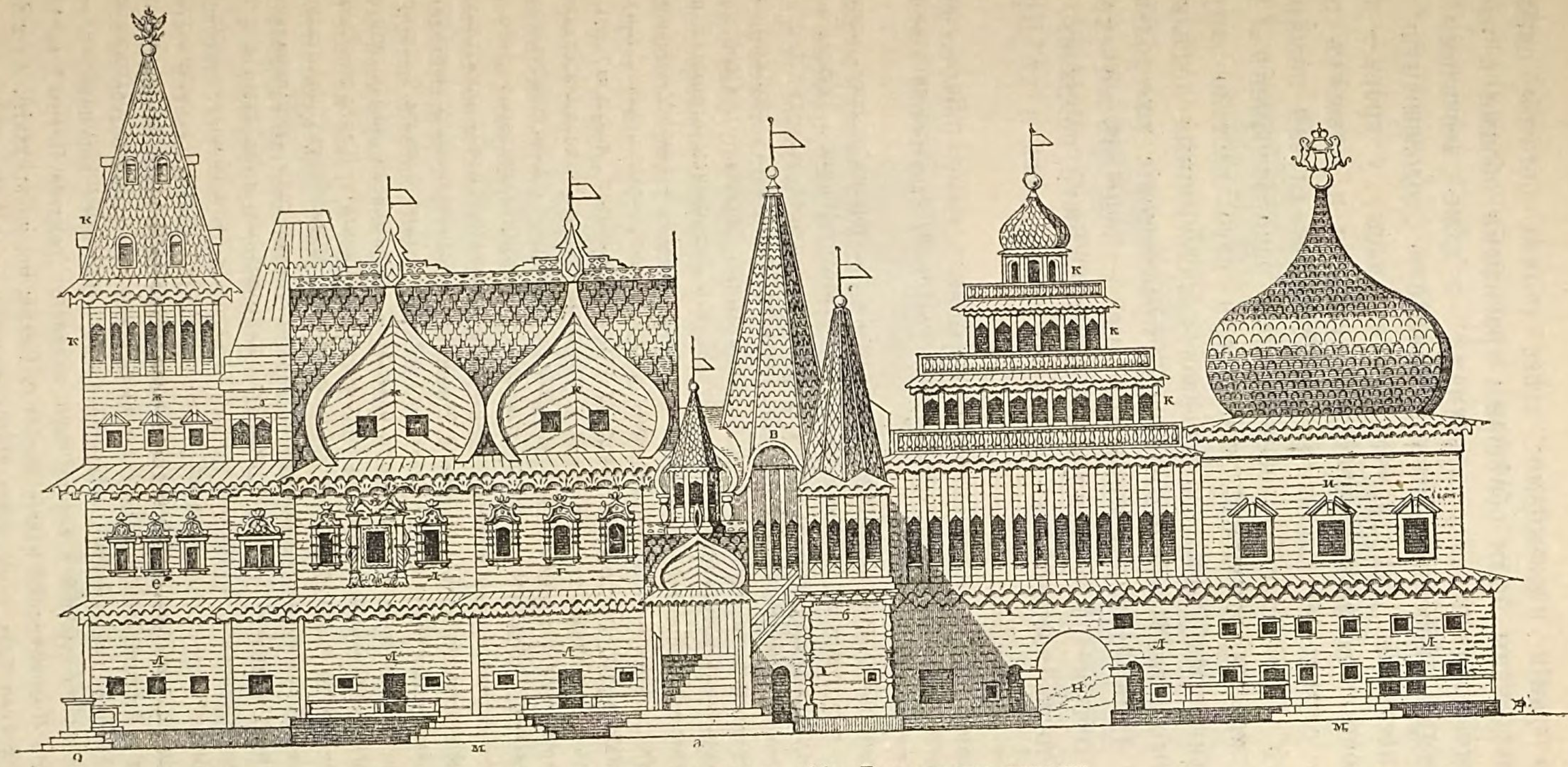
Лучшими образцами русскаго пошиба служатъ уже не величавые соборы, а дворцы. Да и то *Кремлевскій дворецъ* сталъ еще болѣе хаотическою массой, чѣмъ прежде (§ 181), послѣ пристройки къ нему Потѣшной палаты. Онъ былъ „преизрядно обновленъ“ Ѳедоромъ III, который больше отца любилъ постройки. Но вслѣдъ затѣмъ началось его запустѣніе, съ перенесеніемъ двора въ Петербургъ. Помѣщенныя въ немъ коллегіи и канцеляріи только грязнили его. Къ концу періода стали ломать и продавать съ аукціона его остатки. Уцѣлѣли только, и то въ сильной передѣлкѣ, Грановитая и Потѣшная палаты; да потомъ были возобновлены терема. Мы даже не знаемъ точно Кремлевскаго дворца: не сохранилось чертежей его. Но въ общемъ онъ походилъ на *Коломенскій дворецъ*, на эту предсмертную красу искусства древней Руси, извѣстную намъ лучше. Подмосковное село Коломенское — живой архивъ нашей старины. Это — древняя вотчина московскихъ князей, которые съ самаго начала соорудили здѣсь загородный дворъ. Они любили этотъ ласково-поэтическій уголокъ, на Москвѣрѣкѣ, откуда была видна вся столица, какъ на ладонкѣ. Здѣсь рѣка окаймлялась поемными лугами, которыхъ не обнять взоромъ, а надъ ними, при разливѣ, носились стаи птицъ, на которыхъ цари выпускали своихъ соколовъ; дальше разстилались безконечныя поля, а за ними дремучіе лѣса. „Тишайшій“ особенно любилъ охотиться тутъ. Онъ рѣшилъ воздвигнуть въ Коломенскомъ новый дворецъ, которому не было бы равнаго. Дерево выбирали въ раменныхъ Брынскихъ лѣсахъ; краски и золото выписывали изъ-за моря; художниковъ и мастеровъ добыли изъ Литвы и Германіи. Въ 1667 г. возникло красивое, но капризное, лишенное соразмѣрности и порядка, „осьмое диво“, которое иностранцы называли „игрушкой“ [1]): такъ оно

[1]) Мы знаемъ *Коломенскій дворецъ* по нѣкоторымъ остаткамъ, по акаціямъ у фундамента, посаженнымъ Екатериною II, и по „росписнымъ спискамъ“ (имущественнымъ книгамъ), а также благодаря модели въ Оружейной палатѣ да планамъ и изображенію, хранящимся въ Британскомъ Музеѣ. Наши рисунки представляютъ главныя части дворца, какъ онѣ изображены у археолога Забѣлина.

горѣло золотомъ, пестрѣло красками, узорочьемъ, деревянною, мѣдною и желѣзною рѣзью. Еще роскошнѣе было обряжено

Коломенскій дворецъ — тѣ же хоромы (§ 185), только въ большихъ размѣрахъ. Здѣсь обычныя 3 части: царское „жило" въ глубинѣ, болѣе обширныя „палаты" для церемоній впереди и особые „дворы и дворцы" или всякія службы, кромѣ казнохранилищъ, которыя находились въ подклѣтахъ.

На первомъ изъ нашихъ рисунковъ изображены *государевы хоромы*, съ лицевой, восточной стороны, примыкавшей къ верховой церкви. Главный входъ въ нихъ — передній „рундукъ" (а). Надъ нимъ бочка и шатеръ съ прапоромъ, на рѣзныхъ столбахъ, со слюдяными окончинами; а подъ столбами 4 льва деревянныхъ въ краскахъ. „Всходъ" ведетъ отсюда въ верхній рундукъ (б), крытый чешуйчатымъ шатромъ съ прапоромъ же; посрединѣ его гербъ—орелъ двуглавый, писанъ по золоту. Оба рундука „оперены" (оперилены) точеными балясами. Изъ верхняго рундука вступаемъ въ „переднія сѣни" (в) или въ пріемную, съ чешуйчатою шатровою крышей и съ деисусомъ (тройная икона) надъ входомъ; здѣсь 9 окончинъ слюдяныхъ, а надъ ними доски рѣзныя въ краскахъ; у стѣнъ лавки съ опушками да 4 стола круглыхъ съ полами. Изъ переднихъ сѣней, направо, тянутся роскошныя „столовыя сѣни" (і) въ 13 оконъ, съ лавками, скамьями, столами и „щетями" для метенья половъ. Онѣ ведутъ въ „столовую" (и), съ 3 стекольчатыми окнами съ лицевой стороны (всѣхъ было 7), убранную такъ же, но съ прибавкой печи, поставца и стульевъ, обитыхъ золоченою кожей. Здѣсь сосредоточивался блескъ дворца: были даже столы „расписаны на китайское дѣло". Столовая крыта кубомъ съ лазоревою чешуей. Наверху красовался „глѣбузъ", а на немъ орелъ изъ бѣлаго желѣза промежду льва и единорога. Изъ переднихъ сѣней, налѣво, еще небольшой рундукъ, обитый крашенымъ полотномъ. Онъ ведетъ въ переднія хоромы, или „комнаты" (г, д, е). Здѣсь рамы рѣзныя, окна слюдяныя, лавки съ опушками, рундуки со ступеньками, какъ троны, двери створчатыя, камины, поставцы, столы. И вездѣ-то живопись, даже на столахъ и дверяхъ. Комнатъ было 5 — „передняя", собственно „комната" (кабинетъ), „опочивальная" съ „чуланомъ" (альковъ) и „крестовая или моленная". Онѣ соединялись между собой „сѣнцами" и „переходами" (корридорами). Надъ комнатами—„свѣтлица" (ж), съ своими сѣнями (з), куда велъ внутренній всходъ. Изъ сѣней, налѣво, всходы въ „терема" или „чердаки" (к), которые возвышаются надъ свѣтлицей башней въ два этажа,—въ одномъ 20, въ другомъ 7 оконъ. Башня покрыта шатромъ въ лазоревой чешуѣ, обитой, по краямъ, бѣлымъ желѣзомъ; а на остріѣ красуется, на яблокѣ, двуглавый орелъ бѣлаго же желѣза. Направо изъ свѣтличныхъ сѣней дверь на „гульбище" (к), съ 4 окнами и съ лавками; оно украшено съ лица двумя бочками, съ прапорами надъ ними; крыша у бочекъ чешуйчатая. Гульбище соединено съ „переходцами" надъ передними сѣнями, которые снабжены пятью слюдяными окончинами и крыты чешуйчатымъ шатромъ съ прапоромъ. Изъ переходцевъ всходъ на другія гульбища, вокругъ теремовъ (к), надъ столовыми сѣнями. Эти гульбища, въ три этажа, прорѣзаны множествомъ оконъ (40, 23 и 7) и увѣнчаны чешуйчатымъ кубомъ съ прапоромъ. На всѣхъ гульбищахъ балясы точеныя. Нижній этажъ государевыхъ хоромъ занятъ „подклѣтами" (л) съ волоковыми оконцами, въ которые ведутъ два рундука стрѣлецкихъ карауловъ (м). За лѣвымъ рундукомъ, на концѣ зданія, виденъ каменный столбъ для солнечныхъ часовъ (о); а передъ опочивальной царя стоялъ другой столбъ, на который клали, передъ очи государя,

Коломенскій Дворецъ. 1667. Государевы хоромы.

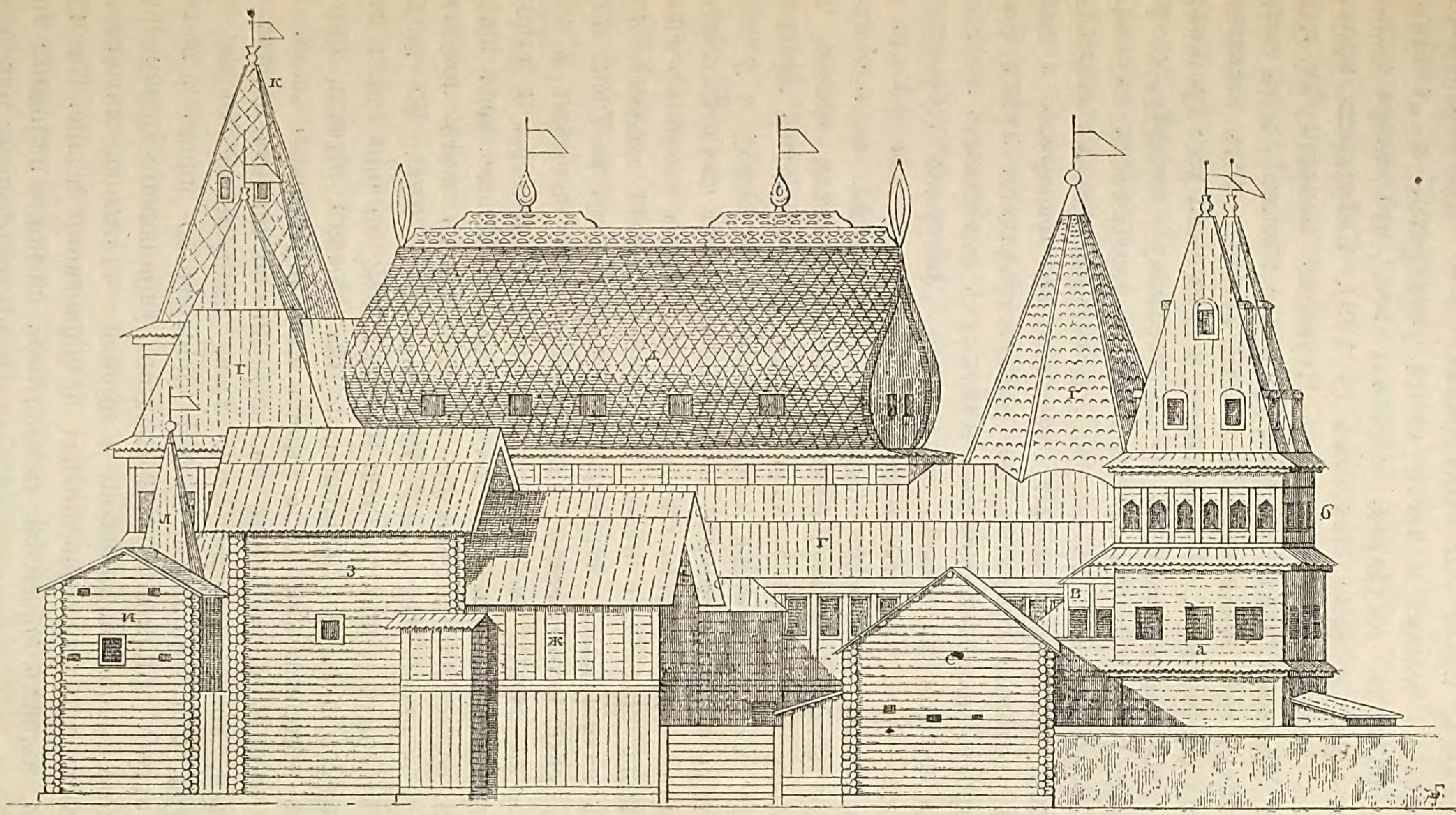
нутро зданія иноземцами: здѣсь стояла богатая европейская мебель; стѣны были обвѣшаны красивыми обоями и расписаны свѣтскою живописью, „парсунами“ и даже „левчатами“ (ландшафтами). Иноземцы воздвигли каменную „водовзводную“ башню. Они поставили на главной башнѣ часы, у трона—мѣдныхъ рыкающихъ львовъ, двигавшихъ глазами и зіявшихъ пастьми, а въ сараяхъ — „заливныя трубы“ на случай пожара. При Ѳедорѣ Коломенскій дворецъ былъ распространенъ (270 покоевъ съ 3.000 оконъ). Но послѣ него настало запустѣніе: крестьяне разбирали его на свои хозяйственныя подѣлки.

Коломенскій дворецъ—русское произведеніе уже только снаружи. Наши мастера выводили однѣ стѣны; всѣ же украшенія и все нутро—дѣло нѣмцевъ и въ особенности поляковъ. *Живопись* (тогда возникло и это слово) здѣсь, какъ и въ Кремлев-

земно кланяясь, челобитныя, собираемыя думнымъ дьякомъ. Подъ столовыми сѣнями помѣщались створчатые кружальные ворота (н) во внутренній дворъ, къ хоромамъ царицы.

Хоромы царицы и царевича изображены на второмъ нашемъ рисункѣ. Онѣ схожи съ государевыми, только скромнѣе, потѣснѣе. Направо отдѣленіе царевича, выходящее въ большой садъ. Оно крыто чешуйчатыми шатрами съ прапорами. Сюда входили черезъ сѣни (в), которыя вели въ комнаты (а), снабженныя внутренними всходами и переходцами въ двух-этажные терема (б). Сѣни соединялись переходцами съ государевой „мыльней“ (е), гдѣ находились: огромная изразцовая печь, лавки съ опушками, слюдяныя и волоковыя окна, а главное—большой полокъ и къ нему „всходъ о семи степеняхъ“. Отъ мыльни, налѣво, внизу тянутся: сѣни „Оружейной избы“ (ж); сама эта изба (з) и „стряпущая избушка“ (и) или „поварня“, съ 2 окошками красными и 4 волоковыми. Позади поварни виденъ шатеръ задняго крыльца (л) царицыныхъ хоромъ, съ прапоромъ. А надъ нимъ возвышается лѣвый шатеръ сѣней (г) тѣхъ же хоромъ, съ своимъ прапоромъ; его товарищъ подымается справа, подлѣ шатровъ отдѣленія царевича. Между ними тянутся длинныя хоромы царицы, надъ которыми возвышается величественная чешуйчатая бочка (д), съ двумя прапорами и рѣшетчатымъ гребнемъ. Самый высокій шатеръ (к), съ теремными окнами и съ прапоромъ, означаетъ расположеніе царицыной свѣтлицы.

Дворецъ былъ деревянный, но на каменномъ основаніи. Такія же были службы, которыя занимали все „дворище“ безпорядочною кучей: тутъ находились клюшничьи палаты, уксусная, скатертная, кладовыя, кислочная (гдѣ варились кислые щи), поварни, ледники, теплые погреба, портомойныя избы, сушила и т. под. А далѣе раскидывались 4 густыхъ сада. Все строеніе было обнесено каменною стѣной. „Красные“ ворота (главный входъ, у церкви) славились своимъ узорочьемъ и золоченьемъ. Они состояли изъ двухъ пролетовъ, надъ которыми висѣли огромныя иконы и возвышалась крутая двускатная кровля съ двумя большими кокошниками. Въ лѣвомъ кокошникѣ помѣщался орелъ подъ тремя коронами, а въ правомъ — вѣнокъ съ короной и внутри него надпись: „родился Петръ I въ 1672 г., мая 30“. Въ Коломенскомъ нашли колыбель Петра; но, по преданію, Алексѣй Михайловичъ только былъ тамъ, когда Петръ родился въ Измайловѣ.

Коломенскій дворецъ. Хоромы царицы и царевича.

скомъ дворцѣ, почти вся иностранная. Это — древняя исторія и миѳологія, зодіакъ и части свѣта, портреты, и „клеймы“ (гербы) разныхъ государей: словомъ, все, что̀ вчера только считалось ересью даже Никономъ (§ 199). Свѣтскость проникла и въ иконопись (картины въ Чудовомъ монастырѣ), царь которой, Ушаковъ, ввелъ въ нее „фряжское письмо“, и въ самые подлинники, гдѣ появились Мадонны, отчасти подъ вліяніемъ Димитрія Ростовскаго. И прихожане, и сами попы уже требовали писать „по живописному, а не по иконному“ пошибу, сохранявшемуся только у старовѣровъ. Наши портретисты начинали писать „съ живства“ (съ натуры), пользуясь уроками заѣзжихъ мастеровъ. Западное вліяніе сквозитъ въ *гравюрахъ* и даже *лубкахъ*, которые стали сильно распространяться: лубки были даже просто воспроизведеніемъ нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ. Русская неглубокая рѣзьба замѣнялась „фигурной“ (обронною) нѣмецкой въ стилѣ Возрожденія; и наши стали рѣзать по иностраннымъ „лицевымъ книгамъ“. Иноземцы, подчинённые Приказу золотого и серебрянаго дѣла, улучшали *чеканъ*, что̀ отразилось и на монетѣ, хотя „знамя“ ея оставалось прежнее (§ 181). Художественная *мебель* и *утварь* на Верху и у вельможъ шла изъ-за границы, и ими пользовался самъ Никонъ.

Вліяніе Запада ясно сказалось и въ такомъ упорномъ дѣлѣ, какъ наша *музыка* и *пѣніе*. Напрасно Алексѣй вначалѣ, поддаваясь патріархамъ, запрещалъ мірскую радость на Руси, жегъ музыкальные инструменты, билъ скомороховъ батогами и кнутами, а на Верху замѣнялъ иностранные оркестры и потѣхи нищенками да „верховыми богомольцами“. Новые люди подлѣ него подготовляли петровское веселье, и онъ самъ предался ему, увлекаемый Натальей Кириловной (§ 206). Не только вновь заиграли доморощенные инструменты; но они стали стушевываться передъ европейскими. Въ Москвѣ начали приготовлять нѣмецкіе органы и дарить ими персидскаго шаха. Не могла устоять и связанная съ звуками внѣшность церкви въ то время, когда изъ польской Руси хлынула въ Москву вся культура, отъ упряжи и ливрей прислуги до школъ и языка. Если оттуда прибывали сами владыки, украшавшіе архіерейскіе дома иноземною обстановкой, а церкви—свѣтскою живописью, то естественно было измѣниться и церковному пѣнію. На клиросахъ, нашихъ бородачей, въ халатахъ, смѣнили нарядные бритые усачи, въ венгеркахъ съ закинутыми разрѣзными рукавами. На Москвѣ, у владыкъ и монаховъ, въ академіи и семинаріяхъ,

въ церквахъ и даже на Верху, эти „спѣваки“ исполняли, какъ въ Кіевѣ, „канты, концерты, псальмы и оды“ и совершали мистеріи съ хорами. То было уже не крюковое демество (§ 181), а „линейное“ (нотное) или „партесное“ пѣніе (§ 193): спѣваки пѣли по „мусикійному“, т.-е. по „книжкамъ и тетрадкамъ“ польской Руси, которыя были рѣдки и дороги, такъ какъ печатныхъ нотъ еще не было. Зачастую они пѣли помалорусски, бѣлорусски и попольски. Въ виду невозможнаго соблазна съ крюками, уже Никонъ ввелъ „кіевское“ пѣніе. И напрасно послѣдніе патріархи „прекословіе творяше“. Съ самаго начала періода стали появляться учебники новаго пѣнія— „Мусикіи“ или „Грамматики мусикійскія“. Въ нихъ старались „открывать тайно замкненныя ѳиты осмогласія“, т.-е. сводить крюки къ нотамъ. Около 1700 г. были изданы гравированные переводы крюковъ на ноты,—и крюки исчезли. Ихъ хранятъ только старообрядцы, да и тѣ спорятъ сейчасъ о томъ, какое пѣніе правильнѣе — „на рѣчь“ или „хамовое“. Сверхъ того, они дивятся, какъ у нихъ иногда подъ крюками являются западные концерты. Такъ сильно было вліяніе польскихъ „тетрадокъ“, которое не прекращалось до конца періода, хотя, съ другой стороны, спѣваки заимствовали многіе изъ древнихъ московскихъ распѣвовъ.

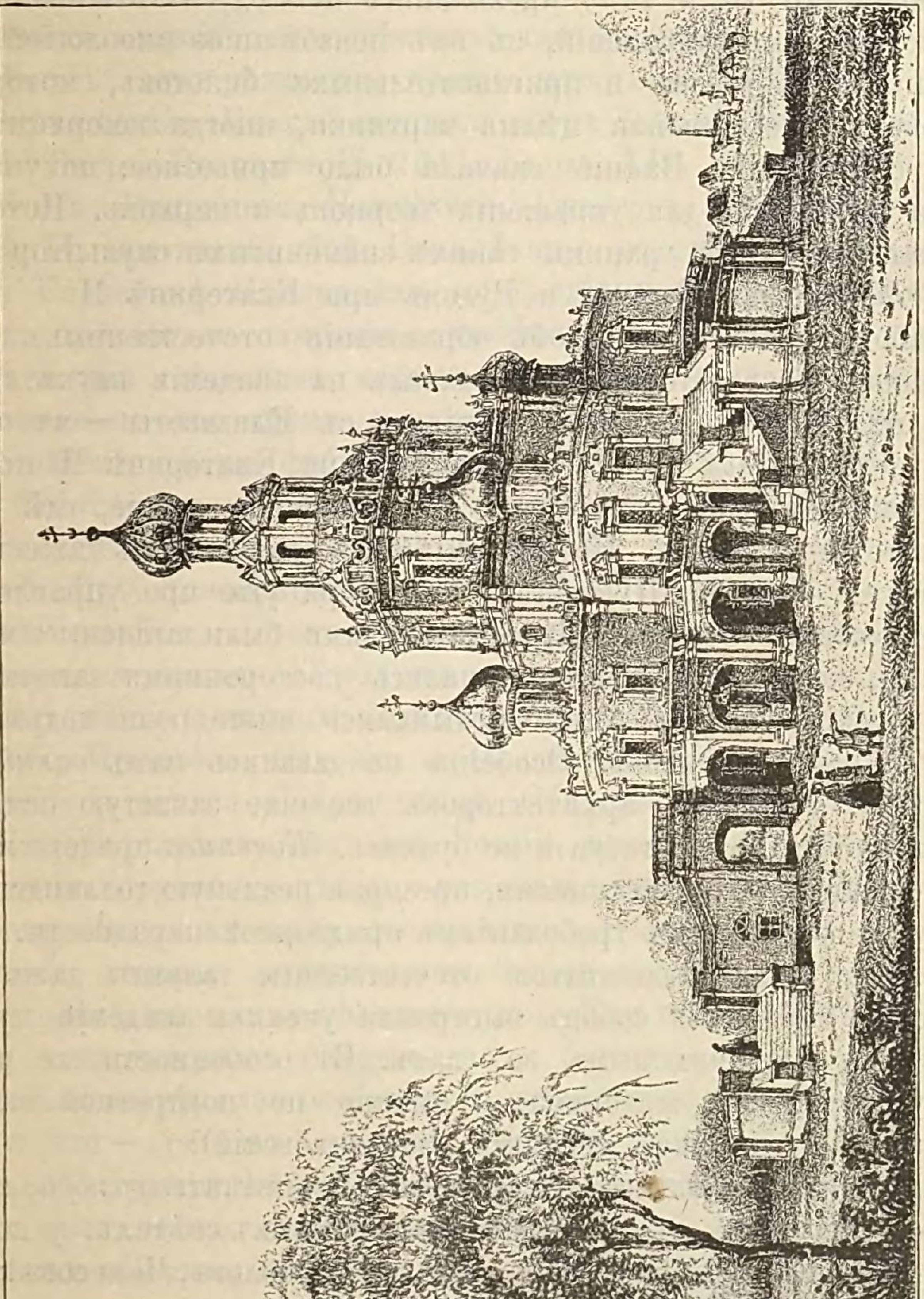
Съ Петра исчезаетъ вся эта путаница переходнаго времени. „Русскій“ пошибъ, можно сказать, скончался: рѣдко гдѣ можно встрѣтить такіе чистые обращики его, какъ Сухарева Башня въ Москвѣ, которую народъ назвалъ, за ея высоту, „невѣстой Ивана Великаго“ (§ 181) и сдѣлалъ ее пристанищемъ своихъ послѣднихъ суевѣрій. Наше искусство совсѣмъ *сливается съ западнымъ*: работаютъ прямо иностранные художники, а ихъ русскіе ученики рабски подражаютъ имъ. Петръ, который любилъ искусство и собирался открыть академію „курьезныхъ художествъ“, выписывалъ изъ-за границы зодчихъ, граверовъ и живописцевъ—какъ „миніатурныхъ мастеровъ“ и портретистовъ, такъ и „историческихъ маляровъ“. Благодаря такимъ знаменитостямъ, какъ Каравакъ (§ 219), тогда образовалась въ Петербургѣ живописная школа, преимущественно портретная и комнатная, любившая изображать классическую миѳологію. Но больше всего Петръ заботился о зодчествѣ, что̀ объясняется и личною страстью вѣнчаннаго плотника, и основаніемъ новой столицы. Онъ предпочиталъ архитектуру Голландіи и отчасти сѣверной Германіи; а тамъ господствовалъ тогда *барокъ* или

„причудливый“ стиль, который вскорѣ (особенно при Елизаветѣ) слился съ пышнымъ *рококо*. Отсюда у насъ обиліе внѣшнихъ украшеній, часто даже злоупотребленіе ими; церкви и крупныя общественныя зданія отличались высокими „иглами“. Но рядомъ видимъ и другіе иностранные стили, въ особенности эпохи *Возрожденія*. Главными изъ выписанныхъ Петромъ архитекторовъ были второй Аристотель (§ 181), итальянецъ *Растрелли*, и французъ *Леблонъ*. Молодой, геніальный и такой честный, что его не на что было похоронить, Растрелли украсилъ Петербургъ многими изящными зданіями и истощилъ свой талантъ въ роскошной орнаментовкѣ Смольнаго Монастыря и Аничкина дворца. Леблонъ построилъ любимый дворецъ Петра (§ 219). Иностранцы разныхъ націй воздвигали тогда церкви, палаты и башни также въ Москвѣ, а иногда и въ усадьбахъ знатныхъ баръ. Домъ Гагарина въ Москвѣ представлялъ собой настоящій венеціанскій дворецъ; а церковь Покрова на Филя́хъ [1])—образецъ стиля Возрожденія, который встрѣчается во всѣхъ подмосковныхъ помѣстьяхъ Нарышкиныхъ, но съ внѣшними придатками изъ русскаго стиля, что̀ придаетъ цѣлому затѣйливую прелесть.

Послѣ Петра иностранное искусство развивалось. Правительство, особенно при Екатеринѣ II, устроившей *Эрмитажъ*, не жалѣло средствъ на выписываніе изъ-за границы и лучшихъ произведеній искусства, и самихъ мастеровъ. Эрмитажъ составился изъ замѣчательныхъ картинъ европейскихъ художниковъ.

[1]) *Фили́*—деревушка подъ Москвой, гдѣ, въ 1812 г., наши полководцы рѣшили сдать столицу Наполеону. *Церковь Покрова* сооружена дядей Петра, Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, который чуть не погибъ отъ стрѣльцовъ (§§ 208, 210); на ея иконахъ изображены Алексѣй Михайловичъ, Наталья Кириловна, Иванъ V и Петръ I. Основаніемъ постройки служитъ квадратъ (подклѣтъ), окруженный открытою папертью на аркахъ, съ полуколонками, надъ которыми тянется поясъ изъ сухариковъ. На каждой его сторонѣ 4 полукружія, вродѣ придѣловъ, верхъ которыхъ обрамленъ каменною бахромой. Надъ квадратомъ подымается „осмерикъ“ (8-угольникъ), съ такимъ же красивымъ верхомъ и колонками; а надъ нимъ—служащая колокольнею трибуна, также 8-гранная, съ кокошниками. Выше вытягивается барабанъ или шейка главы, съ пролетными окнами; а на ней луковица съ крестомъ. Церковь 2-ярусная: въ верхній ярусъ ведутъ 3 лѣстницы съ широкими площадками. Стѣны украшены снаружи узорочьемъ изъ бѣлаго камня и образами. Внутри свѣтло и высоко подъ стрѣльчатыми сводами; полы дубовые; подоконники изъ цвѣтныхъ изразцовъ; окна были расписаны. Иконостасъ и клиросы испещрены рѣзьбой въ стилѣ рококо. Иконы—фряжскаго письма; на нѣкоторыхъ богатые оклады съ драгоцѣнными камнями. Постройка прочная: почти все сохранилось.

Западные живописцы (Каравакъ, Ротари) украшали дворцы и палаты вельможъ, писали портреты государей и царедворцовъ. Такія свѣтила архитектуры, какъ Растрелли и Кваренги, со-

Церковь Покрова на Филяхъ. 1694.

оружали Эрмитажъ, Банкъ, Академію художествъ, загородные дворцы и тому подобную роскошь. Они не только вносили къ намъ господствовавшіе на Западѣ стили, но иногда смѣшивали

ихъ, ради внѣшняго эффекта: тогда воскресъ „орденъ композитный“ временъ римской имперіи, какъ видно на Красныхъ Воротахъ въ Москвѣ, гдѣ іоническія головки колоннъ соединяются съ коринѳскими. Эта эффектность и щепетильная изысканность (*Н. И.* § 117) проявлялись повсюду и въ живописи, отъ комнатныхъ украшеній, съ ихъ неизбѣжною миѳологіей, до визитныхъ карточекъ и пригласительныхъ билетовъ, которые подконецъ представляли цѣлыя картинки, иногда юмористическаго содержанія. Ваяніе сначала было привозное: покупали статуи въ Италіи для украшенія дворцовъ и парковъ. Потомъ приглашали изъ-за границы такихъ знаменитыхъ скульпторовъ, какъ *Фальконетъ* (§ 221) и Гудонъ при Екатеринѣ II.

Заботы правительства объ образованіи отечественныхъ художниковъ сосредоточивались сначала на академіи наукъ, гдѣ было отдѣленіе живописи и ваянія, а съ Елизаветы — на *академіи художествъ* (§ 230), которая при Екатеринѣ II получила окончательное устройство и собственное зданіе, гдѣ она помѣщается и теперь. Но академія слабо развивалась даже при ея творцѣ, Иванѣ Шуваловѣ, не говоря уже про управленіе поверхностнаго Бецкаго. Преподавателями были выписные иностранцы, которые больше занимались посторонними заказами. Ихъ русскіе ученики рѣдко подымались выше роли подражателей и ремесленниковъ. Особенно не давались намъ *ваяніе* и *зодчество*: у нашихъ архитекторовъ все еще зачастую падали башни и стѣны; а за статуи и не брались. *Живопись* придерживалась французскаго классицизма, презирая реальную голландскую школу, и подчинялась требованіямъ придворной парадности. Но подконецъ стали выдвигаться отечественные таланты даже въ зодчествѣ: Казанскій соборъ выстроили ученики академіи художествъ, съ Воронихинымъ во главѣ. Въ особенности же русскіе успѣвали въ живописи, и именно по портретной части (Вишняковъ, Лосенко, Левицкій, Боровиковскій).

При Аннѣ и Елизаветѣ начала-было процвѣтать *гравюра*, особенно портретная, съ пріѣздомъ иностранныхъ свѣтилъ, у которыхъ появились замѣчательные ученики (Соколовъ, Чемесовъ); но затѣмъ она пала. Русскіе граверы только не переставали развивать лубочное дѣло, особенно съ Елизаветы, тѣмъ болѣе, что его не касалась цензура. Къ концу періода *лубки* уже представляли тотъ видъ, который они имѣютъ и теперь у „картинщиковъ“. Они распались на „праздники, конницу и балагурникъ“. Праздники наиболѣе національны: они изображаютъ церковные

предметы и сохраняютъ древній, византійскій пошибъ (§ 181); ихъ больше всего, и ими пользуются раскольники, раздаривая ихъ по ярмаркамъ. Конница (войска) и балагурникъ (каррикатура) наиболѣе отмѣчены западнымъ вліяніемъ. Часто это — перепечатки иностранныхъ гравюръ, безъ измѣненій, даже въ лицевыхъ сказкахъ и повѣстяхъ: такъ, картина „Воинъ Аника и Смерть", изображавшая преніе живота со смертью (§ 178), соотвѣтствовала Пляскѣ мертвецовъ на Западѣ. На лубкахъ видимъ Петра Великаго (§ 221), Карла XII, Меншикова, Шереметева, Румянцева, Потемкина, Суворова, Косцюшко, Фридриха II, полтавскій бой, Семилѣтнюю войну, турецкія воины. При Екатеринѣ II случайно, подъ вліяніемъ пріѣзжихъ мастеровъ, процвѣтали *силуэты* — профили, вырѣзанные изъ черной бумаги или сдѣланные черною краской. Столь же случайно развивалась одно время *мозаика*, благодаря Ломоносову, который завелъ цѣлую фабрику, работавшую даже картины.

Свѣтское *пѣніе* развивалось наверху, благодаря иностраннымъ учителямъ и итальянской оперѣ, которая явилась при Аннѣ. При Екатеринѣ II начали обращать вниманіе и на народные напѣвы. Львовъ (§ 256) издалъ русскія пѣсни, положенныя на музыку. Тогда же синодальная типографія издала первыя наши печатныя нотныя книги для богослуженія — Обиходовъ, Ирмологъ, Октоихъ и Праздники. Но онѣ были очень дороги — и явился Сокращенный Обиходъ (1778), который до сихъ поръ служитъ, по всей Россіи, руководствомъ для нотнаго обученія церковному пѣнію и разошелся уже въ 200.000 экземпляровъ. Тогда же была составлена „Азбука простого нотнаго пѣнія", которая перепечатывается до нашихъ дней. *Музыка* переходила къ намъ цѣликомъ изъ Европы. Особенно привилась у насъ музыка опереточная и балетная. Она выработала, при Елизаветѣ, одну особенность, впрочемъ благодаря заѣзжему чеху: это — „роговая" музыка, которую называютъ еще „охотничьей" и „полевой". Тутъ каждый рогъ тянулъ только одну свою ноту, и все дѣло было въ разнообразіи тоновъ въ инструментахъ. *Балетъ*, который бралъ музыку изъ русскихъ напѣвовъ, поражалъ подконецъ иностранцевъ своею роскошью и искусствомъ танцовщицъ, для которыхъ была заведена особая театральная школа. Французы особенно усовершенствовали его при Павлѣ, который каждый вечеръ любовался имъ въ Гатчинѣ.

§ 260. **Внѣшній бытъ.** — Внѣшній бытъ подвергся сильнымъ измѣненіямъ преимущественно съ Петра, подъ прямымъ влія-

ніемъ Запада, да и то лишь въ городахъ и въ высшемъ кругу. *Сельская* жизнь, въ главномъ, до конца оставалась прежнею (§ 182). Передъ Петромъ ея расходы окупались тѣми способами обработки земли, которые начали развиваться съ конца прошлаго періода; только доходовъ не хватало на удовлетвореніе потребностей массъ, вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ (§ 244). Народъ не зналъ, какъ объяснить сильное вздорожаніе хлѣба: онъ приписывалъ его непривычному переложенію натуральной повинности на денежную, да хлѣбной мѣрѣ, введенной при Алексѣѣ, вдвое больше прежней. Новыя отрасли сельскаго хозяйства прививались туго, хотя хорошими разсадниками служили измайловскіе сады (§ 210), гдѣ ростили плодовыя деревья и аптекарскіе огороды и даже содержали звѣринецъ съ львами, павлинами и проч. Только въ Малороссіи стали разводить марену и овесъ да въ Астрахани— шелкъ и виноградъ: оттуда уже привозили и вина для двора. Алексѣй выписывалъ въ Москву иностранныхъ винодѣловъ и малороссійскихъ винокуровъ. Табакъ приносилъ еще мало дохода: патріархи проклинали его.

Больше движенія замѣчалось въ *промыслахъ и торговлѣ*. Подъ Москвой возникли первые стекляные заводы (образцы ихъ посуды есть въ Оружейной Палатѣ), а въ самой столицѣ— аптекарскіе сады, 2 аптеки и такіе приказы, какъ Аптекарскій и Золотаго и серебрянаго дѣла. Торговля росла даже съ Китаемъ, хотя чай употреблялся только вельможами, да какъ лекарство. Если Алексѣй, по требованію купцовъ, запретилъ англичанамъ торговать внутри Россіи (§ 251), то ихъ выгоднымъ положеніемъ завладѣли голландцы; а они расширили свои старыя связи съ Архангельскомъ, куда стало приходить до 30 иностранныхъ кораблей ежегодно. Процвѣлъ и весь сѣверо-двинскій край: тамъ росло населеніе, развивались промыслы; туда пріѣзжали даже татарскіе, бухарскіе и персидскіе купцы. Торговлѣ мѣшало только несовершенство *путей сообщенія*: иностранные послы ѣздили, осенью, изъ Москвы въ Петербургъ 5 недѣль, встрѣчая всюду непролазную грязь и поломанные мосты и по недѣлямъ дожидаясь лошадей на станціяхъ. Впрочемъ и тутъ начинались улучшенія, связанныя съ Западомъ: при Алексѣѣ возникла почта для писемъ на Ригу; въ Европу стали ѣздить сухимъ путемъ, черезъ Польшу и Ливонію, хотя лишь въ концѣ 17-го в. и съ такими приключеніями, что наши послы тащились изъ Москвы въ Краковъ болѣе 4 мѣсяцевъ, и мѣстами шли пѣшкомъ. Продолжалась также *монетная* неурядица (§ 184). Попрежнему

считали на рубли, гривны и алтыны, а на дѣлѣ ходили только плохія серебряныя „копѣйки“ да „деньги“, которыя соотвѣтствовали, и по виду, и по цѣнности, нашимъ двугривеннымъ и гривенникамъ. Такъ какъ денегъ было мало, то рубили копѣйки произвольно на 2—3 части, путая разсчеты; мѣстами, по захолустьямъ, торговали даже „кожаными и иными жеребьями“. Попрежнему передѣлывали иностранное серебро съ выгодой (§ 247): иногда даже просто налагали на ефимокъ клеймо „рубль“; нето выпускали „четвертины“, разрѣзавъ ефимокъ на 4 части и положивъ на каждую изъ нихъ клеймо „25 коп.“ Попробовали даже выпустить мѣдную монету взамѣнъ серебряной (§ 202), но черезъ 7 л. должны были бросить этотъ опасный опытъ.

Особенно наглядно и быстро измѣнялся домашній *бытъ двора и бояръ*. Въ началѣ періода онъ еще сохранялъ московскій отпечатокъ: у Алексѣя была цѣлая образная палата, гдѣ хранилось болѣе 8.000 однѣхъ „подносныхъ“ (дареныхъ) иконъ въ дорогихъ окладахъ. Но съ Натальи Кириловны и у „тишайшаго“ заводится западная роскошь — „шпалеры“ и „золотыя кожи“ (тканые обои), рѣзныя золоченыя и росписныя кровати, „нѣмецкіе и польскіе столы“ на львиныхъ и кривыхъ ножкахъ, съ рѣзьбой, красками и „глянсомъ“ (полировкой). При Софьѣ уже господствуетъ почти весь западный блескъ внѣшности. Слюда сильно замѣняется стекломъ. Являются „атласныя“ комнаты. Зеркалъ столько, что старина жалуется на нихъ, какъ на соблазнъ: ихъ вѣшали только во внутреннихъ покояхъ, въ створкахъ, какъ кіоты, или задергивали завѣсами. Нѣкоторыя комнаты были обряжены креслами и стульями вмѣсто лавокъ, столами изъ чернаго, краснаго дерева и кипариса, на колесцахъ, съ перламутровою и сканною оправой, съ аспидными досками. Завелись часы уже съ музыкой и движущимися фигурами; появились и будильники. Туалетныя вещи стали неизбѣжною принадлежностью терема. Даже на кухнѣ готовили уже не „стряпчіе“, а „повара-мастера“. Не хуже былъ домъ Василія Голицына (§ 208), которому дивились даже иностранцы и старались подражать важные бояре. Эти лица уже ѣздили въ каретахъ по росписанію, стригли волосы попольски, брили бороды и носили польское платье (§ 207), а горлатки (§ 188) стали снимать на Верху и держать въ рукахъ. Передъ воцареніемъ Петра явился указъ, воспрещавшій „перенимать иноземскіе нѣмецкіе и иные извычаи, постригать волосовъ, носить

платье, кафтаны и шапки съ иноземныхъ образцовъ". Но было поздно. Уже Крижаничъ раскрылъ глаза русскимъ. Онъ горячо возставалъ противъ нашего „мерзкаго, непристойнаго" платья, въ которомъ „рабская неволя" да „мягкота и распуста женская". Онъ изумлялся, какъ русскіе подражаютъ тутъ „варварскимъ народамъ, татарамъ и туркамъ", а не „наиплеменитымъ европцамъ". Онъ заявляетъ, что надобно или перемѣнить одежду, или отказаться отъ всякихъ сношеній съ Западомъ, и совѣтуетъ царю подѣйствовать на народъ собственнымъ переодѣваньемъ.

Великое *значеніе Петра* наглядно сказалось въ *матеріальномъ* развитіи Россіи. Тутъ онъ долженъ былъ все дѣлать самъ, и дѣлать быстро: регламентація (§ 221) была неизбѣжна при бѣдности и дѣтствѣ народа, отъ котораго потребовались тяжкія жертвы, когда онъ еще не оправился послѣ вѣковыхъ смутъ. И дѣятельность преобразователя въ этомъ направленіи, среди сутолоки войнъ и государственныхъ реформъ, поистинѣ изумительна (§§ 215, 221). Ктому же онъ вездѣ наталкивался на упорную косность старины. Станетъ онъ вводить табачный откупъ, въ одно время съ перемѣной платья русскихъ — патріархъ бьетъ тревогу; и царь долженъ кричать на него: „ты не портной и не таможенникъ; занимайся своимъ дѣломъ!" Увлечется онъ своимъ любимымъ дѣломъ, рытьемъ каналовъ — оно разваливается отъ невѣжества строителей и отъ „такихъ рабочихъ, что больше разоренія, нежели пользы было". Лѣзетъ онъ изъ кожи вонъ, чтобы поднять нашу торговлю, спускаетъ первый торговый корабль (1694) для плаванія въ иностранные порты, заводитъ „кумпанства" (§ 212) — сами купцы гадятъ. Пріѣхали они въ Стокгольмъ съ орѣхами и ложками, стали на улицѣ кашу варить и драться—и ихъ больше ужъ не пускали туда. Кумпанства не пошли: иностранцы обрадовались, что „русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое трудное и сложное дѣло". Остерманъ говорилъ: „у насъ ни одного человѣка, который понималъ бы торговое дѣло". И самъ Петръ призналcя, что „изъ всѣхъ дѣлъ правительства торговля представляетъ наиболѣе затрудненій".

Но преобразователь не унывалъ. Царь-объѣздчикъ своей страны сосредоточилъ свое вниманіе на *путяхъ сообщенія*. Недаромъ иностранцы говорили послѣ взятія Нарвы: „теперь русскіе могутъ идти куда хотятъ". Петръ съ самаго начала завелъ почту для писемъ (2 раза въ недѣлю между Петербур-

гомъ и Москвой), которая служила и обществу, а не одному правительству, какъ на Востокѣ; а подконецъ явились и почтовые фрегаты, ходившіе между Петербургомъ и Любекомъ; въ то же время на Западѣ возникли постоянные наши резиденты. Внутри страны никогда не проводилось столько новыхъ дорогъ: царь любилъ ѣздить поцѣлику, въ трущобы—и за нимъ оставался прочный слѣдъ. Множество указовъ и самое учрежденіе должности генералъ-почтмейстера свидѣтельствуютъ о попеченіи, которымъ пользовались тогда несчастные ямщики (§ 184), хотя это мало дѣйствовало: при Аннѣ пришлось грозить пыткой и батогами тѣмъ, которые угнетали ямщиковъ и прикрѣпляли ихъ къ своимъ землямъ. Наконецъ, въ самомъ трудномъ и тяжкомъ дѣлѣ, въ проведеніи каналовъ, неугомонный преобразователь опередилъ своихъ учителей (§ 215).

Петръ упорядочилъ и *монетное* дѣло, которое совсѣмъ расшаталось передъ нимъ: онъ положилъ основаніе системѣ, существующей до нашихъ дней. Въ 1700 г. счетныя единицы были замѣнены дѣйствительными серебряными знаками— „рублемъ, полтинникомъ, четвертакомъ и гривенникомъ“: прежде серебряной монеты не было и на полмилліона, теперь явилось болѣе чѣмъ на 5 милл. При этомъ Петръ поднялъ свои жалкіе финансы: при перечеканкѣ серебряной монеты, въ новой оказывалось вдвое меньше метала, при прежней нарицательной цѣнѣ; и частныя лица должны были приносить на Денежный Дворъ старыя деньги для обмѣна на новыя. Кромѣ того, стали чеканить золотые „червонцы“, а серебряную мелочь замѣнили мѣдною—„денежками, полушками и полуполушками“: такъ, впервые мѣдная монета прочно вошла въ обращеніе. Цѣна рубля конечно продолжала падать, какъ отъ перечеканки серебра въ болѣе легкую монету, такъ и въ силу отвлеченія рукъ отъ земледѣлія въ армію, на заводы, на казенныя работы, что̀ вело къ вздорожанію хлѣба: къ концу царствованія Петра онъ равнялся почти 10-ти нынѣшимъ рублямъ, въ 1740-хъ годахъ —9-ти.

Петръ положилъ много усилій и для подъема нашей *промышленности* (§ 215), хотя меркантилизмъ и фискальство подрывали ихъ значеніе: соляной промыселъ, напримѣръ, даже палъ отъ казенной монополіи до того, что настала „безсолица“. Тогда сильно двинулось производство табаку и напитковъ. Петръ заставлялъ крестьянъ разводить побольше льну и пеньки и приготовлять льняное и конопляное масло. При немъ вдругъ выро-

сла цѣлая система заводовъ и фабрикъ, хотя больше казенныхъ,—парусныхъ, полотняныхъ, конскихъ, овчарныхъ, суконныхъ, кожевеныхъ, крахмальныхъ, восковыхъ, сахарныхъ, купоросныхъ, селитряныхъ, шелковыхъ, писчебумажныхъ, шляпныхъ, чулочныхъ, игольныхъ, позументныхъ, волосяныхъ, лосиныхъ, коломиночныхъ. На шпалерныхъ заводахъ выдѣлывались, кромѣ обоевъ, салфетки, скатерти, полотна. Тульскіе заводы производили 15.000 ружей въ годъ. Больше всего было сдѣлано для излюбленной Петромъ горной промышленности. Здѣсь особенно работали иностранцы—Виніусъ, сынъ пріятеля Морозова (§ 198), и Геннинъ. Но имъ уже помогали такіе крупные дѣльцы изъ русскихъ, какъ Татищевъ, Строгановы и Демидовы (§ 220). Они нашли разныя руды. По приказу Петра, искали даже каменный уголь, но безуспѣшно. Улучшенію внѣшняго быта способствовали учрежденіе *полиціи* и разныя мѣры благоустройства (§ 215), среди которыхъ встрѣчаются такія важныя нововведенія, какъ часы съ нынѣшнимъ измѣреніемъ сутокъ. Правда, въ провинціи и въ низшихъ классахъ мало дѣйствовали указы преобразователя о томъ, какъ нужно жить почеловѣчески; и даже у царя трубки закуривали лучинами. Зато бытъ *двора, вельможъ и богачей* уже сливался съ бытомъ Запада, особенно въ Петербургѣ. У самого Петра большая и лучшая часть предметовъ роскоши была сначала польскаго происхожденія; потомъ стали умножаться издѣлія голландскія и нѣмецкія. Платье допускалось всякое, лишь бы не русское длиннополье: носили нѣмецкіе, французскіе, венгерскіе, голландскіе кафтаны, только по данному образцу. Но ѣздить верхомъ дозволялось только на нѣмецкихъ, а не на татарскихъ сѣдлахъ. Впрочемъ подобныя требованія исполнялись только въ столицахъ, на глазахъ преобразователя. Въ остальныхъ городахъ не обращали вниманія на вывѣшенныя „чучела", по которымъ указывалось одѣваться „всякихъ чиновъ людямъ", кромѣ духовенства и крестьянъ.

Послѣ Петра менѣе всего было сдѣлано для *сельскаго хозяйства* и для крестьянъ, такъ какъ развивалось крѣпостничество. Въ концѣ періода деревенскій людъ отличался крайнею бѣдностью и первобытными условіями матеріальной жизни (§ 250). Хлѣбъ, страшно подымавшійся въ цѣнѣ при частыхъ голодовкахъ, вообще былъ дешевъ: при Павлѣ, въ Малороссіи, рожь стоила 25 коп. за четверть, пшеница — 1 р., овесъ — 18 к. Тогда же имѣніе въ 100 душъ, въ Нижегородской губерніи,

едва приносило 100 р. въ годъ дохода. Лѣса истреблялись, несмотря на повторенія жестокихъ указовъ Петра объ ихъ храненіи. Замѣтно развивалось только табаководство, но имъ пользовалась казна, отдававшая его на откупъ. Вниманіе правительства сосредоточивалось на *промышленности*, которая постепенно оживлялась. Съ Елизаветы растетъ наша предпріимчивость. Возникаютъ новые и изящные товары, вызываемые роскошью наверху—кружева, шелки, шляпы, издѣлія изъ метала, фарфора, горныхъ камней; Ломоносовъ заводитъ фабрику цвѣтныхъ стеколъ, бисера и стекляруса. Развиваются производства суконное, золотое, серебряное и стальное. Татищевъ (§ 258) устроилъ желѣзный заводъ въ Зауральѣ и открылъ желѣзную руду въ горѣ, которую назвалъ Благодатью въ честь Анны Ивановны (Анна—„благодать" погречески).

Торговля также продолжала пользоваться благосклонностью правительства. При Екатеринѣ II улучшались *пути сообщенія*. Умножались каналы (Сѣверо-екатерининскій, Огинскій), и въ Средиземномъ м. появился первый купеческій корабль изъ Россіи. Поправилось невыносимое положеніе ямщиковъ. Прибавлялось число дорогъ, и уже не съ одною правительственною, но и съ торговою цѣлью. При Аннѣ, благодаря экспедиціи Беринга, стали пролагать ихъ въ Сибири; страсть Елизаветы къ южнымъ плодамъ породила „овощную почту" на Царицынъ и Астрахань. При Екатеринѣ II Безбородко устроилъ почту поевропейски: она отправлялась въ извѣстные дни; появились каменные верстовые столбы и почтовыя карты. Впрочемъ почта ходила только между столицами и Кіевомъ, и она тащилась 13 дней отъ Петербурга до Москвы. Принимались мѣры для окончательнаго упорядоченія *монеты*, а также *мѣръ* и *вѣсовъ*. Въ 1747 г., на монетномъ дворѣ въ Петербургѣ, были сдѣланы золоченый фунтъ и аршинъ, которые служатъ и теперь образцами (прежде фунтъ былъ больше 96 золотниковъ); и верста уже сократилась до 700 саженей (§ 186). Около того же времени явился первый указъ съ точнымъ обозначеніемъ вѣса и пробы монетъ, которыя прежде считались секретомъ правительства. Впрочемъ проба мѣнялась до Павла, когда она была установлена въ 84 для серебряной монеты и въ 88—для золотой. Къ серебряной монетѣ прибавили „двугривенный, пятиалтынный и пятачокъ", къ золотой — „имперіалы, полуимперіалы, двухрублевики и рублевики". Но въ то же время портили мѣдную монету, которая все размножалась: ее перечеканивали въ болѣе легкую, а

народъ увѣряли, что новая готовится „только на перемѣну старой“. Оттого монета обезцѣнивалась и путалась до Екатерины II, когда мѣдный кредитъ былъ замѣненъ бумажнымъ (§ 247).

Придворная дама конца 18-го в.

Правительство не переставало издавать и мелкія мѣры для улучшенія внѣшняго быта, но не такъ ревностно, какъ при Петрѣ I; и онѣ исполнялись плохо, особенно въ провинціи. Только при Екатеринѣ II видимъ болѣе замѣтный успѣхъ. По губерніямъ явились лекаря, больницы, аптеки, школы и полиція; было введено оспопрививаніе; были заведены казенные магазины для удешевленія хлѣба; элтонская соль начала соперничать съ пермскою; Сибирь, куда прежде привозили хлѣбъ изъ Россіи, стала сама прокармливаться. А внѣшній бытъ *двора* и *высшаго общества* старался уже перещеголять Западъ роскошью обстановки и особенно нарядовъ. Всякая новая мода Версаля тотчасъ переходила въ Петербургъ и еще пріукрашалась. „Львы“ и „львицы“ охотно мучились подъ тяжестью разныхъ париковъ, фижмъ, фалбалы, головныхъ гюрлюберлю (*Н. И.* § 120) и тому подобныхъ уродствъ [1]).

§ 261. **Города. Москва и Петербургъ.** — *Городъ* только въ этомъ періодѣ обособился отъ села. Уложеніе Алексѣя отдѣ-

[1]) О *парикахъ* даетъ понятіе портретъ Остермана (§ 223). Женская мода видна изъ прилагаемаго рисунка. Здѣсь изображена, по гравюрѣ того времени, „кавалерственная дама“ ордена св. Екатерины, при Екатеринѣ II, въ *фижмахъ* (кринолинъ) изъ обручей.

лило его отъ уѣзда. Это преобразованіе довершили многіе послѣдующіе законы о купцахъ и мѣщанахъ, съ Городовымъ положеніемъ во главѣ (§ 251). Присутственныя мѣста придали городу своеобразный видъ. Впрочемъ, они и составляли главное его отличіе по внѣшности. Вообще города, въ особенности уѣздные, до самого конца, все еще напоминали большія села: такъ они были бѣдны и грязны. Напрасно Петръ I издавалъ указы о постройкѣ въ нихъ каменныхъ домовъ: они исполнялись только вельможами въ столицахъ. Оттого продолжали свирѣпствовать пожары: при Елизаветѣ они обращались въ повальную болѣзнь. Екатеринѣ II пришлось повторять указы „дѣдушки". При ней вообще города начинали принимать болѣе свойственный имъ видъ: тамъ и сямъ возникали крупныя общественныя постройки, водопроводы, освѣщеніе улицъ. Тогда же вдругъ выросло много новыхъ городовъ, хотя имъ пришлось влачить жалкое существованіе: при введеніи Учрежденія о губерніяхъ, сразу до 200 селъ было обращено въ уѣздные города, которые можно было отличить только по жалкимъ присутственнымъ мѣстамъ; нето это были самообманы Потемкина (§ 240). Попрежнему, помимо столицъ, городами въ европейскомъ смыслѣ были только старые города въ Остзейскомъ краѣ да въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ. Пользуясь любекскимъ и магдебургскимъ правами, они были многолюдны, богаты, оживлены: остатки маститыхъ каменныхъ зданій до сихъ поръ свидѣтельствуютъ объ ихъ процвѣтаніи въ теченіе всего періода.

Даже *Москва* вообще хранила старый видъ огромнаго православнаго села, но пестрѣвшаго соединеніемъ Востока съ Западомъ (§ 186). Вмѣстѣ съ слободами, она раскидывалась уже на пространствѣ 38 тогдашнихъ верстъ и вмѣщала въ себѣ до 100.000 скородомовъ, до 2.000 церквей и часовенъ и много монастырей по концамъ, съ башнями и пушками Самый Кремль, съ его затѣйливою кучей святынь и зданій, лѣпившихся безъ порядка, былъ большимъ монастыремъ-крѣпостью. Алексѣй заботился объ его благолѣпіи: онъ запретилъ хоронить въ немъ и перестроилъ его стѣны. „Тишайшій", который превосходилъ всѣхъ царей въ устройствѣ святынь, соорудилъ и внѣ Кремля много новыхъ церквей съ богадѣльнями при нихъ, а также *Иверскую часовню* (у Воскресенскихъ воротъ), по точному списку иконы, принесенному съ Аѳона. При Ѳедорѣ вышелъ приказъ строить въ срединѣ Москвы каменные дома,—и при Софьѣ по-

чти всѣ зданія въ Китай-Городѣ и всѣ церкви стали каменными; а срединныя улицы покрылись сплошь бревенчатою мостовой. Но при Петрѣ остановились и эти медленные успѣхи, особенно относительно святынь: осталось только 700 церквей съ придѣлами на 300.000 жителей. Преобразователь заботился, и то недолго, только о Кремлѣ, гдѣ сносилъ домишки князей, бояръ и стрѣльцовъ и сооружалъ казенныя зданія для сената и коллегій, а остальную землю раздавалъ людямъ всякихъ званій, лишь бы они строили каменныя палаты. Когда опасались нашествія Карла XII, Кремль, а также Китай-Городъ были укрѣплены по правиламъ фортификаціи. Но древняя столица была заброшена: уже въ концѣ 17-го в. Петръ ушелъ изъ кремлевскаго дворца въ *Преображенское*, близъ Сокольничьей рощи. Онъ много строилъ въ этомъ кремлѣ новой Россіи, въ этой любимой имъ колыбели преобразованій (§ 210), а въ Москву наѣзжалъ только для торжествъ, да и тѣ стали направляться, съ шведской войны, въ Преображенское. Затѣмъ богатырь вышелъ на полный просторъ: онъ какъ бы выѣхалъ изъ древней Россіи, поселившись въ Кукуѣ-Городкѣ, въ *Слободскомъ Домѣ* (потомъ Лефортовскій дворецъ). Наконецъ, настала стройка Петербурга—и чтобы ускорить ее, Петръ запретилъ ставить каменныя зданія въ Москвѣ.

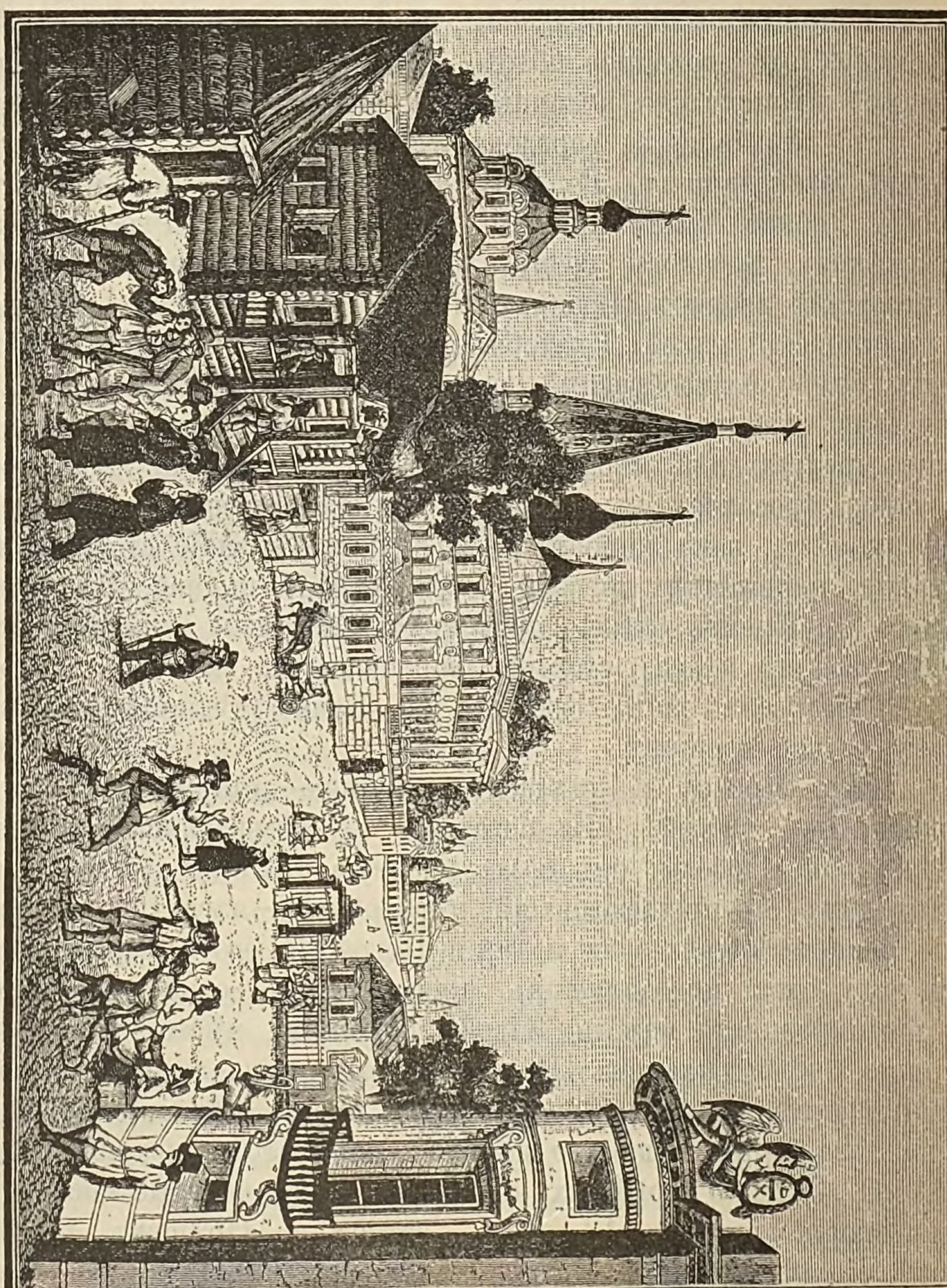
Въ осиротѣлой столицѣ водворилась непроходимая грязь: изъ-за нея благочестивые москвичи нерѣдко лишались крестныхъ ходовъ. Иностранные послы снова дивились „ужаснымъ разбоямъ и грабежамъ“ въ Бѣлокаменной: каждую ночь были убитые, такъ какъ только при Аннѣ завелись подслѣповатые фонари съ конoплянымъ масломъ. Пожары продолжали истреблять цѣлые околодки скородомовъ: при Аннѣ чуть не выгорѣла вся столица отъ поджигателей, пока, наконецъ, не сожгли ихъ самихъ. А грязь скорѣе наростала, чѣмъ уменьшалась; Елизавета, любившая наѣзжать въ Москву, возмущалась ею и приказывала очищать хоть святыни. Тогда древняя столица и начала немного прихорашиваться и расширяться. Кладбища, кузницы, лавчонки были перенесены за городъ. Было поправлено много старыхъ церквей и монастырей и воздвигнуто новыхъ, и все русскими зодчими. Возникли болѣе достойныя казенныя и общественныя сооруженія—*Красныя ворота* (тріумфальныя) и при нихъ *Запасный дворецъ*, университетъ съ гимназіями, первая гражданская типографія, каменный гостиный дворъ. Строились и большіе частные дома на европейскій ладъ.

Екатерина II продолжала дѣло Елизаветы съ такимъ рвеніемъ, что во весь періодъ никогда не было сдѣлано столько для Москвы. Тогда была совсѣмъ снесена рухнувшая „бѣлая" стѣна Царьграда (§ 186), и на ея мѣстѣ проведены бульвары; а стѣны Кремля и Китай-Города были поправлены, причемъ уничтожили рѣчку Неглинную, это зловонное болото, гдѣ лѣтомъ сваливалась падаль, а зимой происходили кулачные бои. Чума привела къ устройству новыхъ кладбищъ за городомъ, среди которыхъ вскорѣ процвѣло раскольничье *Рогожское кладбище*, со многими часовнями. Лобное Мѣсто приняло нынѣшній видъ. Русскіе зодчіе (Бажановъ, Козаковъ) соорудили много прекрасныхъ зданій— Петровскій дворецъ, Воспитательный Домъ, Сенатъ въ Кремлѣ, Румянцовскій музей, Екатерининскій институтъ. Улицы принимали болѣе благообразный видъ. Но хотя во всѣхъ этихъ улучшеніяхъ сказывалось возраставшее вліяніе Европы, Москва все еще представляла странное смѣшеніе Запада съ Востокомъ, которое бросалось въ глаза на ея главныхъ улицахъ [1]). И между тѣмъ, какъ хорошѣло европейское обличіе столицы, маститые пережитки древней Руси хирѣли въ ней. Въ началѣ 19-го в. Кремль сталъ притономъ воровъ и душегубцевъ; и рухнула его краса, старый дворецъ царей (§ 259). Наполеонъ I взорвалъ часть Кремля; но Иванъ Великій уцѣлѣлъ, давъ только трещину.

Такъ, Москва и осталась почтенною „старушкой", „порфироносною вдовой". Ея богатырь не возвратился домой изъ Нѣмецкой Слободы: онъ создалъ новую столицу, послужившую символомъ его преобразованій. *Петербургъ*—наглядное проявленіе безпримѣрной воли и генія Петра; а его быстрый ростъ, въ виду едва преодолимыхъ препятствій, — одно изъ чудесъ исторіи великаго народа. Закрѣпленное имъ мѣсто – старое поприще борьбы племенъ. Нева издревле принадлежала къ водьской пятинѣ Новгорода Великаго (водь, ижора—финскіе народцы). Она давала преимущество въ ганзѣ, котораго добивались шведы (§ 86). Отсюда борьба ихъ съ новгородцами, которые построили, для отпора имъ, въ 14-мъ в., острожки—Орѣшекъ, при истокѣ Невы, и Новый Острогъ, при впаденіи Охты въ Неву. Въ розруху шведы овладѣли Невой: по Столбовскому договору

[1]) Смѣсь Азіи съ Европой, древней Руси съ новою очевидна на нашемъ рисункѣ, снятомъ съ гравюры конца 18-го в. Здѣсь налѣво, на первомъ планѣ, видимъ скородомы, во всей ихъ неприкосновенности; а позади нихъ и на первомъ планѣ правой стороны—роскошныя европейскія зданія.

(§ 146), за ними осталась Ингерманландія или Ижорская земля, съ упомянутыми острожками. Они воздвигли (1632), на мѣстѣ Новаго Острога, крѣпость *Ніеншанцъ* (сокращ. Канцы, прямой

Московская улица въ концѣ 18-го в.

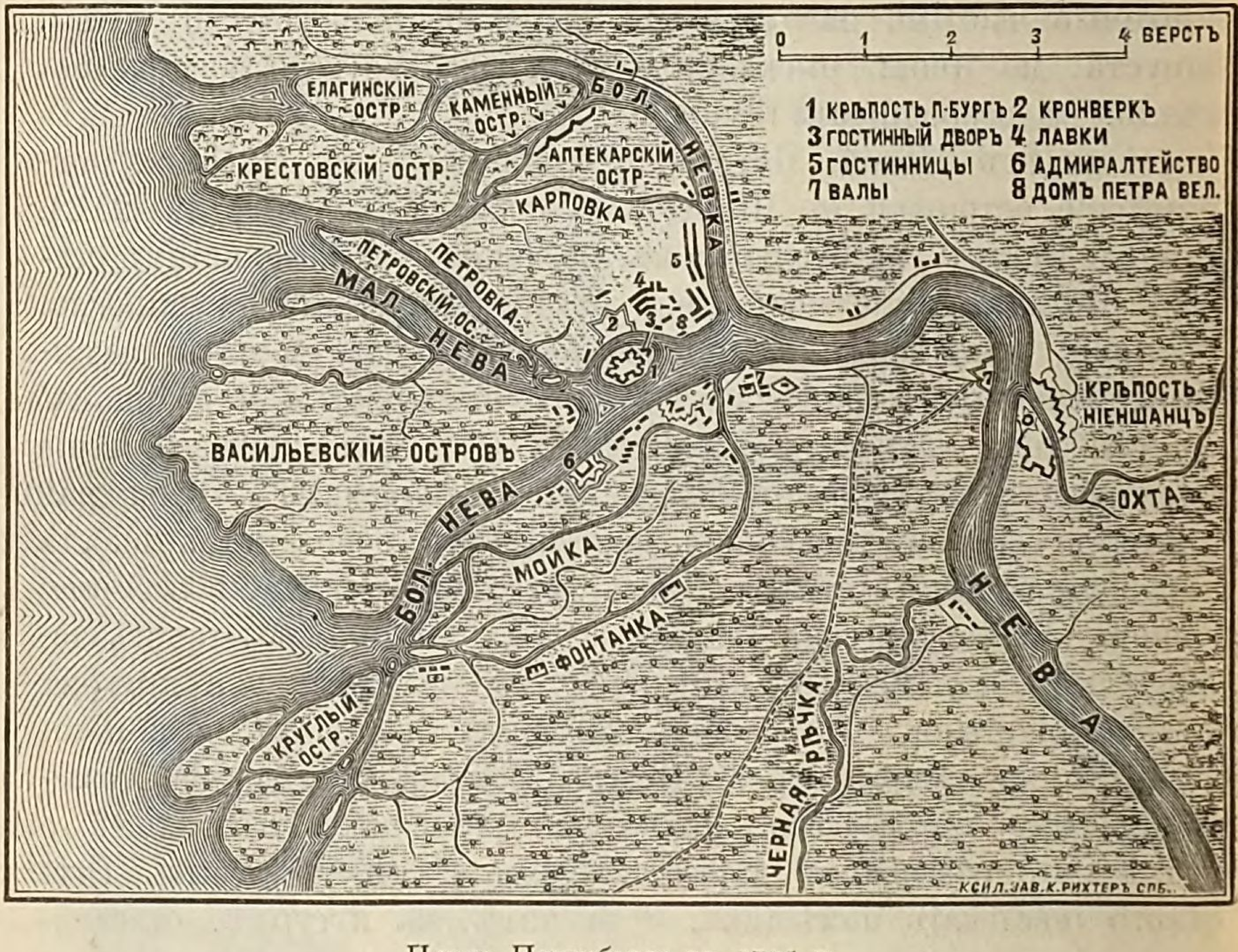
переводъ новгородскаго названія), которая уже въ концѣ 17-го в. красовалась каменными домами и обладали сотней купеческихъ судовъ да хорошими лѣсопильными заводами. Тогда Ніеншанцъ,

наравнѣ съ Нарвой, сталъ такимъ важнымъ торговымъ мѣстомъ, что съ нимъ не могъ соперничать Выборгъ: оттого такъ интересовался имъ царь Алексѣй (§ 204). Но окрестное населеніе находилось въ жалкомъ положеніи. Даже на лѣвомъ берегу Невы разстилались необозримыя лѣсныя топи. Лишь изрѣдка, у береговъ рѣкъ и протоковъ, лѣпились мызы и чернѣли поселки въ 2—3 двора,—„пріютъ убогаго чухонца", заливаемый частыми наводненіями. Произростали только травы, капуста да рѣпа; рыскали волки и медвѣди; гнѣздились болѣзни, въ особенности геморой.

Овладѣвъ Невой, Петръ переименовалъ, въ 1703 г., новгородскіе острожки въ Шлиссельбургъ и Петербургъ (§ 218). Вслѣдъ затѣмъ, на безплодномъ, песчаномъ и каменистомъ островѣ Котлинѣ была поставлена батарея, изъ которой выросла, къ концу царствованія, крѣпость *Кронштадтъ*, съ двумя дюжинами каменныхъ офицерскихъ домовъ, съ церковью и дворцомъ, съ слободой матросовъ и рабочихъ. Съ тѣхъ поръ вниманіе преобразователя сосредоточилось на его „парадизѣ". Этотъ рай состоялъ сначала только изъ деревянныхъ основаній крѣпости и собора во имя Петра и Павла, на *Петербургскомъ Островѣ* (теперь—Петербургская Сторона), подлѣ которыхъ ютились домикъ царя и нѣсколько избъ для приближенныхъ; а кругомъ лежала пустыня, гдѣ рабочіе жили въ шалашахъ и впроголодь. Да на лѣвомъ берегу Невы строилась деревянное *Адмиралтейство* съ верфью, палисадами и землянымъ валомъ; а подлѣ него разводился паркъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ садъ одного шведскаго помѣщика, и за нимъ, на пустырѣ, отведенномъ для городского выгона (теперь—Александровскій садъ), былъ заложенъ деревянный Исаакіевскій соборъ [1]). Первые поселенцы

[1]) Изъ прилагаемаго плана видно, что на третій годъ своего существованія Петербургъ представлялъ видъ будущей Венеціи. Онъ зарождался на 13 островахъ и 15 рѣчкахъ. На *Адмиралтейскомъ Островѣ* (теперь – Адмиралтейская часть), кромѣ самого адмиралтейства, помѣщались дома иностранцевъ и домики служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ. На *Петербургскомъ О.* находились, кромѣ крѣпости: сохранившійся доселѣ „домикъ Петра" (2 компатки съ кухней), который иногда затопляло, и нѣсколько домовъ сановниковъ, съ палатами Меншикова во главѣ, которыя иностранцы называли Посольскимъ дворцомъ. Подлѣ нихъ тянулись лавки и гостиный дворъ, а по большой Невкѣ — гостинницы и „австеріи" (кабачки). Противъ крѣпости строился *Кронверкъ* (теперь—Сытный рынокъ) — земляное укрѣпленіе для усиленія защиты отъ шведовъ. На оо. *Аптекарскомъ* и *Васильевскомъ* высились батареи противъ шведскихъ батарей, возведенныхъ на Ка-

Петербурга еще часто просыпались отъ внезапныхъ шведскихъ набѣговъ, которые впрочемъ всѣ были немедленно отбиваемы, несмотря на численное превосходство непріятеля. Ихъ главнымъ дѣломъ, помимо постройки, была рубка лѣсовъ для гатей черезъ болота: уже при Петрѣ оставались только рощи по взморью и на Петербургской Сторонѣ.

Планъ Петербурга въ 1705 г.

Судьба новой столицы была обезпечена послѣ Полтавы и взятія Выборга (1710), который Петръ назвалъ „крѣпкою подушкой Петербургу“, избавившею его отъ шведскихъ набѣговъ. Въ 1712 г. Петербургъ сталъ резиденціей: сюда прибыли царицы, царевны и царевичи. И пошла настоящая стройка. Былъ объявленъ своего рода наборъ. Министрамъ, генераламъ, знати приказали строиться немедленно. Общества средней Россіи доставляли до 50.000 рабочихъ въ годъ, снабжая ихъ кормомъ и

менномъ о-вѣ. *Петропавловская крѣпость* состояла изъ 6 бастіоновъ и соединялась подъемнымъ мостомъ съ Петербургскимъ о-мъ. По Невѣ были разбросаны рыбачьи избушки; а у устьевъ Охты, гдѣ лежали въ развалинахъ шведскіе окопы, возвышалась крѣпость *Ніеншанцъ*, съ грозными батареями.

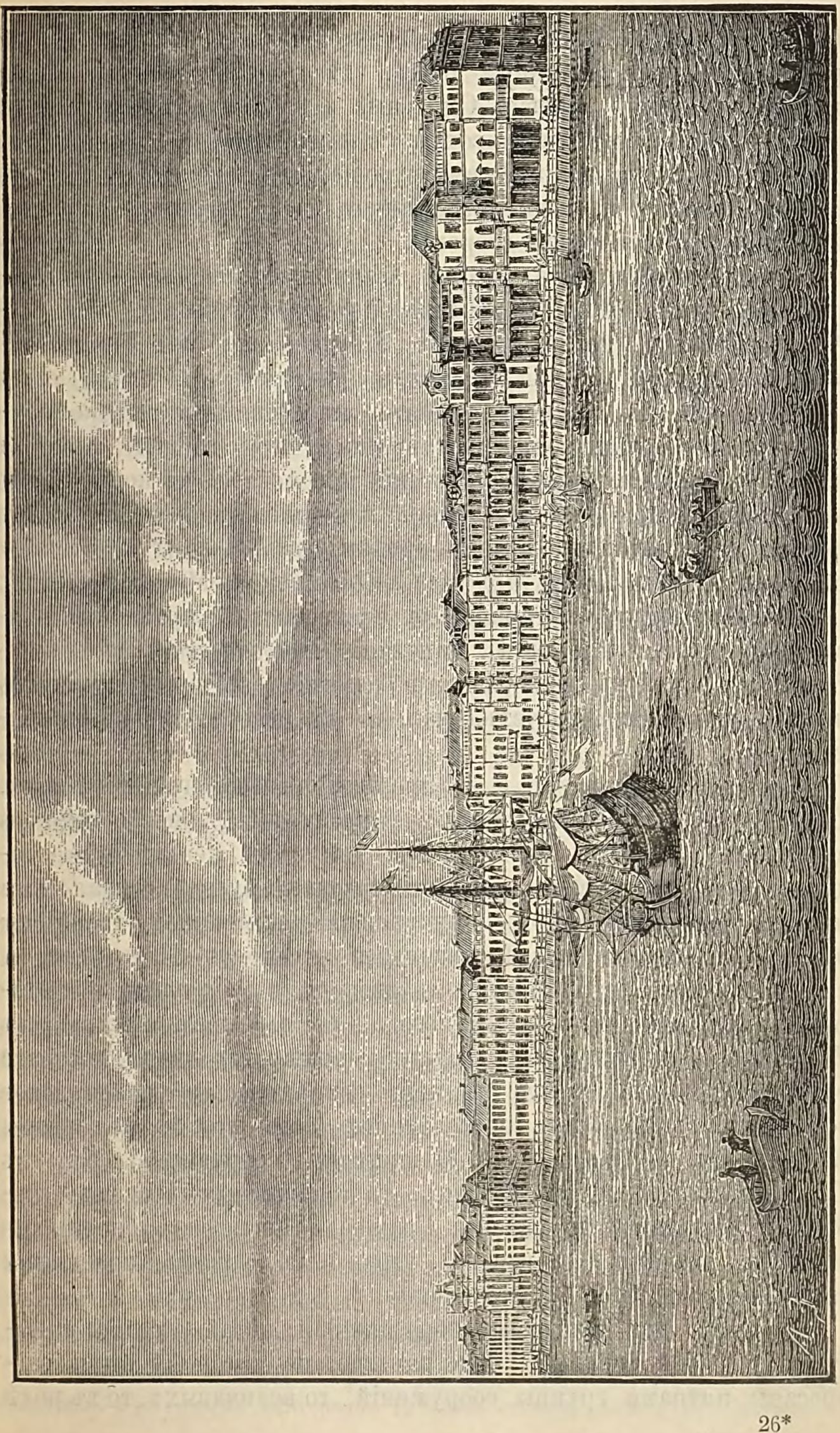
плотницкими „снастями"; „работники петербургскіе" работали смѣнами, каждая не болѣе 2 мѣсяцевъ. Но вскорѣ перешли къ денежнымъ взносамъ; и прежніе рабочіе оказались добровольными подрядчиками на постройки; они получали даже земельные надѣлы въ столицѣ. Строились по большей части „мазанки" въ нѣсколько мѣсяцевъ: это—кирпичныя избы въ 1—2 свѣтлицы, на каменномъ фундаментѣ, прочныя и теплыя, съ хорошими печами. Уже появились и кирпичные заводы, которые быстро размножались. Назначили порядокъ въ пробитіи улицъ, въ выравненіи линій для домовъ, въ проложеніи дорогъ изъ города. Искусный архитекторъ Трезини любилъ проводить улицы параллельно къ Невѣ и рыть по нимъ каналы, для осушки болотъ. Отсюда широта улицъ, когда, при Елизаветѣ, исчезли каналы, изъ которыхъ образовались сводчатые погреба подъ домами. А мостовъ было мало въ нашей Венеціи: Петръ не любилъ ихъ; ему хотѣлось пріучать жителей къ водѣ. Но зато, чтобы скорѣе осушить болота, онъ раздавалъ богатымъ мѣста подъ лѣтнія дачи и сады, которые и самъ любилъ разводить. А чтобъ собрать зажиточный и умѣлый людъ, онъ издавалъ строгіе указы о переведенцахъ (§ 185): провинціальныя власти должны были высылать въ Петербургъ, на казенный счетъ, „купеческихъ и рукомесленныхъ людей", а отчасти и дворянъ.

Сначала Петръ больше обдѣлывалъ *Петербургскій О.* Здѣсь было построено, на казенный счетъ, нѣсколько церквей, палаты вельможъ и дома дворянъ (теперь Дворянскія улицы). Подлѣ просто убраннаго поголландски „домика", который Петръ самъ покрылъ, передъ смертью, каменнымъ зданіемъ, какъ колпакомъ, помѣщались коллегіи, сенатъ, ближняя канцелярія и типографія. Крѣпость и соборъ приняли почти нынѣшній, каменный видъ. Въ глубину о-ва уходили полковыя слободы, „загородные дворы" (склады) и подаренныя вельможамъ „мызы" (дачи), среди которыхъ выдавалась Ѳеофанова (§ 220). Еще дальше тянулись палисады со рвомъ, въ защиту отъ волковъ пустынныхъ улицъ, окаймленныхъ несохнущей болотной топью. Затѣмъ на *Аптекарскомъ О.* развели аптекарскій садъ. На подаренномъ Меншикову *Васильевскомъ О.*, въ этомъ царствѣ лѣса и луговъ, свѣтлѣйшій прорѣзалъ 3 „перспективы" (просѣки), а по Невѣ выстроился, по казеннымъ планамъ и на дарованной землѣ, рядъ палатъ вельможъ, среди которыхъ блисталъ дворецъ Меншикова. При домахъ вездѣ разводились садики. Къ концу царствованія „зачали" Галерную гавань и „ли-

ніи“ между перспективами, также съ каналами, которые были уничтожены при Екатеринѣ II.

Петръ пытался даже застраивать свой любимый правый берегъ Невы и съ другого края. На Выборгской Сторонѣ возникли церковь и гошпиталь; на Охтѣ поставили пороховой заводъ. Но жизнь влекла Петербургъ на *лѣвый* берегъ Невы. Подконецъ адмиралтейство стало величественнымъ каменнымъ сооруженіемъ. Пососѣдству возникъ подобный же канцлерскій дворецъ (теперь сенатъ), гдѣ жилъ Остерманъ. Далѣе поднялся новый, кирпичный Исаакій, съ однимъ куполомъ. Особенно хорошо застроилась *набережная Невы*, до устьевъ Фонтанки. Здѣсь красовался Зимній дворецъ, гдѣ умерли преобразователь и его подруга [1]). Онъ примыкалъ къ Милліонной, — тогда лучшей улицы, гдѣ жили богачи, особенно иностранцы, хотя и въ деревянныхъ домахъ. Милліонная тянулась до огромнаго Царицына Луга, гдѣ происходили парады. Онъ былъ вырубленъ изъ парка, другая часть котораго образовала *Лѣтній Садъ* (изъ однолѣтнихъ растеній), гдѣ были расположены галлереи для танцевъ, звѣринецъ и фигуры къ баснямъ Эзопа подъ стекломъ. Здѣсь часто устраивались ассамблеи; а у пруда Петръ любилъ посиживать, бесѣдуя съ иностранцами, которымъ воспрещалось снимать шляпы. Въ саду помѣщался сохранившійся и теперь Лѣтній дворецъ, гдѣ Петръ и жилъ лѣтомъ. Напротивъ дворца, на правомъ берегу Фонтанки (по ней шли трубы для „фонтановъ“ Лѣтняго Сада), гдѣ теперь Соляной Городокъ, находилась Партикулярная Верфь. Здѣсь строилась „невская флотилія“ или боера частныхъ лицъ, которые, по знаку, выѣзжали на Неву для празднествъ. Вельможи были обязаны и во дворецъ ѣздить на этихъ боерахъ, которые были уничтожены лишь при Аннѣ; но имъ дозволялось разъѣзжать и въ крытыхъ гондолахъ, тогда какъ самъ царь всегда леталъ въ открытой шлю-

[1]) Дворцовая набережная, изображенная на нашемъ рисункѣ по гравюрѣ конца царствованія Петра, была прекрасно сдѣлана изъ свай, хотя она не могла охранить отъ сильныхъ наводненій, не разъ случавшихся тогда. Она уже въ то время была красива и удобна. Здѣсь было суше, чѣмъ на правомъ берегу—и вельможи и богачи сами селились на этомъ мѣстѣ. На нашемъ рисункѣ справа первымъ стоитъ Зимній дворецъ (§ 219), откуда былъ видъ на море, покуда не застроился Васильевскій О.; при Елизаветѣ онъ превратился въ казармы лейбъ-компаніи. Недалеко отъ него виденъ Почтовый Домъ, гдѣ была большая зала и винный погребъ: тамъ Петръ угощалъ иностранцевъ, за тѣснотой у себя. При Екатеринѣ II почта была переведена отсюда на то мѣсто, близъ Исаакія, гдѣ теперь почтамтъ. Далѣе слѣдуютъ палаты вельможъ.

Петербургъ при Петрѣ I.

почкѣ. Далѣе за Фонтанкой, у Невы, Брюсъ блистательно устроилъ пушечный Литейный дворъ, гдѣ работали нѣмцы. Неподалеку, на мѣстѣ деревни Смольны, гдѣ адмиралтейство гнало смолу, завели Смольный дворъ, съ кунсткамерой, куда Петръ заманивалъ публику царскимъ угощеніемъ. Еще дальше, къ Охтѣ, лѣпились мазанки вразсыпную: это — „русская слобода" или начало Московской стороны.

Грязная, болотистая Мойка (такъ назвали Мью, въ которой бабы мыли бѣлье) отдѣляла Адмиралтейскій О. отъ глубины материка, который также застраивался при Петрѣ. У устьевъ Черной Рѣчки возникла *Александро-Невская лавра* (1713). Отъ нея до адмиралтейства, въ рѣдкомъ ивнякѣ, обрамлявшемъ края разливовъ, протянулась, на 4 версты, просѣка или *Перспективная Дорога* (Невскій проспектъ), съ подъемнымъ мостомъ черезъ Фонтанку (теперь Аничкинъ), передъ которымъ потомъ осматривались бумаги проѣзжихъ. Въ другую сторону отъ адмиралтейства шли *Морскія Слободы* (теперь Морскія улицы). Отъ Мойки внутрь материка, до Вознесенскаго проспекта (Казанская и Спасская части), тянулась *Переведенская Сторона*— 6 слободъ купцовъ изъ разныхъ городовъ, которые строились частью на казенный счетъ, частью съ пособіемъ отъ правительства.

Петръ уже шагнулъ и за предѣлы нынѣшняго Петербурга. Пониже устьевъ Невы, противъ Круглаго О., онъ построилъ деревянный дворецъ *Екатерингофъ* для своей жены. Ей же подарилъ онъ Сарскую мызу (имѣніе шведки Сары), которая была названа *Царскимъ Селомъ* и украсилась каменнымъ дворцомъ; она стала потомъ наслѣдственнымъ имѣніемъ Елизаветы. А для Елизаветы Петръ построилъ дворецъ въ *Стрѣльнѣ*, который былъ заброшенъ послѣ него. Для себя онъ сдѣлалъ, въ *Петергофѣ*, Монплезиръ—дворецъ-игрушку, въ двери котораго едва проходилъ великанъ: въ немъ сохранилось все голландское убранство, съ кроватью, поставленною такъ, что съ нея видны Кронштадтъ и флотъ. А Меншиковъ соорудилъ себѣ, въ *Ораніенбаумѣ*, большой дворецъ, съ прекраснымъ садомъ, отобранный въ казну по паденіи Голіаѳа. Почти весь берегъ отсюда до столицы (35 верстъ) уже былъ усѣянъ красивыми дачами царедворцевъ и офицеровъ.

И такъ, по смерти преобразователя новая столица представляла собой огромное пространство, по которому были разбросаны пятнами группы сооруженій, то величавыхъ, то въ родѣ

избушекъ, часто недодѣланныхъ; а кругомъ разстилалось еще много полей и лѣсовъ. То былъ скорѣе смѣло набросанный очеркъ великаго города, чѣмъ самый городъ. Здѣсь сначала копошились только солдаты, рабочіе да плѣнники изъ чухны, шведовъ, нѣмцевъ; потомъ стали съѣзжаться подневольные вельможи, чиновники да переведенцы. Жизнь была очень дорога и скудна, словно въ лагерѣ. Но юное созданіе богатыря далеко протягивало нити своего будущаго. Въ немъ было уже до 5.000 дворовъ. Среди сооруженій красовались всѣ признаки европейской столицы—церкви разныхъ исповѣданій, общественныя зданія по иностраннымъ образцамъ, заводы, типографіи, библіотека, кунсткамера и деревянный театрикъ. Прямыя и широкія улицы освѣщались фонарями и замащивались камнемъ: извозчики и барки были обязаны складывать по нѣскольку камней при въѣздѣ въ городъ,—налогъ, отмѣненный лишь Екатериною II. Съ появленіемъ перваго генералъ-полиціймейстера (1718), завелся внѣшній порядокъ: ночью ходили дозоры изъ жителей поочередно; возникли пожарныя мѣры, которыя удержались до образованія Пожарнаго Депо при Александрѣ I. Блистательная набережная Невы подтверждала мнѣніе иностранцевъ, что Петербургъ уже былъ однимъ изъ лучшихъ городовъ въ мірѣ. И все это создало изъ ничего въ 22 г., изъ которыхъ 7 протекли подъ выстрѣлами шведовъ. Не сбылось предвѣщаніе царевича Алексѣя, что новая столица останется „въ пустѣ“.

Во время „конфузіи“ (§ 223), особенно съ переѣздомъ двора въ Москву, при Петрѣ II, Петербургъ замеръ. Вельможи и переведенцы-помѣщики разъѣхались, оставивъ голодныхъ слугъ. Очень высокія цѣны на квартиры пали. На Васильевскомъ О. торчали недоконченныя постройки, безъ оконъ и крышъ. Только Меншиковъ украшалъ свой дворецъ, который былъ отданъ кадетскому корпусу, послѣ его паденія; и отсюда протянулся, на лодкахъ, первый мостъ черезъ Неву, Исаакіевскій.

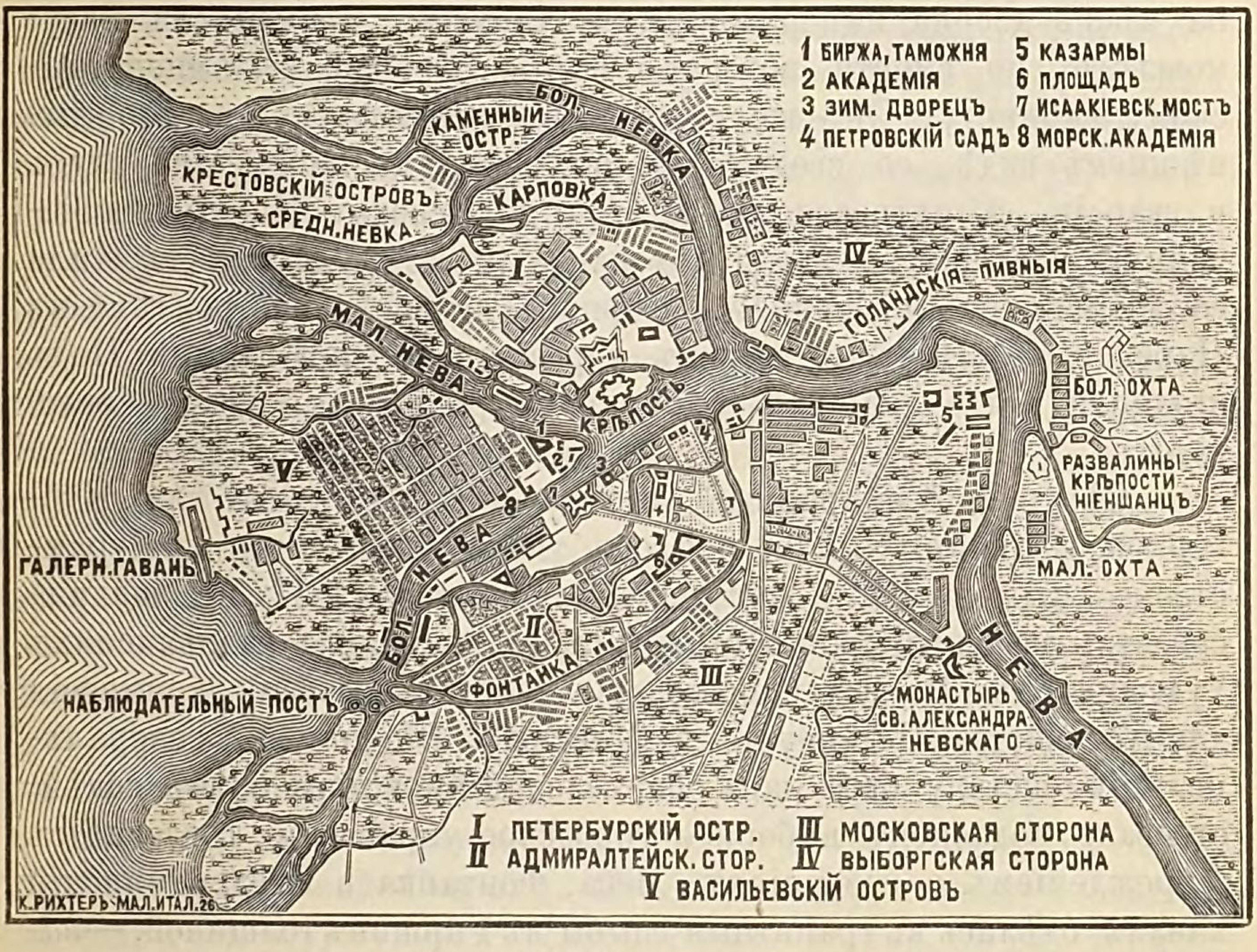
При Аннѣ снова закипѣла работа: за стройку взялся второй Петръ, *Минихъ* (§ 227), и подлѣ него появился Растрелли (§ 259). Къ 1737 г., вслѣдствіе жестокихъ пожаровъ, была учреждена „коммиссія о петербургскомъ строеніи“, съ которой начинается какъ бы новая исторія столицы: она выработала *планъ Петербурга* [1]), по которому стройка идетъ, въ общемъ,

[1]) Нашъ планъ — снимокъ съ плана коммиссіи 1737 года, который былъ пересмотрѣнъ и утвержденъ Екатериною II. Здѣсь столица разбита на 5 частей.—

до сихъ поръ. Тогда главное вниманіе было обращено на лѣвый берегъ Невы, и въ особенности на Адмиралтейскую сторону. Здѣсь явилось до 20 новыхъ названій улицъ, сохранив-

I. *Петербургскій О.* Здѣсь находились тогда: оконченные Петропавловскій соборъ и крѣпость; позади нихъ Кронверкъ; вправо отъ него гостиный и постоялые дворы и нѣсколько церквей. За Карповкой тянулся аптекарскій садъ, до Каменнаго О. Каменый, Крестовскій и Петровскій о-ва были лѣсными пустырями. — II. *Адмиралтейская Сторона*, между Невой и Фонтанкой. По набережной Невы, которая содержалась особенно хорошо, по требованію Миниха, тянулся, отъ Лѣтняго Сада (его называли еще Петровскимъ), рядъ петровскихъ зданій, къ которымъ прибавилась первая аптека и отстроенный Растрелли Зимній дворецъ на нынѣшнемъ мѣстѣ. На адмиралтействѣ засіяла высокая „игла". У самаго устья Невы, противъ поросшаго лѣсомъ Круглаго О., на островкѣ, возвышалась Проспектная Башня или Наблюдательный Постъ. Далѣе по Фонтанкѣ, до Невскаго, были разбросаны дачи, а между Невскимъ и Лѣтнимъ дворцомъ располагались звѣринецъ и мѣсто охоты. У Мойки, которая была очищена и снабжена набережной, лежалъ выровненный пустырь для построекъ. На Невскомъ показались евангелическая церковь (теперь св. Петра) и одноглавый Соборъ Рождества Богородицы, названный, при Елизаветѣ, Казанскимъ, по главной святынѣ. Между Фонтанкой и Глухимъ Протокомъ (Екатерининскій каналъ) строился новый Гостиный дворъ; а подлѣ былъ прорѣзанъ проспектъ для Большой Садовой, который шелъ къ Вознесенскому проспекту, гдѣ упирался въ болото. Наконецъ обозначились улицы: Конюшенныя (съ деревьями посрединѣ), Итальянская, Мѣщанская, Мастерская. — III. *Московская Сторона.* Она была застроена только между Фонтанкой, Невскимъ и Невой. По Фонтанкѣ, у Невскаго, раскидывался Итальянскій садъ съ Итальянскими улицами. Далѣе, къ Невѣ, помѣщались церкви Самсонія и Пантелеймона, кирки лютеранская, шведская и реформатская, Правіантскій домъ и Партикулярная верфь. Вправо отъ верфи шелъ Литейный дворъ, за нимъ—Смольный, на которомъ жила Елизавета (§ 226), а также улицы Бассейная, Литейная и Пушкарская, гдѣ помѣщались офицеры артиллеріи. Въ изгибѣ Невы, противъ Охты, находились казармы и конюшни учрежденной тогда конной гвардіи. Между ними и Невскимъ шли рощи и обширныя болота, которыя Минихъ осушилъ, на свой счетъ, Лиговскимъ каналомъ: не прошло и 10 л., какъ тутъ зазеленѣли огороды. Къ Московской сторонѣ причислялись густые лѣса за Невскимъ: и здѣсь прорѣзывались перспективы и селилась ямская слобода (теперь Ямская и Московская улицы, Загородный проспектъ).—IV. *Выборгская Сторона.* Сплошной лѣсъ. Только по Большой Невкѣ и Невѣ стояли казармы, заводы да двѣ чухонскія деревни, Охты. — V. *Васильевскій О.* Онъ былъ застроенъ только въ углу между Большою и Малой Невой. Противъ Исаакіевскаго моста помѣщались коллегіи, таможня и кадетскій корпусъ, направо — академія наукъ, пакгаузъ и биржа, налѣво—морская академія. Отсюда шли въ глубину о-ва Большая и Малая Перспективы да планировка „линій" до 8-й. Дальше разстилался лѣсной пустырь. Только на взморьѣ, въ Галерной гавани, уже возникали каменные дома; да за линіями, у Малой Невы, на о. Голодаѣ (мѣсто англичанина Голидея), строились казармы. Тогда войскъ было такъ много, что они составляли половину населенія, и ихъ селили еще слободками, какъ въ Москвѣ: явились полки Преображенскій (у Литейнаго двора), Семеновскій и Измайловскій (у Фонтанки), Казацкая Слобода и конная гвардія.

шихся до сихъ поръ, много мостовъ, площадей, мостовыхъ, богадѣленъ, каменныхъ зданій и церквей, особенно иностранныхъ; а близъ Стрѣльны возникла *Сергіевская пустынь*, построенная духовникомъ Анны, троицко-сергіевскимъ архимандритомъ. Минихъ оказалъ незабвенныя услуги ревностною осушкой болотъ, развитіемъ садоводства (явились отличные скверы, оранжереи и огороды), а также дѣльными пожарными мѣрами: велѣно

Планъ Петербурга въ 1737 г.

крыть дома только желѣзомъ или черепицей. Населеніе быстро прибывало — и цѣны на квартиры снова такъ поднялись, что явились строгіе указы противъ такого зла.

При Елизаветѣ состоялась первая перепись въ Петербургѣ (1750), давшая до 60.000, съ дѣтьми, причемъ женщинъ было гораздо меньше мужчинъ. Въ столицѣ господствовалъ такой порядокъ, что она одна не горѣла, при всеобщихъ пожарахъ. Тогда перестали и хоронить въ городѣ: возникли кладбища Волково, Смоленское и Выборгское. Появились пятиглавыя церкви, на подобіе Успенскаго собора въ Москвѣ. Перекидывались новые мосты (Тучковъ). Размножались „герберги“ — гостиницы

съ комнатами, бильярдами, кофе и „чекулатомъ". Всюду проглядывала забота о картинности: на улицы выходили сады съ красивыми рѣшетками; по сторонамъ въѣзжихъ дорогъ протягивались бульвары. Залитый свѣтомъ фонарей *Невскій* блисталъ своей широтой: на немъ, съ обѣихъ сторонъ, шли палисадники, уничтоженные при Екатеринѣ II. Настала эпоха затѣйливаго рококо, въ работахъ Растрелли, который построилъ, помимо многихъ роскошныхъ частныхъ палатъ, *Смольный монастырь*, на мѣстѣ дворца императрицы, и *Аничкинъ дворецъ* для Разумовскаго, по смерти котораго зданіе перешло къ императорскому кабинету. Онъ же создалъ *Зимній дворецъ*, въ его нынѣшнемъ видѣ, со сводчатыми помѣщеніями внизу для слугъ и гвардіи, съ антресолями наверху для свиты. Но эту необычайную роскошь не могли докончить (§ 230): Елизавета жила во временномъ деревянномъ дворцѣ. Растрелли построилъ и въ Царскомъ Селѣ новый дворецъ, черезчуръ разукрашенный. Подъ столицей было уже 42 фабрики и рѣдкостный фарфоровый заводъ.

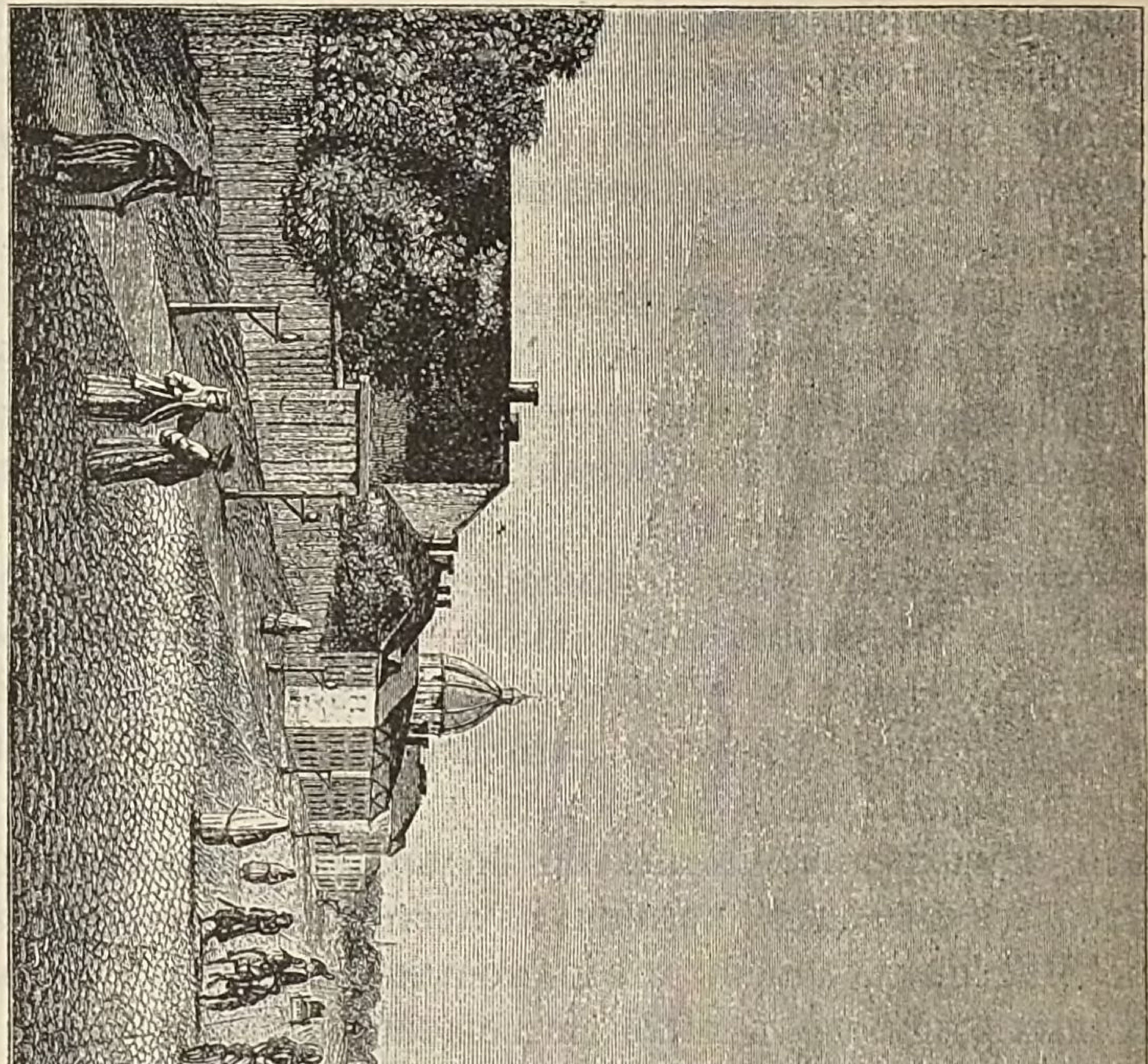
„Сѣверная Семирамида" сдѣлала больше всѣхъ для „Сѣверной Пальмиры". При ней она увеличилась вдвое пространствомъ и вчетверо — населеніемъ. Екатерина II не щадила средствъ на украшеніе Петербурга, съ помощью итальянскихъ художниковъ. Во все царствованіе работала особая „коммиссія для устройства Петербурга и Москвы". Въ помощь генералъ-полиціймейстеру былъ данъ оберъ-полиціймейстеръ. Имъ содѣйствовало подконецъ выборное городское управленіе, согласно съ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Нева, Фонтанка и Екатерининскій каналъ одѣлись въ гранитныя глыбы въ 1 аршинъ толщиной, —*набережныя*, какихъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ, по длинѣ и прочности. *Исаакій* (оконченъ въ 1802 г. архитекторомъ Ринальди) сталъ соборомъ, достойнымъ такой столицы: однѣ стѣны, изъ мраморовъ Финляндіи, Сибири и Италіи, стоили 2 милл. р. Принялъ нынѣшній видъ и *Петропавловскій соборъ*, съ своимъ „шпицемъ" въ 26 саж. Съ 1731 г., когда въ немъ были погребены Петръ I и Екатерина, онъ сталъ усыпальницей императоровъ и императрицъ. Зимній дворецъ былъ довершонъ устройствомъ *Эрмитажа*, — „пустыни", куда императрица удалялась отдохнуть душой отъ сутолоки церемоній. Онъ соединенъ съ дворцомъ крытыми ходами на аркахъ. Это — единственный въ своемъ родѣ храмъ ума и изящныхъ развлеченій, состоящій изъ длиннаго ряда залъ въ двухъ зданіяхъ. Эрмитажъ кончался театромъ; а въ

бель-этажѣ помѣщались картины, статуи и знаменитая библіотека, которую Павелъ сбросилъ въ подвалъ. Передъ дворцомъ, чтобы скрыть домишки съ лавчонками на Невскомъ, соорудили простой, но величавый амфитеатръ изъ трехъ слитыхъ зданій, съ красивыми пролетами посрединѣ. Тогда же (1783 — 1788) появились единственные, по роскоши, дворцы *Мраморный* и *Таврическій*. Первый предназначался Орлову, второй — Потемкину. Таврическій дворецъ или Пантеонъ былъ окруженъ роскошнымъ садомъ съ оранжереями, между тѣмъ какъ Лѣтній садъ лишился фонтановъ и многихъ статуй, впрочемъ былъ обнесенъ нынѣшнею прекрасною рѣшеткой. Масса денегъ пошла также на такія величественныя сооруженія, стоящія до сихъ поръ, какъ Публичная Библіотека (§ 256), Государственный Банкъ, съ замѣчательнымъ фасадомъ и рѣшеткой на Садовой, Почтамтъ, Арсеналъ на Литейной, Академія художествъ, новый Гостиный дворъ и др. Невскій [1]) застраивался такими зданіями, какъ дома Строганова и Бѣлосельскаго (теперь дворецъ в. кн. Сергѣя Александровича). Даже на болотѣ у Вознесенскаго проспекта прорыли Никольскій каналъ и поставили рынокъ на сваяхъ. Появился цѣлый рядъ крѣпкихъ мостовъ, которые служатъ и теперь. Частныхъ домовъ стало меньше: множество мазанокъ и деревянныхъ домишекъ было поглощено пожаромъ или каменными палатами въ 2—3 этажа, какъ приказано было строиться. Зато образовалось много просторныхъ квартиръ, которыя отдавались уже по контракту.

Къ концу царствованія Екатерины, за исключеніемъ пустынной Выборгской Стороны, Петербургъ принималъ нынѣшній видъ. Это—уже вполнѣ европейская столица, съ внѣшнимъ порядкомъ и статистикой, съ удобствами и оживленіемъ, со средствами умственнаго и общественнаго развитія. Она раскидывалась на 37 кв. верстъ, по 12 островамъ, и раздѣлялась на 10 частей, 42 квартала и 39 приходовъ. Въ ней помѣщалось до 4.000 домовъ и до 250.000 жителей, въ томъ числѣ $^1/_{10}$ иностранцевъ; и началось значительное приращеніе мѣстнаго населенія. Городъ освѣщался болѣе, чѣмъ 5.000 фонарей. Было гдѣ и молиться, и веселиться: насчитывалось 56 церквей

[1]) Наша гравюра сдѣлана съ рисунка Бенуа, живописца Екатерины II. На ней изображенъ *Невскій проспектъ* отъ Зеленаго (теперь Полицейскаго) до Аничкина моста. Онъ тѣмъ любопытнѣе, что показываетъ переходное время: налѣво видна простота и картинность Елизаветинскаго времени, направо — пышность и величавость эпохи Екатерины, въ видѣ дома Строганова, который стоитъ и сейчасъ.

православныхъ и 13—другихъ христіанскихъ исповѣданій; было 2 театра (нѣмецкихъ), много клубовъ, русскихъ и иностран-

Петербургъ при Екатеринѣ II.

ныхъ, еще больше кофеенъ и ресторановъ. И подъ столицей стало людно и удобно. По Невѣ, къ Шлиссельбургу, размножались заводы и поселялись нѣмецкія колоніи (Саратовка). Къ

Петергофу и Царскому Селу протянулись замѣчательныя *шоссе* изъ семи настилокъ, по 25.000 р. за версту. По петергофскому шоссе росли изящныя дачи на даровой землѣ; по царскосельскому—стояли видимыя и теперь версты каменными пирамидками и болѣе 1.000 фонарей. *Царское Село*, гдѣ Екатерина проводила лѣто, стало городомъ, и подлѣ возникло предмѣстье Софія, по имени собора, скопированнаго съ константинопольской Софіи. Паркъ украсился роскошными аллеями, прудами, съ водой, проведенной за 17 верстъ, гротами, галлереями, статуями, тріумфальными арками въ честь Орлова. Въ Петергофѣ раскинулся англійскій садъ и забили фонтаны выше, чѣмъ въ Версалѣ. Въ Ораніенбаумѣ появился свой Эрмитажъ и оранжереи.

При Павлѣ итальянцы продолжали украшать Петербургъ. Но они работали преимущественно на учрежденія императрицы Маріи. Тогда были сооружены уцѣлѣвшіе до нашихъ дней институты, Воспитательный домъ и проч. Самъ же Павелъ больше всего занимался войсками: расширялъ казармы, строилъ экзерциргаузы для дурной погоды, очищалъ Царицынъ лугъ, который былъ названъ Марсовымъ Полемъ и украшенъ памятникомъ Суворову,—римлянину, защищающему папскую тіару и короны Неаполя и Сардиніи. Были сооружены военная *Медико-Хирургическая академія* и Морской кадетскій корпусъ. Еще Павелъ увлекался *Михайловскимъ дворцомъ* (теперь Инженерный замокъ у Лѣтняго Сада), который былъ построенъ, по его плану, въ 3 года. Это—чудо роскоши и неудобствъ на маломъ пространствѣ, стоившее, съ убранствомъ, 6 милл. руб. Дворецъ представлялъ окруженную водой крѣпость съ 20 пушками и 5 подъемными мостами, передъ которыми останавливались пріѣзжіе и шли, съ открытыми головами, по двору, гдѣ стоитъ и теперь жалкая статуя Петра I въ римской одеждѣ, съ надписью—„прадѣду правнукъ". Дворецъ былъ краснаго цвѣта (цвѣтъ перчатокъ Гагариной, § 243) и состоялъ изъ лабиринта комнатокъ и витыхъ лѣстницъ, лишенныхъ воздуха и свѣта. Отъ быстрой постройки вездѣ царили сырость и погребной запахъ, въ особенности же внизу, гдѣ томился Александръ Павловичъ. Внутри, подъ золотою крышей, господствовала неимовѣрная, разноцвѣтная роскошь—мраморъ, порфиръ, лазоревый камень, бронза, мозаика, гобелены, ковры, картины, статуи апостоловъ и героевъ миѳологіи, военныя принадлежности и церковныя изреченія. По смерти строителя, все это было вы-

везено въ Зимній и Таврическій дворцы, а самый замокъ былъ отданъ подъ квартиры вельможъ.

За городомъ Павелъ заботился только о *Гатчинѣ и Павловскѣ*, гдѣ онъ проводилъ осень и лѣто. Въ Гатчинѣ было устроено мальтійское пріорство. Павловскъ сталъ игрушкой, убранной по планамъ Маріи Ѳедоровны. Здѣсь были разбиты англійскіе и семейные сады, гдѣ ютились швейцарскія хижины, храмики, развалины, обелиски, мавзолей съ прахомъ дѣтей Павла въ урнахъ. Всюду встрѣчались водопады, статуи, картины. А Царское Село было заброшено: часть его земель была отдана ямщикамъ. Павелъ разрушилъ также все въ Пантеонѣ и обратилъ его въ казарму. Онъ закрылъ всѣ клубы, которые воскресли лишь при Александрѣ I, подъ именемъ разныхъ Обществъ. Иностранцевъ не пускали въ столицу; свои бѣжали изъ нея (§ 243). Хорошіе дома продавались за безцѣнокъ; населеніе уменьшалось. Петербургъ замеръ, какъ при „конфузіи".

Но созданіе Петра вдругъ ожило при Александрѣ I и опять стало быстро рости. Въ *столѣтіе Петербурга* (1805) былъ изданъ его планъ особымъ комитетомъ. Здѣсь уже 11 частей, за исключеніемъ крѣпости. Пространство между Невой и Фонтанкой совсѣмъ застроено; значительно заполнены и мѣста между Фонтанкой и Обводнымъ каналомъ, но дальше идутъ лѣса съ перспективами. На Васильевскомъ О. застроены линіи и Галерная гавань, до которой уже дотянулась набережная. На Петербургской Сторонѣ обстроились улицы у Большаго проспекта и по берегамъ Большой и Малой Невы. Только Выборгская все еще была пустошью, съ казенными зданіями по берегамъ. Зато начали заселять и прорѣзывать просѣками Острова (за Петербургской Стороной). Былъ отстроенъ *Казанскій Соборъ* (§ 259) въ нынѣшнемъ видѣ, съ колоннадами св. Петра въ Римѣ и дверями Баптистерія во Флоренціи. Появилась нынѣшняя *Биржа* съ Ростральною колонной, которая указываетъ путь судамъ изъ Кронштадта. Петербургская Сторона соединилась мостомъ съ дворцовою набережной. Вполнѣ были устроены полиція и пожарная часть. Было уже 4 театра, въ томъ числѣ 1 русскій (Александринскій)—всѣ казенные, стоившіе правительству болѣе полумилліона въ годъ. Появились каменные тротуары и извощичьи кареты. Уже насчитывалось 8.000 домовъ, стоимостью ок. 80 милл., и городской доходъ достигалъ 1 милл. Жителей было болѣе 270.000, но мужчинъ вдвое больше женщинъ, отъ изобилія войскъ и бѣдныхъ чиновниковъ: жизнь

стала вдвое дороже, чѣмъ при Екатеринѣ II, и вдесятеро— чѣмъ при Елизаветѣ. За городомъ кипѣла работа на 58 частныхъ фабрикахъ и въ 4 громадныхъ казенныхъ заведеніяхъ по Шлиссельбургскому тракту. Процвѣли дворцы въ *Стрѣльнѣ* и и на *Каменномъ О.*, гдѣ Александръ жилъ лѣтомъ. Щепетильный французскій посланникъ былъ въ восторгѣ отъ созданія Петра: „здѣсь все обширно и величественно", писалъ онъ Наполеону I. И вскорѣ національный поэтъ горячо воспѣлъ „полнощныхъ странъ красу и диво".

§ 262. **Значеніе періода.**—Пятый періодъ русской исторіи (1650—1800) имѣетъ первостепенное значеніе въ судьбахъ всего человѣчества. Тогда родилась наша *новая* исторія, смыслъ которой состоитъ въ усвоеніи западной гражданственности; тогда Россія превратилась изъ восточной державы въ *европейскую*, и еще одинъ великій народъ вошелъ въ русло общечеловѣческаго развитія.

Посрединѣ пятаго періода, какъ и въ четвертомъ (§ 195), стоитъ высокимъ переломомъ исключительная личность, которая чаруетъ историковъ и художниковъ, какъ воплощеніе эпохи и своего народа. Но изъ сравненія Великаго императора и Грознаго царя вытекаетъ глубокая разница между двумя порами въ жизни русскаго народа. Иванъ IV не выдержалъ борьбы новыхъ началъ съ еще крѣпкими пережитками. Онъ быстро бросилъ преобразованія, даже ушелъ отъ своего народа. „Опричный" отъ его чаяній, онъ сталъ воплощеніемъ безумной реакціи: и его царствованіе осталось кровавымъ пятномъ въ лѣтописяхъ древней Руси. Петръ I раздавилъ „змія" косной старины, вѣруя въ силы своего народа, съ которымъ онъ сливался, какъ простой труженикъ. Если онъ уходилъ, то не въ глухую слободу, не ради сумасбродствъ, а въ дѣловую Европу, за сѣменами добра, которыя пламенно разсѣивалъ потомъ по дебрямъ Россіи. И заслужилъ онъ міровое безсмертіе (§ 221): не только для Россіи, но и для Запада, онъ остался идеаломъ честнаго генія, образцомъ власти, сознающей свое предназначеніе—быть орудіемъ прогресса.

Подконецъ, въ виду всеобщаго преклоненія, Петръ вспоминалъ свой трудовой путь, восклицая: „о, съ какою горестью и терпѣніемъ школу великаго гоненія прошли, дондеже достойной степени дошли!" Достигъ онъ этого тѣмъ, что̀ выражено въ словахъ Лейбница: „отъ души желаю, чтобы его наслѣдники продолжали начатое имъ дѣло преобразованія". Это дѣло

вышло примѣрнымъ и плодотворнымъ, потому что въ основѣ его лежало *просвѣщеніе.* А при наличности болѣе развитыхъ народовъ, путь къ нему одинъ—подражаніе старшимъ участникамъ прогресса: таковъ смыслъ добровольной и болѣе сильной, чѣмъ у насъ, „галломаніи", которая охватила въ началѣ періода нѣмцевъ и даже англичанъ, хотя у послѣднихъ были Шекспиръ и Беконъ. Русскіе, какъ народъ историческій, давно стремились на тотъ же путь, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей (§ 195). Съ начала пятаго періода они уже ломились въ двери Европы, несмотря на всякія препятствія. Алексѣй, въ особенности Ѳедоръ, по природѣ, были старые люди, а ихъ дѣла—программа великаго преобразователя, набрасываемая его мелкими предтечами (§§ 206, 207). Софья—представительница старины только по своему политическому положенію передъ Петромъ: она боролась съ патріархомъ за новое, хотя и быстро устарѣвшее, образованіе; она душила стрѣльцовъ и раскольниковъ.

Самоучка, практикъ, Петръ не зналъ теоріи; но у него была теоріямъ теорія—геніальность, руководимая сердцемъ и совѣстью. Онъ былъ сыномъ своей страны. Его цѣлью было поскорѣе избавить русскихъ отъ неизбѣжной опеки иностранцевъ; его преобразованія были плодомъ опыта и сдѣлокъ съ мѣстными условіями (§ 221). Онъ не выдумалъ потребности своего народа въ движеніи, въ наукѣ и человѣчности: онъ былъ лишь ея истолкователемъ—и отсюда прочность и воспитательное значеніе его дѣла. Напрасно премудрая старина воображала, что хаосъ преобразованій останется „въ пустѣ", какъ прихоть новаго Грознаго, и все опять пойдетъ „по пошлинѣ". Совершилось „небываемое", въ видѣ поразительнаго роста Петербурга. Просвѣтительная мысль сцѣпляла новый хаосъ въ живое цѣлое, которое развивалось даже при недостойныхъ преемникахъ. Она служитъ нашимъ идеаломъ до сихъ поръ: и теперь мы посылаемъ въ Европу за справками и уставами при всякомъ новомъ шагѣ.

Стремленіе къ просвѣщенію, этотъ залогъ будущности въ исторіи, проходитъ красною нитью по всему пятому періоду. Правда, для удовлетворенія этой страсти было сдѣлано меньше, чѣмъ ожидалось по могучему толчку, данному нашимъ Возрожденіемъ. До Екатерины II просвѣтительныя мѣры ограничивались почти однѣми столицами и дворянствомъ: народное образованіе было забыто, что̀ расширяло бездну между массой и верхнимъ слоемъ и нарушало связи между престоломъ и наро-

домъ (§ 238). Оттого и наука была лишь въ зародышѣ и въ рукахъ иностранцевъ, пока вышелъ изъ народа ея Петръ; да и Ломоносову приходилось трудиться за всѣхъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, не отказываясь отъ черной работы. Но такъ было вездѣ въ свое время; и постоянныя войны и недостатокъ финансовъ объясняютъ дѣло. При всемъ томъ, самую блестящую сторону пятаго періода составляетъ *умственное развитіе*, которое подвигалось все время, подъ разными западными вліяніями. Петръ наскоро бралъ культуру пососѣдству, у нѣмцевъ; а у нихъ былъ только профессіонализмъ, т.-е. одни прикладныя ремесленныя знанія, что̀ и нужно было тогда для насъ. Затѣмъ Россія почувствовала потребность въ теоріи, въ литературно-научномъ образованіи, а также въ развитіи общественности; а это могла дать только передовая страна Европы, Франція: отсюда смѣна у насъ нѣмецкаго вліянія французскимъ.

Сила этихъ вліяній свидѣтельствовала о даровитости русскаго человѣка. Не успѣли поглядѣть на Западъ, какъ Петербургъ и высшее общество стали, во внѣшнемъ быту, наряду съ главными проявленіями комфорта и роскоши въ Европѣ. Едва Петръ внесъ западное просвѣщеніе, какъ явился Ломоносовъ, эта европейская знаменитость въ наукѣ. Лишь только завелись университетъ и академія художествъ, какъ уже большинство профессоровъ и художниковъ были русскіе; и правительсто, начиная съ Елизаветы, всегда отдавало высшія вліятельныя мѣста русскимъ. Лишь только стали знакомиться съ иностранными книгами, какъ вдругъ расцвѣла богатая литература во всѣхъ родахъ. Благодаря переводамъ, къ концу періода Россія усвоила почти все вѣковое умственное богатство Европы, а въ журналистикѣ превзошла всѣ страны. Важнѣе всего, что съ Анны явились признаки зрѣлости литературы: 1) умная сатира, которая уже при Елизаветѣ бичуетъ недостатки даже новаго направленія; 2) стремленіе къ народности, т.-е. къ самобытности; 3) реализмъ въ направленіи умовъ. Но развитіе совершалось такъ быстро, что вскорѣ, въ связи съ политическою реакціей, настало утомленіе въ умахъ, не привыкшихъ къ напряженію: они впадали въ мистицизмъ и квасной патріотизмъ. Впрочемъ, большинство, съ Екатериной во главѣ, не измѣняло реализму, который остался основою духовной жизни Россіи: онъ подходилъ къ складу русскаго ума.

Менѣе значительна разница между новою и старою Россіей въ *политикѣ*. Она замѣтна только во внѣшнихъ дѣлахъ.

Тутъ даже измѣнилась задача. Утвердившись со стороны Востока, мы перешли въ наступленіе относительно Запада: на первый планъ выступили вопросы польскій, шведскій и восточный, связанный съ славянствомъ. Оттого Россія стала неразрывною частью европейской „системы" государствъ, а съ Елизаветы начала существенно вліять на дѣла Германіи, пользуясь борьбой между Пруссіей и Австріей. Вопросы польскій и шведскій были уже побѣдоносно покончены; но восточный остался въ разгарѣ, несмотря на поразительные успѣхи при Екатеринѣ II: къ концу періода только начинилось развитіе южныхъ славянъ. Россія возвысилась до степени высшаго международнаго чина—стала *имперіей* и *великою державой*. Ея войска и дипломатія пріобрѣли соотвѣтственную славу, при всѣхъ несовершенствахъ ихъ обстановки. Петръ I предводилъ западными арміями и даже флотами. Подконецъ Европа страшилась его, какъ Мефистофеля коварства, смѣлости и предпріимчивости, а Англія жаловалась, что онъ захватитъ торговлю и сѣвера, и Азіи. Наши дипломаты славились умѣньемъ пользоваться ходячими тогда способами — кознями и особенно подкупами. Такіе хитрецы на самыхъ опасныхъ постахъ, какъ Толстой, Неплюевъ и Обрѣзковъ въ Константинополѣ, Штакельбергъ, Репнинъ и Сиверсъ въ Варшавѣ, Бестужевъ, Панинъ и Разумовскій въ Стокгольмѣ, играли даже руководящую роль въ Европѣ.

Внутренняя политика больше измѣнилась по виду, чѣмъ по содержанію. Виной тому были попрежнему (§ 195) обширность, разноплеменнность и военное положеніе государства, что требовало сильной, объединенной власти. Самодержавіе даже усилилось въ томъ смыслѣ, что развилась *централизація*, которая и на Западѣ считалась тогда единственнымъ спасеніемъ. Она была неизбѣжна и по незрѣлости общества: само правительство дѣлало попытки передать обществу часть слишкомъ осложнявшихся дѣлъ, но безуспѣшно. Выборное начало вышло неудачнымъ; „затѣйки" верховниковъ могли только принести вредъ народу; первоначальные замыслы Екатерины II разбились о косность высшихъ слоевъ.

Власть только сбросила съ себя патріархальную грубость, да и то лишь на самомъ верху. Управленіе улучшилось только въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, особенно при Екатеринѣ II; но не было умѣлости въ главномъ — въ вопросахъ экономическихъ, особенно финансовыхъ. А провинціальное управленіе все еще напоминало древнюю Русь: необычайное развитіе

чиновничества, которое отличалось отъ приказнаго строя только именами, вызвало злую сатиру на „крапивное сѣмя".

Развитію Россіи особенно препятствовалъ связанный съ нашими нравами (§ 195), законъ *реакцій* во внутренней политикѣ или попятныхъ шаговъ, наступавшихъ послѣ рѣзкихъ преобразовательныхъ движеній. Сама Екатерина II смалодушествовала подконецъ (§ 241). Сѣверная Семирамида уподобилась Грозному: она ломилась въ открытую дверь, вообразивъ крамолу въ безвольномъ обществѣ. Важно, что при этомъ въ самомъ обществѣ усиливались умственные пережитки, въ видѣ „квасного" патріотизма или недовѣрія къ западной образованности: ими пользовались корыстолюбцы, какъ иностранные (§ 225), такъ и свои.

Тѣмъ не менѣе сознаніе необходимости политическаго развитія проходитъ явственно по всему періоду, въ силу неотвратимаго историческаго закона (§ 194). Рядъ попытокъ къ передачѣ части государственнаго бремени на плечи общества, по мѣрѣ его развитія и раскрѣпощенія, бросается въ глаза и наверху, и внизу (§ 246). И это преданіе освящено именемъ Петра Великаго, который, самъ служа, какъ солдатъ и рабочій, возбуждалъ самодѣятельность общества, желая, чтобы всѣ „тянули въ гору" заодно съ нимъ. Имя самоотверженнаго устроителя „правительствующаго" сената и ратушъ съ правомъ смерти и наказанія воеводъ (§ 215) употреблялось, какъ щитъ, даже „староруссами": каждый новый правитель обѣщалъ „идти по стопамъ Петра Великаго". Отступленія отъ основъ преобразователя были лишь частныя и недолгія: о рѣшительномъ поворотѣ къ старой Руси никто не думалъ.

Главная бѣда заключалась въ естественной медленности *нравственнаго* развитія. Церковь, потерпѣвшая сильное измѣненіе во внѣшности, оставалась прежнею внутри (§ 252); и православіе распространялось слабо, а секты росли. Нравы смягчались только наверху, у двора и знати, и именно съ Елизаветы, т.-е. прямо подъ французскимъ вліяніемъ. Да и то больше по внѣшности: развитіе крѣпостничества мѣшало болѣе глубокому успѣху. Именно деревенскіе помѣщики сохраняли на себѣ жалкую печать степняковъ древней Руси (§ 170). Нищенское низшее чиновничество и такое же духовенство погрязали въ старыхъ порокахъ, во главѣ которыхъ стояло то первобытное разъединеніе, затмевающее даже пониманіе собственныхъ сословныхъ интересовъ, то отсутствіе обще-

ственнаго духа, противъ котораго такъ сознательно, трогательно и безнадежно боролся безкорыстный „державецъ полуміра“. Печальна была судьба его излюбленныхъ основъ — выборнаго начала и частнаго почина. Выборныя власти оказывались хуже казенныхъ: сами выборщики просили правительство о лишеніи ихъ этого политическаго права. Частная предпріимчивость была такъ скудна, что правительство само сдавало купцамъ свои заводы и фабрики, даже съ денежною помощью, но обыкновенно брало ихъ назадъ въ казну: дѣло совсѣмъ не шло. На каждомъ шагу всякій взывалъ къ правительству и требовалъ себѣ особыхъ правъ и вспоможеній отъ казны, въ особенности же усиленія крѣпостничества (§ 235).

При такихъ нравахъ, не могло послѣдовать глубокихъ измѣненій въ *общественномъ* строеніи. Могущественное потрясеніе, внесенное Петромъ и сюда, коснулось только верхняго слоя, и то больше по внѣшности. Знать изъ родовой стала служебною и придворною. Сначала „дворянство“ было просто чиновничествомъ, закрѣпощеннымъ на службѣ у государства; подконецъ оно пріобрѣло „вольность“ и даже государственныя права. При всемъ томъ, дворяне не образовали крѣпкаго сословія, въ силу своей лѣни, невѣжества и раздоровъ. Они только больше прежняго обособились отъ народа, отчасти даже по языку: крѣпостничество дѣлало „его благородіе“ врагомъ крестьянъ, слугой правительства. Сохранивъ душу боярства, дворянство сохранило и его низкое политическое положеніе. Среднее сословіе также пользовалось, хотя въ меньшей степени, попеченіями правительства, которое дало ему болѣе правильное устройство. Но его матеріальная сила, купцы и мѣщане, были еще менѣе развиты, чѣмъ дворяне, отличаясь даже безграмотностью. Его надежды могли заключаться развѣ въ разночинцахъ, въ мелкомъ чиновничествѣ: они были болѣе образованы, но зато погрязали въ нищетѣ, которая дѣлала ихъ врагами народа, низводя до героевъ „Ябеды“ (§ 258). Въ концѣ періода только разсуждали о созданіи „третьяго чина“. У духовенства не предвидѣлось даже будущаго: оно утратило свои послѣднія права и не могло вліять на народъ нравственно, вслѣдствіе своего невѣжества и нищенства.

Но всѣ эти сословія показывали свою власть на закрѣпощенной массѣ, которая содержала ихъ, равно какъ и весь государственный нарядъ. Положеніе крестьянства было такъ тяжело, что мѣстные бунты становились обычнымъ явленіемъ

и разрослись до пугачевщины. Отсюда подконецъ мысль объ *освобожденіи крестьянъ* (§§ 250, 255), которая перешла въ нашъ вѣкъ главнымъ завѣтомъ пятаго періода. Только послѣ ея исполненія, правительство могло бы поднять ту нить политическаго преданія, которая вьется по 18-му в. съ Петра Великаго и обрывается, на порогѣ 19-го в., на манифестѣ о „вольности дворянства“ (§ 249).

VII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

§ 263. **Романцы и германцы.** — Французская революція 1789 года (§ 196) привела къ возстановленію абсолютизма, въ формѣ *первой имперіи* или военной диктатуры Наполеона I (1804—1815). Но она продолжалась во внѣшней дѣятельности Бонапарта, который велъ безпрерывныя войны со всею Европой, разрушая троны и старое политическое равновѣсіе. Въ особенности пошатнулось тогда господство Габсбурговъ, что̀ подготовляло возвышеніе Пруссіи, тѣмъ болѣе, что Нѣмецкая имперія была уничтожена (1808), и Германія стала союзнымъ государствомъ. Вѣнскій конгрессъ (1815) установилъ новое политическое положеніе Европы; но въ немъ лежали сѣмена безпорядковъ. Будучи выразителемъ *реакціи*, наставшей въ умахъ послѣ бурь революціи, онъ заботился только о возстановленіи *легитимизма* (абсолютизма) и внѣшняго порядка, забывая объ интересахъ народовъ и мысли. Его дѣло продолжалъ *Священный Союзъ*, состоявшій изъ монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Этотъ союзъ, одушевленный мистицизмомъ, руководимый непреклоннымъ *Меттернихомъ*, поставилъ себѣ цѣлью — быть оплотомъ *консерватизма* (§ 194), всюду поддерживать существующій порядокъ полицейскими строгостями и подавлять оружіемъ всякое проявленіе новыхъ мыслей и народныхъ желаній. Противъ этого направленія возсталъ *либерализмъ*, требовавшій свободы политической (конституціи) и умственной для дальнѣйшаго развитія.

Насталъ рядъ волненій повсюду, такъ какъ жизнь уже выработала новыя силы: *буржуазія* стремилась къ упраздненію дворянства и къ самоправленію; *національности* стремились разбить оковы, наложенныя на нихъ вѣнскимъ конгрессомъ, который опредѣлялъ границы государствъ механически, а не этно-

графически. Отсюда возстаніе грековъ противъ Порты, бельгійцевъ противъ Голландіи и поляковъ противъ Россіи, а также рядъ тайныхъ политическихъ обществъ и возмущеній на материкѣ. Во Франціи же, гдѣ деспотизмъ *реставраціи* (возстановленія Бурбоновъ) достигалъ крайней степени среди просвѣщеннаго народа, вспыхнула *іюльская революція* (1830), которая низвергла старый, аристократическій строй и установила буржуазную монархію Луи-Филиппа Орлеанскаго. Но буржуазія вскорѣ сама стала гнетомъ относительно низшихъ классовъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ богатства: отсюда развилось ученіе *соціалистовъ* (Сен-Симонъ, Фурье), которые требовали болѣе равномѣрнаго распредѣленія имуществъ между всѣми сословіями и не сочувствовали либераламъ, стоявшимъ за благополучіе личности и принадлежавшимъ къ буржуазіи. Такъ какъ, вслѣдствіе широкаго развитія фабрикъ и машинъ, особенно тяжело было положеніе рабочихъ (городскаго пролетаріата) или *четвертаго чина*, то произошла соціальная *февральская революція* (1848): орлеанская династія была изгнана; ее замѣнила новая республика, которая вскорѣ (1852) должна была уступить мѣсто *второй имперіи*, въ лицѣ Наполеона III. Чтобы утвердиться на престолѣ, Наполеонъ III, съ помощью Англіи, Италіи и Турціи, устроилъ крымскую кампанію, которая дорого стоила Россіи, но привела ее къ новымъ преобразованіямъ. Онъ же помогъ итальянцамъ свергнуть австрійское иго и создать единое *Итальянское королевство* (1859). Февральская революція отразилась почти на всемъ материкѣ возстаніями, которыя разрушили дѣло Священнаго Союза.

Такъ, въ первой половинѣ 19 в. главная роль въ политикѣ принадлежала романцамъ, въ лицѣ Франціи. Изъ германскихъ державъ выдвигалась только Англія, которая упорно боролась съ Наполеономъ I и либеральными мѣрами сдерживала, у себя дома, волненія рабочихъ. Во второй половинѣ выступаютъ впередъ германцы, въ лицѣ *пруссаковъ*, которые сначала побили Данію, потомъ разгромили Австрію (1866) и Францію (1870). Впрочемъ эти побѣды дорого стоили Германіи: въ ней развился милитаризмъ, повлекшій за собой обѣдненіе массъ и образованіе сильной партіи соціалъ-демократовъ. А Австрія окрѣпла, благодаря уступкамъ національностямъ, особенно мадьярамъ. Франція же пріобрѣла новую республику, успокоилась, разбогатѣла и снискала дружбу русскихъ, которая сдерживаетъ воинственность нѣмцевъ.

Еще болѣе блеска и движенія представляетъ 19-й в. на Западѣ въ культурномъ отношеніи, причемъ новыя идеи возникали преимущественно въ Англіи, всегда уважавшей свободу мысли, и развивались во Франціи и Германіи. Европа пережила много умственныхъ направленій, руководимыхъ крупными талантами. Сначала господствовалъ *романтизмъ*, какъ реакція лжеклассицизму въ словесности и матеріализму въ философіи; онъ стремился къ естественности и *народности*, но находилъ ихъ въ „растрепанности чувствъ и въ средневѣковой дали". При этомъ развивался крайній идеализмъ, который выразился особенно въ лицѣ нѣмецкихъ метафизиковъ (Фихте, Гегель, Шеллингъ). Постепенно романтизмъ сталъ вырождаться: онъ впалъ въ слащавость, въ квасной патріотизмъ и въ мистицизмъ, сталъ орудіемъ реакціи и отупенія. Между тѣмъ созрѣвалъ *реализмъ*, характеризующій вторую половину 19 в. во всѣхъ отношеніяхъ. Въ поэзіи это—господство общественныхъ и политическихъ мотивовъ, въ наукѣ — господство точныхъ наукъ, особенно естествознанія.

Естествознаніе дало, въ лицѣ *Дарвина* (съ 1859), цѣлую реальную философію, замѣнившую метафизику. Основы этой философіи развиваются теперь во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни, подъ именемъ „теоріи развитія" (эволюціонизмъ). Реализмъ связанъ съ *демократизмомъ*, т.-е. съ стремленіемъ всѣхъ благъ цивилизаціи проникнуть во всѣ классы и во всѣ страны: этому способствуетъ тѣсное сближеніе между людьми путемъ торговли, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ. Рядомъ съ литературнымъ и научнымъ движеніемъ шло сильное развитіе *искусствъ*, особенно живописи и музыки. Здѣсь господствуетъ общее направленіе, реализмъ, въ видѣ жанра въ живописи и „музыки будущаго" (вагнеризмъ), которая отличается демократическими и соціальными мотивами. Успѣхи культуры такъ связали народы между собой, что *миролюбіе* дѣлается душой обществъ: становится всеобщимъ убѣжденіемъ мысль о замѣнѣ войны третейскимъ судомъ и революцій — парламентскими постановленіями.

§ 264. **Славяне. Турки и румыны.** — Въ исторіи славянъ 19-й в. должно назвать эпохой Возрожденія: у всѣхъ у нихъ обнаружилось значительное культурное развитіе; нѣкоторые пріобрѣли политическую независимость. Поляки и чехи не могли возвратить свою самостоятельность, несмотря на рядъ попытокъ; но они не умерли духовно. *Поляки* сохраняютъ свою народность даже

въ Пруссіи, гдѣ употребляются искусныя мѣры для ихъ онѣмеченія. Ихъ литература двинулась впередъ еще съ половины 18 в., подъ вліяніемъ Просвѣщенія; тогда она проповѣдывала французскія идеи и бичевала сатирой пороки общества — духъ раздоровъ, угнетеніе крестьянъ, своеволіе шляхты и нетерпимость іезуитовъ; она требовала реформъ политическихъ (монархизма) и соціальныхъ. Много пользы принесла Эдукаціонная Коммиссія (1783), которая преобразовала академіи (университеты) въ Краковѣ и Вильнѣ и основала рядъ гимназій и низшихъ школъ; ея уставъ послужилъ образцомъ учебной системѣ Александра I. Въ 1815—1830 гг. былъ основанъ варшавскій университетъ и процвѣталъ виленскій, при попечительствѣ Адама Чарторижскаго. Здѣсь развивалось чувство польской народности; въ наукѣ господствовалъ протестъ противъ метафизики, въ поэзіи— романтизмъ; студенты составляли общества раціоналистовъ и патріотовъ. Во главѣ умственнаго движенія находились виленскій историкъ, демократъ и патріотъ *Лелевель*, и поэтъ *Мицкевичъ* († 1855), сидѣвшій годъ въ тюрьмѣ, когда арестовывали виленскихъ студентовъ (1824). Другъ Пушкина, Мицкевичъ, былъ послѣднею умственной связью между поляками и Россіей. Послѣ возстанія 1831 г., польская литература развивалась въ Галиціи и Познани, въ особенности же въ Парижѣ, среди эмигрантовъ; она подготовляла возстаніе 1863 г. Въ русской Польшѣ писатели соединялись вокругъ журнала „Библіотека Варшавска". Въ послѣднее время развивается, рядомъ съ повѣстью, драма и исторія, послѣдняя особенно при университетѣ и институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ. Польская словесность отличается чувствомъ, и именно болѣзненно-патріотическимъ, доведшимъ Мицкевича до мистицизма; въ ней мало общечеловѣческаго и нѣтъ общеславянской идеи. Въ послѣднее время замѣчается объективизмъ, а также болѣе разнообразія въ публицистикѣ.

У *чеховъ* умственное возрожденіе началось, при Іосифѣ II, съ Добровскаго, этого отца славяновѣденія: подъ его вліяніемъ чехи, мораване и словаки начали издавать старинные памятники, переводы, народныя книжки; они создавали новый чешскій языкъ. Чешскій патріотизмъ утвердился съ основанія Чешскаго Музея (1818), при которомъ устроилось ученое общество съ своимъ журналомъ и съ издательской компаніей. Чешская публика росла (читали даже въ селахъ) — и изъ народа явились даровитые вожди интеллигенціи. Во главѣ ихъ стоялъ

вождь ученыхъ славистовъ, Шафарикъ, съ своими капитальными трудами по древностямъ и этнографіи всего славянства. Это — основатель „панславизма" или идеи единства всѣхъ славянъ, выработанной чехами, которые мечтали даже о всеславянскомъ языкѣ и возлагали большія надежды на Россію. Тѣмъ же духомъ былъ проникнутъ историкъ Палацкій, а также первые чешскіе поэты. Чешскій патріотизмъ и панславизмъ, съ прибавкой нѣмцеѣдства, составляютъ основу и дальнѣйшей литературы чеховъ, которая принесла много пользы также массой переводовъ, особенно съ славянскихъ нарѣчій. Наиболѣе оживилась она въ 1848 г., когда Богеміи дана была конституція: тогда возникло много политическихъ клубовъ, газетъ, пѣсенъ. Но съ 1849 г. началась реакція: полиція и цензура преслѣдовали все національное и не дозволяли ввоза многихъ иностранныхъ, даже русскихъ книгъ. Чешская письменность продолжалась, но уже безъ прежняго одушевленія. Новая конституція (1860) нѣсколько оживила чеховъ, хотя нѣмцы не отказались отъ мысли германизовать ихъ. Чехи стали много писать въ повѣствовательномъ и даже драматическомъ родѣ и построили національный театръ. Но особенно выдвинулись науки (при пражскомъ университетѣ) и публицистика. Чехи упорно отстаиваютъ свою народность и въ литературѣ, и въ вѣнскомъ парламентѣ; но панславизма и влеченія къ Россіи у нихъ уже почти нѣтъ. Сверхъ того, развилась горячая борьба между „старо-и младочехами", умѣренными и крайними. Впрочемъ она не мѣшаетъ имъ добиваться такого же независимаго положенія, какого достигли мадьяры.

Подъ вліяніемъ идеи народности, а также венгерскаго гнета, и *словаки*, эта отрасль чеховъ, начали-было создавать свою особую письменность, но неудачно. Важнѣе умственное движеніе среди *русиновъ* или малороссовъ восточной Галиціи. Оно поддерживается гнетомъ поляковъ и украинскою литературой Россіи. Зародившись въ 30-хъ г., оно стало развиваться съ конституціи 1848 г. Русинамъ пришлось начинать съ установленія азбуки и правописанія, причемъ обнаружился расколъ. Въ послѣднее время у нихъ появилось нѣсколько журналовъ и ученыхъ. Руководимые духовенствомъ, русины заботятся о сохраненіи своей старины; они не лишены вліяній панславизма. Необыкновенный примѣръ народной живучести представляютъ *лужичане* (всего 150.000), живущіе въ Лузаціи, особенно въ городѣ Будишинѣ (нѣм. Бауценъ). Ихъ языкъ сохранился, бла-

годаря усиліямъ духовенства, особенно проповѣдямъ. Въ 1848 г. лужичане были противъ революціи и получили за это признаніе своего языка въ школѣ и судѣ. Но ихъ литература ограничивается учебниками для сельскаго люда; ктому же и у нихъ существуетъ расколъ между верхними (саксонскими) и нижними (прусскими) лужичанами.

У южныхъ славянъ умственное возрожденіе наиболѣе связано съ политическими событіями. До 1848 г. *хорваты* (въ Кроаціи; центръ — Загребъ, нѣм. Аграмъ) и *словинцы* (хорутане—въ Каринтіи, Крайнѣ и Истріи; центръ—Любляны, нѣм. Лайбахъ) спокойно жили подъ владычествомъ Венгріи (§ 35), управляясь собственными „банами" (намѣстниками). Подчинившись католицизму, они писали полатыни. Не то было на славянскомъ побережьѣ Адріатическаго м., которое все, кромѣ Дубровника (§ 35), подчинилось Венеціи въ концѣ 17-го в. Здѣсь итальянское вліяніе стало смѣняться нѣмецкимъ съ вѣнскаго конгресса, который присоединилъ Далмацію и Дубровникъ къ Австріи. До 1815 г. умственное развитіе южныхъ славянъ проявлялось въ богатой далматинской письменности, гдѣ въ 15—17 вв. повторялись, подъ вліяніемъ Италіи, всѣ черты Возрожденія. Но съ конца 18 в. далматинская литература, употреблявшая латинскую азбуку, падаетъ. Она служила только аристократіи; народъ же пробавлялся застарѣлой глаголицей (особая славянская азбука, изобрѣтенная въ Далмаціи), которою печатали только богослужебныя книги, да и та теперь почти вытѣснена католическою латынью. Въ 19 в. снова поднялось-было далматинское нарѣчіе: въ 1830-хъ гг. оно было названо „иллирскимъ" и начало объединять литературно, изъ Загреба, всѣхъ славянъ-католиковъ южной Австріи. „Иллиризму" помогало правительство, опасавшееся силы венгерцевъ. Но когда оно, съ помощью славянъ, подавило мадьяръ (1849), началось ихъ онѣмеченіе. Славяне помогали ему своими раздорами: православные сербы ссорились съ католическими хорватами; далматинцы и даже словинцы, обладающіе только календарями да народными книжками, не хотѣли признавать первенства загребской литературы.

Между тѣмъ началось возрожденіе придунайскихъ *сербовъ*, которые возстали, съ Кара Георгіемъ во главѣ, и, съ помощью Россіи, освободились отъ турокъ (1806). Но во время войны Россіи съ Портой (1809) турки снова овладѣли ими, а Георгій бѣжалъ въ Австрію. Лишь въ 1830 г., послѣ новой войны съ

Россіей, султанъ призналъ богатаго купца, Обреновича, княземъ Сербіи, оставивъ за собой только крѣпости и дань. Попытки Порты возвратить власть разрушены окончательно, съ помощью Россіи, въ войнѣ 1876 г. Послѣ борьбы Карагеоргіевичей съ Обреновичами, послѣдніе утвердились на престолѣ. Сербія пользуется конституціей: власть князя ограничена скупштиной (парламентомъ). Въ ней заведены училища и „великая школа" (университетъ). Въ то же время развивалось умственное движеніе. Оно началось, съ конца 18 в., у трансильванскихъ сербовъ (центръ—Новый Садъ, нѣм. Нейзацъ) и держалось у нихъ до освобожденія Сербіи отъ турокъ. Сначала было русское вліяніе, даже писали на церковно-славянскомъ языкѣ, мало понятномъ народу. Но вскорѣ сербы начали писать народнымъ языкомъ въ Австріи, а съ 1830-хъ гг. сербская литература зародилась въ самой Сербіи, а затѣмъ и въ *Черногоріи*, гдѣ владыка Петръ II (ок. 1850) завелъ школы и типографію и былъ первымъ поэтомъ. Съ этимъ владыкой окончилась ѳеократія (§ 75): явился титулъ „князей". Тогда же связи съ Россіей стали тѣснѣе, и черногорцы начали усиленно бороться съ турками (во время Крымской кампаніи), даже помогая герцеговинцамъ и боснякамъ. При Николаѣ I, обучавшимся въ Парижѣ, явилось европейское вооруженіе и улучшено правленіе, особенно послѣ пораженія, нанесеннаго черногорцамъ Омеромъ-пашей (1863).

Возрожденіе *болгаръ* относится также къ 30-мъ гг. До тѣхъ поръ они безпрерывно испытывали гнетъ Порты и особенно фанаріотовъ (§ 17), которыхъ турки наиболѣе поддерживали, начиная съ усиленія Россіи въ половинѣ 19 в. Фанаріоты не только грабили болгаръ, но и вводили греческій языкъ въ ихъ церкви и школы и истребляли ихъ рукописи. Болгары стали думать о себѣ съ появленія книги Венелина, совпадавшаго съ русскими побѣдами (1829). Они начали возставать и заводить народныя школы, гдѣ преподавала молодежь, получавшая образованіе въ Россіи, Сербіи и Германіи. Въ то же время за границей переводились книги (особенно русскія), издавались учебники и даже журналы; завелись и собственные поэты; печатались древнія пѣсни, близкія къ сербскимъ. Все это преимущественно съ помощью Россіи, которая, наконецъ, освободила западную Болгарію въ 1878 г. Эта страна имѣетъ теперь свою конституцію, университетъ, гимназіи, газеты и богатѣетъ.

Россія же продолжала помогать *румынамъ*, которыхъ Европа взяла подъ свое покровительство послѣ Крымской войны. Въ

1859 г. Молдавія и Валахія объединились подъ именемъ королевства Румыніи. По полученіи конституціи, страна стала поправляться, какъ матеріально, такъ и умственно. Вслѣдствіе освобожденія румынъ и южныхъ славянъ, а также Египта, *Турція* утратила свое значеніе въ Европѣ. Она поддерживалась, въ теченіе 19-го в., только покровительствомъ Запада, опасавшагося успѣховъ Россіи, и дипломаты называли ее „больнымъ человѣкомъ". Внутри Порта представляетъ застой, несмотря на прививку западной цивилизаціи. Даже конституція, введенная англичанами въ 1877 г., не поправила дѣла: она осталась на бумагѣ, и Порта потерпѣла жестокое пораженіе отъ русскихъ въ 1878 г.

§ 265. **Александръ I. Тріумвиратъ.**—Новый вѣкъ начинался въ Россіи радостно. Въ 1801 г., послѣ тяжкаго правленія, воцарился юный (род. 1777 г.), кроткій *Александръ I*, этотъ „первый джентльменъ въ Европѣ", который всегда привлекалъ сердца своею изящною и утонченно благовоспитанною личностью [1]). Онъ былъ единственною глубокою страстью Екатерины II. Изветшавшая бабка ничего не жалѣла для мальчика, восхищалась его дарованіями и красотой. Она играла съ нимъ по цѣлымъ часамъ, писала для него книжки, съ 4 л. сама учила его, потомъ дала ему лучшихъ наставниковъ — образованнаго, долго жившаго въ Англіи протоіерея Самборскаго, академика Палласа, писателя Муравьева. Воспитателемъ Александра былъ „якобинецъ" (§ 234) Лагарпъ, представитель Просвѣщенія, поклонникъ Руссо.

Александръ I.

[1]) Большинство портретовъ Александра I представляетъ снимки съ портрета въ ростъ, съ рыжими волосами, который былъ написанъ Жераромъ съ натуры, въ Парижѣ, въ 1815 г., и хранится въ Павловскѣ. Нашъ рисунокъ — снимокъ съ другого, не менѣе извѣстнаго, портрета Жерара, гравюра котораго приложена къ „Эрмитажной Галлереѣ" Лабенскаго.

Въ юношѣ развился идеализмъ, съ примѣсью мечтательности и сантиментализма. Онъ хотѣлъ „быть для своего народа примѣромъ простоты и умѣренности“. Онъ мечталъ о славѣ благодѣтеля и освободителя не только русскихъ, но и всего человѣчества.

Онъ хотѣлъ быть философомъ на престолѣ, подобно Екатеринѣ: онъ тотчасъ объявилъ, что станетъ „управлять по законамъ и по сердцу своей бабки“, и началъ писать инструкціи посламъ, походившія на философскіе трактаты.|

Но обученіе Александра кончилось рано: ему не было и 16 л., какъ Екатерина стала выдвигать женскія вліянія и женила его на баденской принцессѣ, кроткой, не выходившей изъ круга семейныхъ заботъ, *Елизаветѣ Алексѣевнѣ*...

Внезапная смерть отца и проявленное матерью стремленіе одной блистать и вліять, затмевая скромную невѣстку, стѣснительныя отношенія къ „тріумвирату“ послѣднихъ дней отца (Паленъ, Платонъ Зубовъ, Беннигсенъ), наконецъ недовольство „староруссовъ“ иноземнымъ воспитаніемъ, — все усиливало боязливость молодого императора и развивало нерѣшительность.

Черезчуръ мягкій, впечатлительный, нервный, одаренный крайне живымъ воображеніемъ, застигнутый сначала внутреннею неурядицей. доставшеюся ему отъ бабки и отца, потомъ міровыми событіями великой эпохи, Александръ не видѣлъ дѣйствительности, все преувеличивалъ: онъ сталъ мученикомъ недовѣрія даже къ себѣ самому и впадалъ въ тяжкія колебанія и рѣзкія противорѣчія, покрывая ихъ упрямствомъ безволія. Порывы блистать и направлять судьбы міра смѣнялись у него минутами полнаго паденія энергіи и подчиненія... одновременно столь разнороднымъ людямъ, какъ Чарторижскій и Аракчеевъ. Самодержецъ, всегда мечтавшій объ ограниченіи власти и не считавшій себя полководцемъ, онъ любилъ вахтъ-парады и экзерциціи, какъ голштинскіе принцы, являлся на поляхъ битвъ, стѣсняя полководцевъ, и говорилъ „ты“ всѣмъ, кромѣ генераловъ. Императоръ, который не умѣлъ приказывать, а только заявлялъ желанія, и не зналъ, какъ отдѣлываться отъ приближенныхъ, оставляя иногда двухъ враговъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, нерѣдко принималъ рѣшенія наперекоръ всеобщему голосу. Клевета и лесть вліяли на

его чуткую подозрительность. Иногда онъ уединенно бесѣдовалъ съ иностранными агентами, жалуясь на свое положеніе. И въ арміи у него существовали тайные корреспонденты изъ неважныхъ генераловъ: таковъ былъ Ермоловъ при Барклаѣ и Кутузовѣ.

Когда г-жа Сталь сказала Александру, что „его характеръ и совѣсть служатъ конституціей имперіи", онъ возразилъ: „все-таки я былъ бы не болѣе, какъ счастливымъ случаемъ". Его одушевляло горячее желаніе поскорѣе осуществить свой идеалъ политической свободы, поднять прерванную нить коренныхъ преобразованій. Ихъ нужно было начать съ измѣненія ближайшей обстановки. Былъ удаленъ опасный тріумвиратъ: Паленъ, котораго ненавидѣла Марія Θедоровна, удалился въ свою Курляндію, а Зубовъ—за границу; Беннигсенъ затерялся въ рядахъ обыкновенныхъ генераловъ. Ихъ мѣсто занялъ новый тріумвиратъ изъ молодыхъ личныхъ друзей императора. Во главѣ ихъ стоялъ самый способный, свѣдущій и многостороній *Новосильцевъ*, который 4 г. пробылъ въ Лондонѣ и сдѣлался настоящимъ англичаниномъ. Староруссы называли его „всеобщимъ человѣкомъ" и „геніемъ подъ всякимъ соусомъ". Его родственникъ, графъ *Строгоновъ*, былъ французъ по воспитанію и отличался особеннымъ благородствомъ. Князь Адамъ *Чарторижскій*, на 7 л. старше императора, былъ зрѣлѣе всѣхъ и преслѣдовалъ опредѣленную цѣль: то былъ искренній польскій патріотъ, который жилъ при дворѣ послѣ раздѣловъ его отечества и всегда мечталъ о возстановленіи Рѣчи Посполитой, съ самостоятельнымъ престоломъ, на который давно разсчитывали Чарторижскіе. Къ тріумвирату примыкалъ, на заднемъ планѣ, еще другъ юности императора, племянникъ Безбородка, малороссъ графъ *Кочубей*, который также долго жилъ въ Лондонѣ, а воспитывался въ Женевѣ. Еще дальше стоялъ другой личный другъ Александра, князь *Голицынъ*, который нажилъ себѣ много враговъ своими колкостями, хотя это былъ человѣкъ мягкій, даже наклонный къ туманному мистицизму: его назначили оберъ-прокуроромъ синода.

Голицынъ не подходилъ къ направленію тріумвирата. Но тогда мало обращали вниманія на явленіе еще болѣе странное. Императоръ приблизилъ къ себѣ совсѣмъ далекаго отъ его кружка, даже по характеру, *Аракчеева*: самая роль этого службиста въ послѣдніе дни отца (§ 243) заставляла подозрительнаго Александра видѣть въ немъ надежную охрану своей личности. Тогда не замѣчали и того, что въ самомъ трі-

умвиратѣ были сѣмена раздора. Новосильцевъ пропитался, въ кругу лондонской знати, консервативнымъ торизмомъ; Строгоновъ сочувствовалъ не столько англичанамъ, сколько французамъ, и особенно такимъ, какъ Мирабо; Кочубей велъ свою особую линію. Молодость, теоретическое воспитаніе, недостатокъ опытности также не подавали надеждъ на прочность кружка, при шаткомъ и недовѣрчивомъ нравѣ его главы. Но всѣмъ казалось, что настала пора чуть не петровскихъ преобразованій. Староруссы называли даже тріумвиратъ „комитетомъ общественнаго спасенія", припоминая господство якобинцевъ въ Парижѣ. Кружокъ, рѣшавшій всѣ дѣла въ вечернихъ бесѣдахъ во дворцѣ и даже совѣщавшійся съ Лагарпомъ, былъ одушевленъ широкою преобразовательною идеей, которая принимала тогда новую форму: въ политикѣ, къ французскимъ вѣяніямъ присоединялось вліяніе Англіи, которое началось въ литературѣ при Екатеринѣ II (§ 258). Тріумвиратъ называли *англоманами* или *либералами* (§ 263).

§ 266. **Первыя преобразованія и войны.**—Немедленно начались коренныя преобразованія. По совѣту опытнаго, но мало образованнаго чиновника, Трощинскаго, былъ заведенъ *государственный совѣтъ* (1801), не въ прежнемъ смыслѣ (§ 246), а какъ правильное, постоянное учрежденіе, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, для обсужденія главныхъ дѣлъ и законопроектовъ. Казалось, воскресла мысль Петра I о коллегіальности. Тогда же подняли значеніе сената, давъ ему право обжалованія законовъ и указовъ, которымъ пользовались французскіе парламенты предъ революціей. Но вслѣдъ затѣмъ были уничтожены самыя коллегіи: ихъ замѣнили *министерства* (1802). По формѣ, это сближало Россію съ Западомъ, но на дѣлѣ оставались тѣ же коллегіи или приказы, только безъ излюбленной Петромъ коллегіальности. Министры не составляли единодушнаго „кабинета", съ своею программой; не было даже совѣта министровъ. Каждый работалъ отдѣльно съ царемъ и получалъ отъ него приказанія, а самъ отдавалъ ихъ своимъ начальникамъ „департаментовъ". Сверхъ того, по обычаю того времени, за исключеніемъ Кочубея, никого изъ юнаго кружка преобразователей нельзя было поставить такъ высоко: министрами сдѣлались пожилые сановники (Державинъ, Мордвиновъ, канцлеръ Александръ Воронцовъ, Николай Румянцовъ); а друзья императора играли роль ихъ помощниковъ, хотя они все дѣлали, особенно Чарторижскій, который завѣдывалъ иностранною политикой.

Съ помощью новыхъ людей и учрежденій, быстро возникъ рядъ преобразованій, коснувшихся почти всей внутренней жизни Россіи. Немедленно была изобличена и *уничтожена тайная канцелярія*, печально прославленная Шешковскимъ (§ 241), и сосланные или заключенные ею получили свободу; а въ уголовныхъ приговорахъ отмѣнили слово „нещадно". Ослабили цензуру, разрѣшили частныя типографіи, дозволили ввозъ иностранныхъ книгъ и выѣздъ за границу. Были возстановлены права дворянства, духовенства и городскихъ думъ, дарованныя Екатериной II. Всегда мечтая объ освобожденіи крестьянъ, Александръ дозволилъ пока отпускать на волю цѣлыя деревни и награждалъ отпускавшихъ орденами; онъ запрещалъ продавать крестьянъ безъ земли, а также дарить и продавать государственныя земли—обычай, который велъ къ превращенію свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ. А въ Остзейскомъ краѣ уже послѣдовала (1805) частичная *отмѣна крѣпостничества*: власть помѣщика была ограничена, барщины были опредѣлены. Относительно раскольниковъ предписывалось употреблять только „единое забвеніе, добрый примѣръ и терпимость"; былъ даже освобожденъ Селивановъ (§ 252). Заботились и о хозяйственномъ и умственномъ преуспѣяніи Россіи. Дозволили купцамъ и даже государственнымъ крестьянамъ пріобрѣтать ненаселенныя земли. Рыли каналы. Поднимали торговое значеніе Чернаго м. На югѣ татарскія деревушки возводили на степень городовъ и, по мысли академіи, называли ихъ греческими именами—*Одессой*, *Севастополемъ*, *Евпаторіей*. Одессѣ и Таганрогу даровали льготы, подчинивъ ихъ прямо сенату. Правителемъ Одессы назначили добраго и просвѣщеннаго эмигранта, герцога Ришелье, при которомъ городъ быстро росъ, благодаря иностраннымъ колонистамъ. Въ остальную Новороссію привлекли льготами до 20.000 нѣмецкихъ и румынскихъ переселенцевъ.

Наконецъ, осуществили широкій *образовательный* планъ Екатерины. Имперію раздѣлили на нѣсколько учебныхъ округовъ; по всѣмъ губерніямъ завели гимназіи, уѣздныя и приходскія училища; а для приготовленія учителей основали два педагогическихъ института въ столицахъ. Гимназіи были общеобразовательными заведеніями, по образцу нѣмецкихъ (классическія). Началомъ реальнаго образованія, по примѣру Наполеона, могутъ считаться *Царскосельскій лицей* (1810), съ новыми языками, и спеціальныя школы—лѣсная, горная, путей сообщенія, медико-хирургическая академія. Уставъ 1803 г. организовалъ

высшее образованіе, по образцу Германіи, гдѣ университетская жизнь получила наибольшее развитіе: были основаны *университеты* въ Харьковѣ, Казани, Вильнѣ и Дерптѣ, чему много помогли дворянство и купечество пожертвованіями. Было приведено въ систему и образованіе духовенства. „Коммиссія духовныхъ училищъ“ выработала планъ, схожій съ планомъ свѣтскихъ школъ: *духовныя академіи* соотвѣтствовали университетамъ, семинаріи—гимназіямъ, духовныя училища—уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ. Александръ исполнилъ и мысль Екатерины о *кругосвѣтномъ плаваніи*: Крузенштернъ моремъ прибылъ въ Камчатку, а до тѣхъ поръ русскія суда рѣдко появлялись даже въ Средиземномъ м.

Болѣе глубокимъ преобразованіямъ препятствовали войны, которыя почти не прекращались въ первую половину царствованія, вслѣдствіе потрясенія Европы Бонапартомъ. Это потрясеніе вскорѣ коснулось и Россіи, частью отъ обстоятельствъ, частью по взаимнымъ недоразумѣніямъ. Искренно любя миръ и желая предаться дѣлу обновленія Россіи, Александръ задумалъ дружить со всѣми. Онъ немедленно замирился съ Франціей и въ то же время заключилъ договоръ съ ея заклятымъ врагомъ, съ Англіей, отказавшись отъ мальтійскаго ордена и отъ вооруженнаго нейтралитета. Но Наполеонъ началъ настойчиво хлопотать о союзѣ съ Россіей, руководясь своею любимою мыслью, что „обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ а, соединяся, важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ“. Наполеонъ старался возстановить Александра противъ Англіи и не скрывалъ своего раздраженія отъ его колебаній, а самъ распространялъ владѣнія Франціи насчетъ Германіи, пользуясь соперничествомъ между Австріей и Пруссіей. Александръ же, при всемъ своемъ либерализмѣ, никакъ не хотѣлъ отступить отъ странныхъ требованій Павла относительно Неаполя и Сардиніи (§ 243), которыя естественно оскорбляли Наполеона. Навѣты англичанъ, ропотъ староруссовъ довели подозрительнаго царя до того, что онъ явно выражалъ свое недовѣріе къ искренности французовъ и счелъ необходимостью поддержать нѣмцевъ для будущаго спасенія Россіи. Но при такихъ союзникахъ, какъ Пруссія и Австрія, въ виду огромныхъ силъ, соединенныхъ геніемъ Наполеона, исходъ борьбы былъ очевиденъ: наши войска, изумившія непріятеля своею стойкостью, но также плохимъ устройствомъ и невѣжествомъ офицеровъ, терпѣли пораженія въ обѣ первыя войны. Первая изъ нихъ, въ

союзѣ съ Австріей, окончилась жестокимъ пораженіемъ Кутузова при *Аустерлицѣ* (1805); вторая, въ союзѣ съ Пруссіей, привела къ горячей нерѣшительной битвѣ у *Эйлау* и къ пораженію Беннигсена подъ *Фридландомъ*. Такъ какъ тогда же мы вели войну съ Портой, поднятой Наполеономъ, то Александръ долженъ былъ заключить миръ въ *Тильзитѣ* (1807), который навремя измѣнилъ нашу политику.

Потерявшій вѣру въ союзниковъ и обвороженный Наполеономъ, Александръ сталъ другомъ геніальнаго завоевателя, который предложилъ ему подѣлить міръ: Франціи—Европа, Россіи—Турція, Финляндія и Востокъ. Россія обязалась еще помогать Наполеону въ его войнахъ, въ особенности же выступить противъ Англіи, приставъ къ *континентальной системѣ*, введенной тогда Наполеономъ, т.-е. прекративъ торговыя сношенія съ Великобританіей. Сверхъ того, она признала *герцогство Варшавское*, устроенное Наполеономъ изъ польскихъ владѣній Пруссіи и отданное орудію Франціи, королю саксонскому. Тильзитскій миръ привелъ къ войнамъ съ Англіей и Швеціей, болѣзненный король которой ненавидѣлъ Наполеона, какъ личнаго врага. Нашъ балтійскій флотъ принужденъ былъ скрыться, а средиземная эскадра сдалась англичанамъ; зато наша армія поразила шведовъ и взяла „сѣверный Гибралтаръ“—Свеаборгъ; и, по миру въ *Фридрихсгамѣ* (1809), Россія получила всю Финляндію до р. Торнео. Въ то же время успѣшно продолжалась турецкая война. Истощенная мятежами янычаръ, потерявшая свою армію, окруженную Кутузовымъ у Дуная, Порта принуждена была, по миру въ *Бухарестѣ* (1812), признать нашею границею Прутъ, т.-е. уступить намъ Бессарабію. Счастливо для насъ шла и война съ Персіей, которой не удалось захватить Грузію.

Такъ, дружба съ Франціей принесла много пользы Россіи. Тѣмъ не менѣе, она разстроилась вскорѣ послѣ Тильзита, несмотря на второе свиданіе императоровъ въ Эрфуртѣ. Съ новою силой возродилось взаимное недовѣріе и подозрительность, разжигаемыя врагами двухъ великихъ имперій на краяхъ Европы. Ни Россія, ни Франція не исполняли своихъ обѣщаній насчетъ вывода войскъ изъ владѣній Турціи и Пруссіи. Возбуждаемый сардинскимъ посланникомъ, фанатичнымъ папистомъ и другомъ іезуитовъ, ловкимъ царедворцемъ, графомъ *де-Местромъ*, Александръ снова выдвигалъ досадные вопросы о Неаполѣ и Сардиніи. Онъ настойчиво защищалъ своихъ родствен-

никовъ въ Германіи, въ особенности герцога Ольденбургскаго. Наполеонъ, послѣ новыхъ успѣховъ, становился раздражительнѣе и надменнѣе. Онъ помогалъ скорѣе туркамъ, чѣмъ намъ, а мы, при новомъ разгромѣ Австріи (1809), скорѣе поддерживали Габсбурга, чѣмъ его. Англичане искусно работали въ Петербургѣ, чтобы разжигать подозрительность царя. Въ 1810 г. Россія запретила ввозъ предметовъ роскоши (французскіе товары) и дозволила привозъ колоніальныхъ (англійскихъ) произведеній подъ нейтральнымъ флагомъ, что̀ почти равнялось отмѣнѣ континентальной системы; ктому же колоніальные товары провозились изъ Риги и Петербурга въ Австрію черезъ Броды. Тогда Наполеонъ и Александръ уже совсѣмъ готовились къ борьбѣ; и часть нашихъ войскъ была передвинута съ Дуная къ Вислѣ.

§ 267. **Всеобщая тягость. Сперанскій.**—Напряженная дѣятельность привела Россію къ тягостному положенію, которое вызывало *всеобщее недовольство*. На внѣшнюю политику роптали даже такіе передовые люди, какъ Карамзинъ и Мордвиновъ. Послѣ Аустерлица говорили, что мы жертвуемъ собой ради нѣмцевъ, которые измѣняютъ намъ, и въ угоду „англоманамъ“; ужъ если воевать, то слѣдовало-де идти на Константинополь. Наоборотъ, послѣ Тильзита упрекали правительство въ галломаніи: петербургская знать не принимала къ себѣ французскихъ посланниковъ, а нашъ посланникъ въ Парижѣ выказывалъ вражду къ Наполеону, отъ котораго у насъ ждали тогда нападенія на Россію, съ помощью возставшихъ поляковъ и крѣпостныхъ. Тильзитскій миръ казался подчиненіемъ Наполеону, измѣной союзникамъ и преданіямъ; герцогство Варшавское считалось форпостомъ Франціи и шагомъ къ возстановленію Польши. Французскіе эмигранты, вліятельные въ Петербургѣ, раздували это чувство, когда Александръ изгналъ Бурбоновъ изъ Митавы.

Недовольство росло подъ вліяніемъ континентальной системы: остановился вывозъ нашихъ сырыхъ продуктовъ, которые поэтому пали въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ иностранные товары дорожали за отсутствіемъ англійскихъ; правительство лишилось также важнаго таможеннаго дохода. Отсюда разореніе многихъ семействъ и новое паденіе цѣны ассигнацій, которую могло поддержать только развитіе внѣшней торговли. Ассигнаціи становились бѣдствіемъ страны. Къ нимъ прибѣгали свободно для покрытія постоянныхъ недочетовъ. При Павлѣ ихъ накопилось уже множество (§ 247). При Алексан-

дрѣ войны и преобразованія потребовали массу денегъ, которыхъ нельзя было занять за границей, при плохомъ кредитѣ и при враждѣ съ Англіей, обладательницей капиталовъ,—и въ 1810 г. ассигнацій было на 577 милліоновъ, а бумажный рубль палъ до 25 коп. серебрянаго. Тогда же былъ сдѣланъ тайный внутренній заемъ въ 100 милл.: брали частные капиталы, сложенные въ банкахъ. При такихъ условіяхъ, правительству тяжело было платить иностранные долги и дѣлать казенныя покупки. Если текущіе расходы администраціи уплачивались ассигнаціями, зато чиновничество, теряя 3/ жалованья, должно было прибѣгать къ казнокрадству и взяточничеству. Эти пороки рѣдко развивались у насъ до такой степени, тѣмъ болѣе, что чиновники не боялись ни неопытныхъ и гуманныхъ тріумвировъ, ни народа, который не могъ знать законовъ, состоявшихъ изъ 70.000 противорѣчивыхъ указовъ (съ Алексѣя). Уже вслѣдствіе паденія ассигнацій, которыми собирали налоги, требовалось сильное увеличеніе доходовъ, а податей нельзя было возвышать, при обѣднѣніи страны отъ континентальной системы. Нельзя было и сокращать расходы: армію нужно было еще увеличивать (уже взяли 600.000 лишнихъ рекрутъ, въ видѣ „милиціи“); а чиновничества нельзя было убавить, такъ какъ это была каста, которая жила только службой и ни къ чему болѣе не готовила своихъ дѣтей.

Преобразованія прививались плохо. Государственный совѣтъ былъ только на бумагѣ; министры ссорились съ сенатомъ, власть котораго Александръ старался поднять. Лишь нѣсколько придворныхъ отпустили на волю крестьянъ, въ угоду царю; продолжалась продажа крѣпостныхъ безъ земли, посредствомъ обхода закона, продажа на ярмаркахъ, кучами, въ цѣпяхъ. Ученіе шло плохо. Приходскія школы были поручены священникамъ, лишеннымъ досуга и образованія; учителя гимназій отличались невѣжествомъ и пьянствомъ; профессора въ университетахъ, призванные изъ Германіи, не знали порусски; Чарторижскій ввелъ польскій языкъ въ школы не только въ Литвѣ, но и въ Бѣлоруссіи, и энергично полонизовалъ край. Несмотря на привлеченіе молодежи разными льготами, въ университетахъ было мало студентовъ, да и тѣ предавались кутежу: знать отдавала своихъ сыновей въ пажи, откуда они выходили въ гвардію, или готовила ихъ дома, у француза-гувернера, въ камер-юнкеры; а мелкое дворянство зачисляло своихъ дѣтей въ кадеты или помѣщало писцами въ канцеляріи.

Всѣ эти недостатки приписывались правительству. Больше всѣхъ роптали старорусcы, особенно гордые екатерининцы, удаленные отъ дѣлъ и сидѣвшіе въ Москвѣ, съ Ростопчинымъ во главѣ. Они опасались отмѣны крѣпостного права и чуть не революціи отъ „комитета общественнаго спасенія". Поддерживаемые духовенствомъ, которое соблазнялось тѣмъ, что Самборскій не брилъ бороды, они негодовали на иностранцевъ, на заморскія идеи, и почти не считали Александра русскимъ, объясняя его развитіе подомостроевски въ баснѣ Крылова „Воспитаніе льва". Александръ самъ началъ сомнѣваться въ своихъ первыхъ друзьяхъ, видя мало плодовъ отъ ихъ дѣятельности,—и тріумвиратъ распался. Возмущенный Тильзитомъ англоманъ Новосильцевъ уѣхалъ за границу, Строгоновъ перешелъ въ армію, Чарторижскій проживалъ въ Варшавѣ, а Кочубей получилъ безсрочный отпускъ. Иностранныя дѣла перешли къ *Румянцову*, поклоннику Наполеона. Военнымъ министромъ сталъ *Аракчеевъ* за свою исполнительность, которой онъ достигалъ жестокостью и неутомимостью, да за устройство артиллеріи, сдѣланное даровитымъ французскимъ эмигрантомъ. Но пока онъ уступалъ мѣсто могучему сопернику: душой правленія сталъ Сперанскій.

Сперанскій—первый истинно-государственный человѣкъ въ Россіи, какъ Суворовъ былъ первымъ истиннымъ полководцемъ. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, этотъ графъ былъ сначала просто „Михаилъ Михайловъ". Онъ всѣмъ былъ обязанъ своимъ дарованіямъ, трудолюбію и нраву. Сперанскій былъ скроменъ и простъ, но твердъ и серьезенъ, какъ видно и по его сосредоточенному, правильному лицу, съ умными, спокойными глазами [1]). Дѣлецъ и изумительный труженикъ, правиломъ котораго было—„дѣлать добро, но безъ шума", онъ никого не задѣвалъ, а всѣмъ былъ нуженъ: онъ отличался находчивостью въ дѣлахъ, умѣньемъ обобщать и придавать форму идеямъ, смѣлостью и энергіей въ широкой постановкѣ вопросовъ. Сперанскій былъ сначала учителемъ семинаріи въ Петербургѣ, потомъ секретаремъ у Куракина, Трощинскаго и Кочубея, который указалъ на него Александру. Онъ оказался такимъ дѣльнымъ докладчикомъ и такъ умѣлъ понравиться государю, искусно придавая форму его неяснымъ идеямъ и стремленіямъ, что былъ сдѣланъ секретаремъ государственнаго со-

[1]) Нашъ рисунокъ взятъ съ лучшаго портрета, принадлежащаго кисти англійскаго академика Dowe и сдѣланнаго въ 1825 г.

вѣта и сталъ единственнымъ повѣреннымъ и помощникомъ царя во всемъ, истиннымъ правителемъ Россіи. При немъ развилась преобразовательная дѣятельность Александра; но англійское вліяніе смѣнилось французскимъ: Сперанскій еще у Куракина сблизился съ иностранцемъ-гувернеромъ, который былъ преданъ идеямъ Просвѣщенія; онъ былъ поклонникомъ Монтескье, Кондорсе и законодательства Наполеона (Code Napoléon); ему принадлежалъ планъ министерствъ. Теперь (1809) Сперанскому было 37 л.

Нужно было начинать съ казны; но Сперанскій представилъ планъ преобразованія всего государственнаго строя, безъ чего не поправить финансовъ. Александръ оставилъ въ тайнѣ этотъ планъ, основанный на идеѣ всеобщаго подчиненія строгимъ, но либеральнымъ законамъ: рѣшились исполнять его незамѣтно, по частямъ. Въ 1810 г. дѣйствительно открылся *государственный совѣтъ* (по образцу Наполеоновскаго), существовавшій до тѣхъ поръ только по имени (§ 266). Онъ былъ раздѣленъ на 4 департамента, съ общимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ императора; при немъ образована канцелярія съ 4 отдѣленіями, ввѣренными „статсъ-секретарямъ". Замѣстникомъ императора, въ качествѣ предсѣдателя совѣта, былъ назначенъ канцлеръ Румянцовъ, а докладчикомъ въ общемъ собраніи сталъ Сперанскій, въ качествѣ „государственнаго секретаря". Совѣтъ получилъ значеніе, которое Петръ I хотѣлъ придать сенату: онъ заготовлялъ проекты законовъ и указовъ, а также разсматривалъ ежегодные отчеты министровъ. Число *министерствъ* было увеличено: введено и министерство полиціи, по примѣру Наполеона. Былъ внесенъ порядокъ въ занятія министровъ.

Сперанскій.

Но дальнѣйшія реформы высшаго управленія остались на бумагѣ: государственный совѣтъ, состоявшій изъ 35 министровъ, придворныхъ, генераловъ и адмираловъ, опасался, что онѣ про-

изведутъ смуту. Относительно *финансовъ* Сперанскій впервые смѣло объявилъ, что они испорчены прежними ошибками и что для поправленія ихъ требуются жертвы, труды, терпѣніе и рѣшительныя мѣры; онъ же первый объяснилъ, что бумажки — государственный долгъ и что ихъ паденіе неизбѣжно, но также неизбѣжно и справедливо возвысить подати, собираемыя бумажками. Манифестъ возвѣстилъ, что ассигнаціи признаются долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ государственнымъ богатствомъ, и что новыхъ не будутъ дѣлать, а станутъ уничтожать старыя, сожигая ихъ и выдавая за нихъ серебро; съ этою цѣлью учреждается *Коммиссія погашенія долговъ*, сокращаются расходы, дѣлается внутренній заемъ, продается часть государственныхъ имуществъ безъ крестьянъ (лѣса, мельницы и т. под.) и увеличивается подать съ крѣпостныхъ на треть (на 50 коп.), только на одинъ годъ. Чтобы ослабить значеніе бумажекъ и неудобной мѣди, выпустили серебряную размѣнную монету нетолько въ рубляхъ, какъ прежде, но и въ мелочи, до пятачка. Чтобы помочь обѣднѣвшему населенію, понизили иностранный тарифъ: Сперанскій, изучавшій Адама Смита, былъ сторонникомъ свободной торговли. Въ то же время ввозъ колоніальныхъ товаровъ предоставилъ Россіи выгоды транзитнаго пути для Запада. Чтобы ослабить зло чиновъ и возвысить образованіе, стали давать чины камер-юнкерамъ и камергерамъ только тогда, когда они занимали должности; а чинъ коллежскаго ассесора (VIII кл.), дававшій потомственное дворянство, связали съ университетскимъ дипломомъ или съ особымъ экзаменомъ. Наконецъ, Сперанскій вступилъ въ *Законодательную коммиссію*, устроенную еще въ 1801 г., гдѣ безполезно трудился ничтожный, корыстолюбивый и злой Розенкампфъ, не знавшій даже русскаго языка. Онъ быстро повелъ дѣло, положивши въ его основаніе Code Napoléon.

Такія важныя реформы не могли привиться сразу, особенно при отсталости общества. Такъ, камергеры получали чины, номинально причисляясь къ должностямъ; а экзамены на чинъ коллежскаго ассесора обратились въ формальность. Государственныя имущества покупались плохо: капиталовъ было мало, и они лежали въ банкахъ, откуда правительство уже взяло ихъ. Внутренніе займы шли вяло, и деньги вносились облигаціями банковъ. Серебра выпустили мало, и при большихъ уплатахъ за границу оно быстро исчезло. Все это могло колебать довѣріе впечатлительнаго Александра къ Сперанскому. А у Сперанскаго была масса враговъ. Собственно за него могли

стоять только крѣпостные: онъ твердилъ открыто, что спасеніе Россіи въ отмѣнѣ крѣпостного права. Но они знали только, что при немъ увеличилась подать съ нихъ, которую удержали по истеченіи перваго года. Въ то же время была возвышена подать съ государственныхъ крестьянъ и съ горожанъ, а также поднята цѣна соли и гербовой бумаги; пониженіе же тарифа подрывало заводчиковъ. Экзаменъ на чинъ озлоблялъ мелкое дворянство, привыкшее получать потомственное званіе за „выслугу“ въ канцеляріяхъ. Но больше всего роптали властолюбцы, съ Аракчеевымъ во главѣ, да знать, начиная съ министровъ, которые не хотѣли подчиняться государственному совѣту. Московскіе „староруссы“ переименовались въ партію „патріотовъ“, которые негодовали на выскочку и „якобинца“, желавшаго ввести всеобщее равенство и не знавшагося съ ними (Сперанскій женился на гувернанткѣ изъ англичанокъ). Пользуясь добродушіемъ и боязливостью Александра, патріоты начали открыто говорить объ „измѣнѣ“ Сперанскаго, будто бы передавшагося Наполеону. Появились „афишки“ Ростопчина—грубые памфлеты въ народномъ духѣ противъ правителей-измѣнниковъ. Въ Петербургѣ скоплялись просьбы и жалобы провинціальнаго дворянства.

Главнымъ выразителемъ мнѣній патріотовъ оказался мягкій, безхарактерный *Карамзинъ*: стала ходить въ рукописи его записка „О старой и новой Россіи“, гдѣ горячо отстаивался старый порядокъ и осмѣивались мѣры Сперанскаго, въ особенности „плохой переводъ книжки“ (Code Napoléon), составленной нѣсколькими „экс-якобинцами“. Карамзинъ не постигалъ, зачѣмъ Россіи государственный совѣтъ и министры, съ ихъ отвѣтственностью только за подписанныя ими распоряженія, а не за указы, издаваемые царемъ помимо ихъ? Онъ доказывалъ, что при самодержавіи всѣ учрежденія должны быть орудіями государя, а законы—его волею. Патріоты склонили на свою сторону любимую сестру Александра, остроумную и красивую Екатерину Павловну, которая проживала въ Твери, гдѣ мужъ ея, принцъ Георгъ Ольденбургскій, былъ генералъ-губернаторомъ. „Мой братъ достоинъ слышать истину“, сказала она и представила у себя Карамзина императору (1811). Александръ понялъ интригу отставныхъ властолюбцевъ Москвы, и Сперанскій уцѣлѣлъ, но не надолго.

Преобразователь затронулъ іезуитовъ и успѣлъ еще болѣе раздражить знать, раскрывъ плутни питейнаго откупа, къ которому оказались причастны Зубовы, Потоцкіе и многіе се-

наторы. И вотъ, между тѣмъ какъ никто не трогалъ явнаго галлофила, Румянцова, на Сперанскаго снова посыпались безъименные доносы, которымъ не вѣрили сами ихъ сочинители: онъ изображался здѣсь прямо „измѣнникомъ", продавшимся Наполеону, и „тайнымъ иллюминатомъ", который умышленно губитъ Россію своими преобразованіями и хочетъ взбунтовать народъ высокими податями. Александру грозили низверженіемъ съ престола, если онъ не приметъ мѣръ. Наконецъ, весной 1812 г., пріятель Розенкампфа, министръ полиціи, Балашовъ, и шведъ Армфельдтъ донесли, будто Сперанскій предлагалъ имъ составить тріумвиратъ для управленія Россіей, что̀, напротивъ, было ими предложено Сперанскому, но отвергнуто съ негодованіемъ. Теперь Александръ повѣрилъ и хотѣлъ сначала разстрѣлять своего наперсника, но потомъ сослалъ его въ Нижній и жаловался, что ему „отняли правую руку". Балашовъ перехватывалъ письма изгнанника къ царю, а изъ Нижняго шли новые доносы,—и Александръ велѣлъ отправить „вреднаго человѣка" въ Пермь. Розенкампфъ сталъ опять начальникомъ законодательной коммиссіи, а государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ набожный, но бездарный „патріотъ", писатель Шишковъ.

§ 268. **Отечественная война и низверженіе Наполеона.**— Сперанскій палъ жертвой ненависти „патріотовъ" не только къ преобразованіямъ, но и къ Франціи. Тогда наши отношенія къ этой державѣ приходили къ разрыву. Недовѣріе Александра къ Наполеону, поддерживаемое англичанами, нашею знатью и нашими дипломатами за границей, обнаруживалось на каждомъ шагу; и французскому посольству становилось жутко въ Петербургѣ. Оно разжигалось высокомѣріемъ самого Наполеона, который превращался изъ поборника дорогого Александру либерализма въ „поработителя Европы". Великій полководецъ присоединялъ къ Франціи голландскія, нѣмецкія и швейцарскія земли, расширялъ герцогство Варшавское и потихоньку придвигалъ къ нему свои войска. Наконецъ онъ, вопреки тильзитскому договору, захватилъ Ольденбургъ, что̀ было принято Александромъ за „пощечину передъ лицомъ Европы".

Международное положеніе Россіи было незавидно. У нея не только не было союзниковъ, но она находилась въ войнѣ съ Англіей и Турціей, а Австрія негодовала на нее за 1809-й г. и за успѣхи на Дунаѣ; Пруссія, Германія, Италія и Швейцарія были въ рукахъ Наполеона. Счастьемъ для нея было

только то, что уже весной 1812-го г. миръ съ Портой (§ 266) освободилъ ея дунайскую армію, а правившій Швеціей Бернадотъ заключилъ съ нею союзъ, разсорившись съ своимъ родственникомъ, Наполеономъ. Мы могли выставить противъ генія побѣдъ менѣе 200.000 плохо вооруженныхъ солдатъ. Наши приготовленія шли вяло, нерѣшительно. Понемногу стягивали войска въ Литву, снаряжали крѣпости въ Бобруйскѣ, Динабургѣ и Кіевѣ; съ великимъ трудомъ, за большія деньги собирали ложныя свѣденія о числѣ войскъ у Наполеона. Въ дипломатіи Александръ опирался на помощь Армфельдта да друга іезуитовъ, сардинскаго посланника, де-Местра. Іезуиты (§ 252) были тогда на ножахъ съ Чарторижскимъ, уже оставившимъ русскую службу, а Александръ мечталъ объ ихъ воздѣйствіи на поляковъ: онъ даровалъ ихъ полоцкой коллегіи названіе академіи и университетскія права, что̀ должно было убить виленскій университетъ. Важнѣе было его намѣреніе исполнить свою завѣтную мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой, но безъ русскихъ провинцій и на условіи личной уніи или соединенія польской и русской коронъ въ одномъ лицѣ: этою „нравственною революціей" онъ думалъ возбудить поляковъ противъ Наполеона и даже поднять духъ порабощенныхъ нѣмцевъ.

При такихъ-то условіяхъ, въ апрѣлѣ 1812 г., Александръ послалъ Наполеону требованіе, чтобы французскія войска вышли изъ Пруссіи, а самъ отправился въ главную квартиру своей арміи, въ Вильну. Затѣмъ нашъ посланникъ въ Парижѣ потребовалъ свои паспорты. Наполеонъ молчалъ, но готовился къ борьбѣ, съ свойственнымъ ему умѣньемъ и энергіей. Въ іюнѣ онъ, какъ снѣгъ на голову, явился у Ковно, гдѣ совершился переходъ черезъ Нѣманъ его блестящей арміи, какой еще не видѣлъ свѣтъ: она состояла изъ „двунадесяти языкъ", т.-е. изъ войскъ половины материка—всего болѣе полумилліона человѣкъ; при ней было болѣе 1.000 орудій и 20.000 обозныхъ повозокъ. Сверхъ того, поляки всячески помогали этой арміи: Наполеонъ возвѣщалъ, что это—„вторая польская война". Противъ такой силы тотчасъ палъ нашъ планъ — защищать главною арміей, подъ начальствомъ *Барклая де Толли,* лагерь у Дриссы, укрѣпленный въ подражаніе Фридриху II и Веллингтону, а армію *Багратіона* пустить во флангъ и въ тылъ непріятеля. Ктому же эту ничтожную вторую армію пришлось выдвинуть южнѣе, къ Галиціи, такъ какъ Австрія присоединилась къ французамъ. Ясно было, что, какъ при Петрѣ I (§ 218), лучшими союзни-

ками нашими были время и пространство: оставалось одно спасеніе—отступать возможно дальше вглубь страны. Но никто не думалъ объ этомъ. Александръ бросился въ столицы собирать громадныя ополченія; а оба полководца мечтали только поскорѣе соединиться, чтобы тотчасъ перейти въ наступленіе. Соединеніе удалось подъ *Смоленскомъ* послѣ ряда мелкихъ, но тяжелыхъ битвъ. Но кровавое сраженіе у этого города заставило отказаться отъ рѣшительнаго боя, и спасительное отступленіе, по дорогѣ къ Москвѣ, совершилось само собою.

Но и Наполеону было нелегко. Ему измѣнили родственники—не только Бернадотъ, но и нѣмецкій императоръ: Австрія не двигалась и даже досадовала на удаленіе нашихъ войскъ отъ Галиціи, при которомъ ей трудно было оправдать свое безучастіе къ союзнику. Битва подъ Смоленскомъ, котораго французы не могли взять, была такъ тяжела, что многіе совѣтовали Наполеону отложить походъ. Пошли проливные дожди. Дороги стали непроходимы. Бѣдная страна была пуста: наступающимъ приходилось уже ѣсть мертвечину и пить изъ лужъ; среди нихъ росло число умирающихъ и дезертировъ-грабителей. Между тѣмъ русскими овладѣвалъ изумительный патріотизмъ, напоминавшій 1612-й г. (§ 141). По странѣ всюду распространялись горячіе манифесты царя и увѣщанія синода, по губерніямъ ѣздили сенаторы. И дворянство выставляло цѣлые полки изъ своихъ крѣпостныхъ; купцы наперерывъ дѣлали огромныя пожертвованія; крестьяне бѣжали отъ непріятеля въ лѣса и въ глубину Россіи, ведя съ нимъ народную войну и уничтожая все, чего нельзя было увезти съ собой. Въ то же время горячо негодовали на отступленіе, приписывая его начальникамъ-нѣмцамъ: молва требовала смѣны такихъ же „измѣнниковъ", какъ Сперанскій. Интриганы въ лагерѣ пользовались этимъ. И Александръ долженъ былъ уступить, выдвинуть непріятныхъ ему лично людей: *Ростопчинъ* сталъ генералъ-губернаторомъ Москвы; Барклая замѣнилъ престарѣлый сподвижникъ Суворова, осторожный, хитрый *Кутузовъ*, суровый человѣкъ стараго закала и русскихъ обычаевъ.

Кутузовъ уже по требованію всей націи не могъ отдать „матушку Москву" безъ боя: въ 40 верстахъ отъ нея, подъ *Бородинымъ*, онъ далъ генеральную битву (26 августа). Русскіе съ честью выдержали одну изъ самыхъ знаменитыхъ въ исторіи битвъ. Ихъ было 100.000 противъ 150.000 французовъ. Они хорошо окопались. Солдаты изумляли своею стой-

костью. Вожди вели себя героями: Багратіонъ вскорѣ умеръ отъ ранъ. Французы блистали геніальными распоряженіями Наполеона, отвагой такихъ маршаловъ, какъ Ней и Даву, и такой конницы, какъ эскадроны Мюрата, а также искусствомъ артиллеріи. Бой длился почти полсутокъ, и окопы переходили не разъ изъ рукъ въ руки. Онъ окончился лишь отъ истощенія обѣихъ сторонъ: болѣе 80.000 тѣлъ лежало на страшномъ полѣ; наша армія была ополовинена. Но русскіе удержались только потому, что на Наполеона нашелъ столбнякъ: онъ забылъ пустить въ дѣло свою знаменитую гвардію. И все-таки они должны были отступить на другой день, а Наполеонъ не воспользовался ихъ истощеніемъ: у него оставалось лишь около 100.000; и онъ надѣялся что Москва, которую онъ уже считалъ своею, послужитъ залогомъ мира.

Москва дѣйствительно досталась ему, но почти всѣми покинутая: побѣдитель вступилъ въ „сердце Россіи“ мрачнымъ утромъ, среди гробового молчанія; а вечеромъ столица, къ ужасу французовъ, вспыхнула со всѣхъ концовъ, такъ что отъ нея уцѣлѣла только $^1/_{10}$ часть. А главное, Наполеонъ ошибся въ политическомъ разсчетѣ, не зная нрава русскихъ, какъ обманулся онъ передъ тѣмъ относительно испанцевъ. Наряду съ обширностью и бѣдностью страны, его погубила стойкость непріятеля и то упорство массъ, которое давно обнаруживалось въ фанатизмѣ раскольниковъ. Самъ Александръ переродился. Когда ему донесли, что его солдаты дрожатъ отъ страха—какъ бы царь не замирился съ врагомъ, онъ, вопреки совѣтамъ приближенныхъ, даже брата и матери, объявилъ: „скорѣе отрощу себѣ бороду и буду питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, чѣмъ подпишу позоръ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ“.

Наполеонъ тщетно ждалъ мира цѣлыхъ полтора мѣсяца. Онъ выступилъ въ концѣ октября. Ему пришлось возвращаться ни съ чѣмъ, во главѣ голоднаго, обносившагося, павшаго духомъ войска, среди наступающей зимы, почти безъ артиллеріи, съ безконечными обозами добычи, съѣстныхъ припасовъ и семействъ московскихъ иностранцевъ. Наполеонъ хотѣлъ пойти по неопустошенной дорогѣ, на Кіевъ; но его остановила тяжелая и нерѣшительная битва у *Малоярославца*. Тогда началось ужасное бѣгство „великой арміи“ по старой дорогѣ. Она прошла по бородинскому полю, которое еще было усѣяно трупами и всякими обломками. Ударили морозы. Неподкованныя лошади падали

кучами; остальныхъ поѣдали костенѣвшіе отъ холода солдаты, которые уничтожили также всѣхъ собакъ, а подконецъ пожирали и человѣчье мясо. Падали и сами побѣдители Европы въ безбрежной снѣжной пустынѣ; уцѣлѣвшіе еле тащились, съ отмороженными членами, подгоняемые рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Но они еще доблестно отбивались отъ насѣдавшаго на нихъ врага, хотя то были уже не столько французы, сколько поляки, итальянцы и нѣмцы. Подъ Смоленскомъ окрестности покрылись трупами падавшихъ на ходу людей. Сюда добралось менѣе 50.000 солдатъ, за которыми разсыпалось до 30.000 безоружныхъ мародеровъ.

По пятамъ за ними шелъ Кутузовъ почти съ сотней тысячъ свѣжихъ войскъ. За Смоленскомъ къ нему подходила, съ юга, армія Чичагова, а съ сѣвера—Витгенштейнъ, охранявшій на Двинѣ дорогу въ Петербургъ. Но французы вышли изъ этой мышеловки, послѣ блестящаго боя подъ *Краснымъ* и изумительной переправы „храбреца изъ храбрецовъ", Нея, черезъ растаявшій у береговъ Днѣпръ, передъ лицомъ непріятеля, стоявшаго на другой сторонѣ рѣки. У города Борисова они достигли *Березины*, по которой неслись льдины. Здѣсь 4 дня боролись французы съ водой и съ тремя нашими арміями, которымъ успѣли даже нанести пораженіе. Эта переправа—верхъ искусства и энергіи самого Наполеона и его славныхъ маршаловъ. Но она стоила ужасныхъ жертвъ. Много лѣтъ спустя, тамъ видѣли островъ изъ обозовъ и труповъ, а на берегахъ три холма изъ человѣческихъ костей. Послѣ переправы, у Наполеона осталось только 8.000 годныхъ къ бою солдатъ, да и то отупѣлыхъ отъ ужасовъ и бѣдствій. Не говоря уже о числѣ плѣнныхъ, на русской равнинѣ упокоилось навѣки до 250.000 молодцовъ „великой арміи" европейскаго нашествія.

Когда врагъ былъ изгнанъ за прусскую границу, Кутузовъ подумалъ о выгодномъ мирѣ, столь необходимомъ для нашихъ измученныхъ войскъ. Но Александръ рѣшилъ, что война можетъ окончиться только съ паденіемъ Наполеона, и 1 января 1813 г. русскіе перешли границу. Но они были такъ слабы (многіе полки были не больше батальоновъ), что не могли воевать безъ помощи Пруссіи, Австріи и поляковъ. Александръ снова обѣщалъ возстановленіе Польши; но Чарторижскій требовалъ немедленнаго объявленія, что̀ обидѣло бы Пруссію и Австрію, и возведенія на польскій престолъ не самого императора, а Михаила Павловича. Поляки болѣе довѣряли Наполеону, хотя онъ

уже доказалъ, что они служатъ ему лишь орудіемъ: ихъ войска остались при французахъ—и герцогство Варшавское стало русскимъ завоеваніемъ.

Русскіе не разъ были разбиты (Бауценъ) даже послѣ присоединенія къ нимъ пруссаковъ. Это заставило Австрію вступить въ союзъ съ ними; но союзники потерпѣли жестокое пораженіе подъ *Дрезденомъ*. Они уничтожили Наполеона, у *Лейпцига*, только тогда, когда у нихъ скопилось гораздо больше войскъ, чѣмъ у него.

Въ 1814 г. союзники низвергли Наполеона, который успѣлъ нанести имъ еще нѣсколько пораженій, и возстановили Бурбоновъ.

При этомъ Александръ нравственно игралъ первую роль. Естественно, что русскія власти поднесли ему титулъ *Благословеннаго*, отвергнутый имъ изъ скромности.

Но Александръ снискалъ и глубокое уваженіе Европы. Онъ поразилъ всѣхъ своимъ рыцарскимъ благородствомъ въ обращеніи съ парижанами и заставилъ Людовика XVIII подписать „хартію", т.-е. дать конституцію французамъ.

Въ 1815 г., когда, послѣ Ватерло, Наполеонъ былъ окончательно уничтоженъ, Александръ снова великодушно спасъ французовъ отъ своекорыстныхъ притязаній мстительныхъ союзниковъ и поставилъ имъ либеральное министерство гуманнаго Ришелье (§ 266).

§ 269. **Либерализмъ и послѣднія преобразованія.** — Такъ, роль „спасителя" Европы отъ „исчадія революціи", какъ выражались „патріоты", не заглушила въ Александрѣ завѣтныхъ идеаловъ юности. Напротивъ, онъ радовался, что, въ виду всюду поднимавшейся реакціи, на его долю выпало быть вождемъ прогрессивнаго направленія.

Русскій царь отстаивалъ „либеральныя учрежденія" во Франціи, Германіи и Испаніи, боролся съ Англіей, гдѣ своекорыстные торіи старались задерживать развитіе материка, и негодовалъ на Австрію, которая сдѣлалась главой реакціи, въ лицѣ императора Франца I, и особенно его всемогущаго министра, *Меттерниха*.

Къ огорченію своихъ патріотовъ, онъ не думалъ объ извлеченіи выгодъ изъ „освобожденія“ Европы цѣною русской крови и не обращалъ вниманія на восточный вопросъ.

Неисправимый „фантазеръ“, онъ все еще мечталъ объ избавленіи своихъ подданныхъ отъ ига внутренняго зла завершеніемъ преобразованій, которыми ознаменовалась первая половина его царствованія.

Такая вѣрность идеѣ тѣмъ изумительнѣе, что преобразователь былъ почти одинокъ среди нахлынувшихъ отовсюду волнъ реакціи. Просвѣщенные друзья самоувѣренной юности были далеко.

Ложная гордость и страхъ передъ патріотами не дозволяли возвратить Сперанскаго, хотя государь уже раскаивался въ его опалѣ.

Бездарный Румянцовъ не могъ подняться послѣ пораженія Наполеона, а Нессельроде опозорился на вѣнскомъ конгрессѣ угодничествомъ передъ Меттернихомъ.

Подлѣ императора выдвинулся только, какъ новый наперсникъ, просвѣщенный и либеральный грекъ *Каподистрія*, мечтавшій объ освобожденіи своей родины; но онъ руководилъ почти исключительно иностранными дѣлами.

Правда, Александръ, какъ всегда, не высказывалъ прямо своего преобразовательнаго плана, выражался слишкомъ обще и боязливо: многимъ царь казался жертвой безплоднаго, головного либерализма, о которомъ онъ привыкъ только разсуждать смолоду. Но онъ успѣлъ провести нѣсколько крупныхъ мѣръ, которыя свидѣтельствовали объ его искренности...

Либерализмъ проявлялся тогда и по отношенію къ *католичеству*, связанному съ польскимъ вопросомъ.

Александръ съ самаго начала возстановилъ Сестренцевича и поддерживалъ его въ борьбѣ съ Груберомъ и съ папскимъ нунціемъ (§ 252).

Правда, іезуиты не унывали. Они выдавали себя у „патріотовъ“ опорами старины, а при дворѣ—либеральными цивилизаторами, филантропами, педагогами, врачами, механиками, садоводами,

миссіонерами среди инородцевъ и т. д. Они привлекли на свою сторону вліятельную красавицу Нарышкину, отчасти даже Голицына и Кочубея; за нихъ распинались французскіе эмигранты. Много помогъ іезуитамъ неутомимый де-Местръ, который воображалъ, что теперь можно сразу и открыто обратить русскихъ въ католичество. Такъ какъ императоръ надѣялся еще на помощь іезуитовъ у поляковъ, то они начали-было процвѣтать, какъ никогда. У нихъ было 14.000 душъ крестьянъ, много миссій и резиденцій, отъ Риги до Одессы и Астрахани; ихъ полоцкая коллегія получила права. Рыцарь Литта сталъ камергеромъ, а Груберъ—генераломъ ордена и основателемъ обширной, блестящей школы въ Петербургѣ.

Но Александръ возвратился изъ Европы съ протестантскими стремленіями. Желая распространить Слово Божіе на всѣхъ языкахъ Россіи, онъ покровительствовалъ, учрежденному по примѣру Англіи и Финляндіи *Библейскому Обществу* гдѣ засѣдали Сестренцевичъ и разные іерархи, кромѣ католическихъ. Іезуиты съ де-Местромъ стали доказывать вредъ чтенія Евангелія; въ своихъ проповѣдяхъ и листкахъ они представляли новое общество „язвой", какъ оно было названо въ папской буллѣ. Въ то же время открылись тайныя обращенія въ католичество Нарышкиной и племянника Голицына. И іезуитовъ увезли изъ Петербурга въ Полоцкъ, впрочемъ снабдивъ хорошими шубами и санями: у нихъ, въ силу ихъ ловкости, вмѣсто богатствъ, оказалось полмилліона долга. Де-Местръ удалился изъ Россіи, плохо награжденный и Сардиніей. Католическая церковь въ Россіи была окончательно подчинена императору, по примѣру Наполеона I и Екатерины II: никто не могъ даже поступать въ монахи безъ разрѣшенія правительства. Но это не значило, чтобы Александръ хотѣлъ подчиниться какой-либо иной церковности. Онъ радовался, что въ его Библейскомъ Обществѣ были не только главы разныхъ исповѣданій, но и преобладали свѣтскіе люди — министры и вельможи: не было только Аракчеева, который не могъ выносить Голицына, своего соперника по приближенности къ царю. Самое возвышеніе этого Голицына было униженіемъ церкви: синодъ становился канцеляріей свѣтскаго министра, наравнѣ съ католическимъ департаментомъ и евангелическою консисторіей.

Первою заботой Александра, послѣ „возрожденія" поляковъ, стало *освобожденіе крестьянъ*, тѣмъ болѣе, что они волновались, сознавая свою великую роль въ изгнаніи врага, а войска, охра-

нявшія „порядокъ“ по деревнямъ, ушли за границу. Дѣло опять началось съ Остзейскаго края. Тамъ совершилась (1819) эта великая реформа. А для Россіи поручено было Аракчееву составить планъ отмѣны крѣпостничества. Съ другой стороны, Александръ приводилъ въ исполненіе завѣтную мысль своей юности объ освобожденіи народа отъ ужасовъ рекрутчины и солдатскаго постоя, надѣясь кстати и облегчить казну. Въ 1810 г., когда Сперанскій отказалъ въ выпускѣ новыхъ ассигнацій, былъ сдѣланъ первый опытъ *военныхъ поселеній*, напоминавшихъ сторожевую службу (§ 160). Послѣ борьбы съ Наполеономъ, императоръ рѣшилъ обратить свою милліонную армію въ рядъ постоянныхъ колоній, на подобіе Военной Границы въ Австріи, которыя пропитывали бы сами себя земледѣліемъ. Наконецъ, тогда Александръ мечталъ о довершеніи свода законовъ и прилагалъ особенныя заботы о *просвѣщеніи* страны, которыя увѣнчались открытіемъ университетовъ въ Або, Варшавѣ и Петербургѣ (1819), а также лицея въ Одессѣ. И наши кругосвѣтныя плаванія завершились героическою экспедиціей Беллингсгаузена и Лазарева къ южному полюсу.

§ 270. **Мистицизмъ и реакція.**—Но рядомъ съ послѣдними проблесками либерализма шли безсознательныя попытки реакціи, которыя усиливались съ каждымъ годомъ. Онѣ были плодомъ новаго направленія, овладѣвшаго тогда и обществомъ, и правительствами не только у насъ, но и на Западѣ. Душой европейской политики становился Меттернихъ, который цѣлое поколѣніе игралъ роль „оракула“ правительствъ на материкѣ. Его поддерживали печальныя обстоятельства. Уже въ 1813 г., вслѣдствіе слабости Россіи и Пруссіи передъ Наполеономъ, Австрія начала возвышать голосъ,— и первымъ дѣломъ ея маститый Габсбургъ, жившій преданіями далекой старины и іезуитства (*Н. И.* § 67), потребовалъ искорененія „опасныхъ началъ“, что̀ означало пока призывъ нѣмцевъ къ возстанію противъ „исчадія революціи“. Александръ долженъ былъ уступить, скрѣпя сердце. Затѣмъ Меттернихъ сдѣлалъ *Священный Союзъ* (1815) орудіемъ крайняго абсолютизма и возстановленія стараго порядка: Россія, Австрія и Пруссія образовали новую группу „сѣверныхъ державъ“, враждебныхъ малѣйшему проявленію либерализма. И самъ Александръ постепенно увлекся этою ролью: онъ не распускалъ войскъ, чтобы вліять на „спасенную“ имъ Европу; онъ содѣйствовалъ своею дипломатіей Меттерниху и французскимъ Бурбонамъ производить „бѣлый терроръ“ или истреблять всѣхъ несогласно съ

ними думающихъ, участвуя въ реакціонныхъ конгрессахъ (1818—1822). Меттернихъ даже убѣдилъ его не помогать грекамъ, какъ бунтовщикамъ, когда они возстали (1821) противъ турокъ за свою независимость.

Нуженъ былъ душевный переломъ, чтобы увлечь на этотъ путь такого рыцарственнаго поборника либерализма, какъ Александръ. Онъ совершился, подъ вліяніемъ ужасовъ отечественной войны. Когда горѣла Москва, Голицынъ, который давно уже считался тайнымъ членомъ общины моравскихъ братьевъ (*С. И.* § 144), указалъ ему евангельскій путь и затѣмъ поднесъ уставъ Библейскаго Общества, во главѣ котораго сталъ самъ императоръ. И на медали въ память изгнанія французовъ появилось око Провидѣнія, съ надписью: „не намъ, не намъ, а имени Твоему". Такъ, напряженія ума и душевныя волненія, въ борьбѣ съ Наполеономъ, окончательно убивали слабую волю Александра и развивали въ немъ природную мечтательность: императоръ впадалъ въ *мистицизмъ*, который охватывалъ тогда и западное общество. На пути въ Парижъ, онъ встрѣтился съ болѣзненною пророчицей, баронессой *Крюденеръ*, околдовавшей своею восторженностью высшіе круги: она утвердила его въ этомъ настроеніи. Но на Западѣ мистицизмъ влекъ къ усиленію католичества, къ возврату къ среднимъ вѣкамъ,—словомъ, къ фанатической реакціи. У Александра же, какъ доказываютъ либеральныя мѣры того времени и само Библейское Общество, онъ напоминалъ скорѣе масонство да протестантскій піетизмъ (*Н. И.* § 101). Русскій царь былъ равнодушенъ къ существующимъ религіямъ вообще и неблагосклоненъ къ іезуитамъ и къ Меттерниху: его идеаломъ стало первобытное христіанство, евангельская жизнь, съ ея терпимостью, миролюбіемъ, благотвореніемъ и самоотреченіемъ. Такова была и первоначальная идея Священнаго Союза, искаженная реакціонерами Запада, съ Меттернихомъ во главѣ.

Возвратившись домой, Александръ все замѣтнѣе падалъ духомъ, подъ вліяніемъ отечественныхъ реакціонеровъ, которымъ помогали обстоятельства. Онъ былъ пораженъ въ самое сердце продѣлками іезуитовъ, которыя приводили къ измѣнѣ даже такихъ близкихъ лицъ, какъ Нарышкина. Его встревожили плоды войны — обнищаніе страны и небывалое казнокрадство: особая коммиссія отдала многихъ военныхъ подъ судъ, а про дипломатовъ Ростопчинъ выразился, что „половина ихъ—плуты". Кроткій царь сталъ, подобно Грозному (§ 125), презирать своихъ

и еще выше ставить иностранцевъ да поляковъ. Но поляки отнеслись недовѣрчиво уже къ сеймовой рѣчи Александра (§ 269), считая ее вынужденною державами. Затѣмъ они стали выказывать недовольство, хотя намѣстникъ, Константинъ Павловичъ, отказался даже отъ русскаго престола и развелся съ женой, чтобы жениться на полькѣ, княгинѣ Ловичъ. Они мечтали о старой Рѣчи Посполитой, тѣмъ болѣе, что намѣстникъ вводилъ желѣзную дисциплину въ войскахъ и принималъ мѣры для обрусенія края. Когда онъ установилъ цензуру, запретилъ публичность засѣданій сейма и закрылъ масонскія ложи, поляки начали составлять тайныя общества, которыя возбуждали волненія въ самой Россіи. Недовольство поддерживалъ Чарторижскій: обиженный тѣмъ, что его не сдѣлали вице-королемъ, онъ враждовалъ съ Новосильцевымъ, который слѣдилъ за польскими министрами, какъ „уполномоченный комисаръ" Россіи, и раскрылъ его подлогъ въ переводѣ „Органическаго Статута" Польши съ французскаго на русскій языкъ, клонившійся къ уменьшенію власти намѣстника. Александръ съ прискорбіемъ долженъ былъ лишить друга юности званія члена государственнаго совѣта. А русскіе „патріоты", поддерживаемые іезуитами, все сильнѣе выражали свое негодованіе на полонофильство и либерализмъ своего государя. Они открыто порицали его сеймовую рѣчь, увидѣвъ въ ней намекъ на освобожденіе крестьянъ. Карамзинъ снова выступилъ съ уроками въ этомъ смыслѣ, что̀ отразилось и на его „Исторіи" (1818). Ростопчинъ тѣмъ болѣе дѣлалъ предостереженія, что въ Семеновскомъ полку вспыхнуло неудовольствіе, вызванное жестокостью начальниковъ. Юрьевскій архимандритъ Фотій прямо говорилъ царю то же самое, „какъ возвѣститель Откровенія Божія".

Недовѣріе къ людямъ и боязнь рѣшительныхъ мѣръ развились въ Александрѣ до крайности. Наряду съ мистицизмомъ, имъ овладѣли равнодушіе ко всему и жажда самоотреченія. Онъ уклонялся отъ требовавшихъ обсужденія и вызывавшихъ возраженія дѣлъ, интересуясь только вахт-парадами, которые хотѣлъ ввести даже въ Царскосельскій лицей. Онъ сталъ уединяться: лишь по вечерамъ иногда пилъ чай, среди меланхолическихъ бесѣдъ, у какой-нибудь благочестивой дамы, преимущественно изъ „англійской колоніи" купцовъ. Его дворъ, всегда простой, становился монастыремъ, въ которомъ незамѣтно томилась скромная, почти покинутая и бездѣтная Елизавета Алексѣевна, между тѣмъ какъ Марія Ѳедоровна блистала въ

Павловскѣ, среди остряковъ, писателей и художниковъ. Каподистрію замѣнилъ другъ и рабъ Меттерниха, *Нессельроде*. Внутреннія дѣла сосредоточились у *Голицына*, который былъ сдѣланъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, такъ какъ „страхъ Божій“ и „христіанское благочестіе“ легли въ основу обученія. Голицынъ раздавалъ мѣста роднымъ и друзьямъ г-жи Крюденеръ, которая поселилась въ Петербургѣ. Онъ обратилъ Библейское Общество въ казенное учрежденіе для развитія благочестія, выписывалъ проповѣдниковъ съ Запада, издавалъ мистическія книги.

Но истиннымъ правителемъ Россіи сталъ *Аракчеевъ*, котораго прозвали „вице-императоромъ“: никто, не исключая Новосильцева и Сперанскаго, не пользовался такимъ безграничнымъ довѣріемъ Александра. Самый жалкій изъ царедворцевъ, печальныя свойства котораго (§ 243) развились отъ незаслуженнаго успѣха, теперь распоряжался всѣмъ безъ особаго титула, пріѣзжая въ 4 ч. утра ко двору, чтобы первому говорить съ императоромъ и получить отъ него заранѣе подписи бумагъ, идущихъ въ государственный совѣтъ. Министры, которыхъ онъ по цѣлымъ днямъ держалъ въ своей пріемной, дѣлали доклады ему, а не царю. Всѣ раболѣпствовали передъ бывшимъ солдатомъ; знать ухаживала даже за его незаконнымъ сыномъ, Шумскимъ, который вдругъ сталъ флигель-адъютантомъ и не давалъ покоя столицѣ своимъ буйствомъ. А Аракчеевъ въ глаза презиралъ всѣхъ этихъ „говъ и магоговъ“ и хвастался своимъ невѣжествомъ, своимъ „воспитаніемъ на мѣдныя деньги“.

Главною заботой Аракчеева стали *военныя поселенія*, гдѣ онъ единолично могъ выказать всю жестокость и неспособность своей природы. Напрасно даже приближенные государя и такіе знатоки дѣла, какъ Барклай, Дибичъ, Новосильцевъ, высказывались противъ злополучной затѣи. Въ 1816 г. явились поселенія въ Новгородской губ., гдѣ было много государственныхъ имуществъ, и на Бугѣ, гдѣ жили упраздненные Павломъ екатеринославскіе казаки (§ 248). Это новое крѣпостничество уже черезъ годъ вызвало въ обоихъ мѣстахъ опасныя волненія, несмотря на страхъ передъ ужаснымъ Аракчеевымъ. Военные поселяне, это „несчастье всей Россіи“, по словамъ Новосильцева, окончательно разстраивали благосостояніе народа, истощеннаго безпрерывными войнами съ ихъ послѣдствіями — рекрутчиной, высокими налогами да развитіемъ винныхъ откуповъ и казнокрадства. Въ то же время росли *государственные долги* и разстраи-

29*

вались финансы, при управленіи бездарнаго Гурьева, который подражалъ Аракчееву относительно подписи государя, чтобы избѣгнуть критики такихъ членовъ государственнаго совѣта, какъ правдивый и рѣзкій Мордвиновъ. Фанатикъ всего русскаго, Мордвиновъ поддерживалъ Гурьева только во вредной мѣрѣ — въ *протекціонизмѣ*, который сталъ укореняться у насъ съ тарифа 1810 г. Въ просвѣщеніи насталъ застой. Между тѣмъ какъ не жалѣли средствъ на войска (до 250 милл. въ годъ), когда царствовалъ миръ, и военную службу выдвигали насчетъ гражданской, на все министерство просвѣщенія отпускалось только $2^1/_2$ милл. р. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ не было учителей; приходскія училища числились только по имени, такъ какъ въ нихъ должны были даромъ преподавать священники. Отыскивавшій всюду „вольнодумство" Голицынъ обратилъ университеты чуть не въ монастыри, съ помощью *Магницкаго* и *Рунича* — суровыхъ и рѣшительныхъ попечителей въ Казани и Петербургѣ, имена которыхъ стали синонимами мракобѣсія. Многіе профессора, далекіе отъ всякой политики, были устранены или вышли въ отставку. Цензура дошла до того, что даже Карамзинъ считалъ литературу невозможною. Положеніе раскольниковъ становилось стѣснительно; противъ скопцовъ издавались все болѣе строгіе указы.

Реакція отражалась всюду, даже на такой далекой окраинѣ, какъ *Кавказъ*. Тамъ вся первая половина царствованія Александра ознаменовывалась мало замѣтною, но тяжелою и блестящею борьбой, въ которую мы были вовлечены присоединеніемъ Грузіи (§ 243). Эта страна управлялась любимцами Павла такъ деспотично, что ея „князья" возставали, и ея царица Марія своеручно заколола Лазарева кинжаломъ. Александръ I назначилъ правителемъ Грузіи дѣльнаго грузина Ціанова, который умѣлъ привлекать туземцевъ къ Россіи, остановилъ набѣги горскихъ лезгинъ и покорилъ Мингрелію, Иметію и Ганджу (столицу царицы Тамары, въ 13-мъ в.), переименованную, въ честь императрицы, въ Елизаветполь. Герой былъ зарѣзанъ бакинскимъ ханомъ, во время переговоровъ. Но его замѣнилъ столь же даровитый Тормасовъ. Наши успѣхи вызвали войну съ Персіей, которой помогали турки. Наши войска, воодушевляемыя такими героями, какъ Котляревскій, оказали чудеса храбрости, въ борьбѣ съ вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. По миру въ Гулистанѣ (1813), шахъ не только уступилъ намъ все свое Закавказье, до нашихъ „линій", но

и призналъ только за нами право держать военный флотъ въ Каспійскомъ м. и вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи, гдѣ до тѣхъ поръ распоряжались французы и англичане. Затѣмъ, въ эпоху реакціи, намѣстникомъ всего Кавказа и Закавказья сталъ Ермоловъ, походившій на Аракчеева по грубости и жестокости: „голова тигра на туловищѣ Геркулеса", говорили про него очевидцы. „Патріоты" считали его чуть не геніемъ и будущимъ покорителемъ Индіи. Но онъ отличался больше всего интриганствомъ (§ 265), такъ что сами староруссы называли его „патеромъ Ермоловымъ" и военнымъ Груберомъ. Еще онъ былъ извѣстенъ ненавистью къ иностранцамъ: онъ просилъ одной награды—„сдѣлать его нѣмцемъ". А на Кавказѣ Ермоловъ прославился такимъ высокомѣріемъ и деспотизмомъ, что и туземцы, и персіяне старались освободиться отъ Россіи съ помощью турокъ и западныхъ державъ.

Реакція приняла грозный видъ съ 1818-го г., когда въ Москвѣ, среди торжествъ по поводу рожденія у Николая Павловича сына, Александра, императору впервые донесли о возникновеніи въ Россіи тайныхъ обществъ во имя идей его юности, и притомъ въ войскахъ, среди офицеровъ, отчасти примыкавшихъ къ знати. Озадаченный, разочарованный во всемъ, Александръ не принималъ прямыхъ мѣръ противъ новой бѣды; но съ тѣхъ поръ Россія, во внѣшней политикѣ, стала орудіемъ Меттерниха, пособницей жалкой „эпохи конгрессовъ". А внутри нея реакція дошла до того, что уже палъ самъ Голицынъ, какъ человѣкъ опасный (1824). Его низвергъ союзъ Аракчеева съ главою „патріотовъ", Шишковымъ, и съ Фотіемъ, какъ представителемъ духовенства, которое негодовало на подчиненіе церкви другу протестантства. Мѣсто Голицына занялъ *Шишковъ*, который считалъ орудіями вольнодумства Библейское Общество, русскій переводъ Евангелія и катехизисъ Филарета, удостоенный награды отъ синода.

Но тогда же готовились къ дѣйствію тайныя общества, которыя носили прежде болѣе теоретическій характеръ. Одни изъ нихъ желали мирнаго перехода къ конституціи, другія мечтали о республикѣ и революціи; среди первыхъ выдавался *Николай Тургеневъ*, среди вторыхъ—*Пестель*. Въ связи съ ними, подобный же видъ принимало недовольство поляковъ, достигшее крайней степени, подъ вліяніемъ реакціонныхъ мѣръ. Все это окончательно сломило больную душу императора, который оплакивалъ тогда еще смерть единствен-

ной дочери и ужасы наводненія. Онъ спѣшилъ, съ больною императрицей, уединиться на благодатномъ югѣ Крыма; но на дорогѣ, въ Таганрогѣ, его постигла быстрая смерть (1825).

Александръ I умеръ героемъ скромности и простоты, рыцаремъ симпатичныхъ личныхъ качествъ, которымъ оставался вѣренъ до конца. Онъ не вознесся высокомѣрно, когда весь міръ преклонялся передъ „благословеннымъ спасителемъ, освободителемъ Европы": напротивъ, онъ впалъ въ самоуничиженіе. Трогательны и его душевныя муки, наставшія на высотѣ славы: это—высокій примѣръ жертвы за невольную измѣну идеаламъ, на которыхъ воспитался человѣкъ. Александръ вынесъ на себѣ всю тягость смуты умовъ, охватившей Россію подъ гнетомъ величайшихъ бѣдствій и глубокаго историческаго недоразумѣнія. Эта смута—плодъ столкновенія двухъ противорѣчивыхъ, но одинаково законныхъ и основныхъ потребностей страны – самозащиты и просвѣщенія. Самъ по себѣ вождь новой Россіи, искренній западникъ и просвѣтитель, Александръ I принужденъ былъ бороться съ Западомъ, опираясь на силы древней Руси. Правда, ровно за сто лѣтъ передъ нимъ нашъ народъ представилъ рѣдкій и величавый примѣръ геніальности: Западъ также шелъ на Москву, въ лицѣ Наполеона своего времени (§ 218). Однако тогда царь спасъ Россію именно западнымъ просвѣщеніемъ и подавленіемъ змія заматерѣлой старины. Но то былъ Петръ Великій.

§ 271. **Внѣшній бытъ. Государство. Сословія.**—При Александрѣ I значительно расширились *границы* Россіи. Были пріобрѣтены Финляндія, Царство Польское и Бессарабія, а на Кавказѣ—берега Каспійскаго и Чернаго морей, необходимые для доступа къ Грузіи, такъ какъ путь туда черезъ горы заграждали горцы. Но народное благосостояніе попрежнему мало соотвѣтствовало обширности земель. *Населеніе* въ началѣ царствованія доходило всего до 22 милліоновъ. Борьба съ Наполеономъ стоила слишкомъ много крови: въ 1805—1815 гг., Россія выставила, не считая казаковъ, до полутора милліона рекрутъ, по 6 человѣкъ съ сотни, т.-е. почти $^1/_5$ мужскаго населенія 20—40-лѣтняго возраста. Тѣмъ не менѣе, въ 1812 г. мы могли двинуть къ западной границѣ сравнительно небольшую армію, съ неполными полками. Изъ всѣхъ рекрутъ пало болѣе милліона, въ томъ числѣ лишь немного отъ оружія непріятеля. Во время нашествія французовъ погибло и множество крестьянъ отъ опустошеній, производимыхъ больше ими самими,

чѣмъ непріятелемъ. Народъ страдалъ попрежнему и отъ первобытнаго способа обработки земли, и отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и такихъ тяжкихъ болѣзней, какъ холера 1823-го г. Въ 1822 г. Россію посѣтилъ даже жестокій голодъ: тогда были заведены общественные хлѣбные магазины и продовольственные капиталы.

Но Александръ постоянно заботился о развитіи *внѣшняго быта*, въ особенности торговли и промышленности. Онъ дозволилъ даже крестьянамъ строить фабрики и заводы и поощрялъ это дѣло разными льготами и покровительственными тарифами. Рядомъ заключались торговые договоры съ Пруссіей, Австріей, Турціей и Персіей и заводились мирныя сношенія не только съ остальною Европой, но и съ Соединенными Штатами, Бразиліей, Хивой и Кохинхиной; а въ сѣверной Америкѣ богатая торговая компанія пріобрѣла полуостровъ Аляску (1822). Одесса процвѣла отъ устройства порто-франко, а Варшава—отъ учрежденія ярмарки. Въ то же время проводили новыя дороги и рыли каналы. Появились первыя шоссе и пароходы. Но подконецъ дорожная повинность стала только безполезною тягостью: безъ помощи отъ казны, заставляли мужиковъ дѣлать земляныя насыпи, которыя разваливались отъ дождей, и обсаживать дороги аллеями, а деревни строить въ струнку, по данному плану. Обыкновенно все это дѣлалось только для виду: такъ, при проѣздахъ царя ставили по дорогамъ березки безъ корней.

Государство представляло все еще нестройный видъ. Многія мѣстности находились на особомъ положеніи: не говоря уже о „великомъ княжествѣ“ Финляндіи и „царствѣ“ Польскомъ, Кавказъ управлялся особымъ намѣстничествомъ, въ польскихъ губерніяхъ дѣйствовалъ кодексъ Наполеона, въ Остзейскомъ краѣ — нѣмецкое право, у кавказскихъ горцевъ — „адаты“, среди донскаго и вновь образованнаго астраханскаго войска — свои обычаи. Это естественно. Но единства и стройности не было даже въ высшемъ управленіи. Реформа Сперанскаго проводилась урывками, скрытая въ цѣломъ (§ 267). Оттого въ новыхъ учрежденіяхъ, имѣвшихъ, по замыслу, конституціонное значеніе, оказались противорѣчія и пробѣлы. Государственный совѣтъ былъ поставленъ въ пререканія съ министерствами и сенатомъ и вскорѣ замолкъ, подавляемый не только этими раздорами, но и особыми комитетами и коллегіями для важныхъ мѣръ да такими порядками, какъ доклады Аракчеева (§ 271). Министерства

хотя и вели къ болѣе правильному ходу дѣлъ, чѣмъ было при коллегіяхъ, не составляли одного цѣлаго, соперничали между собой и не обнимали всей администраціи. Сенатъ же, между тѣмъ, утратилъ значеніе „правительствующаго". Онъ поднялъ-было голову только въ самомъ началѣ, когда Александръ спросилъ его мнѣнія о государственной реформѣ. Тогда одни изъ сенаторовъ предлагали, чтобы сенатъ окончательно рѣшалъ вопросъ о бюджетѣ и приговаривалъ къ смерти; другіе желали, чтобы онъ имѣлъ надзоръ надъ министрами; третьи требовали независимости сенаторовъ и избранія ихъ дворянствомъ изъ первыхъ четырехъ классовъ. Но сенату даровали только право обжалованія законовъ (§ 265), да и то исчезло въ 1802 г., когда онъ возсталъ противъ указа о дворянахъ въ арміи: ему сказали, что онъ можетъ обжаловать только „старые" законы. Сенатъ остался, въ сущности, лишь кассаціоннымъ судомъ.

Но самую слабую сторону государства составляли, по обыкновенію, *финансы*. Они были весьма скудны, вслѣдствіе большихъ недоимокъ на истощенномъ населеніи и непроизводительныхъ расходовъ. Къ числу послѣднихъ должно отнести огромныя суммы, которыя ссужалъ Александръ, подобно Елизаветѣ и Екатеринѣ II, вельможамъ, и именно своимъ друзьямъ по Библейскому Обществу, въ особенности же дамамъ, которыя пользовались для этого даже его религіозными собесѣдованіями (§ 270): такъ, Разумовскій получилъ милліоны подъ залогъ плохихъ земель и съ условіемъ взимать проценты по его смерти. Дефицитъ сталъ постояннымъ и все возроставшимъ явленіемъ: уже въ 1816 г. нечѣмъ было покрыть цѣлую $^1/_5$ расходовъ. Привычное средство, выпускъ новыхъ ассигнацій (§ 247) приводилъ къ новой бѣдѣ: когда, въ 1816 г., стоимость ихъ перевалила за 800 милл., бумажные рубли до того пали въ цѣнѣ, что приходилось давать ихъ 4 за 1 серебряный рубль. Чтобы поднять ихъ, Гурьевъ сталъ дѣлать невыгодные внутренніе займы, которые привели бы къ банкротству, еслибы не были остановлены неудачей. Они перешли уже за 150 милл., а иностранные займы—за 100 м., и за нихъ приходилось уже платить 5 милл. процентовъ. Чтобы добыть денегъ, Гурьевъ возвышалъ пошлины, чтò вело къ вздорожанію жизни. Онъ развивалъ соляной доходъ, то въ видѣ регаліи или казенной монополіи, то въ формѣ акциза. Но якоремъ спасенія былъ у него винный откупъ. Онъ довелъ сборъ съ него до $^1/_3$ всѣхъ доходовъ. А когда произошелъ скандалъ съ плутнями откупщиковъ, въ которомъ была замѣшана и знать (§ 267),

Гурьевъ завелъ казенную продажу вина. Вице-губернаторамъ предписывалось побольше продавать — и они завели музыку въ кабакахъ и т. под., а сами богатѣли отъ взятокъ съ кабатчиковъ, которыя возмѣщались порчей вина и обмѣриваніемъ крестьянъ. Кончилось тѣмъ, что въ казну доходила только половина собранныхъ за вино денегъ. А въ отвѣтъ на жалобы губернаторовъ, что народъ мало пьетъ, прибавляли къ подушной сумму, которую онъ „долженъ былъ" выпить.

Государственное нестроеніе и нищета народа зависѣли не отъ однѣхъ войнъ, въ которыхъ отчасти были виноваты сами патріоты, разжигавшіе ненависть между Александромъ и Наполеономъ. Главная причина лежала въ старомъ злѣ, — въ неправильныхъ отношеніяхъ между сословіями. Въ угоду этимъ же патріотамъ, которые мѣшали преобразованіямъ, Александръ долженъ былъ отказаться отъ своей завѣтной мечты объ отмѣнѣ *крѣпостничества*. Онъ только узаконилъ освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи и Курляндіи, хотя такъ, что эту мѣру назвали окончательнымъ завоеваніемъ края тевтонскими рыцарями: крестьянъ освободили безъ земли, и они очутились въ рукахъ землевладѣльцевъ, которымъ еще была предоставлена вотчинная полиція. Польскіе паны и не думали объ освобожденіи своихъ крестьянъ: Чарторижскій отговаривалъ даже Александра отъ такого шага въ Россіи. У себя же дома благодушному царю пришлось ограничиться мелкими мѣрами (§ 266). Даже въ тріумвиратѣ начала царствованія за отмѣну крѣпостничества стоялъ только Строгоновъ да отчасти Кочубей. Знать возставала противъ нея почти поголовно, съ Карамзинымъ и Ростопчинымъ во главѣ. Весьма немногіе отпустили крестьянъ, и все за плату, и въ угоду государю. Остальные держались преданій, такъ высказанныхъ подконецъ Мамоновымъ: „право наказывать крѣпостныхъ палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства".

Храповицкій говорилъ о подвигахъ вельможъ: „духъ человѣчества обольется слезами". Въ слѣдствіи объ Орловѣ сказано: онъ изобрѣталъ истязанія „съ такимъ необузданнымъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить не можно". А о мелкомъ дворянствѣ имѣемъ такое свидѣтельство Сперанскаго: „это — сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупое. Большая часть дворянъ ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь даже мѣрамъ, про-

тивнымъ выгодамъ и чести своего сословія". Въ 1812 г. пензенское ополченіе взбунтовалось съ голоду, такъ какъ суммы на его продовольствіе расходились по карманамъ начальниковъ. Помѣщики попрежнему кормились театрами своихъ крестьянъ, причемъ сѣкли актеровъ и держали актрисъ взаперти; если подконецъ труппы выводились, зато крѣпостные оркестры были въ полномъ ходу. И эти доходы употреблялись по большей части на такія занятія, какъ азартная игра, которая велась, по словамъ указа, „безъ зазора и страха". Помѣщики все еще привозили мужиковъ скованными на ярмарки для продажи врозницу. Александръ тщетно сокрушался объ этомъ „постыднѣйшемъ торгѣ людьми". Онъ вначалѣ хоть запретилъ помѣщикамъ ссылать крестьянъ въ Сибирь, но подконецъ опять разрѣшилъ, и даже безъ разсмотрѣнія поводовъ. Немудрено, что продолжались крестьянскіе бунты, хотя ихъ было меньше, чѣмъ при Павлѣ, и они усиливались лишь подконецъ (§ 269). Правда, Александръ не переставалъ думать объ освобожденіи крестьянъ даже въ разгаръ реакціи; но онъ принялъ планъ Аракчеева (1818), по которому реформа могла совершиться лишь въ теченіе 500 л., и крестьянинъ получилъ бы такъ мало земли, что долженъ бы арендовать ее у помѣщика.

Въ то же время Александръ, при всемъ своемъ презрѣніи къ помѣщикамъ и „патріотамъ", продолжалъ аристократическую политику своей бабки. Его царствованіе началось съ подтвержденія манифеста Петра III (§ 232). Царскосельскій лицей, училища по губерніямъ для приготовленія въ корпуса, „благородные" пансіоны для дѣвицъ — все служило въ пользу дворянъ. Явилось 9 частей Гербовника, гдѣ было помѣщено 103 титулованныхъ и 1.285 простыхъ фамилій. Возникли грузинскіе и бессарабскіе дворяне. Данъ графскій титулъ иностранцамъ (Витгенштейны, Нессельроде), а изъ подданныхъ — дѣвицамъ Протасовымъ. Когда явились министерства, недоросли бросились въ ихъ канцеляріи, пользуясь своими салонными манерами и французскою рѣчью; а когда Сперанскій сталъ замѣнять ихъ семинаристами, они снова наводнили гвардію, которая тогда была въ особенной модѣ. Александру удалось только прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній и отнять у дворянъ неприкосновенность наслѣдственныхъ земель даже при преступленіяхъ владѣльцевъ. Но послѣдняя сохранялась на дѣлѣ, а населенныя имѣнія стали давать въ долгія аренды.

§ 272. **Просвѣщеніе и литература.**—Александръ много заботился и о *просвѣщеніи* (§ 266), причемъ бралъ изъ Франціи и Германіи образцы какъ реальнаго, такъ и классическаго образованія. При немъ собственно началось систематическое обученіе народа. Появленіе новыхъ университетовъ вызывало даже соревнованіе въ обществѣ: Ришелье отдалъ свои доходы въ Россіи одесскому лицею, который былъ и названъ его именемъ; на пожертвованія Демидова и Лазарева были устроены лицей въ Ярославлѣ и институтъ въ Москвѣ. Библейское Общество не только распространяло Библію (до милліона экземпляровъ), но перевело Евангеліе на русскій языкъ и основало много сельскихъ школъ. Но просвѣщеніе не могло быть глубоко, при скудости отпускаемыхъ на него средствъ (§ 270) и при руководствѣ Голицына. Высшія и среднія заведенія служили главнымъ образомъ для дворянъ; ришельевскій лицей былъ порученъ экс-іезуиту; техническія, равно какъ и приходскія школы, сосредоточивались въ одномъ Петербургѣ; на уѣздныя училища казна давала менѣе 2,000 р. асс. въ годъ; а духовенству указывалось обучать даромъ, чтò было неисполнимо для него.

Дѣло шло такъ плохо (§ 267), что подконецъ схватились за ланкастерскую систему (взаимное обученіе) и послали въ Англію студентовъ изучать ее. Немудрено, что мы держались стараго стиля, который отставалъ съ 1700 г. на 11, а съ 1800—уже на 12 дней. Встрѣчалось еще много безграмотныхъ дворянъ. Въ самомъ Петербургѣ сильно развивалось скопчество: ногти, волосы, мыльную воду „пророка“ Селиванова разбирали по всей странѣ и ставили свѣчи передъ его портретами, считая его Христомъ и Петромъ III. Іезуиты овладѣвали умами, когда Груберъ шумно открылъ въ столицѣ свою пышную коллегію. Вельможи отдавали ему своихъ дѣтей. Ихъ дамы переходили въ католичество, съ Ростопчиной во главѣ, которая была при Екатеринѣ отчаянною энциклопедисткой: онѣ получали отъ патеровъ, на балахъ и обѣдахъ, золотыя коробочки съ облатками и каждое утро причащались во славу „трижды скрытаго боженьки“; и имъ были даже видѣнія во снѣ. Успѣхи іезуитовъ, которыхъ числилось уже до 700 въ Россіи, дошли до того, что петербургскій владыка выступилъ съ „Заблужденіями папской церкви“. Вмѣшательство правительства (§ 269) спасло нашу знать отъ окатоличенія.

Но такая шаткость и оскуденіе мысли, какъ плодъ недостаточности народнаго образованія, а отчасти и реакціи на За-

падѣ, возмѣщались замѣчательнымъ явленіемъ, которое свидѣтельствовало о даровитости націи. Запасъ прогрессивныхъ силъ, возникшій съ началомъ русской *интеллигенціи* (§ 174), не изсякалъ. Умственное оживленіе первой половины царствованія Екатерины II становилось глубже и сознательнѣе. Кружокъ людей съ высшими стремленіями расширялся и правильно развивалъ задачи, завѣщанныя Петромъ Великимъ. Опять подъ вліяніемъ Запада, которому содѣйствовали такія массовыя путешествія, какъ походы нашихъ войскъ до Парижа, идеализмъ владѣлъ нашимъ обществомъ не менѣе, чѣмъ и Александромъ I. Онъ вызывалъ горячую борьбу мнѣній, принимая различныя формы, то какъ политическій и научный реализмъ французовъ и англичанъ, то какъ гуманная и метафизическая мечтательность нѣмцевъ. Онъ охватилъ даже нашу армію, среди которой оказалось много просвѣщенныхъ людей и писателей. Военные переродились: „Жомини да Жомини (военный ученый), а объ водкѣ ни полслова“. Они читали серьезныя сочиненія, заводили ланкастерское обученіе солдатъ грамотѣ, образовали общество, издававшее „Военный Журналъ“.

Выдвигалась и *женщина* больше прежняго. Она становилась культурною силой. Она участвовала на литературныхъ вечерахъ и въ изданіяхъ (Макарова, Трубецкая и др.). Оленина помогала своему мужу въ руководствѣ писателями; у Волконской литераторы доказывали исторически даровитость женщинъ; журналы дорожили похвалой прекраснаго пола и требовали для него высшаго образованія. Появились дамскіе журналы, а у консерваторовъ—насмѣшливое прозвище ученыхъ дамъ, „синій чулокъ“. Тогда же Лупалова, которая пришла изъ Сибири и выпросила у царя прощеніе своему отцу-преступнику, стала героиней „Параши Сибирячки“ Полевого и даже французскихъ романовъ. А „жены декабристовъ“, развивавшія симпатичное преданіе Шереметевой (§ 254), стали нарицательнымъ именемъ сердечной преданности, вѣрности долгу, христіанскаго мужества и просвѣщеннаго воспитанія.

Во все царствованіе Александра издавалось много книгъ и журналовъ; переводились всякіе иностранные авторы, даже итальянскіе. Въ письменности шла борьба нѣсколькихъ направленій, и она затрогивала всю интеллигенцію, не исключая женщинъ и юношества. Студенты и гимназисты дѣлились на карамзинистовъ и шишковистовъ, составляли литературныя общества, издавали рукописные журналы. Театры были полны. У вель-

можъ и писателей составлялись литературные вечера. Было нѣсколько литературныхъ обществъ, издававшихъ свои сборники. Развивалась книжная торговля: первые 8 томовъ „Исторіи“ Карамзина разошлись въ 25 дней въ 3.000 экземпляровъ, а 2-е изданіе было продано книгопродавцу за 50.000 р. Званіе писателя становилось почетнымъ и самостоятельнымъ. Карамзинъ и Жуковскій пренебрегали службой, считая „авторство службой отечеству“ и серьезно „готовясь“ къ нему; нѣкоторые вполнѣ посвящали себя изданію журналовъ. Дворъ поднималъ значеніе писателя. Александръ часто бесѣдовалъ и переписывался съ Карамзинымъ, самъ былъ его цензоромъ, награждалъ его чинами и пенсіей, далъ 60.000 на печатаніе его „Исторіи“. Елизавета Алексѣевна и Екатерина Павловна давали Карамзину поправлять свои переводы и упражненія въ русскомъ языкѣ. Марія Ѳедоровна сдѣлала Жуковскаго своимъ чтецомъ и учителемъ, а потомъ наставникомъ будущаго Александра II, а Александръ I давалъ ему деньги, ордена, чины, пенсіи. То же было съ Крыловымъ. По желанію царя, въ 1815 г. были переведены такіе замѣчательные авторы, какъ Бентамъ, Смитъ, Беккарія, Монтескье.

Вообще до 20-хъ гг. *либерализмъ* господствовалъ, по примѣру Александра. У сатириковъ всѣхъ направленій и даже у проповѣдниковъ встрѣчается критика администраціи, иногда выходки противъ самого Аракчеева. Воейковъ заявлялъ горячее сочувствіе Сперанскому; Вяземскій выступалъ противъ цензуры и „квасного патріотизма“. Въ журналахъ понемногу разбирали дѣйствія чиновниковъ и намекали на политическое развитіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ серьезнѣе становилось общество. Реализмъ выдвигался насчетъ лжеклассицизма и сентиментализма. Наука выступала въ литературныхъ кружкахъ и журналахъ. Мерзляковъ, Жуковскій, Вяземскій вводили, на мѣсто стилистическихъ разборовъ, серьезную литературную критику, сравнительную теорію словесности, Востоковъ—филологію, Каченовскій, Калайдовичъ и Снегиревъ—критическое изученіе исторіи, археологіи и народности. Недоставало только опытныхъ и точныхъ наукъ; но уже поговаривали о нововведеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, даже о замѣнѣ трехпольной системы плодоперемѣнной, а Врангель и Коцебу изучали сѣверный и южный океаны. Интеллигенція уже искала серьезныхъ книгъ и подсмѣивалась надъ журналами, изъ которыхъ прочно держались только два: „жур-

наловъ тысячи, а книги ни одной", говорилъ Горчаковъ. Литературный, эстетическій интересъ уступалъ мѣсто политико-общественному. Образовались разсуждающіе кружки, о которыхъ можно судить по Чацкому. Здѣсь толковали, особенно послѣ царской рѣчи въ Варшавѣ (§ 269), о государствѣ и освобожденіи крестьянъ, о Бентамѣ и Бенжаменѣ Констанѣ, о необходимости политическихъ наукъ въ образованіи.

Среди такого-то движенія началась *реакція* (§ 270).

Съ 1815 г. развивался мистицизмъ, во главѣ котораго стоялъ масонъ Лабзинъ, съ своимъ „Сіонскимъ Вѣстникомъ". Возростало число его журналовъ, книгъ, особенно переводовъ, въ которыхъ громили волтерьянство и „завиральныя идеи" либераловъ.

Мистицизмъ проникалъ даже въ искусство; ему подчинялся Сперанскій; дѣти навязывали его своимъ родителямъ. При дворѣ читали „Сіонскій Вѣстникъ", и вдохновителемъ царя сталъ Голицынъ.

Такъ какъ тогда въ Варшавѣ возникло тайное общество и произошли безпорядки въ университетѣ, то было заподозрѣно все высшее образованіе, а также литература, даже масоны и самъ Филаретъ, уличаемый своимъ невѣжественнымъ соперникомъ, Фотіемъ.

Былъ сосланъ на югъ Пушкинъ; непріятности по службѣ ускорили сумасшествіе Батюшкова. Многія книги и журнальныя статьи не могли появиться въ печати; „Горе отъ ума" долго ходило въ рукописи; даже прописи передѣлывались въ мистическомъ смыслѣ...

Все это умственное оживленіе отражалось въ *литературѣ*, которая сильно двинулась впередъ.

Здѣсь развивалось завѣщаніе 18-го в. въ обоихъ видахъ— какъ либеральный реализмъ, связанный съ западнымъ просвѣщеніемъ, такъ и зародыши консервативной мечтательности, питаемые стремленіемъ къ національной самобытности.

Эти задачи совмѣщались въ *Карамзинѣ* († 1826), который долго былъ средоточіемъ письменности того времени [1]).

[1]) Нашъ рисунокъ представляетъ снимокъ съ гравюры извѣстнаго Уткина, сдѣланной съ подлиннаго портрета Карамзина, писаннаго въ 1819 г.

Сначала это былъ представитель либерализма Александра I, такъ что его „Вѣстникъ Европы" служилъ какъ бы правительственнымъ журналомъ, вліявшимъ на умы своими политическими сужденіями. Карамзинъ же создалъ нынѣшній слогъ, отбросивъ „славяномудріе" и утвердивъ разговорную рѣчь, украшенную французскою „пріятностью". Это уже не „піита", а „исторіографъ", прозаикъ и ученый.

Въ отпоръ лжеклассицизму (§ 258), онъ ввелъ царствовавшій тогда во Франціи и Англіи *сентиментализмъ*, который трогалъ всѣхъ своею гуманностью, „мѣщанскою" простотой и возвыше-

Карамзинъ.

ніемъ женщины: его „Бѣдная Лиза" вызывала слезы и странствія къ пруду, гдѣ она утопилась.

Это направленіе проникало даже къ врагамъ Карамзина; въ особенности же оно овладѣло романомъ и драмой, которые выдвигались тогда на первый планъ. Оно сливалось съ нѣмецкимъ *романтизмомъ* Жуковскаго, вносившимъ къ намъ мечтательное идеальничанье съ его плодами—дряблостью воли, унылостью и фантастичностью.

Карамзинъ былъ у насъ первымъ примѣромъ „литератора": потомокъ мелкаго провинціальнаго дворянства, не снисканный ни чинами, ни должностями, онъ пріобрѣлъ большое умственное, отчасти даже политическое вліяніе. Вожди интеллигенціи назы-

вались „карамзинистами“ и составили литературное общество Арзамасъ, которому содѣйствовали Каподистрія и Уваровъ; а по прекращеніи его, они соединились въ Обществѣ любителей русской словесности при московскомъ университетѣ. Здѣсь участвовали свѣтила нашей письменности и науки — Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ и др.: они боролись, въ своихъ книгахъ и журналахъ, съ ретроградствомъ „патріотовъ“ и мистицизмомъ масоновъ.

Защитники старины, съ Шишковымъ (§ 270) во главѣ, образовали свое общество—Бесѣду любителей русскаго слова, которая издавала свои „Чтенія“, придерживавшіяся церковно-славянскаго слога.

Здѣсь-то сложилось то ученіе, зародыши котораго таились въ ропотѣ старины при Петрѣ I и Екатеринѣ II, въ затѣйкахъ староруссовъ, въ безыменныхъ донесеніяхъ на Сперанскаго. Карамзинисты назвали его *славянофильствомъ*, а Шишкова — министромъ „затменія“, чтò напоминало „темнителей“ Максима Грека (§ 174).

Къ славянофиламъ или „бесѣдистамъ, шишковистамъ“ принадлежали важныя особы: Дашкова, министры Мордвиновъ и Завадовскій, московскій попечитель Кутузовъ, Ростопчинъ, Державинъ, С. Глинка. Самъ Шишковъ былъ президентомъ Россійской академіи, которая сливалась съ Бесѣдой. Слѣдуя ему, питомцу церковной письменности, бесѣдисты занимались возстановленіемъ „стараго слога“, т.-е. смѣшною замѣной иностранныхъ словъ славянскими („мокроступы“ вмѣсто калошъ и т. под.).

Въ словесности они склонялись къ риторскому лжеклассицизму. У нихъ еще царствовала „метроманія“ или риѳмоплетство: „гремѣли оды“, перелагался Псалтырь, писались патріотическія и поздравительныя посланія губернаторами, купцами и дамами; и эти „божественные глаголы“ списывались самими авторами и дарились даже на станціяхъ. Въ театрѣ еще процвѣтали враждебныя Шекспиру комедіи Крылова и трагедіи Озерова.

Подконецъ бесѣдистамъ помогали борьба съ Наполеономъ и реакція. Они стали распѣвать „пѣсни воиновъ и бардовъ“. Державинъ и Озеровъ казнили исчадіе революціи. „Русскій Вѣстникъ“ Глинки вызывалъ восторги молодежи и пожертвованія. Ростопчинъ прославился французоѣдными афиш-

ками, походившими на тогдашніе лубки, которые также процвѣтали насчетъ отечественной войны, тѣмъ болѣе, что до 1822 г. они не подвергались цензурѣ. Шишковисты вскрывали „якобинскій ядъ" у арзамасцевъ и требовали своихъ критиковъ подъ судъ. Жуковскій приближался къ нимъ по взглядамъ: онъ зналъ только семью и родину, прошлое да будущее; его не занимали бѣдствія современнаго общества. Самъ Карамзинъ началъ вдаваться въ крайнюю сентиментальность и легкое философствованіе, сталъ издавать невинные альманахи. Наконецъ, сами арзамасцы возстали противъ своего вождя: Карамзинъ уже осуждалъ реформы Петра, отстаивалъ крѣпостничество, впадалъ въ мистицизмъ. Появились его Записка (§ 267), гдѣ впервые опредѣлялось славянофильство, и „Исторія государства Россійскаго" — произведеніе художественное и важное по матеріалу, но риторичное и тенденціозное.

Бесѣдисты преувеличивали значеніе *народности* и съуживали ее рамками древней Россіи, черты которой идеализовали. Но самая мысль о самобытности Россіи была реальною потребностью, и она поддерживалась крайностями подражанія иностранцамъ. Подконецъ она стала сливаться съ просвѣтительною потребностью—и этотъ, сродный русскимъ (§ 258), реализмъ смѣло выступилъ противъ обоихъ направленій, соперничавшихъ въ литературѣ. Начали называть сентиментализмъ „педантствомъ чувствительности", а романтизмъ — „задумчивыми враками", Карамзина—Ахалкинымъ, а Жуковскаго—Фіалкинымъ. Говорили: „прежде у насъ гремѣли оды, потомъ мы ахали, а нынѣ летимъ въ туманную даль, съ отцвѣтшею душой". Оба направленія уже осмѣивались въ комедіяхъ и романахъ и громились въ умныхъ критическихъ статьяхъ. Личный и туманный лиризмъ Жуковскаго остался одинокимъ. Совсѣмъ не привились у насъ и такіе искусственные роды литературы, какъ идиллія и описательная поэзія; изъ дидактической поэзіи встрѣчается только болѣе простой видъ — посланіе. Въ то же время поднимались строгіе голоса противъ нѣмецкой метафизики, которую отчасти обвиняли въ созданіи романтизма; а мистицизмъ осуждался почти вездѣ, какъ „вздорологія".

Народный реализмъ проявлялся во всѣхъ родахъ литературы, особенно въ *сатирѣ*, связанной съ содержаніемъ изъ русской жизни. Цѣлый рядъ умныхъ и талантливыхъ писателей разрабатывалъ сатиру. Тутъ были люди разныхъ званій и убѣжденій—и арзамасцы, и бесѣдисты, и сановники, и разночинцы, и элегантные писатели, и

циники; во главѣ ихъ стояли Дмитріевъ, Горчаковъ, Воейковъ, Вяземскій. Ихъ стихи заучивались наизусть, становились пословицами. Кромѣ лжеклассицизма, сентиментализма и романтизма, они казнили чиновничество: оттого многіе изъ ихъ стиховъ ходили только въ спискахъ; особенно мало печаталъ Горчаковъ, который напоминалъ Чацкаго злыми выходками противъ казнокрадовъ, откупщиковъ и подрядчиковъ. Тѣ же черты видимъ въ *баснѣ*, которая поэтому и процвѣтала тогда. Крыловъ (первыя басни въ 1809), этотъ бесѣдистъ, лжеклассикъ, лукавый поклонникъ старины и практической мудрости пословицъ, лѣнтяй и невѣжа, глумящійся надъ наукой, изобрѣтеніями и свободой мысли, однако казнилъ не однихъ петиметровъ, но и взяточниковъ, помѣщиковъ, плутовъ-купцовъ, дурное начальство, военщину, законы, писанные „волками".

Съ Крыловымъ окончилась басня. Требовались болѣе серьезныя формы для сатиры: на первый планъ выдвинулись романъ и драма. Если въ массѣ *романовъ*, почти все переводныхъ, господствовалъ сентиментализмъ, зато ихъ подражатели примѣнялись къ русскому быту, и многіе уже осмѣивали ихъ. Нарѣжный бичевалъ бесѣдистовъ, метафизику, мистицизмъ, крѣпостное право, пороки администраціи: въ его романахъ первообразы героевъ Гоголя. *Театръ* процвѣталъ. Подъ вліяніемъ Дмитревскаго, образовались истинные артисты (Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ, Семенова). Они были приняты въ лучшихъ домахъ, и вельможи женились на актрисахъ; литераторы дружили съ артистами и просвѣщали ихъ. Явились „театралы", провинціальные театры, „благородные (любительскіе) спектакли", „Драматическій Вѣстникъ", Дирекція императорскихъ театровъ (1806) и театральная школа. Директоры сами были драматургами и артистами; актеровъ обезпечивали хорошимъ жалованьемъ и пенсіей. Подлѣ Озерова господствовала мѣщанская драма; но она стремилась къ изображенію русскихъ нравовъ и къ сатирѣ, что̀ и привлекало публику. Глава сцены, *Шаховской*, былъ комикъ; въ веселыхъ, легкихъ пьесахъ онъ выводилъ живыя лица, клеймилъ спесь помѣщиковъ, погоню за чинами и титулами, а также сентиментализмъ. То же видимъ у его друга, Загоскина, и у Крылова (Урокъ дочкамъ, Модная лавка). Тогда явился и водевиль, какъ національное произведеніе. Этотъ же жизненный тонъ и русскій колоритъ замѣтны въ *легкой поэзіи*, въ этихъ разсказахъ, стишкахъ, въ особенности же въ пѣсняхъ и романсахъ Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, которые прошли въ толпу и поются теперь.

Подконецъ народный реализмъ проявлялся всюду, и все сознательнѣе. Народный языкъ слышимъ даже у лжеклассиковъ: оттого стихи многихъ писателей всѣхъ направленій становились пословицами, а ихъ пѣсни пѣлись народомъ. Въ то же время стали собирать памятники народнаго творчества: Жуковскій, Пушкинъ и Снегиревъ записывали сказки, пѣсни, пословицы; Общество любителей русской словесности издало „Областной Словарь"; ученые вчитывались въ русскія лѣтописи. Наконецъ, стали выдвигаться Грибоѣдовъ и Пушкинъ. Пріятель бесѣдистовъ, но очень образованный человѣкъ, знавшій много языковъ, *Грибоѣдовъ* возставалъ противъ рабскаго подражанія иностранцамъ: онъ требовалъ самобытности, но какъ плода европейскаго образованія, а не возвращенія къ старинѣ. „Горе отъ ума" (1823)—высшее развитіе нашей сатиры въ драматической формѣ: безсмертная комедія направлена противъ пороковъ общества и правительства. Монологи Чацкаго доказываютъ, до какой высоты сознанія и просвѣщенія дошла мысль наша въ теченіе первой четверти 19-го в. Здѣсь уже не литературные, эстетическіе, а политико-общественные интересы, которые своеобразно сказывались тогда же въ жизни (§ 270). То же видимъ у *Пушкина*, который былъ, напротивъ, ревностнымъ арзамасцемъ и увлекался байронизмомъ. Ссылка на югъ и жизнь въ деревнѣ заставили его много думать и учиться, чтобъ „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ",—и передъ ссылкой (1820) явился уже, въ „Русланѣ и Людмилѣ", протестъ противъ лжеклассицизма и сентиментализма, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, почерпнутому изъ народности. Тогда же Пушкинъ негодовалъ на „неправое величіе злодѣя иль глупца", мечталъ видѣть „рабство, падшее по манію царя": онъ и пострадалъ за „правду пылкую". Затѣмъ исчезли последніе слѣды подражанія: въ „Онѣгинѣ" (начатъ въ 1823) показался зрѣлый, самобытный реализмъ.

§ 273. **Николай I. Восточный вопросъ. Польское возстаніе. Борьба съ Англіей**... до сотни остальныхъ декабристовъ были сосланы въ Сибирь.

Поборникъ законности, Николай присягнулъ старшему брату; но Константинъ снова отрекся отъ престола.

Такъ воцарился 29-лѣтній Николай I—статный, высокій, сильный красавецъ, который производилъ неотразимое впечатлѣ-

ніе, подобно своему брату, но совсѣмъ другого рода [1]): образецъ непреклонной воли и гордости, онъ устрашалъ своимъ повелительнымъ и суровымъ видомъ; а когда онъ гнѣвался, на всѣхъ находилъ невольный трепетъ.

При старшемъ братѣ, Николай занимался военными дѣлами, руководилъ постройкой крѣпостей и жилъ скромнымъ семьяниномъ въ Аничкиномъ дворцѣ, въ тѣсномъ кругу наперсниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ гр. Владиміръ Адлербергъ.

Онъ искалъ вездѣ внѣшняго порядка, величавости и блеска: „Николаевскій“ мостъ, „Николаевская“ дорога, Исаакій, роскошный балетъ, для обозрѣванія котораго онъ садился въ кресла—вотъ его любимые предметы внѣ службы.

Но Николай не пренебрегалъ также меценатствомъ: онъ дѣлалъ заказы живописцамъ, давалъ подарки Пушкину и Гоголю, защищалъ ихъ отъ излишняго усердія цензуры.

Воспитанный въ аракчеевской дисциплинѣ, говорившій „вы“ только тому, на кого бывалъ сердитъ, этотъ упорный, неустрашимый повелитель высоко ставилъ свою власть и могущество Россіи, не терпѣлъ противорѣчій, не признавалъ препятствій даже за предѣлами своей державы. Мало зная Европу и гражданскую часть, онъ предпочиталъ образованію военное дѣло и національную простоту.

Цѣня выше всего внѣшній порядокъ, онъ не довѣрялъ интеллигенціи и опирался на исполнителей аракчеевскаго закала. Отсюда программа его царствованія, высказанная министромъ просвѣщенія, Уваровымъ (1833), и заимствованная у славянофиловъ—*православіе, самодержавіе и народность.*

Бунтъ декабристовъ утвердилъ новаго императора въ намѣреніи продолжать старую политику, къ которой пришелъ подконецъ его предшественникъ. Николай содѣйствовалъ возобновленію *Священнаго Союза* на конгрессѣ сѣверныхъ державъ въ Мюнхенгрецѣ (1833), присудившемъ либерализмъ къ истребленію, а послѣ паденія Меттерниха (1848), онъ сталъ его замѣстникомъ, какъ стражъ консерватизма, какъ охранитель „порядка“ въ Европѣ.

[1]) Сохранилось много портретовъ Николая I.

Къ наиболѣе схожимъ относится работа Крюгера, сдѣланная въ Берлинѣ, въ 1835 г. Съ нея сдѣланъ нашъ снимокъ.

Но эта роль, какъ понималъ ее грозный императоръ, вела къ постояннымъ потрясеніямъ: царствованіе Николая отличалось *воинственнымъ* характеромъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ началъ враждовать съ Меттернихомъ, какъ соперникъ по страсти къ „порядку" и къ руководству Европой. Въ то же время онъ сталъ вмѣшиваться въ дѣла грековъ, которые такъ давно надѣялись на Константина Павловича (§ 239), хотя не одобрялъ ихъ бунта противъ султана. Такъ какъ тогда же персіяне, пользуясь случаемъ, напали на Кавказъ и подняли грузинъ, то Николаю пришлось рѣшать свой любимый *восточный вопросъ* оружіемъ разомъ съ двухъ концовъ. Обѣ войны съ слабыми противниками, причемъ грекамъ помогали еще Англія и Францція, окончились счастливо. Паскевичъ „Эриванскій" нанесъ персіянамъ нѣсколько пораженій, взялъ ихъ оплотъ, Эривань, и вторгнулся въ ихъ собственные предѣлы. По миру въ Туркманчаѣ (1828), мы пріобрѣли Эривань и Нахичевань; и жившій въ Эчміадзинѣ армянскій патріархъ сталъ русскимъ подданнымъ. У турокъ было отнято нѣсколько крѣпостей у Дуная, на западномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря и въ Азіи; а Дибичъ „Забалканскій" продвинулся такъ далеко, что казачьи разъѣзды показывались въ окрестностяхъ Константинополя. Правда, тамъ наша ничтожная числомъ армія очутилась въ затруднительномъ положеніи; а Австрія, замѣшанная въ восточномъ вопросѣ не меньше, чѣмъ Россія, и руководимая соперникомъ Николая, Меттернихомъ, употребляла всевозможныя козни, чтобы остановить наши успѣхи. Но союзники не покинули Россіи, и ей помогла дипломатія врага Вѣны, Пруссіи, на принцессѣ которой, *Александрѣ Ѳедоровнѣ*, былъ женатъ Ни-

Николай I.

колай. Оттого, по адріанопольскому миру (1829), мы получили устья Дуная, восточный берегъ Чернаго м. и Ахалцыхъ, а также покровительство надъ румынами и сербами; и Грецiя была признана независимой.

Вслѣдъ затѣмъ пришлось усмирять войсками *польское возстанiе*. Поляки не переставали мечтать о возстановленiи всей Рѣчи Посполитой, къ чему побуждалъ ихъ проживавшiй въ своихъ имѣнiяхъ частнымъ человѣкомъ Адамъ Чарторижскiй, не щадившiй средствъ для патрiотическаго дѣла. Подъ влiянiемъ реакцiи, они уже при Александрѣ I начали готовиться къ борьбѣ за независимость, надѣясь, подобно грекамъ, на помощь западныхъ державъ (§ 270). Воззрѣнiя и нравъ Николая заставляли ихъ еще болѣе опасаться за будущее: Константинъ Павловичъ, въ которомъ они усматривали сходство съ отцомъ не только по виду, но и по свойствамъ, нарушалъ ихъ конституцiю и восхвалялъ Меттерниха. Обѣщанiя Францiи и Англiи и iюльская революцiя довершили дѣло. Въ концѣ 1830 г. многiе изъ приближенныхъ Константина и русскихъ генераловъ были убиты; самъ намѣстникъ едва спасся: въ Варшавѣ польскiе полки передались повстанцамъ, а народъ пылалъ воодушевленiемъ...

Управленiе страной перешло къ нацiональной коллегiи, съ Чарторижскимъ и Лелевелемъ (§ 264) во главѣ. Военныя дѣла были поручены старому сподвижнику Косцюшка и Наполеона, Хлопицкому, съ титуломъ диктатора.

Сначала поляки имѣли успѣхъ даже въ битвахъ, особенно въ кровавыхъ схваткахъ у Грохова: у русскихъ было немного войскъ, и среди нихъ появилась холера, сразившая Дибича и Константина; въ тылу ихъ, движенiя отважнаго генерала Гильгуда въ Подолiи и новой „амазонки“, Эмилiи Платеръ, въ Литвѣ волновали мѣстную шляхту. Но эти движенiя вскорѣ замерли. Здѣсь народъ не пошелъ за поляками, которые тогда же отвергли, на сеймѣ, мысль объ освобожденiи крестьянъ. А въ Польшѣ настали раздоры. Умѣренная партiя аристократовъ, съ Чарторижскимъ и Хлопицкимъ во главѣ, охлаждала возстанiе, надѣясь на переговоры: она не отвергала личной унiи съ Россiей. Рукодимые Лелевелемъ и наполеоновскимъ генераломъ Крюковецкимъ демократы требовали полнаго возстановленiя Рѣчи Посполитой путемъ смертельной борьбы съ русскими. Вражда партiй разгоралась: уличали другъ друга въ измѣнѣ; Гильгудъ былъ убитъ собственнымъ поручикомъ. Ставшiй диктаторомъ

Крюковецкій перерѣзалъ многихъ аристократовъ и заподозрѣнныхъ въ предательствѣ: Чарторижскій едва спасся, переодѣтый, за границу.

Въ то же время Франція съ Англіей, занятыя внутренними заботами и возстаніемъ бельгійцевъ, ограничились одними обѣщаніями. А русскіе, которыхъ поддерживали Австрія и особенно Пруссія, владѣвшія частями Польши, собрали большую армію, подъ начальствомъ предпріимчиваго Паскевича. Поляки потерпѣли жестокое пораженіе при Остроленкѣ, и Крюковецкій сдался въ плѣнъ, когда пала Варшава, послѣ героической двухдневной защиты (1831). Тысячи польскихъ патріотовъ бѣжали за границу; остальные были сосланы въ Сибирь. Варшавскій и виленскій университеты были закрыты. „Органическій статутъ“ отмѣнилъ конституцію Александра I: Польша стала русскою провинціей съ ограниченными правами. Самыя строгія мѣры были предписаны новому намѣстнику, „князю варшавскому“, Паскевичу, который оставался на этомъ посту до своей смерти (1856).

Въ Россіи настало спокойствіе, котораго былъ лишенъ Западъ, гдѣ господствовали революціонныя бури. Ея огромная армія, на которой сосредоточивались заботы правительства, стояла свободная и готовая къ бою. Ея повелитель счелъ возможнымъ выступить въ роли рѣшителя судебъ Европы — и настала 20-лѣтняя *эпоха Николая.* Русскій царь перенималъ роль Меттерниха на материкѣ, дѣйствуя гдѣ угрозами, гдѣ смѣлыми поступками, гдѣ кознями своей искусной дипломатіи. Занятая внутренними неурядицами Францiя Луи-Филиппа (§ 263) угождала ему, а раздробленная Германія была у него въ рукахъ, благодаря брачнымъ союзамъ съ ея владѣльцами. Онъ даже ѣздилъ туда (1833), чтобы сговориться съ монархами насчетъ поддержанія „порядка“ повсюду; и только вѣнскій соперникъ остановилъ достиженіе этой цѣли. Затѣмъ Николай снова взялся за *восточный вопросъ*, подъ видомъ помощи Портѣ, которую тѣснилъ тогда предпріимчивый египетскій паша, Мехмедъ-Али. Онъ принудилъ ее къ „оборонительному союзу“ въ Ункіаръ-Скелесси (1833), который закрывалъ Дарданеллы для военныхъ судовъ Запада и отдавалъ Молдавію и Валахію въ распоряженіе императора.

Но здѣсь-то разгорѣлось великое соперничество Запада съ Россіей, во главѣ котораго стала упорная и могучая *Англія*, прямо заинтересованная, черезъ свою Индію, съ судьбой Азіи.

Англичане стали всячески вредить намъ, стараясь больше всего перенять наше вліяніе въ Портѣ. Они-то продлили нашу тяжелую борьбу съ *кавказскими горцами*, снабжая ихъ деньгами, оружіемъ и совѣтчиками. Тогда, съ утвержденіемъ нашего владычества среди грузинъ и армянъ и на восточномъ берегу Чернаго м., горцы становились уединеннымъ разбойничьимъ гнѣздомъ. Передъ своею погибелью, они сдѣлались опасными. Прежде они были разъединены различными вліяніями (§§ 205, 218); при Ермоловѣ (§ 270) военно-грузинская дорога была безопасна, и все было спокойно вокругъ крѣпостей по Кубани и Тереку. Но вслѣдъ затѣмъ восточные горцы (чеченцы и лезгины Дагестана) были объединены религіозно-демократическимъ ученіемъ, *мюридизмомъ*, и ихъ первый „имамъ", Кази-Мулла, объявилъ борьбу съ русскими до послѣдняго издыханія. Поднялись и западные горцы, встревоженные нашимъ появленіемъ на берегу Чернаго м.

Кази-Мулла успѣлъ принести много вреда (взялъ даже Кизляръ), пока не уничтожили его, разрушивши аулъ Гимры (1832). Его замѣнилъ болѣе даровитый и упорный *Шамиль*. Когда было взято его укрѣпленіе, Ахульго (въ Чечнѣ), онъ утвердился въ Дарго, откуда дѣлалъ набѣги даже на Терекъ, поразилъ русскихъ въ нѣсколькихъ битвахъ и бралъ укрѣпленія съ пушками: весь Дагестанъ снова подчинился мюридамъ (1843). Тогда, въ намѣстничество *Воронцова* (1846—1856), стали вести систематическую борьбу: подвигались въ горы постепенно, вырубая лѣса, строя дороги и укрѣпленныя „линіи", развивая торговыя сношенія съ горцами. Шамиль уже рѣдко отваживался на большіе набѣги. Но намъ все еще приходилось содержать до 200.000 войска на Кавказѣ, тѣмъ болѣе, что и западные горцы не безъ успѣха боролись съ нашими черноморскими укрѣпленіями (Анапа, Сухумъ, Поти), получая боевые припасы изъ Англіи, чему не могла помѣшать наша ничтожная эскадра.

Въ то же время Англія вмѣшалась въ дѣла *Афганистана* и поставила тамъ своего князька; а Николай послалъ отрядъ Перовскаго въ *Хиву* (1839), которая грабила нашихъ купцовъ. Вслѣдствіе суровой природы, экспедиція Перовскаго была неудачна; но испуганный ханъ выказалъ покорность. Англичане между тѣмъ были изгнаны изъ Афганистана Англія работала противъ насъ также въ Персіи и Китаѣ, но безуспѣшно. Персія страшилась нашего оружія; а китайцы дружили съ нами и

допустили нашу миссію въ Пекинѣ, вслѣдствіе вражды къ англичанамъ, которая привела даже къ „войнѣ за опіумъ". Если Англія добилась (1842) права опаивать китайцевъ опіумомъ и принудила ихъ открыть 4 порта, зато Россія пріобрѣла ихъ довѣріе, запретивши своимъ купцамъ торговлю опіумомъ. Но главная борьба между Россіей и Великобританіей происходила въ Портѣ. Николай собирался уничтожить Мехмеда-Али и захватить все вліяніе въ Константинополѣ; но англичане поддержали пашу и взяли въ свои руки Египетъ, а потомъ и Турцію. Борьба двухъ дипломатій особенно разгорѣлась съ вступленіемъ въ министерство, въ Лондонѣ, смѣлаго *Пальмерстона* (1846), который былъ притомъ вождемъ революціонеровъ на материкѣ. Между тѣмъ какъ англійскій посланникъ, Редклифъ, лично ненавидѣвшій русскихъ, сильно вредилъ намъ въ Портѣ, Николай грозилъ выгнать всѣхъ англичанъ изъ Россіи (1850).

§ 274. **Венгерская кампанія. Крымская война.**—Среди такой военной и дипломатической борьбы не прерывалась дѣятельность русскаго царя, какъ охранителя порядка въ Европѣ. И здѣсь-то оказались невыгоды для насъ самихъ „николаевской эпохи", которая доставляла Россіи только внѣшній блескъ, но возстановляла противъ нея всѣ народы. До тѣхъ поръ безпокойная дѣятельность императора оправдывалась, въ извѣстной степени, интересами страны и отчасти была историческимъ наслѣдіемъ: Николай даже менѣе Александра I увлекался родственными связями, бросилъ печальный голштинскій вопросъ и защищалъ Данію противъ нѣмцевъ. Теперь же ему пришлось выручать Австрію, которая всегда тайно помогала Англіи, какъ участница въ восточномъ вопросѣ. Къ этому неизбѣжно вела роль стража того порядка въ Европѣ, который былъ серьезно нарушенъ въ Австріи, въ концѣ 40-хъ гг., частью благодаря невыносимому деспотизму Меттерниха, частью подъ вліяніемъ февральской революціи (§ 263). Тогда здѣсь начались возстанія угнетенныхъ народностей.

Сначала поднялись *поляки*. Ихъ эмиграція все время работала ревностно, особенно въ Парижѣ, гдѣ у нея возникла богатая школа, свой журналъ и много брошюръ, которыя ввозились въ бывшую Польшу, особенно черезъ ксендзовъ. Она доходила въ своихъ мечтаніяхъ до мистицизма: было общество „мессіанцевъ" (Мицкевичъ, Товьянскій), учившихъ, что нѣмцы—отжившая нація... а истинные славяне—поляки, и они обно-

вять даже Западъ, съ помощью новаго Мессіи, предтечей котораго былъ Наполеонъ.

Въ 1846 г. эмигранты, съ Мѣрославскимъ во главѣ, сосредоточились въ вольномъ городѣ Краковѣ и оттуда произвели мятежи въ Познани и Галиціи, надѣясь перейти потомъ въ русскую Польшу. Но ихъ погубило пристрастіе къ крѣпостничеству: въ Познани крестьяне остались равнодушны, и пруссаки посадили Мѣрославскаго въ тюрьму; а въ западной Галиціи они возстали противъ деспотизма пановъ, руководившихъ мятежемъ, и избили ихъ до 10.000. Въ Краковъ же пришли русскія и прусскія войска, и онъ былъ присоединенъ къ Австріи, вопреки протестамъ Франціи и Англіи.

Въ 1848 г. нѣмецкіе либералы помогли Мѣрославскому сдѣлать новую попытку въ Познани и Краковѣ; но ему пришлось бѣжать въ самомъ началѣ. Остальные польскіе эмигранты примкнули къ возстанію мадьяръ противъ Австріи.

Мадьяры Венгріи давно уже мечтали о независимости. Въ 1848 г., пользуясь революціей въ Вѣнѣ, они поднялись единодушно, подъ руководствомъ пылкаго, краснорѣчиваго адвоката и журналиста, Кошута († 1894), и даровитаго полководца, Гёргея. Они побили австрійскія войска и провозгласили республику. Николаю показалось, что это — революція приближается къ Россіи...

Послѣ... кампаніи, Паскевичъ, съ помощью австрійцевъ и хорватовъ, принудилъ въ конецъ истощенныхъ мадьяръ къ сдачѣ въ Вилагошѣ (1849).

Такъ была спасена консервативная Австрія.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, конституціонная Пруссія двинулась-было противъ Габсбурга, Николай снова охранилъ его своимъ вмѣшательствомъ.

А Австрія тогда уже выступила противъ насъ въ восточномъ вопросѣ: она остановила успѣхи Омера-паши въ Черногоріи (§ 264), чтобы разрушить русское вліяніе среди балканскихъ славянъ. И ея министръ Шварценбергъ заявилъ, что „Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью“.

Но Николай считалъ спасеннаго имъ Габсбурга своимъ орудіемъ, а Гогенцоллерна и нѣмецкихъ потентатовъ — своими приспѣшниками. Франція казалась ему ничтожествомъ, такъ какъ воцарившійся тамъ путемъ крови Наполеонъ III внушалъ всеобщее недовѣріе. Оставалась одна Англія; но эту упорную

соперницу царь надѣялся удовлетворить Египтомъ и Критомъ, при раздѣлѣ наслѣдства „больнаго человѣка", какъ называлъ онъ Турцію. Отсюда разгаръ „николаевской эпохи". Русская дипломатія стала высокомѣрна, особенно въ отношеніи къ Франціи, новое правительство которой вовсе не признавалось ею. А съ Портой, также „спасенною" Россіей, она обращалась, какъ съ своимъ вассаломъ. Киселевъ распоряжался въ Молдавіи и Валахіи, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Наши агенты работали среди турецкихъ христіанъ, поддерживая древнее предсказаніе о гибели луны въ Царьградѣ, когда истечетъ 4 вѣка отъ начала ея господства (*С. И.* § 156). Въ Палестинѣ христіане греческой вѣры стали отстранять малочисленныхъ католиковъ отъ гроба Господня въ Іерусалимѣ и тѣмъ создали вопросъ о *святыхъ мѣстахъ*. Когда католики, благодаря энергіи Наполеона III, добились отъ султана равноправія съ православными, разгнѣванный Николай послалъ къ нему Меньшикова, который вошелъ въ диванъ въ дорожномъ пальто и потребовалъ русскаго протектората надъ всѣми православными въ Турціи, т.-е. права постояннаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Порты. Получивъ отказъ, нашъ посолъ вручилъ ультиматумъ и сказалъ, что скоро возвратится въ военномъ мундирѣ.

Николай ошибся въ разсчетѣ. Христіанскій Западъ, 4 вѣка боровшійся съ исламомъ, поднялся на защиту его противъ православной Россіи, причемъ явилось единодушіе между правительствами и обществомъ. Всѣ державы негодовали на тонъ рѣшителя судебъ, который принималъ на себя русскій императоръ, и на его завоевательныя стремленія; даже родственная Пруссія тяготилась его опекой. Особенно былъ озлобленъ, лично оскорбленный царемъ, Наполеонъ, который надѣялся притомъ утвердиться на престолѣ, отомстивъ русскимъ за своего дядю. Общество ненавидѣло Николая за усвоенную имъ роль Меттерниха. Оно судило о немъ по суровымъ мѣрамъ Киселева у Дуная и Паскевича въ Польшѣ, тѣмъ больше, что польская эмиграція усердно подхватывала всякую ихъ ошибку. Оттого, когда армія Горчакова, безъ объявленія войны, вторгнулась въ *Молдо-Валахію* (1853), а Нахимовъ уничтожилъ слабый турецкій флотъ въ *Синопѣ*, Франція и Англія объявили намъ войну (1854), а Австрія придвинула войска къ югу и, вмѣстѣ съ Пруссіей, требовала, чтобы русскіе очистили Дунайскія княжества. Христіане же въ Турціи не возставали, какъ ни старался Николай придать войнѣ религіозный характеръ. Наконецъ,

наши войска оказались неготовы къ войнѣ; притомъ старый, утратившій энергію Паскевичъ мѣшалъ Горчакову, а въ Крыму командовалъ ничтожною арміей неспособный адмиралъ Меньшиковъ. У турокъ же, на Дунаѣ, была собрана хотя менѣе многочисленная, но лучше обученная иностранцами и хорошо снабженная армія, подъ начальствомъ опытнаго и отважнаго Омера-паши.

Война пошла сразу неудачно для насъ. Паскевичъ долженъ былъ покинуть княжества, которыя тотчасъ были заняты австрійскими войсками. А турки присоединились къ союзникамъ, которые, подъ начальствомъ искуснаго маршала Сентъ-Арно, открыли *крымскую кампанію*. Впервые послѣ 1812 г. непріятель ступилъ на русскую почву. Французы и англичане высадились въ Евпаторіи и оттуда двинулись на Севастополь, этотъ ключъ къ военному значенію Россіи на Черномъ морѣ. На дорогѣ ихъ встрѣтилъ, у р. *Альмы*, Меньшиковъ съ небольшимъ войскомъ. Онъ былъ разбитъ—и союзники расположились противъ южныхъ фортовъ Севастополя до Балаклавы. Не зная, что сѣверная сторона была плохо укрѣплена и въ самомъ городѣ находилось менѣе 20.000, подъ начальствомъ моряковъ Нахимова и Корнилова, они не рѣшились на штурмъ. Началась годовая *осада Севастополя*, которая равно покрыла славой и истощила обѣ стороны.

У союзниковъ были отличные инженеры; ихъ войска постоянно пополнялись свѣжими подкрѣпленіями. Но зато флотъ ихъ бездѣйствовалъ, такъ какъ наши потопили свои суда у входа въ севастопольскую бухту. Союзники плохо знали страну и положеніе нашихъ силъ. У нихъ, особенно у англичанъ, оказалось негодное снабженіе арміи. Недостатокъ одежды и пищи, бури, дожди вызвали холеру и другія болѣзни, скосившія массу храбрецовъ, и въ томъ числѣ самого Сентъ-Арно и его англійскаго товарища. Осаждающіе выносили страданія, какихъ не знало ни одно войско послѣ „великой арміи“ (§ 268). Русскіе также получали подкрѣпленія, такъ что вообще непріятель мало превосходилъ ихъ численностью. Они даже разбили англичанъ у *Балаклавы*; и у нихъ появились такіе даровитые инженеры, какъ Тотлебенъ. Но новыя войска были неопытны и плохо снабжены; а ихъ начальство отличалось оплошностями, которыя приводили къ такимъ жестокимъ пораженіямъ, какъ у *Инкермана*. Неимовѣрны ужасы и мученія, вынесенныя осажденными отъ шести бомбардировокъ, которыя закидали городъ градомъ

свинца и выбивали изъ строя отъ 500 до 3.000 человѣкъ въ день. Немногіе изъ защитниковъ воспользовались небывалою наградой — зачетомъ мѣсяца службы за годъ: были убиты Нахимовъ, Корниловъ и Истоминъ, былъ раненъ Тотлебенъ.

Въ разгаръ осады внезапно скончался потрясенный горемъ Николай; а къ осаждающимъ прибыли войска Сардиніи, которая негодовала за его отвращеніе къ либерализму ея геніальнаго Кавура. Новый начальникъ, не щадившій солдатъ, Пелисье, разбилъ у *Черной Рѣчки* Горчакова, заступившаго мѣсто Меньшикова. Затѣмъ, послѣ борьбы гигантовъ, въ которой, съ нашей стороны, пало 13.000 солдатъ и нѣсколько генераловъ, былъ взятъ грозный ключъ крѣпости, *Малаховъ Курганъ* (27 августа). Горчаковъ сжегъ городъ, потопилъ всѣ наши суда и перешелъ на сѣверную сторону. Севастополь, гдѣ до осады было до 50.000 жителей, превратился въ окруженныя кладбищами развалины, съ 5.000 нищихъ обитателей, ютившихся среди $1^1/_2$ милліона свинцовыхъ снарядовъ, покрывшихъ его почву... Вдругъ среди ада воцарилось затишье. Новый царь, Александръ II, тотчасъ по вступленіи на престолъ, открылъ мирные переговоры.

Кромѣ Дуная и Крыма, было еще нѣсколько театровъ богатырской войны. Союзный флотъ сначала безполезно бомбардировалъ *Одессу*, причемъ потерпѣлъ нѣкоторый уронъ даже отъ ничтожной батареи Щеголева, потомъ варварски уничтожилъ наши запасы въ *портахъ Азовскаго* и *Чернаго морей* (Маріуполь, Таганрогъ, Керчь, Анапа, Сухумъ). Въ Азіи, гдѣ также мы оказались неготовыми, а Воронцовъ вовсе и не подозрѣвалъ войны, намъ пришлось отступить, послѣ первыхъ успѣховъ отваги; но подконецъ Николай Муравьевъ, съ помощью подкрѣпленій, взялъ *Карсъ*. На другомъ концѣ Азіи, въ Восточномъ океанѣ, союзники неудачно нападали на *Петропавловскій портъ*. Борьба шла и на сѣверѣ. На Бѣломъ м. англичане неудачно бомбардировали *Соловки* и даже *Колу*. Въ Балтикѣ все время ходилъ флотъ адмираловъ Непира и Дундаса. Но, не смѣя сдѣлать высадки, онъ только разрушилъ крѣпостцу на Аландскихъ о., безполезно бомбардировалъ Свеаборгъ да истребилъ нѣсколько прибрежныхъ селеній и частныхъ судовъ.

Такъ, Россія еще сохраняла свою силу повсюду, а Карсъ отчасти вознаграждалъ ее за разгромъ Севастополя; ктому же Горчаковъ занялъ крѣпкую позицію на высотахъ у Севастополя и поддерживалъ оттуда свободныя сношенія съ внутренними губерніями. Союзники впадали въ изнеможеніе; Австрія, Пруссія

и Германія склонялись на сторону Россіи. Оттого намъ удалось заключить безъ униженій третій *парижскій миръ* (1856). Обѣ стороны взаимно возвращали свои завоеванія. Мы уступали только, въ пользу Молдавіи, устья Дуная съ клочкомъ Бессарабіи и лишились исключительнаго протектората надъ турецкими христіанами, которые поступали подъ покровительство всѣхъ великихъ державъ и получали права, равныя съ мусульманами. Исчезло и господство нашего флота на Черномъ м. Это море было объявлено нейтральнымъ, т.-е. открытымъ для всѣхъ торговыхъ и закрытымъ для всякихъ военныхъ судовъ: Россіи и Турціи дозволялось имѣть здѣсь лишь опредѣленное число мелкихъ военныхъ судовъ. Плаваніе торговыхъ судовъ по Дунаю стало свободнымъ для всѣхъ націй. Важно, что Черное м. и Дунай становились международными водами: это не только служило къ общей пользѣ человѣчества, но и выводило Турцію изъ ея особнаго положенія „въ концертъ европейскихъ державъ", т.-е. дѣлало заботы о благосостояніи ея населенія задачей всей Европы, а не одной Россіи.

§ 275. **Внутреннія дѣла. Реакція.** — Среди почти непрерывныхъ войнъ, когда Россія еще не успѣла отдохнуть отъ погромовъ наполеоновской эпохи, ея внутреннее положеніе становилось тягостнымъ. Николай не щадилъ усилій, чтобы облегчить его. Онъ и здѣсь проявлялъ замѣчательную строгость, твердость и трудолюбіе. Но бдительный, неугомонный и неутомимый повелитель оказался на этомъ поприщѣ такимъ же односороннимъ хозяиномъ, какимъ онъ былъ въ дѣлахъ военныхъ и дипломатическихъ. Какъ тамъ меттерниховская идея, такъ здѣсь трехчленная программа (§ 273) приводила къ стѣсненію народной жизни во имя внѣшняго порядка. Оттого лучшія стремленія и замыслы или застывали, или приводили къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Внутреннее разслабленіе націи прикрывалось красивыми „казенными фасадами", по выраженію самихъ славянофиловъ; и на Западѣ утвердилась легенда о „колоссѣ на глиняныхъ ногахъ".

Такъ, самъ честный труженикъ на тронѣ, Николай ненавидѣлъ неправду во всѣхъ ея видахъ. Онъ прежде всего сталъ ревностно раскрывать *злоупотребленія чиновничества,* съ которыми ознакомился, много работая еще будучи великимъ княземъ. А кончилось тѣмъ, что крымская война разоблачила небывалое развитіе этой язвы. Точно также съ самаго начала Николай спѣшилъ устранить хаосъ въ управленіи, довершивъ вѣковое

дѣло Уложенія. И его несокрушимой волѣ мы обязаны *Сводомъ законовъ* (1833) и Уложеніемъ о наказаніяхъ: и то были лишь выборки изъ колоссальнаго (45 томовъ) *Полнаго собранія законовъ*, изданныхъ съ 1649 по 1832 г. Но, хотя этимъ великимъ дѣломъ завѣдывалъ достойный человѣкъ, Сперанскій, оно было полно противорѣчій, недоразумѣній и ошибокъ. Помимо поспѣшности, ему вредило то, что Сперанскій былъ только чернорабочимъ, чиновникомъ *II Отдѣленія Собственной его величества канцеляріи:* онъ лишь исполнялъ программу Николая, который не допускалъ ничего иностраннаго. Самъ Сперанскій тяготился недостатками своего мало систематизованнаго и все еще слишкомъ обширнаго (15 томовъ) Свода: онъ все мечталъ объ его исправленіи.

Не Сперанскій былъ вдохновителемъ управленія, а Блудовъ, братья Перовскіе, Чернышевъ, Клейнмихель, въ особенности же Киселевъ и Канкринъ. Киселевъ, къ которому перешло новое *министерство государственныхъ имуществъ* (1837), напоминалъ Аракчеева: онъ осѣтилъ указами даже домашнюю жизнь мужика. И при царѣ, который все думалъ объ улучшеніи участи низшаго класса, казеннымъ крестьянамъ стало еще тяжелѣе, такъ какъ они должны были содержать новое, угнетавшее ихъ министерство. А участь крѣпостныхъ не могла быть облегчена мелкими ограниченіями власти господъ. Въ то же время тягости народа возрастали отъ внѣшняго, фискальнаго взгляда, положеннаго въ основаніе экономическаго быта страны.

Финансами завѣдывало самое довѣренное лицо Николая, Канкринъ, кропотливый, упорный и добросовѣстный нѣмецъ, который боялся малѣйшей гласности въ дѣлахъ и не терпѣлъ новизны: постройка желѣзныхъ дорогъ казалась ему „холерой, о которой черезъ 20 л. забудутъ и говорить“. Крайній консерваторъ и протекціонистъ, онъ не понималъ связи финансовъ съ преобразованіями, открывающими новые источники жизни и доходовъ: его дѣло было лечить чахотку казны старымъ способомъ—предписаніями, возвышеніемъ налоговъ, словомъ, финансовою формалистикой, которая иногда временно прикрываетъ зло внѣшнимъ блескомъ. У него главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ оставались, помимо тяжкой податной системы, лежавшей на бѣднякахъ, гибельные *откупа*, въ особенности винный (§ 271). Его чиновники вели таинственныя дѣла такъ, что на суммы, поглощенныя николаевскою дорогой, можно

бы довести ее до Крыма. Канкринъ ввелъ внѣшній порядокъ въ экономическій хаосъ, завѣщанный Александромъ I, хлопоталъ о бережливости въ управленіи, обогащалъ промышленность высокимъ *тарифомъ*, возвысилъ добываніе золота въ Сибири съ 70 до 1.000 пудовъ. Такъ какъ, въ то же время, было получено много золота, въ видѣ контрибуціи съ Турціи и Персіи, то не только повысился нашъ курсъ, но явился лажъ на бумажки. Канкринъ воспользовался этимъ, чтобы ввести (1839) новую монетную единицу — *серебряный рубль* (3$^1/_2$ р. ассигн.), и началъ обмѣнивать монету и слитки на „депозитки" — государственныя обязательства, которыя были замѣнены потомъ (1843) *кредитными билетами*.

При такомъ внѣшнемъ благополучіи, страна, истощаемая войнами (одна крымская кампанія стоила 500 милл. р.), чиновничествомъ и помѣщиками, оставалась бѣдною. Подконецъ, какъ передъ смертью Александра I, кругомъ объявлялись банкротства, совершались милліонныя растраты казенныхъ суммъ, росли недоимки крестьянъ, обогащавшихъ даже купцовъ и фабрикантовъ, которые давали имъ плохой товаръ, не боясь соперничества иностранцевъ. Усиливались *бунты*, которые не прекращались и во все царствованіе, иногда по самымъ нелѣпымъ слухамъ. Въ Оренбургской губ. мятежники даже сражались съ войсками; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ погибло много суровыхъ начальниковъ. Сильно развивалось недовольство и между *раскольниками*. Гоненія на нихъ возрастали; тайные комитеты ревностно отыскивали всякія секты. Но полицейскія мѣры только размножали взяточничество; а расколъ сдѣлалъ тогда большіе успѣхи.

Къ тѣмъ же послѣдствіямъ приводило стремленіе утверждать православіе въ западномъ краѣ. Тамъ, передъ паденіемъ Рѣчи Посполитой, русское населеніе замѣтно ополячивалось, благодаря *уніи* (§ 191), которая превращалась уже въ католичество, особенно съ помощью монаховъ базиліанъ, чему способствовало и пристрастіе Павла къ іезуитамъ (§ 252). При Александрѣ I обратили вниманіе на уніатовъ: для нихъ было устроено особое управленіе, душой котораго былъ преданный Россіи митрополитъ литовскій, Сѣмашко. Николай уничтожилъ орденъ базиліанъ и основалъ училища для уніатовъ въ православномъ духѣ. Въ 1839 г. произошло уничтоженіе уніи, которая сохранилась только въ холмской епархіи. Священники, не желавшіе присоединиться къ православію, были высланы внутрь Россіи...

§ 276. **Внѣшній бытъ. Сословія.**—Наши *границы* расширились при Николаѣ пріобрѣтеніемъ устьевъ Дуная, восточнаго берега Чернаго м., Дагестана, Эривани, Нахичевани и Ахалцыха. Но эти же завоеванія мѣшали росту *населенія*... Цѣлыя части населенія обращались въ постоянныхъ воиновъ: возникли оренбургскіе и кавказскіе линейные казаки...

Пожары продолжали опустошать цѣлые города и особенно деревни: нерѣдко мужики, лѣтомъ, устраивали печи посреди улицы, опасаясь топить свои жалкія избы съ соломенными крышами. Нѣсколько *страховыхъ обществъ*, возникшихъ съ 1827 г., мало помогали погорѣльцамъ, и то только въ городахъ: нерѣдко они сами разорялись. Земледѣліе находилось въ застоѣ... Въ путяхъ сообщенія сдѣлано одно только улучшеніе: послѣ пробной царскосельской (1838), была построена *николаевская желѣзная дорога* (1851)... Купцовъ значилось только 55.000, въ томъ числѣ всего 4.000 двухъ первыхъ гильдій. Частный кредитъ основывался только на закладахъ и доходилъ до 25%. Фабрики и заводы въ имперіи (кромѣ Польши и Финляндіи) работали только на 200 милл. р...

Касательно *крѣпостничества* Николая постигла такая же печальная судьба, какъ Александра I (§ 271). И онъ возмущался имъ искренно. Никто не заботился столько о крестьянахъ; никто не принималъ столько мелкихъ мѣръ для „улучшенія ихъ быта": онъ далъ имъ даже право владѣть землями. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, и Бибиковъ въ Малороссіи много сдѣлали по жалобамъ крѣпостныхъ и наложили рядъ опекъ на негодныхъ помѣщиковъ. Но и воля Николая была сломлена противодѣйствіемъ помѣщиковъ. Труды шести „негласныхъ" комитетовъ по крестьянскому вопросу ограничились нѣсколькими безплодными „записками" (Перовскаго, Боде, Киселева). Планъ освобожденія, составленный Сперанскимъ (1826), былъ пріостановленъ вельможами, съ Константиномъ Павловичемъ во главѣ. Затѣмъ польское возстаніе и февральская революція совсѣмъ разстроили благой замыселъ. Только въ западномъ краѣ, послѣ 1831 г., улучшали участь крѣпостныхъ, чтобы отвлечь ихъ отъ поляковъ: тамъ строго вводились „инвентари" или опредѣленіе барщинъ, причемъ особенною твердостью отличился любимецъ Николая, кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ.

Внутри же Россіи крѣпостничество процвѣтало попрежнему.

Число крѣпостныхъ достигло небывалой цифры—почти 45% всего населенія...

Видѣвшій все это и скорбѣвшій душой Николай продолжалъ политику Александра I относительно высшаго сословія (§ 271). Онъ старался очистить его отъ подлородія (§ 222) и мелкопомѣстья, а также искусственно поднять его значеніе. Тогда всякій старался еще „выхаживать“ себѣ дворянство у мѣстныхъ депутатскихъ собраній, которыя дѣлали, что̀ хотѣли, и даже не посылали въ герольдію списковъ съ своихъ родословныхъ книгъ. Особенно занимались этимъ иноплеменники: сотворилось множество остзейскихъ бароновъ, шляхтичей западнаго края, грузинскихъ князей. Больше всего занимались „отыскиваніемъ дворянства“ въ Малороссіи: въ Бердичевѣ была цѣлая фабрика шляхетскихъ дипломовъ и генеалогій, которые продавались по 1 р. Бибиковъ, обратившій 64.000 такихъ дворянъ въ однодворцевъ и купцовъ, говорилъ: „здѣсь всѣ дворяне—и лакей за каретой, и кучеръ на козлахъ, и поваръ на кухнѣ“. Николай выступилъ противъ этого зла съ строгими указами и ревизіонными коммиссіями. Герольдическую контору онъ превратилъ въ департаментъ сената, гдѣ цѣлая отдѣльная экспедиція занимается продолженіемъ Гербовника (§ 249).

Въ то же время Николай подымалъ чины, дающіе потомственное (штабъ-офицеръ и V классъ) и даже личное (IX классъ) дворянство, и возвышалъ цензъ, чтобы устранить мелкопомѣстныхъ отъ дворянскихъ выборовъ. А личныхъ дворянъ онъ старался слить съ купцами, стремленіе которыхъ въ дворянство было задержано установленіемъ *почетнаго гражданства* (личнаго и потомственнаго) за особыя заслуги, близкаго, по правамъ, къ дворянству: сыновья личныхъ дворянъ становились почетными гражданами. Былъ даже возстановленъ майоратъ (§ 215) или „заповѣдныя имѣнія“. Попрежнему давались титулы князя, графа и барона (послѣдній особенно для такихъ иностранныхъ богачей, какъ Штиглицъ), а также ордена (прибавились Станислава и Бѣлаго Орла); но пожалованныхъ дворянъ становилось меньше... Для дворянъ былъ увеличенъ размѣръ казенныхъ ссудъ и пониженъ %, въ надеждѣ, что эта помощь „обратится не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній“. Мелкопомѣстнымъ давали даже казенныя земли съ денежнымъ пособіемъ и воспитывали ихъ дѣтей даромъ въ корпусахъ и школахъ кантонистовъ. Продолжали увеличивать число должно-

стей, такъ что почти не было дворянъ безъ чиновъ: однихъ штатныхъ гражданскихъ мѣстъ накопилось до 35.000. Но зато Николай внушалъ, что „служба государству — первѣйшая обязанность благороднаго сословія“, и облекъ дворянъ въ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Законъ 1831 г. назвалъ „обязанностью“ участіе ихъ въ своихъ собраніяхъ и требовалъ, чтобы они избирали на должности „истинно достойныхъ имени блюстителей порядка и правосудія“.

Но благія стремленія строгаго императора мало достигали цѣли. Выборы попрежнему дѣлались обыкновенно недостойные: черемисы считали земскій судъ Кереметью (§ 7); кіевскій генералъ-губернаторъ совѣтовалъ замѣнить чѣмъ-нибудь имя земскихъ исправниковъ, которое стало для всѣхъ тяжкимъ. На дворянахъ все накоплялась масса долговъ: ихъ имѣнія не выходили изъ опекъ за неплатежъ въ приказы, а нерѣдко и продавались съ молотка. Фабрикація дипломовъ не прекращалась. Число дворянъ дошло до 1 милліона обоего пола, т.-е. 1 дворянинъ на 68 жителей. И тутъ было всего 882 старыхъ, чисто русскихъ фамилій, корни которыхъ уходили за 1600-й г. Да и тѣ обѣднѣли: родовыя имѣнія сохранялись у немногихъ (Шереметевы, Строгоновы, Голицыны, Воронцовы, Панины и др.).

§ 277. **Просвѣщеніе и литература**.—Николай не забывалъ и народнаго *просвѣщенія*, которое значительно подвинулось впередъ, особенно при образованномъ и мягкомъ министрѣ Уваровѣ (1833—1849). Главною заслугой послѣдняго былъ *университетскій уставъ* (1835), заимствованный изъ образцовой системы высшаго образованія въ Германіи: онъ увеличивалъ средства университетовъ и число каѳедръ, а, главное, создавалъ изъ профессоровъ почтенную, поднятую въ глазахъ общества корпорацію вождей науки, съ значительною самостоятельностью и „академическою свободой преподаванія“. Тогда же былъ основанъ, взамѣнъ виленскаго, *кіевскій университетъ* (1833), названный университетомъ „св. Владиміра“; а при другихъ университетахъ были заведены реальные курсы, въ особенности для изученія сельскаго хозяйства. Реальное и прикладное образованіе было развито также учрежденіемъ такихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ *Технологическій* институтъ и школа *Правовѣдѣнія*. Все это само собою подымало гражданскую службу: „университетскіе“ и „правовѣды“ стали занимать въ ней высшія мѣста. Разработка науки поощрялась еще основаніемъ

Пулковской обсерваторіи, *Археографической коммиссіи*, географическаго и другихъ ученыхъ обществъ, а также рядомъ ученыхъ экспедицій на сѣверъ и на Кавказъ и изданіемъ дорогихъ научныхъ трудовъ на казенный счетъ. Среднее образованіе приняло правильный видъ съ изданіемъ *устава гимназій и училищъ* (1828). Гимназіи, гдѣ равно обращалось вниманіе и на латинскій, и на новые языки, были преобразованы въ 1849 г.: въ однѣхъ былъ введенъ греческій языкъ, въ другихъ — естествознаніе; съ IV класса онѣ распадались на 2 отдѣленія — съ древними языками для идущихъ въ университетъ и съ законовѣденіемъ для поступающихъ прямо на службу. За скудостью казны, менѣе было сдѣлано для низшаго образованія; но понемногу прибавлялись уѣздныя и приходскія училища, заводились сельскія школы, пріюты, школы кантонистовъ. Только женское образованіе ограничивалось попрежнему институтами да немногими частными „пансіонами".

Но внутреннее состояніе учебнаго дѣла было менѣе удовлетворительно. Его подрывали разныя стѣсненія, особенно подконецъ: проведеніе духа офиціальной программы превращалось, при реакціи, особенно въ университетахъ (§ 275), въ бездушную формалистику и военную дисциплину...

Отчасти съ невѣжествомъ связано небывалое развитіе *раскола*: старообрядцы не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ школы, гдѣ ихъ приневоливали учиться у православныхъ церковниковъ. Гоненія довершали дѣло. Укрываясь отъ нихъ, раскольники образовали нѣсколько крѣпкихъ гнѣздъ — Выгорѣцію (§ 252), Керженецъ (Нижегород. губ.), Стародубье (Черниг. губ.), Вѣтку (Могил. губ.), по р. Иргизу (заволжскія степи) и на Дону. Здѣсь они составляли свои „соборы" и писали „тетрадки" да „окружныя посланія"; отсюда выходили ихъ проповѣдники, въ видѣ офеней (коробейниковъ) и нищихъ. Множество раскольниковъ проживало разбросанно повсюду, благодаря богатствамъ, скопленнымъ при помощи дружной взаимной поддержки. Средоточіемъ именитѣйшихъ поповцевъ и безпоповцевъ (§ 252) стали Рогожское и Преображенское кладбища въ Москвѣ. Поповцы устроили даже собственную епархію (1846) въ Бѣлой Криницѣ (въ Буковинѣ), гдѣ ихъ митрополитъ посвящалъ во владыки и попы; вскорѣ появились ихъ епископы и въ Россіи. Все это усиливало гоненія, а плодомъ ихъ было новое развитіе раскола: къ концу царствова-

нія Николая насчитывалось уже 10 милліоновъ однихъ завѣдомыхъ раскольниковъ...

Ряды все болѣе сознательной интеллигенціи густѣли. Умственное движеніе расширялось и углублялось, благодаря серьезному университетскому уставу, журналистикѣ, крупнымъ переводамъ („Иліада" Гнѣдича и „Одиссея" Жуковскаго) и театру, руководимому ревностнымъ Шаховскимъ. Тогда-то народились *люди сороковыхъ годовъ*,—то поколѣніе богатырей мысли, таланта и страдальческой любви къ народу, которое подготовило и отчасти вынесло на своихъ плечахъ великія преобразованія слѣдующаго царствованія.

Умственное оживленіе, и тогда совершавшееся подъ прямымъ вліяніемъ Запада, явственно сказалось уже въ первой половинѣ царствованія, среди поколѣнія тридцатыхъ годовъ. Такъ какъ книгъ все еще было мало, то оно сосредоточивалось въ *журналистикѣ*: уже въ 1830 г. насчитывалось 73 періодическихъ изданія. Сначала на первомъ планѣ, по числу подписчиковъ, стояли основанные изъ выгоды пустые журналы Греча, Булгарина и Сенковскаго, которые отличались площаднымъ тономъ и духомъ „кваснаго патріотизма" (§ 258) да офиціальной программы (§ 273), укрывавшимъ ихъ отъ преслѣдованій цензуры. Затѣмъ появились болѣе серьезныя изданія Полеваго и Пушкина и, наконецъ, возникъ образецъ истиннаго журнала — „Телескопъ" московскаго профессора *Надеждина*. Воспитанный на западной наукѣ, талантливый Надеждинъ ввелъ настоящую критику, основанную на реализмѣ исторіи и на обобщеніяхъ философіи. Онъ требовалъ западнаго просвѣщенія и гражданственности и начиналъ нашу исторію съ Петра I. Онъ напечаталъ рѣзкое разоблаченіе недостатковъ Россіи — „Письмо Чаадаева", за которое его выслали изъ столицы, а „Телескопъ" закрыли: Чаадаева считали образцомъ, съ котораго былъ списанъ Чацкій (§ 272).

Дѣло Надеждина продолжали его университетскіе слушатели, изъ которыхъ образовалось два молодыхъ кружка. Кружокъ *Станкевича* (Бѣлинскій, Боткинъ, Грановскій, отчасти Катковъ) воспитался на нѣмецкой метафизикѣ: увлекаясь сначала Шеллингомъ, потомъ Гегелемъ, онъ служилъ эстетизму или художественному интересу, не затрогивая гражданской дѣйствительности... Всѣ эти передовые люди бросали безплодную метафизику и эстетику; къ 1840-му г. они становились на реальную почву общественныхъ вопросовъ. Среди нихъ особенно горячо взялся

за новое направленіе *Бѣлинскій*, давшій имя эпохѣ въ культурномъ смыслѣ. Болѣзненно-страстный, аскетически идеальный, онъ всю жизнь „священнодѣйствовалъ" во имя правды и свѣта. Онъ сразу (1834) объявилъ, что „у насъ нѣтъ литературы", и этимъ пылкимъ отрицаніемъ, этимъ высокимъ тономъ благородства возстановилъ всѣхъ москвичей противъ новаго направленія. Бѣлинскій переселился въ Петербургъ работать въ *Отечественныхъ Запискахъ*, основанныхъ тогда Краевскимъ.

Умственное движеніе блестяще отразилось въ изящной словесности. Она уже перерабатывала западныя вліянія самостоятельно и достигла, наконецъ, *русскихъ* образцовъ, которые стали привлекать къ себѣ вниманіе изумленной Европы. Въ 30-хъ гг. сентиментализмъ и романтизмъ (§ 272) уже совсѣмъ исчезли... Эти черты ясны уже у *Пушкина* [1]). Онъ становился реальнѣе и задушевнѣе и переходилъ къ образцовой прозѣ. Онъ правдиво описывалъ бытъ разныхъ народовъ и временъ, но особенно изучалъ родную жизнь. „Онѣгинъ" (1830) — вѣрная картина нравовъ дворянства 20-хъ гг.; онъ убилъ романтизмъ точно такъ же, какъ „Борисъ Годуновъ" (1831) нанесъ послѣдній ударъ лжеклассицизму. У Пушкина вездѣ критическій духъ, сочувствіе къ прогрессу и народу; онъ благоговѣлъ передъ Петромъ I и недолюбливалъ Москвы. Но подконецъ онъ вращался въ великосвѣтскихъ салонахъ, впадалъ въ тонъ „патріотовъ" и превозносилъ служеніе эстетизму, далекому отъ „черни". Протестомъ противъ этого олимпійства былъ *Лермонтовъ* († 1841), поэзія котораго — отчаянный вопль сильной, но надломленной натуры, жаждавшей борьбы, но лишенной дѣятельности. Это —

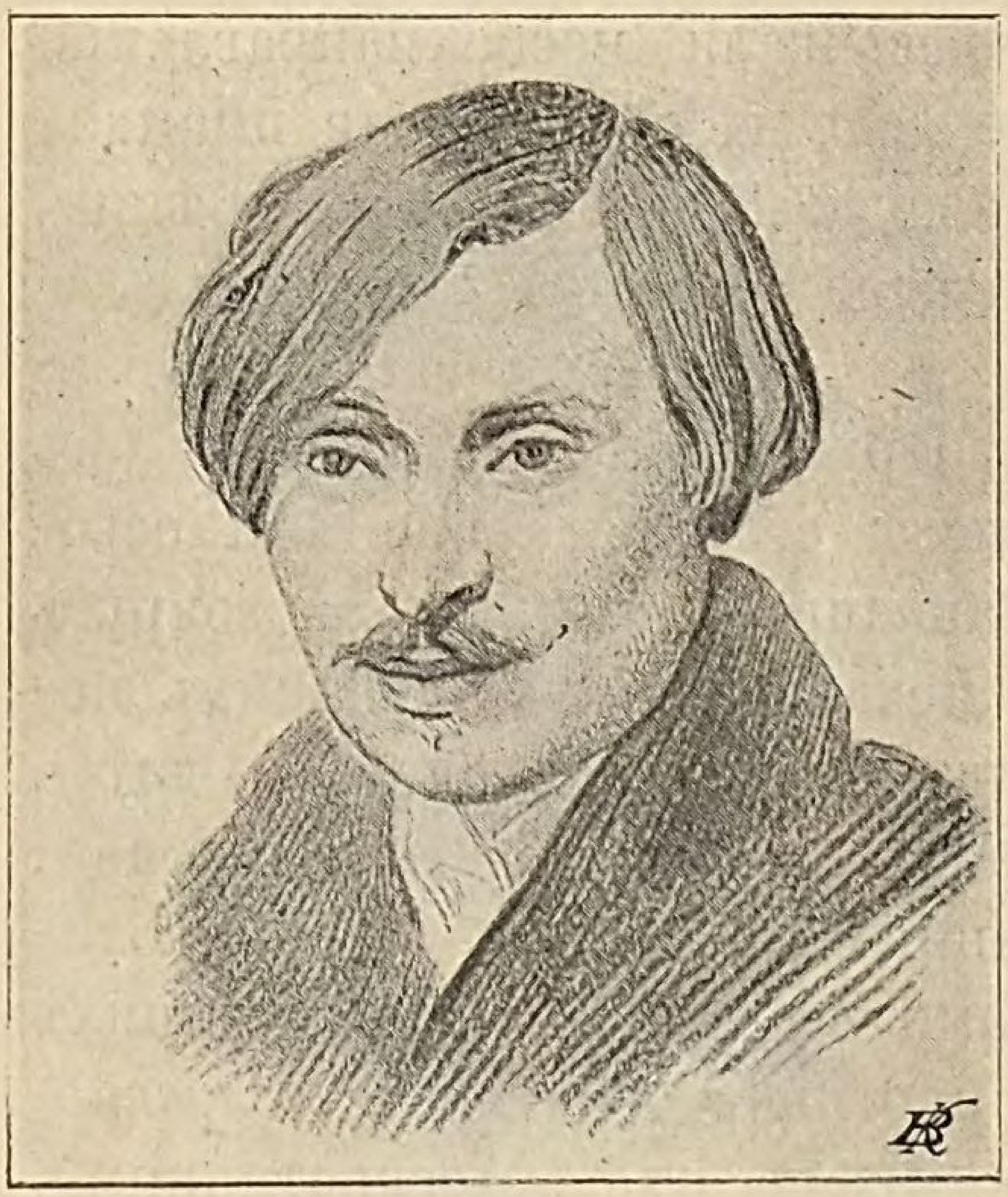
Пушкинъ.

[1]) Наше изображеніе снято съ весьма схожаго портрета Wright'а, которому Пушкинъ писалъ, по поводу его: „Зачѣмъ твой дивный карандашъ рисуетъ мой арабскій профиль" и т. д.

Байронъ, „но только съ русскою душой“, знавшей свое общество и казнившей его пороки... Оставалось вывести провинцію и крестьянство. Это сдѣлали *Гоголь* и *Кольцовъ.* Бѣлинскій провозгласилъ Гоголя отцомъ „натуральной“ школы; но это лишь потому, что нашъ „юмористъ“ изучилъ не однихъ героевъ, но и среду, разработалъ мелочи жизни и выставилъ ихъ съ такою откровенностью, что даже пушкинцы называли его „грязнымъ“. „Ревизоръ“ (1835) и „Шинель“ служатъ началомъ и „обличительной“ литературы: въ нихъ вскрыты пороки и провинціальнаго чиновничества...

Сороковые годы особенно богаты мыслью и литературными талантами, которые съ блескомъ развивали новое направленіе. Это направленіе стало ясною, твердою идеей, которая приняла названіе *западничества* и признала своими вождями Бѣлинскаго и Гоголя... Его „обхватила идея общества“: онъ сталъ за передовыхъ писателей Запада и за „лѣвую сторону“ гегельянства, которую преслѣдовали въ Пруссіи за либерализмъ; онъ заговорилъ и о „народѣ“, въ смыслѣ его просвѣщенія и освобожденія отъ крѣпостничества. Западники соединялись вокругъ „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ печатались труды нашихъ новыхъ талантовъ и переводы Ж. Занда, Диккенса, Беранже, Гюго... и т. под. Этотъ-то кружокъ сталъ „людьми 40-хъ годовъ“, вождями интеллигенціи, общественнымъ мнѣніемъ. Гречъ, Булгаринъ и ихъ сотрудники пали сами собой. Но ихъ замѣнилъ болѣе серьезный и благородный противникъ — новое *славянофильство* (§ 272), которое примыкало къ „Москвитянину“, замѣнившему „Московскій Наблюдатель“. Славянофилы (Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы, Кирѣевскіе) стояли за народность въ духѣ программы Уварова и объявили, что „Западъ гніетъ“, а славянамъ суждено спасти человѣчество; они признавали русскую исторію только до Петра и отрицали ея „петербургскій періодъ“, якобы испорченный иностраннымъ вліяніемъ. Люди образованные и смѣло отстаивавшіе свои идеи, они постоянно вызывали западниковъ на серьезную борьбу, тѣмъ болѣе, что приносили пользу изученіемъ народнаго быта и нашей древней исторіи. Стараясь поднять и освободить славянъ отъ ига нѣмцевъ и турокъ, славянофилы признавали литературу галичанъ, а слѣдовательно и малорусскую, которую презирали западники, какъ „провинціализмъ“. Ихъ поддержало возрожденіе славянъ (§ 264) и основаніе каѳедръ славистики при нашихъ университетахъ (1838).

Но помимо славянофиловъ шло литературное развитіе, которое началось тогда „Мертвыми Душами“ (1842) *Гоголя*[1]), этою эпопеей полнаго реализма, коснувшагося небывалыхъ мелочей въ описаніи быта и души разныхъ сословій русской провинціи. Затѣмъ „натуральная школа“ выставила рядъ крупныхъ талантовъ, избравшихъ своею формой „нравоописательный“ *романъ и повѣсть*, которые стали уже не роскошью, а потребностью общества и орудіемъ просвѣщенія. Ея характеръ публицистическій и критическій. Она рисовала не столько лица, сколько типы и ихъ исторію; она расширяла рамки Гоголя, выдвинувъ крестьянство и затронувъ крѣпостное право. Особенно глубоко захвачены бытъ народа и крѣпостничество у *Тургенева* („Записки Охотника“, 1847) и *Григоровича*, а также въ стихахъ начинавшаго *Некрасова* и *Шевченка*. Къ этимъ писателямъ примыкалъ *Достоевскій* своею первою повѣстью — „Бѣдные люди“ (1845), проникнутою глубокимъ чувствомъ къ забитому человѣку. *Герценъ* („Кто виноватъ?“ 1845) и *Дружининъ* („Полинька Саксъ“) поднимали женскій вопросъ въ духѣ Ж. Занда. *Гончаровъ* („Обыкновенная Исторія“) рисовалъ заѣданіе университетскихъ идеаловъ чиновничьей карьерой. Съ 1847 г. литературное движеніе пріостановилось до 1855, подъ вліяніемъ крайней реакціи (§ 275)...

Гоголь.

Въ 40-хъ годахъ расцвѣтала и русская *наука*. И здѣсь утверждался свойственный нашему уму трезвый реализмъ. Нѣмецкая метафизика не прививалась къ намъ, также какъ и классическое образованіе. Общество стремилось къ опытному и прикладному знанію для своихъ дѣтей... Ученые увлекались историческими и отчасти филологическими изслѣдованіями. И здѣсь особенно плодотворно отразилось всеобщее стремленіе къ *народности*, которое давало бойкій ходъ даже такимъ

[1]) Нашъ портретъ снятъ съ рисунка (карандашомъ) знаменитаго Иванова.

искусственнымъ сказкамъ, какъ „Конекъ-Горбунокъ“ (1839), и такимъ слабымъ историческимъ романамъ, какъ произведенія Загоскина, Лажечникова и Полевого. Самъ отецъ западничества, Надеждинъ, былъ основателемъ изученія русской народности, матеріалъ для котораго подготовлялся съ Екатерины II (§ 258). Его усилія были поддержаны географическимъ обществомъ и археографической коммиссіей. Появился цѣлый рядъ кропотливыхъ искателей и изслѣдователей пѣсенъ, сказокъ и другихъ сокровищъ нашего и славянскаго быта (Сахаровъ, Снегиревъ, Даль, Максимовичъ, Востоковъ, Срезневскій и др.). Многіе изъ нихъ примыкали къ славянофиламъ, которые помогали также появленію такихъ зачатковъ малороссійской письменности, какъ стихи Шевченка и повѣсти Основьяненка.

Въ то же время открывались памятники нашей старины, что̀ вело къ новымъ построеніямъ русской *исторіи*. Въ 30-хъ гг. московскій профессоръ Каченовскій внесъ оживленіе въ нее беспощаднымъ „скептицизмомъ“, не довѣрявшимъ даже Нестору. Отсюда критическая разработка источниковъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ методовъ, какъ свидѣтельствуютъ имена западниковъ— Кавелина, Соловьева, Рѣдкина и Буслаева. Первые два уже выставили широкую и плодотворную теорію родового быта. Славянофилы вырабатывали собственное ученіе, основанное на идеализаціи старины, и своею одушевленною полемикой поддерживали рвеніе западниковъ. Между ними и западниками начался уже трудный и полезный споръ о сельской общинѣ, которую защищали славянофилы, какъ древнее народное начало Руси. Даже всеобщая исторія получила воспитательное значеніе, благодаря талантливому московскому профессору, Грановскому, читавшему и публичныя лекціи: она была проповѣдью лучшихъ сторонъ западной гражданственности. Подконецъ начали заниматься также *точными* и *опытными* науками,—и тотчасъ появились европейскія имена математика Остроградскаго и естественника Бера.

§ 278. **Александръ II. Преобразованія.** — ...Сохранивъ лучшія учрежденія своей бабки, но лишивъ ихъ духа развитія, Николай самъ наконецъ усмотрѣлъ истинное историческое призваніе русскаго государства... Все шло противъ несокрушимой воли гордаго властителя. И онъ самъ указалъ наслѣднику новый путь (§ 275).

Александръ II, которому было 37 л., когда скончался

Николай I (19 февраля 1855), подходилъ къ задачѣ по своимъ свойствамъ. Онъ напоминалъ больше Александра I, чѣмъ отца. Средняго роста, безъ внѣшней выправки, съ простыми манерами и рѣчами, съ пріятнымъ... лицомъ, [1]), ...скромный и мягкій нравомъ, Александръ II не отличался ни особенной силой, здоровьемъ или внѣшнимъ блескомъ, ни повелительностью, энергіей или бойкостью, ни воинскимъ честолюбіемъ... Онъ напоминалъ дядю снисходительностью, брезгливостью къ злоупотребленіямъ чиновниковъ и образованностью: онъ хорошо писалъ на трехъ иностранныхъ языкахъ. Его доброта граничила съ нерѣшительностью: слѣды вліяній различныхъ совѣтниковъ отражались всюду въ теченіе всего его царствованія. Онъ стремился уравновѣшивать ихъ. Только тамъ, гдѣ громко говорила врожденная ему человѣчность и желаніе облагодѣтельствовать всѣхъ, онъ былъ непреклоненъ, готовый на самопожертвованіе: такъ было въ началѣ и въ самомъ концѣ его правленія.

Александръ II.

Александръ II не былъ идеаломъ „патріотовъ" или „старорусcовъ", какъ выражались иностранцы. Ихъ надеждой былъ не этотъ другъ супруга Маріи Николаевны, герцога лейхтенбергскаго, который не пользовался сочувствіемъ Николая I, а любимецъ послѣдняго, Константинъ Николаевичъ, отличавшійся военнымъ видомъ и величавостью: славянофилы все говорили про этого великаго князя, а не про старшаго брата, котораго они не замѣчали, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Имъ не нравилось и воспитаніе Александра, которымъ завѣдывали два добряка—сначала нѣмецъ родомъ, Мердеръ, потомъ нѣмецъ душой, Жуковскій (§ 272). Нѣмецъ, Александръ Адлербергъ († 1888), сынъ наперсника Николая I (§ 273)..., былъ личнымъ другомъ цесаревича (онъ сталъ, послѣ

[1]) Нашъ рисунокъ снятъ съ весьма схожей фотографіи 1877 г., съ которой была сдѣлана гравюра въ Лейпцигѣ.

отца, министромъ двора). Нѣмцы сопровождали наслѣдника и въ его путешествіяхъ.... Патріотовъ смущало и то, что, несмотря на особое вниманіе Николая къ военному обученію, наслѣдникъ наиболѣе интересовался, за границей, гражданскими дѣлами и культурными вопросами и въ Германіи выбралъ себѣ спутницу жизни, такую же добрую, кроткую и непритязательную, какъ онъ самъ, въ лицѣ *Маріи Александровны* гессенской (1841).

Друзья старины, во главѣ которыхъ стояли Меньшиковъ, Горчаковъ, Долгорукій (военный министръ), а также нѣмцы Клейнмихель и Нессельроде (§§ 274, 275), старались овладѣть вниманіемъ мягкаго императора,—и Александръ впервые ввѣрилъ министерскій портфель члену царской фамиліи, поставивъ Константина Николаевича во главѣ флота. И вообще сначала думали, что вниманіе новаго императора сосредоточивается на обмундированіи войскъ. Но вся Россія дрожала отъ какихъ-то ожиданій историческаго момента. То было сначала благоговѣйное молчаніе; но вскорѣ интеллигенціей овладѣло лихорадочное напряженіе, а крестьяне глухо заговорили о „волѣ“ и бросились массами въ крымское ополченіе, чтобы удостоиться ея.

Лишь годъ спустя по воцареніи Александра II, ликующая Россія почувствовала, что ледъ взломило и начинается вожделѣнное движеніе воды. Въ мартѣ 1856 г. былъ подписанъ парижскій трактатъ (§ 274)... И съ высоты престола раздался благовѣстъ, возвѣщавшій о новомъ знамени мира, правды и свободы... Манифестъ 19 марта 1856 г. гласилъ: „Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство Россіи; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ и всѣмъ равно покровительствующихъ“.

Тогда же сходило со сцены старое поколѣніе. Горчаковъ, Меньшиковъ, Долгорукій получили отставку; и военное значеніе перваго изъ нихъ перешло къ Лидерсу, а въ генеральномъ штабѣ появились нѣмцы. Старика Клейнмихеля замѣнилъ его сынъ, а Нессельрода — дипломатъ Горчаковъ, противникъ николаевскихъ преданій въ политикѣ. Вдовствующая императрица удалилась сначала въ Берлинъ, къ своему брату, потомъ на воды для излеченія. Предсѣдателемъ государственнаго совѣта и совѣта министровъ сталъ внезапно Алексѣй Орловъ...: высокомѣрный царедворецъ, искусный говорунъ, занимавшій постъ на-

чальника тайной полиціи по смерти Бенкендорфа (§ 275), былъ спутникомъ путешествій наслѣдника, который назначилъ его, ставши царемъ, посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ сдружился съ Наполеономъ III и съ французами. И тотчасъ же устроилось французское общество желѣзныхъ дорогъ (банкиры Перейры), причемъ былъ набросанъ невиданный планъ громадной сѣти рельсовыхъ путей, который пріятно поразилъ Европу: онъ свидѣтельствовалъ о возрожденіи силъ Россіи, въ особенности же объ ея стремленіи заняться собственною культурой и сблизиться съ Западомъ, привлекая его капиталы для мирной работы на нашей почвѣ.

Съ коронаціи (сентябрь 1856) открывалась пора возрожденія Россіи. Быстро разбивались старыя оковы, подавлявшія жизнь народа, начиная съ немедленной отмѣны военныхъ поселеній (§ 270). И послѣдовали, одно за другимъ, коренныя преобразованія, которыя были завершеніемъ великихъ плановъ Петра I и Екатерины II и исполненіемъ давнихъ чаяній лучшихъ людей Россіи... Облегчались всякаго рода сношенія. Внутренніе паспорты (§ 275) стали дѣйствительны по всей имперіи; а заграничные начали выдавать на 5 л. и сняли съ нихъ высокій налогъ. Явился пониженный тарифъ, какъ переходъ отъ покровительственной системы къ свободѣ торговли. Послѣдовали торговые договоры почти со всѣми странами Европы. Былъ остановленъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Стали разрѣшать городскіе банки и легко давать концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ; а министръ финансовъ обнародовалъ отчетъ (1857), гдѣ указывалось на недостатки правленія и на необходимость реформъ. Губернаторамъ было предписано изыскивать пути и средства для умноженія матеріальнаго благосостоянія имперіи и искоренять злоупотребленія,—и всюду старые чиновники стали замѣняться новыми. Обнаружилась и забота о народномъ просвѣщеніи. Былъ устроенъ комитетъ для улучшенія мужскихъ учебныхъ заведеній и для открытія женскихъ гимназій; были отмѣнены пошлины на книги, ноты, картины; были узаконены 50-лѣтнія права авторовъ.

Долго задержанная жизнь кипѣла; скованныя въ зрѣлости силы спѣшили выйти наружу; возникало сразу множество преобразовательныхъ плановъ. И открылась та блестящая эпоха преобразованій, которая обезсмертила имя царя *Освободителя* въ лѣтописяхъ всемірной исторіи. Она началась реформой изъ реформъ, которая была прямо дѣломъ Александра II, который

не могъ спать, узнавши о тиранствахъ одной помѣщицы и высказалъ здѣсь твердость героя, пренебрегающаго личною безопасностью. Подъ вліяніемъ всеобщаго настроенія народа, ждавшаго „воли“ послѣ неимовѣрныхъ жертвъ крымской войны, въ 1857 г. открылся „секретный“ комитетъ для „улучшенія быта крестьянъ“; и только личной волѣ Освободителя онъ былъ обязанъ тѣмъ, что его не постигла участь другихъ подобныхъ комитетовъ (§ 276). Были составлены дворянскіе комитеты по губерніямъ, отзывы которыхъ разсматривала „редакціонная коммиссія“, подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, душой которой были товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Милютинъ, Юрій Самаринъ, Черкасскій и Я. Соловьевъ. Этимъ лицамъ, съ помощью министра внутреннихъ дѣлъ, Ланского, удалось умѣрить требованія помѣщиковъ и выработать знаменитое *Положеніе 19-го февраля 1861 г.*, снявшее съ народа почти трехвѣковое иго крѣпостничества.

По Положенію, только дворовые не получали ничего, кромѣ личной свободы: остальнымъ давалась земля съ усадьбой, но съ условіемъ выкупить ее, почему они и были названы „временно-обязанными“. Размѣры земельнаго надѣла и выкупа опредѣлялись „уставными грамотами“, которыя должно было составить въ 2 г. Для рѣшенія споровъ назначались избираемые дворянствомъ „мировые посредники“, — должность, отмѣненная въ 1875 г. По совершеніи выкупной сдѣлки, обязательныя отношенія прекращались, и крѣпостные становились „крестьянами-собственниками“. Для облегченія выкупа казна сразу заплатила помѣщикамъ, процентными свидѣтельствами, около 750 милл. р. — сумма, которую крестьяне должны были возвратить ей въ теченіе 49 л. „Положеніе“ 1861 г. постепенно было распространено на крестьянъ дворцовыхъ, удѣльныхъ, приписныхъ и государственныхъ, а послѣ возстанія 1863 г.—и на Царство Польское, гдѣ работали надъ нимъ Милютинъ и Черкасскій. Только въ Остзейскомъ краѣ крестьяне остались на прежнемъ положеніи, т.-е. свободными, но безъ земли (§ 271).

Положеніе 19-го февраля, совершенно измѣняя бытъ Россіи, вело къ ряду другихъ великихъ преобразованій, тѣмъ болѣе, что, благодаря фактической свободѣ мнѣній, раскрывались вопіющія злоупотребленія повсюду. Поощряемая офиціозными изданіями литература занялась благодѣтельнымъ тогда обличеніемъ язвъ чиновничества, старыхъ судовъ и господства воен-

щины, приводившаго къ безпорядкамъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣдовали суды надъ уличенными чиновниками. Военные губернаторы замѣнялись гражданскими. Валились такіе послѣдніе столпы старины, какъ министры финансовъ и просвѣщенія, Брокъ и Норовъ (1858). Ихъ замѣняли люди новаго закала, съ Ланскимъ и министромъ просвѣщенія, Головнинымъ, во главѣ...

Благодаря ему, было увеличено число каѳедръ, и профессора были поставлены въ болѣе достойное положеніе, какъ нравственно, такъ и матеріально. Вслѣдъ затѣмъ явился широкій *гимназическій уставъ* (1864), принимавшій во вниманіе голосъ русскихъ родителей и потребности страны: въ немъ наряду съ классическими гимназіями были поставлены реальныя, принесшія не мало пользы и добра Россіи. Возникла и цѣлая система женскихъ гимназій, а также народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Содѣйствовалъ умственному подъему Россіи и *цензурный уставъ* 1865-го г. Отмѣняя спеціальныя цензуры разныхъ вѣдомствъ и вводя особое Главное управленіе по дѣламъ печати при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ уничтожалъ предварительную цензуру въ столицахъ, впрочемъ только для большихъ книгъ...

Въ 1864 году совершились двѣ важнѣйшихъ, послѣ отмѣны крѣпостничества, реформы—областная и судебная, основанныя на началахъ всесословности и самоправленія. Въ то время, когда вырабатывалось Положеніе 19-го февраля, Ланской и его вѣрный товарищъ, Милютинъ, подготовляли плодотворное положеніе о *земскихъ учрежденіяхъ*. Губернскія и уѣздныя „собранія“ и ихъ исполнительные органы, „управы“, состоящія изъ выборныхъ представителей землевладѣнія всѣхъ сословій, стали помогать правительству въ завѣдываніи мѣстными дѣлами вообще и хозяйственными въ особенности. Эти „земства“ были подчинены надзору губернаторовъ, которымъ предоставлялась власть, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже останавливать ихъ рѣшенія. Нѣсколько позже земская реформа была дополнена *Городовымъ Положеніемъ* (1870), которое развивало постановленія Екатерины II (§ 236), хотя только для важнѣйшихъ городовъ. Оно предоставляло участіе въ „думахъ“ не однимъ „городскимъ сословіямъ“, но всякому, кто владѣлъ недвижимостью въ городѣ. Думы были подчинены надзору „губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія“, подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Въ безсмертномъ 1864 г. произошла и судебная реформа. Въ основаніе *судебныхъ уставовъ* положены коренныя европейскія начала—отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, гласность и устность, независимость (несмѣняемость) судей и даже судебныхъ слѣдователей, всесословность или равенство всѣхъ предъ закономъ, участіе народа (присяжные засѣдатели и выборные мировые судьи), защита подсудимаго (присяжные повѣренные или адвокаты). Возникли два рода независимыхъ судовъ, связанныхъ между собой только сенатомъ. 1) „Мировые судьи", вѣдавшіе менѣе важныя дѣла, были подчинены непосредственно сенату, какъ учрежденію кассаціонному, т.-е. исправляющему формальныя ошибки судопроизводства; по существу же, это—учрежденія самостоятельныя. Ихъ члены выбирались на 3 г. земствами, а въ большихъ городахъ—думами, на основаніи имущественнаго и образовательнаго ценза, и утверждались сенатомъ; жалованье имъ платили выборщики; ихъ рѣшенія подлежали обжалованію въ „мировыхъ съѣздахъ", состоявшихъ изъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Это истинный „самосудъ", котораго не знаютъ на Западѣ: судьи избираются только въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. 2) Болѣе важные иски вѣдались 60-ю „окружными судами", гдѣ уголовныя дѣла рѣшались присяжными засѣдателями. Ихъ приговоры обжаловались въ 9 „судебныхъ палатахъ", рѣшенія которыхъ шли въ сенатъ на кассацію. „Положеніе" 1861 г. создало еще независимый „волостной судъ" для крестьянъ: здѣсь приговоры постановлялись даже не по Своду законовъ, а по обычному праву. Наконецъ, военные суды были подогнаны (1867) къ образцу гражданскихъ: въ „полковыхъ и окружныхъ" судахъ были введены гласность и защита обвиняемыхъ; дѣлами завѣдовали воспитанники военно-юридической академіи.

Военное устройство подверглось еще болѣе коренной реформѣ, затронувшей весь общественный строй. *Уставъ о воинской повинности* (1874), эта противоположность военнымъ поселеніямъ, распространилъ эту обязанность равно на всѣ сословія и понизилъ срокъ строевой службы до 7 лѣтъ (4 г. въ арміи, 3—въ запасѣ), а затѣмъ—9 л. въ отчисленіи и до 40-лѣтняго возраста въ ополченіи. Въ то же время послѣдовала коренная реформа военнаго образованія и рядъ крупныхъ мѣръ къ возвышенію арміи и флота. Наконецъ, было много сдѣлано для поднятія матеріальнаго быта страны и для упорядоченія *финансовъ*, причемъ важно стремленіе отступать отъ закоренѣ-

лаго зла откупной системы, начиная съ виннаго откупа, который былъ отмѣненъ въ 1862 г.

§ 279. **Иностранныя дѣла. Восточный вопросъ.** — При такихъ широкихъ и коренныхъ преобразованіяхъ, внѣшняя дѣятельность Россіи должна была сосредоточиваться на усиліяхъ *дипломатіи* избѣгать войнъ и охранять наши интересы, пользуясь, для ихъ удовлетворенія, замѣшательствами въ Европѣ. Канцлеръ *Горчаковъ* усердно исполнялъ эту задачу. Мы не принимали участія въ кровавой борьбѣ націй 1859, 1866 и 1870 годовъ (§ 263), но нравственно поддерживали возникающія державы — Италію и особенно Пруссію. Обстоятельства благопріятствовали намъ, ...а просвѣщенныя реформы царя Освободителя, по ея образцамъ, снискали намъ ея симпатіи. Благотворная внутренняя работа тѣмъ болѣе выгодно оттѣняла Россію, что на Западѣ кипѣла тогда національная вражда и возрождался милитаризмъ, благодаря возвышенію Пруссіи и интригамъ Наполеона III, искавшаго во внѣшнихъ замѣшательствахъ опоры своему шаткому престолу. Такъ какъ обаяніе похитителя французскаго престола пало, вслѣдствіе расторженія его союза съ Англіей и той реакціи, къ которой онъ неразумно прибѣгнулъ послѣ орсиніевской бомбы, то Франція старалась обратиться въ нашего друга. Кровавое соперничество Пруссіи съ Австріей, а затѣмъ франко-прусская война заставляли всю Германію заискивать у насъ, добиваясь хоть нравственной поддержки. Яркая звѣзда Англіи, потрясенной опаснымъ возстаніемъ въ Индіи, какъ бы исчезла съ международнаго небосклона.

Вотъ почему намъ удалось безъ крови добиться (1871) отмѣны той статьи парижскаго трактата, которая ограничивала наши силы на Черномъ морѣ (§ 274). Въ то же время Россія успѣшно дѣйствовала на дальнемъ Востокѣ. Она постепенно подвигалась впередъ въ *Туркестанъ*. Въ 1864—1868 гг. Черняевъ взялъ у бухарцевъ Чекментъ, Ташкентъ и Самаркандъ—и образовалось туркестанское генералъ-губернаторство. Въ 1873 г. Кауфманъ овладѣлъ Хивой и устьями Аму-Дарьи. Около того же времени былъ присоединенъ Коканъ (Ферганская область) и занята Кульджа, которая, впрочемъ, была уступлена потомъ Китаю даромъ, за торговыя выгоды. Наконецъ, Скобелевъ взялъ Геокъ-Тепе, одолѣвши туркменъ, которые разбойничали на нашихъ границахъ. Китай уступилъ намъ, по Айгунскому договору (1858), часть Манджуріи—именно весь лѣвый берегъ и кусокъ праваго

берега рѣки *Амура*, между р. Уссури, Кореей и моремъ: изъ этихъ земель образовано пріамурское генералъ-губернаторство. А въ 1875 г. Японія уступила намъ часть *Сахалина*, въ обмѣнъ за Курильскіе о. Пришелъ конецъ и нашему извѣчному врагу на югѣ. Наши свободныя силы устремились на *Шамиля* (§ 273), который принесъ намъ столько горя и въ крымскую войну вытѣснилъ насъ изъ Дагестана и Чечни. Барятинскій взялъ Ведень и Гунибъ, и гордый пророкъ мюридизма былъ сосланъ въ Калугу (1859). Западные горцы держались еще нѣсколько времени, при помощи Порты и Англіи, но падали подъ ударами Евдокимова. Тотчасъ по назначеніи Михаила Николаевича намѣстникомъ, Кавказъ весь замирился (1864). Черкесы выселились въ Турцію.

Такое счастье 1860-хъ гг. связано съ нашими близкими отношеніями къ *Франціи*, которая все еще была передовою страной въ сравненіи съ Германіей, составлявшею для насъ предметъ попеченій при Николаѣ I. Тогда печать Парижа и Петербурга были родственны между собой по либеральнымъ вожделѣніямъ. Русское и французское общества стремились другъ къ другу. Орлова носили на рукахъ въ Парижѣ; французскаго посланника, Морни, женатаго на русской, ласкали въ Петербургѣ. Все наше было въ модѣ во Франціи, и наоборотъ. Мы заимствовали изъ Парижа многое изъ нашихъ преобразованій. Обѣ страны заодно давали отпоръ притязаніямъ Англіи, явно выказывая взаимную дружбу (свиданіе двухъ императоровъ въ Штутгартѣ, въ 1857 г.). Россія даже спасла Францію, въ 1875 г., отъ разгрома пруссаками...

Къ повороту въ политикѣ вело также новое оживленіе *восточнаго вопроса*, на которомъ опять сосредоточивалось наше вниманіе. И всѣхъ поразило внезапное заключеніе тройственнаго союза (1870) сѣверныхъ державъ, который поддерживался частными свиданіями трехъ императоровъ. Вслѣдъ затѣмъ снова потекла кровь на Балканскомъ полуостровѣ.

Порта не исполняла условій Парижскаго трактата относительно райи (§ 274). Защитники реформъ, образованные паши, Фуадъ и Митхадъ, подвергались изгнанію. Турки постарому угнетали христіанъ, доводя ихъ до такихъ упорныхъ возстаній, какъ на Критѣ (1866) и въ Босніи и Герцеговинѣ (1875). Рѣзня болгаръ заставила вооружиться сербовъ и черногорцевъ, опасавшихся той же участи. *Турецко-славянская война* 1876 г. окончилась пораженіемъ сербовъ и черногорцевъ: ихъ было

менѣе 2 милл., а турокъ—45 милл., и Англія снабжала Порту деньгами, оружіемъ, офицерами; сербамъ помогали только русскіе „добровольцы", съ Черняевымъ во главѣ. Но когда турки собирались уже взять Бѣлградъ, Александръ II остановилъ ихъ, выставивъ арміи въ Кишиневѣ и Александрополѣ; а Англія уговорила новаго султана, Абдулъ-Гамида, даровать своей имперіи конституцію, которая должна была успокоить райю и разрушить вліяніе Россіи. Но конституція осталась на бумагѣ; Порта и Россія вооружались; Австрія собиралась помогать туркамъ, что̀ подрывало союзъ трехъ императоровъ, служившій залогомъ мира. Между тѣмъ, болгары стали волноваться, возбуждаемые славянскою войной и притѣсненіями черкесовъ, поселенныхъ между ними подъ именемъ „баши-бузуковъ". Въ Россіи подымалось чувство состраданія къ нимъ, поддерживаемое славянскими комитетами. Александръ II, который готовъ былъ воевать въ 1863 и 1871 гг. для подавленія поляковъ и спасенія нѣмцевъ, никакъ не хотѣлъ нарушить миръ; но онъ долженъ былъ уступить всеобщему броженію. Въ 1877 г. разразилась *восточная война*.

Сначала она была весьма тяжела: мы выставили мало войскъ въ сравненіи съ многочисленною и хорошо вооруженною арміей врага, которому помогала Англія деньгами, оружіемъ, офицерами, а также возбужденіемъ горцевъ Кавказа, которыхъ потомъ массами ссылали внутрь Россіи. Дорого стоили намъ пораженія въ Азіи, у *Зивина* и Цихедзири. Еще тяжелѣе были неудачи за Дунаемъ, въ особености рядъ жестоко отбитыхъ нападеній на укрѣпленный лагерь Османа-паши подъ *Плевной*. Но турками овладѣла паника, когда были двинуты изъ Россіи свѣжія войска и гвардія и самъ императоръ явился на театръ войны, а наслѣдникъ престола принялъ начальство надъ рущукскимъ отрядомъ, охранявшимъ тылъ нашей арміи. Одушевляемыя такими доблестными генералами, какъ Скобелевъ († 1882), Гурко, Шуваловъ, Тотлебенъ, Лорисъ-Меликовъ и др., наши войска ободрились—и послѣдовали блестящіе переходы черезъ Балканы (Шипка) и преслѣдованіе врага до Адріанополя, а въ Азіи—взятіе крѣпостей Ардагана, Баязета и *Карса*. Русскіе собирались уже вступить въ беззащитный Константинополь; и близъ него, у С.-Стефано, былъ заключенъ миръ, который создавалъ цѣльную независимую Болгарію. Но угрожающее положеніе Европы, и въ особенности Англіи, остановило движеніе русскихъ на Константинополь и заставило ихъ принять берлинскій договоръ,

составленный державами (1878). Этотъ договоръ сильно сократилъ выгодныя для насъ условія мира въ С.-Стефано. Онъ далъ независимость только сѣверной Болгаріи, оставивъ часть къ югу отъ Балканъ подъ властью Турціи, подъ именемъ Восточной Румеліи; мы возвратили часть Бессарабіи, уступленную въ 1856 г. (§ 274), и пріобрѣли Карсъ съ Батумомъ.

Берлинскій договоръ оскорбилъ русскихъ и внушилъ самому Александру II недовѣріе къ двуличной политикѣ Бисмарка, который не препятствовалъ Англіи выступить съ своими притязаніями. Эти чувства были поддержаны союзомъ Германіи съ Австріей (1879), разрушившимъ союзъ трехъ императоровъ. Въ Петербургѣ снова начинался поворотъ на сторону *Франціи*, которая поддерживала насъ нравственно и въ тяжкую войну, и на берлинскомъ конгрессѣ.

§ 280. **Внутреннія безпокойства. Кончина Александра II.** — Богатое жизнью царствованіе Александра II естественно не было лишено и внутреннихъ недоразумѣній. Такія коренныя преобразованія, какъ тѣ, которыя обезсмертили „эпоху 60-хъ годовъ“, потрясаютъ весь народъ и требуютъ отъ людей слишкомъ много воли и неутомимости, слишкомъ крѣпкаго здоровья. 60-е годы остались въ исторіи медовымъ мѣсяцомъ великаго царствованія, подобно началу правленія Екатерины II и Александра I (§§ 235, 266)... Лихорадочное біеніе жизни въ странѣ задерживалось съ самаго начала грузною машиной коснаго чиновничества. Нерѣдко новая мысль хирѣла, ея сила выдыхалась, пока проходила черезъ допотопный рядъ канцелярій и коммисій, комитетовъ и совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ замыслы проводились съ помощью дворянства, а въ ихъ основѣ лежала отмѣна его вѣковыхъ привилегій. Многое осталось для потомства въ видѣ проектовъ, плановъ, обрывковъ, благихъ пожеланій. Охранительныя стремленія начали развиваться въ 70-хъ годахъ, когда, по закону нашей исторіи (§ 194), быстро устающими дѣятелями овладѣвали сомнѣнія, недовѣріе къ самимъ себѣ и къ своимъ идеаламъ. Въ то же время обнаруживались недостатки, свойственные всякому дѣлу, въ особенности замысламъ недоразвитымъ, подкошеннымъ задержкой или превратнымъ исполненіемъ...

...аристократы, руководимые Велепольскимъ, желали личной уніи; демократы (ксендзы и шляхта), съ Замойскимъ во главѣ, мечтали о полномъ возстановленіи Рѣчи Посполитой. Патріоты

обѣщали крестьянамъ свободу; но тѣ не повѣрили и сохранили спокойствіе. Это предрѣшило участь *возстанія 1863 года.*

Оно началось съ покушенія на жизнь новаго намѣстника, Константина Николаевича. Чтобы лишить революцію рукъ, ввели рекрутскій наборъ горожанъ и безработныхъ сельчанъ, но рекруты бѣжали въ лѣса и составили „банды (отряды) повстанцевъ"; а въ Варшавѣ возникъ тайный „жондъ" или національное правительство, которое назначило диктаторомъ сначала Мѣрославскаго (§ 274), потомъ Лангевича. Въ то же время Англія, Франція и Австрія прислали намъ грозныя ноты. Пользуясь поддержкой Пруссіи и поощреніемъ русской патріотической печати, Александръ II отвѣчалъ державамъ: „руки долой!". Въ Польшу было двинуто большое войско, и мало приготовленные къ бою повстанцы были разсѣяны, послѣ нѣсколькихъ стычекъ и битвы у Радзеёва. Революція была окончательно подавлена...

Русскій языкъ сталъ правительственнымъ и обязательнымъ въ школахъ. Въ Варшавѣ былъ открытъ университетъ съ русскими профессорами, вмѣсто Главной Школы. Монастыри были закрыты, а духовенству назначено жалованье изъ казны. Тотчасъ же были приняты и мѣры къ возвышенію благосостоянія края, съ помощью Черкасскаго и Милютина. Крѣпостные были освобождены сь землей, и имъ дано мірское самоправленіе. Затѣмъ постепенно вводились реформы, судебная и городская, только съ нѣкоторыми ограниченіями (судъ безъ присяжныхъ; мировые по назначенію).

Послѣ польскаго мятежа оказались признаки *революціонной партіи* и внутри Россіи... Дѣятельность эмиграціи была пріостановлена реформами 60-хъ годовъ... Тогда же въ Россіи воскресла революціонная партія. Началось „хожденіе въ народъ" (1871—1878) лицъ, называвшихъ себя „соціалистами", такъ какъ они проповѣдовали западныя идеи о всеобщемъ равенствѣ (§ 263): это движеніе разоблачено процессомъ 193-хъ (1878).

Такъ какъ „соціалисты" не имѣли успѣха въ народѣ, а правительство не обращало вниманія на ихъ слишкомъ смѣлые и широкіе замыслы, которые они выдавали за дальнѣйшія реформы, то изъ нихъ выдѣлилась партія „террористовъ" или анархистовъ, которые начертали свой кровавый планъ... Самъ Александръ II палъ жертвой бомбъ, брошенныхъ ему подъ ноги пятью террористами, недалеко отъ Зимняго дворца, 1-го марта 1881 г.

Это роковое событіе не только потрясло всѣхъ, цѣнившихъ благодѣянія царя Освободителя, но и повергло общество въ недоумѣніе. Восточная война, сначала нѣсколько походившая на крымскую по своимъ несчастіямъ, обѣщала принести такія же полезныя послѣдствія. Императоръ воочію убѣдился въ недостаткахъ управленія, въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, особенно связанныхъ съ довольствомъ войскъ. Онъ возвратился съ былою жаждой добра и преобразованій. Въ иностранной политикѣ начинался поворотъ къ либерализму начала царствованія (§ 278). Въ управленіи выдвигались такіе приверженцы реформъ, какъ Милютинъ (военный министръ), Абаза (министръ финансовъ), въ особенности же *Лорисъ Меликовъ*. Послѣдній былъ облеченъ исключительными полномочіями (1880), подъ скромнымъ именемъ „начальника исполнительной коммиссіи"; и онъ тотчасъ же возвратилъ сотни административно ссыльныхъ. Пронесся слухъ, что императоръ, по совѣту своего дяди, Вильгельма I, намѣренъ созвать особую законодательную коммиссію изъ свѣдущихъ людей, какъ было въ Пруссіи въ 1847 г.

Царь-преобразователь оставилъ дѣло великое, но недоконченное и несвязное: во многомъ оно напоминало богатое новое платье, но уже съ прорѣхами и съ заплатами изъ старья. Требовалось окончательное устраненіе пережитковъ дореформеннаго строя, чтобы утвердился правильный порядокъ въ неустранимой новой жизни и чтобы народъ могъ вынести ожидающія его тягости великаго историческаго призванія.

§ 281. **Земля и населеніе. Внѣшній бытъ.** — При смерти Александра II, *Россійская имперія* занимала уже болѣе 20 милліоновъ кв. верстъ, составляя „шестую часть свѣта", по словамъ его преемника, и распадаясь на 18 областей, 77 губерній, 2 округа и 1 отдѣлъ. Она увеличилась при немъ пріобрѣтеніемъ земель кавказскихъ горцевъ, части турецкой Арменіи, Туркестана и Китая. Если мы утратили клочокъ Бессарабіи, Аляску, проданную американцамъ (1867), и Курильскіе о., то взамѣнъ ихъ получили важныя для будущаго земли—Сахалинъ, который очищаетъ Сибирь, ставши мѣстомъ ссылки (1878), и обширный, богатый Пріамурскій край, съ прекрасными гаванями. Но русская земля представляетъ еще старый видъ, по своей пестротѣ и разнообразію условій. Подлѣ чернозема толщиной до 2 арш., образующаго самую большую и плодородную равнину въ мірѣ, стелется песокъ, глина и тундры. Рядомъ съ пространствами, страдающими отъ безлѣсья и безводья,

тянутся дремучіе боры, полные топей и звѣря: всего лѣсъ занимаетъ еще 30—75% поверхности. Если во многихъ мѣстахъ начинаютъ жаловаться на истощеніе чернозема, зато осушка пинскихъ болотъ дала, уже къ 1890 г., до $^1/_2$ милл. десятинъ новыхъ пашенъ.

Населеніе ростетъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ: удваивается почти въ 50 л. Въ началѣ царствованія Александра II (по послѣдней, 10-й, ревизіи) считалось болѣе 70 милліоновъ жителей, теперь—уже 120 милл., хотя точной цифры все еще нѣтъ: научная, статистическая перепись, начавшаяся лишь въ 1869 г., покуда примѣнена лишь къ немногимъ мѣстностямъ. Но этого населенія еще весьма недостаточно для столь обширной страны: вообще въ имперіи приходится 5 человѣкъ, а въ Европейской Россіи—18 на кв. версту; и $^9/_{10}$ земли почти безплодны. Населеніе распредѣлено крайне неравномѣрно: $^2/_3$ его занимаетъ $^1/_3$ поверхности; при массѣ пустырей на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, оно скучено на западѣ и особенно внутри, на черноземѣ, гдѣ приходится до 50 человѣкъ на кв. версту; и здѣсь-то населеніе ростетъ быстрѣе всего. Отсюда *переселенческій* вопросъ, который пріобрѣлъ теперь уже государственное значеніе, вызвалъ правительственную коммиссію и частное общество въ Петербургѣ.. Стремленіе на „новыя земли" охватило народъ съ начала царствованія Александра II, подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія и освобожденія отъ путъ стараго порядка: уже въ 1858 г. онъ бросился на Амуръ, когда газеты расписывали этотъ край въ видѣ земного рая. Затѣмъ недостаточность надѣловъ и распложеніе бывшихъ крѣпостныхъ развивали тягу людскую въ Сибирь и на Кавказъ. Напротивъ, нѣмецкіе колонисты, подвергнутые воинской повинности (1874), и притѣсняемые евреи начали-было выселяться въ Америку; но многіе изъ нихъ возвратились назадъ. Впрочемъ эти *иноплеменники* составляютъ каплю въ морѣ среди многомилліоннаго населенія имперіи: евреевъ насчитывается въ Россіи 5 милліоновъ, нѣмцевъ—1 милл. Сверхъ того, числится до 6 милл. поляковъ, 3 милл. разныхъ инородцевъ Кавказа, 1 милл. румынъ въ Бессарабіи. Есть еще болѣе 25 милл. необрусѣлыхъ въ одной Европейской Россіи: полагается 6 милл. на финскую породу и 3 милл.—на татарскую (§ 2). Но эти инородцы все падаютъ въ числѣ. Ростетъ неизмѣнно коренная *славянская* порода: теперь насчитывается 50 милл. великорусовъ, около 20 милл. малоросовъ и до 5 милл. бѣлорусовъ.

Росту населенія все еще мѣшаютъ различныя препятствія къ народному здравію и матеріальному благосостоянію, въ значительной мѣрѣ связанныя съ старымъ зломъ — съ невѣжествомъ массъ и съ пережитками дореформеннаго строя. До сихъ поръ Россіи принадлежитъ печальная пальма первенства въ Европѣ по *смертности* и малой продолжительности жизни; особенно мрутъ дѣти (половина погибаютъ до 5 л. возраста). И тутъ нельзя ссылаться на природу: въ сосѣдней жалкой Скандинавіи смертность наполовину меньше... *Народное здравіе* страдаетъ у насъ не столько отъ повальныхъ болѣзней (холера, дифтеритъ, тифъ и др.), сколько отъ недостатка медицины. Хотя земства особенно заботились объ этой нуждѣ, врачей далеко не хватало: университеты выпускали ихъ не болѣе 3.000. Зачастую 1 врачъ приходился на 100.000 жителей — и нужно было довольствоваться дешевыми и малосвѣдущими фельдшерами. Правда, на помощь правительству идетъ общество, особенно въ лицѣ женщинъ: народъ давно оцѣнилъ по достоинству своихъ спасительницъ въ лицѣ фельдшерицъ, акушерокъ, въ особенности же женщинъ-врачей. Но закрытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ (1882) подорвало значеніе общественной помощи въ дѣлѣ оздоровленія страны. Гигіена въ массахъ находится еще въ состояніи зародыша также отъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій.

Изъ старыхъ язвъ, мѣшавшихъ развитію благосостоянія народа, при Александрѣ II исчезло только разбойничество, какъ обычное и организованное явленіе. Но еще свирѣпствовали *пожары* и *скотскіе падежи*. Такъ какъ села и города представляли въ большинствѣ старый видъ (дерево да солома), то „красный пѣтухъ" (до 35.000 пожаровъ въ годъ) истреблялъ на 80 милл. р. строительнаго капитала, причемъ $^{1}/_{4}$ приходилась на поджоги; и еще встрѣчались деревни, гдѣ, какъ встарь (§ 276), мужики лѣтомъ складывали печи посреди улицы. Нѣсколько страховыхъ обществъ (съ 1827 г.) помогали погорѣльцамъ; но иногда они сами разорялись. Страховка медленно прививалась въ селахъ, съ помощью круговой поруки и земствъ, которыя вводили ее, какъ обязательное взаимное условіе. Скотскіе падежи встрѣчались часто, особенно отъ „сибирки" (§ 276), которая губила и не мало людей. Но главнымъ бѣдствіемъ были попрежнему *неурожаи*, иногда достигавшіе размѣра народныхъ бѣдствій, какъ, напримѣръ, самарскій голодъ 1873 г. Они зависѣли и отъ мѣстныхъ, случайныхъ, и отъ общихъ причинъ. Въ срединѣ имперіи вредило

лѣсоистребленіе, приводившее къ засухамъ и обмелѣнію рѣкъ, въ особенности Волги; на югѣ почти не выводились такіе жестокіе паразиты, какъ саранча, суслики, хлѣбный жукъ, гессенская муха, филоксера и др....

Не успѣлъ земледѣлецъ опомниться отъ ужасовъ крымской кампаніи, какъ настали дорогія реформы, финансовая тяжесть которыхъ падала на него почти цѣликомъ. А ихъ неясность и потомъ задержки вносили нерѣдко нескладицу въ бытъ, отъ которой терпѣла все та же масса. Такъ, въ началѣ царствованія, по одному слуху о „волѣ", земля наполовину пала въ цѣнѣ, тогда какъ жизнь, вслѣдствіе войны, вздорожала на 20%. Много стоила народу и внезапно охватившая его горячка переселенія: мужикъ за безцѣнокъ продавалъ свое добро, а потомъ зачастую возвращался на свое пепелище, обманутый надеждами или безжалостно водворяемый назадъ полиціей. Въ то время, какъ всѣми признано, что хлѣбъ — основа благосостоянія Россіи и внутри, и во внѣшнихъ сношеніяхъ, правительство менѣе обращало вниманія на земледѣліе, чѣмъ на промышленность. Оно покровительствовало горсти фабрикантовъ, не думавшихъ объ улучшеніи своихъ производствъ, насчетъ крестьянъ, которые должны были и дорого покупать плохой отечественный товаръ, и платить большіе налоги, подконецъ вдвое превышавшіе доходность съ крестьянской земли. Между тѣмъ посторонній заработокъ или „отхожіе промыслы" стѣснялись паспортами и полицейскими мѣрами; а кустарное производство угнеталъ „кулакъ" — разбогатѣвшій мужикъ-торгашъ, который захватилъ въ свои руки и снабженіе кустаря матеріаломъ, и сбытъ плодовъ его работы.

При всемъ томъ, жизнь и сила русскаго народа, поддержанныя благодѣтельными преобразованіями, брали свое. Переселенія развивались, довершая колонизаторскую роль русака (§ 150). Количество пашенной земли умножалось; выкорчевывались лѣса, обводнялись степи, осушались болота. Тамъ и сямъ, у образованныхъ агрономовъ и у земствъ, заводились земледѣльческія машины. Было открыто хорошее химическое удобреніе — фосфоритъ, хотя онъ находился въ рукахъ иностранцевъ. Кустарей насчитывалось, къ концу царствованія, 7½ милліоновъ, и они производили болѣе, чѣмъ на 150 милл. р. въ годъ. Сильно развилось добываніе каменнаго угля, особенно на Дону, и нефти у Баку. Въ Крыму и на Кавказѣ прививались винодѣліе и табаководство. И Россія все еще оставалась жит-

ницею Европы, окупая своимъ сырьемъ, въ особенности хлѣбомъ, массу мануфактурныхъ товаровъ, ввозимыхъ изъ-за границы.

Наряду съ сельскимъ хозяйствомъ, развивались обрабатывающая *промышленность* и *торговля*. Въ началѣ царствованія было всего 8.000 фабрикъ, изъ которыхъ $^4/_5$ принадлежали казнѣ и дворянамъ; и производили они на 250 милл. р. въ годъ; подконецъ числилось 265 однихъ сахарныхъ заводовъ. Правда, наши фабрики до сихъ поръ не могутъ соперничать съ иностранными: несмотря на высокій тарифъ..., Западъ все еще доставляетъ намъ фабричные товары, нерѣдко сдѣланные даже изъ нашего собственнаго сырья. Но уже при Александрѣ II наши ситцы и полотна не только расходились по всей имперіи, но захватили азіятскіе рынки. Этимъ успѣхамъ содѣйствовало всеобщее оживленіе эпохи реформъ, вызванное свободою сношеній (§ 278). Тогда зашевелились отечественные капиталы, и явился небывалый притокъ ихъ изъ-за границы. Предпріимчивость поддерживалась частными *банками*, преимущественно городскими, число которыхъ дошло до 300; возникли и банки земскіе, а также казенные сельскіе для крестьянъ.

Важно, что капиталы устремлялись на дѣло самое полезное для страны, вступавшей въ новую жизнь, — на *пути сообщенія*. Масса концессій на желѣзныя дороги, а отчасти и на пароходныя сообщенія явилась, уже въ началѣ царствованія, когда въ нихъ почти никому не отказывалъ особый комитетъ (1858). И подконецъ у насъ было уже болѣе 23.000 верстъ рельсовыхъ путей, до 700 в. каналовъ и замѣчательное шоссе черезъ Кавказскій хребетъ или военно-грузинская дорога. Ихъ сопровождала сѣть *телеграфовъ*, тянувшаяся, на протяженіи болѣе 100.000 в., изъ столицъ до Кеми, Варшавы, Карса, Хивы и Владивостока. Почта была совершенно преобразована по европейскому образцу. Но подконецъ водяные пути приходили въ упадокъ, шоссе вовсе не строились, а грунтовыя дороги предоставлялись на попеченіе земства въ то время, когда у него сокращались источники доходовъ.

Въ главныхъ центрахъ населенія и въ высшихъ кругахъ появился *комфортъ* или удобства цивилизованной жизни, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ матеріальной культуры на Западѣ. Столицы, въ особенности Петербургъ, въ которомъ числилось уже до 900.000 жителей, начинали соперничать съ лучшими *городами* Европы. Внезапно поднялась, ко всеобщему изумленію, и дюжина городовъ внутри имперіи, достигнувъ болѣе 100.000

населенія,—Варшава, Одесса, Рига, Вильна, Харьковъ, Кіевъ, Казань, Саратовъ, Кишиневъ, Бердичевъ, Тифлисъ и даже Ташкентъ. Здѣсь уже красовались всѣ главныя усовершенствованія быта — не только телеграфы, но и газъ, желѣзно-конныя дороги, европейскіе дома, мостовыя, водопроводы, отчасти электрическое освѣщеніе и телефоны. И такія облитыя кровью кладбища, какъ Малаховъ Курганъ (§ 274), стали красивыми гульбищами повеселѣвшихъ севастопольцевъ.

Въ особенности процвѣли окраины съ высокимъ общественнымъ развитіемъ. Съ начала царствованія Александра II до нашихъ дней бюджетъ *Финляндіи* возросъ втрое, а на удовлетвореніе главныхъ потребностей народа, въ особенности на образованіе, расходовалось впятеро больше прежняго; притомъ податное обложеніе сокращалось, а пошлины понижались. Въ то же время страна усердно покрывалась желѣзными путями, каналами, электричествомъ и телефонами даже по деревнямъ; а у народа скоплялись сбереженія, которыя дошли уже до 50 милл. марокъ для одного рабочаго люда. *Польша* замѣчательно поднялась матеріально послѣ повстанія... Земледѣліе приняло новый, европейскій видъ съ освобожденія крестьянъ. Промышленность развивалась, съ помощью иностранцевъ, переносившихъ сюда свою дѣятельность, по мѣрѣ возвышенія русскихъ тарифовъ. Лодзь, населеніе которой вдругъ поднялось до 100.000, стала „русскимъ Манчестеромъ". Въ Варшавѣ удвоилось число жителей, которое доходитъ теперь до полумилліона.

Оживляется даже *Сибирь*, съ проложеніемъ знаменитаго желѣзнаго пути, который открытъ теперь уже до Омска. Только *Кавказъ*, это золотое дно и лучшій уголокъ Россіи, еще ждетъ, какъ спящая царевна, своего царевича. Особенно жалки прелестные берега Чернаго м., съ ихъ тропическими рощами, первобытными лѣсами, новыми видами флоры, невиданными ледниками и известнякомъ для отличнаго цемента... Теперь здѣсь только 2 посада, Туапсе и Сочи, да около 50 поселковъ и хуторовъ съ 22.000 жителей (больше кубанскіе казаки), которыхъ одолѣваетъ расплодившійся звѣрь, въ особенности медвѣдь. Но даже въ этомъ запустѣломъ уголкѣ теперь воскресаетъ жизнь. Проводится желѣзная дорога и шоссе отъ Новороссійска. Дѣлаются попытки расширить производство хлопка, маслинъ, лимоновъ; а у Батума берутся за серьезное чаеводство, съ помощью выписанныхъ китайцевъ. Остальной Кавказъ уже двинулся впе-

редъ, благодаря развитію судоходства по Черному и Каспійскому м., открытію нефти и проложенію желѣзныхъ путей отъ Поти до Тифлиса и отъ Владикавказа внутрь имперіи.

§ 282. **Государство.**—Высшія государственныя учрежденія не измѣнились, по формѣ, при Александрѣ II. Они отличались только новымъ духомъ, особенно въ эпоху преобразованій. *Государственный совѣтъ* прислушивался къ голосу общества и старался идти навстрѣчу жизненнымъ потребностямъ страны... Александръ II съ самаго начала призывалъ провинціальныхъ дворянъ въ редакціонную коммиссію; а подконецъ въ разныя чиновничьи коммиссіи приглашались „свѣдущіе люди“ изъ земцевъ и думцевъ для обсужденія наиболѣе трудныхъ вопросовъ, хотя имъ предоставлялся только совѣщательный голосъ. А этихъ коммиссій было не мало, такъ какъ правительство не переставало заботиться объ исправленіи государственной машины: такъ, съ 1876 г. работала юридическая коммиссія для улучшенія законодательства, а въ 1881 г. была открыта коммиссія чиновниковъ для подготовки административной реформы. *Сенатъ* оставался „правительствующимъ“ только по имени; на дѣлѣ же онъ сталъ окончательно высшею судебною инстанціей, если не считать случайныхъ „сенаторскихъ ревизій“, которыя впрочемъ пріобрѣли тогда особенное развитіе. *Министерства*,которыхъ стало 10 съ учрежденіемъ министерства путей сообщенія (1865), представляли прежній видъ (§ 266). Имъ не подчинялись такія важныя вѣдомства, какъ государственный контроль и Собственная Его В. канцелярія; только въ 1880 г. III отдѣленіе этой канцеляріи было присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, подъ именемъ „департамента государственной полиціи“. Министры часто назывались „управляющими министерствомъ“, что̀ напоминало имъ ихъ преходящее значеніе. Въ „комитетѣ“ (а не въ совѣтѣ) министровъ засѣдали и не-министры, и съ постороннимъ предсѣдателемъ (Игнатьевъ, братъ дипломата). Разладъ здѣсь между представителями разныхъ направленій разрѣшался постарому на личныхъ докладахъ государю. Кабинета, въ европейскомъ смыслѣ, все еще не было (§ 266).

Только провинціальное управленіе подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Съ появленіемъ *земствъ* (§ 278), въ немъ достигло высшаго развитія выборное начало (§ 245)..., а также водворилась всесословность — новое начало, которое проходило красною нитью по всѣмъ реформамъ Александра II и воспитывало

въ народѣ сознаніе равноправія всѣхъ передъ закономъ. Земства, которыя собирались ежегодно, а избирались на трехлѣтіе, были задуманы на такихъ здравыхъ началахъ, что, по признанію иностранцевъ, наша провинція была бы самою дѣятельною въ Европѣ, еслибы эти начала развивались. Они обнимали всѣ матеріальныя и нравственныя интересы мѣстности, даже выбирали мировыхъ судей. Ихъ доходы быстро росли; и употреблялись они на лучшія дѣла — на образованіе да оздоровленіе народа, особенно въ Вяткѣ, гдѣ засѣдали одни крестьяне. Земства устраивали народныя школы, даже училища для подготовки волостныхъ писарей, а также больницы и аптеки, содержали врачей и даже готовили фельдшерицъ. Они ввели обязательные хлѣбные запасы и взаимное страхованіе отъ пожаровъ. Еще они много сдѣлали для научной статистики страны, выработали основы земельнаго налога и подготовили отмѣну подушной подати. Наконецъ, они воспитывали народъ для политической дѣятельности, — заслуга, которую признало за ними само правительство, обратившись къ нимъ, въ 1880 г., за помощью въ борьбѣ съ революціонною партіей.

Сильно измѣнилось и низшее колесо въ машинѣ провинціальнаго управленія—сельская община. По Положенію 19 февраля, масса опять стала управляться, по образцу государственныхъ крестьянъ, *міромъ*, который, при крѣпостничествѣ, снизошелъ до исключительно хозяйственной роли. Въ 50 губерніяхъ европейской Россіи возникло до 250.000 „сельскихъ обществъ", соединенныхъ въ „волости" (300—2.000 податныхъ душъ), сливающіяся съ церковнымъ приходомъ. Это—старый міръ, съ его общинной собственностью, выборнымъ началомъ, обычнымъ правомъ и „одиночествомъ" на сходахъ (§ 155), а также съ его замкнутостью, которая еще усилилась отъ круговой отвѣтственности за выкупъ. Только мірскія должности—сельскій староста и волостной старшина, избираемые на 3 г., стали получать плату. Еще подлѣ древняго сельскаго схода изъ всѣхъ домохозяевъ возникло волостное правленіе—изъ старостъ и сборщиковъ податей, которыми заправлялъ лукавый писарь. Міръ сохранялъ старую деспотическую власть надъ своими членами: онъ могъ не только подвергать ихъ тѣлесному наказанію, но и изгонять изъ своей среды. Но подконецъ онъ падалъ...

Паденіе замѣчалось подконецъ и въ земствахъ. Весьма важно, что земская реформа была недокончена и постепенно стѣснялась въ своихъ основахъ. Она была введена только въ

35 внутреннихъ губерніяхъ. Земства не могли принимать иногда необходимыхъ общихъ мѣръ: только въ 1879 г. дозволили имъ сноситься между собой, и то лишь по немногимъ, опредѣленнымъ вопросамъ...

Столь же разнообразно и нескладно дѣйствовала *судебная* власть въ имперіи. Ей мѣшали и постороннія обстоятельства. Полицейскія привычки портили слѣдственное дѣло; тюремъ было мало, да и тѣ плохія. Законы, несмотря на новое изданіе Свода (1876), устранившаго до 20.000 статей, были все еще невразумительны, такъ что подконецъ подготовлялся новый Сводъ. Но были роковые недочеты въ самой судебной власти. Правда, здѣсь была совершена наиболѣе законченная, послѣдовательная и принципіальная изъ реформъ Александра II. Послѣ освобожденія крестьянъ, это — самое блестящее и доброе дѣло царя Освободителя, повліявшее даже на Западъ: здѣсь была улучшена французская система, и присяжные были введены позже въ Австріи и Испаніи. Наши новые суды были основаны на общихъ правовыхъ началахъ западной науки (§ 278), представляя, въ частностяхъ, подражаніе Англіи и въ особенности Франціи: именно обыкновенные суды—снимокъ съ французскихъ, а мировые судьи—такіе же, какъ въ Англіи, только тамъ они назначаются короной, обладаютъ также административною властью и подчиняются обыкновеннымъ судамъ.

Но судебная реформа не была доведена до конца. Отчасти сохранились старые, сословные или исключительные суды: таковы суды коммерческіе, созданные Николаемъ I, и духовные (епархіальныя консисторіи, подчиненныя синоду), которые подконецъ только предполагалось подвести подъ образецъ новыхъ судовъ. Не вездѣ были введены присяжные, и они рѣшали одни уголовныя дѣла, не касаясь гражданскихъ, какъ въ Англіи. Встрѣчались (въ Польшѣ) мировые по назначенію отъ правительства...

Финансы не могли процвѣтать въ такое, богатое событіями, царствованіе, какъ Александра II. Широкія преобразованія всегда стоятъ дорого: положенныя на нихъ жертвы искупаются сторицей лишь въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, если продолжается развитіе новыхъ началъ, а не ихъ сокращеніе. Еще болѣе жертвъ потребовалъ восточный вопросъ: одна война 1878 г. поглотила болѣе милліарда р., не говоря о гибели массы рабочихъ рукъ, разстраивавшей земледѣліе. Понадобился исключительный выпускъ бумажекъ: подконецъ ихъ было въ обращеніи почти на 750 милліоновъ, и курсъ ихъ не достигалъ $^2/_3$ серебрянаго

рубля. Звонкой монеты было очень мало, и она быстро уплывала за границу, вслѣдствіе слабости нашего вывоза. Государственные долги требовали ежегодно до 200 милліоновъ на проценты и погашеніе. Доходы уже не покрывали расходовъ, достигавшихъ въ мирное время до 800 милл. А возвышать налоги было невозможно отъ обѣднѣнія народа, которое сказывалось въ податныхъ недоимкахъ и въ недочетахъ земскихъ бюджетовъ: подконецъ приходилось даже отказываться отъ нѣкоторыхъ важныхъ косвенныхъ налоговъ. Оттого-то, при всеобщемъ убѣжденіи во вредѣ паспортовъ, никакъ не могли отказаться отъ доставляемыхъ ими 4 милліоновъ годового дохода. Мало помогала и важная финансовая реформа (1864) — *государственный контроль* и единство кассы. Подконецъ принуждены были задуматься о коренномъ леченіи финансоваго недуга. Министромъ былъ назначенъ Абаза (1880), который отмѣнилъ соляной налогъ, положилъ начало выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и прекратилъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, чтобы возстановить нашъ курсъ. Онъ же впервые составилъ бюджетъ безъ сокрытія крупнаго недочета. Наконецъ, были учреждены коммиссіи для обсужденія вопроса о замѣнѣ подушной подати нето поземельнымъ, нето подоходнымъ налогомъ.

Финансы истощались еще отъ широкихъ потребностей *войска*, которое также подверглось кореннымъ преобразованіямъ, указаннымъ крымскою кампаніей, причемъ сначала имѣлись въ виду французскіе, потомъ—прусскіе образцы. Не говоря уже о великомъ общегосударственномъ значеніи воинскаго устава 1874 г. (§ 278), всѣ роды оружія сразу были поставлены на европейскую ногу, благодаря попреимуществу заботамъ военнаго министра Милютина. Важнѣе всего, что военная реформа была проникнута гражданскимъ духомъ просвѣщенія и человѣчности, такъ что она содѣйствовала нравственному подъему всего народа. Въ одно время, вмѣстѣ съ увеличеніемъ жалованья и введеніемъ эмеритуры, были отмѣнены тѣлесныя наказанія и возвышено образованіе не только офицеровъ, но и рядовыхъ. Взамѣнъ кадетскихъ корпусовъ, былъ устроенъ рядъ военныхъ гимназій, съ общеобразовательнымъ курсомъ, а также юнкерскихъ училищъ и полковыхъ школъ, гдѣ солдатъ обучали не одной грамотѣ, но и начаткамъ наукъ; военныя академіи были поставлены на научную ногу; явилось много военныхъ журналовъ и книгъ. Съ отмѣной военныхъ поселеній, возникла французская

система военно-окружныхъ управленій (1864), служившая къ ослабленію крайней централизаціи николаевскаго строя и помогавшая сокращенію арміи.

Возвышенная матеріально и нравственно, вооруженная по послѣднимъ указаніямъ западной науки, одѣтая въ легкое и удобное платье, по иностраннымъ образцамъ, опирающаяся на 16 большихъ крѣпостей, наша армія представляла новый, достойный видъ. Подконецъ она состояла изъ 700.000 слишкомъ человѣкъ въ мирное время, а при войнѣ могла выставить $1^1/_2$ милліона. Развилось и иррегулярное войско: въ Землѣ войска донскаго числилось уже до $1^1/_2$ милліона душъ обоего пола и замѣчалось обогащеніе; въ уральскомъ войскѣ было болѣе 100.000 душъ, которыя успѣшно занимались старыми промыслами, рыболовствомъ и скотоводствомъ, и сохраняли древнюю общину (§ 161). Въ особенности не жалѣли средствъ на преобразованіе *флота*: въ первыя 6 л. наши морскія силы учетверились. Иностранцы устранялись, а собственные моряки были сравнены въ правахъ съ арміей, и ихъ образованіе было возвышено. Флотъ преобразился въ паровой, съ 60 броненосцами и множествомъ миноносокъ, которыя смѣло взрывали турецкія суда въ восточную войну. Сверхъ того, „добровольный флотъ", созданный самимъ обществомъ въ 1877 г., былъ приспособленъ къ военной службѣ. Въ итальянскую войну наша эскадра появилась даже въ Средиземномъ м.; и у нея оказалась собственная „угольная станція", подъ Ниццей, въ купленной у итальянцевъ Виллафранкѣ (1858). А у себя дома нашъ флотъ опирался на вновь укрѣпленныя военныя гавани въ Кронштадтѣ, Николаевѣ, Керчи и на кавказскомъ берегу Чернаго м. Но къ концу царствованія и въ военномъ дѣлѣ замѣчалось стремленіе къ нарушенію великихъ реформъ, къ возстановленію кадетскихъ корпусовъ и нѣкоторыхъ старыхъ порядковъ.

§ 283. **Церковь и расколъ.** — Преобразованія коснулись и *церкви*, тѣмъ болѣе, что духовенство было противъ реформъ, какъ въ силу своихъ преданій (§ 252), такъ и по невѣрному разсчету, основанному на томъ, что въ крымскую войну, также какъ и въ 1878 г., патріоты выдвигали силу православія въ борьбѣ съ иновѣрцами. Правда, высшая іерархія осталась въ прежнемъ видѣ; но ея вліяніе уже не распространялось на общегосударственные интересы. Напротивъ, свѣтскій духъ проникалъ понемногу и въ область церкви. Вслѣдствіе недостатка

священнослужителей, по провинціямъ сокращалось число церквей или церковныхъ мѣстъ. Ослаблялась власть консисторій, которыя подверглись также нѣкоторымъ улучшеніямъ: коммиссія 1873 г. даже имѣла въ виду перенести отсюда бракоразводныя дѣла въ обыкновенные суды. Важнѣе всего было уничтоженіе замкнутости духовенства: дозволили всякому поступать въ священники, а дѣтямъ духовенства—выбирать себѣ родъ занятій. Этому содѣйствовала реформа семинарій и духовныхъ училищъ и академій на общеобразовательныхъ началахъ.

Благодаря общему духу терпимости и человѣчности, инородцы вздохнули свободнѣе: шла мирная дѣятельность основаннаго въ 1870 г. миссіонерскаго общества, которое обратило въ православіе болѣе 100.000 иновѣрцевъ, преимущественно въ Сибири. Прежняя система дѣйствовала главнымъ образомъ, на западныхъ окраинахъ, вслѣдствіе польскаго возстанія... *Католичество* находилось, съ самаго начала, въ особенности же съ 1863 г., въ исключительномъ... положеніи: Россія даже прекратила сношенія съ Римомъ. Въ то же время продолжалъ рости *расколъ* и разныя *секты* (§ 252)...

§ 284. **Сословія**. — Если у насъ числится 5 сословій (духовное, дворянское, военное, городское и крестьянское), то это—лишь законное опредѣленіе гражданскаго положенія разныхъ разрядовъ населенія имперіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ правъ дворянства, какъ служилаго сословія, они никогда не имѣли политическаго значенія, какъ на Западѣ (§ 263). Самое разграниченіе между ними создано попреимуществу закономъ же: на дѣлѣ народъ дѣлится преимущественно на „интеллигенцію" или образованный слой и на темную массу... Реформы Александра II были возстановленіемъ этого духа въ законодательной области: въ основѣ ихъ лежитъ начало безсословности, всенародности. Оно ясно всюду — не только въ учрежденіяхъ, но и въ общемъ духѣ царствованія: въ военныхъ и духовныхъ школахъ господствовало не спеціальное, а общеобразовательное обученіе...

Но еще было далеко до сліянія высшаго класса съ остальною массой. Дворянство все еще рѣзко отличалось отъ народа и своимъ воспитаніемъ, даже французскимъ языкомъ, и внѣшнимъ бытомъ: у него вездѣ было частное землевладѣніе, а у крестьянъ еще сохранялась сельская община. Только личное дворянство стало однимъ титуломъ и сливалось черезъ своихъ дѣтей съ купечествомъ (§ 276), хотя подконецъ начинали заботиться и

о немъ: даже Александровскій лицей былъ открытъ (1880) уже и для его дѣтей, а не для одной знати. А высшее дворянство пользовалось прежними попеченіями правительства (§ 276). Потомственное дворянство уже было связано съ чиномъ полковника и дѣйствительнаго статскаго совѣтника (IV класса). Продолжалось пожалованіе знатными титулами: явилось болѣе 20 новыхъ графовъ, отчасти изъ неродовитыхъ и даже не изъ дворянъ (Евдокимовъ, Муравьевъ, Толстой и др.). Дворянъ въ Россіи все еще сохранялось больше, чѣмъ гдѣ-либо—до 600.000 потомственныхъ и 350.000 личныхъ: за послѣднее столѣтіе (1760—1860) число ихъ удесятерилось. Если съ введеніемъ земства ихъ собранія стали избирать только своихъ предводителей и заниматься исключительно дѣлами своего сословія, зато сами земства состояли наполовину изъ бывшихъ помѣщиковъ, и предсѣдательствовали въ нихъ предводители дворянства. Въ 1874 г. дворянству былъ порученъ надзоръ за народнымъ образованіемъ. Подконецъ, въ министерство Лориса-Меликова, въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ (Петербургъ, Тверь, Курскъ, Казань) поднимали вопросы о правѣ отмѣнять административную ссылку и указывать на злоупотребленія чиновниковъ. Уже можно было думать, что при продолженіи системы второй половины царствованія Александра II дворянство снова получитъ часть былого значенія.

И *горожане* попрежнему не имѣли политическихъ правъ. Въ началѣ царствованія они отличались, сверхъ того, бѣдностью: числилось только 55.000 купцовъ, изъ которыхъ лишь 4.000 приходились на первыя двѣ гильдіи; третья же гильдія состояла преимущественно изъ крѣпостныхъ. Мѣщане же были зачастую бѣднѣе мужиковъ: они стремились въ деревни, чтобы сѣсть на землю. Города, даже губернскіе, за исключеніемъ главныхъ (§ 281), были плохи даже по внѣшнему виду; а уѣздные представляли собой такую нищету, что думскій доходъ въ нихъ часто не достигалъ 1.000 р.; многія думы были даже въ долгахъ, такъ какъ городскихъ налоговъ почти не имѣлось. Но реформы оживили городскую дѣятельность. Положеніе мѣщанъ было облегчено распространеніемъ рекрутчины на всѣ сословія. Купцы стали богатѣть отъ болѣе быстраго обращенія капиталовъ. Они скупали земли нищавшихъ дворянъ и обыкновенно отдавали ихъ мужикамъ въ выгодную аренду. Капиталистамъ помогала и городская реформа (§ 278), хотя она была введена только въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ и лишь

подконецъ распространена на Остзейскій край. Она основана на собственности, по прусскому образцу, напоминающему римскія центуріи (*Д. И.* § 189), причемъ избиратели распадаются на 3 группы такъ, что большинство обезпечено за богатыми. Отсюда господство необразованныхъ купцовъ, названныхъ въ Петербургѣ „черною сотней". Подконецъ думали устранить это зло дарованіемъ избирательныхъ правъ квартирантамъ.

Наиболѣе измѣнилось положеніе *крестьянства*. До 1861 г. было 22 милл. крѣпостныхъ обоего пола (въ томъ числѣ до $1^1/_2$ милл. дворовыхъ) въ одной европейской Россіи, и то за исключеніемъ Польши, Финляндіи и Кавказа; причемъ нигдѣ ихъ не было столько, какъ въ Землѣ войска донскаго. Да и „свободные" или казенные (болѣе 22 милл.) и удѣльные (до 2 милл.) крестьяне нѣсколько походили на нихъ по нѣкоторымъ своимъ обязательствамъ. Такъ, крѣпостные составляли до 38% всего населенія, хотя ихъ было нѣсколько меньше, чѣмъ при Николаѣ I, благодаря отпускамъ на волю, рекрутчинѣ и даже залогу имѣній въ ломбардъ (если помѣщикъ не выкупалъ имѣнія, крестьяне становились казенными). О положеніи всей массы крестьянства можно судить по тому, что къ 1860 г. ея размноженіе пріостановилось: число крестьянъ даже начинало слегка падать. А касательно крѣпостныхъ довольно сказать, что до самаго конца господа иногда кормились оркестрами изъ нихъ (§ 250). Половина ихъ принадлежала помѣщикамъ средней руки (отъ 100 до 1.000 душъ), а болѣе 4 милліоновъ кормили мелкопомѣстныхъ дворянъ (отъ 1 до 100 душъ). Возроставшіе крестьянскіе бунты были одною изъ причинъ, ускорившихъ дѣло освобожденія. Мѣстами наивные поводы къ нимъ указывали на крайнее томленіе массъ: вѣрили, напримѣръ, что Наполеонъ не подпишетъ мира, пока царь не дастъ „воли" крестьянамъ. Литература переполнилась описаніемъ печальнаго быта „черноземной силы" и воззваніями къ человѣчности: она „пропахла мужикомъ", по выраженію сатирика; она дала „Разсказы Марка Вовчка" (г-жи Маркевичъ), игравшіе роль „Хижины дяди Тома". И тутъ сливались люди всякихъ направленій—Тургеневъ, Самаринъ и Герценъ.

Уже въ 1857 г. началась подготовка неизбѣжной великой реформы, въ видѣ послѣдняго изъ ряда секретныхъ комитетовъ (§ 278). Но сразу натолкнулись на упорное сопротивленіе силы, которой приходилъ конецъ. Въ комитетѣ только 4 человѣка (Ланской, Блудовъ, Ростовцовъ, Бутковъ) искренно стояли

за „освобожденіе“ крестьянъ: большинство старалось постарому свести дѣло на мелкія и временныя мѣры къ „улучшенію быта“ крѣпостныхъ. Комитетъ поддержало предложеніе литовскихъ дворянъ освободить крестьянъ, но безъ земли: ихъ угнетали „инвентарныя коммиссіи“ (§ 276) и устрашали бунты. Александръ II выразилъ свое сочувствіе литовцамъ,—и начали приходить неясные адресы отъ русскихъ, начиная съ дворянства петербургскаго, нижегородскаго и орловскаго.

Но искренность этихъ бумагъ не замедлила обнаружиться. Когда въ столицѣ назначили большой „крѣпостной комитетъ“ изъ 12 человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ самого императора, а по губерніямъ приказали собираться дворянскимъ комитетамъ, помѣщики стали уклоняться, хотя все еще не было произнесено слово „освобожденіе“: они закидывали большой комитетъ запросами, оспаривали данныя земельной статистики,—словомъ, всячески затягивали дѣло. Въ запискѣ Ланского того времени говорится, что слухъ о реформѣ возбудилъ „безотчетный страхъ“ въ помѣщикахъ, которые считали ее „невозможною“, „запугивали правительство предвѣщаніемъ демократической революціи“, стремились къ „удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, изъ-за личныхъ матеріальныхъ выгодъ“. Впрочемъ, большинство дворянъ было не прочь отъ освобожденія крестьянъ, но „безземельнаго“; а знать стояла за установленіе „поземельной аристократіи, подобно англійской, на феодальныхъ началахъ“... Александръ II предпринялъ блестящее путешествіе по Россіи (1858): вездѣ онъ усовѣщивалъ дворянъ и выражалъ надежду, что „эгоизмъ не помѣшаетъ“ его намѣреніямъ.

Въ 1859 г. только 8 дворянскихъ комитетовъ представили свои работы, и именно въ губерніяхъ, гдѣ крѣпостничество введено лишь при Екатеринѣ II. А въ большомъ комитетѣ царствовала разноголосица. Тогда устроили „редакціонную коммиссію“, куда были призваны и дворянскіе депутаты изъ губерній. Но противодѣйствіе реформѣ продолжалось. Въ губернскихъ комитетахъ возростали споры, шумъ, взаимныя пересылки: здѣсь земельный надѣлъ назывался „революціей, экспропріаціей“. Тамъ и сямъ, по почину Твери, дворянство настаивало на своихъ правахъ рѣшать собственныя дѣла; въ Петербургѣ оно требовало общаго собранія всѣхъ комитетовъ. Депутаты жаловались, что ихъ не допускаютъ въ редакціонную коммиссію. Но Александръ сказалъ имъ: „Нельзя обойтись безъ жертвъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе не на словахъ только, но и на дѣлѣ“.

Затѣмъ депутаты были отправлены по домамъ, а петербургскій предводитель, Безобразовъ, высланъ изъ столицы; губернскіе же комитеты были закрыты. Въ то же время императоръ приказалъ кончить дѣло къ 1861 году; а по деревнямъ крестьяне принимали крайне враждебное положеніе: и помѣщики примирились съ своею участью. Но ихъ работа не прошла безслѣдно. Государственный совѣтъ уменьшилъ размѣръ крестьянскаго надѣла, опредѣленнаго редакціонною коммиссіей. Вожди этой коммиссіи, прославленные въ дворянскихъ комитетахъ, какъ „опасные чиновники", какъ „красные и радикалы", быстро потеряли довѣріе: тотчасъ по обнародованіи Положенія 19 февраля, Ланской и Милютинъ покинули министерство.

Положеніе 19-го февраля, подкрѣпленное учрежденіемъ земствъ (§ 278), имѣло неизмѣримое вліяніе на крестьянство. Мужики получили не только землю, но и самоправленіе, тогда какъ въ Пруссіи они до 1872 г. оставались подъ полицейскою властью юнкеровъ (помѣщиковъ). Благодаря свободѣ движеній и оживленію предпріимчивости, земля вздорожала: число ея покупщиковъ утроилось въ 10 л. Крестьяне быстро поправлялись и прикупали землицъ, частью въ одиночку, частью міромъ, между тѣмъ какъ дворянство, утратившее $^1/_3$ доходовъ, оскудѣвало: подконецъ у нихъ было уже 64 милл. десятинъ, а у помѣщиковъ—только 63. Мужикъ поднимался и нравственно: становился бережливѣе, предпріимчивѣе, мѣстами даже обзаводился земледѣльческими машинами. Онъ дѣлался полноправнымъ членомъ государства; а путемъ образованія, которое не было закрыто для него, онъ могъ достигать высшихъ ступеней общественной лѣстницы.

Но плоды реформы 1861 г. обнаруживались еще не вездѣ, а связанныя съ нею тяжести чувствовались повсюду. Съ устраненіемъ ея творцовъ, которые мечтали, напримѣръ, о правильныхъ переселеніяхъ, исчезали надежды на исправленіе на практикѣ ея вынужденныхъ недостатковъ. И эти недостатки выступали наружу. Крѣпостныхъ связывало положеніе „временнообязанныхъ". Дворовые должны были служить еще 2 г. и затѣмъ освобождались безъ земли. Остальные получали скудный надѣлъ—среднимъ числомъ 3—4 десятины на душу, т.-е. почти то же, что̀ имѣли они раньше; да еще помѣщики всячески урѣзывали лучшіе клочки въ свою пользу: государственные крестьяне тогда же получили больше. И за свой надѣлъ мужикъ долженъ былъ долго нести извѣстныя повинности. А онъ всегда твердилъ

помѣщику: „мы ваши, а земля наша“; теперь же вообразилъ, что господа и попы скрываютъ „настоящій“ манифестъ. Это убѣжденіе поддерживали разные пророки, особенно изъ раскольниковъ: въ Казани появился даже самозванецъ, раздававшій земли даромъ. Отсюда волненія до конца царствованія: въ 1879 г. судилось до 1.000 чигиринскихъ крестьянъ, которые составляли тайныя „дружины“ для раздѣла земель, причемъ думали, что они исполняютъ волю царя. И правительство не разъ принуждено было всенародно опровергать слухи о новыхъ земельныхъ надѣлахъ.

Самая „выкупная операція“ не была закончена. Правда, въ 2 г. было написано болѣе 100.000 уставныхъ грамотъ, благодаря образцовымъ дѣйствіямъ мировыхъ посредниковъ, которыхъ упрекали даже въ пристрастіи къ мужику. Но потомъ понизилось достоинство посредниковъ; и они были даже уничтожены, а въ западныхъ губерніяхъ ихъ стали назначать, какъ чиновниковъ. А главное, такъ какъ, за исключеніемъ западныхъ губерній, вездѣ выкупъ совершался по обоюдному соглашенію, то онъ не всегда могъ состояться. Помѣщики, особенно въ плодородныхъ мѣстахъ, упирались, замѣтивъ вздорожаніе земли; крестьяне же нерѣдко выжидали даровой дачи надѣловъ, тѣмъ болѣе, что при принужденіи они платили только $^4/_5$. Оттого подконецъ въ 37 внутреннихъ губерніяхъ еще сохранялись временно обязанные ($1^1/_2$ мил. мужчинъ), среди которыхъ помѣщикамѣ отчасти принадлежала даже вотчинная полиція. А выкупившіеся были обременены налогами, которые подконецъ иногда превышали доходность земли: они платили государственные и земскіе сборы да еще погашеніе выкупнаго долга казнѣ, причемъ несли $^3/_5$ расходовъ земства, владѣя только $^1/_3$ земли. Если болѣе 600.000 крестьянъ устроились даже безъ помощи казны, то они оказались жертвой самообольщенія. Они воспользовались „сиротскимъ надѣломъ“ или „гагаринскою статьей“ Положенія, по которой помѣщикъ могъ, вмѣсто выкупа всей земли, отдать даромъ $^1/_4$ ея. Мужики, набросившіеся на даровщину, оказались самыми бѣдными, особенно на черноземѣ, гдѣ земля сильно вздорожала. А тутъ завелся кулакъ (§ 281) или „міроѣдъ“, вслѣдствіе развитія капиталистическаго движенія: онъ душилъ земледѣльца, также какъ и кустаря, давая имъ ссуды для уплаты податей, разоряя ихъ кабакомъ и монопольной лавченкой.

Немудрено, что черезъ 10 л. послѣ реформы, давшей

всѣмъ землю, возникли уже сотни тысячъ бобылей, и разгоралась страсть мужика къ переселеніямъ, особенно въ многоземельную Сибирь. Отсюда же усиленное стремленіе крестьянъ къ отхожимъ промысламъ, особенно въ города, гдѣ они составляютъ уже до 20%. Но то были случайные заработки: они создавались внезапнымъ приливомъ капиталовъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ. И на фабрикахъ накоплялось столько народу, что заработной платы едва хватало на очистку налоговъ; а при стѣсненіяхъ отъ хозяевъ происходили стачки, которыя только ухудшали положеніе рабочихъ.

Благосостояніе крестьянъ связано у насъ еще съ положеніемъ *сельской общины* (§ 250). Передъ реформой 1861 г. она господствовала въ главныхъ гнѣздахъ великоруссовъ (§ 6). Здѣсь частная собственность составляла лишь 2% земли: она встрѣчалась только у дворянъ, колонистовъ да у 3 милл. (обоего пола) однодворцевъ — этихъ нищихъ потомковъ пограничныхъ служилыхъ Московскаго царства (§ 164), которые считали себя дворянами, но несли рекрутчину и подушную подать. Община встрѣчалась также въ Бѣлоруссіи, Малороссіи, Бессарабіи, но въ перемежку съ частною собственностью. Положеніе 19 февраля предоставляло свободу въ выборѣ формы землевладѣнія, но ограничивало уничтоженіе общины рѣшеніемъ $^2/_3$ голосовъ міра, тогда какъ въ Англіи и Франціи для этого требуется согласіе высшаго правительства. Такъ какъ платить выкупъ болѣе удобно сообща, чѣмъ въ одиночку, то съ 1861 г. кое-гдѣ была введена община (въ Могилевской губ.). Съ другой стороны, нѣкоторые міры отмѣняли ее, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, особенно гдѣ сильно росло населеніе. А гдѣ община сохранялась, тамъ ее подрывали раздѣлы семей, которые все увеличивались, распложая нищету, на что̀ уже было обращено вниманіе правительства. По большей части она съузилась до деревни; да и тутъ общими оставались подконецъ только луга и лѣса, пашни же шли въ передѣлъ. Такъ какъ полная община связана съ изобиліемъ земли, то она стала падать даже на Дону и на Уралѣ, сохраняясь только въ Сибири и на сѣверѣ, гдѣ она обнимаетъ цѣлую волость. Оттого подконецъ воскресъ споръ объ общинѣ, который шелъ съ 40-хъ гг.; и теперь онъ склоняется болѣе, чѣмъ тогда, въ ея пользу.

§ 285. **Нравы. Женщина.** — Человѣчность, терпимость, милосердіе, справедливость ко всѣмъ, — эти основныя качества царя Освободителя, которыми проникнуты и всѣ его реформы,

благотворно отразились на нравственномъ состоянiи Россiи. Нравы замѣтно смягчались уже въ *правительственныхъ* сферахъ. При государѣ, который началъ свое царствованiе съ помилованiя декабристовъ (§ 278), были уничтожены кандалы, кнутъ и палки (сквозь строй). Были почти совсѣмъ отмѣнены и обычныя тѣлесныя наказанiя по суду (1863): розги были удержаны только для штрафныхъ солдатъ, тюремъ и волостныхъ судовъ, да и то съ ограниченiями. Смертная казнь подконецъ исчезла даже въ Финляндiи формально, а на дѣлѣ Александръ II съ самаго начала миловалъ присужденныхъ къ ней. Въ Россiи она сохранилась только въ военныхъ судахъ и была возстановлена (1866) для политическихъ преступниковъ, сначала публично, потомъ (1881) въ стѣнахъ тюрьмы. Смертная казнь замѣнена ссылкой, и преимущественно административной, которая съ начала 19-го в. возросла въ 7 разъ, особенно развиваясь при Николаѣ I и съ 1878 г. При Александрѣ II стали ссылать, вмѣсто нерчинскихъ рудниковъ, на казенные заводы, и преимущественно въ западную Сибирь. Вслѣдствiе сильныхъ побѣговъ, подконецъ важныхъ преступниковъ начали отправлять на о. Сахалинъ. Тогда же было обращено вниманiе на улучшенiе допотопныхъ, варварскихъ тюремъ, чему помогали частныя пожертвованiя смягченнаго общества и устройство образцовой тюрьмы (1875).

Развитiе человѣчности ясно и въ отношенiяхъ къ раскольникамъ: послѣ Николая I все рѣже встрѣчались случаи насильственныхъ обращенiй въ православiе. Наиболѣе глубокое нравственное влiянiе имѣла судебная реформа, которая сдѣлала послѣдняго мужика соучастникомъ въ главной государственной задачѣ и впервые познакомила нашъ народъ съ облагораживающимъ началомъ всеобщаго равенства передъ закономъ, т.-е. съ нелицепрiятiемъ и справедливостью. Недаромъ мужикъ кладетъ за образа повѣстку, призывающую его въ присяжные засѣдатели. Въ особенности образовательно дѣйствовали на массы мировые судьи, которые, подобно первымъ посредникамъ, были на высотѣ своего великаго призванiя: они воспитывали народъ даже по внѣшности, впервые заговоривъ съ нимъ на „вы“. Даже слѣдственная часть, это больное мѣсто реформы, была вначалѣ раемъ земнымъ сравнительно съ инквизицiонными прiемами „полицейскаго дознанiя“.

Коренныя реформы благодѣтельно встряхнули и застоявшуюся нравственность *общества*. Чуткость личнаго достоинства,

проявлявшаяся наглядно въ судебныхъ дѣлахъ, живое стремленіе къ выходу изъ скорлупы себялюбія на общественное поприще, возраставшее именно во время реформъ число всевозможныхъ обществъ, въ особенности благотворительныхъ и просвѣтительныхъ (даже покровительства животнымъ) — все указывало на возвышеніе душевнаго уровня интеллигенціи. Отмѣна крѣпостного права облагораживала дворянъ. Къ нимъ уже было непримѣнимо выраженіе Самарина, столько вытерпѣвшаго въ борьбѣ съ крѣпостниками: „помѣщикъ—чиновникъ въ халатѣ, чиновникъ —помѣщикъ въ мундирѣ“. „Его благородіе“ переродился. Онъ примирялъ съ собой народъ, съ честью исполняя вначалѣ должности мировыхъ посредниковъ и судей, куда попадалъ нерѣдко прямо изъ крѣпостническихъ дворянскихъ комитетовъ (§ 284). Онъ сбрасывалъ съ себя халатность и патріархальность, пріучался къ труду, ученью, предпріимчивости, лишившись своего подневольнаго кормильца.

То же происходило съ духовенствомъ, которое, съ уничтоженіемъ кастичности, очищалось отъ лѣни и лицемѣрія, пополнялось людьми, работавшими по призванію. Среди купцовъ, которые уже отдавали своихъ сыновей въ университеты, рѣже встрѣчались самодуры комедій Островскаго. Въ ихъ новомъ поколѣніи точно также исчезалъ особый типъ русскаго торгаша, какъ исчезалъ типъ семинариста-бурсака. Перерождался и мужикъ. Вызвавшія всеобщее движеніе реформы разбивали древнія узы патріархальности (§ 173): взрослыя дѣти старались выдѣляться изъ семьи, основывать собственныя независимыя хозяйства; молодежь принимала живое участіе въ сходахъ. Потребленіе водки пало въ 60-хъ гг. на 5%, когда населеніе возросло на 10%; а чаепитіе расширялось съ каждымъ годомъ. Развивались общества трезвости, которыя впервые появились въ Литвѣ (1858), гдѣ кабацкая монополія находилась въ рукахъ помѣщиковъ. Сельскіе сходы все чаще принимали мѣры противъ пьянства, невѣжества и безобразій: нѣкоторые изъ нихъ, по случаю смерти Александра II, закрывали кабаки и клялись не сквернословить. Мужикъ вообще становился рачительнѣе въ дѣлахъ и бережливѣе. Въ немъ росло чувство собственнаго достоинства: онъ начиналъ ощущать позоръ розги. Наконецъ, случаи частной безнравственности покрывались образцовою честностью артелей, которыя все развивались, внося въ крестьянство строгую дисциплину и пріучая его къ единству, къ общему дѣлу.

Но благотворное вліяніе молодыхъ преобразованій только

начиналось. Еще крѣпки были вѣковые пережитки, которые могли быть побѣждены только съ укорененіемъ свѣжихъ началъ. Они начинали снова забирать силу подконецъ, когда реформы частью искажались, частью пріостанавливались. Въ интеллигенціи снова развивался духъ разъединенія, недостатокъ общественнаго сознанія, съ которымъ такъ горячо боролся Петръ I (§ 219). Съ ослабленіемъ живого движенія 60-хъ гг., опять становилось трудно вести частными средствами обширныя общественныя и даже торговыя предпріятія; даже земства менѣе интересовались другъ другомъ изъ опасенія прямыхъ сношеній между собой. Только-что слагавшееся общественное мнѣніе становилось робко и сбивчиво, тѣмъ болѣе, что цензурныя условія стѣсняли его проявленія въ печати. А это способствовало развитію растратъ общественныхъ суммъ, особенно въ городскихъ и частныхъ банкахъ, которые сначала легко разрѣшались всякимъ лицамъ безъ разбора. „Концессіонная горячка" также приводила къ тому, что желѣзнодорожники быстро наживались, а дорогъ было мало. и онѣ содержались плохо. Казна, наконецъ, стала выкупать у нихъ дороги, улучшая ихъ и понижая провозную плату, и постепенно сама строила рельсовые пути, начавъ съ стратегическихъ.

Среди новыхъ капиталистовъ, внезапно поднявшихся, съ паденіемъ дворянства, изъ темной среды, развивалось стремленіе къ нечестной наживѣ: пользуясь недочетами реформъ, входили въ засиліе „черныя сотни" по городамъ (§ 284) и „кулаки", міроѣды въ деревняхъ. Кулакъ развращалъ и сельскіе сходы, дѣйствуя на нихъ своимъ кабакомъ и ссудами въ тяжкія минуты податныхъ взысканій. Здѣсь снова усиливались розги: волостные суды, вопреки Положенію 19 февраля, наказывали даже женщинъ, стариковъ и кончившихъ курсъ въ училищахъ, въ особенности же недоимщиковъ, за которыхъ должны платить другіе, въ силу круговой поруки. Дѣло доходило и до Линчева суда: въ 1883 г. мужики замучили конокрада, привязавъ его къ хвосту лошади, и присяжные оправдали ихъ. Тѣлесныя наказанія, которыя уже рекомендовались нѣкоторыми газетами и для гимназій, развивались и со стороны правительства въ провинціи, гдѣ господами были невѣжественные чиновники. Они снова входили въ систему дѣйствій мѣстной полиціи даже при взиманіи податей и недоимокъ. Новыхъ урядниковъ (§ 282) мужикъ уже называлъ „курятниками". Судебный слѣдователь, потерявъ свою независимость (§ 282), приближался къ полицейскому дознанію.

А въ высшемъ чиновничествѣ подконецъ гремѣли такія крупныя дѣла, какъ „желѣзнодорожная неурядица", при которой исчезали сотни милліоновъ денегъ и десятки верстъ, да расхищеніе полумилліона казенныхъ десятинъ (въ Польшѣ, на Кавказѣ, на Уралѣ, особенно у башкировъ), вызвавшее сенаторскія ревизіи (1880—1881).

Но были живы двѣ крупныя силы, которыя ручались за новое нравственное возрожденіе страны. Съ одной стороны, ничѣмъ нельзя было подавить всеобщее стремленіе къ образованію, которое проникло и въ крестьянство, какъ показывали земства; съ другой—*женщина* уже заняла то высокое положеніе, какимъ она не пользуется и на Западѣ. За исключеніемъ стараго неравенства въ наслѣдствѣ (женщина получаетъ $^1/_{14}$ отцовскаго и $^1/_7$ мужнинаго состоянія), она обладаетъ одинаковыми съ мужчиной имущественными правами, а также голосомъ въ земскихъ и городскихъ выборахъ. А главное, она наравнѣ съ мужчинами получила какъ среднее, такъ и университетское образованіе. Въ началѣ 60-хъ гг. женщины стали посѣщать петербургскій университетъ; и на запросъ министерства, всѣ университеты (кромѣ московскаго) высказались за совмѣстное слушаніе лекцій ими и студентами. Въ 70-хъ гг. появились сначала женскія гимназіи, съ широкимъ общеобразовательнымъ курсомъ, затѣмъ педагогическіе курсы и высшіе женскіе курсы (университеты) въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани. Въ 1879 г. въ Одессѣ дѣйствовали курсы, подготовлявшіе къ женскому университету, ходатайство о которомъ было послано въ министерство однимъ профессоромъ, еще не получившимъ отвѣта. Въ то же время медицинскіе курсы въ Петербургѣ выпускали много женщинъ-врачей, пользовавшихся правами практики наравнѣ съ мужчинами. Подлѣ нихъ работали школы для приготовленія фельдшерицъ, акушерокъ, сестеръ милосердія. Общество горячо поддерживало дѣло женскаго образованія: собирались пожертвованія, которыя достигали крупныхъ суммъ (особенно на высшее образованіе); частныя лица открывали женскія гимназіи по главнымъ городамъ. Печать ревностно поддерживала лучшія стремленія женщины, которая издавна стала любимицей нашей изящной словесности и удостоилась поэтическаго вѣнца подъ перомъ Тургенева. Правительство шло навстрѣчу благородному и самому полезному въ будущемъ движенію. За исключеніемъ высшихъ женскихъ курсовъ, оно одаряло правами женскія учебныя за-

веденія. Женщины не только заполняли по земствамъ медицинскія и педагогическія службы, но и занимали казенныя мѣста (врачи, фельдшерицы, учительницы, телеграфистки). Онѣ даже брались за адвокатуру, хотя только у мировыхъ судей: остальные суды не допускали ихъ.

Русская женщина заслужила такое счастливое положеніе дѣльностью и талантливостью на многихъ поприщахъ, добросовѣстностью и самоотверженностью въ служеніи несчастнымъ. Благодаря всесословности и въ ея образованіи, она выставила рядъ полезныхъ дѣятельницъ, а нерѣдко и героинь изъ всѣхъ слоевъ общества и почти на всѣхъ поприщахъ, начиная съ тѣхъ аристократокъ, которыя, при освобожденіи крестьянъ, шли къ народу съ грамотой и аптечками, и съ великой княгини Елены Павловны, которая поддерживала Александра II въ его реформахъ и превратила Михайловскій дворецъ въ одинъ изъ центровъ музыки и литературы. Дочери провинціальныхъ бѣдняковъ достигали извѣстности. Огромную пользу принесли женщины-врачи, съ ихъ помощницами, фельдшерицами: онѣ сотнями разсыпались по улусамъ инородцевъ и по земствамъ, гдѣ народъ считалъ ихъ своимъ Провидѣніемъ, и падали непорочными жертвами въ борьбѣ съ заразой и даже на поляхъ брани Съ ними соперничали сестры милосердія и дамы Краснаго Креста, служившія народу на войнѣ, при морахъ и голодухахъ. Софья Ковалевская († 1891) прославила русское имя въ наукѣ, какъ свѣтило математики. Выдвинулся и цѣлый рядъ полезныхъ труженицъ по естествознанію (Манасеина, Раскина, Шипилова и др.), даже по астрономіи, филологіи, древностямъ (Уварова—глава археологическаго общества въ Москвѣ) и законовѣденію (Ефименко). Несмотря ни на что, онѣ уже возвысились до чтенія публичныхъ лекцій и даже до университетскаго преподаванія, какъ итальянки временъ Возрожденія (*С. И.* § 177) или современныя американки: Ковалевская была профессоромъ въ Стокгольмѣ; Богдановская и Шиффъ читаютъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. Наши женщины даже изслѣдуютъ руды Сибири и воды европейской Россіи и пріобрѣтаютъ имя, какъ дѣльныя путешественницы. Онѣ снискали почетное имя въ литературѣ (Смирнова, Хвощинская, Шапиръ и мн. др.), живописи, (Бемъ, Куріаръ, Маковская, Шишкина и мн. др.), скульптурѣ, музыкѣ исполнительной (Есипова, Тиманова и др.) и даже композиторской (Сѣрова). Когда подконецъ стало стѣсняться стремленіе къ высшему образованію, наши женщины

устремились въ заграничные университеты, снискивая на гордѣливой чужбинѣ уваженіе, а иногда и поле дѣятельности. А у себя дома онѣ примѣняли искусства къ промышленности; и аристократки начали поддерживать кустарное рукодѣлье крестьянокъ, устраивая для этого во многихъ губерніяхъ школы, выставки и базары.

§ 286. **Понятія. Просвѣщеніе.** — Полное преобразовательныхъ мыслей царствованіе Александра II связано съ небывалымъ богатствомъ *умственнымъ*, которое было пущено тогда въ оборотъ. Послѣ томительнаго разрыва съ источниками просвѣщенія при Николаѣ I, русская мысль съ жадностью схватилась за идейное достояніе Запада. Благодаря свободѣ заявленій, она спѣшила перенести домой всѣ его умственные успѣхи. Для этого пользовались частью чтеніемъ и переводомъ иностранныхъ книгъ, частью путешествіями, которыми увлекались тогда даже провинціальные учителя, скоплявшіе за зиму лишній грошъ, чтобы на каникулахъ попасть за границу: тогда иностранцы говорили, что девизъ русскихъ — „умереть за отечество и жить на чужбинѣ!“ Вліяніе Европы снова овладѣвало русскими, какъ при Петрѣ I и Екатеринѣ II. Оно отражалось на всѣхъ реформахъ, которыя иногда почти цѣликомъ заимствовались съ Запада, особенно изъ Франціи. Всякая новая мѣра вызывала посылку знатоковъ дѣла за границу и иногда цѣлые томы драгоцѣнныхъ свѣденій для сравненія съ жизнью другихъ государствъ Европы и даже Америки.

Вначалѣ, въ горячую пору всеобщаго обновленія, направленіе умовъ въ сторону преобразованій было почти единодушно. Сами славянофилы принимали сердечное и полезное участіе въ реформахъ: имъ не нравились только такія прямыя заимствованія, какъ новые суды. Съ благородствомъ вынося на своихъ плечахъ освобожденіе крестьянъ, они тѣмъ самымъ протестовали противъ основъ древней Руси и отличались такою независимостью убѣжденій, что И. Аксаковъ былъ высланъ въ деревню за рѣчь о берлинскомъ трактатѣ. Въ то время все рвалось впередъ, стараясь подвигать развитіе благодѣтельныхъ реформъ. Литература превращалась почти въ сплошную публицистику. Обширная журналистика помогала преобразованіямъ, обсуждая ихъ предварительно: она то „обличала“ старое зло, то указывала новые идеалы. Кто предлагалъ планы отмѣны паспортовъ и облегченія разводовъ, кто мечталъ о конституціи для „великодушныхъ румынъ“, кто за-

думывался о соціальномъ вопросѣ и о послѣднихъ плодахъ женской „эмансипаціи“. Развитіе общества проявлялось наглядно въ томъ, что идеалы Чацкаго (§ 272) уже считались вездѣ не „завиральными идеями“ полоумнаго, а просто образомъ мыслей. Пробужденіе самосознанія явствовало изъ чествованія вождей мысли, въ видѣ ихъ юбилеевъ и похоронъ: погребенія Тургенева и Достоевскаго носили даже всенародный отпечатокъ.

Какъ въ началѣ царствованія Александра I (§ 265), основное направленіе составлялъ либерализмъ. Но, какъ и тогда, подконецъ, вмѣстѣ съ ослабленіемъ преобразовательной дѣятельности, съ поворотомъ къ реакціи, начали выдѣляться двѣ крайности. Увлеченіе влѣво, связанное съ нашими выходцами и убитое реформами (§ 280), начало возрождаться въ новой заграничной и „подпольной“ литературѣ, также не безъ вліянія подобныхъ теченій на Западѣ. Отвлеченный, реалистическій, но съ оттѣнкомъ аскетизма, „нигилизмъ“, какъ назвалъ Тургеневъ („Отцы и дѣти“, 1862) новый типъ личной жизни, сталъ измѣняться...

Въ то же время развивалось консервативное направленіе, напоминавшее патріотовъ или староруссовъ временъ Александра I (§ 267). Здѣсь соединялись люди различныхъ оттѣнковъ, отъ крѣпостниковъ до народниковъ: ихъ соединяла общая вражда къ преобразованіямъ...

Богатое умственное движеніе было связано съ развитіемъ *просвѣщенія*. Собственно при Александрѣ II явилось истинно систематическое образованіе народа, когда въ немъ стало принимать участіе общество, въ особенности же земства и думы, а правительство выдвигало его при всякомъ случаѣ: въ реформахъ всюду, наряду съ имущественнымъ цензомъ, ставился цензъ образовательный; и съ нимъ главнымъ образомъ были связаны льготы по воинской повинности. Размѣры министерства народнаго просвѣщенія все расширялись: его расходы учетверились въ 15 л.: въ 1862 г. оно все стоило $4^1/_2$ милл. р., въ 1879 тратилось болѣе 7 милл. на одно среднее образованіе. Если финансовое положеніе страны не дозволяло, какъ слѣдовало бы, быстро увеличивать средства педагогіи, зато общество впервые бойко пошло навстрѣчу правительству. Оно дѣлало пожертвованія въ университеты, особенно для стипендій, и само заводило школы, разрѣшеніе которыхъ не стѣснялось; при этомъ замѣчались признаки самобытности въ постановкѣ дѣла, впрочемъ рѣдко, такъ какъ училища съ казенными программами

пользовались правами правительственныхъ заведеній. Подконецъ частными усиліями было создано 5 высшихъ учебныхъ заведеній (высшіе женскіе курсы и лицей Цесаревича Николая), до 500 среднихъ и около 5.000 низшихъ. Земства, послѣ закона о льготахъ по воинской повинности (1874), особенно двинули народное образованіе: 400 уѣздовъ тратили на него столько же, сколько правительство на всю имперію. Мѣстами они уже высказывались за обязательное обученіе.

Общество открывало попреимуществу женскія школы, правительство больше и раньше всего заботилось о мужскомъ образованіи. Сначала особенно обращали вниманіе на высшее и среднее образованіе. Въ 1864 г. студентовъ въ университетахъ было всего тысячи 4 съ небольшимъ, а въ 94-хъ среднихъ казенныхъ заведеніяхъ обучалось лишь около 27.000. Подконецъ же было уже 8 университетовъ (съ превращеніемъ, въ 1862 г., Ришельевскаго лицея въ новороссійскій университетъ), съ 550 профессорами и 12.000 студентовъ, и до 450 среднихъ учебныхъ заведеній, съ 125.000 учащихся. Только для низшаго образованія существовало менѣе 29.000 министерскихъ школъ (уѣздныя, городскія, начальныя) и до 5.000 заведеній другихъ вѣдомствъ, съ 1.775.000 учащихся. Но правительство уже старалось пополнить этотъ недостатокъ: начинали вводить цѣлую систему церковно-приходскихъ школъ и подготовлять развитіе „профессіональныхъ", т.-е. ремесленныхъ школъ. Для подготовки преподавателей въ низшихъ школахъ устраивались учительскіе институты, семинаріи и лѣтніе курсы, какъ правительствомъ, такъ и земствами. Также входили въ обычай съѣзды народныхъ учителей и учительницъ, отчасти и учителей гимназій.

Спеціальное образованіе также уже представляло систему со всѣми степенями. Къ высшему относились: 4 духовныя академіи, 5 военныхъ академій, археологическій институтъ, 4 филологическія заведенія (институты въ Петербургѣ и Нѣжинѣ, Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, семинарія въ Лейпцигѣ), 2 юридическихъ (Ярославскій лицей и Школа Правовѣденія), 2 технологическихъ (въ Петербургѣ и Ригѣ), 2 сельско-хозяйственныхъ (Петровская академія и институтъ въ Новой Александріи), 4 ветеринарныхъ, институты лѣсной, горный и межевой, морское училище, академія художествъ, 2 консерваторіи въ столицахъ съ отдѣленіями въ провинціи. Къ нимъ подготовляли юнкерскія училища, школы артилле-

рійскія и инженерныя, медицинскія и ветеринарныя, рисовальныя и музыкальныя, техническія, земледѣльческія, лѣсныя, садоводства и винодѣлія, ремесленныя. Существовали еще школы театральныя, желѣзно-дорожныя, телеграфныя, стенографскія, гимнастическія, училища для слѣпыхъ и глухо-нѣмыхъ, дѣтскіе пріюты и „дѣтскіе сады" по системѣ Фребеля. Женское образованіе быстро развилось въ цѣлую систему, благодаря покровительству государыни Маріи Александровны († 1880). Образовалось, подъ именемъ высшихъ женскихъ курсовъ, 4 университета съ двумя факультетами—плодъ частныхъ усилій университетскихъ профессоровъ и общества: здѣсь обучалось болѣе 1.500 женщинъ. Медицинскіе курсы представляли медицинскій факультетъ для женщинъ, которымъ давались права врачей. Для средняго образованія существовало 313 министерскихъ гимназій и прогимназій, 48 духовныхъ училищъ, 60 институтовъ, гимназій и имъ подобныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи; сверхъ того, болѣе 200 частныхъ заведеній. Для подготовки учительницъ состояли педагогическіе курсы и семинаріи; были еще школы для образованія акушерокъ, фельдшерицъ, „дѣтскихъ садовницъ". Всего въ среднихъ и низшихъ школахъ обучалось болѣе полумилліона дѣвочекъ; и правительство издерживало уже на одно среднее женское образованіе до 3 милл. р.

Дѣлу образованія помогали, впрочемъ немногія и юныя, педагогическія общества (фребелевское, общества грамотности, распространенія полезныхъ книгъ, военный Педагогическій Музей и др.): они способствовали устройству низшихъ школъ и библіотекъ изданіемъ дешевыхъ книгъ и учебныхъ пособій. Болѣе развились ученыя общества, посвященныя археологіи, исторіи, филологіи, математикѣ, въ особенности же естественнымъ наукамъ. Географическое общество, съ его отдѣленіями, много сдѣлало для изученія Россіи своими изданіями и снаряженіемъ путешествій; его коллекціи, вмѣстѣ съ этнографическимъ музеемъ въ Москвѣ, имѣютъ важное научное значеніе. Появились біологическія станціи въ Севастополѣ и въ Соловкахъ. Подконецъ становились обычнымъ явленіемъ публичныя лекціи по всѣмъ отраслямъ наукъ и съѣзды естественниковъ, врачей и археологовъ. Число типографій, книжныхъ лавокъ и изданій возростало, но медленно, особенно съ 70-хъ годовъ. Главною умственною пищей все еще служили не книги, а журналы и газеты. Газеты выдвинулись при Александрѣ II, благодаря реформамъ, телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, оживившимъ общество.

Въ 1881 г. было болѣе 600 періодическихъ изданій, но много спеціальныхъ. У нѣкоторыхъ газетъ число подписчиковъ переходило за 20.000. Расширялся и кругъ сотрудниковъ: „Сельскій Вѣстникъ“ печаталъ много мужицкихъ писемъ, особенно о кабацкомъ вопросѣ; чиновники объясняли дѣла своихъ вѣдомствъ. Что же касается ученыхъ книгъ, то ихъ издавали почти одни профессора. Они поддерживали и академію наукъ, которая все болѣе обращала на нихъ вниманія, отказываясь отъ своей замкнутости и нѣмецкаго характера.

Всѣ эти успѣхи просвѣщенія блестящи, по сравненію съ прошлымъ; но они далеко не соотвѣтствовали обширности страны и тѣмъ ея потребностямъ, которыя уже громко сказывались. Нужно было спѣшить удесятерить ихъ, а подконецъ, напротивъ, росли препятствія къ ихъ развитію и даже замѣчались попытки къ ихъ сокращенію. Въ столь маломъ числѣ университетовъ не хватало профессоровъ: по 38 каѳедрамъ не читалось лекцій; а притокъ студентовъ удерживался стѣснительными мѣрами. Общему среднему образованію мужчинъ было посвящено только 162 гимназіи, 78 прогимназій и 99 реальныхъ училищъ, — меньше, чѣмъ для дѣвочекъ. Спеціальное образованіе, какъ дѣло новое и мало интересовавшее казну, еще менѣе отвѣчало обилію и разнообразію естественныхъ условій Россіи. Вообще всюду число учащихся возростало въ большей мѣрѣ, чѣмъ число школъ: послѣднія страдали такимъ переполненіемъ, что въ министерскихъ гимназіяхъ изъ однихъ параллельныхъ классовъ можно было образовать десятки новыхъ заведеній.

Важнѣе всего, что мужскія гимназіи, на которыя было потрачено столько средствъ и упорнаго рвенія, оказались несоотвѣтствующими потребностямъ народа и потому были обречены на безплодіе... Внезапное и неумолимое проведеніе столь тяжелой системы, какъ классицизмъ, который вырабатывался на Западѣ вѣками и именно тогда пошатнулся, не могло быть у насъ даже удовлетворительною формальностью. Тотчасъ оказался недостатокъ учителей древнихъ языковъ, — и министерство поспѣшило прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ: приглашали чеховъ; завели филологическую семинарію въ Лейпцигѣ, которая вскорѣ захирѣла; въ ущербъ университетамъ, посвятили приготовленію учителей историко-филологическіе институты въ Петербургѣ и Нѣжинѣ и усилили стипендіи на тѣхъ же факультетахъ. Но все это не приводило къ цѣли:

наше общество, земства, печать столь же упорно предпочитали иную систему образованія. Почти всѣ сочувствовали реальнымъ училищамъ и 27 военнымъ гимназіямъ Милютина, которыя отличались общеобразовательнымъ курсомъ, знаніемъ новыхъ языковъ, нагляднымъ обученіемъ. Никакія просьбы родителей не дѣйствовали. Гр. Толстой отвѣчалъ новыми строгостями: реальныя училища были понижаемы въ правахъ и обученіи; въ университеты, куда принимались прежде хоть семинаристы, стали допускать только воспитанниковъ классическихъ гимназій; военныя гимназіи приравнивались постарому къ корпусамъ...

Финляндія же сплошь грамотна, не исключая лопарей за полярнымъ кругомъ. Въ ея университетѣ 2.000 студентовъ всѣхъ званій (314 бѣдняковъ) и болѣе 100 женщинъ, которыя допущены туда съ 1870 г. Подлѣ процвѣтаетъ, благодаря горячей поддержкѣ общества и ученыхъ корпорацій, множество гимназій и спеціальныхъ школъ, которыя умножаются въ числѣ, вмѣстѣ съ быстрымъ приростомъ учащихся. Народному образованію посвящены постоянныя школы и библіотеки почти во всѣхъ сельскихъ приходахъ и масса подвижныхъ школокъ. Съ 1890 г. возникли, на подобіе Швеціи, Англіи и Америки, еще „крестьянскіе университеты", которыхъ теперь уже 12. Всѣ эти учрежденія даютъ много хорошо образованныхъ людей, которые пристраиваются къ своимъ дѣламъ. И вмѣсто жалобъ на „избытокъ интеллигенціи", финляндское общество находитъ, что ея все еще мало, и работаетъ, не покладая рукъ, на ея увеличеніе.

§ 287. **Литература**.—При Александрѣ II развились таланты, выступавшіе въ 40-хъ годахъ. При всемъ ихъ разнообразіи, они дѣлали одно дѣло—утверждали реализмъ. Въ изящной словесности развивалась *натуральная школа*, задача которой становилась все шире и глубже, при постоянномъ преслѣдованіи общественной, публицистической цѣли. Здѣсь видимъ изощреніе анализа, входящаго въ поразительныя мелочи быта и психологіи, и стремленіе осмыслить правдивые факты, указать причины явленій, родословіе типовъ. Область наблюденій расширяется, захватывая всевозможныя стороны общества, причемъ особенно выдвигается изученіе народнаго быта, иногда сливающееся съ научной этнографіей. У новѣйшихъ беллетристовъ стремленіе къ правдѣ въ мелочахъ доходитъ до фотографической точности, причемъ рисуются даже областные говоры; съ

другой стороны, встрѣчаются тенденціозные романы, гдѣ жизнь умышленно рисуется невѣрно, ради проведенія извѣстной идеи, что̀ объясняется борьбой разныхъ направленій общественной мысли. Но таланты, начавшіе въ 40-хъ годахъ, болѣе склонны къ художественному изображенію типовъ, попрежнему отрицательныхъ: попытки схватить мужскіе положительные типы почти всѣ неудачны; но хорошіе типы женскіе изображаются блистательно.

Самый глубокомысленный и просвѣщенный изъ этихъ талантовъ, *Тургеневъ* († 1883), своею поэтичностью и гуманностью снискалъ такую же любовь публики, какъ Пушкинъ. Онъ изображалъ самые разнообразные и широкіе типы и картины природы одинаково реально, просто и кратко, иногда озаряя мягкимъ юморомъ глубину своего міровоззрѣнія; его основная задача—ловить новыя направленія въ нашей жизни и философски допытываться ихъ причинъ и слѣдствій. Тургеневъ, этотъ твердый западникъ, высоко цѣнилъ народъ и критически относился къ интеллигенціи: „у насъ еще нѣтъ людей; нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи" отъ бездѣлья и безплодной болтовни. Но это не пессимистъ: Тургеневъ вѣрилъ въ будущность Россіи, особенно послѣ освобожденія крестьянъ. И есть развитіе въ его главномъ типѣ „лишняго человѣка" или русскаго „гамлетика", вскормленнаго барствомъ, отсутствіемъ гражданской дѣятельности и безжизненностью нашего научнаго преподаванія. Вокругъ этого типа группируется исторія нашей интеллигенціи. Онъ ярко очерченъ въ „Рудинѣ" (1856), который не только рисуется и ораторствуетъ, но и анализируетъ, бичуетъ себя, относится отрицательно къ русскимъ порядкамъ. Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ" онъ—симпатичный „байбакъ", человѣкъ искренній, сознательный, который кончилъ тѣмъ, что сталъ пахать съ мужикомъ; здѣсь же изображена его исторія въ дворянскихъ типахъ временъ Елизаветы, Екатерины и Александра I. Въ „Наканунѣ" выражается надежда на исчезновеніе „рудинства": Елена болѣе другихъ женщинъ Тургенева ищетъ дѣятельной, общественной любви, не удовлетворяясь „однимъ чтеніемъ"; но „перваго человѣка, который не только говоритъ, но и дѣлаетъ", она встрѣчаетъ въ иностранцѣ. „Отцы и дѣти" (1862) уже выставляютъ русскаго врага рудинства: въ силу реакціи, Базаровъ не только ненавидитъ фразерство съ его метафизикой и эстетикой, но ничего не признаетъ, кромѣ научнаго труда. Онъ врагъ стиховъ и искусства, и изъ наукъ при-

знаетъ одно естествознаніе.... Но Базаровъ теоретикъ: его роль — „расчистить мѣсто" для новаго русскаго человѣка, посредствомъ науки освободить умы отъ мрака преданій, за которыя онъ презираетъ не только славянофиловъ, но и нашъ народъ, отчасти даже Западъ. По его мнѣнію, „теперь полезнѣе всего отрицаніе": оттого отцы назвали его „нигилистомъ", а мужикъ считалъ его чудакомъ, который „ничего не понимаетъ". Эти отцы, въ свою очередь, не похожи на дѣдовъ: это еще байбаки, воспитанные крѣпостничествомъ; но они либералы, мечтающіе о замѣнѣ барства англійскою аристократіей. Въ „Дымѣ" изображена вся пустота барскаго и чиновнаго либерализма.... Въ „Нови" (1876) Тургеневъ пытался изобразить новаго русскаго человѣка, переходящаго отъ теоріи къ практикѣ (Соломинъ).

Гончаровъ († 1891) отличается однообразіемъ, но поражаетъ отчетливостью въ отдѣлкѣ мелочей, полнотою реализма и психологическаго анализа. Онъ изобразилъ въ „Обломовѣ" (1858) нѣкоторыя особенности „лишняго человѣка" съ такой пластичностью, что слово „обломовщина" стало нарицательнымъ. Здѣсь вся глубина горестнаго положенія русской широкой натуры, благородной, даровитой, начитанной, но погубленной барствомъ и узкостью жизни. Обломовъ презираетъ мелкую дѣятельность. Ему нужны подвиги и міровая философія, но по вдохновенію, безъ труда: лѣнь такъ одолѣла его, что онъ боится даже женитьбы и не можетъ связать фактовъ, наполняющихъ его голову; его культомъ стала халатность, лежебочничанье; онъ „приросъ больнымъ мѣстомъ къ ямѣ". Но Ольга— наиболѣе удачный типъ русской женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ и правдиво, безъ жеманства и фантастичности, требуетъ сначала семейнаго, потомъ и общественнаго дѣла. Въ „Обрывѣ" повторяются тѣ же типы, но Обломовы хватаются за работу, которую скоро бросаютъ, какъ „неудачники". Попытка вывести новаго человѣка привела къ неудачной каррикатурѣ на Базарова.

Достоевскій († 1881), самъ испытавшій каторгу, поднималъ исключительно соціальные вопросы, описывалъ глубину общественныхъ бѣдствій — то дно жизни, гдѣ изнываютъ въ нищетѣ и доходятъ до сумасшествія и преступленій „униженные и оскорбленные", гдѣ даже дѣти — уроды съ озлобленной душой и съ смертельной болѣзнью въ груди. Но это — жертвы общественныхъ неустройствъ; въ нихъ много

человѣческаго, даже героизма, самопожертвованія. Новое поколѣніе рисуется въ видѣ особаго рода рудинства: кромѣ безхарактерности и непрактичности, у него „фантазія, раздраженная до сумасшествія“ отъ одиночества, бездѣйствія и „чужихъ книжекъ“. Близкій къ славянофиламъ, Достоевскій считалъ „чужія“ идеи причинами, которыя дѣлаютъ людей „бѣсноватыми или сумасшедшими“. Въ „Идіотѣ“ и „Бѣсахъ“ изображены болѣзненные уроды; здѣсь много однообразія, неестественности и невыдержанности. Достоевскій реаленъ и художественъ, особенно въ психологическомъ анализѣ, только въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ („Бѣдные Люди, Записки изъ мертваго дома, Преступленіе и наказаніе“).

Основная задача Достоевскаго отразилась и въ стихотворной формѣ, въ лицѣ *Некрасова* († 1878)... Подобно Тургеневу, Некрасовъ слѣдилъ за новыми типами, но все съ мрачной стороны: послѣ 1861 г. онъ клеймилъ своею сатирой новыхъ „героевъ времени“—Гарантію и Субсидію, „юбиляровъ и тріумфаторовъ“. Но у него встрѣчаются и свѣтлыя черты: онъ радуется реформамъ, благоговѣетъ предъ русскою женщиной, воспѣваетъ тѣхъ, „кто жизнь свою всецѣло отдаетъ на борьбу за брата-человѣка“.

Представителемъ сатиры въ прозѣ служитъ Салтыковъ, извѣстный подъ псевдонимомъ *Щедрина* († 1889). Онъ посвятилъ себя преимущественно публицистической задачѣ. Его сочиненія — зеркало отрицательной стороны нашего развитія, въ которомъ отражаются послѣдовательно новые типы общественной и оффиціальной Россіи, съ ихъ родословіемъ и причинами: это—художественная и ѣдкая газета, характеризующая малѣйшія движенія государственной машины и ихъ дѣйствіе на общество. Щедринъ началъ съ провинціи („Губернскіе Очерки“, 1856), которую затронулъ въ духѣ Гоголя, если не такъ художественно, то глубже и шире; здѣсь уже является его основный типъ—„благонамѣренный“ человѣкъ, прикрытый личиной нравственности и защиты „основъ“ общества. Послѣ 1861 сатирикъ описывалъ „конфузъ“ Россіи, такъ какъ новое вино (реформы) вливалось въ старые мѣха, проходило черезъ руки новыхъ Хлестаковыхъ и Рудиныхъ — „глуповцевъ“. Талантъ Щедрина особенно проявился въ описаніи духа времени съ 1870 г. („Ташкентцы, Благонамѣренныя рѣчи“, и др.). Сатирикъ иногда впадалъ въ горячій лиризмъ, въ которомъ теплится любовь къ народу, вѣра въ его силы и въ новыхъ людей.

Этой черты нѣтъ у *Писемскаго* († 1881), который рисуетъ

только мрачныя стороны нашей интеллигенціи. По пластичности изображенія жизненной пошлости, Писемскій ближе всѣхъ къ Гоголю; но онъ одностороненъ и поверхностенъ. Въ „Людяхъ 40-хъ годовъ" изображены одни болтуны да себялюбцы; люди 50-хъ годовъ—все Калиновичи („Тысяча душъ") или благонамѣренные Чичиковы, не попадающіе въ острогъ; эпоха реформъ—это „Взбаламученное море" и „Водоворотъ" съ людьми, испорченными „модными идейками"; только женщина и здѣсь представляетъ болѣе свѣтлое явленіе. Реализмъ и общественная задача отразились въ драмѣ, въ лицѣ *Островскаго* († 1886), который съ первой своей комедіи („Свои люди — сочтемся", 1847) сталъ раскрывать „темное царство" — купцовъ-самодуровъ, сохранившихъ домостроевскіе нравы древней Руси, да мелкихъ чиновниковъ стараго закала. Здѣсь глубокій анализъ быта и психологія, а также народный языкъ; есть и комедіи изъ крестьянской жизни, и историческія драмы. Жалкіе герои озарены гуманностью автора и указаніемъ на роковыя причины пороковъ. Драма поддерживалась крупными сценическими талантами, которые начали выдвигаться съ Николая I (§ 272).

Особнякомъ стоитъ до нашихъ дней Левъ Толстой (род. 1828). Это—геніальный беллетристъ, который съ несравненною реальностью, съ силой первокласнаго ваятеля рисуетъ картины и портреты какъ современности, отъ верха до низовъ общества („Анна Каренина", „Власть тьмы"), такъ и прошедшаго („Война и миръ"). Съ другой стороны, Толстой—философъ-моралистъ (§ 286). Эта черта, убившая въ немъ художника, замѣчалась уже въ „Войнѣ и Мирѣ" (1865), которая искажена вставками туманной метафизики съ оттѣнкомъ фатализма и славянофильства. Но развилась она въ эпоху реакціи противъ реформъ. Умственный переворотъ или „просіяніе" Безухова (въ „Войнѣ и Мирѣ"), подъ вліяніемъ „безграмотнаго человѣка-дурачка", выяснился въ лицѣ Левина (въ „Аннѣ Карениной", 1875) и лишь доконченъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ автора.

Вокругъ этихъ вождей литературы тѣснилось множество второстепенныхъ талантовъ той же натуральной школы и того же общественнаго направленія: они спеціализовались на разныхъ сторонахъ быта, но преимущественно на жизни массъ, къ которымъ относились съ особенною любовью и довѣріемъ. Сюда относятся: Григоровичъ, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Мельниковъ (Печерскій), Глѣбъ Успенскій, Гаршинъ († 1888), Златовратскій, Бѣлинскій и др. Тенденціозный романъ касался

преимущественно „нигилизма“ и отчасти „полонофильства“: это замѣтно уже у Гончарова (Обрывъ), въ особенности же у Достоевскаго (Идіотъ, Бѣсы), Писемскаго (Въ водоворотѣ), Лѣскова († 1895) или Стебницкаго (Некуда), Клюшникова (Марево), Всев. Крестовскаго (Панургово Стадо) и др. Но *стихотворная* поэзія слабѣла: натуральная школа не представила ничего особеннаго послѣ Некрасова; народный поэтъ Никитинъ гораздо ниже Кольцова; вымирали, за исключеніемъ Полонскаго и Майкова, остатки пушкинской школы — Тютчевъ, Алексѣй Толстой, Фетъ и др. Подконецъ вдругъ обнаружилось истинное стихолюбіе. Возникло множество молодыхъ поэтовъ средняго дарованія, подражавшихъ своимъ предшественникамъ, но далекихъ отъ народности и впадавшихъ то въ разочарованіе, то въ отвлеченность (Минскій-Виленкинъ, Фругъ, Мережковскій и др.). Во главѣ ихъ стоялъ талантливый, популярный, но болѣзненный юноша, Надсонъ († 1887)... Въ *критикѣ* преданія Бѣлинскаго поддерживались такими крупными талантами, какъ Добролюбовъ († 1861)... Воспитанная на европейскихъ образцахъ русская литература стала самостоятельною силой и уже начинала, въ свою очередь, распространяться на Западѣ.

Наука имѣла все еще небольшое количество представителей: она попрежнему сосредоточивалась въ университетахъ. Но она уже усвоила европейскіе пріемы, распространялась на всѣ отрасли знанія и стала извѣстна на Западѣ, частью по статьямъ нашихъ ученыхъ въ заграничныхъ изданіяхъ, частью даже по переводамъ ихъ трудовъ на иностранные языки. Особенно выдвинулись представители опытныхъ и точныхъ наукъ—А. Ковалевскій, Менделѣевъ, Мечниковъ и Сѣченовъ, Боткинъ и Пироговъ, Лобачевскій, Струве, Чебышевъ и др. Много было сдѣлано для разработки древностей и современнаго состоянія Россіи. Обширныя изслѣдованія были посвящены отечественной исторіи (Бестужевъ, Кавелинъ, Калачовъ, Костомаровъ, Погодинъ, Рѣдкинъ, Соловьевъ, Устряловъ и др.), причемъ издавалось множество матеріаловъ, въ особенности археографическою коммиссіей и русскимъ историческимъ обществомъ. Появились также историческіе журналы (Русскій Архивъ, Русская Старина) и русская археологія съ своими съѣздами (Забѣлинъ, Уваровъ и др.). Быстро развивалось начатое Буслаевымъ изученіе нашей древней письменности, которое увѣнчалось крупнымъ открытіемъ олонецкаго былиннаго эпоса (Аѳанасьевъ, Гильфердингъ, Даль, Пыпинъ, Ровинскій, Рыбниковъ, Якушкинъ). При этомъ срав-

нительный методъ привелъ къ доказательству, что многое у насъ издревле было заимствовано у разныхъ народовъ, не исключая тюркскихъ и монгольскихъ (Стасовъ). Усердно занимались также этнографіей и статистикой Россіи, въ особенности обычнымъ правомъ, чему много помогали статистическіе комитеты и географическое общество. Появились и извѣстные слависты (Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій), византинисты и оріенталисты, а также самостоятельныя изслѣдованія объ исторіи и литературахъ Запада. Путешественники (Миклуха-Маклай, Пржевальскій и др.) продолжали самоотверженно изучать Россію и Востокъ отъ Ледовитаго океана до неприступныхъ Памировъ и Тибетовъ, до далекихъ обиталищъ малайцевъ.

Но все еще преобладали переводы, которые необыкновенно размножились въ 60-хъ гг.; и книгъ вообще издавалось недостаточно. Все еще *журналистика* имѣла выдающееся значеніе. Она была особенно оживлена въ эпоху реформъ, когда въ ней сосредоточивалось бойкое умственное движеніе, овладѣвшее обществомъ. Она частью „обличала"... язвы общества, частью разрабатывала всевозможные текущіе вопросы: новѣйшія реформы, не въ примѣръ прежнимъ, были въ значительной степени дѣломъ журналистики, какъ органа общественнаго мнѣнія. Во главѣ ея стояли: изъ газетъ — Голосъ (Краевскаго), Спб. Вѣдомости (В. Корша), Московскія Вѣдомости (Каткова), День (Аксакова); изъ журналовъ—сначала Современникъ (Некрасова), Русскій Вѣстникъ (Каткова) и Русская Бесѣда (Кошелева), потомъ Вѣстникъ Европы (Стасюлевича) и Отечественныя Записки (Щедрина и Некрасова). Эти и другія періодическія изданія (ихъ было особенно много въ первой половинѣ царствованія Александра II) представляли различные оттѣнки русской мысли, которые сводятся къ двумъ обычнымъ направленіямъ—консервативному и прогрессивному. Къ первому вообще болѣе было наклонно славянофильство, ко второму—западничество, хотя между ними уже не было такой рѣзкой разницы, какъ прежде. Славянофильство отказывалось отъ нѣкоторыхъ крайностей, а народность, въ смыслѣ національной самобытности, становилась идеей всей интеллигенціи. Оттого новое славянофильство было сильнѣе распространено, чѣмъ прежнее, но имѣло болѣе политическое, чѣмъ культурное значеніе: оно устроило (1837), съ помощью правительства, *славянскій комитетъ* въ Москвѣ (съ отдѣленіями по главнымъ городамъ), который созвалъ славянскій съѣздъ во время этнографической выставки

(1867). Комитетъ помогалъ славянамъ деньгами, книгами и церковными принадлежностями; въ особенности онъ дѣйствовалъ въ минуты кровавыхъ столкновеній Россіи и балканскихъ славянъ съ турками.

§ 288. **Искусство.**—Искусство представляетъ быстрое и замѣчательное развитіе съ половины 19-го в. Во главѣ его идетъ *живопись.* При Александрѣ I и Николаѣ I продолжала господствовать *академическая школа лжеклассицизма*, съ примѣсью романтизма (Бруни, Егоровъ и др.). Она жила казенными заказами, расписывала Исаакія, отличалась иконностью, холодностью и условностью. Она служила „высокому" искусству ради искусства въ итальянскомъ стилѣ, изображала только „великіе" и баснословные сюжеты—рыцарей, центавровъ, Психей, Ахилловъ-натурщиковъ и т. под.; здѣсь была и ложная исторія („Осада Пскова" Брюллова), и казенные баталисты („Художественный Листокъ" Тимма въ Крымскую войну). Но эта школа достигла высокаго развитія, особенно при Николаѣ I, который не щадилъ средствъ на посылку художниковъ въ Италію и на расширеніе Эрмитажа, также какъ на пенсіи писателямъ: Брюлловъ († 1853; его Послѣдній день Помпеи) пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Не менѣе важенъ его сверстникъ, Ивановъ, служащій переходомъ къ новой школѣ: какъ академикъ, онъ признавалъ только „великіе" сюжеты, но былъ реалистъ по исполненію; въ своей геніальной картинѣ (Явленіе Христа народу, 1858) онъ впервые внесъ исторію и этнографію въ библейское содержаніе, правдиво изобразилъ еврейскіе типы и обстановку. Въ его духѣ писалъ *Семирадскій*, рисовавшій классическую древность (Свѣточи христіанства), съ эффектнымъ колоритомъ. Нѣкоторые брали даже реальное содержаніе, но только копировали національную внѣшность по-академически; съ конца 50-хъ годовъ сама академія задавала для медалей темы не изъ классической, а изъ русской исторіи.

Но раньше всего реализмъ проникъ въ портретъ, который и при Александрѣ I (Боровиковскій, § 259), и при Николаѣ I имѣлъ достойныхъ представителей (Кипренскій, Брюлловъ). Отцомъ новой, *русской* или *реальной*, школы былъ поклонникъ голландцевъ, *Ѳедотовъ*, затронувшій типы Гоголя и Островскаго (Свѣжій кавалеръ и Сватовство маіора, 1848—1849). Но классики и цензура пріостановили дѣло: оно утвердилось съ 1855 г. Новые художники—самобытные труженики: пренебрегая заказами, академическими наградами и посылкой въ Италію, они

изучали Россію и составили свою артель (1863), которая привела (1870) къ *Товариществу передвижныхъ выставокъ.* Ихъ задача та же, что и у натуральной школы въ литературѣ. Свободные отъ преданій, они реально рисовали національную жизнь, относясь къ ней критически, частью съ злой сатирой, частью съ потрясающимъ юморомъ; они старались уловить ея главные типы и направленія, преимущественно въ низшихъ сферахъ (мелкое чиновничество и духовенство, темное царство, крестьянство). Глубинѣ содержанія не соотвѣтствовала техника, особенно колоритъ. Но и они все улучшались: русская школа заняла почетное мѣсто на иностранныхъ выставкахъ.

Новая школа была почти исключительно посвящена жанру (бытовой живописи) и портрету. Во главѣ жанристовъ и всей русской школы стояли Перовъ († 1878), Рѣпинъ и Вас. Верещагинъ. „Бурлаки на Волгѣ“ (1873) Рѣпина имѣли такое же потрясающее значеніе для своего поколѣнія, какъ „Послѣдній день Помпеи“. Затѣмъ выдавались Васнецовъ, Клодтъ, Лемохъ, Маковскіе, Мясоѣдовъ, Савицкій, Ярошенко и др. Портретъ достигъ большаго развитія и разнообразія (Крамской, Перовъ, Рѣпинъ и др.). Послѣ жанра и портрета наиболѣе развился пейзажъ. Уже при Николаѣ I были извѣстны даровитые подражатели Пуссена, Клодъ-Лоррена, потомъ Калама. При Александрѣ II прославились Айвазовскій, Боголюбовъ, Куинджи, Шишкинъ и др. Историческая живопись сдѣлала менѣе успѣховъ: ею занимались преимущественно жанристы, и то лишь мимоходомъ или по заказу. Но и ее выдвигали такіе таланты, какъ Васнецовъ, Ге, Рѣпинъ, Семирадскій, Чистяковъ, Якоби и др. Замѣтно развивалась декоративная живопись, въ особенности при постановкѣ русскихъ оперъ и историческихъ драмъ. *Гравюра* сдѣлала менѣе успѣховъ. Но лубки продолжали развиваться, пользуясь и русскою жизнью (войны крымская и восточная), и даже западными авторами (Гете, Шатобріанъ и др.). Начиналось иллюстрированіе писателей (Лермонтова, А. Толстого), и даже въ каррикатурахъ (басни Крылова, типы Гоголя, Островскаго и др.).

Ваяніе далеко отстало отъ живописи. До Александра II оно принадлежало иностранцамъ, жило казенными заказами („монументами“ и работами для Исаакія) и отличалось академическою театральностью и колоссальностью: люди изображались въ тогахъ, латахъ или мундирахъ (召Mининъ и Пожарскій, Суворовъ), а историческимъ дѣятелямъ придавались нынѣшнія

черты (въ Исаакіи, Ѳеодосію, его женѣ и царедворцамъ приставлены лица Николая I, его супруги и придворныхъ). Сверхъ того, лжеклассицизмъ господствовалъ въ скульптурѣ упорнѣе, чѣмъ въ живописи. Даже въ 50-хъ годахъ изображали героевъ и гладіаторовъ, коней, фавновъ и Психей съ крыльями бабочки. Въ памятникѣ 1000-лѣтія Россіи Микѣшина (въ Новгородѣ), представляющемъ колоколъ и державу, видимъ Россію со щитомъ и геній Петра, а въ его памятникѣ Екатерины II—театральность. Признаки реализма замѣчаются только у Пименова и у Клодта (Николай I, на Исаакіевской площади, а также кони на Аничкиномъ мосту; Крыловъ явился впервые въ будничной обстановкѣ, среди вѣрно изображенныхъ животныхъ)... Отцомъ реально-національной школы въ ваяніи былъ Каменскій, а вслѣдъ за нимъ выступилъ Антокольскій, котораго признали (на всемірной выставкѣ 1878) главой всего современнаго ваянія: особенно славятся его Грозный, Ярославъ, Сократъ, Мефистофель. Наше искусство уже вызывало и научную критику, и такія замѣчательныя частныя картинныя собранія, какъ Третьякова, Солдатенкова, Боткина, Прянишникова. Передвижныя выставки отчасти восполняли недостатокъ художественныхъ музеевъ въ провинціи.

Зодчество также двинулось впередъ, но слабо и поздно. До послѣдняго времени казенныя зданія отличались казарменностью; только дворцы да храмы Исаакія и Спаса, начатые при Александрѣ I, выдѣлялись своею колоссальностью и подражаніемъ лучшимъ иностраннымъ стилямъ. Въ соборѣ Исаакія (оконченъ въ 1855; планъ Монферрана) двери и колонны—величайшія въ мірѣ, а также самые дорогіе камни и мозаики. Соборъ Спаса въ Москвѣ сначала строили по мистическому плану даровитаго Витберга, сосланнаго затѣмъ въ Вятку; потомъ онъ былъ сломанъ и вновь заложенъ въ византійскомъ стилѣ (открытъ при коронаціи 1883 г.; планъ Тона). При Александрѣ II началъ выдвигаться *русскій стиль*—возстановленіе пошиба древней Руси съ нѣкоторыми улучшеніями (§ 181). Онъ распространялся, какъ въ общественныхъ зданіяхъ, такъ и въ домахъ богачей. Онъ щеголялъ пестрымъ стариннымъ *узоромъ*, который сталъ проникать даже въ иллюстраціи и въ одежду, особенно въ Малороссіи. Его образцомъ служатъ Романовскія Палаты въ Москвѣ, возстановленныя въ 1859 г. Передъ тѣмъ, при Николаѣ I, Солнцевъ, Снегиревъ и Мартыновъ занимались описаніемъ нашей монументальной древности, въ особенности московской. По его же-

ланію и на казенныя средства, было сдѣлано роскошное художественное изданіе — „Древности россійскаго государства“. Позже въ Москвѣ былъ устроенъ богатый Историческій Музей.

Музыка представляетъ столь же замѣчательное развитіе, какъ живопись, и относится почти вся къ 19 в. Въ 18 в. были только иностранныя аріи въ опереткахъ да *народныя пѣсни* (§ 181), которыя уже тогда начали собирать. Но подконецъ эти пѣсни вымирали, наравнѣ съ національною одеждой, особенно подлѣ желѣзныхъ дорогъ: ихъ замѣняли безобразные городскіе напѣвы, и немузыкальная гармонія вытѣсняла балалайку съ бандурой. Въ церковномъ пѣніи еще сохранялось вліяніе польскихъ „тетрадокъ“ (§ 259); но онѣ же натолкнули нашихъ композиторовъ (Бортнянскій, Турчаниновъ) учиться у такихъ итальянцевъ, какъ Галуппи, придворный капельмейстеръ Екатерины II. Еще болѣе сдѣлалъ успѣховъ нашъ *романсъ* (искусственная пѣсня): онъ уже соперничалъ съ наиболѣе развитымъ, нѣмецкимъ романсомъ. Его начало (Алябьевъ, Варламовъ) важно по мелодіи, но слабо по техникѣ. Его отцами считаются Глинка, у котораго глубина содержанія соединяется съ искусной декламаціей, затѣмъ Даргомыжскій. Новая русская школа обогатила романсъ техникой — богатствомъ гармоніи и аккомпанимента. Переходомъ къ ней служили Балакиревъ, издавшій также лучшій сборникъ народныхъ пѣсенъ, затѣмъ Мусоргскій и Чайковскій [1]).

Даргомыжскій. Глинка. Сѣровъ.
А. Рубинштейнъ. Чайковскій.

[1]) На нашемъ рисункѣ изображены всѣ главные изъ умершихъ вождей русской музыки: посрединѣ—Глинка, по сторонамъ—вверху Даргомыжскій и Сѣровъ, внизу Антонъ Рубинштейнъ и Чайковскій.

Развивалось и пѣніе драматическое или *опера*. Сначала у насъ была только иностранная, итальянская опера, возникшая при Аннѣ Ивановнѣ. При Елизаветѣ появились русскіе тексты (либретто) и пѣвцы для исполненія иностранныхъ оперъ. Екатерина II сама написала тексты для 5 оперъ. Первою національною оперой была „Аскольдова Могила" *Верстовскаго* (1835), болѣе похожая на водевиль: она наполнена народными пѣснями. Отцомъ нашей оперы, какъ и всей нашей музыки, признается *Глинка* († 1857), который „возненавидѣлъ модную итальянскую музыку". Его опера „Жизнь за царя" (1836), полная національныхъ чертъ, выдержала болѣе 500 представленій, и многіе ея мотивы перешли въ музыкальный обиходъ общества. Его „Русланъ" былъ переходомъ къ *новой русской школѣ*, отцомъ которой считается Даргомыжскій († 1868). Онъ развилъ ея основу — реализмъ, который стремится превратить оперу въ правдивую музыкальную драму и воспроизводитъ національныя черты. Оперы Даргомыжскаго (Русалка, Каменный Гость) были оцѣнены лишь послѣ его смерти. Новая русская школа вполнѣ развилась въ операхъ Сѣрова († 1870; Рогнѣда, Вражья Сила), Мусоргскаго († 1881; Борисъ Годуновъ), Бородина (Игорь), Кюи (Ратклифъ), Римскаго-Корсакова (Псковитянка, Снѣгурочка). Внѣ этой школы стояли Антонъ Рубинштейнъ († 1894; Демонъ, Маккавеи, Неронъ) и Чайковскій († 1893; Опричникъ, Вакула).

Подконецъ наши пьесы стали появляться въ концертахъ на Западѣ: европейскіе знатоки, особенно Листъ, высоко ставили новую русскую школу. Русскіе проявили также способности, какъ исполнители. Антонъ Рубинштейнъ признанъ царемъ виртуозовъ повсюду. Пользовались европейскою извѣстностью и другіе пьянисты и пьянистки, а также скрипачи (Бродскій, Венявскій, Контскій), віолончелисты (Давидовъ), пѣвицы (Лавровская, Леонова, Меншикова). Музыкальному развитію помогало, основанное (1859) А. Рубинштейномъ, *Русское Музыкальное Общество* въ Петербургѣ, съ отдѣленіями въ Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Оно давало серьезные концерты, поощряло таланты и устройство музыкальныхъ обществъ. Оно основало *консерваторіи* въ Петербургѣ (1862), Москвѣ, Варшавѣ и Кіевѣ. Непризнанная имъ новая школа завела свою „безплатную музыкальную школу" въ Петербургѣ, съ концертами. Появлялись общественныя школы и въ другихъ городахъ. Существовала и музыкальная *критика* (Улыбышевъ, Сѣровъ,

Ларошъ, Кюи). Оперныхъ театра было 2 въ Петербургѣ и 1 въ Москвѣ. Они подконецъ обращали вниманіе на русскую оперу, которую хорошо обставляли. Частныя постановки оперъ встрѣчались во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ. Въ послѣдніе годы, наряду съ малороссійскою драмой, выдвигалась и малороссійская опера (Лысенко)...

Конецъ II-й части.

Bayerische Staatsbibliothek München

УКАЗАТЕЛЬ ГОДОВЪ.

до Р. Хр.

годы.		стран.
5508	*Сотвореніе міра*	*I, 530*
Около 3000	Арійцы въ Туркестанѣ	4
Ок. 2500	Переселеніе арійцевъ	4
Ок. 2000	Бронзовый вѣкъ въ Европѣ	4
Ок. 1500—500	Арійцы въ Россіи	4
Ок. 1000	Желѣзный вѣкъ въ Европѣ	4
Ок. 500	*Начало разселенія славянъ*	*8*

по Р. Хр.

Ок. 100	Римскіе колонисты въ Трансильваніи	154
Ок. 300	Татары въ Европѣ	166
476	Паденіе Западной Римской имперіи	18
Ок. 500—900	*Византійская эпоха*	*17*
Ок. 550	Юстиніанъ I	18
Ок. 650	Болгары за Дунаемъ	9
Ок. 700	Чешское государство	10
Ок. 700	Торговля славянъ	20
Ок. 700	Древнѣйшіе города восточныхъ славянъ	20
Ок. 800	*Конецъ разселенія славянъ*	*8*
Ок. 800—850	Усиленіе варяговъ на Руси	21
Ок. 850	Хорватское государство	9
Ок. 850	Пясты въ Польшѣ	10
862	Кирилъ и Меѳодій у моравянъ	31
862	*Русское государство*	*33*
865	Крещеніе Михаила болгарскаго	30
865	Первый набѣгъ варяговъ-руси на Царьградъ	36
Ок. 900	Паденіе моравскаго государства	31

ГОДЫ.		СТРАН.
Ок. 900	Паденіе хорватскаго государства	31
Ок. 900	Русскіе города	20
912	*Договоръ Олега съ греками*	*36*
965	Христіанство у поляковъ	32
988	*Крещеніе Руси*	*41*
Ок. 1000	Христіанство у венгровъ	32
1000—1139	Эпоха Болеславовъ въ Польшѣ	32
1015	*† Владиміръ св.*	*43*
1019	Присоединеніе Болгаріи къ Византіи	31
Ок. 1037—1050	Храмъ св. Софіи въ Кіевѣ	46
Ок. 1050	Сербское государство	31
1050	*Кіево-печерская лавра*	*124*
1053	Отдѣленіе восточной церкви отъ западной	29
1054	*† Ярославъ I.*	*46*
1056	*Остромирово Евангеліе*	*127, 128*
1072	Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба	224
1073	„Изборникъ“ Святослава	131, 133
1076	„Изборникъ“ Святослава	131
1079	Ратиборъ тмутараканскій	140
Ок. 1090	Житія Бориса, Глѣба и Ѳеодосія	130
1093	† Всеволодъ I	78
1097	*Любецкій съѣздъ*	*79*
Ок. 1100	„Паломникъ игумена Даніила“	131
1111	Пораженіе половцевъ за Дономъ	81
1125	*† Владиміръ Мономахъ*	*82*
1125—1171	Мономаховичи	83
Ок. 1130	Древнѣйшая грамота (Мстислава Великаго)	135
1131	Владимірская Божія Матерь въ Кіевѣ	91
1146	† Всеволодъ II. Разгаръ удѣльныхъ усобицъ.	84
1147	*Первое извѣстіе о Москвѣ*	*87*
1150	Нѣмцы у устьевъ Западной Двины	108
1155	Владимірская Божія Матерь во Владимірѣ	*91*
1156	Начало Москвы	519
1157	† Юрій I	88
1169	*Взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ*	*91*
1174	† Андрей Боголюбскій	93
1185	*Походъ Игоря Святославича на половцевъ*	*92*
1186	Возстановленіе болгарскаго царства	68
1194	Дмитріевскій соборъ	136
1200	Основаніе Риги	108

ГОДЫ.		СТРАН.
Ок 1200	Начало Твери	105
Ок. 1200	Стремленіе папства къ объединенію церквей.	118
Ок. 1200	Темучинъ или Чингисханъ	166
Ок. 1200	Появленіе литовцевъ въ исторіи	158
1204	Латинская имперія.	65
1212	† Всеволодъ III	96
1224	*Битва у р. Калки 104, 162,*	*167*
1237	Соединеніе меченосцевъ съ Тевтонскимъ орденомъ	109
1238	Битва Юрія II съ Батыемъ у р. Сити . 169,	177
1240	*Взятіе Кіева Батыемъ 58,*	*169*
1240	Княжество Валахія	154
1240	*Битва Александра св. со шведами на Невѣ .*	*178*
1242	Ледовое побоище	179
Ок. 1250	Тверское княжество	105
Ок. 1250	Миндовгъ литовскій	158
Ок. 1250	Исламъ у татаръ	171
Ок. 1250	Возвышеніе чеховъ. Оттокаръ II.	154
1253—1263	Княженіе Александра Невскаго	181
1254	Наименованіе Владиміра Святымъ	43
1282	Кормчая Книга	213
1298	Путешествіе Марка Поло	167
Ок. 1300	*Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ*	*211*
Ок. 1300	Присоединеніе Богеміи къ Нѣмецкой имперіи.	155
1300—1310	Присоединеніе Переяславля, Можайска и Коломны къ Москвѣ	189
1303	*† Даніилъ Александровичъ московскій . . .*	*184*
1314—1391	Сергій Радонежскій	215
1315	Гедиминъ	159
1320	Присоединеніе Волыни къ Литвѣ . . . 159,	188
1328	*Иванъ I Калита—великій князь*	*186*
1328	Москва—стольный городъ	189
1340	† Узбека. Паденіе Кипчацкой Орды . .	171
1340	Завоеваніе Галича поляками	189
1341	† Иванъ I Калита.	192
1346	Московскій Кремль	519
1348	Университетъ въ Прагѣ	155
Ок. 1350	*Черная смерть*	*150*
Ок. 1350	Стефанъ Душанъ сербскій	153

ГОДЫ.		СТРАН.
Ок. 1350	Казиміръ III Великій.	156
1354	Митрополитъ Алексѣй	211
1364	Университетъ въ Краковѣ	157
1372	Гибель Олега Ивановича рязанскаго . . .	196
1375	Паденіе Твери	195
1375	Гибель Карпа стригольника	219
1377	Лаврентьевскій списокъ лѣтописей	135
1380	*Битва на Куликовомъ полѣ.*	*171, 197*
1386	Бракъ Ягелла съ Ядвигой	157
1389	Битва турокъ съ славянами на Косовомъ полѣ.	152
1395	Владимірская Божія Матерь въ Москвѣ . .	91
1395	*Уничтоженіе Тохтамыша Тамерланомъ . .*	*199*
Ок. 1400	„Слово о полку Игоревѣ“	132
Ок. 1400	Подчиненіе Болгаріи туркамъ.	153
Ок. 1400	Подчиненіе Молдавіи и Валахіи туркамъ . .	154
Ок. 1400	Ипатьевскій списокъ лѣтописей	222
Ок. 1400	Моръ въ Новгородѣ	229
1404	Башенные часы въ Москвѣ.	530
1410	Побѣда поляковъ надъ нѣмцами у Грюнвальда.	162
1412	Иностранцы о Россіи	405
1413	*Унія между Польшей и Литвой въ Городлѣ .*	*162*
1415	Констанцскій соборъ. Сожженіе Гуса . . .	155
1439	*Флорентійскій соборъ. Унія.*	*152*
1439	Львовское братство	559
1444	Побѣда турокъ подъ Варной	152
1448	*Независимость русской церкви отъ Византіи.*	*200*
1453	*Взятіе Константинополя турками*	*152*
1458	Юрій Подѣбрадъ	156
1459	Подчиненіе Сербіи туркамъ	154
1460	Крѣпостничество въ Троицкой лаврѣ . . .	408
1462	† Василій II Темный	200
1466	Торунскій миръ между поляками и нѣмцами.	237
1472	*Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ . . .*	*244*
1478	*Паденіе Новгорода*	*243*
1480	Успенскій соборъ въ Москвѣ	485
1480	*Прекращеніе татарскаго ига*	*171, 251*
1485	*Присоединеніе Твери къ Москвѣ*	*241*
1485—1492	Кремлевская стѣна	519
1491	Краковская Псалтырь.	238, 449
1497	Государственная печать съ орломъ	494

ГОДЫ.		СТРАН.
1497	*Судебникъ Ивана III*	*246*
1499	Синодальный списокъ Библіи	480
Ок. 1500	Господство сейма и шляхты въ Польшѣ	257
Ок. 1500	*Запорожцы*	*546*
Ок. 1500	Пасхальныя таблицы	466
1500	Пораженіе литовцевъ у р. Ведроша	253
1504	Церковный соборъ	247, 449
1505	*† Иванъ III*	*255*
1509	Архангельскій соборъ въ Москвѣ	485
1510	*Паденіе Пскова*	*257*
1514	Пораженіе русскихъ у Орши	260
1516	Ѳеократія въ Черногоріи	154
1517—1525	Первыя старопечатныя книги	564
1517	Герберштейнъ въ Москвѣ	405
1525	Обращеніе Нѣмецкаго Ордена въ протестантство	238
1526	Герберштейнъ въ Москвѣ	405
1526	Габсбурги въ Богеміи	236
1533	*† Василій III*	*261*
1533—1538	Правленіе Елены Глинской	261
1538	Китай-Городъ въ Москвѣ	520
1538—1547	Правленіе бояръ	262
1547	*Иванъ IV—царь*	*263*
1549—1698	*Земскіе соборы*	*351*
1549	*Первый земскій соборъ*	*266, 350*
1549	Сочиненіе Герберштейна	255
Ок. 1550	*Стрѣльцы*	*II, 55*
Ок. 1550	Сулейманъ Великолѣпный	I, 234
Ок. 1550	*Запорожская Сѣчь*	*548*
1550	*Судебникъ Ивана IV*	*266*
1551	Церковный соборъ	268, 412, 436, 437
1552	*Паденіе Казанскаго царства*	*171, 270*
1552	† Василій Блаженный	486
1553	Великія Четіи-Минеи	478
1553	Открытіе Бѣлаго моря англичанами	325, 404
1554	Храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ	486, 487
Ок. 1555	Англійская факторія у устьевъ Сѣверной Двины	504
1555	„Государевъ Родословецъ“	380
1556	*Паденіе Астраханскаго царства*	*270*

ГОДЫ.		СТРАН.
1559	Герцогство Курляндское	238
1560	Пожаръ Москвы. † Царица Анастасія	271
1564	*Опричнина*	*273*
1564	Московскій Апостолъ	449, 451, 483, 493
1566	Земскій соборъ	280
1569	*Люблинская унія между Литвой и Польшей.*	*238, 552*
1570	Разгромъ Твери, Пскова и Новгорода	276
1571	Уничтоженіе турецкаго флота у Лепанто	234
1572	Прекращеніе династіи Ягеллоновъ	238
1577	Сочиненіе Скарги объ уніи	556
1581	*Первая печатная славянская Библія.*	*564*
1581—1582	Поссевинъ въ Москвѣ	406
1582	Новый стиль	233
1582	*Покореніе Сибири*	*279*
1584	Архангельскъ	510
1584	*† Иванъ IV*	*278*
1586	Бѣлый или Царевъ Городъ въ Москвѣ	520
1587	Правленіе Бориса Годунова	283
1589	*Патріаршество*	*286*
1591	Первая славянская грамматика	566
1591	*† Царевичъ Димитрій*	*288, 294*
1592	Скородомъ въ Москвѣ	520
1595	*Церковная унія*	*556*
1595	Походъ Наливайка	562
1596	Соборъ въ Брестѣ	558
1597	*Первый указъ о крѣпостничествѣ.*	*399*
1598	† Өедоръ I	288
1600	Иванъ Великій въ Москвѣ	485
1603	Лжедимитрій I у Вишневецкаго	293
1604	*Появленіе самозванца*	*291*
1605	*† Борисъ Годуновъ*	*296*
1606	† Лжедимитрій I	300
1607	Указъ о бѣглыхъ	399
1606—1613	*„Розруха“ или разгаръ смуты*	*301*
1608	Лжедимитрій II	303
1608	Церковный уставъ	437
1610	*Низложеніе Василія Шуйскаго*	*307*
1610	Договоръ съ Владиславомъ	385
1610	Челобитная	455, 456
1611	Первое ополченіе	309

ГОДЫ.		СТРАН.
1612	*Второе ополченіе*	*313*
1612	Наложеніе поста	544
1613	Посольство Ушакова въ Вѣнѣ	421
1613	*Избраніе Михаила Ѳедоровича Романова*	*315*
1617	Миръ съ Швеціей въ Столбовѣ	320
1618	Походъ Павлюка	562
1619	Грамматика Смотрицкаго	483, 566
1620	Пораженіе чеховъ на Бѣлой Горѣ	236
1625	Петръ Могила въ Кіево-Печерской лаврѣ	559
Ок. 1630	*Названіе „крѣпостной“*	*400*
Ок. 1630	Подворное обложеніе	366
Ок. 1630	Нѣмецкіе полки въ Москвѣ	II, 64
1632	Ніеншанцъ	398
1633	Патріаршее или греко-латинское училище	I, 454
1634	Миръ съ Польшей у р. Поляновки	319
1634—1636	Олеарій въ Москвѣ	406, 521
1636	Русская одежда	539
1643	Челобитная	455, 457
1643—1646	Охотское море и Амуръ	II, 39
1645	*† Михаилъ Ѳедоровичъ*	*8*
1345	Земскій соборъ	265
1646	Дворовая перепись	274
1646	Указъ о закрѣпощеніи крестьянъ	297
1647	Сочиненіе Олеарія	I, 322
1647	Спасскіе ворота	521
1648	Берингова проливъ	II, 39
1648	Вестфальскій миръ	2
1648—1653	*Казацкія войны*	*30*
1649	Земскій соборъ	12, 273
1649	*Уложеніе Алексѣя Михайловича*	*12, 212*
1649	Миръ Хмельницкаго съ поляками у Зборова	32
Ок. 1650	*Начало новой русской исторіи*	*I, 587*
Ок. 1650—1700	Сказанія иностранцевъ	II, 305
1650	Бунты въ Новгородѣ и Псковѣ	25
1650	Борьба съ поляками изъ-за цензуры	258
1652	*Патріархъ Никонъ*	*13*
1653	Земскій соборъ	265
1654	Церковный соборъ	20
1654	*Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ*	*33*
1654	Первое московское посольство въ Китай	39

ГОДЫ.		СТРАН.
1655	*Исправленіе церковныхъ книгъ*	*363*
1656—1657	Посольство Чемоданова въ Венецію.	I, 421; II, 39
1661	Первый портретъ Алексѣя Михайловича . .	II, 8
1662	Бунтъ въ Москвѣ	26, 136
1663	Первая печатная Библія въ Москвѣ. . . .	363
1666	Церковный соборъ	22, 23, 24, 344
1666	*Начало муниципалитетовъ въ Россіи . . .*	*304*
1667	Перемиріе въ Андрусовѣ между Москвой и Польшей	37
1667	Коломенскій дворецъ	377
1668	Вселенскіе патріархи въ Москвѣ.	259
Ок. 1670	Смѣшеніе крѣпостныхъ съ холопами . . .	297
1671	*Казнь Разина*	*29*
1672	*Рожденіе Петра*	*47, 380*
1676	*† Алексѣй Михайловичъ*	*47*
Ок. 1680	„Дворовое число“	274, 275
Ок. 1680	Большая Казна	274
1680	Миръ Москвы съ Турціей	37
1680	Абсолютизмъ въ Швеціи.	2
1682	*† Өедоръ III.*	*51*
1682	Избраніе Петра I	54, 266
1682	*Первый стрѣлецкій бунтъ*	*55, 136, 340*
1682	*Отмѣна мѣстничества*	*50*
1682	Славяно-греко-латинская академія	51
1683	Осада Вѣны турками	5
1686	*„Вѣчный миръ съ Польшей*	*60*
1688	Переводъ Библіи на румынскій языкъ . .	I, 235
1688	Вторая англійская революція	II, 3
1689	*Низверженіе Софьи.*	*63*
Ок. 1690	Выговскій монастырь	311
1690—1694	Петръ I въ Нѣмецкой Слободѣ	68
1694	Лютеранская кирка въ Москвѣ	344
1694	Церковь Покрова на Филяхъ	385
1694	Первый торговый корабль въ Россіи . . .	390
1695	*Азовскій походъ Петра I*	*71*
1696	† Иванъ V	66
1697—1698	*Путешествіе Петра I по Европѣ*	*73*
1698	Орденъ Андрея Первозваннаго	287
1698	*Второй стрѣлецкій бунтъ.*	*55, 75, 113, 136, 340*
1698	*Послѣдній земскій соборъ.*	*266*

ГОДЫ.		СТРАН.
1699	Миръ въ Карловцѣ между Турціей и Австріей.	5
1699	Первый русскій военный корабль въ Константинополѣ	72
1699	Гербовая бумага	84
1699	Постриженіе Евдокіи Лопухиной	97
1699	Ратуша или Бурмистерская Палата въ Москвѣ	275, 305
Ок. 1700	*Прусское королевство*	*2*
Ок. 1700	Исчезновеніе крюковъ	383
Ок. 1700	*Прекращеніе боярской думы.*	*265*
1700	Серебряная монета.	391
1700	*Отмѣна патріаршества.*	*83, 310*
1700	*Свѣтское лѣтосчисленіе въ Россіи*	*83*
1700	Нѣмецкое платье для женщинъ	336
1700	Коммиссія для Уложенія	84, 270
1700	Казнь Талицкаго	94
1700	*Битва русскихъ съ шведами подъ Нарвой . .*	*104*
1700—1718	Карлъ XII	2
1700—1721	*Сѣверная война*	*103*
1701	Ближняя Канцелярія	84, 269, 275
1701	Первая побѣда русскихъ надъ шведами . .	104
1701	Указъ о монашествѣ	310
1702	Преображенскій Приказъ	135
1702	Просвѣтительный указъ Петра I.	81
1702	Призваніе иностранцевъ въ Россію	306
1702	Театръ въ Москвѣ.	83
1703	*Основаніе Петербурга.*	*84, 399*
1703	Шлиссельбургъ	399
1703	„Русскія Вѣдомости“	83
1705	Планъ Петербурга.	400
1705	Астраханскій бунтъ	95
1705	Кафтанъ изъ русскаго сукна	122
1708	Пораженіе шведовъ у Лѣсной	105, 280
1708	*Гражданская азбука*	*83*
1708	*Раздѣленіе Россіи на губерніи.*	*84*
1708	Бунтъ донцовъ	96
1709	*Перепись*	*276*
1709	*Полтавская битва*	*106*
1709	† Димитрій ростовскій	132
1709—1717	Путешествія Петра I за границей	84

ГОДЫ.		СТРАН.
1710	Первый недочетъ въ бюджетѣ	275
1710	*Уничтоженіе стрѣлецкаго войска*	*55*
1710	Взятіе Выборга Петромъ I	400
1710	„Аккордные пункты“ въ Остзейскомъ краѣ .	264
1711	*Прутскій походъ Петра I*	*5, 107*
1711	Прекращеніе Ближней Канцеляріи и бюджета.	277
1711	*Сенатъ*	*87*
1711	Вышневолоцкій каналъ.	91
1712	Екатерина I—супруга Петра I	152
1712	Петербургъ—резиденція	400
1713	*Александро-Невская лавра*	*404*
1714	Утрехтскій миръ.	2
1714	Ганноверская династія въ Англіи	3
1714	Просвѣтительная рѣчь Петра I	85
1714	Ландраты	89
1714	Майоратъ	288
1714	*Побѣда надъ шведами у Гангеуда*	*108*
1714	Орденъ св. Екатерины	287
1715	Рожденіе Петра II.	99
1716	Посылка волонтеровъ въ Бранденбургъ . .	78
1716	*Воинскій уставъ Петра I*	*89*
1716	Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Петербургѣ . . .	128
1716	Портретъ Петра I работы Каравака . . .	111
1716	Опредѣленіе самодержавія	143
1716	Борнгольмская медаль въ честь Петра I . .	108
1717	Перепись	276
1717	*Ассамблеи*	*85*
1717	Портретъ Петра I работы Моора.	111
1718	*Коллегіи*	*87*
1718	*Тайная Канцелярія*.	*135*
1718	*† Царевичъ Алексѣй Петровичъ*	*101*
1718	Генералъ-полицеймейстеръ	405
1718	Зимній дворецъ при Петрѣ I	118
1719	Посылка волонтеровъ для изученія медицины.	78
1719	*Подушная подать*	*89*
1720	† Карлъ XII. „Кондиціи“ Ульрики-Элеоноры	163, 164
1720	Возстановленіе бюджета	277
1721	*Синодъ*	*88*
1721	*Ништадтскій миръ*	*108*

ГОДЫ.		СТРАН.
1721	Титулъ „благовѣрныхъ“ государей	289
1722	*Табель о рангахъ*	*87*
1722	Генералъ-прокуроръ сената.	88
1722	Магистраты и ратуши	92, 305
1722	*Законъ Петра I о престолонаслѣдіи.* . . .	*101*
1723	Указъ о монашествѣ	310
1723	*Пріобрѣтеніе Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана и Астрабата*	*109*
1724	Планъ академіи наукъ	86
1724	*Паспортъ (плакатъ)*	*89*
1724	Коронованіе Екатерины I	153
1725	*† Петръ I*	*110*
1725	*Академія наукъ*	*358*
1725	Орденъ Александра Невскаго	287
1726	*Верховный тайный Совѣтъ.*	*153*
1727	† Ньютонъ	4
1727	*† Екатерина I*	*155*
1728	Возстановленіе воеводъ	272
1729	Рожденіе Екатерины II	194
1729	† Меншиковъ.	158
1730	*† Петръ II. Воцареніе Анны Ивановны.*	*159, 165, 169, 171, 172, 183, 198, 199*
1730	Отмѣна майората	288
1731	Погребеніе Петра I и Екатерины I. .	110, 408
1733	† Августъ II польскій	7
1736—1739	*Турецкая война*	*6, 176*
1737	Коммиссія о петербургскомъ строеніи . . .	405
1737	Планъ Петербурга.	407
1737	Царь-колоколъ	I, 486
1739	Завѣщаніе Татищева сыну	II, 358
1740	*† Анна Ивановна*	*176*
1740	Паденіе Бирона.	178
1740	Фридрихъ II.	2
1740	Марія-Терезія	6
1740	*Казнь Волынскаго*	*173*
1741	Перепись	254
1741	Паденіе Миниха.	179
1741	*Воцареніе Елизаветы I*	*181*
1742	Орденъ Св. Анны	291
1743	Миръ съ Швеціей въ Або	190

ГОДЫ.		СТРАН.
1743	Казнь Лопухиной	326
1744	† Кантемиръ	369
1745	Бракъ Петра III съ Екатериной II	193
1747	Образцовые фунтъ и аршинъ	393
Ок. 1750	*Вымиранiе боярства*	*286*
1750	Уничтоженiе Золотыхъ Воротъ	I, 58
1750	† Татищевъ	II, 371
1750	Первая перепись Петербурга	407
1754	*„Ежемѣсячныя Сочиненiя“ Миллера*	*370*
1754	*Отмѣна смертной казни*	*190*
1754	Рожденiе Павла I	195
1754	Откочеванiе башкировъ	256
1755	*Московскiй университетъ*	*189*
1756	*Русскiй театръ въ Петербургѣ*	*189, 370*
1756—1763	*Семилѣтняя война*	*2*
1757	*Академiя художествъ*	*189*
1758	Паденiе Бестужева	195
1759	*Пораженiе пруссаковъ при Кунерсдорфѣ*	*191*
1760—1860	Увеличенiе числа дворянъ	525
1761	*† Елизавета I*	*192*
1762	*Манифестъ о вольности дворянства. 293, 295,*	*300*
1762	*Воцаренiе Екатерины II. † Петръ III*	*201*
1762	Возстановленiе Бирона въ Курляндiи	218
1763	Арсенiй Мацѣевичъ	224
1763	† Августъ III польскiй	7
1763	Избранiе Августа IV въ Польшѣ	219
1763	Медицинская коллегiя	217
1763	Воспитательные дома	217
1764	*† Иванъ VI Антоновичъ*	*182*
1764	*Отобранiе въ казну церковныхъ имуществъ*	*216*
1764	*Отмѣна гетманства*	*215*
1764	Признанiе русскаго императорскаго титула въ Польшѣ	260
1765	Всеобщее межеванiе	215
1765	† Ломоносовъ	370
1767	*Большая Коммиссiя для Уложенiя*	*211*
1768	Государственный Совѣтъ	214
1768	*Оспопрививанiе*	*217*
1769	*Орденъ Св. Георгiя*	*282*
1769	Ассигнацiонный банкъ	216

ГОДЫ.		СТРАН:
1769—1774	Сатирическіе журналы	374
1770	Чума въ Москвѣ	256, 347
1772	*Масоны въ Россіи*	*349*
1772	*Первый раздѣлъ Польши . . .*	*I, 189; II, 7, 219*
1772	Скопчество	II, 315
1773	Уничтоженіе ордена іезуитовъ.	4
1773	*Бунтъ Пугачева.*	*226*
1774	*Миръ съ Турціей въ Кучукъ Кайнарджи .*	*6, 221*
1774	Потемкинъ	236
1775	Казнь Пугачева.	227
1775	*Уничтоженіе запорожской Сѣчи*	*215*
1775	*Учрежденіе о губерніяхъ*	*215*
1775	† Княжна Тараканова	223
1776	Коммиссія для улучшенія законодательства .	515
1777	Рожденіе Александра I	427
1778	Соединенные Штаты Америки.	3
1778	„Сокращенный Обиходъ"	387
1779	Тешенскій миръ между Пруссіей и Австріей.	229
Ок. 1780	Молокане	316
1780	*Вооруженный нейтралитетъ*	*229*
1781	Дружеское Ученое Общество	362
1781	Первый ученый клубъ	362
1782	Орденъ Св. Владиміра	291
1782	Путешествіе цесаревича Павла Петровича .	243
1782	Греческій проектъ	230
1782	Мѣдный Всадникъ	148
1783	*Присоединеніе Крыма*	*I, 171; II, 5, 230*
1783	Дозволеніе частныхъ типографій	II, 361
1783	Намѣстничество въ Прибалтійскомъ краѣ. .	215
1783	Россійская академія	240
1783	Прекращеніе двороваго числа въ Малороссіи.	277
1783—1788	Дворцы Мраморный и Таврическій	409
1785	Союзъ князей въ Германіи	230
1785	*Жалованная Грамота дворянству.*	*239*
1785	Преслѣдованіе Новикова.	363
1786	Каѳедральный соборъ въ Кіевѣ	I, 47
1787	Путешествіе Екатерины II по югу Россіи.	II, 208, 238
1787—1791	*Турецкая война*	*230*
1788	Голодъ въ Россіи	256
1789	Французская революція	420

ГОДЫ.		СТРАН.
1790	Миръ съ Швеціей въ Верелѣ	231
1790	„Путешествіе" Радищева	363
1791	Майская конституція въ Польшѣ	234
1791	*Миръ съ Турціей въ Яссахъ*	*6, 233*
1791	Празднество въ Таврическомъ дворцѣ	208
1793	*Второй раздѣлъ Польши*	*234*
1794	Основаніе Одессы	233
1795	*Третій раздѣлъ Польши*	*7, 234*
1796	*† Екатерина II*	*243*
1797	*Учрежденіе объ императорской фамиліи*	*248*
1799	*Итальянскій походъ Суворова*	*251*
1800	† Суворовъ	251
1801	*Присоединеніе Грузіи къ Россіи*	*252*
1801	*† Павелъ I*	*253*
1801	*Воцареніе Александра I*	*427*
1801	*Учрежденіе Государственнаго Совѣта*	*430*
1801	Законодательная коммиссія	438
1802	*Министерства*	*430*
1802	Отнятіе у сената права обжалованія законовъ.	456
1802	Исаакіевскій соборъ	408
1803	*Университетскій уставъ*	*431*
1804—1815	Первая имперія во Франціи	420
1805	*Пораженіе русскихъ подъ Аустерлицомъ*	*433*
1805	Начало отмѣны крѣпостничества въ Остзейскомъ краѣ	431
1805	Планъ Петербурга въ его столѣтіе	412
1806	Освобожденіе сербовъ	425
1806	Дирекція императорскихъ театровъ	466
1807	*Тильзитскій миръ*	*433*
1808	Паденіе Нѣмецкой имперіи	420
1808	Присоединеніе Дубровника къ Австріи	I, 68
1809	*Турецкая война*	*II, 425*
1809	*Миръ съ Швеціей въ Фридрихсгамѣ*	*433*
1809	Разгромъ Австріи Наполеономъ	434, 440
1809	*Сперанскій*	*437*
1809	Первыя басни Крылова	466
1810	Открытіе Государственнаго Совѣта	437
1810	Запрещеніе французскихъ товаровъ въ Россіи.	434
1810	Покровительственный тарифъ	452
1810	Царскосельскій лицей	431

ГОДЫ.		СТРАН.
1811	Свиданіе Карамзина съ Александромъ I . .	439
1812	*Отечественная война*	*384, 441, 454, 458*
1812	*Миръ съ Турціей въ Бухарестѣ . . .*	*433, 441*
1812	*Паденіе Сперанскаго*	*440*
1812	Рукопись „Слова о полку Игоревѣ". . .	I, 132
1813	Переходъ русскихъ черезъ границу. .	II, 444
1813	*Миръ съ Персіей въ Гулистанѣ*	*452*
1814	*Низверженіе Наполеона I*	*445*
1815	*Вѣнскій конгрессъ*	*420*
1815	Ватерло	445
1815	*Царство Польское*	*446*
1815	*Священный Союзъ*	*448*
1815	Мистицизмъ и реакція	462
1815	Переводы Бентама, Смита, Беккаріи и Монтескье	461
1816	*Военныя поселенія*	*451*
1816	† Державинъ.	375
1817	Рукопись „Изборника" Святослава . . .	I, 131
1818	Рожденіе Александра II.	II, 453
1818	Аракчеевскій планъ освобожденія крестьянъ .	458
1818—1822	Реакціонные конгрессы	449
1818	„Исторія" Карамзина.	450
1818	Чешскій Музей	423
1819	*Петербургскій университетъ*	*448*
1819	Окончательная отмѣна крѣпостничества въ Остзейскомъ краѣ	448
1820	Ссылка Пушкина	467
1821	Возстаніе грековъ противъ Турціи	449
1822	Закрытіе тайныхъ обществъ	462
1822	Пріобрѣтеніе Аляски	455
1822	Голодъ. Хлѣбные магазины и продовольственные капиталы	455
1822	Цензура надъ лубочными картинками . . .	465
1823	Холера.	455
1823	„Горе отъ ума".	467
1823—1830	„Евгеній Онѣгинъ"	467
1824	*Паденіе виленскаго университета.*	*423*
1824	Паденіе Голицына.	453
1825	*† Александръ I.*	*454*
1825	*Бунтъ декабристовъ*	*467*

ГОДЫ.		СТРАН.
1826	† Карамзинъ.	463
1826	*III Отдѣленіе Собственной Е. В—ва Канцеляріи*	*481*
1826	Планъ Сперанскаго объ освобожденіи крестьянъ	484
1826	Манифестъ противъ слуховъ о „волѣ". . .	485
1827	*Страховыя общества*	*483, 511*
1828	† Марія Ѳедоровна	247
1828	Уставъ гимназій и училищъ	487
1828	*Миръ въ Туркманчаѣ*	*469*
1828	Высшій цензурный комитетъ	481
1828	Рожденіе Льва Толстого.	548
1829	*Адріанопольскій миръ*	*470*
1829	Возрожденіе болгаръ. Книга Венелина. . .	426
1829—1831	Холера.	483, 489
1830	*Іюльская революція*.	*421*
1830	Обреновичи въ Сербіи	425
1830—1831	*Польское возстаніе* . . . *423, 471, 484, 497,*	*506*
1831	Законъ объ обязанностяхъ дворянъ. . . .	487
1831	„Борисъ Годуновъ" Пушкина	491
1831	Эрмитажная ваза	I, 6
1832	Возстановленіе Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ .	58
1832	Паденіе аула Гимры	II, 472
1832	Чума	483
1833	Конгрессъ въ Мюнхенгрецѣ	468, 471
1833	Договоръ въ Ункіаръ-Скелесси	471
1833	*Сводъ законовъ*	*479*
1833	*Кіевскій университетъ*	*487*
1833	*Программа Уварова*	468
1833—1849	Министерство Уварова	487
1834	Выступленіе Бѣлинскаго.	490
1835	*Университетскій уставъ*.	*487*
1835	„Ревизоръ" Гоголя	491
1835	„Аскольдова Могила" Верстовскаго	555
1836	„Жизнь за царя" Глинки	555
1837	*Министерство государственныхъ имуществъ* .	*479*
1837	Славянскій комитетъ въ Москвѣ.	551
1838	*Царскосельская желѣзная дорога*	*483*
1838	Каѳедры славистики	492
1839	*Отмѣна уніи*	*480*
1839	Походъ Перовскаго въ Хиву	472

ГОДЫ.		СТРАН.
1839	*Серебряный рубль*	*480*
1839	„Конекъ-Горбунокъ“ . . . , ...	494
1841	† Лермонтовъ	491
1841	Бракъ Александра II съ Маріей Александровной	496
1842	Англо-китайскій договоръ	473
1842	„Мертвыя души“ Гоголя	492
1843	Мюридизмъ въ Дагестанѣ	472
1843	*Кредитные билеты*.	*480*
1843—1855	Волненія крестьянъ	485
1845	Опредѣленіе тѣлесныхъ наказаній	484
1845	„Бѣдные люди“ Достоевскаго	493
1846	Пальмерстонъ	473
1846	Возстаніе въ Краковѣ, Познани и Галиціи .	474
1846	Епархія поповцевъ въ Бѣлой Криницѣ . .	489
1846—1856	*Намѣстничество Воронцова на Кавказѣ* . .	*472*
1847	„Записки Охотника“ Тургенева	493
1847	„Свои люди—сочтемся“ Островскаго . . .	548
1848	*Февральская революція*	*421*
1848	Конституція въ Австріи.	424
1848	Паденіе Меттерниха	471
1848	Возстаніе въ Венгріи.	474
1848	Неудачная попытка Мѣрославскаго	474
1848	Возрожденіе лужичанъ	425
1848	*† Бѣлинскій*	*493*
1848—1849	Картины Ѳедотова.	552
1849	Реакція въ Богеміи	424
1849	Подавленіе венгерскаго возстанія	425
1849	*Битва у Вилагоша*	*474*
1849	Преобразованіе гимназій.	488
1849	Ограниченіе числа студентовъ.	481
1850	Угроза Николая I англичанамъ	473
Ок. 1850	Просвѣщеніе Черногоріи	426
1851	*Николаевская желѣзная дорога*.	*483*
1851	Смоленскій голодъ и хищенія.	485
1852	*Вторая имперія во Франціи*	*421*
1852	Кладъ древнѣйшихъ монетъ въ Нѣжинѣ. .	I, 61
1853	*Занятіе Молдо-Валахіи Горчаковымъ. Синопъ.*	*II, 475*
1853	† Брюлловъ	551
1854	*Объявленіе войны Россіи со стороны Англіи и Франціи*	*475*

ГОДЫ.		СТРАН.
1855	*† Николай I*	*495*
1855	† Мицкевичъ	423
1855	Исаакіевскій соборъ	554
1856	*Манифестъ Александра II о „правдѣ и милости“*	*497*
1856	Коронація Александра II	497
1856	Заявленіе Александра II въ Варшавѣ	506
1856	*Парижскій миръ*	*478, 496, 505*
1856	„Рудинъ“ Тургенева	545
1856	„Губернскіе Очерки“ Щедрина	547
1856	† Паскевичъ	471
1857	Свиданіе двухъ императоровъ въ Штутгартѣ.	503
1857	Секретный комитетъ для улучшенія быта крестьянъ	498, 526
1857	Отчетъ министра финансовъ	498
1857	† Глинка	555
1858	*Айгунскій договоръ*	*502*
1858	Станція въ Виллафранкѣ	522
1858	Путешествіе Александра II по Россіи	527
1858	Паденіе Норова и Брока	499
1858	Желѣзнодорожныя концессіи	513
1858	Переселенія на Амуръ	510
1858	*Общества трезвости*	*532*
1858	Законъ о дворовыхъ	485
1858	„Обломовъ“ Гончарова	546
1858	„Явленіе Христа народу“ Иванова	551
1859	*Итальянское королевство*	*421, 502*
1859	Румынія	427
1859	*Плѣненіе Шамиля*	*503*
1859	Дворянскіе комитеты	527
1859	Задолженность дворянскихъ имѣній.	524
1859	Дарвинъ	422
1859	Русское Музыкальное Общество	556
1859	Романовскія Палаты	554
1860	Новая конституція въ Австріи	424
1861	*Освобожденіе крестьянъ*	*499, 524, 528*
1861	Распространеніе общины	530
1861	† Добролюбовъ	549
1862	*Государственный контроль*	*520*
1862	*Отмѣна виннаго откупа*	*501*

ГОДЫ.		СТРАН.
1862	*Новороссійскій университетъ*	*540*
1862	*Петербургская консерваторія*	556
1862	„Отцы и дѣти“ Тургенева	537, 545
1863	Пораженіе черногорцевъ	426
1863	*Польское возстаніе*	*423, 499, 507*
1863	*Финляндскій сеймъ*	*518*
1863	*Университетскій уставъ*	*499*
1863	Отмѣна тѣлесныхъ наказаній	531
1863	Артель художниковъ	552
1863	Челнъ викинговъ	I, 15
1864	*Земскія учрежденія*	*II, 500*
1864	*Судебная реформа*	*500*
1864	*Замиреніе Кавказа*	*503*
1864	Военно-окружныя управленія	521
1864	*Гимназическій уставъ*	*500*
1864—1868	*Завоеваніе Чекмента, Ташкента и Самарканда. Туркестантское генерал-губернаторство*	*502*
1865	*Министерство путей сообщенія*	*515*
1865	*Цензурный уставъ*	*500, 543*
1865	„Война и Миръ“ Толстого	548
1866	*Австро-прусская война*	*421, 502*
1866	Возстаніе на Критѣ	504
1866	*Прекращеніе Царства Польскаго*	*507*
1866	Покушеніе Каракозова	507
1867	Реформа военныхъ судовъ	501
1867	Уступка Аляски американцамъ	509
1867	Славянскій съѣздъ въ Москвѣ	551
1868	† Писаревъ	549
1868	† Даргомыжскій	555
1869	*Статистическая перепись*	*510*
1870	*Франко-германская война*	*421, 502, 503*
1870	Тройственный союзъ	503
1870	*Городовое Положеніе*	*500*
1870	Усиленіе прокурорскаго надзора и ослабленіе защиты	519
1870	*Допущеніе женщинъ въ университетъ въ Финляндіи*	*544*
1870	Товарищество передвижныхъ выставокъ	552
1870	„Азбука“ Льва Толстого	538
1870	† Сѣровъ	555

ГОДЫ.		СТРАН.
1871	Отмѣна статьи парижскаго трактата о Черномъ морѣ	502
1871	Развитіе школьнаго классицизма	542
1871—1878	*„Хожденіе въ народъ“*	*508*
1873	*Покореніе Хивы*	*502*
1873	Бракоразводныя дѣла	522
1873	Развитіе штунды	523
1873	*Самарскій голодъ*	*511*
1873	„Бурлаки на Волгѣ“ Рѣпина	552
1874	*Воинскій уставъ 500, 510, 521,*	*540*
1874	Надзоръ дворянъ за народнымъ образованіемъ.	525
1874	Журналъ „Впередъ“	537
1874	„Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“	520
1875	*Россія спасаетъ Францію отъ Пруссіи . . .*	*503*
1875	Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ	504
1875	*Пріобрѣтеніе Сахалина*	*503*
1875	Отмѣна мировыхъ посредниковъ	499
1875	Образцовая тюрьма	531
1875	Памятникъ Екатеринѣ II	245
1875	„Анна Каренина“ Толстого	548
1876	*Турецко-славянская война 426,*	*504*
1876	Новое изданіе Свода законовъ	518
1876	„Новь“ Тургенева	546
1877	Конституція въ Турціи	427
1877	*Добровольный флотъ*	*522*
1877	Кладъ древнѣйшихъ монетъ въ Кіевѣ . . .	I, 61
1877—1878	*Восточная война . . . II, 426, 427, 504,*	*520*
1878	*Берлинскій договоръ*	*505*
1878	Развитіе ссылки. Сахалинъ 509,	531
1878	Стѣсненіе судовъ съ присяжными	519
1878	*Урядники*	*518*
1878	Процессъ 193-хъ	508
1878	† Некрасовъ	547
1878	† Перовъ	552
1878	Всемірная выставка. Антокольскій	553
1878—1882	20 покушеній	508
1879	*Союзъ Германіи съ Австріей*	*505*
1879	*Генералъ-губернаторства*	*518*
1879	Дозволеніе сношеній между земствами . . .	517

ГОДЫ.		СТРАН.
1879	Аттестаціи мировыхъ судей губернаторами .	519
1879	Женскіе курсы въ Одессѣ	534
1880	† Императрица Марія Александровна . . .	541
1880	*Департаментъ государственной полиціи* . .	*515*
1880	*Полномочія Лориса-Меликова*	*509*
1880	Открытіе Александровскаго лицея для всѣхъ дворянъ	525
1880	Министерство Абазы	520
1880	Изданіе „Изборника" Святослава. . . .	I, 132
1880—1881	Сенаторскія ревизіи	II, 534
1881	*† Александръ II*	*508*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

Абаза: Александръ II, II, 501, 510.
Абдулъ-Гамидъ: конституція, II, 498.
Абеляръ: значеніе, I, 67; его школа, 150.
Або: университетъ, II, 448; миръ, 190.
Абсолютизмъ: 17—18 в., II, 1—4; 19 в., 420, 448.
Авары: начало, I, 8; Византія, 9; чехи, 10; южная Россія, 13; опредѣленіе, 18.
Аввакумъ: Никонъ, II, 15; жизнь, 23—24; Алексѣй Михайловичъ, 309; женщина, 333, 335; значеніе, 342, 343; автобіографія, 365.
Августъ, императоръ: Иванъ Грозный, I, 263, 471.
Августъ II: избраніе, II, 7; Петръ I, 77, 103; Карлъ XII, 105; Долгорукій, 158; Минихъ, 173.
Августъ III: избраніе, II, 7; Анна Ивановна, 176; Екатерина II, 218, 219.
Августъ IV: Екатерина II, II, 219, 234.
Авдій, художникъ: Галичъ, I, 136.
Австрія: начало, I, 18; Рагуза, 68; монархизмъ, 149; Кіевъ, 228; Габсбурги, 232; Иванъ III, 246; Михаилъ Өедоровичъ, 319, 320; Петръ I, II, 78, 84; Анна Ивановна, 176; Иванъ VI, 179, 180; Елизавета, 186, 191, 346; Екатерина II, 210, 218, 219, 230, 234, 241; Павелъ I, 251; титулы, 287; опредѣленіе, 399; Пруссія, 421; Александръ I, 432—448, 455; Николай I, 469—475; Александръ II, 477, 496—507, 500.
Австрійская марка: Оттокаръ II, I, 155.
Агіографія: 15—17 в., I, 479, 480; II, 366.
Аграмъ: хорваты, II, 425.
Агрономія: Александръ II, II, 504.
Адамъ: сборники, I, 465; стихи, 469.
Адатъ: опредѣленіе, II, 509.
Адашевъ: характеръ, I, 266, 427; паденіе, 271; новики, 383; записки, 464.
Адда: Суворовъ, II, 251.
Адиссонъ: Екатерина II, II, 373.
Адлерберги: Николай I, II, 468; Александръ II, 490.
Адмиралтейская Сторона: Анна Ивановна, II, 406.
Адмиралтейскій Островъ: опредѣленіе, II, 399; Петръ I, 404.
Адмиралтейство: Петръ I, II, 399, 402, 404; Анна Ивановна, 406.
Адріанополь: болгары, I, 9; миръ, II, 470; Александръ II, 498.
Адріанъ, монахъ: богомилы, I, 127.
Адріанъ, патріархъ: Петръ I, II, 93; понятія, 340.
Адріатическое море: хорваты, I, 9; венгры, 68; славяне, II, 425.
Азбука: Петръ I, II, 83, 146, 356, 364; ноты, 387, русины, 424; Далмація, 425; Толстой, 525.
Азбуковникъ: опредѣленіе, I, 221; 15—17 в., 465, 566; языкъ, 483.
Ази-Гирей: Крымъ, I, 171.
Азія: начало Руси, I, 20; Новгородъ, 96; удѣлы, 141; Павелъ I, II, 251; Передняя, I, 4, 168, 234.
Азовское море: Святославъ, I, 38; граница Руси, 48; каменная баба, 76; Венеція, 141; крымская кампанія, II, 477.
Азовъ: Иванъ III, I, 252; Михаилъ Өедоровичъ, 321; донцы, 376; пѣсни, 470; 15—17 в., 503—507; запорожцы, 551; Алексѣй Михайловичъ, II, 37; Петръ I, 71, 107, 138, 140; Минихъ, 176; Екатерина II, 221. См. *Тана.*
Академія: духовная, II, 248, 363, 432, 526; кіевская, 85; морская, 85; московская, 59, 85, 339, 354, 355, 358, 367; наукъ, 86, 355, 358, 359, 362, 373, 375, 528; славяно-греко-латинская, 51; художествъ, 189, 359, 385, 386, 409, 526, 536, 537; военно-юридическая, 495; военная, 510; Петровская, 526.
Аккадъ: апокрифы, I, 477.

Акафистъ: опредѣленіе, I, 220.
Акиръ: сказки, I, 474.
Аккерманъ: начало, I, 17.
Аксаковы: славянофильство, II, 487; высылка, 524; реакція, 525; газеты, 535.
Аландъ: Петръ I, II, 108; крымская кампанія, 477.
Алаунъ: начало славянъ, I, 10.
Албазинъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 39.
Албанія: Душанъ, I, 153; самозванцы, II, 223.
Алданъ: открытіе, II, 39.
Алдерманы: опредѣленіе, II, 83.
Александра Θедоровна: Николай I, II, 469; Александръ II, 491; ваяніе, 538.
Александрія: Кіевъ, I, 141.
Александровская Слобода: Иванъ IV, I, 273, 274; типографія, 452; Елизавета, II, 182.
Александровскій садъ: Петербургъ, II, 399.
Александро-Невская Лавра: мощи Невскаго, I, 182; Петръ I, II, 114, 404; Суворовъ, 232.
Александрополь: древности, I, 26; Александръ II, II, 498.
Александръ I: Екатерина II, II, 243; Павелъ I, 253, 411; революція 1789 г., 263; конституція, 264; внутреннія дѣла, 278, 405, 430—448, 480; ордена, 291; Лагарпъ, 358; Муравьевъ, 373; Державинъ, 376; Петербургъ, 412; характеръ, 427—429; войны, 432—434, 440—445; Польша, 423, 470, 471; реакція, 448—454; Александръ II, 490, 499; дворянство, 530; искусство, 536—538.
Александръ II: Екатерина II, II, 245; рожденіе; 453; Жуковскій, 461; крымская кампанія, 477, 478; преобразованія, 489—496, 499—501, 512—521, 524—529, 535; иностранныя дѣла, 496—499; Россія уходитъ въ себя, 496; внутреннія безпокойства, 499—501; смерть, 500.
Александръ III, папа: значеніе, I, 66.
Александръ литовскій: Польша, I, 237; Иванъ III, 253; смерть, 260.
Александръ Македонскій: сборники, I, 131; сказанія, 223; сказки, 473.
Александръ Невскій: Миндовгъ, I, 158; характеръ, 177—179; татары, 180; княженіе, 181, 182; шлемъ, 182; Данило Романовичъ, 188, 189; сказанія, 223; стихи, 469; Петръ I, II, 104, 114; орденъ, 287.
Александръ Поповичъ: Калка, I, 167.
Александръ тверской: княженіе, I, 185; смерть, 186; сказанія, 223.
Алексѣй, митрополитъ: Иванъ II, 1, 193, 211, 212; Дмитрій Донской, 194, 195; житія святыхъ, 220.
Алексѣй Алексѣевичъ: Разинъ, II, 29.
Алексѣй Божій человѣкъ: стихи, I, 469.
Алексѣй Михайловичъ: значеніе, I, 587; характеръ, II, 8—11, 318, 319; царствованіе. 8—47; Иванъ IV, 25; Полоцкій. 45; Западъ, 46, 343, 414; мѣстничество, 50, 285; реформы, 139; войско, 143, 279; населеніе, 254; моръ, 256; самодержавіе, 257, 258; бракъ, 260; боярская дума, 265; подьячіе, 266; приказы, 267, 268; налоги, 273, 274; дворяне, 282; бояре, 284; крѣпостничество, 297; иностранцы, 305; расколъ, 309; женщина, 334; понятія, 339, 341, 344; просвѣщеніе, 352—354; бумага, 356; пѣсни, 366; театръ, 366, 367; искусство, 377, 382; Петръ I, 380; портретъ, 384; мѣры, 388; бытъ, 389; Москва, 395; Нева, 399.
Алексѣй Петровичъ: рожденіе, II, 63; Петръ I, 72, 99—102, 135; стрѣльцы, 76, 77; воспитаніе, 97—98; Меншиковъ, 125; Яворскій, 131; самозванецъ, 171; Петербургъ, 405.
Алеппо: Петръ I, II, 109.
Алеутскіе острова: 18 в., II, 253.
Алеша Поповичъ: опредѣленіе, I, 26; христіанство, 57.
Алимпій Печерскій: живопись, I, 138.
Алконостъ: опредѣленіе, 1, 465.
Аллилуева жена: расколъ, II, 366.
Аллилуя: сугубая, I, 439; стихи, 469; напѣвы, 496; начало, II, 20, 21.
Алтай: татары, I, 162; расколъ II, 512.
Алтайцы: опредѣленіе, I, 4; переселеніе народовъ, 8; камскіе болгары, 13; половцы, 75; русскія переселенія, 201.
Алтынъ: татары, I, 174; опредѣленіе, 228; 15—17 в., 509; II, 389.
Алхимія: Михаилъ Θеодоровичъ, I, 322.
Альбертъ, епископъ: Рига, I, 108.
Альбертъ Великій: значеніе, I, 67.
Альбигойцы: опредѣленіе, I, 67; значеніе, 150.
Альбрехтъ бранденбургскій: Литва, I, 237; Пруссія, 238.
Альма: битва, II, 476.
Альпы: геологія, I, 1; Суворовъ, II, 251.
Альта: Борисъ, I, 43; Ярославъ, 44; битва, 76.
Алябьевъ: романсы, II, 539.
Аляска: пріобрѣтеніе, II, 455; Александръ II, 501.
Амвросій, митрополитъ: Екатерина II, II, 225; чума, 347; просвѣщеніе, 349.

Америка: Кортецъ, I, 279; Соединенные Штаты, II, 3; Екатерина II, 229; Берингъ, 355; Ломоносовъ, 371; Аляска, 455; суды, 495; Александръ II, 501, 502, 524; университеты, 529.
Амстердамъ: Софья, II, 52; Петръ I, 74, 77, 83, 107, 115.
Аму-Дарья: Петръ I, II, 109; Александръ II. 496.
Амуръ: Аввакумъ, II, 23; открытіе, 39; 18 в., 253; Александръ II, 497, 502.
Анадыръ: открытіе, II, 39.
Анапа: Николай I, II, 472; крымская кампанія, 477.
Анархизмъ: Александръ II, II, 500.
Анастасія Романовна: Иванъ IV, I, 263; смерть, 271.
Анатолія: запорожцы, I, 551.
Англія: норманы, I, 16; начало государства, 19; Ярославъ I, 45; Русь, 48; классицизмъ, 66; Рагуза, 68; Мономахъ, 125; торговля, 141, 233; феодализмъ, 149, 232; бояре, 209; протестантство, 234; Индія, 279; Иванъ IV, 281; Михаилъ Ѳедоровичъ, 321; перепись, 331; 17—18 в., II, 1—3; Алексѣй Михайловичъ, 12, 259; Никонъ, 15; Петръ I, 77—80, 84, 107, 108, 138, 260, 416; Екатерина I, 154; Елизавета, 191, 360; Екатерина II, 198, 220, 229—231, 241, 357, 373; Суворовъ, 232; Павелъ I, 251; Радищевъ, 349; 19 в., 421, 422; Александръ I, 429—435, 440, 445, 447, 459; Николай I, 469—476; Александръ II, 496—500, 509; община, 518; университеты, 529.
Англосаксы: монета, I, 16, 20.
Андрей I: Святославъ Ольговичъ, I, 87; характеръ, 89, 144; Владиміръ на Клязьмѣ. 90; Кіевъ, 91; княженіе, 92—94; смерть, 95; бояре, 116; храмы, 118, 135; посты, 122; дворецъ, 136, 138; вѣче, 574; Западъ, 585.
Андрей II: Александръ Невскій, I, 180, 181.
Андрей III: Даніилъ московскій, I, 184.
Андрей венгерскій: Мстиславъ Удалой, I, 104.
Андрей Ольгердовичъ: Псковъ, I, 160.
Андрей Первозванный: орденъ, II, 287.
Андрей Углицкій: Иванъ III, I, 241.
Андрей Ярославичъ: Александръ Невскій, I, 177, 179.
Андроновъ: Сигизмундъ, I, 306, 308; запись. 385; дума, 386.
Андрусово: перемиріе, II, 37.
Аника: сказки, I, 474.
Аничкинъ мостъ: начало, II, 404; ваяніе, 538.
Аничковы: значеніе. II, 284.
Анкудиновъ: Шуйскій, II, 257.
Анна, гречанка: Владиміръ Св., I, 40; Борисъ, 42; гробница, 59.
Анна, святая: орденъ, II, 291.
Анна Ивановна: Иванъ V, II, 57; рожденіе, 63; бракъ, 110; Москва, 150, 396; избраніе, 160—166; характеръ, 166, 167, 326, 327; царствованіе, 166—176; Елизавета, 182; престолонаслѣдіе, 262; управленіе, 271, 272; финансы, 278, 378; войско, 282; дворянство, 289—293; крѣпостничество, 292; промышленность, 306, 393; церковь, 313, 364; женщина, 336; понятія, 346, 347; просвѣщеніе, 358, 369; искусство, 370, 386, 387; Татищевъ, 371; пути сообщенія, 391, 393; Петербургъ, 402, 405; опера, 540.
Анна Леопольдовна: бракъ, II, 110; Анна Ивановна, 170, 176; характеръ, 177; правленіе, 178—182.
Анна Петровна: бракъ, II, 110; Екатерина I, 152—155; Петръ II, 155; Елизавета, 184; ордена, 291.
Антихристъ: апокрифы, I, 477; Петръ I, II, 94.
Антокольскій: ваяніе, II, 538.
Антоній, св.: его жизнь, I, 54, 55; отшельничество, 59, 123; Изяславъ, 77; Печерская лавра, 124; врачеванія, 439.
Антонъ Брауншвейгскій: Анна Леопольдовна, II, 110, 179, 180; Анна Ивановна, 170, 176; Иванъ VI, 177, 178.
Апокрифы: опредѣленіе, I, 220; 13—15 в., 221; 15—17 в., 365, 366, 437, 438, 468, 469, 476—478; Стоглавъ, 268; азбуковники, 465.
Апостолъ, книга: начало Руси, I, 55; сборники, 221; первая книга, 449—451, 483, 493; Четіи-Минеи, 479.
Апостолъ, гетманъ: Петръ II, II, 155.
Апраксины: Ѳедоръ III, II, 50; Петръ I, 134, 277, 324; Екатерина I, 154; Анна Ивановна, 168; Елизавета, 191; Екатерина II, 195; графы, 287; Нарышкины, 54.
Аптека см. *Медицина*.
Аптекарскій Островъ: Прокоповичъ, II, 129. Петръ I, 399, 401.
Арабчики: опредѣленіе, I, 20.
Арабы: Новгородъ, I, 11; камскіе болгары, 13; хозары, 13; монета, 16; классицизмъ, 17, 19, 67; торговля, 20; Испанія, 28; крестовые походы, 65; медицина, 126; Бухара. 167.
Аракчеевъ: характеръ, II, 249; Павелъ I, 252, 253; Александръ I, 428—430, 436, 439, 447, 448, 451, 452, 455; Ермоловъ, 453; крѣпостничество, 458; сатира, 461; Киселевъ, 479.
Аргамакъ: опредѣленіе, I, 372.

Арзамасъ: общество, II, 464.
Аристотель: арабы, I, 19; схоластика, 67; сборники, 131; Ѳома аквинскій, 150; Возрожденіе, 151; гоненіе, 440; 15—17 в., 564.—См. *Фіоравенти*.
Ариѳметика: начало на Руси, I, 467.
Аріане: опредѣленіе, I, 17.
Арійцы: начало, I, 4; стихи, 468, 469; Россія, 570.
Арканъ: печенѣги, I, 14; татары, 164.
Армфельдтъ: Сперанскій, II, 440; Александръ I, 441.
Армякъ: опредѣленіе, I, 531; 15—17 в., 538.
Армяне, Арменія: кирилица, I, 30; удѣлы, 110; медицина, 126; Галичъ, 188; 13—15 в., 201, 210, 228; Петръ I, II, 109; Елизавета, 190; Николай I, 469, 472; Александръ II. 501.
Арпадъ: значеніе, I, 32.
Артель: искусство, I, 67, 224, 226; II, 552; скоморохи, 120; богомольцы, 132; каменьщики, 136; 11—13 в., 140; 15—17 в., 393, 394; Александръ II, II, 520; чигиринскій бунтъ, 517.
Артемьевъ: католичество, II, 344.
Архангельскъ: начало, I, 401; 15—17 в., 303, 388, 504—506, 510; Годуновъ, 284; Петръ I, II, 69, 122, 281, 345, 354.
Археографическая коммиссія: Николай I, II, 484, 489; Александръ II, 534.
Археологія: доисторическая, I, 1; Петръ II, II, 86, 92; Александръ II, 534.
Архивъ: начало, I, 214; Иванъ III, 462; 15—17 в., 505; Анна Ивановна, II, 162.
Архипелагъ: славяне, I, 8; Екатерина II, II, 220; Павелъ I, 251.
Аршинъ: татары, I, 174; Алексѣй Михайловичъ, II, 11; Елизавета, 393.
Аскольдъ: Кіевъ, I, 36; христіанство, 40; могила, 34, 35; опера, II, 540.
Ассамблеи: Петръ I, II, 80, 85, 293, 356, 402; значеніе, 146; нравы, 325, 326.
Ассигнаціи: начало, II, 216; 18 в., 278; Александръ I, 434, 438, 456.
Астрабадъ: Петръ I, II, 109.
Астрахань: хозары, I, 13; начало Орды, 171; ханство, 196, 270; крымцы, 280; Годуновъ, 284; 15—17 в., 317, 388, 502—506; Разинъ, II, 27—29; Петръ I, 95—96; Волынскій, 171; 18 в., 393; Александръ I, 447.
Астрологія: Михаилъ Ѳедоровичъ, I, 322; жидовство, 445; запрещеніе, 478.
Аспидъ: опредѣленіе, I, 515.
Асѣнь I: значеніе, I, 68.
Атаманъ: татары, I, 172, 174; донцы, 249, 375; уральцы, 377; ватага, 548; запорожцы, 549.
Аустерлицъ: битва, II, 433.
Афганистанъ: Николай I, II, 472.
Африка: открытія, I, 151.
Ахалцыхъ: Николай I, II, 470.
Ахматъ: Иванъ III, I, 251, 252.
Ахтуба: Сарай, I, 172.
Ахтырка: начало, II, 33.
Ахульго: Шамиль, II, 472.
Ахиллесъ: сказанія, I, 223.
Аѳанасьевъ: древняя письменность, II, 534.
Аѳонъ: Антоній, I, 54, 55; переводы, 219; Логофетъ, 220; паломничество, 221; Нилъ Сорскій, 247; житія святыхъ, 479; исправленіе книгъ, II, 20; Петръ 1, 345.
Айвазовскій: живопись, II, 537.
Айгунъ: договоръ, II, 496.

Баба-Яга: опредѣленіе, I, 24; сказки, 56.
Баварія: переселеніе народовъ, I, 8; начало, 66; табориты, 155.
Багдадъ: славяне. I, 20, 22; халифатъ, 65; Сулейманъ, 234.
Багратіонъ: Наполеонъ I, II, 441, 443.
Багрецъ: опредѣленіе, I, 515.
Багряница: опредѣленіе, I 63.
Баденъ: Александръ I, II, 428.
Баднякъ: опредѣленіе, I, 24.
Бажановъ: зодчество, II, 397.
Базаровъ: герой романа, II, 530, 531.
Базиліане: Николай I, II, 480.
Баку: Петръ I, II, 109; Екатерина II, 233; Александръ II, 504.
Балагурникъ: опредѣленіе, II, 387.
Балакиревъ, шутъ: Петръ I, II, 110; Анна Ивановна, 167.
Балакиревъ, музыкантъ: романсы, II, 539.
Балаклава: битва, II, 476.
Балалайка: бандура, I, 568; 19 в., II, 539.
Балашовъ: Сперанскій, II, 440.
Балетъ: Алексѣй Михайловичъ, I, 42; II, 367; Екатерина II, 375; 18 в., 387; Николай I, 468.
Балканскій полуостровъ: Александръ II, II, 497.
Балканы: Александръ II, II, 498, 536.
Балтійскій край см. *Остзейскій край*.
Балтійское море: желтые, I, 2; славяне и литовцы, 4; западные славяне, 9, 10; финны, 12; опредѣленіе, варяги, 15; граница Польши, 32; Владиміръ Св., 40; граница Руси, 48; Новгородъ, 63; ганза, 70; эсты и ливы, 168; нѣм-

цы, 109; 11—13 в., 141, 142; Польша, 237: Москва, 238; Иванъ IV, 270; Алексѣй Михайловичъ, II, 36; Петръ I, 109, 138, 345; крымская кампанія, 477.
Балясы: опредѣленіе, I, 514; дворецъ, II, 378.
Бандура, *бандуристъ*: запорожцы, I, 549—550, 568; 19 в., II, 539.
Банкъ: Елизавета, II, 188; Петръ III, 196, 278; ассигнаціонный, 216; дворяне, 292, 295; зданіе, 409; Александръ II, 492, 505, 521.
Банъ: опредѣленіе, I, 153; 19 в., II, 425.
Барабинская степь: опредѣленіе, II, 38.
Барановичъ: Москва, I, 44; проповѣдь, 375.
Барельефъ: 11—13 в., I, 138.
Баринъ: опредѣленіе, II, 286.
Барклай де Толли: Александръ I, II, 441, 442; Аракчеевъ, 451.
Бармы: опредѣленіе, I, 82; татары. 164; Мономахъ, 263; 15—17 в.. 343.
Баронъ: 18 в., II, 291.
Бархатная книга: опредѣленіе, II, 290; Екатерина II, 294.
Баръ: конфедерація, II, 219.
Барятинскіе: декабристы, II, 462; Шамиль, 497.
Басарабъ: румыны, I, 154.
Баскакъ: опредѣленіе, I. 173; значеніе, 174; Александръ Невскій, 181; 13—15 в., 196, 228.
Басмановы: опричнина, I. 274, 276; Лжедимитрій I, 296.
Батогъ: опредѣленіе, I, 345.
Баторій: казаки, I, 250, 547; Иванъ IV, 280, 281; Годуновъ, 284; Лжедимитрій I, 294.
Батумъ: Александръ II, II, 499, 506.
Батуринъ: значеніе, II, 34; крѣпостничество, 292.
Батый: Кіевъ, I, 58; румыны, 154; нашествіе на Русь, 168—170; Ярославъ II, 177; Александръ Невскій, 180; его сынъ, 181; сказанія, 223; Москва, 519.
Батюшковъ: болѣзнь, II, 462; Карамзинъ, 464.
Бауценъ: лужичане, II, 424; битва, 444.
Бахарь: опредѣленіе, I, 342.
Бахчисарай: Минихъ, II, 176.
Баши-бузуки: опредѣленіе, II, 498.
Башкинъ: ересь, I, 449, 450; Курбскій, 460.
Башкиры; Казань, I, 270; Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Петръ I, 96; Анна Ивановна, 170; Екатерина II, 225, 256; Алексанръ II, 534.
Баштанъ: опредѣленіе, I, 547.
Баштина: опредѣленіе, I, 153.
Баязетъ: султанъ: Тамерланъ, I, 152.
Баязетъ, крѣпость: Александръ II, II, 498.
Баянъ: значеніе, I, 56; Слово о полку Игоревѣ, 132.
Байкалъ: уйгуры, I, 166.
Байракъ: опредѣленіе, I, 546.
Байронъ: Пушкинъ, II, 467; Лермонтовъ, 487.
Беглукъ: опредѣленіе, I, 235.
Бегъ: хозары, I, 14; Порта, 234, 235.
Безбородко: Екатерина II, II, 210; 229, 245; Павелъ I, 243, 248; новики, 290, 291; почты, 393.
Беззубовы: начало, I, 282.
Безобразовъ, предворитель дворянства: его высылка изъ столицы, II, 516.
Безпоповщина: опредѣленіе, II, 312; 18 в., 313, 315; Николай I, 484; Александръ II, 512.
Бекбулатовичъ; Иванъ IV, I, 277; Годуновъ, 285; Лжедимитрій, 297.
Бекетъ: опредѣленіе, I, 550.
Беккарія: Екатерина II, II, 211, 228; Александръ I, 461.
Беклемишевъ: Василій III, I, 333.
Беконъ: значеніе, I, 233.
Бекъ, опредѣленіе, I, 172.
Беллингсгаузенъ: экспедиція, II, 448.
Бельгія: Габсбурги, II, 2; 19 в., 421; Николай I, 471.
Бемъ, философъ: Кульманъ, II, 340.
Бемъ г-жа: живопись, II, 523.
Беневскій: Екатерина II, II, 223.
Бенедиктинцы: начало, I, 66; просвѣщеніе, 67.
Бенжаменъ Констанъ: Александръ I, II, 462.
Бенкендорфъ: тайная полиція, II, 492.
Беннигсенъ: Павелъ I, II, 252, 253; Александръ I, 428, 429, 433.
Бентамъ: Александръ I, II, 461, 462.
Бенуа: живопись, II, 409.
Беранже: Николай I, западники, II, 487.
Бергъ: строгости въ Польшѣ, II, 500.
Бергъ-коллегія: Петръ I, II, 91.
Бердаа: варяги, I, 37.
Бердичевъ: дворянство, II, 482; Александръ II, 506.
Бердышъ: опредѣленіе, I, 373; стрѣльцы, II, 56.
Березина: Наполеонъ I, II, 444.

Березовъ: Годуновъ, I, 284; Меншиковъ, II, 158; Долгорукіе, 168; Остерманъ, 181; Шереметева, 337.
Берендъи: опредѣленіе, I, 75; удѣлы, 110; дружина, 115.
Берендъйка: опредѣленіе, II, 56.
Берестовое: опредѣленіе, I, 34.
Беринговъ проливъ: открытіе, II, 39; Алексѣй Михайловичъ, 354; Петръ I, 355.
Берингъ: Петръ II, II, 355; Сибирь, 393.
Берладъ: выходцы, I, 85.
Берлинъ: Петръ I, II, 107, 113; Елизавета, 192; Николай I, 491; польское возстаніе, 497; договоръ, 499.
Бернадотъ: Александръ I, II, 441, 442.
Беръ: значеніе, II, 489.
Бесермены: опредѣленіе, I, 181.
Бессарабія: румыны, I, 154; запорожцы, 551; крѣпостничество, II, 302; Александръ I, 433, 454, 478; Александръ II, 499, 501, 502; община, 518.
Бестіарій: опредѣленіе, I, 466.
Бестужевъ, ученый: значеніе, II, 534.
Бестужевъ-Рюминъ: Петръ I, II, 79; Анна Ивановна, 176, 177; Анна Леопольдовна, 178, 179; характеръ, 185, 326; Елизавета, 186, 191, 192; Петръ III, 196; Екатерина II, 194, 195, 199, 202; дипломатія, 416.
Бесѣда: лавка, I, 62.
Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ: публицистика. I, 460, 461.
Бесѣда любителей русскаго слова: начало, II, 464.
Бетховенъ: русскія пѣсни, I, 495.
Бехтерецъ: опредѣленіе, I, 372.
Бецкій: Екатерина II, II, 239, 245; просвѣщеніе, 362; искусство, 363, 386.
Бибиковы: Екатерина II, II, 213, 214; Пугачевъ, 227, 228; дворянство, 328; крѣпостничество, 481, 482.
Библейское Общество: начало, II, 447, 449; Голицынъ, 451; Шишковъ, 453; Александръ I, 456; Евангеліе, 459.
Библіотека: начало на Руси, I, 45, 126; Карлъ V, 150; Возрожденіе, 151; 15—17 в., 455, 557; Никонъ, II, 16; Голицынъ, 53, Петръ I, 86, 121; Прокоповичъ, 129; св. Димитрій, 132; Екатерина II, 205, 361, 362, 409; Алексѣй Михайловичъ, 354; 18. в, 358, синодальная, I, 131, 224; публичная, 129, 224, 255; II, 111, 361, 409; Александръ II, 527; Финляндія, 529.
Библія: ереси, I, 67; апокрифы, 220, 477; сказанія, 293; румыны, 235; синодальная, 480; Острожскіе, 564; славянская, II, 363; Александръ I, 459; живопись, 536.
Биргеръ: значеніе, I, 178; Александръ Невскій, 179.
Биричъ: опредѣленіе, I, 100.
Биронъ: Минихъ, II, 75; характеръ, 167, 168; фаворитство, 169—170; ссылка, 173; Курляндія, 176; Елизавета, 181, 182; Петръ III, 196; Екатерина II, 210, 218, 234; войско, 281; дворянство, 288; духовенство, 314.
Бисмарки: Анна Леопольдовна, II, 178; Александръ II, 499.
Битяговскій: Димитрій Углицкій, I, 288.
Біармія: опредѣленіе, I, 13; Новгородъ, Кіевъ, 22.
Благодать: рудники, II. 393.
Блекстонъ: Екатерина II, II, 208.
Ближніе: бояре, I, 339; дьяки, 355; возвышеніе, 386.
Ближняя Канцелярія: Петръ I, II, 84, 123, 140, 141, 269, 275; бюджетъ, 277.
Блотелингъ: Софья, II, 52.
Блудовъ: Николай I, II, 479; крѣпостничество, 514.
Боборыкины: начало, I, 209; 18 в., II, 294.
Бобринскій: Орловъ Григорій, II, 200.
Боброкъ: Куликово Поле, I, 197.
Бобруйскъ: Александръ I, II, 441.
Бобры: литво-славяне, I, 6; 13—15 в., 227; бобровники, 326; Днѣпръ, 546.
Бобыль: опредѣленіе, I, 210, 396; 13—15 в., 211; 15—17 в., 329, 396; Александръ II, II, 518.
Бова: сказки, I, 472, 474.
Богатырь: финны, I, 12; опредѣленіе, 25, 26; Владиміръ св., 39, 40; подвижникъ, 54; прекращеніе, 114, 167; Азія, 167.
Богдановичъ: Лафонтенъ, II, 373.
Богдановская: лекціи, II, 523.
Богданы: опредѣленіе, I, 525.
Богемія: Нѣмецкая имперія, I, 155; татары, 170; бояре, 209; Габсбурги, 238; 19 в., 424.
Боголюбово: начало, I, 90; дворецъ, 92—94.
Боголюбовъ: живопись, II, 537.
Богомилы: опредѣленіе, I, 31; вальденсы, 67; удѣлы, 127; стригольники, 219; апокрифы, 427.
Богословіе: схоластика, I, 67; удѣлы, 122; Изборникъ, 131; Германія, 150; 17 в., II, 364.
Боде: крѣпостничество, II, 481.
Бодричи: опредѣленіе, I, 9; Карлъ Великій, 10.
Бодянскій: славистика, II, 535.
Божедомы: опредѣленіе, I, 525.

Бои: опредѣленіе, I, 512.
Болвановка: урочище, I, 518.
Болванъ: ваяніе, I, 493; идолъ, 518; нарядъ, 532, 533.
Болгары дунайскіе: начало, I, 9; печенѣги, 14; христіанство, 29, 30; Святославъ, 29, 31, 38, 40; венгры, 32; бояре, 51; просвѣщеніе, 55, 56, 127, 128; 11—13 в., 68; сербы, 68; Василько, 79; сборники, 131; лѣтопись, 134; Косово Поле, 152; паденіе, 153; румыны, 154; Номоканонъ, 213; апокрифы, 220, 477; фанаріоты, 235; 19 в., II, 426; Александръ II, 497-499.
Болгары камскіе: начало, I, 6; переселеніе на Дунай, 9; Новгородъ, 11, 96; 9—11 в., 13, 48; Владиміръ св., 39, 40; Суздаль, 71; Мономахъ, 82; Андрей Боголюбскій, 89, 91, 135; удѣлы, 110; погибель, 168; Юрій II, 177.
Болеславъ чешскій: самодержавіе, I, 32.
Болеславъ Кривоустый: значеніе, I, 32; удѣлы, 69.
Болеславъ Смѣлый: значеніе, I, 32; дворъ, 33; Изяславъ, 77.
Болеславъ Храбрый: значеніе, I, 32; Святополкъ, 42, 44.
Болонья: университетъ, I, 67.
Болотниковъ: Лжедимитрій II, I, 302, 303.
Болотовъ: дворянство, II, 293.
Болтинъ: Западъ, II, 373; Петръ I, 376.
Большая Казна: значеніе, II, 274, 275.
Большая Коммиссія: Орловъ, II, 200; Екатерина II, 211—214, 240, 263; законы, 273; дворянство, 288—290, 293, 294, 300, 328, 329, 332; купцы, 307; церковь, 314, 315; женщина, 338; просвѣщеніе, 361.
Большая Садовая: Анна Ивановна, II, 406.
Большой Дворецъ см. *Дворцовый Приказъ*.
Большой Чертежъ: Филаретъ, I, 324; опредѣленіе, 467.
Бомарше: Сумароковъ, II, 374.
Бонапартъ см. *Наполеонъ I*.
Бонякъ: характеръ, I 80.
Борецкіе: Маѳа, I, 242; ея дѣти, 243.
Борзописецъ: опредѣленіе, I, 414; 17 в., 455.
Боривой: христіанство, I, 32.
Борисовъ: Наполеонъ, I, II, 444.
Борисъ: Ростовъ, I, 42; печенѣги, 43; благочестіе, 54; мощи, 122; житіе, 130; Александръ Невскій, 178; сказанія, 224, 225; стихи, 469.
Борнгольмъ: Петръ I, II, 108.
Боровиковскій: Новиковъ, II, 349; портретъ, 386, 536.
Борода: Василій III, I, 259; Годуновъ, 285; 15—17 в., 389, 534, 539; Стоглавъ, 441; древняя Русь, 580; расколъ, II, 23; Ѳедоръ III, 49; стрѣльцы, 76; Петръ I, 82, 83, 89, 93—96, 139; Яворскій, 131; св. Димитрій, 132; значеніе, 146.
Бородино: битва, II, 442, 443.
Бородинъ: опера, II, 540.
Борозднн: 15—17 в., I, 553.
Бортнянскій: пѣніе, II, 539.
Борть: опредѣленіе, I, 7; начало на Руси, 19; 13—15 в., 227; 15—17 в., 498, 501.
Борятинскіе: 17 в., II, 284.
Боснія: сербы, I, 9; Польша, 32; 11—13 в., 68; турки, 154; 17—18 в., II, 5; Іосифъ II, 219; Александръ II, 497.
Боссюэ: переводъ, II, 368.
Босфоръ: Екатерина II, II, 233.
Боткинъ, врачъ: значеніе, II, 534.
Боткинъ, писатель: Станкевичъ, II, 485; живопись, 538.
Ботническій заливъ: Михаилъ Ѳедоровичъ, I, 320.
Бояре: опредѣленіе, I, 30, 51; Святополкъ, 44; Суздаль и Ростовъ, 90; Андрей Боголюбскій, 92, 95; удѣлы, 97, 98, 112—116; Новгородъ, 100, 101, 242, 243; Галичъ, 103—107, 146, 200; земскіе, 116; путные, 205, 353. 381; дьяки, 356; служилые, 392; 11—13 в., 142, 144; татары, 168; Иванъ I, 190, 191; Иванъ II, 193, 194; Димитрій Донской, 194, 198; Василій I, 199; 13—15 в., 204, 208, 209; 15—17 в., 338, 339, 369, 377—382, 557, 558; Иванъ III, 244—246; Василій III, 258, 259; Елена Глинская, 261; Иванъ IV, 262—263, 266, 271—274, 334; Ѳедоръ I, 281, 282; Годуновъ, 287, 290, 292; смута, 296—307; нравы, 120, 124, 125, 423; сербы, 153; румыны, 154, 235; Литва, 158, 162; южные славяне, 235; войско, 206; крестьяне, 211; церковь, 213; мѣстничество, 267; приказы, 353—355; поэзія, 470, 474; паденіе, 574—578; Румынія, II, 6; Разинъ, 28, 29; Ѳедоръ III, 49, 50; Петръ I, 66, 73, 93, 140, 286; стрѣльцы, 76; верховники, 163; 17 в., 283—285, 389.
Боярскія дѣти: опредѣленіе, I, 52.
Боярцы: опредѣленіе, I, 52.
Боярыни: мѣстничество, I, 267; фрейлины, 340.
Боярышни: сѣнныя, I, 340.
Бразилія: Александръ I, II, 455.
Бракъ: начало у славянъ, I, 25; 9—11 в., 54; удѣлы, 112; 13—15 в., **216**,

217; 15—17 в., 429, 430; князья, 204; цари, 338, 339; донцы, 375; Петръ I, II, 336.
Бранденбургъ: начало, I, 18, 66; табориты, 156; курфюршество, 232; Василій III, 259; Суздаль, 573; Габсбурги, II, 2; Петръ I, 77, 78, 87, 103; Елизавета, 191.
Браницкіе: 18 в., II, 7; Екатерина II, 234.
Бранкованъ: Петръ I, II, 5.
Брантъ: Петръ I, II, 63.
Братство: Лжедимитрій I, I, 299; Малороссія, 558, 559.
Братчина: опредѣленіе, I, 543; пьянство, 417; 15—17 в., 540. См. *Братства*.
Бременъ: торговля, I, 108.
Брестъ: соборъ, I, 558.
Бретиславъ I: Польша, I, 69.
Британскій Музей: Коломна, II, 377.
Бритты: Русь, I, 48.
Бродники: опредѣленіе, I, 85.
Бродскій: музыка, II, 540.
Броды: Александръ I, II, 434.
Бронза: вѣкъ, I, 4; скандинавы, 15; начало на Руси, 20; Великіе Болгары, 168.
Бруни: живопись, II, 536.
Брюлловъ: историческая живопись, II, 536.
Брюсъ: Петръ I, II, 127, 128; Татищевъ, 371; Петербургъ, 404.
Брюховецкій: Алексѣй Михайловичъ, II, 37.
Брянскъ: удѣлы, I, 405; расколъ, II, 312; лѣса, 377.
Буало: переводъ, II, 368.
Бугры Разина: опредѣленіе, II, 28.
Бугъ Западный: литовцы, I, 14; каменная баба, 70.
Бугъ Южный: волыняне, I, 12; Подолія, 161; Екатерина II, 221, 233; казаки, 282; военныя поселенія, 451.
Будда: сказки, I, 473.
Будишинъ см. Бауценъ.
Бузулукъ: Петръ I, II, 96.
Букварь: начало, I, 467; 15—17 в., 566.
Буковина: расколъ, II, 484.
Булавинъ: Петръ I, II, 96.
Булгаринъ: журналы, II, 485; паденіе, 487.
Бумага: начало писчей, I, 67; хлопчатая, 127, 223; тряпичная, 219, 223; 15—17 в., 450; Петръ I, II, 356.
Бурбоны: 17—18 в., II, 2, 4, 5; Елизавета, 191; Екатерина II, 208, 240; 19 в., 421; Александръ I, 434, 448; возстановленіе, 445.
Бургомистръ: Петръ I, II, 92.
Буржуазія: начало, I, 148; 19 в., II, 420, 421.
Бурмистры: Петръ I, II, 83, 276, 305.
Бурса: опредѣленіе, I, 560; Александръ II, II, 520.
Буряты: Алексѣй Михайловичъ, II, 39.
Буслаевъ, герой поэзіи: былины, I, 134.
Буслаевъ, ученый: критика, II, 489; значеніе, 534.
Бусурманъ: опредѣленіе, I, 181.
Бутковъ: крѣпостничество, II, 514.
Бутурлины: разряды, I, 381; Елизавета, II, 183.
Бухара: значеніе, I, 167; Александръ II, II, 496.
Бухарестъ: просвѣщеніе, I, 235; миръ, II, 433.
Былина: опредѣленіе, I, 132; пѣсни, 223; 15—17 в., 475; Олонецъ, II, 534.
Бѣгуны: опредѣленіе, II, 512.
Бѣлая Вѣжа: опредѣленіе, I, 14.
Бѣлая Гора: битва, I, 236.
Бѣлая Криница: расколъ, II, 484.
Бѣлая Церковь: Хмельницкій, II, 32.
Бѣлгородъ: Аккерманъ, I, 17; Кіевъ, 34, 35; Украйна, 401; Москва, 520—522.
Бѣлградъ: миръ, II, 176; Александръ II, 498.
Бѣлинскій, критикъ: значеніе, II, 486; западничество, 485, 487; его преданія, 534.
Бѣлинскій, романистъ: значеніе, II, 533.
Бѣлое море: Новгородъ, I, 11, 101, 142; открытіе, 325; хлѣбъ, 326; монастыри, 407; 15—17 в., 506; расколъ, II, 23; Разинъ, 29; Петръ I, 69, 345; крымская кампанія, 477, 512.
Бѣломѣстецъ: опредѣленіе, I, 361.
Бѣлоозеро: послѣдніе князья, I, 175; монастырь, 215; Романовы, 290; казна, 362.
Бѣлоруссія, бѣлоруссы: опредѣленіе, I, 12; поэзія, 472, 568; значеніе, 544; 15—17 в., 554, 567; запорожцы, 562; романизація, 573; Екатерина II, II, 219; Александръ I, 435; Александръ II, 502; община, 518.
Бѣлосельскій: дворецъ, II, 409.
Бѣлый Орелъ, орденъ: Николай I, II, 482.
Бѣльскіе: Иванъ IV, I, 262, 265, 274; Ѳедоръ I, 281; Годуновъ, 290; Лжедимитрій I, 297; разряды, 381; паденіе, 386.
Бэль: Татищевъ, II, 358.
Бюджетъ: Петръ I, II, 277.
Бюргерство см. *Буржуазія*.
Бюрократія см. *Чиновничество*.

Вавилонъ: сказанія, I, 471.
Вагнеризмъ: значеніе, II, 422.

Вадимъ: Рюрикъ, I, 34.
Ваія: опредѣленіе, I, 476.
Валахія: удѣлы, I, 110; княжество, 154; бояре, 209; Сулейманъ, 234; Молдавія, 235; 17—18 в., II, 6; Петръ I, 107; 19 в., 427; Николай I, 471, 475.
Вальденсы: опредѣленіе, I, 67.
Ванька Каинъ: разбойничество, II, 255.
Варваризмы: 15—17 в., I, 483.
Варлаамъ: повѣсть I, 218; стихи, 469; сказки, 473.
Варламовъ: романсы, II, 539.
Варна: Прѣслава, I, 9; битва, 152.
Варнава: апокрифы, I. 221.
Варшава: столица, I, 239; Швеція, II, 36; Екатерина II, 233, 234; университетъ, 423, 448; Александръ I, 446, 455, 462; Николай I, 470, 471; Александръ II, 499, 500, 505, 506.
Варшавское герцогство: Александръ I, II, 433, 434; Наполеонъ I, 440, 444; конецъ, 446.
Варяги: опредѣленіе, I, 15; начало, 16; Византія, 18; на Руси, 33; пещеры, 34; Ольга, 37; Владиміръ св. 38—40; Ярославъ, 42—45; 9—11 в., 48, 49; наемники, 50; рабы, 63; Новгородъ, 97; мореходство, 142; Миллеръ, II, 372.
Варяжское море: опредѣленіе, I, 15.
Василій: Владиміръ св., I, 41, 62.
Василій, епископъ: невѣжество, I, 218.
Василій I: княженіе, I, 199; Кириллъ бѣлозерскій, 220; портреты, 229.
Василій II: ослѣпленіе, I, 199; княженіе, 200; смута, 203; Византія, 212; казаки, 249; Москва, 519.
Василій III: монета, I, 227; Софья Палеологъ, 245; портретъ, 255, 256; княженіе, 255—261; характеръ, 257; самодержавіе, 332, 333; войско, 373; удѣлы, 378; бояре, 379, 383; мѣстничество, 380; монастыри, 409, 41; дворецъ, 489; живопись, 491; борода, 534.
Василій IV см. *Шуйскій*.
Василій Блаженный: юродство, I, 427; храмъ, 486—488, 521.
Василій Болгаробоецъ: значеніе, I, 31.
Василій Великій: поученія, I, 130; сборники, 465; Четіи Минеи, 479.
Василій Косой: Василій II, I, 199; значеніе, 258; Василій III, 259.
Василій Новый: апокрифы, I, 478.
Василій Ярославичъ: Кострома, I, 182.
Васильевскій Островъ: Петръ I, II, 399, 401, 402, 405; Анна Ивановна, 406; Александръ I, 412.
Василько Ростиславичъ: Изяславичи, I, 75; характеръ, 79; ослѣпленіе, 80, 122; Галичъ, 107; сказанія, 132.
Васильчиковы: начало, I, 209; Екатерина II, 235; крѣпостничество, 292.
Васнецовъ: живопись, II, 537.
Вассіанъ, монахъ: Иванъ IV, I, 271.
Вассіанъ Косой: значеніе, I, 258; Василій III, 259; нравы, 427.
Вассіанъ Рыло: Иванъ III, I, 251; публицистика, 458; посланія, 481.
Васька Усъ: Разинъ, II, 29.
Васютка Грязной: Иванъ IV, I, 384.
Ватага: опредѣленіе, I, 227; промыслы, 393; чумаки, 548.
Ватагаманъ: 13—15 в., 227.
Ватерло: битва, II, 445.
Вашингтонъ: Екатерина II, II, 240.
Ваяніе: каменный вѣкъ, I, 3; скиѳы, 5; начало у славянъ, 26; 9—11 в., 59; 11—13 в., 136, 138, 139; 13—15 в., 229; Возрожденіе, 233; 15—17 в., 493, 494; 17—18 в., II, 386; 19 в., 537, 538; женщина, 523.
Веденъ: Шамиль, II, 497.
Ведрошъ: битва, I, 253.
Веласкезъ: значеніе, I, 233.
Велепольскій: Александръ II, II, 499.
Великая, рѣка: Новгородъ, I, 101.
Великіе Болгары: опредѣленіе, I, 13; Святославъ, 38; разрушеніе, 168, 169.
Великій Лугъ: опредѣленіе, I, 545.
Великоруссы: опредѣленіе, I, 12; начало, 144; Александръ II, 502; община, 518.
Веллингтонъ: Александръ I, II, 441.
Вельяминовы: Димитрій Донской, I, 194, 204; св. Кириллъ, 215.
Венгрія, венгры: опредѣленіе, I, 4, 14; славяне, 31; 9—11 в., 32; 11—13 в., 68, 110; Кіевъ, 34; Василько, 79; Изяславъ II, 85; Галичъ, 103, 106, 107, 187; Мстиславъ Удалой, 104; Мономахъ, 125; турки, 152, 234; сербы, 153; румыны, 154; Рюриковичи, 169; Батый, 170; сказанія, 223; Ягеллоны, 237; Габсбурги, 238; Иванъ III, 253; 17—18 в., II, 5, 6; 19 в., 425; Николай I, 474.
Венденъ: крѣпостничество, II, 292.
Венды: опредѣленіе, I, 6; Вольдемаръ II, 70.
Венелинъ: болгары, II, 426.
Венеція: славяне, I, 31; венгры, 68; удѣлы, 110; Черное море, 141; Поло, 166; Россія, 228; турки, 235; значеніе, 241; Иванъ III, 246; Суздаль, 585; Алексѣй Михайловичъ, II, 39, 40; 19 в., 425.
Веневскій: музыка, II, 540.
Вервь: опредѣленіе, I, 34, 50; 15—17 в., 366.
Вереле: миръ, II, 231.
Верещагинъ: живопись, II, 537.

Верея: паденіе, I, 241.
Вериги: опредѣленіе, I, 54.
Версаль: Софья, II, 53; Елизавета, 184, 186; Петербургъ, 263, 331, 394.
Верстовскій: опера, II, 540.
Верховники: опредѣленіе, II, 154; Анна Ивановна, 159—165; характеръ, 264; дворянство, 288; духовенство, 314; понятія, 346; значеніе, 416.
Верховный совѣтъ: Петръ I, II, 262.
Верховный тайный совѣтъ: начало, II, 153, 154; Екатерина I, 271, 277; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 159—162, 165, 271.
Верхотурье: 15—17 в., I, 367.
Верхъ: опредѣленіе, I, 514; 15—17 в., 338—347.
Веснянки: опредѣленіе, I, 56.
Весь, жилище: опредѣленіе, I, 6.
Весь, народъ: опредѣленіе, I, 12; Тверь, 105.
Ветеринары: Александръ II, II, 526, 527.
Веймаръ: революціонеръ, II, 500.
Византія: начало, I. 17; переселеніе народовъ, 9; Юстиніанъ I, 18; арабы, 19; 9—11 в., 64; крестовые походы, 65, 66; 13—15 в., 151, 152; Палеологи, 244, 246; начало славянъ, 8, 11; хозары, 14; Кириллъ и Меѳодій, 30; болгары, 31; сербы, 31, 153; венгры, 32; поляки, 33; Рагуза, 68; Русь, 20, 56; Олегъ и Игорь, 36; Ольга, 37; Святославъ, 38; Владиміръ св., 39, 40; Ярославъ I, 45; Новгородъ, 59; Всеславичи, 83; Мономахъ, 81, 82, 125; Берладникъ, 86; Андрей Боголюбскій, 91, 92; удѣлы, 118; Борисъ и Глѣбъ, 122; татары, 175; Иванъ III, 245; Иванъ IV, 263; монета, 16, 61, 62; вельможи, 18; самодержавіе, 29, 146; русская церковь, 46, 52, 200; просвѣщеніе, 56, 68; искусство, 57, 58, 70, 120, 127, 138, 140; нарядъ, 63, 538; религія, 125, 211, 221, 441; литература, 128, 130, 131, 135, 219, 220, 470—473, 477, 495, 496; нравы, 141, 174, 434; женщина, 217; вліяніе въ Россіи, 147, 365; торговля съ Россіей, 228; значеніе, 571, 572; Никонъ, II, 14—17; Алексѣй Михайловичъ, 40; Екатерина II, 230; Москва 397; пророчество, 475; византинисты, 535.
Викинги: опредѣленіе, 1, 16; Кіевъ и Новгородъ, 36; прекращеніе, 48.
Виклефъ: чехи, I, 155.
Вилагошъ: Николай I, II, 474.
Виллафранка: Александръ II, II, 511.
Вильгельмъ I: Александръ II, II, 501.
Вильгельмъ III: Петръ I, II, 69.
Вильна: начало, I, 160; Ягелло, 161; 15—17 в., 503, 510; типографія, 452, 559; польщизна, 552; братство, 559; университетъ, II, 7, 423, 432, 471, 484; Алексѣй Михайловичъ, 36; Екатерина II, 234; уніаты, 339; Александръ I, 441; Александръ II, 506; генералъ-губернаторство, 509.
Вилія: язычество, I, 159.
Виніусъ: отецъ, II, 11, 52, 321, 501; сынъ, 67, 110, 392.
Винница: Петръ Могила, I, 560.
Вира: опредѣленіе, I, 49; Русская Правда, 50, 51; кормленіе, 50; церковь, 53; женщина, 54; удѣлы, 114.
Виртембергъ: Павелъ I, II, 253.
Висби: торговля, I, 108.
Висла: желтые, I, 2; начало славянъ, 6; западные славяне, 9; Польша, 32; нѣмцы, 66, 109; Волынь, 70; устья, 237, Александръ I, II, 434.
Васюльки: опредѣленіе, I, 531.
Витбергъ: зодчество, II, 538.
Витгенштейнъ: Наполеонъ I, II, 444; титулъ, 458.
Витебскъ: 11—13 в., I, 141; Литва, 158; Ягелло, 161; Василій III, 260; магдебургское право, 401.
Витовтъ: Ягелло, I 161; Тамерланъ, 199.
Вишневецкіе: Лжедимитрій I, I, 293-294; 15—17 в., 553; пѣсни, 569.
Вишняковъ: портретъ, II, 386.
Владивостокъ: телеграфъ, II, 505.
Владикавказъ: Александръ II, II, 507.
Владимірко: Галичъ, I, 107; характеръ, 120.
Владимірская Божія Матерь: Тамерланъ, I, 199; Москва, 200; Успенскій соборъ, 485.
Владиміръ Андреевичъ. 1) Двоюродный братъ Димитрія Донскаго: Куликово Поле, I, 197—199.—2) Двоюродный братъ Ивана IV: престолонаслѣдіе, I, 271; гибель, 276.
Владиміръ Волынскій: татары, I, 186; 13—15 в., 223; польщизна, 552.
Владиміръ Клязьменскій: начало, I, 88; Андрей Боголюбскій, 89, 90, 92, 93; Кіевъ, 91; удѣлы, 95; Юрій II, 103; соборъ, 136; татары, 169, 175; Святославъ Всеволодовичъ, 179, 180; Александръ Невскій, 181, 182; паденіе, 189; митрополитъ, 192, 211; Суздаль, 194.
Владиміръ Мономахъ: Всеволодъ, I, 74; Черниговъ, 77; Святославичи, 78, 79; Василько, 80; половцы, 81; шапка, 82; потомство, 83; Изяславъ II, 88; титулъ, 110; значеніе, 112, 123; управленіе, 114; наймиты, 117; иностранцы, 125; просвѣщеніе, 126; Никифоръ, 129;

поученіе, 130; Сильвестръ, 134; евреи, 141; Иванъ IV, 263; сказанія, 471.
Владиміръ Св.: богатыри, I, 26; Рогнѣда, 34; Новгородъ, 38; княженіе, 39—43; варяги, 48; дружина, 51; характеръ, 53, 54; церковь, 56, 119; гробница, 59; монета, 61, 63; Мономахъ, 82; литература, 132, 222, 224, 469; орденъ, II, 291; университетъ, 483.
Владиславъ IV: іезуиты, I, 219; смута, 306—309; Михаилъ Θедоровичъ, 318, 319; запись, 335, 385; крѣпостничество, 399.
Владиславъ Варненскій: гибель, I, 152.
Владиславъ Локотокъ: значеніе, I, 156; Гедиминъ, 159.
Властарь: опредѣленіе, I, 7.
Властель: опредѣленіе, I, 153; 13—15 в., 206.
Власяница: опредѣленіе, I, 538.
Внѣшній бытъ: доисторическая археологія, I, 1—3; литво-славяне, 6, 7; меря, 12; камскіе болгары, 13; Византія, 20; 9—11 в., 22, 38, 62, 78; 11—13 в., 95, 109, 112, 140—143; 13—15 в., 168, 172, 190, 201, 202, 213, 214, 227—229; 15—17 в., 270, 290, 291, 298, 325, 326, 388, 417, 489, 497—499, 501, 514, 515, 520, 522, 526, 527, 529, 537, 542, 552, 553; древняя Русь, 580, 583; 17 в., II, 380, 387—389; Петръ I, 82, 390—392, 401, 405; 18 в., 392—394; Александръ I, 454, 455; Николай I, 481; Петербургъ, 407—409; Александръ II, 501--507.
Вобанъ: переводъ, II, 368.
Водъ: опредѣленіе, II, 397.
Воевода: чехи, I, 32; поляки, 33, 156; сербы, 153; 9—11 в., 49, 50; 13—15 в., 207; 15—17 в., 267, 364, 372; Иванъ IV, 357; Михаилъ Θедоровичъ, 358; Θедоръ III, II, 50; Петръ 1, 84, 92, 141, 144; 17—18 в., 267—269, 272, 283.
Военныя поселенія: однодворцы, I, 360; 17 в., II, 279; 18 в., 282; Александръ I, 448, 451; Николай I, 480; отмѣна, 492, 500; Александръ II, 495.
Военный губернаторъ: Александръ II, II, 494.
Воейковъ: Сперанскій, II, 461; сатира, 466.
Возжинскій: дворянство, II, 291.
Вознесенскій проспектъ: начало, II, 404; Анна Ивановна, 406; Екатерина II, 409.
Воинскій уставъ: Петръ I, II, 280; Александръ II, 495, 502, 510, 526.
Волга: болгары, I, 6; великоруссы, 12; Ростовъ и Суздаль, 12, 71; хозары, 13; Рюрикъ, 34; Смоленскъ, 70; каменная баба, 76; Всеволодъ III, 96; Новгородъ, 101; русскіе поселенцы, 109, 201; татары, 175; Москва, 190; Димитрій Донской, 196; разбои, 202; граница, 206; казаки, 250, 376; 15—17 в., 504; Разинъ, II, 28; Пугачевъ, 225, 227; Александръ II, 504; штунда, 512; живопись, 537.
Волинъ: торговля, I, 10; Новгородъ и Кіевъ, 22.
Волковъ: Екатерина II, II, 199; Западъ, 368; театръ, 370.
Волконскіе: разряды, I, 381; Анна Ивановна, II, 168; литература, 460.
Вологда: христіанство, I, 119; 13—15 в., 228; 15—17 в., 504, 510; Петръ I, II, 69; 17 в., 354.
Володарь: Изяславичи, I, 75; Волынь, 80; Галичъ, 107.
Волоколамскъ: Санинъ, I, 247; монастырь, 406.
Волокъ: опредѣленіе, I, 11.
Волонтеры: Петръ I, II, 73, 78, 120; наука, 146; нравы, 325; понятія, 345; просвѣщеніе, 356.
Волосникъ: опредѣленіе, I, 536.
Волостель: митрополитъ, I, 214; приказы, 356.
Волость: опредѣленіе, I, 21; 9—11 в., 51; удѣлы, 70; Новгородъ 101; 13—15 в., 206, 229; черная, 360; Александръ II, II, 495, 508; община, 518.
Волосъ, божество: опредѣленіе, I, 25; Кіевъ, 34, 35.
Волхвы: опредѣленіе, I, 27; финны, 13, 146; Новгородъ, 41; Ростовъ, 53; удѣлы, 119; церковь, 121; св. Стефанъ, 216; 15—17 в., 425, 436, 437.
Волховъ: новгородцы, I, 11; торговля, 16; преданіе, 74.
Волхонскій: декабристы, II, 462.
Волынскіе: начало, I, 209.
Волынскій, Артемій: Анна Ивановна, II, 161, 169—173; конституція, 163, 271; дворянство, 288; нравы, 328, 329; понятія, 347, 348; библіотека, 358.
Волынь: начало славянъ, I, 12; ятвяги, 15; поляки, 33, 103, 186, 238; Олегъ, 36; удѣлы, 70, 71, 74, 106; Давидъ Игоревичъ, 78; Василько, 79; Изяславъ II, 85; Андрей Боголюбскій, 91; лѣтопись, 135; аристократія, 146, 209; Литва, 158—162; Батый, 170; паденіе, 189; казаки, 250; Екатерина II, II, 234.
Вольдемаръ II: Балтійское м., I, 70.
Вольмаръ: Иванъ IV, I, 460.
Вольное Экономическое Общество: Орловъ, II, 200; начало, 217; крѣпостничество, 300.
Вольные слуги см. *Послуживцы*.
Вольтеръ: значеніе, II, 4; Полтава, 138; Екатерина II, 194, 205, 206, 208,

220, 230, 241, 244, 348—351, 361, 363, 373, 376; Елизавета, 359; Кантемиръ, 368; Сумароковъ, 369; Александръ I, 462.

Вольфъ: Петръ I, II, 86.

Вооруженіе: каменный вѣкъ, I, 2, 3; скиѳы, 6; литво-славяне, 7; меря, 12; печенѣги, 14; скандинавы, 15; Византія, 17; начало славянъ, 22, 25; 9—11 в., 50, 75; 11—13 в., 114; 13—15 в., 164, 207, 224, 226; 15—17 в., 253, 255, 372, 531; Петръ I, II, 65, 392; Александръ II, 511.

Вооруженный нейтралитетъ: опредѣленіе, II, 229; Павелъ I, 251.

Воробьево: Иванъ IV, I, 264—266.

Воронежъ: степь, I, 10, 70, 374; каменная баба, 76; Годуновъ, 284; начало, 401; Петръ I, II, 71, 72; св. Митрофанъ, 132; 17 в., 354.

Воронихинъ: искусство, II, 386.

Воронцовы: Иванъ IV, I, 262; разряды, 381; паденіе, 386; Западъ, II, 360; Анна Леопольдовна, 180; Елизавета, 186; Петръ III, 195—197, 200, 201; Екатерина II, 199, 202; Александръ I, 430; Николай I, 472, 477, 483.

Воротынскіе: Иванъ IV, I, 266; Скопинъ, 306; разряды, 381; паденіе, 386.

Ворскла: битва, I, 162.

Вортманъ: портреты, II, 178.

Воскресенскій монастырь: Изборникъ, I, 131; Никонъ, II, 14, 18, 309; стрѣльцы, 76.

Воспитаніе: 15—17 в., I, 420, 421, 555; Малороссія, 560; 17—18 в., II, 1; Екатерина II, 348—350; Александръ II, 523—529; Л. Толстой, 525.

Воспитательный домъ: Петръ I, 323; Екатерина II, 217; Павелъ I, 411; смертность, 256; опека, 295; Москва, 397.

Востоковъ: филологія, II, 461; народность, 489.

Востокъ: искусство, I, 57, 120; торговля, 63, 66; 15—17 в., 502; одежда, 538; Алексѣй Михайловичъ, II, 40; Николай I, 469, 471, 477.

Восточная Румелія: начало, II, 499.

Восточный вопросъ: Анна Ивановна, II, 175, 176; Екатерина II, 217—222; Николай I, 469; Александръ II, 497, 509.

Вотчина: опредѣленіе, I, 19; чехи и поляки, 69, 237; Галичъ, 106; удѣлы 116; Димитрій Донской, 194; 13—15 в., 206, 208; 15—17 в., 360; церковь, 268; паденіе, 387; 17 в., II, 283; Анна Ивановна, 292; Александръ II, 517.

Вотяки: Казань, I, 270; человѣческія жертвы, II, 529.

Вошвы: опредѣленіе, I, 534.

Войдылло: Ягелло, I, 161.

Войско: начало славянъ, I, 18, 22, 23, 50; 9—11 в., 49, 50, 57; 11—13 в., 95, 96, 100, 111, 114, 121; 13—15 в., 164, 165, 206, 207—209, 216, 224; 15—17 в., 235, 255, 267—269, 280, 285, 299, 303, 318, 322, 369—374, 391, 415; Польша, 237-239, 253, 255; 17—18 в., II, 50, 255, 279—282, 325; Петръ I, 64, 85, 89, 90, 137, 143, 275; Екатерина I, 152, 154; Анна Ивановна, 161, 162, 166, 169, 170, 174; Анна Леопольдовна, 181; Елизавета, 188, 190; Петръ III, 197; Екатерина II, 211; Павелъ I, 411; Александръ I, 435, 460; Николай I, 468—478; паденіе, 480; Александръ II, 495, 510. См. *Военныя поселенія*, *Казаки*.

Войшелкъ: I, 158, 159.

Врангель: путешествіе, II, 461.

Всеволодъ I: его жена, I, 45; характеръ, 74; Святославичи, 77, 78; папство, 118; языки, 126; Ратиборъ, 140.

Всеволодъ II: значеніе, I, 84.

Всеволодъ III: княженіе, I, 95, 96; Новгородъ, 101; Мстиславъ Удалой, 102; титулъ, 110; соборъ, 136; значеніе, 175.

Всеволожскіе: начало, I, 209.

Всеславичи: удѣлы, I, 72, 106; Мстиславъ Великій, 83.

Всеславъ: значеніе, I, 47; язычество, 53; удѣлы, 73; Ярославичи, 75; Изяславъ, 77; Св. Антоній, 123.

Вшивая Горка: опредѣленіе, I, 519.

Вшивый рынокъ: иностранцы, I, 422.

Выборгская Сторона: Петръ I, II, 402; Анна Ивановна, 406, Екатерина II, 409; Александръ I, 412.

Выборгъ: Петръ I, II, 108, 400; Ніеншанцъ, 399.

Выборы: Иванъ IV, I, 356—358; служилые, 391; церковь, 407, 409; 17—18 в., II, 267, 268, 304, 305, 416, 418; Ѳеодоръ III, 50; Петръ I, 144, 262, 276, 280; Екатерина II, 263, 272, 295; Александръ II, 507.

Выговскій: пѣсни, I, 569; Алексѣй Михайловичъ, II, 36, 37.

Выговскій монастырь: начало, II, 311, 312.

Выгорѣція: расколъ, II, 484.

Выгъ, рѣка: расколъ, II, 115, 312.

Выставка, поселеніе: опредѣленіе, I, 360.

Выть: подати, I, 365, 368; соха, 366.

Выходъ, дань: опредѣленіе, I, 173; Иванъ I, 191; Димитрій Донской, 198; Иванъ III, 246, 361; бесермены, 181; 13—15 в., 204.

Выходъ, обрядъ: царскій, I, 345.

Вычегда: Св. Стефанъ, I, 216.
Вышатичъ: Θеодосій Св., I, 123.
Вышгородъ: опредѣленіе, I, 34, 35; мощи, 122.
Вѣдунъ, вѣдьма: опредѣленіе, I, 24, 27; Западъ, 150; 15—17 в., 429; 17 в., II, 341.
Вѣжа: опредѣленіе, I, 21, 516.
Вѣна: Сулейманъ, I, 234; румыны, 235; Василій III, 258, 261; Годуновъ, 284; русскіе послы, 421, 422; турки, II, 5; Петръ I, 75, 100; Николай I, 469; 19 в., 420, 474.
Вѣно: опредѣленіе, I, 22, 25.
Вѣсъ: 15—17 в., I, 505; 18 в., II, 393.
Вѣтрило: флюгеръ, I, 488; парусъ, 506.
Вѣтка: расколъ, II, 484.
Вѣче: опредѣленіе, I, 7; начало, 21; 9—11 в., 49, 50, 64; удѣлы, 71, 96, 98, 110—115; 13—15 в., 181, 200, 203, 207, 210, 574; Новгородъ, 71, 100, 101, 190, 242—243; Суздаль и Ростовъ, 90; Смоленскъ и Черниговъ, 104; Галичъ, 106; Псковъ, 190, 257; купцы, 116; значеніе, 145, 401; церковь, 214; одиночество, 349; сходъ, 359.
Вѣщій: женщина, I, 22; Олегъ, 36.
Вѣшунъ: опредѣленіе, I, 27.
Вяземскіе: опричнина, I, 274, 276; разряды, 381; Екатерина II, II, 215; Александръ I, 461, 466.
Вязь: опредѣленіе, I, 219; 16 в., 450, 451.
Вятичи: начало, I, 12; Владиміръ Св., 39; удѣлы, 86; нравы, 21; язычество, 119.
Вятка: христіанство, I, 119; Василій II, 200; повольники, 250; земство, II, 508; Витбергъ, 538.
Вячеславъ: чехи, I, 32.

Габсбурги: начало, I, 149; чехи, 155, 236, 238; Австрія, 232; Венгрія, 238; 17—18 в., II, 2, 5, 191; 19 в., 420; Александръ I, 434, 448; Николай I, 474.
Гагарины: 17 в., I, 438; Петръ I, II, 110, 321; Екатерина II, 384; Павелъ I, 252, 411.
Гадальники: 15—17 в., I, 437.
Гадячъ: Выговскій, II, 36.
Газеты см. *Журналистика.*
Галаганы: 15—17 в., I, 553.
Галерная гавань: Петръ I, II, 401; Анна Ивановна, 406; Александръ I, 412.
Галилей: значеніе, I, 233.
Галиція: опредѣленіе, I, 40, 106; Польша, 33, 157, 186; древности, 76; татары, 175, 187; удѣлы, 70; бояре, 116, 187; Западъ, 228; соль, 500; Хмельницкій, II, 30; 19 в., 423, 424, 474; Александръ I, 441, 442. См. *Галичъ.*
Галичъ: Кіевъ и Волынь, I, 70; удѣлы, 71, 74, 77, 78, 83, 85, 91, 96, 103—108, 120, 136, 146; татары, 170, 186, 199; паденіе, 189; присоединеніе къ Москвѣ, 200; казаки, 250; православіе, 555; братства, 558.
Галлы: Русь, I, 48.
Галуппи: пѣніе, II, 539.
Галятовскій: проповѣдь, I, 565, 566; Москва, II, 44.
Гамалея: 15—17 в., I, 553; 18 в., II, 362.
Гангеудъ: Петръ I, II, 108.
Ганджа: Александръ I, II, 452.
Ганза: опредѣленіе, I, 69; Вольдемаръ II, 70; начало, 148; Новгородъ, 48, 142, 228; Иванъ III, 244; Василій III, 261; Нева, II, 397.
Ганноверъ: Петръ I, II, 107.
Гаргантюа: Потемкинъ, II, 237.
Гардарика: опредѣленіе, I, 16.
Гармонія, инструментъ: 19 в., II, 539.
Гаррикъ: Суворовъ, II, 232.
Гартманъ: революціонеръ, II, 500.
Гаршинъ: значеніе, II, 533.
Гатчина: Наталья Кириловна, II, 46; Шуваловы, 187; Петръ III, 192; Екатерина II, 241, 243; Ломоносовъ, 242; Павелъ I, 252, 387, 412.
Гайдамаки: опредѣленіе, II, 31.
Гайдучество: опредѣленіе, I, 235.
Гвельфы: Гогенштауфены, I, 66; папство, 145.
Ге: живопись, II, 537.
Гегель: значеніе, II, 422; Станкевичъ, 485; Бѣлинскій, 487.
Гедиминовичи: 13 — 15 в., I, 209; Бѣльскіе, 262.
Гедиминъ: Тверь, 1, 105; значеніе, 159; Вильна, 160; Волынь, 189; Новгородъ, 192; христіанство, 217; лѣтопись, 222.
Генералитетъ: опредѣленіе, II, 152; Анна Ивановна, 162.
Генералъ-губернаторъ: Петръ I, II, 84, 88; Екатерина II, 215, 272; Александръ II, 496; въ главныхъ городахъ, 509.
Геннадій: жидовство, I, 246, 247; нравы, 427; Библія, 480.
Геннинъ: Петръ I, II, 392.
Генрихъ IV нѣмецкій: Григорій VII, I, 28; Изяславъ, 77.

Генрихъ IV французскій: Лжедимитрій I, I, 299.
Генрихъ VII англійскій: абсолютизмъ, I, 232.
Генуя: Мамай, I, 197.
Географія: 15—17 в., I, 405, 466; Михаилъ Өедоровичъ, 322; Николай I, II, 489; общество, 484.
Геокъ-Тепе: битва, II, 496.
Георгій Амартолъ: хронографы, I, 29; лѣтопись, 134.
Георгій Святой: монета, I, 62; орденъ, II, 282.
Георгъ голштинскій: Петръ III, II, 196, 197; Екатерина II, 201, 202.
Герберги: опредѣленіе, II, 407.
Герберштейнъ: Василій III, I, 255, 259: записки, 405; лѣтопись, 406.
Гербовая бумага: Петръ I, II, 84.
Гербовникъ: опредѣленіе, II, 290; Александръ I, 458; Николай I, 482.
Гербъ: Польша, I, 156, 157; татары, 172; Псковъ, 226; Москва, 245; Василій III, 255; бояре, 385; 15—17 в., 522, 523; Петръ I, II, 260, 287; Алексѣй Михайловичъ, 378; 17 в., 382; 18 в., 290; Павелъ I, 295.
Гергей: значеніе, II, 474.
Геркулесъ: Егорій Храбрый, I, 26.
Германія, *германцы*: начало, I, 4, 9; славяне, 6, 10; 9—11 в., 17—19, 28, 64, 66; 13—15 в., 141, 149, 209; 15—17 в., 232, 233, 234; литовцы, 14; Скандинавія, 15; чехи, 69, 154, 155; поляки, 70; Ярославъ I, 45; Иванъ III, 246; колонизація, 573; 17 в., II, 1, 2, 4; 18 в., 254, 287; Петръ I, 84, 185, 383; Елизавета, 191, 416; Екатерина II, 207, 218, 219, 229, 230; Павелъ I, 251; 19 в., 420—422, 426; Александръ I, 432, 434, 440, 445, 459; Николай I, 471, 483; Александръ II, 478, 496, 497, 499.
Гермогенъ: Шуйскій, I, 301, 307; поляки, 308; характеръ; 308, 428; смерть, 310; посланія, 481.
Гермы: каменная баба, I, 75.
Гернгутеры: опредѣленіе, I, 156.
Герольдія: начало, I, 72; Петръ I, II, 287; Николай I, 482.
Геронтій: Иванъ III, I, 411; посланія, 481; Никонъ, II, 15.
Герцеговина: сербы, I, 9; 11—13 в., 68; турки, 154; 17—18 в., II, 5; Александръ II, 497.
Гессенъ: Александръ II, II, 491.
Гете: значеніе, II, 4; переводы, 374; лубки, 537.
Гибралтаръ: Сулейманъ, I, 234; Англія, II, 3; Алексѣй Михайловичъ, 39.
Гизель: исторія, I, 566.
Гиль: опредѣленіе, II, 2—5; Новгородъ, 257.
Гильгудъ: Николай I, II, 470.
Гильдія: Новгородъ, I, 100; Петръ I, II, 92. См. *Купечество*.
Гильфердингъ: древняя письменность, II, 534.
Гилянь: Петръ I, II, 109.
Гимназія: румыны, I, 236; Петръ I, II, 83; Елизавета, 189, 358—360; Екатерина II, 362; Польша, 423; Александръ I, 431; Николай I, 484; Александръ II, 492, 494, 510, 522; гимназическая система, 526—529.
Гимры: Николай I, II, 472.
Гирей: Сарай, I, 171; Ахматъ, 252.
Гиршфогель: Василій III, I, 255.
Глаголица: опредѣленіе, II, 425.
Глаголь: иконопись, I, 491; романъ, II, 375.
Глинка, писатель: бесѣдисты, II, 464.
Глинка, музыкантъ: романсы, II, 539; опера, 540.
Глинскіе: Иванъ IV, I, 262, 263; разряды, 381; Елена, 259—262, 382, 435, 520; Михаилъ, 260, 261, 427.
Глуховъ: Петръ I, II, 270.
Глѣбовъ: царица Евдокія, II, 98; Алексѣй Петровичъ, 101.
Глѣбъ: Святополкъ, I, 43; благочестіе, 54; Тмутаракань, 74; Ростиславъ, 75; мощи, 122; житіе, 130; Изборникъ, 138; Александръ Невскій, 178; сказанія, 224, 225; стихи, 469.
Глюкъ: гимназія, II, 83; Екатерина I, 152.
Глянсъ: опредѣленіе, II, 389.
Гмелинъ: экспедиція, II, 362.
Гностики: апокрифъ, I, 477.
Гнѣзно: начало, I, 10; архіепископъ, столица, 33.
Гнѣдичъ: Иліада, II, 485.
Гоббсъ: Татищевъ, II, 358.
Гоби, степь: татары, I, 162.
Гогенцоллерны: Николай I, II, 474.
Гогенштауфены: значеніе, I, 66.
Гоголь: Нарѣжный, II, 466; Николай I, 468; значеніе, 487, 488; Щедринъ, 532; живопись, 536, 537.
Гогъ: сказки, I, 473.
Годуновы: начало, I, 209; разряды, 381; паденіе, 386; гибель, 297; Борисъ, 282—289, 296—299, 327, 355, 358, 376, 385, 388, 399, 401, 405, 406, 409, 424, 436, 437, 464, 470, 485, 486, 534, 539, 585; II, 487; Ирина I, 278, 282, 289; Ксенія, 297, 298, 405, 470; опера, II, 540.

Годфридъ: театръ, II, 42, 367.
Голидей: Петербургъ, II, 406.
Голиковъ: Петръ I, II, 375.
Голицыны: начало, I, 209; смута, 307, 308, 314; разряды, 381; паденіе, 386; искусство, 492; Софья, II, 53, 54, 59, 60, 64, 65, 344, 353, 389; Петръ I, 62, 63, 66, 70, 73, 79, 113, 126, 133, 134, 329, 358; Екатерина I, 151, 154; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 159—163, 168, 170, 171; Екатерина II, 199; Александръ I, 429, 447, 449, 451—453, 459, 462; титулъ, 284, 287; Николай I, 483.
Голландія: бумага, I, 219; открытія, 233; Иванъ IV, 404; Михаилъ Өедоровичъ, 321; Софья, 344; Петръ I, II, 77, 80, 84, 108, 260, 383; искусство, 376, 552; торговля, 388; 19 в., 421.
Голова: засѣчная стража, I, 207; таможенный, 368; стрѣльцы, 370; сотенный, 372.
Головины: паденіе, I, 386; Петръ I, II, 79.
Головкинъ: характеръ, II, 26; Екатерина I, 154; Анна Ивановна, 159, 168; Анна Леопольдовна, 181.
Головнинъ: Александръ II, II, 494.
Голодай островъ: Анна Ивановна, II, 406.
Голтяевы: начало, I, 282.
Голубиная Книга: поэзія, I, 57; значеніе, 469.
Голштинія: Вольдемаръ II, I, 70; Михаилъ Өедоровичъ, 321; Петръ I, II, 110; Екатерина I, 151, 154; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 160, 170; Елизавета, 185; Петръ III, 193, 197; Екатерина II, 202, 211; Николай I, 473.
Голытьба: опредѣленіе, II, 25; Разинъ, 28, 29; Донъ, 96.
Голый: Петръ I, II, 96.
Гольбергъ: Фонвизинъ, II, 373.
Гольбейнъ: значеніе, I, 233.
Гомеръ: лѣтопись, I, 135, 222; Византія, 151.
Гомилетика: опредѣленіе, I, 565.
Гонецъ: опредѣленіе, I, 343.
Гонсѣвскій: характеръ, I, 308; казаки, 310.
Гонта: Екатерина II, II, 219.
Гончаровъ: значеніе, II, 488, 531; тенденція, 534.
Горгоны: апокрифы, I, 477.
Гордонъ: Голицынъ, II, 62; стрѣльцы, 65, 76; характеръ, 66; Петръ I, 69; Азовъ, 71; Іоакимъ, 340.
Горе-Злосчастіе: значеніе, I, 442, 571; сказки, 474, 475.
Горлатка: опредѣленіе, I, 533; 15—17 в., 534, 537, 538; II, 389.
Горница: опредѣленіе, I, 514.
Города, горожане: начало на Руси, I, 20; 9—11 в., 21, 36, 49, 51, 52, 63; удѣлы, 71, 89, 90, 95, 110, 112, 117, 119; 11—13 в., 140, 142; 13—15 в., 201, 203, 210, 228, 229; 15—17 в., 261, 292, 325, 367, 375, 400—404; 510—517, 552, 553; поляки, 33, 70, 156, 157, 237; Западъ, 67, 145, 148, 149, 230; чехи, 69, 155, 236; Галиція, 106; румыны, 154; Гедиминъ, 159; опредѣленіе, 357; Петръ I, II, 92, 142, 143, 305; 17—18 в., 169, 172, 217, 274, 302—307, 394—413; Александръ II, 494, 495, 505, 506, 513, 514, 525.
Городецъ: послѣдніе князья, I, 175.
Городло: унія, I, 162.
Городники: опредѣленіе, I, 512.
Городокъ: опредѣленіе, I, 206.
Горчаковы: дипломатъ, II, 491, 496; полководецъ, 475, 477, 491; сатирикъ, 461, 466.
Господарь: Черногорія, I, 154; Калита, 204.
Господинъ: значеніе, I, 243.
Гости: опредѣленіе, начало, I, 20, 22; 13—15 в., 210; 15—17 в. 36, 403; II, 304. См. *Купечество*.
Государевъ Родословецъ: опредѣленіе, I, 380.
Государственный Совѣтъ: Екатерина II, II, 214, 272; Александръ I, 430, 435, 437, 455; Александръ II, 507; Польша, 499; крѣпостничество, 516.
Государство: 9—11 в., I, 48—52; 11—13 в., 110—114; 13—15 в., 202—208; 15—17 в., 331—361; 17—18 в., II, 257—273; Александръ I, 437, 455—457; Николай I, 478—480; Александръ II, 507—511, 519.
Государь: Калита, I, 204; значеніе, 243; всея Руси, 252, 253; крѣпостничество, 400.
Готландъ: торговля, I, 108, 141; Новгородъ, 228.
Гошпиталь см. *Медицина*.
Грабленый: иконопись, I, 491.
Гравюра см. *Искусство*.
Градскіе старцы: опредѣленіе, I, 21; 9—11 в., 51.
Градъ: опредѣленіе, I, 8; 9 в., 21; удѣлы, 110.
Грамматика: Смотрицкій, I, 483; II, 365; начало на Руси, I, 566; II, 363; Ломоносовъ, 368; мусикійская, 383.
Грамоты: 11—12 в., I, 47, 97, 100, 119, 135; 13—15 в., 203, 204, 206, 208, 213—215; 15—17 в., 308, 311—314, 351, 357, 380, 397; жалованныя, II, 239; уставныя, I, 384; II, 493, 517.
Грамотность: Западъ, I, 67, 150; начало на Руси, 55; удѣлы, 112, 125;

13—15 в., 218; 15—17 в., 413, 435, 548; древняя Русь, 582; 17—18 в., II, 351; Александръ I, 459.

Грамотъй: опредѣленіе, I, 56.

Грановитая Палата: значеніе, I, 343; тайникъ, 435; 15—17 в., 489, 490; планъ, 521; Екатерина II, II, 212; 17—18 в., 377.

Грановскій: Станкевичъ, II, 485; значеніе, 489.

Грачи: урочище въ Москвѣ, I, 518.

Греко-италики: опредѣленіе, I, 4.

Греція, греки: славяне, I, 8; хозары, 13; норманы, 16; колоніи, 17; монета, 20; болгары, 30; кирилица, 30; Владиміръ Св., 40; 9—12 в., 64, 65; венгры, сербы, 68, 153; удѣлы, 110, 127, 131, 134, 135, 141; 13—15 в., 151, 154, 209, 219, 228, 572; Иванъ III, 246; Алексѣй Михайловичъ, II, 40, 354, 355; Екатерина II, 230, 233; Павелъ I, 242; 19 в., 421; Александръ I, 449; Николай I, 469, 470.

Греческій огонь: Игорь, I, 36; Ярославъ I, 45; татары, 164.

Гречъ: журналы, II, 485; паденіе, 487.

Грейгъ: Екатерина II, II, 220; Швеція, 231.

Грибоѣдовъ: дьякъ, II, 12; писатель, 467.

Гривна: 9—11 в., I, 63, 75; 13—15 в., 228; 15—17 в., 509; II, 389.

Григоріополь: Потемкинъ, II, 238.

Григорій, дьякъ: Остромирово Евангеліе, I, 129.

Григорій VII: Генрихъ IV, I, 28; Изяславъ, 77.

Григорій Богословъ: Четіи-Минеи, I, 479.

Григорій Св.: Шемяка, I, 215.

Григоровичъ, писатель: крѣпостничество, II, 488; значеніе, 533.

Григоровичъ, ученый: славистика, II, 535.

Гридница: опредѣленіе, I, 52.

Гридь: опредѣленіе, I, 52, 389; значеніе слова, 48.

Гриммъ: Екатерина II, II, 205.

Гродно: начало, I, 159; магдебургское право, 401; 15—17 в., 510.

Грозный: Иванъ III, I, 255. См. *Иванъ IV*.

Громада: начало, I, 359; опредѣленіе, 549.

Гросъ-Эгерсдорфъ: Елизавета, II, 191.

Грохово: битва, II, 470.

Груберъ: Павелъ I, II, 250; іезуиты, 317; Александръ I, 446, 447, 459; Ермоловъ, 453.

Грудцынъ: сказки, I, 474.

Грузія: Чингисханъ, I, 167; Сулейманъ, 234; сказки, 474; Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Петръ I, 109; Екатерина II, 230, 233; Павелъ I, 252, 452; Александръ I, 433, 452, 454; Николай I, 469, 472.

Грушецкая: Ѳеодоръ III, II, 49.

Грюнвальдъ: битва, I, 162.

Губа: опредѣленіе. I, 357; губной староста, 267; губная изба, II, 267.

Губернаторъ, губерніи: Петръ I, II, 84, 141, 143, 269, 270, 275—277; Екатерина I, 153; Екатерина II, 215, 216, 272; дворянство, 295; Александръ II, 494; стѣсненіе земствъ, „аттестація" мировыхъ судей, 509.

Гувернерство: 18 в., II, 358.

Гугеноты: Софья, II, 354.

Гуго Гроцій: переводъ, II, 368.

Гугулевичевна: братство, I, 559.

Гудонъ: Екатерина II, II, 386.

Гулистанъ: миръ, II, 452.

Гультяи: опредѣленіе, II, 33. См. *Голытьба*.

Гуляй-городокъ: опредѣленіе, I, 371.

Гуманизмъ: опредѣленіе, I, 151; Москва, 443, 454, 459.

Гумбольдтъ Вильгельмъ: Польша, II, 446.

Гунибъ: Шамиль, II, 497.

Гуніадъ: турки, I, 152.

Гунны: начало, I, 8; татары, 166.

Гурко: Александръ II, II, 498.

Гурьевъ: финансы, II, 452, 456, 457.

Гуситы: паденіе, I, 156; Подѣбрадъ, 236.

Густавъ III: Екатерина II, II, 217, 231, 233.

Густавъ Адольфъ: Польша, I, 239; Михаилъ Ѳеодоровичъ, 320, 321.

Гусъ: значеніе, I, 155.

Гюго: Николай I, западники, II, 487.

Давидовичи: удѣлы, I, 84—86; Юрій Долгорукій, 87.

Давидовъ: музыка, II, 540.

Давидъ, царь; сборники, I, 465.

Давидъ Игоревичъ: Волынь, I, 78; характеръ, 79.

Давидъ Святославичъ: Изборникъ Святослава, I, 138.

Даву: Бородино, II, 443.

Дагестанъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Николай, 472, 481; Шамиль, 497.

Дажь-Богъ: опредѣленіе, I, 25.

д'Аламберъ: значеніе, II, 4; Екатерина II, 206, 348, 361.

Далимилъ: хроника, I, 155.
Далмація: задруга, I, 20; хорваты и сербы, 31; венгры, 68; татары, 170; бояре, 209; романизація, 572; 19 в., II, 425.
Даль, писатель: народность, II, 490. 494; древняя письменность, 550.
Дамаскинъ: Курбскій, I. 480.
Дамаскъ: торговля съ Русью, I, 20.
Данило Романовичъ: Кіевъ, I, 92; поляки, 103; Мстиславъ Удалой, 104; дѣтство. 107; значеніе, 108, 187, 188, Литва, 158; Батый, 170; Андрей II; 181; характеръ, 188, 189.
Даниловъ: Записки, II, 372.
Даніилъ, игуменъ: Паломникъ, I, 132.
Даніилъ Александровичъ: Москва, I, 182, 189; его дѣти, 184.
Даніилъ Заточникъ: Моленіе, I, 132.
Даніилъ Ньюшъ: Петръ I, II, 5.
Данія: Вольдемаръ II, I, 70; 11—15 в., 141, 209; Иванъ III, 242, 246; Василій III, 261; Иванъ IV, 280; Михаилъ Θедоровичъ, 321, 322; Петръ I, II, 78, 108; Бестужевъ, 185; Петръ III, 193, 197; Екатерина II, 223; 19 в., 421; Николай I, 473.
Дантъ: апокрифы, I, 221; значеніе 468.
Данцигъ: Анна Ивановна, II, 176.
Дань см. *Подать*.
Даньщикъ: опредѣленіе, I, 206.
Дарвинъ: значеніе, II, 422.
Дарго: Шамиль, II, 472.
Даргомыжскій: романсы, II, 554; значеніе, 555.
Дарданеллы: Николай I, II. 471.
Дашкова: Екатерина II, II, 199, 200, 210, 240, 245; нравы. 328, 338; просвѣщеніе, 349; Петръ I, 351; журналистика, 362; Радищевъ, 363; бесѣдисты, 464; Петръ III, 201; крѣпостничество, 212, 300.
Двина Западная: кривичи, I, 11; бѣлоруссы, 12; литовцы, 14; Смоленскъ, 70; эсты и ливы, 108; 11—13 в., 141; Наполеонъ I, II, 444.
Двина Сѣверная: англичане, I, 281; 15—17 в., 328, 503, 504.
Двоевѣріе: опредѣленіе, I, 146; 13—15 в., 218; 15—17 в., 436, 476; древняя Россія, 580.
Дворецкій: 13—15 в., I, 205, 206; 15—17 в., 542; значеніе, 339; приказы, 378.
Дворище: опредѣленіе, II, 380.
Дворники: опредѣленіе, I, 370; 15—17 в., 511, 512.
Дворскій см. *Дворецкій*.
Дворцы: камскіе болгары, I, 13; начало на Руси, 57; 11—13 в., 93—95, 138; Лѣтній, II, 178, 402, 406; Зимній, 118, 119, 181, 253, 402, 406, 408, 412, 508; Павелъ I, 249; дворцовое вѣдомство, 270; Кремлевскій, 377, 380, 397, 489; Коломенскій, 377—381; Аничкинъ. 384, 408, 468; Лефортовскій, 396; Запасный, 396; Петровскій, 397; Стрѣльна, 404, 413; Петергофъ, 404; Таврическій, 208, 409, 412; Мраморный, 409; Михайловскій, 411, 535; Каменный Островъ, 413.
Дворъ: 9—11 в., I, 51, 52; удѣлы, 111, 116; 13—15 в., 205, 209, 211; 15—17 в., 336—347, 353, 366, 368, 378; Екатерина II, II, 192—196; Павелъ I, 241—245; 17—18 в., 259—263, 325—327, 331—332, 389, 390, 394; денежный, I, 490; житный, 490; конюшенный, 490; кормовой, 490; кружечный, 368, 513; лебединый 490; литейный, II, 404; осадный-I, 512; печатный, 449, 455; сытный, хлѣбенный, 490. См. *Верхъ*.
Дворяне: начало на Руси, I, 116 13—15 в., 209; 15—17 в., 274, 337, 340, 341, 343, 348, 369, 372, 381, 389—392; Петръ I, II, 86—88, 145, 286, 287; Анна Ивановна, 160, 172; Екатерина II, 212, 228, 239; Павелъ I, 248, 295, 296; Александръ I, 458; Николай I, 482, 483, 491; Александръ II, 497, 505, 513, 515, 524, 525, 527, 528, 535, 536; 17—18 в., 264, 282—296, 418; баденскіе генералы, 546.
Дворянскія улицы: Петербургъ, II, 401.
Дева: опредѣленіе, I, 4.
Девіеръ: Петръ I, II, 286.
Девлетъ-Гирей: Москва, I, 520.
Дежневъ: Беринговъ проливъ, II, 39.
Деисты: начало, II, 2; Екатерина II, 348, 349.
Деисусъ: опредѣленіе, II, 378.
Декабристы: жены, II, 460; Николай I, 467, 468; Александръ II, 507, 531.
Декартъ: значеніе, I, 233.
Демество, *Демественникъ*: опредѣленіе, I, 495, 496.
Де-Местръ: Александръ I, II, 433, 441, 447.
Демидовы: Петръ I, II, 127, 392; дворянство, 291; крѣпостничество, 302; лицей, 459.
Денежка: Петръ I, II, 391.
Денежникъ: опредѣленіе, I, 226.
Денисовъ: расколъ, II, 311.
Деньги: 11—13 в., I, 141, 143; 13—15 в., 174, 210, 226, 228; 15—17 в., 233, 363, 509, 510; II, 389. См. *Монета*.

Департаментъ государственной полиціи: начало, II, 515.
Депозитки: Николай I, II, 480.
Дербентскіе Ворота: татары, I, 167.
Дербентъ: Петръ I, II, 109; Екатерина II, 233.
Деревня: литво-славяне, I, 7; 15—17 в., 328, 360.
Держава: регалія, I, 17; плеть, 433.
Державинъ: крѣпостничество, II, 212, 300; Екатерина II, 245; Оссіанъ, 373; сатира, 375; реакція, 376; Александръ I, 430; бесѣдисты, 464.
Дерптъ: начало, I, 45; Юрьевъ, 108; монета, 226; Адашевъ, 272; печати, 494; Петръ I, II, 104; университетъ, 248, 432.
Десна: Владиміръ св., I, 42; Черниговo-Сѣверская область. 70.
Десницкій: Адамъ Смитъ, II, 375.
Десятильникъ: опредѣленіе, I, 268.
Десятина: опредѣленіе, I, 365.
Десятникъ: 9—11 в., I, 50; митрополитъ, 214; село, 359; стрѣльцы, 370.
Десятскій: татары, I, 172; церковь, 268.
Джигитовка: опредѣленіе, I. 375.
Джучи: Кипчакъ, I, 168; династія, 170.
Дибичъ: Александръ I, II, 451; Николай I, 469, 470.
Диванъ, присутствіе: Порта, I, 234.
Диво: опредѣленіе, I, 24; пѣсни, 56.
Дидро: значеніе, II, 4; Екатерина II, 206, 238, 361, 363, 373.
Диккенсъ: Петръ I, II, 112; Николай I, 488; западники, 492.
Димитрій, тысяцкій: Кіевъ, I, 169, 170.
Димитрій I Александровичъ: Даніилъ московскій, I, 184.
Димитрій Донской: Мамай, I, 171; княженіе, 194—199; самодержавіе, 204; церковь, 212, 214; св. Сергій, 215; стригольники, 219; сказаніе, 223; Москва, 224, 519; Волынскій, II. 171.
Димитрій Ивановичъ: Иванъ III, I, 245; Василій III, 258, 259.
Димитрій Михайловичъ: Юрій Даниловичъ, I, 185.
Димитрій Ростовскій: характеръ, II, 131, 132, 364; Петръ I, 312; понятія, 345; духовенство, 352; Четіи-Минеи, 363; искусство, 367, 382.
Димитрій Селунскій: Всеволодъ III, I, 136, 137.
Димитрій Суздальскій: Димитрій Донской, I, 194.
Димитрій Углицкій: Угличъ, 281; воспитаніе, 287; смерть, 288; Шуйскій, 301; мощи, 485; дворецъ, 489.
Димитрій Шемяка: Василій II, I, 199, 200; сказки, 474.
Динабургъ: Александръ I, II, 441.
Дипломатія: 13—15 в., I, 213; Иванъ III, 332; 15—17 в., 419. 421, 422; Алексѣй Михайловичъ, II, 41; Бестужевъ, 185; Екатерина II, 217; Александръ I, 440; Николай I, 471, 473, 475, 478; Александръ II, 502.
Дипломы: 18 в., II, 290.
Диргемы: опредѣленіе, I, 20.
Диръ: Кіевъ, I, 36.
Диссиденты: опредѣленіе, II. 7; Елизавета, 346; Екатерина II, 218—220.
Діадима: опредѣленіе, I, 343.
Діонисій, архимандритъ: смута, I, 311—313; Филаретъ, 325; Логинъ, 418; исправленіе книгъ, 454.
Діонисій, митрополитъ: Шуйскіе, I, 282; Годуновъ, 283.
Длугошъ: Ливій, I, 236.
Дмитревскій: театръ, II, 466.
Дмитріевъ: Лафонтенъ. II, 373; лжеклассицизмъ, 374; сатира, романсы, 466.
Дмитровъ: паденіе, I, 241.
Днѣпръ: начало славянъ, I, 6, 10—13, 16; 9—11 в., 34—36, 38, 48; 11—13 в., 70, 76; 13—15 в., 190; 15—17 в., 237, 249, 250, 253, 289, 503, 548; значеніе, 545; Разинъ, II, 28; Екатерина II, 221; казацкія линіи, 254; Наполеонъ I, 444.
Днѣстръ: Подолія, I, 161; Сулейманъ, 234; Екатерина II, II, 233.
Добровскій: славяновѣденіе, II, 6, 423.
Доброписецъ: начало, I, 219; опредѣленіе, 414.
Добрыня: значеніе, I, 26; Владиміръ св., 39; камскіе болгары, 40; смерть, 41.
Довмонтъ: сказанія, I, 223; мечъ, 226.
Доводчикъ: 13—15 в., I, 206.
Договоры: Олегъ, Игорь, I, 36; греки, 50; начало на Руси, 56; удѣлы, 83; князья, 203; митрополитъ, 214.
Документъ: опредѣленеі, I, 56; лѣтопись, 134.
Долгорукіе: разряды, I, 381; 17в., II, 234; Петръ I, 79, 126, 133, 372; Екатерина I, 151; Петръ II, 155—159; Анна Ивановна, 161—165, 168—171, Елизавета, 181; Екатерина II, 199, 221; нравы, 318, 321, 327, 329, 337, 370; декабристы, 462; Александръ II; 497.
2 *Должники*: Мономахъ, I, 82; Новгородъ, 98.
Долменъ: опредѣленіе, I, 2.
Домикъ Петра Великаго: ботикъ, I, 63.
I *Доминиканцы*: Польша, I, 70.
Домнино: Сусанинъ, I, 316.
Домовой: значеніе, I, 8; опредѣленіе, 3.

Домострой: Мономахъ, I, 130; нравы, 420, 422, 425, 427; женщина, 433; родовой бытъ, 441; значеніе, 467, 468; сказки, 475; Иванъ V, II, 182; Елизавета, 184.

Дондуковы: князья, II, 291.

Донецъ: начало славянъ, I, 8; казаки, 375; Разинъ, II, 27; Петръ I, 96.

Доноситель: опредѣленіе, II, 141.

Донъ: печенѣги, I, 36; половцы, 76; Мономахъ, 81, 82; Всеволодъ III, 96 татары, 185, 197; граница, 206; казаки 249, 250, 374; II, 254; Годуновъ, I, 289; расколъ, II, 23, 309, 485, 523; Разинъ 27; Петръ I, 94, 96; Пугачевъ, 225; крѣпостничество, 301; Александръ II 512; община, 530.

Дорогобужъ: битва, I, 253.

Доростолъ: опредѣленіе, I, 9; Святославъ, 38.

Дорошенко: пѣсни, I, 569; турки, II, 37; Мазепа, 70.

Доски, документъ: должники, I, 101.

Доспѣхъ: опредѣленіе, I, 372.

Достаканъ: опредѣленіе, I, 543.

Достоевскій: значеніе, II, 489, 493, 547; похороны, 537; каторга, 546; тенденція, 549.

Драва: хорваты, I, 9.

Драгуны: 15—17в., I, 554; Михаилъ Ѳедоровичъ, II, 65; Алексѣй Михайловичъ, 279.

Драма: 15—17в., I, 475, 476, 567, 568; вертепъ, 567; Екатерина II, II, 374; Александръ I, 466.

Драный, казакъ: Петръ I, II, 96.

Драчіе: опредѣленіе, I, 519.

Древляне. начало, I, 11; нравы, 21; Олегъ, 36, 38; Игорь, Ольга, 37.

Древолазы: опредѣленіе, I, 142.

Дрезденъ: битва, II, 445.

Дрентельнъ: революціонеры, II, 518.

Дрисса: Наполеонъ I, II, 441.

Дробница: опредѣленіе, I, 528.

Дружина: опредѣленіе, I, 21; начало, 8; скандинавы, 16, 33; 9—11в., 34, 36, 37, 39—44, 48—52; 11—13в., 78, 79, 81, 88, 90, 95—97, 110—117, 119, 120, 132; княгиня, 54. См. *Артель*.

Дружининъ: романъ, II, 489; значеніе, 493.

Дубровникъ см. *Рагуза*.

Дубъ, лодка: опредѣленіе, I, 551.

Дума боярская, думцы: 9—11 в., I, 51, 53; 11—13в., 100, 112, 113, 144; 13—15в., 161, 205—209, 214; 15—17 в., 258, 259, 261, 298, 307, 309, 342, 347—350, 353, 363, 381, 383, 385, 386, 392, 407, 408, 412, 442; Алексѣй Михайловичъ, II, 259, 265; Петръ I, 84, 87, 140.

Думы, поэзія: опредѣленіе, I, 569; Хмельницкій, II, 31.

Дунай: начало славянъ, I, 9; болгары, 9; печенѣги, 36; Святославъ, 38; Кипчакъ, 171; Польша, 237; Петръ I, II, 138; Александръ I, 433, 434; Николай I, 469, 470, 476, 477, 481; Александръ II, 478, 504.

Дундасъ: крымская кампанія, II, 477.

Дундукъ, ханша: Елизавета, II, 314.

Дурново: ихъ происхожденіе, I, 209.

Духоборцы: опредѣленіе, I, 315; 18в., II, 315, 316; значеніе, 349; Александръ II, 523.

Духовенство: 9—11в., I, 50, 52—56, 64, 67; 11—13 в., 92, 100, 112, 117—119, 121, 125, 126, 129, 130, 144, 145; 13—15в., 172—174, 190, 205, 212—219; 15—17в., 240, 247, 259, 270, 280, 286, 298, 307, 406—413, 418, 505; юго-западная Русь, 555, 556; Византія, 17, 18, 151; Польша, 33, 69, 157; II, 507; чехи, I, 69; легисты, 149; сербы, 153; черногорцы, 154; Разинъ, II, 29; Украйна, 34, 35; Петръ I, 83, 86, 88, 93, 132; Екатерина I, 151; Анна Ивановна, 169, 172; Петръ III, 197; Екатерина II, 223; Павелъ I, 248; 17—18в., 307, 318, 330, 351, 352; Александръ I, 432; Александръ II, 522, 523, 532; живопись, 552.

Духовный Регламентъ: патріаршество, II, 310; Екатерина II, 313; нравы, 318.

Душанъ: Сербія, I, 153; Черногорія, 154.

Дьякъ: опредѣленіе, I, 134; 11—13в., 106; 13—15в., 205, 213, 214; 15—17в., 258, 334, 340, 341, 348, 350, 353—356, 382, 383; 17в., II, 266.

Дѣти боярскія: 13—15в., I, 209; 15—17в., 258, 261, 272, 381, 383, 389.

Дѣтинецъ: опредѣленіе, I, 140.

Дѣтскіе: опредѣленіе, I, 52, 390.

Дюмурье: Екатерина II, II, 219.

Дюреръ: значеніе, I, 233.

Дядька: опредѣленіе, I, 379.

Евангеліе: 9—11в., I, 55; 13—15 в., 221; 15—17в., 479; Александръ I, II, 447, 453, 459; Александръ II, 523.

Евгеній Савойскій: Минихъ, II, 173.

Евдокимовъ: Кавказъ, II, 503; Александръ II, 525.

Евдокія Ѳедоровна: Петръ I, II, 63; старина, 72, 110; стрѣльцы, 76, 77; постриженіе, 97; Монсъ, 96; Алексѣй

Петровичъ, 97, 101, 102; Яворскій, 131; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 160.

Евпаторія: Екатерина II, II, 238; Александръ I, 431; Николай I, 476.

Евреи: хозары, I, 13, 14, 30; кирилица, 30; Польша, 33, 70, 157; чехи, 69; нѣмцы, 150; Галичъ, 188; 9—11в., 40, 56, 79; 11—13в., 110, 114, 120, 124, 141; 13—15в., 210; 15—17в., 440, 523, 548, 549, 553—556, 562—564; Хмельницкій, II, 31, 32; Петръ I, 86; Елизавета, 190, 346; Екатерина II, 219; 17в., 339; 18 в., 254; дворянство, 291; Татищевъ, 372; Александръ II, 498, 510; живопись, 536.

Египетъ: Рагуза, I, 68; Патерикъ, 220; Сулейманъ, 234; русскіе, 428, Коробейниковъ, 466; запорожцы, 551; 19 в., 427; Николай I, 473, 475.

Егорій Храбрый: опредѣленіе, I, 26; стихи, 469.

Егоровъ: живопись, II, 551.

Единодержавіе: начало на Руси, I, 145.

Едигей: Польша, I, 162.

Екатерина, святая: орденъ, II, 287.

Екатерина I: расколъ, II, 94: Алексѣй Петровичъ, 100; Прутъ, 107; Монсъ, 109, 110; Петръ I, 112—114, 149; Меншиковъ, 125; Макаровъ, 126; Голицыны, 133; царствованіе, 150—155; характеръ, 152, 153, 336; Волынскій, 171; самодержавіе, 262; дворъ, 263, 326, 327; чиновничество, 270, 271; управленіе, 271, 278; дворянство, 291; горожане, 306, 330; нравы, 330, 331; Западъ, 335; просвѣщеніе, 358; Татищевъ, 371; гробница, 408.

Екатерина II: Москва, I, 522; II, 397; Петръ I, II, 135, 139, 147, 148; Анна Ивановна, 173, 175, 179; Иванъ VI, 182; Елизавета, 184, 186, 187; Петръ III, 197; Павелъ I, 242, 246, 247, 249, 252; Александръ I, 253, 427—431, 447; характеръ, 194—196, 203—209; воцареніе, 197—203; Польша, 7, 217—220, 233—234; Турція, 171, 220—222, 230—233, 254, 416; Фридрихъ II, 193; реакція, 241, 376, 417; смерть, 243; значеніе, 243—245; памятникъ, 245; благотвореніе, 256; внѣшній бытъ, 255, 257, 393—395; престолонаслѣдіе, 262; дворъ, 263; конституція, 264; сенатъ, 272; финансы, 278; войско, 282; дворянство, 289—295, 530; крѣпостничество, 299—302, 515; горожане, 306; церковь, 313, 315, 316; нравы, 328—331, 338; литература, 346, 350, 367, 373—376; энциклопедисты, 348, 349; масоны, 351; Западъ, 357, 524; просвѣщеніе, 358, 360, 362; искусство, 377, 384—387, 539; Петербургъ, 402, 405, 408—411, 413; реализмъ, 415; реформы, 416; народность, 494; Александръ II, 497, 505.

Екатерина Ивановна: рожденіе, II, 63; бракъ, 110; Анна Ивановна, 160, 162; Елизавета, 182.

Екатерина Павловна: Александръ I, II, 439; Карамзинъ, 461.

Екатерингофъ: начало, II, 404.

Екатерининскій Каналъ: Анна Ивановна, II, 406; Екатерина II, 408.

Екатеринославъ: начало, II, 238, 256; значеніе, 239; университетъ, 240.

Елена Ивановна: Литва, I, 253; смерть, 255.

Елена Молдавская: Софья Палеологъ, I, 245; жидовство, 246; смерть, 255.

Елена Павловна: Александръ II, II, 523.

Елецъ: Тамерланъ, I, 199.

Елизавета I: Потѣшная Палата, I, 490; Москва, 522; II, 150, 396; Петръ I, II, 147; Екатерина I, 152—155, 336; Петръ II, 158, 159; Анна Ивановна, 160, 170, 171, 173, 175, 179; Анна Леопольдовна, 178, 180, 181; Петръ III, 193; Екатерина II, 195—199; Павелъ I, 242; характеръ, 182—184; Франція, 110; Германія, 416; самозванцы, 222, 223; самодержавіе, 262, 263; управленіе, 215, 271, 272; войско, 255, 282; финансы, 278; православіе, 313, 314, 364; дворянство, 263, 291—295, 530; крѣпостничество, 299, 301; иностранцы, 357; нравы, 326—331, 338; понятія, 346, 347; просвѣщеніе, 359; литература, 367—370; искусство, 384—387, 540; внѣшній бытъ, 256, 306, 393, 395; Петербургъ, 401—407, 413.

Елизавета Алексѣевна: Александръ I, II, 428; Марія Ѳедоровна, 450; Карамзинъ, 461.

Елизавета англійская: Иванъ IV, I, 275, 281; Екатерина II, II, 205.

Елизаветполь: начало, II, 452.

Елисаветградъ: начало, II, 188.

Ендова: опредѣленіе, I, 543.

Енисейскъ: каменная баба, I, 76; начало, II, 39.

Енохъ: апокрифы, I, 221.

Епанча: опредѣленіе, I, 63, 532.

Епархія, епископъ: Владиміръ св., I, 41; Ярославъ I, 46; 9—11 в., 51—53; 11—13 в., 118, 119, 125, 126; 13—15 в., 173, 200, 213; 15—17 в., 237, 268. См. *Духовенство*.

Епифаній: Сергій Радонежскій, I, 479.

Ереси: крестовые походы, I, 66, 67

начало на Руси, 127; 11—13 в., 147; 13—15 в., 150, 219; 15—17 в., 240, 246, 271, 444, 445, 449, 450, 477, 478, 481; Петръ I, II, 88; хлѣбопоклонная, 341, 344; расколъ, 343.

Ермаковка: начало, I, 376.

Ермакъ: Иванъ IV, I, 278, 279; пѣсни, 470.

Ермоловъ: Екатерина II, II, 235; Александръ I, 429; Кавказъ, 453, 472.

Ерокъ: опредѣленіе, I, 450.

Еруcланъ: сказки, 1, 474.

Есаулъ: татары, I, 172, 174; запорожцы, 549; донцы, II, 301.

Есипова: музыка, II, 535.

Ефименко г-жа: наука, II, 535.

Ефимки: 15—17 в., I, 510; 17 в., II, 274, 389.

Ефремъ Сиринъ: апокрифы, I, 478.

Жареный: Василій III, I, 333.

Жаръ-Птица: сказки, I, 56.

Желтыя Воды: Хмельницкій, II, 31.

Желѣзные Ворота: Ярославъ I, I, 45.

Желѣзныя дороги: Западъ, II, 422; Николай I, 479; Александръ II, 497, 498, 513—515, 520, 530, 533, 534, 539, 541; 19 в., 554.

Желѣзнякъ: Екатерина II, II, 219.

Желѣзо: начало въ Европѣ, I, 4; литво-славяне, 7; меря, 12; скандинавы, 15; начало на Руси, 20; 9—11 в., 62; 11—13 в., 141; 15—17 в., 502; Строгоновы, 279; Петръ I, II, 91; Анна Ивановна, 393.

Женщина: литовцы, I, 14; начало славянъ, 22, 27; 9—11 в., 54; 11—13 в., 118—124, 132; 13—15 в., 157, 163, 172—174, 216, 217; 15—17 в., 238, 261, 298, 375, 377, 420, 429—436, 467, 502, 535—537, 539, 543, 548; Полоцкій, II, 45; Алексѣй Михайловичъ, 42, 46; Ѳедоръ III, 50; Петръ I, 83, 85, 139, 356; 17—18 в., 190, 332—338, 347—350, 375; Александръ I, 460; Николай I, 484; Александръ II, 498, 500, 511, 523, 533—537, 540, 541, 545; Финляндія, 544; Тургеневъ, 545; Гончаровъ, 546; Некрасовъ, 547; Писемскій, 548.

Жераръ: Александръ I, II, 427.

Жеребцова: Павелъ I, II, 253.

Жертвы: опредѣленіе, I, 4; начало у славянъ, 7, 8, 23, 26, 27; литовцы, 14, 15; Владиміръ св., 39; удѣлы, 119; Александръ III, II, 543.

Живопись: Византія, I, 21, 67; готикъ, 67; 11—13 в., 46, 57, 138; 13—15 в., 150, 157, 224; 15—17 в., 233, 490—492; 17 в., II, 378, 380, 382; Петръ I, 383; 18 в., 385—387; Александръ II, 541, 552; 19 в., 551—553; женщина, 535. См. *Иконопись*, *Миніатюра*.

Жидовство: опредѣленіе, I, 445; Иванъ III, 246, 247, 255; 16 в., 449; Библія, 480.

Жило, *житье*: опредѣленіе, I, 514.

Жильцы: опредѣленіе, I, 341.

Житія святыхъ: Новгородъ, I, 100; начало, 130, 131; 13—15 в., 220; Нилъ Сорскій, 248; опричнина, 274; женщина, 429; Макарій, 479, 480; св. Димитрій, II, 132.

Житный Дѣдъ: опредѣленіе, I, 24; религія, 25.

Житьи люди: опредѣленіе, I, 117.

Жмудь: опредѣленіе, I, 14; начало, 15; Миндовгъ, 158; язычество, 159; Кестутъ, 160.

Жолкѣвскій: характеръ, I, 306; Москва, 308.

Жолнеры: 15—17 в., I, 554.

Жомини: войско, II, 460.

Жондъ: опредѣленіе, II, 507.

Жоржъ Зандъ: Герценъ, II, 486, 489; Николай I, 488; западники, 492, 493.

Жрецъ: опредѣленіе, I, 4; начало славянъ, 26.

Жуковскій: Александръ I, II, 461; романтизмъ, 463, 465; Карамзинъ, 464; народность, 467; Одиссея, 485; Александръ II, 496.

Жупа, *жупанъ*: опредѣленіе, I, 8; сербы, 31, 153.

Журналистика: начало на Руси, I, 463; Алексѣй Михайловичъ, II, 42; Полоцкій, 45; Петръ I, 79, 83, 356; 18 в., 362, 370, 374; Елизавета, 189; Екатерина II, 241, 349, 373; Александръ I, 460—463; Николай I, 486, 492; Александръ II, 520, 521, 536, 541, 542, 550; предостереженія, прекращеніе, 543.

Забѣлинъ: зодчество, II, 377; значеніе, 550.

Заводовскій: Екатерина II, 235; новики, 290; бесѣдисты, 464.

Заводъ. См. *Промышленность*.

Заволжскіе старцы: жидовство, I, 449, 450; посланія, 481.

Заволочье: серебро, I 191.

Завѣщаніе: 9—11 в., I, 51; князь, 110; 13—15 в., 204; церковь, 214.

Загадка: значеніе, I, 56, 57.

Заговоръ, ворожба: значеніе, I, 56, 57.

Загородный Проспектъ: Анна Ивановна, II, 406.
Загоскинъ: театръ, II, 466; романы, 490, 494.
Загребъ. См. *Аграмъ*.
Задворные: опредѣленіе, I, 397.
Задруга: опредѣленіе, I, 7; Далмація, 20.
Заиконоспасская школа. См. *Академія московская*.
Заимка: опредѣленіе, I, 117; 15—17 в., 393.
Закладничество: 13—15 в., I, 211; 15—17 в., 387, 396; 18 в., II, 296.
Заклинанія: начало славянъ, I, 24; финны, 13; значеніе, 56, 57.
Законникъ: Сербія, I, 153.
Законы: Номоканонъ, I, 17; 9—11 в., 50, 51; 11—13 в., 100, 114; 13—15 в., 156, 172, 213; 15—17 в., 255, 347; Алексѣй Михайловичъ, II, 12; Петръ I, 84; Екатерина I, 154; Екатерина II, 211—214; 18 в., 263—265, 270, 273; Александръ I, 438, 440, 448; Николай I, 479; Александръ II, 509, 515, 519. См. *Сводъ Законовъ, Уложеніе*.
Закревскій: новики, II, 290.
Закупничество: удѣлы, I, 117; 13—15 в., 208.
Зала, рѣка: славяне, I, 8.
Залускіе: библіотека, II, 361.
Залѣсье: Ока, I, 210.
Замоскворѣчье: начало, I, 522.
Замойскіе: 15—17 в., I, 553; Александръ II, II, 506, 507.
Занозка: опредѣленіе, I, 537.
Западная Римская имперія: начало, I, 17; паденіе, 9.
Западничество: опредѣленіе, II, 488; начало, 492; Николай I, 489, 494; Александръ II, 537, 551.
Записки: 15—17 в., I, 464; Порошинъ, II, 358; Петръ I, 80, 365; 18 в., 372.
Запись: бояре, I, 272; Шуйскій, 300, 301, 335, 385, 389; Владиславъ, 307, 335; Михаилъ Ѳедоровичъ, 335.
Запольскій Ямъ: перемиріе, I, 281.
Запорожцы: начало, I, 250; 16—17 в., 546—552; польщизна, 562; Алексѣй Михайловичъ, II, 33; Петръ I, 71, 96, 105, 106; Екатерина II, 215, 254.
Запястья: опредѣленіе, I, 530.
Запятая: начало, I, 219.
Зарукавья: опредѣленіе, I, 530.
Заруцкій: характеръ, I, 303; Марина, 306; сынъ Лжедимитрія I, 308; ополченіе, 309, 310; смерть, 317.
Застава: опредѣленіе, I, 207.
Заставка, заставица: опредѣленіе, I, 126; Остромирово Евангеліе, 129; Изборникъ, 131; 16 в., 450.
Застрѣха: опредѣленіе, I, 516.
Засѣка: опредѣленіе, I, 114; 13—15 в., 207; 15—17 в., 249.
Затворы: опредѣленіе, I, 515.
Затяглые: опредѣленіе, I, 530; Петръ I, II, 296.
Захарьины, *Захарьины - Кошкины*: начало, I, 209, 282; Романъ Юрьевичъ, Анастасья Романовна, 263; Иванъ IV, 271.
Захребетники: опредѣленіе, I, 396.
Зачало: опредѣленіе, I, 450.
Займище: опредѣленіе, I. 498.
Зборовъ: Хмельницкій, I, 32.
Звательцо: опредѣленіе, I, 450.
Звѣздникъ: опредѣленіе, I, 7.
Звѣроловство: литво-славяне, I, 6; древляне, 11; 9—11 в., 57; 13—15 в., 227; 15—17 в., 326.
Зданіе: опредѣленіе, I, 517.
Зеленыя Святки: язычество, I, 25; драма, 475.
Зелье: опредѣленіе, I, 367; 15—17 в., 371.
Землевладѣніе: начало у словянъ, I, 21; удѣлы, 124; 13—25 в., 206, 213; 15—17 в., 237, 248, 258, 360, 393, 407, 408; 18 в., II, 287, 288, 292, 297, 299, 301; Александръ II, 520, 524, 528, 530. См, *Вотчина*, *Община, Помѣстье*.
Земледѣліе: начало у бѣлой породы, I, 2; литво-славяне, 7; начало на Руси, 11, 19; финны, 12; литовцы, 15; богатыри, 26; 9—11 в., 63; 11—13 в., 111, 142, 144; 13—15 в., 205, 227; 15—17 в., 497, 498, 511; 17 в., II, 388; Петръ I, 391; 18 в., 392, 393; Александръ I, 361; Николай I, 481; Александръ II, 512, 514, 540, 541.
Земля: область, I, 70, 360; ея разряды въ древней Руси, I, 359.
Земляной Городъ: Москва, I, 520.
Земства: Александръ II, II, 500, 501, 511—517, 520, 524, 525, 528, 529, 533—535, 539, 540; женщина, 535; классицизмъ, 543.
Земщина: опредѣленіе, I, 52; 9—11 в., 51, 52, 64; удѣлы, 114—116; 13—15 в., 207; Иванъ IV, 267, 274; церковь, 408; значеніе, 579.
Зернь: опредѣленіе, I, 417; 15—17 в., 425.
Зерцало: латы, I, 372.
Зета, рѣка: черногорцы, I, 154.
Зетское княжество: начало, I, 154.
Зивинъ: битва, II, 504.
Зизаній: азбуковники, I, 566.
Зима Настасья: секта, II, 345.
Зимгола: опредѣленіе, I, 14.
Зимнянки: опредѣленіе, I, 56.
Зимовище: опредѣленіе, I, 375.

Зимовникъ: опредѣленіе, I, 547.
Зипунъ: начало, I, 530, 531.
Златникъ: опредѣленіе, I, 20; Владиміръ Св., 61.
Златовратскій: значеніе, II, 549.
Змѣй Горынычъ: пѣсни, I, 56.
Знаменаніе, знаменщики: опредѣленіе, I, 450, 502.
Знамя: штемпель, I, 382, 509; военное, 207.
Зодіакъ: Изборникъ, I, 131; дворецъ, II, 382.
Зодчество: византійскій стиль, I, 17; готикъ, 67; начало на Руси, 7, 57; 9—11 в., 46, 47, 57—59, 60; 11—13 в., 135 — 139; 13—15 в., 207, 224 — 226; 15—17 в., 484—490, 514, 515; 17 в., II, 376—380, 554; Петръ I, 383, 401; 18 в., 386; 19 в., 553; барабанъ, I, 136; башня, 229, 489, 512, 513, 519—522, 527; бочка, 516; взметъ, 450; ворота, 516, 521, 522, 527; II, 380; всходъ, I, 515; II, 378, 380; вышка, I, 514; гребень, 60; гульбище, 514; II, 378; косящатое окно, 61; наличникъ, I, 61; нарядъ жилья, 514, 517, 527—530; передняя, II, 378; переходъ, 378, 380; печь, I, 7, 26, 515; шатеръ, 486.
Золотая Орда: начало, I, 170; родовой бытъ, 171; разложеніе, 196; паденіе, 250—252.
Золотая Палата: значеніе, I, 341, 342; 15—17 в., 489, 490.
Золотая Рѣшетка: опредѣленіе, I, 490.
Золотые Ворота: Кіевъ, I, 57, 58.
Зоографы: опредѣленіе, I, 492.
Зоричъ: Екатерина II, II, 235.
Зотовъ: Петръ I, II, 61, 62, 68, 114, 269; графы, 287.
Зубовы: Екатерина II, II, 210, 235; Павелъ I, 248, 253; Александръ I, 428, 429, 439.
Зубръ: литво-славяне, I, 6.
Зыряне: св. Стефанъ, I, 216.

Ивангородъ: Иванъ IV, I, 503; Михаилъ Өедоровичъ, 320.
Ивановская Площадь: 15—17 в., I, 524.
Ивановъ: Гоголь, II, 489, 492; значеніе, 551.
Иванъ I: Москва, I, 184; Тверь, 185; великій князь, 186; значеніе, 191, 192; граница, 206; Новгородъ, 208; лѣтопись, 222; Кремль, 224; печать, 227; начало Москвы, 519.
Иванъ II: княженіе, I, 193, 194; церковь, 211, 214.
Иванъ III: характеръ, I, 239—241; портретъ, 240; Сарай, 171; Марія Тверская, 200; самодержавіе, 245, 331, 332; одежда, 255; титулъ, 337; приказы, 353; казна, 361; артиллерія, 371; Рюриковичи, 379; бояре, 380, 382; посадскіе, 401; церковь, 411; литература, 461, 470, 481; искусство, 484, 485, 489, 493, 494; иностранцы, 404, 503; руда, 502; борода, 534; вино, 540; Москва, 504, 519. См. *Иванъ VI*.
Иванъ IV: характеръ, портреты, I, 264, 265; Казань, 171; монета, 227; шведы, 238; Елена Глинская, 261; дѣтство, 262; Годуновъ, 283; Лжедимитрій I, 297; самодержавіе, 333, 334; Щелкаловы, 355; области, 356; флотъ, 374; казаки, 376; бояре, 383, 384, крестьяне, 387; посадскіе, 388, 401; иностранцы, 404, 405, 503; Трифонъ, 407; церковь, 409, 418; II, 310; нравы, I, 427, 432; волхвы, 436, 437; просвѣщеніе, 440, 452; литература, 458—464, 470, 471, 474, 481; искусство, 489, 491—494; Москва, 520; значеніе, 575—577, 583; II, 413; Петръ I, II, 134, 136; Крижаничъ, 353; статуя, 553.
Иванъ V: характеръ, II, 47, 49; Нарышкины, 54; Софья, 54, 57; дочери, 63; смерть, 66; самозванцы, 94; Остерманъ, 155; Анна Ивановна, 160; нравы, 182; избраніе, 266; портреты, 384.
Иванъ VI: рожденіе, II, 110, 170; царствованіе, 176—181; смерть, 182; Елизавета, 181, 182, 191, 192; Петръ III, 201; самозванцы, 222; Екатерина II, 223; Мацѣевичъ, 224.
Иванъ Берладникъ: усобицы, I, 85, 86; Галичъ, 107.
Иванъ Великій, колокольня: церковь Ивана, I, 191; начало, 485; 17 в., 521; 19 в., II, 397.
Иванъ Ивановичъ, сынъ Грознаго: смерть, I, 277, 278; самозванцы, 302.
Иванъ Ивановичъ Рязанскій: Василій III, I, 257.
Иванъ Купало: опредѣленіе, I, 25.
Иванъ Молодой: Софья Палеологъ, I, 245; Молдавія, 253.
Иванъ Юрьевичъ: Ольговичи, I, 85, 86.
Ивашка: Марина Мнишекъ, I, 305; Заруцкій, 310; смерть, 317; Луба, 320.
Иверская Божія Матерь: икона, II, 36; часовня, 395.
Игнатьевы: Александръ II, II, 515.
Игорь Ольговичъ: усобицы, I, 84; опера, II, 555.
Игорь Рюриковичъ: княженіе, I, 36, 37; христіанство, 40; дани, 49; Византія, 56.

Игорь Святославичъ: Слово о полку Игоревѣ, I, 92.

Игрища: опредѣленіе, I, 22; язычество, 25; погребеніе, 27.

Игуменъ: опредѣленіе, I, 407.

Идолопоклонство: финны, I, 12; славяне, 26; Владиміръ св., 39, 41; удѣлы, 119.

Ижора: опредѣленіе, II, 397; шведы, 398.

Изба: опредѣленіе, I, 1, 7; начало у славянъ, 20; 9-11 в., 62; 11—13 в., 140; 13—15 в., 229; 15—17 в., 360; посольская, 237; приказы, 353; съѣзжая, 358; земская, 357—360, 573; II, 275; стряпущая, II, 380.

Изборникъ см. *Сборники*.

Изборскъ: начало, I, 11.

Изводъ: опредѣленіе, I, 222.

Изгои: опредѣленіе, I, 53; церковь, 54; удѣлы, 72—74, 78, 119.

Издѣлье: опредѣленіе, I, 205; 13—15 в., 210.

Измаилъ: Суворовъ, II, 233.

Измайлово: Анна Ивановна, II, 166; Елизавета, 182; Петръ I, 380; 17 в., 388.

Изяславль: начало, I, 47.

Изяславъ I: Полоцкъ, I, 39; Ярославъ I, 46, 47; Новгородъ, 48; характеръ, 74; половцы, 76; Польша, 77; Всеволодъ I, 78; Туровъ, 104; монашество, 123, 124.

Изяславъ II: Ольговичи, I, 84; усобицы, 85, 86; характеръ, 87, 88; Волынь, 106; церковь, 118; мощи, 122.

Иконоборство: искусство, I, 17; императоры, 18.

Иконопись: 11—13 в., I, 90—93, 138, 13—15 в., 224; 15—17 в., 268, 407, 438, 439, 479, 490, 491, 492; Никонъ, II, 15; 16; 17 в., 382; Александръ II, 551.

Илимскъ: Радищевъ, II, 349.

Илларіонъ: Ярославъ I, I, 46; сочиненія, 56.

Иллирія: татары, I, 170; иллиризмъ, II, 425.

Иллюминаты: Сперанскій, II, 440.

Ильмень: Новгородъ, I, 11; великоруссы, 12; финны, 12; Москва, 190.

Илья Муромецъ: опредѣленіе, I, 26; церковь, 34, 35, 37, 57; татары, 223; Германія, 468; Разинъ, II, 366.

Имамъ: опредѣленіе, I, 234; Кавказъ, II, 472.

Имеретинскіе: разряды, I, 381; Петръ I, II, 79.

Имеретія: Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Александръ I, 452.

Императоръ: Римъ, Византія, I, 17, 18 29; Германія, 18, 28, 66, 69, 253; папство, 118; Лжедимитрій I, 299; Иванъ III, 331; Василій III, 332, 411; Ѳедоръ I, 335; Петръ I, II, 109, 118, 138, 260.

Имперіалы: начало, II, 393.

Инвентарь: опредѣленіе, II, 482; крѣпостничество, 527.

Ингерманландія: опредѣленіе, II, 398. См. *Ингрія*.

Ингигерда: Ярославъ I, I, 42, 45; Новгородъ, 47.

Ингрія: Петръ I, II, 108.

Индексъ: апокрифы, I, 477, 478.

Индія: санскритъ, I, 4; торговля съ славянами, 20; Тамерланъ, 152; Никитинъ, 221, 466; Сулейманъ, 234; Англія, 279; II, 502; русскіе купцы, I, 428; сказки, 473; запорожцы, 551; Алексѣй Михайловичъ, II, 40; Петръ I, 109, 138; Павелъ I, 252; Николай I, 471.

Индо-европейцы см. *Арійцы*.

Индра: опредѣленіе, I, 4.

Индъ: Чингисханъ, I, 167.

Инженерный Замокъ: Павелъ I, II, 411.

Инквизиція: начало, I, 66; 11—13 в., 143, 146, 149.

Инкерманъ: битва, II, 476.

Иннокентій III: значеніе, I. 66.

Инородцы: Разинъ, II, 29; Петръ I, 96; Елизавета, 190; Екатерина II, 256; дворянство, 291; Александръ II, 522, 535.

Иностранцы: 11—13 в., I, 125, 127; 13—15 в., 228; 15—17 в., 245, 255, 268, 285, 290, 318, 322, 371, 404—406, 421—423, 435, 440, 441, 448, 453, 454, 494, 502—504. 522; 17 в., II, 279, 303, 339, 340, 343, 354; Петръ I, 79, 81, 85, 104, 120—122, 141, 142, 305, 306, 345; Екатерина I, 154; Анна Ивановна, 160, 165; Анна Леопольдовна, 180; Елизавета, 184, 188, 357; Екатерина II, 254, 357; Павелъ I, 412; Александръ II, 521.

Институты: 18 в., II, 397; Павелъ I, 411; Александръ II, 540, 541, 543; Пастеръ, 539.

Интеллигенція: опредѣленіе, I, 125; начало на Руси, 246, 443; Петръ, I, II, 341—345; Екатерина II, 348; Александръ I, 460—463; Александръ II, 496, 524, 532, 533, 544, 545, 551; Толстой, 538, 539; Писемскій, 548. См. *Понятія*.

Интермедія: опредѣленіе, II, 367.

Ипатьевскій монастырь: лѣтопись, I, 222.

Ипсиланти: Валахія, II, 6.

Ираклій: Екатерина II, II, 230.

Иргизъ: Пугачевъ, II, 227; расколъ, 485.

Иркутскъ: начало, II, 39.
Ирмологъ: ноты, II, 387.
Иродъ: лихорадка, I, 218.
Иртышъ: степь, II, 38.
Исаакій см. *Соборы.*
Исидоръ: Византія, I, 212; унія, 218; Флоренція, 221.
Искандеръ см. *Герценъ.*
Искорость см. *Коростень.*
Искра, старшина: Мазепа, II, 71.
Искусство: Греція, I, 6; Византія, 17, 65; древне-христіанское, 60; готикъ, 67; Возрожденіе, 233; начало на Руси, 59; 9—11 в., 57—62; 11—13 в., 75, 120, 135—140, 146, 147; 13—15 в., 150, 224—227; 15—17 в., 484—497; древняя Русь, 583; 17 в., II, 3, 16, 376—383; 18 в., 386, 387; Петръ I, 78—86, 111, 115; Екатерина II, 206; 19 в., 422, 540, 551—556; женщина, 536; Толстой, 538, 539.
Исламъ см. *Магометанство.*
Исландія: Вольдемаръ II, I, 70.
Испанія: арабы, I, 19, 28; классицизмъ, 67; абсолютизмъ, 232; самозванцы, 233; искусство, 233; турки, 234; 17—18 в., II, 2, 4; Алексѣй Михайловичъ, 39, 40; Петръ I, 78, 91, 107; Екатерина II, 219; Александръ I, 445; Александръ II, 519.
Испомѣщеніе: опредѣленіе, I, 391.
Исправникъ: Николай I, II, 483; Александръ II, 517, 518.
Истома, дьякъ: Норвегія, I, 428.
Истоминъ: крымская кампанія, II, 477.
Исторія: чехи, I, 69; Польша, 70, начало на Руси, 463; 15—17 в., 566; Петръ I, II, 130, 359; 17—18 в., 364, 365, 371, 372, 375, 376; Александръ I, 461, 465, 467; Николай I, 492—494.
Истрія: начало славянъ, I, 8; 19 в.; 425.
Истуканъ см. *Идолопоклонство.*
Италія: Карлъ Великій, I, 19; 9—11 в., 28, 37, 63; классицизмъ, 66, 67; чехи, 69; Кіевъ, 141; университетъ, 150; Возрожденіе, 150, 151, 231, 233; бояре, 209; торговля съ Россіей, 228; искусство, 233; турки, 234; Польша, 238; Иванъ III, 246; русскіе послы, 421; Москва, 443; 17—18 в., II, 4, 386; Петръ I, 107; Суворовъ, 232; Павелъ I, 251; 19 в., 421; Александръ I, 440; Николай I, 551; Александръ II, 502, 506, 522, 552; опера, 555
Итальянскія улицы: Анна Ивановна, II, 406.
Итиль: опредѣленіе, I, 13; Святославъ, 38.

Іаковъ: житіе Бориса и Глѣба, I, 224.
Іаковъ Мнихъ: посланія, I, 130.
Іезуиты: начало, I, 233; чехи, 236; Польша, 238, 239; Иванъ IV, 280; смута, 295, 299, 308; патріаршество, 407; 15—17 в., 553, 554, 560; отмѣна ордена, II, 4; Австрія, 6; Никонъ, 17; Хмельницкій, 30; Голицынъ, 53; Софья, 344, 355; 18 в., 7, 316, 423; Петръ I, 66, 312, 340; Екатерина II, 207, 219, 237, 241; Павелъ I, 248, 250, 252; Александръ I, 433, 441, 446—449, 459; Николай I, 480.
Іерархія: опредѣленіе, I, 52. См. *Духовенство.*
Іеремія, патріархъ: Годуновъ, I, 287.
Іеремія, пророкъ: сказки, I, 473.
Іерусалимъ: крестовые походы, I, 65; паломничество, 125, 132, 221, 438; Иванъ IV, 278; Коробейниковъ, 466; Никонъ, II, 18; Николай I, 475.
Іоакимъ, епископъ: лѣтописи, I, 56, 135.
Іоакимъ, патріархъ: Θедоръ III, II, 49; Софья, 59; Петръ I, 65, 66; самодержавіе, 309; понятія, 340; ересь, 341, 342.
Іоанниты: Павелъ I, II, 250.
Іоаннъ, митрополитъ: посланія, I, 130.
Іоаннъ, пресвитеръ: сказки, I, 473.
Іоаннъ, экзархъ: письменность, I, 30; грамматика, 566.
Іоаннъ Златоустъ: сборники, I, 465; Четіи Минеи, 479; Курбскій, 480.
Іоаннъ Креститель: Иванъ Купало, I, 25; орденъ, II, 291.
Іовъ, патріархъ: Θедоръ I, I, 283; Годуновъ, 286—289; Лжедимитрій I, 294—297.
Іона, митрополитъ: избраніе, I, 200, 212; посланія, 481.
Іоасафъ, Іосафъ: стихи, I, 469; сказки, 473.
Іосифъ II: чехи, II, 6, 423; Екатерина II, 208, 217, 218, 230, 239, 243.
Іосифъ, патріархъ: справщики, II, 20.
Іосифъ Волоцкій: значеніе, I, 247; Вассіанъ Косой, 258; бояре, 382; жестокость, 417; рабство, 426, 427; посланія, 481; Никонъ, II, 19; расколъ, 342.
Іосифъ Прекрасный: I, 223; стихи, 469.
Іуліанія: житіе, I, 433.

Кабала: опредѣленіе, I, 397; 13—15 в., 211; поручная, 272; узаконеніе, 399; 15—17 в., 424, 426.
Кабарда: Петръ I, II, 96, 109.

Кабинетъ: Петръ I, II, 84, 271; Анна Ивановна, 168, 171, 271; Елизавета, 184; Екатерина II, 272; Александръ I, 430; Александръ II, 507.
Кавелинъ: исторія, II, 489; значеніе, 534.
Кавказъ: арійцы, I, 4; варяги, 37; граница Руси, 48; удѣлы, 112, 123; Кіевъ, 141; черкесы, 197; Иванъ IV, 270; Алексѣй Михайловичъ, II, 37, 38; Петръ I, 96, 109; Екатерина II, 237, 254; Павелъ I, 252; Александръ I, 452—455; Николай I, 469, 472, 484; Александръ II, 497, 498, 502, 504—506, 511, 514, 522.
Кагальникъ: Разинъ, II, 29.
Каганъ: опредѣленіе, I, 14.
Кагулъ: битва, II, 221.
Кадеты: Петръ I, II, 145, 287, 288, Анна Ивановна, 169, 174, 326, 358; Елизавета, 359; Екатерина II, 239; Павелъ I, 411; Александръ I, 435, 458; Александръ II, 510.
Кадій: опредѣленіе, I, 235.
Кадлубекъ: значеніе, I, 70.
Казаки: опредѣленіе, I, 172; II, 38; татары, I, 174; начало на Руси, 250; смута, 313, 317; Сибирь, II, 38, 39; Петръ I, 89. Бугскіе, 282. Волжскіе, I, 376. Гребенскіе, II, 38, 96, 280, 315; Донскіе, I, 279, 286, 289, 296, 302, 319—321, 374, 375, 393; II, 22, 24, 27, 29, 32, 37, 73, 76, 96, 225, 227, 248, 251, 256, 267, 279, 280, 282, 291, 315, 506, 511, 514. Екатеринославскіе, II, 282. Малороссійскіе, I, 238, 239, 270, 286, 289, 319, 377, 561—563, 568, 569; II, 30—35, 227, 248, 254, 291; см. *Запорожцы*. Московскіе, I, 370, 371; II, 279, 280. Сѣверскіе, I, 296, 302. Терскіе, I, 302, 326; II, 96, 280. Черноморскіе, II, 215, 291. Яицкіе или уральскіе, I, 377; II, 96, 256, 279, 280, 282, 291, 315, 511.
Казакинъ: опредѣленіе, I, 551.
Казань: чуваши, I, 13; Великіе Болгары, 13, 168; татары, 171, 196, 250; Иванъ III, 252; Василій III, 260, 261; паденіе, 269, 270; исторія, 463, 15—17 в., 511; Волынскій, II, 171; Пугачевъ, 227; духовная академія, 248; гимназія, 360; университетъ, 432, 452; Александръ II, 506, 513, 517; женскіе курсы, 522.
Казиміръ III: значеніе, I, 156, 157; Гедиминъ, 159; Галичъ, 189; Петръ I, II, 145.
Казиміръ IV: Возрожденіе, I, 236; Иванъ III, 241, 242, 252; татары, 251, 252.
Кази-Мулла: Николай I, II, 472.
Казна, казначей: татары, I, 172; 13—15 в., 204, 205; 15—17 в., 335, 336. См. *Финансы*.
Каламъ: пейзажъ, II, 537.
Калачовъ: значеніе, II, 534.
Калайдовичъ: исторія, II. 461.
Калевала: опредѣленіе, I, 12.
Календарь: Остромирово Евангеліе, I, 129; гражданскій, 233; 15—17 в., 530, 561; 18 в., II, 359.
Калики: опредѣленіе, I, 57; 15—17 в., 417; стихи, 469.
Калинъ: пѣсни, I, 223.
Калита: значеніе слова, I, 174. См. *Иванъ I*.
Калишъ: древности. I, 76.
Каліостро: Екатерина II, II, 351.
Калка: битва, I, 104, 167; Данило Романовичъ, 107; Мамай, 197; сказанія, 223.
Калміусъ см. *Калка*.
Калмыки: опредѣленіе, I, 4; начало, 376; Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Петръ I, 96; Екатерина II, 225; 18 в., 314; финансы, 479, 480.
Калуга: смута, I, 306; Шамиль, II, 503.
Кальвинисты: начало, I, 233.
Калѣки перехожіе см. *Калики*.
Кама: болгары, I, 6, 9, 13; Новгородъ, 101; христіанство, 119; Строгоновы, 279; 15—17 в., 328; донцы, 374; Разинъ, II, 29; войско, 255.
Каменная баба: опредѣленіе, I, 75; Польша, 76; Екатеринославъ, 26.
Каменный Островъ: Петръ I, II, 399, 400; Анна Ивановна, 406; Александръ I, 413.
Каменскій: значеніе, II, 538.
Камень см. *Уральскія горы*.
Камергеръ: начало, II, 294; Александръ I, 438.
Камеръ-юнкеръ: начало, II, 294; Александръ I, 438.
Камчатка: казаки, I, 428; Екатерина II, II, 223; Александръ I, 432.
Камышинъ: Разинъ, II, 28.
Каналы: Петръ I, II, 72, 91, 173, 175, 391, 401, 402; 18 в., 393; Александръ I, 431, 455; Александръ II, 505—506.
Каневъ: запорожцы, I, 546.
Канкринъ: финансы, II, 479, 480.
Кантакузены: Сербанъ II, I, 235.
Кантемиръ, господарь: Петръ I, II, 5.
Кантемиръ, поэтъ: Прокоповичъ, II, 129; Анна Ивановна, 161, 162, 165, 171, 172; понятія, 347; Западъ, 368; значеніе, 369, 370.
Кантъ: масоны, II, 362.
Канцелярія: Петръ I, II, 269, 270;

18 в., 272; иностранныхъ, 254; собственная его величества, 479.
Канцлеръ: Польша, I, 33; Петръ I, II, 126.
Канцы см. *Ніеншанцъ*.
Капище: опредѣленіе, I. 26.
Капнисты: происхожденіе, II, 291; сатирикъ, 373, 374.
Каподистрія: Александръ I, II, 446, 451; литература, 464.
Каптуръ, одежда: опредѣленіе, I, 537.
Каравакъ: Петръ I, II, 111, 383; Анна Ивановна, 166, 167; Анна Леопольдовна, 177; Елизавета, 183, 385.
Карагеоргіевичи: Обреновичи, II, 426.
Кара Георгій: значеніе, II, 425.
Каракорумъ: Чингисханъ, I, 166, 167; Угедей, 168; Кипчакъ, 170; русскіе князья, 173; Ярославъ II, 177; Александръ Невскій, 180.
Карамзинъ: либерализмъ, II, 351; Западъ, 373; Петръ I. 376; Александръ I, 434; Сперанскій, 439; реакція, 450, 452; крѣпостничество, 457; исторія, 461; дѣятельность, 463—465.
Каратыгинъ: театръ, II, 466.
Каринтія: Габсбурги, I, 149; славяне, II, 425.
Карловецъ: миръ, II, 5.
Карлъ I: казнь, I, 232; Алексѣй Михайловичъ, II, 259.
Карлъ II: Алексѣй Михайловичъ, II, 259.
Карлъ IV: чехи, I, 155.
Карлъ V: библіотека, I, 126, 150.
Карлъ IX: Польша, I, 239.
Карлъ X: Алексѣй Михйловичъ, II, 36.
Карлъ XI: реформа, II, 137, 163; Петръ I, 145.
Карлъ XII: значеніе, II, 2; Польша, 7; Петръ I, 96, 103, 104, 107, 169; смерть, 108; лубки, 387.
Карлъ Великій: южные славяне, I, 9; западные словяне, 10; значеніе, 18; монархія, 28.
Карлы, карлицы: Θедоръ I, I, 281; 15—17 в., 342, 415, 435; 18 в., II, 324.
Карпаты: начало славянъ, I, 9; граница Польши, 32; Владиміръ св., 40; граница Руси, 48; татары, 186; соль, 500; Днѣпръ, 545.
Карповка: Анна Ивановна, II, 406.
Карпъ, дьяконъ: ересь, I, 219.
Карсъ: крымская кампанія, II, 477; Александръ II, 499; телеграфъ, 505.
Карты: географія, I, 324, 467; II, 86; игра, I, 298, 342, 417, 425.
Карθагенъ: значеніе, I, 241.
Касимовъ: татары, I, 250; Иванъ IV, 270.
Каспійское море: камскіе болгары, I. 13; хозары, 13; начало славянъ, 21; варяги, 37; татары, 168; Разинъ, II, 28; Петръ I, 109; Екатерина II, 254; Александръ I, 453, 454; Александръ II, 507.
Катехизисъ: Петръ Могила, I, 559, 560; Филаретъ, II, 453.
Катковъ: Станкевичъ, II, 485; газеты, 535.
Католичество: хорваты, I, 31; чехи, 32; поляки, 33; Литва, 162; крестовые походы, 65, 66; 11—13 в., 125, 129; 15—17 в., 440, 441, 444; 17 в., II, 339, 344, 345; 18 в., 131, 207, 316, 317, 347; Александръ I, 446—449, 459; Николай I, 475, 480; Александръ II, 512.
Кауфманъ: Хива, II, 496.
Кафа: начало, I, 17; Мамай, 197; 15—17 в., 505, 507; невольники, 551. См. *Θеодосія*.
Кафтанъ: опредѣленіе, I, 530, 531; удѣлы, 75; князь, 143; Василій III, 255; Иванъ IV, 265; паденіе, II, 390.
Кахетія: Алексѣй Михайловичъ, II, 38, 40.
Каченовскіе: происхожденіе, II, 357; историкъ, 461, 489.
Каша: пиръ, I, 204.
Кашинъ: Тверь, I, 195.
Кашира: войско, I, 207; татары, 250.
Каюкъ: опредѣленіе, I, 375.
Кайнарджи, см. *Кучукъ Кайнарджи*.
Кварени: искусство, II, 385.
Квашнины: начало, I, 209.
Келаръ: опредѣленіе, I, 407.
Кельты: начало, I, 4.
Кембриджъ: университетъ, I, 67.
Кемь: 15—17 в., I, 510; телеграфъ, II, 513.
Кенигсбергъ: начало, I, 155.
Кереметь: опредѣленіе, I, 13; Николай I, 483.
Керженецъ: расколъ, II, 312, 485.
Керченскій проливъ: Глѣбъ, I, 74.
Керчь: скиθы, I, 6; греки, 17; Екатерина II, II, 221; Николай I, 477; Александръ II, 511. См. *Пантикапея*.
Кестутъ: бракъ съ русскою, I, 159; Ольгердъ, 160, 161.
Кетлеры: Курляндія I, 238; герцогство, 280; прекращеніе, II, 176.
Кибитка: опредѣленіе, I, 163; печенѣги, 14.
Кизляръ: Николай I, II, 472.
Кика: опредѣленіе, I, 522; 15—17 в., 536, 538.
Кинбурнъ: Суворовъ, II, 230.
Киноварь: опредѣленіе, I, 126; книги, 450.
Кипренскій: портретъ, II, 536.

Кипріанъ: крестьяне, I, 248; языкъ, 483.

Кипчакъ: опредѣленіе, I, 168.

Киргизы: опредѣленіе, I, 4; Порта, 13; древности, 76; Анна Ивановна, II, 170.

Кирилица: опредѣленіе, I, 30; Черногорія, 154; прекращеніе, II, 364.

Кирило - Бѣлозерскій монастырь: Нилъ Сорскій, I, 247; Вассіанъ Косой, 258; 15—17 в., 328.

Кирилъ, митрополитъ: поученія, I, 217.

Кирилъ Бѣлозерскій: монастырь, I, 215; посланія, 220.

Кирилъ Солунскій: значеніе, I, 29; южные славяне, 30; мораване, 31; смерть, 31; старо-славянскій языкъ, 482.

Кирилъ Туровскій: проповѣдь, I, 130.

Кирѣевскіе: славянофильство, II, 488, 492.

Киселевъ: Порта, II, 475; Николай I, 479; крѣпостничество, 481.

Кисловка: опредѣленіе, I, 341.

Кистень: опредѣленіе, I, 373.

Китай: опредѣленіе, I, 4; торговля съ Русью, 20; татары, 166—168, 170; деспотизмъ, 171; чиновничество, 172; значеніе, 570; Алексѣй Михайловичъ, II, 40, 388; Петръ I, 109; Петръ II, 175; Екатерина II, 207; Николай I, 472; Александръ II, 496, 501.

Китай-Городъ: начало, I, 520; гости, 403; 15—17 в., 489, 521, 524, 525; академія, II, 354; 17 в., 396; 18 в., 397.

Китоврасъ: апокрифы, I, 469.

Кишиневъ: восточная война, II, 498; Александръ II, 506.

Кіева Гора: опредѣленіе, I, 34, 35; Золотые Ворота, 58.

Кіевъ: начало, I, 10, 11, 12, 20; печенѣги, 14; древнѣйшая торговля, 22; языческій, 24—26, 34; поляки, 33; варяги, 33, 36; 9—11 в., 35, 38, 45, 47—57, 61, 63; 11 — 13 в., 70 — 74, 78, 81, 90—93, 96, 104, 107, 110, 113, 118 −120, 135, 141, 142, 145, 146; 13—15 в., 158, 161, 170, 175, 176, 180, 186, 187, 200, 209, 211, 212, 228; 15—17 в., 238, 250, 260, 280, 401, 407, 504, 552, 558 —561; значеніе, 572, 573; Алексѣй Михайловичъ, II, 34, 37; Софья, 60; Петръ I, 106; 18 в., 393; Александръ I, 441, 443; университетъ, 484; Александръ II, 506; женскіе курсы, 522; консерваторія, 540.

Кій: преданія, I, 12; перевозъ, 34, 35; лѣтопись, 56.

Клады: начало, I, 20; Пермь, 13; Кіевъ, Нѣжинъ, 61; татары, 173.

Классицизмъ: Византія, I, 17; варвары, 19; 9 — 11 в., 29, 64; Возрожденіе, 66, 146, 151; альбигойцы, 150; сборники, 221; Петръ I, II, 356; Александръ I, 431; Николай I, 488; Александръ II, 494, 536. См. *Латынь*.

Клеркъ: дьякъ, I, 213.

Клешнинъ: царевичъ Димитрій, I, 288.

Клеймо: преступники, I, 216; гербъ, II, 382.

Клейнмихели: Николай I, II, 479; Александръ II, 491.

Климентъ, митрополитъ: Изяславъ II, I, 118; эллинизмъ, 122; значеніе, 126.

Клобукъ: опредѣленіе, I, 62.

Клодтъ: живопись, II, 537; ваяніе, 538

Клодъ-Лорренъ: пейзажъ, II, 537.

Клубы: дворянство, II, 293; Екатерина II, 362.

Клѣть: опредѣленіе, I, 62, 499; горница, 514; службы, 516.

Ключникъ: опредѣленіе, I, 205; холопство, 397, 398; 15—17 в., 516, 542.

Клязьма: Боголюбово, I, 93.

Кметъ: опредѣленіе, I, 33; удѣлы, 69.

Книга Большой Чертежъ: опредѣленіе, I, 467.

Книги: начало на Руси, I, 45, 55; Византія, 67; 11 — 13 в., 74, 124, 126, 127; 13—15 в., 218, 219; 15—17 в., 236, 238, 239, 246, 448, 454—456, 557, 564; исправленіе, 258, 414, 447, 454; II, 19—23; 18 в., II, 347.

Книгопечатаніе: начало на Западѣ, I, 151, 233; Польша, 238; Германія, 448; начало на Руси, 449—451, 576; Филаретъ, 325; порча книгъ, 414; Петръ I, II, 86, 115. См. *Типографіи*.

Книгохранилище см. *Библіотека*.

Книжникъ: опредѣленіе, I, 126.

Кнутъ: происхожденіе слова, I, 48; татары, 172, 174; 13—15 в., 216; 15—17 в., 415; II, 317; Петръ I, II, 323; Елизавета, 326, 331; уничтоженіе, 519.

Княгиня: дружина, I, 51; права, 54; удѣлы, 125.

Княжата: опредѣленіе, I, 381.

Княжнинъ: Екатерина II, II, 241; Мольеръ, 373; сатира, 374.

Княжье: опредѣленіе, I, 111.

Князекъ: опредѣленіе, I, 516.

Князь: опредѣленіе, I, 4; варяги, 49; чехи, поляки, 69; начало у славянъ, 7, 21; 9—11 в., 49, 50, 53, 55; 11—13 в., 71, 90, 96, 97, 100, 101, 104—107, 110—127, 134, 142, 144; 13—15 в., 162, 204, 206, 208, 209, 218; 15—17 в., 255, 378—381, 386; 18 в., II, 282—291.

Кобза, кобзарь: опредѣленіе, I, 568; 16—17 в., 550.

Кобылины: начало, I, 209.
Кобылины-Кошкины: начало, I, 282.
Ковалевская Софья: значеніе, II, 523.
Ковалевскій Александръ: значеніе, II, 534.
Ковно: начало, I, 159; Наполеонъ I, II, 441.
Козаковъ: зодчество, II, 397.
Козельскъ: Батый, I, 169.
Козловы: начало, I, 209; поэтъ, II, 337.
Козырь: опредѣленіе, I, 532; Олеарій, 538.
Козьма Индикопловъ: 15—17 в., I, 466.
Козьма Пражскій: значеніе, I, 69.
Коканъ: Александръ II, II, 496.
Кокошникъ: зодчество, I, 486; II, 376, 377, 380, 384; нарядъ, I. 536.
Кола, городъ: Трифонъ, I, 407; 15—17 в., 510; Николай I, II, 477.
Кола, рѣка: 15—17 в., I, 504.
Кола, экипажъ: опредѣленіе, I, 62; 17 в., 506.
Колдовство: начало на Руси, I, 26; Всеславъ, 47; 13—15 в., 218; 15—17 в., 278, 436—438; Разинъ, II, 29; Матвѣевъ, 49; 17 в., 341; 347; Петръ I. 262.
Коллегіи: кіевская, I, 560; іезуиты, 555; II, 316, 317, 447; Алексѣй Михайловичъ, II, 267; Петръ I, 81, 87, 88, 141—143, 268, 270, 276, 277, 306, 320; Екатерина I, 153; Елизавета, 188; Александръ I, 430.
Коллегія Экономіи: Петръ III, II, 196; Екатерина II, 211.
Коллинсъ: сказанія иностранцевъ, II, 305.
Коловратъ: сказанія, I, 223.
Колодка, мебель: опредѣленіе, I, 529.
Колоколъ: начало на Руси, I, 226; вѣче, 100, 243; вѣстовой, 207; 15—17 в., 512. См. *Царь-колоколъ*.
Коломенское: Милославскіе, II, 9; Алексѣй Михайловичъ, 26; описаніе, 377; дворецъ, 377—382; Петръ I, 380.
Коломна: Даніилъ московскій, I, 184; Москва, 189; войско, 207; крымцы, 260.
Колонизація: опредѣленіе, I, 123; начало на Руси, 12, 21; монашество, 214; Годуновъ, 284; значеніе, 570; 17—18 в., II, 3; расколъ, 311. См. *Переселенія*.
Колпакъ: опредѣленіе, I, 531; 15—17 в., 255, 265, 533, 536, 538.
Колумбъ: значеніе, I, 233.
Колымага: опредѣленіе, I, 508; 15—17 в., 524.
Колычевы: начало, I, 209.
Кольбергъ: Елизавета, II, 192.
Кольцо, атаманъ: Иванъ IV, I, 279.
Кольцовка: преданія, I, 376.
Кольцовъ: значеніе, II, 487.
Кольчуга: татары, I, 164; 13—15 в., 224.
Коляда: опредѣленіе, I, 24.
Колядки: драма, I, 475; 15—17 в., 567.
Комедійная Палата: начало, II, 47.
Комерцъ-коллегія: Петръ I, II, 92; начало, 305.
Коммисары: сенатъ, II, 87; Петръ I, 269, 270, 275, 276, 288.
Коммиссіи: Петръ I, II, 286; о комерціи, 188; погашенія долговъ, 438; Александръ I, 449.
Комната: бояре, I, 339, 383; дума, 349; дворецъ, II, 378.
Комнены: значеніе. I, 65; просвѣщеніе, 68; Мономахъ, 82.
Коммунизмъ: секты, II, 523.
Комфортъ: опредѣленіе, II, 3, 513.
Кондорсе: Сперанскій, II, 437.
Конекъ: зодчество, I, 60, 226, 516.
Конекъ-Горбунокъ: значеніе, II, 489.
Конецъ, городская часть: Новгородъ, I, 98, 140.
Коникъ, мебель: опредѣленіе, I, 529.
Коновницыны: начало, I, 209.
Конрадъ: Мазовія, I, 69.
Консерватизмъ: опредѣленіе, I, 570; II, 420; Александръ I, II, 448; Николай I, 468, 469, 471, 473; Александръ II, 525, 535.
Консерваторія: Екатерина II, II, 240; Александръ II, 526, 540.
Константинополь: начало, I, 17; Св. Софія, 58; латиняне, 65; церковь, 118, 200, 211, 212, 407, 410; Одесса, 228; Петръ I, II, 138; Минихъ, 176, 179; Екатерина II, 207, 221, 230, 233, 237; Александръ I, 434; Николай I, 469, 473; Александръ II, 498.
Консисторія: Александръ II, II, 509, 512.
Константинъ, императоръ: паденіе Византіи, I, 152.
Константинъ Великій: самодержавіе, I, 17.
Константинъ Всеволодовичъ: Юрій II, I, 103.
Константинъ Мономахъ: раздѣленіе церквей, I, 29; Ярославъ I, 45; Владиміръ Мономахъ, 82.
Константинъ Николаевичъ: славянофилы, II, 491; Польша, 500.
Константинъ Павловичъ: Греція, II, 230, 469; Екатерина II, 243; Павелъ I, 253; Польша, 450, 470; декабристы, 467, 468; крѣпостничество, 481.
Констанцъ: соборъ, I, 155, 221.
Конституція: опредѣленіе, I, 149; чехи, 156; 17—18 в., II, 3; Крижаничъ, 353; Екатерина II, 263; Десницкій, 375; Богемія, 424; Сербія и Болгарія, 426; Румынія, 427; Турція, 427, 504; Бур-

боны, 445; Польша, 446, 471; Сперанскій, 455, 474.
Контроль: 17 в., II, 274; Петръ I, 277; Александръ II, 507, 510.
Контрфорсъ: опредѣленіе, I, 47.
Контскій: музыка, II, 540.
Контъ: западники, II, 487.
Конфедерація: опредѣленіе, I, 238; Екатерина II, II, 234.
Конференція: Елизавета, II, 185, 272.
Концессіи: Александръ II, II, 505, 521.
Кончака: Юрій Даниловичъ, I, 184; Тверь, 185.
Конюшенныя, улицы: Анна Ивановна, II, 406.
Конюшій: татары, I, 172; 13—15 в., 205; значеніе, 339.
Копейщики: удѣлы, I, 114; 17 в., II, 65.
Коперникъ: значеніе, I, 233, 238; древняя Русь, 581; Никонъ, II, 352.
Копорье: Михаилъ Ѳедоровичъ, I, 320.
Копъйка: опредѣленіе, I, 509.
Корабль: опредѣленіе, I, 506; начало на Руси, II, 42—47.
Коранъ: Александръ Невскій, I, 182; турки, 234.
Корбъ: женщина, II, 335.
Корела, *Корелія*: Лжедимитрій II, I, 305; Михаилъ Ѳедоровичъ, 320; Петръ I, II, 108.
Корея: Александръ II, II, 497.
Корзно: опредѣленіе, I, 63; Андрей Боголюбскій, 95.
Коріотскій: повѣсть, II, 357.
Кормилецъ: опредѣленіе, I, 112.
Кормленіе: опредѣленіе, I, 50; 11—13 в., 110—115; 13—15 в., 208, 209; Иванъ IV, 384; 17 в., II, 283.
Кормчая Книга: опредѣленіе, I, 213.
Корниловъ: Николай I, II, 476, 477.
Коробейниковъ: путешествіе, I, 466.
Коробьинъ: крѣпостничество, II, 300.
Королевецъ см. *Кенигсбергъ*.
Коростень: начало, I, 11; Ольга, 37.
Корпусъ см. *Кадеты*.
Корреджіо: значеніе, I, 233.
Корсаковъ: Екатерина II, II, 235, 292; Массена, 251.
Корсунъ: Хмельницкій, II, 31.
Корсунь: Крымъ, I, 17; Владиміръ св., 40, 41. См. *Херсонесъ*.
Кортецъ: значеніе, I, 233; Ермакъ, 279.
Коршъ Валентинъ: газеты, II, 535.
Космографія: опредѣленіе, I, 440; Изборникъ, 131; 15—17 в., 325, 466.
Косово Поле: битва, I, 152.
Косоги: Святославъ, I, 38; Мстиславъ, 44.
Костомаровъ: значеніе, II, 534.
Кострома: финны, I, 88; паденіе, 175; Владиміръ на Клязьмѣ, 176, 189; Василій Ярославичъ, 182; Димитрій Донской, 197; смута, 316.
Косцюшко: Екатерина II, II, 234; Павелъ I, 248: лубки, 387.
Косякъ: опредѣленіе, I, 515.
Котлинъ: Александръ Невскій, I, 178; Кронштадтъ, II, 104; Петръ I, 399.
Котляревскій: Кавказъ, II, 452.
Котовъ: путешествіе, I, 466.
Котошихинъ: приказы, I, 355; нравы, 422; женщина, 432; II, 333; Алексѣй Михайловичъ, II, 257; бояре, 265, 284; крѣпостничество, 297; понятія, 339; просвѣщеніе, 353; публицистика, 365.
Котянъ: Мстиславъ Удалой, I, 102; половцы, 103; Батый, 169.
Кохинхина: Александръ I, II, 455.
Коцебу: путешествіе, II, 461.
Кочубеи: ихъ происхожденіе, I, 553; казацкій старшина, II, 71; совѣтникъ Александра I, 429, 430, 436, 447, 457.
Кошелевъ: журналы, II, 535.
Кошки: Ѳедоръ и Захаръ, I, 282.
Кошкины: начало, I, 209; разряды, 381.
Кошутъ: значеніе, II, 474.
Кошъ: опредѣленіе, I, 370, 548.
Кощей: опредѣленіе, I, 24; сказки, 56.
Краевскій: Бѣлинскій, II, 486; газеты, 535.
Краковъ: столица, I, 33, 239; татары, 70, 170; университетъ, 157; II, 423; книгопечатаніе, I, 238; Швеція, II, 36; 17 в., 388; 19 в., 474.
Крамской: живопись, II, 537.
Красна: опредѣленіе, I, 500.
Красная Горка: опредѣленіе, I, 25.
Красная Площадь: Иванъ IV, I, 266, 277; 15—17 в., 521, 524, 525.
Красная Русь. См. *Червонная Русь*.
Красная строка: опредѣленіе, I, 126,
Красное Крыльцо: опредѣленіе I, 341, 490; встрѣча, 344; выходы, 345; бояре, 388.
Красноярскъ: налоги, I, 367; начало, II, 39.
Красные Ворота: пошибъ, II, 386; начало, 396.
Красный: битва, II, 444.
Крафтъ: лекціи, II, 362.
Крашенина: опредѣленіе, I, 530.
Крайна: славяне, II, 425.
Крайчій: значеніе, I, 339.
Кредитные билеты: Николай I, II, 480; Александръ II, II, 492, 510.
Кремль: опредѣленіе, I, 140; Новгородъ, 98; Москва, 182, 191, 195, 197,

207, 224, 313, 362, 489, 512, 513, 519—521; II, 395—397.
Крестовая: опредѣленіе, II, 378; 15—17 в., 439, 514, 528.
Крестовскій Островъ: Анна Ивановна, II, 406.
Крестовые походы: опредѣленіе, I, 65; папство, 66, 146; русская лѣтопись, 125; значеніе, 143; феодализмъ, 148.
Крестоцѣлованіе: опредѣленіе, I, 346; 15—17 в., 347.
Крестцы: опредѣленіе, I, 505; 15—17 в., 524, 525.
Крестьяне: обычное право, I, 8; феодализмъ, 28, 29; Польша, 33, 237; II, 220; чехи, I, 69, 236; 9—11 в., 52, 55, 64; 11—13 в., 111, 117; 13—15 в., 210—214; 15—17 в., 286, 298, 307, 314, 329, 350, 359, 360, 387, 392—400, 434; II, 53, 265, 296—298; 18 в., 298—302, 418, 419; Петръ I, 86, 90, 91; Анна Ивановна, 169, 170; Елизавета, 188, 190; Петръ III, 196; Екатерина II, 200, 216, 224, 239; Александръ I, 431; Николай I, 480—482; Александръ II, 493, 500, 502—505, 508, 509, 513—518, 520—524; Л. Толстой, 525; грамотность, 528; литература, 530, 533; живопись, 537.
Крещатикъ: Кіевъ, I, 34.
Криве: опредѣленіе, I, 15; Вильна, 159.
Кривичи: опредѣленіе, I, 11; варяги, 16, 33; Олегъ, 36.
Крижаничъ: одежда, I, 538; II, 390; славяне, II, 40; его жизнь, 45, 46; Өедоръ III, 257; Алексѣй Михайловичъ, 258; нравы, 318; понятія, 338; иностранцы, 340; Петръ I, 345; характеръ, 352, 353; публицистика, 365; естествознаніе, 371.
Критика: Добролюбовъ и его преемники, II, 534; искусство, 538; музыка, 540.
Критъ: Николай I, II, 475; Александръ II, 497.
Кроація: славяне, II, 425.
Кровомщеніе: начало у славянъ, I, 7; литовцы, 14; Русская Правда, 50; отмѣна, 114.
Крокъ: государство у чеховъ, I, 10.
Кромвель: значеніе, I, 232; Петръ I, II, 356.
Кромы: начало, I, 401.
Кронверкъ: опредѣленіе, II, 399; Анна Ивановна, 406.
Кронштадтъ: начало, II, 105, 399; Петръ I, 404; Петръ III, 201; Александръ II, 511.
Круглый Островъ: Петръ I, II, 404; Анна Ивановна, 406.
Круговая порука: село, I, 360; подати, 363; посадскіе, 402.
Кругъ: опредѣленіе, I, 249; донцы, 375.
Кружало: опредѣленіе, I, 525.
Крузенштернъ: путешествія, II, 432.
Крыловъ: журналы, II, 374; Александръ I, 436, 461; лжеклассицизмъ, 464; басни, 466; живопись, 537.
Крымцы: Польша, I, 237, 238; Василій III, 259—261; паденіе, 270, 271; Иванъ IV, 280; Михаилъ Өедоровичъ, 319; запорожцы, 551; Разинъ, II, 29; Хмельницкій, 32; Алексѣй Михайловичъ, 36—38.
Крымъ: хозары, I, 13, 44; Святославъ, 40; 11—13 в., 141; 13—15 в., 161, 171, 196, 206, 228; 15—17 в., 234, 250, 253, 548; 17—18 в., II, 5, 60, 71, 96, 222, 230, 233, 237; Николай I, 476—478; крымская кампанія, 491, 499, 504, 510, 511, 536, 537.
Крѣпостничество: Византія, I, 18; Западъ, 29, 148; Венгрія, 32; Польша, 33, 157; II, 474; чехи, I, 69; II, 6; румыны, 154; Порта, 235; Литва, 392; подготовка на Руси, 145; 13—15 в., 213; 15—17 в., 236, 366; 398—400, 408, 409; древняя Русь, 579; 17—18 в., II, 254, 256, 289, 296—302, 327, 372, 376; Алексѣй Михайловичъ, 25, 26, 29, 31, 34, 43; Петръ I, 90, 145; Елизавета, 190; Екатерина II, 206, 208, 212, 213, 216, 224, 227; Павелъ I, 248; Александръ I, 431, 435, 439, 447, 448, 457, 458, 465; Николай I, 487, 488; Александръ II, 493, 500, 513—518; нравы, 520; Тургеневъ, 530; Некрасовъ, 532.
Крѣпость см. *Кабала*.
Крюгеръ: Николай I, II, 468.
Крюденеръ, баронесса: Александръ I, II, 449.
Крюки: опредѣленіе, I, 496; 15—17 в., 497. См. *Ноты*.
Крюковецкій: Николай I, II, 470, 471.
Кубань: хозары, I, 13; косоги, 44; древности, 76; христіанство, 119; татары, 377; Разинъ, II, 28; некрасовцы, 96; Петръ I, 109; Екатерина II, 221, 254; войско, 255.
Кудесникъ: опредѣленіе, I, 7, 27; финны, 13; литовцы, 15.
Куинджи: пейзажъ, II, 537.
Кукуй, ручей: нѣмцы, I, 405.
Кукуй-Городокъ: начало, I, 405, 522; Алексѣй Михайловичъ, II, 10; Петръ I, 396.
Кулакъ, типъ: опредѣленіе, II, 504; Александръ II, 517, 521.
Куликово Поле: битва, I, 197, 198; сказанія, 223.
Кульджа: Александръ II, II, 496.
Кульманъ: сожженіе, II, 340.
Куль-Оба: скиѳская ваза, I, 6.

Кума, рѣка: древности, I, 76.
Куманы: румыны, I, 154.
Кумпанство: опредѣленіе, II, 72; Петръ I, 83, 262, 390; старина, 93.
Кумыки: Алексѣй Михайловичъ, II, 38.
Кунерсдорфъ: битва, II, 191.
Куницынъ: конституція, II, 446.
Кунсткамера: Петръ I, II, 86.
Кунцевичъ: унія, I, 561.
Куны: опредѣленіе, I, 20, 63.
Купечество: начало на Руси, 20; на Западѣ, 66, 230, 233; 11—13 в., 116, 117, 125, 143, 144; 13—15 в., 172; 15—17 в., 257, 280, 285, 350, 368, 420; Алексѣй Михайловичъ, II, 12; Петръ I, 92, 93, 145; Елизавета, 188, 189; 18 в., 330, 418; Александръ II, 513, 514, 520; Островскій, 533; живопись, 537. См. *Гильдія*, *Гости*, *Посадскіе*.
Кура: варяги, I, 37.
Куракины: начало, I, 209; разряды, 381; 17 в. II, 284; Петръ I, 79, 126; Анна Ивановна, 168, 173; Екатерина II, 292; Павелъ I, 248; Александръ I, 436; 437.
Куранты: начало, I, 463; Алексѣй Михайловичъ, II, 42.
Курбатовъ: Петръ I, II, 79, 84, 127, 143, 276, 277; нравы, 110, 321.
Курбскіе: разряды, I, 381; цари, 382.
Курбскій, Андрей: Иванъ, IV, I, 266, 272, 273; Лжедимитрій II, 303; соборы, 350; суевѣрія, 437; выходцы, 444; политика, 452; публицистика, 458—461; исторія, 463, 464; Библія, 480; посланія, 482; Острожскіе, 557, 558; характеръ, 581; значеніе, 585.
Курбскій: Семенъ, I, 258.
Курганъ: древности, I, 12, 16; станицы, 249.
Курень: опредѣленіе, I, 549.
Курильскіе о-ва: Александръ II, II, 497, 501.
Куріаръ, г-жа: живопись, II, 523,
Курляндія: герцогство, I, 238, 280; Петръ I, II, 104, 110; Анна Ивановна, 176; Екатерина II, 218, 219, 234; Александръ I, 457.
Курскъ: степь, I, 10; св. Ѳеодосій, 54; Годуновъ, 284, 291; начало, 401; Александръ II, II, 513.
Курсы: реальные, II, 483; женскіе, 503, 522, 526, 527.
Куртагъ: опредѣленіе, II, 167.
Курфюрстъ: опредѣленіе, I, 28; чехи, 69; значеніе, 145.
Куры, народъ: опредѣленіе. I, 12.
Кустари: 13—15 в., I, 202, 227; Александръ II, II, 504, 517, 524.
Кутайсовъ: характеръ, II, 249; Павелъ I, 252, 253.
Кутузовы: начало, I, 209; полководецъ, II, 429, 433, 442, 444; попечитель, 464.
Куцовлахи: опредѣленіе, I, 154.
Кучка, бояринъ: Москва, I, 87, 519; Улита, 87; потомки, 93.
Кучково: Москва, I, 87; урочище, 519.
Кучукъ Кайнарджи: миръ, II, 6, 221.
Кучумъ: Ермакъ, I, 279.
Кушка, казакъ: пѣсни, I, 569.
Кыянка: опредѣленіе I, 34, 35.
Кьеленъ, горы: финны, I, 574.
Кюи: опера, II, 540; критика, 541.
Кюменъ: Елизавета, II, 190.
Кяхта: Петръ II, II, 175.

Лаба: опредѣленіе, I, 9.
Лабенскій: Александръ I, II, 427.
Лабзинъ: мистицизмъ, II, 462.
Лавка, скамья: происхожденіе слова, I, 48; начало, 62
Лаврентій: лѣтопись, I, 135, 222.
Лавровская: пѣніе, II, 540.
Лагарпъ: Екатерина II, II, 206; Александръ I, 358, 427, 430.
Ладога: начало, I, 8, 20; Рюрикъ, 34; каналъ, II, 173, 175.
Ладожское озеро: каменный вѣкъ, I, 3; варяги, 16; Петръ I, II, 104.
Лажечниковъ: романы, II, 490, 494.
Лазаревы: полководецъ, II, 252, 452; откупщикъ, 330; ученый, 448; основатель института, 526.
Лазарь, евангельскій: стихи, I, 469.
Лазарь, царь: Косово Поле, I, 152.
Лалы: опредѣленіе, I, 270.
Лангевичъ: польское возстаніе, II, 500.
Ландратъ: Петръ I, II, 269, 270, 275, 281, 288.
Ландрихтеръ: Петръ I, II, 89.
Ланкастеръ: система обученія, II, 459.
Ланскіе: Екатерина II, II, 204, 235, 292; Александръ II, 493, 494, 514, 516.
Ларга: битва, II, 221.
Ларошъ: музыкальная критика, II, 541.
Ларь: происхожденіе слова, I, 48; архивъ, 98, 135, 206, 214, 243, 354.
Ластовица: опредѣленіе, I, 530.
Латинская имперія: ея исторія, I, 65; Византія, 151.
Латиняне: иностранцы въ Сербіи, I, 153. См. *Католичество*.
Латынь: Карлъ Великій, арабы, I, 19; кухонная, 29, 150; чехи, 69; Польша, 70, 582; значеніе, 238, 571.
Лафонтенъ: Екатерина II, II, 373.

Лахта: Петръ I, II, 148.
Лайбахъ: славяне, II, 425.
Лебединъ: начало, II, 33.
Лебланъ: Петръ I, II, 118, 384.
Левашовы: начало, I, 209.
Левицкій: Румянцовъ, II, 221; портреты, 386.
Левчатъ: опредѣленіе, II, 380.
Левшины: начало, II, 357.
Левъ Даниловичъ: Львовъ, I, 188.
Легистъ: опредѣленіе, I, 149; приказы, 355.
Легитимизмъ: опредѣленіе, II, 420.
Ледовитый океанъ: казаки, I, 428; 18 в., II, 253; расколъ, 312; Александръ II, 535.
Ледяной Домъ: Анна Ивановна, II, 170.
Лезгины: Петръ I, II, 109; Екатерина II, 254; Александръ I, 452; Николай I, 472.
Леклеркъ: русская исторія, II, 376.
Лекціи: Елизавета, II, 359; Екатерина II, 362; Николай I, 481, 494; Александръ II, 523, 527.
Лелевель: значеніе, II, 423; Николай I, 470.
Ламбергъ см. *Львовъ*.
Лемохъ: живопись, II, 552.
Лена: Михаилъ Өедоровичъ, I, 325; открытіе, II, 39; 17 в., 304.
Лентія: опредѣленіе, I 528.
Ленъ, землевладѣніе: опредѣленіе, I, 19; потомство Карла Великаго, 28.
Леонова: пѣніе, II, 540.
Леонтьевъ: Уложеніе, II, 12.
Леонъ, епископъ: посты, I, 122; ересь, 127.
Лепанто: битва, I, 234.
Лепехинъ: экспедиція, II, 362.
Лермонтовъ: значеніе, II, 486; Некрасовъ, 532; живопись, 537.
Лесажъ: переводъ, II, 368.
Лессингъ: Карамзинъ, II, 373.
Лестокъ: Анна Леопольдовна, II, 180, 181; Елизавета, 185, 186; Петръ III, 196; Екатерина II, 210.
Летты: опредѣленіе, I, 14.
Лефортъ: Голицынъ, II, 62; характеръ, 66, 67, 325; Азовъ, 71; старина, 76, 95; Петръ I, 69, 73, 79, 114; Меншиковъ, 123.
Лещинскій: Карлъ XII, II, 105; Анна Ивановна, 176.
Лейбницъ: абсолютизмъ, II, 1; Полтава, 138; чины, 285; Петръ I, 75, 84, 86, 112, 146, 356, 413.
Лейпцигъ: Радищевъ, II, 349; битва, 445; Александръ II, 490, 526, 528.
Лейхтенбергскій, герцогъ: Алексанръ II, II, 490.
Лжедекреталіи: опредѣленіе, I, 28 русское духовенство, 119.
Лжедимитрій I: іезуиты 239; начало, 291; Мнишки, 294; портреты, 295; Годуновъ, 296; царствованіе, 297—299; смерть, 300; Василій Шуйскій, 301; Лжедимитрій II, 303; Скопинъ-Шуйскій, 305; Щелкаловы, 355; бояре, 385; крѣпостничество. 399; посадскіе, 402; иностранцы, 405; Маржеретъ, 406; значеніе, 424, 585; католичество, 441; сказанія, 464; пѣсни, 470; оркестръ, 495; борода, 534; столица, II, 138; реформы, 139.
Лжедимитрій II: начало. I, 302; Тушино, 303—307; смерть, 308.
Лжеклассицизмъ: значеніе, II, 1, 3; паденіе, 374; Державинъ, 375; бесѣдисты, 464; Пушкинъ, 467; искусство, 551, 553.
Лжесебастіаны: значеніе, I, 233.
Ли, ученый: Петръ I, II, 81, 86.
Либерализмъ: опредѣленіе, II, 420; 19 в., 421; Александръ I, 430, 445—448, 461—463; Николай I, 468; Бѣлинскій, Пруссія, 487; Александръ II, противодѣйствіе патріотовъ, 499; иностранная политика, 501; реакція, 525; Тургеневъ, 531.
Ливенъ, графиня; Павелъ I, II, 291; крѣпостничество, 292.
Ливій: Длугошъ, I, 236.
Ливны: начало, I, 284.
Ливонія: Новгородъ, I, 63; меченосцы, 108; Литва, 178, 253; Польша, 238; Иванъ IV, 244, 270, 271, 279, 280, 281, 576; Лжедимитрій II, 305; протестантство, 449; Алексѣй Михайловичъ, II, 36; Нащокинъ, 41.
Ливонскій орденъ: Смоленскъ, I, 104; Курляндія, 238. См. *Меченосцы*.
Ливы: опредѣленіе, I, 14; славяне, 108; нѣмцы, 109.
Лигницъ: битва, I, 170.
Лиговка: Анна Ивановна, II, 406.
Лидерсъ: Александръ II, II, 491.
Лимонарь См. *Цвѣтникъ*.
Линаръ: Анна Леопольдовна, II, 177, 179, 180.
Линіи: сторожевыя, I, 325; Кавказъ, II, 38, 452, 472; Малороссія, 254.
Липица: битва, I, 103.
Лисовскій: характеръ. I, 303; Лжедимитрій II, 304, 305; Псковъ, 310; гибель, 317, 318.
Лисовчики: опредѣленіе, I, 303.
Листъ: русская музыка, II, 540
Литавры: опредѣленіе, I, 372.
Литва, литовцы: начало, I, 4—7, 11, 14, 15; 9—11 в., 45; 11—13 в., 83, 104—109; 13—15 в., 157, 175, 178, 971,

185—189, 195, 196, 199, 200, 209, 210—212, 221—223, 228, 230; 15—17 в., 237, 241, 252, 253, 255, 259, 260, 280, 281, 302, 303, 392, 440, 449, 552; Петръ I, II, 94, 299; Екатерина II, 234; Александръ I, 435, 446; Николай I, 470; Александръ II, 515, 520.

Литература см. *Письменность*.

Литовскій Статутъ: 15—17 в., I, 552; Петръ I, II, 291.

Литты: іезуиты, II, 317; Александръ I, 447.

Лифляндія: Петръ I, II, 104, 109, 127; Петръ II, 155; Екатерина II, 215; чиновничество, 290.

Лихачевъ: Өедоръ III, II, 49; Нарышкины, 54; значеніе, 284.

Лихуды: Софья, II, 59; ересь, 342; академія, 354, 355.

Лицей: Александровскій, II, 513; Нѣжинскій, 229; Ришельевскій, 526; Царскосельскій, 431, 450, 458; цесаревича Николая, 526; Ярославскій, 526.

Личина: опредѣленіе, I, 114.

Лобачевскій: математика, II, 534.

Лобное Мѣсто: Иванъ IV, I, 266; драма, 475, 476; Олеарій, 486; 15—17 в., 521, 525; 18 в., II, 397.

Ловичъ, княгиня: Константинъ Павловичъ, II, 450.

Ловчій: опредѣленіе, I, 340; 13—15 в., 205.

Ловы см. *Охота*.

Логинъ: Діонисій, I, 418, 454; пѣніе, 496.

Логофетъ: языкъ, I, 483.

Лодзь: Александръ II, II, 506.

Лодка, ладья: опредѣленіе, I, 507; начало у славянъ, 8; Новгородъ, 11; погребеніе, 27; викинги, 36.

Локкъ: Екотерина II, II, 348, 373; переводъ, 368.

Ломбардъ: Александръ II, II, 524, 526.

Ломоносовъ: Максимъ Грекъ, I, 445; Петръ I, II, 111, 115; Елизавета, 189; Екатерина II, 242; нравы, 329, 331, 332; просвѣщеніе, 348; Шумахеръ, 359; Западъ, 368; публицистика, 369; значеніе, 370, 371, 415; исторія, 372; мозаика, 387; фабрики, 393.

Лонгобарды: переселеніе народовъ, I, 9.

Лондонъ: наши выходцы, II, 507.

Лопари: финны, I, 12; св. Трифонъ, 407; Александръ II, II, 544.

Лопатинскій: Яворскій, II, 364.

Лопухины: Петръ I, II, 96, 97, 330; масонъ, 224, 284, 351; штатсъ-дама, 326; царица см. *Евдокія Өеодоровна*.

Лорисъ-Меликовъ: Александръ II, II, 498, 501.

Лосенко: портретъ, II, 386.

Лотерея: 18 в., II, 278.

Луба: Марина, I, 320; самозванцы, II, 257.

Лубки, картины: начало, I, 473, 474; 15—17 в., 492; 17 в., II, 382; 18 в., 386; Петръ I, 94, 111; Потемкинъ, 237; Александръ I, 465; 19 в., 553.

Лубы, чертежи: опредѣленіе, I, 331.

Луговая Могила: опредѣленіе, I, 26.

Лужичане: начало, I, 9; 19 в., II, 424, 425.

Лузація: лужичане, II, 424.

Луи-Бланъ: Николай I, западники, II, 487.

Луи-Филиппъ: буржуазія, II, 421.

Лука, евангелистъ: Владимірская Божія Матерь, I, 90.

Лука Жидята: значеніе, I, 125; поученіе, 130.

Лупалова: Александръ I, II, 460.

Лучшіе люди. Новгородъ, I, 97, 98, 102; вѣче, 101; удѣлы, 113, 116, 117.

Луцидарій: опредѣленіе, I, 466.

Лыбедь: преданія, I, 12; Рогнѣда, 34; Юрій Долгорукій, 89.

Лысая Гора: язычество, I, 24.

Лысенко: опера, II, 541.

Лыцарство: опредѣленіе, I, 547; 16—17 в., 548—553.

Львовъ, городъ: начало, I, 188; братство, 299, 559; типографія, 452, 559; православіе, 555; Хмельницкій, II, 31; университетъ, 423.

Львовъ, ученый: просвѣщеніе, II, 361; пѣсни, 387.

Лѣсковъ: реакція, II, 534.

Лѣсная: битва, II, 105.

Лѣствичное восхожденіе: опредѣленіе, I, 20; удѣлы, 72, 104, 106, 110; паденіе, 176, 189.

Лѣтникъ: опредѣленіе, I, 535; 15—17 в., 538.

Лѣтній Садъ: начало, II, 402; Анна Ивановна, 406; Елизавета, 170; Екатерина II, 409.

Лѣтопись: начало на Руси, I, 56, 134; 11—13 в., 72, 82, 84, 88, 105, 114, 125, 127, 132, 134, 135; 13—15 в., 222; 15—17 в., 235, 261, 265, 342, 380, 406, 442, 461—463; 17 в., II, 16, 365; 18 в., 132, 346; Александръ I, 467.

Лѣтосчисленіе: 15—17 в., I, 530; Петръ I, II, 83, 93, 146, 356.

Лѣчецъ: опредѣленіе, I, 123.

Лѣшій: опредѣленіе, I, 23, 24.

Любекъ: торговля съ Русью, I, 141; Новгородъ, 228; Петръ I, II, 391.

Любечъ: начало, I, 20; Святополкъ, 43; съѣзды, 79, 80, 88.

Люблинъ: унія, I, 238.

Любляны см. *Лайбахъ.*
Любомірскіе: 15—17 в., I, 553.
Любуша: значеніе, I, 10.
Люди: опредѣленіе, I, 52; удѣлы, 114—117.
Людки: опредѣленіе, I, 23.
Людмила: христіанство у чеховъ, I, 32.
Людовикъ венгерскій: Польша, I, 157.
Людовикъ XI: абсолютизмъ, I, 232; Иванъ III, 239.
Людовикъ XIV: московскіе послы, I, 414; 17—18 в., II, 1; Англія, 2; войны, 137; Петръ I, 142, 144; Екатерина II, 209, 240; самодержавіе, 262.
Людовикъ XV: Петръ I, II, 110; Елизавета, 183; нравы, 236; Екатерина II, 238, 243.
Людовикъ XVI: Потемкинъ, II, 237; Екатерина II, 240, 243.
Людовикъ XVIII: Екатерина II, II, 241; Павелъ I, 250, 251; Александръ I, 445.
Лютеранство: начало, I, 233; 18 в., II, 313.
Лютичи: начало, I, 9; Карлъ Великій, 10.
Ляпуновы: Лжедимитрій I, I, 296; запись, 385; Прокопій, 281, 302, 310, 312.
Ляхи: ятвяги, I, 15; объединеніе, 32.
Ляхъ: преданіе, I, 10; Русь, 12.

Магдебургское право: Польша, I, 156; 13—15 в., 210; 15—17 в., 401, 552, 553; братство, 558; Украйна, II, 34.
Магдебургъ: поляки, I, 33, 157.
Магелланъ: значеніе, I, 233.
Магистраты: Петръ I, II, 92, 144, 270; Елизавета, 188; Екатерина II, 307. См. *Ратуша.*
Магнаты: опредѣленіе, I, 32; Галичъ, 106; Малороссія, II, 291.
Магницкій: ученый, II, 365, 366; попечитель, 452.
Магнусъ: сказанія, I, 223; Иванъ IV, 280.
Магогъ: сказки, I, 473.
Магометанство: камскіе болгары, I, 13; хозары, 14, 30; Владиміръ св., 40; крестовые походы, 65, 143; татары, 163, 168, 171, 172, 181; османліи, 234.
Магометъ II: Византія, I, 152.
Мадагаскаръ: Петръ I, II, 122; Беневскій, 223.
Мадьяры см. *Венгрія.*
Мазандеранъ: Петръ I, II, 109.
Мазепа: пѣсни, I, 569; Софья, II, 60; характеръ, 69, 70; Петръ I, 71; Украйна, 105, 106.
Мазовія: нѣмцы, I, 69; тевтонскій орденъ, I, 109.
Макарій: типографія, I, 449; исторія, 463; Четіи Минеи, 478; Максимъ Грекъ, 576; Димитрій ростовскій, II, 132.
Макарова: литература, II, 460.
Макаровъ: Петръ I, II, 84; нравы, 110; характеръ, 126.
Македонія: Душанъ, I, 153.
Македонцы, династія: значеніе. I, 29.
Макіавель: значеніе, I, 233.
Маккавеи: опера, II, 555.
Маковница: опредѣленіе, I, 226.
Маковскіе: живопись, II, 523, 537.
Максимовичъ: народность, II, 489.
Максимъ, митрополитъ: Владиміръ, I, 211.
Максимъ Грекъ: Василій III, I, 258, 259; Иванъ IV, 271, 576; нравы, 427; суевѣрія, 437; просвѣщеніе, 445—449; публицистика, 458; Библія 480; характеръ, 581; Никонъ, II, 19.
Малая Азія: начало славянъ, I, 8; варяги, 37; Византія, 65; Мурадъ, 152;
Малаховскій: Екатерина II, II, 233.
Малаховъ Курганъ: битва, II, 477. Александръ II, 506.
Малайцы: Александръ II, II, 535.
Малороссія, *малороссы*: опредѣленіе, I, 12; II, 33; начало, I, 144; іезуиты, 239; 15—17 в., 545—569; II, 265, 366, 388; 18 в., II, 253, 254, 277, 291, 301, 313; Алексѣй Михайловичъ, 11, 16, 30—35, 354, 355; Ртищевъ, 43, 44, 352; Петръ I, 93, 106, 143, 270, 287, 369; Меншиковъ, 125; Михаилъ Голицынъ, 134; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 169; Елизавета, 186, 189; Екатерина II, 215, 218, 239, 256; 19 в., 538; Александръ II, 502; дворянство, 482; славянофилы, 489; община, 518; цензура, 529; опера, 541.
Малоярославецъ: битва, II, 443.
Малъ: Игорь, Ольга, I, 37.
Малый: живопись, I, 491.
Мальборо: Минихъ, II, 173.
Мальпляке: Полтава, II, 138.
Мальта: русскіе, I, 551; Екатерина II, II, 229; Павелъ I, 250, 251; Александръ I, 432.
Мальтійскій орденъ: Павелъ I, II, 252, 317; Александръ I, 432.
Малюта Скуратовъ: опричнина, I, 274, 276; Годуновъ, 283; дочь, 306.
Мама: опредѣленіе, I, 340, 379.
Мамай: паденіе, I, 171; Тверь, 195; Димитрій Донской, 196, 197; преданія, 252.
Мамоновъ: Екатерина II, II, 235; крѣпостничество, 457.

Манджурія: Александръ II, 496.
Манихеи: опредѣленіе, I, 31; апокрифы, 477.
Маргаритъ: сборники, I, 479.
Маржеретъ: записки, I, 406.
Маріенбургъ: Екатерина I, II, 152.
Маріуполь: Николай I, II, 477.
Марія грузинская: Павелъ I, II, 452.
Марія тверская: Иванъ III, I, 200, 244.
Марія Александровна: Александръ II, II, 491; женское образованіе, 527.
Марія Владиславовна: Годуновъ, I, 287.
Марія Нагая: Иванъ IV, I, 275; царевичъ Димитрій, 281, 288; Лжедимитрій I, 297.
Марія Николаевна: Александръ II, II, 490.
Марія-Терезія: чехи, II, 6; Елизавета, 179, 191; Екатерина II, 207, 220, 244.
Марія Ѳедоровна: портретъ, II, 246; характеръ, 247; нравы, 331, 338; зодчество, 411, 412; Павелъ I, 242, 252; Александръ I, 429, 450; Жуковскій, 461; Александръ II, 527.
Маркевичъ г-жа: повѣсти, II, 514.
Маркизъ: 18 в., II, 291.
Маркъ, евангелистъ: мозаика, I, 58.
Маркъ Аврелій: переводъ, II, 368.
Марли: Петръ I, II, 356.
Мароко: русскіе, I, 551.
Мартъ: начало года, I, 223.
Мартыновъ: древности, II, 538.
Марѳа, Романова: Годуновъ, I, 290; Михаилъ Ѳедоровичъ, 316, 322.
Марѳа, царица см. *Марія Нагая*.
Масоны: начало, II, 349, 351; просвѣщеніе, 361; Западъ, 373; Екатерина II, 363; Павелъ I, 243; Александръ I, 449, 450, 462.
Массена: Корсаковъ, II, 251.
Мастерскія улицы: Анна Ивановна, II, 406.
Мастеръ: искусство, I, 224.
Мастрюкъ: пѣсни, I, 470.
Матвѣевъ Андрей: характеръ, II, 62. 126; Петръ I, 79; записки, 365.
Матвѣевъ Артамонъ: живопись, I, 492; значеніе, II, 42, 43. 284; Спафарій, 46; театръ, 47; Ѳедоръ III, 49; Апраксина, 50; Нарышкины, 54; Софья, 55, 56; Мазепа, 70; суевѣрія, 340; исторія, 365.
Мать Сыра-Земля: опредѣленіе, I, 23.
Махметъ см. *Ахматъ*.
Махметъ-Аминь: Иванъ III, I, 252.
Мацѣевицы: битва, II, 234.
Мацѣевичъ: крѣпостничество, II, 212; Екатерина II, 223, 224; значеніе, 313, 314.
Машины: Александръ II, II, 504; крѣпостничество, 516.
Майданъ: опредѣленіе, I, 375.
Майковъ: поэзія, II, 534.
Майнцъ: московскіе послы, I, 414.
Майоратъ: Петръ I, II, 88; отмѣна, 288; Николай I, 482.
Мебель: 15 — 17 в., I, 529; 17 в. II, 380, 382, 389.
Медаль: награда, I, 372, 374.
Медвѣдевъ: значеніе, II, 60; Іоакимъ, 340; ересь, 341, 342; понятія, 355; записки, 365; Ѳедоръ III, 335; Софья, 53; Петръ I, 63—66.
Медвѣдица, рѣка: Петръ I, II, 96.
Медико-хирургическая академія: Павелъ, I, II, 411.
Медицина: Западъ, I, 67; арабы, 126; 11—13 в., 126; 13—15 в., 172, 219; 15—17 в., 255, 268, 285, 322, 417, 440, 466, 502, 526; II, 388; 18 в., II, 86, 347, 394; Алексѣй Михайловичъ, 42; Петръ I, 78, 82, 83, 86, 92; Бестужевъ, 185; Анна Ивановна, 406; Екатерина II, 217; Александъ II, 503, 508, 522, 527.
Медуша: опредѣленіе, I, 62.
Межеваніе: 15—17 в., I, 360; Ѳедоръ III, II, 50; Софья, 59; Елизавета, 188; Екатерина II, 215, 254, 273; Александръ II, 526.
Мекленбургъ: торговля съ Русью, I, 228; Петръ I, 110.
Мелентьева: Иванъ IV, I, 275.
Мельниковъ: романы, II, 533.
Менгли-Гирей: Иванъ III, I. 252.
Менделѣевъ: значеніе, II, 534.
Менезіусъ: Петръ I, II, 60.
Меннониты: штунда, II, 512.
Ментенонъ: Петръ I, II, 120; Екатерина II, 239.
Меншикова: дочь птенца Петра I, II, 153, 155, 158; пѣвица, 540.
Меншиковъ Александръ: Петръ I, II 79, 104, 113, 127, 149; Алексѣй Петровичъ, 98, 100; Екатерина I, 151—154; Петръ II, 155 — 158; Украйна, 105; нравы, 110, 123—125, 321, 324; дворецъ, 119, 399; Ягужинскій, 126; староруссы, 133; князь, 287; иностранцы, 345; лубки, 387; Петербургъ, 401, 405; Ораніенбаумъ, 404.
Меньшиковъ, адмиралъ: Николай I, II, 475—477; Александръ II, 491.
Меньшіе люди: опредѣленіе, I, 242; Новгородъ, 243.
Мердеръ: Александръ II, II, 490.
Мережковскій: поэзія, II, 534.
Мерзляковъ: критика, II, 461; романсы, 466.
Мерикъ: Михаилъ Ѳедоровичъ, I, 321.

Меркантилизмъ: 17—18 в., Петръ I, 136, 142, 276.
Меркаторъ: Космографія, I, 467.
Меря: опредѣленіе, древности, I, 12; начало славянъ, 88.
Мессіанцы: поляки, II, 473, 474.
Метафизика: 19 в., II, 422, 423; Александръ I, 465, 466; Станкевичъ, 485; Бѣлинскій, 488; Тургеневъ, 530; Левъ Толстой, 533.
Метрическія книги: Петръ I, II, 89.
Меттернихъ: значеніе, II, 420; реакція, 445, 448, 449; Нессельроде, 446, 451; Александръ I, 453; Николай I, 468—471, 473, 475.
Мефистофель: статуя, II, 538.
Мехмедъ-Али: Николай I, II, 471.
Меченосцы: начало, I, 108; тевтонскій орденъ, 109; Литва, 158—160. См. *Ливонскій орденъ*.
Мечиславъ: христіанство, I, 32.
Мечниковъ: естествознаніе, II, 534.
Мещерскіе: разряды, I, 381.
Меѳодій: значеніе, I, 29; южные славяне, 30; мораване, 31; чехи, 32; языкъ, 482.
Мейербергъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 8; Никонъ, 13; 17 в., 305.
Мейнгардъ: Западная Двина, I, 108.
Мизія: начало славянъ, I, 9.
Миклуха-Маклай: путешествіе, II, 535.
Микула Селяниновичъ: опредѣленіе, I, 26.
Микулинскіе: удѣлы, I, 378.
Микѣшинъ: Екатерина II, II, 246; значеніе, 553.
Миланъ: Габсбурги, II, 2.
Милиція: Александръ I, II, 435.
Миллеръ, ученый: цензура, II, 346; значеніе, 372.
Милліонная: начало, II, 402.
Милонѣгъ: зодчество, I, 135.
Милорадовичи: дворянство, II, 291.
Милославскіе: смута, I, 307, 309; Софья, II, 51; Нарышкины, 54; старина, 97; 17 в., 284; Ѳедоръ III, 49; Алексѣй Михайловичъ, 9, 11, 19, 46, 47, 49; Петръ I, 73, 76, 96.
Милютинъ: Александръ II, II, 500, 501, 510; крѣпостничечтво, 493; Польша, 500; паденіе, 516; гимназіи 529.
Мингрелія: Александръ I, II, 452.
Миндовгъ: значеніе. I, 158; завоеванія. 178; Шварнъ, 188.
Мининъ: смута, I, 312, 313, 316; новикъ, 386; нравы, 428; сказанія, 464; статуя, II, 537.
Министерства: начало, II, 430, 435; Сперанскій, 437, 455, 456, 458; государственныхъ имуществъ, 479; Александръ II, 507.
Министры: Петръ I, II, 84, 269; 18 в., 271.
Минихъ: характеръ, II, 173—175; самодержавіе, 271; войско, 282; Петербургъ, 405—407; Петръ I, 127, 138, 147; Анна Ивановна, 168, 169; Анна Леопольдовна, 177—181; Елизавета, 182; Петръ III, 196, 201; Екатерина II, 202, 210, 214.
Миніатюра: Византія, I, 17; Польша, 157; Марко Поло, 167; начало на Руси, 131, 138; 13—15 в., 224; 15—17 в., 492.
Миннезингеры: опредѣленіе, I, 67; паденіе, 150.
Минскій-Виленкинъ: поэзія, II, 534.
Минскъ: начало, I, 47.
Мирабо: Екатерина II, II, 240, 244; Строгоновъ, 430.
Мировичъ: Иванъ VI, II, 182, 223.
Мировые посредники: начало, II, 517, 519, 520; значеніе, 493.
Мировые судьи: Александръ II, II, 495, 508, 509, 519, 520, 523; Польша, 500.
Миссіонерское Общество: начало, II, 512.
Мистеріи: Малороссія, I, 567; Москва, II, 383.
Мистицизмъ: масоны, II, 349, 351; 19 в., 420, 422, 423, 554; Александръ I, 429, 448—454, 462; карамзинисты, 464, 465; Нарѣжный, 466; поляки, 473; Левъ Толстой, 533.
Митава: Анна Ивановна, II, 160, 166, 168; Биронъ, 179; Людовикъ XVIII, 251; Александръ I, 434.
Митрополитъ: Владиміръ св., I, 41; Ярославъ I, 46; Кіевъ, 52, 53, 200, 242; удѣлы, 118; 13—15 в., 213; Москва, 192, 200, 211.
Митрофанъ, епископъ: значеніе, II, 132.
Митхадъ: Александръ II, II, 497.
Митяй, митрополитъ: Димитрій Донской, I, 212, 214; сказанія, 223.
Михаилъ, архангелъ: апокрифы, I, 221.
Михаилъ, митрополитъ: Владиміръ св., I, 41.
Михаилъ Болгарскій: христіанство, I, 30.
Михаилъ Византійскій: варяги, I, 18; македонцы, 29.
Михаилъ Олельковичъ: Новгородъ, I, 242.
Михаилъ Павловичъ: Польша, II, 444.
Михаилъ Палеологъ: латинская имперія, I, 66.
Михаилъ Сербскій: значеніе, I, 31.
Михаилъ Тверской: Александровичъ,

I, 194, 195; Борисовичъ, 241; Ярославичъ, 105, 184, 185, 192, 223.
Михаилъ Хоробритъ: Москва, I, 105; родовой бытъ, 176; характеръ, 180.
Михаилъ Черниговскій: княженіе, I, 104; сказанія, 223; стихи, 469; мощи, 485.
Михаилъ Өедоровичъ: Годуновъ, I, 290; смута, 307, 313; избраніе, 315, 316; царствованіе, 317—325; самодержавіе, 335, 385; печать, 337; соборы, 350, 352; дьяки, 356; выборные, 358; войска, 371, 377; мѣстничество, 388; крѣпостничество, 399; посадскіе, 402, 403; иностранцы, 405, 503; церковь, 406, 418; нравы, 425, 428; суевѣрія, 438; просвѣщеніе, 454; дворецъ, 489, 490, 492; оркестръ, 495; Москва, 520; дворъ, 539; чай, 542; Кавказъ, II, 38; Сибирь, 39; Петръ Могила, 44; реформы, 139.
Мицкевичъ: значеніе, II, 423; мистицизмъ, 473.
Мишка Черкашенинъ: пѣсни, I, 470.
Миѳологія: опредѣленіе, I, 4; 13—15 в., 220.
Міръ см. *Община*, *Село*.
Мнишекъ, Георгій: Лжедимитрій I, I, 294; портретъ, 295; Шуйскій, 301.
Мнишекъ, Марина: характеръ, I, 294; портретъ 295; Лжедимитрій I, 299, 300; Шуйскій, 301; Лжедимитрій II, 303—306; Ивашка, 308; смерть, 317; Луба, 320; суевѣрія, 429, 440; значеніе, 435; сказанія, 464; пѣсни, 470; дворъ, 539; коронованіе, II, 153.
Многоженство: начало славянъ, I, 22; Владиміръ св., 39; 9—11 в., 54; Сарай, 173; татары, 196.
Могила Петръ: значеніе, I, 559, 560; катехизисъ, 566; Михаилъ Өедоровичъ, 44.
Могилевъ: типографія, I, 559; Карлъ XII, II, 105; іезуиты, 316, 317; община, 518.
Могилы: начало славянъ, I, 23, 26; язычество, 23, 25; погребеніе, 27; финны, 88; курганъ, 545.
Можайскъ: Юрій Даниловичъ, I, 184; Москва, 189; Василій II, 200.
Мозаика: опредѣленіе, II, 401; Византія, I, 17; св. Софія въ Кіевѣ, 46, 57, 58; Дмитріевскій соборъ, 138; 15—17 в., 493; Ломоносовъ, II, 387.
Моздокъ: Екатерина II, II, 254.
Моисей: апокрифы, I, 291.
Молдавія: княжество, I, 154; торговля съ Русью, 228; Сулейманъ, 234; Валахія, 235; Иванъ III, 253; 17—18 в., II, 6; Петръ I, 107; сходцы, 254; 19 в., 427; Николай I, 471, 475; Александръ II, 478.
Молога: Новгородъ, I, 101; ярмарка, 191; 15—17 в., 504.
Молокане: опредѣленіе, II, 316; Александръ II, 512.
Мольеръ: Алексѣй Михайловичъ, II, 354; Петръ I, 367; Екатерина II, 373.
Монархизмъ: Западъ, I, 145, 148, 149; чехи, 155, 236; 13—15 в., 229; 15—17 в., 232; протестантство, 234; поляки, юристы, 237. См. *Абсолютизмъ*.
Монашество: классицизмъ, I, 19; болгары, 30; папство, 66; начало на Руси, 54; 9—11 в., 45, 55, 57; 11—13 в., 82, 89, 118, 120—126, 129, 135, 147; 13—15 в., 158, 203, 211, 214—219, 223, 225; 15—17 в., 248, 258, 268, 289, 296, 382, 406—409, 418, 488, 538; Петръ I, II, 83, 88, 89, 146, 344; Чудовъ монастырь, 382.
Монголы: опредѣленіе, I, 4, 162; начало славянъ, 12; печенѣги, 14, 19; Чингисханъ, 65; Россія, 570; нашъ эпосъ, II, 535.
Монета: камскіе болгары, I, 13, 168; начало на Руси, 16, 20; 9—11 в., 43, 61—63; 11—13 в., 138, 142, 156; 13—15 в., 226, 228; 15—17 в., 261, 262, 332, 494, 508—510; 17 в., II, 274, 382, 387, 388; 18 в., 278, 393, 394; Алексѣй Михайловичъ, 26; Петръ I, 255, 276, 391; Иванъ VI, 177; Петръ III, 196; Александръ I, 438; Николай I, 480. См. *Деньги*.
Мониста: опредѣленіе, I, 335; 15—17 в., 538.
Мономаховичи: удѣлы, I, 83, 87; Мстиславъ Удалой, 103; Волынь, 106.
Монополія: 15—17 в., I, 368, 540; Михаилъ Өедоровичъ, 325; 17 в., II, 273; Петръ I, 90, 145, 276, 277; Екатерина I, 153; Александръ II, II, 517, 520.
Монплезиръ: Петръ I, II, 118, 404.
Монсы: Анна, II, 67, 93, 96, 109, 110, 152; ея братъ, 110, 113.
Монтескье: значеніе, II, 4; дворянство, 293; Екатерина II, 211, 360; Кантемиръ, 368; Сперанскій, 437; Александръ I, 461.
Монферранъ: Исаакіевскій соборъ, II, 538.
Моравія, моравяне: начало, I, 9; венгры, 32; Польша, 33; 9—11 в., 31; татары, 170; 19 в., 423, 424.
Моравскіе братья: Голицынъ, II, 449.
Морганатическій бракъ: опредѣленіе, II, 336.
Моргъ: опредѣленіе, I, 218.
Мордва: опредѣленіе, I, 4, 12; русскія переселенія, 201; Казань, 270; 18 в., II, 330.

Мордвиновъ: крѣпостничество, II, 292; бесѣдисты, 464; Александръ I, 430. 434, 452.
Морни: Александръ II, II, 497.
Морозовы: начало, I, 209; разряды, 381; 17 в., II, 284; Борисъ, I, 315, 453, 492, 585; II, 11, 12, 43, 333, 340, 352; раскольница, 335.
Морскія улицы: начало, II, 404.
Морской царь: пѣсни, I, 56.
Моръ: 11—13 в., I, 78, 109, 119; 13—15 в., 201, 202, 213, 218, 229; 15—17 в., 326, 514, 525; 17—18 в., II, 256; Петръ I, 82, 111; Александръ I, 455; Александръ II, 503.
Москаль: опредѣленіе, II, 35.
Москва: финны, I, 12, 88; начало, 87, 89; 11—13 в., 91, 104, 105; 13—15 в., 159—162, 169, 175, 176, 182, 184, 186, 189—191, 201, 203, 208, 209, 211, 220—230; 15—17 в., 235—238, 277, 280, 284, 327, 328, 350, 402, 471, 489, 504, 505, 517—527, 558, 563; 17 в., II, 281, 395; 18 в., 396—398; Алексѣй Михайловичъ, 26, 256; Петръ I, 105, 312; значеніе, 150; Петръ II, 159; Анна Ивановна, 164, 167; Елизавета, 184, 189; Екатерина II, 223, 227, 256, 295; Наполеонъ I, 443; Александръ II, 513; Пушкинъ, 486; университетъ, 522; этнографія, 527; славянофилы, 535; соборъ Спаса, 538; консерваторія, 540.
Москва рѣка: судоходство, I, 182; Коломна, Можайскъ, 184.
Москвитинъ: Петръ I, II, 95.
Московія: опредѣленіе, I, 325; значеніе, 575—579.
Московка, монета: опредѣленіе, I, 227.
Московская Компанія: англичане, I, 405.
Московская Сторона: Петербургъ, II, 404, 406.
Мочаловъ: театръ, II, 466.
Мощи: удѣлы, I, 122, 125, 15—17 в., 485.
Мойка: Петръ I, II, 404; Анна Ивановна, 406.
Мстиславскіе: Θеодоръ I, I, 282; разряды, 381; паденіе, 386.
Мстиславъ Великій: значеніе, I, 83; потомство, 84, 91, 92; древнѣйшая грамота, 135.
Мстиславъ Даниловичъ: Литва, I, 159.
Мстиславъ Тмутараканскій: Ярославъ I, I, 44; смерть, 45; Баянъ, 56; Ростиславъ, 73.
Мстиславъ Удалой: значеніе, I, 91, 112; характеръ, 102, 144; Юрій II, 103; Калка, 104, 167.
Мстиславъ Храбрый: значеніе, I, 91, 112; Андрей Боголюбскій, 93; Новгородъ, 102; характеръ, 144.
Мужикъ: опредѣленіе, I, 52.
Музей: Петръ I, II, 86; чешскій, 423; румянцевскій, 397; педагогическій, 527; этнографическій, 527; историческій, 539.
Музыка: 11—13 в., I, 120; 15—17 в., 298, 342, 494, 495; 17 в., II, 382; Алексѣй Михайловичъ, 354; Петръ I, 115; Елизавета, 184; 18 в., 387; 19 в., 422, 526, 539—541; балалайка, I, 22, 27; бандура, 120, 568; бубенъ, 22; гусли, 120; клавикорды, 453; рогъ, 387.
Мундиръ: Петръ I, II, 84, 286; дворянство, 295.
Муравьевы: писатель, II, 373, 427; декабристъ, 462; карсскій, 477; виленскій, 500; графы, 513.
Мурадъ: завоеванія, I, 152.
Мурза: опредѣленіе, I, 172.
Мурильо: значеніе, I, 233.
Мурманъ: 15—17 в., I, 504, 506; Петръ I, II, 69.
Мурома: опредѣленіе, I, 12.
Муромъ: начало, I, 13; Глѣбъ, 43; удѣлы, 70, 74, 78, 79, 105; степь, 142; татары, 168; разбои, II, 255.
Мусинъ-Пушкинъ: Петръ I, II, 83.
Мусія: опредѣленіе, I, 57. См. *Мозаика*.
Мусоргскій: романсы, II, 539; опера, 540.
Мусульманство см. *Магометанство*.
Муттенская долина: Суворовъ, II, 251.
Муфти: опредѣленіе, I, 234.
Мушкетеръ: опредѣленіе, II, 65.
Мыльня: 15—17 в., I, 513, 516, 517; дворецъ, II, 380.
Мыта: опредѣленіе, I, 204; Иванъ III, 246; 15—17 в., 368.
Мытникъ: опредѣленіе, I, 505.
Мышецкіе: расколъ, II, 311.
Мья, рѣка: Петръ I, II, 404.
Мѣрославскій: Краковъ, II, 474; Александръ II, 500.
Мѣры: Иванъ IV, I, 268; 15—17 в., 505, 523; Алексѣй Михайловичъ, II, 388; 18 в., 393.
Мѣстничество: опредѣленіе, I, 267; значеніе, 380, 15—17 в., 378, 422, 543; Михаилъ Θеодоровичъ, 388, 389; Голицынъ, II, 53; 17 в., 284, 285; отмѣна, 50, 266; Петръ I, 286.
Мѣщанскія, улицы: Петербургъ, II, 406.
Мѣщанство: опредѣленіе, I, 21; Западъ, 67; 15—17 в., 272, 552, 553; Мало-

россія, 558; II, 34; Екатерина II, 217, 306, 307; Александръ II, 513.
Мюллеръ, ученый: Екатерина II, II, 242.
Мюнстеръ: торговля съ Россіей, I, 228.
Мюнхенгрецъ: конгрессъ, II, 468.
Мюратъ: Бородино, II, 443.
Мюридизмъ: опредѣленіе, II, 472; Шамиль, 497.
Мясоѣдовъ: живопись, II, 537.

Набатъ: опредѣленіе, I, 372.
Навуходоносоръ: сказанія, I, 471.
Нагіе: Марія, I, 275; Угличъ, 281; царевичъ Димитрій, 287; Лжедимитрій I, 297.
Надеждинъ: журналы, II, 485; народность, 494.
Надолбы: опредѣленіе, I, 475.
Надсонъ: поэзія, II, 534.
Наемничество: Византія, I, 18; 9—11 в., 50; удѣлы, 114.
Наказы: опредѣленіе, I, 350; Екатерина II, II, 198, 207, 211—214, 240, 241, 263, 293, 300, 329, 348, 361.
Наливай-Городъ: опредѣленіе, I, 333.
Наливайко: значеніе, I, 562; пѣсни, 569.
Налоги: Византія, I, 18; 13—15 в., 209; 15—17 в., 368, 369; Петръ I, II, 276; Александръ II, 504, 508, 510, 513, 517, 518, 521. См. *Подати*.
Намѣстникъ: 9—11 в., I, 49: 11—13 в., 124; 13—15 в., 205, 206, 208; 15—17 в., 268, 356; Ѳедоръ III, II, 285; Екатерина II, 215; Царство Польское, 450, 470; Кавказъ, 472, 477.
Наполеонъ I: Англія, II, 3, 421; Мальта, 250; Павелъ I, 251; Фили, 384; Москва, 397; Петербургъ, 413; абсолютизмъ, 420; значеніе, 421; Александръ I, 431—449, 455, 457, 464; Польша, 474.
Наполеонъ III: Николай I, II, 474, 475; Александръ II, 492, 496; крѣпостничество, 514; цензура, 529.
Нарва: Москва, I, 238; Иванъ IV, 503, 506; Карлъ XII, II, 104; Мазепа, 105; Полтава, 106; торговля, 399.
Народность: Петръ I, II, 141, 142; Екатерина II, 350, 351, 375; Александръ I, 461, 464—467; Николай I, 468, 488; Александръ II, 529, 533—535; Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ, 486; Бѣлинскій, славянофилы, 487; искусство, 537; музыка, 539.
Нарочитые люди: удѣлы, I, 96, 97, 116.
Нарышкины: Алексѣй Михайловичъ, II, 42, 46, 47; Ѳедоръ III, 49; Софья, 51, 54—58, 63, 331, 384; Петръ I, 66, 69, 79; Анна Ивановна, 171, 172; Екатерина II, 292; Александръ I, 428, 447, 449, 462.
Нарѣжный: романъ, II, 466.
Нарядникъ: опредѣленіе, I, 36; Ярославъ I, 45.
Нарядъ см. *Пушки, Зодчество, Одежда*.
Населеніе: 9—11 в., I, 48; 11—13 в., 109—110; 13—15 в., 201, 202; 15—17 в., 326—331, 523; 17—18 в., II, 254—257; Александръ I, 454, 455; Александръ II, 501—504.
Насѣка: опредѣленіе, I, 375.
Наталья Алексѣевна: Петръ I, II, 77, 114; Алексѣй Петровичъ, 97; Петръ II, 155, 157, 159; Елизавета, 183; женщины, 334; характеръ, 337; театръ, 367.
Наталья Кириловна: бракъ, II, 260; женщины, 334, 335; иностранцы, 340; музыка, 382; портретъ, 384; бытъ, 389.
Натурализмъ: Гоголь, II, 487; его преемники, 488; Александръ II, 529, 534; живопись, 536, 537.
Наузы: опредѣленіе, I, 218.
Наука: Возрожденіе, I, 151, 233; 11—13 в., 67; 13—15 в., 219, 221; 15—17 в., 236, 238, 466, 467, 560; древняя Русь, 581; 17—18 в., II, 3, 346, 370, 375; Алексѣй Михайловичъ, 42, 43; Петръ I, 78, 84—86, 92, 115, 121, 128, 146; Екатерина II, 362; 19 в., I, 422, 424; Александръ I, 461; Николай I, 483—489; Александръ II, 523, 527, 529, 534, 535; Левъ Толстой, 525; Базаровъ, 530, 531.
Нахимовъ: Синопъ, II, 475; Крымъ, 476, 477.
Нахичевань: Николай I, II, 469, 481.
Нащокинъ: значеніе, II, 41, 42, 284; Медвѣдевъ, 60; ботикъ, 63; Алексѣй Михайловичъ, 257; горожане, 304, 305; нравы, 318; иностранцы, 339; повѣсть, 366; его сынъ, 343, 344.
Найденъ см. *Репнинъ-Оболенскій*.
Наймитство: изгой, I, 53; удѣлы, 117, 144.
Неаполь: норманы, I, 16; Византія, 65: 17—18 в., II, 2; Алексѣй Петровичъ, 100; Павелъ I, 251, 411; Александръ I, 432, 433; евреи, 340.
Нева: нѣмцы, I, 109; Петръ I, II, 104, 105, 399—405; Анна Ивановна, 406; Екатерина II, 408; Александръ I, 412; Новгородъ, 397.
Невскій Проспектъ; начало, II, 404; Анна Ивановна, 406; Елизавета, 408; Екатерина II, 409.
Неглинная: ровъ, I, 448; начало Москвы, 519, 521, 522; уничтоженіе, II, 397.
Недоросль: древняя Россія, I, 391; 17—18 в., II, 351; Фонвизинъ, 374.

Нежить: опредѣленіе, I, 23; погребеніе, 27; удѣлы, 119.
Некрасовъ, казакъ: Петръ I, II, 96.
Некрасовъ, поэтъ: крѣпостничество, II, 488; журналы, 535; значеніе, 532.
Некрасовцы: опредѣленіе, II, 96.
Нелединскій-Мелецкій: романсы, II, 466.
Неманичи: Черногорія, I, 154.
Неманъ: значеніе, I, 68.
Немеза: Всеславъ, I, 47.
Непашникъ: опредѣленіе, I, 210.
Непиръ: крымская кампанія, II, 477.
Неплюевы: начало, I, 209; Петръ I, II, 127, 147, 372, 416.
Непокойчицкіе: иностранцы, II, 358.
Непрядва: Куликово Поле, I, 197.
Неронъ: опера, II, 540.
Нерчинскъ: Александръ II, II, 519.
Нессельроде: Меттернихъ, II, 446, 451, 458; Александръ II, 491.
Нестеровъ: нравы, II, 110, 321; Петръ I, 127.
Несторъ: житіе, I, 130; лѣтопись, 134; 11—14 в., 135; апокрифы, 220; скептицизмъ, II, 489.
Нефть: Александръ II, II, 504, 507.
Нечай: Хмельницкій, II, 31.
Ней: Бородино, II, 443; Красный, 444.
Нейзацъ: сербы, II, 426.
Нигилизмъ: опредѣленіе, II, 525; министръ Толстой, 529; романы, 531, 534.
Нидерланды: протестантство, I, 234.
Нижній-Новгородъ: начало, I, 177; послѣдніе князья, 175; 13—15 в., 199, 215, 222, 228; 15—17 в., 312, 328; 17 в., II, 23, 309, 354; Сперанскій, 440; Александръ II, 515.
Никита Пустосвятъ: Софья, II, 58, 59; невѣжество, 342.
Никитинъ: путешественникъ, I, 221, 466; поэтъ, II, 534.
Никифоръ, митрополитъ: Мономахъ, I, 129.
Никифоръ Фока: Святославъ, I, 29.
Никола: юродство, I, 277, 427.
Николаевъ: Александръ II, II, 511.
Николай, папа: раздѣленіе церквей, I, 18.
Николай, святой: печать, I, 140; сказки, 473.
Николай I: Золотые Ворота, I, 58; Дмитріевскій соборъ, 136; св. Митрофанъ, II, 132; Черногорія, 426; Александръ II, 453; декабристы, 467, 468, 500; характеръ, 468; царствованіе, 469—480; смерть 477; чиновничество, 478; разочарованіе, 489; Александръ II, 490, 491; Германія, 497; суды, 509; ссылки, 519; реакція, 524; искусство, 536—538.
Николай Александровичъ: лицей, II, 526.
Николай Нѣмчинъ: католичество, I, 444.
Николай Черниговскій: характеръ, I, 124.
Никонъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 10, 257; характеръ, 12—17; дѣятельность, 18—23; гиль, 26; Разинъ, 29; Ртищевъ, 43; Ѳедоръ III, 49, 50; значеніе, 308, 309; Петръ I, 310; нравы, 318; понятія, 339; расколъ, 343; чудеса, 347, 543; просвѣщеніе, 352; Малороссія, 354; лѣтопись, 365.
Никулинъ: расколъ, II, 311.
Нилъ Сорскій: значеніе, I, 247, 248, 585; Вассіанъ Косой, 258; нравы, 427; просвѣщеніе, 445; посланія, 481; характеръ, 581.
Ницца: Александръ II, II, 511.
Ништадтъ: миръ, II, 108.
Ніеншанцъ: начало, II, 397, 398; Алексѣй Михайловичъ, 36; Петръ I, 104, 400.
Новая Александрія: Земледѣльческій институтъ, II, 526.
Новая Сербія: опредѣленіе, II, 5; Елизавета, 188.
Новгородка: монета, I, 226.
Новгородъ, новгородцы: начало славянъ, I, 8, 22, 26; основаніе, 11, 20; варяги, 16; 9—11 в., 33, 36, 38, 41—48, 59, 63; 11—13 в., 71, 78, 83, 87—89, 93, 96—105, 108—111, 114, 119, 120, 130, 135, 136, 141, 142, 145, 146, 159, 160, 169, 176—178, 180; 13—15 в., 181, 182, 184, 185, 190—195, 198, 200—202, 207, 208, 210, 214, 216, 219, 220, 222—231; II, 397; 15—17 в., I, 241—246, 255, 276, 310, 320, 337, 357, 360, 382, 395, 402, 461, 462, 470, 478, 491, 494, 496, 500, 502—504, 510, 514, 558; 17 в., II, 25, 303, 355; Екатерина II, 216; Александръ I, 451; Николай I, 480; ваяніе, 538.
Новгородъ Сѣверскій: усобицы, I, 85, 86; Игорь Святославичъ, 92; Лжедимитрій I, 296.
Новелла: сказки, I, 472.
Нови: Суворовъ, II, 251.
Новики: опредѣленіе I, 383; дворянство, 391; значеніе, 578; 17 в., II, 284; Петръ I, 286.
Новиковъ: заточеніе, II, 241; Павелъ I, 243, 248; масоны, 349; портретъ, 350; мистицизмъ, 351; Херасковъ, 361; просвѣщеніе, 362; гоненіе, 363; Западъ, 373; журналы, 374; исторія, 375.
Новогродокъ: начало, I, 158.
Новокрещены: 15—17 в., I, 413; 18 в., II, 256, 314; Елизавета, 190.

Новороссія: крѣпостничество, II, 302; Александръ I, 431.
Новороссійскъ: Александръ II, II, 515.
Новосильцевъ: Александръ I, II, 429, 430, 436, 451; Чарторижскій, 450.
Новочеркаскъ: древности, I, 76.
Новшества: опредѣленіе, II, 21; расколъ, 23.
Новый Іерусалимъ: Никонъ, II, 18.
Новый Острогъ см. *Ніеншанцъ.*
Новый Садъ см. *Нейзацъ.*
Новь: опредѣленіе, I, 117; 11—13 в., 117, 142; 13—15 в., 201, 211, 227; 15—17 в., 497; романъ, 531.
Ногаты, монета: опредѣленіе, I, 63.
Ногай: значеніе, I, 171.
Ногайцы, ногаи: румыны, I. 154; 15—17 в., 252, 260, 317, 374, 377, 551; Хмельницкій, II. 30; Екатерина II, 254.
Номоканонъ: опредѣленіе, I, 17; 9—11 в., 50; удѣлы, 118; Кормчая, 213; Никонъ, II, 22.
Норвегія: германцы I, 15; Ярославъ I, 45.
Норманны: опредѣленіе, I, 16; Новгородъ, 48; русскій языкъ, 55; Византія, 65.
Норовъ: Александръ II, II, 494.
Нотебургъ см. *Орѣшекъ.*
Ноты: крюки, I, 496; начало на Руси, 569; Никонъ, II, 15; 17 в., 383; 18 в., 387.
Ной: сборники, I, 465.
Нравы: литовцы, I, 14; начало славянъ, 21, 22; 9—11 в., 42, 53, 54; 11—13 в., 119—123, 146; 13—15 в., 153, 173, 174, 194, 214—216, 220; 15—17 в., 268, 292, 293. 329, 413—429, 433, 475, 574; древняя Русь, 580, 583; 17—18 в., II, 2, 256, 317—332; Алексѣй Михайловичъ, 25, 43; Θедоръ III, 50; Софья, 59; 18 в., 314, 317—332, 417; Петръ I, 82, 110, 113, 123, 136; Елизавета, 189, 190; Петръ III, 197; Екатерина II, 203—209, 227, 234—238; Павелъ I, 242, 246, 247; Александръ I, 449, 459, 460, 466, 467; Александръ II, 518—522; расточительность дворянства, 512.
Ну см. *Нева.*
Нумизматика: опредѣленіе, I, 226.
Нунцій: Екатерина II, II, 316, 317; Александръ I, 446.
Ньютонъ: значеніе, II, 4; Ломоносовъ, 368.
Нѣжинъ: клады, I, 61; лицей, II, 229; институты, 526, 528.
Нѣманъ: литовцы, I, 6; финны, 14, 15; Владиміръ св., 40; эсты, ливы, 108; устья, 237; Александръ I, II, 441.
Нѣмецкая имперія: начало, I, 28; Венгрія, 32; Богемія, 155; Галичъ, 188; 17—18 в., II, 2, Петръ I, 77; конецъ, 420.
Нѣмецкая Слобода: начало, I, 405, 522; розруха, 441; Башкинъ, 449; 17 в., II, 305, 306, 340, 354; Θедоръ III, 49; Петръ I, 66—68, женщина, 333; театръ, 367.
Нѣмецкій Орденъ см. *Тевтонскій Орденъ.*
Нѣмцы: Италія, I, 28; Польша, 33, 69, 157, 238; чехи, 69; 235; румыны, 235; начало на Руси, 108; 9—11 в., 40, 47; 11—13 в., 85, 97, 108, ,109, 110, 120, 135, 141; 13—15 в., 150, 158, 159, 177, 179, 188, 195, 210, 223; 15—17 в., 299, 405, 406; 17—18 в., II, 2, 4, 53, 62—69, 151, 152, 168, 169, 193, 197, 254, 255, 305, 306; Александръ II, 490, 491, 502; славянофилы, 487; штунда, 512. См. *Германія.*
Нѣти, нѣтье: опредѣленіе, I. 369; 15—17 в., 391.
Нѣтовщина: ересь, II, 366.

Обводный каналъ: Александръ I, II, 412.
Обель: опредѣленіе, I, 396; холопы, 397.
Обжа: опредѣленіе, I, 365.
Обиходъ: ноты, II, 387.
Область: опредѣленіе, I, 21; 9—11 в., 51; 11—13 в., 70, 84; 13—15 в., 206; 15—17 в., 356—361; 17—18 в., II, 267—273; Александръ I, 455.
Облаченіе: царское, I, 322.
Обломовщина: опредѣленіе, II, 531.
Обнизь: опредѣленіе, I, 532.
Обои: 17 в., II, 380, 389; Петръ I, 392.
Оболенскіе: начало, I, 209; разряды, 381; декабристы, II, 462.
Оболонье: Кіевъ, I, 34, 35.
Оборотень: опредѣленіе, I, 23; вѣдьмы, 24.
Обреновичи: Россія, II, 426
Оброкъ: 13 — 15 в., I, 205, 208, 210; 15—17 в., 362, 363, 366, 395, 402; 17 в., II, 274; Петръ I, 276.
Обронная работа: опредѣленіе, I, 136; 17 в., II, 382.
Обручи, украшеніе: опредѣленіе, I, 534.
Обры: опредѣленіе, I, 13; пословицы, 57. См. *Авары.*
Обрѣзковъ: дипломатія, II, 416.
Обряды: начало славянъ, I, 24 — 27; табориты, 156; 9—11 в., 53, 56; 11—13 в., 119, 122; 13—15 в., 218; 15—17, 436—439; древняя Русь, 581; 17 — 18 в., II, 307—309.

Общество любителей русской словесности: Карамзинъ, II, 464; словарь, 467.
Община: опредѣленіе, I, 21; начало у словянъ, 7, 22; чехи, 69; сербы, 153; 9—11 в., 49, 64; 11—13 в., 71, 96—98, 110, 111, 117, 119, 144; 13—15 в., 175, 210; 15—17 в., 249, 359, 360, 363, 367, 375, 377, 393—396, 442, 498, 546, 549; 17 в., II, 296, 297; 18 в., 267, 296, 297, 301; секты, 512; Николай I, 489; Александръ II, 508, 511, 512, 518.
Объяръ: опредѣленіе, II, 52.
Обыскъ: опредѣленіе, I, 267.
Обычное право: начало славянъ, I, 8, 21; 9—11 в., 50; Александръ II, II, 495, 508, 535.
Овидій: Петръ I, II, 356.
Овинъ: опредѣленіе, I, 489.
Овчина Телепневъ Оболенскій: Елена Глинская, I, 261; смерть, 262.
Огневщики: опредѣленіе, I, 524.
Огнище: опредѣленіе, I, 26.
Одежда: скиѳы, I, 6; меря, 12, 13; литво-славяне, 7; Византія, 20; начало славянъ, 22; 9—11 в., 62, 63; 11—13 в., 120, 138, 141, 142; 13—15 в., 164, 199, 224, 229; 15—17 в., 431, 432, 439, 441, 530—539; 17 в., II, 49, 389, 390; 18 в., 394; Петръ I, 67, 80, 82, 93, 95, 118, 135, 139, 392; Екатерина II, 235; 19 в., 538.
Одеръ, рѣка: западные славяне, I, 9; Карлъ Великій, 10; татары, 170.
Одесса: Хаджи-Бей, I, 228; Екатерина II, II, 233; Александръ I, 431, 447, 448, 455; лицей, 459; Николай I, 477; Александръ II, 506, 513; женскіе курсы, 522; университетъ, 526.
Одиночеетво: опредѣленіе, I, 349; 15 — 17 в., 394; значеніе, 442; Александръ II, II, 508.
Однодворцы: община, I, 360, 393; 15—17 в., 391, 498; 17 в., II, 283; Петръ I, 299; нравы, 328; Александръ II, 518.
Одоевскіе: Иванъ IV, I, 266; разряды, 381; 17 в., II, 284; нравы, 319.
Ожерелье: опредѣленіе, I, 531.
Озеровъ: Западъ, II, 373; лжеклассицизмъ, 464.
Ока: начало славянъ, I, 6, 8; Новгородъ, 11; вятичи, 12; Черниговъ, 70; Коломна, 184; Москва, 190; Димитрій Донской, 196; граница, 206; переселенцы, 210; засѣка, 249; хлѣбъ, 326; донцы, 374; Разинъ, II, 29; разбойничество, 255.
Окладъ, окладчикъ: подати, I, 363, 364; II, 267.
Околица: опредѣленіе, I, 140; 13—15 в., 229.
Околъ: опредѣленіе, I, 533.
Окольничій: начало, I, 245; 13—15 в., 205; значеніе, 339; приказы, 353, 354; дума, 381; Петръ I, II, 286.
Окопъ: опредѣленіе, I, 8; начало славянъ, 23.
Оксамитъ: опредѣленіе, I, 63.
Оксфордъ: университетъ, I, 19, 67.
Октоихъ: ноты, II, 387.
Олеарій: Михаилъ Ѳеодоровичъ, I, 322; записки, 406; Василій Блаженный, 486; Москва, 521; одежда, 538.
Олегъ: княженіе, I, 36; христіанство, 40; Византія, 50, 56; преданія, 56.
Олегъ Ивановичъ: Димитрій Донской, I, 195—197.
Олегъ Святославичъ: древляне, I, 38; Всеволодъ I, 77; изгои, 78; характеръ, 79, 144; Давидъ Игоревичъ, 80; Черниговъ, 105; Изборникъ Святослава, 138.
Оленина: литература, II, 460.
Олешье: торговля, I, 106.
Олешинскій: портреты, I, 294.
Олимпъ: Кирилъ и Меѳодій, I, 30.
Олонецъ: христіанство, I, 119; мѣдь, II, 43; Петръ I, 86, 91; былины, 550.
Ольвія: греческіе колонисты, I, 17.
Ольга: княженіе, I, 37; Святославъ, 38; Владиміръ св., 40; сказанія, 132.
Ольгердъ: русскіе, I, 159; значеніе, 160, 161; Тверь, 194, 195; Москва, 519.
Ольговичи: опредѣленіе, I, 83; Мономаховичи, 84; удѣлы, 85, 86; Изяславъ II, 87; Всеволодъ III, 96; Мстиславъ Удалой, 102; Кіевъ, 104.
Ольденбургъ: Александръ I, II, 434, 439; Наполеонъ, I, 440.
Омеръ-паша: Черногорія, II, 426, 474; Николай I, 476.
Омскъ: желѣзная дорога, II, 506.
Онежское озеро: расколъ, II, 312.
Онищенко: штунда, II, 512.
Опахало: 15—17 в., I, 529.
Опашень: опредѣленіе, I, 532; женщина, 536, 538.
Опека: дворяне, II, 292; Опекунскій Совѣтъ, 295.
Опера: Анна Ивановна, II, 370; Екатерина II, 375; 18 в., 387, 554; 19 в., Александръ II, 540; живопись, 537.
Оперетка: 18 в., II, 539.
Опояска: опредѣленіе, I, 530.
Опричнина: удѣлы, I, 203; Иванъ IV, 273—278; значеніе, 384; крестьяне, 395; нравы, 415, 419; опера, II, 540.
Оракулы: 15—17 в., I, 437, 466; индексъ, 478.
Ораніенбаумъ: Меншиковъ, II, 124; Петръ I, 404; Петръ III, 201; Екатерина II, 411.

Орбельяни: князья, II, 291.
Органъ: начало на Руси, I, 454, 494; Михаилъ Θеодоровичъ, 322; Никонъ, II, 15; 17 в., 382.
Орда: опредѣленіе, I, 162, 172; бояре, 209; лѣтопись, 222; Иванъ III, 246. См. *Татары.*
Ордаліи см. *Судъ Божій.*
Ордена, монашество: начало, I, 66; меченосцы, 108; Тевтонскій, 109; нищенствующіе, 149; мальтійцы, II, 250; Александръ I, 432.
Ордена, награда: 18 в., II, 290, 291; Петръ I, 84, 88, 287; Елизавета, 291; Екатерина II, 282, 291; Павелъ I, 250; Николай I, 482.
Ордынцы: опредѣленіе, I, 190; 13—15 в., 211.
Орелъ, городъ: начало, I, 401; Годуновъ, 291; Александръ II, 515.
Оренбургъ: начало, II, 170; Елизавета, 188, 189; Екатерина II, 226, 227; Николай I, 480.
Оріенталисты: Александръ II, II, 535.
Орловы: Екатерина II, II, 210, 222; нравы, 332, 457; Алексѣй, 201, 220, 223, 224, 245, 248, 409, 411; Григорій, 200, 203, 211, 227, 235; Александръ II, 491, 497.
Орнаментъ см. *Узоръ.*
Орскъ: начало, II, 170.
Оружейная Палата: опредѣленіе, I, 340; начало, 490; Изборникъ, 138; казанская корона, 270; планъ, 521; 17 в., II, 377; посуда, 388; Петръ I, 119, 268.
Оружничій: опредѣленіе, I, 340.
Орша: битва, I, 260.
Орѣшекъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 36; Петръ I, 104; шведы, 397.
Освѣщеніе: 15—17 в., I, 527; 18 в., II, 395, 396; Петръ I, 405; Петербургъ, 409.
Осифляне: опредѣленіе, I, 247; Василій III, 258; бояре, 382; Башкинъ, 449; Курбскій, 460; посланія, 481.
Османліи: опредѣленіе, I, 152. См. *Турки.*
Османъ-паша: Александръ II, II, 498.
Осмерикъ: искусство, II, 384.
Осьмина: опредѣленіе, I, 365; начало, 268.
Осмогласіе: опредѣленіе, I, 496; Черногорія, 154.
Основьяненко: славянофилы, II, 489.
Оспенный: дворянство, II, 291.
Оспопрививаніе: Екатерина II, II, 217; 18 в., 394.
Оссіанъ: Державинъ, II, 373.
Оссолинскіе: 15—17 в., I, 553; просвѣщеніе, II, 423.
Остерманъ: Петръ I, II, 126, 127; Екатерина I, 151, 154; характеръ, 150, 156; Петръ II, 157—161, 165; Анна Ивановна, 168—176; Иванъ VI, 177; Анна Леопольдовна, 178—182; Екатерина II, 210, 229; торговля, 390; сенатъ, 402.
Остзейскій край: Петръ I, II, 269, 294; Анна Ивановна, 169; Екатерина II, 207; Павелъ I, 248, 296; Александръ I, 431, 448, 455; Александръ II, 493, 514.
Ост-Индія: открытія, I, 151.
Островскій: самодуры, II, 533; живопись, 536, 537.
Остроградскій: математика, II, 489.
Острогъ, городъ: типографія, I, 452; процвѣтаніе, 554, 557.
Острогъ, острожекъ, крѣпость: опредѣленіе, I, 140, 206, 512, 513; Олегъ, 36; Владиміръ св., 42; 13—15 в., 225; 15—17 в., 357, 367; Алексѣй Михайловичъ, II, 39.
Острожскіе: Ведрошъ, I, 253; Орша, 260; 15—17 в., 553; польщизна, 557—560; запорожцы, 562; Библія, 564.
Остроленка: битва, II, 471.
Остромирово Евангеліе: его описаніе, I, 127—129; миніатюры, 138; языкъ, 482.
Остромиръ: Изяславъ I, I, 48.
Остяки: Алексѣй Михайловичъ, II, 38.
Осыпъ: опредѣленіе, I, 512, 513.
Откупа: татары, I, 173; 15—17 в., 325, 362, 368; 17 в., II, 26, 50, 273, 274; 18 в., 278; Петръ I, 90, 276; Екатерина II, 216, 256; Александръ I, 456, 457; Николай I, 479; Александръ II, 496.
Отрепьевъ см. *Лжедимитрій I.*
Отроки: дружина, I, 52, 390; церковь, 213.
Оттокаръ II: значеніе, I, 155.
Отхожіе промыслы: опредѣленіе, II, 504.
Отчина: преданіе, I, 441. См. *Вотчина.*
Отшельничество: опредѣленіе, I, 54; начало на Руси, 123; 13—15, 214, 215; 15—17 в., 407.
Офени: расколъ, II, 484.
Охабень: опредѣленіе, I, 532; 15—17 в., 536, 538; Иванъ V, II, 57.
Охота: литво-славяне, I, 6; начало на Руси, 19, 20; 9—11 в., 20, 34, 58, 62; 11—13 в., 82, 97, 112, 121, 142; 13—15 в., 204, 205, 227; 15—17 в., 298, 342, 498, 500; Алексѣй Михайловичъ, II, 259, 260; Анна Ивановна, 167.
Охотское море: открытіе, II, 39; 18 в., 253.
Охочіе люди: опредѣленіе, I, 370.

Охта: острожекъ, II, 397; Петръ I, 400, 402, 404; Анна Ивановна, 406.
Очади: опредѣленіе, I, 525.
Очаковъ: Минихъ, II, 176; Суворовъ, 230; Екатерина II, 233.

Павелъ, апостолъ: апокрифы, I, 221; сборники, 465.
Павелъ I: Екатерина II, II, 195; Петръ III, 197; Панинъ, 199, 210; самозванцы, 222, 223; Мацѣевичъ, 224; Пугачевъ, 227; Августъ IV, 234; воспитаніе, 242, 358; характеръ, 245, 246; портретъ, 247; царствованіе, 247—253; самодержавіе, 263; престолонаслѣдіе, 263; конституція, 264; финансы, 278; войско, 281; дворянство, 290, 291; крѣпостничество, 292, 301, 302; іезуиты, 317; нравы, 229—231; библіотека, 361; масоны, 362; реакція, 363, 376; балетъ, 387; хлѣбъ, 392; монета, 393; Эрмитажъ, 409; Петербургъ, 411, 412; Александръ I, 428; ассигнаціи, 434; Грузія, 452.
Павловскъ: Павелъ I, II, 412; Александръ I, 427; Марія Ѳеодоровна, 451.
Павлюкъ: значеніе, I, 562.
Паволока: опредѣленіе, I, 97; Византія, 20; меря, 13; 9 — 11 в., 63; запорожцы, 551.
Паганковы: происхожденіе, II, 358.
Палаты: опредѣленіе, I, 489, 517; 13—15 в., 225; приказы, 353; 15—17 в., 526, 527; Матвѣевъ, II, 42; дворецъ, 378.
Палацкій: значеніе, II, 424.
Палаши, урочище: Москва, I, 518.
Паленъ: характеръ, II, 250; Павелъ I, 253; Александръ I, 428, 429.
Палеологи: управленіе, I, 151; гибель, 152.
Палеонтологія: опредѣленіе, I, 1.
Палермо: Рагуза, I, 68.
Палестина: Николай I, II, 475.
Палея: сборники, I, 131; апокрифы, 477.
Палицынъ: характеръ, I, 311; смута, 312, 313, 315; борода, 534.
Палій: пѣсни, I, 569.
Палласъ: города Екатерины II, II, 238; экспедиція, 362; Александръ I, 427.
Паломничество: опредѣленіе, I, 54, 121; удѣлы, 125, 132; 13—15 в., 221.
Пальмерстонъ: Николай I, II, 473.
Памва Берында: словарь, I, 566.
Памиры: Александръ II, II, 535.
Паникадило: опредѣленіе, I, 527.
Панины: Петръ III, II, 201; Екатерина II, 199, 200, 203, 204, 209—211, 214, 219, 223, 227, 229; Павелъ I, 242, 243, 248, 251, 252; Александръ I, 253, 428; Николай I, 483; конституція, 264, 272; управленіе, 271; крѣпостничество, 292, 301; нравы, 332; дипломатія, 416.
Панславизмъ: опредѣленіе, II, 424.
Пантикапея: греческіе колонисты, I, 17.
Паны: опредѣленіе, I, 33; Казиміръ III, 156, 157; 15—17 в., 237, 238; чехи, 236.
Папагалъ: опредѣленіе, I, 526.
Папство: опредѣленіе, I, 18; мораване, 31; Византія, 65; крестовые походы, 66, 67; меченосцы, 108; чехи, 69, 155, 156, 236; поляки, 69, 155; Литва, 158, 159; румыны, 154; 9—11 в., 28, 29, 64; 11—13 в., 65, 77, 106, 118, 130, 143, 144, 146; 13—15 в., 148, 149, 152, 178, 179, 188, 212; 15—17 в., 239, 244, 259, 261, 280, 295, 299, 558; Алексѣй Михайловичъ, II, 19, 40; Екатерина II, 316; Павелъ I, 248, 250, 317; Александръ I, 446, 447, 459.
Параскева: Пятница, I, 469.
Парацельсъ: значеніе, I, 233.
Паренина: опредѣленіе, I, 497.
Парижъ: университетъ, I, 67; Петръ I, II, 84, 85, 107, 356; Екатерина II, 240; Александръ II, 478, 492, 497; поляки, 423, 473.
Парламентъ: Англія, I, 230, 232; соборъ, 351, 352; Петръ I, II, 113.
Пароходъ: Александръ I, II, 455; Александръ II, 505.
Парсуна: опредѣленіе, I, 492; 17 в., II, 380.
Паскевичъ: Эривань, II, 469; Николай I, 471, 476; Венгрія, 474; Польша, 475.
Паспортъ: Лжедимитрій I, I, 298; Петръ I, II, 89, 90; Александръ II, 492, 504, 510, 524.
Пасха: таблицы, I, 56, 466.
Патерикъ: Печерскій, I, 125, 131; сборники, 131; 13—15 в., 220.
Паткуль: Петръ I, II, 103; Карлъ XII, 105.
Патрикѣевы: начало, I, 209; Софья, 245, 258; жидовство, 246, 445; разряды, 381; цари, 382; паденіе, 386; нравы, 427.
Патріаршество: Константинополь, I, 18, 30, 37, 41, 46, 65, 92, 118, 152, 153, 200, 212—215, 217, 235; болгары, 30, 68; Сербія, 153; начало на Руси, 286; апокрифы, 221; соборы, 350; шествіе на осляти, 476; значеніе, 407, 408, 412; Никонъ, II, 13; отмѣна, 83, 310; пѣніе, 383; табакъ, 388; армяне, 469.

Патріоты: Пушкинъ, II, 486; Александръ II, 490, 500, 511, 525. См. *Старорусcы*.
Пафнутій Боровскій: царь, I, 439.
Пахомій Логофетъ: житія святыхъ, I, 220, 479.
Педагогія см. *Воспитаніе*.
Пекинъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 39, 257; Николай I, 473.
Пелисье: крымская кампанія, II, 477.
Пелымъ: Годуновъ, I, 288; Минихъ II, 173, 181; Биронъ, 179.
Пенза: Пугачевъ, II, 227.
Пергаментъ: 11--13 в., I, 127, 129, 131, 138, 141; 13—15 в., 224; 17 в., 455.
Переведенцы: 15—17 в., I, 511, 514. 523; Петербургъ, II, 404.
Переводы: начало на Руси, I, 55; 11—13 в., 126, 127; 13—15 в., 219, 220, 223; 15—17 в., 247, 268; древняя Русь, 581; 17—18 в., II, 364, 366, 368; Петръ I, 356, 365; Екатерина II, 373; чехи, 424; болгары, 426; Александръ II, 524, 535.
Переволока: волжскіе казаки, I, 376.
Перевѣсище: Кіевъ, I, 34, 35.
Передъ: часть войска, I, 114.
Пережитокъ: опредѣленіе, I, 4; язычество, 220; Александръ II, II, 521.
Перекопъ: 16—17 в., I, 548; Софья, II, 60.
Перелеты: опредѣленіе, I, 304.
Перелогъ: опредѣленіе, I, 497.
Переложное хозяйство: 13—15 в., I, 227.
Перемышль: начало, I, 11; Всеволодъ I, 78.
Переписчики: Иванъ IV, I, 268. См. *Борзописецъ*.
Перепись: Иванъ III, I, 246; Филаретъ, 324; 15—17 в., 330, 331; 17—18 в., II, 254, 274; Петръ I, 92, 276; Петербургъ, 407; Александръ II, 502.
Переплетъ: начало на Руси, I, 127.
Переселенія: народовъ, I, 8; 11—13 в., 88, 96; 13—15 в., 201; 15—17 в., 270, 329, 330; Александръ II, II, 502, 504, 516, 518.
Перечасье: опредѣленіе, I, 530.
Переяславецъ: Святославъ, I, 38.
Переяславль: начало, I, 20; 11—13 в., 70, 74, 78, 85, 88, 89, 104; послѣдніе князья, 175; Москва, 184, 189; лѣтопись, 222; Хмельницкій, II, 33.
Переяславль Залѣсскій: начало, I, 89.
Переяславское озеро: Петръ I, II, 63.
Перейры: желѣзныя дороги, II, 497.
Пермь, *пермяки*: опредѣленіе, I, 12; клады, 13; финны, 13; серебро, 191; св. Стефанъ, 216; искусство, II, 376; Сперанскій, 440.
Перовскіе: Хива, II, 472; Николай I, 479, 481.
Перовъ: живопись, II, 537.
Персидскій заливъ: Петръ I, II, 122.
Персія: торговля съ Россіей, I, 20, 228; зодчество, 136; Чингисханъ, 167; татары, 170; Сулейманъ, 234; смута, 317; Михаилъ Ѳедоровичъ, 321; наши купцы, 428; Алексѣй Михайловичъ, II, 28, 29, 38; Петръ I, 109; Анна Ивановна, 176; Екатерина II, 233; Павелъ I, 248, 252; Александръ I, 433, 452, 453; Николай I, 469, 472, 480.
Перспектива, проспектъ: опредѣленіе, II, 401; Петербургъ, 402, 406.
Перунъ: опредѣленіе, I, 25; Новгородъ, 26; Кіевъ, 26, 34, 35; жертвы, 27; Владиміръ св., 39—41.
Пессимизмъ: Александръ I, II, 449, 450.
Петербургская Сторона: Петръ I, II, 400, 401; Анна Ивановна, 406; Александръ I, 412.
Петербургскій Островъ см. *Петербургская Сторона*.
Петербургъ: Александръ Невскій, I, 182; Алексѣй Михайловичъ, II, 98; начало, 104; Петръ I, 108, 124, 135, 138, 140, 149, 150, 287, 397—405; 18 в., 405—413; Петръ II, 156; Анна Ивановна, 168; Елизавета, 255; Екатерина II, 227; Павелъ I, 248; Александръ II, 505, 513; значеніе, 414, 415; университетъ, 448, 452, 522; Бѣлинскій, 486; славянофилы, 487; институты, 526; консерваторія, 540.
Петергофъ: Петръ I, II, 404; Петръ II, 158; Петръ III, 201, 202; Екатерина II, 411.
Петиметръ: опредѣленіе, II, 370.
Петрарка: Возрожденіе, I, 150, 151.
Петровскій Островъ: Петербургъ, II, 406.
Петровы: ваяніе, I, 494.
Петропавловская крѣпость: Петръ I, II, 110, 400; Посошковъ, 345; Анна Леопольдовна, 181; Анна Ивановна, 406; Тараканова, 223.
Петропавловскій Портъ: крымская кампанія, II, 477.
Петръ, митрополитъ: Москва, I, 211; значеніе, 192; житія святыхъ, 220; стихи, 469; мощи, 485.
Петръ I: Годуновъ, I, 284; Лжедимитрій I, 299; казаки, 377; проповѣди, 565; Польша, II, 7; Никонъ, 15, 17; рожденіе, 47; Иванъ V, 49, 54; стрѣльцы, 56; Софья, 57, 335; воспитаніе, 60—66; воцареніе, 64—69, 266; за границей, 73—92; преобразованія, 81—92; ста-

рина, 92—102; войны и дипломатія, 102—109; кончина, 110; характеръ, 111—123; птенцы, 123—134; Екатерина I, 152, 153; Петръ II, 159; Анна Ивановна, 160, 161, 165, 166, 171, 172, 173, 174, 179; Елизавета, 180, 182, 184, 185; Екатерина II, 198, 207, 209, 211, 216, 218, 221, 240, 244, 315, 351, 376; Александръ I, 430, 437; Александръ II, 492; межеваніе, 215, 254; разбои, 255; самодержавіе, 260 — 262; дворъ, 263; управленіе, 268—271; финансы, 274—277; войско, 280, 282; дворянство, 286, 289, 291, 292, 418; ассамблеи, 293; чины, 294; половники, 296; крѣпостничество, 298, 299; горожане, 305; иностранцы, 306; церковь, 307, 310, 521; расколъ, 312; нравы, 320 — 323, 327, 328, 331; женщина, 335, 336; понятія, 344, 345, 347; Вольтеръ, 348, 359; просвѣщеніе, 355—357, 360, 364, 365; пѣсни, 366; искусство, 367, 377, 383, 384, 387, 408, 411, 538; русскій языкъ, 369; колыбель, 380; бытъ, 390—392; города, 395; Москва, 396; общество, 417; Карамзинъ 465; значеніе, I, 566, 587; II, 134—151, 413, 414, 416, 419; Надеждинъ, 485; Пушкинъ, 486; славянофилы, 487; Западъ, 524.

Петръ II: рожденіе, II, 99; Петръ I, 110; Екатерина I, 153, 154; царствованіе, 155—159; характеръ, 156, 157; Китай, 175; Елизавета, 183; самодержавіе, 262; нравы, 326, 329, 331; женщина, 336; Берингъ, 355; просвѣщеніе, 358; Петербургъ, 405; Черногорія, 426.

Петръ III: Черногорія, II, 5; Елизавета, 184, 187, 192; характеръ, 193; царствованіе, 196—198; Екатерина II, 199, 201, 209, 226; смерть, 202; скопцы, 206, 315, 459; церковь, 216, 313, 314; самозванцы, 222—224; расколъ, 225; самодержавіе, 263; финансы, 278; войско, 281; дворянство, 293, 294; крѣпостничество, 300, 302; нравы, 329, 331; понятія, 346.

Петръ — Златые Ключи: сказки, I, 472, 474.

Петръ Петровичъ: рожденіе, II, 99; смерть, 101.

Петръ Черногорскій: турки, II, 5.

Печалованіе: опредѣленіе, I, 129; монашество, 214.

Печати: начало на Руси, I, 140, 227; іерархи, 100, 214; Польша, 157; татары, 172; Новгородъ, 200; 13 — 15 в., 205; 15—17 в., 335, 494, 535; бояре, 209, 380; государственная, 337, 340; земскіе соборы, 351; вотчина, 360.

Печатникъ: опредѣленіе, I, 340.

Печенѣги: начало, I, 19, 36; венгры, 14; Святославъ, 29, 38; Владиміръ св., 39, 42; Ярославъ, 44, 45; Борисъ, 43; храмъ св. Софіи, 46; наемники, 50; торки, 75.

Печерская Лавра: начало, I, 124; Берестовое, 34; Владиміръ св., 43; половцы, 81; Андрей Боголюбскій, 91; значеніе, 125.

Печеряне: опредѣленіе, I, 124; лѣтопись, 134.

Печора: граница Руси, I, 48; Михаилъ Ѳедоровичъ, 325; руда, 502.

Пейпусъ см. *Чудское озеро.*

Пивница: опредѣленіе, I, 7.

Пизарро: Ермакъ, I, 279.

Пилястръ: опредѣленіе, I, 136.

Пименовъ: ваяніе, II, 538.

Пименъ, митрополитъ: Діонисій, I, 212.

Пироговъ: значеніе, II, 534.

Писарь: запорожцы, I, 548; волостной, II, 508.

Писемскій: значеніе, II, 532; реакція, 534.

Писцовыя книги: опредѣленіе, I, 246; 15—17 в., 330, 331; крѣпостничество, 399.

Писцы: 13—15 в., I, 219; 15—17 в., 246, 324, 331, 356.

Письменность: Византія, I, 17, 29, 65, 151; Западъ, 29, 66—68, 147, 149—151, 233; II, 3, 4, 422; начало у славянъ, I, 30, 128; болгары, 30, 153; II, 426; сербы, 68, 153; II, 426; чехи, I, 69, 155, 156, 236; II, 6, 423, 424; поляки, I, 70, 157, 238, 239; II, 7, 423; черногорцы, I, 154; II, 426; румыны, I, 235, 236; II, 6; словаки, русины, лужичане, II, 424; хорваты, 425; начало на Руси, I, 129; 9 — 11 в., 50, 55, 64; 11—13 в., 120, 127 - 135; 13—15 в., 174, 203, 219—223; 15—17 в., 407, 456—482, 557, 559, 560, 563—569; древняя Русь, 581, 582; 17 в., II, 363, 364, 366; 18 в., 358, 364—376, 415; Петръ I, 79, 118, 130; Елизавета, 189; Екатерина II, 373—376; Александръ I, 460, 461, 463—467; Николай I, 485—489; Александръ II, 514, 523, 529—536. См. *Журналистика.*

Письмо: скандинавы, I, 16; начало на Руси, 55; древняя Россія, 455, 456; корсунское, 490.

Питиримъ: расколъ, II, 312.

Пищаль, пищальники: опредѣленіе, I, 371; II, 56; налогъ, I, 368.

Пій VI: Екатерина II, II, 316.

Плавни: опредѣленіе, I, 545.

Платеръ Эмилія: Николай I, II, 470.

Платно: опредѣленіе, I, 343, 530.

Платонъ, митрополитъ: Екатерина II, II, 210; Павелъ I, 248; цензура, 241;

расколъ, 315; просвѣщеніе, 349; понятія, 350; Новиковъ, 363.
Платонъ, философъ: схоластика, I, 67; сборники, 131; Ломоносовъ, II, 368.
Плевна: битвы, II, 498.
Племя: опредѣленіе, I, 8; исчезновеніе, 146.
Плещеевы: начало, I, 209; Иванъ II, 193; Алексѣй Михайловичъ, II, 11, 12.
Плиній: 17 в., II, 364.
Плотицынъ: скопцы, II, 512.
Пляска Смерти: сказки, I, 474
Побирохинъ: духовенство, II, 316.
Повозъ: опредѣленіе, I, 49; 9—11 в., 51.
Поволжье: Тверь, I, 105; волхвы, 119; донцы, 376; сходцы, II, 254.
Повольники: опредѣленіе, I, 13; значеніе, 96; 11—13 в., 100, 121, 134, 144; 13—15 в., 200, 202, 250.
Повойникъ: опредѣленіе, I, 536.
Повѣсть: лѣтопись, I, 134, 135; Мамай, 198; апокрифы, 220; 15—17 в., 471—475, 568; 17—18 в., II, 366; Екатерина II, 375; Николай I, 488. См. *Сказка.*
Погодинъ: значеніе, II, 534.
Погостъ: опредѣленіе, I, 20, 37; 9—11 в., 51; 15—17 в., 360.
Погребеніе: начало славянъ, I, 27; стригольники, 219.
Подати: феодализмъ, I, 29; варяги, 16, 33; начало на Руси, 21; Олегъ, 36; Игорь, 36, 37; Ольга, 37; Святославъ, 38; 9—11 в., 49; 11—13 в., 117; 13—15 в., 172, 173; 15—17 в., 246, 268, 360, 362, 365—369, 392; Ѳедоръ III, II, 50; 17 в., 273, 274; Петръ I, 89, 90, 140, 141, 276. 277; Елизавета, 188, 278; Екатерина II, 278; Александръ I, 438, 439; Александръ II, 508, 510, 517, 518.
Подволока: опредѣленіе, I, 515, 536.
Подворники: опредѣленіе, I, 396.
Подэюгины: новики, I, 383.
Подзоръ: опредѣленіе, I, 61; 11—13 в., 136.
Подклѣтъ: опредѣленіе, I, 489, 514; дворецъ, 378.
Подлинникъ: опредѣленіе, I, 268; начало, 491; зодчество, 226; 17 в., II, 382.
Подннзъ: опредѣленіе, I, 536.
Подноготная: опредѣленіе, I, 415.
Подолинскій: Петръ I, II, 148.
Подолія: опредѣленіе, I, 161; Литва, 162; Западъ, 228; Польша, 238; казаки, 250; Екатерина II, II, 234; Николай I, 470.
Подолье: Кіевъ, I, 34, 35.
Подпушка: опредѣленіе, I, 532.
Подручныя: опредѣленіе, I, 384.
Подсусѣдники: опредѣленіе, I, 396.
Подубрусникъ: опредѣленіе, I, 536.
Подъячіе: 13—15 в., I, 205; 15—17 в., 334, 353, 354; площадные, 524; 17 в., II, 266.
Подѣбрадъ: значеніе, I, 156; паны, 235.
Пожарскіе: Стародубъ, I, 175; смута, 305, 307, 310—318, 389, 428; сказанія, 464; статуя, II, 537.
Пожаръ: 11—13 в., I, 109, 140, 144; 13—15 в., 213; 15—17 в., 263, 327, 498, 499, 514, 523, 526; 17—18 в., II, 12, 55, 256, 380, 396; Петръ I, 82; Анна Ивановна, 170, 407; Александръ I, 405, 412; Николай I, 481; Александръ II, 503.
Пожилое: опредѣленіе, I, 398.
Познань: поляки, II, 423; возстанія, 474
Полати: опредѣленіе, I, 138, 515.
Поле, судъ; опредѣленіе, I, 49; 13—15 в., 216, 220; 15—17 в., 267, 347, 416, 425, 436.
Полевать: опредѣленіе, I, 249.
Полевой, духъ: опредѣленіе, I, 23, 24.
Полевой, писатель: Лупалова, II, 460; журналы, 485; романы, 489.
Полиція: 11—13 в., I, 100; 15—17 в., 360, 370; Софья, II, 55; Петръ I, 82, 286, 392, 405; 18 в., 394; Екатерина II, 408; Александръ I, 412, 437; Николай I, 519; Александръ II, 504, 509, 517, 521.
Полканъ: сказки, I, 474
Полкъ: опредѣленіе, I, 50; удѣлы, 114. См. *Войско.*
Поло, братья: татары, I, 166.
Половничество: опредѣленіе, I, 117; 13—15 в., 210; 15—17 в., 395, 400; 17 в., II, 296.
Половцы: опредѣленіе, I, 75; богатыри, 26; 11—13 в., 76—86, 92, 107, 109, 110, 112, 115, 132; 13—15 в., 166, 167, 169, 171.
Полонскій: поэзія, II, 534.
Полонизмы: 15—17 в., I. 539, 553, 564; Алексѣй Михайловичъ, II, 47.
Полоняночныя деньги: опредѣленіе, I, 366; значеніе, 424.
Полотенце: въ зодчествѣ, I, 226.
Полотнище см. *Платно.*
Полоцкій Симеонъ: расколъ, II; 24, 343; значеніе, 45; Ѳедоръ III, 48, 335; академія, 51; Софья, 52; приказы, 267; церковь, 309; нравы, 318; женщина, 332; понятія, 338—341; просвѣщеніе, 352, 354; свѣтскость, 364; поэзія, 366, 367.
Полоцкъ: начало, I, 11, 20, 38; Владиміръ св., 39; Ярославъ I, 47; 11—13 в., 71, 72, 77, 83, 105, 108, 110, 135, 141; 13—15 в., 157, 158, 178, 207, 210, 228; 15—17 в., 238, 260, 401, 510, 552, 561;

Екатерина II, II, 316; Александръ I, 447.
Полтава: древности, I, 76; Петръ I, II, 106, 117, 387; значеніе битвы, 141.
Полууставъ: опредѣленіе, I, 219, 455; книги, 450.
Полушка: опредѣленіе, I, 63, 228; 15—17 в., 509; Петръ I, 391.
Польша, поляки: каменный вѣкъ, I, 3; начало, 9, 10, 33; 9—11 в., 32, 33, 40, 44—47; 11—13 в., 66, 69, 70, 77, 79, 82, 85, 103, 106, 107, 110, 115, 120, 125, 141; 13—15 в., 155, 156, 157, 161, 162, 186—189, 212, 228, 230; 15—17 в.; 234—238, 250, 252, 280, 318—320, 377, 472, 547, 552—563, 569, 582; 17—18 в., II, 2, 4—7, 254, 264, 291, 292, 383; Алексѣй Михайловичъ, 31, 34—37, 41, 257; Софья, 60, 344; Петръ I, 78, 87, 103, 105, 107, 113, 125, 137, 260; Анна Ивановна, 164, 176; Елизавета, 188; Екатерина II, 208, 216—220, 230—234, 253, 315, 316, 346; Павелъ I, 248; 19 в., 422, 423; Александръ I, 441, 444, 446, 450, 457, 463; Николай I, 470, 471, 473, 474, 481, 482; Александръ II, 499, 500, 502, 506, 509, 514, 522, 534.
Полюдье: опредѣленіе, I, 21; значеніе, 49; 9—11 в., 51.
Поляне: опредѣленіе, I, 11. См. *Поляки.*
Поляновка: миръ, I, 319.
Полярный кругъ: лопари, II, 529.
Померанія: нѣмцы, I, 69; Польша, 237; Пруссія, II, 2; Петръ III, 201.
Поморье: Польша, I, 33; половники, 400; II, 296.
Поморяне см. *Поляки.*
Помпея: живопись, II, 536, 537.
Помѣстье, помѣщикъ: опредѣленіе, I, 208; князь, 204; начало, 211; 15—17 в., 258, 268, 360, 391; 17 в., II, 283; Анна Ивановна, 292; нравы при Александрѣ II, 514. См. *Крѣпостничество.*
Помяловскій: романы, II, 533.
Понява: опредѣленіе, I, 535.
Понятія: начало славянъ, I, 21—27; 9—11 в., 52—55; 11—13 в., 119, 120, 127, 129, 147; 13—45 в., 216—220; 15—17 в., 298, 436—447, 535, 544; 17—18 в., II, 2, 81, 338—351; 19 в., 422; Александръ I, 429, 437, 439, 440, 445—454, 459—465; Николай I, 468, 485—489; Александръ II, 500, 511 512, 521, 524, 525, 535.
Понятовскій: Екатерина II, II, 7, 195, 217, 219, 235; Павелъ I, 248.
Попелъ: преданіе, I, 10.
Поповщина: опредѣленіе, II. 312; 18 в., 313; Николай I, 484; Александръ II, 512.
Попъ, писатель: Екатерина II, II 368, 373.
Пороки: опредѣленіе, I, 207.
Порошинъ: Павелъ I, II, 358.
Порта: опредѣленіе, I, 234. См. *Турція.*
Порталъ: опредѣленіе, I, 136.
Портретъ: 15—17 в., I, 492; 17 в., II, 380, 382, 383; 18 в., 385, 386; 19 в., 537.
Португалія: открытія, I, 151; Петръ I, II, 91.
Порты: опредѣленіе, I, 141, 530; 15—17 в., 531.
Порубъ: опредѣленіе, I, 140.
Поручни: опредѣленіе, I, 514.
Поручныя: опредѣленіе, I, 384.
Порядныя: опредѣленіе, I, 400.
Посадникъ: опредѣленіе, I, 49, 98; Суздаль, Ростовъ, 90; Новгородъ, 100, 101, 114, 208; удѣлы, 127, 140.
Посадъ, посадскіе: опредѣленіе, I, 21; 11—13 в., 98, 140; 13—15 в., 209, 210; 15—17 в., 287, 388, 513. См. *Горожане.*
Посланія: 11—13 в., I, 130; 13—15 в., 218. 220; 15—17 в., 247, 480—482, 558.
Посланникъ: начало, I, 343.
Пословицы: значеніе, I, 56, 57; сборники, 131, 132; лѣтопись, 134; татары, 174.
Послуживцы: опредѣленіе, I, 396; холопство, 398.
Послухъ: опредѣленіе, I, 524.
Послы: 9—11 в., I, 54; 11—13 в., 100, 118; 13—15 в., 205; 15—17 в., 237, 332, 333, 343, 344, 414, 419, 421, 422; 17 в., II, 40—42, 50.
Посниковъ: Петръ I, II, 127.
По-солонь: опредѣленіе, I, 439.
Посоха: опредѣленіе, I, 366; 15—17 в., 370, 374.
Посохъ: опредѣленіе, I, 534; стрѣльцы, II, 56.
Посошковъ: Петръ I, II, 72, 86, 123, 141; просвѣщеніе, 145, 356; приказы, 267; финансы, 277; войско, 280; крѣпостничество, 298, 299; нравы, 321, 323; женщина, 333; иностранцы, 339; понятія, 345; публицистика, 365.
Посошное: опредѣленіе, I, 366, 368.
Посполитое рушенье: опредѣленіе, I, 237.
Поспольство: опредѣленіе, I, 547; II, 34.
Поссевинъ: Иванъ IV, I, 280; записки. 405; города, 510; значеніе, 556.
Поставецъ: опредѣленіе, I, 542; дворецъ, II, 378.
Постельничій: опредѣленіе, I, 340; начало, 245.

Постельное крыльцо: бояре, I, 388.
Постригъ: опредѣленіе, I, 112.
Посуда: начало, I, 3; меря, 12; 9—11 в., 62; 11—13 в., 140; 15—17 в., 501, 543.
Потемкинъ: Орловы, II, 201; Екатерина II, 210, 235, 239, 245; Турція, 230; Суворовъ, 232; смерть, 233; характеръ, 236—238; Павелъ I, 242; новики, 290; крѣпостничество, 292; іезуиты, 316; лубки, 387; города, 395; дворецъ, 409.
Поти: Николай I, II, 472; Александръ II, 507.
Потоцкіе: 15—17 в., I, 553; 18 в., II, 7; Екатерина II, 233, 234; Сперанскій, 439.
Потѣшная Палата, *потѣхи*: начало, 490; 15—17 в., 342; значеніе, 494; Петръ I, II, 61, 69, 140; зодчество, 377.
Поученія: Мономахъ, I, 81; 11—13 в., 114, 127, 129, 130, 208; 13—15 в., 217, 218, 220; 15—17 в., 467.
Почайная: опредѣленіе, I, 34, 35.
Почетные граждане: Николай I, II, 482.
Починокъ: опредѣленіе, I, 360; 15—17 в., 498.
Почта: Алексѣй Михайловичъ, 42; 17 в., 388; 18 в., 393; Петръ I, 91, 390, 391; Екатерина II, 402, 409; Александръ II, 505.
Пошибъ: опредѣленіе, I, 136; русскій, II, 376, 377, 383, 384; западный, 377, 385; живописный, 382; Возрожденія, 384; композитный, 386; византійскій, 387. См. *Стиль*.
Пошлина, обычай: опредѣленіе, I, 368; 15—17 в., 339, 439, 440, 443.
Пошлины: опредѣленіе, I, 368; 13—15 в., 204, 213; 15—17 в., 234, 268, 366; Петръ I, II, 91.
Поэзія: арійцы, I, 4; 9—11 в., 56, 57; 11—13 в., 67; 13—15 в., 220, 221; 15—17 в., 238, 468—476, 494, 567—569; Алексѣй Михайловичъ, II, 10; 17 в., 365—367; 18 в., 368—370, 374, 375; Александръ I, 461—467; Николай I, 486—488; Александръ II, 532, 534.
Поярковъ: Амуръ, II, 39.
Поярокъ: опредѣленіе, I, 531.
Правда, законъ: судъ, I, 360.
Правежъ: опредѣленіе, I, 185, 416; 15—17 в., 329, 364; Петръ I, II, 90; Анна Ивановна, 170, 326; отмѣна, 323.
Прага польская: Екатерина II, II, 234.
Прага чешская: начало, I, 10; Мономахъ, 81; нѣмцы, 69; университетъ, 155; II, 424; битва, I, 236; православіе, 557.
Прапоръ: дворецъ, II, 378, 380.
Прасковья, царица: Анна Ивановна I, 166; нравы, 182, 317, 333.
Прасолъ: опредѣленіе, I, 500.
Премыслъ, *Премысловичи*: опредѣленіе, I, 10; прекращеніе, 155.
Преображенское: Петръ I, II, 49, 60, 63, 76, 82, 396.
Преображенское кладбище: Николай I, II, 484.
Пресбургъ: Петръ I, II, 63.
Преслава: Ярославъ I, I, 43; поляки, 44.
Престолонаслѣдіе: Ярославъ I, I, 47; начало, 95; Москва, 190; Димитрій Донской, 198; 13—15 в., 204; Иванъ III, 245; Ѳедоръ III, II, 51, 257; Петръ I, 101, 110, 121, 151; Павелъ I, 248; 18 в., 260, 262, 263.
Престолъ: опредѣленіе, I, 62.
Прейсъ-курантъ: Петръ I, II, 91.
Пржевальскій: путешествія, II, 535.
Прибыльщикъ: опредѣленіе, II, 84.
Пригородъ: опредѣленіе, I, 21; Суздаль и Ростовъ, 90; удѣлы, 95, 110.
Приданое: начало, I, 217.
Приднѣпровье: сходцы, II, 254.
Приказчикъ: вотчины, I, 206, 360; бояре, 209; холопы, 397.
Приказъ, *приказные*: опредѣленіе, I, 354; начало, 246; 15—17 в., 324, 342, 352—356, 360, 361, 364; значеніе, 579; 17 в., II, 50, 259, 264—268, 274, 275, 279, 283, 297, 304, 382, 388; Петръ I, 140, 141, 310; Анна Ивановна, 292; прекращеніе, 87; Аптекарскій, 42; благотворительныя учрежденія, 295; Большая Казна, Большой Приходъ, I, 362; Владимірскій, 353; Дворцовый, 353, 362; Доимочный, II, 170, 188, 256; Земскій, I, 353; Казанскаго Дворца, 353; Казенный Дворъ, 353, 362; Каменный, 353; Конюшенный, 353, 362; Костромская Четь, 353; Мастерская Царская и Царицына, 362; Монастырскій, II, 83, 146; Новгородскій, I, 378; Панафидный, 362; Помѣстный, 353; Посольскій, 353; II, 41, 42, 50; Постельный, I, 340; Преображенскій, II, 134, 135, 170, 320, 326, 351; Пушкарскій, I, 353, 371; Разбойный, 353; Разрядный, 353, 355, 380; Сибирскій, Стрѣлецкій, Сытенный, 353; Тайныхъ Дѣлъ, I, 426; II, 26, 27; Тверской, I, 378; Хлѣбный, 362; Холопій, 353, 400; Челобитный, 346, 353; Ямской, 353, 508.
Прилѣпки см. *Барельефы*.
Примѣта: опредѣленіе, I, 23.
Припеть: древляне, I, 11.
Присудъ: опредѣленіе, I, 204.
Присяга: Петръ I, II, 83, 323.
Присяжные: община, I, 360; Ради-

щевъ, II, 349; декабристы, 462; Александръ II, 495, 500, 509, 519.
Притча: опредѣленіе, I, 472; значеніе, 56, 57.
Приходцы: опредѣленіе, I, 370, 396.
Пріамурскій край: Александръ II, II, 501.
Прозоровскіе: разряды, I, 381; 17 в., II, 284.
Пронскъ: Рязань, I, 196.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ: Петръ I, II, 114; характеръ, 128—130; Екатерина I, 151; Петръ II, 155; Анна Ивановна, 160, 161, 165, 169, 171; синодъ, 313; понятія, 345—347; просвѣщеніе, 357, 364; исторія, 365; дача, 401.
Пролетаріатъ: начало, II, 421.
Пролетъ: опредѣленіе, I, 57.
Прологъ: сборники, I, 131.
Пролубное: опредѣленіе, I, 325.
Промыслы см. *Промышленность*.
Промышленность: каменный вѣкъ, I, 1, 2; арійцы, 4; литво-славяне, 6, 7; финны, 12, 13; литовцы, 15; Византія, 17; венгры, 32; румыны, 236; начало на Руси, 11, 20, 21, 25, 57; 9—11 в., 62, 63, 67; 11—13 в., 71, 96, 112, 138, 140—142; 13—15 в., 190, 205, 207, 210, 214, 225—227; 15—17 в., 233, 246, 298, 322, 326, 376, 377, 394, 395, 402, 404, 408, 498, 500, 501, 502, 514, 542, 547; 17 в., II, 60, 388; 18 в., 90—92, 122, 188, 189, 216, 217, 306, 391—393, 401, 408, 410; 19 в., 421; Александръ I, 413, 455; Николай I, 481; Александръ II, 504—507, 511, 524.
Пропитаніе: арійцы, I, 4; литво-славяне, 6, 7; начало у славянъ, 20, 27; 9—11 в., 62; 13—15 в., 205, 228; 15—17 в., 503, 525, 539—544; 17 в., II, 389.
Проповѣдь: 11—13 в., I, 130; 13—15 в., 220; 15—17 в., 410, 561, 564, 565; 17 в., II, 44, 45, 364; Петръ I, 128—132, 364.
Просвѣщеніе: Византія, I, 17, 30; Западъ, 19, 66—68; Польша, 69; 9—11 в., 41, 45, 55; 11—13 в., 123, 125—127; 13—15 в., 213, 214, 217—219; 15—17 в., 247, 268, 270, 284, 285, 307, 325, 443—456, 553, 557, 559, 560; 17—18 в., II, 44, 45, 51, 293, 351—364, 414; начало энциклопедистовъ, 3, 4; Петръ I, 81—86, 145—147, 365; Екатерина I, 154; Елизавета, 172, 174, 189, 372; Екатерина II, 206, 240, 243, 244; Александръ I, 431, 432, 435, 448, 452, 459—463; Николай I, 483—486; Александръ II, 492, 494, 495, 506, 508, 510, 513, 522—529; крѣпостничество, 516; преобразованія, 520.
Протасовы: Ростопчинъ, II, 249; Александръ I, 458.
Протекціонизмъ: опредѣленіе, II, 3; Александръ I, 452, 455; Николай I, 479, 480; Александръ II, 492.
Протестантство: чехи, I, 156, 236; Польша, 237, 238; 15—17 в., 440; значеніе, 233, 234; Иванъ III, 444; Литва, 449; Ѳеодосій Косой, 450; Острожскіе, 558; 17 в., II, 344—346; 18 в., 347; Петръ I, 78, 113, 130, 131; Анна Ивановна, 169, 364; Александръ I, 447, 449.
Противень: опредѣленіе, I, 131.
Профессіонализмъ: опредѣленіе, II, 526.
Прохлады: опредѣленіе, I, 417.
Процентъ: 11—13 в., I, 141; 15—17 в., 363, 500, 505; Елизавета, II, 188; Екатерина II, 278; Александръ I, 456.
Пруссія: опредѣленіе, I, 15, 69; начало, 232; бояре, 209; Западная, 237; герцогство, 238; 17—18 в., II, 2, 4; Петръ I, 103, 137, 260; Елизавета, 184, 191; Екатерина II, 218, 230, 231, 234, 241; Павелъ I, 251; 19 в., 420, 421, 423; Александръ I, 432, 433, 440, 441, 444, 445, 455; Николай I, 469, 471, 474, 475, 477; Александръ II, 496—501; либерализмъ, 487; крѣпостничество, 516.
Пруссы: опредѣленіе, I, 14; нравы, 15; тевтонскій орденъ, 66; нѣмцы, 109; Оттокаръ II, 155; Литва, 178; бояре, 380.
Прусъ: Иванъ IV, I, 333; сказанія, 471.
Прутъ: Петръ I, II, 107, 112; Екатерина I, 153; Александръ I, 433.
Прѣслава, городъ: болгары, I, 9.
Прянишниковъ: живопись, II, 538.
Псалтырь: начало на Руси, I, 55; Краковъ, 449; Четіи-Минеи, 479; русскій, II, 363; вирши, 366.
Псковъ: начало, I, 11; Ольга, 37; 11—13 в., 101, 136, 141; 13—15 в., 159, 160, 179, 185, 190, 192, 200, 207, 214, 219, 222—229; 15—17 в., 242, 257, 276, 277, 280, 292, 310, 313, 320, 357, 402, 462, 491, 502, 510, 514, 558; 17 в., II, 25, 303, 304; Петръ I, 138; живопись, 536; опера, 540.
Публицистика: начало на Руси, I, 463; 15—17 в., 458—461, 464, 481; 17—18 в., II, 365, 370—372, 374; Петръ I, 83, 92; Елизавета, 189; Александръ I, 461, 463; чехи, 424; Николай I, 485, 488; Александръ II, 524, 529, 532.
Пугачевъ: Сиверсъ, II, 216; Тараканова, 223; портретъ, 225; бунтъ, 225—228; Екатерина II, 240; крѣпостничество, 302; духовенство, 314; расколъ, 315.

Пулковская обсерваторія: Николай I, II, 484.
Пулы: опредѣленіе, I, 228; 15—17 в., 509.
Пуссенъ: живопись, II, 537.
Пустозерскъ: начало, I, 328; 15—17 в., 510.
Пустозерье: Аввакумъ, II, 24.
Пустополе: опредѣленіе, I, 546.
Путешествія: удѣлы, I, 125; 15—17 в., 466; Петръ I, II, 355, 356, 365; Елизавета, 360; Екатерина II, 363, 375; Александръ I, 432, 448, 461; Александръ II, 524, 527, 535.
Пути, промыслы: 13—15 в., I, 227; путные бояре, 339; приказы, 353.
Пути сообщенія: начало на Руси, I, 20; 11—13 в., 142; 13—15 в., 205, 208; 15—17 в., 327, 506—508; 17 в., II, 388; 18 в., 393; Петръ I, 82, 91, 390, 391; Екатерина II, 393; Александръ I, 455; Николай I, 481; Александръ II, 505, 507.
Путята: Новгородъ, I, 41.
Пуффендорфъ: Петръ I, II, 344.
Пушки, пушкари: начало на Руси, I, 207; 15—17 в., 260, 269, 279, 371, 489, 512, 521, 522, 527, 550.
Пушкинъ: Курбскій, I, 464; Петръ I, II, 147, 148; Ломоносовъ, 370; Петербургъ, 413; Мицкевичъ, 423; Александръ I, 446, 462; Карамзинъ, 464; народность, 467; Николай I, 468; журналы, 485; значеніе, 486; Тургеневъ, 530.
Пфальцъ: Екатерина II, II, 255.
Пфеннингъ: Новгородъ, I, 228.
Пыпинъ: древняя письменность, II, 534.
Пытка: 9—11 в., I, 49; начало, 347; 15—17 в., 415; 18 в., II, 196, 331.
Пѣніе: церковное, I, 55; 15—17 в., 495, 496, 569; 17 в., II, 352, 382, 383; 18 в., 387.
Пѣнязи: опредѣленіе, I, 228.
Пѣсни: начало славянъ, I, 22, 24; начало на Руси, 53. 55; 11—13 в., 82, 132, 134; 13—15 в., 174, 223; 15—17 в., 321, 436, 470, 568, 569; 18 в., II, 539; музыка, 387; Александръ I, 466; Николай I, 489.
Пятидесятникъ: село, I, 361.
Пятина: опредѣленіе, I, 101; Новгородъ, 361; сборы, 366.
Пятница: посты, I, 122; апокрифы, 469.
Пятно: опредѣленіе, I, 204.
Пясты: преданіе, I, 10; удѣлы, 69; прекращеніе, 157.

Рабе: Екатерина I, II, 152.
Рабство: литовцы, I, 14, 15; начало славянъ, 22, 27; румыны, 154; 9—11 в., 63; 11—13 в., 101, 109; 13—15 в., 172, 173, 202.
Рагоза: унія, I, 556, 558.
Рагуза: славяне, I, 68; 19 в., II, 425.
Рада: опредѣленіе, I, 549; Литва, 161.
Радзеевъ: битва, II, 500.
Радзивилы: 18 в., II, 7.
Радимичи: начало, I, 12; Владиміръ св., 39; язычество, 119.
Радищевъ: Екатерина II, II, 241; Павелъ I, 248; матеріализмъ, 349; значеніе, 351; гоненіе, 363; Западъ, 373; журналы, 374; крѣпостничество, 462.
Радонежъ: св. Сергій, I, 215.
Раекъ: опредѣленіе, I, 568,
Разбойничество: 13—15 в., I, 191, 202, 214; 15—17 в., 286, 289, 291, 327, 398, 416, 507, 523; Алексѣй Михайловичъ, II, 25; Петръ I, 82, 95; Анна Ивановна, 170; Елизавета, 255; Николай I, 481; Александръ II, 503.
Разводчики: опредѣленіе, I, 360.
Разводъ: Александръ II. II, 512, 524.
Раздоры, станица: донцы, I, 375.
Разинъ: Никонъ, II, 17; портретъ, 27; бунтъ, 28, 29; Украйна, 37; войско, 280; крѣпостничество, 298; пытка, 317; пѣсни, 366.
Размыслъ: опредѣленіе, I, 269.
Разрядъ, разрядныя книги: опредѣленіе, I, 267; начало, 380; значеніе, 381; войско, 369; дворяне, 390; Ѳедоръ III. II, 50; 17 в., 285; паденіе, 286.
Разумовскіе: Петръ I, II, 113; Анна Леопольдовна, 180; Елизавета, 186; Петръ III, 196; Екатерина II, 195, 199, 210, 215; Тараканова, 223; новики, 290; опека, крѣпостничество, 292; Западъ, 360; дворецъ, 408; дипломатія, 416; Александръ I, 456.
Разъѣздчикъ: опредѣленіе, I, 206.
Рангъ см. *Чинъ.*
Расинъ: Озеровъ, II, 373.
Раскатъ: опредѣленіе, I, 522.
Раскина: наука, II, 523.
Расколъ: Палея, I, 477; начало, II, 23, 24; 17—18 в., 308, 309, 314, 315, 342, 343, 353; Разинъ, 25, 29; Славинецкій, 44; Полоцкій, 45; стрѣльцы, 55, 76; Софья, 58, 59; Петръ I, 94, 115, 116, 131, 132, 148, 311, 312; Елизавета, 190, 191; Петръ III, 196; Екатерина II, 225, 227, 240, 397; Павелъ I, 248; Александръ I, 431; Николай I, 480, 484, 485; Александръ II, 512, 517, 519; женщина, 333, 335; поэзія, 366; искусство, 382, 383, 387.
Растрелли: Петръ I, II, 384; 18 в., 385; Петербургъ, 405, 406; Елизавета, 408.

Ратиборъ: печать, I, 140.
Ратманъ: Петръ I, II, 92, 305.
Ратуша: Петръ I, II, 92, 140, 275, 305.
Рафаэль: значеніе, I, 233.
Раціонализмъ: секты, II, 512.
Рай: опредѣленіе, I, 8; начало славянъ, 23, 27.
Райя: опредѣленіе, I, 234; угнетеніе, 235.
Реакція: опредѣленіе, I, 149; 18 в., II, 417; Екатерина II, 238—241; Александръ I, 448—454, 462, 464; Николай I, 478—480; Александръ II, 499, 508, 509, 525; Наполеонъ III, 496; Левъ Толстой, 533.
Реализмъ: 19 в., II, 422; Николай I, 485—489; Александръ II, 494, 529, 530; Гоголь, 488; Гончаровъ, 531; Достоевскій, 532; Островскій, 533; наука, 488; искусство, 536—538; музыка, 540.
Ревель: Иванъ IV, I, 280; 15—17 в., 503; Екатерина II, II, 224.
Ревизіи: Петръ I, II, 89, 90, 94; Елизавета, 188; Александръ II, 502.
Ревизоры: Петръ I, II, 270.
Регенсбургъ: Суздаль, I, 141.
Регламентація: Петръ I, II, 390.
Редедя: косоги. I, 44.
Редклифъ: Николай I, II, 473.
Резидентъ: опредѣленіе, I, 322; начало, II, 40; Москва, 260, 405; Петръ I, 391.
Рели: опредѣленіе, I, 435.
Ремесла: начало на Западѣ, I, 66; Новгородъ, 101; 11—13 в., 117, 140; 13—15 в., 157, 172, 188; 15—17 в., 322, 498, 548, 552; Петръ I, II, 61, 78, 79, 92.
Репнинъ: разряды, I, 381; Голицыны, II, 133; Екатерина II, 219; масоны, 362; дипломатія, 416.
Репнинъ-Оболенскій: Василій III, I, 257.
Республика: Рагуза, I, 68; Новгородъ, 96; Франція, II, 421.
Реставрація: опредѣленіе, II, 421.
Реформатство: начало, I, 233; Петръ I, II, 78.
Решть: Разинъ, II, 28; Петръ I, 122.
Рейтары: начало, II, 65, 279.
Рейхлинъ: значеніе, I, 233.
Ржевскіе: разряды, I, 381.
Рига: начало, I, 108; значеніе, 141; торговля съ Россіей, 228; 15—17 в., 503, 505; Петръ I, II, 77; 17 в., 388; Александръ I, 434, 447; Александръ II, 506.
Римскіе-Корсаковы: начало, I, 385; Павелъ I, 251; музыка, 540.
Римское право: начало, I, 17; университеты, 67; легисты, 149; Польша, 236.
Римъ: Новгородъ, Кіевъ, I, 22; Кирилъ, 31; Ярославъ I, 45; Мономахъ, 81; Данило Романовичъ, 108; Исидоръ, 212; Византія, 221; Иванъ III, 246; Малороссія, 555; значеніе, 571; Алексѣй Михайловичъ, II, 39; Александръ II, 512.
Ришелье: монархизмъ, I, 232; значеніе, II, 1; Одесса, 431, 459; Бурбоны, 445.
Ровинскій: древняя письменность, II, 534.
Рогвольдъ, *Рогвольдовичи*: начало, I, 47; Полоцкъ, 38.
Рогнѣда: теремъ, I, 34; Ярополкъ, 38; Ярославъ I, 42, 47; опера, II, 540.
Рогожское кладбище: начало, II, 397; Николай I, 484.
Родимичи: Владиміръ св., I, 39.
Родъ, *родовой бытъ*: опредѣленіе, I, 4, 23; литовцы, 15, 157; варяги, 16, 49; Сербія, 153; начало у славянъ, 7, 19, 21—23; 9—11 в., 33, 51, 52, 54, 57, 64; 11—13 в., 71—75, 82—85, 88, 97, 110, 144; 13—15 в., 162, 170, 171, 175, 176, 179, 189, 198, 209, 217; 15—17 в., 267, 393, 432, 441, 442; 18 в., II, 324; Петръ I, 260; теорія, 489.
Родословецъ, *Родословная Книга*: бояре, I, 385; сказанія, 471; начало, II, 50; значеніе, 285.
Родосъ: Олегъ Святославичъ, I, 78.
Роженицы: опредѣленіе, I, 23.
Рожонъ: опредѣленіе. I, 541.
Розенкампфъ: Александръ I, II, 438; Сперанскій, 440.
Розруха: опредѣленіе, I, 328; причины, 291—293; выборные, 358; церковь, 406; пѣсни, сказанія, 470; значеніе, 576, 577.
Рококо: значеніе, I, 1; Елизавета, 384, 408; Фили, 384.
Ролленъ: переводъ, II, 368.
Романовы: Ѳедоръ I, I, 282; Годуновъ, 289, 290; смута, 294, 297, 313, 315; пѣсни, 470; живопись, 492; иностранцы, II, 47; Измайлово, 60, 61; Александръ I, 466, 470.
Романовы-Захарьины-Юрьевы: опредѣленіе, I, 282.
Романовы-Юрьевы: опредѣленіе, I, 282.
Романтизмъ: 15—17 в., I, 472; 19 в., II, 422, 423; Жуковскій, 463; паденіе, 465, 486; Левъ Толстой, 525; искусство, 536.
Романцы: опредѣленіе, I, 28; начало, 64; румыны, 154; Возрожденіе, 231; 15—17 в., 232; 17—18 в., II, 1; 19 в., 420, 421.

Романъ, митрополитъ: Константинополь, I, 211, 212.
Романъ Волынскій: характеръ, I, 106, 107; Литва, 158.
Романъ Даниловичъ: Нѣмецкая имперія, I, 188.
Романъ Святославичъ: Изборникъ Святослава, I, 138.
Романъ Смоленскій: просвѣщеніе, I, 126.
Романъ Юрьевичъ: Анастасія, I, 282.
Романы: 15—17 в., I, 471—475; 18 в., II, 368; Екатерина II, 375; 19 в., 488; Александръ I, 466; Николай I, 489; Александръ II, 530—534.
Ромайкосъ: опредѣленіе, I, 151.
Ромодановскіе: Стародубскіе, I, 378; разряды, 381; 17 в., II, 284; Петръ I, 62, 73; Преображенскій Приказъ, 135; нравы, 324.
Ропша: Екатерина II, II, 202.
Россійская академія: начало, II, 362; Екатерина II, 240; бесѣдчисты, 464.
Ростиславичи: Смоленскъ, I, 104.
Ростиславъ Владиміровичъ: Галичъ, I, 72; Новгородъ, 73; Тмутаракань, 75.
Ростиславъ Моравскій: значеніе, I, 31.
Ростовцевъ: крѣпостничество, II, 493, 514.
Ростовъ Великій: начало, I, 11, 12, 20; 9—11 в., 53; 11—13 в., 74, 88—91, 95, 101, 119; 13—15 в., 169, 175, 181, 191, 202, 210, 216, 222, 225; 15—17 в., 304, 500, 574; св. Димитрій, II, 132.
Ростопчина: католичество, II, 459.
Ростопчинъ: характеръ, II, 249; Павелъ I, 251, 252; іезуиты, 317; Западъ, 373; Александръ I, 436, 439, 449; Наполеонъ I, 442; крѣпостничество, 457; бесѣдчисты, 464.
Ростъ: удѣлы, I, 117; 13—15 в., 216, 228.
Рось, рѣка: Владиміръ св., I, 42.
Ротари: Елизавета, II, 385.
Ртищевъ: исправленіе книгъ, II, 20; значеніе, 43, 284; нравы, 319; женщина, 334; иностранцы, 340; Малороссія, 352, 354.
Рубинштейнъ: опера, II, 540.
Рублевъ: значеніе, I, 224.
Рубль: опредѣленіе, I, 298; 15—17 в., 509, 510; 17 в., 389; Петръ I, 391; 18 в., 393.
Рубы: опредѣленіе, I, 530.
Рувимъ: Черногорія, I, 154.
Руга: опредѣленіе, I, 411.
Рудинство: опредѣленіе, II, 530, 532.
Рудознатцы: Иванъ IV, I, 268; 15—17 в., 502, 326.
Рудольфъ: Габсбурги, I, 149, 155.
Румынія, румыны: турки, I, 154; 15—17 в., 235, 237; 17—18 в., II, 5, 6; Екатерина II, 221; 19 в., 426, 427; Николай I, 470; Александръ II, 502; конституція, 524.
Румяны: 15—17 в., I, 422, 430, 539.
Румянцовы: Елизавета, II, 192, 210, 215, 221, 230; Екатерина II, 245, 282, 387; Павелъ I, 243; Александръ I, 430, 436, 437; Франція, 440, 446.
Рундукъ: опредѣленіе, I, 515; дворецъ, II, 378.
Руничъ: университеты, II, 452.
Руны: опредѣленіе, I, 16.
Русалка: опредѣленіе, I, 23, 24; вила, 25; музыка, II, 540.
Русины: 19 в., II, 424.
Русланъ: опера, II, 540.
Русская Правда: начало, I, 46; значеніе, 50; языкъ, 56; Мономахъ, 82; удѣлы, 114; 13—15 в., 203; варвары, 572.
Руссо: значеніе, II, 4; Екатерина II, 348; Вольтеръ, 361; Карамзинъ, 373; Александръ I, 427; Левъ Толстой, 525.
Русъ: преданіе, I, 12.
Русь: значеніе слова, I, 16, 92; крещеніе, 41; Ярославъ I, 47; объединеніе, 51; опредѣленіе, 573.
Рухлядь: опредѣленіе, I, 361.
Ручница: опредѣленіе, I, 370.
Рыбниковъ: древняя письменность, II, 534.
Рылѣевъ: Шереметьева, II, 337.
Рымникъ: Суворовъ, II, 233.
Рынды: опредѣленіе, I, 332.
Рыцарство: опредѣленіе, I, 28; Византія, 65; монахи, 66; поэзія, города, 67; паденіе, 148; 15—17 в., 232; вооруженіе, 253, 254.
Рычковъ: экспедиція, II, 362.
Рѣдкинъ: критика, II, 489; значеніе, 534.
Рѣзани: опредѣленіе, I, 63.
Рѣзы: опредѣленіе, I, 30; ограниченіе, 114.
Рѣзьба: начало у славянъ I, 7; 9—11 в., 60; 13—15 в., 226; Польша, 157; фигурная, II, 382.
Рѣпинъ: живопись, II, 537.
Рѣчь Посполитая см. *Польша*.
Рѣшетниковъ: романы, II, 533.
Рюгенъ: торговля, I, 10.
Рюриковичи: 11—13 в., I, 71, 73, 106, 111, 112, 116; 13—15 в., 209; Оболенскіе, 261; Шуйскіе, 262; Иванъ III, 379; разряды, 381.
Рюрикъ: призваніе, I, 33; значеніе, 34; Кіевъ, 36; потомство, 89; Иванъ IV, 263; сказанія, 471.
Рядки: опредѣленіе, I, 401, 498.
Рядовые: Новгородъ, I, 97.
Рядъ: завѣщаніе, I, 51; договоръ, 97,

98, 110—115, 207, 208, 210, 398; гостинный, 98, 505, 513.
Рязань: 11—13 в., I, 70, 74, 78, 86, 87, 96, 105, 142; 13—15 в., 168, 184, 190, 195, 196, 198, 200, 215, 222, 223; 15—17 в., 195, 196, 198, 200, 241, 249, 257. 281, 292, 296, 303, 326, 371.
Ряски: опредѣленіе, I, 528.

Саадакъ: опредѣленіе, I, 372.
Саардамъ: Петръ I, II. 74, 113.
Сабуровы: начало, I, 209; разряды, 381.
Сава, рѣка: хорваты, I, 9.
Савицкій: живопись, II, 537.
Савонарола: Максимъ Грекъ, I, 446.
Сагайдачный: Михаилъ Ѳеодоровичъ, I, 319; пѣсни, 569.
Сага: опредѣленіе, I, 16; Ярославъ I, 48.
Садко: былины, I, 134.
Садоводство: 11—13 в., I, 142; 13—15 в., 205, 227; 15—17 в., 517, 526; 17 в., II, 380; Петербургъ, 407, 408.
Саксонія: начало, I, 66; мороване, 31; нѣмцы, 69; Польша, II, 7; Александръ I, 433.
Салги: опредѣленіе, I, 500.
Салерно: университетъ, I, 67.
Салтыковъ, писатель см. *Щедринъ*.
Салтыковы: запись, I, 385; Михаилъ Ѳеодоровичъ, 322, 324; разряды, 381; Петръ I, II, 79, 345; Анна Ивановна, 168; Елизавета, 191; Екатерина II, 195, 224, 292, 319, 348.
Самара: начало, I, 376; голодъ, II, 503.
Самаринъ: славянофильство, II, 487; крѣпостничество, 493, 514; его выраженіе о помѣщикахъ. 520.
Самаркандъ: Александръ II, II, 496.
Самарская Лука: казаки, I, 376.
Самборскій: Александръ I, II, 427, 436.
Самодержавіе: поляки, I, 32, 156; чехи, 32; Сербія, 153; Византія, 17; Карлъ Великій, 19; природа Россіи, 11; 11—13 в., 89, 92, 95, 96, 116, 119, 135, 145; 13—15 в., 193, 202—205, 227, 230; 15—17 в., 239, 244, 245, 249, 253, 255, 258, 259, 272, 331—336, 386, 387; титулъ, 337; приказы, 353; выборы, 357; бояре, 378, 379; служилые, 391, 392; община, 394; ограниченіе, 452, 453; развитіе, 574—578; древняя Русь, 582, 583, 586; 17—18 в., II, 257—264, 308, 309, 416; Ѳедоръ III, 283; Крижаничъ, 353; Петръ I, 143, 144, 345; Екатерина I, 154; Анна Ивановна, 160, 164, 165, 166; Екатерина II, 198, 212; Татищевъ, 372; Павелъ I, 246; Карамзинъ, 439; дворянство, 288, 290, 292; духовенство, 314; Николай I, 468.
Самозванцы: 15—17 в., I, 233, 291—314, 320; черногорцы. II, 5; 17 в., 257; Алексѣй Михайловичъ, 26; Алексѣй Петровичъ, 101; Анна Ивановна, 171; Екатерина II, 222—228; Александръ II, 517.
Самопалъ: опредѣленіе, I, 370. См. *Пищаль*.
Самоядь, *самоѣды*: 15—17 в., I, 328; Алексѣй Михайловичъ, II, 38.
Самойловичъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 37; Софья, 60.
Самсонъ: сказанія, I, 223.
Санинъ см. *Іосифъ Волоцкій*.
Санскритъ: опредѣленіе, I, 4.
Сан-Стефано: миръ, II, 499.
Сапѣга: Годуновъ, I, 289; Марина, 303; Лжедимитрій II, 304, 305.
Сара: Царское Село, II, 404.
Саратовка: Петербургъ, II, 410.
Саратовъ: начало, I, 376, 401; Годуновъ, 284; Петръ I, II, 96; Пугачевъ, 227; Александръ II, 506.
Сарафанъ: опредѣленіе, I, 531.
Сарай: опредѣленіе, I, 172; начало, 181; родовой бытъ, 170; русскіе князья, 176; Невскій, 179; значеніе, 189; Семенъ Гордый, 193; епархія, 213; паденіе, 250; развалины, 251, 252.
Сарайчикъ: ногайцы, I, 377.
Сардинія: Суворовъ, II, 232; Павелъ I, 251, 411; Александръ I, 432, 433; де-Местръ, 447; крымская кампанія, 477.
Сарепта: Екатерина II, II, 255.
Саркелъ: опредѣленіе, I, 14; Святославъ, 38.
Сарматія: опредѣленіе, I, 4.
Сатанаилъ: опредѣленіе, I, 477.
Сатира: крестовые походы, I, 67; Даніилъ Заточникъ, 132; сказки, 474; Кантемиръ, II, 347; масоны, 351; 17—18 в., 366; 18 в., 369, 370, 374, 375; Петръ I, 357; Прокоповичъ, 364; Сумароковъ, 369; Польша, 423; Александръ I, 465—467; Гоголь, 487; живопись, 537.
Сахалинъ: Александръ II, II, 497, 501, 519.
Сахаровъ: народность, II, 489.
Сборники: начало на Руси, I, 56; 11—13 в., 131—133, 482; 13—15 в., 221; 15—17 в., 435, 465; лѣтопись, 135; миніатюры, 138; одежда, 143; апокрифы, 469, 477; Четіи Минеи, 479, 480.
Сварогъ: опредѣленіе, I, 25; богатыри, 26.
Сварожичи: опредѣленіе, I, 25.

Свеаборгъ: Александръ I, II, 433; крымская кампанія, 477.
Свирговскій: казаки, I, 569.
Свирѣлъ: удѣлы, I, 120.
Свита, платье: опредѣленіе, I, 63.
Своеземцы: 13—15 в., I, 210.
Свѣдущіе люди: Александръ II, II, 507.
Свѣтлица: опредѣленіе, I, 516; дворецъ, II, 378.
Святогоръ: опредѣленіе, I, 26.
Святецъ: опредѣленіе, I, 7.
Святополкъ I: Владиміръ св., I, 42; Борисъ, 43; Польша, 44; сказанія, 221.
Святополкъ II: Мономахъ, I, 78; характеръ, 79; Василько, 80; смерть, 81; дѣти, 83.
Святополкъ Моравскій: значеніе, I, 31.
Святославичи: Тмутаракань, I, 75; Всеволодъ, 77, 78; Мономахъ, 81; 12 в., 83.
Святославъ I Игоревичъ: Византія, I, 29, 56; болгары, 31; характеръ, 36, 37; княженіе, 38; христіанство, 40; варяги, 48; наслѣдственность, 71; половцы, 81; идеалъ эпохи, 123.
Святославъ II Ярославичъ: Черниговъ, I, 74; характеръ, 74, 79, 144; великій князь, 77; Всеволодъ I, 78; Печерская лавра, 124; книги, 126; Изборникъ, 131, 138.
Святославъ III Всеволодовичъ: Александръ Невскій, I, 179; смерть, 180.
Святославъ Ольговичъ: Изяславъ II, I, 84—86; Юрій Долгорукій, 87.
Святцы: начало на Руси, I, 56; лѣтопись, 134.
Священная Римская имперія: опредѣленіе, I, 18; распаденіе, 38.
Священный Союзъ: опредѣленіе, II, 420; начало, 448, 449; паденіе, 421; Николай I, 468.
Сдобина: опредѣленіе, I, 541.
Севастополь: греческая колонія, I, 17; Екатерина II, II, 230, 238; Александръ I, 431; Николай I, 476, 477; Александръ II, 506, 527.
Секты: 18 в., II, 315; Александръ II, 512.
Селивановъ: скопцы, II, 315, 459; Александръ I, 431.
Село, Сельчане: начало на Руси, I, 21; 13—15 в., 202; 15—17 в., 341, 349, 360, 361, 498; 17—18 в, II, 388, Николай I, 481; Александръ II, 503, 508.
Сельджуки см. *Турки*.
Семенова: театръ, II, 466.
Семеновское: Петръ I, II, 60, 63.
Семенъ Гордый: значеніе, I, 192, 193; Троицкая лавра, 194.
Семинарія: св. Димитрій, II, 132; Александръ I, 432; Александръ II, 512, 520, 526—529.
Семирадскій: живопись, II, 537.
Сенатъ, сенаторы: Польша, I, 237; Лжедимитрій I, 293; Петръ I, II, 84—89, 92, 143, 144, 275, 320; Екатерина I, 152, 153; Анна Ивановна, 169; Елизавета, 188; Екатерина II, 207, 214; 18 в., 269—271; зданіе, 402; Александръ I, 430, 435, 555, 456; Александръ II, 495, 507.
Сенковскій: журналы, II, 485.
Сен-Симонъ, мемуаристъ: Петръ I, II, 115; значеніе, 421.
Сен-Готардъ: Суворовъ, II, 251.
Сент-Арно: Николай I, II, 476.
Сентиментализмъ: Карамзинъ, II, 463; паденіе, 465, 466, 486; Пушкинъ, 467.
Сентябрь: начало года, I, 223.
Сербанъ II: значеніе, I, 235; Россія, II, 5.
Сербія, сербы: начало, I, 9; христіанство, 29; болгары, 30; православіе, 31; венгры, 68; Косово Поле, 152; 13—15 в., 153; турки, 154, 235; бояре, 209; апокрифы, 220; Москва, 235; сказки, 472; романизація, 572; 17—18 в., II, 5; Елизавета, 188; Іосифъ II, 219; 19 в., 425, 42[illegible]; Николай I, 470; Александръ II, 497, 498.
Сергіевская пустынь: начало, II, 407.
Сергій св.: Димитрій Донской, I, 194, 197, 212; его жизнь, 215; житія святыхъ, 220, 479.
Сергѣй Александровичъ: дворецъ, II, 409.
Серебряные, князья: Иванъ IV, I, 266.
Серпуховъ: Владиміръ Андреевичъ, I, 197; Василій II, 200; татары, 250; Лжедимитрій II, 305; 17 в., II, 354.
Сестренцевичъ: іезуиты, II, 316; Александръ I, 446, 447.
Сеймъ, рѣка: Черниговъ, I, 70.
Сеймъ, собраніе: варяги, I, 15, 16; чехи, 69, 236; шляхта, 237, 238; Финляндія, II, 508.
Сибирь: желтые, I, 1, 2; инородцы, 4; древности, 75; 13—15 в., 192; 15—17 в., 279, 325, 330, 367, 393, 503; Алексѣй Михайловичъ, II, 26, 38, 39; 18 в., 253, 306, 394; Анна Ивановна, 170, 393; Екатерина II, 223; войско, 255; крестьяне, 296; расколъ, 23, 309, 312, 315; Александръ II, 491, 492, 500—502, 506, 512, 518, 523.
Сиверсъ: Екатерина II, II, 205, 210, 214, 216; войско, 255; новики, 290, 291; дворянство, 291; дипломатія, 416.

Сигизмундъ I: Василій III, I, 260; литовскій статутъ, 552.
Сигизмундъ II Августъ: протестантство, I, 237; Иванъ IV, 275, 279.
Сигизмундъ III: іезуиты, I, 238; Лжедимитрій I, 295, 299; Шуйскій, 303; смута, 306—309.
Силезія: монголы, I, 65; нѣмцы, 69; татары, 170; Елизавета, II, 191.
Силистрія: Доростолъ, I, 9.
Силуанъ: Максимъ Грекъ, I, 446.
Силуэтъ: опредѣленіе, II, 387.
Сильвестръ, игуменъ: лѣтопись, I, 134.
Сильвестръ, попъ: сказанія, I, 224; Иванъ IV, 264, 265; Казань, 269; паденіе, 271; соборы, 350; нравы, 427; новшества, 440; Домострой, 468.
Симбирскъ: Разинъ, II, 29.
Символизмъ: опредѣленіе, I, 58; Ярославъ I, 59; проповѣдь, 130.
Симеонъ, іеромонахъ: Флоренція, I, 221.
Симеонъ Болгарскій: значеніе, I, 30; Изборникъ, 131.
Синай: Иванъ IV, I, 278; Коробейниковъ, 466.
Синодикъ: опредѣленіе, I, 277.
Синодъ: удѣлы, I, 118; 18 в., II, 313, 330; Петръ I, 88, 310; Екатерина I, 152, 153; Анна Ивановна, 161; Екатерина II, 211; Александръ I, 447; расколъ, 312; нравы, 322.
Синопъ: битва, II, 475.
Сироты: крестьяне, I, 210, 395.
Сити, рѣка; битва, I, 169.
Скавронская см. *Екатерина I.*
Сказанія: опредѣленіе, I, 132; Олегъ, 36; Борисъ и Глѣбъ, 224, 225; 13—15 в., 223; смута, 453, 464; женщина, 436; историческія, 470, 471.
Сказка: скандинавы, I, 16; начало на Руси, 56; нравы, 53; 15—17 в., 472—475; Николай I, II, 489.
Скальды: опредѣленіе, I, 16.
Скандинавія, скандинавы: начало, I, 16, 19; желтая порода, 2; финны 12; литовцы, варяги, 15; Новгородъ, 11; Олегъ, 36; Владиміръ св., 39; 11—13 в., 48, 141; монета, 20, 62; феодолизмъ, 149; протестантство, 234; Александръ II, II, 511.
Скань: опредѣленіе, I, 493.
Скарбъ: опредѣленіе, I, 549.
Скарга, іезуитъ: значеніе, I, 556.
Скиѳія, скиѳы: опредѣленіе, I, 4; ваза, 5, 6.
Скобелевъ: Туркестанъ, II, 496; Александръ II, 498.
Скоморохъ: опредѣленіе, I, 120; начало на Руси, 121; 15—17 в., 342, 417, 425, 437, 494, 513; 17 в., II, 382; Анна Ивановна, 167.
Скопинъ-Шуйскій: значеніе, I, 303, 389; характеръ, 305; смерть, 306; нравы, 428; просвѣщеніе, 454; сказанія, 464; пѣсни, 470.
Скопцы: опредѣленіе, II, 315; Петръ III, 192, 196; Екатерина II, 206; Александръ I, 459; Александръ II, 512.
Скорина: св. Писаніе, I, 564.
Скородомъ: опредѣленіе, I, 498; 15—17 в., 523; Москва, 520, 522.
Скоропадскій: Петръ I, II, 106.
Скоропись: опредѣленіе, I, 219, 455; начало, 456, 457.
Скотоводство: начало, I, 7; Волосъ, 25; удѣлы, 111, 142; татары, 163; 15—17 в., 498; донцы, 376; уральцы, 377; Малороссія, 517; Александръ II, II, 503.
Скульптура см. *Ваяніе.*
Скуфья: опредѣленіе, I, 533.
Славинецкій: исправленіе книгъ, I, 20, 363; Ртищевъ, 43; значеніе, 44, 45; нравы, 319; суевѣрія, 341—344; просвѣщеніе, 352, 354, 364.
Славистика: университеты, II, 487; Александръ II, 535.
Славяне: начало, I, 4, 6; литовцы, 7; раздѣленіе, 8, 9; новгородцы, 11; Петръ I, II, 86; 19 в., 422; западные, 9, 10, 15, 18, 26, 27, 31—33, 68—70, 154—157, 236—239, 563; II, 6, 7, 422—425; восточные, I, 10—12, 16, 19—27, 33; южные, 8, 9, 24, 30, 31, 68, 152—154, 220, 235, 236; II, 221; славянофилы, 487.
Славянофилы: бесѣдисты, II, 464; Карамзинъ, 465, Николай I, 478, 487—489; Александръ II, 490, 498, 524, 525, 535; Тургеневъ, 531; Достоевскій, 532; Левъ Толстой, 533.
Слобода: опредѣленіе, I, 21, 360; Новгородъ, 98, 191; 13—15 в., 201; 15—17 в., 513; черная, 210.
Словаки: начало, I, 9; Польша, 33; 19 в., 423, 424.
Словенцы: начало, I, 9; венгры, 68; 19 в., II, 425.
Слово и дѣло: 15—17 в., I, 346, 422, 433; 17 в., 26, 35, 297; Петръ I, II, 392; 18 в., 331; Анна Ивановна, 170; Петръ III, 196; опредѣленіе въ Уложеніи, 257.
Слово о полку Игоревѣ: значеніе, I, 92, 132; Всеволодъ III, 96; Ярославъ Осмомыслъ, 107; лѣтопись, 135; сказанія, 223; языкъ, 482; пѣсни, 568.
Слонимъ: начало, I, 159.
Слуги: вольные, I, 209; митрополитъ, 213.

Служилые: начало, I, 208; 13—15 в., 213, 227; 15—17 в., 268, 270, 298, 337, 338, 369—373, 389—392, 498; самодержавіе, 387; бояре, 388; 17 в., II, 282, 283; Александръ II, 518.

Слухи: опредѣленіе, I, 516.

Слюда: удѣлы, I, 91; 15—17 в., 512, 515; 17 в., II, 389.

Смердъ: опредѣленіе, I, 52; Мономахъ, 81; удѣлы, 117, 144; 15—17 в., 395.

Смертная казнь: Византія, I, 50; Димитрій Донской, 201; 13—15 в., 216; 15—17 в., 415; 18 в., II, 331; Елизавета, 181; отмѣна, 190; Александръ II, 519.

Смирна: Петръ I, II, 109.

Смирнова: романы, II, 523.

Смитъ Адамъ: Десницкій, II, 375; Александръ I, 438, 461.

Смоленскъ: начало, I, 11, 20; 11—13 в., 70, 71, 74, 78, 79, 91, 93, 96, 104, 110, 141; 13—15 в., 158—160, 176, 178, 184, 195, 198, 202, 209, 228; 15—17 в., 238, 260, 262, 284, 306, 308, 319, 326, 371, 401, 510, 512, 552; 17 в., II, 281; Алексѣй Михайловичъ, 36, 37; Петръ II, 346, 358; Екатерина II, 215; Наполеонъ I, 441, 442, 444.

Смольна: Петръ I, II, 404; дворъ, 404; монастырь, 239, 284, 408.

Смотрильня: опредѣленіе, I, 514.

Смотрицкій: языкъ, I, 483; католичество, 560; польщизна, 561, 564; грамматика, 565, 566.

Снегиревъ: археологія, II, 461, 538; народность, 467, 489.

Собина: опредѣленіе, I, 397; Михаилъ Ѳедоровичъ, 399.

Соборы, зданіе: Дмитріевскій, I, 136—139, 485; Архангельскій, 191, 485; Успенскій, 191, 485; II, 407; Покровскій, I, 486; Казанскій, II, 386, 406, 412; Исаакіевскій, 399, 402, 408, 538; Петропавловскій, 399, 401, 408; Спаса, 538.

Соборы земскіе: начало, I, 266; Иванъ IV, 280, 436; Ѳедоръ I, 281, 335; Годуновъ, 289; смута, 313—315; Михаилъ Ѳедоровичъ, 318, 321, 324, 335, 336; 15—17 в., 349—352; родовой бытъ, 442; значеніе, 453; 17 в., II, 265, 266, 273; Алексѣй Михайловичъ, 12, 26, 33, 36; Петръ I, 57; славянофилы, 525.

Соборы областные: смута, I, 357.

Соборы служилыхъ: Ѳедоръ III, II, 50; 17 в., 279.

Соборы церковные: вселенскіе, I, 66; альбигойцы, 67; Флоренція, 152, 212; Констанцъ, 155; удѣлы, 122; жидовство, 247; Иванъ IV, 268, 387, 439, 534; земскіе, 350; патріаршество, 407, 408; 15-17 в., 412, 449; Брестъ, 558; Алексѣй Михайловичъ, II, 20—24, 344; расколъ, 484.

Собственная Е. В-ва Канцелярія: Николай I, II, 479; Александръ II, 507.

Собѣскій: Софья, II, 60.

Соединенные Штаты: начало, II, 3; Александръ I, 455; Александръ II, 495.

Сожъ, рѣка: радимичи, I, 12.

Соколовъ: гравюра II, 386.

Сокольники: опредѣленіе, I, 583.

Сокольничій: опредѣленіе, I, 310; 13—15 в., 205.

Сократъ: ваяніе, II, 538.

Солдатенковъ: живопись, II, 538.

Солдаты: начало, II, 65; опредѣленіе, 279.

Солигаличъ: значеніе, I, 500.

Солидъ: златникъ, I, 61.

Солнцевъ: древности, II, 538.

Соловецкій монастырь, Соловки: начало, I, 215; Новгородъ, 100; Сильвестръ, 271; Михаилъ Ѳедоровичъ, 325; 17 в., II, 21, 24, 28, 309, 312; пѣсни, 366; крымская кампанія, 477; Александръ II, 527.

Соловей, волхвъ: Новгородъ, I, 41.

Соловей-Разбойникъ: пѣсни, I, 56.

Соловьевы: Сергѣй, II, 489, 534; Яковъ, 493.

Соломонъ: сказанія, I, 223; сборники, 465, 469; сказки, 473.

Солунь: Кирилъ и Меѳодій, I, 29.

Соль: 11—13 в., I, 141; 13—15 в., 228; 15—17 в., 279, 325, 500, 501, 548; Алексѣй Михайловичъ, II, 11; Петръ I, 90, 391; Елизавета, 188; 18 в., 278, 330, 394; Александръ I, 439, 456; Александръ II, 510.

Сольвычегодскъ: живопись, I, 491.

Сопѣль см. *Свирѣль*.

Сора, рѣка: скитъ, I, 247.

Сорочка: опредѣленіе, I, 531.

Сотникъ: татары, I, 172; донцы, 375.

Сотня: 9—11 в., I, 50; Новгородъ, 98; стрѣльцы, 370; черная, 210, 361, 402; II, 514, 521; суконная, I, 403.

Сотскій: начало, I, 50; Новгородъ, 98, 106; село, 361; стрѣльцы, 370.

Софія, предмѣстье: Царское Село, II, 411.

Софійская Сторона: Новгородъ, I, 98.

Софійскіе Ворота: планъ, I, 34, 35.

Софійскій Временникъ: значеніе, I, 462.

Софья Алексѣевна: значеніе, I, 587; Ѳедоръ III, II, 49; характеръ, 51—53; портретъ, 53; Нарышкины, 54; стрѣльцы, 55; правленіе, 57—60; Петръ I, 61—66,

73—77; Толстой, 125; Шереметевъ, 127; реформы, 139; земскій соборъ, 266; расколъ, 309; нравы, 318, 319, 335; ересь, 341, 342; Западъ, 344, 414; гугеноты, 354; іезуиты, 355; бытъ, 389; Москва, 395, 396.

Софья Витовтовна: Василій I, I, 199; портретъ, 229; значеніе, 435.

Софья Палеологъ: портретъ, I, 239; значеніе, 244, 245, 435; татары, 251; смерть, 255; бояре, 382; суевѣрія, 437.

Софья-Шарлота: Петръ I, II, 75.

Соха: начало, I, 4; литво-славяне, 7; меря, 12; богатыри, 26; 11–13 в., 142; административное дѣленіе, 210; подати, 365, 366.

Соціализмъ: опредѣленіе, II, 421; Александръ II, 500, 509.

Сочи: Александръ II, II, 56.

Союзъ Благоденствія: значеніе, II, 462; поляки, 463; Николай I, 467.

Спафарій: значеніе, II, 46; Голицынъ, 54.

Сперанскій: характеръ, II, 436, 437; реформы, 437—440, 455; патріоты, 442, 446; ассигнаціи, 448; помѣщики, 457, 458; сатира, 461; мистицизмъ, 462; Николай I, 479, 481.

Спиноза: значеніе, II, 1.

Спиридовъ: Екатерина II, II, 220.

Спиритизмъ: Екатерина II, II, 351.

Списатель: опредѣленіе, I, 126; удѣлы, 127.

Справщикъ: опредѣленіе, I, 414; Максимъ Грекъ, 447; Никонъ, II, 20, 21; расколъ, 23.

Сребрянникъ, монета: Владиміръ св. I, 61.

Сребрянникъ, крестьянинъ: опредѣленіе, I, 210; крѣпостничество, 398.

Средиземное море: желтая порода. I, 1; греко-италики, кельты, 4; Сулейманъ, 234; Екатерина II, II, 207; Павелъ I, 251; Александръ, II, 511.

Срезневскій: народность, II, 489; славистика, 535.

Ставка: опредѣленіе, I, 372.

Ставропигія: опредѣленіе, I, 118.

Ставръ: былины, I, 134.

Ставучаны: Минихъ II, 176.

Сталь госпожа: Александръ I, II, 429.

Станиславъ, орденъ: Николай I, II, 482.

Станица: опредѣленіе, I, 42; Тула, 371; донцы, 375.

Станичникъ: опредѣленіе, I, 206, 207; Иванъ III, 249.

Станкевичъ: западники, II, 485.

Станъ: конюшня, I, 6; лагерь, 114; административное дѣленіе, 229, 360, 375; талія, 530.

Старая Ладога: варяги, I, 16.

Старая Руса: Петръ I, II, 110.

Стародубъ: князья, I, 175.

Стародубье: расколъ, II, 484.

Старожильцы: 15—17 в., I, 395.

Старообрядцы см. *Расколъ*.

Старорусcы: опредѣленіе, II, 123; Петръ I, 126, 127, 132—134, 417; Екатерина, I, 151, 154; Петръ II, 155, 156, 158; Анна Ивановна, 159, 168, 171, 346, 347; Екатерина II, 249; Павелъ I, 252; Александръ I, 428–432, 436, 439; Николай I, 453, 486; Александръ II, 490, 491. См. *Патріоты*.

Староста: опредѣленіе, I, 7; кончанскій, 98, 100; Иванъ IV, 267; церковь, 268; село, 359, 361; ремесла, ямщики, 367; земскій, 267; Польша, 156; Александръ II, II, 508.

Старшина: опредѣленіе, I, 7, 549; вѣче, 8; родовой, 49; 9—11 в., 50; 15—17 в., 553; Украйна, II, 33; Александръ II, 508.

Старѣйшина: артель, I, 224.

Стасовъ: древняя письменность, II, 535.

Стасюлевичъ: журналы, II, 535.

Статейные списки: начало, I, 462, 463; географія, 466; Уложеніе, II, 265.

Статистика: Александръ II, II, 508, 535.

Статсъ-секретарь: начало, II, 437.

Стебницкій см. *Лѣсковъ*.

Стекло: 11—13 в., I, 141; 15—17 в., 515; 17 в., II, 389.

Стенографія: Александръ II, II, 527.

Степанъ Малый: Петръ III, II, 5.

Степенная Книга: значеніе, I, 463; сказанія, 471; конецъ, 365.

Степень: опредѣленіе, I, 98; Ѳедоръ III, II, 50; чины, 285.

Стернъ: Радищевъ, II, 373.

Стефанъ св.: Пермь, I, 215, 216; житія святыхъ, 220, 479.

Стефанъ Баторій: значеніе, I, 238.

Стефанъ Венгерскій: значеніе, I, 32; льготная грамота, 68.

Стефанъ Душанъ: значеніе, I, 153.

Стефанъ Неманъ: значеніе, I, 68.

Стиль: византійскій, I, 17, 70, 135, 136; II, 538; готическій, I, 67, 157; романскій, 70, 135; азіятскій, 136; суздальскій, 136, 138, 226, 484, 485, 488; новый, 233; русскій, 486, 488; II, 538; шатровый, I, 486–489, 501. См. *Пошибъ*.

Стихъ: духовный, I, 57, 469, 567, 568; тоническій, II, 369.

Стоглавъ: опредѣленіе, I, 268; духовенство, 410, 418; значеніе, 412; нравы, 425; бракъ, 430; иностранцы,

441; школы, 448; публицистика, 458; Макарій, 479; живопись, 491; значеніе, 585; 17 в., II, 308; Петръ I, 93.
Стокгольмъ: бѣлая и желтая породы, I, 2; Новгородъ, 63, 228; начало, 178; московскіе послы, 414; Петръ I, II, 87, 95, 108; Панинъ, 199; Екатерина II, 231; торговля, 390; университетъ, 523.
Столбово: миръ, I, 320; договоръ, II, 397.
Столбунецъ: опредѣленіе, I, 536.
Столбцы: опредѣленіе, I, 456.
Столецъ: опредѣленіе, I, 529.
Столованіе: опредѣленіе, I, 540.
Столъ: 15—17 в., 408, 540; стулъ, 62, 112; присутствіе, 358.
Стольникъ: опредѣленіе, I, 340; 13—15 в., 205; 17 в., II, 259.
Стопа, сосудъ: опредѣленіе, I, 543.
Сторожи: опредѣленіе, I, 114, 206, 207.
Страдникъ: опредѣленіе, I, 211.
Страннопріемница: опредѣленіе, I, 123.
Страхованіе: Николай I, II, 481; Александръ II, 503.
Страховъ: крѣпостничество, II, 292.
Стременные: опредѣленіе, I, 346; стрѣльцы, II, 55.
Стригольники: нравы, I, 217; значеніе, 219; жидовство, 246.
Строгоновы: Иванъ IV, I, 278, 279; иностранцы, 405; живопись, 491; Петръ I, II, 127, 392; дворецъ, 409; Александръ I, 429, 430, 436; крѣпостничество, 457.
Струве: астрономія, II, 534.
Стругъ: опредѣленіе, I, 507.
Стрѣльна: Петръ I, II, 404; Александръ I, 413.
Стрѣльцы: удѣлы, I, 114; начало, 268; смута, 297, 308, 317; Михаилъ Ѳедоровичъ, 318; 15—17 в., 366, 370, 373; приказъ, 370; слобода, 520, 522; II, 55; Алексѣй Михайловичъ, II, 11, 26, 28, 29; Ѳедоръ III, 49; Софья, 51—60, 64, 65; 17 в., 279; Петръ I, 69, 73—77, 94, 267.
Стрѣшневы: 17 в., II, 284.
Стряпчій: опредѣленіе, I, 340; 17 в., II, 259.
Стугна, рѣка: Владиміръ св., I, 42.
Студенецъ: опредѣленіе, I, 519, 521.
Стулъ: значеніе слова, I, 48; опредѣленіе, 529.
Стѣнопись: св. Софія въ Кіевѣ, I, 57, 58, 120; Дмитріевскій соборъ, 138; 13—15 в., 224.
Стюарты: абсолютизмъ, I, 232.
Стягъ: значеніе слова, I, 48; 9—11 в., 50.
Субудай: Россія, I, 167.
Суворовъ: Екатерина II, II, 210, 241, 245; Павелъ I, 243, 246, 248, 251; Польша, 219, 234; Турція, 221, 230; характеръ, 231—233; Ростопчинъ, 249; значеніе, 282; лубки, 387; памятникъ, 411; ваяніе, 537.
Суворовы: начало, I, 209.
Судебникъ: Иванъ III, I, 246, 347, 398; Иванъ IV, 266, 267, 347, 351, 356, 397, 398, 408, 412.
Судецкіе дьячки, *судейки*, *судные мужи*: опредѣленіе, I, 360, 361.
Судокъ: опредѣленіе, I, 542.
Судъ: опредѣленіе, I, 4; Божій, 19, 49; чехи, 69; поляки, 156, 157; начало славянъ, 7; 9—11 в., 37, 49, 51, 53; 11—13 в., 82, 97, 100, 114, 118, 144; 13—15 в., 172, 200, 204, 206, 208, 209, 213, 214, 216; 15—17 в., 267, 268, 298, 347, 357, 359, 360, 380, 384, 408, 411; Петръ I, II, 89; Екатерина II, 272; Александръ I, 455; Николай I, 480; Александръ II, 493—495, 500, 507, 509, 512, 519—521, 523.
Сýды: посуда, I, 543.
Суевѣріе: пережитки, I, 4; Западъ, 150; 11—13 в., 100, 122, 125; 13—15 в., 217, 220; 15—17 в., 248, 436—439, 478, 565; 17 в., II, 15, 340; Петръ I, 344; 18 в., 346—349, 383; Александръ II, 529.
Суздаль, *Суздальско-Ростовская область*: начало, I, 88; характеръ, 71, 90; Переяславль, 74; Мономахъ, 78; Юрій Долгорукій, 85—90; Кіевъ, 91, 92; Новгородъ, 93, 101, 102, 108, 109, 141; Всеволодъ III, 95; Юрій II, 103; Муромъ, Тверь, 105; Данило Романовичъ, 108; Батый, 169; усобицы, 175—177; Псковъ, 185; Невскій, 181; Иванъ I, 191; Донской, 194; Василій I, 199; Василій II, 200; расширеніе, 109; волхвы, 119; лѣтопись, 135, 222; искусство, 138; самодержавіе, 145; вѣче, 210; церковь, 211. См. *Стиль*.
Сукины: новики, I, 383.
Сула, рѣка: Владиміръ св., I, 42.
Сулея: опредѣленіе, I, 543.
Сулейманъ Великолѣпный: значеніе, I, 234.
Сумарокова: просвѣщеніе, II, 349.
Сумароковъ: Елизавета, II, 189; крѣпостничество, 212, 300, 327; Западъ, 368; сатира, 369; значеніе, 370; Бомарше, 374.
Сумы: начало, II, 33.
Сурна: опредѣленіе, I, 372.
Сусанинъ: смута, I, 315; нравы, 428.
Суффраганъ: опредѣленіе, II, 316.
Сухарева Башня: Брюсъ, II, 128; зодчество, 383.

Сухарики, зодчество: опредѣленіе, I, 93; Боголюбово, 93, 94.
Сухумъ: Николай I, II, 472; крымская война, 477.
Схарія: жидовство, I, 445.
Сходка, *сходъ*: литво-славяне, I, 7; вѣче, 8; мірскіе, 21; кончанскіе, 101; 11—13 в., 144; 15—17 в., 359.
Схожая изба: земская изба, I, 357—360; II, 275.
Сходцы: 18 в., II, 254.
Схоластика: опредѣленіе, I, 67; паденіе, 150; гуманизмъ, 151; Малороссія, 560, 563.
Съѣздъ: Любечъ, I, 79, 80; удѣлы, 83, 110, 115; князья, 72, 203.
Сыщикъ: 17 в., II, 268.
Сѣверная Двина: Біармія, I, 13; Заволочье, 191; англичане, 281, 404; хлѣбъ, 326; 15—17 в., 504; 17 в., II, 388.
Сѣверный океанъ: соль, I, 500; Ломоносовъ, II, 371.
Сѣверная область: удѣлы, I, 70, 74; Иванъ III, 253; Лжедимитрій II, 303, 305; Алексѣй Михайловичъ, II, 37. См. *Черниговъ*.
Сѣверская Украйна: опредѣленіе, I, 291; Годуновъ, 292.
Сѣверскъ: удѣлы, I, 104, 105; Ольгердъ, 161; Михаилъ Ѳедоровичъ, 319.
Сѣверяне: начало, I, 12; Олегъ, 36.
Сѣмашко: унія, II, 480.
Сѣни: опредѣленіе, I, 515; начало славянъ, 7; 9—11 в., 62; Боголюбово, 93—95; балдахинъ, 493; дворецъ, II, 378, 380.
Сѣнцы: опредѣленіе, II, 378.
Сѣрмяга: опредѣленіе, I, 530.
Сѣрникъ: опредѣленіе, I, 535.
Сѣрова: музыка, II, 523.
Сѣровъ: опера, критика, II, 540.
Сѣченовъ, владыка: Екатерина II, II, 199, 201; Мацѣевичъ, 224; значеніе, 313; просвѣщеніе, 349; православіе, 364.
Сѣченовъ, ученый: значеніе, II, 534.
Сѣчь: опредѣленіе, I, 548; запорожцы, 548—552; Разинъ, II, 28; 17 в., 34; Петръ I, 71, 106; прекращеніе, 215.
Сюзеренъ: опредѣленіе, I, 28; 9—11 в., 64; крестовые походы, 66; прекращеніе, 148.
Сябръ: опредѣленіе, I, 393.

Табакъ: 15—17 в., I, 415, 418, 438, 526, 547; Стоглавъ, 441; сказки, 475; 17 в., II, 11, 76, 388; Петръ I, 82, 92, 93, 95, 391; 18 в., 278, 393; Александръ II, 504.
Табель: финансы, II, 276. См. *Чины*.
Табориты: опредѣленіе, I, 156.
Таборъ: опредѣленіе, I, 548.
Таврическій полуостровъ см. *Крымъ*.
Таганрогъ: Петръ I, II, 72, 122; Александръ I, 431; крымская война, 477.
Талейранъ: Павелъ I, II, 250.
Талицкій: Петръ I, II, 94, 95; Лопухины, 97.
Талызинъ: Павелъ I, II, 253; конституція, 264.
Тамань см. *Фанагорія*.
Тамара: сказки, I, 474; Грузія, II, 452.
Тамбовъ: начало, I, 325, 401.
Тамга: опредѣленіе, I, 511.
Тамерланъ: Баязетъ, I, 152; Тохтамышъ, 171; Василій I, 199; сказанія, 223, 470.
Таможня: 15—17 в., I, 363, 368, 505; Елизавета, II, 188; 18 в., 278.
Тана: греческія колоніи, I, 17.
Тараканова: Екатерина II, II, 223.
Таранъ: опредѣленіе, I, 207.
Тарасевичъ: Софья, II, 51, 52.
Тарговицы: конфедерація, II, 234.
Тарель: опредѣленіе, I, 542.
Тарифъ: Александръ I, II, 438, 439, 452; Николай I, 480; Александръ II, 492, 505, 506.
Тарки: Алексѣй Михайловичъ, II, 38.
Тарханово: Москва, I, 518.
Тарханы: опредѣленіе, I, 213; титулъ, 172; служилые, 392; 15—17 в., 408, 409.
Татары: опредѣленіе, I, 4; богатыри, 26; Польша, 70; румыны, 154; половцы, 75; Кіевъ, 92; Калка, 103, 104; Черниговъ, Тверь, 105; значеніе, 147, 174, 175, 202, 203, 229, 573, 574; Тамерланъ, 152; Литва, 158, 160—162; характеръ, 162—167; судьба на Руси, 170, 171; бытъ, 171—173; Невскій, 179—181; Галичъ, 188; Иванъ I, 191; Семенъ Гордый, Иванъ II, 193; 13—15 в., 201, 202; св. Сергій, 215; нравы, 217; сказанія, пѣсни, 223; Иванъ III, 248, 249; казаки, 250, 374, 377; Иванъ IV, 268; Строгоновы, 279; Петръ I, II, 107; Крымъ, 222; Александръ II, 502.
Татищевъ, историкъ: Петръ I, II, 79, 127, 129, 146, 392; Анна Ивановна, 161, 169, 172; Елизавета, 189; нравы, 329, 331; понятія, 347; просвѣщеніе, 358; Западъ, 368; значеніе, 371, 372.
Татищевы: разряды, I, 381.
Тать: опредѣленіе, I, 7.
Тафья: опредѣленіе, I, 342, 533.
Тацитъ: Екатерина II, II, 194.
Ташкентъ: Елизавета, II, 188; Александръ II, 496, 506.

Тайная канцелярія: начало, II, 135, 170; Анна Леопольдовна, 178; Елизавета, 190; Петръ III, 196; Александръ I, 431.
Тайникъ: опредѣленіе, I, 435.
Тайницкіе Ворота: ровъ, I, 448.
Тайный Совѣтъ: Петръ I, II, 84.
Тверитиновъ: секта, II, 345; Петръ I, 357.
Тверь, Тверская губернія: финны, I, 88; начало, 105; Ольгердъ, 160, 161; послѣдніе князья, 175, 176; Владиміръ Клязьменскій, 176, 189; Ярославъ III, 182; Москва, 184; татары, 184—186; Иванъ I, 191; митрополитъ, 192, 211; Новгородъ, 191, 192; Семенъ Гордый, 193; Донской, 194, 195, 198; Василій II, 200; лѣтопись, 222; монета, 226; паденіе, 241; Иванъ IV, 276; Годуновъ, 292; 15—17 в., 510; Александръ I, II, 439; Александръ II, 513, 515.
Театръ: св. Софія въ Кіевѣ, I, 58; Алексѣй Михайловичъ, II, 42, 47, 354; 17—18 в., 366, 367; Петръ I, 83, 86, 142, 326; Елизавета, 189; женщина, 334; Волковъ, 368; Сумароковъ, 370; чехи, 424; Александръ I, 412, 466; дирекція, 466; Николай I, 486; Александръ II, 527, 533, 541; цензура, 529.
Тевтонскій Орденъ: начало, I, 66; поляки, 69; меченосцы, 109; Ягелло, 161, 162; паденіе, 237; протестантство, 238; Василій III, 259; Иванъ IV, 280.
Тегиляй: опредѣленіе, I, 373, 532.
Телеграфъ: Александръ II, II, 505, 506.
Телефонъ: Александръ II, II, 506.
Телѣга: начало, I, 4; опредѣленіе, 506.
Темлякъ: опредѣленіе, II, 65.
Темникъ: опредѣленіе, I, 172; Невскій, 181.
Темучинъ см. *Чингисханъ.*
Тепловъ: Екатерина II, II, 215; новики, 290.
Терекъ: донцы, I, 374; Алексѣй Михайловичъ, II, 26, 38; Разинъ, 28; Екатерина II, 254; Шамиль, 472.
Теремъ: опредѣленіе, I, 57, 514—516; 9—11 в., 34, 60—62; 13—15 в., 174, 217; Василій III, 255; 15—17 в., 432, 434; дворецъ, II, 378, 380.
Терентій: посты, I, 453.
Терлецкій: унія, I, 556, 558.
Терново: столица Болгаріи, I, 68.
Терскій Городокъ: Михаилъ Θедоровичъ, I, 326.
Технологическій Институтъ: Николай I, II, 483.
Тешенъ: миръ, II, 229.
Теймуразъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 40.
Тибеты: Александръ II, II, 535.
Тиверцы: опредѣленіе, I, 12.
Тильзитъ: Александръ I, II, 433, 434.
Тиманова: музыка, II, 523.
Тиммерманъ: Петръ I, II, 62.
Тиммъ: гравюра, II, 536.
Тимоѳеевъ: типографія, I, 449; Острожскіе, 557.
Тимуръ см. *Тамерланъ.*
Типографія: Черногорія, I, 154; румыны, 236; начало на Руси, 449, 450, 452; Михаилъ Θедоровичъ, 454; Макарій, 479; синодальная, 489; II, 387; 15—17 в., I, 555, 557, 559, 561; Никонъ, II, 16; Θедоръ III, 51; Петръ I, 83, 356; Павелъ I, 250; Екатерина II, 361, 362; Александръ I, 431; Александръ II, 527.
Тира см. *Тана.*
Тироль: славяне, I, 8.
Тисса, рѣка: венгры, I, 14.
Титла: 16 в., I, 450.
Титулъ: Польша, I, 157: удѣлы, 110; Семенъ Гордый, 193; Иванъ III, 332; Иванъ IV, 270, 335; 15—17 в., 336, 337, 422; Петръ I, II, 261, 287, 289; 18 в., 291; Александръ I, 458; Николай I, 482; Александръ II, 512, 513.
Тифлисъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 38; Александръ II, 506, 507.
Тихій океанъ: Беневскій, II, 223.
Тихонъ Архиповичъ: Анна Ивановна, II, 164, 166; Волынскій, 171.
Тиціанъ: значеніе, I, 233.
Тіунъ: опредѣленіе, I, 37; происхожденіе слова, 48; 9—11 в., 50; Суздаль, 90; Мономахъ, 114; монахи, 124; Даніилъ Заточникъ, 127; 13—15 в., 206; Иванъ IV, 356; холопство, 397, 398.
Тмутаракань: греческая колонія, I, 17; Святославъ, 38; Мстиславъ, 44; удѣлы, 70, 71, 74; Ростиславъ, 75; Святославичи, 78—79; выходцы, 85; ея утрата, 109; Всеволодъ I, 140.
Тоболъ: Строгоновы, I, 279; степь, II, 38.
Тобольскъ: Годуновъ, I, 284, 288; церковь, 406; Петръ I, II, 85; Крижаничъ, 353.
Товарищество передвижныхъ выставокъ: начало, II, 537.
Товьянскій: мистицизмъ, II, 473.
Толокно: опредѣленіе, I, 370.
Толстой, министръ: Александръ II, II, 513; Катковъ, 525; классицизмъ, 529.
Толстой, Алексѣй: значеніе, II, 534; иллюстрація, 537.
Толстой Левъ: философія, II, 525; значеніе, 533.

Толстой Петръ: Петръ I, II; 78—80; Алексѣй Петровичъ, 100; характеръ, 125; Малороссія, 143; Екатерина I, 151, 154; дневникъ, 365; дипломатія, 416.
Толстые: начало, I, 209.
Томскъ: Годуновъ, I, 284.
Тонъ: зодчество, II, 538.
Топоръ: каменный вѣкъ, I, 2; литво-славяне, 7; меря, 12; начало славянъ, 22; 11—13 в., 142; татары, 164.
Торговая казнь: 15—17 в., I, 415.
Торговля: литво-славяне, I, 7; западные славяне, 10; камскіе болгары, 13; хозары, 13; финны, 13; литовцы, 15; варяги, 16; Азія, 20; Венгрія, 32; ганза, 148; Сербія, 153; Польша, 157; начало на Руси, 12, 20, 21; Новгородъ, 11, 48, 98, 241; 9—11 в., 37, 49, 52, 62, 63; 11—13 в., 66, 70, 71, 106, 108, 141—143, 147; 13—15 в., 188, 190—192, 210, 214, 228; 15—17 в., 233, 298, 376, 394, 395, 402, 408, 498—505, 547, 548, 552; 17 в., II, 304, 388; 18 в., 393; Петръ I, 90, 345, 390; Елизавета, 188; Екатерина II, 216, 217; Александръ I, 455; Николай I, 481; Александръ II, 492, 496, 505.
Торжокъ: начало, I, 11; Новгородъ, 101.
Торки, народъ: опредѣленіе, I, 75; дружина, 115.
Тормасовъ: Грузія, II, 452.
Торнео, рѣка: Александръ I, II, 433.
Торопецъ: Мстиславъ Удалой, I, 102.
Торунъ: миръ, I, 237.
Торческъ: начало, I, 75.
Тотлебенъ: Крымъ, II, 476, 477; Александръ II, 498.
Тохтамышъ: Тамерланъ, I, 171, 199; Донской, 197, 198; вѣче, 207; сказанія, 223; Москва, 519.
Травникъ: опредѣленіе, I, 501.
Травы: живопись, I, 493.
Трансильванія: болгары, I, 9; Гуніадъ, 152; румыны, 154; Баторій, 238; Австрія, II, 5.
Траянъ: румыны, I, 154.
Требище: опредѣленіе, I, 26.
Требія: битва, II, 251.
Тредьяковскій: Волынскій, II, 172, 173; Анна Ивановна, 326; нравы, 329, 332; Западъ, 368; русскій языкъ, 369; варяги, 372.
Трезини: зодчество, II, 401.
Третье Отдѣленіе: начало, II, 507; Шуваловъ, 509; уничтоженіе, 509.
Третьяковъ: живопись, II, 538.
Тридцатилѣтняя война: значеніе, I, 234, 292; чехи, 236; Михаилъ Ѳедоровичъ, 319, 320.
Тризна: начало, I, 27; Владиміръ св., 42.
Трифонъ: значеніе, I, 407.
Тріанонъ: Петръ, I, II, 356.
Троицко-Сергіевская Лавра: начало, I, 194, 215; Василій II, 199; Иванъ IV, 271; смута, 304, 305, 310, 311, 313; крѣпостничество, 408, 409; паденіе, 418; сказанія, 464; живопись, 491; соль, 500; Софья, II, 59; Петръ I, 64, 307; Екатерина II, 208.
Троки: начало, I, 159.
Трощинскій: новики, II, 290; Александръ I, 430; Сперанскій, 436.
Троя: сборники, I, 131; сказки, 473.
Тройственный союзъ: начало, II, 497; Александръ II, 498, 499.
Трубадуръ: опредѣленіе, I, 67; паденіе, 150.
Трубежъ: Владиміръ св., I, 42; Юрій Долгорукій, 89.
Трубецкіе: смута, I, 304, 310, 313, 314; разряды, 381; сказанія, 464; Елизавета, II, 181; Екатерина II, 199; боярство, 286; литература, 460; декабристы, 462.
Трясовица: опредѣленіе, I, 218.
Туапсе: Александръ II, II, 506.
Тугаринъ Змѣевичъ: христіанство, I, 57.
Тула: казаки, I, 371; заводы, 502; II, 392.
Тулупъ: опредѣленіе, I, 531; женщина, 535.
Тунгузы: Алексѣй Михайловичъ, II, 39.
Туранцы: Кавказъ, II, 38.
Тургеневъ Иванъ: крѣпостничество, II, 488, 514; значеніе, 530, 531; женщина, 522; похороны, 525; нигилизмъ, 525, 531; Некрасовъ, 532.
Тургеневъ Николай: декабристы, II, 453.
Туркестанъ: арійцы, I, 4; Кипчакъ, 170; Александръ II, II, 496, 501.
Туркманчай: миръ, II, 469.
Туркмены: Александръ II, II, 496.
Туровъ, *Туровская область*: Владиміръ св., I, 42; удѣлы, 70, 74, 78, 104.
Турція, *турки*: опредѣленіе, I, 4; болгары, 9; Византія, 65, 152, 221; южные славяне, 153; Сербія, 154; румыны, 154; удѣлы, 110; 15—17 в., 234, 235, 237, 246, 252, 261, 280, 299, 317—320; 17—18 в., II, 4—6, 255; Алексѣй Михайловичъ, 32, 38, 40; Ѳедоръ III, 50; Софья, 60; Петръ I, 69, 72, 77, 78, 106, 107, 109, 138; Анна Ивановна, 174, 176; Екатерина II, 218—220, 230, 233; Ростопчинъ, 249; Павелъ I, 251; 19 в., 421, 425—427; Александръ I,

433, 440, 441, 449, 452, 455; Николай I, 471—476, 480; Александръ II, 478, 497, 498, 536; некрасовцы, 96; расколъ, 315; славянофилы, 487; литература, 535.
Турчаниновъ: пѣніе, II, 539.
Туръ: рогъ, I, 40.
Туры: опредѣленіе, I, 207.
Тушино: Лжедмитрій II, II, 304, 305; Михаилъ Ѳедоровичъ, 319.
Тысяцкій: 9—11 в., I, 50; Новгородъ, 98, 106; татары, 172; Иванъ II, 193; Донской, 194; дворъ, 205.
Тысяча и одна ночь: сборники, I, 131; сказки, 473.
Тѣлогрѣя: опредѣленіе, I, 536.
Тюдоры: абсолютизмъ, I, 232.
Тюмень: татары, I, 252.
Тютчевъ: значеніе, I, 549.
Тягло, тяглецы: опредѣленіе, I, 365; 13—15 в., 201, 209, 210, 213; 15—17 в., 361, 363.

Убрусъ: опредѣленіе, I, 62; шапочка, 536.
Уваровы: начало, I, 209; Александръ I, II, 446; Николай I, 464, 468, 483; Александръ II, 523, 534.
Угедей: значеніе, I, 168; смерть, 170.
Угличи: опредѣленіе, I, 12; нравы, 21; Олегъ, 36.
Угличъ: послѣдніе князья, I, 175; паденіе, 241; царевичъ Димитрій, 281, 288; дворецъ, 489.
Угорьское урочище: опредѣленіе, I, 34, 35.
Угра, рѣка: татары, I, 251.
Угры: опредѣленіе, I, 14; Олегъ, 36; дружина, 115.
Удѣлы: опредѣленіе, I, 71; чехи, поляки, 69; Литва, 158; Ярославъ I, 47; 11—13 в., 65—147; 13—15 в., 202, 203; 15—17 в., 378, 379; значеніе, 144, 145, 573; прекращеніе, 175, 176; пережитки, 208; пѣсни, 56.
Узбекъ: значеніе, I, 171; Юрій Даниловичъ, 184; Тверь, 185; митрополитъ Петръ, 192.
Узорочье, узоръ: каменный вѣкъ, I, 3; 9—11 в., 58, 60, 63, 75; Остромирово Евангеліе, 129; Изборникъ Святослава, 131; русскій, 136; суздальскій, 138; 13—15 в., 226; 15—17 в., 493, 502, 534—537; 19 в., II, 538.
Указъ: начало, I, 347.
Уклеинъ: молокане, II, 316.
Украшенія: каменный вѣкъ, I, 3; меря, 12; Азія, 20; Византія, 20; начало славянъ, 22, 38, 75, 168; удѣлы, 75, 141, 143; Великіе Болгары, 168; 15—17 в., 502, 531, 534—538.
Украйна, украинцы: опредѣленіе, I, 250; смута, 296, 302; половничество, 395; польщизна, 562; Алексѣй Михайловичъ, II, 34—36, 41; Ѳедоръ III, 50; Карлъ XII, 105, 106. См. *Малороссія.*
Уланъ: опредѣленіе, I, 172.
Улемъ: Порта, I, 234.
Уложеніе Алексѣя Михайловича: составленіе, II, 12; Никонъ, 19, 21; мѣстничество, 50; самодержавіе, 257; земскій соборъ, 265; приказы, 266; Петръ I, 270; войско, 280; служилые, 283; крестьяне, 296—298; горожане, 304, 394; духовенство, 309; женщина, 333.
Уложеніе мірское: опредѣленіе, I, 360.
Улу-Махметъ: Казань, I, 171.
Улусъ: опредѣленіе, I, 170, 174.
Улыбышевъ: критика, II, 540.
Ульрика-Элеонора: конституція, II, 163.
Умыканье: опредѣленіе, I, 22; религія, 25; 9—11 в., 54.
Университетъ: арабы, I, 19; схоластика, 150; Петръ I, II, 83, 142; Волынскій, 172; Елизавета, 189; Екатерина II, 240, 362; Павелъ I, 248; Александръ I, 431, 432, 435; Николай I, 483, 484, 489; Александръ II, 494, 503, 520, 522, 525—529, 534; Або, 448; Болгарія, 426; Болонья, I, 67; Варшава, II, 448, 471, 500; Вильна, 7, 441, 471; Дерптъ, 363; Италія, I, 236; Казань, II, 452; Кембриджъ, I, 67; Краковъ, 157; Москва, 61; II, 86, 359, 360, 362; Оксфордъ, I, 19, 67; Парижъ, 67; Петербургъ, 3; II, 448, 452; Польша, 423; Прага, I, 155, 236; II, 6, 424; Салерно, I, 67; Сербія, II, 426; Стокгольмъ, 523.
Унія политическая: городельская, I, 162; люблинская, 238, 334, 552.
Унія церковная, *уніаты:* начало, I, 152; Кіевъ, 200; Исидоръ, 212; Василій II, 218; іезуиты, 239; казаки, 250; Поссевинъ, 556; брестскій соборъ, 558; пѣсни, 569; 17 в., II, 339; Хмельницкій, 32; Украйна, 35; Екатерина II, 219, 316; Николай I, 480; Александръ II, 512.
Ункіаръ-Скелесси: договоръ, II, 471.
Упырь: опредѣленіе, I, 23.
Уралъ, уральцы: геологія, I, 1; опредѣленіе, 4; финны, 12; Біармія, 13; русскіе переселенцы, 201; Строгоновы, 279, 405; Михаилъ Ѳедоровичъ, 326; Разинъ, II, 29; Петръ I, 91; Пугачевъ, 225; войско, 255; крѣпостничество, 298; Александръ II, 511, 522; община, 518. См. *Казаки.*
Уральскъ: начало, I, 377.

Урокъ, повинность: опредѣленіе, I, 37; начало, 49.
Урочище: опредѣленіе, Москва, I, 518.
Урусовы: начало, I, 209; разряды, 381; Петръ I, II, 79; Волынскій, 172; князья, 291.
Урядникъ: Алексѣй Михайловичъ, II, 259; Александръ II, 509; кличка, 521.
Успенскій, писатель: значеніе, II, 533.
Уссури: Александръ II, II, 497.
Уставщикъ: опредѣленіе, I, 414.
Уставъ: письмо, I, 30, 126, 129, 131, 455; повинность, 37, 49; студійскій, 124; церковный, 56, 118.
Устьсысольскъ: Ярославъ I, I, 45.
Устюгъ: начало, I, 109; св. Стефанъ, 215; 15—17 в., 504, 510.
Устюжна: желѣзо, I, 502.
Утварь: опредѣленіе, I, 23.
Уткинъ: гравюра, II, 463.
Утрехтъ: миръ, II, 2.
Уфа: начало, I, 376.
Ухабничій: опредѣленіе, I, 339.
Ухожаи: опредѣленіе, I, 205.
Учрежденія императрицы Маріи: начало, II, 247.
Ушаковы: посолъ, I, 421; глава Тайной Канцеляріи, II, 135, 170; живописецъ, 382; адмиралъ, 233.
Ушкуй: опредѣленіе, I, 11.
Уѣздъ: 13—15 в., I, 206, 229; 15—17 в., 360; Петръ I, II, 269; Екатерина II, 272; Александръ II, 494.
Уйгуры: опредѣленіе, I, 166.

Фабрики см. *Промышленность*.
Фаворитство: опредѣленіе, II, 158, 159; Анна Ивановна, 169; Екатерина II, 208, 235—239.
Фальконетъ: Петръ I, II, 147—149; Екатерина II, 363, 386.
Фамиліи: начало, I, 380, 442; значеніе, 381.
Фаминцынъ: происхожденіе имени, II, 358.
Фанагорія: Екатерина II, II, 215.
Фанаріоты: опредѣленіе, I, 30; славяне, 152, 153; болгары, 235; Румынія, II, 6; 19 в., 426.
Фата: опредѣленіе, I, 431, 537.
Фелица: Екатерина II, II, 208.
Фениксъ: сборники, I, 466.
Феодализмъ: опредѣленіе, I, 28; Венгрія, 32; Византія, 151, 152; славяне, 32, 152, 153; 9—11 в., 29; 11—13 в., 65, 66, 113, 115; 13—15 в., 229, 230; 15—17 в., 232; значеніе, 145, 573; Габсбурги, 155; женщина, 217; паденіе, 148, 149; II, 2.
Ферганская область: Александръ II, II, 496.
Фердинандъ Католикъ: абсолютизмъ, I, 232; посланія, 481.
Фгрязь: доспѣхъ, I, 372; одежда, 536, 538.
Фетишизмъ: татары, I, 163.
Фетъ: поэзія, II, 534.
Фигнеръ: Александръ II, II, 508.
Фидій: Иванъ III, I, 493.
Фижмы: опредѣленіе, II, 394.
Физіологъ, сборникъ: опредѣленіе, I, 466.
Фикъ: Петръ I, II, 86; Екатерина I, 154; коллегіи, 87; финансы, 276.
Филантропія: опредѣленіе, II, 4.
Филаретъ, митрополитъ: катехизисъ, II, 453; Фотій, 462; цензура, 488.
Филаретъ, Романовъ: смута, I, 297, 304—308; Михаилъ Ѳеодоровичъ, 316, 317, 322; характеръ, 324; правленіе, 325; соборы, 352; крѣпостничество, 399; нравы, 425, 428; цензура, 441; просвѣщеніе, 454; реформы, II, 139; Польша, 257.
Фили: искусство, II, 384, 385.
Филигрань: опредѣленіе, I, 493.
Филиппъ, митрополитъ: значеніе, I, 275, 276; мощи, 485; Никонъ, II, 18.
Финансы: начало славянъ, I, 21; 9—11 в., 49, 50; 11—13 в., 111; 13—15 в., 174, 204, 206, 213; 15—17 в., 325, 331, 361—368; 17—18 в., II, 273—279; Петръ I, 89, 90, 140, 141, 276, 277, 391; Анна Ивановна, 170; Екатерина II, 216, 239; Александръ I, 438, 452, 456, 457; Николай I, 479, 480; Александръ II, 492, 495, 509, 510. См. *Подати*, *Казна*.
Финифть: иконы, I, 138.
Финляндія: финны, I, 12; шведы, 149, 178; Ярославъ I, 45; Петръ I, II, 108; Елизавета 190; Екатерина II, 215, 231; Александръ I, 433, 447, 454, 455; Николай I, 481; Александръ II, 503, 506, 509, 514.
Финны: опредѣленіе, I, 4, 12; литовцы, 6; германцы, 15, 574; варяги, 16, 33; 9—11 в., 11, 12, 36, 38; 11—13 в., 85, 88, 89, 105, 109, 110, 115, 123, 146; 13—15 в., 201, 393; Александръ II, II, 502.
Финскій заливъ: варяги, I, 16; эсты, ливы, 108.
Фискалы: опредѣленіе, II, 3, 87; Петръ I, 88, 135, 140, 276, 322, 323.
Фихте: значеніе, II, 422.
Фіезоле: иконы, I, 150.
Фіоравенти: значеніе, I, 484; Дмитріевскій соборъ, 485; Кремль, 489.

Флагъ: морской, II, 281.
Фландрія: торговля, I, 141.
Флоренція: соборъ, I, 152, 212, 221, 463; унія, 218; Алексѣй Михайловичъ, II, 39, 40.
Флотъ: Иванъ IV, I, 374; Петръ I, II, 71, 72, 89, 104, 122, 280, 390; св. Митрофанъ, 132; Апраксинъ, 134; Волынскій, 174; Екатерина II, 220, 230; 18 в., 282; Александръ II, 491, 495, 511.
Флагелланты: значеніе, I, 150.
Фокшаны: битва, II, 223.
Фонвизинъ: крѣпостничество, II, 327, 328; понятія, 349, 350; Западъ, 373; значеніе, 374; реакція, 376.
Фонтанка: Петръ I, II, 402, 404; Анна Ивановна, 406; Екатерина II, 408; Александръ I, 412.
Фосфоритъ: опредѣленіе, II, 504.
Фотій, архимандритъ: Александръ I, II, 450; Голицынъ, 453; Филаретъ, 462.
Фотій, патріархъ: значеніе, I, 17; раздѣленіе церквей, 18; св. Кириллъ, 29.
Франки: переселеніе народовъ, I, 9; чехи, 10; королевство, 18; Русь, 48.
Франклинъ: Екатерина II, II, 240; Радищевъ, 363.
Францисканцы: начало, I, 66; Польша, 70.
Франція, *французы:* норманы, I, 16; Карлъ Великій, 19; начало, 28; Ярославъ I, 45; деньги, 63; провансальская поэзія, 67; классицизмъ, 67; феодализмъ, 149; грамотность, 150; бояре, 209; абсолютизмъ, 232; Лжедимитрій I, 299; Михаилъ Ѳеодоровичъ, 321, 322, 405; запорожцы, 563; 17—18 в., II, 1—4. 7, 331, 415; Алексѣй Михайловичъ, 39; Петръ I, 77, 78, 80, 84, 107, 120, 137; Анна Леопольдовна, 180; Елизавета, 184, 357, 360; Панинъ, 210; Екатерина II, 219, 220, 230, 231, 234, 239, 241; Павелъ I, 248, 250, 251; 19 в., 421, 422; Александръ I, 429—433, 440, 445, 459; Николай I, 469—471, 474—476; Александръ II, 492, 496, 497, 499, 500, 509, 524; община, 518.
Францъ I: Александръ I, II, 445.
Фребель: общество, дѣтскіе сады, II, 527.
Фрески см. *Стѣнопись.*
Фридландъ: битва, II, 433.
Фридрихсгамъ: миръ, II, 433.
Фридрихъ II: войны, II, 2; философія, 4; Петръ I, 135; абсолютизмъ, 142, 144; Минихъ, 179; Остерманъ, 180; Бестужевъ, 185; Елизавета, 186, 191, 192; Петръ III, 193, 196, 197; Екатерина II, 194, 202, 204, 206, 208, 210, 217—220, 230, 234, 243; войско, 282; лубки, 387; Павелъ I, 242; Александръ I, 441.
Фризъ: опредѣленіе, I, 93, 136; Дмитріевскій соборъ, 136.
Фролъ Скобеевъ: повѣсть, II, 366.
Фронда: значеніе, I, 232.
Фругъ: значеніе, II, 534.
Фря: опредѣленіе, I, 525.
Фрязинъ: Москва, I, 443; Иванъ IV, 448; ваяніе, 493.
Фуадъ: Александръ II, II, 497.
Фурье: значеніе, II, 421.
Фуфайка: опредѣленіе, I, 532.

Хаджи-бей: Одесса, I, 228.
Халдеи: опредѣленіе, I, 416, 439.
Халифы: начало славянъ, I, 22; паденіе, 65.
Хамовники: опредѣленіе, I, 518.
Ханъ: опредѣленіе, I, 163; камскіе болгары, 13; великій, 166; татары, 172.
Харатья см. *Пергаментъ.*
Харачъ: опредѣленіе, I, 235.
Харьковъ: начало, II, 33; коллегіумъ, 134; университетъ, 432; Александръ II, 506; музыка, 540.
Хвалисское море: опредѣленіе, I, 13.
Хвалиссы: опредѣленіе, I, 13.
Хворостининъ: значеніе, I, 335; Филаретъ, 425; нравы, 428; новшества, 440; просвѣщеніе, 444, 454.
Хвостовы: начало, I, 209.
Хвостъ, бояринъ: Иванъ II, I, 193.
Хвощинская: романы, II, 523.
Хемницеръ: Лафонтенъ, II, 373; сатира, 374.
Хераскова: просвѣщеніе, II, 349.
Херасковъ: просвѣщеніе, II, 361; реакція, 376.
Херсонесъ Таврическій см. *Севастополь.*
Херсонъ: Екатерина II, II, 230, 238; штунда, 512.
Хива: бесермены, I, 181; Петръ I, II, 109; Александръ I, 455; Николай I, 472; Александръ II, 496; телеграфъ, 505.
Хилковъ: нравы, II, 319.
Хитрецъ: опредѣленіе, I, 136.
Хитрово: иностранцы, II, 47; 17 в., 284.
Хлопицкій: Николай I, II, 470.
Хлопка Косолапъ: Годуновъ, I, 291.
Хлоповы: новики, I, 386.
Хлыстовщина: Западъ, I, 150; начало на Руси, II, 313; 18 в., 315.
Хлѣбопашество: опредѣленіе, I, 541; Польша, 237; 15—17 в., 326, 327, 497, 501, 503, 510, 523; Петръ I, II, 92.
Хмельницкій: пѣсни, I, 569; портретъ,

II, 30; дѣятельность, 31—35; Алексѣй Михайловичъ, 36.
Хованскіе: разряды, I, 381; Софья, II, 54, 55, 58, 59.
Ховарезмъ: Чингисханъ, I, 167; Кипчакъ, 171.
Ховрины: паденіе, I, 386.
Ходкѣвичъ: смута, I, 313; Михаилъ Θедоровичъ, 318, 319.
Ходоки: опредѣленіе, I, 364.
Хожденія: 13—15 в., I, 221; Четіи Минеи, 479.
Хозарское море: опредѣленіе, I, 13.
Хозары: начало, I, 13; Новгородъ, 11; печенѣги, 14, 20, 36; славяне, 20; христіанство, 30; Мстиславъ, 44; Олегъ Святославичъ, 78; удѣлы, 110.
Холера: Александръ I, II, 455; Николай I, 470; Александръ II, 503.
Холмогоры: кость, I, 501; 15—17 в., 504, 510; брауншвейгская фамилія, II, 182.
Холмскіе: разряды, I, 381.
Холмъ: начало, I, 187, 188; 13—15 в., 229; польщизна, 552; унія, II, 480.
Холопы: опредѣленіе, I, 52; Польша, 69; изгои, 53; 11—13 в., 116, 117, 121, 144; 13—15 в., 203, 209, 211, 216; 15—17 в., 249, 267, 286, 290, 298, 307, 363, 396—399, 400, 424, 426, 449, 548, 553, 554; 17 в., II, 297, 299; Софья, 55, 58; Петръ I, 90.
Хомутовы: происхожденіе имени, II, 357.
Хомяковъ: славянофилы, II, 488, 492.
Хоперъ: Петръ I, II, 96.
Хорваты: начало, I, 9; венгры, 14, 32, 68; христіанство, 29; католичество, 91; татары, 170; 19 в., II, 425, 426; Николай I, 474.
Хоривъ: преданіе, I, 12.
Хороводъ: пѣсни, I, 56; удѣлы, 120.
Хоромы: опредѣленіе, I, 62, 488; 13—15 в., 229; 15—17 в., 514—516; дворецъ, II, 378, 380, 381.
Хортица: значеніе, I, 545; Сѣчь, 548.
Хотинъ: Минихъ, II, 176.
Хохолъ: опредѣленіе, I, 549; кличка, II, 35.
Храбръ Черноризецъ: письменность, I, 30.
Храповицкій: Екатерина II, II, 205; крѣпостничество, 457.
Христіанія: варяги, I, 16.
Христіанство: варвары, I, 19; 9—11 в., 28, 29, 36, 37, 39, 41, 52, 55, 64, 67; 11—13 в., 108, 119, 122, 125; 13—15 в., 215. См. *Церковь*.
Христосъ: папство, I, 28; символы, 60; монета, 61.
Хронографъ: опредѣленіе, I, 29; Русь, 36; начало на Руси, 56; сборникъ, 131; лѣтопись, 134, 135; 13—15 в., 223; 15—17 в., 268, 463; живопись, 492.
Хуторъ: опредѣленіе, I, 547.

Цамблакъ: языкъ, I, 483.
Царевъ: Сарай, I, 172.
Царедворцы: Византія, I, 18; татары, 172.
Царица: бытъ, I, 338—347; 15—17 в., 434, 435.
Царицынъ: начало, I, 376, 401; Годуновъ, 284; Разинъ, II, 29; 18 в., 393.
Царицынъ Лугъ: начало, II, 402; Павелъ I, 411.
Царское мѣсто: 15—17 в., I, 493.
Царское Село: начало, II, 404; Елизавета, 408; Екатерина II, 235, 411; Павелъ I, 223, 412; Александръ I, 431; лицей, 450, 458; музей, I, 164.
Царственная Книга: значеніе, I, 462; живопись, 492.
Царство Польское: начало, II, 446; Александръ I, 454, 455; крестьяне, 493; Александръ II, 499.
Царь: болгары, I, 30; хорваты, сербы, 31; удѣлы, 110; Иванъ III, 245, 331; Василій III, 332; Иванъ IV, 263, 333; Лжедимитрій I, 299; его чинъ, 336—341, 476; титулъ, 337; бытъ, 338—347.
Царьградъ см. *Бѣлгородъ, Византія.*
Царь-колоколъ: начало, I, 486.
Царь-пушка: Θедоръ I, I, 371; отлитіе, 502.
Цаты: опредѣленіе, I, 345, 535.
Цвѣтникъ, сборникъ: 13—15 в., 220; 15—17 в., 465.
Цвѣтоносіе: опредѣленіе, I, 475.
Цезарь: Петръ I, II, 356; Суворовъ, 232.
Цензоры, ревизоры: Петръ I, II, 81.
Цензура: чехи, I, 236; начало на Руси, 478; 18 в., II, 372, 386; Елизавета, 190, 346; Екатерина II, 211, 241; Павелъ I, 250; Александръ I, 431, 452; Николай I, 468, 485, 494, 500, 521, 528; Александръ II, живопись, 536.
Централизація: Петръ I, II, 143; 18 в., 416.
Церковники: самодержавіе, I, 387.
Церковь, учрежденіе: Византія, I, 17; раздѣленіе, 18, 150; сербы, 31; румыны, 154; Польша, 157; Литва, 161, 162; 9—11 в., 50, 52—56; 11—13 в., 118, 119; 13—15 в., 200, 204, 205, 211—216; 15—17 в., 268, 382, 406—413, 555, 557, 559; Алексѣй Михайловичъ, II,

257; 17—18 в., 307—317, 417, 418; Петръ I, 83, 86, 88, 89, 115, 121; Елизавета, 188—190; Петръ III, 197; Екатерина II, 211, 216; Павелъ I, 246, 248; Александръ I, 432, 435, 447, 449, 451, 452, 462, 464; Николай I, 468, 480, 484; Александръ II, 509, 511, 512, 520, 526, 529. См. *Духовенство*.

Церковь, храмъ: начало, I, 26; Византія, 17; 9—11 в., 41, 45, 46, 57, 59; 11—13 в., 89, 118, 119, 122, 135—139; 13—15 в., 218, 224, 225; Петръ I, II, 88, 89, 93, 114; Елизавета, 190; Петръ III, 197; Благовѣщенія, Богородицы, 41, 58; Василія Блаженнаго, 486—488, 521; Десятинная, 41, 59; Знаменія, 198; Марка, 585; св. Софіи въ Византіи, I, 17, 57, 58; II, 411; св. Софіи въ Кіевѣ, I, 45—47, 57—59, 120, 556; св. Софіи въ Новгородѣ, 47, 59, 98, 101, 102, 479; св. Софіи въ Царскомъ Селѣ, II, 411; Спаса на Бору, I, 191; св. Троицы, 226. См. *Соборы*.

Цехи: опредѣленіе, II, 83; Петръ I, 92.

Цивильскъ: Годуновъ, I, 284.

Цимисхій: Святославъ, I, 29, 38.

Цинцары: опредѣленіе, I, 154.

Цитра: 13—15 в., I, 172.

Цифры: шифры, I, 219.

Цихедзири: битва, II, 498.

Цицеронъ: переводъ, II, 368.

Цишановъ: Александръ I, II, 452.

Цорндорфъ: Елизавета, II, 191.

Цухтгаузъ: опредѣленіе, II, 92.

Цыклеръ: Софья, II, 58; Петръ I, 64, 72—75; Разинъ, 267.

Цымбалы: опредѣленіе, I, 494.

Цѣловальникъ: подати, I, 364, 365; таможня, 368; Иванъ IV, 267; село, 361.

Чаадаевы: новики, I, 386; Чацкій, II, 485.

Чадь: опредѣленіе, I, 101; Новгородъ, 109; удѣлы, 113, 117.

Чапракъ: опредѣленіе, I, 374.

Чарторижскіе: 18 в., II, 7; Екатерина II, 219; крѣпостничество, 457.

Чарторижскій Адамъ: просвѣщеніе, II, 423; Александръ I, 428—430, 435, 436, 441, 444, 450; Николай I, 470, 471.

Часы: начало на Руси, I, 226. 454; 15—17 в., 322, 502, 529, 530; 17 в., II, 378, 380, 589; Алексѣй Михайловичъ, 42; Петръ I, 392.

Чацкій: значеніе, II, 462, 467; Горчаковъ, Чаадаевъ, 485; Александръ II, 525.

Чаша: начало, I, 7; древности, 75; причащеніе, 155, 156, 212.

Чашникъ: опредѣленіе, I, 340; 13—15 в., 205.

Чай: 15—17 в., I, 542; 17 в., II, 388; Александръ II, 506, 520.

Чайка, лодка: опредѣленіе, I, 551.

Чайковскій: романсы, II, 539; опера, 540.

Чебышевъ: математика, II, 554.

Чеканъ: начало на Руси, I, 61; 11—13 в., 140; 13—15 в., 226, 227; 15—17 в., 494; 17 в., II, 382.

Чекментъ: Александръ II, II, 496.

Челищевы: начало, I, 209.

Челобитныя, *челобитчикъ*: опредѣленіе, I, 49; приказъ, 346, боярская дума, 348; вѣче, 349; земскіе соборы, 351; 17 в., 455—457.

Челядь: опредѣленіе, I, 111, 397; литво-славяне, 7; удѣлы, 117, 119, 124; 13—15 в., 211.

Чемесовъ: гравюра, II, 386.

Чемодановъ: посольство, I, 421; Венеція, II, 39.

Ченслоръ: Иванъ IV, I, 404.

Червонная Русь: опредѣленіе, I, 40; поляки, 44, 156. См. *Галиція*.

Червонцы: начало, II, 391.

Чердакъ: опредѣленіе, I, 514; II, 378; 13—15 в., I, 226.

Черемисы: опредѣленіе, I, 12; Казань, 270; Николай I, II, 483.

Черкаскъ: донцы, I, 375; Разинъ, II, 29; Петръ I, 96.

Черкасскіе: Петръ I, II, 79; Анна Ивановна, 161, 162, 168; Иванъ VI, 177; князья, 291; крѣпостничество, 498.

Черкасы: опредѣленіе, I, 250; Годуновы, 284; смута, 317; Польша, 507; запорожцы, 546.

Черкесы: Мамай, I, 197; значеніе, II, 38; Екатерина II, 254; Александръ II, 497; Турція, 498.

Черная Рѣчка: Петербургъ, II, 404; Крымъ, 477.

Черная Смерть: Западъ, I, 150; Семенъ Гордый, 193; Димитрій Донской, 194, 198.

Черниговъ: начало, I, 12, 20; Мстиславъ тмутараканскій, 44; 11—13 в., 70, 71, 74, 77—79, 83—87, 96, 104, 105, 110, 135; 13—15 в., 161, 169, 187, 209; 15—17 в., 253, 291, 319; казаки, 371; искусство, II, 376.

Чернобогъ: опредѣленіе, I, 24.

Черногорія, *черногорцы*: начало, I, 9; сербы, 9; 11—13 в., 68; 13—15 в., 154; 15—17 в., 235; 17—18 в., II, 5; Петръ I, 138; самозванцы, 223; 19 в., 426; Николай I, 474; Александръ II, 497.

Черное море: греки, I, 17; начало славянъ, 21; Русское, 63; Венеція, 141; Польша, 237; запорожцы, 551; Петръ I, II, 72; Екатерина II, 222; Александръ I,

431, 454; Николай I, 469, 470, 472, 477, 478, 481; Александръ II, 496, 506, 511.
Черноевичи: опредѣленіе, I, 154.
Чернокнижіе: 15—17 в., I, 437.
Черносошные: 15—17 в., I, 395. См. *Черные люди.*
Черные люди: опредѣленіе, I, 101, 117; удѣлы, 113; посадскіе, 210, 401. См. *Чадь.*
Черные Клобуки: опредѣленіе, I, 75; Изяславъ II, 85, 88; Кіевъ, 92; переселенія, 110.
Чернышевы: Пугачевъ, II, 227; Николай I, 479.
Черный боръ: опредѣленіе, I, 208.
Чернь: опредѣленіе, I, 101; 15—17 в., 493; Украйна, II, 32—35; 18 в., 289.
Черняевъ: Туркестанъ, II, 496; Сербія, 498.
Чертежное мѣсто: опредѣленіе, I, 379.
Чертежъ: опредѣленіе, I, 331, 492; всего свѣта, 467.
Чертогъ: опредѣленіе, I, 514.
Чертолье: опредѣленіе, I, 519, 522.
Чертъ: опредѣленіе, I, 24; эпосъ, 56, 57; 17 в., II, 340.
Черты: опредѣленіе, I, 30.
Чесма: битва, II, 220.
Четверикъ, *четвертъ:* опредѣленіе, I, 365.
Четіи Минеи: Макарій, I, 478—480; Димитрій ростовскій, II, 363, 364.
Четки: 11—13 в., I, 141; 15—17 в., 439.
Четъ: Иванъ I, I, 191.
Четь: подати, I, 365; приказы, 353; II, 274, 275.
Чехи: начало, I, 9, 10; христіанство, 29; мораване, 31; 9—11 в., 32, 40; 11—13 в., 68, 69, 85; 13—15 в., 154—157; 15—17 в., 235, 237; 17—18 в., II, 6; 19 в., 423, 424; Александръ II, 528.
Чехъ: преданіе, I, 10; Русъ, 12.
Чечня, чеченцы: Николай I, II, 472; Шамиль, 472, 497.
Чешскіе братья: опредѣленіе, I, 156.
Чигиринъ: значеніе, II, 34; бунтъ, 529.
Чижовъ: ваяніе, II, 246.
Чингисханъ: значеніе, I, 65, 166, 167; потомство, 168; деспотизмъ, 171.
Чиновникъ, книга: опредѣленіе, I, 581.
Чиновничество, чины: Византія, I, 18; татары, 172; придворные, 245, 339; государственные, 351; церковный, 475; 17—18 в., II, 1, 285, 293, 294, 417, 418; Петръ I, 87, 88, 113, 139, 270, 285—287; Александръ I, 435, 438, 439; Николай I, 478, 482, 483, 490; Александръ II, 492, 493, 499, 513, 521, 522, 528; дворянство, 288, 295; нравы, 320—322; живопись, 537.
Чиншъ: опредѣленіе, II, 34.
Численники: опредѣленіе, I, 173.
Численные: опредѣленіе I, 210.
Чистяковъ: живопись, II, 537.
Чичаговы: Швеція, II, 231; Екатерина II, 245; Наполеонъ I, 444.
Чичерины: происхожденіе имени, II, 357.
Чоботы: опредѣленіе, I, 531; женщина, 535.
Чоглоковы: новики, I, 386.
Чолханъ: Тверь, 1, 185.
Чуваши: опредѣленіе, I, 13; Казань, 270,
Чудовъ монастырь: искусство, II, 382.
Чудское озеро: кривичи, I, 11; Ярославъ I, 45; Новгородъ, 101; битва, 179.
Чудь: опредѣленіе, I, 12; Мономахъ, 82; Мстиславъ Великій, 83; Мстиславъ Удалой, 102; удѣлы, 109; язычество, 119.
Чуланъ: опредѣленіе, II, 378.
Чулковъ: пѣсни, II, 350.
Чума: Екатерина II, II, 217, 225, 256; Москва, 397.
Чумачество: опредѣленіе, I, 548.
Чуръ: опредѣленіе, I, 23.
Чухонцы, чухна: опредѣленіе, 1, 12; Нева, II, 399.

Шагинъ-Гирей: паденіе, I' 171.
Шакловитый: Софья, II, 51—53, 59; Петръ I, 63—65, 136; бояре, 284; театръ, 334.
Шаманъ: опредѣленіе, I, 163.
Шамиль: Николай I, II, 472; Александръ II, 497.
Шандалъ: опредѣленіе, I, 527.
Шапиръ Ольга: романы, II, 523.
Шарлота: Алексѣй Петровичъ, II, 99.
Шатеръ: опредѣленіе, I, 516. См. *Стиль.*
Шатобріанъ: лубки, II, 537.
Шафарикъ: славистика, II, 424.
Шафировы: происхожденіе имени, II, 357; нравы, 110, 321; характеръ, 126; Петръ I, 286.
Шахматы: начало на Руси, I, 417; 15—17 в., 342; Лжедимитрій I, 298.
Шаховскіе: записки, I, 464; Елизавета, II, 187; театръ, 466, 485.
Шашки: 15—17 в., I, 342.
Шварнъ: Миндовгъ, I, 158.

Шварценбергъ: Николай I, II, 474.
Шварцъ: масоны, II, 362.
Швеція, шведы: германцы, I, 15; монета, 16; Яроелавъ I, 42, 45; Мономахъ, 125; Невскій, 178; 179; Андрей II, 181; бояре, 209; сказанія, 223; Ливонія, 238; іезуиты, 239; Василій III, 261; Иванъ IV, 280; смута, 305, 306, 310, 313; II, 397; Михаилъ Өеодоровичъ, I, 320, 322; Алексѣй Михайловичъ, II, 35, 36, 257; 17—18 в., 2, 4, 264; Петръ I, 77, 78, 87, 103—109, 113, 121, 137, 141, 143, 144, 148, 260, 269, 270, 275, 276; Анна Ивановна, 163; Анна Леопольдовна, 180, 181; Елизавета, 190; Екатерина II, 219, 231; Александръ I, 433, 441; университетъ, 529.
Швецъ: опредѣленіе, I, 501.
Швейцарія: протестантство, I, 234; Александръ I, II, 440.
Шевченко: крѣпостничество, II, 488; славянофилы, 489.
Шеины: начало, I, 209; характеръ, 319; Филаретъ, 324; разряды, 381; значеніе, 389; нравы, 428; новшества, 440; просвѣщеніе, 454; 15—17 в., 503.
Шекспиръ: переводы, II, 374.
Шеллингъ: значеніе, II, 422; Станкевичъ, 486.
Шеломъ, шлемъ: опредѣленіе, I, 372; литво-славяне, 7; удѣлы, 114; татары, 164; Невскій, 182, 183.
Шелонь: битва, I, 243.
Шемаха: Алексѣй Михайловичъ, II, 38.
Шемяка: св. Григорій, I, 215; значеніе, 230.
Шереметева, Наталья: Долгорукіе, II, 159; характеръ, 337.
Шереметевъ, Борисъ: Петръ I, II, 80, 104; характеръ, 127; графъ, 287; нравы, 325, 327; Западъ, 357; дневникъ, 365.
Шереметевы: начало I, 209; Иванъ IV, 266; разряды, 381; Алексѣй Михайловичъ, II, 319; Петръ I, 79; Николай I, 483.
Шерть: опредѣленіе, I, 174.
Шествіе на осляти: опредѣленіе, I, 475, 476; отмѣна, II, 310.
Шетарди: Анна Леопольдовна, II, 180; Елизавета, 186, 360.
Шешковскій: Екатерина II, II, 241.
Шигона Поджогинъ: Василій III, I, 258.
Шиллеръ: значеніе, II, 4; переводы, 374.
Шипилова: наука, II, 523.
Ширинка: опредѣленіе, I, 434, 537.
Шифры: цифры, вязь, I, 219.
Шиффъ г-жа: лекціи, II, 523.
Шишакъ: опредѣленіе, I, 372; 13—15 в., 224; мушкетеръ, II, 65.
Шишкины: живопись, II, 523, 537.
Шишковъ: крѣпостничество, II, 376; Александръ I, 440; Голицынъ, 453; бесѣдисты, 464.
Школы: камскіе болгары, I, 13; арабы, Карлъ Великій, 19; крестовые походы, 67; Польша, 70; чехи, 236; іезуиты, 239; начало на Руси, 41, 45, 55; 13—15 в., 217, 218; 15—17 в., 284, 413, 440, 448; 17—18 в., II, 351, 358, 359, 360; Никонъ, 16; Петръ I, 83, 355; театральная, 466; Правовѣденія, 483, 526. См. *Просвѣщеніе*.
Шлезвигъ: варяги, I, 15; Петръ III, II, 193, 197.
Шлецеръ: Екатерина II, II, 242; значеніе, 372.
Шлиссельбургъ: начало, II, 104, 399; Иванъ IV, 182; Петръ III, 201, 202; Новиковъ, 241.
Шлитте: Иванъ IV, I, 404.
Шлягъ: опредѣленіе, I, 20.
Шляхетство: опредѣленіе, II, 87; Петръ I, 87, 286; 18 в., 264, 288, 289; Анна Ивановна, 160—169; Волынскій, 172.
Шляхта: опредѣленіе, I, 33; удѣлы, 69; Людовикъ, 157; Литва, 162; монархизмъ, 237; 15—17 в., 237—239, 553—556; 17—18 в., II, 7, 423; Алексѣй Михайловичъ, 33, 35; Малороссія, 291; Николай I, 482.
Шляхъ: опредѣленіе, I, 507.
Шмидтъ: Суворовъ, II, 231.
Шолуди: опредѣленіе, I, 514.
Шоссе: Екатерина II, II, 411; Александръ I, 455; Александръ II, 505, 506.
Шотландія: Петръ I, II, 84.
Шпицрутены: Петръ I, II, 90.
Штакельбергъ: дипломатія, II, 416.
Штенглинъ: гравюра, II, 8.
Штетинъ: Екатерина II, II, 194.
Штейнъ: Польша, II, 446.
Штиглицъ: баронство, II, 482.
Штирія: Габсбурги, I, 149.
Шубинъ: фаворитъ Елизаветы, II, 183.
Шубка: опредѣленіе, I, 535.
Шуваловъ Иванъ: Анна Леопольдовна, II, 180; Елизавета, 186—189; Петръ III, 196; Панинъ, 199; Екатерина II, 202; нравы, 331, 332; просвѣщеніе, 348; искусство, 359, 386; школы, 360; Ломоносовъ, 369.
Шуваловъ Петръ: Анна Леопольдовна, II, 180; Елизавета, 186—188; Петръ III, 196; финансы, 278.
Шуваловы: Екатерина II, II, 195.
Шумахеръ: академія наукъ, II, 359.
Шумскій: Аракчеевъ, II, 451.

Шуты: 15—17 в., I, 281, 342, 415, 435; 18 в., II, 324, 327, 331; Петръ I, 112, 121; Анна Ивановна, 167, 170.
Шуя: 17 в., II, 354.
Шуйскіе: Иванъ IV, I, 263; Θедоръ I, 282; смута, 314; разряды, 381; паденіе, 386; Макарій, 478.
Шуйскій Василій: царевичъ Димитрій, I, 288; Лжедимитрій I, 297—300; царствованіе, 300—307; Пожарскій, 312; голодъ, 327; запись, 335; бояре, 385; крѣпостничество, 399; холопство, 424; нравы, 428; ограниченіе самодержавія, 452; сказанія, 464; самозванцы, II, 257.
Шуйскій Димитрій: Скопинъ, I, 306.
Шуйскій Иванъ: Θедоръ I, I, 282.

Щеголевъ: Одесса, II, 477.
Щедринъ: сатира, II, 532; журналы, 535.
Щековица: опредѣленіе, I, 34, 35.
Щекъ: преданіе, I, 12.
Щелкаловы: значеніе, I, 355; новики, 383.
Щелканъ см. *Чолханъ*.
Щепкинъ: театръ, II, 466.
Щербатовъ: Орловъ, II, 200; Екатерина II, 213; чиновничество, 285; дворянство, 289; нравы, 327, 330; женщина, 336; Петръ I, 357, 376.
Щербатовы: разряды, I, 381.
Щетъ: опредѣленіе, II, 378.
Щипецъ: опредѣленіе, I, 60.
Щуръ: опредѣленіе, I, 23.

Ѣздокъ: гонецъ, I, 213.
Ѣзы: опредѣленіе, I, 342.

Эвклидъ: Петръ I, II, 365.
Эволюціонизмъ: значеніе, II, 422.
Эдукаціонная коммиссія: значеніе, II, 423.
Эзель: Иванъ IV, I, 280.
Эзопъ: Петербургъ, II, 402.
Экспедиціи, ученыя: Петръ I, II, 86, 355; Екатерина II, 362, 375; Николай I, 484.
Электричество: Александръ II, II, 506.
Эллинизмъ: Византія, I, 17, 151; Климентъ, 122; паденіе, 150; Возрожденіе. 151.
Элтонъ: соль, II, 188, 394.
Эльба: западные славяне, I, 8, 9; Польша, 32, 33; Новгородъ, 63.
Эльвесіусъ: значеніе, II, 4; Россія, 349.
Эмеритура: Александръ II, II, 521.
Эмигранты: Франція, II, 350, 447; Польша, 423, 473—475; Екатерина II, 239, 241; Павелъ I, 250; Александръ I, 431; Александръ II, 500.
Энциклопедисты: опредѣленіе, II, 4; Екатерина II, 194, 205, 206, 348, 358, 367, 373, 459.
Эпиръ: Душанъ, I, 153.
Эпосъ: животный, I, 56; 15—17 в., 468; Буслаевъ, II, 534.
Эразмъ: значеніе, I, 233; Петръ I, II, 356.
Эривань: Николай I, II, 469, 481.
Эристовы: князья, II, 291.
Эрмитажъ: Скиѳія, I, 5, 6; татары, 164; начало, II, 408, 409; Петръ I, 46, 108, 111, 118; Меншиковъ, 124; Остерманъ, 155; Екатерина II, 203, 208, 348, 358, 361, 384, 385; Павелъ I, 246; Николай I, 536; Александръ I, 433; Ораніенбаумъ, 411.
Эстляндія: датчане, I, 149; Петръ I, II, 103, 104, 109; Александръ I, 457.
Эсты: опредѣленіе, I, 12; славяне, 108; нѣмцы, 109.
Этнографія: Александръ II, II, 535; живопись, 536.
Эчміадзинъ: Николай I, II, 469.
Эйлау: битва, II, 433.
Эйлеръ: Екатерина II, II, 360; Ломоносовъ, 370.

Юбилей: вожди мысли, II, 525; Некрасовъ, 532.
Югра: Новгородъ, I, 101; серебро, 192; 15—17 в., 328.
Юмала: опредѣленіе, I, 12; древности, 75.
Юнкеръ: крѣпостничество, I, 528.
Юристы: опредѣленіе, I, 149; Германія, 150; Казиміръ III, 157; монархизмъ, 237.
Юрій I Долгорукій: половцы, I, 80; усобицы, 84—86; характеръ, 87; города, 89; Ростовъ, 90; Тверь, 105; Ярославъ Осмомыслъ, 107; титулъ, 110; церковь, 118; Москва, 519.
Юрій II: татары, I, 168, 169; Новгородъ, 103; значеніе, 177; Москва, 182.
Юрій Даниловичъ: Тверь, I, 184, 185; Рязань, 195.
Юрій Дмитріевичъ: Василій II, I, 199.

Юрій Ивановичъ: Василій III, I, 378.
Юрналъ: Петръ I, II, 117.
Юродивые: опредѣленіе, I, 417; Иванъ IV, 268, 277; 15—17 в., 342; значеніе, 426, 427; Алексѣй Михайловичъ, II, 10.
Юрта: жилище, I, 13; земля, 375.
Юрьевъ, городъ: начало, I, 45; Дерптъ, 108.
Юрьевъ, монастырь: грамота, I, 135.
Юрьевъ день: значеніе, I, 211; Годуновъ, 290; прекращеніе, 398, 399; Троицкая лавра, 408.
Юрьевъ Польскій: начало, I, 89.
Юрьевы: разряды, I, 381.
Юстиніанъ I: славяне, I, 8; значеніе, 18.
Юсуповы: начало, I, 209; разряды, 381; Анна Ивановна, II, 171; князья, 291.
Юфть: начало вывоза, I, 141.

Ябедникъ: происхожденіе слова, I, 48; значеніе, 114.
Яворскій: Антихристъ, II, 95; Петръ I, 114; характеръ, 130, 131; фискалы, 323; иностранцы, 340; понятія, 345—347; просвѣщеніе, 355; старина, 364.
Ягелло: Ядвига, I, 157; значеніе, 161, 162; Мамай, 197.
Ягеллоны: начало, I, 162; чехи, 236; 15—17 в., 237.
Ягужинскій: Петръ I, II, 119, 286; Екатерина I, 151, 153; Петръ II, 158; Анна Ивановна, 160, 162, 165, 169; Волынскій, 171; характеръ, 125, 126; нравы, 321.
Ядвига: Людовикъ, I, 157; Ягелло, 162.
Языки: начало новыхъ, I, 67; первобытный общеславянскій, 8; англійскій, 150; болгарскій, 30, 55, 153, 235; греческій, 67, 74, 126, 235; II, 86; еврейскій, 86; зырянскій, I, 216; итальянскій, II, 356; латинскій, 67, 125, 126; нѣмецкій, 150, 155, 157; II, 356; провансальскій, I, 67, 150; румынскій, 154; русскій, 55, 56, 130, 174, 561—564, 583; II, 118, 195, 352, 356, 368, 369, 463; санскритъ, I, 4; французскій, 150; церковно-славянскій, 30, 128, 129, 134, 482—484; II, 118; чешскій, I, 31, 156, 236.
Языковъ: Ѳедоръ III, II, 49; Апраксина, 50; Нарышкины, 54; стрѣльцы, 55; Софья, 57; значеніе, 284.
Языкъ: плѣнникъ, I, 207; колодникъ, 526.
Язычество: арійцы, I, 4; литво-славяне, 7; финны, 13; литовцы, 15; скандинавы, 16; чехи, 69; Ливонія, 108; начало славянъ, 8, 23—27; 9—11 в., 39, 40, 56, 57, 64; 11—13 в., 119, 122, 123, 129, 146; 13—15 в., 151, 214, 218, 220; 15—17 в., 436, 437.
Яикъ: ханство, I, 196; казаки, 374—377; Пугачевъ, II, 227.
Яицкій Городокъ, *Яицкъ*: начало, I, 401; Годуновъ, 284; Разинъ, II, 28. См. *Уральскъ*.
Якоби: живопись, II, 537.
Якобинство: Екатерина II, II, 348; Александръ I, 430, 439.
Яковъ I: Михаилъ Ѳедоровичъ, I, 321.
Яковъ, инокъ: сказанія, I, 132.
Яковъ, протопопъ: Алексѣй Петровичъ, II, 98—101.
Якорь: происхожденіе слова, I, 48.
Якутскъ, *якуты*: Алексѣй Михайловичъ, II, 39.
Якушкинъ: древняя поэзія, II, 534.
Ямчужное дѣло: опредѣленіе, I, 501.
Ямъ, *ямщикъ*: опредѣленіе, I, 367; Михаилъ Ѳедоровичъ, 320; 15—17 в., 507, 508; приказъ, 508; 18 в., II, 391; Анна Ивановна, 406.
Янъ Альбрехтъ: Возрожденіе, I, 236.
Янъ Собѣскій: турки, II, 5, 7; Алексѣй Михайловичъ, 36.
Янычары: опредѣленіе, I, 152; 15—17 в., 234, 235; русскіе, 551; 17—18 в., II, 5.
Японія: Александръ II, II, 497.
Ярило: значеніе, I, 25.
Ярлыкъ: опредѣленіе, I, 173; татары, 174; значеніе, 176; духовенство, 213.
Ярополкъ: Кіевъ, I, 38; Владиміръ св., 39; христіанство, 40.
Ярославль: начало, I, 45, 88; раскопки, 12; финны, 88; Тверь, 105; Батый, 169; послѣдніе князья, 175, 176; Иванъ I, 191; 13—15 в., 202; 15—17 в., 301, 313, 362, 504, 510; 17 в., II, 354; Биронъ, 179; театръ, 370; лицей, 459, 526; искусство, I, 57, 59; II, 376.
Ярославово Дворище: опредѣленіе, I, 98.
Ярославъ I: Владиміръ св., I, 42; Святополкъ, 43, 44; Мстиславъ, 44; княженіе, 45, 46; раздѣлъ Руси, 47; храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, 47, 58; варяги, 48; Русскаа Правда, 50; Ростовъ, 53; пѣсни, 56; церковные уставы, 56; Золотые Ворота, 58; гробница, 59; монета, 61, 62; Бретиславъ, 69; наслѣдственность, 71; Новгородъ, 97; Юрьевъ, 108; духовенство, 119; ваяніе, II, 538.
Ярославъ II: княженіе, I, 177.
Ярославъ III: Тверь, I, 182.
Ярославъ Осмомыслъ: значеніе, I, 107.

Ярославъ Святославичъ: Муромъ, I, 105; Изборникъ, 138.
Ярошенко: живопись, II, 537.
Яса: опредѣленіе, I, 166; Сарай, 172.
Ясакъ: опредѣленіе, I, 173; Сибирь, 367; Алексѣй Михайловичъ, II, 38, 39.
Ясельничій: начало, I, 245; значеніе, 339.
Яссы: миръ, II, 6, 233.
Ясы: опредѣленіе, Святославъ, I, 38.
Ятвяги: опредѣленіе, I, 14; начало, 15; Владиміръ св., 40; Романъ волынскій, 107; Данило Романовичъ, 158; Галичъ, 188.
Яуза: начало Москвы, I, 519, 522.

Ѳедоровъ: типографія, I, 449; Острожскіе, 557.
Ѳедоръ I: Иванъ IV, I, 278, 334; характеръ, 281; царствованіе, 282, 283; смерть, 288; смута, 302; самодержавіе, 334; артиллерія, 371; крѣпостничество, 399; посадскіе, 401; иновѣрцы, 413; Василій Блаженный, 486; дворецъ, 489; Москва, 520.
Ѳедоръ II: царствованіе, I, 296; смерть, 297.
Ѳедоръ III: Никонъ, II, 22; царствованіе, 47 — 51; стрѣльцы, 55; войско, 143; Медвѣдевъ, 60; реформы, 139; престолонаслѣдіе, 257; бракъ, 260; боярская дума, 265; выборы, 267; приказы, 267, 268; подати, 274; бояре, 283, 284; чины, 285; крѣпостничество, 297; духовенство, 307; расколъ, 309; нравы, 319, 335, 336; женщина, 333, 334; театръ, 367; зодчество, 377, 380; Москва, 395; Западъ, 414; значеніе, I, 587.
Ѳедоръ Тверской: орда, I, 186.
Ѳедоръ Черниговскій: стихи, I, 469; мощи, 485.
Ѳедотовъ: живопись, II, 536.
Ѳеодора: иконоборство, I, 18.
Ѳеодоръ, епископъ: Андрей Боголюбскій, I, 92, 118.
Ѳеодоръ Студитъ: уставъ, I, 124.
Ѳеодосія: греческая колонія, I, 17.
Ѳеодосій, императоръ: Николай I, II, 538.
Ѳеодосій, митрополитъ: поученія, I, 410.
Ѳеодосій Косой: ересь, I, 450.
Ѳеодосій Печерскій: его жизнь, I, 55; пещеры, 59; значеніе, 123, 124; Печерская лавра, 124; житіе, 130; нравы, 220.
Ѳеократія: Черногорія, I, 154.
Ѳессалія: Душанъ, I, 153.
Ѳессалоники см. *Солунь.*
Ѳома, апостолъ: апокрифы, I, 221.
Ѳома Аквинскій: Аристотель, I, 150.
Ѳома Щитный: нѣмцы, I, 155.
Ѳукидидъ: 17 в., II, 364.

ГЛАВНЫЯ ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
12	18 снизу	Уложеніе 1648 г. было	Уложеніе было
12	17 „	*соборъ.*	*соборъ* (1649).
84	11 сверху	а появляется	а въ 1701 г. появляется
161	17 „	Такимъ	Тѣмъ
267	4 снизу	Нанерху	На Верху
305	13 сверху	1721	1722
387	22—23 „	Обиходовъ	Обиходъ
435	10 „	$^3/$	$^3/_4$
459	8 „	устроены лицей	устроены юридическій
459	9 „	институтъ	институтъ восточныхъ языковъ

меди есть кислород, который может быть отнят у последней водородом. Это производится в следующем приборе (рис. 4). В шарике *d* находится окись меди, водород получается в колбе *a* (при действии на цинк серной кислоты) и высушивается в трубке *c*, наполненной хлористым кальцием — веществом, поглощающим воду. Проходя над шариком *d*, подогреваемым[1] бунзеновской горелкой или пламенем спиртовой лампы, водород соединяется с кислородом окиси меди, образуя воду, которая частью в виде пара и выделяется из трубочки, а частью, если трубка не очень нагрета, осаждается в виде капелек на холод-

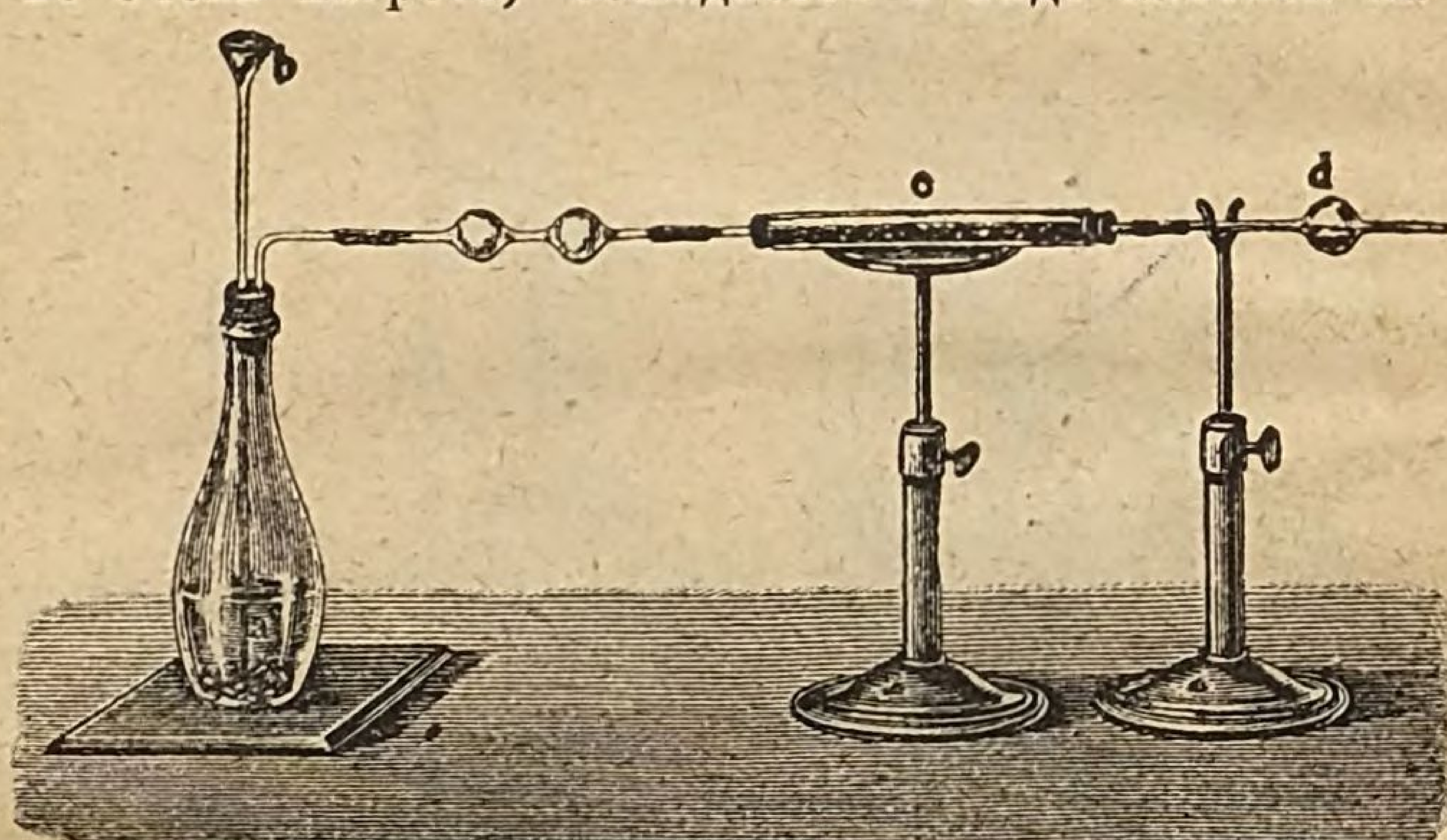

Рис. 4. Разложение окиси меди водородом.

ных частях трубки; в шарике же остается красная металлическая медь. Таким образом этот опыт убеждает, что окись меди разлагается на медь и кислород.

Для доказательства сложности углекислого газа можно воспользоваться следующим прибором (рис. 5). В двугорлой склянке (при действии соляной кислоты на мел или мрамор) получается углекислый газ: сначала он направляется в соседний цилиндр, где, с целью осушения, промывается через серную кислоту, а затем идет в сухую трубку с шариком, в который кладется или кусочек металла калия, или порошок металла магния; трубка с шариком заканчивается трубочкой, согнутой под прямым углом и опущенной в стаканчик с ртутью; последняя препятствует вхождению в прибор наружного воздуха. Тот же воздух, который

[1] Подогревание можно начинать лишь тогда, когда из прибора вытеснен весь воздух, иначе может произойти взрыв (см. «Водород», § 59).

имеется в приборе, предварительно вытесняется продолжительным пропусканием через прибор углекислого газа. Затем шарик с калием или магнием нагревается: происходит энергичное сгорание металла на счет кислорода, находившегося в углекислом газе, и образуется таким образом белое кислородное соединение того или другого металла. Но здесь же окажется еще уголь, видимый простым глазом: последний входил также в состав углекислого газа.

Таким образом углекислый газ разлагается на уголь и кислород.

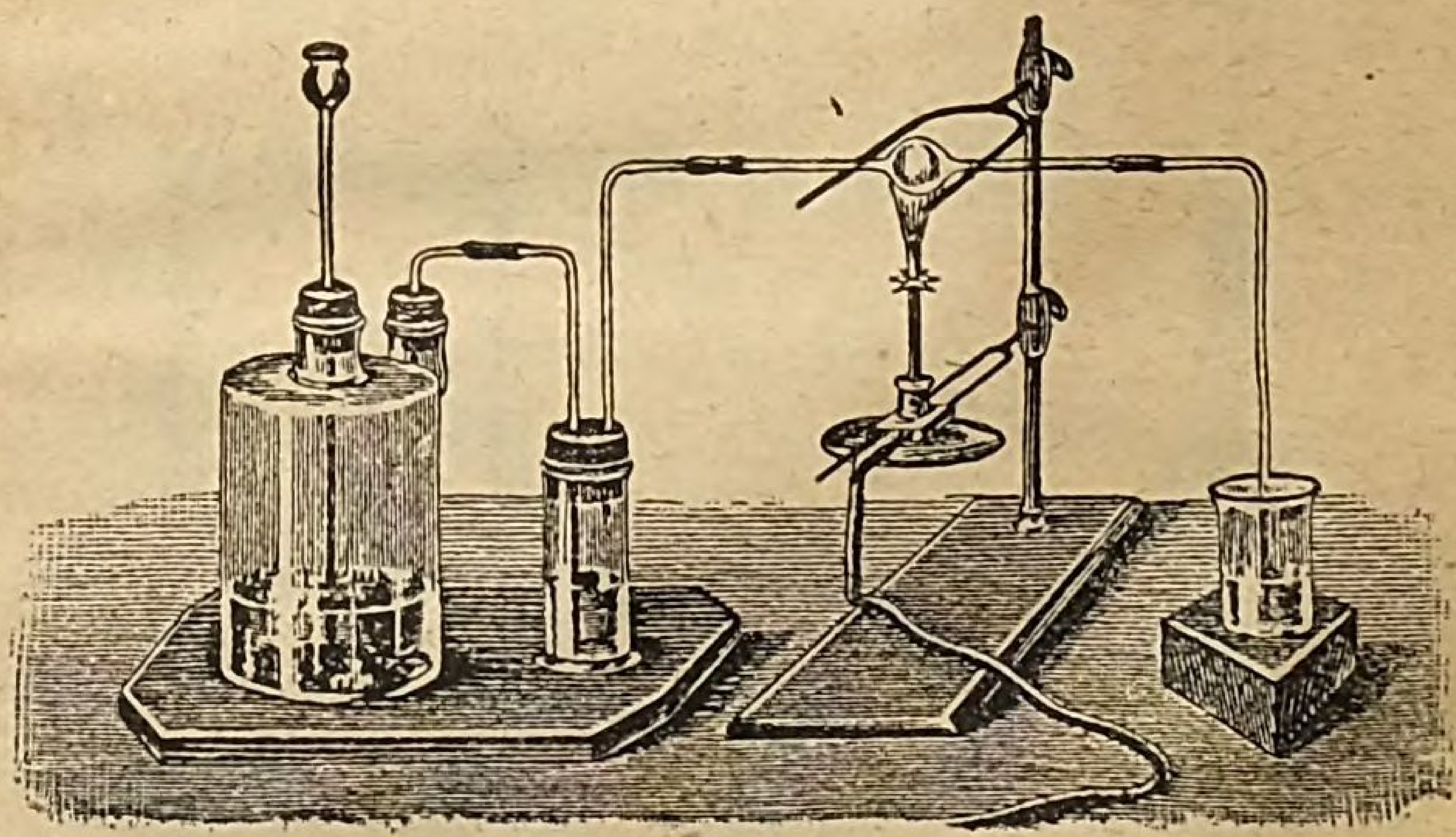

Рис. 5. Разложение углекислого газа.

Полученные при разложении малахита медь, кислород, водород и уголь при современных химических методах уже не могут быть разложены на разнородные составные части. Такие вещества, которые не удалось до сих пор химически разложить на разнородные составные части, называют простыми[1], а вещества, разлагаемые на разнородные составные части, — сложными.

Какое бы сложное вещество ни подвергалось разложению, в конце концов всегда получатся подобные неразложимые простые вещества; их современная наука не умеет и составить из

[1] Следовательно, в научном понятии «простое вещество» имеется в виду не абсолютная неразложимость вещества, а лишь неразложимость для данного времени, при имеющихся в настоящее время методах разложения. В истории химии имеется немало примеров, когда вещества, считавшиеся первоначально простыми, впоследствии оказывались сложными: при усовершенствовании методов они были разложены на простейшие составные части.

чего-нибудь. Таких простых веществ, считая и радиоактивные, насчитывается в настоящее время около 140[1].

Следовательно, под именем материи в природе разумеются два ряда веществ: простые и сложные.

§ 5. Перечень простых веществ. Вот перечень наиболее хорошо известных простых веществ.

Азот N	14,008	Криптон Kr	82,90
Актиний Ac	(227,0)	Ксенон Xe	130,2
Альдебараний Ad	173,0	Лантан La	138,9
Алюминий Al	26,97	Литий Li	6,94
Аргон Ar	39,94	Лютеций Lu	175,0
Барий Ba	137,36	Магний Mg	24,32
Бериллий (Глиций) Be	9,02	Марганец Mn	54,93
Бор B	10,82	Медь Cu	63,57
Бром Br	79,916	Молибден Mo	96,0
Ванадий V	50,95	Мышьяк As	74,96
Висмут Bi	209,0	Натрий Na	22,997
Водород H	*1,0078*	Неодимий Nd	144,27
Вольфрам W	184,0	Неон Ne	20,18
Гадолиний Gd	157,3	Никкель Ni	58,69
Галлий Ga	69,72	Ниобий Nb	93,5
Гафний Hf	178,6	Олово Sn	118,7
Гелий He	4,002	Осмий Os	190,9
Германий Ge	72,60	Палладий Pd	106,7
Гольмий Ho	163,5	Платина Pt	195,23
Диспрозий Dy	162,46	Полоний Po	210,0
Железо Fe	55,84	Празеодимий Pr	140,92
Золото Au	197,2	Протактиний Pa	(230,0)
Индий In	114,8	Радий Ra	225,97
Иод J	126,93	Радон (Нитон) Rd	222,0
Иридий Ir	193,1	Родий Rh	102,9
Иттербий Yb	173,5	Ртуть Hg	200,61
Иттрий Y	88,93	Рубидий Rb	85,45
Кадмий Cd	112,41	Рутений Ru	101,7
Калий K	39,10	Самарий Sa	150,43
Кальций Ca	40,07	Свинец Pb	207,21
Кассиоций Cp	175,00	Селен Se	79,2
Кислород O	16,00	Серебро Ag	107,88
Кобальт Co	58,94	Сера S	32,06
Кремний Si	28,06	Скандий Sc	45,10

[1] Сюда же должны быть включены и «изотопы», т. е. элементы, одинаковые по свойствам и занимающие в периодической системе одно и то же место, но имеющие различные атомные веса. Более подробное объяснение изотопии будет дано в дальнейшем изложении (см. главу «Периодический закон», § 57).

Стронций Sr	87,63	Фосфор P	31,02
Сурьма Sb	121,76	Фтор F	19,0
Таллий Tl	204,39	Хлор Cl	35,457
Тантал Ta	181,5	Хром Cr	52,01
Теллур Te	127,5	Цезий Cs	132,81
Тербий Tb	159,2	Церий Ce	140,13
Титан Ti	47,90	Цинк Zn	65,38
Торий Th	232,12	Цирконий Zr	91,22
Тулий Tu	169,4	Европий Eu	152,0
Углерод C	12,00	Эрбий Er	167,64[1]
Уран U	238,14		

Надо заметить, что далеко не все они одинаково часто встречаются[2].

1. Распространеннейшие в природе простые вещества суть: водород, углерод, азот, кислород, натрий, магний, алюминий, кремний, фосфор, сера, хлор, кальций и железо.

[1] В этом перечне не упомянуты некоторые простые вещества, так как они еще мало исследованы; список «радиоактивных» веществ см. далее; числа означают паи (см. § 18).

[2] Вот приблизительное процентное содержание в исследованной части земного шара некоторых, наиболее часто встречающихся простых веществ:

	В земной коре (в %)	В океане (в %)	В атмосфере (в %)	Среднее (в %)
Кислород	47,29	85,79	23,00	49,98 — O
Кремний	27,21	—	—	25,80 — Si
Алюминий	7,81	—	—	7,26 — Al
Железо	5,46	—	—	5,08 — Fe
Кальций	3,77	0,05	—	3,51 — Ca
Магний	2,68	1,14	—	2,50 — Mg
Натрий	2,36	0,14	—	2,28 — Na
Калий	2,40	0,04	—	2,23 — K
Водород	0,21	10,67	—	0,34 — H
Титан	0,33	—	—	0,30 — Ti
Углерод	0,22	0,002	—	0,21 — C
Хлор	0,01	2,07	—	0,15 — Cl, Br
Бром	—	0,008	—	
Фосфор	0,10	—	—	0,09 — P
Марганец	0,08	—	—	0,07 — Mn
Сера	0,03	0,09	—	0,04 — S
Барий	0,03	—	—	0,03 — Br
Азот	—	—	77,00	0,02 — N
Хром	0,01	—	—	0,01 — Cr
	100,00	100,00	100,00	100,00

2. В природе не очень распространены, но хорошо известны по применению в общежитии или в технике: литий, бор, фтор, хром, марганец, кобальт, никкель, медь, цинк, мышьяк, бром, стронций, серебро, кадмий, олово, сурьма, иод, барий, платина, золото, ртуть, свинец, висмут и уран.

Приведем несколько примеров состава известнейших веществ природы:

a) в состав тканей растительных и животных организмов преимущественно входят: углерод, кислород, водород, азот, сера, фосфор, кальций и железо;

b) вода состоит из водорода и кислорода;

c) глина — из алюминия, кремния и кислорода;

d) песок — из кремния и кислорода;

e) поваренная соль — из натрия и хлора;

f) сахар — из углерода, водорода и кислорода и т. д.

§ 6. Элементы. От понятия о простых веществах надо отличать понятие об элементах[1]. Это отличие понятнее будет на примере. Всем известны уголь, графит и алмаз: они суть простые вещества, отличающиеся друг от друга по свойствам и могущие быть превращенными одно в другое без всякого изменения в весе; во всех этих трех веществах находится один и тот же элементарный материал, или, как говорят, один и тот же элемент, — углерод; этот элемент находится и в том углекислом газе, который получается при горении угля на воздухе и который выделяется при нагревании малахита (см. стр. 32), и во всех углеродистых (органических) веществах. Сами простые вещества являются, следовательно, образованными из того или иного элемента. Элементы и суть основные виды материи: их сложением составлена вся видимая природа. Простое вещество содержит всегда один элемент, а сложное — не менее двух элементов[2].

Понятия о химических элементах и о простых и сложных веществах лежат в основе химических знаний. Элементы соста-

[1] Самое слово «элемент» произведено от букв *l*, *m* и *n*: как из букв через их сложение составляются слова, так и из элементов, путем их соединения, составляются сложные вещества.

[2] Понятие об «элементах и простых веществах» станет яснее после ознакомления с частицами и атомами: понятие «элементы» сливается с понятием атом (точнее — ион), а понятие «простое вещество» — с понятием частица.

вляют конечный продукт химического анализа, остающийся неизменным при всех химических воздействиях, а следовательно, они представляют крайний предел наших химических познаний о составе вещества.

До последнего времени самыми главными признаками «элемента» считались два: непревращаемость в другой элемент и неразлагаемость на разнородные составные части. Теперь исследования в области радиоактивных веществ (о них см. дальше) показали возможность перехода одних элементов в другие, а исследования Ретзерфорда и др. показали возможность разложения, по крайней мере, некоторых веществ, считавшихся элементарными, на разнородные составные части, напр. из азота при разложении получен водород. Правда, метод разложения не обычный химический; для разложения пользуются энергией α-частиц радиоактивных веществ: α-частицы, ударяясь в ядро атома, могут его разбивать на составные части. При обычных же химических превращениях элементы остаются и по сие время индивидуумами, т. е. неразлагаемыми, неделимыми. Следовательно, обычное определение элемента может быть сохранено и в настоящее время, но условно, с указанными оговорками. Одно из новейших определений элемента, данное А. Стюартом, таково: «Элемент есть род материи, имеющий: a) определенный атомный вес; b) определенный спектр; c) определенную валентность, т. е. известный электрический заряд; d) определенные химические свойства; e) неразлагающийся на что-либо простое при химических реакциях и иногда f) обладающий определенными радиоактивными свойствами».

В. Панет дает следующее определение: «Элемент есть вещество, все атомы которого имеют одинаковый электрический заряд».

Наконец Химическая комиссия по атомным весам, образованная при Немецком химическом обществе, остановилась на следующем определении элемента: «Элемент — вещество, химически неразлагаемое, обладающее определенным атомным числом». О том, что такое «атомное число», будет сказано в главе «Периодический закон».

Итак, разнообразие состава веществ природы зависит от разнообразия комбинаций между элементами. В настоящее время

известно свыше 325 000 различных основных (не считая производных от них) химических соединений: из них около 300 000 содержат в своем составе углерод, а безуглеродных соединений — около 25 000. Ясно теперь, что на вопрос (см. § 4), конечны или бесконечны превращения материи, следует ответить, что химические превращения для нашего времени конечны: они имеют предел, каковым и являются элементы.

§ 7. Закон сохранения вещества. Еще в конце XVIII в. (в 1770 г.) французский химик Лавуазье (Lavoisier) ввел в химический обиход основной закон, касающийся характера превращения материи, — закон, известный под именем закона сохранения вещества (или материи), или точнее — закон сохранения веса (массы) при химических превращениях.

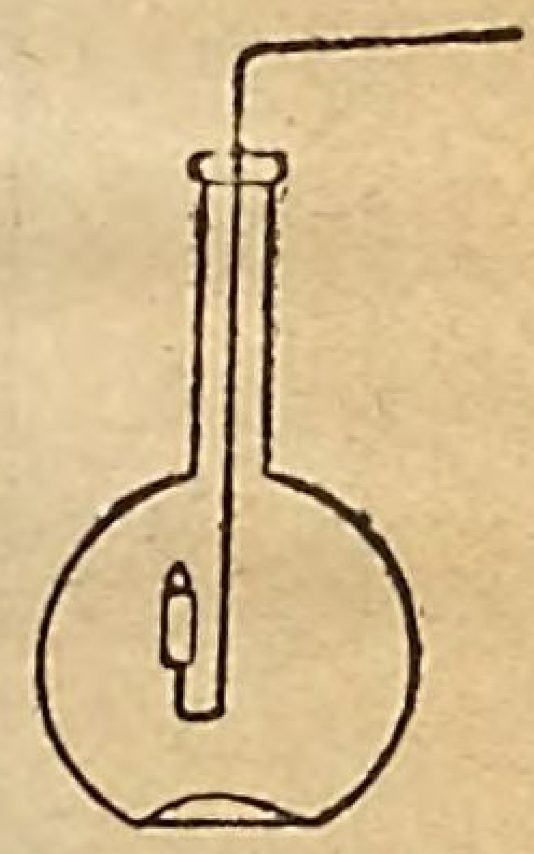

Рис. 6. Горение свечи в колбе.

Закон этот гласит, что материя во время реакции не исчезает и не творится, а лишь только видоизменяется, всегда оставаясь материей; или то же самое можно сказать в следующих словах: при химических превращениях вес веществ, вступающих в реакцию, всегда равен весу веществ, получающихся в результате реакции, или, что то же, общий вес участвующих веществ не изменяется, а следовательно общая масса [1] их сохраняется [2].

Этому закону, с первого взгляда, как будто противоречит ежедневный опыт: дрова в печи сгорают с очень малым остатком золы; уголь, керосин и свеча сгорают почти без остатка. Но это противоречие лишь кажущееся. Вот опыты, показывающие, что при горении вещество горящих тел не уничтожается, а лишь химически (по составу) изменяется.

В большую совершенно сухую колбу (рис. 6) на проволоке опускается горящая свеча. Она немного погорит и в колбе, но

[1] Масса вещества пропорциональна весу.

[2] Следующая более общая формулировка учитывает всякие перемещения материи: «Каждый раз, когда масса данного вещества изменяется (увеличивается или уменьшается), то масса одного или нескольких окружающих веществ претерпевает одновременное изменение, равное по величине, но противного знака (уменьшается или увеличивается)».

скоро погаснет; при этом на стенках колбы легко можно заметить появившуюся во время горения росу: это сгустившийся водяной пар — продукт горения. Если вынуть из колбы свечу, влить туда известковой воды и хорошенько взболтать, то вода сильно помутнеет. Это помутнение происходит от действия на известковую воду углекислого газа. Итак, опыт указывает, что свеча при горении не исчезает бесследно, а образует воду и углекислый газ.

Доказательство будет еще яснее, если опыт поставить так, чтобы свеча горела на весах и чтобы водяной пар и углекислый

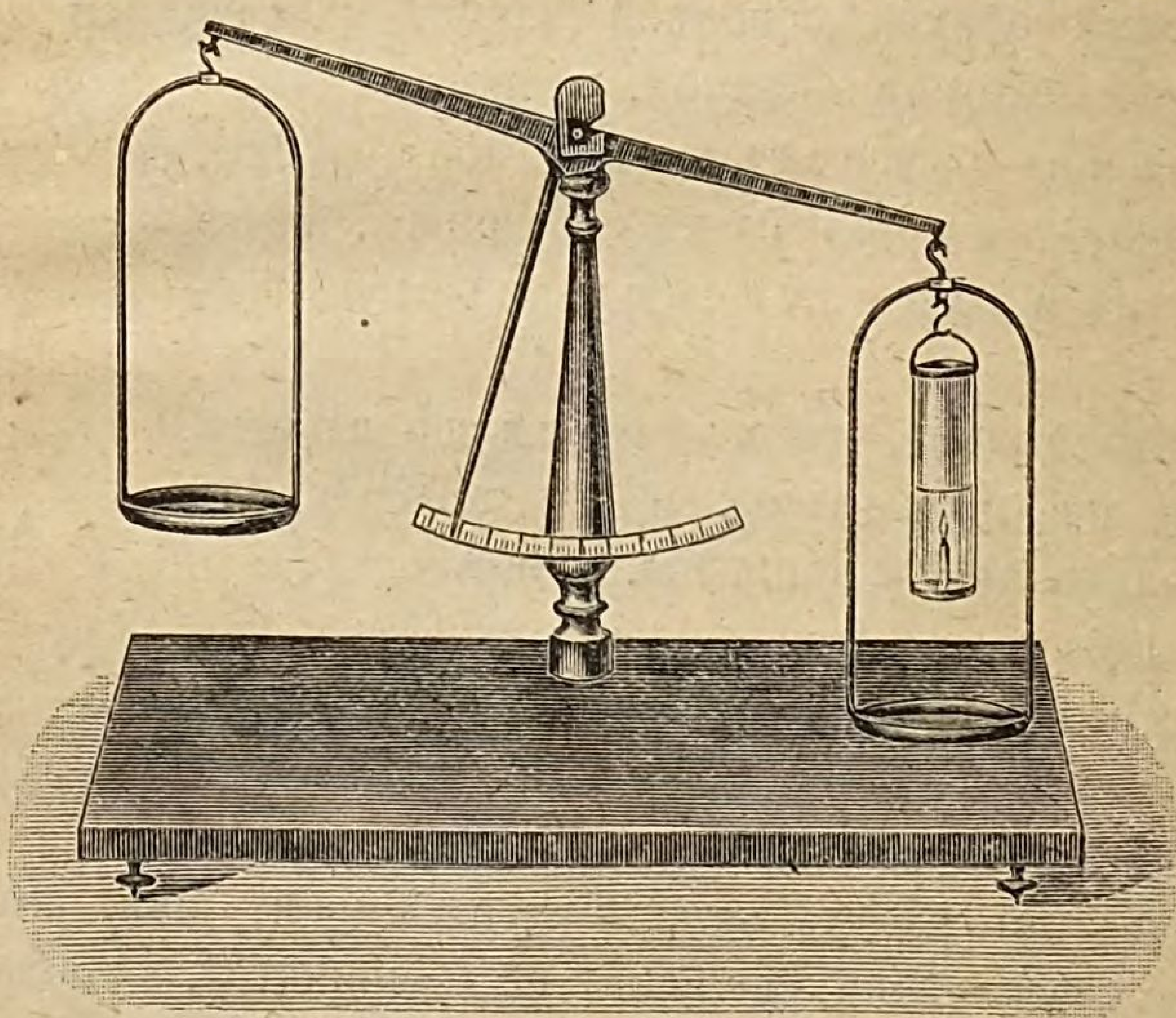

Рис. 7. Горение свечи на весах.

газ улавливались. Для этого стоит взять обыкновенное ламповое стекло и привесить его к коромыслу весов; в верхнюю часть стекла положить едкое кали и хлористый кальций [1], засунув предварительно в стекло медную сетку; в нижнее отверстие следует вставить на продырявленной пробке свечу, как показано на рис. 7. Весы уравновешивают и свечу зажигают. При горении от нагревания в стекле образуется снизу вверх тяга; благодаря этой тяге образовавшиеся водяной пар и углекислый газ пройдут чрез едкое кали и хлористый кальций и в них поглотятся. Весы при горении постепенно выйдут из положения равновесия: чашка весов, на

[1] Едкое кали способно поглощать углекислый газ, а хлористый кальций — воду.

которой горит свеча, начнет перетягивать, несмотря на сгорание свечи и видимое уничтожение материала. Очевидно, при горении и при видимом якобы исчезновении материи, последняя не только не исчезает, но даже еще увеличивается в весе: уловленные в ламповом стекле вода и углекислый газ оказались более тяжелыми, чем давшая их материя свечи.

Чтобы решить вопрос, откуда же взялся привес, надо ближе присмотреться к двум последним опытам. В первом из них (рис. 6) свеча, горевшая в з а м к н у т о м пространстве, скоро гасла, а во втором (рис. 7) свеча горела в о т к р ы т о м стекле (пробка была продырявлена) и не гасла; если здесь также закрыть стекло, то свеча быстро погаснет, как и в первом случае. Вывод отсюда один: во втором опыте воздух свободно притекал к горящей свече, а в первом приток его был затруднен. Действительно, здесь и кроется причина различия опытов. Доказать, что воздух действительно виноват в полученном привесе, можно на следующем опыте (рис. 8).

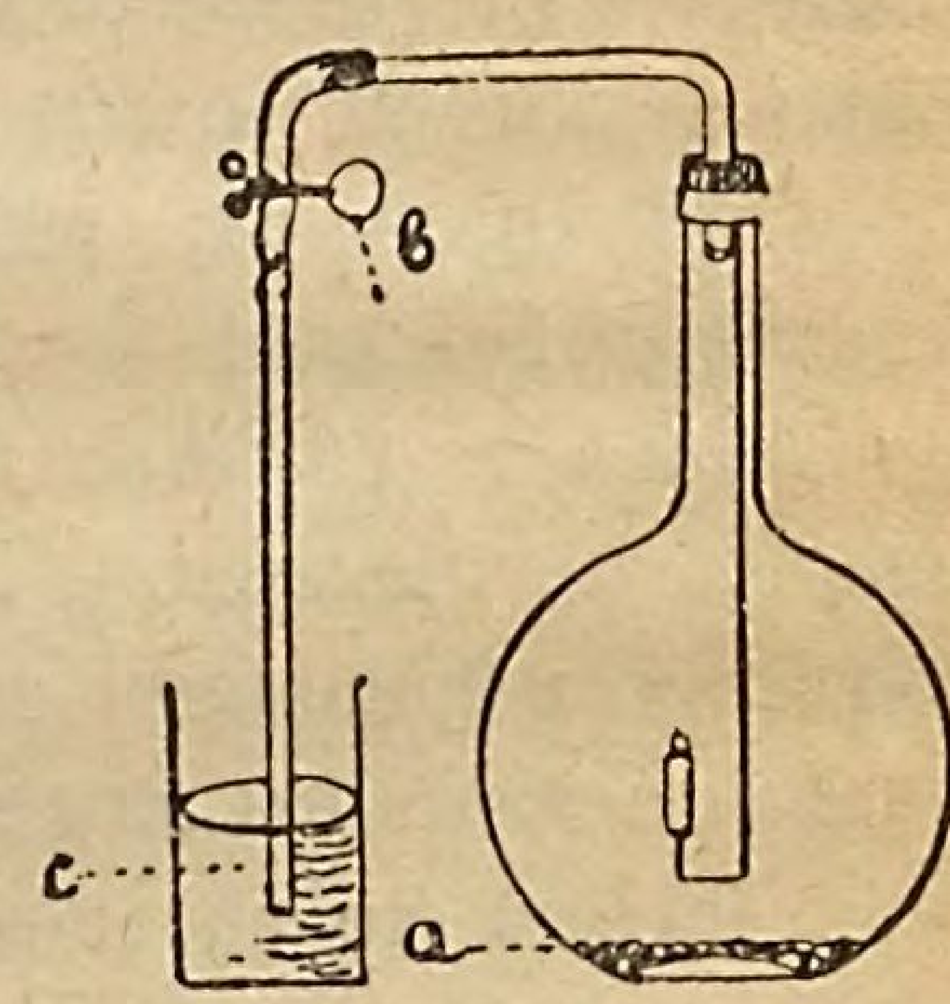

Рис. 8. Горение свечи в закрытой пробкой с трубкой колбе. *a* — кусочки едкого кали и хлористого кальция; *b* — пружинный зажим; *c* — подкрашенная вода.

Пусть свеча будет гореть в замкнутой колбе, в которую положены предварительно поглотители: углекислого газа — едкое кали, воды — хлористый кальций[1]; колба затыкается пробкою с проходящими через нее проволокой, на конец которой прикреплена горящая свеча, и согнутой под углом трубкой; на трубку надевается каучуковая трубочка с зажимом, а в каучуковую трубочку вставляется еще трубка, которая и опускается в стакан с подкрашенной водой. Зажженная свеча, как это было и раньше, некоторое время горит, а затем гаснет. Причина этого не может заключаться ни в углекислом газе, выделившемся при горении, потому что он поглощается едким кали, ни в воде, которая поглощена хлористым кальцием. Остается обратиться к воздуху, как к участнику в опыте, и узнать, цел ли он. С этой целью, по охлаждении колбы, следует открыть зажим

[1] Практически очень удобно брать так называемую натронную известь

на каучуковой трубке: жидкость из стакана сейчас же поднимается по трубке и входит в колбу. Отсюда естественное заключение: из воздуха колбы что-то исчезло. В оставшемся воздухе уже ничто не горит, — он не способен поддержать горение. Следовательно, в воздухе есть такая составная часть, которая может поддержать горение, и во время горения она соединяется с горящим телом, входя в состав продуктов горения — воды и углекислого газа — и делая их более тяжелыми, чем сгоревший материал.

Эта же составная часть воздуха, называемая **кислородом**, может быть выделена обратно из углекислого газа и воды при их разложении (см. опыты разложения воды и малахита, 28 и 32 стр.).

Итак, причина, увеличивающая вес продуктов горения, — кислород воздуха.

При всех случаях видимого исчезновения материи при химических превращениях обыкновенно, как и в случае горения, вместе с изменением состава происходит и переход веществ из видимых жидкого или твердого состояний в невидимое, газообразное. Общий же вес веществ, участвовавших в превращении до и после него, всегда остается неизменным.

Следующий простенький опыт также подтвердит сказанное. Поставим на одну чашку весов два стаканчика, из которых в одном находится купоросное масло, а в другом растворенный в воде свинцовый сахар. Уравновесив гирьками чашки весов, выльем содержимое одного стаканчика в другой и пустой стаканчик опять поставим на чашку весов: результатом смешения жидкостей будет образование белого твердого вещества, т. е. изменение состава веществ, а между тем равновесие чашек весов останется неизменным, т. е. таким же, каким оно было и до происшедшего химического превращения.

Это-то правило, подтвержденное и подтверждаемое тысячами наблюдений, и обобщено в приведенный **закон сохранения вещества**, называемый также **законом вечности материи**. Этот закон можно распространить на всю природу и формулировать его так: **количество материи в природе неизменно, всегда одно и то же — было и есть**. Конечно, последнее утверждение является уже гипотетичным, так как во всем объеме не может быть проверено на опыте.

Как ни прост закон неуничтожаемости материи, но на утверждение[1] его в науке потребовалось немало столетий. Теперь этот закон лежит в основе понимания всего, совершающегося с материей[2]. Мало того, этот закон дает в руки исследователя и верный контроль правильности исследований: исследователь всегда должен помнить, что вес взятых веществ точно должен быть равен весу полученных веществ; раз такого равенства нет, самое исследование или неполно, или неправильно.

Сам Лавуазье выразил закон сохранения вещества в следующих словах: «Мы можем признать за аксиому, что при всех превращениях, как искусственных, так и природных, ничто не создается вновь: одно и то же количество материи существует до опыта и после него. На этом принципе покоится возможность каких бы то ни было химических опытов, и мы принуждены, благодаря ему, всегда ожидать настоящего тожества, или равенства между сущностями тел изучаемых и тех, которые могут быть извлечены их анализом». Заметим, что этот закон был руководящим для многих исследователей и за много столетий раньше Лавуазье. Между прочим, и наш русский ученый М. В. Ломоносов этот же закон формулировал раньше Лавуазье вполне точно. В 1760 г. в своем «Рассуждении о твердости и жидкости тел» Ломоносов выразил эту мысль в следующих словах: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому. Так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте». Что же касается точности этого закона, то необходимо помнить, что она ограничивается точностью существующих весов; а последняя доведена до 0,000002 миллиграмма[3].

[1] По вопросу «О законе сохранения веса (массы) при химических реакциях» см. доклад проф. П. И. Вальдена в Ж. Р. ф.-х. о., т. XLIV.

[2] М. В. Ломоносов еще в 1743 г. первый понял, что на законе сохранения веса зиждется все химическое здание: он первый проверил его и экспериментально при изучении обжигания металлов в запаянных трубках; в этих опытах он доказал, что при превращениях металлов в окалину (в окислы) вес взятого металла и вес взятого воздуха в сумме остаются неизменными.

[3] В настоящее время, когда сама материя уже начинает мыслиться как форма энергии, закон сохранения материи рассматривается как частичное выражение закона сохранения энергии. «Принцип относительности»

§ 8. Краткий очерк истории химии. Начало химии теряется в глубокой древности. Зачатки химических наблюдений и открытий находятся уже у одного из древнейших культурных народов — у египтян. Они сначала извлекали из земли только самородные металлы; затем научились обрабатывать руды, выделять из них металлы, делать сплавы и выучились даже окрашивать стекла и придавать им через окраску вид драгоценных камней. Но опыты эти были, повидимому, случайны и вызваны были большею частью коммерческими целями.

Первые попытки сгруппировать факты и осветить их пониманием причинной связи находятся у греков. Греки настойчиво старались разрешить самые основные вопросы: что такое видимый мир, откуда он произошел и из чего состоят все вещества в природе.

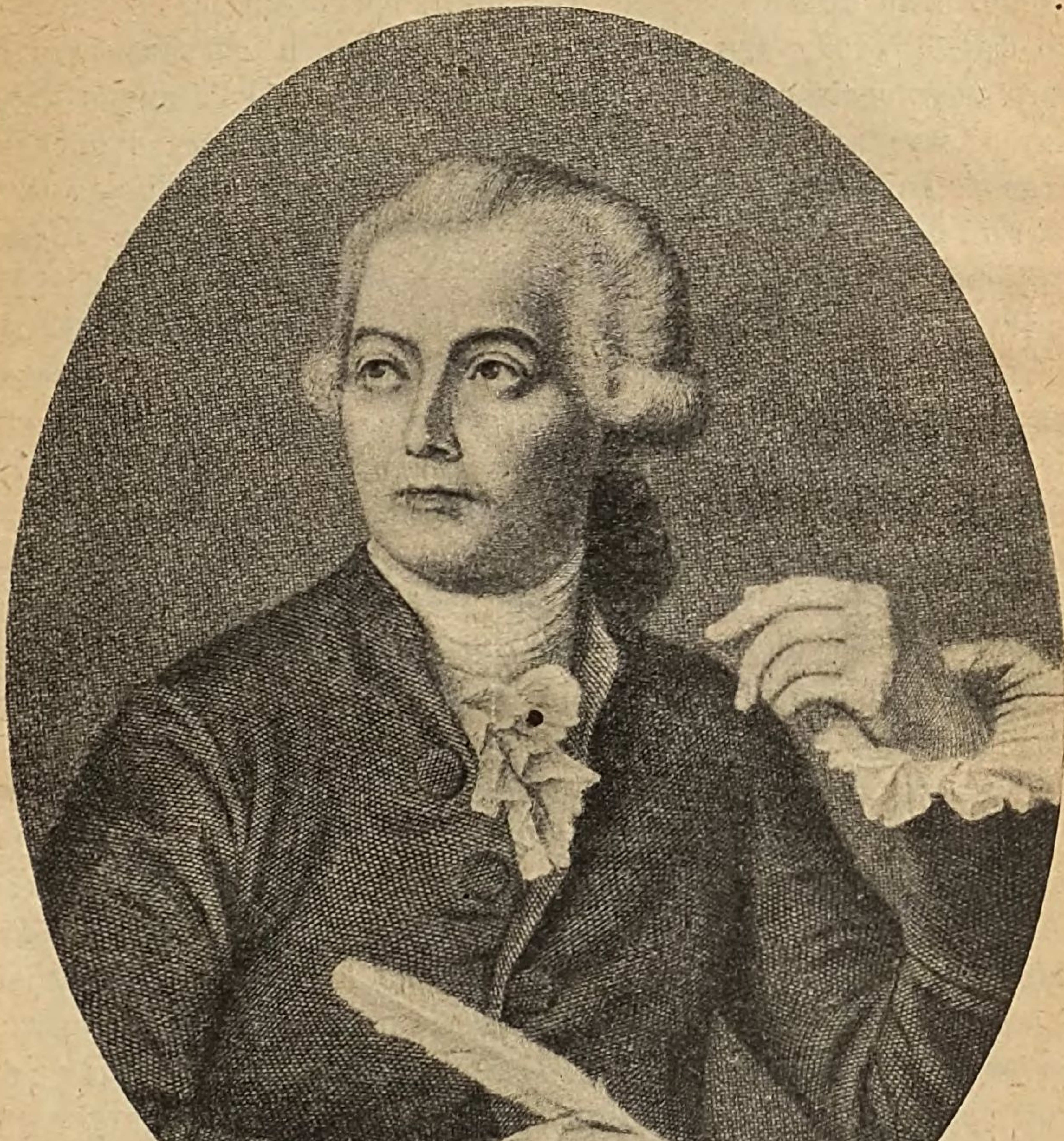
Первые греческие философы учили, что начало, или основа вещей, едино, что мир полон видоизменениями одной и той же основы, или субстанции. Так, Фалес учил, что все сущее произошло из воды: если вода сгустится, она делается землею, а если испарится, то становится воздухом. В VI веке учение Фалеса сменяется учением сначала Анаксимандра, по которому все происходит из хаотического «беспредельного», а потом — Анаксимена, реализовавшего это «беспредельное» как «воздух»: из воздуха путем сгущения и разрежения его все происходит.

Гераклит признавал, что начало всему огонь; по Гераклиту «все течет» и ничто не пребывает; абсолютное начало природы есть вечно живой огонь, то угасающий в другие косные стихии, то вновь пожирающий их в себе, переходящий от себя к своей противоположности и от своей противоположности возвращающийся к себе. В этой борьбе — внутреннее согласие, в этом вечном движении и жизни — слово, «Логос мировой тайны, вечный закон Космоса». Здесь впервые отмечена энергия.

Идут конец V века и начало IV века, и мы видим еще более оригинальное течение, представителями которого являются

(Эйнштейн) приводит к тому, что масса вещества зависит от скорости его движения. При небольших скоростях движения, с которыми обычно приходится иметь дело, эти изменения незаметны; но если скорость будет приближаться к скорости света, то масса вещества сильно возрастает.

Левкипп и его товарищ Демокрит — первые провозвестники чистого материализма; по учению их, в основе всего сущего лежат две сущности: атомы, бесконечно малые, без-

Лавуазье (Antoine Laurent Lavoisier).
1743—1794.

условно плотные и твердые, бесцветные и неделимые, и пустота. Основные пункты их учения таковы: 1) Из ничего ничто произойти не может; ничто существующее не может быть

уничтожено, и всякое изменение состоит лишь в соединении и разделении. 2) Ничто не случайно: на все есть причина и необходимость. 3) Кроме атомов, все остальное есть только суждение, а не существование. 4) Атомы, бесконечные по числу и по форме, своим движением, столкновением и возникающим от того круговращением образуют видимый мир. 5) Различие предметов зависит только от различия числа, формы и порядка атомов, из которых они образованы, но не от качественного различия атомов, действующих друг на друга только давлением и ударами. 6) Дух, как и огонь, состоит из мелких, круглых, гладких, наиболее легко подвижных и легко всюду проникающих атомов, движение которых составляет явление жизни. Интересное, оригинальное учение, но недостаточно ясное. Здесь материя и энергия все еще слились в одно, до разделения их ждать еще долго — до XVII века. Атомы Демокрита были мысленною и абсолютною гранью механической делимости вещества[1], что, заметим здесь же, совершенно отлично от современного представления об атомах.

У последующих философов видно стремление поставить в основу существующего несколько начал.

Так, по Эмпедоклу, происхождение и уничтожение вещей происходят путем сложения и разложения вечных, качественно неизменных элементов, а именно — воздуха, воды, земли и огня: они сначала были соединены любовью в блаженном единстве божественной сферы, а затем раздроблены роковой враждой. В мировом процессе они вновь соединяются любовью. Чрезвычайно интересны следующие положения Эмпедокла: «Из ничего не возникает ничего; ничего из того, что существует, не может быть уничтожено. Всякая перемена в природе не что иное, как соединение и разделение частей. Сущность природы заключается в вечном круговороте».

Впоследствии, мы увидим, эти положения будут основными в деле миропонимания.

Особенным вниманием пользовалось учение Аристотеля (в IV в. до начала нашей эры, 384—322 гг.), который учил, что все видимое состоит из четырех начал или элементов: воз-

[1] Популярное изложение этого учения дал Тит Лукреций Кар в своем «De rerum natura». Русский перевод этого сочинения под заглавием «О природе вещей» сделан И. Рачинским.

духа, воды, земли и огня; последние находятся в зависимости от пятого (quinta essentia) — эфира, наполняющего и оживляющего природу. Следует заметить, что в своих элементах Аристотель (а равно и вышеупомянутые философы) скорее видел носителей важнейших, легко узнаваемых свойств веществ природы, чем действительных слагаемых их; в качестве таких свойств Аристотель и выбрал: сухость и влажность, холод и тепло; разнообразие веществ в природе, по Аристотелю, зависит от различных степеней развития этих свойств. Так, из соединения влажности и теплоты возникает воздух, из сухости и теплоты — огонь, из холода и сухости — земля, из холода и влажности — вода.

Учение Аристотеля с течением времени перестало удовлетворять мыслителей главным образом в силу его метафизического характера. На место основных Аристотелевских элементов были постепенно поставлены другие, более реальные, а именно: ртуть, в которой видели начало металлических свойств, сера, олицетворявшая способность гореть, вода, обозначавшая растворимость веществ, соль — способность вызывать вкусовое ощущение, и, наконец, земля, как элемент, обозначавший устойчивость веществ по отношению к действию воды и огня. По тогдашнему учению, материя сама по себе представлялась индифферентной, а указанные элементы-свойства можно или придавать ей, или отнимать от нее.

Все средние века и проходят в попытках доказать эту мысль опытным путем. Этот период в химии называется алхимическим. Алхимики затратили неимоверные усилия на выделение упомянутой основной индифферентной материи и на изобретение способов превращать одни вещества в другие путем придания или отнятия основных свойств элементов. Особенно много труда было затрачено на стремление превратить дешевые металлы в драгоценное золото. То, чем можно бы было производить эти превращения, носило наименования: философский камень, красный лев, великий элексир, магистериум, жизненный элексир и др. Это средство должно было и излечивать болезни, и возвращать организму молодость, и делать жизнь более продолжительной. Но попытки найти такое средство не увенчались желанным успехом. Правда, они и не пропали. В указанных

поисках химики того времени (алхимики) постепенно накопили тот фактический материал, из которого выросла современная химия.

В XVII веке лучшие умы, наконец, пришли к убеждению, что еще рано рассуждать о причинах всех причин, рано говорить об единой индифферентной материи, а надо прежде изучить ближайшие причины, ближайшие составные части — элементы, на которые можно разделить сложное вещество [Бойль (Boyle), 1617—1691]. На место прежних элементов, являвшихся носителями известных свойств, Роберт Бойль впервые поставил элементы как составные материальные части веществ природы, которые уже нельзя было разложить на разнородные составные части.

Но прошло еще целое столетие, целый так называемый флогистический период, прежде чем народилась современная химия. Флогистический период назван так от теории флогистона, характеризующей его. Бехер (Becher) и Сталь (Stahl), предложившие эту теорию, утверждали, что все вещества, которые могут гореть, состоят из особенного огневого вещества — флогистона, которое одинаково у всех горючих тел, и из другого элемента, имеющего особые свойства для каждого вещества. Когда вещество (напр. металл) горит, оно теряет свой флогистон и потому переходит в негорючее землистое вещество. Веществу негорючему можно вновь придать флогистон, например накаливая его с очень богатым флогистоном углем: уголь при горении выделяет свой флогистон и отдает его землистому веществу, которое переходит в металл[1]. Признанию этой теории не помешал и тот, давно, еще с VIII века, известный факт, что при горении вещества увеличиваются в весе, а не уменьшаются, как можно было бы ожидать ввиду происходящей при горении потери флогистона. Однако здесь усматривали не противоречие, а, наоборот, поддержку данной теории. Флогистон легче воздуха, по словам Сталя, и потому, соединяясь с веществом, уменьшает его вес; следовательно, вещество, потерявшее флогистон, должно быть тяжелее. В этой теории еще отсутствует разделение понятий о «материи» и об «энергии».

[1] Здесь разумелись реакции восстановления, т. е. отнятие углем кислорода из окислов металлов.

1/4 Ж И

Buchbi
R. Waw

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Tračevskij, Aleksandr Semenovič

Russkaja istorija

Bd.: 2

1895

Russ. 272 r-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888122-8